Т 2
13
т. 7

У 2.
13.

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ седьмой.

СОЧИНЕНІЯ
ЮРІЯ ѲЕДОРОВИЧА
САМАРИНА.

Томъ седьмой.

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ седьмой.

Письма изъ Риги и Исторія Риги.

ИЗДАНІЕ Д. САМАРИНА.

Москва.
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА И К°.
Леонтьевскій переулокъ, № 5.
1889.

2007041057

Оглавленіе седьмого тома.

Стр.

Предисловіе . . . . . I—CXXXV

Письма изъ Риги.

Письмо 1-ое. Историческое развитіе государственнаго начала въ остзейскомъ краѣ 3

Письмо 2-ое. Историческое развитіе противодѣйствія сословій государственному началу. 20

Письмо 3-е. Современное отношеніе остзейскаго края къ Россіи и къ правительству. 32

Письмо 4-ое. Положеніе Русскихъ въ остзейскомъ краѣ. . 58

Письмо 5-ое. Вѣрность, законность и обязательность привилегій въ остзейскомъ краѣ 106

Письмо 6-ое. Распространеніе православія въ остзейскомъ краѣ. 134

Письмо 7-ое. Общее заключеніе. 159

Исторія Риги.

Отдѣлъ первый. Историческое обозрѣніе отношеній города Риги къ представителямъ верховной власти. 1200—1796. 163

Періодъ I, отъ основанія Риги до подчиненія ея Польшѣ. 1200—1581 г. 165

Періодъ II, отъ подчиненія Риги Польшѣ до подчиненія ея Швеціи. 1581—1621 217

Періодъ III, отъ подчиненія Риги Швеціи до подчиненія ея Россіи. 1621—1710 г. 239

Стр.

Періодъ IV, отъ подчиненія Риги Россіи до возстановленія въ ней древняго муниципальнаго устройства. 1710—1796 г. 252

Отдѣлъ второй. Опытъ исторіи городскихъ сословій въ Ригѣ. 1200—1845 г. 269

Періодъ I, отъ основанія Риги до подчиненія ея Польшѣ. 1200—1582 г. 273

Междуусобіе, извѣстное подъ названіемъ смутъ по поводу изданія новаго календаря. 1585—1604 г. 370

Періодъ II. Время польскаго и шведскаго владычества. 1582—1710 г. 396

Періодъ III. Время русскаго владычества. 1710–1845 г. 463

Отъ сдачи г. Риги до введенія Городового Положенія. 1710—1784 г. 463

Введеніе Городового Положенія. 1784—1796 483

Отъ отмѣны Городового Положенія до изданія Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. 1796—1845 г. . 499

Опись приложеніямъ къ опыту исторіи городскихъ сословій 536

Приложенія къ исторіи Риги 539

1. Предисловіе къ первому тому книги „Общественное устройство г. Риги“. 541

2. Продолженіе исторіи Риги съ 1845 по 1849 г. . . 547

3. Просьбы, поданныя въ 1826 — 1829 годахъ русскими членами рижской городской общины, и объясненія, представленныя по этимъ просьбамъ рижскимъ магистратомъ. 620

Записки по остзейскому вопросу.

1. О значеніи и степени обязательности привилегій въ остзейскомъ краѣ. 637

2. Объ упраздненіи сословнаго значенія рижскаго магистрата и о преобразованіи настоящаго состава рижскаго городского общества. 651

Предисловіе.

Для правильной оцѣнки помѣщенныхъ въ этой книгѣ двухъ трудовъ Ю. Ѳ. Самарина: «Писемъ изъ Риги» и «Исторіи г. Риги», написанныхъ имъ слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, читателю необходимо знать, при какихъ обстоятельствахъ они были написаны и какое значеніе они имѣли въ свое время, сами по себѣ и лично для автора. Съ этою цѣлью мы предпосылаемъ этимъ трудамъ Ю. Ѳ—ча біографическія свѣдѣнія объ немъ, относящіяся къ 1846 — 1849 годамъ, т. е. къ тому времени, когда ему пришлось въ первый разъ заняться Остзейскимъ вопросомъ.

Закончивъ свою магистерскую диссертацію публичною защитою ея въ московскомъ университетѣ 3 іюня 1844 г., Ю. Ѳ., согласно волѣ отца своего, отправился 7 августа на службу въ Петербургъ. Вслѣдствіе давней связи родителей его съ семействомъ Панинныхъ, онъ поступилъ на службу въ министерство юстиціи подъ начальство графа В. Н. Панина: 27 октября онъ былъ причисленъ къ департаменту министерства, а 20 февраля 1845 г. перешелъ въ Сенатъ, въ которомъ и продолжалъ службу почти цѣлый годъ до 9 февраля 1846 г. Сначала онъ исправлялъ должность старшаго помощника секретаря въ канцеляріи перваго депар-

тамента, затѣмъ перемѣщенъ на должность секретаря того же департамента и, наконецъ, на должность секретаря общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ. Эта служба до нельзя утомляла и тяготила его, не только по самому свойству своему и потому, что она не оставляла ему времени для занятій научныхъ, но и потому, что самая жизнь въ Петербургѣ была ему вовсе не по душѣ. «Я рвусь отсюда, но не знаю куда идти, писалъ Ю. Ѳ. въ концѣ 1845 г. А. С. Хомякову; ѣхать отсюда и навсегда я уже рѣшился; крайній срокъ моему пребыванію въ Петербургѣ—весна. Послѣ этого что мнѣ дѣлать? бросить ли службу или ѣхать отсюда въ губернію? Я помышляю о Малороссіи, или о Приволжскомъ краѣ. Прослуживши годъ въ губерніи, я поѣхалъ бы на два года за-границу. Но вотъ что сокрушаетъ меня: сочетать занятія по службѣ съ занятіями учеными нѣтъ возможности—безъ нихъ я жить не могу». Къ счастью обстоятельства вскорѣ сложились такъ, что сами указали Ю. Ѳ—чу, на что онъ долженъ былъ рѣшиться. Уже 1 января 1846 г. онъ писалъ А. С. Хомякову: «Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ вамъ я просилъ совѣта; вашъ отвѣтъ я получилъ наканунѣ того дня, когда окончательно рѣшилась моя участь: я перехожу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и ѣду въ Ригу. Поповъ сказывалъ мнѣ, что онъ писалъ вамъ подробно о томъ, что творится въ Остзейскихъ провинціяхъ. Въ двухъ словахъ: задача заключается въ томъ, чтобы эманципировать низшіе классы или лучше всѣ классы (исключая одного высшаго) отъ исключительнаго господства дворянскаго сословія. Обращеніе Латышей въ православную вѣру, вовсе не вынужденное, а свободное, совершится неминуемо, само собою; остается только отстранять препятствія, воздвигаемыя на каждомъ шагу Нѣмцами-протестантами и особенно Нѣмцами-православными. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ и, по моему убѣжденію, его никто не понимаетъ: ни тѣ, которые содѣйствуютъ ему, ни противная сторона. Другой во-

просъ, также чрезвычайно важный, заключается въ томъ, чтобы вывести народъ изъ рабства, прикрытаго формами законности, и дать ему: 1) неотчуждаемую поземельную собственность, 2) право перехода въ сосѣднія губерніи на условіяхъ, 3) право пріобрѣтенія земель, 4) для Русскихъ: право селиться на условіяхъ въ помѣстьяхъ остзейскихъ помѣщиковъ. Само собою разумѣется, что право пріобрѣтенія земель распространится на всѣ сословія. Вотъ самое важное; кромѣ всего этого предстоитъ преобразовать устройство гильдій, цеховъ, магистрата и вообще торговыхъ и городскихъ законовъ. Вы видите, что дѣла довольно и, что̀ весьма рѣдко, дѣло это такого рода, что можно взяться за него съ полнымъ сочувствіемъ, безъ зазрѣнія совѣсти. Хотѣлось бы мнѣ подробнѣе разсказать вамъ, какъ оно началось, что̀ уже сдѣлано и какими средствами, но на это недостаетъ времени. Скажу вамъ только, что въ послѣднее время оно пріостановилось бы вслѣдствіе нерѣшительности Наслѣдника [1]); многія мѣры снисхожденія къ Нѣмцамъ заставляли предполагать, что они опять возьмутъ верхъ, но пріѣздъ Государя положилъ конецъ колебаніямъ. На докладной запискѣ Перовскаго онъ написалъ своею рукою противъ всѣхъ вопросовъ: руководствоваться прежними разрѣшеніями, безъ всякихъ уступокъ и отступленій; а съ тѣми, которые захотятъ воздвигать препятствія, кто бы они ни были (послѣднія слова имъ подчеркнуты) поступать по всей строгости законовъ. Убѣдившись изъ этого, что дѣлу дается надежный ходъ, я рѣшился принять сдѣланное мнѣ предложеніе ѣхать въ Ригу чиновникомъ, прикомандированнымъ отъ министра къ генералу Головину [2]). Думаю, что вы одобрите мое намѣреніе. Избавляю васъ отъ подробнаго отчета о толкахъ, негодованіяхъ и пр., пробужденныхъ въ

---

[1]) Государь Николай Павловичъ ѣздилъ въ зиму съ 1845 на 1846 г. въ Италію; во время его отсутствія управлялъ Россіею Государь Наслѣдникъ.

[2]) Незадолго передъ тѣмъ генералъ Евгеній Александровичъ Головинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній на мѣсто барона Палена.

здѣшнемъ обществѣ мѣрами правительства: все это и смѣшно и вмѣстѣ досадно до крайности».

Однако, отъѣздъ въ Ригу состоялся не такъ скоро, какъ предполагалъ Ю. Ѳ.; онъ выѣхалъ въ Ригу только 21 іюля 1846 г., а до тѣхъ поръ оставался въ Петербургѣ. Изъ аттестата о службѣ его видно, что онъ 9 февраля былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а 14 февраля, по предписанію министра, былъ назначенъ «для занятій по дѣламъ Высочайше утвержденныхъ въ С.-Петербургѣ двухъ комитетовъ объ устройствѣ быта лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ» [1]).

«Вѣроятно, писалъ Ю. Ѳ. въ февралѣ или мартѣ 1846 г. А. С. Хомякову, до васъ дошло извѣстіе о перечисленіи моемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Я ждалъ немедленнаго назначенія въ Ригу: вмѣсто того министръ назначилъ меня помогать производителю дѣлъ при двухъ комитетахъ, только что учрежденныхъ, для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ. Я этому радъ, ибо успѣю короче ознакомиться съ дѣломъ, отъѣздъ же мой отлагается только на мѣсяцъ или на полтора, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ сказано. Положеніе дѣлъ въ Остзейскихъ губерніяхъ слѣдующее. Православное движеніе, по моему убѣжденію, началось вслѣдствіе свободной потребности: потребность эту потому только нельзя назвать чисто-религіозною, или лучше исключительно-религіозною, что для простаго народа, въ противоположность образованнымъ классамъ, религія еще не отрѣшилась отъ жизни какъ сухая догматика и отвлеченное правоученіе, какъ предметъ логическаго постиженія. Народъ понимаетъ перемѣну религіи какъ преобразованіе всего его быта: духовная потребность богослуженія, матеріальная потребность куска хлѣба и уголка земли.

---

[1]) Комитетъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, былъ учрежденъ для устройства быта исключительно *лифляндскихъ* крестьянъ, а подъ *двумя* комитетами слѣдуетъ разумѣть приготовительный и главный комитетъ по тому же дѣлу.

сознаніе опоры, которую онъ найдетъ въ правительствѣ, вражда къ презирающему его землевладѣльцу, все это выразилось въ настоящемъ событіи. Только односторонній взглядъ можетъ объяснить его изъ одного побужденія за исключеніемъ другихъ; они участвовали въ немъ всѣ вмѣстѣ нераздѣльно. Свободное движеніе народа, сперва искусственно ускоренное мѣрами правительства, послѣдующими распоряженіями его (во время управленія Наслѣдника) было замедлено. Крестьянамъ запрещено было отлучаться изъ вотчины, для записки у приходскихъ священниковъ, безъ письменнаго вида отъ мызнаго управленія и въ рабочую пору, и это подало поводъ къ притѣсненіямъ, къ жалобамъ основательнымъ и неосновательнымъ. По пріѣздѣ Государя, послѣ долгихъ переговоровъ и преній, партія антинѣмецкая взяла верхъ надъ нѣмецкою и надъ людьми боязливыми, во главѣ которыхъ стоитъ Головинъ [1]). Теперь приняты слѣдующія мѣры: основываются 32 православныя церкви и опредѣляются къ нимъ священники, знающіе латышскій языкъ; объявлено всѣмъ перешедшимъ въ православную вѣру, что они освобождаются отъ всякихъ повинностей и оброчныхъ статей въ пользу протестантскаго духовенства; позволено всѣмъ желающимъ записываться отлучаться безъ особеннаго разрѣшенія мызнаго управленія; строго воспрещено владѣльцамъ, подъ строжайшею отвѣтственностью, противиться переходу крестьянъ въ православную вѣру; наконецъ два помѣщика отданы подъ судъ. Не знаютъ еще, какое дѣйствіе произведутъ эти мѣры. — Съ другой стороны положеніе крестьянъ въ Лифляндіи, невыносимо бѣдственное по сознанію самихъ владѣльцевъ, обратило на себя вниманіе правительства. Для того, чтобы пособить дѣлу, назначены два комитета: первый — приготовительный, подъ предсѣдательствомъ Сенявина, состоитъ изъ лифляндскаго предводителя, двухъ де-

[1]) Вскорѣ по вступленіи въ должность генералъ-губернатора, генералъ Головинъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ Остзейскому вопросу и дѣйствовалъ въ направленіи вполнѣ согласномъ съ интересами Россіи.

путатовъ, избранныхъ отъ дворянства, двухъ назначенныхъ отъ правительства, Самсона и Фелькерзама. Во второмъ комитетѣ будутъ засѣдать: Перовскій, Киселевъ, Орловъ, оба графа Палена и т. д. До сихъ поръ еще ни я да и, кажется, никто другой положительно не знаетъ, до какого предѣла пойдетъ преобразованіе, будетъ ли поднятъ вопросъ о надѣленіи крестьянъ поземельною собственностью. Кажется, едва ли; но слѣдующіе вопросы войдутъ непремѣнно въ кругъ разсмотрѣнія: 1) Какимъ образомъ дать возможность крестьянамъ пріобрѣтать землю? Право они имѣютъ, но оно не приложимо, ибо казенныя земли не продаются, дворянскія могутъ быть пріобрѣтаемы не дворянами только на правахъ иностранцевъ, а другихъ земель тамъ нѣтъ. Не знаю, какъ они разрѣшатъ эту трудность. 2) Разсмотрѣть обязанности, повинности и оброчныя статьи (изложенныя въ вакенбухахъ), коими обременены крестьяне и облегчить ихъ. 3) Ввести посредствующую власть для опредѣленія и судебнаго разбирательства взаимныхъ отношеній крестьянъ и владѣльцевъ. 4) Дать крестьянамъ право перехода въ сосѣднія губерніи до Новгородской включительно. Вотъ сколько предстоитъ дѣла, а еслибъ вы посмотрѣли на призванныхъ дѣлателей!... Что за народъ, что за понятія, что за взгляды на вещи, что за разноголосица! А общество!... Люди благородные, не знающіе и не понимающіе дѣла видятъ одно нарушеніе признаннаго и утвержденнаго права. Всѣ безъ исключенія чиновники смотрятъ на все это какъ на дѣло угодное правительству, безъ всякаго свободнаго участія мысли и убѣжденія: какъ бы исполнить волю правительства поскорѣе и поаккуратнѣе. Наконецъ, Перовскій и * повинуются какой-то пагубной страсти вводить всюду однообразное устройство. Только одного человѣка я встрѣтилъ, который выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ чиновниковъ. Это—Скрипицынъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, мой будущій начальникъ. Участіе его въ дѣлѣ Уніи вамъ вѣроятно извѣстно. Этотъ человѣкъ въ родѣ Вигеля, съ тою раз-

ницею, что онъ не столько замѣчателенъ умомъ и европейскою образованностью, сколько ловкостью, распорядительностью и настойчивостью. Однимъ словомъ, онъ исполнитель превосходный... Тоска и отвращеніе сжимаютъ сердце при видѣ тѣхъ людей, которымъ приходится отстаивать добрыя начала. Чего не опорочатъ, чего не исказятъ они! Что станешь дѣлать: не мудрено отойти въ сторону и умыть руки; но совѣстно, когда чувствуешь правоту самого дѣла, отказаться отъ участія изъ опасенія замарать руки. Всѣ осуждаютъ меня и смотрятъ на меня съ упрекомъ и соболѣзнованіемъ; до этого мнѣ дѣла нѣтъ... Не менѣе того я рѣшился; мое участіе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ бо́льшую важность, чѣмъ я самъ предполагалъ; всѣ знаютъ, что я дѣйствую по убѣжденію, слѣдственно внутренно одобряю если не частныя мѣры, то цѣль правительства; въ томъ кругу, къ которому я принадлежу, это—неслыханная новость, признакъ новаго направленія; такъ поняли это всѣ и самъ Перовскій; онъ знаетъ, что я иду не съ тѣмъ, чтобы быть только орудіемъ, ножемъ, которымъ можно рѣзать что угодно. Наконецъ, на счетъ успѣха начатаго дѣла меня обнадеживаетъ, можетъ быть, суевѣрное темное предчувствіе, что русское правительство, не смотря на всѣ его недостатки, запечатлѣно какимъ-то character indelebilis, какъ говорятъ богословы, котораго оно вполнѣ устранить не можетъ; есть какая-то разумная сила, ни въ комъ въ особенности не проявляющаяся, но которая, будучи лишена представителя и органа, все-таки наперекоръ всѣмъ опредѣляетъ извѣстный образъ дѣйствія, извѣстное положеніе правительства. Такъ было, такъ, думаю, будетъ и въ настоящемъ случаѣ. Кто склонилъ правительство въ пользу безгласной, беззащитной массы народной?»

Этихъ выдержекъ изъ писемъ Ю. Ѳ—ча достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ широкомъ объемѣ возникъ остзейскій вопросъ въ половинѣ 40-хъ годовъ. Государь Николай Павловичъ очень вѣрно понялъ значеніе

народнаго движенія, совершавшагося въ то время въ Остзейскомъ краѣ, но, не смотря на свойственную ему твердость, ему удалось только слегка надломить дисциплинированную оппозицію нѣмецкаго рыцарства, которое тащило за собою на буксирѣ петербургское общество. Въ то время, какъ и теперь, дѣло шло о болѣе тѣсномъ сліяніи Остзейскаго края съ Россіею, объ освобожденіи всей массы тамошняго народонаселенія, въ томъ числѣ и Русскихъ, изъ подъ гнета потомковъ нѣмецкихъ пришельцевъ, упорно отстаивавшихъ свои средневѣковыя учрежденія, потому что они представляли имъ опору для ихъ господства въ этомъ краѣ.

Итакъ, прежде чѣмъ ѣхать въ Ригу, Ю. Ѳ—чу пришлось ознакомиться съ положеніемъ крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи. Въ то время оставалось еще въ силѣ Положеніе, изданное для крестьянъ въ Лифляндіи 26 марта 1819 года. Этимъ законодательнымъ актомъ крестьяне, взамѣнъ дарованной имъ личной свободы, были лишены, съ одной стороны, своего поземельнаго права и съ другой — законнаго опредѣленія размѣра повинностей, которыя они отбывали до тѣхъ поръ на основаніи вакенбуховъ. Положеніе 20 февраля 1804 года обезпечивало за крестьянами наслѣдственное пользованіе землею, носившею названіе крестьянской, и ограждало ихъ отъ произвола въ опредѣленіи размѣра повинностей; но оно было отмѣнено въ 1819 году и крестьянамъ было предоставлено, какъ лично-свободнымъ гражданамъ, заключать добровольныя условія съ землевладѣльцами объ арендованіи у нихъ земли. Этотъ въ свое время прославленный либеральный законодательный актъ оказался ничѣмъ инымъ, какъ «весьма выгодною аферою» со стороны нѣмецкаго рыцарства, какъ укоризненно выражались въ 40-хъ годахъ нѣкоторые изъ дѣйствительно благородныхъ представителей его. Послѣдствіемъ Положенія 1819 года было: постепенное обезземеленіе крестьянъ, обращеніе ихъ въ батраковъ, посредствомъ присоединенія крестьянской земли

къ помѣщичьей, и обремененіе повинностями тѣхъ крестьянъ, которые продолжали пользоваться землею помѣщичьею. Эти плачевные результаты стали обнаруживаться очень скоро, но обратили на себя вниманіе правительства только въ началѣ 40-хъ годовъ послѣ продолжительныхъ волненій и цѣлаго ряда экзекуцій сперва въ Лифляндіи, а потомъ въ Эстляндіи. Къ сожалѣнію, нерѣшительныя законодательныя мѣры, которыя принимались въ первой половинѣ 40-хъ годовъ для улучшенія быта крестьянъ въ Лифляндіи, исходили не изъ ясно сознанныхъ и твердо установленныхъ началъ, а были ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ упорной борьбы двухъ принциповъ—освобожденія крестьянъ съ землею и личнаго освобожденія безъ земли—или борьбы двухъ партій, на которыя распадалось въ то время не только лифляндское дворянство, но и высшее правительство. Съ одной стороны, притомъ наиболѣе многочисленной, стояли защитники Положенія 1819 года, желавшіе сохранить его какъ неизмѣняемый и окончательный законодательный актъ, допускавшіе поэтому только дальнѣйшее развитіе его, напримѣръ: замѣну словесныхъ договоровъ письменными, содѣйствіе отдѣльнымъ крестьянамъ къ пріобрѣтенію земли въ собственность, но не иначе, какъ на основаніи добровольныхъ соглашеній и т. п. Съ другой стороны, стояли защитники Положенія 1804 года, которые желали возстановить то матеріальное обезпеченіе, котораго лишилось все крестьянство, какъ сословіе, но, разумѣется, безъ ущерба личной свободы, дарованной ему въ 1819 году; поэтому эта партія настаивала на возстановленіи крестьянской земли (Bauerland), какъ земельнаго фонда, обезпечивающаго все крестьянское сословіе, и на томъ, чтобы повинности за эту землю никоимъ образомъ не превышали размѣра, установленнаго прежними вакенбухами. Наиболѣе выдающимися представителями перваго направленія были баронъ Нолькенъ, Еттингенъ, Лиліенфельдъ и другіе; за одно съ ними дѣйствовалъ Петербургскій Лифляндскій Комитетъ,

состоявшій въ то время подъ предсѣдательствомъ графа Палена, изъ слѣдующихъ членовъ: графа Бенкендорфа, Л. А. Перовскаго, гр. Канкрина, другого графа Палена, барона Гана и депутатовъ отъ лифляндскаго дворянства. Во главѣ второго направленія стоялъ остзейскій генералъ-губернаторъ баронъ Матвей Ивановичъ Паленъ, опиравшійся на личное довѣріе къ нему Государя и на немногочисленную партію въ дворянствѣ, къ которой принадлежали Самсонъ, Брюнингъ, Фелькерзамъ, Буденброкъ и др. Пользуясь обстоятельствами, въ которыхъ находилась Лифляндія, генералъ-губернаторъ довольно успѣшно велъ борьбу съ мѣстнымъ дворянствомъ, и ему не разъ удавалось склонять его на свою сторону. Но гораздо труднѣе ему было бороться съ Петербургскимъ Лифляндскимъ Комитетомъ, въ которомъ даже Перовскій дѣйствовалъ въ то время заодно съ Нѣмцами. Только гр. Киселевъ поддерживалъ предложенія барона Палена, но, къ сожалѣнію, онъ поступилъ въ Лифляндскій Комитетъ лишь въ концѣ 1843 года, когда дѣлу уже было дано ложное направленіе. По этому, какъ ни настаивалъ баронъ Паленъ на необходимости поставить ребромъ и рѣшить окончательно вопросъ о возстановленіи крестьянской земли, въ смыслѣ Положенія 1804 года, и объ отдѣленіи ея отъ помѣщичьей, ему это не удалось. Этотъ коренной вопросъ сумѣли въ Петербургѣ утопить въ массѣ мелочныхъ вопросовъ, которыми запутали это по существу совершенно ясное дѣло.

Подъ впечатлѣніемъ бывшихъ въ 1841 году волненій крестьянъ въ Лифляндіи, партія барона Палена, Самсона и другихъ защитниковъ Положенія 1804 года взяла верхъ. Приготовительная коммиссія, избранная лифляндскимъ дворянствомъ и извѣстная подъ названіемъ Дерптской по мѣсту, гдѣ она собиралась и работала, изготовила проектъ улучшенія быта крестьянъ согласно съ принципами Положенія 1804 года. Хотя этотъ проектъ и былъ въ значительной степени сглаженъ лифляндскимъ дворянствомъ, собравшимся на ландтагъ

въ февралѣ 1842 года, однако и выработанныя имъ заключенія, изложенныя въ 111 пунктахъ, были основаны на тѣхъ же принципахъ. Баронъ Паленъ выдѣлилъ изъ нихъ 22 пункта, приводившіе барщину къ нормамъ прежнихъ вакенбуховъ, и представилъ ихъ Государю, отдѣльно отъ всего проекта, какъ требовавшія неотложнаго утвержденія для успокоенія края. Они и были Высочайше утверждены 24 марта 1842 года и немедленно введены въ дѣйствіе какъ временная мѣра. Въ видахъ же успокоенія края, генералъ-губернаторъ, пользуясь тѣмъ, что губернія состояла тогда на военномъ положеніи, въ маѣ 1842 года, своею властью сдѣлалъ распоряженіе, чтобы впредь до Высочайшаго разрѣшенія возбужденнаго вопроса о правѣ помѣщиковъ отказывать крестьянамъ въ пользованіи землею, крестьяне были лишаемы земли не иначе, какъ по судебному приговору, за неисполненіе ими своихъ обязанностей или за дурное поведеніе. Эти двѣ коренныя мѣры, своевременно принятыя и быстро приведенныя въ исполненіе, въ значительной степени содѣйствовали успокоенію крестьянъ.

Но партія защитниковъ Положенія 1819 года скоро оправилась отъ нанесеннаго ей удара и вступила въ упорную борьбу съ генералъ-губернаторомъ и съ его партіею. Уже 6 іюля 1842 года она отправила въ Петербургъ депутацію съ жалобою на самовластно принятую генералъ-губернаторомъ мѣру, подрывавшую признанное закономъ 1819 года право собственности дворянства на всю землю, и добилась того, что генералъ-губернатору было поставлено на видъ, что ему не слѣдовало безъ особаго Высочайшаго соизволенія дѣлать помянутое распоряженіе. А когда генералъ-губернаторъ представилъ высшему правительству весь выработанный ландтагомъ проектъ (111 пунктовъ) и свои на него замѣчанія, то дѣлу было сразу дано направленіе, благопріятное для партіи барона Полькена. Лифляндскій Комитетъ, въ который поступило дѣло, нашелъ, что такъ какъ замѣчанія генералъ-губернатора на положеніе, выработанное ландтагомъ, не были въ виду

дворянства, то необходимо передать ихъ на предварительное обсужденіе чрезвычайнаго ландтага. Иначе сказать, было признано, что для окончательнаго рѣшенія вопроса, касавшагося двухъ сторонъ, дворянства и свободнаго крестьянства, слѣдовало предоставить послѣднее слово не мѣстному высшему представителю правительственной власти, а одной изъ двухъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сторонъ—дворянству, и подвергнуть его критикѣ мнѣніе генералъ-губернатора. Такое рѣшеніе тѣмъ болѣе представляется страннымъ, что въ Лифляндскомъ Комитетѣ въ Петербургѣ и безъ того засѣдали депутаты отъ лифляндскаго дворянства, ландмаршалъ Гагемейстеръ, ландратъ Эттингенъ и баронъ Полькенъ. Однако журналъ Лифляндскаго Комитета былъ Высочайше утвержденъ съ тѣмъ только измѣненіемъ, что велѣно было передать замѣчанія генералъ-губернатора на обсужденіе не всего ландтага, а комитета изъ 5 членовъ, избрать которыхъ было предоставлено ландтагу. Не вѣрится, чтобы это могло происходить въ царствованіе Николая Павловича, а между тѣмъ это дѣйствительно было такъ и объясняется весьма просто тѣмъ, что дѣло касалось Лифляндіи. Дворянскій комитетъ исполнилъ возложенную на него работу, разумѣется, въ томъ духѣ, какъ было желательно Петербургскому Лифляндскому Комитету. Онъ широко воспользовался предоставленнымъ ему правомъ, строго разобралъ замѣчанія генералъ-губернатора и высказался вообще въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ въ предыдущемъ году, при составленіи 111 статей. Для характеристики этого новаго направленія достаточно сказать, что, по мнѣнію комитета, «отказъ арендатору въ землѣ въ одномъ помѣстьѣ не дѣлаетъ еще его бездомнымъ бродягой; онъ или находитъ легко мѣсто у другого помѣщика или поступаетъ въ работники къ крестьянину-хозяину». Представляя въ Петербургъ мнѣніе дворянскаго комитета, баронъ Паленъ призналъ однако себя въ правѣ написать и препроводить вмѣстѣ съ тѣмъ и свой отвѣтъ на разборъ, сдѣланный дворянскимъ комитетомъ. Между

прочимъ онъ замѣтилъ въ своемъ отвѣтѣ, что одно изъ главныхъ его предложеній, именно на счетъ необходимости возстановленія крестьянской земли въ смыслѣ Положенія 1804 г., исходило собственно отъ Дерптской дворянской приготовительной коммиссіи, въ числѣ членовъ которой были и два члена послѣдняго дворянскаго комитета, Эттингенъ и Гагемейстеръ, и оба они были тогда на это согласны.

Лифляндскій Комитетъ въ Петербургѣ на этотъ разъ не призналъ нужнымъ снова подвергать замѣчанія генералъ-губернатора критикѣ мѣстнаго дворянства. Дѣло было уже достаточно налажено въ направленіи желательномъ Комитету, почва была уже хорошо подготовлена и войска водворили спокойствіе въ краѣ. По этому Лифляндскій Комитетъ нашелъ своевременнымъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Онъ отвергъ предположенія ландтага 1842 г. о необходимости ограничить право поземельной собственности помѣщиковъ и постановить, чтобы договоры съ крестьянами заключались непремѣнно сообразно съ вакенбухами, нашелъ, что Положеніе 1819 г. было благодѣтельнымъ для края закономъ, а мечтанія крестьянъ о возможности получить землю вредными, и потому высказался за необходимость признать это Положеніе *неизмѣняемымъ и окончательнымъ* законодательнымъ актомъ. Согласно съ этимъ основнымъ взглядомъ, Лифляндскій Комитетъ, взамѣнъ 111 пунктовъ, выработанныхъ на ландтагѣ въ 1842 г., составилъ самъ новыя дополнительныя къ Положенію 1819 г. правила, изложенныя въ 77 статьяхъ и исходившія сполна изъ принциповъ Положенія 1819 года. Предсѣдатель Лифляндскаго Комитета графъ Палевъ вмѣстѣ съ графомъ Бенкендорфомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ попытались было представить на Высочайшее утвержденіе выработанныя ими дополнительныя статьи; но Государь усмотрѣвъ, повидимому, что ему подносится на утвержденіе нѣчто не согласное съ его видами, повелѣлъ передать заключеніе Лифляндскаго Комитета на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Этимъ однако дѣло не могло быть

исправлено. Государственный Совѣтъ, прежде всего счелъ нужнымъ оговориться, что хотя заключенія Лифляндскаго Комитета и не были переданы на предварительное заключеніе мѣстнаго дворянства, но это не должно служить препятствіемъ для разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, въ виду той степени довѣрія, коею бывшіе въ Комитетѣ депутаты отъ лифляндскаго дворянства пользуются въ краѣ. Послѣ этой неумѣстной оговорки, Государственный Совѣтъ, не касаясь сущности дѣла, занялся вопросами второстепенными и нашелъ, что такъ какъ предполагается дополнительныя правила, выработанныя Лифляндскимъ Комитетомъ, подвергнуть предварительному испытанію на мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы первый ландтагъ представилъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя окажутся необходимыми, то слѣдуетъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ привести эти правила въ исполненіе, какъ временную мѣру. Это мнѣніе Государственнаго Совѣта было Высочайше утверждено 23 іюня 1843 года и, такимъ образомъ, косвенно были одобрены 77 дополнительныхъ статей. Но баронъ Паленъ хорошо понимавшій дѣло и не одобрявшій дѣйствій Петербургскаго Лифляндскаго Комитета и выработанныхъ имъ правилъ, настоялъ на томъ, чтобы они не были вводимы въ дѣйствіе до созыва ландтага и чтобы до тѣхъ поръ оставались въ силѣ Высочайше утвержденныя 24 марта 1842 года 22 статьи. Онъ былъ вынужденъ однако сдѣлать одну уступку требованіямъ дворянства и въ октябрѣ 1843 года отмѣнилъ объявленное имъ въ маѣ 1842 года распоряженіе, которымъ было пріостановлено право помѣщиковъ удалять крестьянъ съ арендуемыхъ ими земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ, чтобы ему дозволено было, не созывая чрезвычайнаго ландтага, отложить передачу на разсмотрѣніе дворянства 77 дополнительныхъ статей до очереднаго ландтага въ февралѣ 1845 года. Баронъ Паленъ очевидно надѣялся, что ему удастся вновь склонить дворянство на свою сторону и что ландтагъ выскажется въ пользу введенія вы-

работанныхъ имъ въ 1842 г. 111 статей, а 77 дополнительныхъ статей, сочиненныхъ Петербургскимъ Комитетомъ, признаетъ не соотвѣтствующими мѣстнымъ условіямъ. Но это ему не удалось. Лифляндскій Комитетъ настоялъ на томъ, чтобы дѣло не было откладываемо на такой долгій срокъ, и баронъ Палент долженъ былъ ускорить созывъ ландтага. Онъ былъ открытъ въ сентябрѣ 1844 года и, послѣ продолжительныхъ преній, не смотря на сильную рѣчь ландрата Самсона направленную противъ 77 дополнительныхъ статей и въ пользу принциповъ 1804 г., ландтагъ отвергъ, большинствомъ двухъ третей голосовъ, предложеніе тѣхъ членовъ, которые настаивали на введеніи правилъ, выработанныхъ въ февралѣ 1842 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство всеподданнѣйше просило обнародовать и немедленно привести въ дѣйствіе разсмотрѣнныя Государственнымъ Совѣтомъ 77 дополнительныхъ статей.

Такимъ образомъ, партія, которая отстаивала Положеніе 1819 г., одержала полную побѣду. Правила, сочиненныя Лифляндскимъ Комитетомъ, были разсмотрѣны Государственнымъ Совѣтомъ, удостоились какъ будто Высочайшаго одобренія и прошли черезъ санкцію ландтага! Однако и въ этомъ положеніи дѣла баронъ Палент не переставъ отстаивать правое дѣло. Онъ указывалъ на то, что дополнительныя статьи измѣняютъ Положеніе ландтага 1842 г., которымъ было водворено спокойствіе въ краѣ; что 77 статей слѣдовало ввести не иначе какъ въ видѣ опыта, а отнюдь не какъ окончательный законъ; что для повинностей крестьянъ необходимо «сохранить одинаковыя нормы, т. е. вакенбухи, на основаніи которыхъ заключать контракты, дабы тѣмъ отвратить прежнее неудобство, которое дало крестьянамъ основательный поводъ къ жалобамъ и можетъ вновь возбудить если и не беззаконное сопротивленіе, то недовольство и ропотъ въ народѣ». Графъ Киселевъ поддержалъ въ Лифляндскомъ Комитетѣ представленіе барона Палена. Въ виду происшедшаго вслѣдствіе этого разногласія въ Комитетѣ, Государь велѣлъ вы-

вать въ Комитетъ барона Палена для участія въ обсужденіи ходатайства ландтага. Однако графу Киселеву и барону Палену удалось отстоять только одно предложеніе барона Палена, а именно, чтобы, при обнародованіи 77 дополнительныхъ статей, было постановлено, чтобы, впредь до утвержденія правилъ надзора, какенбухи оставались высшею нормою для всѣхъ условій между владѣльцами и крестьянами. Во всемъ остальномъ представленіе барона Палена было отклонено и Высочайше утвержденнымъ 23 января 1845 г. журналомъ Лифляндскаго Комитета было постановлено немедленно обнародовать разсмотрѣнныя въ Государственномъ Совѣтѣ дополнительныя статьи къ Положенію 1819 года и привести ихъ въ дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, въ продолженіе всего 1845 года, шла переписка о томъ, какимъ порядкомъ слѣдуетъ обнародовать эти статьи и принимались для этого подготовительныя мѣры; вѣроятно также, что баронъ Палень не особенно и спѣшилъ исполненіемъ постановленія Лифляндскаго Комитета, такъ что дополнительныя статьи были окончательно объявлены только 6 января 1846 года уже при вновь назначенномъ генералъ-губернаторѣ Головинѣ. Нельзя не отдать справедливости твердости и гражданскому мужеству, обнаруженнымъ барономъ Паленомъ въ этомъ дѣлѣ [1]). Характеристично, что ни 22 статьи 1842 г., ни 77 дополнительныхъ статей 1843 г., не смотря на то, что послѣднія были утверждены какъ законъ окончательный, не напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Казалось, что дѣло улучшенія быта крестьянъ въ Лифляндіи, начатое подъ воздѣйствіемъ волненій, вспыхнувшихъ въ Остзейскомъ краѣ въ 1841 году, удалось похоронить и еще болѣе утвердить пошатнувшееся Положеніе

---

[1]) Мы должны оговорить, что образъ дѣйствія барона Палена по дѣлу о переходѣ Латышей въ православіе представляется далеко не въ такомъ же безупречномъ видѣ. Въ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ не какъ русскій генералъ-губернаторъ, а какъ лютеранинъ, пользовавшійся своею властью для противодѣйствія переходу Латышей въ православіе и для борьбы съ православнымъ духовенствомъ. Но его ли, по совѣсти, слѣдуетъ винить за это?

1819 года. Но всѣ эти полумѣры, уступки вынужденныя страхомъ, отреченія отъ нихъ при перемѣнѣ обстоятельствъ, смѣна одного направленія другимъ, боязнь огласки законодательныхъ актовъ, весь этотъ образъ дѣйствія, характеризующій извилистый ходъ крестьянскаго дѣла въ Лифляндіи съ 1842 по 1846 г., несогласный съ достоинствомъ ни правительства, ни дворянства, не могъ, очевидно, принести благопріятныхъ плодовъ. Неудивительно, что волненія между крестьянами и въ связи съ ними переходъ ихъ въ православіе возобновились въ Лифляндіи еще съ бо́льшею силою въ 1845 году. Тогда Государь Николай Павловичъ повелѣлъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Сенявину отправиться въ Лифляндію для изученія дѣла на мѣстѣ. Въ представленномъ имъ отчетѣ о состояніи Лифляндіи въ 1845 году онъ указалъ на бѣдственное положеніе крестьянъ и на необходимость принять мѣры къ улучшенію ихъ быта. Вслѣдствіе этого донесенія послѣдовало 16 января 1846 года Высочайшее повелѣніе объ открытіи вновь комитета для устройства быта лифляндскихъ крестьянъ подъ предсѣдательствомъ графа Палена; членами въ этотъ комитетъ были назначены: министры графъ Киселевъ и Перовскій, члены Государственнаго Совѣта баронъ Паленъ, Мейендорфъ и Ганъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Сенявинъ, лифляндскій губернскій предводитель дворянства Лиліенфельдъ, два члена по выбору лифляндскаго дворянства, баронъ Полькенъ и ландратъ Еттингенъ, и два члена отъ дворянства же, но по назначенію отъ правительства, ландратъ Самсонъ и баронъ Фелькерзамъ. Такимъ образомъ, составъ Лифляндскаго Комитета былъ на этотъ разъ значительно измѣненъ. Кромѣ графа Киселева и Л. А. Перовскаго, перемѣнившаго въ это время свой взглядъ на крестьянское дѣло въ Лифляндіи, въ Комитетѣ были еще 4 члена, проводившіе принципы Положенія 1804 года: Сенявинъ, баронъ Паленъ и два назначенные правительствомъ члена отъ лифляндскаго дворянства,

Самсонъ и Фелькерзамъ. Сверхъ того, 1 февраля того же года было Высочайше повелѣно для предварительныхъ подробныхъ соображеній относительно способовъ улучшенія быта лифляндскихъ крестьянъ открыть еще другой, приготовительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Сенявина, изъ тѣхъ же 5 представителей лифляндскаго дворянства, директора удѣльнаго земледѣльческаго училища Байкова и чиновника министерства государственныхъ имуществъ Рожицкаго. Производителемъ дѣлъ обоихъ этихъ комитетовъ былъ назначенъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Я. В. Ханыковъ, составившій образцовый докладъ о недостаточности дѣйствовавшаго законодательства о крестьянахъ и о мѣрахъ, предположенныхъ къ устраненію сихъ недостатковъ; въ помощь къ Ханыкову былъ назначенъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Работа приготовительнаго комитета имѣла несомнѣнно существенное вліяніе на совѣщанія главнаго комитета и на тѣ заключенія, къ которымъ онъ пришелъ. Вслѣдствіе этихъ благопріятныхъ условій и подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ событій 1845 года, очевидно, нельзя было ожидать, чтобы на этотъ разъ Лифляндскій Комитетъ положилъ въ основаніе своей работы принципы законодательства 1819 года и удовлетворился бы только что обнародованными 77 дополнительными статьями.

Приготовительный комитетъ имѣлъ три засѣданія 5, 20 и 26 марта, а главный комитетъ одно засѣданіе 24 мая. Задача того и другого комитета состояла только въ установленіи главныхъ началъ, которыя должны быть положены въ основу законодательнаго акта объ улучшеніи быта крестьянъ Лифляндіи, а разработку самого Положенія предполагалось поручить лифляндскому дворянству. Очевидно, что начать дѣло слѣдовало съ изученія всего хода крестьянскаго дѣла въ Лифляндіи. Эта работа была возложена на Ю. Ѳ. Самарина. Имъ составленъ былъ историческій очеркъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Лиф-

ляндіи, въ которомъ, послѣ краткаго изложенія, какъ возникло въ Лифляндіи крѣпостное право подъ владычествомъ ордена Меченосцевъ, и мѣръ, принимавшихся польскимъ и шведскимъ правительствами для улучшенія быта крестьянъ, представленъ подробный обзоръ законодательства о лифляндскихъ крестьянахъ съ того времени, какъ Остзейскій край былъ присоединенъ къ Россіи Петромъ Великимъ и до послѣдовавшихъ 16 января и 1 февраля 1846 года Высочайшихъ повелѣній объ открытіи главнаго и приготовительнаго комитетовъ. Впрочемъ, этотъ историческій очеркъ не былъ вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ Ю. Ѳ—ча: онъ былъ составленъ на основаніи двухъ записокъ: во-первыхъ, записки Заблоцкаго, написанной имъ въ 1842 году для графа Киселева: въ ней былъ изложенъ ходъ крестьянскаго дѣла въ Лифляндіи до Положенія 1819 года включительно, и во-вторыхъ, записки, составленной Головинымъ о ходѣ дѣла съ 1841 по 1845 г. на основаніи подлинныхъ производствъ министерства внутреннихъ дѣлъ и канцеляріи остзейскаго генералъ-губернатора. Обѣ эти записки были переработаны Ю. Ѳ—чемъ, отчасти сокращены, но и значительно дополнены подробнымъ изложеніемъ содержанія Положеній 1804 и 1819 годовъ и дальнѣйшаго хода дѣла съ начала 1845 г. до открытія приготовительнаго комитета. Сверхъ того, имъ же написано заключеніе къ этому историческому очерку. Такъ какъ оно уже напечатано во второмъ томѣ его сочиненій (стр. 433 — 438), то здѣсь мы приведемъ только конецъ этого заключенія: «Положеніе 1819 года, основанное не на данныхъ жизни, а на отвлеченныхъ предположеніяхъ, уничтожило условія дѣйствительнаго, вѣкового быта и замѣнило ихъ бытомъ возможнымъ по теоріи, но невозможнымъ на дѣлѣ. Впрочемъ, сильнѣйшимъ опроверженіемъ противъ него служатъ послѣдующіе законы и дополнительныя статьи. Всѣ они, опредѣляя сроки контрактовъ, условія найма, наконецъ, случаи, въ которыхъ помѣщикъ не въ правѣ отказать въ землѣ арендатору, прямо противорѣчатъ

принятымъ началамъ свободнаго договора и безусловнаго распоряженія землею. Поэтому, хотя эти начала не замѣнены другими, но множество допущенныхъ исключеній и противорѣчій лишаетъ ихъ строгаго приложенія и даетъ право думать, что стремленіе законодательства измѣнилось и что настоящая цѣль его заключается въ соглашеніи Положенія 1804 г. съ Положеніемъ 1819 г.—Положеніе 1804 г. признавало нераздѣльность крестьянина съ землею, но въ формѣ крѣпости землѣ, т. е. зависимости лица отъ земли.—Положеніе 1819 г. признало лицо свободнымъ, но уничтожило связь его съ землею. «Остается возстановить эту связь, признавъ зависимость земли отъ лица, т. е. право крестьянина на землю». Подъ правомъ крестьянина на землю Ю. Ѳ. разумѣлъ право пользованія землею мірскою (Bauerland). Нельзя не признать, что задача, подлежавшая рѣшенію законодательнымъ порядкомъ, была формулована точно и ясно, но не полно: въ заключеніи ничего не сказано о томъ, что повинности за землю должны быть установлены по опредѣленной нормѣ; безъ этого и признанное право пользованія землею могло обратиться въ фикцію.

Кромѣ историческаго очерка, Ю. Ѳ—чемъ составлено было подробное сравнительное изложеніе узаконеній о лифляндскихъ крестьянахъ 1804, 1809, 1819 и 1843 годовъ, и сверхъ того онъ помогалъ Я. В. Ханыкову въ составленіи подробныхъ протоколовъ обоихъ комитетовъ и переводилъ съ нѣмецкаго языка на русскій мнѣнія и записки, которыя представляли въ комитетъ члены отъ лифляндскаго дворянства; для нихъ же онъ переводилъ съ русскаго языка на нѣмецкій протоколы и отчеты какъ приготовительнаго, такъ и главнаго комитета.

Излагать ходъ дѣла въ этихъ двухъ комитетахъ — выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи; поэтому мы ограничимся приведеніемъ только самыхъ основныхъ заключеній, къ которымъ пришелъ главный комитетъ. Въ первой статьѣ, еди-

погласно принятой всѣми членами, значится: «Предоставленная по вакенбухамъ 1804 г. и состоящая нынѣ въ употребленіи крестьянъ часть принадлежащей дворянству земли предоставляется навсегда въ неотъемлемое пользованіе крестьянскимъ общинамъ для достиженія главной цѣли устава 1819 г. и дополнительныхъ къ нему статей 1843 г.[1]), т. е. для обезпеченія существованія и самостоятельности крестьянскаго сословія. Предоставленные поселянамъ въ пользованіе участки будутъ именоваться арендными[2]), остальная часть помѣщичьей земли мызною». Если этотъ принципъ прошелъ единогласно въ главномъ комитетѣ, то этому въ значительной степени содѣйствовалъ баронъ Фелькерзамъ, который въ приготовительномъ комитетѣ очень убѣдительно, въ противоположность мнѣніямъ остальныхъ 4 членовъ отъ лифляндскаго дворянства (въ томъ числѣ и Самсона), доказывалъ, что недостаточно обезпечить за отдѣльными крестьянами непрерывное владѣніе арендуемыми ими участками, а должно обезпечить владѣніе землею за всѣмъ крестьянствомъ какъ сословіемъ. Но самымъ сильнымъ мотивомъ такого единогласія въ состоявшемся рѣшеніи было послѣдовавшее, повидимому, внушеніе свыше. По крайней мѣрѣ есть указаніе на то, что Государь Николай Павловичъ «повелѣвъ въ 1846 г. призвать въ Петербургъ депутатовъ отъ лифляндскаго и эстляндскаго дворянствъ, удостоилъ ихъ словеснаго изъясненія необходимости к о р е н н о г о преобразованія постановленій о крестьянахъ». Тотъ же мотивъ слышенъ въ мнѣніи, которое внесъ предсѣдатель лифляндскаго комитета графъ Паленъ, открывая засѣданіе 24 мая 1846 года. Онъ высказалъ въ немъ, что хотя де Положеніе 1819 года и оказало благотворное воздѣйствіе на благосостояніе кре

[1]) Ссылка на уставъ 1819 г. и на статьи 1843 г. противорѣчитъ заключенію комитета; она вставлена, очевидно, въ видѣ безвредной уступки графу Палену и защитникамъ Положенія 1819 года.

[2]) Этимъ словомъ хотѣли замѣнить прежній историческій терминъ „крестьянская земля“; но и слово „арендная“ не понравилось дворянству, и оно замѣнило его впослѣдствіи варварскимъ терминомъ „повинностная земля“ (Gehorchsland).

стьянъ, а дополнительныя статьи 1843 г. направлены были къ осуществленію намѣренія безсмертнаго составителя Положенія 1819 г., но что по высшимъ государственнымъ соображеніямъ надобно, чтобы крестьянская земля, какъ необходимая для существованія сельскаго общества, была сохранена въ полномъ объемѣ. А впрочемъ, можно допустить и то, что главные заправилы этого дѣла уже въ то время хорошо видѣли, что въ заключеніяхъ комитета имѣлись лазейки, удобныя для того, чтобы впослѣдствіи все таки повернуть дѣло въ свою пользу. Дѣйствительно, вторая и третья статьи заключенія главнаго комитета еще болѣе подтверждали основной принципъ, выраженный въ первой статьѣ, но шестая статья [1]) оказалась именно такою лазейкою, которою дворянство не преминуло воспользоваться, чтобы въ значительной степени ослабить на дѣлѣ категоричность первой статьи. Но самая слабая сторона заключеній главнаго комитета та, которая касалась вопроса о размѣрѣ повинностей крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Графъ Киселевъ, Л. А. Перовскій и П. Г. Сенявинъ настаивали на томъ, что нельзя полагаться въ этомъ отношеніи на добровольныя соглашенія крестьянъ съ землевладѣльцами, а необходимо установить крайніе предѣлы для требованій владѣльцевъ. Къ сожалѣнію, графъ Киселевъ сошелъ по этому вопросу съ того основанія, на которомъ совершенно правильно утвердился баронъ Паленъ, въ бытность его генералъ-губернаторомъ, и на которомъ очевидно слѣдовало оставаться. Надобно было держаться за вакенбухи, въ смыслѣ высшей нормы для повинностей. Не смотря

[1]) „Ст. 6. Состоящія донынѣ въ пользованіи у рабочихъ полторы лофштели земли, въ каждомъ полѣ, равно какъ луга и выгоны, предоставляются въ завѣдываніе помѣщикамъ, съ тѣмъ, что ближайшій ландтагъ опредѣлитъ правила, сообразно съ которыми владѣлецъ долженъ распоряжаться означенными участками для обезпеченія благосостоянія рабочихъ и для предположеннаго съ этою цѣлью ландтагомъ 1842 г. расширенія мызныхъ хозяйствъ. Въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ послѣ межеванія арендныя дачи обращены были въ мызныя поля, присоединенныя пространства принимаются въ разсчетъ при опредѣленіи участковъ рабочихъ“.

на всѣ недостатки вакенбуховъ, они имѣли за себя давность историческую, были извѣстны и помѣщикамъ и крестьянамъ, обязательная сила ихъ была возстановлена въ 1842 г., и въ 1845 году было подтверждено, чтобы они по прежнему служили нормою для повинностей: однимъ словомъ, это былъ фактъ, взятый изъ жизни. На немъ и слѣдовало основаться, чтобы установить принципъ объ обязательности законной нормы для повинностей. Между тѣмъ графъ Киселевъ сталъ на почву кадастра, увлекшись тѣмъ, что кадастровыя работы производились въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ. Но, оставляя даже въ сторонѣ вопросъ, на сколько эти кадастровыя работы были правильны въ принципѣ, въ данномъ случаѣ никакъ нельзя было удержаться на этомъ основаніи, и графъ Киселевъ долженъ былъ уступить. Въ результатѣ вышло, что въ первомъ отдѣлѣ заключеніи, въ которомъ помѣщены Комитетомъ о б я з а т е л ь н ы я основныя начала будущаго законоположенія о крестьянахъ, ничего не сказано о повинностяхъ, а въ отдѣлѣ второмъ, въ которомъ помѣщены вопросы, подлежавшіе обсужденію ландтага при начертаніи проекта положенія, помѣщенъ слѣдующій вопросъ: «Въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ должны быть измѣнены, согласно съ мнѣніемъ министра государственныхъ имуществъ и съ заключеніями тайнаго совѣтника Сенявина, основанія поземельной оцѣнки въ Лифляндіи, если установленныя комитетомъ обязательныя начала [1]) окажутся недостаточными для обезпеченія благосостоянія крестьянъ?» Очевидно, что по вопросу о законной нормѣ для повинностей въ заключеніяхъ Комитета не было сказано ничего. Этимъ пробѣломъ съумѣли воспользоваться дворянскіе ландтаги въ 1847 и 1848 г. для того, чтобы снова вернуться, хотя и не сполна, но въ значительной мѣрѣ, къ принципамъ Положенія 1819 года. Заключенія Комитета были Высочайше утверждены и сообщены лифляндскому дворянству для составленія на чрезвы-

[1]) Т. е. статьи, изложенныя въ первомъ отдѣлѣ заключеній комитета, возстановлявшія крестьянскую землю.

чайшемъ ландтагѣ проекта новаго положенія о крестьянахъ, причемъ по Высочайшей волѣ было указано дворянству, что цѣль его трудовъ должна быть слѣдующая: «сдѣлать дарованіе личной свободы крестьянамъ, не нарушеніемъ, а вящимъ обезпеченіемъ ихъ матеріальнаго благосостоянія»[1]).

Комитетъ Лифляндскій былъ закрытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось и временное порученіе, возложенное на Ю. Ѳ.—ча и задержавшее его въ Петербургѣ на пять мѣсяцевъ. По должности помощника дѣлопроизводителя, которую онъ исполнялъ въ Комитетѣ, конечно, онъ не могъ оказать воздѣйствія на ходъ дѣла по улучшенію быта крестьянъ въ Лифляндіи. Даже мысль о необходимости возстановить въ Лифляндіи связь крестьянъ съ землею принадлежала не ему одному; ее проводилъ въ комитетѣ Фелькерзамъ, ее же усвоилъ себѣ и предсѣдатель приготовительнаго комитета Сенявинъ; наконецъ, въ большей или меньшей степени ее придерживались и всѣ защитники Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 года. Во всякомъ случаѣ, не въ воздѣйствіи Ю. Ѳ—ча на состоявшееся рѣшеніе Лифляндскаго Комитета заключается главное значеніе трудовъ его по должности помощника дѣлопроизводителя этого комитета. Пять мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ исправлялъ эту должность, имѣли выдающееся значеніе для него самого, а косвенно и для дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи, въ которомъ, спустя двѣнадцать лѣтъ, ему пришлось принять непосредственное участіе. Лифляндскій Комитетъ 1846 года былъ приготовительною школою для дальнѣйшей дѣятельности Ю. Ѳ—ча по крестьянскому вопросу въ Россіи: сначала въ качествѣ публициста, доказывавшаго необходимость безотлагательно приступить къ рѣшенію этого вопроса и прокладывавшаго путь для правильнаго его рѣшенія (1853—

[1]) Очеркъ крестьянскаго дѣла въ Лифляндіи съ 1842 по 1846 г. составленъ нами на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Ю. Ѳ—чемъ для „Окраинъ Россіи“. Въ это собраніе вошли труды Ю. Ѳ—ча по комитету 1846 г. и многіе цѣнные матеріалы изъ архивовъ Я. В. Ханыкова и графа Д. Н. Толстого.

1858 г.), потомъ въ качествѣ члена отъ правительства въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ по улучшенію быта крестьянъ (1858 — 1859 г.), члена редакціонныхъ коммиссій (1859—1861 г.), члена отъ правительства въ самарскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи (1861 — 1863 г.) и наконецъ члена коммиссіи, составившей Положеніе о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ (1863 г.). Конечно, въ Москвѣ, въ кружкѣ Хомякова, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ, къ которому принадлежалъ Ю. Ѳ., заходила рѣчь объ освобожденіи крестьянъ; но до 1844 г., когда онъ покинулъ Москву, этого предмета, какъ и вообще всѣхъ вопросовъ практическихъ, въ этомъ кружкѣ только к а с а л и с ь въ разговорахъ и преніяхъ, имѣвшихъ своимъ средоточіемъ болѣе общіе принципіальные вопросы. Въ Лифляндскомъ Комитетѣ Ю. Ѳ—чу пришлось, повидимому случайно, столкнуться лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ вопросомъ, поставленнымъ притомъ не теоретическими соображеніями, а выдвинутымъ самою жизнью и требовавшимъ поэтому неотложнаго рѣшенія. Передъ нимъ предсталъ внезапно этотъ вопросъ во всей его полнотѣ и притомъ воплощенный въ плоть и кровь. Онъ увидалъ, что рѣшеніе его можетъ быть не только предметомъ неопредѣленныхъ чаяній, но что оно положительно поддается законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ. Онъ ознакомился съ ложными путями его рѣшенія и съ тѣми пагубными послѣдствіями, къ которымъ они приводятъ. Передъ нимъ раскрылись главныя составныя части, на которыя распадается этотъ вопросъ при практическомъ его рѣшеніи; онъ уяснилъ себѣ даже формулу, по которой разрѣшается одна, и притомъ самая главная, изъ этихъ составныхъ частей. Въ живомъ явленіи, въ лицахъ, въ особенности въ лицѣ Фелькерзама, представилась ему возможность не только содѣйствовать рѣшенію этого вопроса, но и принять непосредственное участіе въ его рѣшеніи, не состоя на службѣ государственной, къ которой онъ не чувствовалъ призванія... Все это не могло

не произвести на него впечатлѣнія, должно было глубоко залечь въ его душу, жаждавшую дѣла, но не сухого, формальнаго, въ родѣ канцелярской службы въ Сенатѣ, а такого, которое бы удовлетворяло требованіямъ его ума и сложившимся въ немъ убѣжденіямъ. До тѣхъ поръ онъ считалъ своимъ призваніемъ занятія научныя; его отецъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на подготовленіе къ дѣлу и настаивалъ, чтобы онъ посвятилъ себя службѣ государственной. Казалось, его собственное влеченіе было непримиримо съ требованіями его отца. Но вотъ примиреніе было найдено: оказалось дѣло, которое не только его удовлетворяло, но стало центральнымъ дѣломъ лучшихъ лѣтъ его жизни. Занятія научныя отступили на второй планъ. Все это однако не сразу было сознано въ то время самимъ Ю. Ѳ.—чемъ. Приготовительная школа по крестьянскому дѣлу была для этого слишкомъ кратковременна, а усиленныя служебныя занятія сначала въ Ригѣ, потомъ въ Кіевѣ, не дали ему еще возможности предаться сполна влеченію его души. Но съ этихъ поръ въ письмахъ его постоянно встрѣчаются указанія на то, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи сталъ предметомъ его постоянныхъ думъ. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Ригу, 19—20 іюля 1846 г. онъ писалъ К. С. Аксакову: «Всѣ важные вопросы, которые занимаютъ и будутъ впослѣдствіи занимать правительство, разрѣшены будутъ не людьми служащими, не чиновниками, а частными людьми, знакомыми съ тѣми сферами жизни, съ которыми связываетъ ихъ свободное сочувствіе или интересы, т. е. учеными, купцами, помѣщиками и пр. Такъ, между прочимъ, рѣшенъ былъ въ моихъ глазахъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ а 30-лѣтнимъ помѣщикомъ никогда не служившимъ». Не слышится ли въ этихъ словахъ какъ бы предчувствіе его собственной будущей дѣятельности? Далѣе, въ томъ же письмѣ, возражая К. С. Аксакову, безусловно отрицавшему пользу

отъ службы, Ю. Ѳ. пишетъ: «Если, напримѣръ... дадутъ крестьянамъ право собственности или право выкупа, если сдѣлаютъ какой-нибудь шагъ къ эмансипаціи. . я не только встрѣчу всякую такую мѣру съ радостью, но всячески буду ей содѣйствовать съ полнымъ, сердечнымъ участіемъ». Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ригу, покуда еще не опредѣлились его служебныя занятія, онъ принялся за исторію сельскаго сословія въ Россіи: «Сижу большею частью дома, писалъ онъ А. П. Попову, и занимаюсь выписками для исторіи сельскаго сословія. Предупреждаю васъ, что на дняхъ я къ вамъ обращусь за Судебникомъ». 21 мая 1847 г. онъ писалъ изъ Риги А. О. Смирновой: «Неужели... не зачнется такого дѣла, которому бы можно было посвятить себя, зная навѣрно, что оно будетъ имѣть результаты. Я бы охотно сталъ въ самые послѣдніе, задніе ряды. Шевелится одинъ такой вопросъ: это уничтоженіе крѣпостного состоянія. Если бы дожить до этого времени!» По пріѣздѣ въ Кіевъ, въ 1849 г., онъ принялся за исторію поселянъ въ Польшѣ, слѣдилъ за введеніемъ инвентарей въ Юго-западномъ краѣ; но только по выходѣ въ отставку въ 1853 году онъ подчинилъ крестьянскому дѣлу всѣ остальныя свои занятія, сознавъ вполнѣ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи должно быть задачею его жизни.

Кромѣ этого главнаго значенія, занятія Ю. Ѳ—ча въ Лифляндскомъ Комитетѣ имѣли для него значеніе подготовительной школы и по остзейскому вопросу, съ которымъ ему пришлось близко ознакомиться во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Ригѣ. Впрочемъ, если бы біографу Ю. Ѳ—ча пришлось, при изложеніи его служебной дѣятельности, руководствоваться только аттестатомъ, выданнымъ ему при отставкѣ, то оказалось бы, что онъ въ Ригѣ вовсе и не былъ и неизвѣстно гдѣ провелъ два года, съ 1846 по 1848 годъ. Дѣйствительно, въ аттестатѣ его значится, что онъ «окончилъ въ іюнѣ 1846 г. возложенное на него порученіе по лифляндскому комитету.

въ томъ же году мая 3-го опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VIII класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ», а непосредственно за этими словами слѣдуетъ: «по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ для занятій по дѣламъ Высочайше утвержденнаго въ С.-Петербургѣ комитета объ устройствѣ быта лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ 1848 г. декабря 10, въ каковомъ комитетѣ состоялъ по 19 число марта 1849 года». Дальнѣйшее изложеніе объяснитъ причину этого страннаго пробѣла въ документѣ о службѣ Ю. Ѳ—ча.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ Я. В. Ханыковымъ 21 іюля; провожали ихъ Россетъ, Надеждинъ, Милютинъ и Арапетовъ; такъ записано въ начатомъ, но скоро и прерванномъ дорожномъ дневникѣ Ю. Ѳ—ча. Я. В. Ханыковъ былъ старшимъ членомъ ревизіонной коммиссіи; Штакельбергъ, Кашперъ и Вульфъ состояли членами ея, Беклемишевъ—дѣлопроизводителемъ, а Самаринъ, Головинъ и Рудницкій числились чиновниками состоящими при коммиссіи. На нее было возложено: изучить городское устройство и хозяйство Риги и составить проектъ о преобразованіи ея средневѣковаго устройства.

Этотъ вопросъ возникъ еще въ 1802 году. Императрица Екатерина II, какъ извѣстно, отмѣнила въ 1786 году существовавшее въ Ригѣ средневѣковое городское устройство и распространила на нее утвержденное ею за годъ передъ тѣмъ Городовое Положеніе. Большинство городскихъ жителей скоро почувствовало превосходство новаго порядка передъ старымъ, такъ какъ матеріальное и юридическое существованіе большинства было ограждено Городовымъ Положеніемъ отъ гнета того меньшинства, въ рукахъ котораго было сосредоточено прежнее муниципальное управленіе. Но Императоръ Павелъ указомъ 28 ноября 1796 года повелѣлъ возстановить въ Лифляндіи и Эстляндіи «присутственныя мѣста, которыя по тамошнимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ существовали»; въ томъ числѣ повелѣно

было возстановить и «магистраты на прежнемъ и правамъ ихъ сообразномъ основаніи». Указъ этотъ, касавшійся одного городскаго управленія, а не общественнаго устройства, былъ совершенно произвольно распространенъ въ Ригѣ на все общественное и сословное устройство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до введенія Городового Положенія, и, такимъ образомъ, какъ выражается Мартенсъ въ своихъ запискахъ, «старое, перержавившее городское устройство было возстановлено со всѣми прежними его злоупотребленіями». Если меньшинство городскаго населенія и было довольно этимъ возвратомъ къ старинѣ, то несомнѣнно, что большая часть жителей, въ томъ числѣ всѣ Русскіе, потерпѣли вслѣдствіе отмѣны Городового Положенія. По этому, когда по манифесту Императора Александра 2 апрѣля 1801 года повелѣно было возстановить Городовое Положеніе во всей его силѣ и пространствѣ, то Рига раздѣлилась на двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала ходатайствовать объ оставленіи древняго муниципальнаго устройства, а другая заявляла желаніе, чтобы было введено Городовое Положеніе. Послѣдняя партія была столь многочисленна, что на собраніи большой гильдіи, 15 декабря 1802 года, изъ 153 членовъ только два подали голосъ въ пользу древняго учрежденія. Однако высшее правительство признало это изъявленіе общественнаго мнѣнія недостаточнымъ и велѣло вновь созвать гражданъ и потребовать отъ нихъ рѣшительнаго мнѣнія. Это собраніе состоялось только черезъ два года; въ это время первая партія прибѣгла ко всякимъ мѣрамъ, чтобы перевѣсъ оказался на ея сторонѣ. Хотя цѣль эта и была ею достигнута, но партія, стоявшая за введеніе Городового Положенія оказалась все-таки очень многочисленною. Эти обстоятельства и жалобы, поступавшія изъ Риги, указали правительству на необходимость преобразованія городского устройства, а между тѣмъ было повелѣно «сохранить древнія установленія городу присвоенныя, впредь до окончательнаго разсмотрѣнія и

Высочайшаго утвержденія положенія для г. Риги». Но подобно тому, какъ въ 40-хъ годахъ умѣли въ Петербургѣ тормозить крестьянское дѣло, такъ, начиная съ 1805 г., постоянно, подъ разными предлогами, откладывали преобразованіе Рижскаго городского устройства. Сначала, именно въ 1805 году было признано, что этотъ вопросъ долженъ быть разсмотрѣнъ совокупно съ «тѣмъ, когда Коммиссія Законовъ приступитъ къ составленію общаго положенія о городахъ». А когда, въ 1833 году, вопросъ этотъ былъ снова возбужденъ, то Государственный Совѣтъ, хотя и нашелъ, что, въ виду безпорядковъ въ городскомъ управленіи и многосложности въ его организаціи, и слѣдовало бы нынѣ же приступить къ преобразованію городского устройства Риги, однако, призналъ необходимымъ отложить это дѣло до окончанія общаго дѣла о привилегіяхъ Остзейскаго края. Наконецъ, черезъ 40 лѣтъ устранились тѣ два обстоятельства, которыя выставлялись какъ препятствія для приступа къ преобразованію. Въ 1845 г. дѣло объ остзейскихъ привилегіяхъ было окончено обнародованіемъ первыхъ двухъ частей Мѣстнаго Свода Узаконеній Остзейскихъ губерній, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ окончательно изготовленъ проектъ новаго учрежденія для С.-Петербурга, которое предполагалось распространить и на другіе города [1]). А потому 9 іюня 1845 года была открыта въ Ригѣ особая коммиссія по городскимъ дѣламъ; но дѣйствія ея до пріѣзда старшаго члена Ханыкова, ограничивались, повидимому, собираніемъ и подготовленіемъ нужныхъ матеріаловъ. Работа, возложенная на коммиссію, состояла въ слѣдующемъ: а) привести въ извѣстность настоящія нужды и потребности Риги, равно какъ составъ рижской городской общины и ея управленія, уставы и правила, которыми они руководствуются, и хозяйственныя средства, въ распоряженіи города

[1]) См. подробное изложеніе хода дѣла о преобразованіи Рижскаго городскаго устройства на стр. 266—268, 483—528 этой книги.

состоянія; б) сообразить существующій порядокъ съ дѣйствительными мѣстными нуждами и съ общими государственными учрежденіями; в) представить проектъ необходимыхъ преобразованій и улучшеній.

Работа эта сама по себѣ представляла массу затрудненій вслѣдствіе многосложности своей, безпорядка, водворившагося въ городскомъ управленіи, келейности, съ которою велись въ немъ дѣла, и неизвѣстности въ чемъ собственно состояло дѣйствовавшее въ то время городское право, т. е. какіе уставы, привилегіи и правила утратили свою силу и какіе имѣли значеніе дѣйствующаго закона. Но эти затрудненіе еще болѣе усиливались тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ, въ которое поставило себя городское управленіе къ ревизующей коммиссіи. Читатель найдетъ на страницахъ 548—560 этой книги подробное изложеніе борьбы, которую должна была выдержать коммиссія съ городскимъ управленіемъ, не хотѣвшимъ признать за коммиссіею права производить ревизію и находившимъ поддержку въ своемъ противодѣйствіи даже въ гражданскомъ губернаторѣ (552 стр.). Чтобы охарактеризовать тѣ условія, при которыхъ коммиссіи приходилось исполнять возложенное на нее порученіе, достаточно сослаться на мѣткое слово графа Киселева, приведенное Ю. Ѳ — чемъ на стр. 101 перваго выпуска Окраинъ Россіи: «Вслѣдствіе систематическаго сопротивленія всѣхъ городскихъ управленій, ревизія, назначенная правительствомъ превратилась какъ бы въ осаду, и графъ П. Д. Киселевъ въ 1848 г. не безъ основанія спрашивалъ одного изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «вѣдь это кажется вы, по порученію Л. А. Перовскаго, ходили подъ Ригу?»

Тѣмъ не менѣе, по истеченіи двухъ лѣтъ упорнаго труда, коммиссія окончила свою работу и была упразднена въ іюлѣ мѣсяцѣ 1848 года. Она выработала 1) подробный проектъ преобразованія городскаго общества и управленія и 2) финансовыя соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо

было принять для приведенія въ порядокъ и улучшенія городскаго хозяйства. Соображенія эти подробно изложены на стр. 565—606 этой книги. Что же касается проекта преобразованія городскаго устройства, то умѣренное направленіе, въ которомъ онъ былъ выработанъ, ясно изъ слѣдующихъ словъ самой коммиссіи: «Принимая во вниманіе своеобразность развитія рижскаго городскаго устройства, въ существенныхъ отношеніяхъ не сходнаго съ Городовымъ Положеніемъ 1785 года, коммиссія признала удобнѣйшимъ не вводить безусловно въ Ригѣ означеннаго Положенія, но, сохранивъ по возможности основныя начала мѣстныхъ городскихъ учрежденій, исправить недостатки, происшедшіе отъ двухвѣковаго застоя въ развитіи сихъ учрежденій, согласуя однако же исправленія какъ съ существеннымъ характеромъ мѣстныхъ учрежденій, такъ и съ современными потребностями рижскихъ обывателей и съ значеніемъ Риги, какъ губернскаго города Русской имперіи». Мѣры, проектированныя коммиссіею, для достиженія этой цѣли, указаны на стр. 561—565 этой книги.

Кромѣ этихъ двухъ, такъ сказать, заключительныхъ трудовъ коммиссіи, ею были также разработаны и приведены въ порядокъ всѣ подготовительныя работы и собранные матеріалы. Эти труды ея были раздѣлены на три части 1) историческую, 2) ревизіонную и 3) статистическую и напечатаны, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, собственно для лицъ высшаго управленія. Такъ, по крайней мѣрѣ, значится въ предисловіи къ первой части, т. е. исторической (стр. 546 этой книги); одинъ экземпляръ ея сохранился въ библіотекѣ Ю. Ѳ—ча; но было ли это изданіе продолжено и дошло ли дѣло до печатанія 2 и 3 части намъ навѣрное неизвѣстно; предполагаемъ, однако, что печатаніе ограничилось одною первою частью.

Какая же доля участія принадлежитъ Ю. Ѳ—чу въ этихъ многотомныхъ трудахъ рижской ревизіонной коммиссіи?

Можно, кажется, a priori, сказать, что на него была возложена та часть труда, которая имѣла наиболѣе научный характеръ. И дѣйствительно, изъ писемъ его видно, что спачала онъ занимался статистикою, но это продолжалось недолго, и вскорѣ старшій членъ коммиссіи Я. В. Ханыковъ поручилъ ему часть историческую. Задача эта была не легкая; она потребовала усидчиваго, почти двухлѣтняго труда. Кромѣ краткаго обзора древнѣйшей исторіи г. Риги съ 1200 до 1581 года, составленнаго Напирскимъ (см. его Monumenta Livoniae antiquae. IV. 1844 г.) и отдѣльныхъ монографій, въ то время не было пособія, въ которомъ была бы представлена полная исторія городскихъ учрежденій Риги [1]). Поэтому, какъ сказано въ предисловіи, написанномъ Я. В. Ханыковымъ, къ первой части трудовъ ревизіонной коммиссіи, «историческія свѣдѣнія о постепенномъ развитіи рижской городской общины должно было почерпать изъ мѣстныхъ лѣтописей, записокъ и протоколовъ двухъ городскихъ гильдій; лишь немногіе изъ этихъ источниковъ были изданы, большинство же заключалось въ рукописяхъ, нерѣдко на трудно-понятномъ древне-нѣмецкомъ языкѣ. Изученіе этихъ памятниковъ, равно какъ всего обнародованнаго объ исторіи Риги, возложено было на тит. сов. Самарина». (см. стр. 543 этой книги) Не смотря на трудность этой задачи, Ю. Ѳ. охотно и съ интересомъ принялся за работу, потому что она представляла не сухой канцелярскій трудъ и вдобавокъ имѣла нѣкоторую связь съ исторіею Новгорода, которою онъ занимался въ Петербургѣ [2]). «Я своею службою доволенъ, писалъ онъ къ А. Н. Попову 6 октября 1846 года. Теперь, по крайней мѣрѣ, я не исключительно занятъ статистикою. Ханыковъ

---

1) Послѣ того вышло изслѣдованіе Dr Bunge: Die Stadt Riga im XIII und XIV Jahrhundert. Geschischte, Verfassung und Rechtszustand. Leipzig. 1878. Но полной исторіи Риги и до сихъ поръ нѣтъ.

2) Тамъ имъ были написаны въ зиму съ 1844 на 1845 г. двѣ статьи подъ заглавіемъ «Вѣче и Князь».

поручилъ мнѣ составить исторію сословій городскихъ въ Ригѣ и обозрѣніе ихъ современныхъ правъ, привилегій и обычаевъ возможно полное. По этой части издано здѣшнимъ директоромъ гимназіи Напирскимъ много документовъ; въ Лейпцигѣ вышелъ уже томъ полнаго собранія остзейскихъ лѣтописей; наконецъ, есть въ архивахъ множество матеріаловъ. Предметъ весьма интересенъ самъ по себѣ и въ особенности въ связи съ нашею исторіею, съ исторіею сѣверныхъ городовъ, которая меня давно занимаетъ. Много есть явленій сходныхъ, параллельныхъ, напримѣръ, постепенный переходъ магистрата (первоначально присутственнаго мѣста) въ значеніе отдѣльнаго сословія объясняетъ образованіе посадничества какъ сословія въ XV вѣкѣ. Хотѣлось бы мнѣ сказать, что дѣленіе городской общины на членовъ большой гильдіи (Bürger) и членовъ малой гильдіи (Gesellen) соотвѣтствуетъ дѣленію Новгородцевъ на большихъ и малыхъ, на мужей и людей; но я боюсь увлечься внѣшнимъ сходствомъ и до времени воздерживаюсь отъ проведенія параллелизма черезъ ельтермановъ и старостъ, Aeltesten и старыхъ, Jüngsten и младшихъ. Въ торговыхъ же постановленіяхъ очень много очевидно тождественнаго; надѣюсь объяснить нѣкоторыя темныя выраженія, нѣкоторыя названія пошлинъ и пр. Какъ бы то ни было, городовое устройство нѣмецкое или объясняетъ, или оттѣняетъ своею противоположностью нашъ древній городовой бытъ. Основныхъ же началъ, т. е. княжеской власти и вѣча, у насъ никто не отниметъ; этому здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Я предчувствую, что моя работа получитъ видъ ученаго изслѣдованія, а вовсе не министерской записки; придется по окончаніи перекраивать ее. Кромѣ того, я продолжаю заниматься выписками для исторіи сельскаго сословія и скоро потребую отъ васъ лѣтописей и актовъ».

Помимо этого историческаго труда, вѣроятно, по просьбѣ генералъ-губернатора, Ю. Ѳ. занимался составленіемъ за-

писокъ по различнымъ вопросамъ, не входившимъ въ кругъ дѣятельности ревизіонной коммиссіи. «Я работалъ здѣсь очень прилежно всю зиму, писалъ онъ къ А. Н. Попову 4 мая 1847 г., а теперь опустился. Плоды трудовъ моихъ были: двѣ записки о власти прокуроровъ и стряпчихъ надъ крестьянскими судами и о рижскихъ раскольникахъ; вторая большая [1]). Теперь пишу обозрѣніе исторіи Остзейскаго края, долженствующее служить введеніемъ къ отчету генералъ-губернатора. Затѣмъ примусь писать исторію городскихъ сословій и проектъ для ихъ преобразованія. По этой части я уже собралъ множество матеріаловъ. Попадались любопытныя вещи для Русской исторіи, между прочимъ свидѣтельства нѣмецкихъ лѣтописцевъ о широкомъ распространеніи православной вѣры въ Лифляндіи до прибытія Нѣмцевъ. Все это не пропадетъ». Не много спустя, 29 мая Ю. Ѳ. писалъ отцу: «Я окончилъ всѣ мелкія побочныя занятія и принялся опять за исторію сословныхъ правъ. Это страшная путаница, бездна матеріаловъ неразработанныхъ, къ тому же писанныхъ на варварскомъ древнемъ нѣмецкомъ языкѣ. Положиться ни на кого нельзя, потому что какъ разъ надуютъ, а самому всего не прочесть. Я не предвижу конца этой работѣ». А между тѣмъ, кромѣ этихъ служебныхъ занятій, обязательныхъ и добровольно принятыхъ на себя, Ю. Ѳ. написалъ въ первой половинѣ 1847 года еще большую статью: «О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ», напечатанную въ Москвитянинѣ [2]). Казалось, онъ бралъ на себя работу, непосильную для одного чело-

---

[1]) Записка о раскольникахъ рижскихъ, къ сожалѣнію, не сохранилась въ архивѣ Ю. Ѳ—ча. Я. В. Ханыковъ писалъ Ю. Ѳ—чу 17 февраля 1847 г. объ этой запискѣ: „Благодарю васъ въ особенности за превосходно изложенныя соображенія о раскольникахъ. Я представлялъ вашъ трудъ министру и просилъ его приказать предварительно сообразить, не противорѣчатъ ли въ чемъ либо эти предположенія видамъ министерства. Онъ поручилъ просмотръ Надеждину, который доложилъ Льву Алексѣевичу, что находитъ предположенія вполнѣ согласными съ цѣлями министерства, почему Л. А. и желаетъ, чтобы они доставлены были ему въ формѣ сообщенія отъ генералъ-губернатора".

[2]) См. I т. соч. Ю. Ѳ. С. стр. 28.

вѣка, и однако работа все усиливалась и сосредоточивалась на исторіи городскихъ сословій въ Ригѣ, потому что коммиссія спѣшила закончить возложенное на нее порученіе. «Теперь же, писалъ Ю. Ѳ. 10 ноября 1847 г. Аксакову, хоть и смѣшно повторять все одно и то же, я въ буквальномъ смыслѣ заваленъ дѣломъ, работаю днемъ и ночью до 3 и 4 часовъ утра; послѣ такихъ занятій встаешь со стула съ одною потребностью подышать воздухомъ, хотя и не свѣжимъ, или посмѣяться въ театрѣ. Погодинъ просилъ моихъ статей и моего содѣйствія для обновленнаго Москвитянина. Какое тутъ содѣйствіе при такихъ занятіяхъ!»

Во время двухлѣтняго пребыванія своего въ Ригѣ, Ю. Ѳ. два раза пріѣзжалъ на короткое время въ Москву: въ первый разъ въ ноябрѣ 1846 года, а во второй разъ въ концѣ декабря 1847 года. Переписка съ московскими друзьями была въ то время до крайности затруднена, потому что правительство совершенно ошибочно смотрѣло на славянофиловъ какъ на общество политическое и слѣдило за всѣми членами этого кружка. Въ апрѣлѣ 1847 г., вслѣдствіе доноса австрійскаго правительства, былъ арестованъ Ѳ. В. Чижовъ при возвращеніи своемъ изъ за границы, привезенъ жандармами въ Петербургъ и помѣщенъ въ III Отдѣленіи. Въ лицѣ Чижова славянофильское направленіе подверглось въ первый разъ преслѣдованію и суду правительства. Подробности этого перваго дознанія, произведеннаго надъ славянофильствомъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не преданы гласности; на сколько намъ извѣстно, въ этотъ разъ правительство обратило вниманіе на славянофильство преимущественно въ отношеніи его къ западному панславизму. Чижовъ оставался подъ арестомъ 12 дней; онъ удивилъ Дупельта, въ то время начальника штаба III-го Отдѣленія, достоинствомъ и благородною смѣлостью своихъ отвѣтовъ, словесныхъ и письменныхъ, и, по словамъ Хомякова, «получилъ почти благодарность отъ Его Величества, который объявилъ себя

его цензоромъ впередъ». Тѣмъ не менѣе онъ былъ подвергнутъ секретному полицейскому надзору и уѣхалъ въ Кіевъ, такъ какъ пришлось отказаться отъ намѣренія издавать журналъ въ Москвѣ[1]). Понятно, что, при такихъ условіяхъ, приходилось Ю. Ѳ-чу избѣгать пересылки писемъ по почтѣ и довѣрять ихъ надежнымъ знакомымъ, которые отвозили письма изъ Риги въ Петербургъ и оттуда съ вѣрною оказіею доставляли ихъ въ Москву. Вслѣдствіе этого, постоянный письменный обмѣнъ мыслей между Ю. Ѳ. и его московскими друзьями былъ почти невозможенъ, а между тѣмъ онъ чувствовалъ не только потребность, но и совершенную необходимость для себя поддерживать духовную связь съ ними. Отчасти это и достигалось временными побывками его въ Москвѣ. На этихъ свиданіяхъ онъ передавалъ своимъ друзьямъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Лифляндскаго Комитета 1846 года; приводилъ ихъ въ связь съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи; сообщалъ извѣстія о ходѣ крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи, о ландтагѣ, собиравшемся въ сентябрѣ 1847 года для обсужденія выработаннаго проекта положенія о крестьянахъ, о переходѣ Латышей въ православіе, о томъ состояніи илотовъ, въ которомъ находились Русскіе въ Остзейскомъ краѣ, о занятіяхъ ревизіонной коммиссіи и о той борьбѣ, которую ей приходилось выносить на своихъ плечахъ съ мѣстными общественными нѣмецкими властями и т. д. Однимъ словомъ, Ю. Ѳ. выдвигалъ на этихъ бесѣдахъ вопросы практическіе и доказывалъ необходимость содѣйствовать правительству въ ихъ рѣшеніи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что по существу возбужденныхъ имъ вопросовъ ему сочувствовали всѣ члены московскаго кружка. Но эти вопросы находились въ непосредственной связи съ принципіальнымъ вопросомъ объ отношеніи славянофиловъ къ правительству. Рѣшать такіе практическіе вопросы, на которые указывалъ

1) См. письмо Хомякова 30 мая 1847 г., въ № 11 Русскаго Архива за 1879 г. и рѣчь И. С. Аксакова о Ѳ. В. Чижовѣ въ № 1 Русскаго Архива за 1878 годъ.

Ю. Ѳ., а особенно проводить ихъ въ жизнь, можно было, очевидно, не иначе какъ содѣйствуя правительству, а Петербургскому правительству того времени московскій кружокъ не довѣрялъ, а потому и къ сообщеніямъ и предложеніямъ Ю. Ѳ—ча далеко не всѣ друзья его, особенно К. С. Аксаковъ, отнеслись сочувственно. Ю. Ѳ. не раздѣлялъ ихъ мнѣнія о необходимости полнаго и безусловнаго воздержанія отъ всякаго содѣйствія правительству и думалъ, что такое содѣйствіе обязательно для его друзей и для него самого въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣли, преслѣдуемыя правительствомъ, совпадаютъ съ ихъ принципами и съ ихъ стремленіями. Тѣмъ не менѣе отношеніе къ нему его друзей въ послѣднее свиданіе съ ними въ январѣ 1848 г. не могло не смутить его; ему необходимо было узнать, чью сторону въ этомъ разногласіи приметъ Хомяковъ и какъ онъ отнесется къ его служебной дѣятельности и къ тѣмъ мыслямъ, которыя онъ проводилъ въ бесѣдахъ съ своими друзьями. Хомякова и Кирѣевскихъ онъ не засталъ въ Москвѣ въ январѣ 1848 г., а потому, по возвращеніи въ Ригу, онъ поспѣшилъ написать Хомякову письмо, къ сожалѣнію, не сохранившееся, но о содержаніи его можно отчасти судить по отвѣтному письму Хомякова [1]). «Вы спрашиваете, писалъ Хомяковъ, не раздѣляю ли я вашего мнѣнія о томъ, что можно и должно дѣйствовать заодно съ* [2]), или, напротивъ, не думаю ли, какъ другіе, что никогда съ нимъ дѣйствовать не должно». Подчеркнутыя нами слова «какъ другіе», равнымъ образомъ и слѣдующія далѣе слова Хомякова: «вы были въ Москвѣ; на васъ, какъ слышу, косились не мало; съ злостью ловили ваши слова и пр. и пр.» ясно указываютъ на то, что на Ю. Ѳ—ча взглянули въ Московскомъ кружкѣ почти какъ на отступника отъ одного изъ коренныхъ началъ славянофильства, какъ на перебѣжчика на сторону правительства,

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1879 г., № 11, стр. 328—332.

[2]) Это письмо было отправлено, вѣроятно, по почтѣ, а потому оно намѣренно написано двусмысленно.

хотя и дѣйствующаго по совѣсти. Хомяковъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Ю. Ѳ—ча, сдѣлалъ только оговорку относительно безусловной формы, въ которой былъ предложенъ вопросъ. «Аксаковъ (К. С.), писалъ Хомяковъ, невозможенъ въ приложеніи практическомъ.... Уступки въ началахъ непозволительны, онѣ губятъ самыя начала; но никакое начало съ другой стороны не можетъ проявляться въ совершенной чистотѣ и безпримѣсности.... Можно даже утверждать, что всякое начало, которое способно проявиться въ жизни безъ всякой уступки, просто не стоитъ и проявленія. Поэтому намъ непремѣнно предстоитъ двоякая дѣятельность, на которую я смотрю какъ на положительную обязанность: дѣятельность наукообразнаго изложенія теоріи (съ полемикою), какъ бы общество ни встрѣчало это изложеніе холодно и тупо, и дѣятельность практическаго приложенія, какъ бы оно ни было затруднительно и перехвачено всякими препятствіями. Наша эпоха, можетъ быть по преимуществу, зоветъ и требуетъ къ практическому приложенію. Вопросы подняты, и такъ какъ эти вопросы историческіе, то они могутъ быть разрѣшены не иначе какъ путемъ историческимъ, т. е. реальнымъ проявленіемъ въ жизни. Для насъ Русскихъ теперь одинъ вопросъ [1]) всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно. Давно уже ношусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить елико возможно ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе» [2]).

---

[1]) Объ освобожденіи крестьянъ.

[2]) Очевидно, что Ю. Ѳ. въ письмѣ своемъ, на которое отвѣчалъ Хомяковъ, изложилъ свои мысли о необходимости приступить къ рѣшенію крестьянскаго вопроса въ Россіи и о правѣ крестьянъ на землю, разумѣя подъ нимъ право

Ю. Ѳ. былъ, конечно, вполнѣ удовлетворенъ авторитетнымъ для него отвѣтомъ Хомякова, признавшаго законность, со славянофильской точки зрѣнія, новой дѣятельности, къ которой призывалъ Ю. Ѳ. своихъ друзей. Но ему надобно было вполнѣ оправдать себя передъ ними и показать, что, служа правительству въ Остзейскомъ краѣ, онъ служилъ такому дѣлу, которому должны сочувствовать его друзья, а потому и дѣйствія его должны быть признаны ими безусловно правильными. Съ этою цѣлью, онъ рѣшился въ формѣ «Писемъ изъ Риги» изложить сущность остзейскаго вопроса, представить, въ какомъ угнетеніи находятся въ этомъ краѣ Русскіе, и выяснить задачу, которую преслѣдовало правительство предпринятыми тамъ реформами. «Что касается меня, то, до отъѣзда моего изъ Риги, я едва-ли успѣю написать что нибудь путное, писалъ Ю. Ѳ. въ апрѣлѣ 1848 г. К. С. Аксакову. Мои теперешнія занятія, тѣсно связанныя съ тѣмъ, что дѣлается у меня передъ глазами, совершенно отнимаютъ у меня не только время, но возможность сосредоточить вниманіе на другомъ предметѣ. Систематическое угнетеніе Русскихъ Нѣмцами, ежечасное оскорбленіе русской народности въ лицѣ немногихъ его представителей—вотъ что волнуетъ во мнѣ кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этотъ фактъ къ сознанію, выставить его передъ всѣми. Независимо отъ служебныхъ занятій, я пишу теперь письма объ Остзейскомъ краѣ, которыя буду посылать въ Москву на имя Хомякова, которому они давно обѣщаны. Прошу и тебя не только прочесть ихъ, но дать имъ ходъ».

Въ это время однако уже произошло одно обстоятельство, которое сразу показало Ю. Ѳ—чу, что опасенія московскихъ друзей его и оговорки Хомякова не были лишены

на пользованіе землею, принадлежащею на правѣ собственности помѣщикамъ; это была та же мысль, которая имъ была такъ ясно формулована въ упомянутомъ выше заключеніи къ историческому обзору освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи.

основанія. Въ февралѣ 1848 года генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній на мѣсто генерала Головина былъ назначенъ князь Суворовъ, который и пріѣхалъ въ Ригу въ половинѣ марта. «Здѣсь воцарился новый генералъ-губернаторъ, писалъ Ю. Ѳ. 24 марта къ А. Н. Попову. Его встрѣтили со всякими изъявленіями восторговъ и надеждъ; были встрѣчи, Fakelzüge, Lieder, теперь начнутся обѣды. О Головинѣ жалѣли не многіе, но жалѣли искренно и безкорыстно. Съ другой стороны сыпались на него клеветы. Запершись дома, я не былъ свидѣтелемъ и не слышалъ собственными ушами всего этого — черезъ это избавился отъ порчи крови». Ликованіе Нѣмцевъ было понятно: назначеніе кн. Суворова въ Ригу означало крутой поворотъ во взглядѣ правительства на остзейскія дѣла; нѣмецкая партія одержала полную побѣду. Хомяковъ былъ правъ, когда указывалъ Ю. Ѳ—чу въ приведенномъ выше письмѣ на неустойчивость тогдашняго правительства: «Еще нѣтъ и мѣсяца, какъ я, пріѣхавъ въ Москву, получилъ письмо ваше, а ужъ мы получили одинъ, а можетъ быть и два урока практической мудрости [1]), которые должно намъ имѣть въ виду для всѣхъ своихъ дѣйствій... Положимъ, что Павловъ или Погодинъ нынче такого-то мнѣнія: вы рады его поддержать; надеждъ вамъ дается много; вы ѣдете туда-сюда справляться, какъ проектъ исполнятся; не успѣли вы доѣхать до недалекой Риги, а уже мнѣніе пріятеля измѣнилось вслѣдствіе страха или интриги; обѣщанія берутся назадъ, и вамъ хоть въ воду броситься, если вы на пріятеля надѣялись... Что жъ? Выдержанъ ли планъ? Додѣлывается ли дѣло? По всему видимому и слышимому нѣтъ: смыслъ всѣхъ порученій измѣненъ, и отъ васъ готовы отказаться, оставя на васъ нареканія и гнѣвъ общества. Положимъ, что вамъ до мнѣнія этого дряннаго общества дѣла нѣтъ; но, по крайней мѣрѣ, эти уроки практиче-

[1]) Т. е. назначеніе кн. Суворова въ Ригу.

ской мудрости, данные въ такой короткій срокъ, показываютъ, какъ можно полагаться на вышерѣченнаго пріятеля». Безъ малаго четыре мѣсяца оставался Ю. Ѳ. въ Ригѣ при новомъ начальникѣ края; онъ видѣлъ, какой оборотъ принимали дѣла на мѣстѣ, и убѣдился, конечно, что всѣ труды Коммиссіи пропадутъ безплодно.

За нѣсколько дней передъ своимъ отъѣздомъ изъ Риги, Ю. Ѳ. набросалъ себѣ на память впечатлѣнія и жизненные уроки, которые онъ вынесъ изъ своего двухлѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ. Не смотря на то, что эти страницы имѣютъ мѣстами характеръ какъ бы исповѣди самому себѣ, мы рѣшаемся воспроизвести ихъ, такъ какъ онѣ могутъ быть назидательны. Не слѣдуетъ только опускать изъ виду, что рѣчь идетъ о правительствѣ 40-хъ годовъ, и что въ настоящее время, благодаря твердости правительства, наша политика въ Остзейскомъ краѣ, конечно, не можетъ быть обвинена ни въ безсиліи, ни въ непослѣдовательности; ничего подобнаго вѣчно-памятному управленію князя Суворова Остзейскимъ краемъ теперь, конечно, уже не можетъ повториться.

«1 іюля 1848 г. Рига, на дачѣ. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, я выѣзжаю изъ Риги, въ которой провелъ два года. Не могу сказать, чтобъ это время прошло для меня даромъ; но Богъ знаетъ, почему мнѣ все кажется, что его можно бы было употребить лучше, на занятія болѣе важныя и болѣе согласныя съ моими способностями. Вообще до сихъ поръ ни одно изъ занятій моихъ не удовлетворяло меня вполнѣ, ни тѣ, которыя были мнѣ навязаны, ни тѣ, которыя я выбиралъ себѣ самъ. Остатокъ ли это юношескаго самолюбія и обманчиваго понятія о моихъ силахъ, или въ самомъ дѣлѣ меня ожидаетъ впереди дѣло важное, которому я долженъ буду посвятить себя всего и безусловно—вотъ что составляетъ пока для меня еще не разрѣшенный вопросъ. Ежедневно прошу у Бога, чтобъ онъ просвѣтилъ меня со-

знаніемъ юношеской гордости — если это точно гордость или той будущности, которая меня ожидаетъ — если она есть для меня.

«Какъ бы то ни было — два года прошли и горевать поздно. Остается самому себѣ отдать въ нихъ строгій отчетъ. Способности мои, кажется, не ослабѣли, не смотря на то, что онѣ были устремлены на одинъ предметъ почти исключительно. Я пересталъ бояться односторонности, убѣдившись, что многосторонность сосредоточенная и дѣятельная — удѣлъ немногихъ, а многосторонность расплывающаяся въ бездѣйствіи хуже всякой односторонности самой тѣсной. Глядя на Ханыкова, я пріобрѣлъ совершенно новую для меня способность работать постоянно, не выжидая вдохновенія, скоро и ровно, не замедляя себя мелочною взыскательностью и заботою, часто неумѣстною, объ изяществѣ изложенія. На то, что́ я сдѣлалъ въ два года, при прежнемъ моемъ образѣ занятій, потребовалось бы ихъ четыре. Разумѣется тѣмъ, что́ я написалъ, нельзя ни похвастаться, ни пощеголять въ публичномъ чтеніи, да къ чему это? [1]).

«Мысль о томъ, будетъ ли прокъ отъ моихъ трудовъ, прочтетъ ли ихъ кто нибудь, меня не останавливала и не отнимала охоты. Я постоянно смотрѣлъ на свои занятія какъ на школу и приготовленіе самого себя, ничего не ожидая отъ нихъ въ настоящемъ.

«Изъ всего, что я видѣлъ и слышалъ, выдаются для меня два результата, которыхъ я никогда не потеряю. Первый— это убѣжденіе въ непослѣдовательности и безсиліи правительства. Непослѣдовательность есть результатъ безсилія; безсиліе есть внутренній порокъ, отнюдь не слѣдствіе внѣшнихъ препятствій—ихъ нѣтъ или они ничтожны. Оно происходитъ очевидно отъ внутренней пустоты и какого-то безмыслія. Я могъ слѣдить за дѣйствіями нѣсколькихъ мини-

---

[1]) Подъ этимъ трудомъ Ю. Ѳ. разумѣетъ напечатанную въ этой книгѣ Исторію г. Риги.

стерствъ и управленій: ни въ чемъ не видно сознательнаго направленія, происходящаго отъ убѣжденія; вездѣ проглядываютъ личности, все рѣшаетъ прихоть, случай. Новое лицо вступаетъ въ должность; въ первыхъ движеніяхъ его видно какое-то рвеніе, но побудительная причина—въ самолюбіи, въ желаніи какъ можно выше поднять свое вѣдомство, хотя бы ко вреду прочихъ, захватить въ него все, что только можно. Первыя дѣйствія, первое встрѣченное въ комъ бы и гдѣ бы то ни было сопротивленіе или содѣйствіе, опредѣляютъ не направленіе—этого даже нѣтъ — а предпочтеніе, сочувствіе или антипатіи главнаго дѣйствующаго лица къ цѣлымъ сословіямъ или областямъ. Подъ вліяніемъ такихъ же обстоятельствъ, всегда случайныхъ и непредвидимыхъ, все это измѣняется. Отъ этого нельзя никогда поручиться за правительство на одну недѣлю. Отсюда происходитъ рядъ противорѣчій: дѣло, начатое съ жаромъ, на другой день забывается, а того, кто занимался имъ усердно и долго, если онъ вздумаетъ о немъ напомнить, принимаютъ или лучше выпроваживаютъ съ наглою улыбкою. Одного умѣнія выиграть время, выдержать первый натискъ, промолчать кстати, совершенно достаточно, чтобы парализировать всякую мѣру. Администрація остзейская представляетъ этому множество самыхъ рѣзкихъ примѣровъ. Одно и то же дѣло предпринималось пять разъ; его всякій разъ бросали не кончивши, а потомъ принимались заново, забывая все предыдущее. Способность забывать собственныя свои предположенія, труды, указы, распоряженія, держать подъ спудомъ труды добросовѣстныхъ чиновниковъ—изумительна. Горе тѣмъ, которые, вѣря въ слово правительства, предадутся съ жаромъ и надеждами какому бы то ни было дѣлу!—Все это такъ, и не менѣе того, я не потерялъ охоты служить, напротивъ, я рѣшился служить, потому что убѣдился, что избирать другую дорогу теперь поздно. Самое безмысліе и безсиліе правительства вызываетъ мысль и ручается за успѣхъ ея, когда она достигнетъ той степени зрѣлости, когда будетъ прояв-

ляться не въ полемикѣ, не въ догматизмѣ даже, а въ формѣ повелительной, когда можно будетъ сказать правительству: ты стало въ тупикъ, сдѣлай же то и то, и вотъ тебѣ люди, готовые на дѣло, воспитавшіе себя для него. Поймутъ ли это въ Москвѣ?

«Другой вынесенный мною результатъ: это убѣжденіе въ глубокой, коренной, систематической враждѣ Нѣмцевъ къ Русскимъ. Они дѣлали и будутъ дѣлать намъ страшное зло. Я развилъ эту мысль въ одномъ изъ моихъ памфлетовъ[1]). Устройство Остзейскаго края таково, что оно держится единственно искусственною опорою правительства; слѣдовательно, чтобы сохранить ее, чтобы остаться господами у себя, Остзейцы должны владѣть правительствомъ, быть господами у насъ. Они вселили и воспитываютъ въ Россіи правительственный эгоизмъ; они дали почувствовать власти возможность особенныхъ интересовъ, отрѣшенныхъ и противоположныхъ интересамъ земли. Они прямо говорятъ, что хотятъ служить правительству, а не землѣ; правительство имъ нужно какъ покорное орудіе, а чтобы покорить его, они льстятъ ему и выдаютъ ему землю Русскую. Отнынѣ я считаю долгомъ всякаго Русскаго по мѣрѣ силъ дѣйствовать противъ Остзейцевъ. Но это послѣднее убѣжденіе досталось мнѣ не даромъ. Сколько оскорбительныхъ отзывовъ о Русскихъ волновало во мнѣ кровь и шевелило желчь; я не знаю ничего невыносимѣе вида торжествующей лжи, ненависти и презрѣнія подъ оболочкою преданности и льстивыхъ изъявленій! Всякое обидное слово о Русскихъ я чувствовалъ какъ личную обиду, я принялъ и не могъ не принять на свой счетъ ненависть къ моимъ соотечественникамъ. Атмосфера, въ которой я жилъ эти два года, была пропитана ненавистью; сначала мнѣ было очень тяжело: постоянное раздраженіе произвело было во мнѣ физическое разстройство, какое-то горькое, болѣзненное ощущеніе подъ самымъ сердцемъ. Потомъ я привыкъ —

---

[1]) Т. е. Писемъ изъ Риги, напечатанныхъ въ этой книгѣ.

стыдно сознаться, мнѣ стало свободно, легко, почти отрадно постоянное настроеніе къ спору и нападкамъ. Я свыкся съ ненавистью; мнѣ было behaglich, какъ говорятъ Нѣмцы, въ этой атмосферѣ. Сердце мое и характеръ мой испортились; я чувствую, что въ этомъ отношеніи перемѣнился къ худшему. Авось это пройдетъ въ Москвѣ, а урокъ останется. Если слѣпая, глупая и, наконецъ, все-таки не слишкомъ страшная вражда, мною встрѣченная, такъ меня перевернула и лишила способности дѣйствовать спокойно и разсудительно, то мнѣ ли толковать о всепрощающей любви, о Русскомъ смиреніи и т. п.? Много надобно работать надъ собою».

Окончивъ всѣ дѣла въ Ригѣ, Ю. Ѳ. отправился въ Петербургъ, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому одинъ экземпляръ своихъ «Писемъ изъ Риги» и, получивъ 29 іюля четырехмѣсячный отпускъ, уѣхалъ въ Москву, провелъ осень въ подмосковной, а начало зимы въ городѣ. Изъ подмосковной, гдѣ жила вся семья его, онъ ѣздилъ на свиданіе съ Аксаковыми въ Абрамцово а изъ Москвы въ октябрѣ къ Хомякову, въ его Тульское имѣніе, и прогостилъ у него девять дней, «которые естественно прошли для него незамѣтнымъ образомъ», какъ онъ писалъ Попову. Но въ свиданіяхъ съ своими давнишними московскими друзьями онъ уже избѣгалъ споровъ теоретическихъ; мысль его все болѣе и болѣе сосредоточивалась на вопросахъ практическихъ, т. е. на приложеніи къ жизни тѣхъ началъ, которыя были выработаны имъ и его друзьями. «Безплодное противорѣчіе меня раздражаетъ, писалъ Ю. Ѳ. изъ Москвы 2 ноября 1848 г. А. Н. Попову, въ Петербургъ; споръ для спора становится мнѣ невыносимымъ. Не понимаю, какъ можно находить въ немъ удовольствіе, какъ скоро человѣкъ пережилъ ту пору, когда устанавливаются собственныя убѣжденія, и утратилъ надежду обратить другихъ». Мысли его были сосредоточены теперь на двухъ вопросахъ: крестьянскомъ и остзейскомъ.

Что касается крестьянскаго дѣла, то еще въ мартѣ мѣсяцѣ, изъ Риги, Ю. Ѳ. обращалъ вниманіе отца своего на

только что вышедшій указъ о правѣ крестьянъ пріобрѣтать собственность. «Изъ редакціи его очевидно, писалъ онъ, что первоначальная мысль была затемнена и даже искажена уступками той партіи, которая не хочетъ допустить никакихъ перемѣнъ; не менѣе того, все, что испорчено на бумагѣ, можетъ быть исправлено на дѣлѣ. Не признаете ли вы нужнымъ отъ себя велѣть прочесть его во всѣхъ нашихъ имѣніяхъ, съ присовокупленіемъ отъ вашего имени, что вы единожды навсегда даете всѣмъ и каждому разрѣшеніе, требуемое закономъ, для того, чтобы крестьянинъ могъ пріобрѣсть собственность? Это обѣщаніе ваше будетъ важною гарантіею для крестьянъ, хотя и не будетъ имѣть никакого юридическаго значенія и не замѣнитъ письменнаго свидѣтельства о вашемъ согласіи, которое вы будете выдавать всякій разъ при совершеніи купчей крестьяниномъ. Позднѣе я предложу вамъ еще (если это окажется возможнымъ) заключить въ присутственномъ мѣстѣ актъ, по которому вами лично данное соизволеніе сдѣлается обязательнымъ для всѣхъ будущихъ помѣщиковъ, кто бъ они ни были; такимъ образомъ это соизволеніе сдѣлается, такъ сказать, крѣпкимъ землѣ и неотъемлемымъ правомъ живущихъ на ней. Кто впослѣдствіи пріобрѣтетъ землю и людей, обяжется тѣмъ самымъ блюсти это право, какъ долгъ или обязательство, лежащее на имѣніи. Подобнаго рода акты въ Остзейскомъ краѣ заключаются очень часто, подъ именемъ Ingrossation, и я не вижу причины, почему бы нельзя было сдѣлать того же и у насъ». Это предложеніе Ю. Ѳ-ча указываетъ, что онъ уже въ то время старался приступить къ дѣлу, т. е. ко введенію законныхъ нормъ въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, и побуждалъ близкихъ ему лицъ идти въ этомъ дѣлѣ на встрѣчу добрымъ, но нерѣшительнымъ начинаніямъ правительства. Пишущему эти строки хорошо памятно, какъ осенью 1848 года, въ подмосковной, Ю. Ѳ. доказывалъ одному изъ своихъ братьевъ необходимость освобожденія крестьянъ, но его доводы представлялись недостаточно убѣдитель-

ными, и не мудрено: въ то время никто изъ братьевъ его еще не видалъ настоящей русской деревни и не зналъ въ дѣйствительности крѣпостнаго права. Вся семья жила зимою въ Москвѣ, а лѣто проводила въ подмосковной, которая имѣла болѣе характеръ дачи, чѣмъ деревни. Самъ Ю. Ѳ. только разъ или два, и то на нѣсколько дней, ѣздилъ въ заволжское имѣніе своего отца, чтобы поохотиться и отдохнуть отъ занятій. Поэтому и у него сложившееся убѣжденіе о необходимости освобожденія крестьянъ не было результатомъ жизненнаго опыта и наглядnаго знакомства съ пагубными послѣдствіями крѣпостнаго права. Недостатокъ знанія сельскаго быта онъ восполнялъ въ это время бесѣдами съ людьми, раздѣлявшими его образъ мыслей и практически знакомыми съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ. На этой почвѣ онъ сошелся осенью 1848 г. съ А. И. Кошелевымъ, который незадолго передъ тѣмъ присоединился къ направленію московскаго славянофильскаго кружка и въ октябрѣ 1847 г. обращался съ просьбою къ министру внутреннихъ дѣлъ дозволить ему сдѣлать на предстоявшихъ въ Рязани дворянскихъ выборахъ предложеніе объ открытіи комитета для «предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ и дворовыхъ къ своему помѣщику». 27 сентября 1848 г. Ю. Ѳ., рекомендуя А. И. Кошелеву Е. И. Барановскаго, намѣревавшагося заѣхать къ нему въ деревню, писалъ ему: «онъ заслуживаетъ большаго довѣрія и со временемъ, можетъ быть, получитъ возможность содѣйствовать осуществленію той мѣры, которая составляетъ цѣль вашихъ занятій и вмѣстѣ желаній». Есть указанія и на то, что Ю. Ѳ. во время пребыванія своего у Хомякова, въ Тульской его деревни, осенью 1848 года, обсуждалъ съ нимъ крестьянскій вопросъ и просилъ его составить «программу административныхъ вопросовъ», въ которую входило и крестьянское дѣло [1]). Ю. Ѳ., на-

[1]) См. письмо Хомякова къ Ю. Ѳ. отъ 1 марта 1849 г. въ № 11 Русскаго Архива за 1879 годъ.

поминая Хомякову свою просьбу, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ ему изъ Петербурга 20 декабря, что онъ «съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отъ него извѣстія о результатахъ его поѣздки по имѣніямъ». Очевидно, что Хомяковъ въ это время уже рѣшился приступить къ упраздненію барщины въ своихъ имѣніяхъ и къ переводу крестьянъ на оброкъ, и Ю. Ѳ. желалъ узнать, къ чему привели переговоры его съ крестьянами по этому поводу. Посылая Ю. Ѳ—чу обѣщанную программу, Хомяковъ писалъ ему изъ Москвы 1 марта 1849 г.: «эмансипаціонные разговоры здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи, если можно что-нибудь назвать у насъ общимъ мнѣніемъ. Кошелевъ много помогаетъ, какъ человѣкъ признанный практическимъ» [1]) Наконецъ, по возвращеніи въ Петербургъ въ декабрѣ 1848 г., Ю. Ѳ. сообщилъ отцу своему и Хомякову свѣдѣнія о ходѣ дѣла по введенію инвентарей въ Юго-западномъ краѣ и о намѣреніи правительства распространить эту мѣру на всю Россію. Онъ совѣтовалъ «приступить къ отграниченію крестьянскихъ земель отъ господскихъ, привести въ извѣстность и въ чи́сла всѣ крестьянскія работы на помѣщика, составить на этомъ основаніи таблицы и, сдѣлавъ ихъ извѣстными крестьянамъ, строго придерживаться ихъ въ требованіи работъ».—Услышавъ разсказъ о жестокомъ обращеніи одного помѣщика съ своими крестьянами въ Ямбургскомъ уѣздѣ, Ю. Ѳ. записываетъ въ своемъ дневникѣ, который онъ снова, и опять безуспѣшно, попытался было вести по пріѣздѣ въ Петербургъ: «И это дѣлается въ Ямбургѣ, въ 50 верстахъ отъ Петербурга: «народу много давится».— Какія слова и какъ они сказаны: самымъ спокойнымъ тономъ, и какое при этомъ беззлобіе! А у насъ говорятъ, что народъ доволенъ и что мысль объ эмансипаціи преждевременна! Говорятъ, эмансипація произведетъ безпорядки, а это порядокъ, что народъ давится! Въ искренности жалобъ

[1]) Тамъ же.

нельзя сомнѣваться: тонъ разсказовъ и беззлобіе не допускаютъ сомнѣнія. Скоро ли, скоро ли!»

Изъ этого видно, что мысль Ю. Ѳ—ча въ это время постоянно возвращалась къ крестьянскому вопросу; но злобу дня для него, послѣ отъѣзда изъ Риги въ іюлѣ 1848 г. и до апрѣля 1849 года, составляли его «Письма изъ Риги» и въ связи съ ними Остзейскій вопросъ. По пріѣздѣ въ Москву, онъ изготовилъ набѣло переписанный экземпляръ своихъ «Писемъ» и давалъ его читать своимъ друзьямъ, Хомякову, Аксаковымъ, Свербеевымъ, а изъ лицъ сторонніхъ только митрополиту Филарету, А. П. Ермолову и графу С. Г. Строганову. Такъ какъ рукопись давалась для чтенія по секрету, то огласки въ обществѣ она не имѣла; но въ тѣсномъ кругу лицъ, ее читавшихъ, она имѣла большой успѣхъ. Въ то время у насъ еще не было политической печати, и общество почти ничего не знало о томъ, что происходило внутри Россіи, а объ Остзейскомъ краѣ оно было, можно сказать, въ полномъ невѣдѣніи. Понятно поэтому, что, помимо внутренняго достоинства писемъ, они должны были возбудить большой интересъ, какъ первая попытка подвергнуть обсужденію, съ общественной точки зрѣнія, одинъ изъ крупныхъ вопросовъ нашей внутренней политики. Друзья Ю. Ѳ—ча, не исключая К. С. Аксакова, вполнѣ раздѣляли взглядъ на Остзейскій вопросъ, проведенный имъ въ письмахъ. Митрополитъ Филаретъ сочувствовалъ этому взгляду по существу и обѣщалъ свое содѣйствіе для сбора денегъ въ Москвѣ на русское народное и ремесленное училище, которое правительство разрѣшило открыть въ Ригѣ [1]). Но состоялся ли этотъ сборъ, или

---

1) Это видно изъ слѣдующаго чернового наброска письма къ митрополиту, отправленнаго Ю. Ѳ—чемъ изъ Петербурга, вѣроятно въ декабрѣ 1848 г.: «Пользуясь благосклоннымъ отзывомъ В. В—п - ва на мою просьбу, (сначала было написано: «Пользуясь обѣщаніемъ В. В—п— ва на мою просьбу, изложенную мною при свиданіи») осмѣливаюсь препроводить при семъ выписку статьи о русскомъ народномъ и ремесленномъ училищѣ въ Ригѣ изъ представленія министра внутреннихъ дѣлъ комитету министровъ, которое Высочайше утверждено по жур-

нѣтъ—не знаемъ; скорѣе думаемъ, что не состоялся въ виду того оборота, который приняло въ Петербургѣ дѣло о Рижскихъ письмахъ. А. П. Ермоловъ и графъ Строгановъ были сдержанны въ выраженіяхъ своего сочувствія направленію автора, но отдавали полную справедливость интересу писемъ и талантливому ихъ изложенію. Сохранилось въ бумагахъ Ю. Ѳ—ча письмо А. П. Ермолова отъ 28 ноября 1848 г., при которомъ онъ возвратилъ ему рукопись: «Довѣренность, которую вы мнѣ оказать изволили, весьма лестна мнѣ, и я прошу принять мою совершенную за нее благодарность. Жалѣю очень, что не могу лично передать вамъ рукопись у сего препровождаемую.— Прочитавши не изъ одного любопытства трудъ, достойный извѣстности, позволяю себѣ думать, что онъ былъ бы не для меня одного полезнымъ, и увѣренъ, что люди несравненно способнѣйшіе опредѣлить его цѣну затруднились бы, чему преимущественно отдать справедливость: точному ли и новому взгляду на предметъ и глубокимъ розысканіямъ, или искусству яснаго и убѣждающаго изложенія предмета».

Одновременно съ Москвою, «Письма изъ Риги» стали извѣстны и въ Петербургѣ, по рукописи, представленной Ю. Ѳ—чемъ Л. А. Перовскому. О впечатлѣніи, которое они производили тамъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и въ чиновномъ мірѣ, можно судить по письмамъ Я. В. Ханыкова къ Ю. Ѳ. Самарину. «Письма ваши, пи-

---

нату его 28 сентября 1848 г. и препровождено уже къ князю Суворову (отъ слова «статьи» до «Суворова» вписано карандашемъ Ханыковымъ). Такъ какъ для достиженія этой цѣли уже открыта на мѣстѣ подписка, то не благоугодно ли вамъ будетъ препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ ту сумму, которую удастся собрать въ Москвѣ для пріобщенія ея къ 1705 р., пожертвованнымъ русскими купцами въ Ригѣ. Всякое изъявленіе участія, подъ благословеніемъ вашимъ, православныхъ жителей Москвы къ ихъ однородцамъ и единовѣрцамъ Лифляндіи принесло бы послѣднимъ великое утѣшеніе въ настоящую минуту, когда большая часть предположенныхъ въ пользу ихъ улучшеній отлагается на долго, а принявшіе православіе Латыши, лишенные защиты и покровительства, перестаютъ, какъ слышно, посѣщать церкви и собираются просить сотнями и тысячами о разрѣшеніи имъ возврата въ лютеранство».

салъ Хапыковъ 15 августа 1848 г., прочтены были отъ доски до доски Л. А. Перовскимъ и произвели на него то впечатлѣніе, которое должны производить, т. е. чрезвычайно сильное. Онъ изъявилъ готовность передать ихъ графу Орлову, но подъ условіемъ замѣны нѣкоторыхъ именъ собственныхъ простыми числами событій, смягченія нѣкоторыхъ похвалъ и неодобреній и другихъ подобныхъ мелочей, на что желалъ имѣть ваше согласіе. Я сказалъ ему, что такъ какъ изъ экземпляра писемъ, который находится у него, онъ въ правѣ сообщить даже одинъ выписки, то тѣмъ менѣе, по всей вѣроятности, постоите вы за незначительныя измѣненія редакціи, если они не будутъ противорѣчить общему духу рукописи. Вслѣдствіе сего онъ передалъ мнѣ ее для нужныхъ исправленій. Пожалуйста, напишите поскорѣе, что̀ вы объ этомъ думаете. Впрочемъ, я повторяю опять то же, что говорилъ и прежде, а именно, что графъ Орловъ, не ознакомясь подробно самъ съ существомъ дѣла, не рѣшится дать ему дальнѣйшаго хода, а какъ для личнаго прочтенія у графа Орлова, вѣроятно, недостанетъ времени, то все можетъ попасться въ руки такого лица, которое, сгруппировавъ нѣсколько отрывковъ, будетъ въ состояніи, если захочетъ, выставить смыслъ навыворотъ. Для любопытства прилагаю при семъ отзывъ А—ва. Онъ можетъ служить лучшимъ выраженіемъ впечатлѣній, которыя должны произвести письма ваши даже на образованнѣйшую часть петербургскаго чиновнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко обнаруживаетъ узкость и невѣрность взгляда его вообще. Весь окончательный силлогизмъ формулируется слѣдующимъ образомъ: министерства ошибаются и противорѣчатъ другъ другу въ своихъ мѣрахъ, вслѣдствіе сего они безсильны, а потому, значитъ, должна быть безсильна и вся государственная жизнь. Это ограниченіе послѣдней исключительно чиновническою сферою ведетъ въ практикѣ къ двумъ весьма важнымъ и почти противоположнымъ недостаткамъ: съ одной стороны, люди, раздѣляющіе убѣжденія

А—ва, слишкомъ многаго требуютъ и ожидаютъ отъ чиновнической дѣятельности, съ другой, если сами обманутся въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, вдругъ отчаиваются, начинаютъ отрицать возможность какихъ бы то ни было полезныхъ результатовъ отъ служебныхъ занятій, а вслѣдствіе того и возможность государственнаго развитія вообще. Вы знаете, какой я врагъ этихъ крайностей и въ какой мѣрѣ считаю ихъ вредными въ нашей общественной жизни и потому не стану здѣсь распространяться объ этомъ подробнѣе». Выводъ, сдѣланный Ханыковымъ, не вполнѣ вѣрно опредѣляетъ точку зрѣнія А—ва. Въ его письмѣ хорошо отражается взглядъ на остзейскій вопросъ петербургской интеллигенціи 40-хъ годовъ, а потому мы приводимъ его in extenso: «Я читалъ письма Самарина съ такимъ увлеченіемъ, что не замѣтилъ, какъ просидѣлъ за ними всю ночь; проглотилъ ихъ, не переводя духа и не останавливаясь. Ума, остроумія, страсти въ нихъ пропасть. Но при всемъ томъ, не могу не замѣтить, что раздраженная на мѣстѣ ненависть, которою они пропитаны, проклинаетъ Остзейцевъ за такія вещи, которыя кажутся обыкновенными при историческомъ и, слѣдовательно, безпристрастномъ на нихъ взглядѣ. Знаете ли, что, при прочтеніи, разгорѣлось во мнѣ чувство не противъ Нѣмцевъ преимущественно.—Исключительность провинціальная и сословная выставлена Самаринымъ превосходно и живо; она безобразна до послѣдней крайности, слова нѣтъ. Но вѣдь это не все; надо дойти до конца въ логикѣ историческаго вопроса и спросить, почему это безобразіе сохранилось въ своей средневѣковой корѣ? И тутъ-то придется обвинить не однихъ Остзейцевъ. Вы знаете, что исключительность провинціальная и сословная была историческая принадлежность всего европейскаго развитія. Это былъ слой живший и отживший. Провинція и сословія отстаивали себя до тѣхъ поръ, пока общество не выработало новыхъ, болѣе широкихъ понятій и не вторгнулось съ ними въ провинціальную и сословную замкнутость; тогда на развалинахъ

стараго построенія начала усиливаться новая форма государственной жизни. Такъ шло и идетъ еще въ Европѣ. Но Остзейскій край, какъ замѣчаетъ С— инъ. оторванъ былъ отъ Германіи, и побѣда притянула его къ другой сторонѣ, въ то время, когда средневѣковая кора его была во всей силѣ. Слѣдовательно, не Германіи уже, а другимъ государственнымъ силамъ, иной жизни надо было разбивать кору эту и поставить на ея мѣсто другое выработанное начало цивилизаціи: а этого то и не было. Страны, которыя овладѣли Остзейскимъ краемъ, кромѣ Швеціи развѣ, по цивилизующей силѣ, взятой въ условіяхъ пространства и времени, ниже и слабѣе сомкнутыхъ сословій, господствующихъ въ Остзейскомъ краѣ. Можетъ-ли менѣе сильное стать на мѣсто болѣе сильнаго и живучаго? Во имя чего могъ внести гуманность въ иноплеменную колонію народъ, у котораго гражданинъ торгуетъ одноплеменникомъ и продаетъ его какъ вола? Гдѣ тотъ потокъ прогресса, который могъ бы сносить нелѣпое и покрытое плѣсенью феодальное построеніе? Сами же собою Остзейцы не могли развиваться; С—инъ справедливо замѣчаетъ, что, отторгнутые отъ своего естественнаго корня, они не заключаютъ сами въ себѣ зародыша государственнаго и народнаго развитія Вотъ они и оцѣпенѣли въ неподвижной формѣ, потому что живой потокъ жизни ни откуда къ нимъ не втекаетъ. Для нихъ не было прогрессивнаго стремленія, которое, напримѣръ, у сосѣдей ихъ прусскихъ помѣщиковъ, въ лицѣ Штейна, Гарденберга, заставило перемѣнить положеніе народа. А зачѣмъ Остзейцы не отрекаются отъ своей исключительности національной и сословной — это, по несчастію, лежитъ въ основѣ всѣхъ народовъ. Сколько крови стоило, стоитъ и будетъ стоить разнаго рода исключительность національная и аристократическая! Таково человѣчество: если нѣтъ борьбы, посредствомъ которой новое, истекающее изъ живаго развитія, становилось бы силою на мѣсто стараго, то является или оцѣпенѣніе въ однообразной формѣ, или баранья жизнь. Взгляните

на исторію Европы. Развѣ не вездѣ высшія сословія отстаивали до послѣдняго издыханія свои права? Вспомните смѣшныя и угнетательныя (?) подробности ремесленныхъ уставовъ, напримѣръ, во Франціи до конца XVIII вѣка Остзейцевъ ничто не безпокоитъ, ничто не вторгается въ ихъ нелѣпыя разгородки. Въ сжатости своей они относительно сильны и пользуются невѣжествомъ и продажностью, чтобы отстаивать то, въ чемъ они однажды усѣлись (?), что имъ исключительно выгодно и сохраняетъ ихъ національность въ средѣ государства, представляющаго совершенно иныя начала и формы жизни. Я полагаю, что посадите въ ихъ условія колонію Французовъ, Англичанъ, вообще народа, имѣющаго сильную національную живучесть, было бы то же самое. Эгоизмъ скверенъ, но что дѣлать: онъ человѣченъ. Со стороны Остзейцевъ видимъ мы сильную племенную, хотя и узкую живучесть и стойкость, поддерживаемыя правдою и неправдою, а съ другой стороны—отреченіе отъ расширенія своей національности, расширенія совершенно законнаго;—это безсиліе жизни, не говоря уже о продажности. Я полагаю, что мы поспоримъ обо всемъ этомъ».— Ясно, что, по мнѣнію А—ва, вина въ томъ, что Остзейскій край коснѣлъ въ средневѣковыхъ формахъ жизни, лежала не въ ошибкахъ того или другаго министерства или всѣхъ министерствъ въ ихъ совокупности, а коренилась глубже. Вдаваться въ подробную критику этого воззрѣнія здѣсь не мѣсто; оставляя поэтому въ сторонѣ преклоненіе передъ Европою, хотя ясно и не высказанное, но несомнѣнно подразумѣваемое въ этомъ взглядѣ, достаточно указать на его фактическую невѣрность и практическую несостоятельность. Отождествивши ошибочно небольшую сравнительно группу Нѣмцевъ-пришельцевъ съ цѣлымъ Остзейскимъ краемъ, А въ совершенно упустилъ изъ виду, что стремленія и интересы нѣмецкаго меньшинства вовсе не совпадали съ завѣтными желаніями и законными требованіями большинства населенія Остзейскихъ губерній, которое только при помощи русскаго правительства и

надѣялось избавиться отъ нѣмецкаго гнета. Не вѣрно и то, будто «ничто не безпокоило Остзейцевъ» въ ихъ провинціальной и сословной замкнутости; жизнь настойчиво и внушительно предъявляла свои требованія и ставила новыя задачи, совершенно не разрѣшимыя на почвѣ провинціальной исключительности и сословной замкнутости. Неужели же русское правительство должно было равнодушно и безучастно относиться къ завѣтнымъ чаяніямъ и совершенно законнымъ требованіямъ большинства населенія въ краѣ, оставлять безъ разрѣшенія всѣ самые насущные, жизнію выдвигаемые вопросы и ограничивать свою дѣятельность подавленіемъ волненій въ краѣ, исходя изъ убѣжденія въ принципіальномъ превосходствѣ нѣмецкой культуры, которая только при помощи внѣшней силы русскаго правительства и поддерживалась въ краѣ? Въ другомъ письмѣ отъ 16 сентября 1848 г. Ханыковъ писалъ Ю. Ѳ — чу: «По долгу чиновника прежде всего считаю обязанностью сообщить то, что поручилъ мнѣ передать вамъ Левъ Алексѣевичъ. Когда я благодарилъ его за испрошенную мнѣ награду, онъ сказалъ мнѣ: «жалѣю, что не могъ ничѣмъ публично выразить Самарину, какъ я доволенъ его службою въ Ригѣ; мнѣ непремѣнно хотѣлось сдѣлать это въ нынѣшнемъ представленіи къ наградамъ, гдѣ я предполагалъ включить его въ число представляемыхъ внѣ правилъ; но, не смотря на предоставленное мнѣ относительно этихъ чиновниковъ право, я не могъ, вслѣдствіе чина Самарина, просить для него ордена св. Анны на шею, къ чину онъ уже выслужилъ срокъ, оставался крестъ въ петлицу; я считалъ это слишкомъ незначительною наградою и предпочелъ отсрочить ее». Это рѣшительно, не только самый длинный, но первый хвалебный speech, слышанный мною отъ Перовскаго относительно одного изъ его подчиненныхъ и можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ вполнѣ удовлетворили Льва Алексѣевича «Рижскія письма». Хотя, разумѣется, хвала министра отнюдь не равносильна положитель-

ному повышенію на служебной лѣстницѣ, чего, для блага дѣла и вопреки вашего философскаго презрѣнія къ чиновнымъ почестямъ, я вамъ отъ души желаю: но на этотъ разъ я почти радъ, что Перовскій не украсилъ петли вицъ-мундира вашего какою нибудь ленточкою, такъ какъ въ существѣ оно ни къ чему бы не послужило, а между тѣмъ дало бы новый предлогъ толпѣ завистливыхъ глупцовъ кричать, что памфлетъ противъ Нѣмцевъ написанъ не изъ искреннихъ убѣжденій, а какъ способъ вымолить награду. Впрочемъ этотъ памфлетъ рѣшительно упрочилъ репутацію вашу въ нашемъ политическомъ мірѣ: даже Киселевъ, къ соблазну всѣхъ своихъ окружающихъ, прочелъ собственными глазами 120 листовъ и, къ изумленію М., не вѣрившаго своимъ ушамъ, объявилъ, что тутъ все истина, вѣрно, даже чрезвычайно умѣренно, что желательно довести это до Государя, но для сего нужно первоначально представить лишь образчикъ, а именно 1 и 6 письма, которыя въ особенности понравились Киселеву, остальныя же поднести лишь по Высочайшему востребованію и во всякомъ случаѣ сжать и сократить. А. С. объявилъ, что онъ ничего не читалъ по-русски столь блестяще написаннаго, но что, отдавая полную справедливость формѣ, ужасается содержанія, какъ цѣпи самыхъ дерзкихъ софизмовъ, и, заключая, присовокупилъ въ оправданіе Остзейцевъ: чѣмъ же они виноваты, что наше правительство не дѣйствовало у нихъ по-русски, да и почему требовать этого лишь въ Остзейскомъ краѣ [1]), когда оно нигдѣ не дѣйствуетъ по-русски?» Не правда ли, что это очень хорошо? Блудовъ изъявилъ Попову непремѣнное желаніе прочесть Рижскія письма и при этомъ случаѣ сказалъ, что право матрикулъ поддѣльное, но увѣряетъ, что во II-мъ Отдѣленіи Балугьянскій рѣшительно велъ къ уничтоженію ихъ, но что Бенкендорфъ сообщилъ Высочайшую волю утвердить матрикулы. Я сказалъ

[1]) Кто же этого требовалъ?

Попову, что согласенъ дать письма для прочтенія Блудову, но съ тѣмъ только, чтобы Поповъ самъ читалъ ему ихъ и не оставлялъ экземпляра безъ себя, дабы избѣжать комментарій Нѣмцевъ. Графу Протасову, который два раза черезъ Попова изъявилъ желаніе познакомиться съ Письмами (хотя, обѣдая у Киселева въ присутствіи Строганова и Милютина онъ объявилъ, что не смѣетъ читать подобнаго рода памфлетовъ) я просилъ Скрипицына сказать, что не могу дать Писемъ, потому что поставилъ себѣ правиломъ не давать ихъ въ руки защитникамъ Нѣмцевъ. Перовскій, почти при всякой встрѣчѣ, нападаетъ на меня за то, что я не передѣлываю «Писемъ». Но признаюсь, я полагаю, что поднесеніе ихъ на Высочайшій просмотръ въ настоящую минуту не только не полезно, но даже вредно»...

И такъ, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ только Л. А. Перовскій и графъ П. Д. Киселевъ открыто признали правильность взгляда Ю. Ѳ—ча на Остзейскій вопросъ. Но на всѣхъ, которымъ удалось прочесть «Рижскія письма», они произвели глубокое впечатлѣніе, даже на тѣхъ, которые не сочувствовали автору. Позднѣе, въ январѣ и февралѣ, въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ начались толки и споры объ этой секретной рукописи; всѣ желали ее прочесть; но ее трудно было достать, такъ какъ она имѣлась только въ одномъ экземплярѣ, и тотъ, какъ видно изъ письма Ханыкова, выдавался съ большимъ разборомъ. Такое возбужденіе интереса къ остзейскимъ дѣламъ не могло нравиться Нѣмцамъ. Они не могли оставить общество подъ впечатлѣніемъ «Рижскихъ писемъ»; имъ нужно было отрезвить общество и нанести ударъ тому, кто имѣлъ дерзость открыто выступить противъ нихъ. Сами они отступили на второй планъ и выдвинули князя Суворова для защиты ихъ политической чести.

Въ концѣ ноября 1848 г. кончался срокъ отпуска Ю. Ѳ—ча; онъ снова покинулъ Москву и 1 декабря уже былъ въ Петербургѣ. Въ аттестатѣ его сказано, что онъ былъ назначенъ 10 декабря «для занятій по дѣламъ Высочайше

утвержденнаго въ С.-Петербургѣ комитета объ устройствѣ быта лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ». Но въ это время кругъ занятій означеннаго Комитета уже былъ расширенъ и онъ назывался «Остзейскимъ Комитетомъ». Сначала, именно въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года, онъ былъ дѣйствительно вновь открытъ только «для разсмотрѣнія проекта уложенія лифляндскихъ крестьянъ, составленнаго тамошнимъ ландтагомъ въ 1847 году»; но въ ноябрѣ мѣсяцѣ этому же комитету было поручено разсмотрѣніе проектовъ, выработанныхъ рижскою ревизіонною коммиссіею. Дѣлопроизводителемъ комитета, при самомъ открытіи его, былъ назначенъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой; предсѣдателемъ по прежнему былъ графъ Паленъ, а членами: министры, графъ Киселевъ, Вронченко и Перовскій, и отъ лифляндскаго дворянства: Лиліенфельдъ, Фёлькерзамъ и Вульфъ. Въ этотъ разъ Ю. Ѳ — чу пришлось заняться не крестьянскимъ, а городскимъ дѣломъ. Въ записной книгѣ его значится подъ 20 числомъ декабря 1848 года: «Нынче я получилъ извѣщеніе, что меня прикомандировали къ Остзейскому Комитету. Значитъ, я буду присутствовать при церемоніи похоронъ двухъ нашихъ проектовъ: о городскомъ бюджетѣ Риги и о преобразованіи муниципальнаго устройства». Такъ какъ гр. Толстой не зналъ городского дѣла и занятъ былъ разсмотрѣніемъ положеній о крестьянахъ, выработанныхъ въ 1847 г. лифляндскимъ и эстляндскимъ дворянствомъ, то вести въ Комитетѣ городское дѣло пришлось Ю Ѳ чу; но докладывалъ предсѣдателю и комитету не онъ, а графъ Толстой. Графъ Паленъ не хотѣлъ допустить его, хотя бы и временно, по случаю болѣзни графа Толстого, принимать на себя обязанность докладчика. Въ записной книжкѣ Ю. Ѳ — ча находится слѣдующая характеристичная замѣтка: «23 декабря. По болѣзни графа Толстого, мнѣ поручено докладывать завтра графу Палену проектъ доклада Остзейскому Комитету по рижскимъ дѣламъ». — «24 декабря. Графъ Паленъ принялъ меня отмѣнно холодно

и сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ одинъ изучить дѣло и дождаться для объясненія выздоровленія графа Толстого. Итакъ, мое прямое участіе устранено». Эта остзейская любезность была, конечно, отвѣтомъ на «Рижскія письма»; въ то время уже подготовлялся походъ Остзейцевъ противъ Ю. Ѳ—ча.

Въ какомъ же положеніи засталъ онъ городское дѣло въ Остзейскомъ Комитетѣ? До его поступленія въ должность помощника дѣлопроизводителя, оно еще не разсматривалось въ Комитетѣ, и Ю. Ѳ — чу пришлось составить первый докладъ. Онъ сохранился въ бумагахъ Ю. Ѳ — ча; изъ него и изъ другихъ уцѣлѣвшихъ въ его архивѣ бумагъ, равнымъ образомъ и изъ сказаннаго на стр. 606—619 этой книги видно, что въ главныхъ чертахъ ходъ дѣла по обоимъ проектамъ, выработаннымъ ревизіонною коммиссіею, былъ слѣдующій. Финансовый проектъ, о мѣрахъ улучшенія рижскаго городского хозяйства, былъ сведенъ на нѣтъ, и на разсмотрѣніе Остзейскаго Комитета, съ участіемъ князя Суворова, былъ переданъ, по Высочайшему повелѣнію, только частный и совершенно второстепенный вопросъ о срокѣ, съ котораго слѣдовало ввести въ дѣйствіе новый бюджетъ города. Труднѣе оказалось привести къ тому же результату второй проектъ ревизіонной коммиссіи о преобразованіи рижскаго городового управленія; но и это конечно удалось. Министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ его 16 августа 1848 г. на заключеніе къ князю Суворову и, донося объ этомъ Государю, испрашивалъ разрѣшеніе 1) по полученіи замѣчаній князя Суворова, разсмотрѣть ихъ, вмѣстѣ съ предположеніями коммиссіи, въ Остзейскомъ Комитетѣ; 2) назначить въ комитетъ, съ совѣщательнымъ правомъ голоса, трехъ депутатовъ отъ рижскаго городского общества, по выбору магистрата, большой и малой гильдіи; 3) одобренныя въ комитетѣ основныя начала представить на Высочайшее утвержденіе и затѣмъ, по изготовленіи на семъ основаніи полнаго проекта о рижскомъ городскомъ управленіи, внести его въ Государственный Совѣтъ

для окончательнаго разсмотрѣнія. Эти предположенія были удостоены Высочайшаго утвержденія Въ нихъ, очевидно, вкралась недомолвка: не было сказано гдѣ, т. е. въ Петербургѣ или въ Ригѣ, и кѣмъ именно долженъ быть изготовленъ окончательный проектъ; этою недомолвкою и воспользовались, чтобы похоронить дѣло. Князь Суворовъ въ соображеніяхъ своихъ, сообщенныхъ министру внутреннихъ дѣлъ, призналъ справедливость почти всѣхъ сдѣланныхъ ревизовавшею коммиссіею указаній на неустройство и безпорядки городского управленія, согласился, что необходимо преобразовать его, но нашелъ проектъ коммиссіи «неудобнымъ къ исполненію». Мотивы, выставленные княземъ Суворовымъ для подкрѣпленія своего мнѣнія, читатель найдетъ на стр. 611 этой книги. При чтеніи ихъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что все это происходило въ 1848 г., когда впечатлѣніе произведенное февральскою революціею, еще было въ полной силѣ и вслѣдствіе этого измѣнился въ высшихъ правительственныхъ сферахъ взглядъ на введенное незадолго передъ тѣмъ новое городское управленіе въ Петербургѣ. Ясно, что, при такихъ условіяхъ, получали особое значеніе указанія на то, что проектъ ревизіонной коммиссіи замѣняетъ сословное управленіе представительнымъ [1]) и что направленіе проекта несогласно съ общими государственными началами, ибо распространяетъ право участія въ городскомъ управленіи на низшіе классы. Эти и подобныя имъ указанія должны были, даже помимо особой преднамѣренности со стороны писавшаго, наложить на проектъ ревизіонной коммиссіи такую окраску, которая могла хорошо содѣйствовать достиженію желанной цѣли—совершенному устраненію проекта. Князь Суворовъ дѣйствительно и предложилъ: не допускать

[1]) Князь Суворовъ разумѣлъ подъ этимъ замѣну подачи голосовъ отдѣльно по сословіямъ общею, поголовною подачею голосовъ, причемъ однако каждому сословію присвоивалось въ общемъ собраніи опредѣленное число голосовъ, безъ соображенія съ многочисленностью сословія.

проекта даже до разсмотрѣнія въ Остзейскомъ Комитетѣ въ присутствіи городскихъ депутатовъ, а взамѣнъ того учредить въ Ригѣ, для изготовленія другого проекта, новую коммиссію изъ 5 членовъ городского общества и 4 чиновниковъ, изъ коихъ 3 по назначенію генералъ-губернатора и 1 изъ бывшихъ членовъ ревизовавшей коммиссіи. Замѣчанія князя Суворова Высочайше повелѣно было въ его присутствіи разсмотрѣть въ Остзейскомъ Комитетѣ, вызовъ же рижскихъ депутатовъ въ Петербургъ отсрочить до рѣшенія вопроса о томъ, нужно ли учредить въ Ригѣ новую коммиссію. Итакъ, по второму проекту все таки пришлось Остзейскому Комитету войти въ разсмотрѣніе вопроса по существу

Засѣданія Остзейскаго Комитета состоялись только 22 и 27 января 1849 года, вѣроятно потому, что поджидали пріѣзда въ Петербургъ князя Суворова. Что же дѣлалъ Ю. Ѳ. въ теченіе двухъ мѣсяцовъ со времени переѣзда своего въ Петербургъ и до открытія засѣданій Остзейскаго Комитета по городскому дѣлу, чѣмъ онъ былъ занятъ въ это время и въ какомъ онъ былъ настроеніи? Въ первой половинѣ января 1849 года, получивъ извѣстіе отъ пріѣхавшихъ изъ Москвы А. Н. Попова и И. С. Аксакова, что К. С. Аксаковъ живетъ по прежнему, т. е. не дѣлая вовсе моціона и не сосредоточивая своихъ занятій ни на какомъ серьезномъ трудѣ, Ю. Ѳ. написалъ ему длинное письмо, которымъ увѣщевалъ его «отказаться отъ полемики, отъ споровъ, отъ безплодныхъ увѣщаній въ гостиныхъ... удалить отъ себя раздражающія впечатлѣнія, избрать какой-нибудь опредѣленный, строгій, капитальный трудъ и сосредоточиться на немъ... Самопринужденіе необходимо вездѣ и во всемъ по той простой причинѣ, что плоть немощна, а между тѣмъ она должна работать духу... Такого рода трудъ требуетъ правильной жизни, а съ этимъ связаны условія физическія, необходимо упражненіе тѣла, какой-нибудь моціонъ; ходьба по городу недостаточна; ты же неспособенъ ходить безъ цѣли; тебѣ необходимо завести себѣ станокъ или пилить

и колоть дрова, право, необходимо». Затѣмъ Ю. Ѳ. продолжалъ: «Ты спросишь меня, такъ-ли я самъ живу, чтобы быть въ правѣ давать другимъ совѣты? Конечно нѣтъ, но я могу сказать, что постоянно вижу передъ собою угрожающую мнѣ опасность; къ тому же, какъ я уже сказалъ тебѣ, внѣшнія обстоятельства поддерживаютъ меня болѣе, чѣмъ тебя. Пріѣхавши въ Петербургъ, въ ожиданіи новаго порученія, я точно забылся, предался лѣни, ложился поздно, вставалъ въ 12-мъ часу и ничѣмъ или почти ничѣмъ не занимался. Твой братъ, спасибо ему, меня за это распекъ и пристыдилъ; я рѣшился перемѣнить образъ жизни съ наступленіемъ великаго поста, но онъ отказалъ мнѣ въ этой отсрочкѣ и, по его совѣту, я въ тотъ же день досталъ себѣ работу и всталъ двумя часами ранѣе. Почему жъ бы тебѣ не принять отъ меня подобнаго совѣта?» Но въ то время, какъ Ю. Ѳ. обращался съ такимъ увѣщаніемъ къ К. С. Аксакову, онъ уже снова втянулся въ работу. «Въ послѣднее время, писалъ онъ 12 января 1849 года своему брату, я былъ сильно занятъ, такъ что иногда просиживалъ дома безъ обѣда, а вчера легъ спать въ 8 часовъ утра. Я прикомандированъ, въ качествѣ помощника производителя дѣлъ, къ Остзейскому Комитету, который будетъ разбирать наши проекты для Риги; настоящій дѣлопроизводитель не знаетъ городскихъ дѣлъ, такъ что я исправляю самую трудную и скучную работу, т. е. сочиняю доклады—а онъ докладываетъ. Привыкнувъ работать по заказу, я не жалуюсь, но работаю безъ всякаго участія, потому что въ десятый разъ излагаю одно и то же, то на десяти листахъ, то на трехъ, то на одномъ, однимъ словомъ, жую жвачку, опошливаю и искажаю въ собственныхъ своихъ глазахъ свою же мысль. Въ субботу, т. е. послѣ завтра, назначено первое засѣданіе Комитета и, вѣроятно, второго не потребуется. Я почти никуда не выѣзжаю и видаюсь рѣдко даже съ Карамзиными, которые живутъ въ двухъ шагахъ отъ меня».—Вмѣстѣ съ этою усиленною работою Ю. Ѳ.,

незамѣтно для самого себя, втягивался въ службу: онъ узналъ ея хорошія стороны, но не избѣгъ отчасти и неразлучныхъ съ нею слабостей. Хотя онъ и не жаловался, что на него все взваливали черновую работу, но это ему становилось досадно, и въ немъ начинала сказываться потребность дѣятельности самостоятельной. Оно и понятно, если вспомнить, что ему тогда уже было 30 лѣтъ. Съ его способностями, съ его подготовкою къ службѣ, съ тою опытностью, которую онъ пріобрѣлъ въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ, съ его выдержкою къ труду не требовалось большого самолюбія, чтобы претендовать на нѣчто высшее, чѣмъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при министрѣ, котораго даже не допускаютъ самого докладывать составленные имъ доклады. Если къ этому прибавить враждебное отношеніе къ нему не только Остзейцевъ но и петербургскаго общества за его Рижскія Письма, то неудивительно, что все это не могло подѣйствовать на него успокоительно и ослабить ту раздражительность, которая развилась въ немъ во время двухлѣтней борьбы съ Нѣмцами въ Ригѣ.

Изъ уцѣлѣвшихъ отъ этого времени черновыхъ бумагъ Ю. Ѳ—ча видно, что работа его сосредоточена была на томъ, чтобы доказать необходимость и законность предпринятой правительствомъ городской реформы въ Ригѣ, выяснить, въ чемъ состояли главнѣйшіе недостатки тогдашнихъ учрежденій Риги, опредѣлить, какія должны быть приняты мѣры для устраненія этихъ недостатковъ, и наконецъ, устранить возраженія, сдѣланныя княземъ Суворовымъ противъ проекта, выработаннаго ревизовавшею коммиссіею. По этимъ предметамъ составлены были Ю. Ѳ—чемъ разныя записки, которыя, вѣроятно, подавались министру внутреннихъ дѣлъ для того, чтобы уяснить ему и другимъ членамъ комитета сущность вопроса, подлежавшаго ихъ рѣшенію. Одна изъ этихъ записокъ «О значеніи и степени обязательности привилегій Остзейскаго края» не утратила и теперь своего значенія и потому

напечатана нами въ этой книгѣ. Въ ней развито слѣдующее положеніе, истекающее какъ практическій выводъ изъ обширнаго историческаго изслѣдованія Ю. О—ча: „Съ какой бы стороны ни разсматривался вопросъ о привилегіяхъ, съ точки зрѣнія исторической или юридической, право высшаго правительства осуществить въ рижскомъ муниципальномъ устройствѣ преобразованіе, признанное первымъ за полезное, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію». Что касается возраженій князя Суворова на проектъ, выработанный рижскою коммиссіею, то они были подробно разобраны Я. В. Ханыковымъ въ запискѣ, представленной имъ въ Остзейскій Комитетъ (стр. 612—616 этой книги); но и Ю. О—чу пришлось разсмотрѣть два основныя положенія, на которыхъ настаивалъ князь Суворовъ въ своемъ возраженіи.

Во-первыхъ, князь Суворовъ считалъ необходимымъ сохранить за магистратомъ значеніе отдѣльнаго сословія. Въ Ригѣ, какъ и во всѣхъ остзейскихъ городахъ, магистратъ не былъ ни органомъ верховной власти, дѣйствующимъ въ силу полномочія, даннаго ему этою властью, ни представителемъ городского общества, дѣйствующимъ въ силу полномочія, предоставленнаго ему обществомъ. Онъ былъ начальствомъ, присутственнымъ мѣстомъ, члены котораго назначались имъ самимъ и притомъ пожизненно; онъ имѣлъ значеніе сословія, но безъ права членовъ передавать свои права по наслѣдству. Однимъ словомъ, магистратъ былъ «остаткомъ прежняго городского полновластія, обломкомъ давно сокрушившагося зданія, уцѣлѣвшаго случайно вмѣстѣ съ присягою магистрату, которую требовали отъ всѣхъ вступающихъ въ общество гражданъ... Онъ удержалъ въ исключительномъ завѣдываніи своемъ одно судопроизводство, а въ управленіи участвовалъ какъ одно изъ городскихъ сословій совокупно съ представителями двухъ другихъ городскихъ сословій, большой и малой гильдіи, имѣя, впрочемъ, надъ ними первенство». — На сохраненіи въ неприкосновенности этого-то учрежденія настаивалъ князь Суворовъ, выставляя

какъ мотивы своего мнѣнія то, что учрежденіе это установилось естественно, вслѣдствіе исторической необходимости, и что оно въ составѣ городского общества выражаетъ монархическое начало. На послѣдній доводъ въ запискѣ Ю. Ѳ —ча, въ первоначальной ея редакціи, заключалось такое возраженіе: «этотъ доводъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ исторіею, такъ какъ магистратъ не былъ никогда выраженіемъ монархическаго начала, а напротивъ былъ представителемъ самостоятельныхъ правъ и интересовъ городской общины въ противоположность правамъ и интересамъ верховной власти... Кромѣ того, трудно вообще понять, какимъ образомъ сословіе, дѣйствующее коллегіально, могло бы олицетворять идею монархической власти, и нельзя объяснить, допустивъ мнѣніе князя Суворова, почему во все продолженіе борьбы гражданъ съ магистратомъ, архіепископы, магистры, короли польскіе и шведскіе постоянно благопріятствовали первымъ и содѣйствовали ограниченію правъ второго. Нѣтъ сомнѣнія, что они дѣйствовали бы обратнымъ образомъ, если бы видѣли въ немъ представителя монархическаго начала».

Во-вторыхъ, князь Суворовъ настаивалъ на томъ, чтобы сохранено было неприкосновеннымъ раздѣленіе городского общества на три сословія (магистратъ, большую и малую гильдіи) съ устраненіемъ всѣхъ остальныхъ обывателей отъ всякаго участія въ городскихъ дѣлахъ, такъ какъ участіе ихъ онъ признавалъ вреднымъ. Единственнымъ доказательствомъ въ пользу этого мнѣнія приводилось то, что существовавшій составъ городского общества есть результатъ естественнаго историческаго развитія. Ю. Ѳ. въ своей запискѣ возражалъ, что въ концѣ XVI вѣка, когда опредѣлился составъ городского общества, дѣленіе на три сословія исчерпывало почти всю совокупность городскихъ жителей; если незначительная часть обывателей не была допущена въ составъ городского общества, то это объясняется условіями того времени. Съ тѣхъ же поръ число обывателей,

не граждапъ, т. е. мѣщанъ и ремесленниковъ, не принятыхъ въ малую гильдію, значительно увеличилось: со времени Городового Положенія они обложены подушною податью и обязаны отправленіемъ рекрутской повинности, частью натурою, частью деньгами, платятъ въ городскую казну кромѣ косвенныхъ налоговъ груптовую пошлину, а между тѣмъ не имѣютъ ни сословныхъ собраній, ни представителей для охраненія выгодъ и пользъ общественныхъ и лишены всякаго участія въ городскомъ управленіи. «Очевидно, что если цѣлое многочисленное сословіе лишено самыхъ существенныхъ правъ, естественно вытекающихъ изъ его обязанностей и тягостей, которыя оно несетъ, то нельзя отказывать ему въ справедливомъ удовлетвореніи потому только, что это устройство образовалось естественно и почиталось превосходнымъ въ ту эпоху, когда классъ людей, въ настоящее время отъ него страждущій, вовсе не существовалъ». По этому же вопросу уцѣлѣло написанное Ю. Ѳ—чемъ на отдѣльномъ листѣ замѣчаніе, которое, повидимому, было включено въ составленную имъ записку, какъ подстрочное примѣчаніе къ слѣдующему приведенному въ ней отзыву рижскаго магистрата на жалобу обывателей: «со времени основанія Риги, имѣлись въ виду двѣ цѣли: преуспѣяніе гражданъ и стѣсненіе обывателей не-Нѣмцевъ (Undeutschen) и иностранцевъ». Къ этимъ словамъ, сказаннымъ рижскимъ магистратомъ въ 1738 г., Ю. Ѳ — чемъ написано слѣдующее подстрочное примѣчаніе. «Понятіе объ отношеніи Русскихъ къ Нѣмцамъ въ остзейскихъ губерніяхъ, выраженное въ прописанныхъ словахъ рижскаго магистрата и впослѣдствіи отвергнутое Вторымъ Отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи, не заслуживало бы вниманія, если бы въ послѣднее время оно не было подкрѣплено авторитетомъ новаго остзейскаго генералъ-губернатора въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ его рапортовъ. Мнѣніе князя Суворова очень сходно съ мнѣніемъ магистрата. Вотъ слова его: «Относительно быта Русскихъ въ Балтійскомъ краѣ вообще едва-ли не слѣдуетъ приши-

мать въ уваженіе, что они образуютъ въ немъ не природный слой населенія, но младшее по порядку времени изъ двухъ колонизированныхъ племенъ. Русскіе выходцы, водворяясь среди неуступчивыхъ формъ германской средневѣковой гражданственности, естественно заняли въ городскихъ обществахъ второстепенное мѣсто и не пріобрѣли всѣхъ преимуществъ, присвоенныхъ себѣ германскими пришельцами, основателями и правителями сихъ обществъ». При чтеніи этихъ словъ, невольно рождаются нѣкоторыя недоумѣнія. Первое. Нѣмцы, какъ племя пришлое, какъ колонія, моложе прежнихъ жителей; не менѣе того, они владычествуютъ надъ ними съ самой минуты своего водворенія, и владычество ихъ, основанное на правѣ завоеванія, всѣ находятъ очень естественнымъ. Впослѣдствіи Поляки, а за ними Шведы завоевали Остзейскій край и заняли въ немъ первое мѣсто, выше Нѣмцевъ. Наконецъ, въ 1710 г завоевали его Русскіе, слѣдовательно пріобрѣли то самое право, въ силу котораго первенствуютъ Нѣмцы надъ коренными жителями; между тѣмъ Русскіе занимаютъ доселѣ въ городскихъ обществахъ второстепенное мѣсто, т. е. не только не уравнялись съ Нѣмцами, но стоятъ ниже ихъ — и Русскій генералъ-губернаторъ находитъ это естественнымъ. Почему же историческій законъ, дѣйствовавшій столько вѣковъ въ пользу Нѣмцовъ, Поляковъ и Шведовъ, долженъ теперь утратить силу? Ужъ не потому-ли, что примѣненіе его обратилось бы въ пользу Русскихъ? Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что, при польскомъ владычествѣ, Поляка, переселившагося изъ Варшавы въ Ригу, а при шведскомъ Шведа, переселившагося изъ Стокгольма въ Ригу, главный начальникъ края никогда бы не назвалъ выходцемъ. Второе. Предположимъ, что право завоеванія утратило свое значеніе и что одно старшинство водворенія должно опредѣлить мѣсто каждаго племени въ краѣ; положимъ, что по этой причинѣ Русскіе естественно занимаютъ второстепенное мѣсто, допустимъ...

но какъ рѣшиться допустить начало, рѣзко противоположное тому, которымъ постоянно руководствовалось и руководствуется до сихъ поръ наше правительство? Какъ! Остзейцы, не прежде какъ съ 1710 года вошедшіе въ составъ имперіи, въ тужъ минуту пріобрѣли всѣ права коренныхъ жителей по службѣ, по имуществу, въ составѣ обществъ дворянскихъ и городскихъ; они немедленно стали на одну степень съ русскими основателями и правителями сихъ обществъ, а Русскіе, по мнѣнію князя Суворова, естественно занимаютъ въ Остзейскомъ краѣ, ими завоеванномъ, второстепенное мѣсто и лишаются преимуществъ, присвоенныхъ Нѣмцамъ? Значитъ, онъ находитъ крайне противоестественнымъ то положеніе, которое Петръ I открылъ Остзейцамъ въ своей имперіи и которое всѣ преемники его за ними утвердили; но въ этомъ радушномъ признаніи всѣхъ народностей заключается честь и слава нашего правительства. Ужъ не находитъ ли князь Суворовъ равно естественнымъ покровительствовать Нѣмцамъ и держать Русскихъ въ черномъ тѣлѣ?»

Наконецъ, Ю. Ѳ. въ своемъ возраженіи обращалъ вниманіе на то, что дѣленіе общества гражданъ на три сословія не соотвѣтствуетъ даже дѣйствительному составу самого этого общества въ настоящее время. Въ доказательство онъ приводилъ, между прочимъ, то, что вслѣдствіе усиленія заграничной торговли и размноженія иностранныхъ гостей, правительство въ 1818 г. должно было признать, подъ именемъ биржевого общества, особый классъ лицъ, съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе выдѣлявшійся изъ общаго состава купеческаго сословія или большой гильдіи. Этотъ классъ дѣйствуетъ на правахъ самостоятельнаго сословія, но не признаннаго и которому не опредѣлено мѣста въ современномъ устройствѣ общества гражданъ. Изо всего этого Ю. Ѳ. заключалъ, что «современное дѣленіе городского общества на гражданъ и обывателей, такъ же какъ и распредѣленіе общества гражданъ на три сословія, не только не соотвѣтствуетъ потребностямъ на-

стоящаго времени, но даже не выражаетъ существующаго на самомъ дѣлѣ порядка. Причина этого очевидна: городское общество въ продолженіе вѣковъ развивалось, умножалось и подраздѣлялось, а городское сословное учрежденіе съ 1604 г. оставалось неподвижнымъ. Итакъ, сословное устройство магистрата, отношеніе обывателей къ гражданамъ, распредѣленіе гражданъ по сословіямъ—вотъ, что въ особенности требуетъ преобразованія, и наоборотъ признаніе существующаго порядка въ этихъ трехъ отношеніяхъ неприкосновеннымъ равносильно положительному отрицанію современной необходимости какого бы то ни было существеннаго преобразованія».

Отвѣтъ Ю. Ѳ—ча на возраженія князя Суворова былъ написанъ сначала въ видѣ частной записки, подъ заглавіемъ «Нѣсколько возраженій на мнѣніе князя Суворова о проектѣ новаго законоположенія для г. Риги»; потомъ онъ исключилъ изъ нея всю полемическую часть и передѣлалъ ее въ видѣ оффиціальной записки: «Объ упраздненіи сословнаго значенія рижскаго магистрата и о преобразованіи настоящаго состава рижскаго городского общества». Въ этой послѣдней редакціи напечатана нами эта записка въ концѣ этой книги.

Итакъ, возраженія князя Суворова встрѣтили сильный отпоръ со стороны Я. В. Ханыкова и Ю. Ѳ. Самарина. Члены Остзейскаго Комитета были, такимъ образомъ, поставлены въ возможность составить себѣ опредѣленное мнѣніе по существу вопроса, даже не прибѣгая къ изученію многотомныхъ трудовъ рижской ревизіонной коммиссіи. Но разсматривать въ Комитетѣ весь проектъ ею составленный, было бы очевидно неудобно. Къ тому же Перовскій изъявилъ согласіе на предложеніе князя Суворова объ учрежденіи въ Ригѣ коммиссіи для разработки проекта о преобразованіи рижскаго городского устройства; но при этомъ онъ рѣшительно высказался за то, чтобы этой коммиссіи были преподаны начала, которыя обязательно должны быть положены въ основаніе проекта. Съ этою цѣлью

было поручено Ю. О—чу составить записку о главнѣйшихъ недостаткахъ учрежденій города Риги и изъ нихъ вывести тѣ общія начала, которыя должны были служить отвѣтомъ на вопросы, возбужденные изученіемъ существовавшаго порядка и руководствомъ для рижской коммиссіи. Но какъ ни передѣлывалъ Ю. О. эту записку (она сохранилась въ четырехъ редакціяхъ), какъ онъ ни старался ее упростить, оказывалось, что, при такой постановкѣ дѣла, она выходила слишкомъ многосложною для разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса въ одномъ или двухъ засѣданіяхъ Остзейскаго Комитета. Повидимому, эта записка и не пошла въ дѣло, такъ какъ Комитетъ въ двухъ засѣданіяхъ, бывшихъ 22 и 27 января 1849 г., поставилъ на свое разсмотрѣніе только три вопроса. По двумъ изъ нихъ, самымъ существеннымъ, онъ нашелъ: 1) что права обывателей, признаваемыхъ во всей имперіи городскими сословіями, должны быть и въ Ригѣ во всѣхъ отношеніяхъ уравнены съ другими городскими жителями; 2) что устройство рижскаго магистрата, который, при пожизненности и самоизбраніи своихъ членовъ, соединяетъ въ себѣ судебную и административную власть и представляетъ въ составѣ общества отдѣльное сословіе, требуетъ необходимаго преобразованія. Но по второму заключенію Комитета князь Суворовъ объяснилъ, что онъ, «признавая всю важность этого вопроса, въ настоящее время не можетъ дать на него положительнаго отвѣта и, не желая отдѣлить его отъ той части труда, которая на него возлагается, просилъ о предоставленіи ему разрѣшить его при подробномъ развитіи его предположеній». Въ виду такого мнѣнія генералъ-губернатора, «Комитетъ, находя, что вопросъ этотъ положительно составляетъ сущность самого дѣла, полагалъ предоставить развитіе его генералъ-губернатору, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ его въ должное соображеніе» [1]). Что же однако постановилъ Остзейскій Комитетъ

---

[1]) Заключеніе комитета приведено полностью на стр. 617 и 618 этой книги.

по вопросу о рижскомъ магистратѣ? Онъ призналъ, что въ этомъ вопросѣ заключается сущность дѣла, что учрежденіе это несомнѣнно требуетъ коренного преобразованія, а между тѣмъ онъ предоставилъ князю Суворову, повидимому, полное право не стѣсняться этимъ заключеніемъ! Мнѣніе Остзейскаго Комитета было Высочайше утверждено 5 февраля 1849 года, и въ Ригѣ была учреждена коммиссія для начертанія, подъ руководствомъ генералъ-губернатора, новаго проекта о преобразованіи городского управленія и городской общины. Нужно-ли добавлять, что въ результатѣ изъ этого ничего не вышло [1]) и что рижскія средневѣковыя учрежденія продолжали безмятежно существовать еще лѣтъ двадцать пять.

Такъ окончились труды цѣлой коммиссіи, въ продолженіе двухъ лѣтъ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла потрудившейся надъ изученіемъ вопроса о преобразованіи городского устройства въ Ригѣ. Ю. Ѳ. не ошибся, записавъ въ своемъ дневникѣ, при самомъ назначеніи своемъ для занятій въ Комитетѣ, что онъ будетъ присутствовать при церемоніи похоронъ обоихъ выработанныхъ коммиссіею проектовъ. А вотъ какъ двадцать лѣтъ спустя онъ изложилъ этотъ эпизодъ нашей внутренней политики 40-хъ годовъ, съ виду какъ будто и твердой, но въ сущности безсильной, когда она встрѣчалась не съ открытымъ грубымъ сопротивленіемъ, а съ систематическою оппозиціею: «Общественное устройство и финансовое управленіе городовъ Балтійскаго края вообще и значительнѣйшаго изъ нихъ, города Риги, въ особенности, нуждались въ коренномъ преобразованіи. Это было признано высшимъ правительствомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ исправить вопіющія несообразности, устранить укоренившіеся безпорядки и пресѣчь скандалезныя злоупотребленія частными мѣрами или предоставленіемъ преобразовательной инициативы самимъ

---

[1]) См. Окраины Россіи. I, стр. 103.

городскимъ сословіямъ, правительство, въ сороковыхъ годахъ, поручило особой коммиссіи, составленной изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, подробное изслѣдованіе городскаго управленія въ Ригѣ и составленіе проекта о лучшемъ устройствѣ тамошняго общества. Употребивъ не мало времени и труда на одно приведеніе въ извѣстность существовавшаго и доселѣ (1868 г.) существующаго безпорядка вещей, эта коммиссія окончила свои работы къ самому пріѣзду князя Суворова. Но ея многотомные труды по ревизіонной части, въ которыхъ было раскрыто множество злоупотребленій и упущеній, требовавшихъ немедленнаго исправленія, остались безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, а составленный ею проектъ былъ забракованъ, почти безъ разсмотрѣнія, какъ трудъ чиновниковъ, будто бы незнакомыхъ съ мѣстными нуждами и потому относившихся къ дѣлу безъ живого къ нему участія Князь Суворовъ, объявивъ себя, съ перваго дня, горячимъ сторонникомъ тѣхъ стародавнихъ учрежденій, въ которыхъ находился корень всего неустройства, захотѣлъ повторить еще разъ опытъ, неудававшійся болѣе пяти разъ къ ряду, то-есть: поручить составленіе проекта общественной организаціи тѣмъ самымъ привилегированнымъ корпораціямъ, которыя многократно уже обнаруживали свое упорное нежеланіе или свою неспособность въ чемъ либо уступить духу времени» [1]).

Остзейцы отстояли Ригу; но этого имъ было недостаточно. Систематическая оппозиція требовала, чтобы дѣло было доведено до конца, если сложились благопріятныя для того обстоятельства. А какихъ еще было желать лучшихъ условій, когда высшимъ представителемъ правительственной власти въ Остзейскомъ краѣ было лицо, всею душою преданное тамошнимъ порядкамъ, и это въ то время, когда правительство уже приступило къ давно задуманнымъ преобразо-

[1]) Окраины Россіи. I, стр. 101.

ваніямъ мѣстныхъ учрежденій! Между тѣмъ, въ послѣднее время въ Петербургѣ партія антинѣмецкая начала усиливаться опасными сторонниками. Въ Остзейскомъ Комитетѣ дѣла шли уже далеко не такъ ладно, какъ прежде; Перовскій и Киселевъ составляли въ немъ оппозицію, съ которою нелегко было справляться. Но въ особенности дурно было то, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ стала проявляться вредная замашка разоблачать и выводить на чистую воду то, что̀ въ остзейскихъ порядкахъ должно было навсегда оставаться тайною. Всему этому надобно было положить конецъ; для достиженія этой цѣли всего лучше было нанести ударъ Ю. Ѳ—чу, чтобы другимъ не повадно было слѣдовать его примѣру. А ему, какъ извѣстно, удалось своими Письмами изъ Риги пробудить въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ вниманіе къ Остзейскому краю и поколебать установившуюся точку зрѣнія на то, что̀ тамъ творилось подъ покровомъ извѣданной лояльности, преданности, вѣрности, честности—качествъ, по понятіямъ тогдашняго петербургскаго общества, прирожденныхъ Остзейцамъ. Благо въ это время находился въ Петербургѣ князь Суворовъ [1]); его присутствіемъ слѣдовало воспользоваться: черезъ него можно было многаго достигнуть. «Письма Самарина, писалъ И. С. Аксаковъ своему отцу 17 февраля, возбуждаютъ сильную злобу Нѣмцевъ, вездѣ прославляющихъ его или шпіономъ правительства или опаснымъ вреднымъ либераломъ». Въ это время Ю. Ѳ. изготовлялъ, по приказанію Перовскаго, исправленный экземпляръ Рижскихъ писемъ, для представленія Государю, на случай, если бы они

---

1) Тевтоманія князя Суворова ни для кого не была тайною. Однажды, въ Петергофѣ, за гофмаршалскимъ столомъ, завязался объ этомъ споръ между Пав. Голов. и Яфим. Вблизи сидѣлъ князь Меншиковъ и спросилъ о предметѣ спора. Яфим. сталъ объяснять ему, какъ несправедливы нареканія на Суворова и какъ онъ самъ неоднократно былъ свидѣтелемъ выговоровъ, дѣлаемыхъ княземъ Нѣмцамъ.—А на какомъ языкѣ онъ ихъ дѣлалъ? спросилъ Меншиковъ.—Порусски, отвѣчалъ Яфим. — Такъ князь Суворовъ не забылъ еще порусски, замѣтилъ къ общему хохоту Меншиковъ.

были потребованы [1]), и собирался писать статью о Земскихъ Думахъ. Сверхъ того, за окончаніемъ городскаго дѣла въ Остзейскомъ Комитетѣ, на него было возложено оффиціальное занятіе по вопросу о преобразованіи приказовъ Общественнаго Призрѣнія [2]).

Въ Москву доходили слухи, хотя и запоздалые, о борьбѣ, которая шла въ Петербургѣ; тамъ поняли ее какъ борьбу всего общества противъ русскаго направленія, представителемъ котораго въ данномъ случаѣ былъ Ю. Ѳ. «Правда ли, нѣтъ ли, писалъ ему изъ Москвы Хомяковъ 1 марта, а говорятъ, что сраженіе, проигранное вами въ Ригѣ противъ * [3]), еще несовсѣмъ невозвратно погубило дѣло, и что теперь есть надежда возобновить войну съ большими надеждами на успѣхъ. Таковъ здѣсь слухъ, не знаю, на чемъ основанный, и я ему очень порадовался бы, если бы могъ ему вѣрить. Великое дѣло эта остзейская борьба: важная сама по себѣ и по началамъ, которыя другъ съ другомъ сражаются, она получила еще большую важность отъ обстоятельствъ, и исходъ ея можетъ отчасти служить образцомъ того, чего намъ приходится ждать во всякомъ другомъ случаѣ, гдѣ встрѣтились бы тѣ же обстоятельства и тѣ же начала... Покуда являлись на сцену только мѣстные интересы или даже интересы сословные въ противорѣчіи противъ начала обобщающаго (какъ съ начала спора), рѣшеніе было не трудно: такими интересами у насъ не дорожатъ. Но въ дѣло вмѣшались другія силы, именно силы общества. Все общество, во всей цѣлости своихъ притязаній на европеизмъ и на просвѣщеніе, почувствовало или почло себя затронутымъ, отъ Св. и Жуковскаго до самыхъ недосягаемыхъ кружковъ:

---

[1]) Я. В. Ханыковъ предупреждалъ Ю. Ѳ—ча, чтобы онъ наблюдалъ за писаремъ, который у него работалъ, такъ какъ одинъ неизвѣстный подкупалъ писаря Ханыкова за 100 р. с., чтобы онъ досталъ ему копію съ писемъ, и, когда это не удалось, обратился къ писарю Иванову, работавшему у Ю. Ѳ—ча.

[2]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II, стр. 104 и 107.

[3]) Очевидно, подразумѣвается князь Суворовъ.

оно вступило въ бой, и дѣло приняло другой оборотъ. * [1]) явился уже не представителемъ правительства, но чиновникомъ общества, имѣющимъ силу отъ власти, но въ то же время способнымъ и къ той глухой оппозиціи противъ власти, которая всегда скрывается въ нашемъ полу-европейскомъ бонъ-тонѣ. Дѣло наше, въ противоположность этому общественному направленію, получило значеніе простой правды, направленія духовнаго и народнаго. Олимпу пришлось выбирать между этими двумя направленіями, которыя безсознательно онъ самъ въ себѣ заключаетъ. Сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ общества, теперь говорятъ о новомъ переломѣ. Справедливо ли это, или нѣтъ, не знаю; но знаю только то, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ былъ бы для меня очень утѣшительнымъ пророчествомъ: ибо вся наша возможная дѣятельность должна быть ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ столкновеніемъ съ обществомъ. Что бы ни вышло изъ этой борьбы, а вы видите теперь, что вамъ въ Сибирь уѣзжать не приходилось. Я очень понимаю то чувство уныпія, которое поневолѣ овладѣваетъ человѣкомъ, попытавшимся дѣйствовать и почувствовавшимъ почти невозможность дѣйствія; но нашъ мотто теперь долженъ быть въ русской пословицѣ: «дѣла не дѣлай, да отъ дѣла не бѣгай» [2]). Несомнѣнно, что въ точкѣ зрѣнія Хомякова было много правды, и мы еще вернемся къ этому замѣчательному письму, но въ данномъ случаѣ онъ упускалъ изъ виду одинъ существенный факторъ въ этой борьбѣ, или, по крайней мѣрѣ, не придавалъ ему должнаго значенія. Этимъ факторомъ была нѣмецкая партія въ Петербургѣ, или, какъ выразился позднѣе Ю. Ѳ., «самообразовавшееся въ центрѣ самого правительства особое министерство остзейскихъ дѣлъ» Наше общество того времени представляло несомнѣнно благопріятный матеріалъ, которымъ Остзейцы умѣли ловко пользоваться для достиженія своихъ цѣлей. Безъ Остзейцевъ эта борьба ни-

1) Князь Суворовъ.

2) Русскій Архивъ за 1871 годъ, №-11, стр. 332.

когда не приняла бы того остраго характера, который она получила, не была бы доведена до конца и, можетъ быть, не отразилась бы на Ю. Ѳ—чѣ неблагопріятными послѣдствіями. Что все дѣло находилось въ рукахъ Остзейцевъ, ими было задумано и ими велось къ опредѣленной цѣли, на это есть указаніе въ небольшомъ отрывкѣ, написанномъ Ю. Ѳ—чемъ въ мартѣ или апрѣлѣ, когда онъ уже былъ выпущенъ на свободу. Онъ началъ было писать тогда на память всѣ обстоятельства своего заключенія въ крѣпость и своего освобожденія, но, къ сожалѣнію, набросалъ только полторы страницы, которыя мы и приводимъ здѣсь. «Съ пріѣздомъ князя Суворова въ Петербургъ, толки обо мнѣ и о письмахъ моихъ, на время затихшіе, оживились. Князь Суворовъ ежедневно, всѣмъ и каждому, бранилъ меня, Хапыкова и гр. Д. П. Толстого, иногда выгораживая двухъ послѣднихъ или одного изъ нихъ, но обыкновенно приписывая намъ безъ различія разрушительные замыслы, а меня въ особенности называя клеветникомъ и личнымъ врагомъ своимъ. Впрочемъ, на слова его даже петербургское общество обращало мало вниманія. Между тѣмъ, я продолжалъ чтеніе своихъ писемъ на вечерахъ у Оболенскаго. С. П. А., встрѣтившись со мною, съ горячностью и откровенностью, ей свойственными, объявила мнѣ, что она понять не можетъ, какъ могъ человѣкъ, котораго она всегда уважала, добровольно принимать на себя роль защитника возмутительныхъ дѣйствій правительства по дѣламъ православія. Это открытое нападеніе вызвало отвѣтъ и предложеніе прочесть VI письмо. Оно было прочтено и произвело впечатлѣніе. Перемѣна въ образѣ мыслей С. П. А—ой немедленно обнаружилась въ ея разговорахъ съ Мейндорфами, Бергами, Паленами, и они безошибочно угадали причину ея. Здѣсь, кажется, въ первый разъ они увидали, что вліяніе моихъ писемъ могло изъ второстепеннаго круга чиновниковъ проникнуть въ высшій свѣтъ и коснуться людей, которыхъ нельзя будетъ ни оклеветать, ни очернить, ни заподозрѣть какъ опасныхъ въ глазахъ правительства.

Это ихъ испугало и раздражило. Въ Петербургъ пріѣхалъ г. С. Имѣлъ ли онъ списокъ или выписки изъ моихъ писемъ, сообщилъ ли ихъ кн. Суворову—остается для меня недоказаннымъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ говорилъ о нихъ съ кн. Суворовымъ и, если бы захотѣлъ, то могъ бы уговорить его не преслѣдовать меня. Кромѣ того, Олсуфьевъ, которому я разсказывалъ, что Л. А. Перовскій выговаривалъ мнѣ за сообщеніе писемъ С—у, сомнѣваясь въ его скромности, сказалъ мнѣ: je crois que Perofiſsky a raison; наконецъ, носился слухъ, конечно ни на чемъ не основанный...» На этомъ прерывается отрывокъ; при дальнѣйшемъ изложеніи, мы будемъ приводить либо оффиціальныя бумаги того времени, которыя имѣются у насъ частью въ подлинникахъ, частью въ копіяхъ и черновыхъ наброскахъ, либо выдержки изъ писемъ и частныхъ записокъ того времени.

Итакъ, походъ начался. 14 февраля 1849 г. за № 747, князь Суворовъ, еще будучи въ Петербургѣ, отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому оффиціальное письмо съ требованіемъ сообщить ему засвидѣтельствованную копію съ Рижскихъ Писемъ. «М. Г. Левъ Алексѣевичъ, писалъ князь Суворовъ, въ рапортѣ отъ 2 апрѣля и 26 мая 1848 года, №№ 29 и 57, старшій членъ ревизовавшей рижское городское управленіе коммиссіи доносилъ мнѣ о различныхъ занятіяхъ членовъ сей коммиссіи. Между прочимъ, упомянуто о занятіяхъ тит. сов. Самарина по собранію историческихъ свѣдѣній относительно Остзейскаго края [1]). Трудъ Самарина оконченъ: мнѣ извѣстно, что историческіе очерки о Остзейскихъ губерніяхъ читались въ Москвѣ и нынѣ имъ самимъ, г. Самаринымъ, читаются въ С.-Петербургѣ въ нѣкоторыхъ обществахъ. Съ рукописи списано нѣсколько ко-

1) Очевидно, въ этомъ письмѣ смѣшиваются, не безъ намѣренія, два различные труда Ю. Ѳ—ча: «Исторія города Риги», которая была написана имъ по порученію рижской ревизіонной коммиссіи, и «Письма изъ Риги», которыя составляли частный, неслужебный трудъ его.

ній; одна изъ нихъ, какъ мнѣ сказано, представлена В. В-и-ву, другая находится въ рукахъ одного высшаго сановника государства. Не получивъ донынѣ никакого оффиціальнаго свѣдѣнія о трудѣ подвѣдомственнаго вамъ чиновника, касающемся края, Высочайше управленію моему ввѣреннаго, я обращаюсь къ В. В-и-ву съ покорнѣйшею просьбою благоволить приказать сообщить мнѣ засвидѣтельствованную копію съ того труда г. Самарина, который имъ самимъ распространяется въ различныхъ кругахъ с.-петербургскаго и московскаго обществъ, и оцѣнка каковаго труда столь различна, что работа эта должна была обратить на себя вниманіе мое. Надѣюсь, что В. В-и-во не откажете мнѣ въ просьбѣ моей, къ которой тѣмъ болѣе побуждаюсь, что полагаю обязанностью своею, въ качествѣ генералъ-губернатора края, пріобрѣсти всѣ тѣ данныя и факты, которые могутъ служить къ обогащенію свѣдѣній о ввѣренныхъ управленію моему губерніяхъ и воспользоваться трудами чиновниковъ, спеціально занимавшихся изслѣдованіемъ частнаго какого-либо предмета.—Изслѣдованія г. Самарина я не считаю частнымъ трудомъ, ибо, во 1-хъ, они, какъ значится въ рапортѣ ст. сов. Ханыкова, составлены по порученію начальства [1]) и во время бытности членомъ коммиссіи, отряженной отъ министерства вн. дѣлъ и получавшей содержаніе отъ казны и, во 2-хъ, документы и акты, служившіе г. Самарину основаніемъ труда его, были ему доступны только въ качествѣ коронаго чиновника. Но, предполагая даже, что трудъ г. Самарина частный и что онъ не воспользовался своимъ оффиціальнымъ положеніемъ въ Ригѣ для составленія сего труда, я нахожу и смѣю думать, что В. В-и-во раздѣлите мое мнѣніе, что, во всякомъ случаѣ, отъ меня, какъ генералъ-губернатора края, не могутъ быть сокрыты тѣ свѣдѣнія, тѣ труды, тѣ изслѣдованія, которые касаются края, управленію моему ввѣреннаго,

---

[1]) Вотъ для чего требовалось смѣшать два различные труда Ю. Ѳ—ча

и которые распространяются и чтеніемъ и въ спискахъ въ кругахъ разныхъ обществъ».

Нападеніе было задумано довольно ловко: очевидно, было рѣшено не касаться вопроса по существу, а направить атаку на нарушеніе Ю. Ѳ—чемъ служебной дисциплины. Перовскій отказался исполнить требованіе князя Суворова; копіи съ его отвѣта мы не имѣемъ; но содержаніе его извѣстно изъ слѣдующаго письма, написаннаго Ю. Ѳ—чемъ 27 февраля къ отцу: «Оставляя въ сторонѣ мой образъ мыслей, скажу нѣсколько словъ о моемъ образѣ дѣйствій по пріѣздѣ изъ Риги. Вы полагаете, что слѣдовало имѣть въ виду довести мою рукопись до свѣдѣнія Государя; но довести ее прямо отъ себя я не могъ; у меня былъ одинъ путь, это черезъ Перовскаго, при которомъ я служу. Избрать другой путь значило бы навсегда съ нимъ поссориться, тѣмъ болѣе, что онъ до нѣкоторой степени раздѣляетъ со мною отвѣтственность за мою рукопись. Но Перовскій объявилъ мнѣ тотчасъ же, по прочтеніи ея, что онъ не беретъ на себя подать ее прямо отъ себя Государю, но что онъ представитъ ее, если Государь того потребуетъ самъ, и на этотъ случай поручилъ мнѣ нѣкоторыя мѣста измѣнить и держать очищенный экземпляръ на готовѣ. Послѣ этого, какъ вы видите, оставалось ожидать, пока общественная молва доведетъ до слуха Государя о существованіи этой рукописи. Я читалъ ее въ Москвѣ и въ Петербургѣ близкимъ знакомымъ и пріятелямъ, но по рукамъ она не ходила, ибо только три лица: Строгановъ, Ермоловъ и митрополитъ имѣли ее въ рукахъ. Этого вы, конечно, не осудите. Теперь вотъ что случилось; за этимъ собственно я пишу къ вамъ. Суворовъ на дняхъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ дерзкое письмо, въ которомъ требуетъ засвидѣтельствованной копіи съ моихъ писемъ. Перовскій отвѣчалъ ему, что онъ не имѣетъ ни времени, ни средствъ заготовлять для него копіи съ частныхъ трудовъ. Вѣроятно Суворовъ обратится съ тою же

просьбою къ Государю, и тогда нельзя будетъ отказать. Всего вѣроятнѣе, что дѣло это не будетъ имѣть для меня никакихъ дурныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что графъ Орловъ хорошъ съ Перовскимъ; однако не мѣшаетъ быть готовымъ на все. Худшее, что можетъ со мною случиться, это то, что меня, не выключая изъ службы, переведутъ въ Вологду или Вятку на время. Повторяю опять, это вовсе не вѣроятно, но я всетаки счелъ долгомъ васъ предупредить, чтобы неожиданное извѣстіе васъ не поразило. Теперь, да будетъ воля Господня, которой я заранѣе безусловно покоряюсь, въ твердой увѣренности, что все Господомъ ниспосланное и принятое какъ слѣдуетъ христіанину должно быть къ лучшему».

Дѣйствительно, князь Суворовъ обратился съ жалобою прямо къ Государю и представилъ дѣло какъ нарушеніе Ю. Ѳ—чемъ служебнаго долга. 3 марта, въ четвергъ, Ю. Ѳ. писалъ своему отцу: «Третьяго дня я писалъ вамъ о возможныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли имѣть для меня мои письма, если до Государя дойдетъ жалоба. Къ сожалѣнію, мои опасенія оправдались. Сегодня Государь потребовалъ къ себѣ Перовскаго и выразилъ ему свой гнѣвъ на меня за нарушеніе канцелярскихъ тайнъ и намѣреніе посадить меня въ крѣпость. Перовскій однако же упросилъ Государя не наказывать меня, не потребовавши отъ меня объясненія и не давши мнѣ возможности оправдаться. Сейчасъ я получилъ отъ министерства формальный запросъ, на который буду отвѣчать. Все это было мнѣ объявлено нынче утромъ. Министръ тотчасъ потребовалъ меня къ себѣ. Какъ слѣдуетъ православному, я предъ тѣмъ, какъ ѣхать къ нему, зашелъ въ церковь всѣхъ скорбящихъ, помолился за себя и въ особенности за васъ и за маменьку, чтобы это извѣстіе не слишкомъ васъ огорчило, и предался безусловно волѣ Божіей. Перовскій обнаружилъ ко мнѣ искреннее участіе, далъ мнѣ совѣты, какъ сочинить отвѣтъ и пр., такъ что онъ, я не сомнѣваюсь, сдѣлаетъ все, что можетъ. Переписанный экземпляръ у меня готовъ; я

его представлю завтра при рапортѣ Перовскому, а онъ при своемъ докладѣ Государю. Если уже я долженъ подвергнуться наказанію, то пусть Государь оцѣнитъ мою вину и мое намѣреніе. Худшее, что можетъ случиться, какъ мнѣ говорятъ, это проспдѣть съ мѣсяцъ въ крѣпости. Что касается меня, то, уповая на милость Божію, я твердо увѣренъ въ томъ, что наказаніе будетъ временное, къ исправленію и не отниметъ у меня возможности дѣйствовать по мѣрѣ силъ на пользу отечества, на поприщѣ службы. Одинъ урокъ я извлеку изъ всего: не допускать до выраженія и обнаруженія страсти, хотя бы и безкорыстной, хотя бы и вызванной страстными дѣйствіями противной стороны. Въ этомъ я точно виноватъ, если не передъ людьми, то передъ Богомъ; но главное, что́ меня мучитъ и безпокоитъ, это огорченіе, которое, по неосторожности своей, я причиняю вамъ и маменькѣ, и послѣдствія этого огорченія. Отъ всей души прошу у васъ въ этомъ прощенія, обнимаю васъ нѣжно и молю Бога, чтобъ онъ и вамъ ниспославъ такое же твердое упованіе, какое я теперь ощущаю. Я буду вамъ писать покуда я распоряжаюсь собою; если же меня посадятъ, то вы получите письмо отъ Попова». Запросъ, полученный Ю. Ѳ—чемъ за подписью Перовскаго и помѣченный 3-мъ числомъ марта, былъ слѣдующаго содержанія: «До свѣдѣнія Государя Императора дошло, что въ обѣихъ столицахъ ходятъ по рукамъ писанныя вами письма, относящіяся до Балтійскаго края; содержаніе же писемъ этихъ таково, что могло быть взято вами только изъ находящихся на мѣстѣ оффиціальныхъ документовъ. Вслѣдствіе сего Е. И. В. Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы вы дали немедленно отзывъ о томъ, какимъ образомъ вы могли себѣ позволить ввести въ частную переписку свѣдѣнія и разсужденія, сдѣлавшіяся вамъ извѣстными по служебнымъ вашимъ отношеніямъ, почему они и подлежали канцелярской тайнѣ. Во исполненіе Высочайшей воли сей, предписываю вамъ дать немедленно по сему пред-

мету помянутый отзывъ». Получивъ этотъ запросъ и написавъ приведенное письмо къ отцу, Ю. Ѳ. проработалъ всю ночь надъ составленіемъ рапорта министру внутреннихъ дѣлъ; къ сожалѣнію, не сохранилось ни копіи съ него, ни черновой бумаги, съ которой онъ самъ переписалъ набѣло свой рапортъ. О содержаніи его можно отчасти судить по резолюціи Государя; извѣстно также изъ дневника, который велъ слуга Ю. Ѳ—ча, Василій, что въ рапортѣ находились слова: «я знаю, что могу подвергнуться тяжкому для меня гнѣву Е. И. В—ва», т. е., прибавляетъ отъ себя Василій, «за непредставленіе сихъ бумагъ ранѣе». — 4 марта, въ пятницу, Ю. Ѳ. представилъ Перовскому свой рапортъ и экземпляръ писемъ, которые и были при немъ отосланы къ Государю во 2-мъ часу. «Теперь 8-ой часъ, писалъ Ю. Ѳ. своему отцу; я спокойно сижу у себя. Это добрый знакъ. Пусть только прочтетъ Государь, а тамъ я на все готовъ». Но не долго пришлось Ю. Ѳ—чу оставаться въ невѣдѣніи на счетъ впечатлѣнія, произведеннаго на Государя его объясненіемъ. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ написалъ своему отцу эти строки, онъ былъ потребованъ къ министру. Государь Николай Павловичъ въ тотъ же день просмотрѣлъ докладъ Перовскаго, рапортъ Ю. Ѳ—ча и V-ую главу его Писемъ изъ Риги и написалъ Перовскому: «Нахожу объясненіе С. неудовлетворительнымъ — бумаги писаны для министерства и никому не сообщалъ, а рядомъ съ тѣмъ о томъ же писалъ для себя журналъ, который въ видѣ писемъ, читали его знакомые. Кто они, сколько ихъ и переписывали ли опять для себя—остается необъясненнымъ. Я прочелъ одну V главу и помѣтилъ нѣкоторыя статьи особо замѣчательныя дерзостью; прочтите и сами объ этомъ судите и возвратите мнѣ книгу. Требую отъ С. отвѣта на оставшееся необъясненнымъ». Перовскій 4-го же марта вечеромъ объявилъ Ю. Ѳ—чу Высочайшую резолюцію [1]) и велѣлъ

[1]) Списанная рукою Ю. Ѳ—ча копія съ резолюціи Государя, оффиціальное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 5 марта и черновой рапортъ Ю.

ему представить требуемое Государемъ объясненіе. Письменный запросъ министра помѣченъ 5-мъ числомъ марта и изложенъ въ слѣдующей редакціи: «Государь Императоръ находитъ объясненія ваши неудовлетворительными: вы говорите, что оффиціальныхъ бумагъ никому не сообщали, а между тѣмъ писали о томъ же предметѣ записки, въ видѣ писемъ, и читали ихъ своимъ знакомымъ; посему Е. И. В. Высочайше повелѣлъ истребовать отъ васъ немедленно объясненіе: кто именно эти знакомые, кому письма читаны, и не списывали-ль они для себя копіи съ вашего сочиненія». Въ первомъ своемъ рапортѣ Ю. Ѳ. намѣренно не назвалъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ давалъ читать свои письма, изъ опасенія навлечь на нихъ неудовольствіе Государя. Возвратившись домой, Ю. Ѳ. опять проработалъ всю ночь, съ 4 на 5 число марта, за составленіемъ и перепискою набѣло своего второго рапорта министру по этому дѣлу. Приводимъ его по черновому наброску, написанному карандашемъ: «Во исполненіе Высочайшей воли, объявленной мнѣ В. В-п-вомъ, въ предписаніи отъ 5 марта текущаго года поспѣшаю почтительнѣйше донести слѣдующее: 1. Всѣ оффиціальныя работы изготовлены мною по порученію начальства, слѣдовательно независимо отъ моего выбора предметовъ и взгляда на нихъ, въ свои же замѣтки я вносилъ преимущественно то, что мнѣ самому казалось важнымъ и заслуживающимъ вниманія изъ моихъ историческихъ розысканій и современныхъ происшествій, въ особенности же впечатлѣніе, производимое этими событіями на окружавшее меня общество. 2. Извлеченныя изъ этихъ замѣтокъ письма я сообщалъ во-первыхъ, тѣмъ лицамъ, которымъ всѣ обстоятельства въ нихъ изложенныя были уже прежде и лучше меня извѣстны по служебной ихъ дѣятельности, именно: д. с. с.

Ѳ—ча въ отвѣтъ на это предписаніе получены нами въ 1876 году отъ князя Д. А. Оболенскаго, а ему были переданы г. Помяловскимъ, который купилъ ихъ на одномъ изъ рынковъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами изъ архива Я. В. Ханыкова.

Скрипицыну, ст. сов. Ханыкову, кол. сов. Милютину, надв. сов. гр. Толстому и Головину; во-вторыхъ, нѣкоторымъ близкимъ знакомымъ моимъ: въ Петербургѣ, моему двоюродному брату кн. Оболенскому [1]), д. с. с. Веневитинову, с. с. Тютчеву; въ Москвѣ: Свербееву, Хомякову, Аксакову, Шевыреву, генералу Ермолову, Высокопреосвященному Митрополиту Филарету и гр. С. Г. Строганову; сколько я могу припомнить въ настоящую минуту, копій у означенныхъ лицъ въ рукахъ не осталось. 3. Поводомъ къ сообщенію и самому составленію писемъ изъ замѣтокъ моихъ было слѣдующее: во время моей двухлѣтней службы въ Ригѣ, я получалъ двадцати-осьмидневные отпуски, въ октябрѣ 1846 г. и въ декабрѣ 1847 г., и оба раза ѣздилъ въ Москву и въ Петербургъ. Въ томъ и другомъ городѣ мои знакомые встрѣчали меня разспросами о справедливости слуховъ, почерпнутыхъ изъ дѣятельной переписки Остзейцевъ съ обѣими столицами и изъ разсказовъ, о которыхъ упомянуто мною въ III и VII главахъ. Къ этимъ слухамъ присовокуплялись и личныя на меня обвиненія, хотя и противорѣчащія одно другому, но равно оскорбительныя; меня называли якобинцемъ и въ то же время шпіономъ за участіе мое въ мнимомъ гоненіи Остзейцевъ. Увлеченный потребностью опровергнуть ложные слухи и оправдаться, я изустно передавалъ, что̀ видѣлъ и что̀ слышалъ; но частое возобновленіе тѣхъ же обвиненій подало мнѣ поводъ извлечь изъ моихъ замѣтокъ все, что могло служить къ разсѣянію ошибочныхъ понятій, сопряженныхъ съ личными на меня нареканіями, и такимъ образомъ изъ замѣтокъ составилось семь главъ. Объяснивъ ихъ происхожденіе и обстоятельства, увлекшія меня къ ихъ сообщенію, я осмѣливаюсь присовокупить, что сознаю себя кругомъ виноватымъ въ томъ, что поддался искушенію раздраженнаго самолюбія и не умѣлъ снести молча обвиненіе, какъ былъ къ тому

[1]) До сихъ поръ написано рукою Я. В. Ханыкова, далѣе рукою Ю. Ѳ. Самарина.

обязанъ». Мы имѣемъ основаніе думать, что, при перепискѣ на бѣло рапорта, Ю. Ѳ. измѣнилъ его редакцію, такъ какъ въ дневникѣ слуги приведены изъ него два мѣста и оба въ слѣдующей измѣненной редакціи: «Поводомъ къ написанію этихъ писемъ послужило мнѣ слѣдующее: въ прошломъ 1847—48 году, отправляясь изъ Риги въ отпускъ въ С-Петербургъ и Москву, гдѣ, разговаривая съ друзьями моими объ Остзейскомъ краѣ, особенно спорилъ я съ А. С. Хомяковымъ и Аксаковымъ. Споры сіи дали мнѣ поводъ написать письма сіи, чтобы убѣдить ихъ въ справедливости моихъ заключеній о томъ, что̀ я видѣлъ и узналъ на мѣстѣ». Другое мѣсто приведено такъ: «Письма эти я читалъ друзьямъ моимъ самъ лично, но копій съ нихъ никому не давалъ и онѣ ни у кого не должны быть». 5 марта, въ субботу, Ю. Ѳ. написалъ отцу своему нѣсколько строкъ: «пишу вамъ, чтобы не оставлять васъ безъ извѣстій. У меня пропасть хлопотъ и дѣлъ, но я слава Богу здоровъ. Сейчасъ ѣду въ министерство». Затѣмъ онъ отвезъ рапортъ министру, вернулся домой въ 3-мъ часу и легъ отдохнуть. Когда пробило 4 часа, слуга хотѣлъ войти къ нему и напомнить, что пора ѣхать обѣдать, какъ вдругъ вошелъ курьеръ съ приглашеніемъ его къ министру. «Онъ былъ почти одѣтъ, только оставалось надѣть вицъ-мундиръ, и онъ тотчасъ же отправился, и я уже не видалъ его болѣе», пишетъ слуга Василій въ своемъ дневникѣ. Въ то время, какъ Ю. Ѳ. былъ у министра, пріѣхалъ фельдъегерь съ пакетомъ и увезъ съ собою Ю. Ѳ — ча, но куда, сначала никому не было извѣстно. Вечеромъ, часу въ 11-мъ, пріѣхалъ на его квартиру Ханыковъ и сказалъ, что «Ю. Ѳ. отправился куда-то съ фельдъегеремъ, но самъ министръ не знаетъ куда». Въ этой неизвѣстности оставались весь слѣдующій день и только 7 марта, въ понедѣльникъ, узнали, что онъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ этотъ день отправлены были въ Москву два письма съ извѣстіемъ о задержаніи Ю. Ѳ—ча. А. Н. Поповъ написалъ брату его: «Ю. Ѳ. предупреждалъ васъ

о томъ, что письма его могутъ навлечь на него непріятныя послѣдствія. Такъ и случилось: онъ арестованъ; пожалуйста передайте это извѣстіе вашимъ родителямъ, успокоивъ ихъ, сколько возможно. По общему мнѣнію, этотъ арестъ не можетъ имѣть важныхъ послѣдствій». П. С. Аксаковъ написалъ своему отцу: «Дѣла идутъ плохо: Нѣмцы торжествуютъ, и Самаринъ сидитъ. Взятъ онъ въ субботу въ пятомъ часу пополудни. Мы еще никто не добились доступа къ нему. Не знаемъ еще: на гауптвахтѣ ли онъ крѣпостной или въ самой крѣпости» [1]). Итакъ, Остзейцы достигли своей цѣли и одержали полную побѣду.

Ю. Ѳ. оставался въ заключеніи 12 дней; было дозволено послать ему кое-что изъ платья, бѣлья, сигаръ, чаю и вина, но было запрещено класть стекло и все острое, металлическое; Л. А. Перовскій добавилъ отъ себя книгъ. Спустя нѣсколько дней, съ согласія гр. Орлова. Л. А. Перовскій отправилъ слугу Василія вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ къ коменданту крѣпости, генералу Набокову, для передачи Ю. Ѳ—чу необходимыхъ вещей и при этомъ сказалъ слугѣ, что, можетъ быть, и его допустятъ повидаться съ Ю. Ѳ—чемъ. Но генералъ Набоковъ въ этомъ рѣшительно отказалъ, такъ какъ видѣться съ нимъ было разрѣшено только ему, коменданту крѣпости, и маіору. «Я всевозможно, добавилъ Набоковъ, стараюсь облегчить участь его; вчера перевелъ его въ другіе, болѣе сухіе и чистые покои [2]); онъ ходилъ въ баню; кушать можетъ откуда хочетъ, если казеннымъ кушаньемъ недоволенъ, и все ему будетъ доставлено; я предлагалъ ему вина, но онъ отказался; чай онъ можетъ пить хоть пять разъ въ день. Онъ слава Богу здоровъ». Если комендантъ Набоковъ оказалъ такое исключительное вниманіе Ю. Ѳ—чу, то этимъ онъ былъ обязанъ ходатайству за него

---

1) Одновременно съ этимъ письмомъ, отправленнымъ по почтѣ, было послано И. С. Аксаковымъ еще письмо съ оказіею, именно съ Сатинымъ; но, къ сожалѣнію, оно не сохранилось.

2) Сначала Ю. Ѳ. былъ посаженъ въ казематъ.

Л. А. Перовскаго и князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго, который, узнавъ, что сынъ стараго друга и сослуживца его посаженъ въ крѣпость, отправился къ генералу Набокову и просилъ его по возможности облегчить для Ю. Ѳ—ча строгія правила заключенія. О впечатлѣніи, какое произвело это событіе на его друзей и отчасти на общество, можно судить по перепискѣ И. С. Аксакова, находившагося въ это время въ Петербургѣ, съ отцомъ и съ братомъ, жившими въ Москвѣ. 10 марта И. С. писалъ своему отцу: «Пожалуйста, опишите подробно всѣ впечатлѣнія, которыя произведетъ на васъ и на Москву сообщенное извѣстіе. Что тутъ прикажете дѣлать! Писать ни о чемъ другомъ какъ то не хочется. Этотъ интересъ вытѣсняетъ слишкомъ сильно всѣ другіе и о немъ писать нельзя! Его еще все нѣтъ». С. Т. Аксаковъ, получивъ отъ сына первое письмо отъ 7 марта [1]). писалъ ему 12 марта: «Несчастное происшествіе съ С—мъ глубоко насъ всѣхъ огорчаетъ... Я надѣюсь на справедливость Государя. Когда онъ прочтетъ всѣ письма С—на, особенно третье и седьмое, то, я увѣренъ, обратитъ гнѣвъ на милость. Не можетъ быть, чтобы онъ не почувствовалъ негодованія за положеніе Русскихъ въ Ригѣ: онъ Царь русской земли по преимуществу. Горько и временное торжество Нѣмцевъ; я не фанатикъ; очень много имѣю терпимости, много имѣлъ и имѣю пріятелей—Нѣмцевъ, изъ коихъ многіе въ частныхъ личностяхъ люди хорошіе; но какъ каста, какъ партія, они всегда были мнѣ противны. Послѣднее происшествіе усилило общую ненависть къ Нѣмцамъ». — Къ этому письму К. С. Аксаковъ приписалъ: «Я такъ былъ пораженъ твоимъ извѣстіемъ, что долго не могъ опомниться. С—нъ въ крѣпости! Самый искренній, самый благородный, самый прямой человѣкъ и сверхъ того (что не часто встрѣчается въ обществѣ) Русскій, всею душею преданный русской землѣ,

[1]) Письма А. Н. Попова и И. С. Аксакова отъ 7 марта получены были въ Москвѣ 11 марта; но первое извѣстіе о заключеніи Ю. Ѳ—ча въ крѣпость отецъ его, Ѳедоръ Васильевичъ, получилъ отъ генерала Перфильева.

и онъ въ крѣпости! Я объясняю это только тѣмъ, что Нѣмцы оклеветали его, и что Государь, вѣроятно, не успѣлъ прочесть всѣхъ писемъ. Я помню, что С—нъ и я желали, чтобъ эти письма дошли до Государя. Мы надѣялись, что Государь придетъ въ негодованіе, увидя, что̀ терпятъ Русскіе отъ Нѣмцевъ». 10 марта И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: «Самаринъ все еще сидитъ; письма его семейства доставляются ему туда. Успокойте Ѳедора Васильевича чрезъ Хомякова: скажите ему, что сынъ его помѣщенъ весьма комфортабельно, имѣетъ бѣлье, книги и сигары. Перовскій выхлопоталъ позволеніе доставлять ему всѣ нужныя вещи и у ч е н ы я книги и вслѣдствіе этого отправилъ къ нему всю свою Revue Britannique. Если-бы не мать С—на, которую это извѣстіе должно сильно огорчить, то нечего было бы и горевать; напротивъ, можно было бы радоваться, потому что это обстоятельство должно принести самому дѣлу огромную пользу. Уже въ томъ польза, что эти письма будутъ прочтены тѣмъ, кому ихъ прежде всего слѣдуетъ знать. Общество принимаетъ, по своему, довольно живое участіе, т. е. такое, какое можетъ принять петербургское общество. Говорятъ, впрочемъ, что и въ «высшей сферѣ» произошла реакція мнѣній въ пользу С—на, и я объясняю это тѣмъ, что письма продолжали читать... Во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что обвиненіе было не противъ содержанія писемъ, но противъ распространенія ихъ. Долго ли будетъ продолжаться заключеніе, не знаю, но по общимъ слухамъ—не долго. Ѳедоръ Васильевичъ прислалъ письмо въ отвѣтъ еще на письмо сына, въ которомъ онъ извѣщалъ его, что ему можетъ грозить наказаніе. Письмо это было прочтено сначала у насъ, ибо не можетъ быть доставлено туда иначе, какъ распечатанное. Письмо Ѳедора Васильевича прекрасно. Онъ не только не браннтъ сына, но благодаритъ его за нѣжность его чувствъ къ родителямъ и благословляетъ его и прибавляетъ: впрочемъ, надѣюсь на справедливость и милость Государя. Это письмо должно принести пользу

С—ну во мнѣніи нѣкоторыхъ. Мать С—на еще ничего не знала. Письма же въ отвѣтъ на извѣстіе о заключеніи сына—еще не получено» [1]).

Дня за два передъ окончаніемъ заключенія, къ Ю. Ѳ—чу явился священникъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ не зналъ кто съ нимъ говорилъ, хотя и догадывался, что это было лицо, присланное Государемъ — то былъ духовникъ Государя, протопресвитеръ Бажановъ. Наконецъ, 17 марта, въ 9 часовъ вечера, явился въ крѣпость фельдъегерь и повезъ Ю. Ѳ—ча прямо къ Государю въ зимній дворецъ. Императоръ Николай принялъ его наединѣ въ своемъ кабинетѣ. Въ тотъ же вечеръ, вернувшись домой, Ю. Ѳ. записалъ слова, сказанныя ему Государемъ. Приводимъ ихъ въ точности, согласно собственноручной его записи: «Государь: Понимаете ли вы ваше положеніе? — Сознаю, Государь, что я виноватъ.—Въ такомъ случаѣ, по русской пословицѣ, повинной головы и мечъ не сѣчетъ. Я былъ всегда другомъ [2]) вашихъ родителей и васъ хотѣлъ не казнить, а спасти; теперь садитесь. Понимаете ли вы, въ чемъ вы виноваты? Вы были посланы съ порученіемъ отъ вашего начальника и вы исполнили его, какъ я хочу думать, добросовѣстно; но рядомъ съ этимъ вы вели записки и вносили

---

1) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II, стр. 118—120.

2) Такъ могъ выразиться Государь Николай Павловичъ, говоря наединѣ съ Ю. Ѳ—чемъ, потому что послѣднему должно было быть хорошо извѣстно, въ какомъ смыслѣ употреблено было Государемъ это слово. Но для публики оно должно быть объяснено. Очевидно, что Государь Николай Павловичъ имѣлъ въ виду конецъ десятыхъ и начало двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ, еще будучи Великимъ Княземъ, и его супруга Великая Княгиня Александра Ѳедоровна были милостиво расположены къ родителямъ Ю. Ѳ—ча. Въ то время отецъ его, Ѳедоръ Васильевичъ, состоялъ на придворной службѣ при Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, а мать его, Софья Юрьевна, рожденная Нелединская-Мелецкая, была, до замужества своего, любимою фрейлиною Императрицы Маріи Ѳедоровны. Государь Александръ Павловичъ и Императрица Марія Ѳедоровна были воспріемниками отъ купели Ю. Ѳ—ча. — По пріѣздѣ Царской фамиліи въ Москву, въ апрѣлѣ 1849 года, стало извѣстно, что Императрица Александра Ѳедоровна просила Государя Николая Павловича о помилованіи Ю. Ѳ—ча.

въ нихъ свои сужденія о предметахъ, которые до васъ не касались. Въ этомъ еще нѣтъ грѣха. Что человѣкъ думаетъ и пишетъ про себя, тому судья одинъ Богъ. Но вы пошли далѣе: вы составили изъ своихъ записокъ книгу и сообщали ее своимъ близкимъ знакомымъ, какъ вы писали въ первомъ своемъ рапортѣ, а во второмъ вы высчитали 13 человѣкъ. Удивляюсь, что у васъ столько друзей. Я живу дольше васъ и нашелъ ихъ не болѣе трехъ, которымъ я могу говорить все отъ души; нѣкоторые изъ вашихъ друзей оказались недостойными вашей довѣренности. Это уже было преступленіе противъ служебныхъ обязанностей вашихъ, и вы сами знаете законы лучше меня; вы знаете, чему это васъ подвергало. Но я хочу думать, что вы увлеклись авторскимъ самолюбіемъ, желаніемъ блеснуть ученостью и умомъ, которымъ васъ одарилъ Богъ; но сообразили ли вы, къ чему велъ вашъ поступокъ? Вы не давали, говорите вы, копій съ вашихъ писемъ, но вы не запрещали брать ихъ, и ваша книга разошлась по рукамъ, такъ что теперь и я ее остановить не могу. Обращаюсь къ содержанію ея (Государь взялъ книгу въ руки). Не говоря уже о томъ, что многое въ томъ, что вы пишете, не вѣрно и лживо, что я могъ бы доказать однимъ словомъ [1]), вы очевидно возбуждали вражду Нѣмцевъ противъ Русскихъ, вы ссорили ихъ, тогда какъ слѣдуетъ ихъ сближать; вы укоряете цѣлыя сословія, которыя служили вѣрно: начиная съ Палена, я могъ бы высчитать до 150 генераловъ. Вы хотите принужденіемъ, силою, сдѣлать изъ Нѣмцевъ Русскихъ, съ мечемъ въ рукахъ какъ Магометъ; но мы этого не должны, именно потому, что мы Христіане. Вы писали подъ вліяніемъ страсти; я хочу думать, что она была раздражена личными непріятностями и оскорбленіями. Но вы нападали и на правительство и на меня, ибо что правительство, что я—все

1) Осенью 1875 г., при чтеніи этой записки пишущему эти строки, Ю. Ѳ., дойдя до этого мѣста, сказалъ: „тутъ я прервалъ Государя, сказавши: я могу, Государь, ошибаться, но сознательной и намѣренной лжи въ моей книгѣ нѣтъ“.

одно,—хотя я и слышалъ, что вы отдѣляете меня отъ правительства, но я этого не признаю. Какъ вы можете судить правительство? Правительство многое знаетъ, чего оно не высказываетъ до времени и держитъ про себя. Вы пишете: если мы не будемъ господами у нихъ и т. д., т. е. если Нѣмцы не сдѣлаются Русскими, Русскіе сдѣлаются Нѣмцами; это писано было въ какомъ-то бреду; Русскіе не могутъ сдѣлаться Нѣмцами; но мы должны любовью и кротостью привлечь къ себѣ Нѣмцевъ. Вы прямо мѣтили на правительство: вы хотѣли сказать, что со времени Императора Петра I и до меня мы всѣ окружены Нѣмцами и потому сами Нѣмцы. Понимаете, къ чему вы пришли: вы поднимали общественное мнѣніе противъ правительства; это готовилось повтореніе 14 декабря. — Я перебилъ увѣреніемъ, что никогда не имѣлъ такого намѣренія. — Вѣрю, что вы намѣренія не имѣли, но вотъ къ чему вы шли [1]). Васъ слѣдовало отдать подъ судъ, и васъ судили бы какъ преступника противъ служебныхъ обязанностей вашихъ, противъ присяги вами данной, противъ правительства. Вы сами знаете, что вы бы сгинули навсегда. Много есть молодыхъ людей, которые пострадали за то же, которыхъ я лично не знаю и не могу знать; но я васъ зналъ; я зналъ про ваши способности, зналъ, что вы были воспитаны вашими родителями въ твердыхъ правилахъ, и думалъ, что у васъ доброе сердце и потому я васъ не хотѣлъ погубить. Я отослалъ васъ въ крѣпость, чтобъ вы имѣли время наединѣ одуматься; я васъ не предалъ суду, а посадилъ въ крѣпость, желая васъ спасти. Я сдѣлалъ это тою деспотическою властью, противъ которой, вѣроятно, и вы не разъ же возставали. Вы стояли на краю пропасти. Случай далъ мнѣ возможность

---

[1]) Въ 1875 г. Ю. Ѳ. добавилъ на словахъ, что Государь при этомъ высказалъ, что его книга ведетъ къ худшему, чѣмъ 14 декабря, такъ какъ она стремится подорвать довѣріе къ правительству и связь его съ народомъ, обвиняя правительство въ томъ, что оно національные интересы русскаго народа приноситъ въ жертву Нѣмцамъ.

узнать человѣка достойнаго [1]), котораго я глубоко уважаю; самъ Богъ вложилъ мнѣ въ сердце мысль послать его къ вамъ, чтобъ испытать васъ; я хотѣлъ узнать не ожесточились ли вы. Онъ мнѣ засвидѣтельствовалъ, что вы приняли наказаніе какъ должно, что у васъ доброе сердце; я не ошибся. Теперь вы должны совершенно перемѣниться, служить, какъ вы присягали, вѣрою и правдою, а не нападать на правительство. Мы всѣ такъ должны служить; я самъ служу не себѣ, а вамъ всѣмъ; и я обязанъ наводить заблуждающихся на путь истины; но я никому не позволю забываться; я не долженъ этого по той же самой присягѣ, которой и я вѣренъ. Теперь это дѣло конченное. Помиримся и обнимемся. Вотъ ваша книга; вы видите, что она у меня и остается здѣсь.—Государь, въ продолженіе всей жизни я буду стараться заслужить эту минуту.—Поѣзжайте теперь въ Москву и успокойте вашихъ родителей; поѣзжайте завтра, если соберетесь; ступайте сейчасъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и скажите ему, что я васъ отпускаю. Въ Москвѣ мы, я надѣюсь, увидимся и тамъ вы узнаете, какой родъ службы я вамъ предназначилъ. Вы будете служить въ Москвѣ, въ глазахъ вашихъ родителей; это для васъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ вы можете подвергнуться непріятностямъ и дурнымъ вліяніямъ».

Исполняя приказаніе Государя, Ю. Ѳ. отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, оттуда къ себѣ и написалъ письмо къ родителямъ своимъ: «Благодареніе Богу! я свободенъ. (Затѣмъ Ю. Ѳ. передаетъ, какъ онъ былъ привезенъ изъ крѣпости къ Государю и первыя три—четыре фразы изъ словъ сказанныхъ ему Государемъ). Слова Государя врѣзались мнѣ въ память и я вамъ ихъ передамъ. Они содержатъ въ себѣ упрекъ, наставленіе и милость; но удастся ли мнѣ передать вамъ спокойную твердость, полную снисхожденія, съ какою они были произнесены. (Послѣ этого слѣдуютъ заключитель-

---

[1]) Духовникъ Государя, протопресвитеръ Бажановъ.

ныя фразы, сказанныя Государемъ, когда онъ отпускалъ Ю. Ѳ—ча). Я началъ немедленно собираться въ путь и если удастся, то надѣюсь выѣхать завтра въ ночь или послѣ завтра рано утромъ. Болѣе писать не могу. Велика милость Господня и милость Государя! Возблагодаримъ Бога. Какъ меня утѣшило извѣстіе, что вы здоровы. Это письмо немногими днями предупредитъ мой пріѣздъ». Петербургскіе друзья Ю. Ѳ—ча были въ восторгѣ отъ благополучнаго исхода этой исторіи, угрожавшей тяжелыми для него послѣдствіями и отъ милости, оказанной ему Государемъ. Въ числѣ лицъ, выразившихъ ему искреннее участіе во время постигшей его бѣды, слѣдуетъ упомянуть Василія Алексѣевича Перовскаго [1]), который зналъ его съ дѣтства. Понятно поэтому, что Ю. Ѳ. поспѣшилъ поѣхать къ нему, но, не заставъ его дома, письменно выразилъ ему благодарность. Отвѣтное письмо Василія Алексѣевича хорошо обрисовываетъ его благородную и симпатичную личность и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ значеніе для біографіи Ю. Ѳ—ча, а потому, несмотря на нѣкоторую интимность его, мы рѣшаемся напечатать его: «Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie. Afin que vous ne soyez pas choqué de la familiarité de la mienne, je dois vous expliquer par écrit ce que je vous aurais dit de vive voix, si vous m'aviez trouvé le jour où vous m'avez fait l'amitié de venir me voir. Je vous aurais dit, que pour moi, sans que vous vous en soyez douté, vous n'avez jamais été que Юша, l'enfant de parents que je connais et que j'aime depuis trente ans et qui, j'en étais sûr, ont gardé de moi un souvenir amical. Vous ne m'avez jamais été чужой; j'ai souvent pensé à vous, et c'est avec interêt et plaisir que j'apprenais d'abord la manière distinguée avec laquelle vous aviez achevé vos études, et plus tard, l'usage que vous faisiez des connaissances acquises,

---

[1]) Братъ Л. А. Перовскаго, бывшій потомъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ.

ainsi que vos efforts pour en acquérir de nouvelles. Ajoutez à cela, qu'à votre réussite (toujours sans que vous vous en doutiez le moins du monde) j'attachais une espèce d'amour-propre: comme enfant vous m'étiez sympathique, et alors déjà, moi, partisan de Lavater, je m'étais promis pour vous tout le bon que vous avez tenu depuis. Après cela vous comprendrez, cher ami, что меня благодарить не за что; съ моей стороны ларчикъ просто открывался. J'espère que votre modestie n'ira pas jusqu'à la désobligeance; vous ne supposerez pas que je vous flatte. Malgré mon incapacité à faire des phrases, j'en aurais trouvé de mieux tournées. Vous m'avez donné trente ans pour les préparer. Adieu, mon cher Georges, veuillez me mettre aux pieds de madame votre mère et en même temps dire à votre père que mon amitié une fois donnée, je n'y fais plus de soustraction; votre lettre me confirme dans la persuasion que de sa part il en est de même.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ видно, какъ отнеслись современники и самъ авторъ къ Рижскимъ Письмамъ въ то время, какъ они появились. Много лѣтъ спустя, когда Ю. Ѳ—чу уже минуло 50 лѣтъ и онъ снова взялся за разъясненіе Остзейскаго вопроса, вотъ какъ онъ вспомнилъ о трудѣ своей молодости и о связанномъ съ нимъ важномъ событіи въ его жизни: «Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, пробывъ безъ малаго три года въ Ригѣ, въ то самое время, когда, съ перемѣною начальника края, въ системѣ управленія русскимъ Балтійскимъ поморіемъ совершался крутой переломъ, я набросалъ на бумагу, въ формѣ писемъ, выводы изъ моихъ изслѣдованій о прошедшихъ судьбахъ этого края и моихъ наблюденій о тогдашнемъ его положеніи. Все это было незрѣло, писано съ плеча, подъ вліяніемъ раздражительныхъ впечатлѣній и свойственной молодости дурной привычки тыкать правдою прямо въ глаза. Словомъ: по тогдашнимъ понятіямъ, это была непростительная дерзость, и покойный Государь, до свѣдѣнія котораго добрые люди довели мою рукопись, продержавъ меня нѣсколько дней

въ крѣпости, поступилъ со мною (опять таки по тогдашнимъ понятіямъ) снисходительно и даже милостиво. Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ, осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе дѣйствій высшаго управленія, не могъ избѣгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренность и намѣренія провинившагося остались незаподозрѣнными. Едва-ли нужно прибавлять, что я вспоминаю теперь объ этомъ давно-прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ, я благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго Императора съ глазу на глазъ, слышать прямодушную рѣчь его и унести въ памяти, изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія, образъ историческаго лица, неожиданно передо мною явившагося въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія» [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, прошло еще двадцать лѣтъ, такъ что теперь уже сорокъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ разсказаннаго нами событія изъ жизни Ю. Ѳ—ча. Въ виду такой давности, это событіе, имѣющее не только частное, но и общественное значеніе, стало уже достояніемъ исторіи и потому подлежитъ обсужденію и съ нынѣшней точки зрѣнія. Мы видѣли, что современники и самъ авторъ называли «Письма изъ Риги» памфлетомъ. Они по существу не ошибались, такъ какъ этимъ словомъ они хотѣли сказать, что это—произведеніе публицистическое, а не ученое изслѣдованіе и не оффиціальная дѣловая записка. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время у насъ еще не было ни литературы политической, ни самаго термина для ея обозначенія. Въ наше время принято называть такого рода произведенія публицистическими, а слово памфлетъ употребляется, хотя и безъ достаточнаго основанія, почти исключительно въ смыслѣ укоризненномъ. Говоря по этому язы-

[1]) Окраины Россіи. I, 1868 г., 1 и 2 стр.

комъ нашего времени, мы скажемъ, что «Письма изъ Риги» — произведеніе публицистическое и, какъ таковое, не нуждается ни въ оправданіи, ни въ выясненіи полной его законности. Скажемъ болѣе: за этимъ талантливымъ произведеніемъ исторія нашей словесности и гражданственности признаетъ значеніе родоначальника нашей политической литературы. Если Радищевъ, Глинка, Карамзинъ и должны быть причислены къ нашимъ первымъ публицистамъ, то они были въ этой области метеорами, которые вспыхивали при исключительныхъ обстоятельствахъ, не оставляя по себѣ прочнаго слѣда, и не отъ нихъ ведетъ свою родословную наша политическая литература; они были только ея предвѣстниками. Еще не настало тогда время нашей словесности снизойти изъ высшихъ сферъ поэзіи и культа изящному въ болѣе низменную область служенія насущнымъ вопросамъ жизни народной и государственной. Эту область, по вопросамъ внутренней политики, упрочили за нашею литературою «Рижскія Письма». Года черезъ три послѣ нихъ, когда еще было свѣжо впечатлѣніе, произведенное ими на общество, появились Письма Погодина о нашей восточной политикѣ, а во время Крымской войны, подъ конецъ царствованія Николая Павловича, рукописная литература, въ которой обсуждались разные вопросы нашей внутренней и внѣшней политики, такъ распространилась, что правительство признало своевременнымъ разрѣшить у насъ политическую печать. Сверхъ того, точка зрѣнія, установленная Ю. Ѳ—чемъ на остзейскій вопросъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, та самая, которой держатся теперь всѣ лучшіе органы нашей печати. Таково, по нашему мнѣнію, значеніе Рижскихъ Писемъ съ литературной и культурной точки зрѣнія.

Но «Рижскія Письма» не только литературное произведеніе, это вмѣстѣ съ тѣмъ поступокъ политическій и гражданскій. Съ легкой руки князя Суворова, Ю. Ѳ—ча обвиняли въ томъ, что онъ «воспользовался своимъ оффиціальнымъ положеніемъ въ Ригѣ для составленія своего частнаго

труда», что «документы и акты, служившіе основаніемъ этому труду, были доступны С -ну только въ качествѣ короннаго чиновника», иначе сказать, его обвиняли «въ нарушеніи канцелярской тайны». Съ нынѣшней точки зрѣнія, оказывается какъ-то страннымъ взводить на Ю. Ѳ—ча такое обвиненіе: съ чисто формальной стороны, оно, можетъ быть, и не лишено нѣкотораго основанія, но, по существу, совершенно не вѣрно: никакихъ дѣйствительныхъ тайнъ, ни государственныхъ, ни даже канцелярскихъ, Ю. Ѳ. не разглашалъ. Тѣ факты, которые онъ сообщалъ въ своей рукописи, могли быть выдаваемы за тайны только потому, что они были заимствованы не изъ печатныхъ источниковъ, а изъ «дѣлъ» разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Но за такой чисто формальный проступокъ по службѣ онъ могъ подлежать только замѣчанію или выговору. По существу же, факты, оглашенные Ю. Ѳ—чемъ, могли быть выдаваемы за тайну только съ точки зрѣнія «особаго министерства Остзейскихъ дѣлъ», которое дѣйствительно всячески заботилось о томъ, чтобы строго сохранялось въ тайнѣ все, что творилось въ Остзейскомъ краѣ, и съ точки зрѣнія котораго нарушеніе такой тайны представлялось важнымъ государственнымъ преступленіемъ. Поэтому самое обвиненіе Ю. Ѳ—ча въ нарушеніи канцелярскихъ тайнъ прямо указываетъ на первоначальный источникъ, изъ котораго исходило это обвиненіе. Иначе представится дѣло, если взглянуть на него не съ Остзейской, а съ правительственной точки зрѣнія, т. е. съ той, съ которой взглянулъ на него Государь Николай Павловичъ. Рижскія Письма были, какъ мы сказали, произведеніемъ публицистическимъ, а въ то время, когда политическая печать была у насъ безусловно воспрещена, конечно, распространеніе такой рукописи, посредствомъ чтенія ея въ болѣе или менѣе многочисленныхъ кружкахъ, составляло политическое преступленіе, которое законъ строго преслѣдовалъ. Поэтому виновность Ю. Ѳ—ча въ строго-юридическомъ смыслѣ, по законамъ того времени, не подлежитъ ни-

какому сомнѣнію. Можетъ быть, въ этомъ именно смыслѣ, онъ и отвѣчалъ Государю: «сознаю, что я виноватъ». Но намъ сдается, что въ ту знаменательную минуту, когда онъ изъ устъ самого Государя услышалъ вопросъ, который ему уже прежде задавала его строгая, чуткая совѣсть, въ словахъ его сказалось и нѣчто болѣе искреннее, а именно: какъ бы нѣкоторое самоосужденіе съ высшей нравственной точки зрѣнія. Припомнимъ, что̀ Ю. Ѳ. записалъ себѣ на память передъ отъѣздомъ изъ Риги, что̀ онъ высказалъ въ своемъ отвѣтѣ министру внутреннихъ дѣлъ на запросъ Государя и что̀ онъ написалъ отцу своему передъ тѣмъ, какъ его посадили въ крѣпость: онъ признавалъ себя виновнымъ «если не передъ людьми, то передъ Богомъ» въ томъ, что «допустилъ себя до выраженія и обнаруженія страсти, хотя и безкорыстной, хотя и вызванной страстными дѣйствіями противной стороны». Какъ бы то ни было, Императоръ Николай поборолъ свой гнѣвъ на молодого человѣка, позволившаго себѣ, состоя на государственной службѣ, написать политическое сочиненіе, поразившее его «своею дерзостью»: онъ не только освободилъ его отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія, но и оказалъ ему милость своимъ обхожденіемъ, по истинѣ царскимъ, производящимъ глубокое впечатлѣніе простотою своего величія. Что касается остзейскаго вопроса, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что мысли, высказанныя въ Рижскихъ Письмахъ, были въ сущности сочувственны Государю. Императоръ Николай хорошо понималъ необходимость преобразованія всего строя учрежденій Остзейскаго края для того, чтобы связать его съ Россіею; реформы, предпринятыя въ 40-хъ годахъ по крестьянскому и по городскому дѣлу, служатъ тому несомнѣннымъ доказательствомъ. Въ своемъ взглядѣ на остзейскій вопросъ, какъ и на многіе другіе вопросы того времени, въ томъ числѣ и на крестьянское дѣло въ Россіи, Государь Николай Павловичъ значительно опередилъ не только петербургское русское общество, но и то, что называется у насъ высшимъ правительствомъ,

за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ лицъ. Но ему казалось, что реформы въ Остзейскомъ краѣ можно было осуществить и не прибѣгая къ «силѣ и принужденію», а «любовью и кротостью». Конечно Императоръ Николай, говоря это, не думалъ отвергать вообще примѣненіе «силы и принужденія» въ дѣлѣ государственномъ: онъ полагалъ возможнымъ и нужнымъ обойтись безъ принужденія собственно въ Остзейскомъ вопросѣ. Намѣренія его въ отношеніи къ Остзейцамъ были безспорно великодушны; но для того, чтобы реформы могли осуществиться безъ принужденія, требовалось, какъ необходимое условіе, содѣйствіе со стороны Остзейцевъ. Безъ этого, при отсутствіи принужденія, благія начинанія правительства не могли приводить ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и кротость въ отношеніи къ Остзейцамъ могла обращаться въ суровость въ отношеніи къ Латышамъ и Русскимъ. Если бы Остзейцы въ то время, вмѣсто систематической оппозиціи, въ которой они продолжали упорствовать, искренно оказали содѣйствіе Государю въ предпринятыхъ имъ реформахъ, то и остзейскаго вопроса въ настоящее время не было бы. Но мы видѣли, какъ они умѣли, подъ видомъ личной преданности и покорности, парализовать и упразднять всѣ мѣры, которыя предпринимало правительство временъ Императора Николая. Безпристрастная исторія скажетъ въ свое время, что по остзейскому вопросу русское правительство исчерпало до дна всѣ мѣры кротости и любви, и что не чувство ненависти къ Нѣмцамъ, а сознаніе своего долга заставило его прибѣгнуть къ мѣрамъ принужденія. Событія послѣднихъ 40 лѣтъ и то, что совершается на нашихъ глазахъ въ Остзейскомъ краѣ, должны въ этомъ убѣдить всякаго человѣка, не зараженнаго тевтоманіею.

Освобожденіемъ Ю. О—ча изъ крѣпости закончилось дѣло о Рижскихъ Письмахъ, начатое противъ него Остзейцами, подъ предводительствомъ князя Суворова. Послѣ ареста Чижова въ 1847 г., это былъ второй процессъ противъ

славянофильства; въ этотъ разъ — въ приложеніи его къ частному вопросу, остзейскому. Но на этомъ борьба правительства и общества съ славянофильствомъ не могла остановиться: это ученіе должно было подвергнуться испытанію и въ его общихъ основаніяхъ. Вслѣдъ за окончаніемъ второго процесса, начался третій — противъ И. С. Аксакова. Онъ былъ арестованъ при III Отдѣленіи 18 марта, слѣдовательно, на другой день послѣ того, какъ былъ выпущенъ на свободу Ю. Ѳ. Самаринъ. Поводомъ къ его аресту послужила дошедшая до тайной полиціи переписка его съ отцомъ и братомъ, въ томъ числѣ и та, въ которой, какъ мы видѣли, они откровенно высказывали свое сочувствіе Ю. Ѳ—чу. Аксакову былъ предложенъ рядъ вопросовъ съ цѣлью выяснить, не состоятъ-ли «славянофильскія понятія его самого и его родственниковъ» въ связи съ западнымъ либерализмомъ и коммунизмомъ и съ стремленіями западныхъ панславистовъ. Въ своихъ смѣло и откровенно написанныхъ отвѣтахъ И. С. Аксаковъ не ограничился личными объясненіями, а выступилъ истолкователемъ главныхъ основаній славянофильскаго ученія и его коренного различія отъ направленія западнаго вообще, начиная съ консервативнаго и оканчивая крайнимъ радикализмомъ. «По моему мнѣнію, писалъ Аксаковъ, старый порядокъ вещей въ Европѣ такъ же ложенъ, какъ и новый. Онъ уже ложенъ потому, что привелъ къ новому, какъ къ логическому, непремѣнному своему послѣдствію. Ложныя начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увѣнчаться безвѣріемъ, анархіей, пролетаріатствомъ, эгоистическимъ устремленіемъ всѣхъ помысловъ на одни матеріальныя блага и гордымъ, безумнымъ упованіемъ на одинъ человѣческія силы, на возможность замѣнить человѣческими учрежденіями Божія постановленія. Вотъ къ чему привелъ Западъ авторитетъ католицизма, раціонализмъ протестантизма и усиленное преобладаніе личности, противное духу смиренія христіанской общины. Не такова Русь. Православіе спасло

се и внесло въ ея жизнь совершенно другія начала, свято хранимыя народомъ». Приведенныя строки изъ отвѣта И. С—ча были подчеркнуты Государемъ и съ боку противъ нихъ имъ было написано: «Совершенно справедливо.— Святая истина! — Слава Богу!» Далѣе, Аксаковъ въ своихъ отвѣтахъ развилъ ту мысль, что Русскія начала свято хранятся народомъ, но что общество и правительство удалились отъ нихъ со времени реформъ Петра Великаго и увлеклись блестящимъ соблазномъ западно-европейской цивилизаціи. Славянофилы же поставили себѣ задачею выяснить русскія начала и возвести ихъ въ сознаніе, а дѣло правительства осуществить ихъ въ жизни и вызвать русскую народность къ самобытному развитію. По вопросу объ отношеніи славянофильства къ панславизму процессъ Аксакова связывался съ процессомъ Чижова; «въ панславизмъ, писалъ Аксаковъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложенъ вопросъ, ни я, ни мои родственники не вѣримъ, считаемъ его невозможнымъ, и меня гораздо болѣе всѣхъ Славянъ занимаетъ Русь». По вопросу остзейскому, который связывалъ процессъ Аксакова съ процессомъ Самарина, было предложено И. С—чу два вопроса: въ пятомъ его спрашивали: «Почему онъ дозволилъ себѣ помѣщать въ своихъ письмахъ извѣстіе о заключеніи камеръ-юнкера Самарина въ крѣпость и почему онъ принималъ въ немъ участіе?» На этотъ вопросъ Аксаковъ отвѣчалъ: «Я не понимаю, почему я въ письмѣ не могъ упомянуть о заключеніи камеръ-юнкера Самарина въ крѣпость, когда это было извѣстно всему городу и всѣ объ этомъ говорили Еслибъ это не было извѣстно, то всякій въ правѣ былъ-бы подумать, что онъ пропалъ безъ вѣсти Управляющій дома Устинова, гдѣ квартировалъ Самаринъ, намѣревался было, какъ я самъ видѣлъ, подать въ полицію извѣщеніе о неизвѣстной отлучкѣ Самарина, но былъ отъ того удержанъ. Участіе въ Самаринѣ я принялъ потому, что знаю его уже лѣтъ семь, какъ умнаго, образованнаго, честнаго, даровитаго человѣка,

съ твердымъ характеромъ, съ добросовѣстною душею, всѣмъ сердцемъ преданнаго Россіи». Шестой вопросъ касался нѣсколькихъ предметовъ, но, между прочимъ, и остзейскаго дѣла: «изъ отвѣтовъ родителя и брата вашего Константина на письма ваши о Самаринѣ видно, что они вполнѣ раздѣляютъ негодованіе С—на противъ Нѣмцевъ въ Россіи... Если и вы раздѣляете мнѣнія вашихъ родственниковъ, то подробно объясните вашъ образъ мыслей по означеннымъ предметамъ». Аксаковъ отвѣчалъ: «отецъ и братъ писали мнѣ, что раздѣляютъ негодованіе Самарина противъ остзейскихъ Нѣмцевъ. Я тоже раздѣляю это негодованіе, ибо, какъ Русскій, не могу быть равнодушенъ къ положенію Русскихъ въ Остзейскомъ краѣ. Впрочемъ, такъ же какъ и мои родственники, я не люблю Нѣмцевъ только какъ касту, дѣйствующую въ духѣ презрѣнія къ Россіи и ея народу, но въ частности уважаю и люблю ихъ, если они хорошіе люди. Доказательствомъ этому служитъ то, что у меня много пріятелей-нѣмцевъ». Государь, прочитавши отвѣты Аксакова, призналъ «чистоту его намѣреній» и сдѣлалъ на поляхъ рукописи, сверхъ указанныхъ, еще нѣсколько сочувственныхъ замѣчаній. Такихъ отмѣтокъ, въ которыхъ можно видѣть неодобреніе, было не много: онѣ касались тона, въ которомъ былъ написанъ Аксаковымъ вообще весь отвѣтъ, и мыслей, высказанныхъ имъ о западныхъ Славянахъ; въ этомъ отношеніи Государемъ было высказано, что подъ видомъ сочувствія къ Славянамъ «таится преступная мысль о возстаніи противъ законной власти сосѣднихъ и отчасти союзныхъ государствъ и объ общемъ соединеніи, которое ожидаютъ не отъ Божьяго произволенія, а отъ возмущенія, гибельнаго для Россіи». Затѣмъ, Государь возвратилъ рукопись къ графу А. Ѳ. Орлову съ надписью: «призови, прочти, вразуми и отпусти» [1]). Аксаковъ былъ выпущенъ на свободу 22 марта, просидѣвъ

---

[1]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II, стр. 147—163.

такимъ образомъ подъ арестомъ четыре дня. Однако до мая мѣсяца онъ долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ: министерство находило неудобнымъ отпускать его въ Москву въ то время, когда тамъ находился Государь. Казалось, что и третій процессъ противъ славянофильскаго направленія былъ законченъ, и притомъ вполнѣ благополучно: самъ Государь не только не нашелъ зловреднымъ это направленіе, а даже выразилъ сочувствіе нѣкоторымъ изъ его основныхъ положеній. Но въ этотъ разъ подверглись обвиненію общія коренныя начала славянофильскаго направленія, и примиреніе съ ними не могло состояться такъ скоро и такъ сравнительно легко, какъ по частному вопросу остзейскому. Теперь дѣйствительно вмѣшались въ борьбу другія силы, именно силы общества. Отъ прозорливаго взгляда Хомякова, изложеннаго въ приведенномъ выше письмѣ его къ Ю. Ѳ—чу отъ 1 марта, не укрылся естественный, логическій ходъ дѣла. Хомяковъ не ошибся: онъ только преждевременно примѣшилъ къ процессу Ю. Ѳ—ча по остзейскому вопросу ту мысль, которая всецѣло относится къ процессу, начатому и законченному въ Петербургѣ противъ И. С. Аксакова и возобновленному въ Москвѣ графомъ Закревскимъ противъ всѣхъ славянофиловъ. Дѣйствительно: «покуда являлись на сцену только мѣстные интересы или даже интересы сословные въ противорѣчіи противъ начала обобщающаго (какъ въ началѣ спора), рѣшеніе было не трудно: такими интересами у насъ не дорожатъ [1]). Но въ дѣло вмѣшались другія силы, именно силы общества. Все общество, во всей цѣлости своихъ притязаній на европеизмъ и на просвѣщеніе, почувствовало или почло себя затронутымъ, отъ Св. и Жуковскаго до самыхъ недосягаемыхъ кружковъ: оно вступило въ бой, и дѣло приняло другой оборотъ». Читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы

[1]) Т. е. наше общество относилось болѣе или менѣе равнодушно къ остзейскимъ интересамъ. Д. С.

возобновили въ ихъ памяти эти слова Хомякова. Они послужатъ имъ руководящею нитью при нашемъ дальнѣйшемъ фактическомъ изложеніи процесса противъ славянофильства, по возобновленіи его въ Москвѣ, въ связи съ тѣми послѣдствіями, которыя онъ имѣлъ лично для Ю. Ѳ—ча.

Въ Москвѣ, 21 марта, было получено родителями Ю. Ѳ—ча письмо его 17 марта о томъ, что онъ выпущенъ изъ крѣпости и былъ милостиво принятъ Государемъ. Это извѣстіе быстро разнеслось по городу и произвело вообще отрадное впечатлѣніе, за исключеніемъ однако графа Закревскаго и той части общества, которая ему сочувствовала. «Въ прошедшій понедѣльникъ, писалъ 25 марта С. Т. Аксаковъ своему сыну въ Петербургъ, Самаринъ получилъ отъ сына письмо, которое немедленно намъ сообщилъ. Письмо было самое радостное для всѣхъ. Старикъ Самаринъ въ восторгѣ, прислалъ просить къ себѣ Константина, который немедленно поѣхалъ къ нему и былъ принятъ отцемъ и матерью съ распростертыми объятіями. А. И. Васильчикова [1]) пріѣхала сама, рано утромъ, не бывъ еще у Самариныхъ, поздравить Константина. Мы отслужили молебенъ и пили за здравіе Государя. Но отъ тебя писемъ не было. Я надѣялся получить ихъ во вторникъ, 22 марта; въ этотъ день пріѣхалъ Самаринъ. Я ожидалъ писемъ съ нимъ или изустныхъ отъ тебя порученій... Ни того, ни другого! Самаринъ пріѣхалъ къ намъ въ тотъ же день и сказалъ, что едва тебя видѣлъ. Довольно странно!.. Нечего говорить, что мы и вся Москва въ восхищеніи отъ поступка Государя съ Самаринымъ» [2]). Ю. Ѳ., очевидно, скрылъ отъ Аксаковыхъ, что сынъ ихъ былъ арестованъ 18 марта: самъ И. С. не хотѣлъ, чтобы родителямъ его сообщали объ его арестѣ, такъ какъ онъ надѣялся, что его скоро освободятъ [3]).

---

1) Рожденная Архарова, мать Катерины Алексѣевны, вышедшей потомъ за мужъ за князя В. А. Черкасскаго Д. С.

2) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II, стр. 124.

3) Тамъ же, стр. 127

По пріѣздѣ въ Москву, Ю. Ѳ. предполагалъ, что ему недолго придется ждать рѣшенія на счетъ своей службы, что вопросъ этотъ разрѣшится вскорѣ по пріѣздѣ Государя въ Москву; а всю царскую фамилію ожидали къ Страстной недѣлѣ[1]), по случаю предстоявшаго въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе (3 апрѣля) освященія новаго Кремлевскаго дворца. 6 апрѣля Ю. Ѳ. писалъ А. О. Смирновой въ Петербургъ: «Вашъ вѣрный взглядъ не обманулъ васъ. Все, что случилось со мною въ послѣднее время, оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Въ словахъ Государя, при всемъ томъ, что въ нихъ былъ упрекъ и наставленіе, было что-то необыкновенно ободряющее; по крайней мѣрѣ, такъ они отозвались во мнѣ. Я пересталъ бояться недоразумѣній, подозрѣній и клеветы, стерегущей всякаго, кто желалъ бы употребить на дѣло службы не одинъ матеріальный трудъ, но убѣжденіе и мысль; я откинулъ множество сомнѣній, смущавшихъ меня, и готовъ трудиться въ послѣднихъ рядахъ, молча и скромно, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, но и не гоняясь за нимъ. Такъ уже самимъ Провидѣніемъ устроено, что на святой Руси никакое дѣло, задуманное подъ вліяніемъ страсти или раздраженнаго самолюбія, не можетъ имѣть успѣха. Теперь, увидавъ передъ собою открытую дорогу, было бы грѣшно остановиться или уклониться въ сторону, понявъ возможность сочувствія, не заслужить его по своей винѣ. Я еще не получалъ приказанія на счетъ дальнѣйшей службы моей и ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Вѣроятно, я получу его до отъѣзда Царской фамиліи». — Но вскорѣ по пріѣздѣ Государя въ Москву, стало извѣстно, что графъ Закревскій былъ крайне недоволенъ тѣмъ, какъ окончилась исторія Самарина и Аксакова; онъ этого нисколько не скрывалъ, и можно было поэтому предположить, что назначеніе Ю. Ѳ — ча на службу въ Москву не со-

[1]) Государь пріѣхалъ въ Москву 26 марта и оставался въ ней три недѣли; онъ выѣхалъ въ Петербургъ въ ночь съ 15 на 16 апрѣля.

стоится. С. Т. Аксаковъ въ письмѣ отъ 11 апрѣля, выговаривая своему сыну, И. С—чу, за то, что онъ слишкомъ неразборчивъ относительно выраженій въ письмахъ, отправляемыхъ по почтѣ, писалъ ему: «Неужели ты попадѣялся на то, что Государь милостиво принялъ и даже оцѣнилъ твои объясненія? Неужели ты не знаешь пословицы: «жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь?» Неужели ты не понимаешь, что ты своими письмами и своими отвѣтами на вопросы у Дупельта сдѣлалъ всѣхъ псарей смертельными и непримиримыми врагами самому себѣ и всѣмъ раздѣляющимъ твой образъ мыслей? Война съ обществомъ опаснѣе войны съ правительствомъ. Правительство можетъ быть великодушно къ противному мнѣнію; личность его не можетъ быть оскорблена; а общество, уязвленное въ самое чувствительное мѣсто, всегда подло, безжалостно и жестоко. Надобно поступать съ великою осторожностью, чтобъ оно всѣхъ насъ не съѣло». Изъ этихъ словъ видно, что старикъ Аксаковъ, письма котораго вообще замѣчательны ясностью и трезвостью взгляда, умудреннаго опытомъ жизни, смотрѣлъ, точно такъ же, какъ и Хомяковъ, на процессъ противъ славянофиловъ, какъ на борьбу, начатую противъ нихъ тогдашнимъ русскимъ обществомъ. «Я нисколько не увѣренъ, продолжалъ Аксаковъ въ томъ же письмѣ, чтобъ, по возвращеніи Государя въ Петербургъ, Закревскій и другіе имъ подобные не возобновили своихъ преслѣдованій съ бо́льшею жестокостью. Зачѣмъ же давать имъ къ тому средства?.. До сихъ поръ судьба Самарина не рѣшена. Я предполагаю, что его прикомандируютъ къ Закревскому, который къ нему весьма нерасположенъ и принялъ его очень сухо. Закревскій и прежде говорилъ, что слишкомъ ободрили славянофиловъ, что они подняли голову, что онъ и безъ того не знаетъ, что̀ съ ними дѣлать, а тутъ еще присылаютъ имъ на подмогу торжествующаго Самарина...» [1]). Однако предпо-

[1]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II, стр. 136—138.

ложеніе С. Т. Аксакова на счетъ службы Ю. Ѳ—ча не оправдалось. Ю. Ѳ. узналъ отъ графа А. Ѳ. Орлова, что въ первоначальномъ рѣшеніи Государя на его счетъ произошла перемѣна и что онъ не будетъ опредѣленъ на службу въ Москвѣ. Ему стало ясно, что благоволеніе къ нему Государя было поколеблено наговоромъ графа Закревскаго на него и на славянофиловъ. Въ письмѣ къ Я. В. Ханыкову, написанному передъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы царской фамиліи, слѣдовательно около 14 апрѣля, Ю. Ѳ. далъ подробный отчетъ Ханыкову о всѣхъ дошедшихъ до него слухахъ и отзывахъ, ясно указавшихъ ему на перемѣну, такъ неожиданно происшедшую въ его судьбѣ. Это письмо мы воспроизводимъ по черновому наброску карандашемъ, который Ю. Ѳ., очевидно, сохранилъ себѣ на память, въ виду того, что онъ за это время ничего не отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ. «Пользуюсь отъѣздомъ графа Мих. Юр. Вьельгорскаго въ Петербургъ, чтобы поговорить съ вами безъ постороннихъ слушателей. Положеніе мое въ Москвѣ нѣсколько попортилось, а что было тому причиною — это остается для меня тайною. Только одно для меня ясно — это нерасположеніе ко мнѣ графа Закревскаго. Когда меня выпустили изъ крѣпости, я написалъ коротенькое письмо къ отцу моему, въ которомъ передавалъ начало и конецъ моего свиданія съ Государемъ, слова, относившіяся собственно до моихъ родителей, о содержаніи же рѣчи писалъ только, что въ ней заключался упрекъ, наставленіе и милость. Кажется, въ этомъ нѣтъ грѣха. Но письмо мое получило огласку, и копія съ него дошла до графа Закревскаго. Московскій градоначальникъ не замедлилъ выразить, что онъ крайне недоволенъ оказанною мнѣ милостью и сообщеніемъ письма моего [1]); все это, говорилъ онъ, имѣетъ видъ какого то торжества. Я представился графу Закревскому на другой

[1]) Т. е. сообщеніемъ письма близкимъ родственникамъ и знакомымъ, вслѣдствіе чего оно получило нѣкоторую огласку въ Москвѣ. Д. С.

день по пріѣздѣ моемъ; онъ принялъ меня чрезвычайно сухо. Аксаковы, узнавъ о счастливомъ окончаніи моего дѣла, пили за столомъ за здоровье Государя — и это вмѣнено имъ было графомъ Закревскимъ въ преступленіе. Извѣстіе объ Иванѣ Аксаковѣ еще болѣе раздражило его и вызвало нѣсколько неодобрительныхъ отзывовъ. Пріѣхалъ дворъ. Бажановъ доставилъ мнѣ случай представиться Государю Наслѣднику и благодарить его за участіе, которое онъ принялъ во мнѣ. Не знаю, читалъ ли Государь Наслѣдникъ мои письма, но вотъ вкратцѣ содержаніе разговора: Россія такъ сильна, что нечего опасаться вреда для нея отъ трехъ губерній; Остзейцы служили намъ вѣрою и правдою, въ 12-мъ году проливали за насъ кровь: притѣснять ихъ, съ нашей стороны, было бы неразсчетливо и доказывало бы un manque de générosité. Замкнутое дворянство не только должно поддерживать у нихъ, но даже хорошо бы было завести у насъ. Лютеранинъ и католикъ могутъ быть такими же добрыми христіанами, какъ и православные; терпимость—лучшее свойство нашей церкви; жаль будетъ, если она утратитъ его и т. д. Далѣе Государь Наслѣдникъ сказалъ: «Я увѣренъ, что слова Государя произвели на васъ глубокое впечатлѣніе и потому мы ожидаемъ, что вы будете имѣть въ Москвѣ доброе вліяніе на вашихъ близкихъ знакомыхъ; здѣсь, въ Москвѣ, распространился духъ непріязни къ Нѣмцамъ, замѣтный и въ московскомъ университетѣ».—Я, разумѣется, заступился за Москву и сказалъ, что, до пріѣзда моего въ Остзейскій край, мнѣ не приходило въ голову различать Нѣмцевъ съ Русскими; что это различіе я почувствовалъ впервые въ Ригѣ; что если въ Москвѣ шли толки объ Нѣмцахъ, то виноватъ въ этомъ я, пустивши ихъ въ ходъ по возвращеніи моемъ; что я не забуду наставленія Государя и т. д.—Я вполнѣ въ васъ увѣренъ, сказалъ мнѣ Государь Наслѣдникъ и пожалъ мнѣ руку. — Черезъ нѣсколько дней Великая Княгиня Марія Николаевна, на вечерѣ у графа Блудова, сказала: l'affaire de Samarine s'embrouille

de nouveau, mais cette fois-ci c'est de sa faute; il a fait une infamie. На другой день Великую Княгиню попросили объяснить, въ чемъ дѣло, но тогда она сказала, что все это былъ вздорный слухъ [1]). Бажановъ, съ которымъ я также объяснялся по этому случаю, обнадежилъ меня увѣреніемъ, что Государь знаетъ хорошо, что всякій, кому онъ окажетъ милость, подвергается нареканіямъ всякаго рода, но что онъ не придаетъ вздорнымъ слухамъ никакой цѣны. Въ день представленія, отецъ мой сталъ благодарить Государя; онъ отвѣчалъ ему довольно сухо: «былъ бы остороженъ» (говоря обо мнѣ). Потомъ, на балѣ, Государь самъ подошелъ къ отцу моему и говорилъ съ нимъ гораздо ласковѣе. Между прочимъ, Государь сказалъ: «у сына твоего много способностей, но у него дурное направленіе: онъ воображаетъ себя умнѣе всѣхъ насъ; я надѣюсь, что мои слова произвели на него впечатлѣніе, но тебѣ остается довершить то, что начато мною». Къ кому относился упрекъ въ дурномъ направленіи, надавшій, очевидно, не на одного меня: къ московскимъ ли моимъ пріятелямъ или къ петербургскимъ,—припоминая слова Государя «вамъ не слѣдуетъ оставаться въ Петербургѣ, потому что вы здѣсь подвергаетесь дурному вліянію»,—я полагаю, что ко вторымъ, т. е. къ вамъ, Скрипицыну, графу Д. Н. Толстому [2]). Съ своей стороны, я велъ себя чрезвычайно осторожно, и, хотя я по прежнему часто навѣщаю Аксакова, Хомякова, но это едва ли могло быть вмѣнено мнѣ въ осужденіе, какъ скоро отъ меня требовали, чтобы я старался на нихъ дѣйствовать личнымъ моимъ вліяніемъ. Время шло, а назначенія я не получалъ,

---

[1]) Въ городѣ дѣйствительно распространился ни на чемъ не основанный слухъ о перехваченномъ письмѣ Ю. Ѳ—ча, въ которомъ онъ будто бы позволилъ себѣ въ непочтительныхъ выраженіяхъ передать слова, сказанныя ему Государемъ. Слухъ этотъ, по всей вѣроятности, возникъ вслѣдствіе комментарій графа Закревскаго на полученную имъ копію съ письма Ю. Ѳ—ча къ родителямъ. Д. С.

[2]) Ю. Ѳ—чу не были въ то время извѣстны наговоры графа Закревскаго на славянофиловъ; отъ этого онъ и относилъ слова Государя не къ московскимъ, а къ петербургскимъ друзьямъ своимъ. Д. С.

и я рѣшился, наконецъ, ѣхать къ графу Орлову, который въ разговорѣ съ моими родителями обнаруживалъ не разъ свое доброе расположеніе ко мнѣ. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше. Изъ словъ его я узналъ, что Государь не хочетъ, чтобы я служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что первою мыслью его было опредѣлить меня въ Москвѣ, но, что этого, вѣроятно, не будетъ. Теперь я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что графъ Закревскій отказалъ на отрѣзъ принять меня къ себѣ на службу. Затѣмъ, графъ Орловъ вызвался самъ, во время поѣздки съ Государемъ въ Петербургъ или немедленно по пріѣздѣ туда, напомнить обо мнѣ и спросилъ, какого рода службу я желаю, дабы, по возможности, согласовать съ моими желаніями. Мнѣ хотѣлось просить мѣста чиновника особыхъ порученій при графѣ Киселевѣ, но я подумалъ, что лучше не называть его, такъ какъ онъ, такъ же какъ и Перовскій, слыветъ покровителемъ всякихъ заговорщиковъ, и сказалъ только, что мнѣ хотѣлось бы не имѣть канцелярскихъ занятій въ Петербургѣ, но ѣздить по Россіи съ порученіями. Теперь остается мнѣ просить васъ, если найдете возможнымъ, подготовить мое опредѣленіе къ Киселеву черезъ Льва Алексѣевича или Милютина. Хорошо бы было, еслибы графъ Киселевъ изъявилъ самъ готовность принять меня, но я не могу на то надѣяться, зная его дурное расположеніе ко мнѣ. Разговоръ мой съ графомъ Орловымъ продолжался довольно долго; два раза я хотѣлъ откланяться, но онъ удерживалъ меня, разсказалъ мнѣ, какъ онъ постоянно говорилъ и писалъ противъ остзейскихъ привилегій, какъ подавалъ мнѣніе противъ ихъ утвержденія и заступался за меня въ разговорѣ съ Государемъ, доказывая, что я былъ совершенно правъ, говоря, что Остзейцы, въ противность намъ, Русскимъ, постоянно отдѣляютъ личность Государя отъ отечества. Если бы вы, говорилъ онъ, черезъ меня сообщили свою рукопись Государю, не было бы никакого дурнаго послѣдствія; вамъ повредило только ея распространеніе, а я получилъ выговоръ

за то, что не донесъ о ней Государю. Конечно, тогда вы не были со мною знакомы, какъ теперь, но я говорю вамъ это для переду. Эти слова напомнили мнѣ другія, сказанныя графомъ Орловымъ Б — у и переданныя мнѣ вчера его сыномъ. Сообщивъ Б — у содержаніе словъ, сказанныхъ мнѣ Государемъ, Орловъ добавилъ, что Государь между прочимъ будто бы сказалъ мнѣ впредь адресуйте всѣ свои замѣчанія и наблюденія прямо ко мнѣ; но этихъ словъ я не слыхалъ; можетъ быть, Государь имѣлъ намѣреніе сказать ихъ мнѣ, но не сказалъ, а жаль! Потомъ, графъ Орловъ перешелъ къ славянофиламъ, съ великою похвалою отзывался объ Иванѣ Аксаковѣ и о направленіи вообще, которое называлъ благонамѣреннымъ, чистымъ, прекраснымъ, но въ то же время присовокупилъ опасеніе, чтобы злонамѣренные люди не употребили его какъ орудіе для своихъ цѣлей, чтобы Славяне Западные не вздумали насъ притягивать къ себѣ, такъ какъ они уже добыли сами все, что́ мы могли бы имъ обѣщать; наконецъ, что Государю не нравятся бороды и т. д. Вотъ вамъ подробный отчетъ о всемъ, касающемся меня. Мнѣ кажется, изъ всего этого вытекаетъ, что Государь сожалѣетъ, что оказалъ мнѣ слишкомъ много вниманія и милости, что графъ Закревскій много повредилъ мнѣ, внушивъ ему мысль, что я и всѣ славянофилы торжествуютъ какую-то побѣду; что направленіе наше вообще выдержало съ честью испытаніе въ лицѣ Аксакова, но что оно не менѣе того возбуждаетъ какія-то темныя опасенія, какъ всякое самостоятельное мнѣніе, даже благонамѣренное. Поэтому я не желалъ бы оставаться въ Москвѣ и хотѣлъ бы скорѣе получить занятіе по службѣ: ибо до тѣхъ поръ, пока я не буду подъ чьимъ нибудь начальствомъ и заступничествомъ, на меня будетъ падать отвѣтственность прямо или косвенно за всякій слухъ обо мнѣ распущенный. По письму Аксакова я вижу, что его не пускаютъ въ Москву, что́ очень изумило графа Орлова, который думалъ, что онъ уже здѣсь; это, вѣроятно, излишняя предосторожность министер-

ства». Ю. Ѳ. не ошибался въ своемъ предположеніи на счетъ графа Закревскаго; дѣйствительно, онъ былъ причиною перемѣны, происшедшей въ первоначальномъ рѣшеніи Государя на счетъ его службы. Изъ источника вполнѣ достовѣрнаго намъ извѣстно, что графъ Закревскій представилъ Государю полученную имъ копію съ письма Ю. Ѳ—ча къ родителямъ и при этомъ доложилъ, что «Самарина оставить въ Москвѣ нельзя по разнымъ причинамъ». Не трудно догадаться, что̀ означаютъ слова «по разнымъ причинамъ»: графъ Закревскій добивался совершеннаго удаленія Ю. Ѳ—ча изъ Москвы, потому что желалъ разбить кружокъ славянофиловъ, которыхъ онъ снова представилъ Государю какъ вредное политическое общество. По словамъ графа Закревскаго, онъ получилъ на свой докладъ такой отвѣтъ: «на службу въ Москву его не назначать, а писанное письмо къ отцу не во всемъ справедливо». Въ то же время графъ Закревскій докладывалъ, что «обращено особое вниманіе на славянофиловъ и ихъ собранія»: это было, по словамъ графа Закревскаго, «Высочайше одобрено и повелѣно о таковыхъ представить записку». Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что графъ Закревскій выступилъ обвинителемъ противъ славянофиловъ и возобновилъ въ Москвѣ процессъ, который только что былъ оконченъ самимъ Государемъ въ Петербургѣ. Ему удалось достигнуть чего онъ желалъ: онъ возбудилъ снова въ Государѣ недовѣріе къ славянофиламъ, получилъ разрѣшеніе дать имъ снова почувствовать гнетъ правительственной власти и достигъ того, что Государь согласился отмѣнить первоначальное свое рѣшеніе на счетъ службы Ю. Ѳ—ча въ Москвѣ.

Не смотря однако на перемѣну, происшедшую въ судьбѣ Ю. Ѳ—ча, настроеніе его нисколько не измѣнилось. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо онъ рѣшился не обращать никакого вниманія на всѣ общественные толки и пересуды и посвятить свои силы на службу правительству. Одновременно съ приведеннымъ письмомъ къ Ханыкову онъ отправилъ къ А. О. Смирновой письмо, изъ котораго мы приводимъ нѣсколько

выдержекъ: «Все это время было для меня непріятно и тягостно. Назначенія я еще не получалъ, кажется потому, что графъ Закревскій на отрѣзъ отказался принять меня къ себѣ на службу, а до тѣхъ поръ, пока я не буду куда-нибудь или къ кому-нибудь причисленъ, положеніе мое останется шаткимъ и ненадежнымъ. Оно зависитъ совершенно отъ личнаго расположенія ко мнѣ Государя, которое, мнѣ кажется, измѣнялось нѣсколько разъ, во время его пребыванія въ Москвѣ, отъ слуховъ, сплетней и вообще отъ причинъ мнѣ неизвѣстныхъ. Участь моя виситъ на волоскѣ, который можетъ ежеминутно порваться безъ моей вины, а это ощущеніе крайне непріятно. Вообще я вижу, что толки, каковы бы они ни были, въ пользу мою и противъ меня (въ послѣднихъ не было недостатка) значительно мнѣ повредили и заставили Государя измѣнить свое благоволеніе ко мнѣ. Я съ своей стороны отмалчивался, но это не отклонило отъ меня нѣкоторой отвѣтственности за все то, что разсказывали про меня или приписывали мнѣ другіе. Авось я скоро получу изъ Петербурга приказаніе и выду на чистую воду. Не одна эта постоянная забота о самомъ себѣ отравила мое пребываніе въ Москвѣ; были и другія причины»... Ю. Ѳ. передаетъ затѣмъ тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на него московское общество во время пребыванія въ Москвѣ Государя... «А что разсказывали про славянофиловъ! Графъ Закревскій вслухъ порицалъ великодушный поступокъ Государя съ Аксаковымъ и со мною.... Конечно, однимъ подлецомъ [1]) больше или меньше, разница не велика; но худо то, что общество безпрестанно подталкиваетъ слабаго человѣка на подлость, что искренность убѣжденій оно преслѣдуетъ какъ преступленіе, а безопасный доносъ вознаграждаетъ какъ подвигъ. Какъ это ни грустно, а нельзя не сознаться, что желѣзная рука правительства спасаетъ русскую мысль отъ гоненія русскаго общества. Aussi mon

[1]) Рѣчь передъ этимъ идетъ объ одномъ лицѣ изъ Московской интеллигенціи

choix est fait; j'accepte la haine et les injures de la société et je me donne franchement au gouvernement». Вотъ какое убѣжденіе объ отношеніи, въ которое ему слѣдовало стать къ правительству, сложилось въ Ю. Ѳ — чѣ послѣ испытанія, которому подверглось славянофильское направленіе. Что же касается П. С. Аксакова, то объ его настроеніи въ этомъ отношеніи можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ его писемъ къ родителямъ. Въ тотъ день, когда его освободили изъ подъ ареста, 22 марта, онъ писалъ своему отцу: «Государь поступилъ со мною такъ великодушно, что я просто былъ тронутъ, и конечно не забуду этого». Это было не минутное, скоро-преходящее впечатлѣніе: спустя нѣсколько времени 4 апрѣля, онъ выразился въ томъ же смыслѣ. «Эта исторія (т. е. его арестъ), пополнивъ собою исторію Самарина, довершила убѣжденіе въ правосудіи и русскихъ свойствахъ Государя» [1]). Наконецъ, образъ дѣйствія Государя относительно Самарина и Аксакова и въ особенности сочувствіе имъ выраженное, въ замѣткахъ на отвѣты Аксакова, нѣкоторымъ изъ основныхъ положеній славянофильства — все это въ значительной степени разсѣяло недовѣріе московскаго славянофильскаго кружка къ петербургскому правительству. И это было вполнѣ законно, такъ какъ недовѣріе славянофиловъ относилось не къ правительству и не къ принципамъ, начертаннымъ Императоромъ Николаемъ на правительственномъ знамени, а къ дѣятельности правительства. Правда, что въ истолкованіи «православія, самодержавія и народности» славянофилы расходились съ правительствомъ; но, помимо этихъ разногласій, оставалось еще широкое поле для дѣятельности въ рядахъ правительственныхъ, не жертвуя своими убѣжденіями. Между тѣмъ большинство нашего общества того времени отвергало правительственное знамя въ принципѣ: въ дѣлѣ религіи оно склонялось къ

1) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II, стр. 125 и 130.

западнымъ вѣроисповѣданіямъ, т. е. къ католицизму и протестантизму со всѣми логическими ихъ послѣдствіями; въ вопросѣ о правительственной формѣ политическое исповѣданіе общества выражалось словомъ конституція въ западно-европейскомъ смыслѣ; къ народности русской оно относилось почти такъ же, какъ Нѣмцы и Французы. Конечно, подъ это опредѣленіе нашего общества 40-хъ и 50-хъ годовъ не подходятъ нѣкоторыя группы общественныя, которыя не сочувствовали славянофиламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не были и западниками; но и на этихъ группахъ въ бо́льшей или меньшей степени отражалось направленіе западное. - Не вдаваясь въ разъясненіе взгляда славянофиловъ на православіе и народность, скажемъ нѣсколько словъ для болѣе точнаго опредѣленія ихъ взгляда политическаго. Уже въ то время они ясно опредѣлили свое антиконституціонное направленіе. Вотъ почему Ю. Ѳ., слушая съ напряженнымъ вниманіемъ слова, обращенныя къ нему Государемъ, и считая себя, конечно, не въ правѣ прерывать его, былъ однако вынужденъ отклонить отъ себя обвиненіе въ солидарности съ стремленіями декабристовъ, когда Государь намекнулъ, что онъ своею книгою поднималъ общественное мнѣніе противъ правительства и что этимъ подготовлялось повтореніе 14 декабря. И. С. Аксаковъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы, предложенные ему III-мъ Отдѣленіемъ, высказался также очень опредѣленно въ этомъ отношеніи. «Народъ, писалъ онъ, смотритъ на Царя, какъ на самодержавнаго главу всей пространной русской православной общины, который несетъ за него все бремя заботъ и попеченій о его благосостояніи; народъ вполнѣ вѣритъ ему и знаетъ, что всякая гарантія только нарушила бы искренность отношеній и только связала бы безъ пользы руки дѣйствующимъ, наконецъ, что только то ограниченіе истинно, которое налагается на каждаго христіанина, въ отношеніи къ его ближнимъ, духомъ Христова ученія». Конечно, этотъ антиконституціонный взглядъ

славянофиловъ опредѣлялъ ихъ политическое ученіе только съ отрицательной стороны и не исчерпывалъ ихъ воззрѣнія на самодержавіе; тѣмъ не менѣе очевидно, что между принципами правительства и славянофильства было гораздо болѣе сродства, чѣмъ между принципами правительства и политическими вожделѣніями большинства нашего общества того времени. Но, если взглянуть не на принципы, а на дѣйствительную жизнь, то окажется противоположное, а именно, что правительство дѣйствовало наперекоръ своимъ принципамъ, въ смыслѣ и направленіи, гораздо болѣе согласномъ со взглядами общества, чѣмъ со взглядами славянофиловъ. Славянофиламъ дороже всего было возрожденіе русской мысли и самобытное развитіе русской жизни. Убѣдившись, что ихъ направленіе не встрѣчало никакого сочувствія въ обществѣ, что общество не только враждебно относилось къ нему, а даже находило, что оно не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и увидавъ, что Государь лично сочувствуетъ ихъ направленію, на сколько оно было направленіемъ русскимъ, они готовы были выдти изъ своего сдержаннаго отношенія къ правительству и открыто стать на его сторону, «чтобы спасти русскую мысль отъ гоненія общества». Они должны были поступить такимъ образомъ, потому что «только правительство, какъ выразился въ своихъ отвѣтахъ И. С. Аксаковъ, и могло практически осуществить возрожденіе русской народности и самобытное развитіе русской жизни». Особенно долженъ былъ такъ поступить Ю. Ѳ., который еще съ 1846 года постоянно убѣждалъ своихъ друзей не уклоняться отъ содѣйствія правительству въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ намѣренія правительства совпадали съ ихъ стремленіями. Наконецъ, и обстоятельства послѣдняго времени обязывали къ тому Ю. Ѳ--ча: исходъ дѣла Аксакова и его самого давалъ основаніе надѣяться на возможность направить дѣятельность правительства согласно съ его собственными принципами и съ убѣжденіями славянофиловъ. Не было ли однако въ этомъ отношеніи самообольщенія съ ихъ стороны?

Факты, казалось, говорили въ ихъ пользу. Въ теченіе двухъ лѣтъ три раза ихъ направленіе было изслѣдовано лично самимъ Государемъ, по дѣлу Чижова, Самарина и Аксакова, и каждый разъ Государь выносилъ убѣжденіе въ благонамѣренности ихъ направленія. Правда, что по Остзейскому вопросу Государь сдѣлалъ Самарину упреки, относившіеся какъ будто къ существу самого вопроса; но это только такъ кажется: упреки относились собственно къ мнѣнію о способѣ дѣйствія, котораго правительству слѣдовало держаться въ Остзейскомъ вопросѣ, и къ тому, что Ю. Ѳ. дозволилъ себѣ оглашать свои письма и довольно рѣзко критиковалъ въ нихъ правительство. Что же касается окончательной цѣли, которую имѣлъ въ виду Самаринъ въ своихъ письмахъ, то она, очевидно, совпадала съ намѣреніями Государя. Припомнимъ, что графъ Орловъ прямо сказалъ Ю. Ѳ—чу, что ему повредило *только* распространеніе писемъ, слѣдовательно, не содержаніе ихъ. По дѣлу Аксакова, какъ мы видѣли, Государь выразилъ свое сочувствіе его отвѣтамъ еще опредѣленнѣе и яснѣе. Затѣмъ, изъ лицъ высшаго правительства, графъ А. Ѳ. Орловъ и Л. А. Перовскій не скрывали своего мнѣнія о благонамѣренности славянофильскаго направленія; Самаринъ и Аксаковъ состояли даже на службѣ подъ начальствомъ Перовскаго, и онъ вовсе не думалъ удалять ихъ изъ своего министерства. Графъ П. Д. Киселевъ открыто одобрилъ Рижскія письма Самарина; сверхъ того, онъ долженъ былъ, несомнѣнно, сочувствовать взгляду славянофиловъ на крестьянское дѣло и на сельскую общину. Слѣдовательно, самообольщенія со стороны славянофиловъ не было: они опирались на слова самого Государя и трехъ министровъ, въ рукахъ которыхъ были сосредоточены дѣла нашей внутренней политики. Можно было поэтому, не безъ основанія, предполагать, что гоненіе на славянофиловъ прекратится и что имъ предоставлено будетъ открыто развивать свое направленіе, а тѣмъ изъ нихъ, которые были на службѣ, дана будетъ возможность дѣйствовать въ томъ же смыслѣ на поприщѣ служебномъ.

Но все это оказалось мечтою. Какъ по частному Остзейскому вопросу побѣда осталась на сторонѣ князя Суворова, такъ и по общему вопросу о славянофильскомъ направленіи побѣду одержалъ графъ Закревскій: выражаясь юридическимъ языкомъ того времени, славянофилы оставлены были подъ подозрѣніемъ. Приговоръ этотъ былъ въ то же время приведенъ въ исполненіе. Вскорѣ по отъѣздѣ Государя въ Петербургъ, въ Москвѣ полученъ былъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, запрещавшій дворянамъ носить бороду. Настоящій смыслъ этого распоряженія, очевидно направленнаго противъ славянофиловъ, былъ прикрытъ тѣмъ, что въ циркулярѣ осуждалось ношеніе бородъ, «какъ страсть подражанія западнымъ привычкамъ», какъ «увлеченіе подражанію западнымъ затѣямъ, такъ называемой моды». Сверхъ того, надъ славянофилами установленъ былъ графомъ Закревскимъ самый строгій полицейскій надзоръ. А. И. Кошелевъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что «такъ какъ въ это время всего чаще славянофилы собирались у него, то генералъ-губернаторъ подвергъ его дверь особому надзору и каждодневно подавали ему записку о лицахъ, его посѣщавшихъ». Такое настойчивое навязываніе славянофиламъ помысловъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями, такое явное недовѣріе къ нимъ послѣ того, какъ они откровенно высказали свои политическія убѣжденія, найденныя высшимъ правительствомъ благонамѣренными, такое придирчивое и оскорбительное отношеніе къ нимъ власти — не могли, очевидно, не раздражить ихъ. Еще до отъѣзда Государя изъ Москвы, когда только что пронесся въ ней слухъ, что означенный циркуляръ будетъ скоро объявленъ, С. Т. Аксаковъ писалъ (13 апрѣля) начальнику тайной полиціи въ Москвѣ, генералу Перфильеву: «Есть нравственнаго рода оскорбленіе въ перемѣнѣ своего наружнаго вида!» Старикъ Аксаковъ разумѣлъ, конечно, подъ этими словами насильственную перемѣну русской одежды и въ связи съ нею сбри-

тіе бороды. А когда слухъ о циркулярѣ подтвердился и онъ былъ полученъ въ Москвѣ, то Сергѣй Тимоѳеевичъ съ негодованіемъ написалъ объ этомъ (25 апрѣля) своему сыну въ Петербургъ: Очень жалѣю, что вчера занимался диктованіемъ къ тебѣ пустыхъ рѣчей графа Орлова. Все это совершеннѣйшій вздоръ, обманъ и ложь, и вы съ Самаринымъ ничего хорошаго ждать не можете и не должны... Конецъ надеждѣ на обращеніе къ русскому направленію! Все это было предательство. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но, увѣрившись въ противномъ и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе». К. С. Аксаковъ такъ былъ увѣренъ въ русскихъ чувствахъ Государя, что чистосердечно думалъ, что циркуляръ вовсе не относится къ славянофиламъ, такъ какъ въ немъ осуждалось ношеніе бороды, какъ «увлеченіе подражанію западнымъ затѣямъ», а нельзя въ этомъ обвинять «людей, ведущихъ борьбу противъ введенія западныхъ мыслей и обычаевъ, и вслѣдствіе того надѣвшихъ русское платье съ бородою». По этому К. С. Аксаковъ совершенно искренно писалъ (25 апрѣля) своему брату: «И. наконецъ, вотъ почему я не могу повѣрить, чтобы Государь нашъ, въ которомъ такъ часто высказывается русское чувство, который въ самомъ циркулярѣ выразилъ свое негодованіе противъ подражанія Западу, чтобы Государь нашъ былъ противъ русской одежды. Нѣтъ! этого быть не можетъ!» [1]).

Какъ бы то ни было, фактъ былъ на лицо: тѣхъ, которые носили бороду дѣйствительно изъ подражанія западной модѣ, полиція, насколько намъ извѣстно, и не трогала; по крайней мѣрѣ, въ то время объ этомъ никто не говорилъ. Славянофилы же, носившіе бороду, получили приказъ явиться въ полицію, чтобы дать подписку о сбритіи бороды.

[1]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II, стр. 142—146.

Какъ объяснить такую очевидную непослѣдовательность въ отношеніяхъ правительства 40-хъ годовъ къ славянофиламъ? Высшее правительство смотрѣло на нихъ совершенно правильно, считая ихъ направленіе благонамѣреннымъ, а два генералъ-губернатора, князь Суворовъ и графъ Закревскій, ихъ ненавидѣли, всячески преслѣдовали и въ концѣ концовъ одержали верхъ въ борьбѣ своей съ славянофильствомъ, вопреки ясно высказанному взгляду высшаго правительства. Представителемъ какого же начала являются въ этой борьбѣ князь Суворовъ и графъ Закревскій? На этотъ вопросъ отвѣтимъ словами Хомякова изъ приведеннаго выше письма его отъ 1 марта: «Они явились уже не представителями правительства, а чиновниками общества, имѣющими силу отъ власти, но въ то же время способными и къ той глухой оппозиціи противъ власти, которая всегда скрывается въ нашемъ полу-европейскомъ бонъ-тонѣ». Что по Остзейскому вопросу вообще и къ дѣлѣ о Рижскихъ Письмахъ въ частности князь Суворовъ дѣйствовалъ не какъ органъ правительства, а какъ представитель мѣстныхъ, Остзейскихъ интересовъ и пользовался своею властью не въ общихъ интересахъ Россіи, а слѣдовательно и не въ видахъ русскаго правительства, а въ интересахъ мѣстныхъ, что онъ не усомнился, для достиженія своей цѣли, стать даже въ оппозицію правительству—это ясно до очевидности и, послѣ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ, не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій. Менѣе очевидною представляется возможность распространить мысль Хомякова на графа Закревскаго, и тѣмъ не менѣе она и къ нему приложима всецѣло. Дѣйствительно, хотя графъ Закревскій и былъ неповиненъ въ «бонъ-тонѣ» даже «полу европейскомъ», но и онъ считалъ вполнѣ возможнымъ и совмѣстимымъ съ тою властью, которою онъ былъ облеченъ, становиться въ оппозицію правительству и брать подъ свою защиту интересы мѣстные или сословные, когда правительство преслѣдовало интересы общіе. Припомнимъ его образъ дѣйствія по крестьянскому

вопросу въ 1856 году, когда Государь Александръ Николаевичъ въ первый разъ высказалъ въ Москвѣ предводителямъ дворянства, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ, что желательно произвести реформу сверху, прежде чѣмъ она потребуется снизу, и поручилъ предводителямъ передать свои слова дворянству и подумать о томъ, какъ привести ихъ въ исполненіе. Графъ Закревскій нимало не затруднился въ то время внушить предводителямъ, чтобы они никому не передавали словъ Государя, и вообще не скрылъ своего несочувствія этимъ словамъ Государя Точно тоже было, за семь лѣтъ передъ этимъ случаемъ, по отношенію къ славянофиламъ. Графъ Закревскій открыто порицалъ въ 1849 г. великодушный поступокъ Государя съ Самаринымъ и Аксаковымъ и выступилъ съ обвиненіемъ противъ всѣхъ славянофиловъ, какъ только Государь пріѣхалъ въ Москву. Но могутъ сказать, что въ этомъ случаѣ графъ Закревскій только исполнилъ свой долгъ, такъ какъ онъ предостерегъ правительство отъ ошибки, въ которую оно невольно впало по отношенію къ славянофиламъ. Дѣло въ томъ, однако, что графъ Закревскій былъ человѣкъ хотя и не отличавшійся образованіемъ, но со здравымъ смысломъ. При безпристрастномъ отношеніи къ славянофиламъ, онъ, конечно, увидалъ бы, что они не составляли политическаго общества и ничего не затѣвали противъ правительства. Но онъ не могъ относиться къ нимъ безпристрастно, какъ подобало представителю власти, потому что самъ раздѣлялъ мнѣніе общества о славянофильскомъ направленіи и вслѣдствіе этого невольно отдавалъ свою власть на службу этому обществу, точно такъ же, какъ князь Суворовъ отдавалъ свою власть на службу мнѣнію Остзейцевъ. Въ нашемъ обществѣ того времени было не мало оттѣнковъ, начиная съ крайне консервативнаго направленія и кончая соціалистическимъ и фурьеристическимъ, которое вскорѣ и заявило о себѣ въ исторіи Петрашевскаго. Но, при всемъ различіи оттѣнковъ, все наше общество сли-

валось въ одно цѣлое «своими притязаніями на европеизмъ», которыя и ставили его во враждебныя отношенія къ славянофиламъ. Графъ Закревскій, конечно, примыкалъ по своимъ убѣжденіямъ къ самымъ консервативнымъ, крѣпостническимъ элементамъ общества, но во враждебномъ отношеніи его къ славянофиламъ ему, очевидно, сочувствовали и другія фракціи общества, до Герцена и Бѣлинскаго включительно, которые не могли равнодушно говорить о славянофилахъ[1]). Графъ Закревскій имѣлъ тоже притязаніе на европеизмъ: онъ былъ воспитанъ на космополитическихъ принципахъ временъ Императора Александра I, и почти всѣ его сверстники были одного направленія съ нимъ, а онъ, конечно, дѣйствовалъ въ ихъ духѣ. Очевидно, что ни точка зрѣнія князя Суворова, ни точка зрѣнія графа Закревскаго не можетъ быть признана за правительственную; они становились не выше партій общественныхъ, а отдавали себя на службу одной изъ нихъ. Когда правительство отрѣшалось отъ общественныхъ вліяній, оно дѣйствовало относительно славянофиловъ справедливо и безпристрастно; но, подъ воздѣйствіемъ той или другой партіи, оно само спускалось съ государственной точки зрѣнія, и вслѣдствіе этого происходили колебанія въ его отношеніяхъ къ славянофиламъ. «Государю приходилось выбирать между двумя направленіями, которыя онъ самъ въ себѣ заключалъ».

Съ отъѣздомъ Государя въ Петербургъ въ ночь съ 15 на 16 апрѣля, окончился возобновленный графомъ Закревскимъ обвинительный процессъ противъ славянофиловъ, и они были на нѣкоторое время забыты. Высшему правительству въ это время было не до нихъ: 26 апрѣля была объявлена Венгерская война, и Государь, вскорѣ по возвращеніи

[1]) «Эти люди противны мнѣ какъ гробы; отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда». Такъ отзывался о славянофилахъ Грановскій, отличавшійся своею гуманностью и признававшій «благородную терпимость» необходимымъ свойствомъ историка, такъ какъ «безъ нея нѣтъ истинной оцѣнки людей». (Т. Н. Грановскій; біографическій очеркъ А. Станкевича, стр. 295 и 305).

въ Петербургъ, уѣхалъ въ сопровожденіи графа Орлова въ Варшаву: сверхъ того, въ это же время въ Петербургѣ было раскрыто тайное общество Петрашевскаго. Какъ же отразилось на Ю. Ѳ—чѣ то подозрѣніе, подъ которымъ оставлены были славянофилы? Удалить его прямо изъ Москвы графу Закревскому не удалось; нанести ему оскорбленіе приказомъ явиться въ полицію и дать подписку о сбритіи бороды—онъ не могъ, такъ какъ Ю. Ѳ., состоя на службѣ, бороды не носилъ; но графу Закревскому удалось исходатайствовать у Государя отмѣну даннаго имъ приказанія объ опредѣленіи Ю. Ѳ —ча на службу въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого, Ю. Ѳ. очутился въ совершенно неопредѣленномъ положеніи, которое затянулось до назначенія его на службу въ Симбирскъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1849 г. Съ 19 марта до 3 августа онъ не состоялъ ни въ отставкѣ, ни въ отпуску; слѣдовательно, онъ числился на службѣ, но жилъ въ Москвѣ и въ подмосковной безъ всякаго служебнаго занятія. Хотя онъ и состоялъ по прежнему чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, однако графъ Перовскій не считалъ себя въ правѣ сдѣлать какое-либо распоряженіе на счетъ его службы, въ виду приказанія, лично даннаго Государемъ Самарину ѣхать въ Москву и тамъ ожидать распоряженія о назначеніи его на службу въ Москвѣ. Это неопредѣленное положеніе крайне тяготило Ю. Ѳ —ча: онъ старался найти выходъ изъ него и велъ съ этою цѣлью переписку съ Я. В. Ханыковымъ. За неимѣніемъ писемъ Ю. Ѳ —ча, мы должны ограничиться выписками изъ писемъ къ нему Ханыкова, который, находясь въ Петербургѣ [1]), помогалъ ему распутать этотъ узелъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ ему свѣдѣнія о послѣднихъ стычкахъ, которыми заканчивалась затихавшая борьба Остзейская. Понятно, что

[1]) Я. В. Ханыковъ, не имѣя въ это время занятій по министерству, исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе читать лекціи административнаго права въ Александровскомъ лицеѣ: въ 1852 г. онъ былъ назначенъ оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ и оставался въ этой должности до 1855 г.; затѣмъ онъ долженъ былъ выдти въ отставку по болѣзни и умеръ въ концѣ 50-хъ годовъ.

до возвращенія Государя изъ Варшавы въ Петербургъ нельзя было утруждать Государя никакими докладами на счетъ Ю. Ѳ—ча; оставалось только соображать, о какой службѣ для него можно будетъ ходатайствовать, когда дѣла примутъ обычное теченіе. Въ письмѣ отъ 27 апрѣля Я. В. Ханыковъ сообщалъ Ю. Ѳ—чу соображенія, высказанныя ему объ этомъ предметѣ Перовскимъ: «Перовскій между прочимъ сказалъ мнѣ, что Государю не угодно, дабы вы служили не собственно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а вообще въ Петербургѣ; что переходъ къ графу Киселеву былъ бы крайне неблаговиденъ и при настоящихъ обстоятельствахъ едва-ли допустится имъ самимъ; что потому вамъ необходимо было бы пристроиться къ какому-либо генералъ-губернатору, но изъ наличныхъ возможность къ тому представляетъ одинъ Муравьевъ [1]), если васъ не испугаетъ отдаленность поѣздки къ нему на два или на три года. И съ своей стороны сталъ думать о князѣ Меншиковѣ: правда, что у него дѣла мало и что онъ расходится съ вами въ образѣ воззрѣнія на одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ [2]); но за то Меншиковъ предоставляетъ полную свободу своимъ чиновникамъ, старается выводить ихъ, тождество же воззрѣнія подчиненнаго съ начальникомъ есть дѣло недостижимое... Блестящее окончаніе заключенія Аксакова поддержало нѣкоторое время и послѣ отъѣзда вашего настроеніе умовъ, произведенное вашимъ арестомъ. Суворовъ также оказалъ сему содѣйствіе двумя доносами, которые онъ представилъ Государю на министра внутреннихъ дѣлъ и на преосвященнаго рижскаго Филарета. Нелѣпость перваго обвиненія была столь разительна, что выказать ее не представляло трудностей. Объясненія Перовскаго отправлены въ началѣ Страстной и, слѣдовательно, получены въ Москвѣ незадолго до праздниковъ: 3-го же апрѣля состоялось пожалованіе Перовскому графскаго достоинства. Суворовъ и

1) Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

2) Т. е. на крестьянскій вопросъ.

Нѣмцы приняли это за рѣшеніе по доносу перваго, а потому вы можете судить, какой эффектъ произвело это пожалованіе; хотя я и убѣжденъ, что оно проистекаетъ не изъ этого побужденія, но не могъ не порадоваться изъясненному толкованію. Впрочемъ, всѣ пункты доноса велѣно оставить безъ послѣдствій. Филаретъ въ своемъ объясненіи, говорятъ, тоже отдѣлалъ обвинителя, если не совсѣмъ съ монашескою кротостью, то, по крайней мѣрѣ, съ рѣзкостью и отчетливостью человѣка, выросшаго на хріи превращенной. Всѣ эти неудачи обрываются за то въ Ригѣ на бѣдныхъ Штакельбергѣ, Чапл. и русскихъ хлѣбникахъ, которые осмѣлились жаловаться, помимо князя Суворова, на запрещеніе имъ продавать свой хлѣбъ.»—Такъ какъ время шло и Ю. Ѳ. не получалъ никакого назначенія, то онъ, повидимому, хотѣлъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою дать ему командировку по дѣламъ службы. По крайней мѣрѣ, такъ слѣдуетъ заключить изъ отвѣтнаго письма Ханыкова отъ 11 іюня. Онъ писалъ Ю. Ѳ—чу: «Хотя я и предвидѣлъ невозможность для министра внутреннихъ дѣлъ исполнить просьбу вашу, тѣмъ не менѣе рѣшился передать ее ему, только не письменно, а словесно, какъ вопросъ, сдѣланный вами мнѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ то, что̀ я предугадывалъ, а именно, что такъ какъ назначеніе вамъ пребыванія въ Москвѣ послѣдовало по Высочайшей волѣ, ближайшая цѣль которой министру не объяснена, то измѣнять это мѣстопребываніе, безъ разрѣшенія Государя, значило бы произвольно перемѣнять Высочайшее повелѣніе, что, разумѣется, невозможно. Но при этомъ Л. Ал. приказалъ мнѣ, какъ только Государь возвратится въ Петербургъ, изготовить всеподданнѣйшій докладъ о дозволеніи министру внутреннихъ дѣлъ распорядиться на счетъ вашихъ занятій, если нѣтъ еще особаго Высочайшаго назначенія по сему предмету; только теперь вопросъ, когда пріѣдетъ Государь». Государь вернулся въ Петербургъ 1 іюля, и вскорѣ послѣ того разрѣшился вопросъ о службѣ Ю. Ѳ—ча.

13 іюля Ханыковъ писалъ ему: «По возвращеніи Государя Императора, министръ внутреннихъ дѣлъ, не предвидя возможности для себя имѣть личный всеподданнѣйшій докладъ, препроводилъ къ графу Орлову, при частномъ письмѣ, докладную записку относительно васъ, въ которой испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія командировать васъ въ какую-либо губернію съ порученіемъ отъ министерства. На это объявлено графомъ Орловымъ Высочайшее повелѣніе, что Государь согласенъ подъ условіемъ, чтобы вы были отчислены къ губернатору той великороссійской губерніи, при которомъ будете заниматься. Вслѣдствіе этого Л. Ал. поручилъ мнѣ просить васъ войти къ нему съ просьбою о перечисленіи васъ къ тому изъ великороссійскихъ губернаторовъ, при которомъ вы пожелаете состоять. Къ этому министръ присовокупилъ, что онъ во всякое время будетъ радъ принять васъ опять подъ непосредственное свое начальство, когда вы сами того пожелаете и представится къ сему возможность, и приказалъ упомянуть тоже въ оффиціальномъ отвѣтѣ вамъ... Въ послѣдовавшемъ относительно васъ распоряженіи новое и неожиданное состоитъ въ отчисленіи васъ изъ непосредственнаго вѣдомства министра. Такъ какъ вы желали сами имѣть порученіе гдѣ-либо въ губерніи, то это не измѣнитъ характера предположенныхъ вами занятій. Остается рѣшить, куда вы пожелаете ѣхать. Я сказалъ министру, что вы располагали отправиться либо въ Восточную Сибирь, либо въ Симбирскую губернію. Л. Ал. положительно противится въ настоящихъ обстоятельствахъ первому назначенію и вполнѣ одобряетъ второе, тѣмъ болѣе, что вы можете обусловить его въ просьбѣ своей домашними обстоятельствами. Если вы рѣшитесь на Симбирскъ, то министръ располагаетъ просить губернатора возложить на васъ все дѣлопроизводство по устройству городскаго хозяйства, которое не двигается тамъ по недостатку двигателя. Конечно, вамъ можетъ придти на мысль вовсе не затруднять себя выборомъ мѣста службы, а идти просто въ отставку; но я съ своей стороны считаю

долгомъ усильно убѣждать васъ не дѣлать ничего подобнаго, такъ какъ оно можетъ быть лишь крайне невыгодно дѣлу вообще и даже, думаю, вамъ лично. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать отвѣта вашего. Мнѣ казалось, что весьма хорошо было бы, если бы къ оффиціальной просьбѣ вы приложили частное письмо къ министру съ благодарностью за его образъ дѣйствія въ отношеніи къ вамъ. Я, какъ ближайшій свидѣтель сего, могу поручиться, что немногіе начальники поступили бы такъ, какъ онъ». Получивъ это извѣстіе, Ю. Ѳ послалъ просьбу о томъ, чтобы его опредѣлили на службу въ Симбирскъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ князѣ Черкасскомъ, и 3 августа 1849 года послѣдовало распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ объ откомандированіи его въ распоряженіе симбирскаго губернатора; при этомъ однако онъ оставленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ впредь до открытія вакансіи чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Свободнымъ временемъ отъ служебныхъ занятій, въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, Ю. Ѳ. воспользовался для изученія политической экономіи и финансоваго права. Въ Симбирскъ онъ пріѣхалъ 28 августа, но прожилъ тамъ не долго: 15 октября, безъ всякой просьбы съ его стороны, послѣдовало распоряженіе объ откомандированіи его, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ, въ распоряженіе кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, «для исполненія особыхъ по службѣ порученій». На сколько извѣстно, внезапное и неожиданное перемѣщеніе Ю. Ѳ—ча на службу въ Кіевъ послѣдовало вслѣдствіе донесеній симбирской тайной полиціи о вредномъ вліяніи Ю. Ѳ—ча на мѣстное общество. И такъ, приговоръ, произнесенный надъ славянофилами по настоянію графа Закревскаго, преслѣдовалъ ихъ и внѣ Москвы: всюду они состояли подъ подозрѣніемъ и подъ надзоромъ полиціи.

Первые шесть листовъ этого предисловія были уже набѣло отпечатаны, когда по счастливой случайности намъ

пришлось взять изъ библіотеки Ю. Ѳ—ча одну часть сочиненій Гёте. Въ той именно книгѣ, которая намъ была нужна, на оборотной бѣлой страницѣ оглавленія оказалась неизвѣстная намъ до тѣхъ поръ, несомнѣнно собственноручная запись Ю. Ѳ—ча, сдѣланная какимъ-то страннымъ почеркомъ и притомъ не чернилами и не карандашемъ. Разобравши ее, мы увидали, что это краткій дневникъ пребыванія Ю. Ѳ—ча въ крѣпости. Очевидно, что эта книга была прислана ему въ крѣпость и что онъ, получивъ ее 8-го марта, записалъ себѣ на память, что съ нимъ произошло, начиная съ 5 марта, и затѣмъ ежедневно до 17 числа добавлялъ нѣсколько словъ. За неимѣніемъ карандаша и пера, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ обугленной спичкѣ; этимъ объясняется и краткость записи и то, что почти всѣ слова въ ней написаны сокращенно. Воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ эти строки, сохраняя сокращенія только въ двухъ или трехъ сомнительныхъ словахъ: «5 марта, въ субботу, въ 2 часа, пошелъ мой рапортъ. Въ $4^1/_4$ потребовали въ министерство. Въ пріемной фельдъ-егерь. Разговоръ съ Перовскимъ. Высочайшая резолюція. Бзда съ фельдъ-егеремъ и разговоръ: снѣгъ и урожай. Крѣпость. Домъ полковника: попугай и урокъ на клавикордахъ. Плацъ—адъютантъ. Вопросъ о ножѣ и бумагахъ. Казематъ. Обыскъ. Шуба и калоши. Старикъ смотритель. Комната. Обыскъ. Пряжка[1]). Ночь. Сыро и холодно.—6 марта. Набоковъ; разспросы. Имя Головнина. Библія[2]).—7 марта. Книги. Садъ.—8 марта. Набоковъ. Баня. Вещи и 100 рублей. —9 марта. Садъ.—10 марта. Садъ. Книги и вещи.—11 марта. Садъ.—12 марта. Тоже.—13. Тоже.—14. Тоже.—15. Набоковъ. Разговоръ съ Богд. - 16. Разговоръ съ Богд. Обѣщаніе ходат. Что скажетъ завтрашній день?—17. Письма». — Если подъ «Богд». слѣдуетъ разумѣть протопре-

---

1) Пряжка отъ брюкъ была снята, такъ какъ было запрещено имѣть при себѣ что-либо острое металлическое. Д. С.

2) Ю. Ѳ. говорилъ, что въ Библіи, которая лежала въ его нумерѣ, оказались сильно подчеркнутыми ногтемъ ст. 9—22 первой книги Царствъ. Д. С.

свитера Бажанова, что почти несомнѣнно, то оказывается, что онъ два раза пріѣзжалъ къ Ю. Ѳ—чу въ крѣпость. Этими строками, живо переносящими читателя въ томительные дни, проведенные Ю. Ѳ—чемъ въ крѣпости, и дополняющими сказанное нами на страницахъ 86—89 этого предисловія, мы заканчиваемъ біографическій очеркъ его за четыре знаменательные года его жизни съ 1846 –1849 г.

Для установленія текста «Писемъ изъ Риги» мы сличили три рукописи: 1) черновую собственноручную рукопись Ю. Ѳ — ча; 2) набѣло переписанную въ Москвѣ, скрѣпленную подписью Ю. Ѳ—ча; это та самая рукопись, которую онъ въ 1848 г. давалъ читать митрополиту Филарету, А. П. Ермолову и графу С. Г. Строганову; въ ней есть поправки карандашемъ, сдѣланныя митрополитомъ Филаретомъ; и 3) набѣло переписанный экземпляръ, принадлежавшій А. Н. Попову и переданный намъ послѣ его смерти. Оказалось, что вторая рукопись почти во всемъ согласна съ первою, но третья довольно значительно отступаетъ отъ нихъ. Судя по характеру этихъ отступленій, ясно, что третья рукопись была списана съ экземпляра, исправленнаго Ю. Ѳ—чемъ для представленія Государю Николаю Павловичу; можетъ быть даже, что эта самая рукопись предназначалась для представленія Государю, но осталась у Попова, потому что въ ней пришлось сдѣлать нѣсколько незначительныхъ поправокъ и вслѣдствіе этого снова переписать ее.

Первая попытка напечатать «Письма изъ Риги» была сдѣлана въ концѣ 70-хъ годовъ П. И. Бартеневымъ; но она не удалась: книжка «Русскаго Архива», въ которой было помѣщено это сочиненіе Ю. Ѳ—ча, была заарестована. Въ 1882 году «Письма изъ Риги» были напечатаны И. С. Аксаковымъ въ газетѣ «Русь» въ №№ 5, 7, 9, 10, 12, 13 и 14, во всемъ согласно со второю рукописью, съ замѣною только нѣкоторыхъ собственныхъ именъ начальными буквами или звѣздочками. При печатаніи «Писемъ изъ Риги»

въ этомъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ—ча, мы взяли за основаніе третью рукопись, такъ какъ она оказалась значительно исправленною въ редакціонномъ отношеніи и отчасти даже дополненною, а тѣ мѣста, которыя въ ней опущены или смягчены, въ виду особой цѣли, для которой она предназначалась, мы возстановили по второй рукописи. Вслѣдствіе этого въ нашемъ изданіи «Письма изъ Риги» являются въ иномъ видѣ, чѣмъ въ газетѣ «Русь». Такимъ образомъ, въ 1849 году за распространеніе «Писемъ изъ Риги» авторъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость; спустя безъ малаго тридцать лѣтъ была задержана книжка ежемѣсячнаго журнала, въ которой были помѣщены «Письма изъ Риги»; спустя еще года четыре эти Письма безпрепятственно появились въ еженедѣльной газетѣ съ пропускомъ только нѣкоторыхъ собственныхъ именъ. Наконецъ, въ настоящее время, по истеченіи сорока лѣтъ послѣ первоначальнаго появленія въ рукописи «Писемъ изъ Риги», представляется возможность напечатать ихъ безъ всякихъ пропусковъ и даже предать гласности всю исторію этого дѣла. Таковъ медленный ходъ нашего самосознанія по Остзейскому вопросу.

Для печатанія «Исторіи Риги» мы имѣли въ своемъ распоряженіи: 1) собственноручную черновую рукопись автора и 2) оффиціальное изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ 1852 г. подъ заглавіемъ «Общественное устройство города Риги. Изслѣдованія ревизіонной коммиссіи, назначенной министромъ внутреннихъ дѣлъ. 1845—1848 Томъ первый». Въ основаніе настоящаго изданія мы положили черновую рукопись автора и напечатали ее (стр. 161—525) безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій. Единственныя отступленія отъ нея, которыя мы себѣ дозволили, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Всему изслѣдованію дано нами одно общее заглавіе «Исторія Риги. 1200—1845 г.»; въ рукописи его нѣтъ, но самъ авторъ въ письмахъ, для краткости называлъ свой трудъ «Исторіею г. Риги»: рукопись же состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя въ нашемъ изданіи, точно

такъ же, какъ и въ оффиціальномъ, названы отдѣлами: за ними сохранены нами тѣ заглавія, какія даны авторомъ этимъ изслѣдованіямъ. 2) Въ рукописи только мѣстами обозначено на поляхъ краткое содержаніе текста; мы же, по примѣру оффиціальнаго изданія, распространили такія отмѣтки на поляхъ на все изслѣдованіе, причемъ заимствовали ихъ отчасти изъ оффиціальнаго изданія. 3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно въ «Исторіи городскихъ сословій», вставлено нами нѣсколько новыхъ заголовковъ, очевидно опущенныхъ какъ въ рукописи, такъ и въ оффиціальномъ изданіи.

При сличеніи оффиціальнаго изданія «Исторіи Риги» съ черновою рукописью, оказалось, что въ немъ довольно вѣрно воспроизведена рукопись съ слѣдующими однако отступленіями: 1) Нѣкоторыя мѣста въ немъ опущены, очевидно съ цѣлью снять съ труда Ю. Ѳ—ча характеръ ученаго изслѣдованія и придать ему болѣе оффиціальный характеръ; мѣста опущенныя и частью измѣненныя въ оффиціальномъ изданіи обозначены нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. 2) Рукопись, съ которой печаталось оффиціальное изданіе, не была, повидимому, провѣрена самимъ авторомъ; отъ этого слова, неправильно разобранныя переписчикомъ, искажены и въ оффиціальномъ изданіи; напримѣръ, напечатано «ревностиѣе» вмѣсто «ревпивѣе», «правщиковъ» вмѣсто «пуговщиковъ», «мосты», вмѣсто «мыты», «преданія» вмѣсто «изданія»: такихъ искаженій однако немного. 3) Весь текстъ разбитъ въ оффиціальномъ изданіи на параграфы, въ рукописи же нѣтъ такого дѣленія. 4) Ходъ дѣла о преобразованіи рижскаго городскаго устройства, начиная съ 1818 по 1845 годъ, изложенъ въ оффиціальномъ изданіи подробнѣе, чѣмъ въ рукописи. 5) Наконецъ, въ оффиціальномъ изданіи «Исторія г. Риги» не заканчивается 1845 годомъ, какъ въ рукописи, а продолжена до 1849 года; это продолженіе ничѣмъ не отдѣлено отъ труда Ю. Ѳ—ча и съ внѣшней стороны составляетъ съ нимъ одно цѣлое; въ дѣйствитель-

пости же это не продолженіе «Исторіи г. Риги», а подробное изложеніе дѣятельности ревизіонной коммиссіи и дальнѣйшаго хода дѣла о преобразованіи рижскаго городского устройства въ Остзейскомъ Комитетѣ въ 1849 году. Написано оно точно такъ же, какъ и дополненіе, о которомъ сказано въ п. 4, по всей вѣроятности, Я. В. Ханыковымъ, подъ наблюденіемъ котораго печаталось оффиціальное изданіе. Мы сочли необходимымъ воспроизвести въ настоящемъ изданіи эти дополненія, не смѣшивая ихъ однако съ трудомъ Ю. Ѳ—ча. Въ этихъ видахъ, въ текстѣ сохранено написанное Ю. Ѳ. чемъ краткое изложеніе хода дѣла о преобразованіи рижскаго городского устройства до 1845 г., а распространенная редакція оффиціальнаго изданія напечатана мелкимъ шрифтомъ въ подстрочномъ примѣчаніи (528—535 стр.). Что же касается продолженія Исторіи г. Риги, или вѣрнѣе отчета ревизіонной коммиссіи, то это продолженіе отнесено нами къ приложеніямъ и напечатано мелкимъ шрифтомъ (547—619 стр.). Тамъ же помѣщено предисловіе къ оффиціальному изданію (541—546) и изложеніе просьбъ, поданныхъ въ 1826—1829 годахъ русскими членами рижской городской общины, и объясненій, представленныхъ по этимъ просьбамъ рижскимъ магистратомъ (620—633 стр.); въ оффиціальномъ изданіи изложеніе этихъ просьбъ и объясненій магистрата помѣщено въ подстрочномъ примѣчаніи къ тексту. Такимъ образомъ, въ настоящемъ изданіи воспроизведенъ въ точности трудъ Ю. Ѳ—ча, но сверхъ того возстановлено и оффиціальное изданіе. Мы сочли необходимымъ поступить такимъ образомъ не только для полноты настоящаго изданія, но и потому, что оффиціальное изданіе 1852 года составляетъ библіографическую рѣдкость: оно сохранилось, насколько намъ извѣстно, только въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ находится у насъ, а другой въ Петербургѣ.

Странную и не вполнѣ разъясненную судьбу постигло это оффиціальное изданіе. Въ 1872 г., когда снова былъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи рижскаго городского

устройства, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была учреждена коммиссія для составленія проекта преобразованія. Понятно, что этой коммиссіи пришлось справиться съ тѣмъ, что было выработано въ 1846–1848 годахъ ревизіонною коммиссіею, а потому одинъ изъ членовъ коммиссіи 1872 г. обратился чрезъ наше посредство къ Ю. Ѳ—чу съ просьбою указать, гдѣ можно достать Исторію Риги. «Въ отвѣтъ на запросъ N. изъ Петербурга, отвѣчалъ намъ Ю. Ѳ., могу сказать только слѣдующее: у меня всего одинъ экземпляръ Исторіи города Риги. Весь заводъ этой книги, послѣ моей катастрофы, по требованію Л. А. Перовскаго, перенесенъ былъ въ его кабинетъ и оставался неразобраннымъ, чуть ли не подъ его кроватью до самой его смерти. Послѣ его кончины, назначена была цѣлая коммиссія для разбора его бумагъ, книгъ и пр. и, по приказанію Государя, всѣ частныя бумаги и библіотека (въ томъ числѣ и Исторія г. Риги) переданы были брату его, генералъ-адъютанту Борису Алексѣевичу Перовскому. Пусть обратятся къ нему, а, для большей вѣрности, пусть спросятъ сперва Арапетова: не ошибаюсь ли я и не обманула ли моя память. Я указываю на Арапетова, потому что онъ участвовалъ въ разборѣ кабинета Перовскаго—это я знаю навѣрное». Повидимому, однако, память дѣйствительно измѣнила Ю. Ѳ—чу и не вполнѣ вѣрно сохранила обстоятельства этого дѣла. По крайней мѣрѣ трудно согласить то, что сказано Ю. Ѳ—чемъ, съ годомъ выхода оффиціальнаго изданія его труда. На немъ значится 1852 годъ, и это не ошибка, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ имѣется въ немъ ссылка на оффиціальную бумагу 1851 года (стр. 612 этой книги). Значитъ, если оффиціальное изданіе и было задержано Л. А. Перовскимъ, то во всякомъ случаѣ, не «послѣ катастрофы», бывшей съ Ю. Ѳ—чемъ въ 1849 году, а спустя три года послѣ нея. По всей вѣроятности, распоряженіе о напечатаніи Исторіи Риги было сдѣлано министромъ внутреннихъ дѣлъ еще въ 1848 или 1849 году; но Я. В. Ханыковъ не спѣшилъ пе-

чатаніемъ, такъ какъ дѣло было уже рѣшено въ 1849 году. Когда же книга была отпечатана, т. е. въ 1852 г., Л. А. Перовскій могъ, конечно, задержать все изданіе, чтобы не возбуждать снова толковъ объ остзейскомъ вопросѣ, что вѣроятно послѣдовало бы, если бы книгу разослали «лицамъ высшаго управленія», для которыхъ она предназначалась. Относительно судьбы, постигшей оффиціальное изданіе Исторіи Риги, можно предположить, что, если оно не было передано послѣ смерти Л. А. Перовскаго его наслѣдникамъ, то оно, по всей вѣроятности, сгорѣло въ 1864 г., когда опустошительный пожаръ, бывшій въ Петербургѣ, уничтожилъ едва ли не всѣ бумаги министерства внутреннихъ дѣлъ.

Дмитрій Самаринъ.

2 іюня 1889 года.

ПИСЬМА ИЗЪ РИГИ.

МАЙ—ИЮНЬ

1848.

I.

Занятія мои въ Ригѣ подходятъ къ концу, и я надѣюсь скоро отсюда выѣхать; но до того времени мнѣ хотѣлось бы на мѣстѣ собрать впечатлѣнія, произведенныя во мнѣ здѣшнимъ краемъ, и общіе результаты двухлѣтнихъ занятій, посвященныхъ его исторіи и современному устройству города Риги. Кромѣ желанія повѣрить самого себя и тѣмъ раздѣлаться съ пристрастіями, почти неизбѣжными при долгомъ устремленіи мысли на одинъ предметъ, меня побуждаютъ къ этому и другія причины. Время, проведенное мною въ Ригѣ, было богато происшествіями, возбудившими въ Москвѣ и Петербургѣ всеобщее участіе и самые противоположные отзывы, вирочемъ рѣдко благосклонные и еще рѣже основанные на знаніи дѣла. Вы помните, какъ довѣрчиво принимали за достовѣрные слухи очевидно пристрастные; вы не забыли тѣхъ изъявленій истинно рыцарскаго сочувствія къ мнимо угнетеннымъ, тѣхъ взрывовъ благороднаго негодованія на угнетателей, которыми Петербургское общество ознаменовало свое безпристрастіе; наконецъ вы знаете, какимъ обвиненіямъ подвергались даже тѣ, которые, хотя и не принимали прямаго участія въ мѣрахъ правительства, но заступались за нихъ въ разговорахъ, или только не хотѣли вторить возгласамъ, такъ легко доставляющимъ въ нашихъ гостиныхъ почетную извѣстность. Все это возбуждаетъ во мнѣ желаніе прибавить нѣсколько фактовъ къ числу извѣстныхъ всѣмъ

и оправдать—не себя, а образъ мыслей не мнѣ одному принадлежащій, но котораго я не скрываю и не имѣю причины скрывать. Позвольте же мнѣ обратиться къ вамъ съ отчетомъ въ формѣ писемъ и попросить васъ выслушать меня и разсудить.

Современное состояніе Остзейскаго края такъ тѣсно связано съ его прошедшимъ, что нѣтъ возможности судить о первомъ, не припомнивъ существенныхъ условій его историческаго развитія. Поэтому я начну съ него, заранѣе предупреждая васъ, что я ограничусь очеркомъ и буду говорить подробнѣе о тѣхъ только фактахъ, которые или мало извѣстны или ошибочно толкуются.

Балтійское поморье, занимаемое нынѣшними губерніями Курляндскою, Лифляндскою и Эстляндскою, въ XII вѣкѣ тянуло къ сосѣднимъ русскимъ княженіямъ. Князь Владиміръ Полоцкій владѣлъ Курляндіею, Ярославъ получалъ дань отъ Дерптскаго округа, а восточная часть Эстляндіи входила въ составъ Новгородской земли. Нѣмецкіе лѣтописатели признаютъ это единогласно; у нихъ же мы находимъ свидѣтельства о мирномъ распространеніи православія между туземными племенами *).

Казалось, Россіи предназначено было вести за собою Балтійскій край къ просвѣщенію гражданскому и церковному, но внезапное нашествіе нѣмецкихъ купцовъ, проповѣдниковъ и крестоносцовъ надолго разстроило естественный ходъ начавшагося развитія. Нѣмцы отняли у Русскихъ Балтійскій край,

*) Въ дополненіе къ статьѣ епископа Рижскаго Филарета объ этомъ предметѣ, я приведу слова нѣмецкаго лѣтописца недавно изданнаго. Вотъ что пишетъ Ѳома Гіернъ жившій въ XVII вѣкѣ, но сообщающій о первобытномъ состояніи Латышей и Эстовъ самыя подробныя и точныя свѣдѣнія: „Въ 1206 году Летголы были обращены Алабрандомъ; но сначала они не смѣли принимать крещенія отъ Рижскихъ священниковъ, ибо были подвластны Псковитянамъ, которые, отъ времени до времени, посылали своихъ священниковъ крестить тѣхъ, которые добровольно изъявляли желаніе обратиться къ христіанству... Латыши находились издревле въ подданствѣ у короля или князя Полоцкаго. Въ 1211 году онъ имѣлъ свиданіе съ епископомъ Рижскимъ и старался ласкою и угрозами отклонить его отъ крещенія язычниковъ; ибо Русскіе, по обычаю своему, покоривши народъ, довольствовались тѣмъ, что облагали его податью, но никого не принуждали силою принимать христіанство, кто не соглашался на то по доброй волѣ“.

католицизмъ отнялъ его у православія; но это совершилось не безъ борьбы. Кто видѣлъ нынѣшнихъ Латышей и Эстовъ, тотъ могъ бы усомниться въ достовѣрности разсказовъ о долгомъ и отчаянномъ сопротивленіи ими оказанномъ, если бы всѣ лѣтописатели не свидѣтельствовали о немъ единогласно. Подъ Икскулемъ, Ригою, Дерптомъ происходили страшныя битвы, или точнѣе рѣзни, въ которыхъ Русскіе постоянно являются то предводителями, то союзниками Финновъ. Но силы были слишкомъ неравны: почти всегда крестоносцы, съ головы до ногъ закованные въ желѣзо, выходили побѣдителями, а послѣ битвы воины креста принимались съ равнымъ усердіемъ за роль палачей. Пощады не было, и не смотря на то, толпы Латышей стремились одна за другою на отмщеніе братьевъ, то есть на вѣрную смерть. Земля Балтійская досталась побѣдителямъ вся пропитанная слезами и кровью мучениковъ. Наконецъ, война прекратилась. Нѣмцы уже считали туземцевъ навсегда покоренными, однако три раза они поднимались и на время сбрасывали съ себя ненавистное иго. Но въ этой борьбѣ какъ будто истощилась вся энергія этого несчастнаго племени; его первые подвиги были въ то же время его предсмертными судорогами. За побѣдою слѣдовало порабощеніе. Завоевателямъ нужна была ~~не земля~~, а личная служба, и вслѣдствіе того тяжкое иго, сопряженное со всѣми видами феодальнаго насилія, пало непосредственно на жителей Балтійскаго края.

Я нарочно настаиваю на это, потому что вся разница между рабствомъ, до недавняго времени существовавшимъ въ Остзейскомъ краѣ, и крѣпостнымъ состояніемъ, существующимъ у насъ, объясняется происхожденіемъ того и другаго. Тамъ завоеватель, по праву сильнѣйшаго, началъ съ того, что наложилъ руку на земледѣльца и уже вслѣдствіе этого присвоилъ себѣ его домъ, его жену и, наконецъ, его землю. У насъ, помѣщикъ занялъ землю, которую правительство назначило ему въ кормленіе; земля же была нераздѣльна съ личностью земледѣльца; она была издревле крѣпка ему. Столкнулись эти два права на одинъ и тотъ же предметъ: первое, т. е. право помѣщика, обусловленное служебными обязанностями и потому подкрѣпленное правительственною

силою, перетянуло и распространилось, вслѣдствіе причинъ независимыхъ отъ чьей либо воли, отъ земли на земледѣльца, который, къ счастію, предпочелъ утратить свободу, чѣмъ землю, и не далъ себя оторвать отъ нея.

Вторымъ послѣдствіемъ завоеванія и порабощенія было уничтоженіе общиннаго устройства. Села и города, о которыхъ упоминается въ эпоху прибытія Нѣмцевъ, были стерты съ лица земли, и разбитое народонаселеніе начало совокупляться вокругъ замковъ и въ почтительномъ разстояніи отъ городовъ, въ которые его не пускали.

За угнетенный народъ нѣсколько разъ поднимали голосъ римскіе первосвятители; благословивъ крестоносцевъ на завоеваніе, они оплакивали его послѣдствія; разложивъ огонь тушили пламя. Они старались внушить суровымъ побѣдителямъ высокую мысль, что гражданское рабство несовмѣстно съ духовною свободою и не должно быть долею искупленныхъ отъ смерти грѣховной; но эта мысль была не по времени, и запоздалыя увѣщанія, не подкрѣпленныя принудительными мѣрами, остались безплодными. Судьба народа опредѣлилась на много вѣковъ. Онъ былъ устраненъ отъ всякаго участія въ развитіи собственной его земли и такъ далеко отодвинутъ на задній планъ, что исторія потеряла его изъ виду*). Впрочемъ, объ этомъ нечего распространяться, потому что такъ было не въ одной Ливоніи. Угнетеніе, разрывъ между высшими сословіями и народомъ, презрѣніе и насиліе съ одной стороны, ненависть и жажда мести съ другой — таковы условія внутренняго быта всѣхъ колоній основанныхъ на завоеваніи. Остается только сказать, что можетъ быть нигдѣ

*) Кромѣ отрывочныхъ описаній обычаевъ и нравовъ простолюдиновъ и краткихъ свидѣтельствъ о жалкомъ ихъ положеніи, мы ничего не находимъ у Остзейскихъ лѣтописателей. Вотъ образчики тѣхъ и другихъ. Оома Гіеричъ, уже цитованный мною, пишетъ слѣдующее: „Стало извѣстно, что Финны, уже послѣ обращенія ихъ въ христіанство, имѣли обыкновеніе при похоронахъ класть мертвому въ руку топоръ и приговаривать: иди, несчастный, на тотъ свѣтъ; тамъ ты будешь господиномъ надъ Нѣмцами и будешь, въ свою очередь, мучить ихъ такъ же, какъ они насъ мучаютъ на землѣ". Вотъ другое много разъ повторявшееся свидѣтельство Кельха: „Лифляндія (въ XIV вѣкѣ) была для дворянъ небомъ, для духовенства раемъ, золотымъ дномъ для иностранцевъ, а для крестьянъ—адомъ".

разобщеніе между туземцами и пришельцами не было такъ глубоко и гибельно для тѣхъ и для другихъ, какъ въ колоніи Остзейской. Мы видимъ, что въ другихъ земляхъ завоеванныхъ Германцами, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ, туземцы сливались съ пришельцами, по крайней мѣрѣ сближались съ ними, выучивались нѣмецкому языку, проникались началами германской образованности, за неимѣніемъ своей, и развивали ихъ болѣе или менѣе своеобразно. Въ Остзейскомъ краѣ не было ничего подобнаго: жизнь народная была такъ подавлена, что не могла развиваться самобытно, а отъ германской жизни она ничего не заимствовала.

Это отсутствіе внутренняго вліянія сильнѣйшаго племени на племя во всѣхъ отношеніяхъ слабѣйшее объясняется: во-первыхъ, недостаткомъ воспріимчивости въ характерѣ Финновъ; вовторыхъ, малочисленностію первобрибывшихъ колонистовъ и, втретьихъ, наконецъ, зависимостью мѣстной жизни отъ западно-европейской. Послѣдняя причина требуетъ поясненія. Въ XIII вѣкѣ, крестоносцы и купцы пріѣзжали въ Остзейскій край на промыселъ и возвращались оттуда: первые съ заслуженными индульгенціями, а вторые съ барышами. Позднѣе, хотя и образовалось осѣдлое нѣмецкое населеніе, занявшее край, но, тѣсно связанное съ Германіею, оно было постоянно обращено къ ней лицомъ. Духовенство двигалось по мановенію папы, Орденъ тянулъ также къ папѣ и императору, города вошли въ Ганзейскій союзъ. Итакъ, всѣ средоточія и пружины дѣятельности политической, духовной и торговой, въ которой Остзейскія сословія принимали участіе, находились внѣ Балтійскаго края; мѣстная жизнь возбуждалась обще-европейскими интересами, вовсе недоступными и непонятными для простаго народа; она не могла найти себѣ цѣлей въ самомъ краѣ, ни сосредоточиться въ немъ. Поэтому начáла образованности, ею выработанныя, не переступили грозныхъ стѣнъ разсѣянныхъ зáмковъ и уединенныхъ городовъ, не привились къ народу и остались для него безплодными.

Народа, не въ смыслѣ низшаго состоянія, а какъ живаго совокупленія всѣхъ сословій въ свободномъ общеніи, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, народа въ Остзейскомъ краѣ не было

и нѣтъ — поэтому не могло быть и проявленія народной жизни въ сферѣ политической, не могло сложиться самостоятельнаго государства. Развитіе этого вывода со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями составляетъ содержаніе прошедшей исторіи Остзейскаго края и продолжается въ настоящемъ. Нравственное зло, совершившееся при встрѣчѣ Германцевъ съ Финнами, плодится доселѣ, и всего хуже то, что нынѣшніе потомки завоевателей XIII вѣка не понимаютъ зла, по крайней мѣрѣ не только оправдываютъ его, но даже гордятся имъ *).

*) Я позволю себѣ сдѣлать отступленіе и на минуту перенестись въ современность. Вотъ эпиграфъ, избранный, для перваго періода Исторіи Лифляндіи, г-мъ Киницомъ, издающимъ теперь въ Дерптѣ исторію своей родины въ 24-хъ частяхъ: „Aber es liess sich unbezweifelt in den Kämpfen doch auch der endliche Sieg erwarten, der Sieg für das Licht des Christenthums, der Sieg reinerer Gottes-Erkenntniss, der Sieg für den Geist deutscher Bildung, deutscher Denk— und Lebensweise, deutschen Rechts und deutscher Sitte". Слово въ слово: „Но (это *но* относится къ самому содержанію перваго періода, т. е. къ рѣзнямъ и опустошеніямъ, оставляющимъ въ читателяхъ грустное впечатлѣніе, а вслѣдъ за *но* авторъ предлагаетъ читателю въ утѣшеніе блистательный результатъ, по его мнѣнію вполнѣ оправдывающій средства) можно было сквозь борьбу предвидѣть несомнѣнно конечное торжество для свѣта христіанства, торжество для духа нѣмецкой образованности, нѣмецкой мысли и жизни, нѣмецкаго права и нѣмецкихъ обычаевъ". — А вотъ что мы читаемъ въ первомъ № лучшаго изъ Остзейскихъ журналовъ (das Inland) за 1848, въ статьѣ о характерѣ Лифляндцевъ, Эстляндцевъ и Курляндцевъ: „Die Deutschen in den Ostsee-Provinzen herrschen seit lange über eine dienende und arbeitende Bevölkerung die durch Blut, Sitte, Kleidung und Sprache von ihnen geschieden war. Dieser Gegensatz zweier Elemente der Bevölkerung war zwar nicht so hart wie der zwischen schwarzen Negern und weissen Pflanzern, er war aber bei weitem entschiedener als die Kluft, die in Deutschland das Landvolk von der höhern Schicht der Gesellschaft trennte. Wie aber die feinste Blüthe aristokratischer Bildung in den Häusern der reichen Plantagenbesitzer in West-Indien, der Madyarischen Adelsgeschlechter in Ungarn, der auf die Unterlage der celtischen Irländer gebauten englischen Aristokratie sich entfaltet, so schlug sich auch in den Ostsee-Provinzen das Gemeine und Niedrige wie ein Bodensatz an die beherrschte Bevölkerung nieder. Mag es seine Gefahren haben, herrschende Klasse zu sein, Herschaft ist doch schön. Nur darum war in Griechenland so viel Adel und Geist, weil alle Nothdurft und Arbeit in der Niederung des Sclavenstandes zurückblieb, der Grieche selbst aber bloss der freien Darstellug seiner menschlichen Anlagen und in ihr einem heitern Selbstgenusse lebte". (Нѣмцы въ Остзейскихъ губерніяхъ издавна господствуютъ надъ племенемъ, исправляющимъ всякую службу и всякаго рода трудъ

Устранивъ туземцевъ, посмотримъ теперь на Нѣмецкое населеніе, взятое отдѣльно. И здѣсь, не смотря на единство происхожденія, вѣры, языка и даже многихъ интересовъ, мы найдемъ такое же преобладаніе началъ враждебнаго разъединенія, но не племеннаго, а сословнаго. Основныя стихіи, вошедшія въ составъ всѣхъ западныхъ государствъ, были перенесены нѣмецкими выходцами въ ихъ Балтійскую колонію, за исключеніемъ одной. Духовенство, дворянство, среднее сословіе имѣли здѣсь представителей и развивались въ томъ же духѣ какъ и въ Западной Европѣ, повторяя въ меньшихъ размѣрахъ всѣ ея средневѣковыя явленія; но не доставало того начала, которое въ Германскомъ мірѣ приняло въ себя историческое наслѣдство Римской монархіи, накинуло сѣть государственности на феодальный міръ, внесло въ него идею о благѣ общественномъ и водворило правомѣрный порядокъ и административное единство на развалинахъ средневѣковаго разновластія Начало верховной власти въ Остзейскомъ краѣ не имѣло мѣстнаго представителя; замѣнить же его не могли ни папы, ни императоры (считавшіеся верховными владыками края, но слишкомъ отъ него удаленные и потому безсильные), ни ландтаги или земскіе

и которое разнится съ ними происхожденіемъ, обычаями и языкомъ. Эта противоположность двухъ стихій народонаселенія была конечно не такъ рѣзка какъ та, которая отдѣляетъ черныхъ Негровъ отъ бѣлыхъ плантаторовъ, хотя съ другой стороны гораздо глубже черты, отдѣляющей въ Германіи сельскихъ жителей отъ высшихъ слоевъ общества. Но подобно тому какъ лучшій цвѣтъ аристократической образованности распускается въ домахъ богатыхъ Вестиндскихъ плантаторовъ, въ мадьярскихъ дворянскихъ родахъ въ Венгріи, въ аристократическихъ Англійскихъ родахъ, возносящихся надъ массою кельтическаго населенія въ Ирландіи—такъ и въ Остзейскихъ губерніяхъ все грубое и низкое какъ осадокъ спустилось внизъ и пристало къ подвластному племени. Конечно не безопасно быть господствующимъ племенемъ; пусть такъ, но за то какъ прекрасно господство! И въ Греціи потому блеснуло столько благородства и духовныхъ силъ, что нужда и трудъ были предоставлены въ удѣлъ низкому классу рабовъ, самъ же Грекъ жилъ только для свободнаго воплощенія своихъ духовныхъ стремленій и для всесилаго самонасажденія въ своихъ созданіяхъ.)—Не правда ли, что тотъ, кто написалъ эти строки, нынѣшній Грекъ-Остзеецъ, обличилъ въ себѣ богатый запасъ menschlicher Anlagen? Спасибо ему за признаніе. Мы видимъ теперь, чего ожидать для народа отъ потомковъ крестоносцевъ XIII вѣка, отъ достойныхъ продолжателей ихъ подвиговъ.

сеймы, собиравшіеся временно, никому не подчиненные, состоявшіе исключительно изъ представителей тѣхъ же враждовавшихъ между собою сословій и потому являвшіе въ себѣ тотъ же хаосъ въ сокращенномъ видѣ.

И вотъ почему во всей исторіи Остзейскаго края, ни въ какую эпоху, не встрѣчается ни одного событія, въ которомъ бы послышалось біеніе цѣльной жизни и проявилось бы единодушное стремленіе къ какой бы то ни было цѣли; почему всякое нападеніе извнѣ производило внутреннее распаденіе на партіи; почему, въ минуты всеобщей опасности или всеобщихъ бѣдствій, выступалъ не духъ самопожертвованія для блага земли, а чувство самосохраненія, эгоистической заботливости о сословныхъ правахъ и частныхъ выгодахъ; почему, при высокомъ развитіи внѣшней образованности, въ Балтійскомъ краѣ выработались провинціальныя пристрастія, чувство сословной чести, сознаніе сословныхъ интересовъ и ничего лучшаго; почему, наконецъ, Остзейцы не могли возвыситься до идеи отчизны.

Нужны ли доказательства? Въ XIII и XIV вѣкахъ рыцари воюютъ съ архіепископомъ и наводятъ на Ливонію дикихъ Литовцевъ; города подстрекаютъ дворянъ и духовенство къ междоусобной брани и обманываютъ тѣхъ и другихъ. На истощенную и, по свидѣтельствамъ всѣхъ лѣтописателей нѣмецкихъ, до костей развращенную Ливонію поднимается царь Іоаннъ IV-ый. Она покупаетъ постыднымъ обѣщаніемъ право прожить въ роскоши и наслажденіяхъ еще нѣсколько лѣтъ; этотъ срокъ проходитъ въ бездѣйствіи, и грозный царь посылаетъ на нее тучу Татаръ. Загарается война. Въ ней, не смотря на познанія въ ратномъ дѣлѣ и доблесть нѣсколькихъ полководцевъ Ордена, несмотря на отчаянное мужество нѣсколькихъ отрядовъ, обнаруживается вся безсвязность общества и непрочность его устройства. Дворяне и города защищаются и договариваются врозь, отнюдь не думая помогать другъ другу; народъ сначала вовсе не дѣйствуетъ и даже обнаруживаетъ расположеніе къ Русскимъ; но, потомъ, раздраженный бѣдствіями войны и жестокостью Татаръ, онъ начинаетъ безъ разбора рѣзать и грабить своихъ и чужихъ. Всѣ государи, домогающіеся владычества надъ

Лифляндіею, находятъ въ ней приверженцевъ, готовыхъ помогать имъ противъ своихъ единоземцевъ; образуется польская партія, шведская партія Магнуса, наконецъ, даже Іоанну Грозному, котораго всѣ проклинали, усердно служатъ Таубе и Крузе съ шайкой. Настаетъ для Остзейскаго края рѣшительная необходимость прибѣгнуть подъ защиту одной изъ сосѣднихъ державъ, и онъ распадается на части. Это совершается какъ-то легко и безъ сожалѣній. Эстляндія пристаетъ къ Швеціи, Лифляндія къ Польшѣ, Курляндія, подъ покровительствомъ Польши, удерживаетъ нѣкоторую самостоятельность. Взгляните теперь на каждую изъ этихъ областей, взятыхъ отдѣльно; вы не найдете ни единодушія, ни общаго совѣта. Орденъ заключаетъ съ Польшею особенный договоръ. архіепископъ съ своими вассалами другой, и уже вся Ливонія принадлежитъ Польшѣ, а Рига еще нѣсколько лѣтъ держится отдѣльно и помышляетъ о томъ, какъ бы подчиниться Нѣмецкому императору.

Итакъ, вслѣдствіе образованія Остзейскаго края, о н ъ н е м о г ъ и з в л е ч ь и в ы р а б о т а т ь г о с у д а р с т в е н н а г о н а ч а л а и з ъ с а м о г о с е б я; оно должно было проникнуть въ него извнѣ. Утрата политической независимости была обнаруженіемъ его внутренней несостоятельности. Таковъ естественный выводъ изъ перваго періода его исторіи, обнимающаго четыре вѣка, отъ XIII до конца XVI.

Я сказалъ, что до сихъ поръ, въ борьбѣ сословій, въ развитіи ихъ правъ и учрежденій, гражданскихъ понятій и религіозныхъ вѣрованій, повторялся историческій процессъ средневѣковой Европы. Сочувствіемъ и тѣсною связью съ Германіею поддерживалось въ ея Балтійской колоніи начало дѣятельности и совершенствованія; Остзейскій край шелъ по пятамъ за Германіею и подвигался впередъ. Такъ добрался онъ до Реформаціи. Но когда сосѣднія державы оторвали колонію отъ метрополіи и притянули первую къ себѣ, начало самостоятельнаго развитія въ ней замерло. Она отстала отъ Германіи, не пристала ни къ Польшѣ, ни къ Швеціи и обрекла себя на неподвижность. Съ этого времени дѣятельность Остзейскихъ сословій приняла отрицательный характеръ. Постоянное противодѣйствіе духу времени, упорное

отрицаніе историческихъ требованій во имя отжившей старины, борьба провинціализма и начала сословнаго разъединенія съ государственнымъ и народнымъ—вотъ что представляетъ второй періодъ исторіи Остзейскаго края.

Подчиненіе Лифляндіи Польшѣ было очевидно историческою случайностью; ибо одинъ страхъ, наведенный Іоанномъ Грознымъ и его Татарами, заставилъ Нѣмцевъ прибѣгнуть подъ ея защиту, какъ ближайшей державы давнишней соперницы Россіи и въ то время соперницы счастливой. Несмотря однако же на это, несмотря на нескладное устройство самой Польши, не умѣвшей водворить единства въ своихъ предѣлахъ, необходимость государственнаго начала въ Остзейскомъ краѣ была такъ очевидна, призваніе его такъ ясно опредѣлено заранѣе, что польское правительство не могло ошибиться въ своихъ цѣляхъ, а развѣ только въ средствахъ. Оно стремилось: скрѣпить случайную связь Ливоніи съ Польшею, усиливъ дѣйствіе верховной власти свободнымъ содѣйствіемъ частныхъ интересовъ, самимъ правительствомъ созданныхъ; водворить единство въ порядкѣ суда и администраціи учрежденіемъ общихъ инстанцій и замѣною обычнаго произвола писанными законами; сблизить сословія между собой уравненіемъ ихъ дотолѣ исключительныхъ правъ; наконецъ, поднять по возможности угнетенный народъ. Вотъ чего хотѣло правительство и что́ выразилъ Стефанъ Баторій въ своихъ конституціяхъ; но изъ всего этого очень немногое осуществилось. Я не намѣренъ вдаваться въ разсмотрѣніе средствъ, употребленныхъ для достиженія исчисленныхъ цѣлей; но я не могу не остановиться на томъ, что́ относится до первой изъ нихъ. Польское правительство понимало, что до тѣхъ поръ, пока мѣстныя сословія будутъ заключать въ себѣ однихъ Остзейскихъ уроженцевъ, воспитанныхъ въ понятіяхъ феодальныхъ временъ, государственное начало будетъ безсильно, ибо не только не найдетъ въ нихъ сочувствія, но даже встрѣтитъ неминуемое противодѣйствіе. Нужно было ввести въ нихъ людей новыхъ, преданныхъ правительству и способныхъ служить посредниками между нимъ и мѣстными уроженцами. Съ этою цѣлью, польскіе короли роздали своимъ служилымъ людямъ. Полякамъ и Литовцамъ, въ

помѣстное владѣніе множество земель, казенныхъ и конфискованныхъ у частныхъ лицъ. Число этихъ новыхъ помѣщиковъ постоянно увеличивалось, такъ что (какъ видно изъ протоколовъ коммиссіи, ревизовавшей католическіе приходы при Стефанѣ Баторіѣ) въ нѣкоторыхъ округахъ вовсе не осталось землевладѣльцевъ изъ Нѣмцевъ. Первые, т. е. Поляки и Литовцы, занимали всѣ высшія коронныя должности, какъ-то: воеводъ, старостъ, кастелляновъ; завѣдывали, на ряду съ Лифляндцами, дѣлами сословнаго управленія; имѣли право выбора, доступъ ко всѣмъ должностямъ; участвовали въ составленіи проекта рыцарскаго права и посылали депутатовъ въ коммиссію, ревизовавшую дворянскія имѣнія, словомъ: они пользовались въ Ливоніи всѣми сословными правами, предоставленными коренному дворянству того края; напротивъ того, лифляндскіе уроженцы первоначально пользовались своими правами въ одной Лифляндіи, и лишь позднѣе нѣкоторые изъ нихъ, въ награду за оказанную ими вѣрность, были причислены къ дворянству польскому. Итакъ, Литовцы и Поляки съ самаго начала получили все то, чего могли требовать въ новоприобрѣтенномъ краѣ; Нѣмцы же не только не сохранили никакихъ преимуществъ предъ ними, но оставались въ положеніи завоеванной и обиженной націи. Такимъ образомъ, мѣра, придуманная для сближенія, не была выдержана; вмѣсто того, чтобы принести пользу, она только раздражила и посѣяла вражду.

Возвышая Поляковъ и Литовцевъ насчетъ Нѣмцевъ, польское правительство, въ то же время и съ тою же цѣлью, не довольствуясь покровительствомъ католиковъ, силилось поднять римскую церковь въ Лифляндіи, съ явнымъ угнетеніемъ протестантства. Свобода протестантскаго вѣроисповѣданія была торжественно обезпечена многими договорными статьями; изъ этого послѣдователи его выводили, что никакое другое вѣроисповѣданіе не должно быть у нихъ терпимо: такъ протестанты понимали свободу. Но польское правительство понимало ее въ противоположномъ смыслѣ. Стефанъ Баторій даровалъ своимъ единовѣрцамъ право безпрепятственно отправлять богослуженіе, уравнялъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ съ протестантами, строго запретилъ городскимъ магистратамъ

удалять католиковъ отъ должностей, разрѣшилъ свободный переходъ изъ лютеранизма въ римскую церковь, основалъ католическую кафедру въ Венденѣ, надѣлилъ ее вотчинами, далъ епископу второе мѣсто въ высшей судебной инстанціи, возвратилъ въ Ригѣ двѣ церкви католическому духовенству изъ числа отнятыхъ у него и основалъ Іезуитскую Коллегію. Все это было справедливо и законно, но польское правительство этимъ не ограничилось: скоро запрещено было протестантскому духовенству проповѣдывать въ деревняхъ, и обнаружились признаки готовившагося гоненія. Здѣсь также мѣра была переступлена, и прозелитизмъ Польши, не находившій сочувствія въ народѣ, раздражилъ духовенство и среднее сословіе и приготовилъ отпаденіе всего края.

При подчиненіи Лифляндіи шведскому владычеству, повторилось то же, что было при подчиненіи Польшѣ. Дворянство первое измѣнило и пристало къ побѣдителямъ; Рига продлила сопротивленіе и сдалась на выгоднѣйшихъ условіяхъ. Между Остзейскимъ краемъ и Швеціею было, конечно, болѣе сродства и сочувствія, чѣмъ между нимъ и Польшею: ихъ связывало единство вѣроисповѣданія, чрезвычайно важное въ ту эпоху, когда вся Западная Европа рѣзко дѣлилась на двѣ половины, католическую и протестантскую. Но, съ другой стороны, Швеція пріобрѣла Остзейскій край точно такъ же, какъ и Польша, т. е. случайно, какъ бы мимоходомъ, въ минуту сверхъ-естественнаго напряженія всѣхъ ея силъ, за которымъ должно было слѣдовать неминуемое паденіе: она могла завоевать его, но не была въ состояніи удержать. Шведское правительство во многихъ отношеніяхъ слѣдовало примѣру польскаго. Треть имѣній лифляндскихъ была раздана Шведамъ; при учрежденіи ландратской коллегіи (дворянскаго преставительства) было постановлено, чтобы половина членовъ ея выбиралась непремѣнно изъ Шведовъ; помѣщики шведскіе назначались, съ утвержденія генералъ-губернатора, въ должности судей въ ландгерихтахъ и въ гофгерихтахъ, участвовали на ландтагахъ съ правомъ голоса и вообще пользовались всѣми правами мѣстнаго дворянства, а многократныя просьбы Лифляндцевъ о принятіи ихъ въ составъ дворянства шведскаго были отвергнуты правительст-

вомъ. Первыя мѣры конечно не выходили изъ предѣловъ строгой справедливости; но послѣдняя очевидно носила на себѣ печать односторонности, погубившей польское правительство, и въ этомъ случаѣ возбудила одинакое нерасположеніе къ Швеціи. Къ этому присоединилась другая причина неудовольствія: это безпрестанные наборы, увеличеніе налоговъ на торговлю и промыслы, земскихъ повинностей вещественныхъ и личныхъ, и наконецъ редукція, возбудившая въ дворянствѣ всеобщій плачъ и негодованіе.

Такъ какъ эта послѣдняя мѣра играетъ важную роль въ исторіи земскаго сословія, которое оправдывало ею свою измѣну Швеціи, я долженъ сказать объ ней нѣсколько словъ. Редукція учреждена была съ двойною цѣлью: отобрать въ казну всѣ государственныя имущества, по существу своему неотчуждаемыя, но поступившія по различнымъ поводамъ въ частное владѣніе, и обратить имѣнія, розданныя въ помѣстное владѣніе и впослѣдствіи перешедшія въ вотчинное, къ ихъ первоначальному значенію. Необходимость этой мѣры могла бы быть доказана тѣмъ, что, по требованію шведскихъ чиновъ, она была приведена въ исполненіе въ самой Швеціи нѣсколькими годами ранѣе, чѣмъ въ Эстляндіи и Лифляндіи; но она становится очевидною, если вспомнить, что въ то время всѣ служебныя обязанности вытекали изъ помѣстнаго владѣнія, и потому правительство, лишившись казенныхъ земель и своихъ правъ на помѣстья, черезъ это самое лишилось бы всякой возможности содержать войско и чиновниковъ. Законность шведской редукціи, въ существѣ ея, также могла бы быть выведена изъ тогдашнихъ началъ земскаго владѣнія; но я не намѣренъ вдаваться въ этотъ многосложный предметъ и замѣчу только, что ее оправдываютъ: вопервыхъ, примѣры предшествовавшихъ вѣковъ, ибо несомнѣнно, что въ эпоху гермейстеровъ не разъ производились редукціи имѣній казенныхъ или столовыхъ, какъ называли ихъ въ то время; вовторыхъ, примѣръ самого дворянства, часто прибѣгавшаго къ конфискаціямъ но, разумѣется для своихъ сословныхъ выгодъ, какъ мы увидимъ далѣе. Впрочемъ, съ какой бы стороны ни смотрѣли на редукцію, въ томъ видѣ, въ какомъ шведское правительство примѣнило

се къ Лифляндіи, она была разорительна для дворянства, ибо лишила его трехъ четвертей его недвижимаго имущества. Но этимъ не ограничились его бѣдствія: сопротивленіе, оказанное Лифляндцами дѣйствіямъ мѣстнаго начальства, и произвольное учрежденіе сословнаго представительства pro salvanda re puclica справедливо раздражили Карла XI, который однимъ ударомъ упразднилъ должность ландратовъ, отнялъ у ландтаговъ право подавать жалобы и поставилъ ихъ въ совершенную зависимость отъ генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, передъ началомъ Сѣверной войны, дворянство утратило и матеріальныя и юридическія условія своего существованія какъ сословія.

Итакъ, въ періодъ времени, обнимающій немного болѣе полутораста лѣтъ, двѣ державы пытались утвердить свое владычество въ Остзейскомъ краѣ, но безуспѣшно: ибо ни та ни другая не имѣла на то ни призванія, ни достаточныхъ силъ. Въ самыхъ дѣйствіяхъ ихъ, во многомъ между собою сходныхъ, выразилось какъ бы невольное признаніе исторической беззаконности ихъ притязаній. Какъ польское, такъ и шведское правительство смотрѣли на Остзейскій край какъ на случайное пріобрѣтеніе, на жителей его какъ на чужихъ: оба, для своихъ цѣлей, вводили въ него своихъ коренныхъ подданныхъ; но ни то ни другое даже не пыталось привлечь къ себѣ Остзейцевъ; напротивъ, оба держали ихъ въ сторонѣ и отдаленіи отъ себя. Кромѣ того, Польша насильно старалась возстановить въ немъ церковь, не имѣвшую въ краѣ приверженцевъ; Швеція безпощадно разоряла его для восполенія своей казны. Оба правительства дѣйствовали какъ представители началъ и интересовъ, умышленно противопоставленныхъ мѣстной жизни; ни то ни другое не проявило въ себѣ достойнымъ образомъ государственныхъ началъ, и потому нельзя безусловно винить Остзейцевъ, которые, противодѣйствуя мѣрамъ обоихъ правительствъ, не признали этого начала и не помирились съ нимъ.

Не менѣе того, нельзя отрицать великихъ заслугъ Польши и Швеціи: онѣ сдѣлали первые шаги, всегда самые трудные, на пути государственнаго устройства Балтійскаго края; онѣ внесли въ хаосъ сословнаго разновластія нѣкоторый на-

выкъ къ подчиненности, въ міръ обычнаго произвола нѣсколько твердыхъ юридическихъ началъ изданіемъ различныхъ уложеній и уставовъ; наконецъ, онѣ постоянно были вѣрны своему назначенію: быть заступниками простаго народа.

Польское правительство первое, послѣ безплодныхъ увѣщаній римскихъ первосвятителей, замолвило нѣсколько словъ въ его пользу. Стефанъ Баторій изъявилъ скромное намѣреніе привести его въ сносное положеніе, ибо, какъ выражался королевскій намѣстникъ въ 1586 г., дворянство позволяло себѣ въ обращеніи съ крестьянами жестокости, неслыханныя даже между язычниками и варварами; но ранняя смерть Баторія помѣшала осуществленію его мыслей. При шведскомъ владычествѣ, Карлъ IX предложилъ нѣсколько мѣръ для обузданія жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными людьми; Густавъ-Адольфъ отнялъ у землевладѣльцевъ право уголовнаго суда надъ крестьянами и позволилъ послѣднимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приносить жалобы на своихъ господъ; Карлъ XI на ландтагѣ 1681 г. предложилъ уничтожить крѣпостное состояніе. Но на всѣ подобные вызовы дворянство отвѣчало, что народъ грубъ и не оцѣнитъ блага свободы; что народъ дикъ и употребитъ всякое право во зло; что нужно держать его въ страхѣ, иначе въ немъ прока нѣтъ и т. д. Эти общія мѣста, о которыя, къ сожалѣнію, не въ одномъ Остзейскомъ краѣ долго разбивались всѣ благія намѣренія верховной власти, помѣшали шведскому правительству настоять на исполненіи его предположеній; не менѣе того, оно принесло земледѣльческому классу существенное облегченіе твердымъ опредѣленіемъ барщины и другихъ повинностей въ соразмѣрности съ цѣнностью отданной ему въ пользованіе земли. На этомъ основаніи составлены были такъ называемые вакенбухи, доселѣ служащіе исходною точкою при составленіи контрактовъ о крестьянскихъ повинностяхъ.

Таковы были лучшіе результаты дѣятельности польскаго и шведскаго правительствъ, завѣщанные ими Россіи, какъ начинанія, которыя предназначено ей было довершить, и какъ указанія на новые предстоявшіе ей подвиги.

Самый безпристрастный взглядъ на событія XVII вѣка приводитъ къ заключенію, что присоединеніе Остзейскаго

края къ Россіи было не случайнымъ результатомъ удачной войны, не дѣломъ хитрости или насилія, но событіемъ исторически-необходимымъ, подготовленнымъ прошедшею судьбою обѣихъ земель и географическимъ ихъ положеніемъ. Неспособный, вслѣдствіе причинъ изложенныхъ мною въ началѣ этого письма, облечься въ форму самостоятельнаго государства, Остзейскій край долженъ былъ неминуемо пристать къ одной изъ трехъ державъ, съ половины XVI-го вѣка споривщихъ о первенствѣ на сѣверо-востокѣ Европы. Изъ нихъ двѣ, Польша и Швеція, пытались, но безуспѣшно, удержать его за собою; послѣ нихъ естественно очередь доходила до Россіи.

Она могла предъявить на него право перваго занятія; она заключала въ себѣ источникъ его богатства, ибо онъ получалъ отъ нея предметы своей торговли и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи всегда былъ ей подчиненъ; наконецъ, Балтійское поморье, занятое Остзейскими областями, составляло естественную границу Россіи; она подвигалась къ ней медленно, но постоянно, со временъ Іоанна Грознаго, и должна была достигнуть ея: ибо стремленіе русской политики въ этомъ случаѣ было проявленіемъ историческаго закона и какъ бы ростомъ живаго организма. При этомъ нельзя забыть и того, что нѣмецкая колонія, занявшая берегъ Балтійскаго моря, умышленно заслоняла отъ насъ Европу и всѣми силами мѣшала намъ заимствовать плоды западнаго просвѣщенія, задерживая ученыхъ, художниковъ и мастеровъ, которыхъ съ XVI вѣка вызывали Московскіе цари и преграждая Русскимъ выѣздъ за границу. Кажется, мы могли требовать, чтобы эта преграда исчезла.

Но если Россія имѣла на Остзейскій край историческія и даже естественныя права, то это самое налагало на нее обязанности, которыхъ не имѣла въ отношеніи къ нему ни Польша, ни Швеція. Россія должна была и могла принять его не только въ свое подданство, но въ свой составъ, признать въ немъ не случайное пріобрѣтеніе, а часть самой себя, временно отъ нея отпавшую и теперь возсоединившуюся съ нею навсегда. Такъ она и поступила въ лицѣ Петра. Сознавалъ ли онъ историческое предопредѣленіе, по которому ему доставался Балтійскій край, или, можетъ быть, радость, овладѣв-

шая имъ при видѣ моря ему подвластнаго, расположила его къ великодушію; какъ бы то ни было, онъ добровольно пожертвовалъ правомъ завоевателя, подписалъ не задумываясь всѣ предложенныя ему условія, купилъ не торгуясь то, что могъ бы просто взять и удержать. Такимъ образомъ, Остзейцы, при первомъ актѣ русскаго владычества, поставлены были въ положеніе, совершенно противоположное тому, въ которомъ ихъ держали Польша и Швеція. Петръ I-й не спѣшилъ вводить Русскихъ искусственными мѣрами въ мѣстныя сословія, но онъ открылъ Россію для жителей Остзейскаго края и пригласилъ ихъ къ участію въ ея политической и общественной жизни. Они вошли въ составъ Имперіи не какъ чужіе и покоренные, но со всѣми правами господствующаго племени, какъ усыновленные землею, за которую они не страдали и не приносили жертвъ.

Итакъ, Россія въ отношеніи къ нимъ права, даже болѣе чѣмъ права; но правы ли они въ отношеніи къ ней? Это другой вопросъ.

II.

Дѣйствія Польши, Швеціи и Россіи представляютъ одну только сторону историческаго развитія Остзейскаго края; остается дополнить ее, показавъ, что̀ дѣлали сословія со времени ихъ подчиненія государственной власти.

Здѣсь должно разсмотрѣть: вопервыхъ, отношенія сословій къ государству; вовторыхъ, взаимныя ихъ отношенія одного къ другому.

Сословія Остзейскія покорились государственному началу противъ воли, какъ неизбѣжному злу, но внутренно не отреклись отъ своихъ притязаній, уже несовмѣстныхъ съ новымъ порядкомъ. Каждое изъ нихъ по прежнему почитало себя чѣмъ-то полнымъ и замкнутымъ въ себѣ самомъ, видѣ своихъ выгодъ не признавало надъ собой никакихъ высшихъ цѣлей, не считало себя нравственно связаннымъ никакими иными обязанностями и заботами. Все, что существовало видѣ его, было для него по существу своему чуждо, могло по обстоятельствамъ дѣлаться союзнымъ или враждебнымъ, но, во всякомъ случаѣ, эти отношенія опредѣлялись все-таки интересами самихъ сословій.

Поэтому, всѣ стремленія сословій были діаметрально противоположны государственнымъ. Выше было показано, чего хотѣли правительства и какія мѣры они принимали; а вотъ чего хотѣли сословія: поставить себя, такъ сказать, видѣ государства, но подъ его защиту; устранить всякое вмѣшательство верховной власти въ дѣла края, иначе какъ по вызову самихъ

сословій; ни въ какомъ случаѣ не допускать съ ея стороны инициативы; ограничить соприкосновенія съ правительствомъ дѣлами казеннаго интереса; наконецъ, ни подъ какимъ видомъ не сближаться съ инородными подданными того же правительства и не допускать ихъ въ свое общество. На каждую изъ этихъ фразъ я могъ бы привести вамъ десятки примѣровъ и выписокъ изъ богатаго собранія Остзейскихъ привилегій, но это было бы вовсе не нужно, ибо тайныя и явныя цѣли, мною выставленныя, никѣмъ оспорены не будутъ.

Изумительно-успѣшному достиженію ихъ наиболѣе способствовало именно то обстоятельство, которое, повидимому, должно бы было помѣшать ему: это—троекратная перемѣна верховнаго владычества. Польша, принимая Остзейскій край въ свое подданство, подтвердила его привилегіи, права, обычаи и всю старину его; то же самое сдѣлали впослѣдствіи Швеція и наконецъ Россія. Но значеніе этого акта понималось различно всѣми тремя правительствами и Остзейскими сословіями. Первыя почитали себя обязанными охранять учрежденія и преимущества, дарованныя краю, поколику они были согласны съ общественнымъ благомъ и съ публичнымъ правомъ; это ограниченіе мы находимъ въ грамотахъ польскихъ, шведскихъ и русскихъ государей: всѣ они вовсе не считали себя обреченными на созерцательное бездѣйствіе. Наоборотъ, сословія хотѣли, чтобы верховная власть, признаніемъ существующаго порядка, связала себѣ руки; они утверждали, что ничто не могло быть измѣнено въ немъ безъ ихъ согласія, но что имъ, какъ единственнымъ законнымъ судьямъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, предоставлено было право входить съ представленіями и приглашать къ принятію мѣръ, ими придуманныхъ; они же и связывали, они же и разрѣшали. Столкновеніе этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ было неизбѣжно при первомъ свободномъ движеніи со стороны верховной власти. Польское правительство открыло борьбу съ сословною исключительностью: оно начинало приводить мѣстныя учрежденія къ стройному единству, ограничивая или отмѣняя слишкомъ рѣзко выдававшіеся остатки феодальныхъ временъ; но оно не успѣло окончить своего дѣла. Съ перемѣною владычества, всѣ труды его пропали, и Швеція

должна была съ самаго начала возобновить борьбу. Она повела ее бойко и даже круто, ломая привилегіи одну за другою и давая просторъ современнымъ требованіямъ; но и Швеція вскорѣ должна была уступить невѣрное владычество надъ Остзейскимъ краемъ.

Россія приняла его въ свое подданство, и Петръ I-й, однимъ почеркомъ пера, уничтожилъ все, что было сдѣлано Швеціею, такъ что старыя средневѣковыя понятія и антигосударственныя начала, уже до половины побѣжденныя, снова вызваны были не къ жизни, а къ противодѣйствію всему живому. При Русскомъ владычествѣ то же самое явленіе повторялось иногда при началѣ новаго царствованія, даже при смѣнѣ одного генералъ-губернатора другимъ; такъ всѣ учрежденія Екатерины II-ой, въ Остзейскомъ краѣ, были отмѣнены императоромъ Павломъ, который отодвинулъ черезъ это побѣду государственнаго начала на сто лѣтъ назадъ.

Итакъ, въ дѣйствіяхъ правительствъ, при очевидномъ единствѣ, господствовала непослѣдовательность почти неизбѣжная; напротивъ, противодѣйствіе сословій, при еще большемъ единствѣ направленія, развивалось послѣдовательно, безъ перерывовъ, обогащаясь опытомъ вѣковъ. Мудрено ли послѣ этого, что Остзейскій край доселѣ доживаетъ средніе вѣка, какъ единственный во всемъ мірѣ образецъ явленій давно исчезнувшихъ, невредимо уцѣлѣвшій благодаря умѣнію защищать себя отъ вліянія свѣжаго воздуха?

Я сказалъ, что никогда не измѣнявшимъ средствомъ противодѣйствія государственному началу служили привилегіи; дѣйствительно, чего не дѣлали и чему не мѣшали во имя привилегій? Это слово имѣло до нынѣшнихъ временъ какую-то магическую силу, какъ veto Римскихъ трибуновъ, а между тѣмъ очень немногіе имѣютъ ясное понятіе о его значеніи, и почти никому неизвѣстно, какими средствами Остзейцы поддерживали свои привилегіи и какъ ими пользовались.

Въ тѣсномъ и опредѣленномъ смыслѣ, привилегія значитъ жалованное право; въ пространномъ же и болѣе употребительномъ, подъ привилегіями разумѣютъ всякаго рода договоры, уставы, указы, судебныя рѣшенія, вообще всѣ письменные акты, служащіе къ опредѣленію юридическаго по-

ложенія области, города, сословія или лица. Къ нимъ, какъ необходимое дополненіе, присовокупляется всегда обычай или старина. Уже изъ этого видно, что утвержденіе привилегій и обычая равнялось узаконенію всего въ минуту выдачи подтвердительной грамоты существовавшаго порядка; но этого мало. Такъ какъ письменные документы, на которыхъ сословія основывали свои права и притязанія, восходили до XIII вѣка, потомъ списывались съ различными измѣненіями и дополненіями и часто совершенно отмѣнялись; такъ какъ обычай, по самому существу своему, не могъ быть неподвиженъ, то, очевидно, должно было встрѣчаться множество противорѣчій при сличеніи письменныхъ памятниковъ между собою и писаннаго права съ обычаемъ. Поэтому, при утвержденіи привилегій, возникала необходимость предварительно отдѣлить тѣ изъ нихъ, которыя имѣли юридическое значеніе и силу законовъ дѣйствующихъ, отъ тѣхъ, которыя сохранили только историческое значеніе памятниковъ былаго порядка. Но до этого-то именно Остзейскія сословія и не допускали. Они представляли къ утвержденію не своды, а сборники привилегій, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, для возраженія на какую бы то ни было мѣру, предложенную правительствомъ, или для подкрѣпленія своихъ притязаній, имъ стоило порыться въ грудахъ своихъ привилегій, выбрать изъ нихъ любой документъ и представить его, умолчавъ благоразумно о позднѣйшихъ актахъ, лишавшихъ его силы или прямо противоположныхъ. Приспособлять такимъ образомъ свидѣтельства исторіи къ своимъ нуждамъ значило ссылаться на старину. У каждой области, у каждаго города, у каждаго сословія была своя старина; всѣ эти старины не только не были согласны между собою, но даже каждая изъ нихъ измѣнялась съ году на годъ, смотря по надобности. Изъ этого видно, какъ было легко, не выходя изъ предѣловъ формальной легальности, придать всякому дѣйствію правительства видъ нарушенія законнаго порядка и оправдать каждое антигосударственное притязаніе. Но этимъ не ограничивалось безцеремонное обращеніе со стариною; часто прибѣгали къ средствамъ еще менѣе добросовѣстнымъ, напримѣръ: представляли привилегіи не въ настоящемъ ихъ

видѣ, а въ сокращеніяхъ и съ пропусками, иногда, наоборотъ, прибавляли кое-гдѣ въ текстѣ по нѣсколько словъ, иногда въ переводахъ замѣняли одни понятія другими. Такъ какъ все, что я сказалъ теперь, несовсѣмъ согласно съ господствующими понятіями о безукоризненной добросовѣстности Нѣмцевъ, то я считаю долгомъ привести нѣсколько примѣровъ.

Густавъ-Адольфъ выдалъ городу Ригѣ грамоту, списанную съ незначительными измѣненіями съ грамоты Стефана Баторія; въ ней перечислялись существенныя права, предоставленныя городу, но не сказано было, чтобы кромѣ ихъ не было еще другихъ, и вслѣдствіе этого, по поводу разныхъ жалобъ и требованій, немедленно начались ссылки на старыя привилегіи, спеціально не поименованныя въ королевской грамотѣ, но которыя, по мѣрѣ надобности и одна за другою, появлялись изъ запасовъ городскаго архива. Это, наконецъ, наскучило шведскому правительству, и въ 1637 году оно предписало магистрату прислать въ Стокгольмъ полное собраніе всѣхъ городскихъ привилегій, надѣясь чрезъ это прекратить на будущее время всѣ неожиданныя открытія; но магистратъ не исполнилъ этого требованія. По истеченіи десяти лѣтъ, оно было повторено, и тогда онъ прислалъ собраніе, но неполное. Въ 1648 году, уже въ четвертый разъ, королева Христина приказала ему прислать всѣ безъ исключенія привилегіи, предупредивъ его, что если затѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ будутъ утаены, то онѣ черезъ это самое потеряютъ всякую силу, и уже никакія на нихъ ссылки приниматься не будутъ. Но эта угроза не помогла. Въ 1663 году, данъ былъ годъ сроку на исполненіе, и, несмотря на это, въ 1675 году магистратъ все еще занимался браковкою своихъ привилегій. Въ одномъ изъ городскихъ архивовъ находится протоколъ келейнаго совѣщанія того же года, въ которомъ сказано, что ратсгеры и ельтерманы рѣшили не вносить въ составляемый имп сводъ декрета королевскихъ коммисаровъ 1599 года, ни инструкціи для должности бургграфа, изъ объявленія Сигизмунда III-го 1593 года исключить цѣлую статью, и т. д.; наконецъ, попадается длинный списокъ привилегій, договоровъ, уставовъ, которые магистратъ усомнился включить—quos Magistratus dubitavit inseri.

Вотъ другой примѣръ. Въ одной изъ грамотъ Сигизмунда III-го было сказано: „Мы повелѣваемъ, чтобы, какъ доселѣ, такъ и впредь на всѣ времена, жиды не имѣли пребыванія въ Ригѣ“ [1]), а при Густавѣ Адольфѣ, городъ, ссылаясь на эту статью, передавалъ ее слѣдующимъ образомъ: „чтобы жиды и *иностранцы* не были терпимы въ *краѣ*“ [2]).

Третій примѣръ. Цехъ рыбаковъ, на запросъ коммиссіи ревизующей Рижское муниципальное устройство, объявилъ, что онъ имѣетъ привилегіи XIII и XIV вѣковъ на исключительное производство своего ремесла; по сличеніи же переводовъ этихъ привилегій съ Латинскими подлинниками, которые цеховые старшины имѣли неосторожность приложить, оказалось, что во всѣхъ статьяхъ, гдѣ сказано было, что рыбная ловля отдается гражданамъ (civibus), въ переводахъ, вмѣсто послѣдняго слова, стояло: цеху рыболововъ.

Безнаказанность систематическаго обмана обезпечивалась систематическимъ подкупомъ коронныхъ чиновниковъ. Къ этому средству начали прибѣгать при польскомъ владычествѣ, и его съ успѣхомъ употребляютъ до сихъ поръ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ рукописныхъ записокъ рижскихъ ельтермановъ и изъ рижскаго же магистратскаго архива; я долженъ ограничиться ими, потому что другіе тайные архивы были мнѣ недоступны. „Въ 1613 году магистратъ предложилъ гражданамъ посредствомъ подкупа выхлопотать въ Польшѣ передачу блокгауза городу, вскорѣ послѣ того, совѣтовалъ сдѣлать приношеніе королевской канцеляріи: но граждане воспротивились, изъясняя, что городъ разоренъ и находится въ упадкѣ; что всѣ уже и безъ того жалуются, что Рижане избаловали польскихъ чиновниковъ; что другіе города даютъ гораздо меньше; что герцогъ Курляндскій всего-на-все посылаетъ ежегодно 500 талеровъ, тогда какъ городъ жертвуетъ по 1000 флориновъ. Черезъ нѣсколько времени, послали въ Польшу депутата, который истратилъ 4500 рейхсъ-талеровъ, а когда старшины стали

---

[1]) Volumus etiam ut quemadmodum hactenus, ita deinceps quoque perpetuis temporibus, a Judaeorum mansionibus civitas nostra Rigensis libera sit.

[2]) Dass keine Juden und *Fremden* im *Lande* gelitten werden.

жаловаться на такіе непомѣрные расходы, истощавшіе городскую казну, одинъ изъ бургомистровъ отвѣчалъ имъ: если вы станете къ этому придираться то черезъ десять лѣтъ городъ утратитъ всѣ свои привилегіи". Независимо отъ чрезвычайныхъ посольствъ, которыхъ было впродолженіе переговоровъ о сдачѣ города Сигизмунду Августу не менѣе одиннадцати, Рига постоянно содержала при польскомъ дворѣ агента и адвокатовъ. При шведскомъ правительствѣ, въ городскомъ бюджетѣ, составленномъ въ 1628 году, показано 8000 талеровъ, истраченныхъ депутатами, и помѣщена, въ числѣ обыкновенныхъ расходовъ, статья на подарки сенаторамъ: наконецъ, сохранилась резолюція шведскаго короля, содержащая въ себѣ строгій выговоръ городскимъ депутатамъ за взятки, розданныя ими коронымъ чиновникамъ.

Итакъ, произвольныя ссылки на старину и подкупы—вотъ средства, которыми отклонялись мѣры, исходившія непосредственно отъ правительства.

Другая цѣль, постоянно бывшая въ виду Остзейцевъ, какъ я уже сказалъ, была преградить доступъ въ мѣстныя сословія Полякамъ и Шведамъ Вотъ что̀ разсказываетъ Діонисій Фабриціи: „При Сигизмундѣ III-мъ дворяне лифляндскіе, успѣвъ оправиться во время мира, подняли голову и начали между собою совѣщаться о томъ, какъ бы удалить изъ края Поляковъ и Литовцевъ, получившихъ помѣстья, дабы остаться въ немъ господами. Нѣкто Давидъ Гильхенъ, сынъ рижскаго гражданина и синдикъ, предложилъ имъ свои услуги. Онъ былъ человѣкъ образованный, постигнувшій въ тонкости судебную практику и нравы королевской канцеляріи, но хитрый и пронырливый. Рижане почитали его за полубога, и на ихъ деньги, розданныя имъ королевскимъ сенаторамъ, онъ успѣлъ пріобрѣсти благосклонность послѣднихъ, такъ что, по ихъ рекомендаціи, король возвелъ его въ дворянское достоинство. Тогда Гильхену показалось унизительнымъ служить гражданамъ, и съ этого времени онъ сдѣлался ходатаемъ дворянъ; но это самое навлекло на него подозрѣніе гражданъ, которые вскорѣ, узнавъ про какую-то его плутню, заключили его въ тюрьму, а когда онъ оттуда бѣжалъ, то осудили его заочно и предали имя его позору. Этому-то Гильхену дворяне пору-

чили привести въ исполненіе ихъ замыселъ. Прежде всего, онъ присовѣтовалъ богатѣйшимъ изъ нихъ удалить Поляковъ, владѣвшихъ староствами, выкупивъ ихъ имѣнія или взявъ ихъ въ арендное содержаніе; съ остальными же, по его мнѣнію, совладать было нетрудно. Потомъ онъ уговорилъ дворянъ дать ему значительную сумму денегъ на поѣздку на Варшавскій сеймъ 1598 года, дабы онъ могъ черезъ сенаторовъ проложить себѣ дорогу къ королю. Тогда Гильхенъ зажилъ роскошно и началъ сыпать деньгами между придворными магнатами. Затѣмъ, исходатайствовавъ аудіенцію у короля, онъ употребилъ слѣдующую хитрость: далъ королю совѣтъ послать въ Лифляндію коммиссаровъ для приведенія въ извѣстность доходовъ, получаемыхъ отъ имѣній и замковъ; ибо, говорилъ онъ, владѣтели ихъ (capitanei) обманываютъ казну, доставляя въ нее не болѣе того, что получалось отъ нихъ въ то время, когда Лифляндія только что была отнята у Русскихъ, а съ тѣхъ поръ вся страна значительно разбогатѣла. Король обѣщалъ послѣдовать этому, повидимому, благому совѣту, и тогда Гильхенъ присовокупилъ еще, что въ Лифляндіи было много дворянъ, владѣвшихъ имѣніями безъ всякихъ правъ, или на правахъ противозаконно пріобрѣтенныхъ отъ королевской канцеляріи; что могущественные дворяне притѣсняли слабѣйшихъ, у коихъ дальнее разстояніе отнимало возможность пріѣзжать съ жалобами на сеймы; что поэтому было бы необходимо сообщить тѣмъ же коммиссарамъ полную власть учреждать въ Лифляндіи суды, замѣщать судейскія должности, и *если найдутся дворяне не по праву владѣющіе имѣніями, то отобрать ихъ и раздать болѣе достойнымъ, съ утвержденія короля*. Все это Гильхенъ придумалъ на тотъ конецъ, дабы, подъ предлогомъ справедливаго дѣла, раздать всѣ высшія должности Нѣмцамъ, отнять у Поляковъ всѣ имѣнія не родовыя и передать ихъ тѣмъ же Нѣмцамъ, черезъ что вся власть перешла бы въ ихъ руки, и уже не трудно было бы тогда удалить изъ края мелкопомѣстныхъ Поляковъ. Пользуясь тѣмъ же случаемъ, Гильхенъ надѣялся изгнать изъ края католическое духовенство, такъ что Нѣмцы въ дѣлахъ церков-

ныхъ и гражданскихъ сдѣлались бы полными господами. Прежде даже, чѣмъ были назначены члены коммиссіи (изъ коихъ двое были Поляки, а прочіе Нѣмцы), Гильхенъ выпросилъ себѣ при ней должность нотаріуса. Лифляндцы немедленно стали склонять коммиссаровъ въ свою пользу денежными приношеніями; но послѣдствія ревизіи были противоположны ожидаемымъ, ибо всѣ важныя должности и помѣстья розданы были Полякамъ, а Нѣмцы получили лишь незначительныя и немногія. Обманутые въ своихъ надеждахъ, они жалѣли о потерянныхъ деньгахъ, розданныхъ на сеймѣ и коммиссарамъ, и обратились къ другому средству, а именно вступили въ переговоры съ герцогомъ Зюдерманландскимъ, выступившимъ съ шведскою арміею противъ Поляковъ".

Итакъ, вотъ происхожденіе польской редукціи, по поводу которой въ историческомъ вступленіи къ Своду Остзейскихъ узаконеній сказано, что „права собственности подвергались безпрестаннымъ нарушеніямъ *со стороны правительства*". Она была придумана и присовѣтована агентомъ дворянства для пользы Нѣмцевъ, и неудача ея подала имъ поводъ къ измѣнѣ. При шведскомъ правительствѣ возобновилась совершенно подобная попытка. Самыя обширныя и значительныя помѣстья въ Лифляндіи, сохранившія польское названіе старостъ, розданы были Шведамъ, которые, на собственныя деньги, прикупили нѣсколько мелкихъ имѣній у сосѣднихъ лифляндскихъ дворянъ. Тогда Лифляндцы, въ 1678 году, поручили своему депутату Густаву Мейдену исходатайствовать имъ у правительства право выкупить у Шведовъ эти имѣнія, по ихъ выраженію, поглощенныя староствами. На этотъ разъ полный успѣхъ увѣнчалъ ихъ происки, но эта же самая просьба подала поводъ къ началу казенной редукціи. Первоначально ей подверглись Шведы, и пока ихъ обирали, Лифляндцы, какъ говоритъ Янау, радовались и пересчитывали по пальцамъ права казны; затѣмъ воспослѣдовало предложеніе о распространеніи редукціи на всѣ отчужденныя имущества, и въ этомъ предложеніи король изъяснилъ, между прочимъ, что онъ намѣренъ послѣдовать благому примѣру самого дворянства. Дѣйствительно, вся разница между редукціею 1678 года

и позднѣйшею заключалась въ томъ, что первая сопряжена была съ нарушеніемъ несомнѣннаго права частной собственности въ пользу Нѣмецкихъ помѣщиковъ, вторая же съ такимъ же нарушеніемъ не всегда законно пріобрѣтенныхъ правъ въ пользу всего государства. Но у сословнаго эгоизма была своя логика. Кратковременная радость обратилась въ негодованіе, и дворяне уклонились отъ заслуженной кары, отложившись отъ Швеціи и приставъ къ Россіи. Итакъ, мѣра, двукратно ими предложенная, послужила поводомъ, а въ ихъ глазахъ оправданіемъ, къ двукратной измѣнѣ.

Противодѣйствіе сословій государственному началу и иноплеменникамъ обозначено. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ дворянство и городскіе жители дѣйствовали совершенно одинаково, изъ однихъ побужденій, но отнюдь не вмѣстѣ и не заодно. Столкновеніе съ государственнымъ началомъ не только не сблизило ихъ между собою, а напротивъ, еще болѣе разъединило. Они сложили на правительство послѣднее попеченіе о благѣ общественномъ, и каждое изъ нихъ, еще исключительнѣе чѣмъ прежде, посвятило себя служенію своимъ интересамъ. Поэтому, внутренняя исторія Остзейскаго края, въ эпоху владычества польскаго и шведскаго, представляетъ, рядомъ съ противодѣйствіемъ государственному началу, безпрерывныя междоусобныя распри. До войны, конечно, не доходило, но тянулись безконечные процессы. Курляндское купечество жаловалось на невѣроятныя притѣсненія со стороны Рижанъ. Рижане, не отрицая ихъ, домогались закрытія Либавской и Виндавской пристаней и уничтоженія склада русскихъ товаровъ въ Дерптѣ. Напрасно доказывали имъ, что это повело бы къ разоренію цѣлыхъ областей: имъ была непонятна такая заботливость. Дворянство старалось похитить у средняго сословія право пріобрѣтать имѣнія; жители городовъ оспаривали у дворянъ право покупать дома въ городскихъ стѣнахъ и рѣшительно не позволяли имъ продавать своего хлѣба заморскимъ купцамъ. Духовенство спорило съ помѣщиками о характерѣ крестьянскихъ повинностей на содержаніе церкви: первое доказывало, что онѣ суть личныя и потому должны увеличиваться съ приращеніемъ народонаселенія; вторые, напротивъ, признавали

ихъ за поземельныя и потому неизмѣняемыя. Наконецъ, въ самихъ городахъ враждовали магистраты съ гильдіями, старавшимися отнять у первыхъ право безотчетнаго распоряженія доходами, а гильдіи спорили между собою о разграниченіи промысловъ и кормленій.

По всѣмъ этимъ дѣламъ до высшаго правительства доходили безпрестанныя жалобы. Каждая сторона силилась задобрить его въ свою пользу и очернить въ его мнѣніи своихъ враговъ.

Въ подобныхъ случаяхъ, не только не боялись произвола верховной власти, не только не уважали привилегій, на которыя ссылались противники, но, напротивъ, находили, что правительство дѣйствуетъ слишкомъ робко и слишкомъ много дорожитъ гнилыми хартіями. Такъ, напримѣръ, при шведскомъ владычествѣ, граждане рижскіе, въ спорѣ съ своимъ магистратомъ, безпрестанно твердили правительству, что нечего смотрѣть на привилегіи: ибо тотъ, кто далъ ихъ, имѣетъ право толковать ихъ и даже отмѣнять, если найдетъ противными общественной пользѣ. Въ другомъ спорѣ, о правѣ пивоваренія, между большою и малою гильдіями, первая самымъ недобросовѣстнымъ образомъ подкапывалась подъ привилегіи второй, употребляя такіе доводы, которые, будучи приложены ко всѣмъ однороднымъ случаямъ, уничтожили бы всѣ привилегіи Остзейскаго края.

Объ ожесточеніи городскихъ обществъ на ихъ магистраты свидѣтельствуютъ памятники того времени, а отношенія дворянства къ среднему сословію Густавъ Менгденъ, въ концѣ шведскаго владычества, называлъ заклятою ненавистью.

Такимъ представлялся Остзейскій край самъ въ себѣ.

Онъ противодѣйствовалъ государственному началу во имя политической своей самостоятельности; но не очевидно ли, что, нося въ себѣ сѣмена раздора и ни одного начала примиряющаго, онъ сдѣлался бы жертвою междоусобной войны, если бы верховная власть отъ него отвернулась и предоставила его на мигъ самому себѣ?

Онъ огораживалъ себя отъ иноплеменниковъ во имя нѣмецкой національности; но какое право называть себя національю имѣла горсть пришельцевъ, попиравшихъ ногами ино-

племенный народъ, и въ то же время склонявшихъ головы передъ другимъ народомъ, распространившимъ на нихъ свое государственное владычество? Неужели всякій обрубокъ, безъ корня и верха, въ правѣ присвоивать себѣ значеніе націи? Мы доживемъ, наконецъ, до того, что Нѣмецкій клубъ въ Москвѣ заговоритъ о своей народности.

Итакъ, оба начала, изъ которыхъ Остзейскій край выводилъ свои притязанія, не заключали въ себѣ ничего положительнаго, никакого зародыша, никакой будущности.

III.

Въ первыхъ двухъ письмахъ моихъ я старался показать, какія начала заключалъ Остзейскій край самъ въ себѣ, какъ дѣйствовали на него Польша и Швеція, какое встрѣтили въ немъ противодѣйствіе и, наконецъ, въ какое отношеніе поставила себя къ нему Россія. Это отношеніе было такого рода, что Остзейцы могли и должны были отказаться отъ принятаго ими враждебно-оборонительнаго положенія. Пока съ ними обходились какъ съ чужими, имъ было позволительно держать себя въ сторонѣ и въ умышленномъ разобщеніи съ ихъ побѣдителями. Но это время прошло; ихъ встрѣчало государство чуждое всякой исключительности, не дѣлавшее никакихъ различій между своими коренными и вновь присоединенными; передъ ними растворялась жизнь народа, просвѣтленнаго сознаніемъ ожидавшей его будущности; имъ дана была полная возможность пріобщиться къ ней, но подъ однимъ условіемъ—отреченія отъ духа сословной и національной исключительности, по себѣ отрицательнаго и безплоднаго. И этой то жертвы они не хотѣли, или, можетъ быть, не въ силахъ были принести!

Вмѣсто того, чтобы послѣдовать указанію судьбы, призывавшей ихъ къ возрожденію, они обрекли себя на неблагодарную борьбу съ исторіею, на вѣчное противорѣчіе съ дѣйствительностью, выражающееся въ настоящемъ отношеніи здѣшняго края къ Россіи, къ правительству и къ Русскимъ. Балтійскій край, какъ бы ни тяжело было Нѣмцамъ въ томъ сознаваться, все-таки принадлежитъ Россіи; но Остзей-

цы не признаютъ Россіи своею отчизною; у нихъ нѣтъ отчизны, въ томъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ у насъ. Для бюргера ее замѣняетъ городъ, въ которомъ онъ пользуется правомъ гражданства, для дворянина—его сословіе и родовая вотчина; наконецъ, для того и для другаго существуетъ какая-то отвлеченная отчизна, къ которой влечетъ ихъ сочувствіе безплодное—они знаютъ это сами—и которое никогда не перейдетъ въ дѣло. Эта отчизна не есть ни Пруссія, ни Австрія, ни Рейнскій край, но вообще Германскій міръ, или какое-то отвлеченіе отъ нѣмецкой жизни. Невинная, платоническая любовь Остзейцевъ къ этому призраку, разумѣется, ни къ чему ихъ не обязываетъ, кромѣ вздоховъ, сожалѣній и нѣкоторой зависти. Она ничего не внушитъ и никогда не потребуетъ никакой жертвы—тѣмъ то, можетъ быть, она и хороша. Но она потому вредна, что въ предающихся ей она питаетъ смѣшное и вмѣстѣ дерзкое пренебреженіе къ дѣйствительности, забвеніе существенныхъ обязанностей и отвращеніе къ тому, что̀ предлагаетъ жизнь. Такъ, вмѣсто того, чтобы породниться съ Россіею, жить и дѣйствовать въ ней и для нея, Остзейцы полагаютъ честь свою въ томъ, чтобы не знаться и разобщаться съ нею. Это замѣтно во всемъ. Еслибъ вамъ попался въ прошломъ году листокъ рижскихъ газетъ, вы прочли бы въ объявленіяхъ, что такіе-то выѣхали за границу—nach Ausland, а затѣмъ такіе-то въ Россію—nach Russland, такъ что вамъ невольно пришло бы въ голову, что это пишется не въ Россіи, а внѣ ея. По приказанію генерала Головина, форма объявленій была измѣнена; но я жалѣю объ этомъ, потому что она вѣрно выражала отношеніе края къ Россіи и каждаго пріѣзжаго Русскаго готовила къ цѣлому ряду однородныхъ впечатлѣній его ожидавшихъ. Заговорите въ любомъ обществѣ, въ Ригѣ или Ревелѣ, о Берлинѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ или Вѣнѣ: со всѣхъ сторонъ отзовутся на вашу рѣчь; вамъ станутъ прославлять учрежденія, законы, образъ жизни, удобства этихъ городовъ; вамъ перечтутъ по пальцамъ всѣ трактиры, желѣзныя дороги, достопримѣчательности, журналы и т. д.; васъ поразитъ эта многосторонность свѣдѣній, это живое и безкорыстное участіе, но болѣе всего поразитъ васъ ученическое смиреніе,

которымъ проникнуто каждое слово: никто не порицаетъ, никто даже не судитъ. Но если вы захотите убѣдиться, что ученое подобострастіе не исключаетъ невѣжественной гордости, вамъ стоитъ только навести разговоръ на Россію. Мигомъ перемѣнятся физіономіи, сладкая улыбка перейдетъ въ улыбку пренебреженія, посыплются рѣзкіе отзывы; откуда возьмется и докторальный тонъ, и смѣлые приговоры, и снисходительныя наставленія. Тогда вы узнаете о Россіи такъ много новаго, что вы должны будете допустить одно изъ двухъ: или, что вы до тѣхъ поръ сами жили не въ Россіи, а принимали за нее Китай, или, наконецъ, что ваши собесѣдники совсѣмъ не Курляндцы и не Лифляндцы, а какіе нибудь островитяне, разъ или два въ годъ получающіе извѣстія о Россіи изъ Allgemeine Zeitung и брошюръ въ родѣ тѣхъ, которыми разразилась Германія въ послѣднее время. Вы услышите, напримѣръ, отъ барона, служащаго въ высшемъ губернскомъ присутствіи, что православнымъ епископамъ уставами церкви запрещено употреблять за столомъ ножи и вилки; отъ купца, торгующаго на милліоны и разсылающаго свои мануфактурныя издѣлія по всей Россіи, —что у насъ судебные приговоры часто постановляются и подписываются однимъ лицомъ, и мало ли чего вы еще не услышите!

Но это было бы не такъ важно, если бы тѣ лица, которыя занимаютъ высшія должности, не щеголяли тѣмъ же невѣжествомъ. Къ сожалѣнію, они то и подаютъ примѣръ. Гражданскій губернаторъ скажетъ вамъ, что онъ никогда не видалъ Свода Законовъ въ глаза, а членъ лютеранской консисторіи, что онъ знать не хочетъ русскихъ законовъ. И это происходитъ не отъ лѣности, а отъ убѣжденія, возведеннаго въ систему. Въ прошломъ году вышла книга подъ заглавіемъ: „Das Liv-und Esthländische Privatrecht“. Авторъ ея, бывшій профессоръ, слыветъ первымъ юристомъ и знатокомъ Остзейскихъ древностей, знаетъ порусски такъ же хорошо, какъ вы и я, и стоитъ по образованію своему гораздо выше Остзейской публики. Между тѣмъ, въ статьѣ объ источникахъ гражданскаго права, онъ говоритъ: „Вопросъ о примѣняемости Свода Гражданскихъ Законовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, притомъ только какъ вспомогательнаго источника, долженъ быть во-

обще разрѣшенъ отрицательно", напротивъ того „въ Эстляндіи ссылки на сочиненія древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ юристовъ не только приняты обычаемъ, но даже имѣютъ законное основаніе.... Вопросъ о томъ, какіе вспомогательные источники должны быть употребляемы въ тѣхъ случаяхъ, на которые въ мѣстныхъ источникахъ нѣтъ разрѣшеній, до сихъ поръ еще составляетъ предметъ спорный, особенно въ Лифляндіи, гдѣ практики признаютъ одно Римское право за вспомогательный источникъ" *). Итакъ, можно разрѣшить дѣло на основаніи диссертаціи какого-нибудь доктора или магистра правъ, а на общіе законы имперіи нельзя ссылаться даже въ тѣхъ случаяхъ, которые не разрѣшаются мѣстными законами. Ту же самую участь испыталъ, разумѣется, и русскій языкъ. Почти всѣ образованные люди говорятъ чисто по англійски, не чисто по французски, и рѣдко, рѣдко, даже между чиновниками, вы встрѣтите такого, который бы былъ въ состояніи понимать русскую книгу. Въ 1773 году Сентября 9, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, было объявлено всенародно слѣдующее: „Правительствующій Сенатъ съ удовольствіемъ видитъ, что благородное россійское юношество тщательно обучается разнымъ наукамъ и нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, дабы себя чрезъ то не только къ службѣ Е. И. В. учинить способными, но и достигнуть тѣхъ степеней, каковыя каждаго достоинства ему доставить могутъ; напротивъ же того, примѣчаетъ, что нѣмецкій языкъ у многихъ остается въ совершенномъ небреженіи, почитая, можетъ быть, что и совершенное знаніе онаго языка не можетъ имъ доставить тѣхъ выгодъ къ службѣ, каковыхъ отъ прочихъ ожидаютъ... Правительствующій Сенатъ за нужное призналъ симъ Е. И. В. указомъ обнародовать, дабы россій-

*) Die Frage über die Anwendbarkeit des Swod der bürgerlichen Gesetze in Liv—und Esthland namentlich über die bloss subsidiäre, muss im Allgemeinen verneinend beantwortet werden... In Esthland ist das Citiren von älteren und neueren Schriften der Rechtsgelehrten nicht nur allgemein üblich, sondern auch gesetzlich begründet... Die Frage, welche Hülfsrechte in Anwendung kommen, wenn die einheimischen landrechtlichen Quellen schweigen, ist besonders in Livland streitig, wo von den Practikern gewöhnlich nur das römische Recht zu den Subsidiärrechten gezählt wird.

ское благородное юношество знало, что совершенное знаніе нѣмецкаго языка болѣе послужитъ каждому къ полученію въ службѣ преимущественнаго опредѣленія, и для того обращали бы прилежаніе свое и на совершенное знаніе нѣмецкаго языка; притомъ не можетъ оставить и того, что въ нѣмецкихъ провинціяхъ въ гражданской службѣ состоящіе чины совсѣмъ не стараются о знаніи россійскаго языка, не взирая на тѣ выгоды, каковыя отъ знанія сего произойтить могутъ, тѣмъ менѣе уважаютъ неминуемую для нихъ надобность. Для чего, чрезъ сіе подтверждается, дабы и они достигли совершеннаго знанія россійскаго языка и по невѣдѣнію своему не лишились тѣхъ выгодъ, какія имъ знаніе сіе принесть можетъ". Съ тѣхъ поръ, русское благородное юношество выучилось нѣмецкому языку; но изъ Остзейскихъ чиновниковъ, можетъ быть, изъ тридцати одинъ понимаетъ по русски. Люди степенные говорятъ: „какъ же намъ учить дѣтей своихъ по русски, когда здѣсь нѣтъ русскихъ учителей?" На это имъ отвѣчаютъ: „и въ Россіи преподаватели нѣмецкаго языка не растутъ какъ грибы, надобно взять на себя трудъ пріискивать и приглашать ихъ; будетъ требованіе, будетъ охота учиться, явятся и учителя". Тогда возражаютъ: „къ чему намъ выписывать учителей, когда у насъ нѣтъ никакой надобности знать по русски, и можно прожить вѣкъ спокойно, ни разу не ощутивъ въ немъ надобности?" На это опять отвѣчаютъ: „у васъ введенъ Сводъ мѣстныхъ узаконеній, котораго подлинникъ изданъ на русскомъ языкѣ. и велѣно, въ случаяхъ, на которые въ немъ нѣтъ постановленій, руководствоваться общимъ Сводомъ Имперіи". Тогда восклицаютъ: „какъ можно было вводить русскіе законы, когда мы не знаемъ русскаго языка и, не имѣя учителей, не можемъ даже обучать ему нашихъ дѣтей!" И говоръ одобренія покрываетъ голосъ оратора; а васъ провожаютъ взоромъ, выражающимъ соболѣзнованіе къ побѣжденному. И подлинно, какъ не остаться побѣжденнымъ! Впрочемъ, есть люди поступающіе прямѣе. Разсказываютъ, что одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, очень почтенный человѣкъ, объявилъ напередъ своему сыну, что онъ лишитъ его наслѣдства, если онъ выучится по русски; а не такъ давно, въ присутственномъ мѣстѣ,

одинъ изъ засѣдателей, увидавъ бумагу, писанную по русски, скомкалъ ее и бросилъ въ сторону, восклицая: das verfluchte Russisch! [1]) Языкъ не пустая вещь, не дѣло личнаго вкуса; кто ненавидитъ языкъ народа, тотъ не можетъ любить самого народа. Недавно одинъ изъ здѣшнихъ чиновниковъ одолжилъ одному изъ моихъ знакомыхъ для прочтенія какую то нѣмецкую книгу, украшенную собственноручными его замѣтками, въ числѣ которыхъ была найдена слѣдующая, написанная на полѣ противъ слова: „Treue“ — das haben die Russen nie gekannt [2]) Наконецъ, не могу пропустить безъ вниманія и этихъ выраженій, ежеминутно поражающихъ слухъ: Ja, in Russland ist es so, aber bei uns...[3]). Все это подходитъ одно къ другому и, взятое вмѣстѣ, многозначительно. Къ чему обманывать себя? Непріязненное, систематическое разобщеніе съ Россіею — вотъ положеніе, въ которое поставилъ себя къ ней Остзейскій край.

Много разъ я старался добраться до причины этого страннаго явленія и убѣдился, что она довольно сложна. Въ основѣ ея лежитъ сознаніе исторической неудачи и происходящая отъ этого досада на самихъ себя. Времена независимости, воспоминанія о Плеттенбергѣ и славномъ прошедшемъ тяготѣютъ, какъ упрекъ, на потомкахъ ливонскихъ рыцарей, и хотя просвѣщеннѣйшіе изъ нихъ не могутъ не чувствовать, что лучшей исторической судьбы они не умѣли заслужить, но признаться въ томъ не достаетъ духа; ибо способность яснымъ окомъ оглянуть себя и покориться справедливой участи есть свойство сильныхъ организмовъ, а не отжившихъ обществъ.

Вознагражденіемъ за все утраченное служитъ чувство племенной спѣси, ничѣмъ не оправданная хвастливость и смѣшное презрѣніе къ Россіи и ко всему русскому. Если вы прочли очень замѣчательную книгу, вышедшую года два тому назадъ: les Allemands par un Français, вы, конечно,

[1]) Проклятый русскій языкъ!

[3]) Вѣрность — этого Русскіе никогда не знали.

[2]) Да, въ Россіи это такъ, но у насъ...

помните, какъ остроумно и вѣрно растолковано въ ней, почему племенная спѣсь Нѣмцевъ невыносимѣе и сопряжена съ бо́льшею несправедливостію къ другимъ племенамъ, чѣмъ національная гордость Французовъ или Англичанъ. Послѣдніе гордятся своими подвигами, своими законами, своими побѣдами, и потому, если другой народъ на всѣхъ этихъ поприщахъ сравняется съ ними, они, можетъ быть, и не полюбятъ его, но, по крайней мѣрѣ, въ состояніи будутъ признать его себѣ равнымъ или достойнымъ соперникомъ. Нѣмецъ же доволенъ тѣмъ, что онъ Нѣмецъ; болѣе ничего не нужно для его славы, и это одно въ его глазахъ ставитъ его выше всѣхъ племенъ. Нѣмцемъ же, кто не имѣлъ счастія родиться имъ, никто не сдѣлается. Намъ ли этого не знать? Племенная гордость Германцевъ проявляется во всей невѣжественной слѣпотѣ ея въ отношеніи къ Славянскому племени вообще; но въ Остзейскомъ краѣ это чувство было развито еще особенными обстоятельствами. Вспомните, что въ то время, какъ мы завоевали Балтійское поморье, мы перенимали у Западной Европы, и особенно у Германцевъ, техническую сторону ихъ образованности. Петръ I-й увидѣлъ возможность облегчить этотъ трудъ заимствованія черезъ присоединеніе къ своей державѣ края, который могъ служить посредникомъ между нами и Европою. Онъ, который набиралъ со всѣхъ сторонъ въ свои полки и коллегіи Французовъ, Шотландцевъ и Голландцевъ, обрадовался возможности употребить на то же дѣло Нѣмцевъ—не наемныхъ, а своихъ подданныхъ, и вслѣдствіе этого они были приняты какъ учители и наставники. Въ 1734 году, вотъ въ какихъ выраженіяхъ вербовали въ службу Русскихъ и Остзейцевъ: „подтвердить новыми крѣпчайшими указами, чтобъ всѣ къ службѣ годные недоросли и молодые дворяне сысканы и при арміи, артиллеріи и флотѣ опредѣлены были“. Это относится къ нашимъ дѣдамъ; а вотъ обращеніе къ Нѣмцамъ: „публиковать пристойными указами, чтобъ въ Лифляндіи и Эстляндіи изъ дворянства и купечества охочихъ въ службу военную принимать“. Принимались же они на такомъ же положеніи, какъ и иностранцы, т. е. получали противъ Русскихъ двойные оклады. Вотъ какъ правительство баловало Остзейцевъ; но стыдиться этого нѣтъ причинъ. Ученикъ

съ тѣхъ поръ превзошелъ своего учителя въ томъ, чему могъ отъ него научиться. Стыдно учителю, который не умѣлъ понять и оцѣнить ученика и вышелъ изъ дома, въ которомъ онъ принятъ былъ какъ родной, съ чувствами неблагодарнаго наемника.

Страннымъ это кажется, а между тѣмъ несомнѣнно, что въ настоящее время, когда вся Европа уже признала насъ совершеннолѣтними, Остзейцы продолжаютъ смотрѣть на насъ глазами недальновидныхъ современниковъ Петра I. Они понимаютъ реформу его слѣдующимъ образомъ: въ народѣ, не заключавшемъ въ себѣ ни одного задатка будущности и развитія, явился человѣкъ, который понялъ его ничтожество и отдалъ его на выучку Нѣмцамъ, какъ лучшимъ представителямъ человѣческихъ началъ. Онъ завѣщалъ Россіи не быть Россіею, а претвориться по возможности въ Германію: ибо Россія и невѣжество, Германія и просвѣщеніе — слова тождественныя. Такимъ образомъ, въ понятіяхъ Остзейцевъ дѣло шло совсѣмъ не о школѣ, сквозь которую мы должны были пройти, но о вѣчной кабалѣ. Der einfältige Lette и der gemeine, или der rohe Russe [1]), по роду и племени, суть ученики, мастерами же надъ ними сама природа поставила тѣхъ, die von guter deutscher Nation [2]); это — выраженія историческія, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ и актахъ и донынѣ сохранившіяся въ разговорномъ языкѣ. Кстати я приведу вамъ отзывъ одного изъ рижскихъ городскихъ чиновниковъ. Узнавъ отъ меня, что цѣль коммиссіи, къ которой я былъ прикомандированъ, заключалась въ ревизіи рижскаго муниципальнаго устройства и въ составленіи предположеній объ улучшеніи его, онъ мнѣ сказалъ: „Напрасно правительство затѣваетъ реформы; еслибъ оно оставляло въ покоѣ Остзейскій край, онъ могъ бы служить Россіи оплотомъ въ случаѣ нападенія извнѣ—ein Bollwerk gegen fremden Angriff, посредникомъ между нею и германскою образованностію eine Vermittlerin zwischen ihr und der deutschen Bildung, наконецъ: образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ— ein Muster in jeder Hinsicht.

---

[1]) Глупый Латышъ и низкій или грубый Русскій.

[2]) Которые принадлежатъ доброй нѣмецкой націи.

Замѣтьте: Россія, въ случаѣ если кто пригрозитъ ей, уйдетъ подъ крыло Остзейскаго края; намъ, знающимъ нѣмецкій языкъ, будутъ служить посредниками съ Германіею люди, которые не знаютъ и не хотятъ знать по русски; наконецъ, будетъ служить образцомъ край, который въ XVII вѣкѣ остановился въ своемъ развитіи и окаменѣлъ въ средневѣковыхъ понятіяхъ. Все это, конечно, покажется вамъ только смѣшнымъ, когда вы прочтете мое письмо въ Москвѣ, въ кругу Русскихъ; но не забывайте однако: что въ этихъ понятіяхъ воспитываются тѣ, которые занимаютъ въ нашихъ имѣніяхъ должности управляющихъ, а въ нашихъ домахъ – наставниковъ; что тотъ господинъ, который начкалъ свою книгу остроумными афоризмами о характерѣ Русскихъ, завтра, можетъ быть, купитъ имѣніе въ одной изъ нашихъ губерній и будетъ имѣть крѣпостныхъ людей; что онъ уже теперь занимаетъ по службѣ важное мѣсто и сдѣлается когда нибудь губернаторомъ; что за нимъ потянется цѣлый рой мелкихъ чиновниковъ, его пріятелей и кліентовъ, одного съ нимъ образа мыслей; наконецъ, что въ зависимости отъ этихъ людей живутъ наши соотечественники, поселившіеся въ Остзейскихъ городахъ. Но хотя Балтійскій край внутренно раздѣляетъ, теперь уже несомнѣнныя, чувства Германіи къ Россіи, однако здѣсь къ нимъ примѣшивается мѣстное начало, которое, если не облагораживаетъ, то, по крайней мѣрѣ, парализуетъ ихъ. Германія боится Россіи, приписывая правительству какіе-то властолюбивые замыслы на ея счетъ. Остзейцы, напротивъ того, знаютъ, что ихъ устарѣлыя средневѣковыя учрежденія, привилегіи и сословные интересы, которые дороже для нихъ самой Германіи, рушились бы отъ одной ихъ ветхости, если бы ихъ не поддерживала Россія; что ни одна держава въ мірѣ не оставила бы ихъ пяти дней при тѣхъ преимуществахъ, которыми они пользуются; что единственная ихъ надежда заключается въ добродушной безпечности и довѣрчивости нашего правительства, которое одно способно вѣрить на-слово, подписывать привилегіи не читая, забывать событія, сдѣлавшіяся достояніемъ исторіи, и благодарить за изъявленія вынужденной необходимостью преданности; наконецъ, они внутренно сознаютъ и дѣйствіями своими въ послѣднее время подтвер-

ждаютъ справедливость словъ, писанныхъ Меркелемъ *) въ 1880 году: die russischen Bayonetten, allein, stützten, bis jetzt, den deutschen Despotismus in Liefland (до сихъ поръ русскіе штуки поддерживали одни деспотизмъ Нѣмцевъ въ Лифляндіи. Остзейцевъ чествли не по заслугамъ, ихъ награждали не въ мѣру, имъ ни въ чемъ не было отказа, и странно — все это породило чувство противоположное тому, котораго бы можно было ожидать. Вы, вѣроятно, замѣчали эту темную сторону души человѣческой: есть люди, которые скорѣе простятъ оскорбленіе, чѣмъ незаслуженное благодѣяніе; то же самое встрѣчается иногда въ отношеніяхъ цѣлыхъ обществъ или народовъ другъ къ другу. Въ такихъ случаяхъ, чѣмъ сильнѣе сознаніе зависимости, чѣмъ ощутительнѣе потребность чужой защиты и помощи. тѣмъ глубже укореняется непріязнь къ тому, кто подастъ ее; какъ будто униженное самолюбіе находитъ себѣ утѣшеніе въ этомъ чувствѣ, какъ въ безопасной скрытной мести. Итакъ: досада на самихъ себя, презрѣніе къ Россіи, перенятое у Германіи, сознаніе потребности въ помощи правительства, все это сливается вмѣстѣ и выражается въ тонѣ, съ которымъ произносятся эти слова: Ja, wir sind Unterthanen des russischen Kaisers, aber mit Russland wollen wir uns nicht ver-

*) Почтенный Меркель принадлежитъ къ числу очень немногихъ лицъ, которые, будучи сами Остзейскими уроженцами, возлюбили правду паче сословныхъ выгодъ и рѣшились объявить во всеуслышаніе то, что̀ принято было скрывать отъ правительства. Насмотрѣвшись на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, на пренебреженіе пасторовъ о ввѣренной имъ паствѣ, убѣдившись, что всѣ благія мѣры правительства оставались безплодными, вслѣдствіе злонамѣренности мѣстныхъ исполнителей, онъ рѣшился открыть правительству глаза и, выѣхавъ за границу, напечаталъ въ Лейпцигѣ книгу, исполненную любопытнѣйшихъ подробностей и замѣчательную не только новизною фактовъ, но вѣрностью сужденій и увлекательнымъ изложеніемъ. Она вышла подъ заглавіемъ: Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde; но, какъ увѣряютъ, рижскій магистратъ скупилъ все изданіе и уничтожилъ его. Какъ бы то ни было, эта книга принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей, автора огласили измѣнникомъ, подвергли всякаго рода оскорбленіямъ и теперь онъ доживаетъ свой вѣкъ въ неизвѣстности, если не ошибаюсь въ Вольмарѣ.

mengen *). Обратите вниманіе на эту фразу: она заключаетъ въ себѣ задушевную мысль Остзейцевъ. Мы будемъ имѣть дѣло исключительно съ правительствомъ, но не хотимъ имѣть дѣла съ Россіею, и если насъ вздумаютъ въ томъ упрекать, мы зажмемъ ротъ обвинителю этими словами: мы вѣрноподданные Государя, мы служимъ ему не хуже васъ, больше вы ничего отъ насъ требовать не въ правѣ. Такъ думаютъ и говорятъ Остзейцы, и не мудрено; но, признаюсь, мнѣ становится досадно и грустно, когда я вижу, что эта мысль, возникшая въ кругу людей, для которыхъ не существуетъ отчизны, въ нашемъ обществѣ не только не возбуждаетъ негодованія, но даже находитъ одобреніе.

Мы видимъ, какъ прочно и надежно это послѣднее отношеніе. Давно ли Венгерцы, въ порывѣ вѣрноподданнической преданности, пылали готовностью умереть за короля своего Марію Терезію, а теперь, не они ли нанесли Австріи первый и самый тяжелый ударъ? Я не сужу ихъ, но я хочу только сказать, что не Венгерцы создаютъ и не они упрочиваютъ величіе и крѣпость государствъ. Я думаю, что если бы наши предки воспитались въ правилахъ Венгерско-Остзейской теоріи, они, въ XVI вѣкѣ, можетъ быть, не нашли бы въ себѣ силъ вынести царствованіе Грознаго, а въ XVII, весьма вѣроятно, возсѣлъ бы на Московскій престолъ не Михаилъ Романовъ, а королевичъ Владиславъ. Неужели и у насъ считаютъ возможнымъ быть вѣрнымъ подданнымъ Русскаго государя и въ то же время презирать Русскихъ, гнушаться русскаго языка, ненавидѣть православіе, однимъ словомъ, питать враждебное расположеніе ко всему тому, что составляетъ лучшее достояніе народа, а слѣдовательно и силу правительства? Неужели полагаютъ, что Русскій Царь позволитъ кому нибудь посягнуть на нераздѣльность его выгодъ съ благомъ народнымъ, захочетъ сложить съ себя то значеніе, въ которое облекла его наша исторія: значеніе перваго человѣка русской земли и перваго сына православной церкви и что это неотчуждаемое достояніе своихъ предковъ, это неизгладимое помазаніе про-

*) Да, мы подданные Русскаго Императора, но съ Россіею мы не хотимъ смѣшиваться.

мѣняетъ на личныя отношенія западныхъ вассаловъ къ ихъ господину?

Изъ понятія объ отношеніи частныхъ лицъ къ верховной власти вытекаетъ и понятіе о службѣ и ея значеніи. Въ нашихъ глазахъ, служба есть воздаяніе должнаго родной землѣ; въ глазахъ Остзейцевъ: это сословный промыселъ, кормленіе дворянина, подобно тому какъ торговля составляетъ кормленіе мѣщанина большой гильдіи, а ремесло—кормленіе цеховаго мастера. Строгому разграниченію промысловъ соотвѣтствуетъ раздѣленіе добродѣтелей по сословіямъ. Купцы и ремесленники гордятся аккуратностью и честностью, а дворяне выгородили для своего сословія чувство чести и вѣрности знамени, тому, которое поднято выше: польскому, шведскому или русскому. Я не спорю, что и такого рода служба можетъ быть употреблена съ пользою, какъ порохъ, какъ паровая машина, вообще какъ орудіе; еще менѣе думаю я отрицать заслуги, принесенныя многими изъ Остзейцевъ, на ней подвизавшихся; но развѣ хуже служили намъ Женевецъ Лефортъ, Шотландецъ Гордонъ, и неужели Россія не въ правѣ требовать отъ Остзейцевъ ничего бо̀льшаго, какъ то, что предлагаютъ за деньги всѣмъ государямъ наемные Швейцарцы? Пусть чествятъ и награждаютъ каждаго; но лучше бы не величаться своими заслугами, а въ особенности не думать, чтобы безукоризненною службою Государю можно было купить право отвергать общеніе съ народомъ. Во всякомъ случаѣ, если уже Остзейцы находятъ выгоды и полагаютъ честь свою въ томъ, чтобы помимо земли скрѣплять союзъ съ правительствомъ, то, по крайней мѣрѣ, можно бы полагать, что правительство въ ихъ краѣ всесильно и въ своихъ предпріятіяхъ находитъ единодушное содѣйствіе; но и въ этомъ разувѣритъ хоть кого ежедневный опытъ. Отношеніе мѣстныхъ началъ къ государственному, сравнительно съ прежними временами польскаго и шведскаго владычествъ, измѣнилось не въ пользу послѣдняго. Разумѣется, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, оно не могло не усилиться: такъ многія части управленія и сопряженные съ ними доходы изъ рукъ сословій перешли къ нему; но духъ сословной и провинціальной исключительности не только не побѣж-

день, онъ даже окрѣпнулъ въ борьбѣ. Мѣры правительства (разумѣется, не тѣ, которыя испрошены однимъ изъ мѣстныхъ сословій для угнетенія другаго, а тѣ, которыя исходятъ отъ самого правительства и клонятся къ достиженію общественной пользы) встрѣчаютъ здѣсь такое же систематическое сопротивленіе, какъ и въ XVI и XVII вѣкахъ. Тѣ же средства употребляются съ неизмѣннымъ успѣхомъ: ссылки на привилегіи и недобросовѣстное ихъ толкованіе, проволочка времени и подкупы. Чтобъ убѣдить васъ въ этомъ, я представлю вамъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ того очень ограниченнаго круга, который былъ мнѣ доступенъ; они сами собою свяжутся съ приведенными мною во второмъ письмѣ.

Въ 1752 году какой-то Латышъ просилъ, чтобы его приняли въ городское общество; но ему, какъ Латышу, отказали. Онъ сослался на статью изданнаго въ Ригѣ Полицейскаго Устава, ясно гласившую въ его пользу, и выигралъ дѣло въ Юстицъ-Коллегіи; но городское начальство перенесло его въ Сенатъ. Такъ какъ смыслъ статьи былъ очень ясенъ, то, не имѣя возможности перетолковать ее, магистратъ Рижскій не задумался отвергнуть весь уставъ, изъ котораго она была заимствована, какъ никогда не имѣвшій силы закона. Вотъ его доводы: Полицейскій Уставъ очень не полонъ, въ магистратскомъ архивѣ не находится документальнаго съ него списка; на спискахъ, хранящихся у частныхъ лицъ, не выставлено года его составленія; наконецъ, онъ не былъ утвержденъ верховною властію, и по всему этому онъ очевидно только проэктъ закона, а не законъ. Во всѣхъ этихъ показаніяхъ, что слово—то ложь или недобросовѣстная увертка; ибо изъ всѣхъ городскихъ законоположеній, изданныхъ въ Ригѣ, Полицейскій Уставъ есть полнѣйшее. Дѣйствительно ли его не было въ магистратскомъ архивѣ, трудно рѣшить; случалось же, что документы очень кстати въ немъ пропадали, а потомъ отыскивались не менѣе кстати; такъ, напримѣръ, бургомистръ рижскій, Мелхіоръ Фуксъ, въ половинѣ XVII вѣка, писалъ, что подлинники древнихъ привилегій, которыхъ требовало шведское правительство, частію пропали, частію сгнили, а теперь вы можете видѣть ихъ въ

архивѣ ратуши. Но если и не было Полицейскаго Устава въ магистратѣ, то онъ хранился въ архивѣ большой гильдіи, гдѣ я самъ отыскалъ его, и на немъ выставленъ крупными цифрами годъ изданія его; утвержденъ онъ точно не былъ, но послѣднее изданіе Городскаго Уложенія (Stadtrecht), въ то время дѣйствовавшее и дѣйствующее доселѣ, но новѣйшая редакція *шрагъ*, или Устава Большой Гильдіи, и многіе другіе документы, составляющіе основаніе городской конституціи, никогда никѣмъ спеціально утверждаемы не были, содержатъ въ себѣ пробѣлы, до крайности неполны, и наконецъ составлены неизвѣстно въ какихъ годахъ. Почти всѣ эти возраженія привела Юстицъ-Коллегія, присоединяя къ нимъ еще и то, что самъ магистратъ много разъ ссылался на Полицейскій Уставъ—и что̀ бы вы думали? Сенатъ рѣшилъ, что магистратъ былъ правъ, что ссылка недѣйствительна, и отказалъ просителю. Предоставляю вамъ угадать, какими средствами Рижане вызвали такое рѣшеніе. Впрочемъ, это не прошло даромъ магистрату. Нѣсколько спустя, въ 1767 году возникло вновь совершенно однородное дѣло. Нѣкто Эфлейнъ, иностранецъ, женился на племянницѣ того же Латыша и, вступивъ въ русское подданство, просилъ, чтобы его приписали къ большой гильдіи, или къ купечеству города Риги. Ему отказали съ негодованіемъ, потому что, вступивъ въ бракъ съ *подлою* Латышкою, онъ обезчестилъ себя и опозорилъ свое нѣмецкое имя (sich verniedrigt). Дѣло дошло до Сената, и большая гильдія оправдывала свой отказъ между прочимъ ссылкою на статью цеховаго устава рижскихъ мясниковъ 1731 года, запрещавшую цеховымъ мастерамъ брать женъ изъ Латышекъ, и разсуждала, что „яко бы Эфлейнова жена и не можетъ сдѣлаться мѣщанскою женою (то есть женою гражданина), равно какъ ея дядѣ указомъ отказано въ мѣщанскомъ правѣ (то есть въ правѣ гражданства), и несчастны де будутъ его, Эфлейна, изъ сего брака прижитыя дѣти, потому что не можно будетъ объ нихъ свидѣтельствовать, что рождены отъ нѣмецкихъ родителей, а въ противномъ случаѣ большая гильдія имѣетъ претерпѣть сильную обиду и неугасимое безчестье“, то есть, если признаютъ достойными права гражданства Латышку и ея дѣ-

тей. Но на этотъ разъ сенатская канцелярія, какъ видно, дѣйствовала безъ всякихъ посторонннихъ вліяній; ибо какъ докладъ, такъ и рѣшеніе могутъ служить образцомъ логики, знанія дѣла и вмѣстѣ приличной прозіи. Сенатъ нашелъ, „что прописанное разсужденіе для благоправной большой гильдіи весьма порочно, а еще порочнѣе ссылка ихъ на сочиненный мясничьимъ цехомъ шрагъ, который онымъ цехомъ написанъ для самихъ себя, а не въ законъ большой гильдіи (состоящей исключительно изъ купцовъ); да и для малой гильдіи, хотя можетъ быть и написанъ въ соблюденіе своего цеха мѣщанскихъ вдовъ и дочерей, однако, какъ то и магистратъ съ рижскимъ мѣщанствомъ въ 1752 году отзывался о Полицейскомъ Уставѣ, что ни которымъ верховнымъ начальствомъ не конфирмованъ, почему и въ законъ не слѣдуетъ“. Далѣе: „что оный шрагъ ни съ какою справедливостью не сходствуетъ, что неповинныхъ, закономъ рожденныхъ Латышекъ ставятъ на ряду съ незаконнорожденными и въ порокахъ извѣстными женщинами... Къ тому же, весьма не надлежало по однороднымъ дѣламъ имѣть разныхъ и противорѣчащихъ ссылокъ, какъ то по дѣлу о Латышѣ (изложенномъ выше), въ 1752 году, рижскій магистратъ и мѣщанство сами отторгнули дѣйствіе Полицейскаго Устава 1548 года, затѣмъ, что монаршей конфирмаціи на оный Уставъ нѣтъ; а нынѣ, большой гильдіи мѣщанство и безъ высочайшей конфирмаціи дѣйствительнымъ закономъ принимаетъ мясничій шрагъ, написанный не прежде какъ въ 1737 году.... что само по себѣ для благоправнаго общества весьма странно.“ Теперь уже эти странности до такой степени вошли въ обычай, что онѣ никого не удивляютъ.

Вотъ вамъ примѣръ, взятый изъ другой общественной сферы и изъ настоящаго времени. Въ 1828 году Остзейскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулуччи, возбудилъ вопросъ о необходимости подчинить суды, учрежденные для крестьянъ, наравнѣ съ другими судебными инстанціями, надзору прокурора и стряпчихъ; но его заглушили. Въ 1837 году баронъ Паленъ поднялъ его снова, по поводу дошедшихъ до него свѣдѣній о безпорядочномъ ходѣ дѣлъ въ этихъ судахъ, которые, вопреки общему установленному порядку, наотрѣзъ

отказывали стряпчимъ даже въ доставленіи свѣдѣній, основываясь только на томъ, что въ Положеніи 1819 года, изданномъ для лифляндскихъ крестьянъ, это не было формально вмѣнено имъ въ обязанность. Лифляндское губернское правленіе и прокуроръ нашли эту отговорку неосновательною и объявили генералъ-губернатору свое мнѣніе въ пользу необходимости подчинить крестьянскіе суды общему правилу; но баронъ Паленъ этимъ не удовольствовался и повелѣлъ учредить, для разсмотрѣнія вопроса, общее губернское присутствіе, пригласивъ также ландрата, представителя дворянскаго сословія. Вы увидите, какое вліяніе имѣло послѣднее обстоятельство. На совѣщаніи всѣхъ палатъ, происходившемъ въ 1843 году (слѣдовательно шесть лѣтъ спустя послѣ того, какъ началось дѣло) ландратъ объявилъ, что дворянство составило проэктъ положенія о ежегодныхъ ревизіяхъ низшихъ судебныхъ мѣстъ высшими (приходскихъ судовъ уѣздными), внесенный уже въ Государственный Совѣтъ; а такъ какъ вопросъ о подчиненіи ихъ надзору прокурора и стряпчихъ находился, по увѣренію ландрата, въ тѣсной зависимости съ проэктомъ дворянства, то онъ совѣтовалъ отложить разрѣшеніе его до другаго времени. Никто этому не противорѣчилъ, и дѣло опять было потушено. Между тѣмъ, два прокурора, одинъ послѣ другаго, жаловались какъ на приходскіе и уѣздные суды, такъ и на отдѣленіе гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ, прямо отвергавшіе всякое вмѣшательство съ ихъ стороны, какъ противозаконное и безполезное; жалобы эти дошли до Сената, и преемнику барона Палена, генералу Головину, поручено было войти въ разсмотрѣніе этого дѣла. Въ 1845 г. онъ донесъ Сенату, что, по его мнѣнію, между проэктомъ дворянства и настоящимъ вопросомъ не было никакой связи, что срочная ревизія низшей инстанціи высшею не замѣняла постояннаго надзора, и что обнаруживать допущенныя беззаконности и подвергать за нихъ отвѣтственности совсѣмъ не то же, что предупреждать ихъ своевременными предложеніями и протестами. Снова велѣно было палатамъ собраться и войти въ разсмотрѣніе дѣла. Онѣ собрались, но ничего не сдѣлали; ибо тотъ же ландратъ объявилъ, что предложенный вопросъ такъ важенъ, что онъ намѣренъ представить

его на разсмотрѣніе будущаго дворянскаго конвента (или собранія); а прочіе члены присутствія нашли необходимымъ ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ 1828 года по тому же предмету. Генералъ-губернаторъ немедленно поручилъ губернскому правленію ускорить доставленіе требуемыхъ актовъ, а затѣмъ снова созвать палаты. Послѣ этого, болѣе четырехъ разъ повторено было то же самое, и всякій разъ губернское правленіе отвѣчало, что оно еще не успѣло достать необходимыхъ актовъ, такъ что съ апрѣля 1846 по 1-е января 1847 г. не было ничего сдѣлано. Наконецъ, генералъ-губернаторъ, поставивъ все это на видъ губернскому правленію, велѣлъ созвать палаты въ мѣсячный срокъ, не приглашая ландрата; ибо вопросъ, касаясь предѣловъ власти коронныхъ чиновниковъ, а вовсе не отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, не подлежалъ обсужденію представителя интересовъ дворянскаго сословія. Дѣло тронулось и было разрѣшено Высочайшимъ повелѣніемъ о распространеніи власти и надзора прокурора и стряпчихъ на всѣ мѣста, учрежденныя для крестьянъ; но кончилось ли оно, достигнута ли цѣль? Не знаю. Крѣпко не хотѣлось дворянству лишиться права безотчетнаго суда въ собственныхъ своихъ дѣлахъ съ крестьянами; теперь, повидимому, оно отойдетъ отъ него; но есть простое средство обратить требуемый надзоръ въ обезпеченіе произвола: стоитъ назначать прокуроровъ и стряпчихъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Пусть только приведутъ въ пользу послѣднихъ отличное знаніе нѣмецкаго языка и незнаніе русскаго, знакомство съ мѣстными учрежденіями и совершенное незнакомство съ государственными; пусть еще сошлются на привилегію Сигизмунда-Августа 1578 года, которую шведское правительство признало подложною, и я готовъ побиться объ закладъ, что дѣло будетъ выиграно дворянствомъ.

Приведу вамъ еще одинъ примѣръ, послѣдній. Въ 1835 г. Лифляндское губернское правленіе предписало Рижскому магистрату ввести въ исполненіе законъ, предоставляющій присяжнымъ, избираемымъ городскими обществами изъ ихъ среды, постановлять приговоры объ отдачѣ въ рекруты или объ отсылкѣ на поселеніе завѣдомо-порочныхъ членовъ этихъ

обществъ. Такъ какъ этотъ законъ давалъ городскимъ обывателямъ, записаннымъ въ окладахъ ремесленномъ, мѣщанскомъ и рабочемъ, право голоса, сословное представительство, и черезъ это до нѣкоторой степени ограничивалъ безусловное господство, которое присвоиваетъ себѣ надъ ними общество привилегированныхъ гражданъ, то магистратъ объявилъ напрѣзъ, что выборъ присяжныхъ былъ бы сопряженъ съ неудобствами и противенъ городскимъ привилегіямъ; но, отвергая законъ въ томъ именно, въ чемъ онъ благопріятствовалъ обывателямъ, магистратъ захотѣлъ конфисковать въ свою пользу право отдавать въ рекруты внѣ очереди и ссылать на поселеніе. Съ этою цѣлью, онъ построилъ слѣдующій силлогизмъ: удаленіе завѣдомо-порочныхъ членовъ общества относится до податныхъ сословій, а дѣла о податяхъ и повинностяхъ вѣдаетъ податное правленіе, состоящее изъ представителей городскаго общества; поэтому право, предоставленное присяжнымъ, слѣдуетъ перевести на податное правленіе. Чтобы судить о добросовѣстности этого вывода, вы должны знать, что податное правленіе въ Ригѣ состоитъ изъ ратсгера, избираемаго высшимъ магистратскимъ сословіемъ, и засѣдателей отъ купечества и цеховыхъ ремесленниковъ, пользующихся правомъ гражданства. Ни ремесленники, въ общество гражданъ не принятые, ни мѣщане, ни рабочіе не только не назначаютъ отъ себя депутатовъ въ податное правленіе, но даже не участвуютъ въ выборѣ засѣдателей отъ другихъ сословій; поэтому, называть это правленіе представительствомъ городскаго общества по дѣламъ о податяхъ значитъ то же, что выдавать нашихъ предводителей дворянства за выборныхъ отъ крестьянъ, потому только, что первые занимаются раскладкою повинностей на вторыхъ. Между тѣмъ, губернское правленіе не разсудило за благо разъяснить это невинное недоразумѣніе, и, вполнѣ удовлетворившись отзывомъ магистрата, молчаніемъ своимъ узаконило похищеніе права простыхъ обывателей. Въ 1836 году, генералъ-губернаторъ, узнавъ объ этомъ совершенно случайно, нашелъ распоряженіе губернскаго правленія неосновательнымъ и предписалъ ввести законный порядокъ. Прошло два мѣсяца, въ продолженіи ко-

торыхъ магистратъ, отнюдь не приступая къ исполненію, сочинялъ возраженія противъ полученнаго имъ указа, и наконецъ подалъ генералъ-губернатору длинный рапортъ, въ которомъ просилъ его отказаться отъ своего намѣренія и не отмѣнять стараго порядка, будто бы *оказавшагося благодѣтельнымъ*. Просьба эта была основана на томъ, во-первыхъ, что учрежденіе присяжныхъ было бы противно привилегіямъ, по которымъ судебная власть принадлежитъ магистрату — какъ будто дѣло шло о судебной власти; и во-вторыхъ, что предоставленіе обывателямъ права выбирать присяжныхъ было бы сопряжено съ безконечными трудностями—какъ будто во всѣхъ городахъ имперіи оно не было введено. Но генералъ-губернаторъ настоялъ. Прошелъ еще мѣсяцъ—и магистратъ снова повторилъ свое ходатайство, присовокупивъ, *что введеніе присяжныхъ было бы стѣснительно для податныхъ сословій, подвергло бы городское начальство и гражданъ обязанности отвѣчать за свои дѣйствія и подало бы поводъ къ столкновеніямъ всякаго рода, которыхъ впередъ опредѣлить нельзя, но коихъ послѣдствія могутъ быть уже теперь разсчитаны*—эта фраза переведена слово въ слово. Со стороны генералъ-губернатора отвѣта не было, а магистратъ принялъ молчаніе за знакъ согласія, и дѣло остановилось. Въ слѣдующемъ 1838 году, опять также случайно, губернское правленіе узнало, что законный порядокъ все-таки не введенъ; прежнее приказаніе было повторено въ четвертый разъ магистрату, который, истощивъ всѣ возраженія, обратилъ свои усилія на то, чтобы, посредствомъ неправильнаго примѣненія лишить законъ всякой силы. Съ этою цѣлью, онъ прописалъ рядъ мнимыхъ затрудненій, будто бы имъ встрѣченныхъ, и просилъ наставленій, какъ ему поступать; а въ отвѣтъ на это, губернское правленіе, уже въ концѣ 1838 г., разрѣшило ему приспособить выборы присяжныхъ къ городскимъ привилегіямъ. Только этого онъ и желалъ. Устранивъ совершенно всѣхъ обывателей, т. е. ремесленниковъ, не имѣющихъ права гражданства, мѣщанъ и рабочихъ, онъ пригласилъ къ выборамъ однихъ гражданъ, купцовъ и цеховыхъ, но тѣ и другіе отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло до нихъ не касалось. Объ этомъ отказѣ магистратъ донесъ губернскому правленію 7-го сентября 1840 года, слѣдова-

тельно, черезъ годъ и восемь мѣсяцевъ по полученіи послѣдняго указа. Переписка тянулась еще долго; магистратъ два раза повторялъ всѣ прежнія свои возраженія; губернское правленіе, перейдя на его сторону, хадатайствовало также у генералъ-губернатора объ утвержденіи стараго порядка, *о которомъ будто бы всѣ жалѣли*, живыми красками описывало бѣдствія, ожидавшія Ригу, если податнымъ сословіямъ дано будетъ присвоенное имъ по общимъ законамъ право; наконецъ, уже въ 1841 г., генералъ-губернаторъ далъ опять приказаніе приступить къ выборамъ, и, несмотря на все это, они доселѣ еще не происходили. Вмѣсто того, полиція, безъ вѣдома и согласія общества, паряжаетъ кого вздумаетъ, для исполненія должности присяжныхъ, такъ что послѣ шестилѣтней борьбы съ главнымъ начальникомъ губерніи, произволъ и мѣстныя предубѣжденія одержали побѣду надъ закономъ и справедливостью.

Я ограничиваюсь этими примѣрами, чтобы не наскучить вамъ сухими выписками изъ докладныхъ записокъ; они дадутъ вамъ ясное понятіе о прочихъ дѣлахъ по городскому управленію. Ходъ ихъ всегда одинаковъ: правительство или частное лицо предлагаетъ какое-нибудь улучшеніе; лица, заинтересованныя въ соблюденіи старины, если дѣло важно, стараются выставить его въ глазахъ своихъ могучихъ покровителей въ Петербургѣ стремленіемъ къ монополизаціи русскаго духа—такъ выражаются здѣсь—и распускаютъ предварительно жалобы на угнетеніе нѣмецкой народности; такимъ образомъ, частный, административный вопросъ переносится въ сферу международныхъ отношеній. Затѣмъ, на предложеніе правительства, здѣшнее присутственное мѣсто или сословное представительство прямо отъ себя или черезъ надежнаго агента отвѣчаетъ, что оно противно привилегіямъ, гибельно для торговли, подрываетъ учрежденія, тѣсно связанныя съ выгодами монархическаго начала, обнаруживаетъ вредную политическую тенденцію и грозитъ развитіемъ демократическаго духа—это пугало употреблялось въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ. Правительство требуетъ доказательствъ; черезъ годъ или болѣе представляютъ рядъ ссылокъ на привилегіи и груду статистическихъ фактовъ, пересыпанныхъ адвокат-

скими разсужденіями и кривыми толками. Послѣ многихъ усилій, правительство обнаруживаетъ, что приведенныя привилегіи подложны или не относятся къ дѣлу, что статистическіе факты выдуманы, что разсужденія недобросовѣстны; тогда, не имѣя возможности прямо защищать свою старину, заинтересованные въ ея сохраненіи отговариваются недостаточною обработкою вопроса и просятъ отсрочки; между тѣмъ въ канцеляріяхъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ деньги дѣйствуютъ, и дѣло затягивается, а про людей, старающихся дать ему ходъ, распускаютъ подъ рукою худую молву. Сперва его обвиняютъ въ запальчивости и пристрастіи, потомъ съ таинственнымъ видомъ намекаютъ на какія-то злыя намѣренія и наконецъ, къ ихъ именамъ привѣшиваютъ ярлыки съ названіями якобинцевъ, коммунистовъ или шпіоновъ. Тысячи голосовъ повторяютъ эти слова частью въ шутку, частью серьезно, и клеймо остается на всю жизнь *). Если же, наконецъ, правительство, убѣдившись въ необходимости предположенной мѣры, предписываетъ окончательно ея исполненіе. то представители старины, выждавъ удобный часъ, снова подаютъ возраженіе; имъ не даютъ отвѣта, и они, принимая молчаніе за отмѣну прежняго приказанія, преспокойно оставляютъ его безъ исполненія.

Чтобы убѣдиться, какую роль играютъ подкупы въ отношеніяхъ здѣшнихъ сословій и присутственныхъ мѣстъ къ коронным чиновникамъ, достаточно пробѣжать камеральные (или келейные) протоколы рижскаго магистрата, которые удалось открыть при ревизіи. Въ 1767 г. бургомистръ рижскій подкупаетъ въ законодательной коммиссіи, учрежденной въ Москвѣ; въ 1800 г. городъ старается подкупить двухъ ревизующихъ сенаторовъ; въ 1801 г. городское начальство сознается, что добровольныя приношенія—dons gratuits (это мѣстный терминъ), подносимыя ежегодно генералъ-губернатору и другимъ чинамъ, суть извѣстнаго рода подкупы; въ 1805 г. графъ Кочубей объявляетъ городскому на-

*) Впрочемъ, къ чести Остзейцевъ, должно сказать, что это средство гораздо менѣе употребительно въ самомъ Остзейскомъ краѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, и что онѣмечившіеся Русскіе владѣютъ имъ едва ли не лучше Нѣмцевъ.

чальству высочайшій выговоръ за то, что рижскіе депутаты пробовали подкупить въ Петербургѣ; въ 1818 г. городъ опредѣляетъ сумму для постояннаго подкупа лифляндскаго прокурора; въ 1826 и 1829 годахъ увеличиваетъ постепенно эту сумму; въ 1821 г. подкупаетъ въ Сенатѣ по дѣлу Чернова и Черевитинова; въ 1822 г. подкупаетъ тамъ же черезъ посредство лифляндскаго губернскаго стряпчаго по дѣлу откупщика Кербера; въ 1830-хъ годахъ подкупаетъ правителя канцеляріи лифляндскаго гражданскаго губернатора по дѣлу объ оборонительной казармѣ и объ улучшеніи городскаго финансоваго управленія; въ 1840-хъ годахъ, по дѣлу о приписке Шкловскихъ Евреевъ къ Ригѣ, подкупаетъ въ Петербургѣ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ черезъ своего агента, который пишетъ сюда, чтобы отнюдь не пробовали торговаться при уплатѣ обѣщанныхъ суммъ „ибо, для поддержанія городскаго кредита, необходимо *честное* исполненіе условій“. По этому послѣднему дѣлу уплочено было болѣе 70 тысячъ рублей, а по дѣлу Кербера 130 тысячъ; за то Евреи доселѣ едва не гибнутъ отъ голодной смерти и принуждены воровствомъ добывать себѣ пропитаніе, а дочь нѣкогда богатаго откупщика Кербера впала въ нищету и развратъ.

И все это остается въ тайнѣ; все покрывается снисходительною терпимостью коронныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ, какъ вамъ извѣстно, почти исключительно изъ здѣшнихъ дворянъ!

Сблизьте теперь приведенные мною факты, и вы убѣдитесь, что нѣтъ угла въ Россіи, гдѣ бы правительство было такъ безсильно на добро; ибо въ Остзейскомъ краѣ правительство встрѣчаетъ не личныя страсти и выгоды, всегда и вездѣ неизбѣжныя, но всеобщее, систематическое сопротивленіе, происходящее отъ укоренившагося понятія объ отношеніи края къ государству. Здѣшнее нѣмецкое общество сознаетъ это отношеніе какъ вѣчную тяжбу. Государство на одной сторонѣ, Остзейскій край, или точнѣе привилегированныя сословія, на другой; оба лагеря расположены другъ противъ друга, и между ними идетъ война. Только съ этой точки зрѣнія могутъ быть вѣрно поняты и оцѣнены приведенные мною факты.

Въ недобросовѣстныхъ ссылкахъ на привилегіи, въ стараніи затянуть дѣло, представить его въ превратномъ видѣ, навести ложный страхъ, вы увидите не болѣе какъ хитрости, изстари терпимыя и почти позволительныя въ дипломатическихъ переговорахъ двухъ державъ. Самые подкупы получатъ въ вашихъ глазахъ особенный характеръ: у насъ подкупаютъ частныя лица по своимъ дѣламъ и на свои деньги; здѣсь подкупаютъ цѣлыя сословія, присутственныя мѣста и города, по дѣламъ общественнымъ и изъ общественныхъ суммъ. У насъ подобныя дѣла совершаются въ тайнѣ и въ глазахъ порядочныхъ людей слывутъ постыдными; здѣсь люди честные, представители цѣлыхъ обществъ, собираются въ присутственныхъ мѣстахъ, заключаютъ съ подкупаемыми чиновниками формальныя условія и составляютъ о томъ протоколы; лица, поставленныя отъ правительства для соблюденія законности, принимаютъ на себя обязанность агентовъ; ихъ снабжаютъ инструкціями, деньгами на дорогу, переписываются съ ними о ходѣ порученныхъ имъ переговоровъ, и наконецъ, въ случаѣ успѣха, по возвращеніи на родину, ихъ принимаютъ съ торжествомъ и благодарностью за общественный подвигъ, за спасеніе rei publicae. — Взгляните на предметъ съ этой точки зрѣнія, и вы поймете, что цеховой судъ могъ сдѣлать выговоръ мастеру за то, что онъ отказался участвовать въ приношеніи какому-то чиновнику, и что этотъ выговоръ внесенъ въ протоколъ.

Я не разбираю теперь, что̀ лучше и что̀ хуже; но мнѣ кажется, что подкупы, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ у насъ, относятся къ здѣшнимъ подкупамъ точно такъ же, какъ нарушеніе супружеской вѣрности частнымъ лицомъ къ систематическому приложенію ученія de la communauté des femmes.

Наконецъ, коронные чиновники, назначаемые изъ здѣшнихъ дворянъ, потворствуя злоупотребленіямъ и скрывая ихъ отъ правительства, по тѣмъ понятіямъ, въ которыхъ они воспитаны, вовсе не нарушаютъ своихъ обязанностей; ибо общество твердитъ имъ, что первая ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы парализировать дѣйствія правительства, поддерживать его заблужденія, такъ сказать, заслонять своихъ одно-

родцевъ, и горе тому, кто сталъ бы за одно съ правительствомъ противъ выгодъ и предубѣжденій сословныхъ.

Въ прошломъ столѣтіи почтенный Шульцъ-фонъ-Ашераденъ, поднявшій на дворянскомъ ландтагѣ смѣлый голосъ въ защиту крестьянъ, былъ прогнанъ изъ собранія; позднѣе ландратъ Сиверсъ, исполнитель благихъ намѣреній императора Павла, подвергся гоненію по тому же дѣлу; наконецъ, недавно мы имѣли примѣръ, который разнесся по всему Остзейскому краю, но, можетъ быть, не дошелъ до васъ.

Въ Ригѣ живетъ теперь 75-ти лѣтній старецъ баронъ Фелькерзамъ, патріархъ курляндскаго дворянства, подписавшій въ качествѣ секретаря актъ о подданствѣ Курляндіи Русской державѣ. Онъ долго служилъ, былъ губернаторомъ въ Лифляндіи, и каково бы ни было его управленіе въ послѣднихъ годахъ, частная жизнь его и нравственное достоинство остались безукоризненными. Сынъ его, одаренный замѣчательными способностями, посвятилъ свои занятія улучшенію быта крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, и вслѣдствіе этого, въ Комитетѣ 1845 года, защищалъ предположенія правительства противъ мнѣнія дворянъ, для которыхъ нынѣшній порядокъ есть верхъ совершенства. Въ 1846 году учрежденъ былъ Комитетъ, состоявшій изъ лифляндскихъ помѣщиковъ, которому поручено было составить новое Положеніе о крестьянахъ, на основаніи началъ, утвержденныхъ правительствомъ. Молодой Фелькерзамъ, съ этого времени ставшій во главѣ партіи, допускающей возможность улучшеній, принялъ самое дѣятельное участіе въ составленіи этого проэкта и такъ успѣшно защищалъ его, что на бывшемъ ландтагѣ дворянство одобрило предположенія Комитета и поднесло ихъ на утвержденіе правительства. Вотъ чѣмъ опредѣляется политическая роль обоихъ Фелькерзамовъ, отца и сына.

Между тѣмъ, на прошлогоднемъ ландтагѣ въ Курляндіи, когда въ числѣ дворянъ, не имѣвшихъ въ этой губерніи вотчинъ и требовавшихъ права голоса, названъ былъ молодой Фелькерзамъ, одинъ изъ присутствовавшихъ дворянъ въ полномъ собраніи произнесъ слѣдующія слова: „я не понимаю, какъ можно предлагать человѣка, носящаго имя, запятнанное двукратною измѣною отчизнѣ—dessen Nahme zwei Mahl mit

Ladesverrath beileckt ist". Ландмаршалъ немедленно потребовалъ объясненія, и произнесшій эти слова объявилъ, что онъ не разумѣлъ подъ ними старика Фелькерзама. Этимъ объясненіемъ всѣ остались довольны. Можетъ быть, вамъ покажется странною легкость, съ которою оно было дано, и довѣрчивость, съ которою его приняли; но не менѣе странно то, что курляндскій гражданскій губернаторъ, тамошній дворянинъ, не счелъ нужнымъ вступиться въ это дѣло, даже не извѣстилъ объ немъ генералъ-губернатора и, уже въ отвѣтъ на запросъ послѣдняго, старался придать происходившему на ландтагѣ видъ невинной обмолвки. Молодой Фелькерзамъ былъ въ то время въ Петербургѣ; но отецъ его, на закатѣ безпорочной жизни, глубоко оскорбленный и въ своемъ лицѣ и въ лицѣ сына, вступился за поруганную честь своего рода и, послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, подалъ просьбу на Высочайшее имя. Говорятъ, что эта просьба до Государя не дошла и дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій. И точно, по многимъ причинамъ, лучше было прекратить его, но желательно, чтобы не пропалъ урокъ и чтобы наше общество изъ него научилось не подписывать безъ разбора приговоровъ Остзейцевъ.

Разсказавъ вамъ этотъ послѣдній случай и всѣ предыдущіе, я отнюдь не думалъ обвинять частныхъ лицъ. Если мнѣ сколько-нибудь удалось передать вамъ мой взглядъ на здѣшній край, то вы должны были понять, что поступки частныхъ лицъ занимаютъ меня только какъ проявленія образа мыслей цѣлаго общества. Начавъ съ историческаго обозрѣнія, я именно хотѣлъ придать общій смыслъ тѣмъ современнымъ фактамъ, которые намѣренъ былъ вамъ передать, и показать ихъ связь съ политическими и общественными началами, подъ вліяніемъ которыхъ развивался и прозябаетъ теперь Остзейскій край. Тамъ, гдѣ современное зло имѣетъ историческое оправданіе и составляетъ какъ бы продолженіе вѣковыхъ преданій, было бы смѣшно негодовать на частныя лица. Это значило бы винить ихъ въ томъ, что они родились и были воспитаны въ понятіяхъ, подготовленныхъ цѣлыми столѣтіями. Забудемъ о лицахъ, но будемъ помнить, что самое то, что̀ служитъ имъ

въ извиненіе, неопровержимо доказываетъ ложность общественной среды.

Я старался показать вамъ отношеніе Остзейскаго края къ землѣ русской и къ правительству; теперь посмотримъ на положеніе Русскихъ въ здѣшнемъ краѣ.

IV.

Положеніе русскихъ частныхъ людей въ Остзейскомъ краѣ бросается въ глаза пріѣзжимъ иностранцамъ и повергаетъ ихъ въ изумленіе; для насъ же, Русскихъ, это, конечно, самый живой изъ всѣхъ здѣшнихъ вопросовъ, доступный каждому человѣку, если только привычка баловать свое самолюбіе не притупила въ немъ участія къ меньшей его братьѣ, или если онъ умышленно не закрываетъ глазъ и не затыкаетъ ушей. Я желалъ бы представить вамъ этотъ вопросъ во всѣхъ его видахъ, въ связи со всѣми поясняющими его обстоятельствами, а для этого я долженъ необходимо прослѣдить образованіе дворянскаго и городскаго сословій. Это предметъ довольно запутанный и сухой, котораго я не надѣюсь, да и не буду стараться оживить; лучше, пусть назидательный урокъ выступитъ самъ собою изъ сухаго изложенія фактовъ. Начнемъ съ дворянства.

Въ эпоху архіепископовъ и гермейстеровъ къ земскимъ чинамъ принадлежали: орденъ, архіепископъ и вассалы того и другаго. Послѣдніе, то есть вассалы, пользовались одинаковыми правами съ рыцарями и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что рыцари давали монашескіе обѣты (которыхъ не соблюдали) и составляли духовное братство. Съ принятіемъ реформаціи и съ упраздненіемъ ордена, эта единственная разница исчезла, такъ что, хотя сохранились отъ прежнихъ временъ названія рыцарства и земства (Ritterschaft und Landschaft), но уже эти слова утратили всякое опредѣленное значеніе и безпрестанно употреблялись одно вмѣсто другаго;

ибо въ дѣйствительности не существовало соотвѣтственныхъ имъ различій въ правахъ и общественномъ значеніи. Въ эпоху польскаго владычества, потомки рыцарей и вассаловъ во всѣхъ актахъ, исходившихъ отъ правительства и отъ нихъ самихъ, являются нераздѣльнымъ сословіемъ и, большею частію, подъ общимъ названіемъ лифляндскаго дворянства. Совершенно равными съ ними правами, какъ по имуществу, такъ и по сословному управленію, пользовались польскіе и литовскіе помѣщики Лифляндіи, такъ что встрѣчающееся въ королевскихъ грамотахъ дѣленіе дворянъ по націямъ, очевидно, имѣло цѣлью поставить Поляковъ и Литовцевъ на одну ногу съ Нѣмцами. Точно такое же положеніе заняли впослѣдствіи Шведы въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Въ XVII вѣкѣ начали помышлять о составленіи матрикулъ, или списка дворянскихъ родовъ. Курляндія подала примѣръ. Въ статьѣ 39-й изданнаго для нея въ 1617 году учрежденія, сказано: „Герцогъ и дворянство (nobilitas), съ общаго согласія, положили учредить рыцарское присутствіе (judicium equestre, то же, что Ritterbank), съ цѣлію разобрать: кто принадлежитъ къ дворянамъ, кто къ плебейцамъ (qui re vera nobiles, qui plebei)“. Итакъ, повѣрка доказательствъ дворянскаго достоинства и составленіе списка дворянскихъ родовъ—таково было назначеніе этого депутатскаго собранія. Изъ актовъ отъ него оставшихся видно, что оно отнюдь не думало присвоивать себѣ права безотчетнаго отказа въ помѣщеніи родовъ въ матрикулу; что за доказательства вполнѣ достаточныя признавались жалованныя грамоты на дворянство, данныя императорами и королями; наконецъ, что всѣ постановленія о выборѣ членовъ въ депутатское собраніе, о порядкѣ составленія матрикулъ, о приглашеніи къ предъявленію доказательствъ, издавались отъ имени рыцарства и земства (Ritter-und Landschaft) совокупно и безъ всякаго между ними различія. По тому же самому поводу и, вѣроятно, по примѣру Курляндіи, приступлено было и въ Лифляндіи къ составленію матрикулъ. Получивъ въ 1643 и 1647 годахъ отъ шведскаго правительства штатъ или сословное устройство, дворянство естественно должно было возбудить вопросъ о доказательствахъ принадлежности къ дворянскому

сословію. По просьбѣ о томъ Лифляндцевъ, воспослѣдовала слѣдующая королевская резолюція 14-го ноября 1650 года: „Дошло до свѣдѣнія ея королевскаго величества, что въ Лифляндіи происходятъ безпорядки отъ того, что многія лица не изъ дворянства (die nicht von Adel sind) выдаютъ себя за дворянъ и домогаются еще бо̀льшихъ правъ и преимуществъ, нежели какими пользуются лица дворянскаго происхожденія, или пріобрѣтшія дворянское достоинство, или получившія его чрезъ жалованныя отъ высшаго правительства грамоты. По поводу сего, е. к. в., желая состояніе дворянства въ Лифляндіи не только возвысить и умножить, но и сохранить при подобающей ему чести и уваженіи, соизволяетъ и разрѣшаетъ назначить коммиссію для составленія списка дворянскихъ родовъ, въ которомъ все лифляндское рыцарство и дворянство, владѣющее въ томъ краѣ недвижимою дворянскою собственностію, будетъ имѣть опредѣленное мѣсто и въ коемъ дворянскіе роды и предки будутъ означены и отличены, причемъ дворяне сами имѣютъ наблюдать, чтобы никто не былъ вписанъ въ списокъ рыцарскихъ родовъ, кромѣ тѣхъ, о дворянскомъ происхожденіи коихъ имѣютъ достаточныя свѣдѣнія, или коимъ дворянское достоинство и почести пожалованы по милости высшаго правительства, или за особенныя заслуги“. Точно такая же резолюція издана была въ слѣдующемъ 1651 году для Эстляндіи *). Эзельское дворянство начало составлять матрикулы, не испрашивая на то соизволенія верховной власти, и поступало въ этомъ случаѣ не совсѣмъ по рыцарски, какъ видно изъ позднѣйшаго сенатскаго указа 1764 года 28 декабря, изданнаго по поводу составленія списковъ лицъ, претендовавшихъ на казенныя аренды **). Изъ всего этого видно, вопервыхъ,

*) «Быть въ Эстляндіи рыцарскому собранію, въ которомъ все рыцарство и дворянство Эстляндское, кто только въ сей землѣ маетности имѣетъ, можетъ мѣсто имѣть, и въ ономъ ихъ фамиліи и поколѣнія записаны и различены быть должны».

**) Въ немъ сказано между прочимъ: «Въ предписаніемъ о арендахъ планѣ внесены и такіе къ арендному владѣнію, которые хотя Эзельской провинціи шляхетствомъ, съ *платежемъ нѣкотораго числа денегъ*, въ ихъ братство и

что матрикулы заведены съ двойною цѣлью: провести черту между дворянами и недворянами и опредѣлить, кто именно изъ дворянъ принадлежалъ къ обществу мѣстныхъ дворянъ и вслѣдствіе того могъ пользоваться правами своего сословія, на примѣръ: участіемъ на ландтагахъ съ правомъ голоса, доступомъ къ должностямъ и т. д. Вовторыхъ, что между дворянствомъ родовымъ, жалованнымъ и пріобрѣтеннымъ законъ не дѣлалъ никакого различія, и что всѣ дворяне, владѣвшіе въ томъ краѣ помѣстьями или вотчинами *по праву*, вступали въ дворянское общество и записывались въ матрикулы, значившія ни болѣе ни менѣе, какъ наши губернскія родословныя книги.

Составленіемъ матрикулъ, какъ я уже сказалъ, начали заниматься съ половины XVII вѣка; однако, въ продолженіи шведскаго владычества, ихъ не успѣли привести къ окончанію, такъ что въ эпоху заключенія такъ-называемыхъ аккордныхъ пунктовъ, въ 1710 году, онѣ еще не существовали ни въ Лифляндіи, ни въ Эстляндіи, ни на Эзелѣ; и потому, когда рѣчь идетъ о привилегіяхъ, утвержденныхъ Петромъ I-мъ при завоеваніи Остзейскаго края, никакъ не должно подразумѣвать матрикулъ и сопряженныхъ съ ними въ настоящее время преимуществъ, какъ дѣлали это много разъ по невѣдѣнію.

Въ редакціи статей, подписанныхъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ и позднѣе утвержденныхъ верховною властію, господствуетъ обыкновенное, безразличное употребленіе словъ: рыцарство, шляхетство, дворянство, а въ нѣмецкомъ текстѣ Ritterschaft, Landschaft, Adel; но всѣ права, изложенныя въ этихъ статьяхъ, присвоены дворянскому сословію вообще, безъ всякаго различія.

Вскорѣ послѣ заключенія Ништатскаго мира, Лифляндцы и Эстляндцы принялись снова за составленіе своихъ матри-

---

приняты, и въ ихъ матрикулы записаны, но о настоящемъ дворянствѣ своемъ надлежащихъ доказательствъ не объявили; сверхъ того, эзельскимъ шляхетствомъ не доказано, что равную съ лифляндскимъ и эстляндскимъ шляхетствомъ правость имѣютъ собою, безъ именнаго Е. И. В. указа, иностранныхъ шляхетскихъ фамилій, а наименѣе тѣмъ такихъ, кои о настоящемъ дворянствѣ доказательствъ не предъявляли, въ свое братство принимать и т. д.»

куль. Генералъ-губернаторъ Лесси, по происхожденію Ирландецъ, выпросилъ первымъ высочайшее на то соизволеніе, и въ указѣ, распубликованномъ имъ 6-го февраля 1733 года, постановилъ за правило требовать для внесенія въ дворянскіе списки доказательствъ принадлежности къ дворянскому сословію и владѣнія имѣніемъ на правѣ вотчинномъ или помѣстномъ, слѣдовательно, тѣхъ самыхъ условій, какія постановлены были шведскимъ правительствомъ. Въ Курляндіи матрикулы были окончены въ 1634 году; въ Лифляндіи, послѣ долгихъ отсрочекъ и многихъ неудачныхъ опытовъ, въ 1747; на Эзелѣ послѣ 1741; въ Эстляндіи въ 1743.

Ни одинъ изъ этихъ списковъ не былъ утвержденъ высшимъ правительствомъ, и нельзя опредѣлить съ достовѣрностію, какими правилами руководствовались при составленіи трехъ послѣднихъ. Какъ бы то ни было, по заключеніи ихъ, дворянство всѣхъ трехъ губерній, записанное въ матрикулы, присвоило себѣ исключительное названіе рыцарства и право принимать въ свое общество или братство новыхъ членовъ не иначе, какъ подвергая ихъ безотчетной балотировкѣ, по правиламъ, постановленнымъ самимъ рыцарствомъ въ уставахъ о ландтагахъ. Изъ этихъ уставовъ, лифляндскій составленъ въ 1759 году, потомъ измѣненъ и утвержденъ губернскимъ начальствомъ въ одно время съ эзельскимъ, а эстляндскій составленъ въ 1756 г., и мнѣ неизвѣстно, былъ ли онъ кѣмъ нибудь утвержденъ. Такимъ образомъ, въ противность всѣмъ резолюціямъ и указамъ, значеніе матрикулъ было совершенно искажено, и образовалось, безъ вѣдома и разрѣшенія верховной власти, новое, при этомъ замкнутое сословіе, выдѣлившееся изъ дворянства и присвоившее себѣ всѣ права въ составѣ общества и по имуществу, предоставленныя въ силу аккордныхъ пунктовъ всѣмъ дворянамъ вообще.

При Екатеринѣ II, по введеніи намѣстническаго учрежденія, все это было отмѣнено; произвольное раздвоеніе дворянства исчезло, и, на основаніи дворянской грамоты, учредили вмѣсто матрикулъ родословныя книги; но императоръ Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, въ 1796 году, возстановилъ опять прежній порядокъ, будто бы съ привилегіями сообразный и теперь внесенный въ Сводъ мѣстныхъ

узаконеній губерній Остзейскихъ. Послѣдствія его для всего русскаго дворянства очевидны. Во введеніи ко второй части Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, составленнаго во второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи, въ статьѣ о правахъ земскихъ состояній Курляндіи сказано: „Съ сего времени (т. е. съ заключенія матрикулъ) курляндское дворянство совершенно устранило дворянъ польскихъ и литовскихъ". Тогда Курляндія была подъ владычествомъ Польши; въ Лифляндіи и Эстляндіи матрикулы окончены при русскомъ владычествѣ; почему же было не сказать, что значеніе ихъ было искажено съ такою же цѣлью, какъ и въ Курляндіи, то есть для устраненія дворянъ русскихъ? Независимо отъ этого, матрикулы, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ теперь, имѣютъ важное неудобство для Остзейскихъ уроженцевъ, принадлежащихъ по происхожденію къ дворянству не матрикулированному, или дослужившихся до дворянскихъ чиновъ: они лишены всякаго сословнаго представительства и сословныхъ списковъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія актовъ, служащихъ для доказательства состоянія. Для крестьянъ существуютъ ревизскія сказки, для средняго сословія—обывательскія книги, для рыцарства –матрикулы; но простые дворяне не имѣютъ ничего подобнаго, и потому, на каждомъ шагу, встрѣчаютъ затрудненія, напримѣръ: при опредѣленіи дѣтей въ училища, при вступленіи въ службу, при полученіи чина и т. д. Коренному дворянству, конечно, до этого дѣла нѣтъ; то другое сословіе, слѣдовательно, нечего о немъ и заботиться. Коренное дворянство, по собственнымъ его отзывамъ о себѣ, плодитъ и развиваетъ наслѣдственную доблесть, такъ называемый рыцарскій духъ, а по просту: духъ сословнаго своекорыстія, надменнаго презрѣнія къ низшимъ и разсчетливой преданности высшимъ. Въ этомъ оно полагаетъ свое назначеніе, для достиженія котораго считаетъ необходимымъ со всѣхъ сторонъ огородить себя. Я не знаю, до какой степени подобный юридическій вымыселъ можетъ найти вѣру; но по мнѣ, пусть бы этотъ духъ держался въ тѣсномъ обществѣ и не заражалъ собою другихъ сословій. Но дѣло въ томъ, что, кромѣ неуловимаго духа, рыцарство выгородило себѣ

привилегіи болѣе существенныя, а именно: исключительное право на владѣніе имѣніями и доступъ къ должностямъ судебнымъ и административнымъ.

Постепенное стѣсненіе права владѣнія имѣніями также совершилось вопреки обыкновенному ходу общественнаго развитія, вопреки писаннымъ законамъ, и представляетъ такое же торжество своекорыстныхъ интригъ одного сословія надъ справедливостью и вѣрно понятыми интересами края.

Жители городовъ, или точнѣе граждане, и въ особенности рижскіе, пользовались издревле правомъ владѣть населенными имѣніями въ Ливоніи. Оно вытекло изъ участія, принятаго ими, совокупно съ дворянами и духовенствомъ, въ завоеваніи края, доказано многими грамотами XIII и послѣдующихъ вѣковъ, и во все продолженіе орденскаго владычества оспорено не было. Въ грамотѣ, данной Стефаномъ Баторіемъ Ригѣ въ 1581 году, признано право гражданъ рижскихъ покупать имѣнія въ уѣздахъ (bona terrestria) съ утвержденія короля, а въ конституціяхъ Баторія, оно было распространено на все среднее сословіе: licet nobilibus bona civilia (т. е. дома въ городахъ) emere, et civibus bona terrestria. Въ продолженіе шведскаго владычества, дворянство нѣсколько разъ домогалось лишить гражданъ этого права; Рижане однако же отстояли его, но Ревельцы утратили; а жители другихъ городовъ, кажется, не заботились о немъ. Первый ударъ безспорному праву Рижанъ нанесенъ былъ при поступленіи Остзейскаго края подъ владычество Россіи. Извѣстно, что земство и города договаривались съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ независимо другъ отъ друга; пользуясь этимъ и невѣдѣніемъ русскаго правительства, дворянство включило въ свои аккордные пункты слѣдующую статью: „Шляхетскія маетности впредь никому кромѣ лифляндскихъ шляхтичей покупать невольно будетъ, и которыя противно сему проданы, шляхтичамъ же выкупать".

Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера, вопервыхъ, положено было начало къ устраненію Русскихъ; вовторыхъ, отмѣнено было право рижскихъ гражданъ, основанное на привилегіяхъ, на давности, на всей многоуважаемой старинѣ; наконецъ, сообщено было обратное дѣйствіе закону,

котораго нельзя было предвидѣть, и допущена была конфискація частной собственности цѣлаго сословія въ пользу другаго сословія, при этомъ конфискація, никакимъ срокомъ не ограниченная. Замѣтьте, что все это произошло вслѣдствіе домогательствъ дворянства, едва опомнившагося отъ шведской редукціи и передъ тѣмъ двукратно измѣнившаго Польшѣ и Швеціи за несоблюденіе привилегій и покушеніе на его частную собственность. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій рыцарскаго духа и трогательнаго согласія между сословіями, претендующими на права цѣльной націи. Между тѣмъ, фельдмаршалъ Шереметевъ подтвердилъ также аккордные пункты, предложенные Рижанами и Ревельцами, въ томъ числѣ статью объ оставленіи „всѣхъ городскихъ жителей шляхетныхъ и нешляхетныхъ при ихъ владѣніи, какъ въ городѣ, такъ и внѣ его и въ уѣздахъ“, а жителямъ Ревеля, „которые имѣютъ маетности по наслѣдству, или въ деревняхъ какой закладъ, или же иммиссіи, пользоваться въ оныхъ равнымъ съ дворянами правомъ“. Итакъ, исключительное право, вновь и не благо-пріобрѣтенное дворянствомъ, противорѣчило обѣщаніямъ, въ то же время даннымъ гражданамъ. Вслѣдствіе этого начались споры, тянувшіеся болѣе 50-ти лѣтъ.

Кромѣ права покупки и выкупа, дворянство просило „предпочтенія въ особенности передъ рижскими гражданами въ пользованіи арендами казенныхъ маетностей“. Правительство нѣсколько разъ имъ отказывало, но они выждали благопріятнаго времени, и при Аннѣ Іоанновнѣ состоялся указъ о томъ, „чтобы въ Лифляндіи и Эстляндіи мызъ на арендѣ никому, кромѣ тамошняго шляхетства, не имѣть, а ежели понынѣ еще у нѣкоторыхъ, кромѣ тамошняго шляхетства, мызы на арендѣ имѣются, хотябъ и указами отданы, у оныхъ немедленно отобрать и отдать на аренду желающимъ тамошнему шляхетству“.

Итакъ, за конфискаціею вотчинъ слѣдовала конфискація арендъ, и правительство пожертвовало своимъ правомъ награждать русскихъ служилыхъ людей казенными арендами въ Остзейскомъ краѣ. Но все это еще не удовлетворяло дворянства. Нѣкоторые граждане пользовались государственными имуществами по закладному праву; дворянство про-

сило, чтобы и ихъ правительство отобрало, изъясняя, что будто бы въ привилегіяхъ именно сказано, что никто кромѣ дворянина маетностями въ землѣ владѣть не можетъ; что это несовмѣстно съ производствомъ торговли и ремеслъ; наконецъ, что если обезпечить закладодержцевъ уплатою процентовъ, то не будетъ даже никакой несправедливости. Вы можете себѣ представить, что все это было проведено дворянствомъ не безъ труда: съ одной стороны, граждане возставали противъ наглаго нарушенія ихъ правъ; съ другой, само правительство не разъ выражало какое-то отвращеніе къ наспльственному посяганію на собственность. Но всѣ эти препятствія были побѣждены. Я не хочу дѣлать выписокъ изъ прошеній и представленій дворянства по этимъ предметамъ, чтобы не растянуть изложенія дѣла; а многія изъ нихъ замѣчательны и заслуживали бы помѣщенія въ любой хрестоматіи, какъ образцы канцелярскаго сутяжничества. Читая ихъ, нельзя не подивиться необыкновенной многосторонности и гибкости рыцарскаго духа: онъ иногда такъ ловко умѣетъ присвоить себѣ плебейскіе пріемы, что, право, трудно отличить его отъ духа подъяческаго. Не мало также содѣйствовалъ успѣху дворянъ баронъ Левенвольде, посланный Петромъ I-мъ для устройства дѣлъ въ Лифляндію, и за котораго дворянство благодарило Петра. Дѣйствительно, было за что; онъ издалъ отъ себя указъ слѣдующаго содержанія: „Всѣ граждане, которые въ прежнее время купили дворянскія имѣнія, обязаны отдать ихъ дворянамъ за продажную цѣну, и все, что къ тому причитается“. Не менѣе того, обычай еще нѣсколько времени боролся съ закономъ и обходилъ его: многіе рижскіе и ревельскіе граждане не только продолжали владѣть купленными передъ тѣмъ имѣніями, но даже пріобрѣтали новыя, ограждая себя различными хитростями; напримѣръ, вмѣсто купчихъ крѣпостей, заключали заставные контракты, или же платили за имѣнія мнимыя суммы, столь огромныя, что выкупъ становился невозможенъ; наконецъ, иногда покупали на имена матрикулированныхъ дворянъ, при чемъ послѣдніе, разумѣется, не оставались въ накладѣ. Такимъ образомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, практика смяг-

чала несправедливость законовъ; но въ 1789 году, когда были введены въ Остзейскомъ краѣ Учрежденія о губерніяхъ, Городовое Положеніе и Дворянская грамота, Сенатъ, въ рѣшеніи спора по дѣлу объ имѣніи, купленномъ гражданиномъ и выкупленномъ дворяниномъ, примѣнилъ законъ, дѣйствующій въ прочихъ частяхъ Имперіи, но никакимъ Высочайшимъ повелѣніемъ не распространенный на Лифляндію, и постановилъ, что граждане, по своему состоянію, не имѣя права владѣть крѣпостными людьми, не могутъ по этому покупать населенныхъ имѣній, предписавъ гофгерихту во всѣхъ подобныхъ случаяхъ руководствоваться этимъ рѣшеніемъ; а гофгерихтъ, въ которомъ засѣдали одни выборные отъ рыцарства, на этотъ разъ не сдѣлалъ отъ себя никакого представленія, и, противъ своего обыкновенія, исполнилъ сенатскій указъ во всей строгости. Положимъ (такъ какъ въ то время въ Остзейскомъ краѣ права состояній опредѣлялись общими законами), запрещеніе лицамъ средняго состоянія покупать населенныя имѣнія имѣло нѣкоторое юридическое основаніе; но послѣ 1796 г., по возстановленіи всѣхъ правъ и привилегій, по отмѣнѣ всѣхъ общихъ узаконеній, изданъ былъ вновь въ 1809 году сенатскій указъ о томъ, чтобы „по Лифляндской и Эстляндской губерніямъ права покупки вотчинъ и людей на не дворянъ не распространять“, что уже было совершенно произвольно, такъ что граждане лишились своего права случайно и вслѣдствіе недоразумѣнія. Наконецъ, когда по уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Остзейскихъ губерніяхъ, исчезъ самый поводъ къ изданію этихъ двухъ указовъ, Государственный Совѣтъ въ 1828 году призналъ: „что такъ какъ обстоятельства, служившія къ основанію означеннаго вопроса, сами по себѣ измѣнились, то въ дальнѣйшемъ по сему сужденіи не настоитъ никакой нужды, и что за тѣмъ, настоящее дѣло слѣдуетъ считать оконченнымъ“. Иными словами: у гражданъ отнято было право покупать населенныя имѣнія потому, что законъ воспрещалъ имъ владѣть крѣпостными людьми; но теперь уже нѣтъ крѣпостныхъ, слѣдовательно, право гражданъ пріобрѣтать имѣнія, ограниченное правомъ выкупа, предоставленнымъ дворянамъ, должно быть возстановлено. Кажется, выводъ строгъ? Вы думаете, его сдѣлали?

Ошибаетесь: въ Сводѣ мѣстныхъ узаконеній, вышедшемъ въ 1845 г., гражданамъ и прочимъ городскимъ обывателямъ положительно и безусловно запрещается покупать имѣнія. Оставалось за ними право владѣнія по заставнымъ, на неопредѣленные сроки заключаемымъ контрактамъ, иногда на 90 и на 100 лѣтъ; но въ 1802 и въ слѣдующихъ годахъ, по просьбѣ дворянства, эти сроки были постепенно ограничены: для Лифляндіи и Эстляндіи сперва десятью годами, потомъ тремя, а для Курляндіи десятью, чѣмъ уничтожены были всѣ выгоды заставнаго владѣнія, какъ для владѣющаго, такъ и для самаго имѣнія. Трудно оправдать эти мѣры, ибо не только граждане, но даже многіе изъ помѣщиковъ были ими недовольны, предчувствуя, что имѣнія ихъ черезъ это упадутъ въ цѣнѣ, что̀ дѣйствительно и сбылось.

Одинаковой участи съ гражданами подверглись дворяне, называемые ландзассами, то есть всѣ тѣ, которые, по недостаточности предъявленныхъ ими документовъ, или вслѣдствіе интригъ, не были записаны въ матрикулы, всѣ потомки ихъ, наконецъ, всѣ мѣстные уроженцы, дослужившіеся до дворянскихъ чиновъ и также непринятые въ матрикулы. Рыцарство не только не распространяло на нихъ свое право выкупа имѣній, издавна имъ принадлежавшихъ, но даже запрещало имъ безусловно вновь покупать имѣнія; однимъ словомъ, изъ дворянъ разжаловало ихъ въ мѣщанъ.

Вспомните, что право выкупа, само по себѣ несправедливое, предоставлено было въ силу аккордныхъ пунктовъ всему дворянству безъ различія; здѣсь же, его стали обращать дворяне матрикулированные противъ дворянъ нематрикулированныхъ. Не явное ли это нарушеніе основнаго акта, опредѣляющаго отношеніе Лифляндіи къ Россіи? А если бы правительство вздумало его нарушить! Въ то же время, ландзассовъ перестали приглашать на ландтаги, вопреки старинѣ, отняли у нихъ право выбора и право исправленія должностей судейскихъ и по сословному представительству. Несчастные ландзассы естественно сблизились съ гражданами и вмѣстѣ съ ними вступили въ тяжбу противъ рыцарей. Начались жаркіе споры. По случаю вызова депутатовъ изъ Остзейскихъ губерній въ Коммиссію для со-

ставленія новаго уложенія, при Екатеринѣ II-ой, ландзассы протестовали противъ устраненія ихъ отъ столь важнаго для нихъ дѣла, и такъ какъ жалоба ихъ дошла до высшаго правительства, они выиграли эту первую тяжбу и послали отъ себя депутатовъ; но другой, важнѣйшій вопросъ—о правѣ владѣнія имѣніями, къ сожалѣнію для нихъ, рѣшенъ былъ на мѣстѣ, вслѣдствіе соглашенія между ними и рыцарствомъ, которое утверждено было въ 1776 году генералъ-губернаторомъ Брауномъ. Ландзассы требовали, чтобы на принадлежавшія имъ имѣнія право выкупа не было распространяемо, и чтобы помѣщики, не записанные въ матрикулы, были допускаемы на ландтаги съ правомъ голоса. По первому пункту рыцарство изъявило согласіе не тревожить тѣхъ ландзассовъ, которые уже владѣли имѣніями, но выговорило себѣ право выкупа имѣній, впредь имѣющихъ быть ими пріобрѣтенными, въ продолженіе года, шести недѣль и трехъ дней по совершеніи купчей. По второму пункту, позволено было ландзассамъ присутствовать на ландтагахъ, но съ правомъ голоса по одиѣмъ лишь денежнымъ раскладкамъ. Эти правила касались одной Лифляндіи; въ Эстляндіи, Курляндіи и на островѣ Эзелѣ, рыцарство пользуется исключительнымъ правомъ покупать имѣнія и участвовать на ландтагахъ. Къ этому должно прибавить слѣдующее обстоятельство: въ Остзейскомъ краѣ польское и шведское правительства владѣли множествомъ казенныхъ имѣній, перешедшихъ по праву завоеванія въ собственность русскаго правительства. Эти имѣнія раздавались въ награду военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, въ помѣстное или арендное владѣніе, даже дарились, большею частію Нѣмцамъ, а иногда и Русскимъ; но въ 1783 г. императрица Екатерина великодушно обратила всѣ помѣстья въ вотчины и такимъ образомъ, пожертвовавъ правами казны, лишила вмѣстѣ съ тѣмъ русскихъ дворянъ послѣдней возможности выслуживать себѣ имѣнія въ Остзейскомъ краѣ. Правда, что, вслѣдъ за тѣмъ, она отмѣнила всѣ исключительныя привилегіи рыцарскаго сословія и потому могла не опасаться этого послѣдствія, но, по возстановленіи древнихъ учрежденій императоромъ Павломъ, этотъ результатъ, для Русскихъ невыгодный, вошелъ

въ силу. Итакъ, искаженіе первопачальнаго значенія матрикулъ, раздвоеніе дворянскаго сословія на рыцарство, или замкнутое общество, и ландзассовъ, исключительное присвоеніе первому сословныхъ правъ въ составѣ общества, права пріобрѣтенія имѣній въ Эстляндіи и Курляндіи, права выкупа имѣній въ Лифляндіи—всѣ эти нововведенія вопервыхъ, нарушали несомнѣнныя, историческія права гражданъ остзейскихъ и ландзассовъ, утвержденныя русскимъ правительствомъ при заключеніи аккордныхъ пунктовъ; вовторыхъ, оскорбляли господствующую въ государствѣ народность. Всѣ эти нововведенія вошли въ силу не прежде, какъ во второй половинѣ XVIII вѣка, безъ вѣдома и соизволенія верховной законодательной власти, въ противность ясно изъявленной волѣ шведскаго и русскаго правительствъ, безъ всякой надобности или выгоды для края и вслѣдствіе эгоистическихъ происковъ одного сословія, которому потворствовали иностранцы, стоявшіе во главѣ мѣстнаго управленія. Но все это должно было открыться при составленіи Свода узаконеній для губерній остзейскихъ; юридическая повѣрка притязаній дворянства должна была вывести наружу тайную цѣль его стремленій и средства имъ употребленныя. Ландзассы и граждане съ нетерпѣніемъ ожидали развязки; вообще объ этихъ вопросахъ много писали въ то время во всѣхъ журналахъ Остзейскаго края. Но всеобщія ожиданія не сбылись. Въ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ которой дѣлами Остзейскаго края занимались господа Раденъ, Сиверсъ и Бревернъ, составленъ былъ докладъ, какъ о матрикулахъ, такъ и о правѣ пріобрѣтенія имѣній; докладъ этотъ 20 іюня 1841 года поднесенъ былъ наВысочайшее утвержденіе, минуя Государственный Совѣтъ; онъ не былъ опубликованъ, но послужилъ основаніемъ при составленіи Свода узаконеній для губерній Остзейскихъ. Имъ были окончательно узаконены всѣ неблагопріобрѣтенныя права и произвольныя притязанія рыцарскаго сословія.

Теперь сравните положеніе русскихъ дворянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ съ положеніемъ Поляковъ и Шведовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. При польскомъ и шведскомъ владычествѣ, дворянское общество остзейское, не смотря на его

просьбы, не было принято въ составъ ни польскаго, ни шведскаго дворянскаго сословія; но дворяне польскіе и шведскіе, какъ таковые, пользовались всѣми правами своего сословія въ Остзейскомъ краѣ; а остзейскихъ дворянъ, въ видѣ награды, жаловали и производили въ дворянъ польскихъ и шведскихъ. Теперь наоборотъ: Лифляндцы, Эстляндцы и Курляндцы, записанные въ своихъ матрикулахъ, пользуются во всей Россіи правами своего сословія наравнѣ съ Русскими, а русскіе дворяне, чтобы воспользоваться ими въ Остзейскихъ губерніяхъ, должны подвергнуться безотчетной баллотировкѣ членовъ тамошняго рыцарства, чему-то въ родѣ испытанія, для рѣшенія вопроса: есть ли въ нихъ хоть малая доля рыцарскаго духа и не осквернится ли ихъ присутствіемъ благошляхетное общество? Иными словами: остзейское рыцарство, въ общемъ составѣ русскаго дворянства, составляетъ какъ бы аристократію, занимающую высшую степень; русскихъ дворянъ жалуютъ въ остзейскихъ рыцарей въ награду за подвиги или по другимъ соображеніямъ. Такъ недавно, Лифляндцы предлагали дипломы князю Паскевичу и графу Орлову, а въ прошломъ году министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому и графу Протасову, которыхъ имена въ здѣшнемъ краѣ преданы проклятію. Я радъ, что могу присовокупить, что всѣ четверо отклонили отъ себя эту великую честь.

Польское правительство всѣми средствами вводило Поляковъ въ дворянство лифляндское, раздавая имъ помѣстья, даря имъ вотчины, опредѣляя ихъ къ должностямъ; то же дѣлало шведское съ своими коренными подданными; русское правительство узаконило мѣры, принятыя для того, чтобы предупредить водвореніе Русскихъ въ Остзейскомъ краѣ.

Сообразно ли это, не говорю уже съ достоинствомъ господствующаго племени, но съ правилами холоднаго безпристрастія и той высокой терпимости, которою по праву во всѣхъ другихъ отношеніяхъ можетъ гордиться наше правительство?—Я не думаю. Точно ли хотѣло правительство унизить Русскихъ въ уголкѣ земли, купленномъ ихъ кровью?—Несомнѣнно, что нѣтъ. Но какъ же это сдѣлалось, если на то не было его воли? — Очень просто. Польское правитель-

ство въ Остзейскомъ краѣ дѣйствовало черезъ Поляковъ: Радзивилла, Хоткевича, Сапѣгу; шведское — черезъ Шведовъ: Горна, Гавстера, Оксенштирна; русское — черезъ господъ: Левенвольда, Лесси, Брауна, Паулуччи, Палена.

Итакъ, Остзейцамъ посчастливилось; они огородились, окопались со всѣхъ сторонъ, очистили себѣ весь край въ свое исключительное пользованіе; но неожиданный успѣхъ и неожиданное отсутствіе сопротивленія внушили имъ новые замыслы. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, нѣсколько курляндскихъ дворянъ, купившихъ имѣнія въ смежномъ съ Курляндіею уѣздѣ Ковенской Губерніи, разочли, что не худо бы было присоединить весь этотъ уголъ земли къ Курляндіи и подвести его подъ одно съ нею управленіе, то есть отдать его въ полное распоряженіе рыцарства. Для приведенія этого проэкта въ исполненіе, они собрались, переговорили и рѣшили сдѣлать складчину на неизбѣжные расходы, сочинить просьбу и отправить съ нею депутата въ Петербургъ. Но тутъ возникалъ вопросъ: между имѣніями курляндскихъ рыцарей въ Ковенской губерніи находились имѣнія нѣсколькихъ русскихъ помѣщиковъ и нематрикулированныхъ дворянъ. Выдѣлить ихъ, по свойству мѣстности, видно, не было никакой возможности. Что же было дѣлать съ владѣльцами этихъ имѣній? Предложить имъ записаться въ матрикулы и войти въ составъ курляндскаго дворянскаго общества со всѣми правами ему присвоенными? Казалось бы такъ, но рыцари придумали другое. Въ протоколѣ, составленномъ ими, они рѣшили испросить у правительства, чтобы нематрикулированные помѣщики, войдя съ своими имѣніями въ составъ Курляндіи владѣли ими на правѣ мѣщанскомъ, а не дворянскомъ *).

Вникните въ это дѣло. Русскій помѣщикъ, дворянинъ, спокойно владѣетъ имѣніемъ въ Ковенской губерніи и поль-

*) Вотъ подлинныя слова этого протокола: Die von Indigenis (т. е. членовъ курляндскаго рыцарства) besessenen Güter sollen, wenn sie zu Kurland zugetheilt werden, die Natur der in Kurland bestehenden Indigenats-Güter erhalten, während die von nicht Indigenis besessenen Güter (т. е. простыхъ дворянъ) so lange bürgerliche Lehnen bleiben bis sie durch Indigenats-Verwaltung, Kauf oder Erbschaft in die Gründe der Indigenis kommen, von wann ab sie denn für immer den Character der Indigenats-Güter erhalten.

зуется всѣми правами своими, какъ дворянинъ и какъ помѣщикъ: участвуетъ въ дворянскихъ собраніяхъ съ правомъ голоса, избираетъ въ должности, самъ можетъ быть избранъ и т. д. Но на его бѣду, по сосѣдству съ нимъ, поселяются курляндскіе рыцари; они предъявляютъ притязаніе на весь уѣздъ и просятъ о присоединеніи его къ Курляндіи. Но дабы не распространять на русскаго дворянина правъ, предоставленныхъ курляндскому рыцарству, они хотятъ изъ помѣщика-дворянина разжаловать его въ помѣщика-мѣщанина, иными словами, лишить его правъ состоянія въ составѣ общества, предоставляя себѣ, со временемъ, выкупить у него имѣніе и мало-по-малу всю присоединенную часть Ковенской губерніи очистить отъ дворянъ, не принятыхъ въ общество рыцарей. Этотъ замѣчательный протоколъ у меня передъ глазами. Просьба была написана и депутатъ повезъ ее въ Петербургъ; но въ ней, разумѣется, не упомянули объ этомъ тайномъ замыслѣ, а выставили, для склоненія правительства, филантропическую цѣль даровать крестьянамъ свободу на манеръ Остзейскій, т. е. лишить ихъ права на землю и замѣнить общинное устройство мызнымъ хозяйствомъ. Не знаю чѣмъ это дѣло кончится; но въ этомъ случаѣ успѣхъ или неуспѣхъ—дѣло второстепенное, а главное: неслыханная дерзость самой просьбы. Въ ней есть надъ чѣмъ призадуматься. До сихъ поръ мы думали и насъ увѣряли, что привилегіи Остзейскаго края были принадлежностью мѣстности и оправдывались какъ результаты особенностей ея историческаго развитія; но теперь предлагаютъ распространить ихъ на Ковенскую губернію, которая, сколько намъ извѣстно, не входила въ составъ завоеванныхъ Нѣмцами земель, не зависѣла никогда ни отъ Ордена, ни отъ императора нѣмецкаго, не заимствовала законовъ изъ римскаго права и ганзейскихъ постановленій, наконецъ, не исповѣдуетъ протестантской вѣры. Значитъ, мы ошибались: привилегіи, по мнѣнію рыцарей, принадлежатъ не *мѣстности*, а Остзейскому *племени*, переносящему съ собою свои преимущества всюду, куда ступитъ нога его. Оно заняло нынче край Ковенской губерніи и обращаетъ его въ уѣздъ Курляндіи; завтра, займетъ клочекъ Псковской и введетъ его въ Лифляндію. Однимъ словомъ, оно мало-по-

малу будетъ подвигаться впередъ, вытѣсняя коренныхъ жителей, и гдѣ только оно столкнется съ Русскими, Русскіе не только не пріобрѣтутъ отъ него новыхъ правъ, но потеряютъ свои. И это могли задумать, и это надѣялись исполнить, при помощи правительства, въ 1847 году, въ управленіе генерала Головина, въ эпоху угнетенія нѣмецкой національности, гоненія на протестантство, покушеній на привилегіи, въ то время *мрака* и *скорби*, какъ выразились сами Курляндцы въ куплетахъ, которые князь Суворовъ позволилъ имъ пропѣть себѣ на оффиціальномъ обѣдѣ! Слышите: эта просьба задумана угнетеннымъ племенемъ! Такъ что жъ бродило въ умѣ его въ прежнее время, и наконецъ чего мы должны ожидать теперь?

Перейдемъ къ среднему сословію. Положеніе русскихъ городскихъ обывателей, купцовъ, цеховыхъ и мѣщанъ, еще болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ положеніе дворянъ. Лишенный сословныхъ правъ въ составѣ общества въ Балтійскихъ губерніяхъ, каждый дворянинъ русскій можетъ воспользоваться ими гдѣ захочетъ, въ любой русской губерніи; но, по вѣрному замѣчанію одного изъ чиновниковъ, служившихъ при генералѣ Головинѣ, положеніе городскаго обывателя вовсе не таково. Будучи приписанъ къ одному какому бы то ни было городу, онъ не можетъ въ то же время быть гражданиномъ въ другомъ, и слѣдовательно, онъ теряетъ безусловно тѣ права, въ которыхъ ему отказываютъ на мѣстѣ его жительства и приписки. Чтобы понять, чего именно лишены Русскіе и чего они домогаются безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, нужно составить себѣ ясное понятіе объ устройствѣ остзейскихъ городовъ, почти одинаковомъ въ Ревелѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Аренсбургѣ, и потому я постараюсь изобразить его въ главныхъ чертахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало на основаніи законовъ, до присоединенія всего края къ Россіи, и существуетъ теперь, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями. Для примѣра я избираю Ригу, вопервыхъ потому, что ея устройство служило образцомъ для другихъ городовъ; вовторыхъ потому, что здѣсь главное поприще борьбы съ Русскими.

Нѣмецкій городъ вообще, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ значеніе не столько правительственнаго средоточія болѣе или

менѣе обширной области, сколько мѣстности совершенно отрѣшенной отъ земства, изъятой отъ подчиненности земскимъ властямъ и занятой особеннымъ классомъ людей, презирающимъ простой народъ и враждующимъ съ дворянствомъ. У насъ городское общество составляется изъ лицъ различныхъ званій, связанныхъ между собою интересами занимаемой ими мѣстности. Тамъ, напротивъ, городское общество составляетъ замкнутое сословіе, почитающее себя чѣмъ то сосредоточеннымъ въ себѣ самомъ, однимъ словомъ, юридическою личностью, рѣзко опредѣленною и состоящею въ слабой зависимости отъ представителей верховной власти.

Каждое такое общество въ себѣ заключаетъ гражданъ и простыхъ обывателей, или, какъ ихъ называютъ доселѣ, приживальцевъ, Beisassen, Beiwohner. Первые, т. е. граждане, почитаютъ себя въ городѣ полными хозяевами, смотрятъ на самый городъ какъ бы на свой домъ, на недвижимую городскую собственность какъ на свою частную, на городскіе промыслы и источники доходовъ какъ на свое кормленіе. Они образуютъ отдѣльное общество, пользующееся правомъ суда и самоуправленія въ предѣлахъ болѣе или менѣе широкихъ, не считаютъ себя обязанными отдавать кому бы то ни было отчетовъ въ распоряженіи своими доходами или принимать въ свой кругъ новыхъ членовъ, иначе какъ по своему усмотрѣнію и на тѣхъ условіяхъ, какія имъ вздумается предписать. Теперь въ этихъ двухъ статьяхъ правительство ограничило самостоятельность рижской городской общины, замѣнивъ произволъ ея твердыми правилами; но эти мѣры были слѣдствіемъ внѣшней необходимости и частыхъ жалобъ; онѣ были придуманы правительствомъ и введены его властью, но отнюдь не служатъ признакомъ свободнаго развитія въ понятіяхъ городскаго общества о его значеніи и отношеніяхъ къ государству.

Простые обыватели безусловно подчинены гражданамъ; они не имѣютъ самостоятельной организаціи, не образуютъ общества, не принимаютъ никакого участія ни въ управленіи, ни въ судопроизводствѣ, ни даже въ дѣлахъ относящихся исключительно до нихъ, напримѣръ въ раскладкѣ податей и повинностей, но обязаны покоряться обществу гражданъ;

какъ классъ терпимый, но ничѣмъ юридически не обезпеченный, они пользуются только тѣми правами, которыя пожалованы имъ гражданами.

Общество гражданъ подраздѣляется на три сословія: магистратское, или начальствующее; купеческое, или торговую гильдію, и ремесленное, или гильдію цеховыхъ мастеровъ. Магистратъ завѣдуетъ судомъ и управленіемъ, въ этомъ заключается его сословная принадлежность, его кормленіе. Кормленіе первой или большой гильдіи, ей исключительно присвоенное, состоитъ въ торговлѣ; кормленіе ремесленной или малой — въ исключительномъ правѣ заниматься ремеслами, изъ коихъ каждое составляетъ также исключительное достояніе отдѣльнаго цеха. Магистратъ состоитъ изъ бургомистровъ и ратсгеровъ, засѣдающихъ въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ. Большая и малая гильдіи дѣлятся на три степени: простыхъ членовъ гильдіи, братьевъ и старшинъ. По части промысловъ, они пользуются равными правами; но права въ составѣ общества и степень участія ихъ въ управленіи различны. Простые члены приглашаются въ гильдейскія собранія, подаютъ голоса въ совѣщаніяхъ о дѣлахъ общественныхъ и при выборахъ членовъ братства въ различныя должности; но сами выбираемы быть не могутъ. Братья составляютъ замкнутое общество, тѣснѣйшій союзъ въ самой гильдіи; пользуясь всѣми правами простыхъ членовъ, они, кромѣ того, присвоиваютъ себѣ исключительныя права на занятіе различныхъ должностей по управленію, на доходныя мѣста, коими располагаетъ гильдія (вѣсовщиковъ, мѣрильщиковъ, маклеровъ и т. д.) и на полученіе, въ случаѣ нужды, денежныхъ пособій изъ благотворительныхъ кассъ. Старшины составляютъ какъ бы совѣтъ мудрѣйшихъ постоянное представительство гильдій, имѣющее исключительное право на высшія должности по управленію; изъ нихъ члены каждой гильдіи по большинству голосовъ избираютъ гильдейскаго старосту или ельтермана.

Организація цеховъ, заключающихъ въ себѣ также три степени: учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ, сходна съ нашими учрежденіями по этой части, которыя заимствованы

у нѣмецкихъ городовъ, съ тою разницею, что въ Ригѣ одни мастера принадлежатъ къ обществу гражданъ и пользуются сословными правами.

Какъ пріемъ въ городское общество или сообщеніе права гражданства, такъ и вступленіе въ одну изъ гильдій и, наконецъ, повышеніе въ степеняхъ, до послѣдняго десятилѣтія, всегда производились по выборамъ, или точнѣе: съ согласія самихъ обществъ. Никто не входилъ по праву, и всякому можно было отказать, не отдавая въ томъ никому отчета; но при этомъ соблюдались непремѣнныя условія, безъ которыхъ нельзя было и претендовать на пріемъ.

Право гражданства сообщалъ магистратъ лицамъ законнорожденнымъ, Нѣмцамъ и протестантамъ, за исключеніемъ всѣхъ другихъ національностей и вѣроисповѣданій. Принятіе въ гильдіи зависѣло отъ нихъ самихъ; но притомъ требовалось, кромѣ пріобрѣтенія права гражданства и, слѣдовательно, трехъ уже исчисленныхъ условій, доказательство изученія торговли—для вступленія въ большую гильдію, и полученія степени мастера — для вступленія въ малую; для повышенія въ братство, сверхъ всего этого, необходимо было изъявить готовность нести безвозмездно всякаго рода общественныя службы, получить свидѣтельство о безукоризненной нравственности, по единогласному приговору всѣхъ членовъ братства, и внести опредѣленную сумму денегъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій. Старшины доселѣ сами замѣщаютъ открывающіяся между ними ваканціи изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ братствомъ. Наконецъ, высшее или магистратское сословіе пользуется такъ же правомъ самопзбранія изъ числа старшинъ большой гильдіи и ученыхъ канцелярскихъ чиновниковъ.'

Кромѣ этихъ общихъ условій, существовали и держатся доселѣ еще особенныя для ремесленниковъ; такъ, чтобы сдѣлаться мастеромъ, то-есть получить право открыть мастерскую, принимать заказы и работать на собственный свой счетъ, нужно было сперва обучиться ремеслу у мастера, потомъ прослужить опредѣленное время подмастерьемъ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ странствовать, по возвращеніи, выдержать испытаніе, сдѣлать управный урокъ, угостить всѣхъ мастеровъ,

внести денежную сумму (по нѣкоторымъ цеховымъ уставамъ очень значительную), наконецъ, иногда необходимо было жениться на дочери или вдовѣ цеховаго мастера.

Вотъ рядъ законныхъ условій; но само собою разумѣется, что право безотчетнаго отказа, принадлежавшее каждому цеху, братству, каждой гильдіи и, наконецъ, магистрату, давало возможность предписывать и другія, еще болѣе стѣснительныя.

По всему этому вы можете судить, какими искусственными преградами было стѣснено развитіе городскихъ промысловъ и общественной жизни, какъ безусловно зависѣло каждое лицо отъ произвола различныхъ сословій и обществъ, наконецъ, какъ незавидна была участь простыхъ обывателей финскаго происхожденія и вообще тѣхъ, которые, по роду, вѣроисповѣданію или по недостатку денежныхъ средствъ, не будучи въ состояніи удовлетворить всѣмъ исчисленнымъ условіямъ и прихотямъ, навсегда лишены были возможности вступить въ общество гражданъ, то есть кормиться трудами рукъ своихъ. Жестокая исключительность привилегированныхъ корпорацій доходила въ отношеніи къ нимъ до послѣднихъ крайностей. Крѣпостные люди были счастливѣе, потому что помѣщики щадили ихъ и даже содѣйствовали въ извѣстной мѣрѣ развитію ихъ благосостоянія, по ясному разсчету, если не по безкорыстному побужденію, тогда какъ граждане боялись соперничества обывателей въ дѣлѣ торговли и ремеслъ, а потому держали ихъ умышленно въ нищетѣ и подъ систематическимъ угнетеніемъ. Таково было устройство города Риги въ то время, какъ онъ сдался фельдмаршалу Шереметеву; почти таково оно и теперь, на дѣлѣ.

Положеніе, которое занимали въ немъ Русскіе, измѣнялось нѣсколько разъ. Отъ присоединенія Остзейскаго края къ Россіи до введенія общаго Городоваго Положенія въ 1784 году, Русскіе находились внѣ общества гражданъ, но пользовались особеннымъ покровительствомъ верховной власти; со введенія Городоваго Положенія, они вошли въ составъ городскаго общества, и такъ какъ черезъ это они были уравнены во всѣхъ отношеніяхъ съ Нѣмцами, то правительство перестало заботиться объ ихъ участи; но, по возстановленіи прежъ-

няго муниципальнаго устройства въ 1797 году императоромъ Павломъ, они утратили права, пріобрѣтенныя ими въ составѣ городскаго общества и, уже не пользуясь какъ прежде защитою правительства, подверглись гоненію въ полномъ смыслѣ этого слова. И здѣсь тоже понятное движеніе! Но вы не обязаны вѣрить мнѣ на слово, и потому я приведу вамъ факты.

Въ аккордныхъ пунктахъ было сказано: „по занятіи города, каждому позволено будетъ, по желанію, обезпечить свое пропитаніе и заняться промысломъ“, а въ Ништатскомъ трактатѣ: „въ Остзейскихъ областяхъ вѣра греческаго исповѣданія впредь такожъ свободно и безъ всякаго помѣшательства отправляема быть можетъ и имѣетъ.“ Этими статьями, въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ, обезпечено было положеніе Русскихъ въ новозавоеванномъ краѣ. Въ именномъ указѣ 1728 года сказано: „въ лавкахъ россійскимъ людямъ всякими товары торговать, объявляя и записывая въ порторіи съ платежемъ пошлинъ, такожде съ мѣстъ, на которыхъ домы и лавки имѣютъ, платить имъ поземельныя и прочія деньги съ рижскими мѣщанами въ равенствѣ; точію съ тѣхъ россійскихъ торговыхъ людей, противу тамошнихъ рижскихъ жителей, никакихъ излишнихъ податей не брать и отягощенія имъ не чинить“. Кажется, что по тону этого указа можно заключить, что поводомъ къ изданію его были жалобы со стороны Русскихъ. Для огражденія ихъ отъ всякихъ притѣсненій, изданъ былъ въ 1729 году другой важный указъ, слѣдующаго содержанія: „Россійскимъ купецкимъ и прочимъ торговымъ людямъ, какъ въ пошлинномъ платежѣ, такъ судомъ и расправою въ купецкихъ дѣлахъ, быть *по прежнему* въ вѣдомствѣ оберъ-инспектора Ильи Исаева; и когда кто изъ нихъ въ такихъ дѣлахъ взяты или приведены будутъ на гауптвахту, тѣхъ отсылать къ нему жъ, а въ губернской канцеляріи ни по какимъ истцовымъ дѣламъ не вѣдать.“

Изъ словъ *по прежнему* видно, что тогда возстановленъ былъ порядокъ, учрежденный, вѣроятно, Петромъ I-мъ, который высоко цѣнилъ этого Исаева. При основаніи главнаго магистрата въ Петербургѣ, или центральнаго управ-

ленія и вмѣстѣ судебной инстанціи для всѣхъ людей средняго сословія, императоръ назначилъ его товарищемъ президента; впослѣдствіи Псаевъ является въ Ригѣ лицомъ, непосредственно подчиненнымъ Сенату и коллегіямъ, въ должности главнаго надзирателя за казеннымъ управленіемъ и президента рижскаго магистрата, который, безъ его разрѣшенія, не могъ употреблять городскихъ суммъ на чрезвычайные расходы. Такимъ образомъ, Русскіе, подъ защитою лица, занимавшаго важное мѣсто и своего однородца, завися непосредственно отъ него, составляли въ Ригѣ какъ бы отдѣльное общество. Такое положеніе, разумѣется, разъединяло ихъ съ Нѣмцами и придавало послѣднимъ значеніе самостоятельной партіи; въ этомъ заключалась его невыгода. Но, съ другой стороны, справедливость требовала особеннаго попеченія объ участи слабѣйшихъ, преслѣдуемыхъ многочисленными недоброжелателями, и эта цѣль была достигнута. Расположеніе Нѣмцевъ къ Русскимъ уже въ то время не было тайною. Въ 1716 году, ельтерманъ большой гильдіи читалъ всему собранію слѣдующее наставленіе: „Когда кто изъ приближенныхъ къ Его Царскому Величеству (Петру I) особъ заходитъ въ домъ къ гражданину, его должно встрѣчать со всевозможною учтивостью; не мѣшаетъ даже подносить стаканъ вина или водки, такъ какъ до свѣдѣнія Государя уже дошло, что рижскіе обыватели не оказываютъ никакой ласки его служилымъ людямъ“. Въ 1739 году, генералъ-губернаторъ князь Репнинъ ходатайствовалъ у рижскаго магистрата о разрѣшеніи Русскимъ покупать въ городѣ дома и пустыя мѣста, но ему отказали. Это право Русскіе получили только при Екатеринѣ II-ой, благодаря ходатайству тогдашняго генералъ-прокурора князя Вяземскаго.

Въ 1742 году, большая гильдія требовала, чтобы Русскихъ, расположившихся у городскихъ воротъ съ товарами, прогнали оттуда (weggetrieben werden möchten).

Въ указѣ 1761 года мы читаемъ: „Торгующіе въ новозавоеванныхъ (Остзейскихъ) городахъ россійскіе купцы пользуются только тѣмъ правомъ, которое имъ отъ шведскихъ королей дано, и что съ великою противу тамошнихъ мѣщанъ (т. е. гражданъ),

отмѣною; а какъ всѣ оные едино суть Ея Императорскаго Величества вѣрноподданные. потому коммиссія (занимавшаяся составленіемъ новаго уложенія) разсуждаетъ, что и россійскимъ купцамъ. временно въ новозавоеванныхъ городахъ торгующимъ, особыя предъ прежними вольности, а паче кто въ купечество тамошнее записаться пожелаетъ, тѣмъ совсѣмъ равное съ мѣщанами преимущество дать слѣдуетъ".

Вотъ что́ предполагалось, а знаете ли когда воспослѣдовало исполненіе?—Черезъ 80 лѣтъ! Въ 1763 году назначена была коммиссія для пріисканія средствъ къ поднятію упавшей въ Ригѣ торговли, и такъ какъ это дѣло въ высшей степени интересовало русскихъ купцовъ, то Екатерина II сама отъ себя велѣла назначить имъ въ ту коммиссію двухъ депутатовъ; но здѣсь, въ первый разъ, губернское начальство обнаружило оффиціально намѣреніе устранить Русскихъ. Графъ Браунъ вопелъ въ Сенатъ съ докладомъ, въ которомъ доказывалъ, что Русскимъ вовсе не слѣдовало участвовать въ той коммиссіи, „потому что они о важности рижскаго торга съ иностранцами вовсе не имѣютъ понятія; почему-де если ихъ опредѣлить въ присутствіе, то не иное что произойдетъ, какъ излишнее затрудненіе и въ настоящемъ дѣлѣ медленіе". А между тѣмъ, въ то время, Русскіе уже успѣли выстроить въ Ригѣ 65 амбаровъ для склада товаровъ и новый гостиный дворъ; они же, которыхъ генералъ-губернаторъ выставлялъ какими-то неучами, такъ хорошо понимали важность рижскаго торга съ иностранцами, что едва дошелъ до нихъ слухъ о назначеніи коммиссіи, какъ они немедленно и изъ разныхъ городовъ прислали въ Сенатъ по почтѣ просьбы о допущеніи въ нее избранныхъ ими депутатовъ. Но ихъ не допустили. И все-таки это время было золотое, въ сравненіи съ тѣмъ, которое наступило послѣ. Многаго оставалось желать, но, по крайней мѣрѣ, правительство не теряло изъ виду Русскихъ, часто заступалось за нихъ, а главное: не сомнѣвалось въ томъ, что Нѣмцы были къ нимъ худо расположены.

Въ 1784 г. императрица Екатерина II отмѣнила древнее рижское муниципальное устройство и повелѣла ввести Городовое Положеніе. Я не стану исчислять вамъ причинъ, побудившихъ ее къ этой мѣрѣ, повидимому крутой, въ сущ-

ности же необходимой и оправданной послѣдствіями; но я хотѣлъ бы показать вамъ, какъ смотрѣли на нее въ то время Рижане. Закоренѣлыя предубѣжденія не позволяли имъ признать обветшалости ихъ учрежденій и дѣйствительной необходимости преобразованія; они видѣли въ немъ проявленіе слѣпаго пристрастія императрицы Екатерины II къ ея учрежденіямъ и слѣдствіе низкой зависти, которую будто бы питали окружавшіе ее Русскіе къ преимуществамъ и къ умственному превосходству Нѣмцевъ. Но всего болѣе раздражало Рижанъ то обстоятельство, что преобразованіе исходило отъ насъ, что Русскіе позволили себѣ найти недостатки въ нѣмецкихъ учрежденіяхъ, дерзнули признать себя способными замѣнить ихъ лучшими, и, какъ казалось, рѣшились мыслить и дѣйствовать самостоятельно, не испрашивая наставленій у бывшихъ своихъ учителей. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, мы покаялись и, кажется, искупили эту единственную нашу вину. Послушайте только, какъ разсуждалъ объ этомъ нѣкто Нейендаль, членъ законодательной коммиссіи, незадолго передъ тѣмъ учрежденной: „все возможное было сдѣлано, чтобъ отклонить готовившееся преобразованіе, но ничто не помогло: ни брошюра о муниципальномъ устройствѣ города Риги, писанная однимъ изъ членовъ магистрата, поданная императору австрійскому при его проѣздѣ черезъ Ригу и прочтенная Екатериною II, ни другія средства употребленныя подъ рукою (читай: подкупы), ни старанія генералъ-губернатора Брауна, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ внушавшаго императрицѣ мысли, которыя, повидимому, должны бы были отклонить ее отъ принятаго ею намѣренія. Ея самолюбію льстила надежда увидѣть осуществленіе ея изобрѣтенія (ihr Kunstwerk) въ ея нѣмецкихъ областяхъ; къ тому же, можетъ быть, она боялась оскорбить свой народъ допущеніемъ изъятія изъ общей мѣры въ пользу одной Лифляндіи“. Въ то время могло казаться естественнымъ, что подобная боязнь принималась въ соображеніе; а въ прошломъ году Курляндцы надѣялись, что, по ихъ просьбѣ, нѣсколькихъ русскихъ помѣщиковъ разжалуютъ изъ дворянъ въ мѣщанъ. Въ 63 года какая перемѣна!.. Продолжаю выписку: „Льстецы называли произведеніе импе-

ратрицы Екатерины II-ой (т. е. Городовое Положеніе) мастерскимъ, а тогдашній генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, къ несчастію много значившій, при этомъ врагъ всѣхъ Нѣмцевъ и въ особенности Лифляндцевъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы ускорить преобразованіе и поставить на одну ногу съ нами своихъ Русскихъ (seine Russen). Головы послѣднихъ были въ то время такъ темны, что они не могли понять и того, что имъ слѣдовало не завидовать превосходству Лифляндцевъ, но всячески стараться уподобиться имъ. Многіе однакожъ въ самой Ригѣ мечтали о возможности согласить старое съ новымъ и сдѣлать изъ этого что-нибудь сносное; охотники до ранговъ и чиновъ и ихъ жены радовались предстоявшимъ выборамъ; а въ то же время случайное благосостояніе, возвышенный образъ мыслей, отличныя дарованія, а можетъ быть и надменность нѣсколькихъ членовъ магистрата, въ Русскихъ возбуждали зависть и жажду мести, а въ Нѣмцахъ страсть къ общественнымъ должностямъ. Но достойнѣйшіе изъ числа послѣднихъ желали сохраненія древняго нашего устройства. Нѣкоторые совѣтывали даже подкупить врага города Риги (князя Вяземскаго)—онъ былъ доступенъ подкупамъ—и чрезъ него отклонить преобразованіе; но истощеніе городской казны не позволило бы употребить это средство, если бы даже и не постыдились къ нему прибѣгнуть". Какъ мало стыдились прибѣгать къ нему, обнаруживаетъ безпрерывный рядъ документально доказанныхъ подкуповъ отъ 1582-го до 1840-хъ годовъ; истощеніе городской казны доказываетъ только худое управленіе и оправдываетъ преобразованіе Екатерины II, а клевета, распущенная на князя Вяземскаго, безсильна повредить памяти достойнаго человѣка и обращается въ позоръ изобрѣтателямъ ея.

Князя Вяземскаго и теперь помнятъ съ глубокою благодарностью Русскіе, живущіе въ Ригѣ: онъ не только не былъ врагомъ Лифляндіи, но, какъ доказываютъ его письма, хранящіяся въ архивѣ рижскаго генералъ-губернатора, онъ, напротивъ, предостерегалъ графа Брауна и рижскій магистратъ отъ разныхъ промаховъ по службѣ, за которые они получали отъ Сената выговоры. Но князь Вяземскій не гонялся за продажною популярностью; будучи Русскимъ не по

имени только, а по душѣ, онъ не пренебрегалъ своими однородцами низшаго званія, не предпочиталъ имъ образованныхъ Лифляндцевъ, и этимъ онъ дѣйствительно разнился отъ графа Брауна и многихъ другихъ.

Хотѣлось бы мнѣ сообщить вамъ еще нѣсколько выписокъ изъ записокъ Нейендаля: его жалобы на допущеніе въ составъ общества гражданъ всякой сволочи, особенно Русскихъ, которыхъ онъ обыкновенно называетъ sans-culottes, на опредѣленіе русскихъ чиновниковъ или, по его выраженію, сатраповъ, на введеніе преподаванія русскаго языка въ городскихъ училищахъ—предмета, по его мнѣнію, безполезнаго, на новое устройство полиціи, по его сужденію, вредное, потому что полицейскимъ чиновникамъ велѣно было обходиться снисходительно съ Русскими, и т. д.; но все это повело бы насъ слишкомъ далеко.

Довольно того, что, несмотря на жалобы и интриги, Городовое Учрежденіе было введено въ 1783 и окончательно въ 1785. Съ этого времени положеніе Русскихъ измѣнилось. До тѣхъ поръ, ихъ участіе въ городской жизни ограничивалось производствомъ промысловъ; теперь, они вошли въ составъ городскаго общества, были подчинены городскому начальству и вмѣстѣ съ тѣмъ допущены, наравнѣ съ Нѣмцами, къ участію въ выборахъ и въ управленіи общественными дѣлами. Этому въ особенности содѣйствовалъ тогдашній губернаторъ Беклешовъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, дѣйствовавшихъ въ Остзейскомъ краѣ, и основатель перваго Русскаго училища въ Ригѣ—Екатерининскаго. Благодѣтельныя послѣдствія новой формы управленія обнаружились очень скоро. Они доказаны документально. Стараніями Беклешова, значительная часть городскихъ долговъ была уплачена, а Дума накопила въ городской кассѣ запасную сумму; торговля поднялась, народонаселеніе умножилось, учреждено было нѣсколько благотворительныхъ заведеній и школъ; жестокое обращеніе съ крѣпостными людьми, благодаря строгому надзору Беклешова, прекратилось; наконецъ, обнаружилось явленіе дотолѣ невиданное въ Лифляндіи: дворянство и горожане жили въ ладу и согласіи. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ Нейендаль, заклятой врагъ Городоваго Положенія.

Но развитіе, такъ успѣшно начавшееся, было внезапно пресѣчено черезъ 12 лѣтъ императоромъ Павломъ, немедленно по вступленіи его на престолъ. Причины, заставившія его поступить такимъ образомъ, отъ насъ закрыты; можно догадываться, что до него доходили только жалобы привилегированныхъ сословій, дѣйствительно подававшія поводъ думать, что Остзейскій край угнетенъ; какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что указъ 28 ноября 1796 года былъ выраженіемъ великодушнаго намѣренія ознаменовать начало новаго царствованія прекращеніемъ жалобъ и высокою милостью. Мы увидимъ, какъ безстыдно искажена была мысль Государя. Въ означенномъ указѣ повелѣно: „магистратамъ по городамъ остаться на прежнемъ и правамъ ихъ сообразномъ основаніи, а губернскимъ магистратамъ, такожъ верхнимъ и нижнимъ расправамъ не быть". Руководствуясь точнымъ смысломъ этихъ словъ, слѣдовало возстановить магистратъ, то есть высшее сословіе и присутственныя мѣста—и болѣе ничего; но это не давало права возстановлять большую и малую гильдіи съ ихъ братствами, цехи съ ихъ привилегіями, средневѣковыя постановленія противъ незаконнорожденныхъ, противъ Латышей, католиковъ, православныхъ, тѣмъ менѣе лишать простыхъ обывателей дарованныхъ имъ правъ: добывать трудомъ насущный хлѣбъ, рѣшать свои общественныя дѣла и въ лицѣ своихъ представителей участвовать въ городскомъ управленіи; ибо верховная власть, оказывая милость магистрату, вовсе не имѣла намѣренія казнить другія сословія. Не менѣе того, такъ вышло на дѣлѣ; указъ императора Павла былъ такъ удачно перетолкованъ, или лучше имъ воспользовались такъ недобросовѣстно, что древнее муниципальное устройство г. Риги было возстановлено во всей его полнотѣ и во всѣхъ мелочахъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я изложилъ его выше. Вникните въ эту продѣлку; она заслуживаетъ вниманія, ибо послѣдствія ея продолжаются доселѣ. Простые обыватели, не граждане, какъ я уже сказалъ, до введенія Городоваго Положенія, не имѣли никакого значенія въ составѣ городскаго общества. При Екатеринѣ II-ой, правительство обложило ихъ двумя повинностями: рекрутскою и подушною, и тѣмъ самымъ даровало имъ правомѣрное со-

словное существованіе; ибо съ обязанностью исправлять государственныя повинности сопряжены были всѣ права личныя и сословныя, присвоенныя по Городовому Положенію мѣщанамъ и ремесленникамъ. Они дѣйствительно пользовались ими въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, но по возстановленіи древняго муниципальнаго учрежденія, эти вновь пріобрѣтенныя ими права были у нихъ отняты, а вновь наложенныя на нихъ тягости были оставлены. Такъ-то почувствовали они милость оказанную верховною властью высшимъ сословіямъ. Не забывайте при этомъ, что въ этихъ сословіяхъ преобладаютъ Нѣмцы, а значительное большинство мѣщанъ составляютъ Русскіе. Итакъ, великодушное намѣреніе императора Павла въ рукахъ Нѣмцевъ обратилось въ угнетательное орудіе противъ Русскихъ. Нѣсколько позднѣе, дворянство воспользовалось такимъ же намѣреніемъ императора Александра - даровать свободу крестьянамъ, чтобы, подъ предлогомъ оказаннаго благодѣянія, лишить ихъ лучшихъ земель и изъ домохозяевъ обратить ихъ въ батраковъ. Обѣ эти продѣлки стоютъ одна другой.

Вообще, съ появленіемъ указа 28 ноября 1796 г., ненависть къ Русскимъ, безсильная въ продолженіе 12 лѣтъ, разыгралась на просторѣ и съ удвоенною силою. Ихъ положеніе дѣйствительно стало нестерпимо: имъ начали всячески затруднять вступленіе въ купеческую гильдію; въ братства и въ цехи ихъ вовсе не принимали, такъ что они лишились въ одно время всякаго участія въ управленіи сословномъ и городскомъ, въ производствѣ промысловъ, предоставленныхъ исключительно привилегированнымъ корпораціямъ, права на полученіе доходныхъ мѣстъ и пособій изъ благотворительныхъ учрежденій: все это потому, что, по силѣ привилегій, необходимо быть Нѣмцемъ и протестантомъ, чтобы засѣдать въ судѣ или управленіи, исправлять должность, шить сапоги, или ставить печи, а подать милостыню православному было бы противно началамъ протестантской благотворительности. Но независимо отъ притѣсненій, находившихъ предлоги въ мѣстныхъ законахъ, Русскіе подверглись оскорбленіямъ, не имѣвшимъ ни тѣни законности. Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1802 года, всѣ члены большой гильдіи были созваны для выбора

ельтермана и представленія кандидатовъ на степень старшинъ. Русскіе, приглашенные наравнѣ съ другими членами, явились въ собраніе; но товарищъ ельтермана, или докманъ, объявилъ имъ, что, не будучи братьями, они не могутъ участвовать въ выборахъ, (что было совершенно противно уставу большой гильдіи), а тогдашній губернаторъ, Рихтеръ, явившись въ собраніе, безъ всякаго на то права прогналъ Русскихъ изъ залы. Далѣе вы увидите, что это не единственный случай въ этомъ родѣ. Екатерининское училище сгорѣло, и съ тѣхъ поръ Русскіе, составляющіе болѣе трети всего городскаго населенія, не могли добиться учрежденія новаго. Православное духовенство не получаетъ ни гроша изъ городскихъ суммъ, и когда въ прошломъ году, въ комитетѣ, составленномъ изъ представителей городскихъ сословій, коммиссія, ревизовавшая рижское хозяйство, предложила назначить ему жалованье, большинство членовъ признало это совершенно излишнимъ; между тѣмъ съ Русскихъ взимаются денежные сборы въ капиталъ, назначенный для протестантскаго духовенства (извѣстный подъ названіемъ Kirchenordnung), за пріобрѣтеніе права гражданства, за нѣкоторыя судебныя публикаціи, за каждое совершаемое духовное завѣщаніе и т. п.; а магистратъ оправдываетъ это тѣмъ, что законы, на которыхъ упомянутые сборы основаны, изданы до присоединенія города къ Россіи, и что въ нихъ изъятія въ пользу православныхъ не полагается. Каково объясненіе!

Страшная бѣдность и сопряженный съ нею развратъ стали почти неизбѣжнымъ удѣломъ большинства русскаго населенія, и къ этому присоединился соблазнъ, которому подвергались православные при видѣ лучшей участи раскольниковъ и особеннаго покровительства, которымъ они пользовались у мѣстныхъ властей. Вотъ въ какое положеніе приведены были Русскіе, и имъ же Нѣмцы обращаютъ его въ укоръ и насмѣшки. Между тѣмъ, вскорѣ по возстановленіи древняго общественнаго устройства города Риги, образовалась противъ него сильная партія; обветшалость и несообразность его съ господствовавшими понятіями и вѣрно понятыми интересами самого города поражали сильнѣе и казались оскорбительнѣе по испытаніи лучшаго порядка въ послѣд-

нее двѣнадцатилѣтіе царствованія Екатерины II. Эта партія, кромѣ Русскихъ, заключала въ себѣ почти все рижское купечество; а на противной сторонѣ были магистратскіе члены и цеховые мастера. Въ 1802 году граждане собирались два раза для рѣшенія вопроса о томъ: просить ли объ оставленіи древняго муниципальнаго устройства, или о введеніи вновь Городоваго Положенія; въ первый разъ, 17 февраля, изъ членовъ большой гильдіи 185 подали голосъ въ пользу послѣдняго, и только 78 въ пользу перваго; а во второй, 15 декабря, изъ 153 членовъ, только двое изъявили желаніе сохранить древнее устройство. Кажется, можно было признать достаточнымъ это двукратное изъявленіе общественнаго мнѣнія; однако правительство хотѣло сдѣлать еще одинъ опытъ, и въ 1803 году повелѣно вновь созвать гражданъ и потребовать отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта.

Въ промежуткѣ времени между вторымъ и третьимъ собраніемъ прошло два года, въ продолженіе которыхъ магистратъ могъ свободно интриговать и вербовать союзниковъ между подчиненными сословіями, вслѣдствіе чего, при счетѣ голосовъ, оказалось: въ купеческомъ сословіи, какъ и прежде, большинство въ пользу Городоваго Положенія, а въ общей сложности, магистратъ и цехи перетянули 332 голосами. Но вотъ что̀ важно: ландратъ Сиверсъ, которому поручено было имѣть наблюденіе за этимъ дѣломъ, донесъ, „что при баллотировкѣ вкрались разныя злоупотребленія и, между прочимъ, что мѣщане вовсе не были допущены въ собраніе, хотя они имѣли полное на то право“, а Русскіе въ поданной ими жалобѣ писали слѣдующее: „Русскіе купцы и мѣщане (въ числѣ коихъ въ Ригѣ однихъ платившихъ подать съ капиталовъ состояло около 400 человѣкъ) не были допущены къ подачѣ голосовъ; они приносили о томъ ландрату Сиверсу жалобу, которая впрочемъ уважена имъ не была; а между тѣмъ, противная сторона употребила даже насиліе, чрезъ умышленное задержаніе подъ стражею тѣхъ изъ Русскихъ, которые домогались участія въ собраніи, чему примѣръ былъ съ купцомъ Абросимовымъ, который, наканунѣ собранія, въ полночь, былъ арестованъ въ домѣ своемъ квартальными коммиссарами, отъ имени гражданскаго губернатора Рихтера, по одному только подозрѣ-

нію, яко бы у него въ конторѣ хранились изготовленныя Русскими просьбы". Съ своей стороны, тогдашній генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, въ отношеніи къ графу Кочубею, ясно выводилъ, что въ основаніи пристрастія къ древнимъ учрежденіямъ лежали одни своекорыстные разсчеты и оканчивалъ словами: „какъ для общественной пользы города, такъ и для спокойствія и тишины введеніе Городоваго Положенія необходимо." Но правительство ему не повѣрило и по Высочайшему повелѣнію, 21 марта 1803 года, велѣно было, согласно съ просьбою о томъ магистрата, учредить въ Ригѣ комитетъ, которому поручено было: „разсмотрѣть въ подробности существовавшее постановленіе города Риги и, замѣтивъ все, что въ немъ съ пользами города несогласно, назначить нужныя перемѣны и исправленія и представить ихъ на Высочайшее усмотрѣніе". —Въ этотъ комитетъ позволено было назначить отъ себя депутатовъ только тремъ привилегированнымъ сословіямъ: магистрату, братству и старшинамъ большой гильдіи и цеховымъ мастерамъ малой; а мѣщане, нецеховые ремесленники и всѣ вообще Русскіе, т. е. всѣ угнетенные и ожидавшіе отъ правительства помощи, были устранены. Князь Голицынъ опять обратился къ графу Кочубею, изъясняя ему, „что онъ не ручается за то, выполнитъ ли комитетъ благодѣтельную цѣль монарха и въ состояніи ли рижскіе купцы и ремесленники составить что либо подобное Общему Губернскому Учрежденію и Городскому Положенію; что члены комитета, состоя подъ вліяніемъ магистрата, хотябъ и очистили свое старое учрежденіе, но не упустятъ притомъ оставить свое самодержавіе и будутъ душить своихъ сограждавъ по прежнему; что неустройства и безпорядки въ Ригѣ, по его убѣжденію, продолжаться будутъ до того времени, пока тамъ не будетъ введено Городовое Положеніе, ибо вообще владычество ландратовъ и магистратовъ слишкомъ было тягостно для всѣхъ жителей края"—все это подлинныя слова. Узнавъ о назначеніи комитета, Русскіе подали всеподданнѣйшія просьбы, въ которыхъ умоляли о дозволеніи имъ назначить въ него депутатовъ; но мнѣніе генералъ-губернатора уважено не было, а Русскимъ отказали, объявивъ имъ впрочемъ отъ имени Государя, что они должны

быть совершенно спокойны въ разсужденіи выгодъ и правъ своихъ, кои, по разсмотрѣніи въ С.-Петербургѣ трудовъ комитета, не останутся безъ надлежащаго уваженія и, конечно, охранены будутъ во всемъ ихъ пространствѣ.

Комитетъ занимался возложеннымъ на него порученіемъ два года и въ 1805 году повезъ свою работу въ Петербугъ. Вотъ отрывокъ изъ нея, по которому вы можете судить о цѣломъ: „Комитетъ считаетъ себя обязаннымъ изъяснить, что, по его убѣжденію, всѣ основныя положенія и главныя черты древняго учрежденія города Риги благодѣтельны и вполнѣ достигаютъ своихъ цѣлей; что имъ городъ обязанъ цвѣтущимъ состояніемъ своимъ и доброю славою въ Россіи и за границею; что они столь же превосходны для настоящаго времени, сколь были сообразны съ потребностями прошедшаго; что примѣненіе ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій; что содержащіяся въ нихъ постановленія ограждаютъ сіи учрежденія не только отъ злоупотребленій, но и отъ самовольнаго нарушенія ихъ, какъ со стороны начальства, такъ и отъ управленій городскаго общества, и потому комитетъ не признаетъ надобности допускать какія либо въ сихъ учрежденіяхъ перемѣны.“ Однако же, въ числѣ немногихъ предположенныхъ имъ нововведеній, заключалось одно довольно важное, а именно: „по оказавшейся необходимости устранить отъ участія въ сословномъ управленіи членовъ гильдій, не имѣвшихъ достаточнаго образованія и вѣса въ обществѣ, впредь допускать въ гильдейскія собранія тѣхъ только членовъ, которые имѣли недвижимую собственность въ стѣнахъ города“. Чтобы понять цѣль этой статьи, вы должны знать, что почти всѣ Русскіе живутъ въ форштатахъ и едва ли наберется ихъ десятокъ, которые имѣли бы въ стѣнахъ города собственные дома; такъ что, одобривъ эту статью, правительство безсознательно лишило бы Русскихъ послѣдняго ихъ права въ составѣ общества: выдумка, какъ видите, была не дурна.

Для разсмотрѣнія предположеній рижскаго комитета назначенъ былъ въ Петербургѣ другой комитетъ. Заключеніе его, Высочайше утвержденное 8 іюня 1805 г., состояло въ томъ, чтобы дѣло о преобразованіи рижскаго муниципальнаго

устройства отложить до тѣхъ поръ, пока существовавшая въ то время Коммиссія законовъ приступитъ къ составленію общаго положенія о городахъ; „между тѣмъ, присланныхъ отъ города депутатовъ отпустить, обнадеживъ ихъ, что желанія и нужды города Риги приняты будутъ въ уваженіе; до окончательнаго же разсмотрѣнія оныхъ, древнія городскія установленія сохранены будутъ безъ всякой отмѣны". Едва выѣхали изъ Петербурга торжествующіе депутаты, какъ обнаружилось, что они, для подкрѣпленія своихъ просьбъ, привезли съ собою значительныя суммы, взятыя изъ городской казны, которыми подкупали въ канцеляріяхъ коронныхъ чиновниковъ; за это, по Высочайшему повелѣнію, генералъ-губернаторъ сдѣлалъ городскимъ депутатамъ строжайшій выговоръ, но это, разумѣется, нисколько не измѣнило сущности дѣла. Итакъ, труды обоихъ комитетовъ не привели ровно ни къ чему. Вотъ какъ исполнено было торжественное обѣщаніе, данное Русскимъ!

Въ началѣ нынѣшняго царствованія, они снова подали правительству нѣсколько просьбъ, слѣдовавшихъ почти безпрерывно одна за другою отъ 1820-хъ до 1840-хъ годовъ; по нимъ а также по объясненіямъ магистрата рижскаго можно слѣдить за ходомъ этой многосложной тяжбы.

Разсмотримъ сперва просьбы купцовъ. Я уже сказалъ, что ихъ, въ качествѣ Русскихъ и православныхъ, не принимали въ братство большой гильдіи, а по городскимъ законамъ (повторяю еще разъ, для бо́льшей ясности) кто не братъ, тотъ не можетъ быть избранъ ни въ какую должность, не можетъ принимать никакого прямаго участія въ управленіи, не имѣетъ права на полученіе доходныхъ мѣстъ маклеровъ, браковщиковъ и т. д., ни денежнаго вспомоществованія изъ благотворительныхъ кассъ; наконецъ, въ общихъ собраніяхъ всей гильдіи, члены, въ братство не принятые, сколько бы ихъ ни было, имѣли одинъ общій голосъ, равный голосу одного брата. Итакъ, первое прошеніе Русскихъ заключалось въ томъ, чтобы ихъ приняли въ братство и „чтобы вообще права и привилегіи, дарованныя всѣмъ безъ исключенія гражданамъ города Риги, были въ той же степени распространены и на нихъ". Кажется, это было довольно скромно.

Въ отвѣтахъ своихъ, магистратъ опредѣлялъ братство слѣдующимъ образомъ: „оно есть тѣснѣйшій союзъ членовъ гильдіи, обязавшихся содѣйствовать всѣми силами благу города и своего сословія и, на сей конецъ, усердно и безвозмездно нести всякія общественныя службы и тягости, особенно же по управленію благотворительными заведеніями“. Это опредѣленіе вошло въ Сводъ Законовъ; но не ясно ли, что оно не выражаетъ значенія учрежденія, выставляя однѣ обязанности и умалчивая о выгодахъ, и что оно придумано съ очевидною цѣлью обмануть правительство, увѣривъ его, что званіе брата болѣе обременительно, чѣмъ прибыльно? И правительство поддалось обману. Такимъ образомъ, самый предметъ спора предсталъ въ ложномъ, умышленно-искаженномъ видѣ. Далѣе, писалъ магистратъ, „братства суть благотворительныя учрежденія, основанныя протестантами и для протестантовъ.“ Но это, вопервыхъ, была ложь, потому что самый значительный изъ капиталовъ братства, извѣстный подъ именемъ Tafelgilde, основанъ былъ до рожденія Лютера; вовторыхъ, возражали Русскіе: „зачтѣмъ же принимаете вы въ братство католиковъ?“—Правда, отвѣчалъ магистратъ, что католики нашли случай войти въ него; но это потому, что не различіе вѣры служитъ препятствіемъ для вступленія въ братство, а то обстоятельство, что лица, незнающія нѣмецкаго языка и мѣстныхъ законовъ, при всевозможномъ усердіи, не могутъ быть полезными членами общественнаго управленія, а еще менѣе приносить пользу по завѣдыванію дѣлами протестантскихъ церквей и богоугодныхъ заведеній, и вотъ почему Русскимъ преграждено было вступленіе въ братства.

Замѣтьте, что магистратъ, передъ тѣмъ оффиціально и нѣсколько разъ повторявшій, что одни лютеране могутъ быть братьями, отступался отъ словъ своихъ и прибѣгалъ къ другому предлогу для устраненія Русскихъ. И все это сходило даромъ, и никого не поражала наглая его недобросовѣстность! Но Русскіе не оставили и этого предлога безъ возраженія: „напрасно указываете вы безпрестанно на управленіе церковными дѣлами, которое вовсе не есть главная обязанность братства и очень легко можетъ быть возложено на однихъ протестантовъ, такъ точно, какъ должности цер-

ковныхъ старостъ падутъ на однихъ православныхъ; напрасно также даете вы разумѣть, что Русскіе не знаютъ и не могутъ узнать нѣмецкаго языка; ежедневный опытъ вамъ противорѣчитъ: вамъ очень хорошо извѣстно, что Русскіе болѣе ста лѣтъ тому назадъ поселились въ Ригѣ и знаютъ нѣмецкій языкъ какъ свой родной, который вамъ непонятенъ; наконецъ извѣстно вамъ и то, что въ Петербургѣ Русскіе исправляютъ должности маклеровъ, предполагающія знаніе не только нѣмецкаго, но и другихъ иностранныхъ языковъ. Впрочемъ, продолжали просители, если справедливо увѣреніе ваше, что мы лишены возможности ознакомиться съ вашими законами и учрежденіями, то мы требуемъ, чтобы дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ производились одинаково на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, и чтобы въ судахъ засѣдали члены изъ Русскихъ, дабы несвѣдущіе въ законахъ ихъ однородцы могли найти въ нихъ заступниковъ". Таково было второе требованіе Русскихъ. Чтобы судить о его справедливости, я попрошу васъ только обратить вниманіе на порядокъ существующій въ другихъ городахъ Имперіи, содержащихъ въ себѣ разноплеменное населеніе. Въ Казани, гдѣ много Татаръ, они имѣютъ отдѣльное общественное устройство и подчинены особой Ратушѣ, въ Нѣжинѣ Греки пользуются тѣмъ же преимуществомъ; наконецъ, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ Жидамъ позволено приписываться, они назначаютъ отъ себя извѣстное число депутатовъ въ Городскія Думы. Итакъ, во всѣхъ городахъ Имперіи, различіе племенъ принимается въ соображеніе—кромѣ Риги. Всѣмъ національностямъ даровано представительство — кромѣ Русской въ Остзейскомъ краѣ: ибо въ Ригѣ Русскіе, составляющіе, какъ я уже сказалъ, болѣе трети всего городскаго населенія, не только не назначаютъ непосредственно отъ себя депутатовъ въ городскія присутственныя мѣста, но даже de facto не могутъ быть избраны въ качествѣ представителей отъ цѣлыхъ сословій, къ которымъ они приписаны, такъ какъ для этого необходимо пройти нѣсколько степеней, удостоиться пріема въ нѣсколькихъ замкнутыхъ корпораціяхъ, пользующихся правомъ самоизбранія или безотчетнаго отказа. Что жъ касается до жалобы Русскихъ на стѣснительное для

нихъ употребленіе въ присутственныхъ мѣстахъ исключительно нѣмецкаго языка, то въ подкрѣпленіе ея я приведу вамъ случай, происходившій въ прошломъ году. У русскаго купца, живущаго въ Ригѣ, производилось дѣло въ Сенатѣ; оттуда присланъ былъ указъ въ губернское правленіе, разумѣется, писанный порусски. Узнавъ объ этомъ, купецъ явился съ просьбою сообщить ему рѣшеніе Сената въ копіи, но ему отказали и объявили, что онъ долженъ заплатить нѣсколько рублей за переводъ съ русскаго, роднаго языка просителя, на нѣмецкій, котораго онъ не понималъ, и этому требованію онъ долженъ былъ покориться. Разсудите же, правы ли были Русскіе? Но магистратъ отвѣчалъ, что во время присоединенія Риги къ Россіи подтверждено было въ числѣ привилегій употребленіе нѣмецкаго языка и назначеніе чиновниковъ изъ Нѣмцевъ; къ тому же (это подлинныя слова) „естественнѣе, чтобы пришельцы навыкали языку коренныхъ жителей, между коими они для выгодъ своихъ поселяются, нежели, чтобы сіи коренные жители отказались отъ собственнаго своего языка“. Итакъ, вотъ до чего дожили Русскіе; ихъ называютъ пришельцами въ городѣ, болѣе ста лѣтъ подвластномъ Россіи, тогда какъ выходцевъ изъ Бремена и Любека, этихъ голышей, толпами приходящихъ изъ-за границы, вѣроятно не для выгодъ своихъ, а для просвѣщенія Россіи, встрѣчаютъ въ томъ же городѣ, какъ родныхъ и братьевъ. Разбогатѣвъ разными средствами, иногда контрабандою или фальшивыми ассигнаціями, какъ нѣкоторые изъ первостатейныхъ рижскихъ купцовъ, они вступаютъ безпрепятственно въ братства, потомъ избираются въ ратсгеры, и, въ качествѣ судей, съ высоты своей гордости, рѣшаютъ участь der gemeinen Russen. Какъ далеки отъ насъ времена Екатерины!

Русскіе мѣщане и ремесленники въ своихъ прошеніяхъ открывали правительству преслѣдованія другаго рода. Для нихъ дѣло шло не о правахъ въ составѣ общества, не о поддержаніи достоинства имени Русскаго, но о пріобрѣтеніи насущнаго хлѣба и права пробиваться честнымъ трудомъ. Мѣщане писали, что, по приказанію рижскаго торговаго суда, всѣ ихъ лавки были заперты, а потомъ, по распоряженію губернскаго

правленія, отперты на два мѣсяца, дабы они въ этотъ срокъ могли распродать запасенный ими товаръ.

Ремесленники писали, что около 80 семействъ „русскихъ каменьщиковъ и печниковъ, издавна поселившихся въ городѣ Ригѣ и его предмѣстьяхъ, въ теченіе нѣкотораго времени, ко всеобщему удовольствію, исправляли различныя работы, но въ 1822 году магистратъ, по просьбѣ нѣмецкихъ цеховыхъ мастеровъ, запретилъ имъ дальнѣйшее отправленіе ихъ ремеслъ. Они жаловались на то Сенату, который поручилъ генералъ-губернатору разсмотрѣть это дѣло, а генералъ-губернаторъ возложилъ его на коммиссію, состоявшую изъ однихъ Нѣмцевъ, которая постановила: чтобы какъ въ каменьщичьемъ, такъ и въ печномъ цехахъ находилось въ каждомъ не болѣе 12 русскихъ мастеровъ; чтобы каждый изъ этихъ мастеровъ имѣлъ не болѣе двухъ работниковъ, состоялъ подъ надзоромъ нѣмецкаго цеховаго мастера, работалъ въ форштатахъ, а не въ городѣ, и платилъ бы по пяти процентовъ съ получаемой имъ платы въ пользу нѣмецкихъ мастеровъ. Этотъ порядокъ соблюдается до сихъ поръ. Русскій, трудящійся въ потѣ лица, платитъ оброкъ Нѣмцу, который стоитъ подлѣ него скрестивши руки, покуривая трубку и побранивая Русскихъ; а въ капитуляціи города Риги было сказано: по занятіи города, каждому позволено будетъ по желанію обезпечить свое пропитаніе и заняться промысломъ. И послѣ этого мы повторяемъ въ своихъ учебникахъ: Остзейскій край завоеванъ, Остзейскій край присоединенъ къ Россіи; мнѣ кажется, Россія присоединена къ Остзейскому краю и постепенно завоевывается Остзейцами. Это, конечно, не такъ лестно для нашего народнаго самолюбія, но за то ближе подходитъ къ истинѣ и не звучитъ невыносимою ироніею въ ушахъ тѣхъ изъ Русскихъ, на которыхъ вымещается ненависть побѣжденныхъ

Я вспоминаю теперь по поводу ремесленниковъ нѣсколько случаевъ, которые сообщу вамъ, чтобы не забыть ихъ. Пріѣхавъ въ Ригу, я нанялъ квартиру; хозяинъ, сверхъ годовой платы, потребовалъ отъ меня десять рублей на разныя починки, которыя могли бы оказаться нужными по отъѣздѣ моемъ; „для васъ, говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, это бу-

детъ гораздо покойнѣе, потому что, если бы вы захотѣли производить починки отъ себя, то, можетъ быть, вы призвали бы русскаго мастера, а я этого не потерплю". Этотъ господинъ зналъ, что я Русскій и что я былъ причисленъ къ коммиссіи, которая между прочимъ ревизовала и цеховое устройство.

Русскій купецъ, хорошо мнѣ знакомый, захотѣлъ оштукатурить у себя потолки и, зная по опыту негодность хваленой нѣмецкой работы, пригласилъ Русскихъ; они должны были какъ воры, въ ночное время, прокрасться по одиночкѣ къ нему въ домъ; тамъ онъ ихъ заперъ на цѣлую недѣлю а самъ уѣхалъ на дачу, и все-таки у него произведенъ былъ обыскъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Риги, одинъ изъ богатыхъ здѣшнихъ купцовъ, по происхожденію Нѣмецъ, но приписанный къ Архангельску, купилъ себѣ дачу и перестроилъ домъ съ принадлежностями. Всѣ работы были имъ поручены Русскимъ, на что онъ имѣлъ полное право, ибо внѣ города строгость цеховыхъ постановленій смягчается; не менѣе того, онъ навлекъ на себя ненависть нѣмецкихъ мастеровъ, которые поклялись отомстить ему. И вотъ, въ прошломъ году, во время какого-то публичнаго гулянья въ той сторонѣ, подговоренные подмастерья (какъ обнаружило слѣдствіе) разломали заборъ этого купца, потомъ сожгли его сарай, конюшню и всѣ экипажи, а самого хозяина принудили бѣжать съ семействомъ къ сосѣдямъ. Полицеймейстеръ, хотѣвшій остановить эту сволочь, получилъ нѣсколько пинковъ, а коменданта, обратившагося къ ней съ воззваніемъ: liebe Kinder, обругали. Объ этомъ дѣлѣ не трубили въ Петербургѣ; и подлинно, къ чему бы? Вѣдь тутъ дѣйствовали Нѣмцы, подмастерья, не Латыши, не Русскіе; а православія и нашего духовенства не было возможности втянуть въ него.

Другой купецъ первой гильдіи, Русскій, заказалъ нѣмецкому мастеру какую-то постройку и пріѣхалъ посмотрѣть на работу; мастеръ встрѣтилъ его, повелъ за собою и, выхваляя ему свою кротость въ обхожденіи съ подмастерьями, сказалъ ему, какъ сильнѣйшее и неопровержимое доказатель-

ство, указывая на русскихъ работниковъ: „Вы можете судить о моей снисходительности, когда я даже этихъ скотовъ Русскихъ не бью“.

Вотъ что должны выслушивать здѣсь Русскіе, ежечасно, при каждой встрѣчѣ съ Нѣмцами, въ мастерской, въ клубѣ, въ гостиныхъ. Пусть же теперь дивятся, что нѣкоторые изъ осужденныхъ жить въ здѣшнемъ краѣ заглушили въ себѣ русское чувство, отвернулись отъ своихъ однородцевъ и съ отчаянья побратались съ Нѣмцами. У меня не достаетъ духа обвинить ихъ; но тѣ изъ нихъ, которые бодро и твердо выдерживаютъ въ лицѣ своемъ характеръ Русскихъ, выносятъ, скрѣпя сердце, обиды враговъ и равнодушіе правительства, и отвергаютъ какъ подкупъ, какъ подговоръ къ измѣнѣ, ласки, подбитыя ненавистью къ цѣлому русскому племени, тѣ въ моихъ глазахъ совершаютъ подвигъ, ничѣмъ не уступающій подвигу солдата, идущаго мѣрными шагами за своимъ знаменемъ, среди всеобщаго бѣгства. Продолжая сравненіе, я могъ бы упомянуть и о предводителяхъ выдающихъ простаго солдата, но тѣхъ пусть казнитъ ихъ совѣсть.

Жалобы Русскихъ и объясненія магистрата разсматривались во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и изложены въ превосходно составленной запискѣ, которая вмѣстѣ съ предположеніями графа Блудова внесена была въ Государственный Совѣтъ въ 1841 г.; въ томъ же году состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ условія о вступленіи въ гражданство, гильдіи, братства и цехи были опредѣлены почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они вошли въ Сводъ мѣстныхъ узаконеній. Въ статьѣ 951-ой сказано между прочимъ: „для принятія въ большую гильдію, лица, къ купеческому сословію принадлежащія, обязаны представить свидѣтельство, выданное хозяиномъ одного изъ существующихъ въ Ригѣ домовъ, о надлежащемъ подъ руководствомъ его изученіи коммерціи“. Слѣдовательно, кто изучалъ коммерцію не въ Ригѣ, а напримѣръ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, въ училищахъ или торговыхъ домахъ, тотъ не можетъ быть удостоенъ званія купца въ рижскомъ обществѣ гражданъ. Это ограниченіе само по себѣ странно, но еще страннѣе оно потому,

что даже магистратъ рижскій и большая гильдія никогда не требовали его. Комитетъ 1804 года въ изложеніи принятыхъ въ то время условій вступленія въ большую гильдію упоминалъ объ изученіи торговли въ Ригѣ, въ Россіи или за границею. Откудаже взялось позднѣйшее ограниченіе, и съ какою цѣлью оно введено—непостижимо.

О вступленіи въ цехи сказано: „всѣ исповѣдывающіе христіанскую вѣру и принадлежащіе къ свободному состоянію ремесленники допускаются безпрепятственно ко вступленію въ одинъ, по принадлежности, изъ цеховъ города Риги, съ званіемъ учениковъ, подмастерьевъ или мастеровъ". Допускаются! Какъ будто этимъ словомъ уничтожились всѣ препятствія; да кто же заставитъ мастера принять русскаго мальчика на выучку? Кто помѣшаетъ ему забраковать управный урокъ русскаго подмастерья? Послѣ всѣхъ жалобъ, поданныхъ Русскими, послѣ того какъ магистратъ и цехи столько разъ повторяли, что, по ихъ убѣжденію, необходимо быть Нѣмцемъ и Лютеранномъ, чтобы вступить въ цехъ, позволительно ли было игнорировать существованіе заговора противъ Русскихъ и надѣяться, что слово *допускаются* уничтожитъ духъ исключительности, которымъ насквозь пропитаны всѣ рижскія учрежденія? Законъ изданъ въ 1841, а въ 1847 г. ельтерманъ переплетчиковъ объявилъ оффиціально, что въ ихъ цехъ Русскихъ не принимаютъ на выучку, на что секретарь цеховаго суда отвѣтилъ только: ja, das ist so ein eigensinniger Mann! (что дѣлать; эльтерманъ человѣкъ упрямый). Не думайте, чтобъ это былъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ, ибо по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ томъ же 1847 г., Русскіе, принятые въ цехи, относились къ Нѣмцамъ какъ 1:414. А между тѣмъ, Московскій форштатъ представляетъ видъ страшной нищеты: полунагіе мальчишки ползаютъ по улицамъ и добываютъ себѣ пропитаніе промысломъ, отъ котораго получили названіе карманщиковъ; взрослые не уплачиваютъ податей; ихъ сажаютъ въ рабочій домъ, сѣкутъ въ противность законамъ, и покуда они отрабатываютъ старыя недоимки, на нихъ накопляются новыя, за все время ихъ пребыванія въ рабочемъ домѣ, такъ что они выходятъ изъ него обремене-

ные долгами, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ тащатъ опять туда же. Число ненадежныхъ плательщиковъ такъ огромно, что, при годовыхъ раскладкахъ, изъ 22 тысячъ принимается иногда лишь 8 тысячъ состоятельныхъ, и вслѣдствіе этого, хотя въ 1846 г. по общей раскладкѣ слѣдовало взыскать съ каждой души въ цеховомъ и мѣщанскомъ окладѣ по 3 р. 13 к., въ рабочемъ по 2 р. 9 к., въ окладѣ слугъ по 95 к., вмѣсто того, было предположено брать съ мѣщанъ и цеховыхъ по 6 р. 5 к., слѣдовательно, почти вдвое болѣе; съ рабочихъ по 4 руб., съ слугъ по 3 рубля. А какими же средствами добыть эти деньги, когда въ цехи не принимаютъ, а внѣ цеховъ не позволяютъ работать? Въ другихъ государствахъ стараются придумать занятіе для рабочаго класса; здѣсь оно подъ рукою, но пользоваться имъ запрещено. Нѣкто Кошевичъ, подмастерье, не находя себѣ мѣста, занимался одинъ, безъ помощниковъ, починкою старыхъ шляпъ; цехъ шляпошниковъ подалъ на него жалобу, и цеховой судъ запретилъ ему работать, такъ какъ черезъ это онъ посягалъ на кормленіе цеха. Одинъ изъ чиновниковъ, производившихъ ревизію, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, обратилъ на него вниманіе генерала Головина, а на дняхъ общество цеховыхъ ремесленниковъ подало князю Суворову извѣтъ, имъ принятой, на того же чиновника, въ которомъ его винили въ намѣреніи нарушить Высочайше утвержденныя привилегіи города Риги. Наблюденіе за цеховыми обществами и производствомъ ремеслъ возложено на цеховой судъ, который, рѣшеніемъ, найденнымъ въ его протоколахъ, принудилъ русскаго сѣдельника выѣхать изъ дома его отца, телѣжника, подъ тѣмъ предлогомъ, что, живя вмѣстѣ, они, можетъ быть, стали бы, вопреки цеховымъ уставамъ, помогать другъ другу. Въ другой разъ, тотъ же судъ сдѣлалъ выговоръ булочному мастеру за то, что онъ не продалъ по таксѣ, а подарилъ два хлѣба бѣдному Русскому. Эти протоколы списаны и представлены въ министерство. Вообще можно сказать положительно, что законъ 1841 г. не принесъ никакого облегченія русскимъ ремесленникамъ; ибо онъ отмѣнилъ только предлогъ, въ то время предъявленный магистратомъ для устраненія Русскихъ отъ цеховыхъ обществъ, и оставлялъ

возможность достигать той же цѣли подъ другими предлогами, которыхъ обильный запасъ содержится въ цеховыхъ уставахъ. Но послушайте, какъ рѣшенъ былъ вопросъ о пріемѣ Русскихъ въ братство.

Въ проэктѣ Втораго Отдѣленія было сказано: „получившіе право мѣстнаго въ Ригѣ гражданства *могутъ просить* о принятіи ихъ въ братство той гильдіи, въ которой они записаны". Когда статья эта прочтена была въ Государственномъ Совѣтѣ, одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что „дабы яснѣе выразить, что въ избѣжаніе ошибочной мысли, будто принятіе въ братство зависитъ отъ воли сочленовъ онаго, даже и тогда, когда вступающій исполнилъ всѣ требуемыя условія, надлежитъ прямо сказать, что въ семъ послѣднемъ случаѣ желающій въ братство *принимается*". Вслѣдствіе этого, въ статьѣ о братствѣ въ журналѣ Государственнаго Совѣта постановлено: „для ближайшаго понятія, что вступленіе въ братство не можетъ быть воспрещено тому, кто пріобрѣтаетъ законное на то право, оказывается нужнымъ, согласно съ сдѣланнымъ замѣчаніемъ, § 15 изложить такимъ образомъ: получившіе право мѣстнаго въ Ригѣ гражданства и вступившіе въ одну изъ городскихъ гильдій могутъ, по изъявленному ими желанію, *вступить* въ братство той гильдіи, въ которой они записаны, если только всѣ требуемыя для того условія исполнятъ". Эта редакція отъ слова до слова помѣщена въ Сводѣ; а упомянутыя условія, какъ сказано въ томъ же Сводѣ, заключаются: въ изъявленіи готовности нести безвозмездно всякія общественныя службы и пожертвовать извѣстную сумму въ капиталъ братства. Кажется, не могло быть недоразумѣнія на счетъ уничтоженія безотчетнаго выбора. Не смотря на это, послѣ того какъ Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта обнародовано было въ Лифляндіи въ сентябрѣ 1184 года, братство большой гильдіи, въ собраніи, происходившемъ въ 1842 году, назначило коммиссію для разсмотрѣнія: какимъ образомъ слѣдовало привести новый порядокъ въ дѣйствіе. Коммиссія была того мнѣнія, что, несмотря на законъ, остается нерѣшеннымъ, можно ли допустить въ братство не-лютеранъ, и что, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ оставить пріемъ по безотчетному выбору, до-

вольствуясь впрочемъ согласіемъ двухъ третей избирателей. Это предположеніе гильдія разсматривала въ полномъ собраніи въ январѣ 1843 года, нашла его слишкомъ еще стѣснительнымъ для себя и постановила, что, вопреки закону 1841 г., допущеніе въ братство должно совершаться по безотчетному выбору и единогласному приговору всѣхъ избирателей. Вотъ какъ уважаютъ законы тѣ, которые такъ щедро расточаютъ другимъ обвиненія въ нарушеніи Высочайше утвержденныхъ правъ.

Между тѣмъ, въ 1846 году, по поводу новыхъ жалобъ, поступившихъ отъ Русскихъ, которыхъ по прежнему не впускали въ братства, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, основываясь на законѣ 1841 года, отмѣнившемъ безотчетный выборъ, ходатайствовалъ о дополненіи этого закона нѣсколькими пунктами, въ которыхъ подробнѣе и точнѣе опредѣленъ былъ порядокъ вступленія въ братство. Представленіе Министра поступило въ Департаментъ Законовъ, который, ограничиваясь разсмотрѣніемъ вопроса въ предѣлахъ закона 1841 года, нашелъ предложенныя дополненія совершенно согласными съ этимъ закономъ и постановилъ мнѣніе объ утвержденіи ихъ. Дѣло казалось окончательно разрѣшеннымъ въ пользу Русскихъ, но въ то самое время воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе разсмотрѣть вновь вопросъ о порядкѣ вступленія въ братство, не стѣсняясь закономъ 1841 года. Такимъ образомъ, юридическій вопросъ, возникшій по поводу неисполненія закона, остался неразрѣшеннымъ и перешелъ въ законодательный. Департаментъ Законовъ, разсмотрѣвъ его вновь съ этой новой стороны, полагалъ въ этотъ разъ отмѣнить законъ 1841 года и возстановить прежній порядокъ вступленія въ братство, на основаніи штрагъ. Черезъ это Русскіе лишились бы права дарованнаго имъ пять лѣтъ тому назадъ и еще невошедшаго въ силу. Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, баронъ Ганъ всѣми силами защищалъ послѣднее мнѣніе Департамента Законовъ, т. е. вступленіе въ братство по безотчетному выбору, доказывая, что оно не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, ибо въ Ригѣ нѣтъ ни Нѣмцевъ, ни Русскихъ, а есть только вѣрноподданные Государя Императора; но, не смотря на эти увѣренія, Государ-

ственный Совѣтъ положилъ оставить законъ 1841 г. (внесенный въ Сводъ Остзейскихъ узаконеній) въ прежней силѣ, безъ всякихъ измѣненій и дополненій, предоставивъ при томъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, буде окажется впослѣдствіи, что этимъ закономъ не достигается предположенная цѣль, войти съ представленіемъ о его измѣненіи.

Итакъ, законъ объ отмѣнѣ безотчетнаго выбора былъ подтвержденъ. Тогда ельтерманъ большой гильдіи, человѣкъ хитрый, но заклятой врагъ Русскихъ, и теперь избранный совѣтникъ князя Суворова по всѣмъ вопросамъ, до нихъ относящимся, смекнулъ, что дѣло могло принять худой оборотъ. Опасаясь, чтобы правительство когда нибудь не потребовало исполненія двукратно изданнаго имъ закона, онъ рѣшился на великую, но не безкорыстную жертву: заставить членовъ братства выбрать нѣсколькихъ Русскихъ. Это представлялось выгоднымъ въ трехъ отношеніяхъ: вопервыхъ, по малочисленности своей, Русскіе допущенные въ братство не могли бы имѣть въ немъ никакаго вѣса; къ тому же, легко было выбрать людей безопасныхъ; вовторыхъ, присутствіе въ братствѣ нѣсколькихъ православныхъ навсегда бы оградило гильдію отъ упрека въ протестантской исключительности, а втретьихъ, наконецъ, согласіе Русскихъ подвергнуть себя, для вступленія въ братство, выбору, т. е. сдѣлаться участниками въ нагломъ нарушеніи закона, лишило бы ихъ возможности жаловаться на его неисполненіе.

Разсчетъ былъ вѣренъ, и ельтерманъ черезъ своихъ друзей началъ подговаривать русскихъ членовъ гильдіи въ 1847 г. явиться къ выбору въ братство. Почетнѣйшіе изъ нихъ, угадавъ его умыселъ и зная личныя расположенія ельтермана, отвергли подносимые этимъ Данайцемъ дары; но, при ревностномъ содѣйствіи русскаго чиновника, принявшаго живое участіе въ этомъ заговорѣ, ельтерману удалось склонить къ подачѣ просьбы довольно богатаго и безукоризненнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ безхарактернаго русскаго купца. Какъ только это дѣло огласилось, всѣ Русскіе, неравнодушные къ участи своихъ однородцевъ, стали ему доказывать противозаконность и опасность поступка, на который онъ рѣшился. Они объяснили ему, что хотя

всѣ они желаютъ вступленія Русскихъ въ братство, но не должны домогаться его какъ милости, еще менѣе путемъ противозаконнымъ; что самъ онъ, соглашаясь подвергнуть себя выбору, а слѣдовательно нарушить законъ 1841 года, вдавался въ западню,—и наконецъ, имъ удалось уговорить его взять свою просьбу назадъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда пріѣхалъ въ Ригу новый генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ. Вѣроятно до васъ уже дошелъ слухъ о первыхъ его дѣйствіяхъ въ Ригѣ, и потому, то, что я долженъ теперь сообщить вамъ, не удивитъ никого. Вы знаете, что при генералѣ Головинѣ, и благодаря ему, дѣйствительный образъ мыслей Остзейцевъ, ихъ расположеніе къ Русскимъ, страданія низшихъ классовъ, страшный произволъ судовъ и управленій были выведены наружу и доказаны. Ему удалось разсѣять успокоительное невѣдѣніе и сладкія заблужденія, которыми Остзейцы въ продолженіе полутораста лѣтъ убаюкивали правительство, такъ что, послѣ него, не было возможности поддаться имъ снова, безсознательно и не кривя душею.

Нѣмцы злились, видя, какъ слетали одинъ за другимъ покровы, такъ тщательно ими вытканные, жаловались во всеуслышаніе на генерала Головина, будто бы оклеветавшаго ихъ передъ правительствомъ. Трудно было этому повѣрить, однако же князь Суворовъ повѣрилъ; и съ этого времени начался поворотъ къ другому образу дѣйствія. Чѣмъ вообще торжество бываетъ внезапнѣе и неожиданнѣе, чѣмъ добрая слава, купленная лестью, незаслуженнѣе, тѣмъ склоннѣе вообще бываютъ люди употреблять первое во зло, а вторую преувеличивать. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Нѣмцы думали только о своемъ оправданіи передъ правительствомъ; теперь они начали увѣрять, что были жертвами неблагодарности со стороны Русскихъ, что не только никогда не думали лишать послѣднихъ пользованія мѣстными преимуществами, но, напротивъ, радушно приглашали ихъ воспользоваться ими, но, къ сожалѣнію своему, не успѣли въ этомъ, вслѣдствіе интригъ разныхъ лицъ, поставившихъ себѣ задачею въ Остзейскомъ краѣ вооружать Русскихъ противъ Нѣмцевъ.

Какъ ни нелѣпа съ перваго взгляда эта выдумка для вся-

каго, хотя поверхностно знакомаго съ Балтійскимъ краемъ, тѣмъ не менѣе, Рижанамъ, удалось навязать ее князю Суворову; а для довершенія мистификаціи, они избрали, какъ доказательство своей неоцѣненной любви къ Русскимъ, дѣло о братствѣ, многимъ даже въ Петербургѣ хорошо извѣстное, и увѣрили его, что не только Нѣмцы не противятся пріему Русскихъ, но даже искренно того желаютъ, и если до сихъ поръ не исполнилось ихъ желаніе, то потому только, что достойнѣйшіе изъ русскихъ купцовъ сами уклонялись отъ братства, а когда одинъ изъ нихъ изъявилъ въ 1847 году желаніе вступить въ него, то неблагонамѣренные люди, раздувающіе племенную вражду, уговорили его взять просьбу свою назадъ, дабы не лишиться возможности жаловаться на притѣсненія. Эти наговоры принесли свой плодъ; подъ ихъ вліяніемъ, князь Суворовъ написалъ на рапортѣ, въ которомъ все дѣло о братствѣ изложено было въ настоящемъ видѣ, слѣдующія слова: честь дороже всего, и потому должно сперва смыть пятно, наложенное на гильдію купцомъ, взявшимъ свою просьбу назадъ.

Итакъ, вытерпѣвъ въ теченіи почти полутораста лѣтъ оскорбительное устраненіе изъ братства, Русскіе должны будутъ еще просить въ томъ извиненія у Нѣмцевъ и почитать себя счастливыми, когда на будущій годъ, при содѣйствіи князя Суворова, и только изъ снисхожденія къ нему, имъ позволятъ подвергнуть себя безотчетному выбору, въ нарушеніе закона 1841 года, и нѣкоторыхъ дѣйствительно удостоятъ пріема, т. е. предоставятъ имъ, въ видѣ большой милости со стороны Нѣмцевъ, то, что давно предоставлено имъ по закону.

Между тѣмъ, одинъ изъ Русскихъ купцовъ, наиболѣе принимавшихъ участіе въ судьбѣ своихъ однородцевъ, рѣшился на послѣднюю попытку для спасенія права, дарованнаго имъ въ 1841 году, и подалъ просьбу въ Сенатъ, въ которой ходатайствовалъ объ отмѣнѣ безотчетнаго выбора и о допущеніи его въ братство на законномъ основаніи. Въ то же время Коммиссія, производившая въ Ригѣ ревизію, представила свой проектъ о преобразованіи городскаго устройства и между прочимъ гильдейскихъ братствъ. Какъ просьба, такъ и проектъ Коммиссіи поступили на разсмотрѣніе князя Суво-

рова, который, основываясь на предполагаемой неясности закона, призналъ необходимымъ оставить безотчетный выборъ; для удовлетворенія Русскихъ предложилъ открыть всѣмъ членамъ гильдіи (братьямъ и не братьямъ) доступъ къ общественнымъ должностямъ замѣщаемымъ по выборамъ, но предоставить братьямъ исключительное право на городскія бенефиціи (мѣста маклеровъ, браковщиковъ и т. д.), которыя раздаются въ награду за исправленіе общественныхъ должностей. Не знаю, пройдетъ ли этотъ проектъ; но если правительство утвердитъ его, то можно безошибочно предсказать его послѣдствія. Сохраняя право безотчетнаго выбора и слѣдовательно безотчетнаго отказа, братство будетъ имѣть возможность устранять всѣхъ тѣхъ изъ Русскихъ, которыхъ оно не возлюбитъ—какъ это и было досель. Между тѣмъ, самыя обременительныя должности падутъ на Русскихъ, которые должны будутъ исправлять ихъ безъ всякой надежды получить за то вознагражденіе въ случаѣ обѣдненія. Мудрено-ли, что они упали духомъ?

Сообразите все изложенное мною и скажите по совѣсти: вѣрите ли вы въ существованіе нѣмецкой партіи и систематической вражды Нѣмцевъ къ Русскимъ?

А если самый вопросъ покажется вамъ излишнимъ, то знайте же, что есть въ Ригѣ Русскіе, щеголяющіе своимъ безпристрастіемъ и которые, бывши очевидцами половины этихъ фактовъ, утверждаютъ, что нѣмецкая партія есть призракъ, и что вражда Нѣмцевъ къ Русскимъ выдумана нами.

V.

Ссылаясь на все изложенное мною въ предшествовавшихъ письмахъ, я, кажется, имѣю право сказать теперь, что современное устройство Остзейскаго края противорѣчитъ основнымъ государственнымъ и общественнымъ началамъ, выработаннымъ новѣйшею исторіею, достоинству и выгодамъ Россіи и, наконецъ, интересамъ самого края. Будучи само по себѣ совершенно искусственно, оно держится не собственною своею крѣпостью, а искусственными же средствами, то есть опорою правительства. Не будь этой опоры, оно рухнуло бы немедленно, не отъ внѣшнихъ ударовъ, но отъ собственной своей ветхости и обременительной многосложности. Но для того, чтобы заинтересовать правительство въ поддержаніи отжившихъ учрежденій, для того, чтобы заставить его тратить силы на неблагодарный и безплодный трудъ, вооружить его противъ собственныхъ его интересовъ, необходимо имѣть на него сильное вліяніе и держать его въ постоянномъ невѣдѣніи. Чтобы быть полновластными господами у себя, Остзейскія привилегированныя сословія должны располагать волею правительства, иными словами: быть господами у насъ. Они давно это поняли; но мы до сихъ поръ не могли еще понять, что Остзейскій вопросъ, по этой самой причинѣ, имѣетъ огромную важность для насъ всѣхъ, для Россіи; ибо, повторяю опять, одно изъ двухъ: или мы будемъ господами у нихъ, или они будутъ господами у насъ.

Чтобы навести на правительство слѣпоту и отвлечь отъ себя его вниманіе, Остзейцы въ теченіе безъ малаго полутораста лѣтъ убаюкиваютъ его изъявленіями своей вѣрности, восхваленіемъ существующей будто бы въ ихъ краѣ законности, а чтобы предупредить всякую попытку улучшеній, распространяютъ мысль о безусловной обязательности привилегій. Изъ этого естественно вытекаетъ, что вмѣшательство правительства было бы неблагодарностью, дѣломъ безполезнымъ и къ тому же беззаконнымъ. Вы, вѣроятно, замѣтили, что неутомимое постоянство, съ которымъ эти понятія распространяются по всѣмъ концамъ Россіи, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Они привились уже во всѣхъ слояхъ нашего общества, и трудно, очень трудно убѣдить въ ихъ ложности того, кто не живалъ въ Остзейскомъ краѣ; не менѣе того, огромный шагъ будетъ сдѣланъ, если захотятъ взглянуть на нихъ прямо и подвергнуть ихъ безпристрастной оцѣнкѣ.

Начнемъ съ вѣрности. Никогда не приходило Русскимъ въ голову выставлять свою вѣрность на показъ и величаться ею какъ заслугою; напротивъ того, Остзейцы, при каждомъ удобномъ случаѣ, гордились своею вѣрностью и требовали за нее наградъ, или, по крайней мѣрѣ, похвалъ. Это обстоятельство непріятно поражало императрицу Екатерину II; въ именномъ указѣ ея 21 марта 1786 года *) на какую-то просьбу дворянства, подкрѣпленную обычнымъ самохвальствомъ, она отвѣчала „что притязанія дворянства здѣшнихъ (т. е. Остзейскихъ) губерній представляются намъ въ такомъ образѣ, какъ будто бы они несли двойную службу и платили отъ имѣній ихъ двойныя подати противъ собратій ихъ въ другихъ губерніяхъ, предъ коими они требуютъ особенныхъ преимуществъ“. Все это естественно наводитъ на мысль, что вѣрность Остзейцевъ иного свойства, чѣмъ вѣрность Русскихъ; и дѣйствительно, между ними существуетъ огромная разница. Ея отрицать нельзя; она проявилась въ послѣднее тяжелое испытаніе нами выдержанное, въ 1812 году. Въ то время какъ съ появленіемъ французскихъ солдатъ, наши крестьяне покидали свои села, оставляя за собою пу-

*) Его нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

стыню и пепелища, Курляндцы покорились Наполеону и признали временное правительство имъ учрежденное. Я знаю, что эта измѣна покрыта всемилостивѣйшимъ манифестомъ; но если въ единственный случай, когда благо государственное требовало жертвы, когда вѣрность дѣйствительно могла бы получить цѣнность заслуги, если въ этотъ случай, ея не достало, то какъ же было въ адресѣ, поданномъ курляндскимъ дворянствомъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, выхвалять: „die in der Vergangenheit wiederholt bewährten loyalen Gesinnungen und die Treue der Kurländischen Ritterschaft gegen den Thron“?*) Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ; но кто жъ въ этомъ случаѣ наглымъ самохвальствомъ шевелитъ прошедшее и вызываетъ обличительныя воспоминанія? Неужели Курляндцы полагаютъ, что не помнить и забыть одно и то же? Но они обѣщаютъ, что впредь этого не будетъ; надѣемся и мы, что впредь не бывать Двѣнадцатому году, и потому, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ доказывалась или докажется впослѣдствіи вѣрность Остзейцевъ, обратимся къ бездоказательнымъ изъявленіямъ ея.

Екатерина II-ая, какъ извѣстно, ввела въ Остзейскій край общія учрежденія о губерніяхъ, о дворянствѣ и о городахъ. Это было, конечно, коренное преобразованіе; но въ сущности оно заключалось лишь въ отмѣнѣ исключительности и въ распространеніи существовавшихъ правъ на цѣлые классы и сословія; не менѣе того, Остзейцамъ показалось, что верховная власть переступила свои законные предѣлы и нарушила права для нея безусловно обязательныя. Вотъ что̀ пишетъ объ этомъ Нейендаль: „какъ ни прискорбно было для лучшей части здѣшнихъ (т. е. рижскихъ) обывателей видѣть наше древнее муниципальное устройство опрокинутымъ, безъ всякой причины, даже безъ всякаго благовиднаго предлога, городское общество въ прежнемъ его составѣ изъ трехъ сословій—упраздненнымъ и принужденнымъ принимать въ свой кругъ всякую сволочь; однако же Рижане не забыли, что были обязаны пребывать вѣрными верховной, надъ ними поставленной вла-

*) Благородный образъ мыслей Курляндскаго дворянства и вѣрность его престолу, многократно доказанные въ прошедшемъ.

сти, и что почти цѣлое столѣтіе протекло въ мирѣ, подъ могущественнымъ скипетромъ Россіи. Поэтому, когда представился случай доказать императрицѣ Екатеринѣ II-й, что были въ Ригѣ люди, сознававшіе свой долгъ, имъ не преминули воспользоваться. Едва началъ король шведскій Густавъ III-й войну съ Россіею, нѣсколько Рижанъ, движимыхъ патріотизмомъ, сговорились доказать государынѣ, что мы не питали приверженности къ Шведамъ, какъ думали напрасно нѣкоторые, и, открывъ подписку, собрали въ короткое время около 30 тысячъ рублей, которые были ей поднесены какъ don gratuit и приняты ею въ знакъ того, что она оцѣнила намѣреніе. Въ числѣ подписчиковъ находились нѣкоторые, слышавшіе въ молодости отъ своихъ родителей, что Шведы, во время ихъ владычества надъ Лифляндіею, имѣли намѣреніе отнять у Рижанъ всю ихъ серебряную посуду, и что контрибуція, на нихъ наложенная въ 1705 г., была такъ тяжела, что, для составленія 7577 рейхсталеровъ и покупки требованныхъ 300 ластовъ ржи, принуждены были брать въ уплату, вмѣсто денегъ, клинки, сѣдла, табакъ, башмаки, пуговицы и т. д.“ Иными словами: правительство, свободнымъ, законодательнымъ актомъ упразднивъ нѣкоторыя привилегіи, тѣмъ самымъ нарушило условіе, обязывавшее насъ къ вѣрности; не менѣе того, памятуя прежнее добро, мы остались вѣрными— это наша заслуга; правда, что при этомъ мы разочли, что подъ шведскимъ владычествомъ приходилось для нашихъ карамановъ въ тысячу разъ хуже. Гдѣ же тутъ заслуга?

Указомъ 28 ноября 1797 года императоръ Павелъ снова ввелъ въ силу всѣ прежнія учрежденія. Остзейцы увидали въ этомъ возстановленіе нарушеннаго права и какъ бы актъ раскаянія со стороны правительства, ручавшійся за неприкосновенность ихъ привилегій на будущія времена. Лифляндское дворянство въ то время занималось опредѣленіемъ нормы крестьянскихъ повинностей, или составленіемъ регулатива, который былъ поднесенъ императору Павлу ландратомъ Сиверсомъ при слѣдующемъ адресѣ: „Да позволитъ Ваше Императорское Величество повергнуть къ стопамъ Вашимъ трудъ, созрѣвшій подъ благотворнымъ вліяніемъ Вашего великодушія. Онъ есть плодъ указа 28 ноября. Примѣръ

справедливости, поданный Вашимъ Величествомъ, возбудилъ въ сердцахъ такое же чувство, и хрупкія оковы произвола были превращены въ неразрывныя узы любви и довѣренности. Нашъ Великій Монархъ приковалъ насъ къ Своему Престолу собственными нашими правами, и у насъ цѣпь правомѣрныхъ отношеній распространилась на низменные слои народа".

Откиньте риторическія украшенія, и вы найдете ту же мысль: долгъ вѣрности обусловливается неприкосновенностью привилегій. Вчитайтесь въ адресы, поданные дворянствами лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ въ нынѣшнемъ году. Вы опять ее встрѣтите. Я не имѣю двухъ первыхъ адресовъ подъ рукою, но помню ихъ содержаніе, а для примѣра, приведу вамъ отрывокъ изъ курляндскаго, при томъ въ подлинникѣ, боясь ослабить его въ переводѣ: Die in der Vergangenheit wiederholt bewährten (?!) loyalen Gesinnungen und die Treue der Kurländischen Ritterschaft gegen den Thron finden ihre Stütze sowohl in dieser, ihr von ihren Ahnen angestammten Ritterpflicht, als in der Dankbarkeit gegen den gerechten Herrscher, welcher Kurland Schutz für Glauben, Nationalität und überkommene Verfassung huldreich gewährt. Diese Gesinnungen bürgen auch bei den allgemeinen Zeitbewegungen der Gegenwart dafür, dass Kurland, nach wie vor, in der unwandelbaren Treue und Ergebenheit an Herrscher und Thron seinen gerechten Stolz und seine wahre Ehre finden wird *) и т. д.

Въ этомъ видѣ составлена была первоначальная редакція этого адреса, но когда она была представлена на предварительное одобреніе князя Суворова, ему показалось стран-

*) «Благородный образъ мыслей Курляндскаго дворянства и вѣрность его престолу, многократно доказанные въ прошедшемъ (?!), находятъ свою опору, какъ въ наслѣдственномъ чувствѣ рыцарскаго долга, такъ и въ чувствѣ признательности къ справедливому монарху, милостиво охраняющему вѣру, *національность* и древніе законы Курляндіи. Этотъ образъ мыслей, при современныхъ всеобщихъ потрясеніяхъ, служитъ порукою въ томъ, что Курляндія, въ настоящее время какъ и въ прошедшемъ, будетъ полагать законную гордость и истинную честь свою въ непоколебимой вѣрности и преданности къ монарху и престолу».

нымъ, что сословіе курляндскихъ рыцарей присвоивало себѣ значеніе націи, и, какъ будто, распространяло свое племенное опредѣленіе на всю страну; поэтому, онъ предложилъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя были признаны справедливыми, и составители адреса немедленно вычеркнули слово Nationalität, такъ что въ теченіе двухъ или трехъ дней они успѣли изъ сословія пожаловать себя въ націю, и, вслѣдъ затѣмъ, изъ націи разжаловать себя въ сословіе. Само собою разумѣется, что все это сдѣлано было по внутреннему убѣжденію; ибо рыцарскій духъ, конечно, не позволилъ бы отречься вопреки убѣжденію. Однако же, скорость и легкость этого обращенія, какъ кажется, заставили князя Суворова усомниться въ его искренности; но нашелся добрый человѣкъ, который разрѣшилъ его недоумѣніе: „Курляндцы, говорилъ онъ, совсѣмъ не съ тою цѣлію упомянули о своей національности, чтобы чрезъ это провести черту между собою и Русскими; но, увлеченные порывомъ признательности, они старались какъ можно болѣе подобрать причинъ быть благодарными; упомянули о вѣрѣ своей, объ учрежденіяхъ, наконецъ, попалась имъ на языкъ и національность — они се туда же. Вотъ въ чемъ дѣло, а не въ чемъ либо другомъ!“ Это объясненіе совершенно удовлетворило князя Суворова, и адресъ Курляндцевъ, безъ слова Nationalität, былъ имъ поднесенъ Государю, какъ правдивое выраженіе образа мыслей дворянства. Я заговорилъ съ вами объ адресахъ, но забылъ объяснить по какому поводу они были сочинены. Нужно знать, что съ нѣкотораго времени Остзейцы начали жаловаться на какихъ-то недоброжелателей, будто бы распустившихъ про нихъ худую славу и заподозрившихъ ихъ вѣрность и преданность въ глазахъ правительства. Кто распускалъ эти слухи, кто внушалъ правительству нелѣпыя опасенія — до этого никто никогда добраться не могъ. Дѣло въ томъ, что какъ недоброжелатели, такъ и самые слухи и сомнѣнія, все это изобрѣтеніе самихъ Остзейцовъ, посредствомъ котораго они придаютъ себѣ видъ гонимыхъ и оклеветанныхъ, чѣмъ, разумѣется, возбуждаютъ въ обществѣ соболѣзнованіе и участіе. Кромѣ того, эта же выдумка служитъ имъ для того, чтобы придать видъ какой-то незаслуженной и оскорбительной мести

административнымъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ. Напримѣръ, правительство запрещаетъ дворянамъ притѣснять крестьянъ, переходящихъ въ православіе, старается расширить въ городахъ свободу промысловъ, ввести русскій языкъ въ училищахъ и т. д. „За что, восклицаютъ Остзейцы, преслѣдуетъ насъ правительство! Развѣ не служимъ мы ему вѣрою и правдою, развѣ поколебалась наша вѣрность; за что же гоненіе на вѣрноподданныхъ Государя? и тому подобное. И эти жалобы производятъ эффектъ. Отъ частаго ихъ повторенія, многіе изъ Остзейцевъ, какъ кажется, дѣйствительно убѣдились, что правительство слѣдитъ за ними съ безпокойствомъ и чего то опасается. Поэтому, когда въ послѣднихъ мѣсяцахъ начались неожиданныя потрясенія на Западѣ, они рѣшили, что наступило время успокоить и ободрить оробѣвшее правительство, надѣясь черезъ это получить отъ него нѣсколько похвалъ, которыя, при случаѣ, послужили бы имъ средствомъ отклонить отъ себя отвѣтственность по разнымъ уже возбужденнымъ вопросамъ. И вотъ, дворянство всѣхъ трехъ губерній и города Ревель и Рига поднесли правительству успокоительные адресы. Въ нихъ выражена была въ различныхъ оборотахъ болѣе или менѣе ясно все та же мысль, т. е., что вѣрность края проистекаетъ отъ благодарности за сохраненіе привилегій, и потому, пока привилегіи цѣлы, Остзейцы не затѣютъ бунта, не пойдутъ на Москву войною, не призовутъ Пруссаковъ въ наши предѣлы. Итакъ, теперь мы можемъ благодарить Бога и быть спокойными; но самая увѣренность въ настоящей безопасности съ этой стороны даетъ возможность спокойно измѣрить опасность, которая могла бы намъ угрожать, если бы въ сердцахъ Остзейцевъ не было рыцарскаго духа и всепрощающей вѣрности. Вѣрность—свойство прекрасное, и почему же не изъявлять ея, когда, какъ выражаются Эстляндцы въ своемъ адресѣ, чувствуется неодолимѣйшая къ тому потребность; но мнѣ кажется, что это свойство въ томъ только случаѣ имѣетъ цѣну, когда оно свободно, а не вынуждено; что обѣщаніе вѣрности имѣетъ смыслъ, когда быть или не быть вѣрными лежитъ во власти обѣщающихъ. Но таково ли положеніе Остзейцевъ? Замѣтьте, что изъявленія идутъ всегда отъ лица привилегиро-

ванныхъ сословій, то есть отъ гражданъ въ тѣсномъ смыслѣ и отъ рыцарства. Но дѣйствительно ли владычество ихъ въ цѣломъ краѣ такъ твердо и надежно, что отъ нихъ бы зависѣло поднять его на Россію? Въ случаѣ измѣны, или замысла измѣнить, неужели не нашли бы они подлѣ себя препятствій и преградъ? Граждане составляютъ едва ли треть всѣхъ городскихъ обывателей; первые промышляютъ вторыми и боятся ихъ, боятся до такой степени, что рижскій магистратъ не смѣлъ позволить имъ выбирать присяжныхъ; вторые, то есть обыватели не граждане, обречены на самую жалкую участь и не совсѣмъ хорошо расположены къ гражданамъ. Большинство гражданъ состоитъ изъ Нѣмцевъ; большинство обывателей—изъ Русскихъ, Латышей и Жидовъ; граждане живутъ въ городахъ, обыватели въ предмѣстьяхъ, такъ что первые окружены враждебнымъ классомъ и находятся какъ бы въ вѣчной осадѣ. Что же касается до помѣщиковъ, то я сошлюсь на собственныя ихъ показанія въ послѣднихъ годахъ. Если въ толпѣ крестьянъ, собравшихся въ корчмѣ, поднимался говоръ, если пять или шесть человѣкъ собирались въ приходскую церковь для изъявленія желанія перейти въ православіе, если показывался вдали русскій священникъ, помѣщики дрожали, писали въ Петербургъ, что жизнь ихъ висѣла на волоскѣ, пугали правительство разсказами о бунтахъ и волненіяхъ, и выпрашивали себѣ казаковъ для защиты отъ раздраженнаго народа. Мнѣ кажется, одно изъ двухъ: или весь край въ заговорѣ противъ привилегированныхъ сословій и только защита правительства предохраняетъ ихъ отъ гибели, и тогда вынужденная страхомъ приверженность къ правительству не стоитъ похвалъ; или граждане клевещутъ на обывателей, а дворяне на крестьянъ, что также немного принесло бы имъ чести. Я знаю, что послѣднее предположеніе ближе къ истинѣ, чѣмъ первое, что граждане боятся не безпорядковъ, а подрыва въ промыслахъ; знаю также, что пока не тронутся помѣщики, не дотронутся до нихъ и крестьяне; но не менѣе увѣренъ я и въ томъ, что никогда дворянство и города не дѣйствовали и не будутъ дѣйствовать вмѣстѣ и за одно; что при первомъ движеніи, весь край поднимется не за нихъ, а на нихъ; что форштатскіе обыватели ворвутся въ города, а крестьяне пе-

рехватаютъ рыцарей. Кто сколько нибудь изучалъ прошедшее Балтійскаго края и видѣлъ его настоящее положеніе, для того это очевидно, и вотъ почему многимъ, даже изъ Нѣмцевъ, показались странными похвалы, которыми, въ послѣдній проѣздъ свой черезъ Дерптъ, графъ Уваровъ осыпалъ студентовъ, не давшихъ увлечь себя западному революціонному вихрю. Ужъ если такъ, то напрасно обидѣли рижскихъ гимназистовъ: весь городъ засвидѣтельствуетъ, что въ самое то время, когда колебались престолы, они спокойно изучали грамматику Цумпта, не портили мостовой и даже не воспользовались случаемъ вытребовать уменьшенія часовъ ученія.

Итакъ, вѣрность Остзейцевъ обусловлена подразумѣваемымъ контрактомъ, т. е. неприкосновенностью привилегій или бездѣйствіемъ правительства, и вынуждена чувствомъ самосохраненія. Другаго отъ нихъ и требовать нельзя; вѣрность безусловная и свободная, готовность на жертвы, все это идетъ изъ другихъ источниковъ, невѣдомыхъ обществу, для котораго не существуетъ отчизны. Послѣдствія любви и нелюбви не могутъ быть одинаковы. Если основаніемъ внутренняго и внѣшняго быта цѣлаго общества служитъ не любовь, а егоизмъ и разобщеніе, если долговременное служеніе сословному своекорыстію изсушило въ немъ душу и сдѣлало его неспособнымъ къ свободнымъ сочувствіямъ и неразсчетливымъ увлеченіямъ, можно и должно жалѣть о немъ, но нельзя винить частныхъ людей или одно поколѣніе за историческое преступленіе цѣлаго общества. Имъ можно бы только присовѣтовать держать себя поскромнѣе и не вымаливать похвалъ пламенными изъявленіями, ибо кто можетъ хвалиться вѣрностью, тотъ значитъ худо понимаетъ, что измѣна позорна.

Всѣ мы наслышались отъ Остзейцевъ, что край ихъ можетъ служить образцомъ строгой законности.

Разсмотримъ до какой степени эта молва согласна съ правдою. Первое условіе законности есть, мнѣ кажется, существованіе законовъ; я разумѣю не сколькихъ нибудь и не какихъ нибудь законовъ, но вопервыхъ, въ достаточномъ количествѣ для опредѣленія и разрѣшенія всѣхъ существенныхъ отношеній и юридическихъ вопросовъ; вовторыхъ, я разумѣю законы, годные въ настоящемъ быту, способные быть приложен-

ными; втретьихъ, считаю необходимымъ ясное разграниченіе законовъ дѣйствующихъ отъ законовъ утратившихъ силу; и наконецъ, полагаю существеннымъ условіемъ, чтобы законы были доступны каждому.

Для примѣра изберу Ригу, не потому только, что я изучалъ ея устройство, но потому еще, что законы рижскіе служили образцами для другихъ городовъ лифляндскихъ, изъ которыхъ многіе не дошли до той степени юридическаго развитія, на которой остановилась Рига, но ни одинъ не пошелъ далѣе.

Въ Ригѣ дѣйствуютъ доселѣ, по части гражданской, уголовной, полицейской и торговой, городскіе статуты или такъ называемое Рижское право. Происхожденіе его относится, по всей вѣроятности, къ XIII вѣку: отъ этого времени до конца XVI вѣка оно испытало не менѣе четырехъ редакцій. Въ началѣ XVI вѣка граждане начали жаловаться на его неудовлетворительность и требовать дополненій и исправленій; магистратъ, которому принадлежала законодательная власть, торжественно обѣщалъ это исполнить въ 1604 г. и не исполнилъ во все продолженіе польскаго владычества, не смотря на частыя понужденія. Въ то время рижскіе статуты были такъ уже недостаточны и неопредѣленны, что правительство и сами граждане обращались нѣсколько разъ къ магистрату съ вопросомъ: какое именно право дѣйствовало въ рижскихъ судахъ, и не могли добиться положительнаго отвѣта. Шведское правительство также долго и безуспѣшно требовало исправленія городскихъ статутовъ и обнародованія ихъ; наконецъ магистратъ составилъ новую редакцію и послалъ ее въ Стокгольмъ; но тамъ ея не утверждали. Не менѣе того, она вошла въ силу и была нѣсколько разъ перепечатываема. Послѣднее изданіе относится къ 1798 году. Въ него вошли дополнительныя статьи изъ шведскихъ королевскихъ резолюцій и нѣсколькихъ сенатскихъ указовъ, которые присовокуплены въ видѣ дополненія, такъ что издатели даже не взяли на себя труда размѣстить ихъ по принадлежности. Съ тѣхъ поръ, до городскихъ статутовъ не дотрогивались, изъ чего уже можно вывести несомнѣнное заключеніе о ихъ недостаточности въ настоящее время; но это еще болѣе под-

тверждается разсмотрѣніемъ ихъ содержанія. Они состоятъ изъ шести книгъ, заключающихъ въ себѣ около 400 статей, не считая дополненій, и тутъ вмѣщено: судоустройство, законы гражданскіе, уголовные, полицейскіе, торговые, морское и вексельное право. Я не говорю уже о совершенномъ отсутствіи строгой системы въ расположеніи, но спрашиваю: можно ли предположить, чтобы, при такомъ объемѣ, каждая отдѣльная часть удовлетворяла современнымъ потребностямъ? Очевидно, что нѣтъ. Наконецъ должно замѣтить, что это изданіе составляетъ почти библіографическую рѣдкость, которой вы не найдете ни въ одной книжной лавкѣ и не у всякаго ратсгера. Поэтому, почти никто не знаетъ и не можетъ узнать здѣшнихъ законовъ, кромѣ адвокатовъ, обладающихъ этою тайною, что̀ для нихъ, разумѣется, очень выгодно; но каково же тяжущимся, которые обязаны безусловно вѣрять свои интересы этимъ, не всегда надежнымъ руководителямъ? Обратимся къ законамъ, опредѣляющимъ городскія учрежденія и права состояній. Рижское муниципальное устройство окончательно установилось при шведскомъ владычествѣ; съ этого времени, оно уже не развивалось изъ самого себя, а претерпѣвало частныя видоизмѣненія, исходившія отъ правительства; между тѣмъ, до изданія Свода узаконеній для губерній Остзейскихъ, Рига не имѣла общаго городоваго положенія; уставы различныхъ городскихъ учрежденій и сословій не были между собою согласованы и не составляли цѣлаго. То же самое должно сказать о каждомъ изъ нихъ отдѣльно взятомъ. Коммиссія, ревизовавшая Рижское хозяйственное и сословное управленіе, потребовала уставовъ большой гильдіи, или купеческаго сословія, отъ ельтермана его и отъ магистрата. Первый отвѣчалъ, что гильдія имѣла: древніе шраги XIV вѣка, передѣланные въ началѣ XVII, но вышедшіе изъ употребленія по обветшалости ихъ; другой уставъ, извѣстный подъ названіемъ тридцати двухъ королевско шведскихъ конфирмованныхъ пунктовъ 13 марта 1680 года, имѣющій силу закона; сводъ гильдейскихъ узаконеній, составленный около конца XVIII вѣка, и болѣе ничего. Между тѣмъ, магистратъ, кромѣ этихъ актовъ, представилъ другую редакцію 32 пунктовъ 20 апрѣля 1680 г. и королевскую резолюцію 16 февраля 1681

года. По разсмотрѣніи всего этого, оказалось, что первая редакція 32 пунктовъ (представленная ельтерманомъ) въ самыхъ важныхъ ея статьяхъ была отмѣнена второю, какъ сказано въ предисловіи къ ней, слѣдовательно не имѣла силы закона; что вторая не была утверждена шведскимъ правительствомъ, какъ видно изъ резолюціи 1681 года, слѣдовательно, также не имѣла силы; что эта резолюція содержала въ себѣ только двѣ утвержденныя статьи; наконецъ что сводъ XVIII вѣка не былъ никѣмъ утвержденъ, и что во всѣхъ спискахъ его за статьею 59-й слѣдовала 61-я, а для 60-й оставлено пустое мѣсто, такъ что этотъ сводъ есть очевидно ничто иное какъ недодѣланный проэктъ. Итакъ, большая гильдія, составляющая ядро рижскаго общества гражданъ, самое значительное изъ городскихъ сословій, до изданія Свода, имѣла не болѣе двухъ статей дѣйствительно заслуживавшихъ названіе законовъ. Замѣтьте при этомъ, что ни одинъ изъ этихъ памятниковъ никогда не выходилъ печатно. Коммиссія потребовала также цеховыхъ уставовъ; ихъ прислали цѣлую груду. Нѣкоторые восходили до XIV и XV вѣковъ, другіе изданы были въ началѣ или серединѣ текущаго столѣтія; нѣкорые писаны были на древне-нѣмецкомъ нарѣчіи, другіе на нынѣ употребительномъ; нѣкоторые испытали нѣсколько передѣлокъ, другіе оставались въ первобытномъ видѣ; нѣкоторые были чрезвычайно кратки, другіе обременены пустыми подробностями. Съ перваго на нихъ взгляда, можно было убѣдиться, что большая половина содержавшихся въ нихъ постановленій давно вышла изъ употребленія, но, дабы имѣть о томъ точныя свѣдѣнія, коммиссія потребовала, чтобы цеховый судъ отмѣтилъ красными чернилами въ цеховыхъ шрагахъ все, что утратило силу закона; на это судъ объявилъ, что онъ не въ состояніи исполнить означенное требованіе, слѣдовательно оффиціально сознался въ невѣдѣніи законовъ, по которымъ онъ судилъ, и коммиссія должна была обратиться съ тѣмъ же запросомъ къ ельтерманамъ всѣхъ цеховъ. По окончаніи этой работы оказалось, что нѣсколько цеховъ отвергали свои уставы безусловно, какъ совершенно негодные; другіе признавали дѣйствующими доселѣ иногда 3, иногда 4, иногда 5 статей, а между тѣмъ, въ числѣ статей неотмѣченныхъ, мы нашли на-

примѣръ, что въ цехѣ переплетчиковъ велѣно принимать на выучку однихъ только Нѣмцевъ, за исключеніемъ всѣхъ другихъ націй; въ прагахъ извощиковъ найдены были статьи несогласныя съ печатнымъ для нихъ Положеніемъ, изданнымъ губернскимъ правленіемъ, и на запросъ коммиссіи, цехъ отвѣчалъ, что онъ этого Положенія потому не исполняетъ, что оно ему показалось слишкомъ строгимъ.

Общаго ремесленнаго устава Рига также не имѣетъ. Вообще, къ какой бы отрасли законодательства вы ни обратились, вы найдете богатые сборники законовъ различныхъ вѣковъ, и не найдете ни одного свода дѣйствующихъ узаконеній. Поэтому, ни частныя лица, ни сами присутственныя мѣста не могутъ знать напередъ, на какомъ основаніи долженъ быть разрѣшенъ тотъ или другой частный случай. Можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, сошлются на старый, отмѣненный законъ, а можетъ быть—на новый, ибо старое отъ новаго, дѣйствующіе законы отъ утратившихъ силу не отдѣлены, и даже не ощущаютъ потребности отдѣлить ихъ. Изъ тысячи примѣровъ, мнѣ извѣстныхъ, укажу вамъ на нѣкоторые. Законами XVII вѣка запрещается рижскимъ гражданамъ, покупающимъ товары, привозимые изъ уѣздовъ, изъ Россіи и Литвы, какъ-то: хлѣбъ, ленъ, пеньку и проч., перепродавать эти товары непосредственно заморскимъ купцамъ; вмѣсто того, поставлено въ обязанность продать ихъ гражданину рижскому, который въ свою очередь перепродастъ ихъ иностранцамъ. Но этого закона съ давнихъ уже лѣтъ не исполняли; однако же, въ предпрошломъ году, въ то время, какъ одинъ изъ здѣшнихъ купцовъ, торгующихъ льномъ, готовился сдать въ корабль выписанный имъ изъ внутреннихъ губерній товаръ, кто-то, ссылаясь на изложенный выше законъ, вытребовалъ наложеніе запрещенія на всю партію льна. Хозяинъ ея подалъ на это жалобу, и завязался процессъ. Торговый судъ, долженствовавшій рѣшить это дѣло, пришелъ въ недоумѣніе: по уставамъ XVII вѣка выходило такъ, по позднѣйшимъ законамъ иначе; бѣдные судьи долго бились и, наконецъ, рѣшили упросить того, кому принадлежалъ ленъ, взять назадъ свою жалобу и не давать дѣлу хода, обѣщая ему впредь его не тревожить, а вопросъ, по со-

знанію самихъ судей, остался нерѣшеннымъ. Если въ такомъ положеніи находятся законы торговые въ городѣ, который живетъ торговлею и въ которомъ двѣ трети чиновниковъ, какъ по части судебной такъ и по управленію, принадлежитъ къ купеческому сословію, то можно легко себѣ представить, до чего простирается шаткость и неопредѣленность законовъ по другимъ предметамъ. Другое разительное доказательство представляютъ свѣдѣнія, сообщенныя городскимъ начальствомъ по требованію правительства, съ того времени, какъ оно стало заниматься внутреннимъ устройствомъ рижскаго общества. Сравните изложеніе городской конституціи, составленное комитетомъ 1805 года, съ объясненіями магистрата на жалобы Русскихъ въ 1826 и 1840 годахъ, и вы найдете множество противорѣчій въ самыхъ важныхъ вопросахъ, напримѣръ, о пріобрѣтеніи права гражданства, о вступленіи въ гильдіи, въ братства и цехи. Конечно, въ этомъ случаѣ, магистратъ избѣгалъ ясности и строгости изложенія; но нельзя не сознаться, что городскіе законы удивительно помогали ему во всѣхъ его изворотахъ и противорѣчіяхъ. Всего ощутительнѣе доказывается жалкое состояніе законодательства рѣшеніями по дѣламъ тяжебнымъ. Рѣдко, рѣдко найдете вы въ которомъ-нибудь изъ нихъ ссылку на законъ, и не мудрено, когда нѣтъ законовъ. Отъ этого всѣ дѣлопроизводства имѣютъ видъ какихъ-то разсужденій на заданную тему, или точнѣе диспутовъ. Неограниченное поприще отверсто для велерѣчія адвокатовъ: кто ссылается на мѣстный законъ, кто на Римское право, кто на сочиненіе какого-нибудь юриста; а судьи, выслушавъ обѣ стороны, рѣшаютъ дѣло по отвлеченнымъ началамъ чистаго разума.

Я говорилъ вамъ объ одной Ригѣ; земскіе законы мнѣ почти неизвѣстны, но я имѣю причины думать, что они едва ли находятся въ лучшемъ состояніи. Лифляндскій прокуроръ сознавался мнѣ въ крайней необходимости скорѣйшаго изданія другихъ частей мѣстнаго Свода, ибо, по его словамъ, по части судопроизводства уголовнаго, присутственныя мѣста не имѣли другаго руководства, кромѣ изслѣдованія ландрата Самсона подъ заглавіемъ: der Process in Livland. А между тѣмъ, вотъ что дѣлается. Въ прошломъ году, генералъ-

губернаторъ поручилъ жандармскому полковнику произвести совокупно съ уѣзднымъ исправникомъ слѣдствіе по какой-то жалобѣ, поданной крестьяниномъ. Этотъ чиновникъ, собравшись ѣхать, пришелъ уговориться съ исправникомъ, который очень удивился его поспѣшности и объявилъ ему, что, по мѣстному обычаю, слѣдователь сперва вызываетъ къ себѣ челобитчика, гдѣ бъ онъ ни жилъ, распрашиваетъ его, и уже въ томъ случаѣ, если дѣло покажется ему стоющимъ вниманія, отправляется на мѣсто.

Въ другой разъ, курляндскій крестьянинъ подалъ жалобу на исправника, который, *во время допроса*, велѣлъ дать ему сорокъ палочныхъ ударовъ, и когда потребованы были по этому дѣлу объясненія, исправникъ подтвердилъ справедливость этого показанія, и оберъ-гофгерихтъ оправдалъ его, объявивъ, что такъ поступаютъ со временъ маркиза Паулуччи, узаконившаго этотъ обычай.

Рижскій канцелярскій чиновникъ подалъ жалобу на одного изъ здѣшнихъ дворянъ, будто бы назвавшаго его при свидѣтеляхъ взяточникомъ. Отвѣтчикъ потребовалъ, чтобы сперва названы ему были свидѣтели, отказываясь дать отвѣтъ на неподкрѣпленное ничѣмъ показаніе. Обвинитель, съ своей стороны, свидѣтелей не нашелъ, или не захотѣлъ назвать; дѣло тянулось долго, но не двигалось ни на шагъ; надобно было однако покончить его чѣмъ нибудь. Судъ постановилъ, что хотя обвинитель и не доказалъ справедливости своей жалобы, но за то и обвиненный хотя и не призналъ ея, но и не отрицалъ формально; а потому: отпустить обоихъ, взыскавъ съ нихъ пополамъ судебныя издержки. Итакъ, по дѣлу о нанесенномъ безчестіи, самый фактъ (corpus delicti), то есть обида признана была недоказанною; между тѣмъ, обвинитель не былъ признанъ виновнымъ въ неоправданномъ извѣтѣ; обвиненный не былъ признанъ безусловно-невиннымъ, и оба должны были платить издержки, которыя взыскиваются всегда съ виновнаго. Зная лично судью, я готовъ поручиться за его честность и добросовѣстность, но не думаю, чтобы подобное рѣшеніе могло состояться въ странѣ, гдѣ сколько-нибудь укоренились элементарныя понятія о законности.

Всего замѣчательнѣе то, что здѣсь какъ будто даже не со-

знаютъ ея потребности; напротивъ того, присутственныя мѣста и сословныя представительства, присвоивающія себѣ законодательную власть, питаютъ какое-то отвращеніе къ яснымъ и положительнымъ законамъ; они хорошо понимаютъ, что съ возведеніемъ обычая въ сферу писаннаго права, хотя и облегчится ихъ обязанность, но за то ограничится ихъ произволъ, отнимется возможность давать мѣсто всякаго рода Privat-Rücksichten и, наконецъ, начнется повѣрка ихъ дѣйствій, при нынѣшнемъ порядкѣ невозможная. Вотъ почему, въ продолженіи шведскаго владычества и въ первыя сто лѣтъ русскаго, когда Остзейскому краю дано было и время, и вся возможность составить себѣ полный сводъ узаконеній, онъ не захотѣлъ, или не былъ въ состояніи совершить этотъ трудъ, не столько по причинѣ безпечности, сколько отъ укоренившейся привычки къ произволу. Наконецъ, наше правительство сдѣлало для Остзейцевъ то, чего они не хотѣли сами для себя сдѣлать; я разумѣю изданіе двухъ первыхъ томовъ Свода мѣстныхъ узаконеній, содержащихъ въ себѣ учрежденія и права состояній. Генералъ Головинъ, характеризуя въ рапортѣ Государю значеніе этого законодательнаго акта, писалъ между прочимъ: „Мѣра эта, къ исполненію которой постоянно, но безуспѣшно, стремились въ Балтійскомъ краѣ правительства польское и шведское, составитъ несомнѣнно важнѣйшую эпоху для здѣшнихъ губерній, со времени присоединенія ихъ къ Россіи; ибо, опредѣляя настоящій смыслъ и объемъ привилегій, даетъ главному мѣстному начальству возможность повѣрять законность дѣйствій административныхъ и сословныхъ учрежденій въ краѣ; признаніемъ русскаго текста Свода за подлинный и обязательный, лучше всего обезпечитъ успѣхъ постоянныхъ, со временъ Петра Великаго, стараній правительства о распространеніи между нѣмецкимъ народонаселеніемъ знанія русскаго языка сохраняя въ своей силѣ права и преимущества высочайше дарованныя Балтійскому краю, тѣмъ не менѣе введетъ его въ общую систему законодательства Имперіи и, обнаруживъ всѣмъ доступнымъ образомъ многіе въ здѣшнихъ учрежденіяхъ недостатки, значительно облегчитъ устраненіе ихъ".

Но по тѣмъ же самымъ причинамъ, можно было ожидать,

что присутственныя мѣста и представители сословій напрягутъ всѣ силы для того, чтобы помѣшать введенію Свода въ дѣйствіе. Въ 5-мъ пунктѣ манифеста, при которомъ онъ былъ распубликованъ, сказано было, что „мѣстнымъ Сводомъ (какъ и общимъ Сводомъ Имперіи) не измѣняются ни въ чемъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій, а оныя только приводятся въ единообразіе и систему". Кажется очевидно, что эти слова опредѣляютъ характеръ изданнаго акта и разницу между Сводомъ Законовъ и Уложеніемъ; не менѣе того, Остзейцы, перетолковавъ ихъ по своему, придали изданному Своду значеніе сборника не безусловно-обязательнаго, поставили его на одномъ ряду съ другими источниками и сочиненіями юристовъ и стали повѣрять не обычай Сводомъ, а Сводъ укоренившимся обычаемъ, называя всѣ отступленія на практикѣ отъ закона невѣрностями или ошибками въ его изложеніи. Очевидно, что если бы дали успѣться этому толкованію, то исчезла бы вся польза, ожидаемая отъ Свода, и потому генералъ Головинъ исходатайствовалъ отъ Сената пояснительный указъ, въ которомъ постановлено было: „считать всѣ статьи Свода безусловно-обязательными и, во всѣхъ случаяхъ, не вошедшихъ въ составъ его, руководствоваться общими законами Имперіи; если же отъ примѣненія статей Свода мѣстныхъ или общихъ узаконеній послѣдуетъ какое-либо значительное нарушеніе существовавшихъ доселѣ правъ, то предоставить присутственнымъ мѣстамъ и сословіямъ просить объ измѣненіи означенныхъ статей установленнымъ въ законѣ порядкомъ, съ обязанностью, до рѣшенія по сему предмету высшаго правительства, руководствоваться точнымъ смысломъ законовъ". Произволъ, вѣками укоренившійся и возведенный въ систему, конечно, не могъ быть побѣжденъ однимъ указомъ; не менѣе того, указъ этотъ имѣлъ огромную важность, ибо опредѣлялъ цѣль, давалъ средства постепенно къ ней приближаться и подрывалъ всякое противодѣйствіе въ его основаніи. Но этотъ результатъ, доставшійся не безъ многихъ трудовъ и составлявшій честь управленія генерала Головина, теперь упускаетъ изъ рукъ его преемникъ, руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе вдохновеніемъ, чѣмъ закономъ, и уже успѣвшій утвердить нѣсколько предположе-

ній здѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, прямо противныхъ закону.

Другая причина, препятствующая строгой законности въ Остзейскомъ краѣ, также обнаруженная генераломъ Головинымъ, заключается въ томъ, что здѣшнія присутственныя мѣста, въ сущности только судебныя или распорядительныя, равно какъ и сословныя представительства, позволяютъ себѣ нерѣдко законодательныя постановленія и даже отмѣну или ограниченіе общихъ законовъ. Это неумѣстное присвоеніе законодательной власти и раздробленіе ея не только препятствуетъ соглашенію законовъ между собою, но даже чрезвычайно затрудняетъ ихъ изученіе.

Я знаю, что на все это возражаютъ обыкновенно тѣмъ, что признаніе за единственное руководство какой бы то ни было книги разрываетъ нить юридическихъ преданій и слѣдовательно останавливаетъ развитіе законодательства; что устраненіе обычая разлучаетъ сферу права съ жизнью и обращаетъ судопроизводство въ механическую дѣятельность. Не отрицаю силы этихъ возраженій, но мнѣ кажется, что они не примѣняются къ Остзейскому краю по двумъ причинамъ: преданіе важно тамъ, гдѣ юридическія отношенія дѣйствительно развиваются; но постепенное замираніе самобытнаго законодательства въ Остзейскомъ краѣ, начиная съ половины XVII вѣка, ясно доказываетъ, что развитіе окончилось, по крайней мѣрѣ, что прежніе источники его исчерпаны, а новыхъ не хотятъ признать; вовторыхъ, едва ли можно допустить, чтобы право руководствоваться обычаемъ или чѣмъ бы то ни было, кромѣ утвержденнаго закона, могло быть безъ явнаго вреда предоставлено низшимъ присутственнымъ мѣстамъ; и потому я думаю, что ихъ участіе въ развитіи законодательства должно ограничиваться представленіемъ проэктовъ верховной законодательной власти.

Изъ всего этого я вывожу, что при нынѣшней неудовлетворительности законовъ, при укоренившемся пристрастіи къ обычному произволу, при раздробленіи законодательной власти, не можетъ быть въ Остзейскомъ краѣ строгой законности въ ходѣ судопроизводства и управленія, не смотря на ученое юридическое образованіе здѣшнихъ чиновниковъ,

которому я отдаю полную справедливость, и на усердіе, безкорыстіе и добросовѣстность многихъ изъ нихъ.

Третье препятствіе заключается въ самомъ устройствѣ присутственныхъ мѣстъ, доселѣ основанномъ на обветшалыхъ началахъ, давно уже отвергнутыхъ во всей Европѣ.

Первое, что должно поразить при обозрѣніи здѣшнихъ учрежденій, это ихъ односторонній, сословный характеръ и сочетаніе въ ихъ вѣдомствахъ несовмѣстныхъ дѣятельностей. Земскія присутственныя мѣста состоятъ исключительно изъ матрикулированныхъ дворянъ, или членовъ рыцарства; между тѣмъ они вѣдаютъ дѣла всѣхъ дворянъ, какъ матрикулированныхъ, такъ и не матрикулированныхъ. Учрежденіе судовъ на основаніи начала сословнаго представительства кажется мнѣ вообще мыслью ложною; но это вопросъ спорный, и я оставляю его въ сторонѣ; во всякомъ случаѣ, если это начало принято, то слѣдовало бы непремѣнно дозволить дворянамъ, не принадлежащимъ къ рыцарству, назначать отъ себя засѣдателей.

Городскія учрежденія также состоятъ исключительно изъ гражданъ. Учрежденія для духовенства дѣлятся на городскія и земскія, что даже противно принятому началу, ибо духовенство составляетъ цѣльное, самостоятельное сословіе. Всѣ городскія судебныя мѣста состоятъ изъ членовъ одного сословія, магистратскаго, за исключеніемъ всѣхъ прочихъ, которыя однако подчинены магистратамъ. Итакъ, здѣсь начало сословнаго представительства нарушено, и, кромѣ того, вопреки всѣмъ здравымъ понятіямъ, членамъ присутственныхъ мѣстъ придано значеніе самостоятельнаго сословія.

Вы видите, что средневѣковое разъединеніе сословій здѣсь еще въ полной силѣ, за то въ вѣдомствахъ присутственныхъ мѣстъ господствуетъ совершенный хаосъ.

Высшіе земскіе суды: лифляндскій гофгерихтъ, эстляндскій оберъ-ландгерихтъ и курляндскій оберъ-гофгерихтъ производятъ гражданскія и уголовныя дѣла, частью даже административныя; въ городскихъ учрежденіяхъ судебная часть не отдѣлена отъ исполнительной, такъ что одно и то же мѣсто завѣдуетъ иногда судомъ, управленіемъ, полиціею, хозяйствомъ и, наконецъ, присвоиваетъ себѣ право законода-

тельное. И все это находятъ превосходнымъ; никто не усматриваетъ вреда отъ соединенія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, а тѣ немногіе, которые критикуютъ сочетаніе судебной власти съ административною, здѣсь на перечетъ и слывутъ у однихъ свѣтлыми головами, опередившими свой вѣкъ, а у другихъ опасными мечтателями.

Вообще административная часть гораздо хуже судебной. Во многихъ канцеляріяхъ (не знаю, такъ ли во всѣхъ) не имѣли до сихъ поръ понятія о томъ, что̀ есть „дѣло", и не малаго труда стоило растолковать это канцелярскимъ чиновникамъ генералъ-губернатора. Вмѣсто дѣлъ, существовали сборники однородныхъ по содержанію бумагъ, напримѣръ, объ арестантахъ, и подъ этою рубрикою, въ хронологическомъ порядкѣ, расположено было все, что относилось до арестантовъ: Петра, Ивана, Ѳедора, такъ что подобнаго рода дѣла́ никогда не оканчивались. Прибавьте къ этому, что описей бумагамъ не вели, что настольныхъ реестровъ и исходящихъ журналовъ не имѣлось, что производство дѣлъ не было распредѣлено по предметамъ между чиновниками, что текущія и рѣшенныя дѣла находились въ одномъ архивѣ и даже нерѣдко въ однѣхъ связкахъ, и вы получите понятіе о томъ, къ чему приводитъ хваленая нѣмецкая аккуратность, когда къ ней присоединяется умышленное уклоненіе отъ общаго, нашими законами предписаннаго порядка. Но гораздо важнѣе этого внѣшняго неустройства, глубоко укоренившіяся понятія, на которыя мы безпрестанно наталкивались при ревизіи рижскаго городскаго хозяйства. Напримѣръ, когда потребовали отчетовъ отъ рижскихъ управленій въ употребленіи городскихъ суммъ, они отвѣчали съ негодованіемъ, что городская касса есть частная собственность городскихъ сословій; что имъ однимъ принадлежитъ право ревизовать ее, употреблять какъ и на что имъ угодно, и что всякое вмѣшательство въ ихъ распоряженія со стороны правительства неумѣстно и противно привилегіямъ. Замѣтьте, что общественныя суммы составляются большею частью изъ налоговъ на заграничную торговлю, падающихъ на всю Россію, и изъ сборовъ съ обывателей, не имѣющихъ никакого участія въ управленіи. Нельзя было безъ нѣкото-

раго изумленія внимать чистосердечному выраженію этихъ понятій, въ 1840-хъ годахъ, особенно если вспомнить, что уже шведское правительство твердило Рижанамъ, что городъ не частный домъ, общество гражданъ не хозяинъ, общественная касса не кошелекъ частнаго человѣка; что обязанность отдавать отчеты генералъ-губернатору введена Петромъ I-мъ; что съ начала XVII вѣка городъ постоянно жалуется на разореніе, а правительство съ начала XIX вѣка придумываетъ средства помочь ему. При господствѣ этихъ понятій, изъ-за которыхъ такъ и сквозятъ средніе вѣка, можно ли ожидать образцовой законности?

Другое пережившее себя явленіе въ юридическомъ быту Остзейскаго края открывается при взаимномъ сличеніи законовъ и учрежденій трехъ Остзейскихъ губерній. Не говоря уже о томъ, что право земское и городское вездѣ различны, рыцарское право лифляндское не похоже на эстляндское, а курляндское существенно разнится отъ того и другаго; право ревельское, рижское и митавское также одно на другое не походятъ. Я отнюдь не почитатель безусловнаго внѣшняго единства; я знаю, что разнообразіе юридическихъ нормъ Остзейскаго края имѣетъ историческое основаніе, вытекаетъ изъ различій въ судьбахъ той или другой области, изъ вліянія Гамбурга на Ригу, Любека на Ревель, Польши на Курляндію, Даніи и Швеціи на Эстляндію, Польши и Швеціи на Лифляндію. Но неужели потому только, что когда-то, за 500 лѣтъ тому назадъ, Рига была тѣснѣе связана съ Гамбургомъ, чѣмъ съ Ревелемъ или Нарвою, она и теперь не можетъ быть подведена подъ одинаковые законы съ послѣдними городами, близкими къ ней и по разстоянію и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ? Если историческія событія XIV и XV вѣковъ оправдывали разнообразіе правъ и учрежденій, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что съ перемѣною этихъ обстоятельствъ, съ возсоединеніемъ Остзейскаго края въ одно цѣлое, подъ владычествомъ одной державы, и въ законахъ должно проявиться стремленіе къ сближенію и подведенію къ единству мѣстныхъ и сословныхъ особенностей? Если находятъ естественнымъ, что въ то время, какъ Лифляндія тянула къ папѣ и императору, заимствовались законы

изъ римскаго и германскаго права, то почему же вооружаются противъ заимствованія русскихъ законовъ теперь, когда Лифляндія тянетъ къ Россіи? Зачѣмъ присвоивать такую безусловную власть давно-прошедшему и такъ пренебрегать требованіями настоящаго? Не оттого ли, что вся жизнь Остзейцевъ въ прошедшемъ, что въ немъ схоронены всѣ ихъ силы, и что ихъ историческая роль разыграна? Можетъ быть, но я не вижу, почему бы мы были обязаны обрекать себя на такое-же созерцательное бездѣйствіе и заживо ложиться въ одинъ съ ними гробъ.

До сихъ поръ шла рѣчь о законахъ, объ устройствѣ присутственныхъ мѣстъ, о господствующихъ понятіяхъ; о лицахъ не было сказано ни слова: я бы не хотѣлъ и говорить о нихъ, но къ этому понуждаютъ безпрестанные попреки къ намъ обращаемые, насмѣшки надъ лихоимствомъ нашихъ чиновниковъ и похвалы, расточаемыя Остзейцами ихъ чиновникамъ, какъ идеаламъ безкорыстія. Все это вызываетъ отвѣтъ.

Взятокъ въ Остзейскомъ краѣ не берутъ, и слово взятки у насъ не имѣетъ значенія. Это вы услышите вѣроятно на первой станціи, какъ только переѣдете Остзейскую границу; то же позволяютъ повторять себѣ многіе изъ Русскихъ, при выѣздѣ отсюда. Мы уже теперь всѣ понимаемъ, что на дѣлѣ существуетъ различіе, впрочемъ закономъ не признанное, между добровольнымъ приношеніемъ канцелярскому чиновнику за его чисто-механическіе труды, ускоряющіе ходъ дѣла, и взяткою, которою покупается голосъ судьи или снисходительность ревизора.

Приношенія перваго рода въ Остзейскомъ краѣ не только терпимы, но даже обязательны. Они называются шпортелями и взимаются по закону, на основаніи таксъ. Что лучше: добровольная или вынужденная плата? Этотъ вопросъ къ дѣлу не относится, но то несомнѣнно, что здѣшніе шпортели несравненно выше и обременительнѣе для тяжущихся, чѣмъ канцелярскіе расходы въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, шпортели взыскиваютъ рѣшительно во всѣхъ судахъ и управленіяхъ; между прочими рижская управа благочинія, безъ всякаго законнаго основа-

нія, учредила у себя сборъ съ паспортовъ, даже рекрутское присутствіе беретъ шпортели; а рижское городское управленіе взимаетъ ихъ по законамъ, никѣмъ не утвержденнымъ. Случается, что за отказъ въ поданной жалобѣ, губернское правленіе взыскиваетъ съ просителя нѣсколько десятковъ рублей, а въ рижскомъ сиротскомъ судѣ составленіе описи простыхъ надгробныхъ камней, оставшихся по наслѣдству отъ одного каменьщика и оцѣненныхъ въ 3061 руб. сер., обошлось, не считая гербовыхъ пошлинъ и другихъ издержекъ, въ 210 р. 64 к. сер., что̀ равнялось долѣ наслѣдства, причитавшейся дочери умершаго. Прибавьте къ этому, что жалованье здѣшнихъ чиновниковъ, некоронныхъ, само по себѣ, по крайней мѣрѣ втрое значительнѣе, чѣмъ у насъ; напримѣръ, ратсгеры получаютъ пенсіи выше сенаторскихъ, секретарь рижскаго магистрата получаетъ 4 тысячи рублей, многіе разсыльные, по здѣшнему министеріалы, по нѣскольку сотъ рублей, и согласитесь, что при такихъ средствахъ, нужда никакъ не можетъ заставить прибѣгать къ добровольнымъ подаркамъ или безчестнымъ вымогательствамъ, тѣмъ болѣе, что при существующихъ шпортеляхъ, это бы въ конецъ, разорило тяжущихся.

Подкупы въ тѣсномъ и преступномъ значеніи слова, говорятъ, въ Остзейскомъ краѣ не существуютъ. Если подъ этимъ разумѣютъ одно названіе, то это, конечно, справедливо: вмѣсто Bestechung, здѣсь употребляютъ обыкновенно болѣе благовидное don gratuit, подобно тому какъ Гоголь предлагалъ замѣнить слово взяточникъ словомъ пріобрѣтатель. Я не стану спорить о словахъ, но пусть придумаютъ какое хотятъ названіе для слѣдующихъ фактовъ Губернскій прокуроръ обращается въ магистратъ съ просьбою назначить ему изъ городскихъ суммъ нѣсколько сотъ рублей на квартиру; въ келейномъ совѣщаніи, магистратъ рѣшаетъ, что хотя требованіе противозаконно, но если отвергнуть его, то прокуроръ будетъ вредить, и потому благоразумнѣе согласиться. Это рѣшеніе вносится въ протоколъ, и опредѣленная сумма ежегодно уплачивается. Въ другой разъ, съ такимъ же требованіемъ обращается другое лицо въ податное правленіе въ пользу фискала, и оно также ис-

полняется. Теперь по всей Лифляндіи ходитъ слухъ о томъ, что два дерптскихъ профессора обокрали какую-то суконную фабрику и что, вѣроятно, дѣло будетъ потушено, потому что тотъ, кому придется производить слѣдствіе, отъявленный взяточникъ. И мало ли другихъ примѣровъ можно бы извлечь изъ дѣла русскихъ купцовъ Семеновыхъ, которыхъ по одному подозрѣнію продержали нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, изъ ревизіи Александровской высоты и изъ колоссальнаго дѣла лифляндскаго гофгерихта, поднятаго барономъ Паленомъ. Чтобы дать вамъ понятіе не о содержаніи, но о важности послѣдняго, я приведу вамъ отрывокъ изъ всеподданнѣйшей докладной записки, посланной тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ черезъ графа Венкендорфа. Жалуясь на покровительство, которымъ пользовались въ сенатской канцеляріи члены гофгерихта, секретарь и оберъ-фискалъ, отданные всѣ вмѣстѣ подъ судъ, баронъ Паленъ писалъ: „Между тѣмъ, судя по сдѣланнымъ нынѣ опытамъ о родѣ и образѣ (это значитъ Art und Weise) какъ поступаетъ гофгерихтъ къ оправданію своему по сему дѣлу, долженъ я опасаться, что изъ пересланныхъ нынѣ объясненій членовъ гофгерихта произойдутъ новыя пространныя переписки, черезъ кои опять можетъ остановиться на безконечное время и окончаніе дѣла и освобожденіе губерніи отъ ея бича... Интересъ членовъ гофгерихта требуетъ остановить сколько можно окончаніе сего дѣла — цѣль, которой они стремятся достигнуть употребленіемъ всѣхъ вспомогательныхъ средствъ, нечистой совѣсти и безстыдства, въ надеждѣ на своихъ приверженцевъ и заступниковъ въ губерніи и въ столицахъ“.

Въ другой бумагѣ тотъ же баронъ Паленъ, по поводу полученнаго изъ Сената указа писалъ: „При безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣла сего, каждый долженъ, какъ я полагаю, получить удостовѣреніе, что при столь снисходительномъ поступленіи съ лицами, заслуживающими столь мало снисхожденія, нельзя доставить требованіямъ справедливости удовлетворенія. Если виновные находятъ въ верховномъ судилищѣ, вмѣсто заслуженнаго наказанія, защиту и покровительство, если стараніямъ губернскаго начальства къ прекращенію зло-

употребленій и искорененію виновниковъ оныхъ, поставляются преграды, то содѣлываются злоупотребленія позволительными, а власть начальства истощается отъ усиленныхъ дѣйствій тѣсно совокупившагося союза злодѣевъ, которые, чрезъ похищеніе чужой собственности, имѣютъ достаточныя средства дѣйствовать въ случаѣ нужды" и т. д.

Недурна рекомендація! Предоставляя вамъ вывести изъ всего этого заключеніе о томъ, до какой степени Остзейскій край можетъ служить образцомъ строгой законности, перехожу къ вопросу о неприкосновенности привилегій.

Этотъ вопросъ имѣетъ значеніе только въ отношеніи къ Остзейскому краю; для всѣхъ другихъ областей онъ давно уже рѣшенъ. Взгляните на прошедшее любаго народа, города или сословія; оно усѣяно обломками привилегій, и никому не приходитъ въ голову утверждать, что то, что̀ заводится нынче, противозаконно потому только, что оно не похоже на то, что̀ существовало сто лѣтъ тому назадъ. Но какъ я уже сказалъ, Остзейцы умѣли воздвигнуть этотъ вопросъ и придать ему такое значеніе, что уже нѣсколько разъ правительство отступалось передъ нимъ отъ многихъ благихъ намѣреній.

Его можно разсматривать съ двухъ сторонъ, исторической и юридической.

По свидѣтельству исторіи, привилегіи постоянно измѣнялись и отмѣнялись не только верховною властью, но даже самими сословіями. Всѣ права, преимущества и доходы католическаго духовенства основаны были на несомнѣнныхъ привилегіяхъ; реформація ихъ ниспровергла. Привилегіи дворянства были утверждены польскимъ правительствомъ; Стефанъ Баторій во многомъ ихъ измѣнилъ; шведское правительство также утвердило привилегіи и отмѣнило нѣкоторыя изъ нихъ, лишивъ напримѣръ дворянъ права смертной казни надъ крестьянами, опредѣливъ норму барщины, введя Шведовъ въ ландратскія коллегіи, и все это сдѣлано было вопреки желанію и не смотря на протесты дворянства. Привилегіи города Риги были утверждены какъ польскимъ, такъ и шведскимъ правительствами; между тѣмъ, въ противность привилегіямъ, католикамъ отведены были двѣ церкви и дано право свободнаго

отправленія богослуженія, велѣно было магистрату испрашивать разрѣшенія верховной власти на изданіе новыхъ законовъ. введено было множество всякихъ податей и сборовъ, разрѣшено было дворянамъ покупать въ городѣ дома. При русскомъ правительствѣ установленъ новый порядокъ аппеляціи. запрещено городамъ измѣнять отъ себя тарифы и вводить налоги на торговлю, все казенное управленіе преобразовано, магистрату велѣно представлять правительству отчеты въ употребленіи городскихъ суммъ, лицамъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій даны равныя права въ составѣ обществъ, отмѣнено стапельное право города Риги и т. д. Наконецъ, всѣ исключительныя права, выпрошенныя дворянствомъ и которыми оно теперь пользуется, заключаютъ въ себѣ явныя нарушенія привилегій другихъ сословій; такъ, напримѣръ, уничтоженіе бургграфскаго суда, исключительное право покупать имѣнія, право выкупа ихъ, и т. п.

Итакъ, мы видимъ рядъ ограниченій сословныхъ и мѣстныхъ привилегій, обусловленныхъ историческими событіями: принятіемъ реформаціи, водвореніемъ государственнаго начала и постепеннымъ его расширеніемъ на счетъ сословнаго. Если было такъ доселѣ, если верховная власть изстари пользовалась правомъ измѣнять и улучшать. подчиняя частныя выгоды общественному благу, то признать въ настоящее время привилегіи безусловно-неприкосновенными значило бы со стороны правительства осудить все свое прошедшее какъ беззаконное. Наконецъ. если дворянство считало позволительнымъ нарушать привилегіи средняго сословія и домогаться отмѣны самыхъ существенныхъ изъ нихъ ради собственныхъ своихъ выгодъ, то почему бы обязано было правительство считать безусловно для себя обязательными привилегіи того же дворянства, въ случаѣ если бы благо другаго сословія или всего края потребовало ихъ отмѣны? Неужели правительство на то существуетъ, чтобы служить покорнымъ орудіемъ для прихотей одного сословія?

Съ юридической точки зрѣнія, защищать обязательность привилегій значитъ не понимать ихъ значенія. Подъ привилегіею нельзя разумѣть ничего иного какъ право, пожалованное кому нибудь тѣмъ. кому оно по существу своему при-

надлежало, ни droit octroyé, не договоръ, но актъ свободной милости. Таково начало Остзейскихъ привилегій, опредѣляющее ихъ юридическое значеніе Всѣ онѣ исходили отъ представителей верховной власти и болѣе ни отъ кого исходить не могли. Заимствуя свою силу отъ соизволенія верховной власти, онѣ по этому самому были обязательны для всѣхъ лицъ ей подчиненныхъ, но не для нея; обязательны въ государствѣ, но не для государства. Русское правительство, принимая Остзейскій край въ свое подданство, застало въ немъ привилегіи и утвердило ихъ, но оставляя имъ прежнее ихъ свойство, не измѣняя ихъ юридическаго значенія; оно узаконило въ нихъ акты предшествовавшихъ правительствъ и въ то же время вступило во всѣ ихъ права, въ томъ числѣ и въ право, по мѣрѣ надобности, измѣнять и отмѣнять привилегіи. Это право ясно выговорено во всѣхъ подтвердительныхъ и жалованныхъ грамотахъ польскихъ, шведскихъ и русскихъ. Вездѣ мы находимъ выраженія такого рода: утверждаемъ привилегіи во сколько онѣ согласны съ общественнымъ благомъ и публичнымъ правомъ, или: безъ предосужденія правамъ и преимуществамъ верховной власти, или, наконецъ, какъ сказано въ жалованныхъ грамотахъ императора Николая: „елико сообразны онѣ съ общими государства нашего установленіями и законами". Нужно ли къ этому присовокуплять, что первое условіе существованія государственнаго союза есть подчиненіе всѣхъ правъ и интересовъ частныхъ, какъ мѣстныхъ такъ и сословныхъ, пользамъ общественнымъ, и право верховной власти, въ какой бы впрочемъ формѣ она ни выражалась, рѣшать безъ аппелляціи всѣ вопросы до пользы общественной относящіеся и приводить свои рѣшенія въ исполненіе? Съ уступкою или съ раздѣломъ этого права было бы немпнуемо сопряжено уничтоженіе или раздвоеніе государства.

Итакъ, можно спорить о томъ: нужно ли, полезно ли отмѣнить привилегіи; но смѣшно возражать на предлагаемыя преобразованія неприкосновенностью привилегій и обращать административные и политическіе вопросы въ юридическіе; смѣшно даже вѣрить въ возможность неприкосновенности привилегій, прежде чѣмъ найдено средство остановить исторію,

прекратить умноженіе народонаселенія, развитіе торговли и промысловъ.

Но довольно объ этомъ.—Я разобралъ подробно три отвѣта повторяемые Остзейцами въ продолженіи полутораста лѣтъ на всѣ запросы и требованія правительства и частныхъ лицъ; лучшаго до сихъ поръ они не придумали ничего.

VI.

Вы вѣрно ожидаете отъ меня, что я упомяну наконецъ о томъ событіи, которое въ послѣднее время возбуждало не только здѣсь, но даже въ Москвѣ и Петербургѣ, столько противоположныхъ толковъ, жаркихъ споровъ и даже ссоръ, а именно: о переходѣ крестьянъ въ православіе. Я самъ хотѣлъ бы разобрать его во всей подробности и ни одного изъ носившихся слуховъ не оставить безъ отвѣта, но для этого у меня не достаетъ ни времени, ни матеріаловъ. Все что я могу сдѣлать, это разобрать главныя обвиненія и опредѣлить точку зрѣнія, съ которой, по мнѣнію моему, должно смотрѣть на предметъ. Начну съ краткаго изложенія дѣла.

Въ 1841 году толпы крестьянъ стали приходить къ преосвященному епископу рижскому Иппарху съ просьбами о присоединеніи ихъ къ православію, въ надеждѣ получить черезъ это право на раздачу земель въ какой-то теплой странѣ, какъ они сами выражались, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе барщины. Годъ былъ неурожайный, крестьяне терпѣли нужду, а слухи о раздачѣ земель, по свидѣтельству тогдашняго генералъ губернатора барона Палена, проникли въ Лифляндію изъ Витебска. Баронъ Паленъ обратился къ преосвященному Иппарху съ просьбою не принимать болѣе крестьянъ, не записывать ихъ именъ и отсылать ихъ къ свѣтскому начальству; но онъ получилъ въ отвѣтъ: „что записей у преосвященнаго не производится, а приходятъ къ нему крестьяне желающіе

принять православіе, что запереть дверей для крестьянъ онъ не можетъ безъ особеннаго на то разрѣшенія, ибо это значило бы отказаться произвольно и безъ видимой нужды отъ одной изъ главныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ, а отсылать приходящихъ къ нему людей къ гражданскому начальству считаетъ излишнимъ, ибо они являются къ нему уже побывавъ у гражданскаго начальства, что доказываютъ ихъ бритыя головы, и что при томъ полиція, окружающая его подворье, и безъ того береть ихъ всѣхъ къ допросамъ въ губернское правленіе". Дворяне пришли въ ужасъ и наполнили губернію и Петербургъ разсказами объ емиссарахъ духовенства и разглашателяхъ возмутительныхъ слуховъ. Для обслѣдованія дѣла, генералъ-губернаторъ нарядилъ особую коммиссію составленную изъ нѣмецкихъ дворянъ, которая доносила между прочимъ „что злой духъ упорства распространился по всей странѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ глухое смятеніе, которое уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія; что дѣла дошли до того, что миролюбно устроить ихъ невозможно; что списки именъ крестьянъ тайно доставляются къ епископу, а изъявляемыя угрозы предвѣщаютъ кровопролитную развязку, которая состоится осенью того года въ одинъ день по всей губерніи". Въ доказательство приводили, что нѣсколько просьбъ о присоединеніи къ православной церкви, о полученіи земель, уменьшеніи барщины, были писаны для крестьянъ различными лицами и еще два-три обыкновенныхъ случая неповиновенія. Спрашивается: кто жъ разглашалъ болѣе ложные слухи? Тѣ, надъ которыми нарядено было слѣдствіе, или тѣ, которые его производили? По просьбѣ барона Палена, Иринарху запрещено было принимать просьбы крестьянъ и двинуты были войска. Начался военный судъ надъ непокорными крестьянами и приговоры исполнены были на мѣстѣ. Между тѣмъ въ губернское правленіе были собраны крестьяне и безсрочно-отпускные изъ разныхъ имѣній и объявлено имъ „что отнюдь не есть воля Государя переселить крестьянъ или дать имъ земли, отнявъ у помѣщиковъ; что эти слухи распространены злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; что если кто изъ крестьянъ отъ истиннаго

убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ намѣренъ присоединиться къ православію, то Государь не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять, но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ православію, не уповали бы на какія либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе земель въ собственность". Отказавшись, по крайней мѣрѣ на словахъ, отъ неосновательныхъ своихъ надеждъ, крестьяне однакоже продолжали являться изъ разныхъ мѣстъ съ просьбами о присоединеніи ихъ къ православной церкви. Рижскому благочинному, который обыкновенно принималъ ихъ, какъ я самъ отъ него слышалъ, предложили въ то время значительную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, потомъ къ нему стали посылать безыменныя письма съ угрозами: но ни то ни другое средство не подѣйствовало. Вскорѣ за тѣмъ, по вторичному всеподданнѣйшему рапорту барона Палена. Преосвященный Иринархъ 12 октября 1841 года былъ вывезенъ ночью изъ Риги черезъ Митаву на Вилкомірь дабы миновать Кокенгузенъ, гдѣ производилась военная экзекуція, а православные священники, находившіеся въ Ригѣ. были переведены въ другія мѣста. Разсказываютъ. что, переѣзжая черезъ лифляндскую границу. Иринархъ обратился назадъ и произнесъ слѣдующія слова: „недостаточно одного для водворенія православія—крови мученической; теперь и она льется. и черезъ 10 лѣтъ, что бы ни дѣлали. весь этотъ край будетъ православный". Объ этихъ происшествіяхъ судили различно: нѣкоторые громко обвиняли наше духовенство: другіе, не отрицая. что оно дѣйствовало неосторожно, видѣли главную причину въ неурожаѣ. въ бѣдности крестьянъ и въ поступкахъ помѣщиковъ раздражившихъ поселянъ. Всѣ вообще полагали, что обращеніе къ православію служило только предлогомъ; но позднѣйшія происшествія не оправдали этой мысли.

Въ 1845 году, нѣсколько человѣкъ изъ числа рижской гернгутерской общины подали снова просьбы о присоединеніи ихъ къ православію. но уже безъ всякихъ посторонннхъ домогательствъ, присовокупляя только желаніе. чтобы церковная служба производима была на латышскомъ языкѣ. Слухъ объ этомъ взволновалъ все нѣмецкое общество и по-

дать поводъ къ громкимъ жалобамъ и даже протестамъ. Не имѣя болѣе повода отвергать просьбы крестьянъ о переходѣ въ православіе, какъ неразлучно-связанныя съ домогательствами о перемѣнѣ ихъ хозяйственныхъ отношеній, дворяне и протестантское духовенство съ этого времени стали предъявлять требованіе, выражая его болѣе или менѣе ясно, чтобы переходъ въ господствующую церковь былъ запрещенъ безусловно; но Государь разрѣшилъ исполненіе желанія просителей, и православное богослуженіе на латышскомъ языкѣ было открыто въ Ригѣ. Стремленіе къ переходу не замедлило распространиться, сначала между крестьянами уѣздовъ: Рижскаго, Вольмарскаго, Венденскаго, Валкскаго, потомъ Дерптскаго и Верровскаго, Феллинскаго и Перновскаго, и наконецъ на островахъ Эзелѣ и Монѣ, притомъ съ такою быстротою, что если бы не положено было преградъ для его замедленія, весьма вѣроятно, что теперь народъ во всей Лифляндіи, а можетъ быть во всемъ Остзейскомъ краѣ, исповѣдывалъ бы православную вѣру. Дабы окончательно искоренить надежды на мірскія выгоды, будто бы сопряженныя съ перемѣною вѣры, обнародовано было, по повелѣнію Государя Наслѣдника, нѣсколько пунктовъ относительно этого предмета изъ секретной инструкціи данной генералу Головину. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что если кто, вопреки означенной публикаціи, позволитъ себѣ разглашать несбыточныя ожиданія, то подвергнется строгому взысканію, а злоумышленныхъ разглашателей повелѣно предавать военному суду. Для предсѣдательствованія въ военно-судныхъ коммиссіяхъ командированы были въ Лифляндію свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Крузенштернъ и четыре флигель-адъютанта, оставшіеся въ краѣ нѣсколько мѣсяцевъ; но, во все продолженіе этого времени, ни разу не представилось надобности дать имъ дѣло и нарядить военный судъ.

Со стороны главнаго управленія также были приняты разныя мѣры для удержанія крестьянъ отъ перемѣны вѣроисповѣданія изъ мірскихъ побужденій. Во время поѣздки по Лифляндской губерніи, генералъ Головинъ лично внушалъ крестьянамъ, чтобъ они не питали тщетныхъ надеждъ; то же повторяли командированные имъ чиновники; наконецъ, то же самое

изложено было неоднократно въ публикаціяхъ генералъ-губернатора и сверхъ того прибавлено, что утверждающіе противное сосланы будутъ въ Сибирь. Для примѣра, я приведу вамъ отрывокъ изъ публикаціи 29 октября 1845 г., на двухъ языкахъ, нѣмецкомъ и латышскомъ; вотъ 2-ой пунктъ: „Zu diesem Zwecke ist es erforderlich mit Vorsicht darüber zu wachen, dass von Seiten der rechtgläubigen Geistlichkeit keine Antriebs—Massregeln zugelassen werden, so dass die Andersgläubigen sich in voller Freiheit mit der rechtgläubigen Kirche vereinigen können, gemäss der dieserhalb vorgeschriebenen allgemeinen Ordnung und aus eigener Bewegung". 3-й пунктъ: „Von der anderen Seite hat keine örtliche Obrigkeit das Recht irgend Jemand die Annahme der im Reiche herrschenden Religion zu verbieten; denen aber, welche diesen Wunsch geäussert, ist zu erklären, dass sie in solcher Veranlassung keine besonderen weltlichen Vortheile zu erwarten haben, sondern vielmehr nach ihrer eigenen Ueberzeugung und ihrem Gewissen handeln müssen. Es versteh't sich hiebei von selbst, dass der zur rechtgläubigen Kirche Uebergetretene, indem er aus der Zahl der Protestantisch-eingepfarrten ausscheidet, hiermit zugleich von allen bis dahin auf ihm lastenden Obliegenheiten gegen die protestantische Kirche und Geistlichkeit befreit wird, und zwar aus dem Grunde, weil er in die rechtgläubige Heerde eintretend, zugleich die Verpflichtungen hinsichtlich der rechtgläubigen Kirche und Geistlichkeit zu übernehmen hat, wobei jedoch alle seine Verbindlichkeiten gegen den Guts-Besitzer, auf dessen Grund und Boden er wohnhaft ist, auf das strengste aufrecht erhalten werden" *).

*) «Необходимо имѣть ближайшее наблюденіе, чтобы со стороны православнаго духовенства не было допускаемо никакихъ мѣръ для побужденія крестьянъ къ переходу и чтобъ единовѣрцы могли присоединяться къ православной церкви съ полною свободою, по собственному влеченію и сообразно съ общимъ для сего установленнымъ порядкомъ».—3-й пунктъ. «Съ другой стороны, никакое мѣстное начальство не имѣетъ права воспрещать, кому бы то ни было, принятіе господствующей въ государствѣ вѣры; тѣмъ же, которые изъявятъ подобное желаніе, должно внушать, чтобы они не ожидали по этому поводу никакихъ мірскихъ выгодъ, но руководствовались бы единственно

Но дабы эти публикаціи не были приняты за воззваніе и не послужили поводомъ къ возбужденію между крестьянами желанія перемѣнить вѣру въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ оно еще не обнаруживалось, тамошнимъ земскимъ полиціямъ означенные циркуляры сообщались только для свѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы дѣлать ихъ извѣстными, когда представится къ тому надобность. Сверхъ этого, при записываніи изъявленій желанія перемѣнить вѣру, отъ крестьянъ отбирались подписки въ томъ, что они побуждаются къ тому религіознымъ чувствомъ, не ожидая никакихъ выгодъ мірскихъ и сохраняя всѣ прежнія свои обязанности къ помѣщикамъ. Печатные экземпляры этихъ подписокъ заблаговременно распространены были между народомъ для лучшаго разъясненія понятій, а записываніе производилось въ присутствіи православнаго священника и членовъ полиціи земской или городской, слѣдовательно, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Наконецъ, по ходатайству дворянства, высочайше повелѣно было совершать обрядъ миропомазанія или присоединять къ православной церкви не прежде, какъ спустя шесть мѣсяцевъ послѣ изъявленія о томъ желанія, и по истеченіи этого срока, воспрещено было всякое розысканіе о неявившихся къ миропомазанію. Замѣтьте, что по церковнымъ постановленіямъ даже язычниковъ присоединяютъ послѣ шести недѣль. Итакъ, помѣщикамъ и пасторамъ предоставлялась возможность въ продолженіе цѣлаго полугода дѣйствовать убѣжденіями, обѣщаніями и угрозами на всякаго изъявлявшаго желаніе перейти въ православіе. Согласитесь, что нужно было много твердости, чтобъ устоять противъ шестимѣсячной пытки; не менѣе того, этою мѣрою переходъ въ православіе былъ за-

---

убѣжденіемъ своимъ и совѣстью. Само собою разумѣется, что перешедшіе въ православную вѣру, выйдя изъ числа протестантскихъ прихожанъ, черезъ то самое освобождаются отъ всѣхъ обязанностей, лежащихъ на нихъ въ отношеніи къ протестантской церкви и протестантскому духовенству, по той причинѣ, что они, вступивъ въ число православныхъ прихожанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ должны принять на себя обязанность относительно православной церкви и православнаго духовенства, при чемъ однако всѣ ихъ обязанности въ отношеніи къ помѣщику, на землѣ котораго они живутъ, должны быть исполнены во всей строгости».

медленъ, но не пресѣченъ. Ко всему этому должно присоединить, что крестьяне не могли отлучаться изъ имѣній иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія помѣщиковъ; что запрещено было требовать билетовъ на отлучку болѣе чѣмъ на $^1/_{10}$ часть всего рабочаго народонаселенія вотчины; что въ 1845 году записываніе было совершенно прекращено на всю рабочую пору; наконецъ, что не позволялось священникамъ во время объѣздовъ по деревнямъ принимать отъ крестьянъ просьбы о присоединеніи ихъ. Таковы были мѣры, принятыя для испытанія побужденій желавшихъ перемѣнить вѣроисповѣданіе. Не только никто не подстрекалъ къ тому крестьянъ, но даже, для предохраненія ихъ отъ опрометчиваго образа дѣйствія и для успокоенія помѣщиковъ и пасторовъ, правительство само воздвигло всевозможныя препятствія къ переходу въ православіе. Такъ дѣйствовало правительство: посмотримъ теперь, какъ дѣйствовали пасторы и помѣщики. Легко было предвидѣть, что тѣ и другіе станутъ отчаянно противодѣйствовать стремленію крестьянъ. Первыхъ, т. е. пасторовъ, побуждали къ тому и увѣренность ихъ въ превосходствѣ протестантизма и сословная честь и, наконецъ, разсчетъ. Не говоря уже о томъ, что помѣщики, по ихъ просьбѣ, завели обыкновеніе отсылать къ нимъ для предварительнаго увѣщанія, болѣе или менѣе пастырскаго, крестьянъ просившихъ билетовъ, не говоря о проповѣдяхъ и разныхъ публикаціяхъ, содержавшихъ въ себѣ неприличные отзывы о православіи и страстные упреки переходящимъ въ него, я приведу вамъ только четыре случая, за достовѣрность которыхъ ручаюсь, какъ примѣры фанатическаго ожесточенія, до котораго дошли нѣкоторые члены протестантскаго духовенства. Одинъ изъ городскихъ пасторовъ напечаталъ статью о продѣлкахъ, которыми Іезуиты въ XVII вѣкѣ соблазняли крестьянъ въ Лифляндіи къ переходу въ католицизмъ. Намѣреніе было очевидно и проглядывало сквозь каждое слово. Это былъ пасквиль противъ православія и нашего духовенства, облеченный въ форму исторической статьи. Представитель католическаго духовенства въ Ригѣ не могъ однакоже оставить безъ вниманія оскорбительныхъ отзывовъ о служителяхъ Римской церкви. Узнавъ объ этомъ, пасторъ сочинившій статью велѣлъ сказать ему, что онъ вовсе не

имѣлъ намѣренія нанести оскорбленіе католикамъ, но имѣлъ въ виду православіе и, не смѣя нападать открыто на господствующую церковь, прибѣгнулъ къ иносказательной формѣ разсказа. Этого пастора удалили изъ Лифляндіи, и весь негодующій край провозгласилъ его мученикомъ, тотъ самый край, для успокоенія котораго вывезенъ былъ Иринархъ.— Дошло до свѣдѣнія мѣстнаго начальства, что въ нѣсколькихъ приходахъ пасторы положительно запрещали погребать на лютеранскихъ кладбищахъ умершихъ въ православной вѣрѣ крестьянъ, хотя бы при селеніяхъ не было отведено для нихъ особаго погоста, и, не смотря на то, что въ уставѣ лютеранской церкви велѣно хоронить на кладбищахъ всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія. — Въ Ригѣ знакомый мнѣ православный долженъ былъ жениться на дѣвушкѣ лютеранскаго исповѣданія; родители были согласны, дѣло было улажено; но пасторъ объявилъ невѣстѣ, что если она выйдетъ за православнаго, то онъ проклянетъ ее, и свадьба разстроилась. —Другой пасторъ хоронилъ жену свою; толпа народа сопровождала его на кладбище и, когда стали опускать гробъ въ могилу, Русскій, находившійся на мѣстѣ, въ числѣ другихъ сталъ пособлять и поддерживать гробъ; пасторъ, увидавъ это, схватилъ его за руку и оттолкнулъ прочь.

Помѣщики имѣли особенныя причины бояться перехода въ православіе. Кромѣ того, что единственная нравственная связь между ними и крестьянами упразднилась, какъ скоро послѣдніе покидали протестантскую кирку, они ненавидѣли въ православномъ священникѣ лицо, становившееся въ непосредственныя сношенія съ народомъ, лицо нисколько имъ не подчиненное и притомъ постояннаго свидѣтеля ихъ обращенія съ поселянами. Будучи собственниками земли, отданной крестьянамъ во владѣніе, пользуясь правомъ, по истеченіи контракта, сгонять крестьянъ, обращать домохозяевъ въ батраковъ и даже присоединять крестьянскую землю къ господскимъ полямъ, (это право отмѣнено лишь въ 1846 году) и, кромѣ того, имѣя въ своихъ рукахъ всю полицейскую и судебную власть надъ крестьянами, помѣщики обладали огромными законными средствами противодѣйствовать переходу. Что они пользовались ими, въ этомъ ни одинъ добро-

совѣстный человѣкъ не сомнѣвается. Но, кромѣ этого, изъ безчисленнаго множества жалобъ, поданныхъ крестьянами, изъ сознаній нѣкоторыхъ помѣщиковъ, изъ ихъ же собственныхъ разсказовъ, было видно, какъ часто они прибѣгали къ притѣсненіямъ, совершенно беззаконнымъ, напримѣръ: всячески затрудняли выдачу отпускныхъ билетовъ; подъ разными предлогами наказывали крестьянъ, изъявлявшихъ намѣреніе перейти въ православіе, какъ, напримѣръ, у одного изъ лифляндскихъ ландратовъ высѣчено было разомъ шестьдесятъ человѣкъ; удерживали ихъ отъ явки къ священникамъ по однимъ подозрѣніямъ; обижали православныхъ при раздачѣ пособій въ неурожайные годы; воздвигали множество затрудненій и придирокъ при отводѣ мѣстъ для построенія церквей и т. д. Наконецъ, въ теченіе 15 мѣсяцевъ, съ 1-го января 1846 г. по 1-е марта 1847 г., въ общемъ итогѣ крестьянъ, прогнанныхъ изъ ихъ усадьбъ, считается православныхъ 152 человѣка, что составляетъ, по соображенію съ числомъ крестьянъ обоихъ вѣроисповѣданій, втрое болѣе православныхъ, чѣмъ лютеранъ, а что эта система дѣйствія продолжается и теперь, на то я получилъ на дняхъ несомнѣнное доказательство. Слѣдствіе, наряженное по приказанію Князя Суворова, обнаружило, что одинъ помѣщикъ, приходскій судья, отказалъ нѣсколькимъ хозяевамъ въ дальнѣйшемъ содержаніи усадьбъ за то, что они перешли въ православную вѣру. Всѣ эти факты неопровержимо подтверждаютъ то, что можно было угадать заранѣе, т. е. что противъ православія составится заговоръ помѣщиковъ и пасторовъ, извѣстнаго рода пропаганда въ пользу лютеранизма. Этому прямому, положительному образу дѣйствія правительство противопоставило одни отрицательныя мѣры, т. е. оно ограничивало затѣи протестантской партіи и въ рѣдкихъ случаяхъ взыскивало съ виновныхъ за слишкомъ явныя и дерзкія попытки подавить православіе или отомстить принявшимъ его крестьянамъ; но само собою разумѣется, что рѣдко случаи этого рода могли быть юридически доказаны. Взысканія постигали слѣпую ненависть и увлеченіе фанатизма, но ненависть осторожная и зоркая, но ежедневные, неуловимые ея успѣхи ускользали отъ всякаго надзора. Съ своей стороны мѣстное началь-

ство сдѣлало все, что могло. неоднократными объявленіями оно внушало помѣщикамъ, чтобъ они не отказывали крестьянамъ въ выдачѣ билетовъ, не удерживали отъ явки къ православному духовенству подъ предлогомъ, что поселяне руководствуются мірскими надеждами, а не религіознымъ побужденіемъ, не отсылали ихъ на увѣщаніе къ пасторамъ и тому подобное; но что̀ значили внушенія и рѣдкія взысканія противъ заговора двухъ сословій? Я показалъ вамъ, какъ дѣйствовали лютеранское духовенство и дворяне, въ качествѣ помѣщиковъ. Они же, какъ полицейскіе чиновники и судьи, постоянно клеветали на народъ и обманывали правительство, выставляя стремленіе къ православію бунтомъ противъ верховной власти и заговоромъ противъ помѣщиковъ. Неосновательнымъ и преувеличеннымъ донесеніямъ ордингсг-рихтеровъ, писаннымъ съ этою цѣлью, нѣсть числа. Я уже привелъ вамъ отрывокъ изъ донесеній слѣдственной коммиссіи 1841 г.; сообщу вамъ еще нѣсколько примѣровъ.

Въ 1845 году, по поводу стеченія крестьянъ въ городъ Верро для присоединенія къ православію, мѣстныя полицейскія власти изъявили опасеніе безпорядковъ. Полагаясь на ихъ показанія, генералъ-губернаторъ послалъ туда жандармскую команду, которой вскорѣ велѣно было воротиться, потому что опасенія оказались преувеличенными. То же самое повторилось при стеченіи крестьянъ въ Дерптѣ; дворяне предвѣщали безпорядки, а командированные на мѣсто чиновники донесли, что спокойствіе и порядокъ не нарушались ни разу, не только во время присоединенія къ православію, но даже во время бывшей тогда крестьянской ярмарки. Одинаково неосновательными оказались донесенія Перновскаго ордингсъ-герихта, по поводу которыхъ командированъ былъ Государемъ генералъ-маіоръ Крузенштернъ и эскадронъ казаковъ. Въ 1846 году, Эзельскій ордингсъ-герихтъ довелъ до свѣдѣнія генерала Головина по эстафетѣ о безпорядкахъ, возникшихъ будто бы по случаю стеченія крестьянъ на Эзелѣ, въ городѣ Аренсбургѣ, для присоединенія къ православію; опять отправленъ былъ по Высочайшему повелѣнію тотъ же генералъ-маіоръ Крузенштернъ, но и въ этотъ разъ донесенія оказались вздорными, и Государь велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ виновнымъ

въ неосновательномъ донесеніи, что́ и было сообщено всѣмъ прочимъ полицейскимъ начальствамъ для ихъ предостереженія. Несмотря на все это, Вольмарскій ордунгсъ-рихтеръ въ декабрѣ прошлаго года, по первому рапорту какого-то мызнаго управленія о волненіи, произведенномъ между тамошними крестьянами сельскимъ учителемъ, вмѣсто того, чтобы отправиться на мѣсто и удостовѣриться въ точности донесенія, чего требовалъ долгъ службы, даже не смотря на то, что рапортъ мызнаго управленія полученъ былъ въ судѣ спустя 10 дней по его отправленіи, а съ тѣхъ поръ новыхъ увѣдомленій не было, донесъ генералъ губернатору, что вся крестьянская община находится въ полной тревогѣ (in voller Aufregung). Немедленно отправлены были на мѣсто чиновники на слѣдствіе, и оказалось, что хотя сельскій учитель дѣйствительно распространялъ какіе то вздорные слухи, за что и былъ преданъ суду, но крестьяне, обратившіеся съ вопросомъ о достовѣрности ихъ къ мызному управленію, а потомъ къ православному священнику, были имъ вразумлены и спокойно разошлись по домамъ, не обнаруживая никакого волненія. Вслѣдствіе этого, генералъ-губернаторъ отдалъ Вольмарскій ордунгсъ герихтъ подъ судъ за пристрастное донесеніе, а предсѣдателя его удалилъ отъ должности до рѣшенія дѣла противъ чего протестовало губернское правленіе. Если такъ безсовѣстно клеветали на крестьянъ чиновники, подвергавшіеся отвѣтственности за свои показанія, притомъ въ самой Лифляндіи, въ глазахъ начальства, которое могло и обязано было повѣрять на мѣстѣ каждое слово, то вы можете судить о свойствѣ и достовѣрности слуховъ, распускавшихся въ Петербургскихъ и Московскихъ гостиныхъ, гдѣ невѣдѣніе, довѣрчивость нашего общества и совершенная безопасность вызывали на выдумки и преувеличенія. Корреспонденты Лифляндцевъ, пріѣзжіе дворяне, ихъ покровители и заступники, разсказывали, напримѣръ, что, ожидая ежеминутно кровопролитія, они, ложась спать, прощались съ жизнію, что емиссары православія безнаказанно рыскали по всему краю, что крестьянъ насильно тащили къ священникамъ, что имъ показывали на одномъ столѣ изготовленныя блюда, а на другомъ пукъ длинныхъ розогъ и говорили, указывая на первый

столъ: вотъ, что̀ ожидаетъ тѣхъ, которые перейдутъ въ православіе, а указывая на розги: вотъ что̀ приготовлено для упорныхъ; что добровольно переходившимъ въ православіе выдавали отъ имени правительства по пяти рублей; что самихъ помѣщиковъ стращали угрозами и наконецъ, что тѣ изъ нихъ, которые ревностнѣе другихъ противодѣйствовали переходу, были отравлены.

Все, чему вѣрило наше высшее общество, не перечтешь; но и на то какъ возражать? Я понимаю возможность оспоривать ложный взглядъ на цѣлый рядъ событій, опровергнуть неточный разсказъ истиннаго происшествія; но что дѣлать съ чистымъ, голымъ вымысломъ, что противопоставить ему кромѣ такого же голословнаго отрицанія? Пускай же вѣрятъ или нѣтъ, а наше дѣло повторять во всеуслышаніе, что это ложь, а между тѣмъ она торжествуетъ и будетъ подавлять голосъ правды, пока мы не научимся отъ нашихъ противниковъ стоять за правду такъ же единодушно, такъ же горячо какъ они умѣютъ стоять за вымыселъ. Послѣднее обстоятельство меня не разъ поражало, такъ напримѣръ: я замѣчалъ, что даже тѣ, которые хорошо понимали всю невѣроятность этихъ слуховъ и никакъ бы не рѣшились распускать ихъ отъ себя, не менѣе того никогда не останавливали запосчивыхъ разскащиковъ и не опровергали небылицъ, повторявшихся въ ихъ присутствіи. Добросовѣстнѣйшіе въ такихъ случаяхъ отмалчивались и самымъ молчаніемъ своимъ поощряли слушателей къ безусловной довѣрчивости. Вы видите, что разглашатели ложныхъ слуховъ были двухъ родовъ: одни судили въ будущемъ несбыточныя блага, другіе выдумывали въ настоящемъ клеветы на народъ, на духовенство и на правительство; первые увлекались потребностью перемѣны къ лучшему ихъ жалкой участи, вторые дѣйствовали по разсчету: первые выходили изъ низшихъ слоевъ общества—это были отставные солдаты, дьячки, мужики, слуги; ежедневный опытъ обличалъ нелѣпость распускаемыхъ ими обманій, а ихъ самихъ судили военнымъ судомъ и наказывали шпицрутенами: вторые принадлежали къ высшему, просвѣщеннѣйшему сословію, а наше общество вторило имъ безусловно и старалось вознаградить ихъ своимъ соболѣзнованіемъ за мнимыя несправедливости пра-

вительства. Которые же изъ этихъ разглашателей были виновнѣе и опаснѣе? Наше духовенство, съ того самаго времени какъ обнаружилось вторичное стремленіе къ православію въ 1845 году, было поставлено правительствомъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и устранено отъ всякаго участія въ дѣлѣ, въ которомъ оно, повидимому, должно бы было играть самую важную роль. Записывать въ присутствіи полицейскаго чиновника имена желающихъ перейти въ православіе, а потомъ совершать надъ ними таинство миропомазанія—вотъ чѣмъ ограничивалась его дѣятельность; по крайней мѣрѣ этого требовало правительство, строго воспрещавшее ему идти на встрѣчу къ народу, вызывать обнаруженіе его стремленій, увѣщевать его и проповѣдывать. Сильная пропаганда протестантская организировалась сама собою; пропаганды въ пользу господствующаго въ государствѣ вѣроисповѣданія православное правительство не дозволило. Это, во первыхъ, значительно повредило успѣху самого дѣла; во вторыхъ, поставило наше духовенство въ ложное, двусмысленное положеніе. Нѣтъ ничего труднѣе вынужденнаго бездѣйствія въ дѣлѣ, возбуждающемъ въ насъ живое участіе. Представьте себѣ положеніе одинокаго священника, заброшеннаго въ кругъ людей, ненавидящихъ въ немъ санъ и церковь, которой онъ представитель. Онъ знаетъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него пасторъ въ своихъ проповѣдяхъ хулитъ православіе и всѣми средствами отводитъ отъ него народъ; онъ знаетъ, что помѣщикъ стращаетъ крестьянъ, склонныхъ къ переходу, и мститъ перешедшимъ; онъ видитъ, что мѣстная полиція слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ и ловитъ всякій поводъ къ извѣту; онъ чувствуетъ глубоко наносимыя ему на каждомъ шагу оскорбленія и долженъ молчать и выжидать скрестивши руки, чтобы какимъ-то чудомъ, безотчетное стремленіе простаго народа проявилось вопреки всѣмъ кознямъ. Сравните положеніе миссіонера, окруженнаго язычниками; онъ видитъ передъ собою смерть, но не видитъ ни заговора, ни интригъ; самолюбіе его не раздражается на каждомъ шагу; наконецъ, онъ можетъ проповѣдывать, въ его власти слово назиданія и обличенія. Я не берусь рѣшить, въ которомъ изъ этихъ двухъ положеній труднѣе сохранить душевное спокойствіе, и потому

мнѣ кажется естественнымъ, что, не имѣя возможности дѣйствовать самостоятельно и положительными средствами, то есть проповѣдью, наше духовенство, для огражденія интересовъ православія и перешедшихъ въ него крестьянъ, должно было ограничиваться пассивнымъ наблюденіемъ того, что дѣлали вокругъ него другіе. Приходскіе священники начали обращаться къ мѣстному представителю православія съ жалобами всякаго рода отъ имени крестьянъ и отъ своего лица; изъ нихъ многія оправдались, другія не могли быть доказаны, третьи оказались ложными; но все это набросило на духовенство невыгодную тѣнь. А кто былъ виноватъ? Всего болѣе возбуждало негодованіе дворянства то обстоятельство, что православные крестьяне обращались къ священникамъ съ жалобами на притѣсненія, которымъ они подвергались за переходъ въ православіе со стороны своихъ помѣщиковъ и пасторовъ, что священники принимали эти жалобы, иногда записывали и сообщали русскому епископу. Я готовъ допустить, что это во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно могло быть вредно; но спрашивается: при настоящемъ устройствѣ края, къ кому же слѣдовало бы обращаться крестьянамъ? Неужели къ ордунгсъ-рихтеру, помѣщику, протестанту и большею частію родственнику или пріятелю лица, на котораго приносилась жалоба? Могли ли крестьяне питать довѣріе къ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ? Можно ли было и требовать отъ протестантовъ, чтобъ они приняли къ сердцу интересы ненавистной имъ церкви и разсорились за нее съ своею братьею? И если бы священники отказались выслушивать крестьянъ, то какимъ бы путемъ послѣдніе стали доводить до мѣстнаго начальства свои жалобы и мольбы о заступничествѣ? Не менѣе того, для отклоненія всякаго повода къ неудовольствію дворянъ, по сношенію генерала Головина съ епископомъ рижскимъ, предписано было священникамъ обращать крестьянъ, приносившихъ жалобы, къ свѣтскимъ властямъ и ни въ какомъ случаѣ не записывать въ присутствіи самихъ крестьянъ содержанія ихъ показаній; наконецъ, по высочайшему повелѣнію, поставлено было духовенству въ обязанность доводить до свѣдѣнія епархіальнаго начальства только о тѣхъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ со стороны помѣщиковъ,

которыхъ сами священники были свидѣтелями. Итакъ, соображая скудость средствъ, оставленныхъ нашему духовенству, несоразмѣрность ихъ съ препятствіями, воздвигнутыми противною партіею, сверхъ-естественныя усилія, которыхъ отъ него требовали, и всякаго рода искушенія, съ которыми оно боролось на каждомъ шагу, нельзя, мнѣ кажется, отрицать, что при всемъ томъ, оно вышло съ честью изъ труднаго испытанія и снискало право на всеобщую признательность. Не смотря на то, что сношенія его съ народомъ были умышленно затруднены и ограничены, оно умѣло привлечь его къ себѣ, заслужить его довѣріе, что̀ въ особенности раздражало пасторовъ; наконецъ, если переходъ въ православіе, въ продолженіи двухъ лѣтъ, ста тысячъ четырехъ сотъ слишкомъ человѣкъ, вопреки зловѣщимъ предсказаніямъ дворянства, совершился мирно, безъ малѣйшаго нарушенія не только повиновенія властямъ, но даже порядка, то честь этого результата главнѣйшимъ образомъ принадлежитъ нашему духовенству. Между тѣмъ, тѣ немногіе изъ его членовъ, которые, будучи выведены изъ терпѣнія, переступили предѣлы законной своей дѣятельности, подверглись строгимъ наказаніямъ, а эта великая заслуга осталась почти неоцѣненною.

Я старался показать вамъ роль правительства, роль пасторовъ и дворянства и роль нашего духовенства, и не думаю, чтобы можно было упрекнуть меня въ пристрастномъ изложеніи фактовъ. Вы видите изъ нихъ, что правительство не только не подстрекало къ переходу, но даже всевозможными средствами затрудняло его. Оно какъ будто не вѣрило въ правоту самаго дѣла, какъ будто стыдилось его и потому, ступивъ шагъ впередъ, немедленно отступало на два шага назадъ. Чего же еще требовало отъ него дворянство? Безусловнаго запрещенія присоединять крестьянъ. А на чемъ основывалось это требованіе? На увѣреніи, что крестьянъ побуждаютъ къ переходу мірскія надежды, а не религіозныя убѣжденія.

О томъ, что̀ влекло крестьянъ къ православію, я буду говорить ниже; а теперь разберемъ, имѣло ли право правительство исполнить домогательство дворянъ? Вопросъ этотъ тождественъ съ вопросомъ: имѣетъ ли право правительство су-

дить не по дѣламъ и словамъ, а по сокровеннымъ намѣреніямъ? Предложенный въ такой формѣ, этотъ вопросъ, кажется, не подлежитъ спору. Испанская инквизиція говорила еретику: ты увѣряешь, что ты убѣжденъ въ чистотѣ своей вѣры и что мои доводы не поколебали твоего убѣжденія; но я читаю въ твоей совѣсти и вижу, что ты притворяешься; не заблужденіе, а упрямство заставляетъ тебя отвергать очевидную истину; ты преступникъ и потому ступай на костеръ. А еслибы наше правительство стало на ту точку, на которую хотѣли поставить его протестанты, оно говорило бы Латышу: ты увѣряешь, что ты убѣжденъ въ превосходствѣ православія: ты даешь подписку, что ты не ожидаешь отъ перехода никакихъ мірскихъ выгодъ и будешь свято исполнять всѣ прежнія свои обязанности; но я вижу по глазамъ твоимъ, что ты ожидаешь чего то иного, и потому я не пущу тебя въ православную церковь, а отошлю тебя назадъ къ твоему помѣщику, отъ котораго ты узнаешь какія выгоды ожидаютъ желающихъ перемѣнить вѣру. Помѣщики прославили бы такой приговоръ какъ верхъ премудрости: но что бы сказали они, если бы въ отвѣтъ на поднесенные ими адресы правительство обратилось къ нимъ съ слѣдующими словами: „Вы кляпетесь въ вѣрности и увѣряете, что вы гнушаетесь Германіи; но вы благоговѣли передъ нею вчера, вы питались теоріями, нынѣ переходящими въ дѣло, и потому мнѣ сдается, что ваше мнимое обращеніе есть притворство; не принимаю я вашихъ адресовъ и не вѣрю въ вашу преданность“.

Но если правительство отталкивало переходившихъ въ православіе, то дворяне и пасторы своими увѣщаніями, угрозами и притѣсненіями всего болѣе побуждали крестьянъ къ переходу и утверждали ихъ въ надеждѣ на сопряженное съ нимъ улучшеніе въ хозяйственномъ ихъ бытѣ. Привыкнувъ издавна видѣть въ помѣщикахъ и пасторахъ своихъ враговъ, считать ихъ выгоды несовмѣстными съ собственнымъ ихъ благомъ, поселяне разсуждали такъ: если дѣло непріятно помѣщику и пастору, то значитъ для насъ оно выгодно, и вотъ какъ обратились въ пользу православія мѣры, принятыя для его подавленія.

Таковы были внѣшнія обстоятельства, мѣшавшія и содѣйствовавшія стремленію крестьянъ; но гораздо интереснѣе дѣло само въ себѣ, вопросъ о сокровенныхъ побужденіяхъ самихъ крестьянъ къ переходу изъ протестантской вѣры въ православную церковь. Объявляю вамъ напередъ, что свѣдѣнія и наблюденія мои недостаточны для удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса, но болѣе чѣмъ достаточны, чтобы убѣдить меня въ томъ, что къ нему приступали не съ надлежащей стороны Позвольте начать съ высока. Мирное распространеніе православія между туземцами Остзейскаго края въ XIII вѣкѣ было пресѣчено нашествіемъ крестоносцевъ. Какими средствами введенъ былъ католицизмъ, извѣстно всѣмъ, равно какъ и то, что хотя церковь римская и утвердила свое владычество въ Балтійскомъ краѣ, однако вѣра латинская не проникла въ убѣжденіе народа. Протестантскіе лѣтописатели исчерпали эту любимую ихъ тему. Гіерихъ пишетъ: „Народъ обращенъ былъ въ христіанство, то есть числился обращеннымъ и платилъ на содержаніе духовенства; но на дѣлѣ онъ не отсталъ отъ язычества и не могъ ни познать, ни полюбить ученія, котораго никто ему не проповѣдывалъ". Другой историкъ пишетъ: „Ливонскій орденъ мало заботился о религіозномъ просвѣщеніи народа; это ставилось ни во что; правда, католическіе священники объѣзжали страну и мѣстами служили обѣдни, но могли ли они наставлять жителей, не зная ихъ языка и не имѣя ни средствъ, ни времени научиться ему?" Послѣднее замѣчаніе оправдывается слѣдующимъ извѣстіемъ, находящимся въ протоколахъ коммиссіи, ревизовавшей лифляндскіе приходы при Стефанѣ Баторіѣ въ 1584 году: „Въ Дерптѣ іезуиты дѣлаютъ быстрые успѣхи, проповѣдуя. *къ удивленію народа*, на эстскомъ языкѣ". Значитъ это была новость.

Изъ оффиціальной записки, поданной Фирстенбергу въ 1558 году, видно, что наложили на народъ особую подать въ пользу школъ, которыя предполагали учредить для него и что онъ исправно ее уплачивалъ; но, по свидѣтельству современниковъ, изъ накопленной суммы ни одинъ пфенигъ не былъ употребленъ на школы. Гваньини говоритъ о Лифляндіи: храмы чрезвычайно рѣдки и встрѣчаются только въ

замкахъ (templa quoque rarissima nisi in arcibus visuntur), и то, какъ видно изъ современныхъ описей, только въ значительнѣйшихъ замкахъ; къ тому же это были домовыя часовни, а не церкви. Въ XVI вѣкѣ города и дворяне приняли протестантскую вѣру, прогнали католическое духовенство и перевели народъ изъ римской церкви въ лютеранизмъ. Какъ это совершалось, объ этомъ молчатъ всѣ лѣтописи; но самое молчаніе ихъ многозначительно. Принужденія, какъ кажется, не было, но потому, что не было со стороны народа никакого сопротивленія: онъ такъ мало дорожилъ старою своею вѣрою, такъ мало зналъ ее, что не думалъ и заступаться за ея служителей, и это самое доказываетъ случайность ничѣмъ не приготовленнаго явленія протестантизма. Онъ могъ возникнуть единственно изъ чувства глубокаго пресыщенія формализмомъ римской церкви въ ея ученіи, въ ея жизни, въ ея обрядахъ; онъ предполагалъ за собою цѣлый пережитой періодъ религіознаго развитія, котораго протестантизмъ являлся отрицаніемъ. Но по этому самому могъ ли онъ привиться въ народѣ, котораго едва коснулся католицизмъ и для котораго истины христіанства не иначе были доступны, какъ въ образахъ и сквозь обрядовую сторону богослуженія? Объ этомъ не заботились протестанты. Гіерн говоритъ, что поселяне перенесли въ свою новую вѣру суевѣрія языческія и католическія, разумѣя подъ этимъ тризны и молитвы за усопшихъ. Вообще, конецъ XVI вѣка и первая половина XVII представляютъ совершенное затмѣніе въ исторіи религіознаго образованія народа. Всѣ монастыри, большая часть церквей и часовень были упразднены; католическое духовенство исчезло, а протестантское размножалось чрезвычайно медленно. Въ Ригѣ, въ началѣ XVII вѣка, было не болѣе трехъ пасторовъ. Сельскіе приходы были въ запустѣніи. Протоколы упомянутой выше коммиссіи свидѣтельствуютъ, что одинъ и тотъ же пасторъ имѣлъ по три церкви въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія одна отъ другой. Спрашивается: могъ ли народъ привязаться къ новой, навязанной ему вѣрѣ? Не прежде какъ при шведскомъ владычествѣ умножилось число церквей и пасторовъ знавшихъ мѣстные языки; но въ то же время, протестантское духовенство, получивъ

сословную организацію, вовлечено было въ борьбу сословныхъ интересовъ. Въ послѣднее пятидесятилѣтіе шведскаго владычества, оно было постоянно занято спорами съ гражданами и дворянами о своихъ доходахъ и своихъ правахъ и совершенно забыло о народѣ. Это пренебреженіе къ его нуждамъ продолжалось до нашихъ временъ. Я ссылаюсь на общую молву въ Остзейскомъ краѣ. Всѣ сколько нибудь безпристрастные люди скажутъ вамъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, духовенство такъ же чуждо народу, такъ же отъ него удалено какъ и дворянство. Пасторъ въ глазахъ поселянина самъ ни что иное, какъ видъ помѣщика, помѣщикъ въ длиннополомъ сюртукѣ, на котораго онъ обязанъ отработывать барщину и которому уплачиваетъ опредѣленный оброкъ натурою и деньгами, по установленной таксѣ, за всѣ церковныя требы. Но, не говоря уже объ отсутствіи нравственной связи, сочувствія и довѣрія между народомъ и пасторами, послѣдніе навлекли на себя нерасположеніе перваго непростительнымъ пренебреженіемъ къ самымъ существеннымъ обязанностямъ своего званія, которыхъ точнаго исполненія требовалъ отъ нихъ даже гражданскій законъ; такъ, напримѣръ, чтобъ избавиться отъ безпокойныхъ разъѣздовъ по деревнямъ для исполненія церковныхъ требъ, они возлагали часть своихъ обязанностей на школьнаго учителя, или посылали своихъ кистеровъ хоронить усопшихъ, а сами предпочитали партію виста въ теплой комнатѣ въ компаніи помѣщиковъ. Все это понимали и чувствовали Латыши, хоть Нѣмцы и не называютъ ихъ иначе какъ глупыми -die einfältigen Letten. Повторяю опять: были и есть исключенія, но можно ли сомнѣваться въ справедливости упрека, обращеннаго къ цѣлому сословію, когда въ книгѣ, изданной Остзейскимъ уроженцемъ Меркелемъ въ 1803 году, мы читаемъ слѣдующія слова: „Опредѣленіе пастора зависитъ отъ помѣщиковъ, и потому можетъ ли придти въ голову Латышамъ подарить свою довѣренность довѣренному лицу своихъ угнетателей? За то въ нѣкоторыхъ округахъ народъ называетъ пасторовъ церковными барами -Kirchenherrn... Многіе изъ нихъ не только не удерживаютъ помѣщиковъ отъ притѣсненія крестьянъ и жестокаго съ ними обращенія,

но напротивъ поступаютъ сами точно такимъ же образомъ... Нѣкоторые совершенно превращаются въ сельскихъ хозяевъ и привыкаютъ смотрѣть на церковныя обязанности свои какъ на досадную помѣху, на которую горько жалуются и которую, гдѣ только можно, сваливаютъ на школьныхъ учителей... Я самъ, говоритъ Меркель, видѣлъ, какъ одинъ пасторъ отказалъ похоронить умершаго, потому что родственники его не были въ состояніи заплатить ему за труды 4 или 5 грошей. Вслѣдствіе такихъ поступковъ, крестьяне начинаютъ смотрѣть на церковные обряды какъ на особенный родъ налога, а на пастора какъ на акцизнаго сборщика". Статья, изъ которой выписаны эти строки, оканчивается слѣдующими замѣчательными словами: „Въ разныхъ земляхъ встрѣчаются священнослужители, не брегущіе о своемъ ученомъ образованіи, попадаются и такіе, которые ведутъ развратную жизнь; но гдѣ, въ какой странѣ видано, чтобы духовные пастыри обнаруживали открыто презрѣніе къ ввѣренной имъ паствѣ и подавали руку дворянству для совокупнаго ея угнетенія? Единственный примѣръ того предоставлено было явить Лифляндіи" *). Замѣтьте, что все это, какъ я сказалъ, было писано въ 1803 году, когда еще никто и не помышлялъ о православіи. Книга Меркеля раздражила пасторовъ, но не вразумила ихъ, а въ прошломъ году знаменитѣйшій изъ проповѣдниковъ Остзейскаго края въ прекрасной рѣчи, произнесенной съ каѳедры, высказалъ скорбныя признанія, составляющія какъ бы продолженіе упрековъ Меркеля.

Въ каждой церкви отсутствіе живой связи между духовенствомъ и народомъ было бы великимъ зломъ; но въ протестантской, гдѣ все основано на проповѣди и на личномъ вліяніи проповѣдника, гдѣ нѣтъ ни обрядовъ, ни образовъ, ни символическаго богослуженія, ни легендъ, оно еще важ-

*) Dass Landprediger aufhören Gelehrte zu sein, dass sie ihre Gemeinde vernachlässigen, dass sie hin und wieder verdorbene Sitten annehmen—findet man auch anderwärts; aber wo, wo sieht der Seelsorger mit erklärter Verachtung auf seine Anvertrauten herab? Wo verbindet er sich mit dem Adel, sie zu tyrannisiren? Das ist ein Vorrecht Livland's.

нѣе, ибо безъ него становится рѣшительно невозможнымъ религіозное воспитаніе народа.

Если все это сообразить, то мы придемъ къ тому заключенію, что ни католицизмъ, ни протестантизмъ не проникъ въ жизнь народную; что религіозная потребность, врожденная Латышамъ, какъ и всякому другому народу, не находила удовлетворенія и что, не имѣя вѣры, они искали и просили ея. Этимъ объясняются и быстрые успѣхи гернгутерства и стремленіе къ православію. Въ немъ хотѣли видѣть переходъ изъ одной вѣры въ другую, тогда какъ въ сущности не было перехода, а было требованіе какой-нибудь вѣры. Таково было первое, почти всеобщее заблужденіе.

Другое, не менѣе плодовитое, раздѣляемое нѣкоторыми правительственными лицами, заключалось въ томъ, что изъ отсутствія яснаго, логическаго сознанія религіозной потребности въ народѣ, выводили заключеніе о ея неискренности, или о совершенномъ ея отсутствіи. Это очевидно было слѣдствіемъ сухаго, протестантскаго раціонализма, который до того стѣсняетъ умы, что дѣлаетъ ихъ неспособными понимать какое бы то ни было проявленіе жизни народной. Отъ Латышей пасторы требовали того, чего можно было требовать отъ ученаго Пальмера и когда на неожиданный вопросъ, предложенный полицейскимъ чиновникомъ: „зачѣмъ они перемѣняютъ вѣру“, Латыши ничего не отвѣчали, или отвѣчали вздоръ, пасторы восклицали съ торжествомъ: „видите ли, что они сами не знаютъ, чего хотятъ“, а помѣщики приговаривали: „хотятъ-то они земли или отмѣны барщины“. Я не считаю нужнымъ доказывать нелѣпости этого вывода, но не могу не замѣтить, что когда дѣло шло о переводѣ народа изъ католицизма въ лютеранизмъ, предки нынѣшнихъ пасторовъ и помѣщиковъ не тревожились сомнѣніями на счетъ искренности его обращенія.

Затѣмъ представляется другой вопросъ: почему именно потребность вѣры проявилась желаніемъ вступить въ православную церковь? Здѣсь также я считаю не излишнимъ воспользоваться нѣкоторыми историческими указаніями. Христіанство впервые распространилось въ Остзейскомъ краѣ

въ формѣ православія; это доказано несомнѣнно. Но, кромѣ того, есть отрывочныя свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что оно не было вполнѣ искоренено впослѣдствіи. Въ эпоху орденскаго владычества, въ Ригѣ существовала православная церковь, подчиненная епископу псковскому; въ началѣ XVI вѣка упоминается о русскомъ монастырѣ въ числѣ зданій, назначенныхъ въ сломку въ томъ же городѣ. Одно изъ требованій, предъявленныхъ Іоанномъ Грознымъ передъ началомъ Ливонской войны, касалось возобновленія православныхъ церквей въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ. По увѣренію Тилемана—Бредебаха, нѣкоторые изъ Дерптскихъ жителей, по взятіи города Русскими, перешли изъ лютеранизма въ *Московскій атеизмъ*, какъ выражается авторъ. Въ протоколахъ коммиссіи, ревизовавшей приходы въ 1583—1584 г., мы читаемъ: „Въ Перновѣ граждане держатъ пастора, который проповѣдуетъ въ церкви, принадлежавшей передъ тѣмъ Москвитянамъ. Въ Феллинѣ граждане на вопросъ: какой они вѣры, отвѣчали—старой, и оказывали священникамъ такое уваженіе, что даже бросались имъ въ ноги". Не слѣдъ ли это православнаго обычая? При посѣщеніи Нейгаузена, на Русской границѣ, „жители такъ испугались кардинала Радзивилла, что со всѣми пожитками ушли въ Русь, за три мили, и унесли въ Псковъ драгоцѣнный образъ Божіей матери изъ монастыря, называвшагося Пичуръ, подлѣ котораго, въ деревнѣ, жило нѣсколько Москвитянъ, а всѣ остальные жители походили болѣе на Русскихъ, нежели на Лифляндцевъ". Въ 1599 году въ Феллинѣ была православная церковь. Въ протоколахъ коммиссіи 1615 г. сказано: „въ Ронебургскомъ приходѣ, въ числѣ католиковъ найдено двое Русскихъ схизматиковъ, которыхъ впрочемъ немедленно обратятъ въ Римскую церковь, qui tamen ad ecclesiam brevi reducentur". Около мѣстечекъ Розиттенъ, Людценъ, Маріенгаузенъ, жители имѣли какихъ то священнослужителей, которыхъ называли попами —quos popos vocant... Вотъ извѣстія, которыя я нашелъ случайно, роясь въ лѣтописяхъ и актахъ совершенно съ другою цѣлью; я не сомнѣваюсь, что ихъ можно бы было найти несравненно болѣе.

Когда Остзейскій край присоединенъ былъ къ Россіи, многіе изъ Латышей и Эстовъ перебѣжали въ Россію и обра-

тились въ православіе. Для отысканія и возвращенія ихъ на прежнія мѣста наряжаемы были нѣсколько разъ коммиссіи, но принявшихъ православіе велѣно было не отсылать назадъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ разсказывалъ мнѣ православный священникъ долго жившій въ Лифляндіи, четыре погоста Верровскаго уѣзда сами собою перешли въ православіе и, по ихъ желанію, имъ поставили въ священники бывшаго ихъ пастора. Конечно въ то время въ Петербургѣ никто не заботился о распространеніи нашей вѣры въ Остзейскомъ краѣ. Наконецъ въ 1840-хъ годахъ стало извѣстнымъ, что Латыши, жившіе на границѣ Псковской губерніи и даже во внутреннихъ уѣздахъ, издавна имѣли обыкновеніе передъ посѣвами и жатвами приглашать къ себѣ православныхъ священниковъ для служенія молебновъ, запасаться у нихъ святою водою и маленькими мѣдными образами, къ которымъ они питали великое уваженіе. Это я узналъ въ Псковѣ и тоже самое подтвердили мнѣ многіе изъ лицъ хорошо знакомыхъ съ Остзейскимъ краемъ. Одинъ священникъ, жившій долго въ Перновѣ, разсказывалъ мнѣ между прочимъ, что къ нему нѣсколько разъ приходили Латыши за молитвами и наставленіями въ случаѣ семейныхъ ссоръ или постигавшихъ ихъ несчастій и объявляли, что они это дѣлали по совѣту своихъ старцевъ, къ которымъ питали глубокое уваженіе. Изъ всего этого я вывожу не болѣе того, что связь съ православною церковью въ Лифляндіи никогда не прерывалась, что Латыши имѣли объ ней понятіе, что живыя, совершенно свободныя сношенія между народомъ и нашимъ духовенствомъ велись издавна, задолго до 1841 года, и что стремленіе къ православію, обнаружившееся съ такою силою въ послѣднее время, кажется многимъ событіемъ ничѣмъ не приготовленнымъ, внезапнымъ и безпримѣрнымъ потому только, что причины его не разъяснены или умышленно отъ насъ закрыты и что мы, такъ сказать, не видимъ тѣхъ подземныхъ ключей, изъ которыхъ образовался потокъ, поражающій наши взоры неожиданностью и быстротою своего теченія. Исторія представляетъ не мало подобныхъ явленій.

Итакъ, я остаюсь при томъ убѣжденіи, что въ сущности, въ основѣ своей, стремленіе народа было религіозное, сво-

бодное и не разсчетливое. Этимъ я нисколько не думаю отрицать существовавшихъ въ немъ надеждъ на какую-то перемѣну къ лучшему въ его житейскомъ быту; но я увѣренъ, что эта надежда порождена не злонамѣренно-распущенными слухами, а возникла сама собою и была выраженіемъ другой, не менѣе искренней и естественной потребности, притомъ не только въ понятіяхъ народа, но и въ самой жизни, неразрывно связанной съ потребностью религіозною. Хорошо намъ отдѣлять рѣзкою чертою религіозное отъ мірскаго, жизнь духовную отъ жизни матеріальной: это возможно тамъ, гдѣ всѣ условія послѣдней удовлетворены съ избыткомъ, гдѣ можно позабыть про нее, оставить ее въ сторонѣ и свободно уноситься въ другой міръ. Но таково ли положеніе здѣшняго крестьянина? Всѣми своими потребностями и помыслами онъ прикованъ къ землѣ, обреченъ на ежечасный матеріальный трудъ, едва достаточный для его прокормленія, и при этомъ отъ него требуютъ логическаго рефлекса, утонченнаго сознанія, раздвоенія потребностей житейскихъ отъ духовныхъ!

Я вовсе не хочу сказать, чтобы міръ духовный былъ недоступенъ поселянину; сохрани меня Богъ отъ этой хулы на народъ; но я говорю вообще, что его матеріальный міръ сливается съ духовнымъ и просвѣтляется имъ. Не такъ ли и въ настоящемъ случаѣ? Принадлежность къ протестантской вѣрѣ выражается для крестьянина зависимостью отъ пастора: отношенія его къ пастору опредѣляются барщиною, такою за требы и болѣе ничѣмъ. Не естественно ли, что протестантская вѣра, равнодушіе пастора, тягость хозяйственныхъ обязанностей, необезпеченность положенія п. наконецъ, отсутствіе всякаго сочувствія къ его судьбѣ, все это сливается въ его представленіи въ нѣчто цѣлое, ненавистное ему; и дѣйствительно: въ жизни, все это нераздѣльно связано одно съ другимъ. При этомъ онъ знаетъ, что всѣ улучшенія въ его хозяйственномъ быту введены правительствомъ, вопреки усиліямъ помѣщиковъ, знаетъ и видитъ, что пасторъ преданъ помѣщику, а, наоборотъ, священникъ близокъ къ народу. Неужели и въ вашихъ глазахъ не оправдывается его убѣжденіе, что всякое непосредственное сближеніе его съ правительствомъ и православнымъ духовенствомъ точно поведетъ

къ лучшему въ его житейскомъ быту, хотя и не уменьшится барщина и не раздадутъ земель? Право, народъ не такъ глупъ, какъ обыкновенно думаютъ.

Итакъ, я не отвергаю, что потребности матеріальнаго улучшенія сочетались съ потребностью религіозною; но отрицать послѣднюю потому, что обнаружилась первая, такъ же нелѣпо, еще нелѣпѣе, чѣмъ объяснять Реформацію желаніемъ содрать съ иконъ золотые оклады, разграбить церкви и отнять имѣнія у духовенства. Не знаю, примете ли вы мой взглядъ на дѣло обращенія; но вы, конечно, будете неравнодушны къ извѣстію, что теперь торжествуетъ взглядъ прямо противоположный, что нынѣшнее управленіе поставило себѣ задачею служить покорнымъ орудіемъ страстямъ и ненавистямъ нѣмецкаго общества и мстить нашему духовенству за прошлые успѣхи православія. Потомство оцѣнитъ этотъ образъ дѣйствія; я же не могу, не въ силахъ въ настоящую минуту передавать вамъ хладнокровно извѣстій, ежедневно до меня доходящихъ. Все это слишкомъ къ намъ близко и волнуетъ кровь; но, чтобы дать вамъ понятіе о господствующемъ расположеніи умовъ, я приведу вамъ два отзыва самихъ Нѣмцевъ. Въ тотъ день, какъ гражданскій губернаторъ разгласилъ съ торжествомъ первое секретное отношеніе князя Суворова къ епископу рижскому, въ здѣшнемъ клубѣ. Нѣмцы, встрѣчаясь, поздравляли другъ друга и весело потирали руки, повторяя: „русскимъ попамъ генералъ-губернаторъ наклеилъ носъ — die Russische Geistlichkeit hat von dem Fürsten Souvoroff auf die Nase bekommen". Вотъ какою цѣною покупается здѣсь популярность! А на дняхъ, я читалъ письмо, полученное изъ одного изъ лифляндскихъ уѣздныхъ городовъ, въ которомъ сообщается извѣстіе о циркулярномъ предписаніи князя Суворова ко всѣмъ ордингсъ-герихтамъ слѣдующаго содержанія: „оказывать епископу во время объѣзда его по епархіи всевозможное уваженіе и содѣйствіе, дабы не дать ему повода жаловаться на мѣстныя власти". Это предписаніе, какъ сказано буквально въ письмѣ, значительно поколебало популярность новаго генералъ-губернатора. Чего жъ онъ далъ право ожидать отъ себя?

VII.

Я хотѣлъ написать вамъ еще кое-что о земледѣльческомъ классѣ, о податныхъ сословіяхъ городскихъ обывателей и о здѣшнихъ раскольникахъ; но недостаетъ времени; отъѣздъ мой приближается, а признаюсь вамъ, ступивъ на пароходъ я хотѣлъ бы раздѣлаться навсегда съ здѣшнимъ краемъ, оторвать отъ него мысль мою и, если удастся, удалить отъ себя всѣ тяжелыя впечатлѣнія, которыми я съ вами дѣлился. Но прежде, чѣмъ я поставлю послѣднюю точку, позвольте мнѣ высказать вамъ pia desideria и примите ихъ за выводъ изъ всего предъидущаго.

Отношеніе Остзейскаго края къ землѣ русской, къ правительству, положеніе Русскихъ, все это неестественно, ложно и требуетъ коренного преобразованія. Его можетъ осуществить правительство, чего мы и должны ожидать. Но одно правительство, безъ содѣйствія, по крайней мѣрѣ безъ сочувствія нашего общества, ничего не исполнитъ. Сколько разъ оно приступало къ дѣлу и ни одного улучшенія не могло привести къ концу, потому только, что всеобщій ропотъ неодобренія наводилъ на него сомнѣніе въ правотѣ его предпріятій. Мы видѣли этому рядъ примѣровъ; самый же разительный у насъ передъ глазами: это—дѣло православія. Да! Общество наше заражено пристрастіемъ и глубоко впитало въ себя заблужденія, отъ которыхъ по временамъ освобождалось правительство. И вотъ съ чего должно начаться преобразованіе. Какъ скоро прояснится образъ мыслей общества, оно

совершится скоро и безъ шума; но до тѣхъ поръ, пока въ Петербургѣ и даже въ Москвѣ повторяются толки о вѣрности Остзейцевъ, о царствующей въ ихъ краѣ законности, о святости привилегій, которыми насъ убаюкиваютъ Остзейцы, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ довѣрчиво слушать и повторять вздорные слухи, ловить съ наслажденіемъ всякую небылицу и клевету на нашихъ однородцевъ и наше духовенство, пока нельзя будетъ высказывать правды про Остзейскій край, не прослывши якобинцемъ и въ то же время шпіономъ, пока всякаго заѣзжаго Лифляндца будутъ принимать какъ мученика, какимъ-то чудомъ ускользнувшаго изъ подъ колеса отъ ярости палачей и черни, пока русскій генералъ губернаторъ, кощунствуя надъ духовенствомъ и выдавая православіе на поруганіе Нѣмцамъ, будетъ имѣть право утверждать, что этимъ нисколько не поколеблется его популярность въ Россіи, и пророчить съ неслыханнымъ самохвальствомъ голодную смерть всякому, кто съ нимъ не уживется: до тѣхъ поръ, что бы ни дѣлало правительство, улучшенія нельзя ожидать. А коренное преобразованіе, повторяю въ послѣдній разъ, съ каждымъ днемъ становится необходимѣе. Я желаю его отъ всей души, не потому только, что продолжительное торжество лжи, обмана и злоупотребленій убиваетъ всякую вѣру въ правительство, не ради однихъ только Русскихъ, болѣе пятидесяти лѣтъ страдающихъ за свою народность, но ради будущей судьбы самихъ Остзейцевъ, которая вся заключена въ Россіи. Все проститъ имъ Россія, и старые и новые грѣхи; но для этого нужно, чтобъ они покаялись и не выставляли грѣховъ своихъ какъ заслуги; нужно, чтобъ измѣнились и ихъ и наши понятія, дабы не возгорѣлась когда-нибудь та великая буря, о которой пророчилъ умирающій Ломоносовъ.

ИСТОРІЯ РИГИ.

1200—1845 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Историческое обозрѣніе отношеній города Риги къ представителямъ верховной власти.

1200—1796.

Историческое обозрѣніе отношеній города Риги къ представителямъ верховной власти.

Отношенія Риги къ верховной власти, которой городъ былъ подчиненъ въ разныя эпохи, видоизмѣнялись сообразно съ перемѣнами въ самомъ существѣ этой власти или въ ея представителяхъ и на этомъ основаніи могутъ быть раздѣлены на четыре періода:

Отъ основанія Риги до подчиненія ея Польшѣ.

Отъ подчиненія Польшѣ до перехода ея подъ шведское владычество.

Отъ начала шведскаго владычества до присоединенія къ Россіи.

Отъ присоединенія къ Россіи до настоящаго времени.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ основанія Риги до подчиненія ея Польшѣ.

1200—1581.

Какому разряду германскихъ городовъ принадлежитъ Рига.

Германскіе города, по времени ихъ происхожденія, могутъ быть раздѣлены на древнѣйшіе, существовавшіе до XII вѣка, и новѣйшіе, основанные въ XII, XIII и позднѣйшихъ вѣкахъ. Первые выросли сами собою на развалинахъ римскихъ муниципій или германскихъ селеній; вторые поставлены, созданы сознательною волею, по готовому образцу древнѣй-

ихъ городовъ, и относятся къ нимъ какъ колоніи къ метрополіямъ, или какъ копіи къ подлинникамъ. Муниципальное устройство первыхъ выработалось въ ихъ самихъ, самостоятельно и медленно; вторые, при самомъ ихъ основаніи, получили готовое устройство, заимствованное отъ первыхъ, и развивали его послѣдовательно по направленію уже извѣстному, проложенному древнѣйшими городами. Этимъ заимствованіемъ готовыхъ учрежденій и чужой опытности объясняется быстрое развитіе юридическаго быта въ городахъ втораго разряда. Къ числу ихъ принадлежитъ и Рига. Учрежденная по образцу другихъ городовъ, получивъ при самомъ ея основаніи городовое право, населенная выходцами изъ Германіи, уже знакомыми съ городскимъ бытомъ, людьми въ этомъ отношеніи опытными, она въ скоромъ времени достигла высокой степени самостоятельности и, въ свою очередь, послужила образцомъ для другихъ городовъ Остзейскаго края. Поэтому, вопросъ о происхожденіи обще-германскихъ учрежденій, встрѣчаемыхъ въ Ригѣ, долженъ быть устраненъ. Такъ какъ они возникли не въ ней, а были перенесены въ нее изъ Германіи, то намъ останется только отмѣтить время и обстоятельства ихъ постепеннаго появленія въ Ригѣ.

Другое важное различіе между германскими городами заключается въ самомъ образѣ ихъ происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ, и преимущественно древнѣйшіе, получили свои учрежденія отъ королей и императоровъ и потому находились въ непосредственной зависимости отъ представителей государственной власти, въ то время ограниченной, даже безсильной, но не менѣе того заключавшей въ себѣ зародышъ, который впослѣдствіи долженствовалъ развиться въ государственное устройство. Другіе обязаны своимъ происхожденіемъ частнымъ владѣтельнымъ лицамъ: князьямъ и епископамъ, которые, получивъ отъ верховной власти или присвоивъ себѣ право fundandi civitatem, учреждали города въ своихъ владѣніяхъ, принимали желавшихъ въ нихъ селиться, отводили имъ земли и жаловали имъ муниципальныя права. Эти основатели городовъ называли ихъ своими и навсегда сохраняли надъ ними извѣстную власть. Понятіе

объ этой власти выражалось словами: Ober-Herrlichkeit, или Herrlichkeit; представитель ея назывался Oberherr или просто Herr. Имъ соотвѣтствуютъ въ нашемъ языкѣ слова: господство и господинъ, въ противоположность государю [1]).

Различіе между господиномъ и государемъ заключалось вопервыхъ въ томъ, что господинъ пользовался властью условною, не въ себѣ самой заключавшею свое оправданіе, но полученною отъ другаго высшаго лица и кромѣ того ограниченною правами подчиненныхъ лицъ. Вовторыхъ: онъ пользовался ею для себя, для своей личной выгоды; онъ дѣйствовалъ и повелѣвалъ не какъ представитель всѣхъ и не во имя общаго блага, но какъ представитель своего личнаго или сословнаго интереса.

Таково было отношеніе Риги къ ея основателю и ко всѣмъ его преемникамъ въ первомъ періодѣ ея существованія, въ періодѣ до-государственномъ. Оно объясняетъ возможность жалобъ со стороны подчиненнаго города на господина его къ представителю верховной власти, свѣтской или церковной, и возможность посредничества между городомъ и его господиномъ—два явленія многократно повторявшіяся въ исторіи древней Ливоніи.

Показавъ къ какому разряду германскихъ городовъ принадлежитъ Рига по времени и по образу ея происхожденія, мы должны теперь приступить къ ея исторіи.

Основаніе Риги. 1200 г.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ послѣднихъ годахъ XII вѣка бременскіе и любскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Ливонію по дѣламъ торговли, построили нѣсколько домовъ на берегу Двины, представлявшемъ имъ удобную пристань. На этомъ самомъ мѣстѣ, епископъ Альбертъ основалъ городъ Ригу (по всей вѣроятности въ 1200 году) и перенесъ въ

[1]) Выборъ этихъ словъ не совсѣмъ произволенъ. Въ древнихъ нашихъ актахъ и лѣтописяхъ, они имѣютъ опредѣленное значеніе и строго различаются. Удѣльные князья называли себя господами, не государями; слово государь вошло въ употребленіе, когда возникло понятіе о политической нераздѣльности русской земли и объ единствѣ верховной власти. Новгородцы признавали московскаго великаго князя своимъ господиномъ и упорно отказывали ему въ титулѣ государя, потому что это значило бы покориться ему безусловно.

нее свою каѳедру. Въ 1205 году римскій король Филиппъ отдалъ ему въ ленное владѣніе всю Ливонію, cum omni dominio et jure [1]), а въ 1224 году король Генрихъ, вмѣстѣ съ титуломъ князя имперскаго, даровалъ ему право учреждать города, fundandi civitatem, бить монету и пр. [2]).

Двоякое назначеніе Риги.

При основаніи Риги, епископъ Альбертъ имѣлъ въ виду не одно упроченіе торговыхъ сношеній; торговля была для него только средствомъ, а цѣлью: завоеваніе края и распространеніе въ немъ христіанской вѣры. Торговое предпріятіе въ странѣ полудикой и враждебной неизбѣжно принимало характеръ военной экспедиціи: каждый купецъ былъ вмѣстѣ вооруженный дружинникъ, и чѣмъ больше ихъ пріѣзжало и селилось, тѣмъ многочисленнѣе было войско, которымъ располагалъ епископъ. Рига была нужна ему какъ сборное мѣсто для крестоносцевъ, пріѣзжавшихъ служить Богу, т. е. проливать кровь туземцевъ, и какъ укрѣпленное убѣжище въ случаѣ опасности [3]). Это двоякое назначеніе новоосновaннаго города, торговое и военное, опредѣляетъ характеръ его въ продолженіе двухъ первыхъ вѣковъ его существованія и объясняетъ снисхожденіе и покровительство, которое оказывали ему епископы и папы. Даже впослѣдствіи времени, когда обращеніе туземцевъ было уже давно окончено, городъ Рига продолжалъ называть себя при случаѣ поборникомъ христіанства и ревностнымъ страдальцемъ за святую вѣру.

Первыя привилегіи.

При самомъ основаніи Риги, епископъ Альбертъ даровалъ ей городовое Готландское право. Извѣстіе объ этомъ сохранилось въ грамотѣ папскаго легата Вильгельма, пріѣзжавшаго въ 1225 году въ Лифляндію для устройства новообращеннаго края [4]). Въ ней сказано, что между епископомъ Альбертомъ и синдикомъ, представителемъ гражданъ, воз-

[1]) Gruberi Orig. Livon., стр. 46, 48. — [2]) Dogiel, Cod. dipl. Reg. Pol. № XCVII, LV. — [3]) Въ грамотѣ епископа Альберта, сохранившейся въ спискѣ Альберта II. 1272 г. читаемъ слѣдующее: „Наши консулы (члены магистрата) и все рижское общество несутъ тягости для поддержанія новой вѣры, и безъ ихъ содѣйствія пріѣзжающіе на помощь въ Лифляндію пилигримы были бы лишены необходимыхъ средствъ и т. д.“. — [4]) Bunge, Beiträge zur Geschichte der Livl. Rechtsquellen.

никъ споръ о томъ: что̀ должно разумѣть подъ Готландскимъ правомъ, которое епископъ даровалъ гражданамъ въ общихъ выраженіяхъ (in genere). Основываясь на этомъ, граждане хотѣли присвоить себѣ право опредѣлять (constituere) городскаго судью. Съ согласія обѣихъ сторонъ и при посредничествѣ легата, Готландское право было опредѣлено точнѣе въ слѣдующихъ статьяхъ:

1. Граждане имѣютъ право избирать (eligere—а не опредѣлять) себѣ городскаго судью (judicem civitatis) и представлять избраннаго епископу, который опредѣляетъ его въ должность, даетъ ему инвеституру. Слѣдовательно епископъ сообщалъ отъ себя судебную власть. Этотъ судья завѣдуетъ всѣми дѣлами свѣтскими (de omni causa temporali).

2. Граждане освобождаются отъ береговаго права и отъ платежа всякихъ пошлинъ (libertas a naufragio et theloneo).

3. Также отъ испытанія раскаленнымъ желѣзомъ и отъ поля.

4. Всѣ желающіе вступить въ городское общество пользуются всѣми исчисленными правами.

5. Если граждане въ состояніи будутъ доказать въ продолженіе трехъ лѣтъ, что въ составъ нѣмецкаго Готландскаго права входятъ еще другія права, то они получатъ ихъ за исключеніемъ: а) права ставить священниковъ, которое навсегда остается за епископомъ, и б) ему-же принадлежащаго права бить монету, вѣсомъ равную Готландской [1]).

Другая грамота епископа Альберта, относимая съ вѣроятностью къ 1211 году, дана имъ собственно готландскимъ куп-

[1]) Остзейскіе ученые долго спорили о значеніи Готландскаго права. Нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Гадебушъ (Versuch in der Livländ. Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit, II-я часть), понимаютъ его въ смыслѣ свода законовъ уголовныхъ и гражданскихъ. Другіе, въ особенности Bunge (Beiträge zur Kunde der Liv-Est-und Curl. Rechtsquellen), полагаютъ напротивъ, что рижскіе городскіе законы заимствованы изъ Гамбургскаго права, наиболѣе съ ними сходнаго, и что подъ Готландскимъ правомъ должно разумѣть городскія учрежденія и права состояній, которыми пользовались нѣмецкіе торговцы на Готландѣ. Второе мнѣніе гораздо сообразнѣе съ самою грамотою, приведенною въ текстѣ; въ ней именно исчислены статьи, входящія въ составъ Готландскаго права, и между ними нѣтъ ни одной, которая бы оправдывала мнѣніе Гадебуша.

цамъ (должно разумѣть вообще нѣмецкимъ), пріѣзжавшимъ въ Ригу; но она содержитъ также нѣкоторыя статьи, опредѣляющія права рижскихъ гражданъ [1]).

Признавая помощь, оказанную ему готландскими купцами при обращеніи язычниковъ, епископъ Альбертъ, снизошелъ на ихъ просьбы и

1. Дозволилъ имъ безпошлинное судоходство по Двинѣ и посѣщеніе всѣхъ лифляндскихъ пристаней.

2. Освободилъ ихъ отъ испытанія желѣзомъ, отъ поля и отъ береговаго права.

Въ этихъ отношеніяхъ заѣзжіе купцы были уравнены съ гражданами. Слѣдующая статья касается исключительно первыхъ.

3. Дозволяется гражданамъ различныхъ городовъ прекращать самимъ возникающіе между ними безпорядки. Судья, опредѣленный епископомъ, вмѣшивается въ дѣло въ томъ только случаѣ, если до него доведена будетъ жалоба; суду его подлежатъ также споры между гражданами (рижскими) и между лицами, непринадлежащими ни къ какому городу [2]).

4. Далѣе, въ той же грамотѣ постановлено: что никакая гильдія не можетъ быть учреждена безъ разрѣшенія епископа и не должна посягать на права городскаго судьи, ибо надъ гильдіями есть верховный судъ [3]).

Подъ словомъ гильдіи въ этомъ случаѣ должно разумѣть не только тѣ общества, которыя доселѣ удержали это названіе, но и цехи (амты), называвшіеся въ старину также гильдіями: напримѣръ, въ XIV вѣкѣ существовали гильдіи вѣсовщиковъ, разносчиковъ пива, Last-Gilde. Bierträger-Gilde и другія [4]).

Земельныя При самомъ основаніи города, или вскорѣ послѣ того, епи-

[1]) Bunge. Beiträge zur Kunde etc. — [2]) Въ подлинникѣ: Excessus suos singulae civitates, si poterunt, componant. Quidquid autem judici nostro per quaerimoniam delatum fuerit, et quae inter cives contingunt ipse judicabit, similiter inter illos, qui ad nullam civitatem habent respectum, т. е. ни къ какому городу не тянутъ судомъ. — [3]) Nulla Gilda communis sine Episcopi autorite statuetur, nec ex ea judici civitatis in aliquo detrahetur, quia super Gildas est principale judicium. Мы привели эти двѣ статьи въ подлинникѣ, потому что обыкновенно ихъ передаютъ не точно и хотятъ въ нихъ видѣть не то что есть. — [4]) Hupels Nord. Miscelan. 17—18, № XX.

скопъ Альбертъ надѣлилъ его также землею. Границы городскаго владѣнія, патримоніальнаго округа (Marchia civitatis) опредѣлены были тѣмъ же легатомъ Вильгельмомъ какъ посредникомъ, въ 1226 году, по поводу спора, возникшаго между городомъ, епископомъ, магистромъ ордена и динаминдскимъ пріоромъ [1]). Предѣлы городскихъ владѣній были вмѣстѣ предѣлами городскаго суда: впрочемъ, упомянутою выше грамотою предоставлено духовенству и ордену пользоваться въ патримоніальномъ округѣ наравнѣ съ гражданами: лугами, лѣсами, ловить рыбу, добывать глину, жечь кирпичъ и т. д. владѣнія Риги.

Кромѣ того, граждане рижскіе, будучи обязаны помогать епископу и магистру въ войнѣ съ мѣстными жителями, участвовали (по рѣшенію того же легата 1226 г.) въ раздѣлѣ земель, завоеванныхъ общими силами, на равныхъ правахъ съ епископомъ и магистромъ, т. е. получали одну треть [2]). Такимъ образомъ, въ 1231 году они получили треть завоеванной части Курляндіи, Семигалліи и Эзеля. Впослѣдствіи, эти земли были ими частью уступлены епископу Семигальскому, частью утрачены. Но въ этомъ случаѣ фактъ менѣе важенъ, чѣмъ право владѣнія населенною землею собственностью. Изъ грамоть легата Вильгельма и епископа Николая 1231 г. [3]) ясно обнаруживается, что оно было предоставлено не только городу, какъ юридическому лицу, но гражданамъ, слѣдовательно каждому гражданину въ особенности. Во второй изъ упомянутыхъ грамоть именно сказано: мы дали третью часть земли съ полнымъ правомъ свѣтскаго владѣнія (cum omni jure temporali) гражданамъ рижскимъ и ихъ наслѣдникамъ обоего пола. Послѣднія слова доказываютъ, что дѣло шло не о цѣломъ городѣ, но о частныхъ лицахъ. То же самое подтверждается еще сильнѣе грамотою епископа семигальскаго 1234 года, въ которой онъ изъявляетъ согласіе надѣлить 56 рижскихъ гражданъ участками земли въ своей епархіи, на тѣхъ же самыхъ правахъ, какими пользовались прочіе вассалы [4]). Не смотря на несомнѣнность этихъ свп-

[1]) Арндтъ, т. II, стр. 21. Monum. Livon. ant. т. IV, №. 6, 7, 8, и т. д. [2]) Арндтъ, т. II, стр. 20. — [3]) Origin. Livon. стр. 269 — [4]) Monum. Livon. ant. т. IV, № 23.

дѣтельствъ и многихъ однородныхъ, которыхъ не считаемъ нужнымъ приводить, не смотря на отсутствіе всякаго документа, изъ котораго бы можно было заключить, что впослѣдствіи право владѣнія земскою собственностью было отнято у гражданъ, дворянство въ новѣйшее время оспаривало это право и одержало верхъ, очевидно вопреки историческому праву [1]).

Быстрое усиленіе Риги.

Пользуясь выгоднымъ положеніемъ, доходами съ значительныхъ владѣній и важными правами, Рига быстро богатѣла и наполнялась выходцами изъ Германіи. Значеніе ея при жизни епископа Альберта возрасло до того, что она уже отстаивала противъ него свои интересы (какъ видно изъ многихъ третейскихъ приговоровъ легата Вильгельма), и участвовала вмѣстѣ съ магистромъ и епископомъ въ совѣщаніяхъ по дѣламъ, касавшимся до внутренняго устройства и политическихъ сношеній Ливоніи съ сосѣдними землями [2]). Тѣсныя связи Риги съ городами Визби, Любекомъ и другими, на которые она опиралась, поддерживали ея самостоятельность въ отношеніи къ земскимъ чинамъ.

Единовластіе епископовъ.

Преемникъ Альберта, епископъ Николай, издалъ для города три постановленія.

Церковные попечители.

Первое, 1233 года, касается учрежденія церковныхъ попечителей (testes synodales), принимавшихъ участіе (какое именно — не опредѣлено) въ церковномъ судѣ. Въ грамотѣ сказано, что граждане, которымъ, какъ кажется, это учрежденіе не нравилось, не иначе согласились исполнить волю епископа, какъ съ совѣта и одобренія магистрата города Визби, къ которому долженъ былъ обратиться епископъ, (такъ крѣпко младшіе города держались за старшіе) и съ условіемъ, чтобы гражданамъ предоставленъ былъ выборъ по-

---

[1]) Въ изданіи 1852 года, весь періодъ, начиная отъ словъ: «Не смотря» до словъ: «историческому праву» опущенъ. *Прим. изд.*

[2]) Грамота отъ епископа Альберта, магистра и гражданъ рижскихъ въ Любекъ по поводу войны съ Даніею 1227 г. (Сарторіусъ, изд. Лаппенберга, т. II, стр. 28).—Договоръ между рижскимъ конвентомъ Бож. Матери, орденомъ, гражданами и жителями Курляндіи, обязавшимися принять крещеніе и платить подать 1230 г. (Orig. Liv. № XLVII). Замѣчательно, что этотъ договоръ подписанъ между прочими нѣсколькими гражданами Любекими.

печителей и чтобы послѣдніе не подлежали церковному суду [1]).

Законодательная власть магистрата.

Другая грамота того же епископа относится къ 1238 году и содержитъ одну изъ самыхъ важныхъ городскихъ привилегій. Въ ней сказано, что консулы рижскіе (члены магистрата) пришли къ епископу и объявили ему, что съ самаго основанія города въ немъ дѣйствовало Готландское право, но что оно въ нѣкоторыхъ статьяхъ оказывалось неудобнымъ къ приложенію въ новооснованномъ городѣ, и потому просили дать имъ право исправлять его. Право это они получили, и на немъ магистратъ основывалъ впослѣдствіи свое притязаніе на законодательную власть. Хотя противъ достовѣрности этой привилегіи нельзя привести рѣшительныхъ доказательствъ, однако самое содержаніе ея возбуждаетъ сомнѣнія. Вопервыхъ, какъ уже замѣтилъ Бунге [2]), странно, почему до Кирхгольмскаго договора, 1452 года, объ ней рѣшительно нигдѣ не упоминается, тогда какъ другія, менѣе важныя привилегіи, многократно подтверждались и списывались по просьбѣ гражданъ; вовторыхъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ возникалъ вопросъ о законодательной власти магистрата, онъ былъ разрѣшаемъ противъ него, въ томъ смыслѣ, что постановленія, издаваемыя имъ, должны были быть представляемы на утвержденіе господамъ города. Это было общее правило, которое часто нарушалось магистратомъ, но отъ котораго едва ли когда-либо отказывался господинъ города.

Правила передачи недвижимой собственности въ городѣ

Третье постановленіе, 1238 года, издано также, вѣроятно, по просьбѣ гражданъ и касается недвижимой собственности въ стѣнахъ города Всѣмъ гражданамъ воспрещается продавать или отказывать по завѣщаніямъ дома и дворы, находящіеся въ стѣнахъ города, монашескимъ орденамъ или церквамъ. Вмѣсто того, желающій сдѣлать пожертвованіе въ ихъ пользу долженъ продать свое недвижимое имущество свѣтскому лицу и вырученную сумму отдать куда хочетъ. Въ случаѣ смерти завѣщателя, магистратъ бралъ эту обязанность на себя и употреблялъ вырученныя деньги согласно

---

[1]) Monum. Livon. т. IV, № 21. — [2]) Beiträge zur Kunde etc.

съ волею завѣщателя. Въ грамотѣ сказано, что если бы гражданамъ оставлено было право отчуждать свои дома и дворы въ пользу лицъ духовнаго званія (непринадлежавшихъ къ городскому обществу), то городъ немедленно обѣднѣлъ бы и лишился бы кореннаго населенія, способнаго, въ случаѣ нужды, защищать его совѣтомъ и дѣломъ. Нѣсколько позднѣе, архіепископъ Альбертъ II (въ 1256 г.) повелѣлъ поступать такимъ же порядкомъ при вступленіи гражданъ-домовладѣльцевъ въ духовное званіе [1]). Впрочемъ, магистратъ, не дожидаясь разрѣшенія своихъ господъ, еще въ 1232 году запретилъ отъ себя гражданамъ, надѣленнымъ участками въ патримоніальномъ округѣ, уступать ихъ или продавать монастырямъ; передача и продажа ихъ дозволялась только между гражданами.

Подтвержденіе привилегій папою.

При Альбертѣ II, преемникѣ Николая, папа Александръ IV возвелъ епископа рижскаго въ санъ архіепископа и принялъ Ригу подъ особенное покровительство римской каѳедры. Черезъ это граждане вступили въ непосредственное отношеніе къ папѣ и пріобрѣли возможность апеллировать къ нему на своего господина. На первый случай, они выпросили у папы подтвержденіе всѣхъ своихъ привилегій, въ томъ числѣ освобожденія отъ платежа десятины уступленной (какъ сказано въ папской буллѣ 1257 г.) епископомъ Альбертомъ; о законодательной власти магистрата не упомянуто ни слова. Что касается до уступки десятины, то, какъ кажется, она была не безусловна, но скорѣе имѣла характеръ замѣна другими повинностями, ибо подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчается другая булла того же папы, которою онъ предписываетъ декану любскому привести въ исполненіе взаимныя условія, на которыхъ, при содѣйствіи посредниковъ, помирились граждане съ архіепископомъ касательно десятины и другихъ предметовъ [2]).

Споры города съ духовенствомъ.

Около того же времени, третейскими приговорами рѣшены многіе споры и тяжбы, завязавшіеся между городомъ, архіепископомъ, епископомъ эзельскимъ, рижскимъ капитуломъ и сосѣдними монастырями. Въ числѣ этихъ рѣшеній заслуживаетъ

---

[1]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 30. — [2]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 31, 32, 34.

вниманія мировая грамота, заключенная между архіепископомъ и городомъ въ 1262 году. Въ ней говорится о разныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, которыя были нанесены ему гражданами или допущены ими. Архіепископъ прощаетъ ихъ, какъ человѣкъ не надѣющійся получить удовлетворенія. Въ концѣ постановляется, по рѣшенію посредниковъ, что тяжбы между гражданами и лицами духовнаго званія должны подлежать вѣдомству судовъ свѣтскаго (городскаго) или церковнаго, смотря по званію отвѣтчика: но по дѣламъ уголовнымъ судъ городской не имѣетъ никакой власти надъ лицами духовными (ut in synodis civium praedictorum, nulla unquam persona ecclesiastica publice debeat accusari) [1]). Тотъ же самый порядокъ соблюдался въ то время во всей Западной Европѣ и въ Россіи.

Прочіе третейскіе приговоры того времени касаются споровъ о владѣніи разными участками, особенно загородными, о правѣ учреждать на берегахъ Двины пристани, складывать на нихъ дрова и т. д. Подробности до предмета настоящаго изслѣдованія не касаются, но нельзя не обратить вниманія на возникавшую взаимную вражду между духовенствомъ и гражданами. Духовенство поселенное въ Ригѣ, бѣлое и черное, было многочисленно, богато и не зависѣло отъ городскихъ властей. Оно не принадлежало къ городскому обществу, не исправляло городскихъ повинностей, а между тѣмъ занималось городскими промыслами, содержало корабли, мельницы, анбары. Граждане съ своей стороны начинали уже смотрѣть на торговлю и на промышленность какъ на свою сословную принадлежность, какъ на свое кормленіе (Burger-Nahrung), и старались заключить ихъ развитіе въ стѣнахъ города. Въ этомъ отношеніи, для нихъ особенно важно было не допускать вблизи отъ города построекъ и учрежденія пристаней— отсюда эти мелочные, безконечные споры, начавшіеся въ XIII столѣтіи и тянувшіеся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ; здѣсь зародышъ вражды между городомъ и форштатомъ, т. е. между гражданами и лицами, не принадлежавшими къ городскому обществу и отбивавшими у гражданъ ихъ промыслы [2]).

[1]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 36. — [2]) О форштатѣ упоминается въ пер-

Въ тяжбахъ города съ духовенствомъ принималъ участіе архіепископъ, иногда въ качествѣ господина, имѣвшаго верховную судебную власть [1]), иногда какъ посредникъ; иногда споры разбирались нѣсколькими, съ общаго согласія избранными посредниками; вообще архіепископъ и орденскій магистръ старались, чтобы всѣ споры рѣшались на мѣстѣ; въ 1268 г. имъ удалось уговорить рижскій капитулъ и гражданъ не прибѣгать къ апелляціи въ Римъ, въ чемъ обѣ стороны обязались взаимно грамотою [2]). Это добровольное отреченіе со стороны гражданъ доказываетъ, что право апелляціи было за ними признано.

Преемникъ Альберта, архіепископъ Іоаннъ I въ 1275 г. подтвердилъ городскія привилегіи и даже распространилъ ихъ. Онъ далъ право адвокату или судьѣ, по полученіи инвеституры, избирать себѣ товарища и опредѣлять его въ должность, не требуя для него особаго утвержденія отъ господина [3]).

Вмѣшательство ордена въ дѣла Риги.

До сихъ поръ Рига находилась подъ исключительнымъ господствомъ архіепископовъ и подъ покровительствомъ папы; но духовный владыка имѣлъ могущественнаго соперника въ лицѣ орденскаго магистра, сперва ему подчиненнаго, потомъ потребовавшаго раздѣла власти и владѣній, и наконецъ изъ подручника и союзника сдѣлавшагося его непримиримымъ врагомъ. Борьба между ними была неизбѣжна, она была повтореніемъ въ малыхъ размѣрахъ великой, западно-европейской борьбы начала церковнаго съ началомъ свѣтскимъ, римскаго папы съ нѣмецкимъ императоромъ. Рига принимала въ ней дѣятельное участіе, не только въ качествѣ города, подвластнаго архіепископу и потому обязаннаго защищать его, но какъ сторона непосредственно и сильно въ ней заинтересованная. Орденъ издавна домогался распространить на Ригу свое тяжелое владычество; онъ не могъ смотрѣть равнодушно на возрастаніе и обогащеніе города, который созданъ былъ его соперникомъ и, по своему положенію сосредоточивая въ себѣ всю торговлю края, составлялъ главную точку опоры нѣмецкаго владычества въ Ливоніи. Рига, съ своей стороны, не-

вый разъ подъ 1209 годомъ. Напирскій, Древняя Исторія Риги, стр. XXIII.— Monum. Liv. ant., № 42 и проч. — [1]) Dogiel № XXII. — [2]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 42. — [3]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 44.

годовала на орденъ за нарушеніе ея привилегій; она жаловалась папѣ, что рыцари заводятъ въ своихъ владѣніяхъ пошлины и мыты по дорогамъ, дотолѣ свободнымъ, учреждаютъ у себя торги съ язычниками, сзываютъ ихъ въ опредѣленныя мѣста и промѣниваютъ на ихъ товары продукты своихъ имѣній. „Они (по выраженію гражданъ), величающіе себя воинами, къ посрамленію своего званія, сдѣлались мелочными торгашами!“ [1]) Итакъ, къ другимъ причинамъ вражды присоединялось торговое соперничество. Разрывъ воспослѣдовалъ по поводу моста, выстроеннаго гражданами черезъ рукавъ Двины и разрушеннаго орденомъ для пропуска его кораблей. Рыцари очевидно искали только повода начать войну; они захватили городскую больницу, обратили ее въ замокъ и ввели туда гарнизонъ, потомъ овладѣли Динамюндскимъ монастыремъ и заперли устье Двины. Но граждане выгнали ихъ изъ обѣихъ позицій, срыли укрѣпленія и, заключивъ союзъ съ Литовцами, навели ихъ на владѣнія ордена. Нѣсколько разъ архіепископъ пытался прекратить войну, нѣсколько разъ заключали мирные договоры, но не на долго; рыцари, ожесточенные на гражданъ за опустошенія, произведенныя Гедиминомъ, хотѣли отмстить и, не смотря на мужественную защиту Рижанъ и на безсильныя анаѳемы папъ, они наконецъ одолѣли.

Миръ города съ орденомъ. 1330 г.

Въ 1330 году, послѣ 13-ти мѣсячной осады, истощивъ всѣ средства продовольствія и потерявъ всякую надежду на помощь отъ городовъ и государей нѣмецкихъ, Рига сдалась магистру Эбергардту Монгейму. Члены магистрата должны были явиться съ повинною головою въ его станъ, повергнуть къ его ногамъ всѣ городскія привилегіи и принять условія, которыя ему угодно было предписать. Они изложены въ двухъ грамотахъ того же года (Der nackende и der Sühnebrief, мировая) [2]). Содержаніе ихъ слѣдующее:

1. Городъ вообще и всякій вновь избираемый ратманъ въ особенности обязываются присягою быть вѣрными магистру, служить ему на войнѣ противъ всѣхъ его враговъ, за исклю-

[1]) Dogiel. № XXXVI. — [2]) Арндтъ т. II, стр. 88, 91. Hupels Nord. Miscel. VII—VIII. Напирскій, Древняя исторія Риги. Monum. Liv. ant. т. IV, стр. XXXVI и XXXVII.

ченіемъ архіепископа; впредь не имѣть союза съ язычниками, то есть Литовцами.

2. Уступаетъ ордену мѣсто для построенія новаго замка (то самое, гдѣ стоитъ нынѣшній), взамѣнъ разрушеннаго во время войны, къ нему участокъ земли до самой рѣки, со всѣми угодьями, съ правомъ строить мельницы и пользоваться наравнѣ съ гражданами городскимъ выгономъ, по старинѣ; десятину отъ рыбныхъ ловель и ежегодную контрибуцію во 100 марокъ.

3. Всѣ дворы, принадлежащіе ордену, освобождаются отъ платежа всякихъ городскихъ пошлинъ и податей; но тѣ, которые въ нихъ живутъ, несутъ одинаковыя съ гражданами повинности.

4. Магистръ назначаетъ отъ себя члена ордена для засѣданія въ магистратѣ, съ правомъ участвовать въ судопроизводствѣ по городскимъ законамъ и во всѣхъ совѣщаніяхъ; однако же отсутствіе этого лица не лишаетъ силы рѣшенія, безъ него состоявшіяся, кромѣ приговоровъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ (mas un hals edder hand geht), утвержденіе которыхъ магистръ предоставляетъ самому себѣ или своему представителю. Половина судебныхъ пошлинъ идетъ въ пользу магистра.

5. Дарственныя и завѣщанія въ пользу ордена допускаются—въ отмѣну постановленія епископа Николая.

6. Всѣ привилегіи, прежде полученныя отъ ордена и противныя этой грамотѣ, теряютъ силу.

7. Граждане обязываются взять на себя устраненіе всѣхъ затрудненій и препятствій, которыя могли бы встрѣтить магистръ или орденъ при исполненіи всѣхъ сихъ статей. Это условіе, какъ видно изъ позднѣйшихъ переговоровъ, значило или толковалось въ томъ смыслѣ, что граждане должны уплачивать ордену все то, что онъ израсходуетъ въ процессахъ съ архіепископомъ.

Съ своей стороны магистръ мировою грамотою:

1. Подтвердилъ всѣ городскія привилегіи, непротивныя этому договору и правамъ ордена.

2. Возвратилъ гражданамъ нѣкоторыя мѣста въ городѣ и внѣ его, далъ имъ право ловить рыбу и рубить лѣсъ въ орден-

скихъ владѣніяхъ, предоставилъ пользованіе выгоннымъ мѣстомъ тѣмъ, которые пользовались имъ въ старину.

3. Обѣщалъ имъ свою защиту и подчинилъ членовъ ордена городскому суду за проступки, учиненные въ городѣ, и наоборотъ подчинилъ граждань суду ордена за проступки, въ его вѣдомствѣ учиненные [1]).

Итакъ, магистръ занялъ мѣсто архіепископа, но въ сущности отношеніе города къ господину не измѣнилось. Духовный владыка стоялъ подъ защитою папы; съ своей стороны магистръ, чтобъ узаконить дѣйствіе грубаго насилія, прибѣгнулъ подъ покровительство представителя свѣтской власти. Римскій императоръ Людовикъ IV, въ 1332 году, отъ своего имени, подтвердилъ условія, на которыхъ Рига сдалась ордену, и даровалъ ему надъ нею право полнаго господства и верховнаго суда во всѣхъ дѣлахъ, merum et mixtum imperium et juridictionem omnimadam [2]). Владычество ордена.

Война прекратилась, но началась продолжительная тяжба между архіепископомъ, который настойчиво отстаивалъ свои права у своего естественнаго заступника папы, и магистромъ, который въ отвѣтахъ своихъ безсовѣстно лгалъ утверждая, что никогда Рига не была подъ господствомъ духовнаго владыки, и что онъ, глава ордена, не завоевалъ ее, а исторгнулъ изъ рукъ Литовцевъ, будто бы ею овладѣвшихъ.

Между тѣмъ Рига постепенно свыкалась съ владычествомъ рыцарей, и наконецъ, измѣнивъ своему прежнему господину, преклонилась на сторону ордена. Всего ближе были для нея собственные интересы; она никогда не теряла ихъ изъ виду и не подчиняла ихъ безусловно ни той, ни другой сторонѣ; ей нужно было прежде всего прекращеніе междоусобій и чье нибудь господство, надежное, способное постоять за себя безъ ея помощи и, по возможности, равнодушное къ внутреннему городскому управленію. Орденъ доказалъ, что сила была на его сторонѣ; онъ былъ страшенъ и непобѣдимъ какъ врагъ, но не какъ господинъ; гораздо легче было усыпить и перехитрить его, чѣмъ архіепископа и его капитулъ. Въ 1343 году магистру захотѣлось узнать: въ чемъ именно состояли права

---

[1]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 59. — [2]) тамъ же № 60.

(какъ видно не упраздненныя) архіепископа надъ городомъ; ему вѣроятно хотѣлось ихъ себѣ усвоить; съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ самому магистрату. Ратсгеры отвѣчали, что городъ подчиненъ архіепископу въ порядкѣ суда духовнаго, представляетъ ему на утвержденіе адвоката, выбиваетъ гербъ его на своей монетѣ [1]) и только; магистръ, какъ кажется, удовольствовался этимъ неточнымъ показаніемъ гражданъ. Вообще онъ обошелся съ ними милостиво. Преемникъ его въ этомъ отношеніи слѣдовалъ его примѣру; онъ освободилъ городъ отъ платежа установленной контрибуціи, взявъ взамѣнъ часть городскихъ доходовъ съ недвижимой собственности и предоставивъ себѣ право взыскивать ее въ случаѣ неисправной уплаты—этотъ замѣнъ былъ въ пользу города, какъ видно изъ тона грамоты [2]); потомъ онъ же отдалъ гражданамъ двѣ палаты, заложенныя ордену, Зестскую и Министерскую, въ которыхъ до нынѣ собираются гильдіи [3]).

Снова владычество архіепископа.

Все это объясняетъ расположеніе къ рыцарству, обнаруженное гражданами, когда, послѣ продолжительнаго дѣлопроизводства, воспослѣдовалъ рѣшительный приговоръ папы Иннокентія VI (въ то время плѣненнаго въ Авиньонѣ, 1360 г.), по которому городъ долженъ былъ снова поступить подъ духовное и свѣтское господство архіепископа, а орденъ—отказаться отъ своихъ на него притязаній и разрушить вновь выстроенный имъ замокъ, взамѣнъ коего вмѣнялось архіепископу возобновить старый, на прежнемъ мѣстѣ [4]). Въ то же время, папа отрѣшилъ гражданъ отъ данной ими присяги, а исполнитель приговора, дерптскій епископъ, по поводу ихъ протеста, выдалъ имъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что ихъ привилегіи, права и собственность не потерпятъ никакого ущерба [5]). Не смотря на это, ни городъ, ни орденъ не думали повиноваться; оба поражены были анаѳемою и пробыли подъ нею тридцать лѣтъ. Наконецъ, нѣкоторые германскіе государи и города предложили свое посредничество, назначили сеймъ въ Данцигѣ, на который явился архіепископъ Фромгольдъ и только что избранный, болѣе ми-

[1]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 63. — [2]) Ibidem, № 64. — [3]) Ibidem, № 68. [4]) Все дѣлопроизводство у Догіеля подъ № XLI, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XLVIII, LI, LV, LXII, LXXV и пр. — [5]) Hupels Nord. Misc. I—II.

ролюбивый, чѣмъ его предшественникъ, магистръ Фреймерсгеймъ. Въ 1366 году они помирились на слѣдующихъ условіяхъ: орденъ отказался отъ господства надъ Ригою, но удержалъ въ ней свой замокъ, форштатъ къ нему прилегавшій, строенія, земли и мельницы; отрѣшилъ гражданъ отъ данной ему присяги, но сохранилъ право на ихъ содѣйствіе во время войны. Съ своей стороны, архіепископъ отказался навсегда требовать повиновенія и присяги (Huldigung) отъ магистра, съ тѣхъ поръ по праву переставшаго считаться его ленникомъ [1]). Такимъ образомъ, всякое юридическое отношеніе между ними было уничтожено и двоевластіе въ Ливоніи было признано. По всей вѣроятности, вопреки послѣдней мировой грамотѣ, оно тяготѣло и надъ Ригою; прежній господинъ ея снова вступилъ въ свои права, но орденъ отказался только на словахъ отъ своихъ притязаній и вовсе не уступилъ ихъ на дѣлѣ. Двоевластіе архіепископа и ордена. 1366 г.

Вообще, чтобы не переносить въ представленія о тогдашнихъ отношеніяхъ понятій нынѣшняго времени, чтобы не задумываться на каждомъ шагу надъ противорѣчіями, изумляющими насъ, но которыя въ тогдашней дѣйствительности не находили твердыхъ разрѣшеній, должно замѣтить разъ навсегда, что послѣдній подписанный договоръ, послѣднія заключенныя условія не отнимали возможности ссылаться на предшествовавшіе акты, хотя бы даже они были по содержанію своему прямо противоположны, хотя бы въ послѣднемъ договорѣ было положительно сказано, что всѣ предшествовавшіе акты теряютъ обязательную силу. Такъ мы видимъ, что орденъ, отказавшійся отъ своихъ правъ надъ Ригою, насиліемъ пріобрѣтенныхъ, въ двухъ грамотахъ, 1421 и 1430 г. (приблизительно), высчитывалъ рижскимъ гражданамъ всѣ статьи, по которымъ они будто бы нарушили свои обязанности, а эти обязанности суть ничто иное какъ условія отмѣненной мировой 1330 года. Напримѣръ, въ грамотѣ 1421 г. сказано: граждане не уплачиваютъ намъ (т. е. ордену) ни десятины отъ рыбной ловли, ни половины судебныхъ пошлинъ, не всегда допускаютъ члена ордена на засѣданія магистрата,

[1]) Nord. Misc. 7—8, № 11.

не позволяютъ совершать завѣщаній и дарственныхъ въ пользу ордена, и т д. Въ концѣ сказано, что городъ долженъ былъ дать обѣщаніе исполнять всѣ исчисленныя требованія [1]).

Другая грамота начинается съ буквальнаго указанія на мировую 1330 года и содержитъ въ себѣ почти тѣ же обвинительныя статьи, какъ и первая, но изложенныя подробнѣе. Самыя примѣчательныя суть слѣдующія: граждане уплачиваютъ не сполна десятину отъ рыбной ловли; вмѣсто того, чтобы допускать привозъ рыбы на рынокъ, дабы и богатые и бѣдные могли свободно покупать ее, какъ дѣлается въ другихъ городахъ, —богатые граждане покупаютъ ее у себя на дому или за городомъ, такъ что орденъ лишается возможности повѣрять, правильно ли уплачивается ему доходъ, опредѣленный въ мировой 1330 года. Въ ущербъ ордену, магистратъ издалъ законъ, по которому каждый гражданинъ, покупающій домъ, долженъ присягнуть, что онъ ни двора, ни земли своей не продастъ, не заложитъ и не откажетъ духовному братству, что также противно мировой грамотѣ. Граждане не помогаютъ ордену на войнѣ, переманиваютъ орденскихъ крестьянъ, не выдаютъ бѣглыхъ должниковъ и т. д. [2]).

Итакъ, орденъ отстаивалъ свои притязанія; споръ за господство надъ Ригою продолжался, и по прежнему слѣдовали одна за другою буллы папъ и грамоты императоровъ. Борьба архіепископа съ магистромъ была чрезвычайно выгодна для города; онъ пользовался ею мастерски, поддерживалъ ее, противополагалъ соперниковъ одного другому, уступалъ обоимъ, и ни тому ни другому не поддавался. Между тѣмъ, онъ незамѣтно присвоивалъ себѣ права своего господина, забиралъ по частямъ его луга, лѣса и угодья, стѣснялъ его участіе въ городскомъ управленіи, судопроизводствѣ и въ городскихъ доходахъ, никогда не отвѣчая на требованія, даже незаконныя, рѣшительнымъ отказомъ, но уклоняясь подъ разными предлогами отъ исполненія законнаго и незаконнаго.

Участіе Риги въ ландтагахъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, рижское городское общество скоро достигло значенія самостоятельнаго сословія и ранѣе другихъ городовъ Остзейскаго края, которые такъ сказать

[1]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 86. — [2]) Ibidem, т. IV, № 93.

держались за него. стало появляться въ лицѣ своихъ депутатовъ на земскихъ ландтагахъ, вмѣстѣ съ рыцарствомъ, духовенствомъ и вассалами. По всей вѣроятности, это случилось въ первый разъ въ Валкѣ 1424 года, гдѣ земскими чинами было разсмотрѣно и рѣшено спорное дѣло, въ которомъ магистръ и городъ Рига были тяжущимися сторонами. Въ числѣ жалобъ ордена, упомянутыхъ выше, встрѣчается также указаніе на участіе Риги на ландтагахъ. Магистръ приглашалъ гражданъ прислать своихъ представителей на одинъ изъ нихъ, державный также въ Валкѣ 1429 года, и жаловался, что они въ совѣщаніяхъ приняли сторону епископовъ рижскаго и дерптскаго противъ ордена.

Союзъ архіепископа и ордена противъ города.

Но такое быстрое развитіе средняго городскаго сословія не могло совершиться безпрепятственно со стороны рыцарства и духовенства, считавшихъ себя въ правѣ повелѣвать ему. Архіепископъ Сильверстъ и магистръ Іоганнъ Менгденъ, какъ бы одумавшись наконецъ [1]), прекратили свои споры и тайно сговорились соединиться противъ Риги и привести ее подъ свое совокупное господство. Они собрали въ Кирхгольмѣ ландтагъ, на который призваны были представители города, чтобы выслушать жалобы обоихъ оскорбленныхъ владыкъ и представить свои оправданія. Архіепископъ обвинялъ гражданъ въ томъ, что они присвоили себѣ земли, изстари принадлежавшія церкви, посягали на его права какъ свѣтскаго и духовнаго владыки тѣмъ, что препятствовали ему въ свободной продажѣ продуктовъ его имѣній и рѣшали дѣла, подлежавшія суду церковному (брачныя и тайныя), противозаконно распространили свои привилегіи въ ущербъ правамъ архіепископа, утверждая сами ерцфохта и присвоивъ магистрату выборъ товарища его, опредѣляя браковщиковъ, вѣсовщиковъ и другихъ должностныхъ лицъ, произвольно учреждая новыя городскія должности браковщиковъ

---

[1]) Въ началѣ Кирхгольмскаго договора магистръ и архіепископъ пишутъ: „Въ то время, какъ наши предшественники между собою ссорились, граждане нашего города Риги присвоивали себѣ, въ противность своимъ привилегіямъ и справедливости, права составляющія неотъемлемую принадлежность господской власти“.

и пр. [1]). Послѣдняя статья особенно замѣчательна; изъ нея мы видимъ, что учрежденіе и замѣщеніе городскихъ должностей составляло принадлежность господской власти, можетъ быть подразумѣвавшуюся въ статьѣ грамоты епископа Альберта, въ которой сказано, что никакая гильдія не можетъ быть учреждена безъ разрѣшенія епископа. Жалобы магистра, по всей вѣроятности, были сходны съ вышеизложенными.

Кирхгольмскій договоръ. 1452 г.

Противъ архіепископа и магистра, на этотъ разъ согласившихся подѣлиться властью, городъ разумѣется не могъ отстоять своей независимости. Они предписали ему слѣдующія условія, составляющія содержаніе извѣстнаго Кирхгольмскаго договора 1452 года [2]). Городъ отнынѣ впредь присягаетъ въ вѣрности архіепископу и магистру, обязывается содѣйствовать на войнѣ, обоимъ или однимъ изъ нихъ предпринимаемой. Архіепископъ и магистръ раздѣляютъ между собою право бить монету [3]). Подтверждаются всѣ права и привилегіи города, не противныя настоящему договору, кромѣ статьи о выборѣ городскаго судьи, содержавшейся въ грамотѣ легата Вильгельма. Вмѣсто нея, отнынѣ соблюдаемъ будетъ слѣдующій порядокъ: избраннаго гражданами фохта (или судью) утверждаютъ архіепископъ и магистръ, или который нибудь изъ нихъ, за отсутствіемъ другаго. Утвержденнаго вводятъ и сажаютъ въ ратушу (Rathaus, praetorium) двое уполномоченныхъ отъ архіепископа и магистра. Фохтъ судитъ отъ имени обоихъ. Онъ же, по надобности, избираетъ себѣ товарища (Untervogt), выдаетъ паспорты, опредѣляетъ въ должности вѣсовщиковъ, браковщиковъ и въ другія низшія городскія должности (gemeine Amtleute), ибо граждане, въ

---

[1]) Напирскій, Древ. ист. Риги, стр. LVII. — [2]) Арндтъ (т. II, стр. 139) сообщаетъ текстъ договора, переложенный съ древне на ново-нѣмецкій языкъ; Догіель (Cod. dipl. Reg. Pol. № LXXV) сообщаетъ латинскій современный самому договору переводъ слово въ слово, въ папской буллѣ 1454 г. Изъ этихъ двухъ переводовъ, второй конечно заслуживаетъ наиболѣе довѣрія, какъ актъ современный и оффиціальный. — [3]) Право бить монету принадлежало, какъ упомянуто выше, архіепископу, который позволилъ городу участвовать въ немъ на половину. Съ этого времени, т. е. съ установленія двоевластія, архіепископъ, магистръ и городъ участвовали въ немъ поровну, т. е. каждый на одну треть. (Nord. Misc. 17, стр. 92—93).

силу ихъ привилегій, на то права не имѣютъ [1]). Бургомистры, ратсгеры и всѣ граждане должны почитать фохта за первое лицо въ городѣ, по старинѣ. По прежнему дозволяется магистрату исправлять Готландское право, но, въ случаѣ если магистратъ въ своихъ приговорахъ (Ordellen, sententiis) этого исполнять не будетъ, лицамъ недовольнымъ его рѣшеніями, дозволяется апеллировать на него къ архіепископу и магистру въ дѣлахъ до чести и утраты имущества касающихся [2]). Приговоръ обоихъ господъ, объявленный магист-

[1]) Нельзя не обратить вниманія на противорѣчіе въ изложеніи этой статьи между нѣмецкимъ переводомъ и латинскимъ. Въ первомъ сказано: Wraker, Wäger und andere Amtsleute zu setzen, das dem Vogten, Bürgern, Rath und Gemeine, aus Macht ihrer Privilegien, Freiheit und Gerechtigkeit, zu thun erlaubt ist. Во второмъ: quod quidem advocato etc. ex vigore eorundem privilegiorum, libertatum et jurium non est permissum ad faciendum atque ad exercendum.—Латинскій переводъ очевидно вѣрно передаетъ смыслъ подлинника, а въ нѣмецкомъ пропущена частица не.

[2]) Статья эта говоритъ въ пользу тѣхъ ученыхъ, которые принимаютъ Готландское право въ смыслѣ свода законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Бунге, придерживаясь противоположнаго мнѣнія, полагаетъ, что она, по всей вѣроятности, вставлена цѣликомъ изъ грамоты 1238 г. по настоятельной просьбѣ гражданъ, которые въ критическую минуту старались спасти что только могли изъ своихъ привилегій, хотя бы даже выраженіе, потерявшее смыслъ. Задолго до Кирхгольмскаго договора, въ Ригѣ были въ употребленіи (такъ называемые по имени издателя) Ельриховы статуты, заимствованные изъ Гамбургскаго права, и потому не могло быть рѣчи объ исправленіи законовъ Готландскихъ. Къ этому можно еще прибавить, что въ томъ же договорѣ, не далѣе какъ въ слѣдующей статьѣ, положительно сказано, что граждане не имѣли никогда и не должны имѣть законодательной власти. Что касается до апелляціи на рижскій магистратъ, то всѣ юристы и историки Остзейскіе признаютъ въ немъ нововведеніе, прямо противоположное старому порядку, отмѣну древняго права рижскаго магистрата. Мнѣніе это основано на томъ, что ни въ одной изъ предшествовавшихъ грамотъ до насъ дошедшихъ, ни въ древнѣйшихъ статутахъ города Риги, не говорится, чтобы на рѣшенія магистрата можно было апеллировать; но за то ни въ одной изъ нихъ не говорится противнаго, т. е. чтобы не было на него апелляціи. Точно такъ, нигдѣ не оговорено право рижскихъ гражданъ жаловаться на капитулъ, на орденъ или на архіепископа на земскихъ ландтагахъ или папѣ и нѣмецкому императору, между тѣмъ это право существовало и имъ пользовались очень часто. Вообще въ то время было въ обычаѣ жаловаться на того, кто получилъ какую нибудь власть, тому, кто эту власть ему передалъ. Право суда было одною изъ самыхъ существенныхъ принадлежностей господской власти. Доказательствомъ тому служитъ инвести-

ратомъ, долженъ быть окончательнымъ; апелляція за границу не допускается. Запрещается городскимъ властямъ издавать отъ себя полицейскіе законы и уставы (Burspache, Willkühr, Satzungen, plebiscita, arbitria ac statuta [1]), иначе какъ съ согласія рижскаго орденскаго коменданта и городскаго судьи, какъ представителей обоихъ господъ; ибо граждане, со временъ основанія города, этого права (т. е. законодательнаго)

тура въ должность судьи, которую давалъ ерцфохту епископъ, а по мировой 1330 г. магистръ, и участіе того и другаго въ судебныхъ пошлинахъ, всегда нераздѣльныхъ съ правомъ суда. Если судилъ и предсѣдательствовалъ въ магистратѣ чиновникъ уполномоченный, поставленный архіепископомъ, то неужели, вопреки общему порядку, существовавшему въ то время, недовольный его рѣшеніями не могъ обратиться непосредственно къ тому, отъ кого ерцфохтъ получилъ судебную власть, кого онъ представлялъ? Вотъ еще доказательство въ пользу апелляціоннаго права: въ 1279 году епископъ езельскій Іоаннъ подтвердилъ городу Гапсалю привилегіи, данныя при его основаніи. Въ грамотѣ сказано, *чтобы дѣла рѣшались по рижскому праву*, чтобы судью избиралъ магистратъ и представлялъ на утвержденіе епископу, чтобы жалобы недовольныхъ его рѣшеніями восходили сперва въ магистратъ, *а оттуда къ самому епископу, который окончательно рѣшалъ* дѣла и бралъ половину пошлинъ. Этотъ документъ во всякомъ случаѣ имѣетъ силу; если признавать изложенный въ немъ порядокъ суда за тождественный съ рижскимъ — то онъ рѣшаетъ окончательно вопросъ объ апелляціи; если же видѣть въ немъ самостоятельное, независимое отъ рижскаго, устройство судебной процедуры, то онъ остается важною данною для аналогическаго вывода. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, можно кажется принять, что апелляція на магистратъ, по праву, могла имѣть мѣсто, но что ея избѣгали на дѣлѣ; въ Кирхгольмскомъ же договорѣ она положительно допускается не для опредѣленія подчиненности магистрата господину рижскому въ порядкѣ суда (въ чемъ вѣроятно никогда и не сомнѣвались), но для утвержденія равенства правъ между двумя господами. Однимъ словомъ: нововведеніемъ было — не допущеніе апелляціи на магистратъ, но допущеніе апелляціи къ архіепископу и магистру совокупно, къ двумъ господамъ вмѣсто одного. Верховною же инстанціею до этого времени магистратъ быть не могъ, а впослѣдствіи положительно не былъ.

[1]) Эта статья впослѣдствіи играла важную роль въ спорахъ гражданъ съ магистратомъ. Въ 1573 году, магистратъ захотѣлъ возвысить пошлину съ мясныхъ рядовъ; граждане отказали и отвѣчали ему, что по силѣ ст. 12 Кирхгольмскаго договора, онъ не имѣетъ права вводить новыхъ налоговъ — dat eyn Rath kene mach hefft, eyne wpsettynge tho donde (Кн. Ельтер., стр. 236). Вопервыхъ, этого въ Кирхгольмскомъ договорѣ не сказано; вовторыхъ, до 1573 года договоръ этотъ былъ уже по крайней мѣрѣ пять разъ отмѣненъ. Вотъ что значило въ то время ссылаться на старину и оберегать привилегіи!

не имѣли, какъ доказываетъ привилегія епископа Николая, который далъ имъ правила относительно пріобрѣтенія недвижимой собственности въ городѣ лицами духовнаго званія. Эти правила должны оставаться во всей силѣ. Въ случаѣ раздора архіепископа съ магистромъ, городу не держать ни той ни другой стороны, но стараться помирить ихъ. Предоставляется городу акцизъ съ перца и воска, взимаемый въ городѣ и внѣ его, который по праву слѣдовалъ бы архіепископу; взамѣнъ этого, онъ будетъ получать ежегодно 3 лисфунта перца. Мировая, заключенная съ орденомъ 1330 г., остается во всей силѣ, кромѣ статьи о присягѣ. Въ магистратѣ засѣдаетъ комендантъ рижскаго замка или другой членъ ордена, магистромъ назначенный, какъ представитель обоихъ господъ. Половина судебныхъ пошлинъ взимается имъ въ пользу магистра; архіепископъ навсегда отказывается отъ своей доли; другая половина въ вѣчныя времена предоставляется городу. Десятина отъ рыбныхъ ловель идетъ въ пользу ордена; архіепископъ получаетъ половину только во время пребыванія своего въ Ригѣ. Слѣдуютъ подробныя распоряженія о спорныхъ строеніяхъ, мѣстахъ въ городѣ и загородныхъ поляхъ и лугахъ [1]); въ заключеніе магистръ, архіепископъ и капитулъ отказываются отъ всѣхъ другихъ притязаній своихъ, прекращаютъ всѣ споры, обязываются не ссылаться ни на какія предшествовавшія рѣшенія папъ, императоровъ или договоры, и впредь основываться на одномъ Кирхгольмскомъ.

Неудача союза архіепископа и магистра.

Соединенное господство архіепископа и магистра надъ однимъ городомъ предполагало между ними согласіе, въ то время невозможное, ибо въ ихъ лицѣ сталкивались два начала—церковное и свѣтское, а эта борьба могла окончиться только реформаціею. Вотъ почему Кирхгольмскій договоръ (самая неудачная полумѣра, какая только могла быть придумана) имѣлъ послѣдствія прямо противоположныя тѣмъ, которыхъ отъ него ожидали. Архіепископъ и магистръ хотѣли мира; условія, на которыхъ они помирились, сдѣлались

[1]) Между прочимъ: они, т. е. граждане, возвратили намъ огороды, *выгонное мѣсто* и земли, принадлежавшія ордену и уступленныя ему по силѣ мировой 1330 г.

поводами къ продолженію вражды. Они надѣялись соединенными силами подавить духъ независимости городскаго сословія; но это сословіе въ ихъ соперничествѣ нашло средство уклониться отъ господства обоихъ. Послѣ Кирхгольмскаго договора ни архіепископъ, ни магистръ не могли уже захватить въ свои руки прежней своей власти надъ городомъ, навсегда ослабленной раздѣломъ. Бывшіе ихъ подданные, граждане рижскіе, поступили къ нимъ въ отношеніе свободныхъ союзниковъ, продававшихъ имъ свою помощь, или открытыхъ враговъ. Такимъ образомъ Рига пріобрѣла во всемъ Остзейскомъ краѣ огромное значеніе; за нее происходила борьба представителя духовенства съ представителемъ рыцарства; ея союзъ давалъ перевѣсъ той или другой сторонѣ [1]).

На другой годъ послѣ заключенія Кирхгольмскаго договора, папа Николай V подтвердилъ его, а Рига дала знать о немъ Ганзейскимъ городамъ и въ то же время начала хлопотать объ его уничтоженіи. Обстоятельства были благопріятны, ибо орденъ былъ занятъ возстаніемъ Прусскихъ городовъ. Архіепископъ Сильвестръ сговорился съ гражданами и, чтобы склонить ихъ на свою сторону, выдалъ имъ, если не самый Кирхгольмскій договоръ, то копію съ него, или особенную клятвенную запись, данную гражданами на его основаніи; разумѣется, это нисколько не лишило силы самаго договора, заключеннаго собственно между архіепископомъ и магистромъ; но съ этого времени Рига имѣла предлогъ считать его отмѣненнымъ. Архіепископъ Сильвестръ, прославившійся въ исторіи Лифляндіи неугомоннымъ честолюбіемъ, расточалъ городу обѣщанія, которыхъ не могъ и вѣроятно не думалъ сдер-

[1]) Здѣсь кстати привести нѣсколько словъ, вѣрно характеризующихъ тогдашнее положеніе города. Бургомистръ Мельхіоръ Фукъ (das rothe Buch inter Episcopalia въ Hupels Nord. Miscel. XXVI) разсказываетъ, что на ландтагѣ, державномъ въ Икскулѣ 1742 г., раздосадованный архіепископъ воскликнулъ: „Рига для всѣхъ насъ точно камень претыканія!“ — „Сохрани Богъ“, отвѣчали послы рижскіе. На Валкскомъ ландтагѣ 1477 г. земскіе чины объявили, что Рига точно завидная невѣста, за которою тянется вся Ливонія. Имъ до того надоѣло заниматься распрями по ея поводу, что они даже предположили было секвестрировать ее, т. е. выдѣлить ее изъ Ливоніи, снять съ гражданъ всѣ присяги, отрѣшить ихъ отъ всякой зависимости и предоставить папѣ рѣшить ихъ дальнѣйшую участь. Разумѣется магистръ не согласился на это.

жать, напримѣръ: выдать гражданамъ мировую 1330 г., разрушить рижскій замокъ, возвратить имъ прежнюю ихъ треть Курляндіи и Эзеля и проч.; но вмѣсто того, на вольмарскомъ ландтагѣ помирился съ магистромъ на условіяхъ Кирхгольмскаго трактата [1]). Магистръ Менгденъ дѣйствовалъ добросовѣстнѣе и удачнѣе. Въ 1464 г., въ награду за обѣщанную ему непоколебимую вѣрность и преданность, онъ: 1) Выдалъ городу важную привилегію, носящую его названіе (der Mengdensche Brief), которою онъ возстановилъ границы городскаго владѣнія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были опредѣлены легатомъ Вильгельмомъ, по сю и по ту сторону Двины. 2) Освободилъ гражданъ отъ обязанности помогать ему въ междоусобной войнѣ въ предѣлахъ Лифляндіи, обязавъ ихъ ставить узаконенное число воиновъ только въ двухъ случаяхъ: если самъ магистръ вступитъ въ чужую землю, или если непріятель вторгнется въ Лифляндію. 3) Отмѣнилъ статью мировой, по коей городъ долженъ былъ брать на себя всѣ расходы, въ кои могъ быть вовлеченъ орденъ для защиты своихъ правъ надъ Ригою. 4) Позволилъ городу: взимать въ свою пользу, по старинѣ, поземельную пошлину (Wörth—Wurtzins, Grundzins) [2]). 5) выстроить стѣну между городомъ и замковскимъ форштатомъ; 6) имѣть ключи отъ главныхъ воротъ, выстроить еще двѣ мельницы (сверхъ двухъ прежде бывшихъ въ городскомъ владѣніи). Отказался отъ ежегодной подати (100 марокъ), установленной мировою 1330 г., даровалъ право рубить лѣсъ и ловить рыбу въ нѣкоторыхъ частяхъ орденскихъ владѣній, свободный путь по сушѣ и по водѣ; наконецъ 7) Подтвердилъ всѣ городскія привилегіи, впрочемъ оставляя во всей силѣ мировую 1330 г., во сколько она не противорѣчила этой грамотѣ [3]). Новыя привилегіи отъ магистра. 1464 г.

Архіепископъ Сильвестръ употребилъ всѣ возможныя хитрости, чтобы разорвать союзъ Риги съ орденомъ, и дѣйствительно ему удалось взять верхъ на ландтагѣ, держанномъ въ Икскулѣ (1472 г.); но какъ скоро равновѣсіе нарушилось въ его пользу, Рига поспѣшила передаться магистру

---

[1]) Monum. Liv. ant., т. IV, № 103. — [2]) Толкованіе этой статьи въ Nord. Misc. 3—4, стр. 480. — [3]) Nord. Misc. 3—4, № 21.

Бернгардту фонъ-деръ Боргъ, который въ 1472 г. подтвердилъ привилегію Менгдена, съ слѣдующими дополненіями: Кирхгольмскій договоръ уничтожается навсегда; если же магистръ нарушитъ которую-либо изъ статей въ грамотѣ прописанныхъ, то граждане чрезъ это отрѣшаются отъ данной ему присяги. Съ своей стороны городъ далъ обѣщаніе быть вѣчно вѣрнымъ ордену, никогда не отступаться отъ него и пр. [1]).

Новыя привилегіи отъ папы. 1478 г.

Нѣсколько времени спустя, въ 1478 году, граждане выхлопотали себѣ отъ папы Сикста IV привилегію, во многихъ отношеніяхъ замѣчательную. Въ ней сказано, что бургомистры и ратсгеры рижскіе подали римскому архіепископу просьбу, въ которой изъясняли, что они съ незапамятныхъ временъ имѣютъ обыкновеніе: 1) взимать акцизъ съ пива и меда, продаваемыхъ гражданами и городскими обывателями (incolae), наложенный съ ихъ согласія, впрочемъ не падающій нисколько на духовное сословіе и на лица, пользующіяся одинаковыми съ нимъ правами; 2) отбирать въ пользу города имущество гражданъ и обывателей, умирающихъ безъ наслѣдниковъ и безъ завѣщаній; 3) опредѣлять мѣры и учреждать и замѣщать полезныя городскія должности, за исключеніемъ архипрефекта (судьи), котораго опредѣляетъ по старинѣ архіепископъ. Впрочемъ, какъ сказано въ томъ же прошеніи, сами граждане не знаютъ, какимъ образомъ и чьею властью введены всѣ исчисленные обычаи и потому, для успокоенія своей совѣсти, желали бы, чтобъ папа своимъ апостольскимъ авторитетомъ далъ имъ силу законовъ. Папа, увѣрившись изъ ихъ же словъ, что городъ ихъ стоитъ для защиты католической вѣры, какъ крайній, укрѣпленный ея предѣлъ, подъ вѣчною грозою ея враговъ и русскихъ схизматиковъ, исполнилъ ихъ желаніе, впрочемъ оговоривъ неприкосновенность правъ духовенства, и такимъ образомъ, помимо ближайшихъ господъ своихъ, безъ вѣдома архіепископа и магистра, Рига получила три существенныхъ права, изъ коихъ два первыя, по собственному сознанію магистрата, никѣмъ не были утверждены, а послѣднее

---

[1]) Nord. Misc. № 23, 24.

(учрежденіе городскихъ должностей) было прямо противоположно Кирхгольмскому договору и прежнему порядку [1]).

Междоусобія архіепископа и ордена.

Впрочемъ граждане рижскіе, умѣвшіе при случаѣ воспользоваться покровительствомъ церкви, уже пренебрегали ея угрозами. Сильверстъ прибѣгнулъ въ одно время къ мірскому и къ духовному оружію: вызвалъ помощь изъ Швеціи и изъ Литвы и, послѣ многократныхъ и безплодныхъ требованій повиновенія, поразилъ анаѳемою, а затѣмъ полнымъ интердиктомъ орденъ и городъ. Въ то же время началась война, въ которой Рига не принимала никакого участія и которая окончилась взятіемъ въ плѣнъ и смертью неугомоннаго Сильверста, въ лицѣ своемъ уронившаго навсегда достоинство церковной власти въ Ливоніи.

Оставшись побѣдителемъ, магистръ въ 1480 году взыскалъ съ рижскихъ гражданъ денежную сумму въ вознагражденіе за часть штрафныхъ денегъ — Wedde (вѣроятно собиравшуюся въ Веттгерихтѣ), которой граждане не уплачивали, а на будущее время уступилъ эту сумму городу взамѣнъ опредѣленнаго количества рейнвейна; но половину прочихъ судебныхъ пошлинъ магистръ удержалъ за собою [2]).

Разрывъ Риги съ орденомъ.

Усилившійся орденъ представилъ для замѣщенія рижской каѳедры преданнаго ему кандидата; но папа назначилъ другаго — Стефана фонъ-Грубе, и городъ, вѣрный своей системѣ поддерживать равновѣсіе между рыцарствомъ и духовенствомъ, принялъ сторону архіепископа и папы противъ магистра, котораго поддерживалъ императоръ. Послѣдній писалъ рижскимъ гражданамъ, что имъ извѣстно, сколько тягостей, бѣдствій и междоусобій причинило въ Лифляндіи и въ Ригѣ безпорядочное управленіе архіепископовъ, ихъ козни и образъ дѣйствія и проч.; ссылался на свое право свѣтскаго владычества надъ епархіею рижскою, какъ надъ своимъ леномъ, и повелѣвалъ гражданамъ признать господство магистра, которому онъ передалъ регаліи. Съ другой стороны, папа, въ буллахъ своихъ, настоятельно требовалъ,

---

[1]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 114. — [2]) N. Misc., т. 3—4, № 29. Вѣроятно, что Веттгерихтъ учрежденъ позднѣе другихъ судовъ и потому граждане произволью изъяли его отъ общей обязанности дѣлиться съ орденомъ штрафами.

чтобы Рижане покорились архіепископу: ибо городъ и вся епархія непосредственно подчинены римской каѳедрѣ по духовному и по свѣтскому праву, а чтобы императора не слушались, такъ какъ его обманули злонамѣренные люди [1]). Мы привели эти слова, какъ указанія на тѣсную связь политическихъ событій Лифляндіи съ событіями міра германскаго, борьбы архіепископа и магистра съ борьбою папы и императора. Въ 1483 году архіепископъ Стефанъ въѣхалъ въ Ригу, но предварительно онъ долженъ былъ присягнуть въ соблюденіи городскихъ правъ и привилегій—этого прежде не бывало; обыкновенно архіепископъ принималъ присягу отъ гражданъ и потомъ уже, по просьбѣ ихъ, подтверждалъ и списывалъ ихъ грамоты—теперь они предлагали условія своему господину. Разрывъ съ орденомъ сопровождался неминуемо войною, которую граждане вели со славою и пользою; имъ удалось овладѣть Динамюндскою крѣпостью и рижскимъ замкомъ, который они разрушили до основанія.

Вольмарскій договоръ. 1491 г.

Между тѣмъ, снова упразднилась рижская каѳедра, и въ этотъ разъ граждане не только не хотѣли согласиться на избраніе архіепископомъ Михаила Гильдебранда, бывшаго ордынскаго секретаря, котораго предлагалъ орденъ, но даже послѣ того, какъ Михаилъ былъ посвященъ папою, они отвергли его, потому что онъ былъ избранъ безъ согласія капитула рижскаго и города, который имѣлъ своего кандидата. Наконецъ, послѣ вторичнаго отлученія отъ церкви и долгихъ переговоровъ, въ которыхъ Швеція принимала участіе какъ посредница, Рига согласилась признать новаго архіепископа, но впустила его въ городъ не прежде, какъ по принятіи отъ него такой же присяги, какъ и отъ его предшественника. Дѣло было улажено съ одной стороны, но рыцарство пылало мщеніемъ за пораженія, понесенныя отъ простыхъ горожанъ. Война возобновилась, и на этотъ разъ магистръ Лорингофъ съ помощью ландмаршала Плеттенберга разбилъ гражданъ подъ Нейермиленомъ и принудилъ ихъ просить мира; при посредничествѣ избранныхъ съ обѣихъ сторонъ архіепископа, епископовъ дерптскаго и курлянд-

[1]) N. Misc. 3—4.

скаго, заключенъ былъ въ 1491 году договоръ въ Вольмарѣ (Wollmarsche Afspröke) на слѣдующихъ для города въ высшей степени тягостныхъ условіяхъ: городъ долженъ возвратить ордену все захваченное во время войны; кромѣ того, за то, что нарушилъ данное ордену клятвенное обѣщаніе, долженъ возвратить земли и угодья, уступленныя ему прежними магистрами, возвратить ордену Динаминдскую крѣпость, построить въ Ригѣ новый замокъ на мѣстѣ, которое укажетъ орденъ, и выслать своихъ представителей съ повинною головою къ магистру за всѣ нанесенныя ему оскорбленія; отказаться отъ союза съ Шведами и выдать договоръ, съ ними заключенный, и т. д. Изъ статей, содержащихъ указаніе на городскія права, замѣчательны слѣдующія: 1) Подтверждается сохранность имущества претерпѣвающихъ кораблекрушенія, по просьбѣ граждапъ, увѣрявшихъ, что землевладѣльцы все еще пользуются береговымъ правомъ. 2) По ихъ же просьбѣ предоставляется имъ пользоваться вмѣстѣ съ орденомъ лѣсами, выгоннымъ мѣстомъ и рыбною ловлею; имъ и всѣмъ купцамъ предоставляется свободный (безпошлинный) проѣздъ по старымъ дорогамъ, но не по новымъ, ибо землевладѣльцы, на свой счетъ пролагающіе ихъ, не могутъ быть лишены, въ угоду торговцамъ, права взимать на сихъ дорогахъ мытъ. 3) Относительно пошлины, положенной Рижанами, предосудительной не только для ордена и его подданныхъ, но для всей земли и для всѣхъ вообще купцовъ, епископы, бывшіе посредниками, рѣшили, что Рижане установили ее противозаконно, ибо не имѣли на то права и впредь не должны имѣть его; по этому велѣли ее уничтожить. Какого рода была эта пошлина и когда учреждена — не сказано, по видно, что ею обложены были всѣ ввозимые въ городъ товары какъ мѣстные, такъ и иностранные. 4) Рижане не должны измѣнять акциза, а взимать его по старинѣ, какъ было до прибытія архіепископа Сильвереста. Грамотою Сильвереста IV, приведенною выше, гражданамъ предоставлено было взимать акцизъ, но не возвышать его; притомъ оговорены были права и льготы, которыми пользовались лица духовнаго званія. Но граждане возвысили акцизъ и распространили его на всѣхъ въ предосужденіе архіепископу

и церкви; это видно изъ грамоты, писанной въ 1492 году по поводу ихъ примиренія съ архіепископомъ Михаиломъ, въ которой онъ, между прочимъ, прощаетъ имъ двѣ вины: учрежденіе новыхъ пошлинъ и возвышеніе акциза въ противность правамъ архіепископа и его церкви [1]). 5) Постановленія о вѣсахъ, мѣрахъ, браковкѣ всякаго рода, о торговлѣ съ гостями и т. д. должны оставаться по старинѣ до будущаго ландтага. Слѣдовательно, эти пункты, какъ дѣла земскія, подлежали разсмотрѣнію всѣхъ сословій. 6) Городъ обязанъ выдавать бѣглыхъ крестьянъ, какъ онъ это и дѣлалъ прежде, не притѣснять и не арестовать крестьянъ, приходящихъ въ Ригу съ господскимъ добромъ или товаромъ, дабы черезъ это господа не терпѣли убытковъ [2]).

Перевѣсъ ордена надъ архіепископомъ.

О господствѣ надъ Ригою въ Вольмарскомъ договорѣ вовсе не упоминается: условія Кирхгольмскаго трактата не были ни подтверждены, ни отмѣнены: слѣдовательно, подразумѣвалось продолженіе прежняго двоевластія, но послѣднія событія дали ордену рѣшительный перевѣсъ; архіепископъ потерялъ прежнее свое значеніе, не столько вслѣдствіе личныхъ ошибокъ или случайныхъ неудачъ, сколько потому, что притупилось духовное оружіе и поколеблено было самое основаніе его власти – авторитетъ римско-католической церкви, которому протестантское ученіе, вскорѣ послѣ того проникнувшее въ Лифляндію, нанесло рѣшительный ударъ. Подобно всѣмъ предшествовавшимъ договорамъ, Вольмарскій трактатъ не былъ исполненъ во всѣхъ его статьяхъ; граждане протестовали противъ него въ продолженіе 13 лѣтъ; но Плеттенбергъ своею умѣренностью и твердостью умѣлъ отклонить всѣ поводы къ возобновленію вражды.

Вмѣшательство ордена и архіепископа въ дѣла города.

Въ 1500 году, онъ и архіепископъ, оба господина, должны были прекратить распри магистрата съ двумя гильдіями; выслушавъ обѣ стороны, они помирили ихъ и дали имъ за своими подписями грамоту, въ которой были опредѣлены взаимныя отношенія сословій. Десять лѣтъ спустя, ссоры въ средѣ городскаго общества вызвали вторичное вмѣшательство господъ, болѣе рѣшительное. Они вытребовали въ

[1]) Mon. Liv. ant. т. IV, № 141. — [2]) Арндтъ II, стр. 167—173.

Венденъ представителей обѣихъ партій и дали рѣшенія на всѣ спорные пункты, какъ-то: о правѣ пивоваренія, о правахъ и обязанностяхъ цеховыхъ: мясниковъ, башмачниковъ и булочниковъ. Въ концѣ сказано: мы (т. е. архіепископъ и магистръ) повелѣваемъ, чтобы всѣ сіи статьи въ нашемъ городѣ Ригѣ были соблюдаемы твердо и строго; если же кто нарушитъ ихъ словомъ или дѣломъ, тайно или явно, тотъ подвергнется наказанію и штрафу въ нашу пользу; притомъ мы предоставляемъ себѣ право измѣнять и отмѣнять всѣ сіи статьи по обстоятельствамъ времени и когда заблагоразсудимъ [1]). Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе содержанія тѣхъ двухъ постановленій: слѣдовало только упомянуть о нихъ, какъ объ явныхъ доказательствахъ участія господской власти въ дѣлахъ внутренняго городскаго управленія. То же самое доказываетъ протоколъ, составленный въ 1502 году представителями трехъ городскихъ сословій. Они собрались для введенія порядка въ городскихъ промыслахъ: пивоваренін, торговлѣ, ремеслахъ. Въ совѣщаніяхъ участвовалъ комендантъ замка, который явился со списками мировой 1330 года и Вольмарскаго договора, вѣроятно, для руководства. Вслѣдъ за многими статьями въ протоколѣ встрѣчается оговорка: подъ условіемъ согласія и утвержденія обоихъ господъ. Всѣ составленныя предположенія дѣйствительно были къ нимъ посланы на разсмотрѣніе и утвержденіе. Все это, и въ особенности тонъ грамоты 1510 года, ясно доказываетъ, что архіепископъ и магистратъ говорили въ этомъ случаѣ не какъ посредники, но какъ представители законодательной власти.

Нерасположеніе города къ духовенству.

Незадолго передъ этимъ, въ 1506 году, на Лемзальскомъ ландтагѣ, архіепископъ и епископъ должны были строго подтвердить рижскому магистрату о соблюденіи правъ духовенства, которыя онъ нарушалъ вопреки постановленіямъ Базельскаго собора въ слѣдующихъ статьяхъ: магистратъ (по прежней, давно и неоднократно отмѣненной привилегіи), воспрещалъ духовенству пріобрѣтеніе недвижимой собствен-

---

[1]) Monum. Liv. ant., т. IV. Книга Ельтермановъ и Rig. Stadtblätter 1832 г., стр. 404.

ности въ городѣ, вопреки обычаю отказывалъ духовнымъ лицамъ въ выдачѣ грамотъ за своею печатью по контрактамъ, заключеннымъ въ его присутствіи, строго запрещалъ гражданамъ являться на судъ къ судьѣ архіепископа, даже по дѣламъ духовнымъ и подлежавшимъ исключительно вѣдомству церкви; наконецъ возбранялъ приношенія въ ея пользу [1]) Это враждебное расположеніе гражданъ къ духовенству, особенно къ капитулу рижскому, независимо отъ вліянія протестантскаго ученія, достаточно объясняется ихъ гражданскими отношеніями. Выше было сказано, что духовенство рижское занималось торговлею, оно не платило городскихъ повинностей, оно пріобрѣтало имущества въ городѣ, и уже разъ пріобрѣтенное никогда не выходило изъ его владѣнія, ибо церковное право запрещало всякое отчужденіе церковной собственности безъ разрѣшенія папы. Въ приведенномъ выше постановленіи ландтага сказано, что граждане изстари, въ случаѣ нужды, занимали у духовенства деньги подъ залогъ своихъ домовъ и съ уплатою процентовъ (слѣдовательно въ то время католическое духовенство отдавало деньги въ ростъ). Наконецъ городъ и капитулъ были подчинены одному господину; но какъ глава духовенства, архіепископъ разумѣется болѣе довѣрялъ и благопріятствовалъ капитулу, который всегда употреблялъ свое вліяніе ко вреду города: онъ ссорилъ гражданъ съ архіепископомъ и магистромъ; онъ устроилъ союзъ обоихъ господъ, предшествовавшій Кирхгольмскому договору: онъ разглашалъ анаѳемы: вообще всѣ крутыя и стѣснительныя мѣры, всѣ бѣдствія, испытанныя городомъ, были вызваны или приведены въ исполненіе рижскимъ капитуломъ.

Переходъ Риги въ протестантизмъ.

Легко представить себѣ, какое побужденіе къ принятію реформаціи заключалось въ давнишней ненависти гражданъ къ католическому духовенству. Четыре года спустя послѣ первой проповѣди Лютера, ученіе его проникло въ Ригу и скоро пріобрѣло въ ней многихъ послѣдователей. Въ 1522 году въ ней уже были опредѣлены два пастора. Въ Остзейскомъ краѣ, какъ и вездѣ, образовались двѣ партіи: духовенство прокли-

[1]) Dogiel, № XCIV

нало новое ученіе; города: Рига, Ревель, Дерпть и часть рыцарства составили союзъ для его поддержанія. Самъ Плеттенбергъ, которому представитель Риги во всѣхъ переговорахъ о свободѣ вѣроисповѣданія, Лорингофъ, растолковалъ, что паденіе духовенства усилитъ его могущество [1]), не принималъ рѣшительнаго участія въ борьбѣ двухъ вѣроисповѣданій и этимъ спасъ Лифляндію отъ тѣхъ междуусобій и насилій, которыми сопровождалось въ другихъ земляхъ торжество новаго ученія. Рига естественно прибѣгла подъ его защиту и упросила его принять ее подъ свое исключительное господство, когда архіепископъ Бланкенфельдъ началъ преслѣдовать протестантовъ. Плеттенбергъ нѣсколько времени колебался и наконецъ согласился, боясь чтобы Рига, въ случаѣ отказа, не передалась маркграфу Бранденбургскому. Сговорившись навсегда устранить архіепископа и нарушить начало двоевластія, утвержденное многими трактатами, Плеттенбергъ и Рига насильственно разрывали прежнія юридическія отношенія и учреждали новыя; поэтому грамота 1525 г., скрѣпившая ихъ союзъ, получила совершенно новый характеръ. Это не жалованная грамота, каковы всѣ древнѣйшія привилегіи, данныя епископами, архіепископами и папами, не предписаніе торжествующей власти, каковы мировая 1330 года и Кирхгольмская и Вольмарская грамоты, въ которыхъ городъ игралъ страдательную роль, а въ полномъ смыслѣ договоръ, заключенный между двумя юридическими личностями, изъ коихъ одна свободно подчиняется другой на извѣстныхъ условіяхъ. Въ началѣ этого договора, Плеттенбергъ признаетъ, что граждане имѣли право располагать собою; онъ говоритъ, что по многимъ, вполнѣ уважительнымъ причинамъ, они вынуждены были отложиться отъ архіепископа и просить его о принятіи ихъ подъ свое господство; что самъ онъ, исполняя ихъ желаніе, нимало не нарушаетъ Кирхгольмскаго договора: ибо въ немъ не сказано, чтобы въ томъ случаѣ, если городъ, по достаточнымъ причинамъ, устранитъ одного изъ двухъ го-

Договоръ Риги съ орденомъ. 1525 г.

1) На одномъ ландтагѣ, на которомъ Плеттенбергъ обнаружилъ намѣреніе заступиться за католицизмъ, Лорингофъ обратился къ нему съ вопросомъ: неужели вашей свѣтлости будетъ непріятно, если жареные рябчики сами собою полетятъ къ вамъ въ ротъ. Nord. Misc. Хрон. М. Фукса.

сподъ, другой обязанъ былъ отступиться отъ города, или принять противъ него сторону отверженнаго господина. Конечно, это недобросовѣстное толкованіе не могло обмануть никого, но важно въ этомъ случаѣ признаніе политической самостоятельности города. Условія были слѣдующія: граждане присягали Плеттенбергу въ вѣрности подданства какъ своему единственному господину. Плеттенбергъ бралъ ихъ подъ свое покровительство и обѣщалъ имъ защиту противъ всѣхъ ихъ враговъ, въ томъ числѣ и противъ архіепископа, обезпечивая: 1) свободу аугсбургскаго вѣроисповѣданія; 2) оставленіе всѣхъ перемѣнъ и преобразованій, происшедшихъ въ городѣ и впредь имѣющихъ произойти вслѣдствіе принятія новой вѣры (подъ этимъ разумѣли: конфискацію церковныхъ имѣній, упраздненіе церковнаго суда и пр.); 3) неприкосновенность всѣхъ привилегій, правъ, льготъ, старыхъ обычаевъ, въ городѣ и внѣ города, на водѣ и на сушѣ, дарованныхъ магистрами, его предшественниками, также всѣхъ грамотъ, какое бы онѣ ни носили названіе, какого бы то ни были содержанія, полученныхъ городомъ отъ папъ, императоровъ, королей, епископовъ и архіепископовъ, безъ предосужденія правамъ и преимуществамъ ордена; 4) прекращеніе всѣхъ споровъ о земляхъ и угодіяхъ, возстановленіе первоначальныхъ границъ патримоніальнаго округа и т. д. [1]).

Усилія архіепископовъ возстановить свою власть.

Впрочемъ, Рига не разомъ освободилась отъ притязаній архіепископа. Ѳома Шеннигъ, преемникъ Бланкенфельда, нашелъ въ Германіи сильныхъ заступниковъ и потребовалъ отъ города присяги. Въ 1529 году посолъ рижскій заключилъ съ нимъ въ Любекѣ перемиріе, по которому архіепископъ долженъ былъ вступить въ прежнія свои права, конфискованныя имѣнія должны были быть возвращены духовенству; но предоставлялось право свободно проповѣдывать новое ученіе. Впрочемъ, не смотря на увѣщанія самого Лютера, городъ не хотѣлъ утвердить этихъ условій, а духовный владыка пошелъ далѣе въ своихъ требованіяхъ. Безплодные переговоры тянулись на ландтагахъ, а между тѣмъ граждане окончательно присвоили себѣ всѣ церковныя имѣнія и даже дворъ архі-

1) Monum. Liv. ant. т. IV, № 152.

епископа. Партія протестантская быстро организировалась; рижскіе граждане заключили союзы о взаимномъ вспомоществованіи съ рыцарствомъ, съ курляндскимъ дворянствомъ и съ герцогомъ прусскимъ. Эти частные союзы сложились наконецъ въ одинъ общій союзъ всѣхъ лифляндскихъ чиновъ на Вендепскомъ ландтагѣ 1533 года, признавшемъ юридическое существованіе протестантизма, какъ господствующаго вѣроисповѣданія. По смерти Плеттенберга, Рига заключила договоръ съ его преемникомъ, Германомъ Брюггеней, на томъ же основаніи, какъ и съ Плеттенбергомъ, но болѣе подробный. Новый магистръ между прочимъ освободилъ всѣхъ гражданъ отъ ареста, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, запретилъ перекупъ, разрѣшилъ городскимъ крестьянамъ пользоваться орденскими лѣсами и проч. [1]).

Договоръ Риги съ архіепископомъ. 1542 г.

Съ другой стороны архіепископъ Вильгельмъ, наслѣдовавшій Шенингу, племянникъ короля польскаго Сигизмунда I, воспользовался вліяніемъ Польши, которое съ того времени сдѣлалось преобладающимъ въ Лифляндіи и подняло интересы церковной власти. Будучи не въ силахъ одна противиться архіепископу, поддержанному королемъ польскимъ и нѣмецкимъ императоромъ, Рига признала его господство и заключила съ нимъ договоръ въ Лемзалѣ въ 1542 году. Какъ самыя условія, такъ въ особенности тонъ, господствующій въ этомъ актѣ, показываютъ ясно, какъ мало архіепископъ надѣялся удержать свои права, не смотря на то, что по видимому обстоятельства ему благопріятствовали. Вся грамота состоитъ изъ уступокъ. Во-первыхъ, такъ какъ граждане считали духовную власть архіепископа несовмѣстною съ новымъ вѣроисповѣданіемъ, то, для устраненія ихъ опасеній, онъ отказывался отъ нея и отъ всѣхъ сопряженныхъ съ нею правъ, до окончательнаго рѣшенія великаго собора, котораго ожидала въ то время вся Западная Европа и до котораго отлагали всѣ неразрѣшимые вопросы. Во-вторыхъ, онъ обязывался не посягать на свободу вѣроисповѣданія, не препятствовать евангельской проповѣди, не касаться вообще всего того, что разумѣли въ то время подъ дѣлами вѣры (этому давали

---

[1]) Напирскій. Древн. Истор. Риги. стр. CVII.

самый обширный смыслъ), также до соборнаго о нихъ постановленія, покрыть вѣчнымъ забвеніемъ всѣ обиды, нанесенныя ему и предшественникамъ его, стараться окончить полюбовною сдѣлкою споры города съ капитуломъ о конфискованныхъ земляхъ, городскихъ воротахъ и городской школѣ. Въ третьихъ, по поводу письменной жалобы гражданъ, архіепископъ соглашался отмѣнить слѣдующія для нихъ предосудительныя статьи Кирхгольмскаго договора, во сколько оныя до него касались (ибо за магистра онъ не могъ отвѣчать): упразднить должность ерцфохта, предоставляя гражданамъ избирать и опредѣлять его самимъ, если признаютъ нужнымъ; отмѣнить право апеллировать къ нему (архіепископу) на рѣшеніе магистрата; статью Кирхгольмскаго договора, запрещающую магистрату заводить что либо новое безъ разрѣшенія господъ, архіепископъ изъ милости (in Gnaden) соглашался толковать въ томъ смыслѣ, что магистратъ ограниченъ въ своихъ распоряженіяхъ только согласіемъ городскаго общества. Это толкованіе, придуманное магистратомъ, замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ извращеніе яснаго смысла Кирхгольмской статьи; во-вторыхъ, какъ признакъ начинавшагося противодѣйствія со стороны горожанъ. Далѣе архіепископъ обѣщалъ подѣлиться съ гражданами на половину правомъ бить монету на 6 лѣтъ, выхлопотать имъ свободный путь въ Литву, подчинялъ городскому суду своихъ людей въ случаѣ учиненія ими проступковъ въ городѣ, внѣ архіепископскаго двора, признавъ право города не выдавать преступниковъ, прибѣгавшихъ подъ его защиту (droit d'asile). Наконецъ, архіепископъ подтвердилъ всѣ городскія привилегіи (по обыкновенной въ грамотахъ того времени простанной формулѣ) и взялъ на себя уговорить магистра отрѣшить гражданъ отъ присяги, данной ими Плеттенбергу, и принять отъ нихъ совокупную присягу, на основаніи Кирхгольмскаго трактата [1]). Впрочемъ, этотъ договоръ не скоро вошелъ въ силу, городъ не спѣшилъ поддаваться архіепископу и старался выиграть время.

Поддержка Но дѣла протестантовъ въ Германіи принимали худой обо-

[1]) Арндтъ. II, стр. 197—200.

рота. Шмалькальденскій союзъ, къ которому принадлежала Рига съ 1541 года, распадался, король польскій снова вступился за архіепископа, а императоръ потребовалъ рижскихъ гражданъ къ отвѣту за непокорство. Тогда, уступая необходимости, городъ въ 1546 году, съ согласія магистра, отказавшагося отъ исключительнаго господства, присягнулъ вмѣстѣ и магистру и духовному владыкѣ по формулѣ, помѣщенной въ Лемзальскомъ договорѣ. Впрочемъ изъ грамоты, составленной при возстановленіи двоевластія, нельзя заключить, чтобы архіепископъ подтвердилъ сдѣланную имъ уступку статей Кирхгольмскаго договора; съ своей стороны магистръ вовсе не упомянулъ о нихъ; слѣдовательно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ послѣднему, онѣ остались въ силѣ [1]). Вслѣдъ за этимъ Рига должна была оправдаться передъ императоромъ въ участіи, принятомъ ею въ Шмалькальденскомъ союзѣ, и заключить съ капитуломъ мировую, по которой граждане обязывались возвратить нѣкоторые конфискованные дома, земли и дворъ архіепископа, но получили навсегда соборную церковь, обязавшись уплачивать за нее ежегодно 18 тысячъ маркъ [2]). Разумѣется эти условія были вынуждены необходимостью; протестантскій городъ не могъ добровольно признать сановника католической церкви, не могъ положиться на его клятвенныя обѣщанія, и потому, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ отъ него отложился и передался магистру, съ условіемъ стоять заодно противъ Вильгельма, который (какъ сказано въ договорѣ, заключенномъ съ Генрихомъ фонъ Галенъ 1556 г.), называлъ себя и подписывался архіепископомъ [3]). Но Польша въ третій разъ поддержала его и принудила магистра заключить съ нимъ Наславскій миръ, по коему возстановлено было господство духовнаго владыки надъ Ригою и назначенъ ему намѣстникъ и наслѣдникъ въ лицѣ герцога Христофора Мекленбургскаго.

Польшею архіепископа.

Всѣ эти договоры не заключали въ себѣ никакихъ новыхъ постановленій относительно городскихъ правъ; они свидѣтельствуютъ только о неопредѣленности юридическихъ отношеній того времени; старый порядокъ, основанный на католическихъ

Вліяніе реформаціи на самостоятельность города.

[1]) Monum. Liv. ant. т. IV, № 167.— [2]) Ibidem., № 169.—[3]) Ibidem, № 171.

началахъ, былъ разрушенъ, а новое общественное устройство еще не успѣло организироваться. Рига и вообще всѣ города опередили прочія сословія на пути преобразованій всякаго рода, религіозныхъ и общественныхъ. Городское сословіе ничего не теряло, а многое выигрывало принятіемъ новой вѣры. Во-первыхъ, оно отдѣлывалось навсегда отъ католическаго духовенства, ему ненавистнаго, и обогощалось конфискаціею церковныхъ имѣній; во-вторыхъ, это всеобщее колебаніе, произведенное борьбою двухъ вѣроисповѣданій, этотъ рядъ добровольныхъ избраній и безнаказанныхъ измѣнъ разумѣется ослабляли господскую власть и питали надежду освободиться отъ нея навсегда; наконецъ въ Лифляндіи, какъ и вездѣ, религіозная борьба XVI вѣка, въ которой всѣ сословія отъ высшихъ до низшихъ принимали участіе самостоятельное, борьба, въ которой исчезали, хотя на время, прежнія общественныя грани и уравнивались всѣ подъ двумя знаменами — католическимъ и протестантскимъ, эта борьба открывала для средняго сословія сферу европейской политики и вводила его въ дипломатическія сношенія съ государями и высшимъ дворянствомъ. Мы видѣли, что Рига участвовала въ Шмалькальденскомъ союзѣ, искала помощи у сосѣднихъ державъ, вела съ ними переговоры, непосредственно сносилась съ императоромъ — однимъ словомъ, благодаря реформаціи, она пріобрѣла почти безъ сопротивле́нія и безъ усилія, вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ, право располагать собою, выраженное впервые въ договорѣ ея съ Плеттенбергомъ, право, котораго признаніе, свободное или невольное, слышится во всѣхъ дипломатическихъ актахъ того времени.

Переговоры Риги съ Польшею.

Между тѣмъ какъ городъ болѣе и болѣе выдѣлялъ свои интересы и свою участь изъ общей исторической судьбы Остзейскаго края, для земскихъ сословій наступила критическая минута. Доведенныя до крайности Іоанномъ Грознымъ, не получая ни откуда безкорыстной помощи, они должны были прибѣгнуть подъ защиту ближайшей изъ сосѣднихъ державъ и купить эту защиту цѣною своей независимости. Архіепископъ и магистръ первые вступили въ переговоры съ польскимъ правительствомъ и уже дѣло подходило къ концу, а Рига все еще оставалась въ сторонѣ и не принимала въ немъ

никакого участія. Когда уполномоченный отъ польскаго короля, воевода Радзивилъ, предложилъ ей послѣдовать примѣру земскихъ сословій, она отвѣчала ему уклончиво, что участь ея вполнѣ зависитъ отъ ея господина Готгарда Кетлера; но этотъ отвѣтъ не былъ искрененъ, ибо въ присягѣ Лифляндскихъ чиновъ Рига не участвовала; она вступила съ польскимъ правительствомъ въ непосредственные переговоры, какъ вольный городъ, и умѣла удержаться въ этомъ положеніи въ продолженіе двадцати лѣтъ, не смотря на то, что сила обстоятельствъ влекла ее подъ владычество Польши. Въ дѣлѣ неизбѣжномъ и невольномъ, она сохранила достоинство и выгоды свободнаго рѣшенія и умѣла возвысить его цѣну разсчетливымъ сопротивленіемъ.

Первая грамота Радзивила. 1561 г.

Переговоры ея съ Радзивиломъ получили оффиціальный характеръ въ 1561 году, когда онъ выдалъ ей первую удостовѣрительную грамоту (Versicherungsschrift, cautio Radziwiliana), послужившую основаніемъ всѣхъ позднѣйшихъ переговоровъ съ польскимъ правительствомъ. Содержаніе ея слѣдующее: граждане соглашались, по примѣру бывшихъ своихъ господъ, присягнуть королю польскому: 1) если императоръ нѣмецкій не вмѣнитъ имъ этого въ измѣну; 2) если обезпечена будетъ свобода Аугсбургскаго вѣроисповѣданія; 3) если король дастъ имъ обѣщаніе не только оставить неприкосновенными и во всей ихъ полнотѣ городскія права, льготы, обычаи, привилегіи, но даже расширить и распространить ихъ. Съ своей стороны Радзивилъ ручался за короля: что онъ приметъ мѣры для огражденія чести и доброй славы города; оправдаетъ его передъ императоромъ; не только не станетъ преслѣдовать протестантскую вѣру, но приметъ ее подъ свою защиту; присягою и грамотами подтвердитъ—прежде чѣмъ потребуетъ отъ города присяги въ подданствѣ и повиновеніи (medium et corporale juramentum, въ отличіе отъ условной присяги)—права, привилегіи, льготы, обычаи пр. магистрата, сословій (collegiorum) и всякихъ лицъ должностныхъ и частныхъ, безъ предосужденія окончательному рѣшенію по всѣмъ симъ статьямъ королевскаго величества и сената [1]).

[1]) Арндтъ. II, стр. 270—271.

На этомъ основаніи городъ далъ не присягу, но простое обѣщаніе (Handstreckung) не отступать отъ польскаго короля и не поддаваться другому государю [1]).

Архіепископъ и магистръ вступаютъ въ подданство Польшѣ.

Въ слѣдующемъ году архіепископъ присягнулъ польскому королю и вскорѣ послѣ того умеръ; владѣнія его, какъ выморочный ленъ, поступили въ распоряженіе польскаго правительства. Въ томъ же году Готгардъ Кетлеръ сложилъ съ себя званіе орденскаго магистра и отрѣшилъ Ригу отъ данной ему присяги. Въ грамотѣ, писанной по этому случаю, онъ увѣрилъ гражданъ рижскихъ, что король не хотѣлъ принять его въ свое подданство иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ, Кетлеръ, уступилъ и передалъ ему всѣ свои права на Ригу; что принужденный согласиться на требованіе короля, онъ однакоже предварительно выговорилъ для гражданъ соблюденіе свободы Аугсбургскаго вѣроисповѣданія, неприкосновенность чести города и промысловъ, составляющихъ кормленіе гражданъ (Bürgernahrung), подтвержденіе ихъ правъ судебнаго устройства, привилегій, статутовъ, обычаевъ и льготъ; обезпечивъ во всѣхъ сихъ отношеніяхъ благосостояніе ихъ, онъ изъявлялъ имъ свою волю, чтобъ они поддались Польшѣ и были ей вѣрны [2]). Но воля бывшаго магистра была такъ мало обязательна, что даже польскіе уполномоченные никогда на нее не ссылались. Не менѣе того, граждане признали нужнымъ оградить себя торжественнымъ протестомъ противъ всего того, что могло бы встрѣтиться въ договорахъ магистра и архіепископа съ королемъ, явныхъ и тайныхъ, предосудительнаго для ихъ подданническихъ отношеній къ императору нѣмецкому, для ихъ интересовъ, правъ и привилегій [3]).

Вторая грамота Радзивила.

Съ той минуты, какъ магистръ и архіепископъ отступились отъ Риги, она считала себя непосредственно подчиненною императору нѣмецкому и не разъ изъявляла желаніе остаться въ этомъ положеніи, наравнѣ съ другими свободными городами имперіи, — но польскія владѣнія подходили уже вплоть къ стѣнамъ Риги и волею и неволею она должна была раздѣлить участь всей Лифляндіи. Радзивилъ во вто-

[1]) Historia mutati regiminis etc. Мельхіора Фукса 1654 г. въ Mon. Liv. ant. т. IV, стр. 291. — [2]) Аридтъ. II, стр. 289 — 290. — [3]) Historia mutati regiminis Мельхіора Фукса, стр. 291.

рой разъ пріѣхалъ въ Ригу и далъ ей вторую грамоту, которая была подкрѣпленіемъ первой, но нисколько не лишила ее силы. Онъ вновь ручался за короля, что послѣдній утвердитъ всѣ условія, изложенныя въ первой грамотѣ и здѣсь повторенныя съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями въ редакціи. Такъ, статья о привилегіяхъ изложена пространнѣе; изъ опасенія лишиться чего нибудь вслѣдствіе пропуска въ инвентарной описи своего юридическаго достоянія, граждане, при каждомъ удобномъ случаѣ, прибавляли къ ней по нѣсколько словъ, изъ коихъ наконецъ какъ бы составилась упругая сѣть общихъ и неопредѣленныхъ выраженій, покрывавшая весь городской бытъ того времени и подъ которую не трудно было подвести все, что бы ни вздумалось имъ присвоить себѣ впослѣдствіи [1]). Прибавлено въ статьѣ о привилегіяхъ между прочимъ слѣдующее: если бы которое нибудь изъ этихъ правъ было нарушено архіепископомъ или магистромъ, то это не должно давать повода къ распространенію королевской власти, но нарушенное право должно быть возвращено городу [2]). Въ той же грамотѣ встрѣчаются еще слѣдующія новыя условія: если исчисленныя статьи не будутъ приняты чинами королевства польскаго, то Рига не должна считаться соединен-

---

[1]) Приводимъ статью о подтвержденіи городскихъ привилегій въ буквальномъ переводѣ: «Граждане хотятъ, чтобы мы подтвердили и утвердили въ сложности и порознь всѣ привилегіи, права, доходы, льготы, жалованья, изъятія, судебныя опредѣленія, статуты, всякаго рода и до всякихъ правъ касающіяся условія, договоры и принадлежности городскаго суда, собственности, обычаевъ и практики, духовные и свѣтскіе, какое бы оные ни носили названіе, кѣмъ бы ни были дарованы или уступлены и т. д. Затѣмъ отъ имени королевскаго величества, мы (т. е. Радзивилъ) утверждаемъ все вышеисчисленное, все содержащееся въ письменныхъ документахъ, введенное обычаемъ и основанное на правѣ давности и пр. и пр.». — [2]) Статья эта довольно темна, и потому, не ручаясь за вѣрность передачи, сообщаемъ ее въ подлинникѣ: si ctiam in aliquo istorum omnium sive a Domino Archiepiscopo, sive a Magistro Livoniae turbati ac molestati sint, ex tractatis hisce negotiis inde nihil prorsus juris ad sacram Reginm Majestatem devolvetur, sed penes civitatem remanebit. Кажется, что на основаніи этой статьи, думали заранѣе предупредить всякое возраженіе на притязанія города, заимствованное изъ прежнихъ его отношеній къ господской власти, устранить ссылки на мировую 1330 г., на Кархгольмскій и Вольмарскій договоры и вообще на всѣ грамоты для города невыгодныя.

ною съ велико-княжествомъ литовскимъ. Она обязывается къ соединенію съ Литвою и Польшею совокупно взятыми, а не съ одною изъ нихъ въ особенности. Если воспослѣдуетъ соединеніе, король обѣщаетъ помогать Ригѣ въ случаѣ опасности всѣми силами Литвы и Польши. Если же соединеніе съ двумя державами не воспослѣдуетъ, то Рига должна считаться связанною въ отношеніи къ королю, какъ лицу, только присягою въ вѣрности (т. е. граждане становились его союзниками, а не подданными) и не обязаны участвовать въ междоусобной войнѣ Польши съ Литвою, если бы таковая возгорѣлась. Наконецъ, если бы Литва и Польша избрали себѣ двухъ королей, Рига можетъ подчиниться господству одного изъ нихъ, или даже, помимо обоихъ, другому государю [1]).

На основаніи этой грамоты, граждане рижскіе дали условную присягу: быть вѣрными королю, если онъ и всѣ чины на предстоявшемъ Петерковскомъ сеймѣ утвердятъ обѣщанное Радзивиломъ.

Польша не утверждаетъ условій.

Но условія, принятыя Радзивиломъ, показались слишкомъ невыгодными польскому правительству; городъ съ своей стороны не поддавался ни на какія уступки и отвѣчалъ на многократныя требованія короля, что онъ тогда только дастъ окончательную присягу, когда утверждены будутъ всѣ статьи. Дѣло затянулось въ переговорахъ. Одиннадцать посольствъ отправлено было изъ Риги къ Сигизмунду-Августу и отъ него пріѣзжали безпрестанно коммиссары въ Ригу, но никакихъ результатовъ не достигли. Къ спорнымъ пунктамъ присоединился вскорѣ еще одинъ. По смерти архіепископа Вильгельма, граждане захватили его подворье. Сигизмундъ-Августъ приказалъ имъ передать его герцогу Кетлеру, быв-

1) Арндтъ, т. II, стр. 292—294. Мельхіоръ Фукесъ объясняетъ, почему Рига не хотѣла войти въ составъ великаго княжества литовскаго, но подчиниться королю Литвы и Польши. Она въ то время опасалась Русскихъ, воевавшихъ Ливляндію и гнѣвя нѣмецкаго императора, отъ котораго отлагалась. Король, располагающій силами Литвы и Польши, могъ защитить ее отъ Русскихъ и заступиться за нее у императора, но этого нельзя было ожидать отъ одной Литвы. Соединясь съ нею, Рига поступила бы не въ прямое, а въ посредственное отношеніе къ королю (т. е. черезъ Литву), и въ такомъ случаѣ она предпочла бы нѣмецкаго императора.

шему королевскому намѣстнику въ Лифляндіи [1]); потомъ, при назначеніи Хоткевича администраторомъ, онъ повторилъ то же требованіе, распространивъ его на всѣ владѣнія капитула, въ городѣ и внѣ города [2]), но граждане отказали на отрѣзъ и Хоткевичъ рѣшился дѣйствовать силою. Онъ выстроилъ вдоль Двины шанцы и укрѣпленія, а въ Динамюндѣ блокгаузъ, изъ котораго польскій гарнизонъ частыми нападеніями тревожилъ судоходство, задерживалъ корабли и бралъ съ нихъ пошлины. Граждане жаловались сперва самому Хоткевичу, который помирился съ ними при посредничествѣ герцога Кетлера и обѣщалъ было остановить постройку укрѣпленій, не тревожить судоходства, не взимать съ кораблей пошлинъ и укротить буйство польскаго гарнизона; прибывавшіе и отплывавшіе корабли должны были подвергаться двойному осмотру рижскаго сторожеваго корабля и польскихъ чиновниковъ [3]). Но эти условія не были соблюдены; опасенія и негодованіе гражданъ съ каждымъ днемъ возрастали и магистратъ едва могъ удерживать ихъ отъ самоуправства.

Требованія Риги предъявленныя Кетлеромъ. 1570 г.

Кетлеръ, видѣвшій, что дѣла принимали худой оборотъ, въ письмѣ къ королю польскому 1570 года, всячески старался склонить его къ уступчивости, что, по словамъ его, со временемъ должно было обратиться въ чистый выигрышъ для правительства. Онъ совѣтывалъ послать въ Ригу уполномоченныхъ, способныхъ возбудить къ себѣ довѣріе гражданъ и снабдить ихъ рѣшительными отвѣтами на слѣдующіе вопросы:

1. Намѣренъ ли король обезпечить свободу Аугсбургскаго исповѣданія и уступить городу право патронатства надъ церквами.

2. Отдать въ распоряженіе гражданъ городскіе ключи, которыми владѣли прежніе господа, архіепископъ и магистръ.

3. Уступить навсегда городу дворъ архіепископа и всѣ церковныя имѣнія.

4. Оставить въ его власти пристань и море.

5. Упразднить должность королевскаго бургграфа (долженствовавшаго, при переходѣ подъ владычество Польши,

1) Mon. Liv. ant. т. IV, № 178. — 2) Dogiel, № CLI. — 3) Mon. Liv. ant., т. IV, № 182.

занять мѣсто прежняго ерцфохта) или позволить избирать его тѣмъ же порядкомъ какъ въ Гданскѣ (вѣроятно безъ участія верховной власти), чего особенно желали граждане.

6. Срыть Динаминдское укрѣпленіе.

7. Снести форштаты, отъ которыхъ, по увѣренію гражданъ, городъ терпѣлъ подрывъ.

8. Утвердить спеціальными грамотами всѣ привилегіи, отъ кого бы и какимъ бы порядкомъ оныя получены ни были.

9. Рѣшить: должны ли граждане быть подчинены и повиноваться королевскимъ администраторамъ и губернаторамъ, посылаемымъ въ Ливонію? Всего этого граждане, по увѣренію Кетлера, настойчиво добивались.

10 и 11. Согласится ли король уступить гражданамъ въ собственность монетный дворъ, принадлежавшій, какъ извѣстно, прежнимъ господамъ, и какія постановить условія относительно права бить монету, которымъ граждане пользовались совокупно съ ихъ господами, при чемъ употреблялся гербъ послѣднихъ [1]). Кромѣ этихъ требованій, исчисленныхъ Кетлеромъ, граждане предъявляли еще другія, о которыхъ онъ не упомянулъ, можетъ быть потому, что они отчасти касались до Курляндіи, его новоосновaннаго герцогства. Но они сохранились въ запискѣ, поданной гражданами королевскимъ коммиссарамъ въ 1570 году, и заключали между прочимъ слѣдующее: ст. I. Издревле теченіе Двины до самаго устья, съ правомъ свободнаго плаванія по ней, принадлежало городу: по этому праву, и въ силу своихъ привилегій, граждане осматривали прибывавшіе корабли и взимали штрафъ съ кораблей, вывозившихъ запрещенные товары: только въ послѣднее время эти привилегіи были нарушены раздѣленіемъ рѣки Двины (divisio fluminis), и своеволіемъ динаминдскаго гарнизона. Подъ раздѣленіемъ Двины разумѣли то, что лѣвый берегъ и половина рѣки отошли къ Курляндіи, какъ отдѣльной области, не имѣвшей съ Ригою ничего общаго. Отъ лѣваго берега граждане отказались; но они просили, чтобы рѣка, пристань и судебно-полицейскій надзоръ надъ нею были имъ возвращены и чтобы

[1]) Dogiel, № CLXVIII.

прекращены были притѣсненія, которымъ они подвергались отъ курляндскаго правительства и польскихъ гарнизоновъ по теченію рѣкъ, впадающихъ въ Двину. (Ниже объяснено, что̀ разумѣли подъ притѣсненіями). Ст. VI. Чтобы пути сухопутные и рѣчные были свободны, чтобы не налагали пошлинъ на товары, ввозимые въ Ригу и вывозимые изъ нея, какъ это дѣлали жиды въ Кирхгольмѣ и королевскіе приставы въ Нейермиленѣ и Кокенгузенѣ. Жиды брали мыты и заставы на откупъ. Ст. VII. Чтобы вновь открытыя пристани и выстроенныя зданія (вѣроятно складочные амбары) въ Курляндіи, въ Нейермиленѣ и въ другихъ мѣстахъ близкихъ къ Ригѣ были закрыты и снесены, потому что отъ нихъ граждане терпѣли ущербъ въ своемъ кормленіи. Ст. VIII. Чтобы крестьяне, исправивъ свои господскія повинности, могли остальные свои товары безпрепятственно везти въ городъ— какъ это въ точности опредѣлено въ городскихъ привилегіяхъ.

Заявленіе гражданъ о своихъ торговыхъ правахъ.

Торговыя права гражданъ, особенно права ихъ на рѣку Двину, издавна нарушаемы были орденомъ, еще въ то время, когда городъ и земство составляли одно политическое цѣлое, и каждое сословіе признавало обязанностью уважать привилегіи другихъ сословій. Но обстоятельства измѣнились: Курляндія образовала отдѣльное герцогство, земскіе чины отошли къ Польшѣ, а Рига оставалась одна во всей Лифляндіи независимымъ, вольнымъ городомъ. Взаимныя обязанности, которыми поддерживалась всегда непадежная связь между составными частями прежняго политическаго союза, исчезли при его распаденіи; на мѣсто общихъ интересовъ явились частные интересы, по существу своему одинъ другому противоположные. Рига, сознавая опасность, угрожавшую ей со стороны враждебнаго дворянства, старалась заранѣе оградить себя отъ будущихъ его притязаній, торжественнымъ протестомъ противъ прежнихъ его противозаконныхъ дѣйствій и яснымъ изложеніемъ всѣхъ городскихъ правъ, обезпечивавшихъ свободу торговли и мореплаванія. Съ этой цѣлью, рижскій магистратъ въ 1564 году продиктовалъ королевскому любскому протонотаріусу замѣчательную грамоту [1]), которая предшествуетъ въ порядкѣ времени запискѣ, поданной

Грамота магистрата. 1564 г.

[1]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 179.

королевскимъ коммиссарамъ, но по содержанію своему поясняетъ требованія въ ней изложенныя. Эта грамота, какъ показаніе одной стороны, писанное безъ вѣдома и согласія другой и никѣмъ не утвержденное, не можетъ служить юридическимъ доказательствомъ въ пользу гражданъ, но только пояснительнымъ свидѣтельствомъ ихъ самихъ въ собственномъ ихъ дѣлѣ. Въ началѣ сказано, что рижскій синдикъ явился къ помянутому протонотаріусу и изъяснилъ ему, что граждане рижскіе съ помощью торговцевъ-мореплавателей, но безъ всякаго содѣйствія со стороны какого бы то ни было господина, сами построили свой городъ (?) и кровью своею купили право на все теченіе Двины (!), сдѣлавшееся чрезъ это ихъ собственностью. Они вколачивали колья для обозначенія фарватера; они имѣли по всему теченію право суда гражданскаго и уголовнаго; имъ подсудны были всѣ мореплаватели на основаніи писаннаго морскаго права (обще-Ганзейскаго); они безъ всякаго препятствія и вмѣшательства со стороны архіепископа или ордена подвергали осмотру корабли и товары. Если и случалось иногда, что ихъ притѣсняли, то магистратъ на то жаловался и получалъ удовлетвореніе—вообще городъ никогда не уступалъ никому и не отказывался отъ своего права собственности, пользованія и суда. Но впослѣдствіи времени, орденъ, пріобрѣтя Динамюндскій замокъ, бывшій Цистерцинскій монастырь, присвоивъ себѣ часть берега и право на теченіе Двины, учредилъ продажу товаровъ и нагрузку кораблей у Гакена, на томъ же мѣстѣ выстроилъ амбары (шпейхеры), притѣснялъ претерпѣвавшихъ кораблекрушенія, не признавалъ городскаго суда, перебивалъ у города прямой торгъ съ иногородними купцами, препятствовалъ сбору съ товаровъ, который опредѣлялъ магистратъ съ согласія гражданъ и купцовъ для покрытія чрезвычайныхъ городскихъ нуждъ, строилъ различныя зданія въ форштатѣ и вдоль Двины (т. е. вѣроятно амбары, лавки и проч.), заводилъ въ нихъ городскіе промыслы (кормленіе), вѣсы, бракъ, перебивалъ у города право бить монету, выдавать паспорты и наносилъ гражданамъ всякаго рода оскорбленія и убытки.

Показаніе По всѣмъ этимъ пунктамъ спрошены были королевскимъ

нотаріемъ члены магистрата и купцы рижскіе и показали согласно, что изстари все теченіе Двины принадлежало городу; — что всѣ ссоры и проступки мореплавателей и купцовъ подлежали городскому суду, по морскимъ законамъ и рѣшались безъ апелляціи;—что въ подобныхъ случаяхъ не искали суда ни въ Динаминдѣ и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ только въ Ригѣ;—что корабли могли свободно приплывать и отплывать, не подвергаясь ни осмотрамъ, ни платежу пошлинъ со стороны Динаминда;—что магистратъ одинъ имѣлъ право въ случаѣ жалобъ или подозрѣній, по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, требовать купцовъ и корабельщиковъ къ допросу, осматривать товары, арестовать корабли и корабельщиковъ;—что устье Двины всегда принадлежало городу, который для обозначенія фарватера вколачивалъ колья;—что никогда въ этомъ мѣстѣ, т. е. при впаденіи Двины въ море, еще менѣе у Гакена, не производили никакого торга; торговали изстари только въ городѣ, а посѣщать другія пристани купцамъ было запрещено; точно также и товары, которые спускались по другимъ рѣкамъ (Мисп, Аа и проч.), или по Двинѣ, не могли миновать города, ихъ нельзя было ни выгружать, ни продавать, ни перекладывать въ другіе корабли гдѣ бы то ни было, кромѣ Риги;—что городъ не допускалъ постройки амбаровъ ни при впаденіи Двины въ море, ни на обоихъ берегахъ ея, ни на берегахъ другихъ, втекающихъ въ нее рѣкъ;—что мореплаватели, претерпѣвавшіе кораблекрушенія, сохраняли право полной собственности надъ всѣми товарами, которые имъ удавалось спасать, но обязывались давать денежное вознагражденіе городскимъ носильщикамъ и тѣмъ, которые содѣйствовали въ спасеніи и сбереженіи ихъ имущества (Berggeld отъ bergen—сберегать);—что магистратъ, для подачи помощи въ случаѣ опасности, держалъ легкія суда и лодки, а крестьяне, жившіе при впаденіи Двины въ море и занимавшіеся рыбною ловлею, исправляли должность кормчихъ и тѣмъ кормились, но не имѣли права торговать;—что владѣльцы острововъ, лежащихъ по серединѣ Двины, не имѣли никакихъ правъ на ея теченіе, кромѣ рыбной ловли, и хотя вдоль берега Двины выстроены были нѣкоторыя укрѣпленія, но струга проходили мимо нихъ

купцовъ рижскихъ.

безпрепятственно, и только въ Динаминдѣ, по старому обычаю, съ нихъ брали пошлину, впослѣдствіи увеличенную, на что городъ подалъ отъ себя жалобу;—что издревле граждане рижскіе, равно какъ и иностранцы, имѣвшіе дѣла съ мѣстными дворянами, подвергались аресту; случалось также, что тревожили служителей дворянъ, пріѣзжавшихъ въ городъ съ господскимъ товаромъ; по этому поводу дворянство жаловалось на ландтагахъ и въ пользу его изданы нѣкоторыя постановленія (Recessen), но городъ противъ этого протестовалъ и утверждалъ, что дворянамъ и другимъ мѣстнымъ жителямъ не позволено даже вести торга съ иностранцами, ни покупать у нихъ, ни продавать имъ, такъ какъ въ городскихъ законахъ (Bauersprache) сказано, что гость съ гостемъ не торгуетъ (въ этомъ отношеніи ливонскій дворянинъ и иностранецъ были равно чужими для города); — что магистратъ изстари имѣлъ право въ случаѣ нужды налагать особенныя пошлины (Unpflicht) для составленія запасной казны, въ чемъ никогда не препятствовали ему господа;— что вдоль Двины, на выгонномъ мѣстѣ, принадлежавшемъ рижскому коменданту, былъ только одинъ постоялый дворъ, но что содержатель его не имѣлъ права варить пиво; и когда впослѣдствіи въ ущербъ города стали строить на этомъ мѣстѣ клѣти (klete) и другіе дома, магистратъ вступился по этому поводу въ споръ и настоялъ, чтобы въ городскихъ привилегіяхъ опредѣлено было, кто именно можетъ жить въ форштатѣ; — что Рига пользовалась правомъ бить монету наравнѣ съ архіепископомъ и магистромъ, и что рижскій монетный дворъ со всѣми снарядами и мастеръ, имъ завѣдывавшій, были подчинены городу; что вѣсы, мѣры, браковка принадлежали къ вѣдомству магистрата, который распоряжался ими безотвѣтственно;—что товары, сплавляемые изъ рѣкъ Мауссе и Болдеръ-Аа, имѣлъ право браковать нѣкто Ламбертъ Штеркель; но товары, сплавляемые внизъ по Двинѣ или привозимые сухимъ путемъ, браковались въ городѣ; въ форштатѣ была особая браковка и употреблялся особый знакъ, отличный отъ городскаго;—что выдача паспортовъ въ замкѣ была нововведеніемъ, ибо прежде магистратъ выдавалъ ихъ рижскимъ гражданамъ и купцамъ на проѣзды, равно

какъ и свидѣтельства на провозъ товаровъ и право торговать. Все это подтверждено примѣрами.

Итакъ, вотъ чего домогались граждане; выдѣлившись изъ политическаго состава Ливоніи, они боялись, чтобы ихъ права, основанныя на прежнемъ союзѣ сословій, при измѣнившихся отношеніяхъ, не потеряли своей обязательной силы; они хотѣли оградить свои промыслы или кормленія, хотя бы въ ущербъ интересамъ новаго герцогства и дворянства, вошедшаго въ составъ польскаго государства.

Окончательное присоединеніе Риги къ Польшѣ. 1581 г.

Но Сигизмундъ-Августъ не былъ расположенъ къ снисходительности; въ инструкціи, данной имъ комиссарамъ, посланнымъ въ 1570 году для приведенія Риги въ подданство, онъ объявилъ, что не уступитъ ни одного изъ тѣхъ правъ и доходовъ, которыми пользовались архіепископъ и магистръ; король требовалъ вновь церковныхъ имѣній, городскихъ ключей, права бить монету и т. д. [1]). Требованіе, чтобы Рига вошла въ составъ литовскаго княжества, устранилось само собою, по воспослѣдовавшему окончательному соединенію Литвы съ Польшею въ одно государство. Вскорѣ послѣ того умеръ Сигизмундъ-Августъ, и граждане рижскіе, воспользовавшись безначаліемъ междуцарствія, въ 1574 году, напали на Динаминдскій блокгаузъ и сожгли его. Этотъ поступокъ, вынужденный дерзостью польскаго гарнизона, остался безнаказаннымъ, потому что наказывать было некому. На упразднившійся польскій престолъ явились два претендента: Стефанъ Баторій и императоръ Максимиліанъ. Рига вступила въ переговоры съ послѣднимъ и отправила къ нему пословъ, которымъ дана была слѣдующая инструкція: стараться, чтобы городъ признанъ былъ свободнымъ имперскимъ городомъ (freie Reichsstadt), непосредственно подчиненнымъ императору; чтобы городскія привилегіи были подтверждены и соединены въ одинъ кодексъ; чтобы всѣ притѣсненія были прекращены. Но надежды гражданъ не сбылись; вмѣсто Максимиліана вступилъ на престолъ величайшій изъ польскихъ государей, умѣвшій личною доблестью поддержать и возвеличить шаткое государство. Переговоры съ Ригою возобно-

---

[1]) Dogiel, № CLXIX.

вились; Стефанъ Баторій обѣщалъ подтвердить городскія права, но пожелалъ предварительно узнать, въ чемъ они состояли. Съ этою цѣлью онъ назначилъ комиссаровъ для разсмотрѣнія свода привилегій, составленнаго уполномоченными отъ всѣхъ городскихъ сословій. По свидѣтельству Мельхіора Фукса, комиссары польскіе разсматривали всѣ статьи одну за другою, многія оспаривали, обдумывали и тщательно взвѣшивали. Въ 1581 г. онѣ были представлены королю на Дрогичинскомъ сеймѣ. Онъ самъ „внимательно изслѣдовалъ ихъ, зрѣло обдумалъ и взвѣсилъ, отчасти измѣнилъ, нѣкоторыя исключилъ и отложилъ до своего пріѣзда въ Лифляндію, остальныя частью призналъ, частью даровалъ въ видѣ милости, нѣкоторыя подтвердилъ и исправилъ“ [1]). Въ томъ же году, граждане присягнули ему на вѣрность подданства и въ слѣдующемъ 1582 г. на Варшавскомъ сеймѣ утвержденъ былъ окончательно сводъ городскихъ привилегій, извѣстный подъ названіемъ Стефановскаго—corpus privilegiorum Stephanensis. Этимъ актомъ, содержащимъ въ себѣ результатъ всего предъидущаго развитія юридическихъ отношеній города къ господской власти, замыкается первый періодъ исторіи Риги [2]), но, по формѣ своей, какъ первое проявленіе государственнаго начала — онъ принадлежитъ уже ко второму періоду и потому изложеніе его содержанія отнесено будетъ ко второй части этого изслѣдованія.

Характеристика перваго періода.

Прежде, чѣмъ мы къ ней приступимъ, считаемъ не излишнимъ оглянуться на пройденный періодъ.

Со времени ея основанія до поступленія подъ владычество Польши, Рига признавала надъ собою сперва одного господина, епископа рижскаго (впослѣдствіи архіепископа) до 1330 года; потомъ магистра и архіепископа поперемѣнно до

---

[1]) Все это подлинныя выраженія вышеупомянутаго Мельхіора Фукса.

[2]) Мельхіоръ Фуксъ говоритъ въ своей хроникѣ: въ сводъ привилегій вошли не только древнія писанныя привилегіи, но и старые обычаи, права неписанныя, льготы, источники доходовъ и проч.; все это было внимательно разсмотрѣно, пояснено, все, чѣмъ пользовался городъ, что даровано ему въ видѣ милости, а то, что могло показаться сомнительнымъ, выслушано и утверждено королемъ. Такимъ образомъ древнія грамоты и обычаи получили всю силу законовъ писанныхъ.

Кирхгольмскаго договора 1452 года; затѣмъ соединенное господство архіепископа и магистра до упраздненія ордена и рижской епархіи; наконецъ оставалась безъ господина до окончательнаго подчиненія ея Польшѣ въ 1581 году.

Права, которыми Рига пользовалась, были ей дарованы частью духовными владыками и папами, подъ условіемъ охраненія и защиты католической вѣры; частью орденомъ и императоромъ подъ условіемъ вѣрности. Юридическое основаніе правъ, полученныхъ отъ представителей церкви, упразднилось при переходѣ города въ протестантизмъ, ибо условіе, съ которымъ они были тѣсно связаны, было нарушено. Съ другой стороны, магистръ, присягнувъ Польшѣ и сдѣлавшись ея ленникомъ, передалъ ей всѣ свои права на Ригу; еслибы послѣдняя признала законность этой передачи, то должна была бы считать себя связанною въ отношеніи къ польскому правительству тѣми обязанностями, подъ условіемъ коихъ магистры надѣлили ее правами; но протестуя противъ передачи, Рига лишала себя возможности требовать отъ польскаго правительства соблюденія этихъ правъ, ибо для него они могли быть обязательными только въ той мѣрѣ, въ какой само оно признаваемо было законнымъ наслѣдникомъ прежняго господина.

Итакъ, Польша могла по праву передачи, безъ всякихъ переговоровъ и новыхъ условій, вступить въ права господина, или же, нисколько не стѣсняясь городскими привилегіями, добыть силою владычество надъ Ригою. Къ этому результату приводитъ взглядъ на древнюю исторію Риги съ точки зрѣнія юридической. Мы стали на нее не потому, чтобы считали ее безусловно истинною, но потому только, что защитники неприкосновенности и неизмѣнности городскихъ привилегій обыкновенно на нее становятся. Съ точки зрѣнія исторической, оправдывающей не только тѣ явленія, которыя сообразны съ хартіями, но и тѣ, которыя были необходимы, какъ результаты измѣнившихся отношеній и новыхъ потребностей, древняя исторія Риги представляетъ противорѣчіе юридическихъ нормъ съ дѣйствительностью, борьбу городскаго сословія съ представителями началъ церковнаго и свѣтскаго владычества. Въ этой борьбѣ каждая сторона попере-

мѣнно торжествовала и уступала, подписывала условія и нарушала ихъ; обѣ были равно правы и равно виновны, обѣ ссылались на прошедшее, на старину и обѣ перетолковывали ее по своему. Такъ, съ точки зрѣнія рижскихъ гражданъ, старина представляла рядъ нарушеній правомѣрнаго порядка со стороны духовенства и ордена, и возстановленій права со стороны гражданъ. Нарушеніемъ они называли всякое дѣйствіе и условіе для нихъ невыгодное, возстановленіемъ—всякое свое пріобрѣтеніе. Совершенно обратный смыслъ давали тѣмъ же явленіямъ архіепископъ и магистръ. У архіепископа была своя старина; это были привилегіи епископа Альберта, приговоры папъ въ спорахъ его съ магистромъ и городомъ, Кирхгольмскій договоръ и проч. У магистра была другая старина, а именно: мировая 1330 г., грамоты императоровъ, Вольмарскій договоръ. У города была третья старина, иными словами: городъ также составилъ себѣ, приспособленный къ своимъ требованіямъ, выборъ событій и документовъ, гласившихъ въ его пользу, а все остальное вычеркивалъ изъ прошедшаго, какъ беззаконное, какъ вынужденное, какъ дѣйствіе насилія. Этотъ выборъ польское правительство утвердило грамотою 1581 года.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Отъ подчиненія Риги Польшѣ до подчиненія ея Швеціи.

1581—1621.

Виды польскаго правительства.

Польское правительство, подчинивъ себѣ Ливонію, во все время своего кратковременнаго надъ нею владычества, преслѣдовало троякую цѣль: водворить въ ней внѣшнее единство—опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній сословій и учрежденіемъ судебныхъ инстанцій и административныхъ властей, подчиненныхъ высшему правительству; тѣснѣе связать ее съ Польшею и Литвою—раздачею помѣстій Полякамъ и Литовцамъ, дарованіемъ послѣднимъ всѣхъ правъ мѣстныхъ жителей и водвореніемъ новыхъ колонистовъ; остановить распространеніе протестантизма въ простомъ народѣ и поднять католическую церковь. Впрочемъ, дѣятельность польскаго правительства въ Ливоніи направлена была преимущественно на земскія сословія и рѣдко приводила его въ соприкосновеніе съ городами, притомъ только по дѣламъ вѣры.

Сводъ привилегій Ст. Баторія.

Первымъ дѣйствіемъ польскаго правительства въ отношеніи къ Ригѣ, было утвержденіе порядка, дотолѣ въ ней существовавшаго, городской старины, т. е. того, что̀ городъ разсудилъ за благо извлечь и удержать изъ нея. Этотъ актъ, извѣстный подъ названіемъ *Свода Привилегій Стефана Баторія*, данный въ Дрогичинѣ 14 января 1581 и подтвержденный въ Варшавѣ на сеймѣ 1582 года [1]), есть одинъ изъ краеугольныхъ камней муниципальнаго устройства Риги и по

[1]) Dogiel № CLXXXIV.

Общія гарантіи.

этому мы должны представить его въ подробномъ извлеченіи [1]). Принимая городъ въ свое подданство (in fidem, ditionem et potestatem) и присоединяя его къ королевству польскому, король обѣщалъ ему за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ королевскую милость, защиту и все вообще, „что государь, справедливый и вѣрный своему слову, можетъ даровать своимъ подданнымъ“. Обѣщалъ въ особенности заступиться за него, еслибъ онъ подвергся со стороны нѣмецкаго императора, или кого либо другаго, обвиненіямъ или опасностямъ по поводу подчиненія его Польшѣ. Отъ своего имени и за всѣхъ своихъ преемниковъ, утвердилъ навсегда: всѣ древнія права и льготы (libertates et jura), коими городъ пользовался дотолѣ, духовныя и свѣтскія, господство его во всемъ его объемѣ (dominia) и собственность его въ границахъ, опредѣленныхъ въ привилегіяхъ и утвержденныхъ постояннымъ владѣніемъ; также: всѣ законы, статуты, гражданскія слова (plebiscita), всѣ уставы, привилегіи, преимущества, общегородскія и частныя, присвоенныя отдѣльнымъ обществамъ лицами духовными и свѣтскими и утвержденныя давностью пользованія, добрые, законные обычаи (bonas legitimas et acceptas consuetudines), нравы отцовъ, договоры и союзы съ Ганзейскими городами. Все это король призналъ и утвердилъ, во сколько однако оно не противно учиненному подданству, обѣщанной вѣрности и публичному праву: ita quidem, ut haec omnia suprascriptae professae nobis subjectioni ac fidelitati, jurique publico non repugnent.

За этими общими гарантіями, составляющими какъ бы введеніе, слѣдуетъ исчисленіе спеціальныхъ правъ.

Привилегіи по части суда.

По части суда, король утвердилъ рижское городское право, т. е. статуты, судоустройство, порядокъ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго въ городѣ и его округѣ и порядокъ исполненія судебныхъ рѣшеній. Судебная часть вообще поручена исключительно магистрату (консуламъ и адвокату), коему предоставлено также право взыскивать штрафы и употреблять ихъ на содержаніе суда (mulctas accipiendi

[1]) Предупреждаемъ, что отдѣльныя статьи будутъ изложены въ систематическомъ порядкѣ, а не въ томъ порядкѣ, или точнѣе безпорядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другою въ самой грамотѣ.

et in usum judicii sui conferendi). Магистрату позволено было арестовать иностранцевъ и гражданъ другихъ городовъ за проступки и по дѣламъ тяжебнымъ, выдавать паспорты кому по праву слѣдуетъ, впрочемъ безъ предосужденія королевской власти (salvo tamen dominio nostro) и апелляціи въ судъ высшей степени (именно, въ провинціальный конвентъ, имѣвшій быть учрежденнымъ въ Ливоніи) во всѣхъ случаяхъ, исчисленныхъ въ привилегіяхъ, данныхъ магистрами, какъ-то: въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ утратою большей части имущества (majorem rei familiaris jacturam) или чести и добраго имени, и, по засвидѣтельствованіи апеллирующею стороною, что дѣло точно принадлежитъ къ одной изъ означенныхъ категорій. Дѣла по важнымъ уголовнымъ преступленіемъ (facinorosi delinquentes) и всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, въ которыхъ замѣшаны были дворяне, должны были производиться въ городскомъ судѣ; но приговоры произносилъ и приводилъ въ исполненіе бургграфъ отъ имени короля (coram consulatu ejus civitatis accusatio institui, jusque per nos dici et administrari). Должность бургграфа учреждена была въ Ригѣ на томъ же самомъ основаніи, какъ и въ главныхъ городахъ Пруссіи, принадлежавшихъ польскому королю; въ сущности бургграфъ былъ то же, что ерцфохтъ временъ владычества архіепископовъ; его назначалъ самъ король ежегодно изъ числа четырехъ бургомистровъ, которыхъ представлялъ ему магистратъ. Споры между земскими чинами и городомъ должны были получать окончательныя рѣшенія въ провинціальномъ конвентѣ, а до учрежденія его — отъ особыхъ комиссаровъ. Споры между магистратомъ и частными лицами изъ гражданъ о границахъ владѣній должны были рѣшать посредники, избираемые съ общаго согласія обѣихъ сторонъ, на основаніи грамоты легата Вильгельма. Запрещено было давать судъ гдѣ бы то ни было лицамъ, подлежавшимъ городскому суду и произвольно уклонявшимся отъ него. Король обѣщалъ также не выдавать отсрочныхъ грамотъ (moratorias) обанкрутившимся купцамъ и гражданамъ рижскимъ, въ ущербъ заимодавцамъ ихъ, развѣ самъ магистратъ засвидѣтельствуетъ ихъ невинность. Въ особенности подтверждено было судебное право

магистрата по дѣламъ судоходства и надъ моряками по теченію Двины, начиная отъ города до впаденія ея въ море.

По части законодательства и администраціи.

По части законодательства, магистрату, по старинѣ, предоставлено было, въ случаѣ надобности, дѣлать измѣненія, поправки и нововведенія въ городскомъ правѣ, статутахъ, гражданскихъ словахъ, судопроизводствѣ, учрежденіяхъ и обычаяхъ, испрашивая однакоже на то у короля разрѣшенія и утвержденія (sub ratihabitione et confirmatione nostra, a nobis impetranda). По части администраціи магистрату оставлено было исключительное право избирать и утверждать бургомистровъ, ратсгеровъ, судей, вообще всѣхъ городскихъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ всякаго рода, съ тѣмъ, чтобы избираемые имъ присягали королю. Для успѣшнаго охраненія безопасности, позволено было магистрату преслѣдовать, ловить и арестовать нарушителей общественнаго спокойствія, разбойниковъ и воровъ по всей Ливоніи и препровождать пойманныхъ въ надлежащіе суды.

По части правъ собственности

По части правъ собственности, владѣнія и пользованія, король гарантировалъ городу: цѣлость и неприкосновенность всего общественнаго имущества, движимаго и недвижимаго, въ городѣ и внѣ его, какъ то: мельницъ, важни, мѣръ, издревле употребительныхъ; право ловить рыбу и звѣрей, рубить лѣсъ, пасти скотину внѣ городскаго округа, въ мѣстахъ, въ которыхъ граждане издревле пользовались этимъ правомъ; право оставлять за собою бѣглыхъ крѣпостныхъ людей, въ продолженіи двухъ лѣтъ не вытребованныхъ; далѣе: цѣлость и неприкосновенность частной собственности; гражданамъ предоставлено было право, съ разрѣшенія и утвержденія короля, пріобрѣтать земскую собственность (bona terrestria), т. е. населенныя имѣнія [1]). Повторена была при-

[1]) Въ конституціяхъ Стефана Баторія, изданныхъ для всей Ливоніи. ст. 20, сказано: дозволяется дворянамъ пріобрѣтать городское имущество, т. е. дома въ городахъ, а городскимъ жителямъ—земское, съ обязанностью для тѣхъ и для другихъ нести всѣ тягости и повинности, сопряженныя съ каждымъ родомъ имущества. Cod. dipl. R. P. № CLXXXVII. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи оба сословія совершенно уравнены и право рижскихъ гражданъ поставлено внѣ всякаго сомнѣнія. Впрочемъ, какъ было сказано прежде, они пользовались имъ искони, до подчиненія Польшѣ.

вилегія объ освобожденіи гражданъ отъ береговаго права и предоставлено было каждому гражданину рижскому и иногородному купцу, съ помощью городскихъ и земскихъ начальствъ, отыскивать и требовать возврата своего имущества, утраченнаго во время кораблекрушенія.

По части торговли морской, рѣчной, сухопутной, торговой полиціи и проч., городу предоставлено было исключительное господство надъ Двиною (dominium Dunae fluminis), пользованіе пристанью и берегомъ ея, съ правомъ вбивать колья для обозначенія фарватера, содержать маякъ, но безъ всякихъ при немъ укрѣпленій, наконецъ исключительное право перевоза черезъ Двину. Король обѣщалъ не допускать на берегахъ ея никакихъ построекъ, стѣснительныхъ или опасныхъ для торговли, запретилъ сплавлять или вести вверхъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Двину или въ пристань рижскую, хлѣбъ и всякіе товары, равно какъ и складывать ихъ на берегахъ и островахъ или нагружать ими корабли, минуя Ригу и ея пристань; всѣ товары должны были быть привозимы на рижскую пристань, въ Ригѣ продаваемы и уже оттуда складываемы на корабли. Онъ запретилъ открывать вообще новыя пристани въ ущербъ рижской; отмѣнилъ навсегда всякаго рода монополіи, предосудительныя для города; обѣщалъ за себя и за своихъ преемниковъ никогда не предоставлять жителямъ Ливоніи или иностранцамъ небывалыхъ въ старину торговыхъ правъ; комендантамъ замковъ и дворянамъ запретилъ заниматься недозволенною имъ торговлею (т. е., вѣроятно, прямою торговлею съ гостями, безъ посредства городскихъ жителей); обезпечилъ свободный привозъ сельскихъ продуктовъ на городской рынокъ; обѣщалъ, по окончаніи войны съ Русскими, обезпечить имъ свободный путь въ Ригу и никогда не допускать ни ихъ, ни Ганзейцевъ, къ пріобрѣтенію новыхъ, для Риги предосудительныхъ преимуществъ въ торговлѣ съ Смоленскомъ. Подтверждено было гражданамъ и купцамъ рижскимъ и иногороднымъ право свободнаго судоходства, привоза и вывоза товаровъ по всей Двинѣ и инымъ судоходнымъ рѣкамъ вверхъ и внизъ, до впаденія въ море (это значило, что никто не могъ задерживать ихъ, тревожить, осматривать ихъ товаровъ и т. п.),

По части торговли.

право безпошлиннаго судоходства по всѣмъ рѣкамъ, право приставать ко всѣмъ берегамъ, свободнаго проѣзда по Литвѣ. Пруссіи, Семигалліи, Ливоніи, во время войны и мира, наконецъ свободной покупки всякаго рода товаровъ, впрочемъ за уплатою казенныхъ пошлинъ (salvis teloneis nobis debitis). Король позволилъ городу запрещать и разрѣшать вывозъ хлѣба за море, однако соображаясь съ потребностями и пользою не одного только города, но всего государства (ex utilitate et necessitate cum civitatis, tum universae communis reipublicae), подвергать товары осмотру, вообще завѣдывать торговою полиціею на морѣ, въ пристани, по теченію рѣки, на берегахъ, однакоже безъ предосужденія верховной королевской власти (salvo nostro et successorum dominio); для предупрежденія обмановъ, назначать въ городѣ, но болѣе нигдѣ, присяжныхъ оцѣнщиковъ (censores mercium juratos) съ тѣмъ, однакоже, чтобы забракованные сельскіе продукты не были разбрасываемы, но возвращаемы хозяевамъ. По части доходовъ городскихъ и казенныхъ, король, основываясь на показаніяхъ городскихъ депутатовъ, оставилъ имъ право бить монету и весь доходъ отъ монетнаго двора [1]), съ тѣмъ, чтобы выбиваемая монета вѣсомъ и достоинствомъ равна была королевской и носила бы на одной сторонѣ королевскій гербъ, а на другой—городскій; уступилъ имъ выморочныя имущества, также десятину отъ рыбной ловли; отмѣнилъ и запретилъ учреждать впредь какіе бы то ни было сборы на разстояніи 10 миль въ окружности отъ города; освободилъ гражданъ отъ всякихъ пошлинъ вверхъ по теченію Двины; запретилъ варить пиво на разстояніи двухъ миль отъ города, за исключеніемъ дворянъ и комендантовъ замковъ, которымъ это разрѣшалось для ихъ домашняго употребленія; наконецъ, ни въ чью пользу не допускать изъятій отъ обязанности исправлять городскія повинности, общественныя и личныя.

Съ согласія гражданъ, король учредилъ, для восполненія государственной казны, таможенную пошлину (portorium)

1) Они показали, что шестари получали его сполна; но это несправедливо; извѣстно, что двѣ трети получали архіепископъ и магистръ. Готгардъ Кетлеръ предупредилъ объ этомъ польскаго короля въ письмѣ, которое изложено выше.

со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ по таксѣ, составленной городомъ и утвержденной королемъ. Такса эта никогда не должна была быть ниже существовавшей въ Гданскѣ. Притомъ король обязывался за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ не возвышать и не измѣнять ее, сборщиковъ назначать изъ числа рижскихъ гражданъ, придавъ имъ въ помощь двухъ счетчиковъ, изъ коихъ одного назначалъ самъ король, а другаго городъ; мѣсто сбора назначено было въ самомъ городѣ. Одну треть этой пошлины король уступилъ городу, съ тѣмъ, чтобы на эту сумму содержать пристань; двѣ трети онъ удержалъ для себя, съ обѣщаніемъ употреблять ихъ на защиту Риги и всей Ливоніи. Наконецъ, онъ обязалъ гражданъ уплачивать ежегодно казнѣ 1,000 польскихъ флориновъ, въ знакъ подданства, и выставлять во время войны 300 человѣкъ пѣхоты и нѣсколько полевыхъ орудій со всѣми снарядами.

Выгоды, предоставленныя Ригѣ привилегіею Стеф. Баторія.

Сличая содержаніе привилегіи Стефана Баторія съ тѣми правами, которыми Рига пользовалась въ предшествовавшихъ вѣкахъ, не трудно убѣдиться, что она почти ничего не утратила и наоборотъ многое пріобрѣла вновь.

Во-первыхъ, всѣ вообще права ея, будучи признаны верховною государственною властью, черезъ это самое получили въ отношеніи къ земскимъ сословіямъ и къ сосѣднимъ областямъ отъ Риги независѣвшимъ, такую твердость и такое обезпеченіе, какихъ прежде, даже въ цвѣтущее время политической самостоятельности Ливоніи, они никогда не имѣли. Съ поступленіемъ же Курляндіи, земскихъ сословій и городовъ лифляндскихъ подъ владычество Польши, Рига, предоставленная самой себѣ, немедленно и неминуемо утратила бы многія изъ этихъ правъ, притомъ самыя важныя для ея благосостоянія, такъ какъ они были стѣснительны для ея сосѣднихъ владѣльцевъ и противоположны ихъ интересамъ. Торговая дѣятельность, искусственно сосредоточенная въ Ригѣ, раздробилась бы по разнымъ направленіямъ; вдоль Двины и другихъ рѣкъ, на берегахъ морскихъ, открылись бы новыя пристани; стапельное право исчезло бы само собою; Ганзейскіе торговцы проложили бы себѣ прямую дорогу въ Россію; на торговыхъ путяхъ завелись бы на каждомъ шагу мыты и

заставы; дворяне воспользовались бы возможностью грабить рижскихъ купцовъ, и расправы на нихъ бы не было. Итакъ ясно, что польское правительство признало городскія привилегіи въ такое время, когда одного факта непризнанія съ его стороны достаточно было бы для ихъ упраздненія, слѣдовательно, говоря точнѣе, оно спасло и даровало ихъ.

Во-вторыхъ, граждане рижскіе, сдѣлавшись подданными государства, въ то время обширнаго и сильнаго, черезъ это самое получили возможность расширить свою торговую дѣятельность на огромномъ пространствѣ и притянуть къ себѣ торговлю съ Западною Русью; они получили въ Смоленскъ и Литву свободный путь, котораго такъ долго добивались. Наконецъ, они пріобрѣли правдою и неправдою нѣсколько совершенно новыхъ правъ и доходовъ, напримѣръ: право преслѣдовать и ловить разбойниковъ и воровъ во всей Ливоніи, исключительное право продавать пиво на разстояніи двухъ миль отъ города въ окружности, полный доходъ отъ монетнаго двора, которымъ, вопреки лживому показанію депутатовъ своихъ, они изстари дѣлились съ своими господами, отъ рыбныхъ ловель, и, наконецъ, штрафныя деньги, изъ коихъ король ничего не выговорилъ въ свою пользу.

Характеръ отношеній польскаго правительства къ Ригѣ.

Въ сущности отношенія города къ верховной власти не измѣнились. Она перешла отъ бывшаго господина къ королю, но въ грамотѣ Баторія удержала прежній характеръ посторонняго начала, какъ бы случайно и извнѣ ограничивающаго городъ въ дѣлѣ суда, законодательства, въ нѣкоторыхъ доходахъ, и вовсе не входящаго въ опредѣленіе ни внутренняго устройства городскаго общества, ни взаимныхъ отношеній сословій, ни предѣловъ власти городскаго начальства касательно подчиненныхъ ему гражданъ: во все это верховная власть не вмѣшивалась, ограничиваясь однимъ общимъ признаніемъ существовавшаго порядка Изрѣдка попадающіяся оговорки и выраженія, какъ то: безъ предосужденія королевской власти и государственнымъ правамъ, для пользы города и всего государства, и тому подобныя,—одни свидѣтельствуютъ о томъ, что господская власть, служившая личнымъ интересамъ господина, уступила мѣсто государственной власти, призванной служить общественному благу, и что

городъ вошелъ, или долженъ былъ войти въ новую сферу и со временемъ почувствовать свое отношеніе къ политическому цѣлому, которому онъ подчинился.

Кромѣ подробно разобраннаго нами Свода привилегій, Стефанъ Баторій выдалъ въ Дрогичинѣ нѣкоторыя спеціальныя привилегіи: одною изъ нихъ, 14 января 1581 года, онъ обезпечивалъ свободу Аугсбургскаго вѣроисповѣданія, обѣщалъ не вводить иной вѣры и предоставлялъ городу имѣть свой собственный судъ по дѣламъ духовнымъ (консисторію) безъ апелляціи.

Недовольство гражданъ.

Не смотря однакоже на выгодное положеніе, обезпеченное городу, граждане были недовольны. Они жаловались, что члены магистрата, отправленные для заключенія договора о подданствѣ, за пріобрѣтеніе новыхъ, опасныхъ привилегій, пожертвовали старыми, приняли, не будучи къ тому принуждены, бургграфа, упустили изъ рукъ древнее право, которое имѣлъ городъ судить дворянъ, наконецъ уступили двѣ трети портовой пошлины. Но гораздо важнѣе и оскорбительнѣе для гражданъ была другая уступка, о которой они узнали позднѣе. Въ инструкціи, данной городскимъ депутатамъ, велѣно было ни подъ какимъ видомъ не допускать нововведеній въ дѣлахъ вѣры и церковнаго устройства, выговорить для города всѣ дома и земли, въ немъ находившіеся и принадлежавшіе архіепископу и капитулу, наконецъ, сохранить стѣну, отдѣлявшую замокъ отъ города; въ случаѣ несогласія польскаго правительства на эти условія, велѣно было прекратить переговоры и ѣхать назадъ. Обо всѣхъ этихъ пунктахъ въ привилегіи Стефана Баторія не было упомянуто, и разрѣшеніе ихъ было отсрочено до пріѣзда самого короля въ Ригу,— такъ по крайней мѣрѣ донесено было гражданамъ; но впослѣдствіи открылось, что послы отдали королю двѣ церкви, въ томъ числѣ соборную, для католическаго богослуженія, а можетъ быть и болѣе того. 7 апрѣля 1581 года, граждане присягнули королю, и вслѣдъ затѣмъ, канцлеръ Замойскій потребовалъ какъ обѣихъ уступленныхъ церквей, такъ вообще всѣхъ имѣній архіепископа и капитула, на томъ основаніи, что послѣдній архіепископъ Вильгельмъ отказалъ ихъ королю. Объ этомъ долго спорили, но наконецъ подались на взаимныя

уступки, и магистратъ, съ согласія оберъ-пастора, всего духовенства и ельтермана большой гильдіи, долженъ былъ принять слѣдующія дополнительныя статьи, изложенныя въ грамотахъ 7 апрѣля и 16 ноября 1582 года. Король отдалъ городу въ собственность архіепископское подворье со всѣми принадлежностями, равно какъ и зданія, принадлежавшія канонникамъ и капитулу, въ то время еще нероздапныя, а взамѣнъ дохода, который онъ могъ бы отъ нихъ имѣть, граждане обязались уплачивать ему ежегодно 100 польскихъ флориновъ на содержаніе церкви Св. Якова. Эту церковь граждане уступили для католическаго богослуженія, съ кладбищемъ, домами, доходами, равно какъ и монастырь Св. Магдалины, также со всѣми его принадлежностями и доходами, отказавшись отъ всякаго на нихъ права. Всѣ остальныя церкви, въ томъ числѣ одну православную, король оставилъ городу и отказался въ пользу магистрата отъ своего права патронатства надъ ними; дозволилъ совершать въ нихъ богослуженіе по Аугсбургскому вѣроисповѣданію, съ тѣмъ однакожъ, чтобы не заводили никакихъ новыхъ ересей. Наконецъ, король гарантировалъ полную свободу вѣроисповѣданія какъ протестантамъ, такъ и католикамъ, разрѣшилъ всякому безпрепятственно переходить изъ протестантской вѣры въ римскую церковь, строго запретилъ какъ городскому начальству, такъ и частнымъ лицамъ, какимъ бы то ни было образомъ, стѣснять, оскорблять или преслѣдовать католиковъ, и въ заключеніе выразилъ свое сожалѣніе о религіозныхъ заблужденіяхъ, въ которыя впали граждане, и свое желаніе содѣйствовать ожидаемымъ имъ обращеніямъ въ нѣдра римской церкви.

Дополнительныя статьи. 1882 г.

Затѣмъ король занялся разсмотрѣніемъ другихъ предметовъ и потребовалъ гражданъ къ отвѣту за постройку какихъ-то укрѣпленій между замкомъ и городомъ, за разрушеніе нѣкоторыхъ строеній въ предмѣстьи замка и другія самовольныя распоряженія. Граждане оправдывались тѣмъ, что будто бы укрѣпленія воздвигнуты ими на случай нападенія Русскихъ, и что въ форштатѣ издавна запрещено было магистратомъ строить новыя зданія, торговать и открывать ремесленныя заведенія сверхъ опредѣленнаго числа, необхо-

Споры объ укрѣпленіяхъ и о постройкахъ въ форштатѣ.

димаго для работъ въ замкѣ. При обсужденіи всего этого, Стефанъ Баторій, какъ сказано въ грамотѣ его по этому поводу изданной, предпочелъ строгому изслѣдованію милостивое забвеніе и рѣшилъ: оставить возведенное укрѣпленіе, но себѣ предоставилъ право укрѣпить замокъ со стороны, обращенной къ городу; вознаградить за разрушеніе форштатскихъ зданій тѣхъ, которые владѣли ими по привилегіямъ болѣе древнимъ, чѣмъ предъявленныя городомъ; предоставилъ себѣ и наслѣдникамъ своимъ право впредь разрѣшать въ форштатѣ новыя постройки, впрочемъ, только деревянныя и въ достаточномъ разстояніи отъ стѣны; запретилъ рыть въ форштатѣ подвалы, варить пиво, торговать, печь хлѣбъ, кромѣ потребнаго для домашняго употребленія, въ особенности для продажи и снабженія имъ кораблей. Надзоръ за всѣмъ этимъ и принятіе исполнительныхъ мѣръ поручены были въ совокупности: коменданту замка (префекту), бургграфу и ратсгерамъ. Все конфискованное должно было быть раздѣлено пополамъ между городскими и коронными чиновниками. Въ случаѣ отказа въ содѣйствіи со стороны коменданта, городское начальство могло безъ него приступать къ исполнительнымъ мѣрамъ. Эта королевская резолюція дошла до насъ въ грамотѣ Сигизмунда III-го, 19 ноября 1592 года [1]).

Подтвержденіе привилегіи малой гильдіи. 1582 г.

Пользуясь милостивымъ расположеніемъ Баторія, малая гильдія, въ томъ же 1582 году, выпросила у него, какъ кажется безъ вѣдома магистрата и большой гильдіи, подтвержденіе привилегіи, нѣкогда выданной ей магистромъ Газенкампфомъ по поводу ея споровъ съ купеческимъ сословіемъ въ XVI вѣкѣ, и въ которой ремесленникамъ присвоено было право пивоваренія, кружечной продажи и торговли. Къ этому Стефанъ Баторій прибавилъ нѣсколько статей; а именно: позволилъ ремесленникамъ посѣщать за деньги собраніе черноголовыхъ, отвѣчать въ жалобахъ, приносимыхъ на нихъ, передъ своимъ собственнымъ судомъ (т. е. передъ цеховою управою) и запретилъ кому бы то ни было заниматься ремесломъ въ городскихъ владѣніяхъ безъ разрѣшенія ельтермана малой гильдіи. Въ концѣ этой грамоты сказано: что

[1]) Рукописный сборникъ, хранящійся въ архивѣ большой гильдіи подъ лит. A. стр. 606—611.

всѣ сіи права должны впредь принадлежать ремесленникамъ, если, и во сколько, они пользовались ими въ старину, что настоящая привилегія должна быть доведена до свѣдѣнія магистрата, дабы онъ ненарушимо соблюдалъ ее, во сколько она не противна публичному праву. Эти слова впослѣдствіи подали поводъ большой гильдіи оспаривать эту привилегію [1]).

Возстаніе гражданъ противъ магистрата и правительства.

Стефанъ Баторій сдѣлалъ все возможное для угожденія гражданамъ, но это не изгладило впечатлѣнія, произведеннаго отнятіемъ церквей; выраженія, употребленныя имъ о католической вѣрѣ въ грамотѣ 16 ноября 1582 года, сами по себѣ умѣренныя, въ XVI вѣкѣ могли быть приняты за предвѣстіе гоненія; такъ и приняли ихъ протестанты, старавшіеся упрочить существованіе своего вѣроисповѣданія на тѣхъ же началахъ строгой нетерпимости, которыя возмущали ихъ въ католицизмѣ [2]). Королевскій указъ о введеніи грегоріанскаго календаря и появленіе іезуитовъ въ Ригѣ довели негодованіе гражданъ до крайности и подали поводъ въ возстанію ихъ противъ магистрата, какъ исполнителя королевской воли. Мы сказали, что мѣры польскаго правительства подали только поводъ къ возстанію, ибо главная причина его заключалась въ справедливомъ требованіи городскаго общества, предъявленномъ передъ тѣмъ за пятьдесятъ и болѣе лѣтъ, объ ограниченіи произвола магистрата. Но это требованіе не было

1) Рукописный сборникъ, стр. 415.

2) Всѣ мѣры и учрежденія Стефана Баторія, напримѣръ: основаніе католической епархіи въ Венденѣ, разрѣшеніе свободнаго перехода изъ протестантской вѣры въ католическую церковь, указъ лифляндскимъ городамъ о томъ, чтобы въ члены магистратовъ и въ другія должности выбирали безъ различія протестантовъ и католиковъ, грамота, которою приглашались въ Лифляндію колонисты католическаго исповѣданія, обѣщались имъ земли въ собственность, право торговать и производить промыслы, учрежденіе католическихъ школъ для народа—доказываютъ, что онъ хотѣлъ только поставить католическую церковь въ Лифляндіи на равную степень съ протестантизмомъ. Но можетъ быть онъ пошелъ бы и далѣе: при немъ стояло цѣлое ополченіе іезуитовъ, и неизвѣстно, умѣлъ ли бы онъ защититься отъ ихъ вліянія, которому такъ рабски поддался Сигизмундъ III. Какъ боялись и какъ ненавидѣли въ то время іезуитовъ, доказываетъ между прочимъ молва, ходившая по Лифляндіи во время несчастной для Польши войны ея съ Швеціею: увѣряли, будто польское правительство, по внушенію іезуитовъ, умышленно выдаетъ Лифляндію Шведамъ для того только, чтобы послѣ завоевать ее снова и тогда уже лишить ее всѣхъ привилегій.

уважено ни самимъ магистратомъ, ни польскимъ правительствомъ, которое въ то время еще не знало настоящаго положенія дѣлъ въ Ригѣ или не вникало въ него. Городское общество распалось на двѣ партіи и началась борьба, въ сущности междоусобная, но принявшая естественно характеръ бунта противъ правительства. Подробное изложеніе ея представлено будетъ въ исторіи городскихъ сословій; здѣсь же достаточно упомянуть, что граждане, въ своей запальчивости, оскорбили правительство и въ лицѣ магистрата, и въ лицѣ Радзивила, королевскаго намѣстника, котораго они не впустили въ Ригу; отвергли посредничество самого короля, который соглашался выслушать ихъ жалобы; пять лѣтъ спустя послѣ данной ими присяги, не только нарушили, но формально отмѣнили нѣкоторыя статьи грамоты, на основаніи которой они поступили въ подданство Польши; на отрѣзъ отказались выдать зачинщиковъ мятежа; судили и казнили членовъ магистрата, оправданныхъ королевскимъ судомъ; выгнали іезуитовъ и отняли у католиковъ уступленныя имъ церкви; наконецъ замышляли передаться Швеціи. Въ этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, Стефанъ Баторій дѣйствовалъ снисходительно, но односторонно, не увлекался гнѣвомъ, но поддавался наущеніямъ одной стороны, а именно: членовъ магистрата, составлявшихъ польскую партію въ Ригѣ; онъ смотрѣлъ на городскія дѣла ихъ глазами и потому, не признавая справедливости требованій простыхъ гражданъ, хотѣлъ только возстановить прежнее, ими разрушенное, городское устройство. Стефанъ Баторій умеръ, не успѣвъ прекратить мятежа. Сигизмундъ III. а преемникъ его Сигизмундъ III дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, но несравненно односторонѣе. Коммисары его нарядили судъ надъ мятежниками, казнили главныхъ изъ нихъ и утвердили конституцію, или контрактъ, извѣстный подъ названіемъ Севериновскаго, выдавъ совершенно гражданъ на произволъ магистрата. Северинов-скій контрактъ. Такимъ образомъ, на время, въ 1589 году, возстановленъ былъ въ Ригѣ порядокъ, но порядокъ насильственный и потому непрочный. Въ томъ же году, 17 апрѣля, Сигизмундъ III въ общихъ выраженіяхъ подтвердилъ городскія привилегіи [1]. Въ 1593 г. городъ, чрезъ своего синдика, вто-

1) Codex dipl. R. P., № CXCVIII.

рично обратился къ королю съ просьбою пояснить нѣкоторыя изъ статей привилегіи Стефана Баторія и утвердить позднѣйшія его спеціальныя грамоты и декреты. По этому случаю, король издалъ такъ называемое объявленіе (declaratio) городскихъ привилегій 13 мая того же года. Въ немъ между прочимъ постановлено: по части суда, чтобы статутъ Торунскій (Thorunensis), на основаніи котораго учреждена была въ Ригѣ должность бургграфа, служилъ руководствомъ только для одного бургграфа; чтобы магистратъ признавалъ его за представителя судебной королевской власти, а не за коменданта рижскаго замка; чтобы приговоры по дѣламъ уголовнымъ, изданные съ согласія магистрата и бургграфа, были немедленно приводимы въ исполненіе, въ случаѣ же разногласія между ними, ожидали бы королевскаго рѣшенія; чтобы бургграфъ одинъ безъ участія магистрата судилъ всѣхъ дворянъ въ дѣлахъ гражданскихъ, по обязательствамъ (ex contractibus) и въ маловажныхъ проступкахъ, въ важныхъ же преступленіяхъ (in veteratos nobilium casus) только тѣхъ, которые случайно заходили въ его вѣдомство (vagabundos), не имѣли въ Ливоніи ни осѣдлости, ни собственности, не могли представить порукъ, или добровольно подчинялись его суду; чтобы по вызову его являлись безпрекословно даже тѣ лица, которыя могли доказать, что не подлежали его суду; чтобы королевскія канцеляріи произвольнымъ вмѣшательствомъ не нарушали обычнаго порядка рижскаго судопроизводства; чтобъ апелляціи на рѣшенія магистрата восходили въ высшую инстанцію установленнымъ порядкомъ, съ предоставленіемъ магистрату возможности посылать въ нее отъ себя поясненія и оправданія своихъ рѣшеній; чтобы судопроизводство уголовное оставалось неизмѣннымъ; чтобы не было учреждаемо въ Ригѣ особыхъ слѣдственныхъ коммиссій отъ верховной власти; чтобы подающіе неосновательныя жалобы на магистратъ или на частныхъ лицъ наказывались какъ клеветники; чтобы городъ, какъ юридическое лице, цитованный по уголовному дѣлу, былъ подсуденъ тому же суду, какому и дворяне. По части законодательства, король постановилъ, чтобы не было выдаваемо гильдіямъ и цехамъ никакихъ привилегій, утвержденій (confirmationes), уставовъ,

Объявленіе городскихъ привилегій. 1593 г.

противныхъ законной власти и судебнымъ правамъ магистрата, но предоставилъ ему, по старинѣ, полное право издавать для нихъ всякаго рода постановленія. По части городскихъ промысловъ, Сигизмундъ III подтвердилъ прежнее рѣшеніе Стефана Баторія о форштатѣ. По части права собственности, призналъ имущество городское и частное безусловно неприкосновеннымъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда польза общественная могла бы служить предлогомъ къ наложенію на него руки (sub publici juris pretextu). По части доходовъ, король обѣщалъ впредь не сообщать права бить монету ни одному городу, ни частному лицу въ Лифляндіи, не обременять города никакими налогами сверхъ тѣхъ, которые онъ добровольно обязался уплачивать; какъ спеціальную милость, далъ городу право устроить подземный водопроводъ безпошлинно; для обезпеченія дохода, происходившаго отъ сбора съ посѣщавшихъ рижскую пристань, разрѣшилъ взимать штрафы съ купцовъ и корабельщиковъ, которые, вопреки городскимъ привилегіямъ, стали бы посѣщать другія пристани или выгружать привезенные товары прежде составленія имъ описи (Rolle), или складывать въ корабли купленные товары, не уплативъ съ нихъ всѣхъ пошлинъ; обратилъ эти штрафы частью въ пользу города, частью же въ пользу казны; подтвердилъ данное городу его предшественникомъ право содержать у пристани сторожевой корабль, обѣщалъ никому не выдавать льготъ въ ущербъ таможеннымъ доходамъ съ пристани получаемымъ, не освобождать ничьихъ товаровъ отъ уплаты пошлинъ и т. д., наконецъ никогда не позволять жидамъ селиться въ Ригѣ [1]).

Но городъ все таки не считалъ еще себя обезпеченнымъ, и въ 1601 году, во время сейма, просилъ, чтобы, для устраненія всякихъ сомнѣній и для окончательнаго удостовѣренія въ неприкосновенности его привилегій (ex superabundanti assecuratione privilegiorum suorum), король благоволилъ включить ихъ въ государственную хартію (constitutiones regni). Сигизмундъ исполнилъ охотно и это требованіе, хотя

---

1) Codex dipl. R. P., № CCVIII.

призналь его вовсе излишнимъ (minus necessaria) [1]); потомъ въ 1601 году, по просьбѣ пословъ рижскихъ, освободилъ городской судъ отъ всякой подчиненности какому бы то ни было земскому суду и установилъ, чтобы апелляціи на магистратъ восходили непосредственно къ королю [2]); въ 1603, въ награду за сопротивленіе, оказанное Ригою герцогу Зюндерманландскому, Сигизмундъ пожаловалъ городу цѣлую половину (вмѣсто трети) портовой пошлины [3]).

Недовольство гражданъ магистратомъ.

Итакъ, послѣ всѣхъ мятежей, явнаго неповиновенія и замышленной измѣны, Рига не только сохранила все ей обѣщанное въ началѣ, но еще получила отъ польскаго правительства нѣсколько новыхъ правъ и доходовъ. Все это конечно объясняется тѣмъ, что грамоты Сигизмунда III-го такъ же какъ и грамота Баторія были преимущественно выгодны для магистрата, въ которомъ короли польскіе видѣли опору своего владычества: но эта опора была непадежна. Магистратъ не могъ удержаться въ томъ неестественномъ положеніи, которое даровало ему правительство Севериновскимъ контрактомъ. Граждане не переставали жаловаться на притѣсненія и ежегодно въ своихъ прошеніяхъ высчитывали злоупотребленія, прикрытыя произволомъ начальства; наконецъ они обратились непосредственно къ королю. Совѣтники его разсмотрѣли обвиненія гильдій на магистратъ и оправданія послѣдняго, выслушали требованія той и другой стороны, и, въ этотъ разъ, духъ добросовѣстнаго безпристрастія выразился въ ихъ сужденіяхъ. Тогда издано было отъ правительства новое городовое положеніе, 1604 года, почти во всемъ согласное съ требованіями гражданъ и безспорно самый замѣчательный законодательный актъ польскаго правительства. Въ первыхъ строкахъ его, король ясно и рѣзко высказалъ ту мысль, что главная цѣль его заключается въ пресѣченіи господства немногихъ и въ уравненіи правъ; гражданамъ было обѣщано все то чего они тщетно добивались полтора вѣка: сосредоточеніе всѣхъ городскихъ доходовъ въ одной кассѣ; учрежденіе независимаго финансоваго управленія изъ

Городовое положеніе. 1604.

---

[1]) Тамъ же. № CCXVIII. — [2]) Привил. 1601 года, марта 6, рукопись. — [3]) Привил. 1603 года, марта 1, рукопись.

представителей всѣхъ городскихъ сословій, введеніе строгой отчетности въ употребленіи городскихъ суммъ, ревизія городскихъ статутовъ и т. д. Изъ этого видно, что польское правительство какъ бы одумалось: перемѣнивъ прежній образъ мыслей, оно ступило рѣшительный шагъ по новому направленію, но у него не достало постоянства, и должно прибавить, не достало досуга, чтобы его выдержать. Даны были обѣщанія, но этого было мало: ихъ надобно было осуществить; надобно было не спускать глазъ съ магистрата; ибо можно было предвидѣть, что онъ употребитъ всѣ средства для обезсиленія закона, который обуздывалъ его произволъ, а долголѣтній опытъ доказывалъ, что гильдіи, предоставленныя себѣ самимъ, не могли тягаться съ магистратомъ. Мы увидимъ ниже, что ни одна изъ статей Положенія 1604 года не вошла въ силу, а польское правительство этого не знало, или не хотѣло знать. Впрочемъ, какъ уже было сказано, оно не имѣло досуга заниматься Ригою: война, положившая конецъ польскому владычеству въ Лифляндіи, уже была въ полномъ разгарѣ. Дворянство первое передалось на сторону Швеціи, за нимъ города; наконецъ въ 1621 году Густавъ-Адольфъ присталъ къ Динамюнду; Рижане воспользовались случаемъ и выжгли форштаты и загородные сады; но, не получая помощи, они не выдержали осады долѣе мѣсяца съ небольшимъ и покорились шведскому королю.

Рига признаетъ владычество Швеціи. 1621 г.

Польское владычество въ Лифляндіи было непродолжительно и не могло быть прочно, ибо, во-первыхъ, внутреннее безсиліе Польши, ея нескладное государственное устройство не позволяли ей думать о завоеваніяхъ; во-вторыхъ, въ XVI и XVII вѣкахъ, въ тѣ времена религіозной нетерпимости и гоненій, край протестантскій не могъ ужиться съ католическою державою, особенно съ такою какова была Польша — покорное орудіе іезуитской политики. Въ Ригѣ, польское правительство, кромѣ неисполненнаго контракта 1604 года, не оставило по себѣ памятниковъ; оно не только не содѣйствовало естественному развитію муниципальныхъ учрежденій, но напротивъ мѣшало ему и подавляло его. Мы уже сказали, что въ Ригѣ съ половины XVI вѣка ощущалась и съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе потребность пре-

Характеристика дѣйствій польскаго правительства.

образованія. Граждане, наученные многолѣтнимъ опытомъ, требовали ограниченія произвола магистрата, введенія строгой отчетности въ употребленіи городскихъ доходовъ. допущенія ихъ представителей къ участію въ управленіи; съ другой стороны, все городское населеніе, къ братствамъ обѣихъ гильдій не принадлежавшее, и которому гильдіи отказывали въ правѣ участвовать въ городскихъ промыслахъ, нуждалось въ обезпеченіи не правъ своихъ, которыхъ оно не имѣло, а насущнаго пропитанія. Но извѣданное упорство магистрата въ отношеніи къ гражданамъ и такое же упорство гражданъ въ отношеніи къ обывателямъ не позволяли надѣяться, чтобы преобразованіе совершилось само собою, безъ вмѣшательства посторонней власти. Если бы правительство польское такимъ образомъ поняло положеніе дѣлъ въ Ригѣ, оно могло бы содѣйствовать мирному осуществленію этихъ справедливыхъ требованій. Но оно съ самаго начала имѣло дѣло съ однимъ магистратомъ и подчинилось его вліянію, а мятежи, вызванные упрямствомъ магистрата и пристрастіемъ польскаго правительства, вселили въ него недовѣрчивость и нерасположеніе къ гражданамъ. Таковъ былъ характеръ его дѣятельности до 1604 года; оно не только ничего не дѣлало, но останавливало всякое дѣло; наконецъ, хотя поздно, правительство открыло глаза, признало необходимость новаго порядка, даже узаконило его, но не умѣло ввести. Изъ противодѣйствія оно впало въ бездѣйствіе, и магистратъ снова пріобрѣлъ надъ нимъ на мигъ потерянное вліяніе.

Тайныя причины снисходительности польскаго правительства къ магистрату.

Мы уже говорили о причинахъ этого вліянія и ослѣпленія правительства, но мы еще не касались самой важной изъ нихъ. Намъ открываютъ ее записки ельтермановъ и протоколы того времени. Причина эта ничто иное, какъ систематическій подкупъ польскихъ чиновниковъ, отъ высшихъ до низшихъ, рижскимъ магистратомъ, безотчетно располагавшимъ городскими суммами, разумѣется, въ пользу своего сословія. Мы приведемъ тому нѣсколько примѣровъ, но должны предварительно замѣтить, что рукописныя современныя свѣдѣнія, которыми мы пользовались, обнимаютъ только два года — 1613 и 1614; но, по тому, что происходило въ этихъ мирныхъ годахъ, можно судить о томъ, что дѣлалось въ

эпоху переговоровъ, предшествовавшихъ подчиненію города, и во время мятежей по поводу изданія новаго календаря— вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда городу угрожала опасность и участь его была въ рукахъ правительственныхъ лицъ.

Въ 1613 году магистратъ предлагалъ гражданамъ, помимо намѣстника и посредствомъ подкупа, выхлопотать въ Польшѣ, чтобы польскій блокгаузъ переданъ былъ городу; ельтерманы нашли, что это безполезно, не безопасно, дорого будетъ стоить, а средство, не совсѣмъ чистое, можетъ быть навлечетъ нерасположеніе правительства. Вскорѣ послѣ этого, магистратъ объявилъ, что считаетъ нужнымъ сдѣлать подарокъ польскимъ канцеляріямъ (zu verehren); ельтерманы также воспротивились этому, изъясняя, что городъ разоренъ и находится въ упадкѣ, что всѣ и безъ того уже жалуются, что Рижане избаловали польскія канцеляріи, что другіе города даютъ меньше, что герцогъ Курляндскій единовременно посылаетъ всего на все 300 талеровъ, тогда какъ Рижане жертвуютъ по 1000 флориновъ, а результаты все одни и тѣ же. Затѣмъ отправили вице-синдика въ Польшу по дѣламъ вовсе не важнымъ; онъ занимался большею частью процессами, не имѣвшими никакой связи съ интересами города, т. е. противодѣйствовалъ лицамъ, пріѣзжавшимъ съ жалобами на судебныя рѣшенія магистрата: между тѣмъ онъ истратилъ около 4,500 рейхсталеровъ. Ельтерманы жаловались на такіе непомѣрные расходы, которые уплачивались изъ городскихъ суммъ; бургграфъ возразилъ имъ: „если станете съ этой точки зрѣнія смотрѣть на дѣло, то черезъ 10 лѣтъ городъ потеряетъ всѣ свои привилегіи“. Ельтерманъ отвѣчалъ: „пусть король и сенаторы разсудятъ, не слишкомъ ли много истрачено денегъ на такое посольство; привилегіи служатъ въ этомъ случаѣ только предлогомъ; пора бы намъ найти людей, которые съ помощью правительства, спасли бы городъ“. Дѣйствительность средствъ, къ которымъ прибѣгалъ магистратъ, лучше всего доказывается результатами. Лифляндцы просили, чтобы учредили въ Лифляндіи ярмарку, и чины королевства внесли объ этомъ статью въ конституцію, но депутатъ рижскій добился того, что ее вычеркнули. Дворяне требовали уничтоженія привилегіи, по которой городъ

могъ не выдавать бѣглыхъ, и отмѣны суда бургграфскаго; противъ всего этого, депутатъ протестовалъ съ успѣхомъ и добился того, что дворянамъ Лифляндскимъ, пріѣзжимъ Шотландцамъ и Голландцамъ запрещено было торговать, равно какъ строить дома, варить пиво, производить торговлю въ форштатахъ. Но все это получено было не даромъ. По возвращеніи своемъ въ Ригу, депутатъ объявилъ, что онъ имѣетъ кое-какія вѣсти въ запасѣ (reservata), которыхъ нельзя было сообщить ни всѣмъ членамъ магистрата, ни ельтерманамъ, а только немногимъ въ кемерейномъ собраніи, которое и было созвано. Вслѣдъ затѣмъ, первоприсутствующій бургомистръ объявилъ ельтерманамъ, что нѣкоторыя польскія знатныя лица очень хорошо расположены къ городу и оказывали ему услуги, за что и слѣдуетъ почтить ихъ (mit Verehrung versehen), а именно: для вице-канцлера Фирней, по просьбѣ его милости, нужно выслать колоколъ, а какому то господину Доригофу поднести 1,000 флориновъ. Но ельтерманы и въ этотъ разъ воспротивились. Бургомистръ Еккъ вышелъ изъ себя и объявилъ, что такъ могутъ разсуждать только враги города, а ельтерманъ въ отвѣтъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: „нѣтъ причины давать взятки, когда городъ обезпеченъ данными обѣщаніями и завѣренъ въ милостивомъ расположеніи короля; городу приходится слишкомъ тяжко ежегодно покупать привилегіи на огромныя суммы; лучше мы сообщимъ объ этомъ всему городскому обществу и повергнемъ къ стопамъ его королевскаго величества всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ разскажемъ, какъ и на что подговариваетъ насъ бургомистръ Еккъ“. Не смотря на все это, когда разнесся слухъ, что хотятъ обложить городъ контрибуціей, послали опять депутата въ Польшу и дали ему 2,000 гульденовъ; ельтерманъ по этому случаю напоминалъ, что депутатамъ давали не болѣе 100 и 200 гульденовъ, когда вели переговоры о подданствѣ, т. е. при Сигизмундѣ-Августѣ. Въ то время, какъ извѣстно, городъ отправлялъ одиннадцать разъ пословъ; по этому можно судить, въ какую сумму обошлась ему привилегія Стефана-Баторія. Независимо отъ всего этого, городъ содержалъ въ Польшѣ постоянно агента и адвокатовъ. Этотъ агентъ также былъ не

безполезенъ. Множество жалобъ, доходившихъ до короля на беззаконныя рѣшенія магистрата, явныя противорѣчія, найденныя въ его приговорахъ, наконецъ внушили королю мысль послать ученаго ревизора въ Ригу для того, чтобы привести наконецъ въ извѣстность, какими законами руководствуются въ Ригѣ. Этого просили много лѣтъ сряду граждане: но просьбы и жалобы ихъ не доходили до короля. Агентъ рижскій не могъ помѣшать ревизіи, но онъ склонилъ выборъ на извѣстнаго ему человѣка. Ревизоръ пріѣхалъ, граждане подали ему жалобу на высочайшее имя и умоляли, чтобы король далъ имъ судъ праведный, безъ лицепріятія; но ревизоръ ничего не отвѣчалъ и, кажется, ничего не сдѣлалъ. Наконецъ, самъ Хоткевичъ, королевскій намѣстникъ и гетманъ, получилъ взятку: нѣсколько пушекъ, изъ коихъ одна была торжественно подвезена ему къ ратушѣ, за выгодную рекомендацію у королевскаго величества.

Вотъ что происходило въ теченіе двухъ лѣтъ; при этомъ нельзя не замѣтить, что сельтерманъ упоминаетъ только о тѣхъ взяткахъ, которыя были ему извѣстны, на выдачу коихъ спрашивали его совѣта; сколько же ихъ выдано было безъ его вѣдома изъ кемерейной кассы, въ которую стекались и въ которой исчезали почти всѣ городскіе доходы? [1]) А между тѣмъ, граждане жаловались ежегодно, ежемѣсячно, на растрату городскихъ денегъ, на небрежное управленіе, на контрабанду, на неправедный судъ, на неопредѣленность и

[1]) Въ достовѣрности показаній сельтермана нѣтъ причинъ сомнѣваться, но, для устраненія всякаго возраженія, мы приведемъ иного рода свидѣтельство, которое дополнитъ выписки изъ гильдейскихъ протоколовъ и дастъ возможность обозрѣть во всемъ ея объемѣ систему подкуповъ мастерски организированную для обезсиленія всѣхъ польскихъ правительственныхъ мѣръ. Вотъ что пишетъ Діонисій Фабриціи, католикъ, притомъ лицо духовное, преданное Полякамъ, въ лѣтописи, посвященной самому Хоткевичу (Scriptores rerum Livonicarum, второй выпускъ): „Стефанъ Баторій, узнавъ о мятежахъ по поводу введенія новаго календаря, вознегодовалъ и рѣшился наказать Ригу. Боясь его, послѣдніе отправили пословъ дабы умилостивить короля чрезъ посредство сенаторовъ, пребывавшихъ при дворѣ и которымъ они роздали много подарковъ: но король не смягчался и готовился осадить городъ; преждевременная смерть его избавила Ригу; носились слухи, впрочемъ сомнительные, что враги короля, подкупленные рижанами, ускорили его смерть“.

неизвѣстность законовъ; они жаловались магистрату, грозили ему королемъ, призывали Бога въ свидѣтели. Ельтерманъ на каждой страницѣ восклицаетъ, что только Богъ и вмѣшательство правительства могутъ избавить гражданъ отъ угнетенія и городъ отъ разоренія; но все было напрасно: на городскія же деньги покупали право безнаказанно притѣснять горожанъ.

Безсиліе польскаго правительства улучшить городское устройство.

Правда, нѣкоторые изъ польскихъ чиновниковъ, какъ кажется, понимали, что правительство поддерживало неправую сторону. Если вѣрить ельтерману большой гильдіи, комиссары, присланные въ Ригу въ 1611 году, говорили ему: „Мы увидѣли теперь, какъ обращается магистратъ съ гражданами; также точно онъ дѣйствуетъ и въ Польшѣ; ратсгеры, пріѣзжая туда, стараются всѣ вины, въ которыхъ ихъ упрекаетъ правительство, свалить на ельтермановъ; и мы этому вѣрили и въ томъ же смыслѣ доносили королю; но теперь, пожившъ на мѣстѣ, мы убѣдились, что дѣла идутъ иначе, что гильдіи то и поддерживаютъ въ городѣ добрый порядокъ; за то, вы теперь можете на насъ положиться, мы оправдаемъ васъ передъ королемъ и передъ сенаторами, ибо жаль васъ, гражданъ; вы живете подъ тиранніею высшаго сословія; но потерпите только, все это измѣнится“ [1]).

Граждане терпѣли еще долго послѣ того, но ничто не измѣнилось; причину мы объяснили; къ тому же, война и другія заботы отвлекали вниманіе польскаго правительства въ другія стороны; оно упустило единственный случай совершить давно желанное преобразованіе, когда мятежи и безпорядки естественно требовали безпристрастнаго вмѣшательства верховной власти: въ то время оно не поняло своего призванія; и между тѣмъ какъ магистратъ тратилъ деньги, оно тратило силы и время на поддержаніе сокрушавшагося порядка, и потому вся его дѣятельность пропала даромъ и не оставила слѣдовъ.

---

[1]) Кн. Ельтерм., стр. 274.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ подчиненія Риги Швеціи до подчиненія ея Россіи.

1621—1710.

Договоръ 15 сентября 1621 г.

Шведское владычество началось съ того же, съ чего началось и польское, не смотря на различіе обстоятельствъ, т. е. съ признанія и утвержденія существовавшаго порядка. Но въ этотъ разъ, дѣло совершилось скоро; тянуть переговоровъ и заводить споровъ не имѣли времени, потому что подъ городъ подведены были подкопы, и Густаву-Адольфу стоило дать знакъ, и онъ взлетѣлъ бы на воздухъ; съ другой стороны, сердце Рижанъ лежало къ представителю и славному поборнику протестантской вѣры, который являлся какъ бы на избавленіе города отъ прозелитизма Польши. Они присягнули ему на вѣрность подданства, а король обѣщалъ имъ охраненіе Аугсбургскаго вѣроисповѣданія, церквей, госпиталей, церковныхъ имѣній, всѣхъ ихъ привилегій, правъ, льготъ и обычаевъ, на водѣ и на сушѣ, коими они дотолѣ пользовались, общественной и частной, на законныхъ документахъ основанной собственности, защиту и покровительство городскимъ промысламъ, наконецъ обѣщалъ имъ также, по вступленіи своемъ въ городъ, разсмотрѣть спеціальныя ихъ привилегіи, подтвердить ихъ и, въ случаѣ нужды, даже распространить. Съ своей стороны, король предоставилъ себѣ всѣ регаліи, преимущества, церковныя земли, имѣнія, замокъ, портовую пошлину, однимъ словомъ: все принадлежавшее прежнимъ господамъ и королямъ польскимъ, безъ

изъятія, кромѣ того: право содержать въ Ригѣ гарнизонъ, впрочемъ безъ отягощенія жителей. Таково содержаніе договора, извѣстнаго подъ названіемъ квартиръ-привилегіи, или cautio generalis circa tractatus subjectionis 15 сентября 1621 г. Итакъ, Рига сдалась на условіяхъ, но отъ Густава-Адольфа зависѣло принять ее въ свое подданство на всей волѣ своей, и онъ далъ это почувствовать какъ въ этомъ договорѣ, такъ и въ подробной привилегіи, выданной имъ десять дней спустя, частымъ повтореніемъ слѣдующихъ словъ: „Мы не хотѣли доводить города до послѣдней крайности, какъ бы могли, но предпочли дать ему почувствовать нашу королевскую милость и снисхожденіе, оставили гражданъ при прежнемъ ихъ устройствѣ и правахъ, изъ одной милости (allein aus königl. Gnaden) и тому подобное.

Привилегія Густава-Адольфа 25 сентября 1621 г.

Привилегія Густава-Адольфа, 25 сентября 1621, извѣстная подъ названіемъ Corpus privilegiorum seren. regis Gustavi Adolphi Magni, есть повтореніе привилегіи Стефановской, съ нѣкоторыми впрочемъ видоизмѣненіями, на которыя мы укажемъ. Въ статьѣ объ охраненіи аугсбурскаго вѣроисповѣданія, предоставляется городу, кромѣ управленія церквами и школами, судъ въ дѣлахъ духовныхъ (Consistorial-Gericht) безъ апелляціи. Впослѣдствіи, однакоже, она была допущена въ стокгольмскую оберъ-консисторію. Дѣла свѣтскія, по которымъ могла быть апелляція, должны были восходить въ стокгольмскій гофъ-герихтъ. Въ статьѣ о бургграфѣ сказано, что ему поручено охраненіе правъ Величества. Въ статьѣ, о привилегіяхъ и правахъ гильдій и цеховъ прибавлено, что порядокъ управленія долженъ оставаться въ прежнемъ видѣ, т. е. дѣла должны рѣшаться въ совѣщаніяхъ магистрата съ ельтерманами и старшинами обѣихъ гильдій. Въ статьѣ о союзѣ съ Ганзейскими городами, что оный утверждается, во сколько касается торговли. Дозволяется, кому угодно, распродавъ свое имущество движимое и недвижимое, выѣхать изъ города, уплативъ ему, по старому обычаю, десятый пфенигъ. Подтверждается гражданамъ право покупать съ королевскаго разрѣшенія имѣнія въ уѣздахъ, но не упоминается о правѣ предоставленномъ дворянамъ покупать въ городѣ дома. Далѣе, король выговариваетъ себѣ право выстроить шанцы для охра-

нія пристани и поручить осмотръ кораблей своему капитану вмѣстѣ съ городскимъ чиновникомъ, впрочемъ приговокупляя къ этому всевозможныя гарантіи въ пользу свободнаго судоходства и торговли; предоставляетъ городу исключительное право лоцманства (der Pilotcrie) и жертвуетъ въ его пользу всѣми своими доходами въ Дипаминдѣ; обѣщаетъ всѣмъ гражданамъ и обывателямъ рижскимъ свободную торговлю во всемъ государствѣ шведскомъ, съ уплатою тѣхъ же самыхъ пошлинъ, которыя взыскиваются со всѣхъ его подданныхъ, свободный привозъ и вывозъ товаровъ, идущихъ изъ Бѣлоруссіи, Литвы и Лифляндіи, по уплатѣ съ нихъ пошлинъ. Впрочемъ, изъ королевской резолюціи на просьбу городскихъ депутатовъ 30 сентября 1623 года видно, что были въ Швеціи пристани, которыхъ Рижане не имѣли право посѣщать. Далѣе воспрещено провозить заграничный хлѣбъ въ Россію безъ особеннаго королевскаго разрѣшенія, какъ это дѣлалось дотолѣ въ ущербъ краю.

Невѣрныя ссылки города на прежнія привилегіи.

Кромѣ главной привилегіи Стефановской, городъ ссылался еще на дарственныя и другія грамоты, полученныя имъ отъ польскаго правительства, въ томъ числѣ на декретъ Стефана Баторія о томъ, чтобы въ замкѣ и въ форштатѣ не варили пива, не содержали бань, рынковъ, и не производили торговли, и на другой декретъ о томъ, чтобы не терпѣли во всемъ краѣ (im Lande) Жидовъ и иностранцевъ, въ ущербъ гражданамъ; но эта ссылка невѣрна, ибо въ грамотѣ говорится: во-первыхъ не о цѣломъ краѣ, а объ одномъ городѣ, во-вторыхъ, о Жидахъ исключительно, а отнюдь не объ иностранцахъ. Такими-то прибавками и распространеніями, естественно ускользавшими отъ вниманія правительства, городъ пріобрѣталъ себѣ преимущества, которыя, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безпрекословнаго пользованія, становились уже освященными правами.

Опасная уступка, сдѣланная Густавомъ Адольфомъ.

Густавъ-Адольфъ, какъ видно изъ его грамоты, не повѣрялъ ссылокъ гражданъ; однакожъ онъ поступилъ осторожно, ибо оставилъ городъ при всѣхъ его прежнихъ грамотахъ и подтвердилъ ему пользованіе тѣми правами и льготами, которыя въ нихъ были изложены, не входя только на первый случай въ ихъ разсмотрѣніе и не связывая себя въ бу-

дущемъ. Гарнизонъ король обязался содержать пока то необходимо нужно, притомъ на собственный свой счетъ и охранять гражданъ отъ обидъ. Сверхъ того въ послѣдней статьѣ сказано было: если окажется, что въ настоящей грамотѣ не все то помѣщено, что принадлежитъ городу по силѣ какихъ либо иныхъ привилегій, по праву или по давности владѣнія, то все таковое симъ отнюдь не отмѣняется, на наоборотъ, все, что только можетъ быть доказано, должно оставаться за городомъ неприкосновеннымъ и цѣлымъ. Итакъ, ссылки на давнопрошедшія времена устранены не были, и этою статьею шведское правительство приготовило себѣ цѣлый рядъ будущихъ затрудненій и хлопотъ, которыхъ конечно оно въ то время не предвидѣло.

Обязательство выданное городомъ.

Таковы были обѣщанія, данныя королемъ; съ своей стороны, городъ на другой день, т. е. 26 сентября, составилъ актъ, въ которомъ изложены были обязанности гражданъ: посылать въ Стокгольмъ депутатовъ и присягать на вѣрность подданства при восшествіяхъ на престолъ всѣхъ будущихъ шведскихъ монарховъ, подносить посильныя приношенія въ случаяхъ коронацій или выдачъ замужъ королевскихъ дочерей; по востребованію высылать депутатовъ на сеймы; далѣе король выговаривалъ себѣ право требовать отъ города кораблей для общественныхъ надобностей; установлялъ особенный порядокъ суда надъ шведскими дворянами по уголовнымъ дѣламъ и т. д.

Двоевластіе въ городскомъ управленіи.

Оставляя Лифляндію, Густавъ-Адольфъ поручилъ ее губернатору, придавъ ему въ помощники вице-губернатора. Впослѣдствіи, первый получилъ титулъ генералъ-губернатора, а второй—рижскаго губернатора и замковаго намѣстника. Кромѣ этихъ лицъ и военныхъ чиновъ, встрѣчаются въ позднѣйшихъ грамотахъ другіе коронные чиновники, завѣдывавшіе различными казенными доходами, какъ-то: инспекторъ по части выдачи лицентовъ или таможенныхъ свидѣтельствъ, и лицентъ-шрейберъ: оберъ-директоръ ландцолля или пошлины, взимаемой съ съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ сухимъ путемъ; торговый коммисаръ по дѣламъ Лифляндіи, имѣвшій обязанностью печись объ охраненіи казенныхъ интересовъ и представлять въ Стокгольмскую коммерцъ-

коллегію проэкты о торговлѣ; минцмейстеръ или мастеръ монетнаго дѣла, кемеринъ или казначей, сборщики портовой пошлины, и т. д. Въ высшія должности всегда назначались Шведы. Назначивъ губернатора, Густавъ-Адольфъ снабдилъ его инструкціею. Въ ней опредѣлены мѣры предосторожности для охраненія города отъ внѣшнихъ враговъ, порядокъ отвода квартиръ въ городѣ для оставленнаго въ немъ гарнизона, снабженія его дровами и пр., мѣры для предупрежденія своеволія солдатъ и ссоръ между ними и обывателями, наконецъ отношенія губернатора къ городскому начальству. Магистратъ не былъ подчиненъ губернатору, даже по административной части; они должны были дѣйствовать вмѣстѣ, съ общаго согласія; въ случаѣ разногласія или столкновенія между ними, бургграфъ обязанъ былъ мирить ихъ: если же это не удавалось, то губернаторъ и магистратъ обращались каждый отъ себя письменно къ королю; но, ни въ какомъ случаѣ, губернаторъ не могъ принуждать магистратъ дѣйствовать по его волѣ. Городскому начальству дано было право арестовать солдатъ, пойманныхъ на дѣлѣ противозаконномъ, и представлять ихъ губернатору, а послѣднему строго наказано не вмѣшиваться въ судебныя дѣла и распоряженія магистрата, прямо не относящіяся до его вѣдомства, даже не принимать жалобъ на городское начальство, но предоставлять каждому обращаться съ ними непосредственно къ верховной власти.

Такимъ образомъ, Густавъ-Адольфъ изъ опасенія оскорбить гражданъ подчиненіемъ ихъ коронному чиновнику, учредилъ въ городѣ самую вредную форму правленія: двоевластіе. Не прошло пяти лѣтъ, какъ уже послѣдствія ея начали обнаруживаться; возникли столкновенія, ссоры и рядъ процессовъ, продолжавшихся до самаго конца шведскаго владычества.

Тщетныя требованія правительства отъ города полнаго собранія привилегій.

Жалобы гражданъ на нарушенія ихъ привилегій и безпрестанныя на нихъ ссылки, естественно возбудили въ государственномъ совѣтѣ шведскомъ желаніе ознакомиться съ содержаніемъ этихъ документовъ въ подлинникѣ. Вслѣдствіе этого въ 1637 году, съ городскихъ депутатовъ взято было письменное обязательство представить въ королевскую канцеля-

рію полное собраніе городскихъ привилегій (corpus privilegiorum). Въ томъ же году это приказаніе повторено было въ королевской резолюціи 5 августа. Магистратъ дѣйствительно приступилъ къ изготовленію требуемыхъ копій, но не послалъ ихъ и, затянувъ это дѣло, понадѣялся, что о немъ забыли.

При вступленіи на престолъ королевы Христины, городскіе депутаты (въ томъ числѣ бургомистръ Фукъ, изъ лѣтописи коего мы заимствуемъ нижеслѣдующія подробности) по обыкновенію своему отправились въ Стокгольмъ просить объ утвержденіи своихъ привилегій; но на этотъ разъ они встрѣтили затрудненія. Имъ рѣшительно было объявлено, что королева хочетъ сперва увидать и узнать то, что ей предлагаютъ къ утвержденію: депутатамъ это дѣло показалось крайне опаснымъ; однако, видя, что нѣтъ возможности отъ него избавиться, они принуждены были 8 мая 1647 года выдать отъ себя вторичное обязательство или реверсъ: представить собраніе привилегій къ Михайлову дню слѣдующаго года: въ тотъ же день они получили общую подтвердительную грамоту. Объ этомъ обязательствѣ составитель его, бургомистръ Фукъ, пишетъ слѣдующее: „Дабы избавить магистратъ отъ необходимости представить старыя привилегіи (т. е. архіепископскія и гермейстерскія, тѣ самыя, которыхъ требовало правительство) мы, депутаты, при составленіи реверса, безъ котораго не могли бы получить желаемой грамоты, употребили умышленно самыя неопредѣленныя слова; благодаря нашей осторожности, магистратъ могъ ограничиться препровожденіемъ въ Стокгольмъ привилегій, полученныхъ отъ королей польскихъ и шведскихъ". Но эта хитрость не помогла. Въ 1648 году, королева въ отвѣтъ на прошеніе, предетавленное ей городскими депутатами, объявила, что она не прежде постановитъ по немъ рѣшеніе, какъ по присылкѣ всѣхъ безъ изъятія привилегій, недоставшихъ въ полномъ собраніи, доставленномъ въ Стокгольмъ, и что если и въ этотъ разъ утаятъ которыя нибудь изъ нихъ, то никакія жалобы на ихъ нарушенія и никакія требованія, на нихъ основанныя, впредь приниматься не будутъ. Эта резолюція повергла магистратъ въ великое недоумѣніе. Мельхіоръ

Фуксъ рѣшительно отсовѣтовалъ посылать старыя грамоты, считая предъявленіе ихъ крайне опаснымъ. „Хотя, писалъ онъ, городъ и получилъ первыя свои привилегіи отъ папъ, архіепископовъ и магистровъ, но въ тѣ времена, ради частыхъ перемѣнъ властей и переворотовъ, онѣ никогда не могли быть доведены до той полноты и положительности, какую получили по милости Божьей при Стефанѣ Баторіѣ: сводъ привилегій, при немъ составленный, впослѣдствіи утвержденъ и дополненъ Густавомъ-Адольфомъ; по этому должно только сослаться на давность пользованія съ 1581 по 1654 годъ (въ который писалъ Мельхіоръ Фуксъ); ею и обычаемъ оправдывается по силѣ королевской грамоты (cautio) 1587 г. все, что могло бы быть найдено сомнительнымъ въ городскихъ привилегіяхъ. Кто же послѣ всего этого рѣшится дать совѣтъ отыскивать старыя, частью уже уничтоженныя, частью пропавшія и выпущенныя изъ рукъ грамоты, пускаться по поводу ихъ въ новые споры, и чрезъ это легкомысленно подвергать себя опасности утратить плоды многолѣтнихъ трудовъ нашихъ дѣдовъ, выгоды, дорогою цѣною купленныя, и безъ нужды переначинать вновь дѣло, коего успѣхъ столь невѣренъ"? Это признаніе ученѣйшаго изъ мужей, дѣйствовавшихъ въ то время отъ имени города, вполнѣ подтверждаетъ сказанное выше о томъ, какъ понимали и перетолковывали Рижане свидѣтельства старины. Совѣту Мельхіора Фукса рѣшились послѣдовать, по крайней мѣрѣ отчасти, какъ видно изъ документа, сохранившагося въ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ большой гильдіи (подъ лит. A.). Этотъ документъ составленъ въ 1648 году, подъ заглавіемъ: Извлеченія изъ привилегій и другихъ дѣлъ, коихъ магистратъ не рѣшался помѣстить въ собраніе привилегій; онъ содержитъ въ себѣ перечень 60 грамотъ; въ томъ числѣ мы находимъ: грамоту 1562 года, косю бывшій магистръ Кетлеръ передалъ польскому королю всѣ свои права на Ригу; новое городовое положеніе Сигизмунда III-го 1604 г.; его же поясненіе нѣкоторыхъ городскихъ привилегій; Севериновскій контрактъ и т. д. При Карлѣ-Густавѣ, 1657 г. 13 марта, городскія привилегіи были подтверждены въ общихъ выраженіяхъ и, въ продолженіе

его кратковременнаго царствованія, о полномъ собраніи ихъ, кажется, упоминаемо не было. Можетъ быть также, правительство еще не успѣло удостовѣриться, что вмѣсто полнаго собранія ему прислали выборъ привилегій. Но это открылось вскорѣ послѣ того. Въ 1662 г. (резол. 22 окт.) и въ 1663 г. (резол. 13 апр.) правительница Гедвига Елеонора снова потребовала, чтобы всѣ еще не доставленныя привилегіи, не исключая ни одной, и притомъ въ настоящемъ ихъ видѣ, безъ пропусковъ, были представлены на повѣрку лифляндскому генералъ-губернатору, а потомъ въ Стокгольмъ, въ годовой срокъ, предупреждая гражданъ, что всѣ привилегіи, въ срокъ не представленныя, черезъ это самое потеряютъ всякую силу. Не смотря на это, въ 1675 году, магистратъ еще занимался сортировкою своихъ грамотъ. Это видно изъ сохранившагося въ томъ же сборникѣ протокола тайнаго или камеральнаго совѣщанія, въ которомъ участвовали бургомистръ Фукъ, бургграфъ и ельтерманы и рѣшили: не вносить въ собраніе привилегій во-первыхъ, тѣхъ, коихъ подлинники остались въ Польшѣ, во вторыхъ, извлеченія изъ Торгунскаго устава о бургграфѣ, въ-третьихъ, декрета королевскихъ комисаровъ 8 октября 1599 г.; внести объявленіе Сигизмунда 1593 г. (declaratio nova), но исключивъ изъ него статью о порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ городъ игралъ роль обвиненнаго; вмѣсто рескриптовъ 18 марта 1601 г. и 27 апрѣля 1617 г. внести королевскій рескриптъ 13 марта 1617 г. и т. д. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ мы не нашли; но въ этомъ случаѣ важенъ не столько результатъ, сколько образъ дѣйствія городскаго начальства, достаточно обозначающійся изъ всего предъидущаго.

Тайные способы противодѣйствія Рижскаго магистрата.

Сознавая, что ихъ права и притязанія не выдержали бы исторической критики, граждане до послѣдней возможности противодѣйствовали желанію шведскаго правительства учинить имъ повѣрку и въ то же время, подъ рукою пріобрѣтали себѣ покровителей посредствомъ подкуповъ. Записки ельтермановъ, современныя польскому владычеству, представили тому довольно примѣровъ, и хотя записки сіи прекращаются съ 1614 годомъ, но есть доказательства, что и при

шведскомъ правительствѣ, то же средство было употребляемо не безъ успѣха. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, во-первыхъ, безпрестанныя, почти ежегодныя посольства, отправлявшіяся въ Швецію, и значительность денежныхъ суммъ, истрачиваемыхъ ими безотчетно. Такъ, въ 1623 г. граждане въ жалобахъ, представленныхъ магистрату, прописывали между прочимъ: что на первое посольство израсходовано въ Швеціи 1000 талеровъ, въ коихъ не отдано было отчета; въ 1643 г. отправлены были депутаты отъ магистрата по дѣлу объ учрежденіи компаніи съ исключительнымъ правомъ торговать льномъ, которой не хотѣли допустить ни гильдіи ни правительство; этихъ депутатовъ ельтерманъ большой гильдіи упрекалъ въ томъ, что они, забравъ съ собою много денегъ, все истратили въ Швеціи, городскихъ дѣлъ не подвинули, а себѣ выхлопотали имѣнія и пенсіи. Въ городскомъ бюджетѣ на 1628 г. показано расходовъ на посольства 8000 талер. и помѣщена въ числѣ обыкновенныхъ расходовъ статья на подарки сенаторамъ. То же подтверждаютъ, во-вторыхъ, рѣшенія высшихъ шведскихъ инстанцій по однимъ и тѣмъ же дѣламъ, слѣдовавшія одно за другимъ и прямо одно другому противоположныя, хотя не было никакихъ разумныхъ поводовъ къ крутымъ перемѣнамъ образа мыслей. Ихъ ничѣмъ нельзя объяснить, какъ только дѣйствіями городскихъ депутатовъ въ промежутокъ времени отъ одной резолюціи до другой. Это замѣтно въ особенности въ рѣшеніяхъ по спорамъ старшинской скамьи и магистрата съ братствомъ большой гильдіи по дѣлу о льняной торговой компаніи, о монетномъ дворѣ и т. д. Наконецъ сохранился указъ, въ которомъ король строго выговаривалъ городскимъ депутатамъ за обнаружившіеся ихъ подкупы государственныхъ совѣтниковъ. Вспомнимъ, что магистратъ не былъ подчиненъ генералъ-губернатору; слѣдовательно, отъ перваго зависѣло, подъ предлогомъ несогласія, воспротивиться всякому распоряженію или нововведенію втораго; тогда возникалъ между ними процессъ и они обращались къ высшему правительству. Въ одно время отправлялъ генералъ-губернаторъ въ Стокгольмъ рапортъ отъ себя, а магистратъ посылалъ туда же депутатовъ, и тогда естественно ходатайство послѣднихъ, подкрѣпленн

ное тайными доводами, перевѣшивало письменное донесеніе перваго.

Распоряженія правительства по внутреннему городскому управленію.

Для вѣрнаго обсужденія дѣятельности шведскаго правительства въ Ригѣ, необходимо различить его распоряженія по части внутренняго городскаго управленія отъ распоряженій по части управленія казеннаго. Въ дѣла внутренняго управленія, въ дѣйствія городскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ отношенія сословій, правительство вступалось какъ посредникъ и судья, вслѣдствіе безпрестанно доходившихъ до него жалобъ. Мы видѣли, что, при польскомъ владычествѣ, граждане, извѣдавъ произволъ и упорство магистрата, собирались искать на него расправы у верховной власти; при шведскомъ владычествѣ они исполнили свое намѣреніе, такъ что уже почти ни одинъ вопросъ, возникавшій въ Ригѣ, не разрѣшался на мѣстѣ безъ участія шведскаго правительства. Оно не искало, но должно было принять на себя эту новую обязанность. Законы и распоряженія его на этомъ поприщѣ отличаются, большею частію, спокойнымъ безпристрастіемъ, заботливостью о благѣ общественномъ и стараніемъ пріучить Рижанъ къ подчиненію интересовъ и началъ провинціальныхъ—государственнымъ. Убѣдившись изъ многихъ примѣровъ, что неопредѣленность законовъ, господство обычая и право автономіи служили лишь къ прикрытію произвола начальствующаго сословія, шведское правительство постоянно заботилось объ изданіи и обнародованіи твердыхъ законоположеній по всѣмъ отраслямъ судопроизводства и управленія. Споры между сословіями городскими и земскими, магистратомъ и гражданами, большою гильдіею и малою, оно рѣшало по возможности расширеніемъ и уравненіемъ предоставленныхъ имъ правъ, имѣя въ виду со временемъ сблизить спорящія стороны и обратить на пользу общественнаго блага ихъ силы и средства, истощавшіяся въ безплодной борьбѣ за привилегіи и исключительныя права. Въ дѣлахъ торговыхъ, оно отвѣчало на жалобы гражданъ, что никакія воспретительныя мѣры, ни даже возстановленіе во всей строгости обветшалыхъ законовъ, не оградятъ какого бы то ни было города отъ соперничества другихъ и что напротивъ одна терпимость, предоставленіе льготъ и постепенное упраздненіе искусственныхъ преградъ могутъ оживить и

привлечь снова торговую дѣятельность. Въ дѣлахъ и установленіяхъ ремесленныхъ, оно заботилось объ улучшеніи участи низшихъ рабочихъ классовъ, угнетаемыхъ цеховыми мастерами, и вообще объ огражденіи заказчиковъ и покупателей отъ произвола производителей. Такова лучшая сторона дѣятельности шведскаго правительства; единственный упрекъ, который ей можно сдѣлать, это—нерѣшительность.

Распоряженія правительства по казенному управленію.

Въ распоряженіяхъ по части казеннаго управленія правительство является съ характеромъ частнаго лица, преслѣдующаго свои интересы и ничего не щадящаго для достиженія своей цѣли: обогащенія казны. Это худшая сторона его дѣятельности, отъ которой пострадали и города и въ особенности земскія сословія. До нѣкоторой степени, ее можно оправдать господствовавшими въ то время во всей Европѣ понятіями объ измѣреніи народнаго богатства количествомъ денежныхъ суммъ, хранившихся въ казнѣ, и кромѣ того еще несомнѣннымъ разстройствомъ шведскихъ финансовъ, разоренныхъ войною съ Польшею, Россіей, германскими католическими державами, и расточительностью двора при королевѣ Христинѣ; но городу отъ этого не было легче и жалобы его, подъ конецъ досаждавшія правительству, не были лишены основанія. Система казенныхъ доходовъ въ Ригѣ была чрезвычайно многосложна, и такъ какъ до насъ дошли одни названія различныхъ налоговъ и пошлинъ, тогда введенныхъ, то нѣтъ возможности удовлетворительно изложить ее. Мы ограничимся тѣмъ, что̀ могли извлечь изъ представленій гражданъ и королевскихъ резолюцій.

Портовая пошлина (portorium) съ товаровъ, вывозимыхъ за море и привозимыхъ оттуда. Казна получала отъ нея половину, городъ другую.

Другая пошлина съ тѣхъ же товаровъ подъ названіемъ See-Licenten или See-Zoll. О значительности ея можно судить по тому, что одинъ рижскій купецъ въ одно лѣто заплатилъ въ счетъ ея 18,000 рейхсталеровъ.

Пошлина съ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ сухимъ путемъ: Land-Zoll.

Пошлины съ приходившихъ кораблей: Ungelder, Anker-Mast-Zoll.

Пошлина съ курляндскихъ и литовскихъ лодокъ за перевозъ черезъ Двину: Pass и Repass-Zettеln.

Пошлина, взимавшаяся за проѣздъ черезъ литовскія ворота: Littauisches Pforten-Zoll.

Пошлина съ каждаго ласта ржи, платившаяся компаніею пивоваровъ: Recognition.

Гербовая пошлина, введенная въ 1662 г., и т. д.

Всѣ эти сборы, особенно четыре первые, падавшіе на торговлю, были сами по себѣ обременительны; но они становились еще тягостнѣе вслѣдствіе неправильнаго образа взиманія ихъ и злоупотребленій, допускаемыхъ коронными чиновниками. Такъ, между прочимъ, въ 1664 г., городскіе депутаты жаловались, что распоряженія сборщиковъ пошлинъ совершенно отдѣлили городъ отъ предмѣстій и подчинили ихъ двумъ различнымъ вѣдомствамъ, вслѣдствіе чего съ товаровъ, съ коихъ пошлины уже были уплачены при ввозѣ ихъ въ городъ, напримѣръ съ сельдей, пива, соли, желѣза, вина и проч., онѣ взыскивались вторично, при перевозѣ ихъ въ форштатъ; заставили заплатить пошлину часовщика, который несъ показать свои часы изъ города въ русскій постоялый дворъ, и т. д.; то же самое дѣлали при провозѣ товаровъ изъ форштата въ городъ, отъ чего происходила чрезвычайная дороговизна и недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ сборовъ, шведское правительство прибѣгало къ чрезвычайнымъ средствамъ, напр., оно принималось нѣсколько разъ бить монету въ Ригѣ, имѣя впрочемъ полное на то право: продавало самимъ рижскимъ купцамъ нѣкоторыя монополіи, напр., исключительное право продавать за море мачты, на мѣстѣ табакъ и т. д. Наконецъ, оно дѣлало у гражданъ займы (Subsidia, Contributionen, Vorschüsse) подъ залогъ сборовъ таможенныхъ и портовыхъ; такъ, въ одномъ 1678 г. занято было 10.500 рейхсталеровъ; но уплата производилась неисправно и съ частыми остановками. Изъ всему вышеизложенному можно себѣ представить, сколько поводовъ къ справедливымъ и въ высшей степени для правительства затруднительнымъ жалобамъ подавало въ Ригѣ казенное управленіе.

Характеръ

Перебирая въ ряду королевскія резолюціи отъ 1660 до 1690

годовъ, нельзя не замѣтить, что, какъ бы сознавая себя съ одной стороны виновнымъ предъ гражданами, а съ другой въ зависимости отъ нихъ, правительство мало-по-малу теряло свое достоинство, свою силу, и привыкало смотрѣть сквозь пальцы на явныя злоупотребленія, противъ которыхъ оно, при другихъ обстоятельствахъ, приняло бы мѣры строгости. Тѣмъ же самымъ, то есть боязнью утратить доброе расположеніе сословія наиболѣе богатаго и располагавшаго городскими доходами, объясняется, почему шведское правительство не рѣшалось на коренныя преобразованія, необходимость коихъ не могла не быть для него очевидною. Разореніе земскихъ сословій редукціею, мѣрою, въ основѣ своей не несправедливою, но крайне вредною [1]), обремененіе торговли всякаго рода сборами, и вслѣдствіе этого обезсиленіе дѣятельности самого правительства—таковы были результаты шведскаго владычества. Польшѣ повредилъ прозелитизмъ іезуитовъ, Швеціи—дурная система финансоваго управленія.

дѣятельности шведскаго правительства.

[1]) Въ изданіи 1852 г.: «въ основѣ своей несправедливою и крайне вредною». Взглядъ Ю. Ѳ—ча на редукцію изложенъ въ первомъ письмѣ его изъ Риги. См. стр. 15 и 16 этого тома. *Прим. изд.*

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ подчиненія Риги Россіи до возстановленія въ ней древняго муниципальнаго устройства.

1710—1796.

Отношеніе Россіи къ прибалтійскому краю.

Изъ трехъ державъ, споривших̀ъ между собою о владычествѣ на сѣверо-востокѣ Европы, двѣ, Польша и Швеція, пытались, но безъ успѣха, удержать за собою Остзейскій край, достававшійся имъ вслѣдствіе военныхъ случайностей. Очередь дошла до Россіи. Она имѣла на него право давности, ибо первая заняла его и посѣяла въ немъ сѣмена христіанства, задолго до прибытія крестоносцевъ; независимо отъ этого, по географическому положенію своему, она имѣла на него право, какъ на свою естественную границу со стороны запада, необходимую для упроченія ея сношеній съ Европою; наконецъ (и это относится въ особенности до приморскихъ городовъ) Россія заключала въ себѣ источникъ богатства этого края, ибо издревле питала его торговлю продуктами своихъ полей и лѣсовъ. Рига, Ревель, Пернава, Дерпть возвысились и процвѣли какъ складочныя мѣста русскихъ товаровъ. Итакъ, присоединеніе Остзейскаго края къ Россіи было дѣломъ исторической необходимости и какъ бы возстановленіемъ закона, временно упраздненнаго. Но, если Россія имѣла на этотъ край болѣе правъ, чѣмъ другія державы, то это самое налагало на нее особенныя обязанности, которыхъ могли не сознавать въ отношеніи къ ней ни Польша, ни Швеція. Объ послѣднія державы управляли

этою страною издали, какъ чѣмъ то придаточнымъ, какъ случайнымъ пріобрѣтеніемъ, котораго почти не надѣялись удержать. Россіи предстояло принять его не только въ свое подданство, но въ свой составъ, и, уничтоживъ сосредоточенность его прежняго быта, ввести его въ общій государственный организмъ. Между Прибалтійскимъ краемъ и Польшею, равно какъ и Швеціею, существовала внѣшняя, политическая связь; связи народной не было, ибо у балтійскихъ Нѣмцевъ съ Поляками и Шведами почти не было общихъ интересовъ и весьма мало точекъ соприкосновенія. Напротивъ того, Русскіе издревле находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями этого края на всемъ протяженіи юго-восточныхъ границъ его: они посѣщали по своимъ торговымъ дѣламъ Ригу, Ревель, Дерптъ, даже селились въ нихъ и успѣли выстроить себѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ церкви, дома и лавки. Съ присоединеніемъ всего края къ Россіи, число Русскихъ естественно должно было въ немъ увеличиться, и они въ правѣ были ожидать, что правительство приметъ ихъ подъ свою защиту.

Подтвержденіе городскихъ привилегій.

Права и привилегіи города Риги, признанныя русскимъ правительствомъ и имъ обезпеченныя, содержатся: въ резолюціяхъ генералъ-фельдмаршала Шереметева на аккордные пункты, предложенные шведскимъ гарнизономъ и гражданами передъ сдачею города 1710 года 4 іюля, и въ резолюціяхъ Петра I-го на тѣ пункты, которые представлены на Высочайшее его усмотрѣніе 30 сентября того же года, а также въ нѣкоторыхъ статьяхъ аккордныхъ пунктовъ, заключенныхъ съ шляхетствомъ и земствомъ 4 іюля 1710 г. и Ништатскаго мира 30 августа 1721 года [1]).

Аккордные пункты 4 іюля 1710 г.

Генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ обѣщалъ:

Охраненіе аугсбургскаго исповѣданія и церковнаго постановленія безъ перемѣны, возстановленіе консисторіи безъ апелляціи, оставленіе магистрату права назначать пасторовъ и учителей (пун. 1). Соблюденіе городскихъ привилегій, правъ, обычаевъ и доходовъ, какъ оные до королей шведскихъ переходили и отъ оныхъ содержаны были. Всякое

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2277, 2278, 2279, 2303, 3819.

потребное разъясненіе, распространеніе и утвержденіе привилегій должно было совершаться купно съ магистратомъ (пун. 2, 17). Неприкосновенность городскихъ имѣній родовыхъ и жалованныхъ, городской артиллеріи и воинскихъ снарядовъ (пун. 3, 8). Сохраненіе магистрата и всѣхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, въ особенности бургграфскаго права, равно сословій, гильдій и цеховъ при ихъ устройствѣ, правахъ и доходахъ (пун. 4. 5, 7, 9). Въ особенности выговорено было: чтобы городскимъ чиновникамъ получаемое отъ города достальное жалованье изъ доходовъ сего города по контрактамъ заплачено было; чтобы не было дозволяемо къ утѣсненію амтовъ или заводовъ учреждать никакихъ новыхъ амтовъ или заводовъ ни въ городѣ, ни внѣ онаго, ниже въ цитадели, или около того мѣста; чтобы не было вводимо въ городъ и его округъ ни судей, ни правъ. кромѣ до сего времени бывшихъ, ни другаго языка, кромѣ нѣмецкаго въ канцеляріи и перепискѣ; чтобы городскіе доходы не были умепьшаемы или перемѣняемы, но сохранены и сколько возможно умножены и къ заплатѣ учиненныхъ долговъ употреблены; чтобы необычайными налогами или чрезвычайными контрибуціями никто отягощаемъ не былъ. Къ резолюціи на послѣдній пунктъ прибавлено слѣдующее: „магистрату и гражданамъ объявляется, что, по сдачѣ, вступленіи и занятіи города. каждому позволено будетъ по желанію обезпечить свое пропитаніе и заняться промысломъ“. Эти замѣчательныя слова не имѣютъ прямаго отношенія къ содержанію предложеннаго гражданами пункта; Шереметевъ внесъ ихъ отъ себя, неизвѣстно, по просьбѣ ли которыхъ нибудь изъ обывателей рижскихъ, не принадлежавшихъ къ городскому обществу. или по наслышкѣ о жалкомъ ихъ положеніи, или по безотчетному и счастливому внушенію. Какъ бы то ни было, важно то, что съ перваго шага русское правительство объявило свое покровительство угнетенному классу, о которомъ не думали ни польское, ни шведское.

Резолюція Петра I-го

По сдачѣ города и учиненія присяги, Петръ I-ый, 30 сентября 1710 г., въ общихъ выраженіяхъ подтвердилъ всѣ го-

родскія привилегіи, права, статуты, чины и проч. [1]), а потомъ 12 октября того же года всѣ пункты, на которые Шереметевъ далъ свое соизволеніе съ присовокупленіемъ резолюцій на предоставленные Высочайшему усмотрѣнію пункты. Между послѣдними особенно замѣчательна ст. 12-ая. Граждане просили: „чтобы торгъ и коммерція сего города елико возможно споспѣшествуемы и защищаемы были, и до сего времени употребленная крупная монета впредь сохранена была; введенныя же съ недавняго времени таможенныя пошлины и налоги, а именно: привальныя, за гербовую бумагу, рекогниціонныя и конвойныя деньги, не умножать новыми тяготами; также, чтобы понынѣ существующіе откупы отмѣнить и позволить свободный торгъ мачтами, равно какъ и другимъ россійскимъ лѣснымъ товаромъ, а особливо оставить городу древнее его стапельное право и противу всякаго утѣсненія въ томъ его милостивѣйше охранить". По этому пункту Петръ I постановилъ: „поданнѣйшее прошеніе ихъ о облегченіи пошлинъ и иныхъ налоговъ, такожъ о позволеніи другой половины таможенныхъ доходовъ на заплату городскихъ долговъ, то да пребываютъ до спокойнаго времени (когда о состояніи тѣхъ дѣлъ довольно возможно будетъ разсуждать) такъ, какъ то до сего числа было; прочее же все, ради недостатка нынѣ подлиннаго увѣдомленія, розыскано и къ Его Царскому Величеству донесено будетъ, тогда Его милостивѣйшее рѣшеніе по состоянію дѣла опредѣлится". Итакъ, стапельное право утверждено не было. 30 сентября и 12 октября 1710 г.

Между тѣмъ, дворянство лифляндское своимъ чередомъ предлагало на утвержденіе правительства статьи, о которыхъ городъ вѣроятно ничего не зналъ, потому что иначе онъ протестовалъ бы противъ тѣхъ изъ нихъ, которыми отмѣнялись или ограничивались его древнія права. Таковы: ст. 17, которою „шляхетству той (казенной) земли къ пользованію Привилегіи, данныя лифляндскому дворянству.

[1]) Того же числа дарована жалованная грамота лифляндскому дворянству. Содержаніе ея буквально сходно съ жалованными грамотами Ригѣ, Ревелю и эстляндскому дворянству; только въ подтвержденіи привилегій лифляндскаго дворянства сдѣланы Государемъ двѣ слѣдующія оговорки: «елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются; однакоже Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда».

и арендамъ коронныхъ маетностей предпочтеніе, а наипаче передъ гражданами рижскими, по праву предоставляется"; ст. 19, узаконявшая въ пользу дворянства редукцію, т. е. ту самую мѣру, которая побудила его къ измѣнѣ шведскому правительству: „шляхетскія маетности впредь никому, кромѣ лифляндскихъ шляхтичевъ, покупать не вольно будетъ, и которыя уже противно сему проданы, шляхтичамъ же выкупать". Обѣ эти статьи были утверждены.

Ништатскій мирный трактатъ 1721 г.

Въ Ништатскомъ мирномъ трактатѣ, заключенномъ 30 августа 1721 г., Швеція признала владычество Россіи надъ Лифляндіею и Эстляндіею, а Петръ I (п. 9 и 10) обѣщалъ „содержать жителей сихъ областей при ихъ привилегіяхъ, правахъ, обычаяхъ, вѣроисповѣданіи и пр., на такомъ основаніи, на какомъ при послѣднемъ Свейскомъ правительствѣ были оставлены и содержаны, однакожъ въ оныхъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь такожъ свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣетъ".

Дѣйствія правительства до Екатерины II относительно Лифляндіи и Риги.

Лифляндія вошла въ составъ имперіи подъ названіемъ Рижской губерніи, сперва соединенной съ Смоленскою, а потомъ отдѣленной отъ послѣдней. При учрежденіи въ Петербургѣ главнаго магистрата или центральнаго присутственнаго мѣста для городовъ, въ 1721 г. [1]) Рига была ему непосредственно подчинена въ порядкѣ суда и управленія какъ одинъ изъ городовъ перваго разряда. Этотъ главный магистратъ замѣнялъ для средняго сословія юстицъ-коллегію. Въ 1727 г. онъ былъ уничтоженъ [2]) а въ 1743 году возстановленъ [3]); но кажется только какъ правительственное мѣсто, ибо судебныя дѣла восходили изъ рижскаго магистрата по апелляціи въ юстицъ-коллегію лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, учрежденную еще въ 1718 году [4]), и оттуда въ сенатъ. Казенное управленіе было совершенно отдѣлено отъ городскаго начальства и поручено въ 1729 году оберъ-инспектору рижскаго магистрата Ильѣ Исаеву, который былъ въ то же время товарищемъ оберъ президента главнаго магистрата [5]). Долго ли существовала эта должность, имѣвшая

Казенное управленіе.

---

[1]) 1721 г. янв. 16 (3708). — [2]) 1727 г. авг. 18 (5142). — [3]) 1743 г. мая 21 (8734). — [4]) Какъ видно изъ указа 1784 г. мая 24 (16001). — [5]) 1713 г. окт. 14 (2,723), 1721 г. янв. 16 (3,708), 1729 г. іюля 31 (5,453).

и другія принадлежности, о которыхъ говорено будетъ въ особой статьѣ о положеніи Русскихъ въ Ригѣ, трудно опредѣлить; но кажется, что въ половинѣ XVIII вѣка она утратила прежнее свое значеніе, ибо въ 1754 году вѣдомство ея раздѣлено было между оберъ-инспекторскою канцеляріею, портовою таможнею, лицентною конторою, и всѣ эти мѣста подчинены были камеръ-конторѣ лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ [1]). Изъ табели, составленной въ 1723 году, видно, что казенные доходы въ Ригѣ происходили отъ сборовъ: лицентныхъ, портовыхъ, питейныхъ, кабацкихъ, канцелярскихъ, арендныхъ, почтовыхъ и оброчныхъ откупныхъ статей и простирались ежегодно до 177,908 рублей [2]). Эта часть и вообще все, что относилось до торговли, какъ главнаго источника казенныхъ доходовъ, до продовольствія и государственныхъ повинностей, почти исключительно обращали на себя вниманіе правительства. При общемъ распредѣленіи торговыхъ путей къ приморскимъ городамъ, въ 1721 году, указано было откуда какіе товары возить въ Ригу, причемъ часть областей, сбывавшихъ въ нее свои продукты, отдѣлена была къ торговымъ путямъ петербургскому и нарвскому; таможенныя пошлины, взимавшіяся въ Ригѣ, были уравнены съ тарифами другихъ городовъ, кромѣ Петербурга и Нарвы, гдѣ взимали десятою долею меньше. Въ 1724 г. изданы были правила для обезпеченія торговыхъ интересовъ Поляковъ въ Ригѣ, уничтожены были прибавочные сборы, которыми Рижане произвольно обложили ихъ товары, и запрещено было городскому начальству безъ разрѣшенія генералъ-губернатора арестовать пріѣзжихъ Поляковъ [3]); въ томъ же году учреждено было въ Ригѣ особенное управленіе для наблюденія за хлѣбными магазинами [4]). Въ 1755 г. былъ изданъ Общій Таможенный Уставъ, имѣвшій примѣненіе въ Ригѣ, равно какъ и во всѣхъ приморскихъ городахъ [5]).

Внутреннее городское управленіе осталось на прежнемъ основаніи. Верховный полицейскій надзоръ порученъ былъ генералъ-губернатору, ему же переданы были городскіе ключи

Внутреннее городское управленіе.

---

[1]) 1754 г. сент. 7 (10,292). — [2]) 1723 г. мая 10 (4,220). — [3]) 1724 г. янв. 14 (4,415).—[4]) 1724 г. янв. 20 (4,420).—[5]) 1755 г. дек. 1 (10,486).

и велѣно было магистрату представлять ему на утвержденіе всѣхъ вновь избираемыхъ ратгеровъ и другихъ чиновъ и служителей. Касса-коллегія обязана была выдавать по его требованію суммы на постройки и починки городоваго строенія и фортификацій, а по истеченіи года, представлять ему подробные счеты о всѣхъ приходахъ и расходахъ [1]). Независимо отъ этого, она была подчинена надзору президента рижскаго магистрата Исаева, безъ разрѣшенія котораго не могло быть дѣлаемо чрезвычайныхъ расходовъ. Впрочемъ, городскія привилегіи были подтверждены въ общихъ выражеиіяхъ, на основаніи аккордныхъ пунктовъ, императрицею Анною Іоанновною въ 1730 г. [2]), принцессою Анною Брауншвейгскою въ 1741 году [3]) и императрицами Елизаветою Петровною въ 1742 году [4]) и Екатериною II въ 1763 г. [5]). Только три изъ древнихъ привилегій были отмѣнены, и то вслѣдствіе ходатайства лифляндскаго дворянства: уничтожена была должность бургграфа, съ тѣмъ вмѣстѣ право судить дворянъ было отнято у города и, несмотря на многократныя его просьбы, возвращено ему не было [6]); по силѣ аккордныхъ пунктовъ, заключенныхъ съ дворянствомъ, граждане не только утратили право покупать вновь имѣнія въ уѣздахъ, но даже должны были, по востребованію дворянъ, уступать имъ пріобрѣтенныя ими вотчины за покупную цѣну (впрочемъ, это право, предоставленное земскому сословію, въ противность древнему историческому праву гражданъ и аккорднымъ пунктамъ, заключеннымъ съ Ригою, не скоро вошло въ силу); въ 1741 году граждане вовсе устранены были отъ арендпаго содержанія казенныхъ имѣній [7]); кромѣ того, у нихъ отнято было право не выдавать бѣглыхъ крестьянъ [8]).

Противодѣйствіе Риги требованіямъ правительства.

Итакъ, въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ отъ завоеванія Риги до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II. правительство ограничивалось тѣми мѣрами, которыя были необходимы для введенія Лифляндіи и Риги въ общую систему казеннаго управленія, и слишкомъ снисходительнымъ непол-

[1]) 1725 г. дек. 22 (4,817); 1728 г. сент. 12 (5,331); 1731 г. мар. 3 (5,708). [2]) 1730 г. авг. 23 (5,609). — [3]) 1741 г. фев. 20 (8,338). — [4]) 1742 г. сент. 17 (8,614). — [5]) 1763 г. авг. 27 (11,904). — [6]) 1725 г. дек. 22 (4,817). — [7]) 1741 г. янв. 18 (8,319). — [8]) 1725 г. дек. 22 (4,817).

неніемъ требованій, не всегда справедливыхъ, лифляндскаго дворянства; въ другихъ же отношеніяхъ, Рига предоставлена была самой себѣ. Но это самое было причиною, что въ городскихъ сословіяхъ воскресли антигосударственныя притязанія, уже до половины побѣжденныя энергическими мѣрами шведскаго правительства. Чѣмъ болѣе при русскомъ владычествѣ оказано было довѣренности и дано свободы городскому начальству, тѣмъ упорнѣе оно противодѣйствовало всѣмъ самымъ справедливымъ и простымъ требованіямъ правительственныхъ лицъ и даже верховной власти. Гильдейскіе протоколы за 1710—1745 годы представляютъ тому множество примѣровъ, большею частію мелочныхъ, но знаменательныхъ въ своей совокупности. Мы, разумѣется, можемъ изъ нихъ привести на выдержку только нѣкоторые.

Въ 1710 г. генералъ-губернаторъ и президентъ магистрата Исаевъ требовали нѣсколько разъ, чтобы улицы были вычищены; но граждане отвѣчали на это, что каждый домовладѣлецъ обязанъ содержать въ чистотѣ свой домъ и часть улицы передъ нимъ, а что касается до нечистоты, происходившей отъ квартировавшаго войска и его лошадей, *то они не намѣрены вывозить ее*. Магистратъ съ своей стороны просилъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, зажиточные граждане позволили употребить на эту работу ихъ лошадей, на два или на три дня, но и на это воспослѣдовалъ отказъ. Это дѣло тянулось до 1720 года и наконецъ вызвало со стороны генералъ губернатора какія-то рѣшительныя мѣры, которыя показались гражданамъ неслыханнымъ насиліемъ.

Въ 1714 г. Исаевъ просилъ сообщенія бумагъ, относившихся до спора ельтермана Плониса съ магистратомъ. Ему отвѣчали, что это дѣло давно оконченное, а вмѣсто означенныхъ документовъ, магистратъ предложилъ ему копію съ 32 пунктовъ гильдейскихъ шрагъ. Но старшины рѣшили, *что и ихъ нельзя выдать президенту безъ разрѣшенія всей гильдіи*, которая, бывъ созвана, постановила: просить магистратъ, чтобы онъ *строго допросилъ* того гражданина, который внушилъ Исаеву мысль навести справку. Но Исаевъ нѣсколько разъ повторялъ свое требованіе: ельтерманъ опять предложилъ ему, вмѣсто полнаго собранія

гильдейскихъ шрагъ, 32 пункта, а гильдія поручила ельтерману отучить Исаева отъ подобныхъ затѣй (dieses Anfordern aus dem Sinne zu bringen), объяснивъ ему, что требованіе его неисполнимо. Въ 1721 г. Исаевъ предъявилъ Высочайшее повелѣніе о выдачѣ ему копій со всѣхъ шрагъ и привилегій, но изъ протоколовъ не видно воспослѣдовало ли исполненіе.

Въ 1714 г. Петръ I отправилъ въ Ригу генералъ-адъютанта съ словеснымъ приказаніемъ поставить немедленно въ Ревель извѣстное количество желѣза. Большая гильдія отвѣчала на это, что она до тѣхъ поръ не исполнитъ этого, пока ей не представятъ Именнаго указа; но ельтерманъ изъяснилъ, что по русскому обычаю (nach russischer Manier), въ этихъ случаяхъ, словесное приказаніе имѣетъ такую же силу какъ и письменное, и тогда гильдія изъявила на этотъ разъ свое согласіе, но объявила, что впредь она не приметъ подобныхъ требованій иначе, какъ если ей покажутъ письменный указъ и притомъ въ подлинникѣ. Черезъ два года вышелъ указъ о такой же поставкѣ, и такъ какъ въ Ригу прислана была копія съ него, то гильдія дѣйствительно отказалась исполнить его.

Въ 1732 году полученъ былъ сенатскій указъ, воспрещавшій гражданамъ и иностранцамъ выписывать или отправлять товары контрабандою (ein und aus-practisiren) и велѣно было заставить всѣхъ тѣхъ, кому онъ былъ сообщенъ, въ томъ росписаться. Донося объ этомъ большой гильдіи, ельтерманъ окончилъ рѣчь свою слѣдующими словами: „такъ какъ такого рода росписки могутъ имѣть непріятныя послѣдствія, то слѣдуетъ придумать средство, какъ бы отъ этого уклониться“.

Вообще, всѣ предписанія мѣстнаго начальства, всѣ указы сенатскіе и Высочайшія повелѣнія сперва разсматривались магистратомъ, который передавалъ ихъ гильдіямъ, отнюдь не къ исполненію, а на обсужденіе ихъ; гильдіи иногда изъявляли на нихъ свое одобреніе, но откладывали исполненіе до другаго времени, иногда представляли возраженія, и тогда дѣло затягивалось на нѣсколько лѣтъ и почти всегда приходило въ забвеніе.

Тайные способы дѣйствія магистрата.

Въ то же время магистратъ и объ гильдіи безпрестанными изъявленіями преданности старались отвести вниманіе правительства отъ этого систематическаго противодѣйствія его распоряженіямъ и продолжали подарками и подкупами отыскивать себѣ покровительство лицъ, имѣвшихъ вліяніе на управленіе.

Объ этомъ мы находимъ также нѣсколько любопытныхъ извѣстій въ протоколахъ большой гильдіи.

Въ 1713 г. въ собраніи гражданъ, ельтерманъ изъяснялъ, что когда кто-либо изъ свиты Государя заходитъ къ гражданину въ домъ, то его должно встрѣчать со всевозможною учтивостью, даже не мѣшаетъ подносить стаканъ вина или водки, такъ какъ до слуха Его Императорскаго Величества уже дошло, что рижскіе обыватели не оказываютъ никакого благорасположенія къ его служилымъ людямъ.

Въ 1714 г. подпесли подарокъ какому-то полковнику Кампенгаузену, который, какъ доносилъ ельтерманъ, припялъ его, нѣсколько времени поломавшись (mit einer kleinen Weigerung), и за то обѣщалъ отрекомендовать старшинъ и всю гильдію Государю.

Въ 1727 г., вслѣдствіе отзывовъ самихъ Рижанъ о дурномъ состояніи городскихъ финансовъ, князь Меншиковъ изъявилъ намѣреніе произвести преобразованіе въ Касса-Коллегіи. Какъ только разнесся объ этомъ слухъ, отправили для противодѣйствія въ Петербургъ ратсгера Каспари, который въ тотъ же годъ израсходовалъ 500 рейхсталеровъ, вѣроятно сверхъ выданныхъ ему денегъ, и предалъ въ Рпгу для уплаты выданный имъ вексель. Это обстоятельство привело магистратъ въ затрудненіе. Онъ объявилъ гильдіямъ, что, не имѣя болѣе права распоряжаться по своему усмотрѣнію городскою кассою, онъ долженъ былъ испрашивать позволенія на уплату сдѣланнаго депутатомъ долга у президента Исаева, который не только далъ рѣшительный отказъ, но даже велѣлъ за тѣмъ приказалъ вызвать назадъ ратсгера Каспари и впредь на подобные расходы никогда не брать суммъ изъ городскихъ доходовъ. Въ томъ же году, гильдіи учредили складчину для отправленія депутатовъ, вызванныхъ въ Москву для присутствія при коронаціи императрицы Екатерины I-ой, причемъ

ельтерманъ сообщилъ, что надобно бы также припасти средства, чтобы помириться съ княземъ Меншиковымъ, но въ послѣднемъ надобности не оказалось; ибо вскорѣ послѣ этого получено было извѣстіе о паденіи князя Меншикова. Это обстоятельство подало магистрату и гильдіямъ надежду, что происки ихъ депутата увѣнчаются успѣхомъ, и потому они рѣшились не вызывать его, вопреки приказанію президента Неаева. Въ 1737 году, послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и Москвѣ, ратсгеръ Каспари наконецъ возвратился и представилъ счеть въ 36,731 талеръ, а затѣмъ два дополнительныхъ въ 7,811 и въ 5,000, изъ коихъ выплачено было всего 44,542; но за то Касса-Коллегія не была тронута.

Въ 1739 году, граждане въ полномъ собраніи объявили черезъ своего докмапа, что они имѣютъ намѣреніе учредить у себя особую кассу, отдѣльную отъ гильдейской, для расходовъ, потребныхъ въ случаяхъ, когда нужно будетъ искать чего нибудь при дворѣ.

Наконецъ, слѣдующій отрывокъ показываетъ, какъ смотрѣли въ то время граждане на подарокъ, ежегодно преподносимый ими генералъ-губернатору подъ видомъ древняго обычая: въ гильдейскомъ собраніи, происходившемъ 5 апрѣля 1742 г., ельтерманъ сообщилъ, что члены магистрата одни подносили подарокъ генералъ-губернатору въ Рождество и не позволяли представителямъ гражданъ даже присутствовать при этомъ; что, находя этотъ порядокъ неправильнымъ, онъ, ельтерманъ, дѣлалъ о томъ замѣчанія магистрату, но получилъ въ отвѣтъ, что **неприлично дѣлать подобнаго рода приношенія при многихъ свидѣтеляхъ; сознавая вполнѣ справедливость этого возраженія**, ельтерманъ однакоже настаивалъ на томъ, чтобы какъ онъ, такъ и товарищъ его, ельтерманъ малой гильдіи, были допускаемы, хотя не вмѣстѣ, а по одному и по очереди, мѣняясь ежегодно.

Неустройство Рижскаго управленія обнаруживается.

Не смотря однакожъ на всѣ средства, принятыя для того, чтобы задобрить коронныхъ чиновниковъ и скрыть отъ правительства недостатки городскаго управленія, они не могли не обнаружиться. Безпрестанныя жалобы самихъ гражданъ на безденежье, которыми они отвѣчали на всѣ требованія

правительства, жалобы иностранныхъ и русскихъ купцовъ на стѣснительныя для торговли постановленія, процессы, происходившіе между гражданами и магистратомъ, бѣдственное положеніе простыхъ обывателей, у которыхъ граждане начали конфисковать недвижимую ихъ собственность, наконецъ явная недобросовѣстность и противорѣчія въ отвѣтахъ и объясненіяхъ магистрата на запросы юстицъ-коллегіи и сената, все это, одно за другимъ, выводило наружу совершенное отсутствіе законности, страшный произволъ, прикрытый внѣшними формами, безпорядочность управленія, обветшалость учрежденій и вѣковыя страданія цѣлыхъ классовъ.

Юстицъ-коллегія для лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, занимаясь исключительно разборомъ дѣлъ, восходившихъ по апелляціи изъ Остзейскаго края, содѣйствовала не мало къ разувѣренію въ мнимомъ благоденствіи города Риги и къ уясненію необходимости для верховной власти предпринять преобразованія, которыхъ отъ городскихъ сословій нельзя было ожидать.

Постепенное введеніе общихъ законовъ имперіи.

По мѣрѣ распространенія этого убѣжденія, образъ дѣйствія правительства началъ измѣняться, или точнѣе, въ царствованіе Екатерины II-й правительство начало дѣйствовать по отношенію къ Остзейскому краю самостоятельно и послѣдовательно. Первый предметъ, обратившій на себя вниманіе императрицы, была торговля, находившаяся въ столь дурномъ состояніи, что самъ генералъ-губернаторъ Браунъ, въ другихъ случаяхъ ревностный защитникъ существовавшаго въ Остзейскомъ краѣ порядка, долженъ былъ сознаться, „что торгъ всего болѣе уничтожали внутреннія учрежденія, какъ и самовольные непорядки, на которые никто ни указа, ни повелѣнія не имѣлъ". По этому поводу учрежденъ былъ комитетъ, которому между прочимъ поручено было имѣть въ виду **соглашеніе рижскихъ учрежденій съ общими законами имперіи**; предположенія этого комитета послужили основаніемъ Высочайше утвержденнаго Устава о Рижской Коммерціи, изданнаго 7 декабря 1765 года. Не входя въ разсмотрѣніе содержанія его, достаточно замѣтить, что правительство ограничило имъ произволъ городскаго начальства, строго запретивъ ему издавать отъ себя какія либо

постановленія, тарифы, измѣнять таксы и т. д., ибо, какъ сказано въ § 16, все сіе состоитъ единственно въ разсмотрѣніи Ея Императорскаго Величества.

Въ томъ же 1765 году, по жалобѣ иностранца Эфлейна, женатаго на Латышкѣ, котораго магистратъ по этой причинѣ не хотѣлъ принимать въ число гражданъ, послѣдовалъ изъ сената указъ, въ которомъ сказано „что принятіе и умноженіе всякаго вѣрноподданнаго города способныхъ и достойныхъ мѣщанъ не состоитъ въ волѣ самого мѣщанства, ниже рижскаго магистрата, но неоспоримо есть право Монаршее, коего, на основаніи конфирмованныхъ правъ и привилегій, соблюденіе положено на начальство; и посему повелѣно, при принятіи въ гражданство, поступать по общимъ государственнымъ законамъ". Но введеніе общихъ законовъ требовало, какъ необходимаго условія, отъ мѣстныхъ чиновниковъ, знанія русскаго языка, и потому на этотъ предметъ обращено было особенное вниманіе. Въ 1769 году, по предложенію генералъ-прокурора князя Вяземскаго, сенатъ приказалъ рижской, ревельской и выборгской губернскимъ канцеляріямъ предписать указами съ тѣмъ, „что хотя всѣ находящіяся въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи присутственныя мѣста и отправляютъ дѣла на нѣмецкомъ языкѣ, но какъ почти всегда бываетъ у оныхъ съ учрежденными въ Россіи правительствами письменныя сношенія, то всѣмъ тѣмъ мѣстамъ сдѣлать подтвержденіе, чтобъ находящіеся въ оныхъ канцелярскіе служители старались пріобрѣсти совершенное знаніе россійскаго языка и чрезъ то и случающіяся впредь тамъ же ваканціи преимущественно предъ тѣми, которые россійскаго языка знать не будутъ, заступать могли, чего какъ государственное, такъ и собственное ихъ благосостояніе и польза требуетъ, для чего въ посылаемыхъ въ Правительствующій Сенатъ о таковыхъ кандидатахъ представленіяхъ описывать именно, кто изъ нихъ россійскій языкъ знаетъ и кто не знаетъ". Все это служило какъ бы приготовленіемъ къ болѣе важнымъ преобразованіямъ.

Въ 1782 году, въ Именномъ указѣ 3 декабря, императрица объявила намѣреніе въ слѣдующемъ году образовать риж-

скую губернію на основаніи общаго о губерніяхъ учрежденія, что и было исполнено; но при этомъ велѣно было мѣстамъ и лицамъ имѣть наблюденіе за непарушимостью законовъ и грамотъ, данныхъ этой губерніи. Магистратъ рижскій оставленъ былъ на прежнемъ основаніи, но былъ подчиненъ высшему губернскому магистрату, также въ Ригѣ учрежденному. Указами 23 августа и 14 ноября 1783 г., 5 апрѣля 1784 г., 4 сентября 1785 г. и 5 іюня 1786 г., введены были подушная подать и гильдейскія пошлины съ купеческихъ капиталовъ; городскія присутственныя мѣста подчинены были надзору прокурора и стряпчихъ, отъ котораго они хотѣли уклониться; всѣ акциденціи во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ были отмѣнены, „такъ какъ, по назначеніи лицамъ въ нихъ служившимъ опредѣленнаго жалованья, провосудіе отправляемо быть долженствовало безмездное“. Выборы магистратскихъ членовъ и приписку къ городскому обществу вмѣнено производить на основаніи Городоваго Положенія.

Не смотря однакоже на столь явное проявленіе воли правительства, мѣстныя сословія не теряли надежды отстоять свою старину. Изъ сенатскаго указа объ отмѣнѣ акциденцій и изъ указа 19 марта 1784 года видно, что генералъ-губернаторъ Браунъ, въ сдѣланной имъ отъ себя публикаціи, объявилъ: „чтобы во всѣхъ таковыхъ случаяхъ, на которые имѣются здѣсь земскіе законы, жалованныя грамоты и привилегіи, то бъ оныя при рѣшеніяхъ почитать преимущественнѣе чѣмъ фундаментальный законъ“ [1]). Это значило давать предлогъ къ устраненію всѣхъ новыхъ законовъ, ибо не было такого случая, на который бы нельзя было пріискать привилегіи; за самовольное свое распоряженіе генералъ-губернаторъ получилъ Высочайшій выговоръ: „по прочтеніи реляціи вашей отъ 30 марта и приложеній при оной, мы находимъ, что когда указомъ нашимъ, отъ 30 іюня 1783 года вамъ даннымъ, предписано о сохраненіи правъ тамошнихъ на осно-

[1]) Подлинныя слова публикаціи выписаны изъ сенатскаго указа 19 марта 1784 года, за № 3,008, находящагося въ архивѣ остзейскаго генералъ-губернатора, въ дѣлѣ подъ № 210. Видно, что это была вторичная публикація, изданная по полученіи Высочайшаго выговора за первую; но содержаніе первой и второй было очевидно одно и то же.

ваніи жалованныхъ нашихъ грамотъ, то и довольно было сей указъ нашъ въ числѣ прочихъ узаконеній сообщить всѣмъ земскимъ правленіямъ и начальствамъ къ должному исполненію и наблюденію въ точныхъ его словахъ, не прибавляя къ нему, ниже выводя иныхъ заключеній, кромѣ тѣхъ, кои въ самыхъ словахъ его содержатся. подобная же означенной публикація нимало не была нужна"- Вскорѣ послѣ этого, магистратъ рижскій, еще не увѣрившійся въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія, поднесъ на Высочайшее имя меморіалъ, въ которомъ, изъявляя благодарность свою за даруваніе городу Ригѣ тѣхъ самыхъ правъ и милостей, которыя Ея Величество соизволила излить на прочихъ своихъ подданныхъ, въ то же время испрашивалъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, равнявшихся сохраненію всего прежняго сословнаго устройства и порядка управленія.

Введеніе въ Ригѣ Городового положенія. 1787.

Изъ этого ясно обнаруживалось, что пристрастіе городскихъ сословій и сознательное своекорыстіе ничѣмъ не могли быть побѣждены, какъ дѣйствіемъ власти и, уже впослѣдствіи, испытаніемъ на опытъ выгодъ новаго порядка. По этому, вмѣсто отвѣта на несвоевременную просьбу, послѣдовалъ указъ 1787 года 12 октября о немедленномъ введеніи въ Ригѣ, безъ самомалѣйшаго изъятія, Городоваго Положенія.

Въ другомъ мѣстѣ будетъ показано, какъ оно было принято и какое имѣло вліяніе на внутреннее муниципальное устройство и на общественную жизнь; здѣсь же достаточно сказать, что въ этомъ актѣ проявилось окончательно государственное начало во всей полнотѣ его правъ. И прежде того, напримѣръ, въ 1604 году, верховная власть измѣняла внутреннее устройство городскаго общества; но это всегда происходило по требованію одного изъ трехъ городскихъ сословій, которыя, имѣя одни юридическое устройство и право голоса въ дѣлахъ управленія, предлагали свои предположенія на утвержденіе правительства; въ настоящемъ же случаѣ, преобразованіе шло и должно было идти сверху, отъ самого правительства, ибо задача заключалась уже не въ томъ, чтобы помирить и уравновѣсить прежнія начала, олицетворявшіяся въ магистратѣ и обѣихъ гильдіяхъ, но въ организаціи управленія на основаніи новыхъ принциповъ и въ обезпеченіи класса про-

стыхъ обывателей, не имѣвшихъ доселѣ никакихъ правъ и, какъ доказалъ вѣковой опытъ, никакого повода надѣяться на добровольныя уступки со стороны гражданъ. Преобразованіе Екатерины II могло казаться насильственнымъ, но послѣдствія оправдали его, и большинство городскихъ жителей скоро почувствовало превосходство новаго порядка передъ старымъ. Этимъ можно бы было окончить исторію отношеній г. Риги къ государственному началу: ибо права верховной законодательной власти были проявлены во всей ихъ полнотѣ, сфера дѣйствій ея была обозначена и очищена, дорога для дальнѣйшихъ улучшеній открыта; но эти результаты были вскорѣ послѣ того, если не потеряны, то по крайней мѣрѣ обезсилены.

Отмѣна городоваго положенія 1796.

При восшествіи на престолъ императора Павла, именнымъ указомъ 28 ноября 1796 г. повелѣно между прочимъ, въ Лифляндіи и Эстляндіи возстановить всѣ тѣ присутственныя мѣста, которыя по тамошнимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ существовали какъ въ губерніи, такъ и по уѣздамъ до 1783 года... „Магистратамъ по городамъ остаться на прежнемъ и правамъ ихъ сообразномъ основаніи, а губернскимъ магистратамъ, такожъ верхнимъ и нижнимъ расправамъ не быть“. Этотъ указъ, очевидно касавшійся одного городскаго управленія, а не общественнаго устройства, былъ совершенно произвольно распространенъ въ Ригѣ на все муниципальное и сословное устройство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до введенія Городоваго Положенія. [1]) Но еще важнѣе было вліяніе, которое онъ имѣлъ на понятія городскихъ сословій объ отношеніи ихъ къ верховной законодательной власти; ибо граждане рижскіе увидали въ немъ

[1]) Въ изданіи 1852 г., вмѣсто напечатаннаго нами, согласно съ черновою рукописью, конца перваго отдѣла, начиная со словъ «Но еще важнѣе» до словъ «города Риги», напечатано слѣдующее: Это не могло не возбудить распрей въ составѣ городскаго населенія и произвело замѣшательства въ управленіи, такъ что правительство, съ 1802 г., признало нужнымъ завиться окончательнымъ устройствомъ города Риги, сообразно съ общимъ порядкомъ вещей въ государствѣ и съ дѣйствительными потребностями населенія Подробный отчетъ о ходѣ сихъ распоряженій правительства, не довершенныхъ по нынѣ, излагается во II отдѣлѣ этой исторіи». *Прим. издат.*

какъ бы актъ раскаянія со стороны правительства, отмѣнившаго въ предшествовавшемъ царствованіи ихъ привилегіи; они приняли его какъ возстановленіе произвольно-нарушенныхъ правъ, какъ гарантію ихъ неприкосновенности на будущее время и безусловной обязательности для самого правительства. Этимъ объясняется постоянное, систематическое противодѣйствіе, встрѣченное впослѣдствіи правительствомъ во всѣхъ его предпріятіяхъ для улучшенія муниципальнаго устройства и хозяйства города Риги.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Опытъ исторіи городскихъ сословій въ Ригѣ.

1200—1845.

Исторія городскихъ сословій въ Ригѣ.

Предметъ настоящаго изслѣдованія еще не былъ никѣмъ обработанъ въ подробности и во всемъ его объемѣ. Матеріалы для него не только не всѣ изданы, даже не приведены еще въ извѣстность. Для періода польскаго и шведскаго владычества почти вовсе нѣтъ очищенныхъ источниковъ, такъ какъ архивы рижскихъ присутственныхъ мѣстъ не описаны и не приведены въ порядокъ. Ученыя пособія (разумѣя подъ этимъ историческія обозрѣнія отдѣльныхъ періодовъ, изслѣдованія объ отдѣльныхъ предметахъ, коментаріи къ изданнымъ памятникамъ и проч.), хотя и составляютъ богатую литературу, не менѣе того мало послужили въ настоящемъ трудѣ: во-первыхъ, по причинѣ ихъ чрезвычайной дробности, во-вторыхъ, потому что тѣ изъ нихъ, которыя писаны съ ученою цѣлью, отличаются отсутствіемъ мысли и удовлетворяютъ развѣ только прихотливому любопытству антикваріевъ, а тѣ, которыя составлены учеными или служащими лицами съ практическою цѣлью, направлены къ тому, чтобъ оправдать настоящее устройство городскаго общества, какъ окончательный результатъ, далѣе котораго оно не можетъ развиваться. При этихъ условіяхъ, нельзя было надѣяться представить полную исторію городскихъ сословій; должно было ограничиться изложеніемъ того, что можно было извлечь изъ доступныхъ источниковъ, указывая на пробѣлы, пока еще не восполнимые. Что же касается до формы изложенія и цѣли предетавляемаго труда, то онѣ заранѣе опредѣлены были тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, которое заставило предпринять его. Коммиссія, назначенная для ревизіи сословнаго и хозяйственнаго управ-

ленія города Риги и для составленія предположеній о его улучшеніи, имѣла двѣ основныя данныя: во-первыхъ, устройство сословій въ его настоящемъ видѣ, выраженное во второй части мѣстнаго Свода; во-вторыхъ, предъявленныя противъ него возраженія, требованія улучшеній и недостатки самою коммиссіею обнаруженные. Для соглашенія этихъ двухъ данныхъ, для преобразованія настоящаго согласно съ признанными требованіями, коммиссія сочла нужнымъ ознакомиться съ исторіею образованія настоящаго устройства, не съ цѣлью оправдать его, но для того, чтобы извлечь изъ него законъ его развитія; иными словами: обнаружить какимъ образомъ въ прошедшихъ вѣкахъ устройство сословій видоизмѣнялось сообразно съ возникавшими потребностями, какимъ образомъ совершилось то, что̀ теперь должно совершиться по волѣ правительства и чему противодѣйствуетъ городское начальство какъ небывалому нововведенію. Коммиссія полагала возможнымъ предетавить проектъ преобразованія, вытекающій какъ необходимый историческій результатъ всего предшествовавшаго развитія рижскихъ муниципальныхъ учрежденій [1]).

Исторія рижскихъ сословій естественно дѣлится на слѣдующіе періоды:

1. Отъ основанія города около 1200 года, до подчиненія его Польшѣ въ 1582 году — періодъ господства архіепископовъ и магистровъ, или отсутствія государственнаго начала.

2. Отъ подчиненія его Польшѣ до присоединенія къ Россіи: 1582—1710 г., періодъ польскаго и шведскаго владычества.

3. Отъ присоединенія его къ Рос и до изданія Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ [2]).

Мы предпосылаемъ это дѣленіе, не оправдывая его, надѣясь при самомъ изложеніи показать его основаніе.

Въ каждомъ періодѣ мы должны будемъ разсмотрѣть: 1) части, т. е. составъ, устройство и развитіе каждаго изъ

[1]) Отъ словъ «Что же касается» до «муниципальнаго учрежденія» въ изданіи 1852 г. опущено. *Прим. изд.*

[2]) Въ изданіи 1852 года: «3) Отъ присоединенія его къ Россіи до введенія Городоваго Положенія 1783 г. 4) Отъ введенія Городоваго Положенія до настоящаго времени». *Прим. изд.*

городскихъ сословій, порознь взятыхъ, 2) цѣлое, т. е. взаимное отношеніе городскихъ сословій, ихъ совокупную дѣятельность, однимъ словомъ: общество въ его развитіи.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ основанія Риги до подчиненія ея Польшѣ.

1200—1582 [1])

Образованіе и составъ городскаго общества.

Рига построена завоевателями Ливоніи въ странѣ враждебной и при самомъ началѣ войны съ туземцами. Поэтому естественно, что первоначальное населеніе ея принадлежало исключительно къ племени завоевателей, безъ всякой примѣси туземцевъ. Ядро городскаго общества составляли выходцы изъ Германіи преимущественно Сѣверной, люди, добровольно покинувшіе свою родину, слѣдовательно имѣвшіе или присвоившіе себѣ право располагать собою. Основываясь на этихъ двухъ данныхъ, т. е. на отсутствіи туземцевъ и добровольномъ переселеніи, можно заключить, что все городское населеніе состояло изъ лицъ, принадлежавшихъ къ свободному состоянію; въ немъ не могло быть, и дѣйствительно въ древнѣйшую эпоху не встрѣчается никакихъ слѣдовъ существованія класса несвободныхъ городскихъ жителей. Въ этомъ отношеніи Рига существенно разнилась отъ большинства германскихъ городовъ и выгода, по-

[1]) Для перваго періода **источниками** служили: грамоты, договоры, привилегіи, изданные въ Monum Liv. ant. т. IV, въ хроникѣ Арндта въ Origin. Livon. Gruberi, въ Codex dipl. Reg. Pol., въ различныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ; рижское городское право по четыремъ изданіямъ; шраги большой гильдіи, общества шварцъ-гейптеровъ; шраги цеховъ печатныя и рукописныя, доставленныя изъ амтсъ-герихта; пять списковъ гражданскихъ словъ (Bauersprachen, Civiloquia); записки ельтермановъ; хроники Арндта, Мел. Фукса и проч. **Пособіями**: введеніе ко второй части Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ; древняя исторія Риги Напирскаго; различныя изслѣдованія, помѣщенныя въ Архивѣ Бунге, въ Inland, въ рижскихъ городскихъ вѣдом стях., въ Nord. Miscellan. Гунеля; рукописныя статьи, представленныя лицами, служащими въ рижскихъ присутственныхъ мѣстахъ и проч.

видимому, была на ея сторонѣ. Лифляндскіе писатели не упустили ея изъ виду, но едвабъ они вникли въ существенную причину этого преимущества, можетъ быть оно бы получило въ ихъ глазахъ другой характеръ. Въ германскихъ городахъ классъ людей несвободныхъ образовался преимущественно изъ жителей селъ, промѣнявшихъ земледѣліе на мелочную торговлю и ремесла; въ Ригѣ его не было, потому что мѣстныхъ жителей долго не пускали въ городъ и до сихъ поръ устраняютъ отъ городскихъ промысловъ. Тамъ ихъ терпѣли, хотя и подчиняли тягостнымъ условіямъ: въ Ригѣ ихъ вовсе не терпѣли какъ иноплеменниковъ и какъ порабощенныхъ.

Итакъ, цѣльность и равенство правъ въ средѣ городскаго общества въ Ригѣ происходили отъ безусловной исключительности, отъ совершеннаго отсутствія всякой связи между городомъ и земствомъ. Это разъединеніе, въ основаніи котораго лежала племенная вражда, заключало въ себѣ зародышъ такой же борьбы, какую выдержали нѣмецкіе города при столкновеніи двухъ классовъ; но тамъ борьба свободныхъ съ несвободными давно окончилась, въ Ригѣ борьба Нѣмцевъ-гражданъ съ иноплеменниками обывателями (Латышами, позднѣе Поляками и Русскими) хотя издавна ведется, но еще не разрѣшилась.

Германскихъ колонистовъ, пріѣзжавшихъ въ Ригу на время или навсегда, привлекала торговля и религіозная война; поэтому въ древнѣйшихъ грамотахъ и лѣтописяхъ упоминается объ нихъ подъ двумя общими выраженіями пилигримовъ и купцовъ, обозначавшими не столько ихъ званіе, сколько ихъ промыселъ и занятіе. Между ними конечно были люди различныхъ званій: дворяне, свободные люди (недворянскаго происхожденія), граждане другихъ городовъ, ремесленники, бѣглые рабы и проч.; но всѣ эти сословныя опредѣленія естественно теряли значеніе въ обществѣ, которое только что начинало слагаться и въ которомъ не было для нихъ готовыхъ мѣстъ и соотвѣтствующихъ занятій. Поэтому, какъ ни разнообразенъ былъ составъ первоначальнаго населенія Риги, должно полагать, что различіе званій и происхожденій сглаживалось само собою при водвореніи въ ново-

основанномъ городѣ; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого повода думать, что принадлежность къ тому или другому сословію опредѣляла права и положеніе переселенцевъ.

Учрежденіе города въ смыслѣ юридическомъ совпадаетъ съ началомъ его матеріальнаго существованія. При самомъ его основаніи, жителямъ даровано было городовое право, иными словами: создано было о б щ е с т в о гражданъ, непосредственно подчиненное господину всего края, имѣвшее свою поземельную собственность, свой особенный судъ свои особенныя права.

Вступленіе въ городское общество.

О порядкѣ вступленія въ городское общество въ XIII вѣкѣ нельзя сказать почти ничего положительнаго. Въ то время, конечно, не могло быть строгой разборчивости въ пріемѣ добровольныхъ переселенцовъ. Всякому были рады, всякаго старались удержать. Препятствій не могло быть ни со стороны епископа, который самъ вызывалъ изъ-за моря охотниковъ въ свою епархію, ни со стороны самихъ гражданъ рижскихъ, потому что въ то время ихъ было немного, соперничества въ дѣлѣ торговли и промысловъ еще не могли опасаться, а безпрестанно угрожавшія опасности и продолжавшееся завоеваніе края требовали постоянной помощи. Въ этомъ отношеніи городъ и епископъ дѣйствовали за одно. Въ грамотѣ легата Вильгельма 1225 г., въ которой прописана древнѣйшая привилегія, данная городу епископомъ Альбертомъ, сказано между прочимъ, что всѣ желающіе поселиться въ городѣ получаютъ всѣ права, дарованныя гражданамъ [1]). Слѣдовательно, вступленіе въ городское общество не было ничѣмъ ограничено и совпадало съ водвореніемъ въ городѣ: граждане сами, безъ участія епископа, могли принимать новыхъ гражданъ. Къ тому же заключенію приводитъ статья 38 древнѣйшихъ статутовъ города Риги [2]), въ которой сказано: приходящіе иноземцы, какого бы званія они ни были, и желающіе заниматься у насъ своими промыслами пользуются городскимъ правомъ; въ случаѣ нарушенія онаго,

[1]) Omnibus autem volentibus intrare civitatem ad habitandum liceat cives fieri praedictae libertatis. Bunge, Beiträge zur Geschichte der Livl. Rechtsquellen.

[2]) Bunge. Archiv für die Geschichte etc. 1 часть; Напирскій, издатель этихъ статутовъ, относитъ ихъ къ первой четверти XIII вѣка.

ихъ судятъ консулы Въ концѣ XIII вѣка вступленіе въ городское общество рѣшительно зависѣло отъ гражданъ и были постановлены слѣдующія условія, содержащіяся въ статутахъ извѣстныхъ подъ названіемъ Елериховыхъ [1]): пилигримы или гости, пріѣзжающіе въ Ригу, въ первый годъ своего пребыванія пользуются городскимъ правомъ (bruken unser Stadtrecht): если же, по истеченіи этого срока, они захотятъ заниматься въ городѣ торговлею или ремеслами, то должны сперва получить право мѣстнаго гражданства — въ противномъ случаѣ подвергаются штрафу. Кто захочетъ получить право гражданства, тотъ долженъ заплатить опредѣленную сумму (XII Oren). Кто отказывается отъ права гражданства (выходитъ изъ общества) долженъ заплатить подать (Schaten) за одинъ годъ впередъ. Если же затѣмъ станетъ продолжать торговлю, то подвергается тѣмъ же повинностямъ, какимъ и прочіе граждане.

Отношеніе городскаго общества къ господину и права, дарованныя городу, или гражданамъ безъ различія, изложены въ привилегіяхъ; слѣдовало бы опредѣлить какимъ образомъ эти права распредѣлялись между гражданами и кто именно ими пользовался: всѣ ли, или нѣкоторые; но для разрѣшенія этого вопроса не достаетъ данныхъ, ибо источники того времени ограничиваются именно одними привилегіями, въ которыхъ говорится о городѣ какъ о недѣлимой юридической личности. Права дарованныя городу касаются: 1) освобожденія гражданъ отъ платежа торговыхъ пошлинъ и отъ береговаго права; 2) отъ испытанія желѣзомъ и поля; 3) надѣленія города и гражданъ землями въ собственность и въ ленное владѣніе; 4) воспрещенія перехода недвижимаго имѣнія, въ стѣнахъ города состоящаго, въ руки духовенства.

Всѣ сіи права, по существу своему, должны были принадлежать всѣмъ гражданамъ, и нѣтъ причинъ полагать, чтобы они составляли удѣлъ немногихъ. Относительно права выбирать городскаго судью слѣдуетъ замѣтить, что впослѣдствіи оно принадлежало магистрату, такъ какъ адвокатъ

[1]) Елерих. статуты; das Rigische Recht и проч., изд. 1773 г. Дополненіе о томъ: wes frembde Geste gebruken sollen и кн. 1 ст. XXIX. Бунге относитъ этотъ списокъ, или точнѣе эту редакцію, къ концу XIII вѣка.

или судья самъ принадлежалъ къ числу консуловъ (это видно изъ выраженія: advocatus ceteriqne consules), а коллегія консуловъ сама выбирала своихъ чиновъ, а потому можно допустить, что и въ XIII вѣкѣ въ выборѣ судьи простые граждане не участвовали, хотя положительно утверждать этого нельзя.

Раздѣленіе городскаго общества на классы.

О составѣ городскаго общества, о различныхъ классахъ гражданъ, образовавшихся уже на мѣстѣ въ XIII вѣкѣ, извлекаются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ слѣдующихъ формъ, попадающихся въ привилегіяхъ, договорахъ и третейскихъ рѣшеніяхъ: 1) Граждане рижскіе (cives Rigenses), или гражданство (civitas), или совокупность гражданъ (universitas civium, commune civium и проч.). 2) Городской синдикъ (вѣроятно то же, что адвокатъ или судья) и граждане (syndicus et cives). 3) Адвокатъ и прочіе консулы рижскіе (advocatus ceteriqne consules Rigenses), или просто консулы рижскіе (consules Rigenses). 4) Полнѣйшая форма: адвокатъ консулы и всѣ граждане (advocatus, consules et universi cives)

Подъ словомъ cives разумѣется иногда все городское общество безъ различія [1]); иногда, поставленное вслѣдъ за консулами, оно обозначаетъ простыхъ гражданъ не консуловъ; наконецъ въ противоположномъ смыслѣ, оно могло

---

[1]) Очевидно, что въ такомъ смыслѣ оно употреблено, напримѣръ, въ грамотахъ епископа Альберта 1211 г., легата Вильгельма 1225 г., въ слѣдующихъ статьяхъ, гдѣ нельзя понимать его иначе: ссоры между гражданами (cives — въ противоположность иногороднымъ купцамъ) подлежатъ вѣдомству городскаго судьи. Граждане освобождаются отъ берегового права, отъ испытанія желѣзомъ, отъ поля, платежа пошлинъ. Всѣ желающіе поселиться въ городѣ получаютъ права, дарованныя гражданамъ и т. д. Поэтому очень ошибаются тѣ ученые, которые полагаютъ, что словомъ cives обозначались только одни дворянскіе роды, поселившіеся въ Ригѣ, изъ которыхъ, будто бы, исключительно образовалось магистратское сословіе. Мнѣніе это, основанное на натянутой аналогіи между Ригою и нѣкоторыми другими городами, какъ-то Любекомъ и Ревелемъ, и противное ясному смыслу подлинныхъ документовъ, повело къ другому, одинаково несправедливому, а именно: въ отличіе отъ cives (мнимыхъ дворянъ) приняли купцовъ (mercatores, о которыхъ упоминается въ грамотѣ Альберта 1211 года и въ нѣкоторыхъ другихъ), за простыхъ рижскихъ гражданъ, занимавшихся торговлею, тогда какъ въ этомъ мѣстѣ и въ другихъ случаяхъ очевидно дѣло идетъ объ иногородныхъ гостяхъ, что будетъ доказано ниже.

относиться къ однимъ консуламъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они сосредоточивали въ себѣ все общество и дѣйствовали какъ его представители [1]).

Кромѣ консуловъ и гражданъ, составлявшихъ рижское городское общество, упоминаются еще въ грамотахъ XIII и XIV вѣка пилигримы и купцы (иногородные, которые не были вполнѣ чужими въ отношеніи къ обществу и составляли при немъ особую компанію); наконецъ городскіе и форштатскіе жители, не принадлежавшіе къ городскому обществу.

Итакъ, въ первоначальномъ составѣ рижскаго населенія можно отличить:

I. Городское общество, раздѣляющееся на консуловъ и гражданъ.

II. Общество иногородныхъ купцовъ.

III. Жителей, къ городскому обществу не принадлежащихъ.

Вотъ составныя начала рижскаго населенія; мы должны теперь опредѣлить значеніе и развитіе каждаго изъ нихъ въ особенности.

Консулы или магистратъ.

Значеніе магистрата.

Консулы, по нѣмецки ратсгеры, въ совокупности составляли коллегіальное присутствіе: магистратъ (der Rath) или городское начальство (Obrigkeit или Stadtobrigkeit). Для уразумѣнія значенія его, въ сущности одинаковаго во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, не безполезно опредѣлить его сперва отрицательно, устранивъ два понятія, такъ сказать, ограничивающія его. Магистратъ не былъ органомъ верховной власти въ смыслѣ совокупности чиновниковъ, ибо избраніе и опредѣленіе членовъ его совершалось независимо отъ верховной власти и безъ ея участія; въ отношеніи къ господину, магистратъ игралъ роль представителя города, защитника городскихъ правъ, а повѣренный господина и блюститель его интересовъ занималъ мѣсто въ самомъ магистратѣ или подлѣ него (фохтъ, ерцфохтъ, бургграфъ). Магистратъ не былъ также представителемъ гражданъ въ смыслѣ

[1]) Напримѣръ въ выборѣ судьи, въ опредѣленіи спорныхъ границъ городскихъ владѣній, въ тяжбахъ за городскія имѣнія и права и проч.

ихъ уполномоченнаго или повѣреннаго; ибо граждане не участвовали непосредственно въ избраніи его членовъ, не могли ни смѣнять ихъ, ни призывать ихъ къ отвѣту. Магистратъ начальствовалъ самъ по себѣ; начало и оправданіе его власти заключалось въ немъ самомъ; онъ самъ избиралъ своихъ членовъ изъ среды гражданъ. Итакъ, въ составѣ городскаго общества магистратъ имѣлъ существенныя свойства высшаго, замкнутаго сословія. Существованіе сословія предполагаетъ сословную отличительную принадлежность, извѣстное занятіе, по праву ему одному принадлежащее. Сословную дѣятельность магистрата составляло: судопроизводство, законодательство и управленіе въ самомъ пространномъ объемѣ. Итакъ, сословное значеніе магистрата совпадало съ его значеніемъ какъ присутственнаго мѣста. Таковъ былъ магистратъ въ полномъ его развитіи во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ; но происхожденіе его, отношеніе къ гражданамъ, степень власти не всегда и не вездѣ были одинаковы.

Происхожденіе магистрата въ германскихъ городахъ.

Въ городахъ, возникшихъ на развалинахъ римскихъ муниципій, онъ могъ быть продолженіемъ курій; въ другихъ городахъ (которые выросли на мѣстахъ издревле занятыхъ германскими племенами, которые съ самаго начала своего существованія заключали въ себѣ населеніе, связанное съ земствомъ единствомъ происхожденія, обычаевъ, исторической судьбы, слѣдовательно такъ же какъ и все племя разграниченное на классы), магистратъ могъ составиться и воспол-няться исключительно изъ родовъ дворянскихъ, въ противоположность свободнымъ гражданамъ и обывателямъ несвободнаго званія [1]); но въ Ригѣ и вообще въ городахъ, поставленныхъ на новыхъ мѣстахъ среди племенъ чуждыхъ германскому, въ городахъ, принявшихъ въ себя сбродъ выходцевъ изъ разныхъ городовъ и странъ, населеніе смѣшанное и сбитое,—ни то, ни другое предположеніе не можетъ имѣть мѣста [2]).

1) Grundzüge des deutschen Städtewesens etc. von Lancizolle, 1829 г.

2) Противъ этого можетъ, повидимому, служить возраженіемъ примѣръ Ревеля, въ которомъ магистратъ имѣлъ родовой характеръ; но должно замѣтить, что Ревель произошелъ отъ Любека, какъ колонія отъ метрополіи, и былъ съ нимъ связанъ такъ тѣсно, какъ не была связана Рига ни съ однимъ городомъ Можно

Происхожденіе магистрата въ Ригѣ.

За отсутствіемъ положительнаго извѣстія о томъ, какъ образовался магистратъ въ Ригѣ, можно предполагать, что онъ учрежденъ былъ по образцу другихъ городовъ, при самомъ пожалованіи Ригѣ городоваго права; что съ вѣдома и разрѣшенія господина, граждане избрали изъ среды своей достойнѣйшихъ, наиболѣе извѣстныхъ съ хорошей стороны и знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами; при этомъ мы никакъ не отрицаемъ, чтобы несомнѣнное происхожденіе отъ знатнаго рода не давало преимущественнаго права быть избраннымъ при первомъ учрежденіи магистрата и впослѣдствіи, когда онъ началъ восполняться самъ собою. Это предположеніе вполнѣ согласуется съ послѣдующею исторіею магистрата. Его сословный характеръ въ Ригѣ выступилъ наружу и развился изъ первоначальнаго характера его какъ присутственнаго мѣста. Въ другихъ городахъ, знатные, по происхожденію своему, присвоили себѣ власть; въ Ригѣ, наоборотъ, власть уступленная, вѣроятно съ общаго согласія, и сосредоточенная въ тѣсномъ кругу, впослѣдствіи приняла характеръ сословной дѣятельности, подчинилась частнымъ семейнымъ интересамъ, которые, выдѣлившись изъ общихъ, вызвали противодѣйствіе другихъ сословій.

Впрочемъ, какъ бы ни возникъ рижскій магистратъ, несомнѣнно то, что онъ уже существовалъ въ началѣ XIII-го вѣка, ибо о консулахъ упоминается уже въ статутахъ, относящихся къ этому времени, и въ грамотѣ 1232 года.

Порядокъ выбора въ

Первое дошедшее до насъ извѣстіе о порядкѣ выбора членовъ магистрата находится въ одномъ изъ древнѣйшихъ

назвать Ригу колоніею нѣмецкою, или сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ вообще; но нельзя назвать ее колоніею того или другаго города. Въ Ревелѣ преобладали выходцы изъ Любека; въ послѣднемъ городѣ магистратъ имѣлъ значеніе родовой аристократіи; нѣкоторые Любекіе дворянскіе роды перебрались въ Ревель и присвоили себѣ такое же положеніе, какимъ они пользовались въ своемъ отечествѣ. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобнаго явленія при населеніи Риги; напротивъ, сравненіе послѣдующей исторіи Риги и Ревеля еще болѣе убѣждаетъ въ совершенномъ различіи происхожденія магистратовъ въ обоихъ городахъ. Укажемъ на два явленія: въ Ревелѣ члены магистратскаго сословія вступали въ брачные союзы съ земскимъ дворянствомъ; въ концѣ XV вѣка магистратъ спорилъ съ земскимъ дворянствомъ, которое не хотѣло признавать его равнымъ себѣ по достоинству; ничего подобнаго исторія Риги не представляетъ.

списковъ городскихъ статутовъ, относящемся къ первой половинѣ XIII вѣка [1]). Въ статьѣ первой подъ заглавіемъ: **какъ должно избирать членовъ магистрата** (wo men den Rath kesen soll) сказано: „члены магистрата (der Rath) высидѣвшіе одинъ годъ, избираютъ себѣ преемниковъ на слѣдующій годъ, числомъ 12. Имена избранныхъ провозглашаются въ воскресный день передъ Михайловымъ днемъ когда читаются полицейскіе законы (Bauersprache). Въ слѣдующую затѣмъ пятницу, отправляются вмѣстѣ въ ратушу окончившіе чреду служенія и вновь избранные; бургомистры, фохтъ (судья) и казначеи (Kemmeriere) слагаютъ съ себя свои должности; вновь избранные члены сходятъ внизъ (въ нижній ярусъ) и выбираютъ четырехъ смотрителей (den Rath zu bewahren), не засѣдавшихъ въ послѣдніе два года и не исправлявшихъ должностей (welche die nächsten zwei Jahre nicht gesessen und nicht biammete gewesen hebben). Кромѣ того, четыре младшіе члена сходятъ въ нижній ярусъ и, пригласивъ къ себѣ изъ выходящихъ членовъ кого захотятъ, избираютъ изъ числа 12 засѣдателей двухъ бургомистровъ. Затѣмъ входятъ бургомистры и назначаютъ подъ присягою изъ числа тѣхъ же засѣдателей фохта и двухъ казначеевъ для пользы и блага всего города". члены магистрата и замѣщеніи должностей.

Въ позднѣйшемъ спискѣ городскихъ статутовъ, тоже XIII вѣка, изданномъ Пуффендорфомъ, изложенъ слѣдующій, нѣсколько видоизмѣненный порядокъ избранія [2]): „въ 1270 году ратсгеры и мудрѣйшіе изъ горожанъ (die wysesten der Stadt) съ общаго согласія постановили, что кто былъ бургомистромъ одинъ годъ, тотъ не можетъ быть избранъ въ эту должность прежде истеченія шести лѣтъ, ни братъ его". Далѣе: „въ Петровъ день, когда происходятъ выборы, должно избирать 16 засѣдателей; въ томъ числѣ должны быть двое еще никогда не засѣдавшіе въ магистратѣ; новоизбранные члены приглашаютъ къ себѣ четырехъ ратсгеровъ изъ числа выбывающихъ; тогда бургомистръ выбираетъ одного изъ членовъ и присягаетъ въ томъ, что онъ не знаетъ достой-

[1]) Schwartz. Versuche in der Liv. Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit 2 Band, 3 стр. Versuch einer Geschichte des Rig. Stadtrechts, стр. 183, 184

[2]) Bunge, Archiv etc 4 часть, ст. XIII, стр. 237, 238.

нѣйшаго. Затѣмъ бургомистръ, всѣ ближніе друзья его и самъ назначенный выходятъ. Остающіеся обсуждаютъ между собою: полезенъ-ли будетъ сдѣланный выборъ для города. Назначенный входитъ къ нимъ опять и испрашиваетъ утвержденія въ должность; если засѣдатели встрѣтятъ его молчаніемъ, это значитъ, что выборъ отвергнутъ. Затѣмъ слѣдующіе бургомистры въ свою очередь приступаютъ къ выбору тѣмъ же порядкомъ, а послѣ нихъ всѣ ратгеры, имѣющіе право выбора, одинъ за другимъ. Не могутъ быть избраны въ члены магистрата ни фохтъ (котораго не должно смѣшивать съ городскимъ фохтомъ, или судьею), ни Ungelder (вѣроятно сборщики корабельныхъ пошлинъ), ни сборщики пошлинъ (Zolner), ни мельники, ни вообще лица, находящіяся на службѣ у господина (Amtmann unsers Herrn). Они являются въ магистратъ въ томъ только случаѣ, если будутъ призваны; но, отказавшись отъ своей должности, они могутъ быть выбираемы такъ же, какъ и всѣ честные люди (bedderver Mann)".

Наконецъ, въ Елериховыхъ статутахъ конца XIII вѣка, порядокъ избранія изложенъ слѣдующимъ образомъ: „когда магистратскіе члены согласятся избрать и опредѣлить въ должность (kesen und setten) новыхъ членовъ, должно извѣстить о томъ гражданъ съ балкона ратуши, въ воскресенье предъ Михайловымъ днемъ. Въ слѣдующую пятницу, новоизбранные и выходящіе члены отправляются всѣ вмѣстѣ въ ратушу; бургомистры, фохтъ и казначеи слагаютъ съ себя свои должности: четыре младшіе члена выходятъ и, пригласивъ къ себѣ кого захотятъ изъ старшихъ, выбираютъ подъ присягою двухъ бургомистровъ на слѣдующій годъ; потомъ эти бургомистры въ свою очередь выходятъ и выбираютъ фохта и двухъ казначеевъ, подъ присягою. Когда такимъ образомъ магистратъ восполненъ и устроенъ, должно въ теченіи мѣсяца провозгласить имена, дабы каждый богатый и бѣдный зналъ порядокъ".

Изъ этихъ трехъ извѣстій, относящихся къ началу, серединѣ и концу XIII вѣка, можно видѣть: 1) относительно выборовъ въ ратгеры, что весь составъ магистрата возобновлялся ежегодно: что члены его, окончивши годовое служеніе,

сами назначали себѣ преемниковъ; что всякій неопорочѣнный гражданинъ могъ быть избранъ; что должность ратсгера была несовмѣстна съ службою при господинѣ; что ежегодно должны были входить въ магистратъ не менѣе двухъ лицъ новыхъ, т. е. гражданъ, еще никогда не засѣдавшихъ въ немъ. Итакъ, въ XIII вѣкѣ, магистратъ имѣлъ преимущественно значеніе присутственнаго мѣста; слово ратсгеръ означало не званіе, а кратковременную должность; но право магистратскихъ засѣдателей назначать себѣ преемниковъ должно было непремѣнно установить тѣсную связь, основанную на взаимныхъ интересахъ, между членами выходившими, поступавшими и питавшими надежду поступить въ него; эта связь очень легко могла подчиняться семейнымъ отношеніямъ; естественнѣе было искать себѣ преемниковъ между родственниками, чѣмъ между людьми чужими, и такимъ образомъ могъ выдѣлиться изъ цѣлаго общества тѣснѣйшій союзъ родовъ, изъ которыхъ по преимуществу восполнялся магистратъ; таково, думаемъ мы, было происхожденіе городскихъ патриціевъ [1]). Но стремленіе магистрата организоваться въ аристократію встрѣтило противодѣйствіе, и если, съ одной стороны, самъ онъ старался устранить всякое вліяніе господина, не допуская въ составъ свой его подчиненныхъ, то, съ другой, граждане, какъ кажется, противились замѣщенію магистратскихъ должностей одними и тѣми же лицами, сдѣлавъ обязательнымъ ежегодное замѣщеніе двухъ вакацій лицами новыми.

2. Относительно состава магистрата оказывается: что число засѣдателей умножилось отъ 12 до 16; что распредѣленіе должностей между ними зависѣло отъ самого магистрата и дѣлалось вступавшими съ совѣта выходившихъ; что магистратъ состоялъ изъ двухъ бургомистровъ, фохта, двухъ кеммериpовъ и остальнаго числа простыхъ ратсгеровъ.

По древнѣйшему и Елерихову тексту, бургомистровъ избирали младшіе члены, какъ это дѣлается теперь. Изъ нихъ

[1]) Въ Ревелѣ было не такъ. Тамъ было два полныхъ комплета магистратскихъ засѣдателей, которые ежегодно смѣнялись: слѣдовательно, вступленіе новыхъ лицъ въ составъ его могло имѣть мѣсто только при открывавшихся вакаціяхъ. Новое доказательство, что въ Ревелѣ и въ Ригѣ происхожденіе магистрата было не одно и то же. Bunge, Archiv etc. часть 3, ст. 11.

одинъ исправлялъ должность предсѣдателя — verbum tenens proconsul — о которомъ упоминается въ первый разъ въ документѣ 1330 г. [1]). Впослѣдствіи, число бургомистровъ удвоилось: въ хроникѣ Мельхіора Фукса подъ 1478 г. упоминается уже о четырехъ [2]). Бургомистры назначали въ должность фохта и кеммериpовъ [3]) и имѣли право давать прочимъ ратсгерамъ порученія и разсылать ихъ по разнымъ дѣламъ [4]).

О фохтѣ всегда упоминается въ единственномъ числѣ, тогда какъ бургомистровъ и кеммериpовъ было двое. Это заставляетъ признать въ немъ того городскаго судью (advocatus, judex, впослѣдствіи ерцфохтъ), котораго выбирали по привилегіи епископа Альберта граждане (т. е. въ тѣснѣйшемъ смыслѣ магистратъ) и которому давалъ инвеституру епископъ.

Таковъ былъ магистратъ въ первоначальномъ его видѣ; впослѣдствіи онъ испыталъ слѣдующія перемѣны.

Позднѣйшія видоизмѣненія въ организаціи магистрата.

Относительно срока служенія, вмѣсто ежегодно возобновлявшихся избраній, вошло въ обычай избирать на всю жизнь. О томъ, въ какое время произошла эта перемѣна и какимъ образомъ, постепенно или вдругъ, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но кажется, что въ половинѣ XV вѣка новый, нынѣ существующій порядокъ уже былъ установленъ; ибо около этого времени лѣтописи подъ цѣлымъ рядомъ годовъ упоминаютъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, стоявшихъ во главѣ городскаго управленія. Относительно самыхъ выборовъ, кругъ лицъ, имѣвшихъ право быть избранными, ограничился, когда городское общество раздѣлилось на два сословія, большую и малую гильдію, или купцовъ и ремесленниковъ. Вторые никогда не избирались въ ратсгеры и открывавшіяся

[1]) Inland 1840 № г. 3, III.—[2]) Nora Miscel. 26. Если только этимъ не обозначаются двое исправляющихъ должность бургомистровъ и двое исправлявшихъ оную передъ тѣмъ.

[3]) Пуффендорфа редакція заставляетъ предполагать какое-то временное измѣненіе этого порядка: всѣ члены, имѣвшіе право выбора, начиная съ бургомистра, одинъ за другимъ предлагали кандидатовъ, а прочіе утверждали или отвергали. Мы относимъ этотъ порядокъ не къ выбору новыхъ засѣдателей магистрата, но къ распредѣленію между ними должностей, потому что передъ этимъ сказано уже о выборѣ полнаго числа засѣдателей, а въ самомъ этомъ мѣстѣ говорится о предлагаемыхъ кандидатахъ, какъ о лицахъ уже присутствовавшихъ. — [4]) Елериховы статуты, ст. XXVII.

вакансіи въ магистратѣ восполнялись исключительно изъ старшинъ большой гильдіи, преимущественно же изъ ельтермановъ и изъ канцеляріи магистрата, такъ называемыхъ ученыхъ или литератовъ.

Имѣли ли вообще когда нибудь ремесленники доступъ въ магистратъ и когда вошло въ обычай выбирать однихъ старшинъ большой гильдіи и ученыхъ, объ этомъ также нельзя сказать ничего положительнаго. Извѣстно только изъ списка, хранящагося въ большой гильдіи, что, въ промежутокъ времени отъ 1520 до 1582 года, изъ 25 ельтермановъ 17 поступили въ магистратъ [1]), который могъ во всякое время отозвать ельтермана отъ должности, не выжидая истеченія служебнаго срока, и перевести его въ ратушу. Въ такомъ случаѣ товарищъ его занималъ временно его должность, до наступленія новыхъ выборовъ. Отъ этого разумѣется въ большой гильдіи происходило разстройство и потому граждане, около 1540 года, взяли съ магистрата обѣщаніе не выбирать ельтермана, въ должности состоящаго [2]); но магистратъ не строго соблюдалъ это правило. Онъ руководствовался соображеніями другаго рода. Въ XVI и XVII вѣкахъ, въ періодѣ почти постоянной вражды большой гильдіи съ магистратомъ, ельтерманы большой гильдіи стояли во главѣ страшной для магистратскаго сословія оппозиціи, которая нерѣдко приводила его въ самое затруднительное положеніе, парализировала его дѣйствія, обнаруживала сокровенные источники его доходовъ, тревожила его въ пользованіи его кормленіями законными и беззаконными, особенно если ельтерманъ, какъ бывало обыкновенно, одушевленъ былъ личною непріязнью къ ратсгерамъ и былъ человѣкъ съ головою и сильною волею, или просто придирчивый. Выборъ такого человѣка на первую вакансію въ магистратъ представлялъ единственное средство освободиться отъ него, но за то средство вѣрное; ибо самый буйный ельтерманъ, самый строгій гонитель злоупотребленій, получивъ завидное мѣсто въ ратушѣ, немедленно становился другимъ человѣ-

[1]) Monum. Liv. ant. т. IV.—Списокъ ельтермановъ, управлявшихъ большою гильдіею съ 1520 по 1843 годъ.—[2]) Книга ельтермановъ 1551 г., стр. 54.

комъ и отступался отъ прежнихъ своихъ товарищей, такъ что, хотя въ магистратѣ бывшіе старшины большой гильдіи конечно составляли большинство, не менѣе того никогда ельтерманы въ спорахъ своихъ съ магистратомъ не находили въ нихъ поддержки [1]).

Относительно состава магистрата съ 1330 года, т. е. съ того времени, какъ Рига должна была покориться владычеству магистра Моингейма, орденъ назначалъ одного своего члена, который засѣдалъ въ фохтейскомъ судѣ съ правомъ голоса, собиралъ часть судныхъ пошлинъ и долженъ былъ присутствовать на всѣхъ совѣщаніяхъ магистрата. Но, какъ видно изъ жалобъ ордена, магистратъ, не любившій вообще гласности и надзора, держалъ тайныя совѣщанія, на которыя не пускалъ представителя гермейстера. Кирхгольмскимъ договоромъ 1452 г. установлено было, чтобы вмѣстѣ съ городскими фохтами или судьями судилъ ерцфохтъ, утверждаемый совокупно архіепископомъ и магистромъ, и чтобы на всѣхъ совѣщаніяхъ магистрата непремѣнно присутствовалъ членъ ордена. Этотъ ерцфохтъ, какъ кажется, занялъ мѣсто первенствующаго бургомистра, ибо велѣно было почитать его первымъ лицомъ въ составѣ городскаго начальства. Обязанность его состояла преимущественно въ томъ, чтобы оберегать права и интересы обоихъ господъ, которые, не живя постоянно въ Ригѣ, утратили бы безъ этого всю свою власть и всѣ доходы. Впрочемъ случалось и послѣ Кирхгольмскаго договора, что по цѣлымъ годамъ магистратъ не представлялъ ерцфохта на утвержденіе; [2]) должность эта была совершенно упразднена передъ самымъ подчиненіемъ Риги польскому владычеству и вслѣдъ за тѣмъ немедленно возстановлена подъ другимъ названіемъ [3]).

Относительно должностей, исправляемыхъ членами магистрата, достаточно замѣтить, что первоначально различныя отрасли судопроизводства и управленія поручались одному или двумъ лицамъ; впослѣдствіи, важнѣйшія изъ нихъ образовали отдѣльныя вѣдомства, которыя еще позднѣе полу-

[1]) Доказательства всему этому представляетъ въ большомъ числѣ книга ельтермановъ. — [2]) Хроника Мел. Фукса. — [3]) Codex dipl. R. P.

чили организацію присутственныхъ мѣстъ, подчиненныхъ магистрату, какъ его департаменты. Менѣе значительныя должности частью исчезли, частью остались принадлежностью отдѣльныхъ лицъ. Такъ напримѣръ, очень рано, въ XIII вѣкѣ, образовался уже фохтейскій судъ, состоявшій изъ фохта и двухъ засѣдателей; позднѣе являются веттгеры и веттгерихтъ, ландфохтъ и ландфохтейскій судъ, кемериры и кемерейное управленіе, акцизъ-геры и акцизное управленіе, амтсъ-геры и амтсъ-герихтъ и пр. Въ числѣ личныхъ должностей упоминаются: квартиръ-геры, имѣвшіе полицейскій надзоръ по городскимъ кварталамъ, цигель-геръ, завѣдывавшій городскимъ кирпичнымъ заводомъ, вейде-геръ, завѣдывавшій городскимъ выгономъ, бау-геръ, завѣдывавшій строительною частью [1]), и многія другія.

Изслѣдовавъ происхожденіе, порядокъ выборовъ и составъ магистрата, должно опредѣлить кругъ его дѣятельности. Кругъ этотъ былъ чрезвычайно обширенъ и обнималъ: a) судопроизводство, b) законодательство, c) управленіе и d) внѣшнюю политику.

Судебная власть магистрата.

Главное и, въ порядкѣ времени, первое назначеніе магистрата было давать судъ. Судебная власть принадлежала ему постоянно и исключительно, такъ что никогда простые граждане ея у него не оспаривали, даже не домогались получить въ ней участіе. Но она была ограничена сверху участіемъ господина, который утверждалъ городскаго судью и принималъ апелляцію на рѣшенія магистрата, вѣроятно съ древнѣйшихъ временъ и несомнѣнно съ Кирхгольмскаго договора. Судебная власть магистрата распредѣлялась между двумя инстанціями. Первую, низшую, составлялъ фохтъ и при немъ засѣдатели изъ ратгеровъ, вѣроятно двое [2])—въ тѣсномъ смыслѣ судъ · Gericht. Вторую, высшую, составляло полное присутствіе магистрата—палата—das Haus. Изъ

[1]) Сколько именно было такихъ должностей, когда онѣ учреждены, когда важнѣйшія изъ нихъ перешли въ вѣдомство присутственныхъ мѣстъ, всего этого опредѣлить нельзя за недостаткомъ точныхъ извѣстій. Обыкновенно о той или другой должности упоминается случайно, но не обозначается время ея учрежденія.

[2]) Мы полагаемъ двухъ засѣдателей по аналогіи съ другими должностями: бургомистрами, кемерирами, амтсъ-герами, которые являются всегда въ числѣ двухъ.

нижняго суда въ высшій дѣла восходили по апелляціи и по распоряженію низшаго суда въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣленныхъ въ городскихъ статутахъ. Засѣдатели нижняго суда не участвовали въ полномъ присутствіи магистрата въ обсужденіи дѣлъ, ими рѣшенныхъ. Во второй инстанціи дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Недовольный этимъ вторымъ рѣшеніемъ могъ, опираясь на законъ, просить ревизіи или вторичнаго пересмотра того же дѣла самимъ магистратомъ. Изъ многихъ статей городскихъ законовъ ясно обнаруживается стремленіе магистрата прекратить, или, по крайней мѣрѣ, затруднить апелляцію къ господину [1]). Впослѣдствіи, кромѣ фохтейскаго суда, учреждены другіе: торговый или веттный, ландфохтейскій и пр., которые поступили въ такое же отношеніе къ полному присутствію магистрата. Суду магистрата подлежали: граждане, обыватели, крестьяне, жившіе на городскихъ земляхъ, дѣла по жалобамъ постороннихъ лицъ на людей, подвѣдомственныхъ магистрату. Иногородные судились по общимъ городскимъ законамъ [2]). По роду дѣлъ, магистратъ судилъ дѣла гражданскія, уголовныя, полицейскія, торговыя и прочія, за исключеніемъ только дѣлъ духовныхъ, подлежавшихъ суду церковному. По дѣламъ уголовнымъ, магистратъ присуждалъ къ тюремному заключенію, лишенію гражданскихъ правъ и смертной казни [3]). Съ 1330 г., по силѣ грамоты магистра Монгейма, смертные приговоры магистрата восходили на утвержденіе къ члену ордена, отряженному для участія въ городскомъ судѣ [4]). Съ правомъ суда было нераздѣльно связано право взимать штрафныя деньги, которыя магистратъ раздѣлялъ съ господиномъ лучшее доказательство, что послѣдній никогда не отрекался въ пользу города отъ суднаго права, существенной принадлежности своей власти [5]).

[1]) Елер. Статуты кн. I, ст. 1, 2, 3, 4, 30; кн. II, ст. 2, 11; кн. III ст. 1, 6.

[2]) Въ спискѣ городскихъ законовъ, составленномъ для Гапсала: ut sicut in Riga unum jus habent peregrini cum urbanis et urbani cum peregrinis.

[3]) Древнѣйшіе и Елериховы статуты.—[4]) Хроника Арндта II, 91.

[5]) Въ древнѣйшихъ статутахъ опредѣлено взимать нѣкоторыя штрафныя пени въ пользу частныхъ лицъ, въ видѣ вознагражденія, другія въ пользу города или магистрата. Напримѣръ, въ пользу города: за убійство, за нанесеніе раны, за

Законодательная власть магистрата.

Магистратъ присвоивалъ себѣ законодательную власть, въ силу сомнительной привилегіи епископа Николая (о приспособленіи Готландскаго права) и по несомнѣнному обычаю, господствовавшему во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ. Въ первыя времена, онъ пользовался этою властью съ утвержденія и подъ надзоромъ епископа, какъ видно изъ предисловія къ списку статутовъ, составленному для города Гапсаля [1]); впослѣдствіи, участіе господина устранилось само собою и только изрѣдка, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, по поводу жалобъ, онъ пользовался своимъ, впрочемъ несомнѣннымъ правомъ; но за то граждане вскорѣ пріобрѣли себѣ право голоса въ дѣлѣ законодательства. Говоря о законодательной власти рижскаго магистрата, должно различать: законы гражданскіе и уголовные; законы полицейскіе, касающіеся благоустройства, производства торговли, ремеслъ, общественной нравственности, частной жизни гражданъ и проч.; наконецъ учрежденія и уставы для различныхъ обществъ и должностей. Этимъ тремъ видамъ законодательства соотвѣтствуютъ: 1) городскіе статуты, или городское право; 2) такъ называемыя Burspraehen, civiloquia, или слова, къ гражданамъ относящіяся (по неточному общепринятому переводу – гражданскія слова) и автономическіе законы—willkürliche Gezetzen, Satzungen; 3) шраги и уставы гильдій и цеховъ (Schragen, Ordnungen). Впрочемъ, предметы этихъ трехъ родовъ часто

содѣйствіе вору, за вызовъ на бой, за употребленіе фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ, за причиненіе пожара, за требованіе суда отъ посторонннихъ лицъ помимо города, за нанесеніе удара въ присутствіи судей, за поднятіе знамени для бунта и проч. Въ пользу консуловъ: за нелвку въ очередь на стражу, за неимѣніемъ кадки съ водою передъ домомъ и проч. Вѣроятно это составляло часть содержанія квартирмейстеровъ, имѣвшихъ полицейскій надзоръ. Должно полагать, что часть штрафовъ, изстари взимаемая фохтомъ, шла въ пользу господина. По мировой 1330 г. орденъ выговорилъ себѣ половину всѣхъ судебныхъ пошлинъ; по Кирхгольмскому договору то же самое подтверждено. Вообще объ этомъ было много споровъ и жалобъ; господа часто уступали городу часть пошлинъ, потомъ требовали ихъ опять, но въ принципѣ право ихъ было несомнѣнно.

1) Въ немъ сказано: jura civilia (т. е. для гражданъ изданныя, а не гражданскія) quae cives Rigenses obtinuerunt et scripto commendarunt concedente domino Alberto Rigensi episcopo ab initio conversionis Livoniae.

смѣшивались, потому что не было потребности разграничить ихъ и привести въ систематическій порядокъ. Въ статутахъ встрѣчаются полицейскіе законы, предписанія, изданныя въ видахъ общественной безопасности, или торговыя постановленія, напр., не покупать и не продавать за городомъ, всѣ товары привозить на рынокъ, передъ каждымъ домомъ имѣть кадку дождевой воды и пр.; напротивъ въ полицейскихъ законахъ встрѣчаются общія юридическія начала, напр., воспрещеніе самосуда и пр. Часто однѣ и тѣ же статьи повторяются и тамъ и здѣсь, что весьма естественно должно встрѣчаться въ эпоху живаго развитія юридическихъ отношеній изъ бытовыхъ. Для городскихъ статутовъ, изданныхъ, какъ видно изъ словъ, приведенныхъ выше, при основателѣ Риги, потомъ испытавшихъ нѣсколько различныхъ редакцій съ дополненіями и поправками и наконецъ дошедшихъ до насъ и нынѣ дѣйствующихъ, можно опредѣлить два источника: заимствованіе изъ правъ другихъ городовъ, преимущественно Гамбургскаго (какъ доказалъ Бунге), изъ Ганзейскихъ рецессовъ и обобщенія судебныхъ приговоровъ по частнымъ случаямъ, которые впослѣдствіи получили значеніе нормъ и мѣсто въ городскихъ статутахъ. Очевидно, что всѣ законы, вышедшіе изъ этихъ двухъ источниковъ, должны были исходить прямо и непосредственно отъ магистрата; ибо онъ, а не граждане, не все общество, сносился съ магистратами другихъ городовъ, совѣтовался съ ними, предлагалъ имъ на обсужденіе затруднительные юридическіе вопросы, знакомился съ ихъ законами и судебною практикою. Трудъ приспособленія чужихъ законовъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ не могъ быть всѣмъ доступенъ; это было дѣло магистрата, а не купцовъ и ремесленниковъ. Судопроизводство и, слѣдовательно, судебное преданіе также составляли его принадлежность и отсюда уже естественно вытекала законодательная власть. Другое дѣло законы полицейскіе, торговые и ремесленные; по силѣ Кирхгольмскаго договора, магистрату формально воспрещено было издавать ихъ безъ предварительнаго разрѣшенія господъ или ихъ представителей; кромѣ того, потребность этихъ законовъ, достоинства и недостатки ихъ скорѣе и сильнѣе ощущались гражданами,

чѣмъ городскимъ начальствомъ, ибо по существу своему они касались всѣхъ городскихъ жителей и не въ однихъ только чрезвычайныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, но постоянно и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ ихъ промыслахъ, занятіяхъ, частномъ быту. По этому весьма часто эти законы издавались по требованію гражданъ, иногда по ихъ же требованію отмѣнялись; иногда проекты магистрата не могли войти въ силу, потому что граждане ихъ отвергали. Всему этому мы увидимъ много примѣровъ въ XVI вѣкѣ и потому можемъ допустить, какъ весьма вѣроятное предположеніе, что эти законы и въ прежнихъ вѣкахъ издавались не безъ участія гражданъ. Древнѣйшій уставъ, до насъ дошедшій, есть строительный: онъ изданъ въ 1293 году послѣ бывшаго въ Ригѣ пожара. Въ концѣ именно сказано, что магистратъ и всѣ граждане (de menen borgere) согласились соблюдать постановленныя въ немъ статьи [1]). Гражданскія слова уже существовали въ Ригѣ въ XIII вѣкѣ, ибо въ статьѣ Ельриховыхъ статутовъ о выборѣ магистрата сказано, что ихъ прочитывали ежегодно съ крыльца ратуши—обычай, который доселѣ соблюдается; но древнѣйшіе списки, до насъ дошедшіе, относятся къ 1384, 1399, 1405 годамъ и т. д. [2]).

Наконецъ, право учреждать гильдіи и цехи и давать имъ уставы (что все разумѣлось подъ выраженіемъ gildas communes instituere), по силѣ привилегіи епископа Альберта [3]) и Кирхгольмскаго договора, было ограничено обязанностью испрашивать на то разрѣшеніе господина или его представителя, и хотя магистратъ очень часто нарушалъ этотъ законъ, не менѣе того до насъ дошли многія шраги, утвержденныя господами, и нѣкоторыя, которыя даны ими помимо магистрата. Съ другой стороны, такъ какъ шраги заключали въ себѣ учрежденія и гарантіи для обществъ торговыхъ и ремесленныхъ, то онѣ издавались по поводу просьбъ отъ самыхъ этихъ обществъ. Большею частью они сами сочиняли себѣ шраги, и представляли ихъ на утвержденіе магистрату, который обыкновенно выговаривалъ себѣ право измѣнять и

[1]) Mon. Liv. ant. т. IV. № 49.—[2]) Bunge, Archiv etc, т. IV, 11.—[3]) Hupels Nord. Miscel. I.

дополнять ихъ по мѣрѣ надобности [1]). Древнѣйшими шрагами можно назвать послѣднюю главу Ельриховыхъ городскихъ статутовъ: о томъ, какими правами должны пользоваться иностранные гости (wes frombde Geste gebruken sollen). Къ половинѣ XIV вѣка относятся шраги большой и малой гильдіи, шраги цеховъ къ XIV, XV, XVI и т. д.

Административная власть магистрата.

Администрація, въ самомъ обширномъ значеніи, принадлежала магистрату. Сюда относятся:

Управленіе городскими имѣніями и распоряженіе недвижимымъ городскимъ имуществомъ въ стѣнахъ города и въ загородныхъ имѣніяхъ.

Завѣдываніе городскими доходами и расходами—городскимъ хозяйствомъ.

Дарованіе права мѣстнаго гражданства.

Замѣщеніе должностей.

Приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ.

Надзоръ за порядкомъ, безопасностью, чистотою, производствомъ торговли, ремеслъ, правильностью вѣсовъ и мѣръ.

Распоряженіе городскою военною силою.

Магистратъ управлялъ и распоряжался городскими имѣніями. Доказательствомъ служитъ между прочимъ грамота 1232 года [2]), данная адвокатомъ и прочими консулами лицамъ, получившимъ участки въ патримоніальномъ округѣ. Въ ней значится, что участки эти роздалъ магистратъ; онъ же даровалъ получившимъ ихъ восьмилѣтнюю льготу отъ платежа оброка (census) и позволилъ имъ передавать ихъ по наслѣдству дѣтямъ и ближнимъ, даже продавать ихъ, но только гражданамъ рижскимъ, а не отчуждать ихъ въ пользу монашескихъ орденовъ. Въ XIV, XV и XVI вѣкахъ магистратъ управлялъ городскими имѣніями, никому не представляя отчетовъ, отдавалъ въ наемъ лавки, дома, выстроенные на городской землѣ, отводилъ огороды, разрѣшалъ пользованіе городскимъ лѣсомъ, выгономъ и пр., какъ видно изъ гражданскихъ словъ и книги ельтермановъ. На немъ лежали двѣ

[1]) Объ отношеніи законодательной власти магистрата къ гильдіямъ и цехамъ говорено будетъ подробнѣе при изложеніи ихъ шрагъ.

[2]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 19.

обязанности: смотрѣть, чтобы, по силѣ привилегіи епископа Николая, дома и дворы въ стѣнахъ города никакимъ образомъ не переходили въ руки духовенства [1]), и чтобы вдоль Двины и городскихъ стѣнъ не строили амбаровъ, ригъ и жилыхъ домовъ, вообще такъ называемыхъ вредныхъ зданій (schädliche Gebäude). На основаніи упомянутой привилегіи и вопреки мировой 1330 г. магистратъ съ каждаго гражданина, покупавшаго домъ, бралъ присягу, что онъ не продастъ, не заложитъ и не откажетъ своего двора церкви или духовному братству, но самъ позволялъ себѣ дѣлать исключеніе изъ этого закона, напримѣръ въ пользу конвента Миноритовъ въ 1267 году [2]) и братства Календаріевъ въ 1352 году [3]).

Магистратъ собиралъ городскіе доходы. Они были двухъ родовъ: обыкновенные и чрезвычайные. Къ числу п е р в ы х ъ принадлежали: доходы съ городскихъ имѣній [4]); оброки съ поселенныхъ на нихъ крестьянъ: плата за наемъ городскихъ помѣщеній, домовъ, лавокъ и проч. (die Rente): грунтовая пошлина или плата за городскую землю, отданную подъ постройки (Wurt-zins) [5]); доходъ съ монетнаго двора; выморочное имущество [6]); штрафныя деньги; деньги, вносимыя при полученіи права мѣстнаго гражданства [7]); сборъ съ имущества малолѣтнихъ, надъ которыми учреждались опеки (unmündiger Kinder-Gelder) [8]); сборъ съ получавшихъ наслѣдства [9]); сборъ съ уѣзжавшихъ изъ города; доходъ отъ важни и браковки товаровъ, отъ клейменія вѣсовъ и мѣръ; различные сборы съ кораблей при нагрузкѣ, выгрузкѣ и проч. (Fracht-Windel-Geld, Bording-Gelder и пр.). Всѣ эти доходы взимались постоянно магистратомъ, безъ чьего-либо особеннаго на то разрѣшенія. Доходы ч р е з в ы ч а й н ы е происходили отъ налоговъ, которые опредѣлялись съ согласія гражданъ, притомъ временно, въ случаѣ нужды, напримѣръ во время войны, голода, при отправленіи посольствъ и т. д. Сюда при-

[1]) Тамъ же № 28.—[2]) Тамъ же № 40.—[3]) Nord. Misc. 17, № 3. [4]) Хроника Фукса, подъ 1293 г. Nord. Misc. 26.—[5]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 64. Bunge, Archiv, т. III, стр. 79 и слѣд. — [6]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 114. Ельрих. Ст. Гл. VIII, ст. 10. — [7]) Город. статуты. Шраги цеховъ и пр. — [8]) Книга ельтермановъ, подъ 1570 г. — [9]) Протоколъ 1502 г. Mon. Liv. ant., т. IV, № 148.

надлежатъ: акцизъ съ пиво—и медоваренія, взимавшійся съ каждаго завода; акцизъ съ кружечной продажи тѣхъ же напитковъ, взимавшійся съ каждой бочки и съ привознаго пива [1]); налогъ на частное имущество гражданъ [2]), раздѣлявшійся на большой и малый (Vorschott или Vorschuss и Schott или Schuss или grot Schott)—кажется въ первый разъ объ этомъ налогѣ упоминается въ дополнительной статьѣ къ гражданскому слову 1384 года; изъ нея не видно, чтобы на этотъ разъ испрошено было согласіе гражданъ, но въ XVI вѣкѣ оно было необходимо [3]); таможенная пошлина съ товаровъ привозимыхъ и вывозимыхъ опредѣлялась также по приговору всѣхъ сословій [4]); подушная подать, платимая гражданами и обывателями, мужчинами и женщинами, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ [5]); контрибуція или вынужденный заемъ, дѣлаемый магистратомъ у гражданъ, въ соразмѣрности съ состояніемъ каждаго и съ платою процентовъ по 6 на сто [6]): о подушной подати и вынужденномъ займѣ упоминается только одинъ разъ, въ половинѣ XVI вѣка, во время войны съ Русскими; возвышеніе обыкновеннаго сбора съ ваги [7]). Кромѣ того, встрѣчаются еще различныя пошлины: на построеніе стѣны (Wallgelder) [8]), на обозначеніе фарватера (Palgeld), на содержаніе конницы (Reitgeld), наемнаго войска (havelude-hus) и проч. [9]); но нельзя опредѣлительно сказать: были-ли это особые сборы, или только обозначенія употреб-

[1]) Объ этомъ акцизѣ упоминается въ привилегіи папы Сикста IV, 1478 г., въ которой сказано, что самъ магистратъ объявилъ, что онъ взимаетъ его не иначе какъ съ согласія гражданъ и обывателей (Mon. Liv. ant., т. IV, № 114. Книга ельтермановъ 1551, 1552 года).

[2]) Какимъ образомъ оцѣнивалось имущество? Объ этомъ любопытномъ предметѣ мы ничего не можемъ сказать достовѣрнаго; но вѣроятно, что прибѣгали къ тому же способу, который служилъ для приведенія въ извѣстность количества хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, когда надлежало разрѣшить или воспретить вывозъ хлѣба за море, т. е. поручали довѣреннымъ лицамъ сдѣлать обходъ по всему городу и описать, что́ у кого найдено на дому, или же каждаго спрашивали по совѣсти.

[3]) Bunge, Archiv. т. IV, ст. 11, № 1 и Кн. ельтер. подъ 1552, 1559 г. — [4]) Книга ельтер. подъ 1559 г. — [5]) Тамъ же, стр. 119. — [6]) Тамъ же подъ 1562 г. — [7]) Тамъ же подъ 1540 г. — [8]) Тамъ же подъ 1537 г.—[9]) Протоколъ 1502 г. Monum. Liv. ant., т. IV, № 148

леній обыкновенныхъ доходовъ. Обыкновенные доходы взималъ магистратъ черезъ своихъ приставовъ; съ XVI вѣка въ сборѣ чрезвычайныхъ налоговъ участвовали выборные отъ граждапъ. Первоначально доходы стекались въ кемерейное управленіе или казначейство (die Kemerei), впослѣдствіи учреждено было особое управленіе для сбора акциза (Accisebude). Употребленіемъ городскихъ доходовъ завѣдывалъ магистратъ, не отдавая никому отчетовъ. Это было его кормленіе; поэтому самому мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о городскихъ расходахъ. Извѣстно только, что часть ихъ шла на общественныя постройки, какъ то: больверка, моста (изъ за котораго возгорѣлась первая несчастная ссора города съ орденомъ), городскихъ стѣнъ и проч.; на контрибуціи, которыми Рига откупалась отъ своихъ господъ; огромныя суммы на подарки и угощенія, и проч. [1]). Извѣстно также, что кемереры съ начала XV вѣка, если не прежде, вели счеты всѣмъ расходамъ [2]) и что въ чрезвычайныхъ случаяхъ магистратъ всегда былъ безъ денегъ и прибѣгалъ къ налогамъ [3]).

Къ числу самыхъ важныхъ обязанностей магистрата принадлежало попеченіе о томъ, чтобы граждане могли за сходную цѣну снабжать себя всѣми предметами первой необходимости: съѣстными припасами, особенно рыбою, скотомъ, сыромъ, строевымъ лѣсомъ, дровами и проч. Съ этою цѣлью изданы были особенныя предписанія относительно рыночной торговли и учреждены были городскіе законы. Предписанія, опредѣлявшія порядокъ рыночной торговли, изложены въ гражданскихъ словахъ:

Запрещено было закупать исчисленные предметы въ большомъ количествѣ, для перепродажи въ городѣ: каждый долженъ былъ ограничиваться количествомъ, необходимымъ для собственнаго употребленія [4]).

Каждый гражданинъ, заставшій другаго покупающаго

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ расходовъ приведены въ Nord. Miscel., т. 11 и 12, стр. 434, 435 и др., т. 17 и 18, стр. 143 и слѣд.—[2]) Изъ этихъ счетовъ, случайно спасенныхъ однимъ рижскимъ купцомъ, извлечены означенныя свѣдѣнія. N. Misc., т. 15 и 16, стр. 545.—[3]) См. книгу ельтермановъ.

[4]) Civiloquium 1376 года въ изданіи город. статут. 1789 г., ст. 7, 13. Bunge, Archiv, т. IV, XI, I ст. 6, 12. II, ст. 6, 14, 46. III, 32. IV, 40, 41, 44, и пр.

на рынкѣ гуртомъ большое количество рыбы, имѣлъ право взять у него сколько ему было нужно для собственнаго своего употребленія по той самой цѣнѣ, по которой она была куплена [1]).

Строго запрещалось—останавливать за городскими воротами крестьянъ, ѣхавшихъ съ возами на рынокъ, вообще покупать или продавать за воротами. Крестьяне должны были свободно везти свои продукты на рынокъ или къ своимъ хозяевамъ, по собственному желанію [2]). Запрещалось насильно тащить ихъ лошадей за сбрую, выбрасывать товаръ изъ возовъ или изъ саней. Изъ этой статьи, выписанной изъ редакціи 1376 г. [3]) и повторяющейся во многихъ позднѣйшихъ спискахъ, видно, какъ рано начались злоупотребленія, доселѣ неискорененныя, и какъ мало приносило пользы ежегодное чтеніе воспретительныхъ предписаній магистрата. Впрочемъ, онъ возставалъ противъ этого обычая не потому, чтобы ему казалось недозволительнымъ обсчитывать беззащитныхъ крестьянъ и основывать свои барыши на ихъ невѣдѣніи, а потому что, покупая ихъ продукты изъ вторыхъ рукъ, граждане платили за нихъ дороже. Какъ мало заботились о выгодѣ крестьянъ, видно изъ слѣдующей статьи: съѣстные припасы, привезенные на рынокъ (рыбу, мясо), продавецъ долженъ непремѣнно сбыть съ рукъ: ибо везти ихъ назади запрещалось; если же хозяину не удавалось продать ихъ, то ихъ отвозили въ городскую больницу. Правда, что ратегеръ, имѣвшій надзоръ надъ рынкомъ, могъ разрѣшить вывозъ [4]).

Общій смыслъ всѣхъ этихъ постановленій можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ: запрещался скупъ и пере-

---

[1]) Civiloq., ст. 35. Bunge Archiv, т. IV. XI. I, ст. 39. II, 32. III, 9 и проч. По нѣкоторымъ шрагамъ цеховые мастера пользовались между собою такимъ же правомъ.

[2]) Civiloquium, ст. 10, 20, 26. Bunge Archiv, т. IV, XI. I, ст. 9. II, ст. 9 и проч.

[3]) Замѣчательно, что въ этомъ древнѣйшемъ спискѣ статья эта уже перечеркнута, слѣдовательно она древнѣе 1376 года. Civiloquium ст. 16, 25. Bunge Archiv, т. IV, XI, IV, ст. 19 и проч.

[4]) Bunge Archiv, т. IV, XI, I, ст. 48. II, 35. III, 36. IV, 37 и проч.

купъ (Vorkäufere i); но безсиліе сихъ распоряженій для прекращенія выгодныхъ для торговцевъ оборотовъ доказывается, какъ безпрестаннымъ повтореніемъ этихъ распоряженій, такъ и частыми жалобами гражданъ. Для поддержанія умѣренныхъ цѣнъ на необходимые предметы, учреждены были городскіе запасы, хлѣбные, соляные, строеваго лѣса, досокъ, камней, черепицъ, дровъ и проч., о которыхъ упоминается въ началѣ XVI вѣка, но которые существовали уже и прежде. Кемериры, или городскіе казначеи, должны были закупать всѣ эти предметы въ то время, когда ихъ можно было получать за самыя сходныя цѣны, и изъ этихъ запасовъ не только производились городскія постройки, но даже частныя лица, граждане и простые обыватели могли, съ разрѣшенія тѣхъ же кемериръ, получать по опредѣленной цѣнѣ все, что было имъ нужно, съ тѣмъ однако же, чтобы не перепродавать [1]).

Магистратъ опредѣлялъ таксы, по которымъ продавалось пиво, мясо, нѣкоторыя ремесленныя издѣлія и пр., размѣръ дровъ, плату носильщикамъ, вѣсы и мѣры, которыя выдавались съ его клеймомъ, наблюдалъ, чтобы не запрашивали, не обмѣривали и не обвѣшивали. Наконецъ, магистратъ разрѣшалъ и воспрещалъ вывозъ хлѣба и другихъ товаровъ, въ XVI вѣкѣ, съ согласія гражданъ.

Дарованіе права мѣстнаго гражданства безусловно зависѣло отъ магистрата. Это доказывается статьею городскихъ статутовъ выше приведенною и другою, встрѣчающеюся во всѣхъ цеховыхъ шрагахъ о томъ, что удостоенный степени мастера, прежде, чѣмъ откроетъ мастерскую, долженъ явиться въ магистратъ съ своими документами и просить о припискѣ его къ городскому обществу; при этомъ онъ платилъ опредѣленную сумму и давалъ присягу. Пріемъ въ граждане всегда предшествовалъ вступленію въ бракъ и обыкновенно второе слѣдовало непосредственно за первымъ; по этому выраженіе: магистратъ такихъ-то женилъ или проводилъ въ церковь — значило то же, что принялъ ихъ въ городское общество.

[1]) Протоколъ 1502 г. Mon. Liv. ant., т. IV, № 148. Книги ельтермановъ, 32, 33, 187.

Магистратъ присвоивалъ себѣ право учреждать и замѣщать городскія должности браковщиковъ, вѣсовщиковъ, бордингмейстеровъ, рыночныхъ приставовъ (Marktvogt), перевощиковъ, привратниковъ и пр., вопреки Кирхгольмскому договору, по которому это право возвращено было представителю господина на основаніи древнихъ привилегій; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ, магистратъ распоряжался самовластно и даже въ просьбѣ, поданной имъ папѣ Сикету IV, объявилъ, что онъ пользовался искони этимъ правомъ, не зная впрочемъ самъ, на какомъ основаніи. Въ XVI вѣкѣ большая гильдія ограничила въ свою пользу это обманомъ пріобрѣтенное право.

Приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ черезъ приставовъ и разсыльныхъ (Ratsboten, Stadtboten), въ то время, какъ и теперь, входило въ кругъ дѣятельности магистрата; доказательствъ можно бы привести множество изъ городскихъ статутовъ, гражданскихъ словъ и пр., но это было бы излишне, ибо доказательствомъ служитъ нераздѣльность судебной и исполнительной власти во всѣхъ учрежденіяхъ рижскихъ, основанныхъ на привилегіяхъ и древнихъ обычаяхъ.

По той же самой причинѣ и полицейскій надзоръ за порядкомъ и безопасностью, за производствомъ торговли и ремеслъ, принадлежалъ магистрату, ибо онъ издавалъ полицейскіе, торговые и ремесленные законы; самыя названія должностей, которыя исправляли его члены, какъ-то квартиръ-геры, маркъ-геры и пр. и наконецъ, безпрестанныя жалобы гражданъ на магистратъ по поводу безпорядковъ, доказываютъ то же самое.

Магистратъ располагалъ городскою военною силою; граждане должны были являться въ полномъ вооруженіи на его призывъ, впрочемъ служба ихъ большею частью ограничивалась защитою города, въ поле обыкновенно высылали наемное войско. Во второй половинѣ XV вѣка во главѣ городскаго войска, вмѣстѣ съ ратсгерами, появляются ельтерманы [1]).

---

[1]) Хрон. Мел. Фукса. Событія, слѣдовавшія за Кирхгольмскимъ договоромъ.

Дипломатическая дѣятельность магистрата.

Въ дѣлахъ внѣшней политики, въ сношеніяхъ съ владыками края, съ городами близкими и отдаленными, съ папами и императорами, магистратъ говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени всего города, какъ его законный представитель, принималъ и отправлялъ пословъ, переписывался, заключалъ союзы и договоры. Въ эту сферу его дѣятельности граждане, до половины XV вѣка, рѣдко проникали: они призывались къ участію въ чрезвычайныхъ лишь случаяхъ; но и впослѣдствіи, вліяніе магистрата почти всегда перевѣшивало оппозицію гражданъ и давало направленіе политикѣ, хотя не безъ труда. Если бы не было этому документальныхъ доказательствъ, то историческая роль города Риги въ судьбѣ Остзейскаго края привела бы непремѣнно къ тому заключенію, что ею управляла аристократія; въ исторіи города Риги нѣтъ ни блистательныхъ подвиговъ, ни страстныхъ увлеченій, ни актовъ самопожертвованія; онъ возвышался и преодолѣвалъ опасности терпѣніемъ, лукавою уступчивостью, умѣніемъ медленно, но настойчиво подвигаться къ своимъ цѣлямъ, обходить препятствія, не сталкиваясь съ ними въ открытой борьбѣ и противополагая насилію одно пассивное сопротивленіе. Таковъ былъ вообще характеръ рижской политики, въ эпоху владычества архіепископовъ, орденскихъ магистровъ, въ эпоху ихъ двоевластія и въ трудные годы предшествовавшіе подчиненію Польшѣ; онъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ положенія Риги, какъ уединеннаго города, сосредоточеннаго въ своихъ интересахъ, и въ свою очередь требовалъ правленія аристократическаго.

Мы сказали, что до половины XV вѣка политическая дѣятельность была почти исключительно въ рукахъ магистрата; но здѣсь должно допустить оговорки. Сношенія съ ближайшими сосѣдями, наприм., съ господами города, съ архіепископомъ и магистромъ, отъ которыхъ участь его зависѣла, разумѣется, болѣе занимали большинство жителей и были для нихъ доступнѣе, чѣмъ сношенія съ императорами, папами, отдаленными городами, и, слѣдовательно, въ первыхъ магистратъ болѣе или менѣе нуждался въ согласіи общества; напротивъ, вторыя имѣли дипломатическій, канцелярскій характеръ: ими завѣдывалъ магистратъ, почти безъ вѣдома

гражданъ. Особенно важны были сношенія съ Ганзейскими городами: они происходили всегда между одними магистратами и потому не только въ Ригѣ, но и въ другихъ городахъ (даже въ послѣднихъ замѣтнѣе, чѣмъ въ Ригѣ) магистратское сословіе находило постоянную опору противъ низшихъ сословій въ магистратахъ прочихъ городовъ. Вообще Ганзейскій союзъ благопріятствовалъ развитію аристократическихъ учрежденій [1]).

---

1) Доказательствами для всего вышесказаннаго могутъ служить: 1) Грамота, которою консулы и граждане уступаютъ любекскимъ гражданамъ дворъ въ городскихъ стѣнахъ, 1231 года (Сарторіусъ, изд. Лаппенберга, т. 2, № XI): эта грамота подписана двѣнадцатью консулами (hunc temporis consules) и тремя купцами (вѣроятно иного, одними) съ прибавкою словъ: и многими другими свидѣтелями. 2) Договоръ капитула, ордена и гражданъ рижскихъ съ жителями Курляндіи 1230 г. (Gruberi Orig. Liv., № XLVII). Въ началѣ сказано: Ратманы и прочіе граждане рижскіе; въ концѣ подписались четверо ратегеровъ, затѣмъ пилигримы и граждане любскіе свидѣтелями. — Въ этихъ актахъ, какъ и во множествѣ другихъ въ XIII и XIV вѣкахъ, консулы и граждане значитъ: консулы отъ имени гражданъ. 3) Грамоты епископа Николая о присужденіи Ригѣ трети Езеля, Курляндіи и пр. 1231 г. (Grub. Orig. Liv., № XLIX). Въ ней сказано: „эту милость приняли отъ имени всего города (nomine totius civitatis) двѣнадцать рижскихъ консуловъ и дали присягу, что будутъ защищать какъ свой городъ, такъ и всю епархію противъ всѣхъ, кромѣ императора“, притомъ, въ случаѣ смерти или удаленія изъ магистрата (a consilio civitatis) одного изъ нихъ, преемникъ его обязывался возобновить отъ себя ту же присягу. Подписали граждане рижскіе несомнѣнно ратегеры. 4) Грамота епископа Николая объ учрежденіи церковныхъ попечителей 1232 г. (Mon. Liv ant., т. IV, № 21) доказываетъ сношенія рижскаго магистрата съ магистратомъ города Визби. 5) Письмо архіепископа Іоанна II въ Любекъ 1286 г. (Сартор. Лаппенб., т. 2, № LXIV), въ которомъ упоминается о рижскомъ консулѣ, который отправленъ былъ посломъ къ Тройдену литовскому отъ архіепископа, магистра и города. 6) Въ сохранившихся отрывкахъ договора Риги съ орденомъ касательно моста 1297 года встрѣчается форма: «дали согласіе консулы за себя и за гражданъ» (Mon. Liv. ant.—т. IV, № 50, пр. 7). Въ письмѣ консуламъ и всему обществу любскому разсказана ссора Риги съ орденомъ: переговоры вели ратегеры, послали отъ себя апелляцію къ папѣ и т. д. (Сартор. Лаппенб., № XVIII) 8) Въ свидѣтельствѣ, выданномъ 1314 года магистрату по дѣлу о вознагражденіи Венденскихъ гражданъ, упоминается объ одномъ магистратѣ, который велъ переговоры, предлагалъ посредниковъ и для очистки своей составилъ документъ. (Mon. Liv. ant т. IV, № 54). 9) Протестъ противъ епископа Дерптскаго, исполнителя папскаго рѣшенія, поданный въ 1360 г. бургомистромъ и ратегерами отъ имени всего города (тамъ же, № 75). 10) Посланіе фохта, бургомистра и всего рижскаго

Изъ всего сказаннаго о рижскомъ магистратѣ, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: онъ былъ первоначально коллегіальнымъ присутственнымъ мѣстомъ, которому составъ его, способъ замѣщенія вакансій и безотвѣтственность передъ обществомъ дали возможность организироваться въ самостоятельное сословіе и обратить въ сословную свою принадлежность: судъ, законодательство, администрацію и политику.

Граждане.

Первоначальное значеніе званія рижскаго гражданина.

Какъ скоро въ составѣ городскаго общества занялъ высшее мѣсто магистратъ, такъ черезъ это самое обозначился классъ простыхъ гражданъ, къ магистрату не принадлежавшихъ, die Gemeine или die Bürgerschaft. Итакъ, первоначальное опредѣленіе ихъ было чисто отрицательное. Они еще не составляли сословія въ отношеніи къ магистрату, а пользовались сословными преимуществами только въ отношеніи къ лицамъ, къ городскому обществу не принадлежавшимъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, подъ гражданами разумѣли всѣхъ тѣхъ, которые, будучи по происхожденію своему лично свободны и, принадлежа къ свѣтскому званію, приняты были магистратомъ въ составъ городскаго общества, имѣли въ городѣ постоянное жительство и пользовались въ немъ правомъ кормленія (Bürgernahrung), т. е. производства городскихъ промысловъ [1]). Итакъ, граждане отличались: отъ крестьянъ и вообще отъ несвободныхъ обывателей, водворенныхъ на городскихъ земляхъ и въ форштатахъ; отъ като-

магистрата къ Ганзейскимъ городамъ съ извѣщеніемъ о воспослѣдовавшемъ Кирхгольмскомъ договорѣ (тамъ же, №98) Послѣ Кирхгольмскаго договора, граждане стали принимать постоянное участіе въ дѣлахъ политики, которая сдѣлалась поприщемъ совокупной дѣятельности городскихъ сословій; потому объ этомъ времени будетъ говорено во второй части.

1) Обыкновенно это основное право формулировалось слѣдующимъ образомъ: никто не долженъ пользоваться кормленіемъ, предоставленнымъ гражданамъ, если не внесъ полной суммы, платимой за полученіе права мѣстнаго гражданства — he en hebbe vul Borger gelt sunder argelist—такъ значится въ древн. гражд. словѣ (Bunge, Archiv, IV, 4 ст. 24). Въ новѣйшемъ гражд. словѣ то же самое выражено яснѣе: кто не получилъ права гражданства и не далъ присяги — er habe denn das Bürgerrecht erlanget und den gewöhnlichen kayser. Bürgereid geleistet. Город. стат. 1798 г. Willk. Ges., tit. VII, 1.

лическаго духовенства и монашескихъ орденовъ, имѣвшихъ въ самомъ городѣ постоянное пребываніе и недвижимую собственность [1]); наконецъ, отъ иногородныхъ гражданъ и вообще иностранцевъ, временно проживавшихъ въ городѣ. Къ этому должно присовокупить, что съ понятіемъ гражданина связывалось понятіе о человѣкѣ женатомъ, домохозяинѣ, хотя нельзя утвердительно сказать: было ли это необходимымъ условіемъ. Въ этомъ смыслѣ слово Borger или Beseten, Husgeseten Borger — гражданинъ, осѣдлый, хозяинъ, противополагается слову Gesell, обозначавшему человѣка холостаго—торговаго прикащика или цеховаго подмастерья, или, наконецъ, иногороднаго купца.

Способъ пріобрѣтенія права гражданства.

Право гражданства пріобрѣталось каждымъ гражданиномъ; оно не было никогда наслѣдственнымъ [2]), хотя жены, вдовы и дѣти гражданъ пользовались нѣкоторыми преимуществами.

Причисленіе къ городскому обществу зависѣло отъ магистрата, какъ сказано выше. Условія, которыя при этомъ требовались, нигдѣ подробно не исчислены. Въ постановленіяхъ XVI вѣка сказано, что всякій, желающій жениться и основаться въ городѣ, долженъ за 14 дней до оглашенія явиться въ магистратъ съ письменными доказательствами (Beweise) законнаго рожденія и происхожденія отъ честныхъ, т. е. свободныхъ родителей (eheliches und ehrliches Herkommen), а если онъ былъ цеховой ремесленникъ, то съ удостовѣреніемъ цеха, что онъ удостоенъ степени мастера. Требовалось также безукоризненное поведеніе. Но изъ жалобъ ельтермановъ видно, что магистратъ, особенно въ отношеніи къ пріѣзжавшимъ изъ за границы, смотрѣлъ за этимъ не строго: во-первыхъ, онъ принималъ многихъ безъ доказательствъ, предоставляя имъ отсрочки для предъявленія оныхъ; во вторыхъ, принималъ (по словамъ ельтермана) людей опороченныхъ, даже убійцъ. Противъ этихъ послабленій въ 1500. 1543 и 1553 годахъ, съ общаго согласія всѣхъ городскихъ сословій, приняты были мѣры и было строго запрещено да-

[1]) Съ принятіемъ лютеранскаго вѣроисповѣданія образовалось духовное сословіе пасторовъ и проповѣдниковъ, которое вошло въ составъ городскаго общества и подчинилось городскому начальству.

[2]) Bunge. Das Liv-und Est Privatrecht. I, § 66.

вать кому бы то ни было отсрочки[1]). Хотя нѣтъ на то положительныхъ доказательствъ, однако должно полагать, что въ концѣ XVI вѣка требовалась, какъ необходимое условіе, принадлежность къ протестантскому вѣроисповѣданію, ибо, судя по духу того времени и даже по событіямъ втораго періода, не могло быть въ этомъ отношеніи никакой терпимости.

О принадлежности къ германскому племени, какъ условіи для пріобрѣтенія мѣстнаго гражданства, нигдѣ не упоминается ранѣе XVII вѣка, а въ спискахъ братьевъ большой гильдіи XVI вѣка попадаются даже имена, которыя звучатъ какъ русскія—разумѣется это были исключенія: Латыши потому уже не могли имѣть доступа въ городское общество, что были несвободнаго происхожденія.

Граждане рижскіе пользовались всѣми тѣми правами и льготами, которыя даны были городу вообще и которыя не были исключительною принадлежностью магистрата. Сюда относятся: Права гражданъ.

1. Право въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ подлежать исключительно городскому суду.

2. Неключительное право на пріобрѣтеніе въ собственность или въ ленное владѣніе недвижимаго имущества въ патримоніальномъ округѣ.

3. Исключительное право торговать непосредственно съ мѣстными жителями, латышами, дворянами лифляндскими и съ иностранными купцами, равно какъ и производить въ городѣ мелочную торговлю. Торговыя права гражданъ опредѣляются слѣдующими воспретительными постановленіями: гость съ гостемъ торговать не долженъ. Такъ выражено это основное положеніе рижской торговли въ статьѣ 1572 года [2]); но оно было гораздо древнѣе, какъ мы увидимъ ниже. Изъятія изъ этого правила допускались только въ пользу ганзейскихъ купцовъ, которые имѣли право торговать въ Ригѣ непосредственно съ Новгородцами; въ 1575 году граждане любскіе требовали сверхъ того, чтобы имъ и дѣтямъ ихъ разрѣшили прямой торгъ съ Смольянами, но Рижане отвѣ-

[1]) Книга Ельтерм., стр: 11, 64, 220. Рукописный сборникъ въ арх. большой гильдіи подъ лит. А, стр. 120.—[2]) Книга ельтерм. стр. 232.

чали, что они согласятся на это въ томъ только случаѣ, если граждане любекіе позволятъ имъ у себя торговать съ Гессенцами и Ганноверцами; ни тѣ, ни другіе не уступили своей привилегіи [1]). Купцы, къ Ганзейскому союзу не принадлежавшіе, не могли оставаться въ Ригѣ по торговымъ дѣламъ долѣе трехъ мѣсяцевъ; имъ запрещалось зимовать. Они должны были гуртомъ продать свои товары рижскимъ гражданамъ или везти ихъ назадъ; мѣстные продукты они обязаны были также покупать у гражданъ рижскихъ, и ни у кого другаго. Это было общее постановленіе, соблюдавшееся во всѣхъ ганзейскихъ городахъ [2]). Гости вообще не имѣли права перепродавать въ Ригѣ товары, купленные ими на мѣстѣ [3]). Строго воспрещалась торговля между иностранными купцами и мѣстными жителями, не принадлежавшими къ купеческому званію. Это видно, напримѣръ, изъ того, что когда въ 1548 г. динамюндскій комендантъ продалъ отъ себя нѣсколько ластовъ дегтя данцигскому гражданину, то ельтерманъ большой гильдіи протестовалъ противъ столь предосудительнаго для города нововведенія, и комендантъ обѣщалъ впредь этого не дѣлать [4]). Въ томъ же году магистратъ распубликовалъ, по требованію большой гильдіи, предписаніе о томъ, чтобы холостые (Gesellen) отнюдь не смѣли торговать съ Шведами, а пользовались бы этимъ правомъ одни граждане, которые обязаны были перепродавать покупаемые отъ Шведовъ товары мелочнымъ торговцамъ за сходную цѣну [5]). На ландтагѣ 1554 г. въ Вольмарѣ, архіепископъ, магистръ и все дворянство требовали свободной торговли съ пріѣзжавшими на корабляхъ иностранцами, но города: Рига, Ревель и Дерптъ сильно протестовали противъ этого рецесса, ссылаясь на свои привилегіи и гражданскія слова [6]). Извѣстно также, что то же самое требованіе свободной торговли для Русскихъ предъявлено было Іоанномъ Грознымъ передъ началомъ войны съ Ливоніей [7]). Наконецъ, герцогъ курляндскій Кетлеръ никогда иначе не могъ прода-

[1]) Тамъ же, стр. 75, 76.— [2]) Bunge. Archiv, IV, стр. 81, 82. — [3]) Статуты 1798 года. Civiloquium 1376 г., стр. 19. Bunge Archiv. IV, I, стр. 17; II, ст. 19; III, ст. 20 и пр. — [4]) Книга Ельтерм., стр. 44. — [5]) Тамъ же, стр. 45.— [6]) Тамъ же, стр. 70, 71.—[7]) Тамъ же, стр. 207, 208, 225.

вать своего хлѣба въ Ригѣ иностраннымъ купцамъ, какъ съ разрѣшенія гражданъ и въ видѣ исключенія [1]). Мѣстные жители финскаго происхожденія (Undeutschen) [2]), были еще болѣе стѣснены. Запрещено было имъ самимъ покупать купеческіе товары и кому бы то ни было пріобрѣтать отъ нихъ таковые товары. Подъ купеческими разумѣли товары, привозимые иностранцами. Первую статью, кажется, должно разумѣть такъ, что мѣстные жители финскаго происхожденія не имѣли права пріобрѣтать этихъ товаровъ изъ первыхъ рукъ отъ гостей [3]). Въ протоколѣ 1502 г. еще строже сказано, что имъ вообще запрещается торговля (Kopenschop) [4]). Нѣмцамъ запрещено было давать имъ деньги взаймы (wedderleghen), что также могло значить: дѣлать имъ заказы, поручать закупы [5]), торговать съ ними въ компаніи (selscop to hebbende) [6]). Итакъ, граждане рижскіе составляли неминуемое звено между заморскими купцами и мѣстными жителями или иностранцами, напримѣръ, литовцами, москвичами, пріѣзжавшими за товарами заморскими. Граждане скупали у мѣстныхъ жителей сырые продукты и перепродавали ихъ гостямъ; они же покупали у послѣднихъ заграничныя произведенія и перепродавали ихъ мѣстнымъ жителямъ. Положеніе рижскихъ гражданъ, какъ посредниковъ въ дѣлѣ торговли, было выгодно, но его трудно было поддержать, не потому только, что иностранцы открыто и тайно подъ него подкапывались, но потому, что многіе граждане готовы были жертвовать имъ изъ личныхъ выгодъ, дѣлаясь коммиссіонерами иностранныхъ гостей, такъ сказать, прикрывая ихъ обороты своимъ званіемъ мѣстныхъ гражданъ. Для прекращенія этого, запрещено было рижскимъ гражданамъ торговать въ компаніи съ иногородными, на чужой капиталъ. Это запрещенное товарищество называлось Mascopie [7]). Мелочную лавочную торговлю имѣли право производить во всякое время одни граждане (Höcker, Krämer), составлявшіе въ XVI вѣкѣ

[1]) Тамъ же, стр. 211, 212, 224.—[2]) Въ буквальномъ переводѣ «не Нѣмцы»; но подъ этимъ словомъ преимущественно разумѣлись мѣстные жители финскаго происхожденія.—[3]) Bunge, Archiv. IV, I, ст. 39; II, 37.—[4]) Mon. Liv. ant. т. IV, № 148.—[5]) Bunge. Archiv. IV, III, 38.—[6]) Городскіе статуты 1798 г. Burspr. стр. 39 и пр.—[7]) Книга Ельтерм., стр. 71, 185, 233.

отдѣльное торговое общество [1]). Въ гражданскихъ словахъ мы читаемъ: никто не долженъ держать лавокъ и подобныхъ помѣщеній, ни продавать на вѣсъ и мѣру, кромѣ гражданъ-домохозяевъ или лицъ, торгующихъ на капиталы, гражданамъ принадлежащіе (en beseten Borger edder hebbe Borger wedderlegunge) [2]). Никто не долженъ заниматься мелочною торговлею, кромѣ гражданъ-домохозяевъ; они обязаны содержать лавку въ собственномъ своемъ домѣ или передъ нимъ и не производить никакой иной торговли, кромѣ мелочной [3]). Гости не должны продавать на аршинъ сукна и холсты, ни сельдей, соли и пр. менѣе опредѣленнаго количества [4]). Въ 1502 г. предположено было составить шрагу для мелочныхъ торговцевъ и ограничить число ихъ шестью [5]). Но, кажется, что это не состоялось. Между лицами, пользовавшимися мѣстными торговыми правами, различаются граждане-домохозяева, и гезелли неженатые и еще не получившіе права мѣстнаго гражданства. Первые торговали на свой собственный капиталъ, вторые на капиталъ первыхъ [6]), подъ ихъ отвѣтственностью; они были ничто иное, какъ торговые прикащики, которыхъ впрочемъ граждане, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имѣли право брать въ компанію. Такъ на Вольмарскомъ ландтагѣ 1554 г. было постановлено, что гезелль, родившійся въ Ригѣ, Дерптѣ или Ревелѣ, можетъ, въ компаніи съ гражданиномъ одного изъ этихъ городовъ, торговать съ иностранцами, но теряетъ немедленно это право, если вступитъ въ бракъ въ другомъ городѣ, слѣдовательно пріобрѣтаетъ въ немъ право гражданства [7]). Таковы были постановленія, которыми Рижане старались оградить свои выгоды по части торговли – свое кормленіе. Одно изложеніе ихъ достаточно для убѣжденія въ трудности усмотрѣть за ихъ исполненіемъ. Въ XVI вѣкѣ безсиліе воспретительныхъ мѣръ уже становилось очевиднымъ; оно доказывается без-

[1]) Прошеніе, поданное ими въ большую гильдію. Rig. Stadtbl. 1832 г. № 15. [2]) Город. ст. 1798 г.; Burspr. 1412 г., стр. 56; Mon. Liv. ant., т. IV, № 148.— [3]) Bunge, Archiv, IV. 4 ст. 39.— [4]) Тамъ же стр. 19. Город. стат. 1798 г. Civiloq. ст. 21. Burspr. ст. 24. — [5]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 148. — [6]) Въ противномъ случаѣ платили штрафъ веттгерихту. Хрон. Фукса. Nord. Misc. 26, ст. 137.—[7]) Книга Ельтер. стр. 71.

престанными жалобами мѣстныхъ купцовъ на нерадѣніе магистрата, на котораго они сваливали всю вину, и частыми уступками, которыя они сами должны были допускать противъ воли. Такъ, напримѣръ, въ 1572 г. ельтерманъ большой гильдіи жаловался, что всѣ товары, привозимые изъ Россіи, мимо рижскихъ гражданъ, переходили прямо въ руки заморскихъ купцовъ и складывались въ ихъ кораблях. Русскіе, говорилъ онъ, привозятъ свои товары, наши оцѣниваютъ ихъ, а иностранцы смотрятъ и принимаютъ. Иностранные гости, особенно Голландцы, размножились въ Ригѣ; по выраженію другаго ельтермана, они пустили въ Ригѣ корни и вырывали кормленіе изъ рукъ рижскихъ гражданъ. Видно, что они завладѣли мелочною торговлею. Сами рижскіе лавочники должны были уступить имъ право 6 мѣсяцевъ въ году свободно продавать свои товары въ розницу на рынкѣ, но не долѣе; по истеченіи этого срока, требовали отъ нихъ, чтобы они гуртомъ продали свои товары гражданамъ рижскимъ, или везли бы ихъ назадъ [1]). Но и это не помогало; они оставались въ городѣ сверхъ положеннаго срока. Граждане много разъ требовали, чтобы ихъ выгнали изъ города, но, когда магистратъ намѣревался приступить къ исполненію ихъ просьбъ, сами граждане настаивали на необходимости дать имъ отсрочку для очистки дѣлъ. Наконецъ Голландцы, предчувствуя бѣду, заблаговременно перебрались въ форштаты, и тогда, по выраженію ельтермана, гражданамъ стало отъ нихъ еще хуже [2]).

4. Право варить и продавать пиво и медъ составляло одну изъ существенныхъ привилегій гражданъ. Уже въ XIII вѣкѣ, въ третейскомъ рѣшеніи 1262 года, смотрителю, приставленному къ Роденпойскому озеру, воспрещалось держать продажное пиво безъ разрѣшенія архіепископа, магистра и самихъ гражданъ [3]). Позднѣйшія постановленія объ этомъ предметѣ, содержащіяся въ гражданскихъ словахъ, показываютъ, какъ постепенно стѣснялось въ пользу гражданъ право пивоваренія. Въ спискѣ 1384 года сказано, что лица не герман-

[1]) Rig. Stadtbl. 1832 г., № 15.—[2]) Книга Ельтерм., стр 174, 181, 185, 199, 201, 205, 228, 229 и пр.—[3]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 36.

скаго происхожденія (Undeutsche), не имѣющіе своего двора, не должны варить пива [1]), слѣдовательно допускалось изъятіе въ пользу домохозяевъ. Въ спискѣ 1399 г. та же статья, но уже безъ изъятія [2]). Въ спискѣ 1412 года: никто не долженъ варить меда, кромѣ гражданъ-домохозяевъ или пользующихся капиталами, отъ гражданъ полученными. Лица не германскаго происхожденія не должны ни варить, ни разливать (tappen, zapfen), т. е. продавать кружками ни пива, ни меда. Въ началѣ XVI вѣка существовалъ уже уставъ о пивоваренін: запрещено было всѣмъ безъ изъятія варить пиво за городомъ и принято было за правило, чтобы пивовары не содержали кабаковъ и не занимались кружечною продажею, которая составляла промыселъ, предоставленный преимущественно бѣднымъ гражданамъ [3]). Тогда же завязался довольно продолжительный споръ о правѣ пивоваренія между большою и малою гильдіею, о которомъ говорено будетъ ниже.

5. Исключительное право на производство ремеслъ граждане присвоили себѣ гораздо позднѣе привилегій по части торговли; по крайней мѣрѣ оно не выражено ни въ гражданскихъ словахъ, ни въ цеховыхъ шрагахъ XIV и XV вѣка, до насъ дошедшихъ; изъ этого впрочемъ нельзя заключить, чтобы въ отношеніи къ ремесламъ господствовало болѣе терпимости граждане-ремесленники, такъ же точно какъ и граждане-купцы видѣли въ своемъ занятіи кормленіе, на которое они одни имѣли право; но ремесленная дѣятельность развилась позднѣе торговой; притомъ интересы ремесленниковъ, занимавшихся различными, независимыми одна отъ другой частями, не были такъ тѣсно соединены между собою, какъ интересы купцовъ; наконецъ ремесленники позднѣе купцовъ получили право голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Это раздробленіе ремесленныхъ интересовъ и очень ощутительныя различія въ преимуществахъ, которыми пользовались граждане, занимавшіеся тѣмъ или другимъ ремесломъ, заставляютъ отнести подробное изложеніе этого предмета въ отдѣльную статью о цехахъ.

---

[1]) Bunge, Archiv. IV, I ст. 42. — [2]) Тамъ же III, ст. 38. — [3]) Протоколъ 1502 г. Mon. Liv. ant., т. IV, № 148.

6. Исключительное право на занятіе городскихъ должностей, которыя замѣщалъ магистратъ, и наконецъ:

7. Съ половины XV вѣка постоянное участіе въ обсужденіи дѣлъ общественныхъ и въ исполнительныхъ мѣрахъ. Въ этой сферѣ всѣ городскія сословія дѣйствовали совокупно и потому предметъ этотъ разсмотрѣнъ будетъ во второй части.

На гражданахъ лежали обязанности уплачивать налоги и пошлины для городскихъ нуждъ, имѣть полное вооруженіе и исправлять походную и сторожевую службу [1]).

Гильдіи

Значеніе гильдій.

7. Таковы были права, которыми отличались граждане отъ негражданъ. Изъ нихъ нѣкоторыя и самыя существенныя, а именно права торговыя и права ремесленныя, сдѣлались болѣе или менѣе исключительными принадлежностями отдѣльныхъ обществъ или гильдій и положили основаніе раздѣленію гражданъ на два сословія, доселѣ существующему.

Гильдіями, иначе компаніями, братствами, назывались въ германскихъ городахъ замкнутыя общества лицъ, соединившихся на основаніи какого бы то ни было интереса, для поддержанія его совокупными силами. Отличительныя свойства всѣхъ гильдій, безъ различія ихъ назначенія, заключаются: во-первыхъ, въ искусственности ихъ происхожденія. Разрозненныя, чуждыя одна другой личности совокупляются въ одно цѣлое не вслѣдствіе родственныхъ отношеній, привязанности къ мѣсту рожденія или той естественной потребности общежитія, которая лежитъ въ основаніи славянской общины и выражается въ словахъ м і р с к о е с о г л а с і е или просто м і р ъ; онѣ соединяются потому, что у всѣхъ однородныя занятія, одни интересы, которые гораздо удобнѣе поддерживать дѣйствуя вмѣстѣ, чѣмъ каждому порознь; наконецъ всѣ подвержены одинаковымъ опасностямъ, противъ которыхъ не устояла бы личность, предоставленная себѣ самой. Итакъ, побужденіе къ союзу идетъ извнѣ; его должно искать въ средневѣковыхъ бореніяхъ, въ господствѣ матеріальной силы, въ отсутствіи правомѣрнаго порядка. Искусственно

[1]) Город. ст. 1798 г.; Burspr. 1412 г., стр. 52; Клерих. статуты.

сложившееся общество искусственно и пополняется; никто не принадлежитъ къ нему по праву рожденія: всякій долженъ предъявить самъ за себя желаніе вступить въ него и выполнить всѣ предписанныя условія; само общество можетъ принять и не принять, никому не отдавая въ томъ отчета. Въ этомъ смыслѣ мы назвали гильдіи замкнутыми обществами. Сближаясь на основаніи единства занятій и цѣлей, лица, составляющія между собою союзъ, въ то же время выдѣляются изъ сообщества съ прочими согражданами своими, у которыхъ и занятія и цѣли различныя, часто противоположныя: мысль о благѣ частнаго союза—гильдіи, цеха, сословія—постепенно вытѣсняетъ мысль о благѣ цѣлаго общества; отсюда вторая отличительная черта всѣхъ гильдій—ихъ односторонность. Мало-по-малу, между лицами, сознавшими выгоду дѣйствовать за-одно и помогать другъ другу, возникаетъ желаніе удержать для себя однихъ выгоды ихъ совокупной дѣятельности; ибо чѣмъ меньше въ ней участниковъ, тѣмъ большая доля достанется каждому при раздѣлѣ. Односторонность переходитъ въ исключительность, въ стремленіе къ монополіи: это крайній предѣлъ развитія гильдій Устраняя воспретительными мѣрами всякое совмѣстничество и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣйшее побужденіе къ совершенствованію, преслѣдуя тѣхъ, которые, не принадлежа къ ихъ сообществу, но чувствуя въ себѣ силы, способности и подстрекаемые нуждою, украдкой проникаютъ въ сферы дѣятельности, выгороженныя для исключительнаго пользованія немногихъ, гильдіи въ то же время стѣсняютъ и подавляютъ самое развитіе этихъ дѣятельностей, торговли, ремеслъ, промысловъ всякаго рода, для поддержанія которыхъ онѣ были учреждены и въ свое время дѣйствительно были нужны.

Таковы общія свойства всѣхъ гильдій въ полномъ ихъ развитіи: различіе между ними налагаетъ назначеніе союза, большій или меньшій объемъ его, наконецъ важность его въ составѣ цѣлаго общества. Главныя назначенія гильдій были слѣдующія: 1) охраненіе общественныхъ интересовъ, обсужденіе и приведеніе въ исполненіе всякаго рода мѣръ для ихъ обезпеченія, для устраненія опасностей и соперничествъ; 2) вспомоществованіе частнымъ лицамъ, членамъ

общества и ихъ семействамъ посредствомъ благотворительныхъ учрежденій, милостыни, богоугодныхъ фундушей; 3) увеселительныя собранія и бражничество. Нѣкоторыя гильдіи имѣли эти три назначенія; всѣ безъ изъятія имѣли послѣднее.

Въ Ригѣ какъ и во всѣхъ германскихъ городахъ, въ эпоху самостоятельнаго развитія общественныхъ учрежденій, было много гильдій; онѣ возникали и упадали, подраздѣлялись и соединялись; но сословный характеръ и политическое значеніе имѣли только двѣ гильдіи: торговая и ремесленная, или большая и малая, иначе Министерская и Вестская [1]). За ними по степени важности занимаетъ мѣсто гильдія черноголовыхъ (der Schwarzhäupter) [2]), или иногородныхъ купцовъ.

Большая или торговая гильдія.

Большая гильдія.

Время происхожденія министерской гильдіи нельзя опредѣлить съ точностью; древнѣйшія шраги (уставъ) ея относятся къ 1354 г.; потомъ онѣ были постепенно дополняемы въ 1477, 1534, 1542, 1559, 1569 и т. д. [3]). Въ предисловіи сказано, что въ 1354 году все общество купцовъ, гости и граждане рижскіе соединились вмѣстѣ и дали этому дому [4]) и обществу названіе компаніи купцовъ большой гильдіи и съ общаго согласія постановили нижеслѣдующія статьи. Изъ этого можно вывести предположеніе, что рижскіе купцы только съ этого времени получили сословную организацію, приставши къ иногороднымъ гостямъ, которые гораздо прежде составляли уже особенное общество или гильдію. Не сказано: было ли непрошено на то утвержденіе господина и магистрата; весьма можетъ быть, что перваго устранили, но нѣтъ сомнѣнія, что магистратъ далъ свое утвержденіе. Шраги большой гильдіи содержатъ въ себѣ правила:

1. О вступленіи въ гильдію и исключеніи изъ нея.
2. О гильдейскихъ степеняхъ и должностныхъ лицахъ.
3. О гильдейскихъ собраніяхъ.

---

[1]) По названію комнатъ, въ которыхъ онѣ собирались: Stube von Münster и Stube de Sosato.—[2]) Собиравшаяся въ Artushof.—[3]) Monum. Liv. ant., т. IV, № 69.—[4]) Т. е. дому большой гильдіи, въ которомъ доселѣ сохраняются эти шраги.

4. О благотворительныхъ учрежденіяхъ, состоявшихъ при гильдіи.

1) О вступленіи въ гильдію и исключеніи изъ нея.

Отъ желавшихъ вступить въ общество [1]) требовали удостовѣренія въ законномъ рожденіи и безукоризненной нравственности. Два или три члена общества должны были засвидѣтельствовать передъ ельтерманомъ и его товарищемъ, что кандидатъ ими предлагаемый дѣйствительно выполнялъ оба эти условія. За умышленно ложное показаніе брали штрафъ. Въ 1569 году ельтерманы и старшины постановили, что всякій, желающій вступить въ гильдію, долженъ представить о своемъ рожденіи письменное свидѣтельство (Geburtsbrief), которое прочитывалось и провѣрялось въ камерѣ, т. е. въ собраніи старшинъ. Ельтерманъ провозглашалъ имена желавшихъ вступить въ гильдію и имѣвшихъ на то право и спрашивалъ: угодно ли ихъ принять. Тогда каждый, знавшій кандидата съ дурной стороны, долженъ былъ объявить о томъ; за промолчаніе взыскивали штрафъ. Пріемъ совершается съ согласія всего общества. Положено было, согласія ради (какъ сказано въ шрагахъ), не принимать лицъ не-германскаго происхожденія (Undeutschen)—въ тѣсномъ смыслѣ мѣстныхъ жителей финскаго происхожденія—ни ремесленниковъ, ни духовныхъ лицъ. Всякій новый членъ, при вступленіи въ общество, вносилъ сереб. марку, коей часть назначалась въ пользу бѣдныхъ. Когда гильдія черноголовыхъ или холостыхъ купцовъ отдѣлилась отъ большой гильдіи, что по всей вѣроятности произошло около 1390 года, въ послѣднюю гильдію стали принимать только гражданъ рижскихъ и притомъ женатыхъ. Изъ правила, въ 1543 году постановленнаго съ согласія всѣхъ городскихъ сословій, видно, что желавшіе жениться и водвориться въ Ригѣ должны были сперва предъявить магистрату свои документы; затѣмъ магистратъ посылалъ въ большую гильдію тѣхъ изъ нихъ, которые могли быть въ оную приняты (de des Gyldstoven werdych sin) съ тѣмъ, чтобы они по старинѣ вступили въ

[1]) Чтобы не обременять изложенія множествомъ выносокъ, объявляемъ разъ навсегда, что всѣ статьи, подъ которыми не сдѣлано выносокъ, извлечены изъ шрагъ большой гильдіи, помѣщенныхъ въ Mon. Liv. ant., т. IV, подъ № 69. Другіе источники будутъ указаны.

братство и въ то же время получили бы право мѣстнаго гражданства [1]).

Изъ этихъ строкъ, слово въ слово переведенныхъ, можно бы повидимому заключить, что полученіе права гражданства зависѣло отъ принятія въ братство и слѣдовательно отъ согласія большой гильдіи; но противъ этого служитъ доказательствомъ между прочимъ другое мѣсто изъ книги ельтермановъ, содержащее въ себѣ указаніе на тотъ же самый законъ, и изъ котораго видно, что сообщеніе права гражданства зависѣло безусловно отъ магистрата [2]). Поэтому мы полагаемъ, что въ первомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ въ запискахъ ельтермановъ, есть неточность въ выраженіи. Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ можно извлечь слѣдующіе важные результаты: пріобрѣтеніе права гражданства предшествовало вступленію въ братство, какъ необходимое условіе. Отъ желавшаго вступить въ гильдію требовалось, чтобъ онъ былъ гражданинъ: но и отъ получившаго право гражданства требовалось, чтобъ онъ вступилъ въ братство, по крайней мѣрѣ, его къ тому понуждали, разумѣется если онъ соединялъ въ себѣ требуемыя условія и занимался торговлею. Въ 1541 году, слѣдовательно за два года до изданія закона, прописаннаго выше, ельтерманъ большой гильдіи жаловался уже на то, что молодые граждане (junge Bürger), т. е. вновь принятые граждане, медлили вступленіемъ въ братство. Итакъ, въ XIV вѣкѣ большая гильдія стремилась къ тому, чтобы не было въ ея гражданъ, производящихъ торговлю.

Въ 1553 году большая и малая гильдіи постановили не удостоивать званія братьевъ и сестеръ мущинъ и женщинъ, уличенныхъ въ блудномъ сожительствѣ до вступленія ихъ въ законный бракъ и даже подозрѣваемыхъ въ этомъ преступленіи, если они не очистятъ себя присягою; а для удостовѣрія въ истинѣ, не принимать въ братство до истеченія одного года послѣ брака [3]).

---

[1]) Книга Ельтерман., стр. 11.—[2]) Тамъ же, стр. 64.

[3]) Книга Ельтерм., стр. 64. Новое доказательство, что вступленіе въ городское общество предшествовало вступленію въ гильдію.

Исключались изъ гильдіи: изъ двухъ членовъ общества, питавшихъ другъ къ другу непримиримую вражду, тотъ, кого общество, по учиненномъ разбирательствѣ, находило виновнымъ. Когда въ обществѣ возникала ссора, ее старались прекратить полюбовно въ гильдейскомъ собраніи; если же это не удавалось и дѣло доходило до городскаго суда, то найденный виновнымъ обязывался уплатить обществу штрафъ, равный взысканному съ него судомъ; въ случаѣ отказа съ его стороны, его принуждали къ уплатѣ и сверхъ того исключали. Разумѣется, такая строгость удаляла всякаго отъ судебнаго разбирательства; черезъ это терялъ городскій судья, терялъ господинъ, который получалъ часть штрафовъ, и вотъ что предвидѣлъ и что хотѣлъ предупредить епископъ Альбертъ, когда въ одной изъ первыхъ привилегій, данныхъ городу, онъ помѣщалъ оговорку: чтобы не воспослѣдовало отъ учрежденія гильдій ущерба городскому судьѣ. Исключались: обанкрутившійся купецъ [1]); вступавшій въ бракъ съ недостойною женщиною (т. е вѣроятно съ женщиною распутною или несвободнаго званія); оказавшій неповиновеніе ельтерману и всему обществу; нанесшій во время собранія кровавую рану; вошедшій въ собраніе съ оружіемъ; заводившій безчинство и пр. Нигдѣ въ шрагахъ не сказано, но нѣтъ причинъ предполагать, чтобы тотъ, кому отказывали въ пріемѣ или кого исключали, имѣлъ право жаловаться. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, приговоръ общества рѣшалъ окончательно Вообще въ шрагахъ права отдѣльнаго лица, въ отношеніи къ обществу, вовсе не опредѣлены, потому что они не были сознаны: личность сама по себѣ мало значила; она не имѣла никакихъ юридическихъ гарантій и исчезала въ собирательной, юридической личности цѣлаго общества, которая вездѣ выдается на первомъ планѣ. Таковъ былъ общій характеръ средневѣковаго развитія.

2) О гильдейскихъ степеняхъ и должностныхъ лицахъ.

Въ XVI вѣкѣ въ большой гильдіи различались двѣ степени: 1) братья (Brüder) или младшіе и 2) старшины (Aeltesten) занимавшіе особую скамью въ собраніяхъ (die Altestenbank).

[1]) Если только мы вѣрно понимаемъ статью 42 шрагъ 1354 г. Mon. Liv. ant., IV, № 69.

Братьями назывались вообще всѣ дѣйствительные члены гильдіи. Братство значило то же, что гильдія, братъ то же что членъ общества [1]). Братья выбирали изъ среды своей достойнѣйшихъ въ степень старшинъ, которые вмѣстѣ съ ельтерманами управляли общественными дѣлами и назначались въ высшія должности.

Въ 1539 году въ собраніи большой гильдіи участвовало 93 человѣка [2]).

Въ 1543 году большая гильдія состояла изъ 127 братьевъ, или младшихъ, и изъ 25 старшинъ, включая въ то число ельтермановъ [3]).

Во главѣ гильдіи стоялъ первоприсутствующій ельтерманъ (wortführender Aeltermann или Aeltermann am Wort). Его выбирало все общество изъ среды своей, но обыкновенно изъ числа старшинъ, на два года; почетное названіе ельтертермана онъ удерживалъ на всю жизнь. Выбранный въ эту должность имѣлъ право отказаться до трехъ разъ съ уплатою постепенно возраставшаго штрафа. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ шрагамъ большой гильдіи 1539 года сказано: „не должно выбирать въ ельтерманы человѣка противнаго начальству, т. е. магистрату, во избѣжаніе безпорядковъ. Ельтерманъ долженъ быть посредникомъ между магистратомъ и обществомъ“ [4]). Въ дополненіе къ этому опредѣленію можно прибавить, что ельтерманъ, въ обыкновенныхъ случаяхъ, дѣйствовалъ за все общество какъ его представитель, въ совѣщаніяхъ всей гильдіи исправлялъ должность предсѣдателя, за столомъ—хозяина.

Ельтерманъ завѣдывалъ общественною собственностью недвижимою, какъ-то: домами, амбарами и денежными капиталами, принадлежавшими гильдіи [5]), доходами и расходами. По всѣмъ дѣламъ, сколько нибудь важнымъ, онъ призывалъ

[1]) Мы не считаемъ нужнымъ приводить выписокъ въ пользу этого толкованія слова братство, потому что каждая строка книги ельтермановъ и древнихъ шрагъ большой гильдіи, въ которой употреблено это слово, служитъ очевиднымъ доказательствомъ его справедливости. Впрочемъ, вопросъ о тѣснѣйшемъ значеніи слова братство разсмотрѣнъ будетъ въ своемъ мѣстѣ, во второмъ періодѣ.

[2]) Monum. Liv. ant. IV, 161. — [3]) Кн. Ельтер., стр. 13, 14, 15. — [4]) Mon. Liv. ant., № 161.—[5]) Тамъ же.

на совѣщаніе старшинъ и съ ними вмѣстѣ рѣшалъ всѣ случаи, нетребовавшіе участія всей гильдіи; онъ назначалъ полныя собранія обыкновенныя и чрезвычайныя, вторыя не иначе какъ съ согласія старшинъ, изложивъ имъ предварительно предметъ, подлежавшій обсужденію. Онъ предлагалъ кандидатовъ, изъявлявшихъ желаніе вступить въ гильдію, выслушивалъ жалобы братьевъ другъ на друга, разбиралъ ссоры, мирилъ и штрафовалъ виновныхъ, строго придерживаясь уставовъ общества. Онъ передавалъ обществу порученія магистрата и доносилъ магистрату о рѣшеніяхъ и требованіяхъ общества, нисколько не отступая отъ возложенныхъ на него порученій. Онъ обыкновенно участвовалъ въ посольствахъ, отправляемыхъ отъ города, и на войнѣ предводительствовалъ особою дружиною. Достоинство и власть его были ограждены уставами общества. Всѣ члены гильдіи обязаны были повиноваться ему, являться въ собраніе по его приглашенію, не выходить изъ собранія безъ его разрѣшенія, слушать его не перебивая, и т. д. За нарушеніе этихъ правилъ взыскивались въ пользу общества соразмѣрные штрафы, которые уплачивались обыкновенно натурою: воскомъ, медомъ, пивомъ и проч.

Съ согласія ельтермана и старшинъ, всею гильдіею избирались: два товарища ельтермана (Beisitzer), обязанные помогать ему въ исправленіи его должности и въ случаѣ нужды заступать его мѣсто; два казначея, завѣдывавшіе хозяйственною частью и угощеніемъ, при помощи гердеровъ и кравчихъ, которые избирались съ согласія казначеевъ изъ младшихъ братьевъ. Въ выборахъ соблюдалась постепенность: исправлявшій низшую должность имѣлъ предпочтительное право на слѣдующую за нею высшую. Избираемые могли отказываться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и ельтерманъ. Впрочемъ всѣ эти должности, кромѣ ельтермана и его товарищей, были домашнія и не имѣли вовсе значенія внѣ гильдейскихъ собраній.

3) О гильдейскихъ собраніяхъ. (Steven).

Они были двухъ родовъ: обыкновенныя и чрезвычайныя. Первыя происходили на сырной недѣлѣ, передъ великимъ постомъ (Fastelabend) и посвящались преимущественно чтенію шраги, замѣщенію должностей, принятію въ братство

молодыхъ гражданъ [1]), денежнымъ отчетамъ, бражничеству, пляскамъ, и т. д. Вторыя назначались по мѣрѣ надобности для прекращенія ссоръ и обсужденія дѣлъ общественныхъ. Порядокъ, соблюдавшійся въ собраніяхъ перваго рода, свойства и крѣпость пива, количество подаваемыхъ блюдъ, количество кружекъ, которыя позволялось осушать, законы приличія, штрафы за ихъ нарушеніе опредѣлены подробно и составляютъ главное содержаніе не только шрагъ большой гильдіи, но и прочихъ шрагъ благотворительныхъ и богоугодныхъ обществъ, даже тѣхъ, въ которыхъ участвовали женщины.

Собранія втораго рода (die gemeinen Rathschläge) происходили слѣдующимъ образомъ: обыкновенно магистратъ сообщалъ ельтерману дѣло, по которому должно было держать совѣщаніе, и поручалъ ему созвать гильдію; иногда магистратъ посылалъ двухъ своихъ членовъ въ собраніе съ порученіями; иногда, но очень рѣдко, потому что ельтерманы этого не терпѣли, магистратъ приглашалъ все братство въ ратушу [2]). Изложивъ сущность дѣла, ельтерманъ съ старшинами уходилъ въ особую комнату (die Kammer); простые братья совѣщались между собою въ залѣ, подъ изваяннымъ образомъ Божьей Матери (die Docke). Иногда, если не во всѣхъ случаяхъ, приглашали такъ называемыхъ молодыхъ гражданъ, т. е. тѣхъ, которые еще не вступили въ братство. Они также совѣщались отдѣльно. Этихъ молодыхъ гражданъ мы встрѣтимъ во второмъ періодѣ подъ названіемъ гофъ или кюхенъ-брюдеровъ [3]). Сговорившись между собою, братья вызывали изъ камеры двухъ старшинъ, которые передавали ельтерману и старшинамъ мнѣніе братьевъ, а братьямъ мнѣніе ельтермана и старшинъ. [4]) Лица, къ братству непринадлежавшія, также сообщали свое мнѣніе черезъ двухъ выборныхъ. Итакъ, сперва давали голоса по степенямъ; если же обнаруживалось разномысліе, котораго ельтерманъ не могъ помирить, то собирали голоса поголовно [5]),

[1]) Книга Ельтермана, стр. 67.—[2]) Книга Ельтерм., стр. 77, 89 и проч.

[3]) Тамъ же, стр. 197, 199 и проч.—[4]) Mon. Liv. ant. IV, № 161.—[5]) По-крайней мѣрѣ такъ кажется изъ тѣхъ же мѣстъ Книги Ельтермановъ Въ шрагахъ XIV вѣка этотъ порядокъ ясно выраженъ.

и тогда рѣшало большинство. Когда мнѣніе большой гильдіи было ясно формулировано, братья расходились, а ельтерманъ сносился съ ельтерманомъ малой гильдіи и оба старались по возможности согласиться и подать одно мнѣніе. Иногда, въ важныхъ случаяхъ, когда предстояла борьба съ магистратомъ, обѣ гильдіи сходились и обязывались подъятіемъ рукъ стоять за одно [1]). Затѣмъ оба ельтермана, иногда въ сопровожденіи старшинъ и выборныхъ (Ausschuss) отправлялись въ ратушу; докладъ магистрату дѣлалъ всегда ельтерманъ большой гильдіи.

4) О благотворительныхъ заведеніяхъ, состоявшихъ при гильдіи.

Трапезная гильдія (Tafelgilde) до нынѣ существующая, учреждена была въ 1425 году съ разрѣшенія магистрата. Каждый вступавшій въ нее вносилъ опредѣленную сумму и черезъ это получалъ право, такъ же какъ и семейство его, на денежное вспомоществованіе, на случай, если онъ обѣднѣетъ.

Изъ устава этого общества видно, что въ него принимали только братьевъ большой гильдіи, ихъ женъ и вдовъ [2]). Управленіе состояло изъ ратсгера и двухъ членовъ гильдіи, исправлявшихъ должность гердеровъ. Въ 1559 году было постановлено, что кто избранъ будетъ въ старшины, не бывши членомъ Трапезной гильдіи, обязанъ сдѣлать опредѣленное пожертвованіе въ ея пользу.

При большой гильдіи, равно какъ и при малой и при гильдіи черноголовыхъ, учрежденъ былъ въ 1540 г. по приговору всѣхъ городскихъ сословій, капиталъ, составившійся изъ добровольныхъ приношеній для вспомоществованія протестантскимъ проповѣдникамъ, церковнослужителямъ, школамъ и проч. (Kirchenordnung). Капиталомъ управляли ельтерманы и управляли, по собственному ихъ сознанію, очень дурно; часть его отдали въ ростъ и не заботились о полученіи процентовъ. Въ 1543 году управленіе этимъ учрежденіемъ поручено было одному бургомистру, одному ратсгеру, двумъ членамъ большой гильдіи и двумъ малой [3]).

Подобный капиталъ, подъ названіемъ добровольнаго приношенія (Milde-Gift), учрежденъ былъ при большой гильдіи, въ 1558 году. Изъ него должны были получать добавочное

[1]) Кн. Ельтерм., стр. 161. — [2]) Hupels Nord. Miscel. 9—10, № IV. — [3]) Кн. Ельтерм., стр. 6, 17, 18, 43.

жалованье пасторы и учители, а дѣти гражданъ, готовившіеся въ должность пасторовъ, временное пособіе. Сборъ приношеній и завѣдываніе расходами были поручены двумъ старшинамъ и двумъ братьямъ, выборъ коихъ былъ предоставленъ ельтерману, старшинамъ и попечителямъ Трапезной гильдіи. Они обязаны были ежегодно представлять всему обществу отчеты въ Михайловъ день. Въ концѣ устава сказано, что если сатанинскою лестью вновь введенъ будетъ папизмъ, то податели приношеній получатъ право взять свои вклады назадъ [1]).

Малая или ремесленная гильдія.

Малая гильдія.

Малая или ремесленная гильдія состояла изъ мастеровъ различныхъ цеховъ; по этому образованію ея, какъ цѣлаго, предшествовало образованіе частей. Она должна была, такъ сказать, вырости изъ одного изъ древнѣйшихъ или изъ двухъ или трехъ древнѣйшихъ цеховъ въ Ригѣ. Не менѣе того, если вѣрить свидѣтельству, сохранившемуся въ предисловіи ко второму изданію ея устава (1656 г.), она организировалась довольно рано; въ означенномъ мѣстѣ сказано, что въ 1352 г. 19 ноября составлены ея шраги по образцу городовъ Минстера и Зеста, приняты и одобрены ельтерманомъ, старшинами и братьями; по этому онѣ были современны шрагамъ календарієвъ и двумя годами древнѣе шрагъ большой гильдіи; но упомянутый уставъ ремесленной гильдіи въ магистратѣ не сохранился и потому за достовѣрность извѣстія, сохранившагося во второмъ его изданіи, нельзя поручиться.

Изъ книги ельтермановъ большой гильдіи видно, что организація малой была сходна съ организаціей первой. Она также управлялась ельтерманомъ и старшинами, имѣла такія же собранія обыкновенныя и чрезвычайныя. Для вступленія въ нее требовались вѣроятно тѣ же условія, т. е. законное происхожденіе отъ свободныхъ родителей нѣмецкаго племени; но въ порядкѣ пріема была существенная разница; мы видѣли, что получившій право гражданства отъ маги-

[1]) Книга Ельтерм. стр. 122, 123. Арндтъ, т. II, стр. 224 и слѣдующія. Monum. Liv. ant. IV 69 и 173.

страта и желавшій производить въ Ригѣ торговлю долженъ былъ явиться на выборы большой гильдіи, которая могла его и отвергнуть; напротивъ того ремесленники не прежде пріобрѣтали право гражданства, какъ получивъ отъ своего цеха степень мастера и черезъ это самое удостоившись вступленія въ малую гильдію; ибо условія пріобрѣтенія степени мастера отличались отъ условій вступленія въ малую гильдію только большею строгостью первыхъ. Такимъ образомъ, въ сословіи ремесленниковъ не могло скоро образоваться особой степени гражданъ, не принятыхъ въ братство.

Не имѣя другихъ свѣдѣній объ организаціи цѣлаго общества, мы должны обратиться къ разсмотрѣнію частей, изъ которыхъ оно сложилось,—т. е. цеховъ.

Цехи.

Цехи. Цехи появляются въ Ригѣ очень рано: во второй половинѣ XIV вѣка нѣкоторые изъ нихъ имѣли уже шраги, или уставы: въ XV вѣкѣ было издано ихъ еще болѣе: въ XVI многіе изъ нихъ были пересмотрѣны и исправлены. Вообще отъ перваго періода дошло до насъ до 17 шрагъ. Кромѣ этого, въ гражданскихъ словахъ помѣщены многія постановленія относительно производства ремеслъ; эти два источника взаимно дополняются; въ шрагахъ опредѣлены права ремесленниковъ; въ гражданскихъ словахъ преимущественно ихъ обязанности: въ первыхъ имѣли въ виду интересы производителей; во вторыхъ интересы потребителей. Для полнѣйшаго обозрѣнія этого многосложнаго предмета, мы раздѣлимъ его на слѣдующія статьи:

1. Отношеніе цеховъ къ магистрату.

2. Составъ цеховъ, порядокъ вступленія, пріобрѣтенія степеней и утраты цеховыхъ правъ.

3. Назначеніе, устройство и порядокъ управленія цеховъ.

4. Порядокъ производства ремеслъ и обязанности ремесленниковъ.

1) Отношеніе цеховъ къ магистрату. Цехи организировались не иначе какъ съ разрѣшенія магистрата. Отъ него они получали свое юридическое существованіе. Всѣ цеховые уставы или шраги издавались отъ имени магистрата, какъ законодательной власти, кромѣ рѣд-

кихъ случаевъ, въ которыхъ дѣйствовали господа прямо отъ себя. Нѣкоторыя изъ шрагъ магистратомъ сочинены, другія только утверждены. Тѣ и другія онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію исправлять, дополнять и измѣнять [1]).

За исполненіемъ изданныхъ имъ правилъ магистратъ имѣлъ высшій надзоръ черезъ посредство двухъ своихъ членовъ, амтсъ геровъ или засѣдателей по части цеховыхъ дѣлъ [2]).

Они принимали и разбирали жалобы гражданъ на цехи, и наоборотъ, жалобы и представленія цеховъ, жалобы ремесленниковъ на ихъ ельтермановъ или жалобы самихъ ельтермановъ; въ важныхъ случаяхъ они наказывали и могли также освобождать отъ заслуженнаго наказанія [3]). Черезъ нихъ, проекты новыхъ постановленій восходили въ полное присутствіе магистрата. Личныя обиды и оскорбленія, наносимыя въ цеховыхъ собраніяхъ, разбирались ельтерманомъ, въ присутствіи двухъ засѣдателей отъ магистрата; но если слѣдствіемъ драки бывали синяки или кровавыя раны (Blau und Blut), или если требовалось приведеніе къ присягѣ, то дѣло производилось уголовнымъ порядкомъ и подлежало вѣдомству фохта. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ требовалось вмѣшательство членовъ магистрата, половина штрафныхъ денегъ взыскивалась въ ихъ пользу [4]). Впрочемъ, въ этомъ отношеніи господствуетъ въ шрагахъ большое разнообразіе. Въ нѣкоторыхъ магистратъ предоставляетъ себѣ вообще всѣ штрафы за нарушеніе цеховыхъ уставовъ [5]); въ другихъ вовсе не упоминается объ участіи его въ этомъ доходѣ [6]). Намѣреніе устранить судебную власть отъ разбира-

---

[1]) An allen Stücken vurgeschrieben sind die Herrn des Rades mechich to dunde unde to laten alse dat eren willen best behaget und suntie dunket. Изъ шрагъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1360 г. Auch dass wir in diesen Schragen gleich wie allen anderen die Oberhand, Macht und Gewalt wollen haben, dieselbige nach Gelegenheit zu verändern und darin zu thun und zu lassen. Шраги стекольщиковъ 1541 г. и многія другія.

[2]) Die Herrn des Rades, die bei uns pflegen zu sitzen. Шраги кузнецовъ 1362 г., портныхъ безъ означенія года и проч.

[3]) Behalven die Herrn des Rades willen ihn schonen—во многихъ шрагахъ

[4]) Шраги скорняковъ 1562 г., кожевниковъ 1579 г., рѣщиковъ 1541 г., бочаровъ. Хроника Нейштета. Mon. Liv. ant. II., гл. XIV.—[5]) Золотыхъ дѣлъ мастер. 1360 г., каменщиковъ и проч. — [6]) Шраги пекарей, портныхъ и проч.

тельства ссоръ, замѣченное въ шрагахъ большой гильдіи, выражается также въ нѣкоторыхъ цеховыхъ уставахъ. Не говоря уже о статьяхъ, въ которыхъ запрещается ремесленникамъ подавать жалобы прямо фохту или амтсъ-герамъ, мимо цеховой управы [1]), мы читаемъ въ дополнительной статьѣ къ шрагамъ скорняковъ: „въ 1415 г. цеховое общество, съ общаго согласія и съ разрѣшенія засѣдателей отъ магистрата, постановило слѣдующее: если возникнетъ въ нашемъ обществѣ дѣло такого рода, что его можно покончить безъ участія засѣдателей, и если одинъ или двое изъ нашихъ этому воспротивятся и захотятъ подвергнуть дѣло разсмотрѣнію помянутыхъ засѣдателей, и если наконецъ окажутся виновными тѣ самые, которые предъявили такое требованіе, то съ нихъ взыскать непремѣнно опредѣленный штрафъ за то, что понапрасну обезпокоили почтенныхъ ратсгеровъ". Каковы были отношенія цеховъ къ магистрату, таковы же были отношенія магистрата къ архіепископу и главѣ ордена. Въ городскихъ статутахъ встрѣчаются статьи совершенно сходныя по цѣли съ прописанною, клонившіяся также къ тому, чтобы отучить тяжущихся отъ апелляціи владыкамъ всего края. Магистрату это удавалось въ отношеніи къ нимъ, но самъ онъ отнюдь не допускалъ проявленій такой же заботливости со стороны подчиненныхъ ему ремесленниковъ; по этому вышеприписанная статья была перечеркнута въ спискѣ шрагъ и на ней помѣчено, что магистратъ отвергнулъ istum articulum, quia providialiter fuit admissus [2]).

2) Составъ цеховъ.

Какъ совокупность лицъ, занимавшихъ въ составѣ городскаго общества опредѣленное мѣсто и пользовавшихся сословными правами, каждый цехъ и вся малая гильдія, или цехи вмѣстѣ взятые, состояли изъ однихъ мастеровъ. Въ этомъ смыслѣ, вступить въ цехъ, получить цеховое право значило тоже, что сдѣлаться мастеромъ; но какъ совокупность лицъ, производившихъ какое нибудь ремесло, въ отношеніи къ распредѣленію занятій, цехъ состоялъ изъ:

1. Учениковъ (Jungen), которые обучались ремеслу и за которыхъ мастеръ получалъ плату.

[1]) Шраги кузнецовъ 1382 г., стекольщиковъ 1541 г.— [2]) Mon. Liv. ant. IV, стр. CCCXI.

2. Работниковъ или подмастерьевъ (Knecht, Gesell), служившихъ мастеру за извѣстную плату.

3. Мастеровъ, т. е. рижскихъ гражданъ, имѣвшихъ собственныя ремесленныя заведенія и работавшихъ на собственный счетъ. Ученики и работники были подчинены цеховому управленію; участвовали въ немъ одни мастера.

Порядокъ вступленія въ цехъ.

Вступить въ цехъ можно было двоякимъ образомъ: сыновья мѣстныхъ жителей опредѣлялись учениками къ мастерамъ; обучавшіеся за границею опредѣлялись прямо работниками или подмастерьями.

Для пріема учениковъ постановлены были слѣдующія условія: 1) законность рожденія и 2) происхожденіе отъ свободныхъ родителей нѣмецкаго племени. Первое условіе было, какъ кажется, общее для всѣхъ цеховъ, и умолчаніе о немъ въ нѣкоторыхъ менѣе полныхъ шрагахъ отнюдь не должно быть принимаемо за исключеніе. О принадлежности къ свободному состоянію упомянуто только въ добавочныхъ статьяхъ къ шрагамъ скорняковъ 1562 г.; но такъ какъ это условіе почти тождественно съ требованіемъ нѣмецкаго происхожденія, ибо все населеніе не только города Риги, но всей Ливоніи, состояло изъ свободныхъ Нѣмцевъ и несвободныхъ Финновъ, то должно придавать ему болѣе общее значеніе. Дозволеніе принимать учениковъ не-германскаго происхожденія, т. е. финскаго, является какъ рѣдкое исключеніе. Въ дополнительной статьѣ къ шрагамъ скорняковъ сказано, что ратсгеры и мастера признали запрещеніе обучать мастерству мальчиковъ не-германскаго происхожденія излишнею строгостью и разрѣшили брать учениковъ безъ различія у крестьянъ и у Нѣмцевъ. Въ шрагахъ рѣщиковъ 1541 г. позволено брать учениковъ происхожденія нѣмецкаго, шведскаго и не-германскаго, т. е. финскаго, въ позднѣйшихъ шрагахъ кузнецовъ 1576 г.—нѣмецкаго, шведскаго и польскаго. Всѣ эти изъятія допущены были, когда размножилось въ Ригѣ иноплеменное населеніе. Пріемъ ученика совершался всегда въ присутствіи ельтермана, съ вѣдома всего общества, въ пользу котораго ученикъ, или за него самъ мастеръ жертвовалъ обыкновенно бочку пива. Срокъ ученія въ различныхъ мастерствахъ разнился отъ полугода до 4 лѣтъ.

Подмастерье, пріѣзжавшій изъ-за границы, если онъ былъ неопороченъ (unberüchtigt,—кажется то же что законорожденный) обыкновенно долженъ былъ пробыть у мастера нѣсколько времени, обыкновенно годъ, на испытаніи, въ продолженіе котораго онъ работалъ даромъ; затѣмъ уже онъ могъ опредѣляться въ работу; но подмастерьевъ женатыхъ вообще принимали неохотно; съ нихъ требовали значительнаго денежнаго взноса, а въ нѣкоторые цехи ихъ вовсе не допускали [1]).

Въ XVI вѣкѣ, когда образовались общества подмастерьевъ, пріѣзжавшіе изъ за-границы должны были относиться къ нимъ и уже черезъ ихъ посредство искать себѣ работы и мѣста.

Пріобрѣтеніе степеней.

Повышеніе происходило слѣдующимъ образомъ: окончившій годы ученія (Lehrjahre) обязывался извѣстное время, обыкновенно годъ, прослужить у мастера, который обучилъ его; затѣмъ онъ отправлялся странствовать, что впрочемъ въ большей части цеховъ вовсе не было обязательно [2]), и потомъ уже могъ просить о пріемѣ его въ мастера. Для этого онъ долженъ былъ: во-первыхъ, удовлетворять всѣмъ условіямъ, которыя требовались отъ ученика; во-вторыхъ, принадлежать къ аугсбургскому вѣроисповѣданію; объ этомъ упомянуто въ однихъ только шрагахъ портныхъ 1492 г., но должно полагать, что въ XVI вѣкѣ это было общее условіе; въ-третьихъ, имѣть свой собственный, не занятый и не заложенный капиталъ [3]), орудія, нужныя для производства ремесла, и полное вооруженіе; въ-четвертыхъ, сдѣлать въ мастерской ельтермана заданный ему управный урокъ, въ нѣ-

[1]) Напримѣръ, въ цехи золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кузнецовъ—шраги 1578 г., рѣщиковъ 1541 г. и пр.

[2]) О странствованіи упоминается въ шрагахъ портныхъ 1492 г., стекольщиковъ 1541 г., кожевниковъ 1579 г., кузнецовъ 1578 г. и только въ двухъ послѣднихъ оно является обязательнымъ.

[3]) Въ шрагахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ сказано: «кто хочетъ работать на свой счетъ долженъ имѣть опредѣленный капиталъ: два гражданина изъ домовладѣльцевъ должны стоять за него поруками въ продолженіе четырехъ недѣль; если въ этотъ срокъ онъ уѣдетъ, бросивъ свое ремесло, поручители изъ его имѣнія должны сперва удовлетворить ратгеровъ, буде есть таковые въ числѣ его заимодавцевъ, потомъ возвратить золото и серебро тѣмъ, которые ему по-

которыхъ шрагахъ опредѣленный, и получить одобреніе мастеровъ; наконецъ, пріобрѣсти право мѣстнаго гражданства.

Удостоенный степени мастера обязывался внести въ пользу цеха опредѣленную сумму [1]) и угостить всѣхъ мастеровъ. Угощеніе составляло одно изъ самыхъ важныхъ и, конечно, изъ самыхъ тяжелыхъ условій. Оно имѣло мѣсто при прощаніи съ подмастерьями, при предъявленіи просьбы о пріемѣ въ мастера, при оцѣнкѣ урока, по полученіи степени мастера, при свадьбѣ. Нѣкоторые цехи довольствовались немногимъ: бочкою пива, двумя окороками ветчины, двумя блюдами жаркихъ и т. п. Другіе были гораздо прихотливѣе [2]).

вѣрили, остатокъ же его имѣнія, если окажется, раздать прочимъ заимодавцамъ его». Въ шрагахъ XVI вѣка эта статья уже измѣнена вмѣсто четырехнедѣльной установлена годовая порука, а о порядкѣ уплаты долговъ не говорится.

[1]) Эти взносы весьма различны. Въ шрагахъ портныхъ (1492 г.) полагается 10 марокъ, въ шрагахъ кузнецовъ (1382 г.) 30 на свѣчи; въ шрагахъ пекарей 8 пфенниговъ въ похоронную кассу, въ шрагахъ скорняковъ (1397 г.) 1 фердингъ на свѣчи. Въ шрагахъ рѣщиковъ (1541 г.) 6 марокъ во славу Божію и въ пользу проповѣдниковъ: чрезъ полгода 6 марокъ въ пользу цеха. То же самое въ шрагахъ стекольщиковъ.

[2]) Чтобы дать понятіе, какъ объ этихъ расходахъ, такъ и о другихъ обрядахъ производства въ мастера, мы выпишемъ для примѣра статьи, до этого предмета касающіяся, изъ двухъ шрагъ: стекольщиковъ 1541 г. и скорняковъ конца XVI вѣка.—Стекольщикъ долженъ 4 года обучаться ремеслу своему: опредѣлившись ученикомъ, онъ платитъ цеху рижскую марку. Окончивши годы ученія, онъ долженъ прослужить у мастера 2 года; при наступленіи третьяго года, если желаетъ сдѣлаться мастеромъ, онъ долженъ явиться съ просьбою къ старшинамъ и пожертвовать въ пользу цеха бочку пива и окорокъ ветчины. По истеченіи года, повторяется то же самое. Затѣмъ, онъ приступаетъ къ управному уроку. Окончивъ его, онъ предъявляетъ свидѣтельства о рожденіи и службѣ своей, если работалъ въ другихъ городахъ, и до окончательнаго вступленія въ цехъ, пріобрѣтаетъ право гражданства. Принятый въ цеховое общество обязанъ задать обѣдъ всѣмъ мастерамъ и ихъ женамъ. Кушанья и пиво должны быть безукоризненны и въ нижеслѣдующемъ количествѣ: хорошаго пива двѣ бочки, (2 Bötlinge) окорокъ ветчины, языкъ, 2 колбасы, хлѣба на одну марку, два блюда риса и сколько кому угодно кислой капусты.—Скорняки были еще прихотливѣе: подмастерье или сынъ мастера, сватающійся на дочери или на вдовѣ мастера, долженъ явиться въ цеховую управу; въ этотъ день онъ ничего не дастъ, но обѣщается исполнить то, что дѣлали до него другіе и проситъ созвать мастеровъ на другой день къ девяти часамъ. Тогда, онъ представляетъ свой мѣхъ и при этомъ угощаетъ двумя бутылками вина, кренделями и жертвуетъ 3 талера (Manen gelder); къ обѣду подчуетъ тремя блюдами: тре-

Объ ограниченіи этихъ угощеній, разорительныхъ для подмастерьевъ, начали думать въ XVI вѣкѣ. Въ шрагахъ рѣщиковъ 1541 г. за неумѣренныя требованія положенъ штрафъ; въ шрагахъ кузнецовъ 1578 г. также предписано не обременять подмастерьевъ.

Съ полученіемъ степени мастера сопряжено было по общему обычаю вступленіе въ бракъ; въ шрагахъ портныхъ 1492 г., положительно сказано, что пріобрѣтающій степень мастера долженъ просить руки дочери или вдовы мастера того цеха, дабы черезъ это облегчить себѣ повышеніе; въ шрагахъ стекольщиковъ и рѣщиковъ -что кто желаетъ состоять въ цеховомъ обществѣ не долженъ вступать въ бракъ прежде, чѣмъ исполнитъ всѣ требованія цеха Мастера, отъ коихъ зависѣло производство подмастерьевъ, пользовались этимъ случаемъ, чтобы пристроивать своихъ дочерей. Подмастерье, изъявившій готовность взять невѣсту изъ своего цеха, пользовался особенными преимуществами и покровительствомъ будущаго тестя. Такимъ образомъ, кормленіе отца служило какъ бы приданымъ для дочери, и кромѣ того оно сообщало сыну важныя преимущества и обезпечивало участь жены, пережившей своего мужа. Женихъ дочери мастера и сынъ мастера почти во всѣхъ цехахъ свободно вступали въ общество, имѣли freye Amt; это значило, кажется, что они освобождались отъ годовъ службы, по нѣко-

---

скою, говядиною, сливами, телятиною, пивомъ и виномъ, послѣдняго сколько потребуютъ мастера. Черезъ двѣ недѣли, онъ представляетъ подготовленный имъ мѣхъ и при этомъ подаетъ 2 бутылки вина и кренделей. Черезъ четыре недѣли работа его должна быть совершенно окончена. Онъ является съ нею къ альтерману и проситъ созвать мастеровъ. При этомъ ему даютъ знать, что онъ обязанъ три дня угощать цехъ. Въ первый день тремя блюдами: трескою, говядиною со сливами и телятиною. Во второй день наилучшимъ какое можетъ достать кушаньемъ, при чемъ вноситъ въ цеховую казну 25 альбертовыхъ талеровъ; если онъ не имѣетъ этой суммы, то, по крайней мѣрѣ, 10 альбертовыхъ талеровъ и проситъ, чтобы остальное ему отсрочили. Въ третій день подаетъ по утру: двѣ бутылки испанскаго вина и хлѣба; къ обѣду: супъ на винѣ, телячью голову, и, смотря по времени, наилучшей какой только можно достать рыбы; наконецъ, пока присутствуетъ хоть одинъ мастеръ, не должно быть недостатка въ винѣ.

торымъ шрагамъ отъ угощеній; по другимъ: вносили меньшую сумму и потомъ получали ее назадъ [1]).

Вдова мастера пользовалась правомъ производить ремесло годъ и день по смерти мужа [2]). Семейныя привилегіи играли особенно важную роль въ цехѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, который въ XVI вѣкѣ получилъ отъ магистрата въ знакъ особеннаго благоволенія совершенно отличительное отъ прочихъ цеховъ устройство. Число золотыхъ дѣлъ мастеровъ ограничено было навсегда двѣнадцатью—единственный въ Ригѣ примѣръ замкнутаго цеха. Золотыхъ дѣлъ мастеръ не смѣлъ вступить въ бракъ безъ разрѣшенія амтсъ-гера, ельтермана и старшинъ; въ противномъ случаѣ, терялъ право на свое кормленіе. Въ позднѣйшей редакціи, утвержденной Стефаномъ Баторіемъ, эта статья пропущена. Жена мастера должна была быть родомъ Нѣмка, законною дочерью честныхъ и неопороченныхъ родителей, достойною вступленія въ обѣ гильдіи. По смерти одного изъ 12 мастеровъ, старшій изъ подмастерьевъ имѣлъ ближайшее право на его мѣсто, если соединялъ въ себѣ всѣ требуемыя условія. Вдова золотыхъ дѣлъ мастера пользовалась годъ и день кормленіемъ своего мужа; по истеченіи этого времени, ельтерманъ уговаривалъ ее выйти за одного изъ подмастерьевъ цеха. Вдова, отказывавшаяся отъ вступленія въ бракъ, или выходившая замужъ за недостойнаго получить степень мастера, или выходившая замужъ безъ позволенія цеха, или опорочившая себя во время вдовства, теряла всѣ свои права. Въ шрагахъ сказано, что эта статья оказалась неудобоисполнимою и потому король Стефанъ Баторій разрѣшилъ вдовамъ, отказавшимся отъ замужества, пожизненное пользованіе кормленіемъ. Когда умиралъ мастеръ, не оставлявшій по себѣ жены, то право его переходило къ его сыну, или къ дочери, которая обязывалась выйти замужъ на тѣхъ же условіяхъ.

Объ утратѣ цеховыхъ правъ въ шрагахъ встрѣчается очень немного постановленій; въ нѣкоторыхъ объ этомъ предметѣ даже вовсе ничего не сказано; за одни и тѣ же проступки

Утрата цеховыхъ правъ.

---

[1]) Шраги башмачниковъ, стекольщиковъ, кузнецовъ, рѣщиковъ и пр. —
[2]) Шраги башмачниковъ, портныхъ, рѣщиковъ и пр.

въ различныхъ цехахъ полагались различныя наказанія, ибо шраги не были согласованы между собою; широкій просторъ оставленъ былъ произволу цеховыхъ управъ, ограниченный только силою обычая и дискреціонною властью магистрата. Не имѣя поэтому никакой возможности извлечь общія правила изъ разрозненныхъ статей, мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ для примѣра. Терялъ право мастера: въ цехѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ: трижды уличенный въ употребленіи фальшиваго металла (wer sein Werk zu dreien Zeiten fälschet); но магистратъ могъ его простить. Въ цехѣ скорняковъ: вышедшій съ дерзостью изъ цеховаго собранія. Въ цехѣ стекольщиковъ допускалась въ послѣднемъ случаѣ возможность примиренія между провинившимся и цехомъ. Въ цехахъ каменьщиковъ, пекарей, стекольщиковъ, терялъ право мастера: вступавшій въ супружество съ женщиною незаконнорожденною, или порочною, или не нѣмецкаго происхожденія. Въ цехѣ бочаровъ: отпускавшій своего подмастерья на заработки за городъ. Въ цехѣ каменьщиковъ: уѣзжавшій изъ города безъ разрѣшенія кемерира терялъ право ремесла и гражданства. Въ цехѣ портныхъ: содержавшій болѣе одной мастерской.

Терялъ право работать и возможность сдѣлаться мастеромъ подмастерій: въ цехахъ башмачниковъ и стекольщиковъ—убѣжавшій съ деньгами своего хозяина: въ цехѣ стекольщиковъ—принявшій заказъ на собственный свой счетъ или работавшій на половину съ мастеромъ (Mascopie); въ цехѣ портныхъ—отказавшійся работать у вдовы, къ которой былъ опредѣленъ Въ цехѣ рѣщиковъ за покражу у мастера матеріала для производства работы на собственный счетъ полагался только штрафъ. Исключались изъ общества: въ цехѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ—подмастерій, двукратно уличенный въ продажѣ въ свою пользу дорогихъ камней и металловъ, сужавшій безъ вѣдома или противъ воли своего хозяина его инструменты другому мастеру; въ цехѣ бочаровъ—двукратно убѣжавшій отъ своего хозяина; въ цехѣ портныхъ - подмастерій, посягнувшій до брака на дѣвственность своей невѣсты, опорочившій домъ своего хозяина.

3) Назначеніе. Цехи имѣли то же самое троякое назначеніе, какое и гиль-

дій, коихъ видъ они составляли: охраненіе общественныхъ интересовъ, вспомоществованіе частнымъ лицамъ и бражничество. Къ этому присоединялось: охраненіе интересовъ заказчиковъ и наблюденіе за добротою ремесленныхъ издѣлій. При многихъ, если не при всѣхъ, цехахъ учреждены были капиталы, изъ которыхъ выдавались денежныя пособія обѣднѣвшимъ мастерамъ и подмастерьямъ. Эти капиталы составлялись изъ штрафныхъ денегъ и изъ приношеній, частью добровольныхъ, частью обязательныхъ. Такъ въ шрагахъ стекольщиковъ упоминается о кружкѣ (Büchse), съ которою одинъ мастеръ и одинъ подмастерье дѣлали ежемѣсячный обходъ и въ которую всѣ мастера и подмастерья обязаны были класть опредѣленную сумму. Одинъ ключъ находился у мастера, другой у подмастерья. Въ шрагахъ пекарей упоминается о похоронной кассѣ и т. д. Организація цеховъ была сходна съ организаціею прочихъ гильдій. Они управлялись ельтерманами, товарищами ихъ и старшинами или старыми мастерами. Сроки службы ельтермановъ были различны: въ цехѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ они избирались сперва на 3, потомъ на 4 года. Кромѣ обыкновенныхъ обязанностей своего званія, цеховые ельтерманы принимали жалобы отъ постороннихъ лицъ на цеховыхъ мастеровъ за неисправную работу и опредѣляли вознагражденія. Дѣла этого рода восходили по апелляціи въ амтсъ-герихтъ. Ельтерманы дѣлали срочные обходы, по нимъ шрагамъ ежемѣсячно, по другимъ четырежды въ годъ, какъ бы для ревизіи ремесленнаго порядка, повѣряли: строго ли соблюдаются цеховые уставы и не занимаются ли ремеслами лица, не получившія на то права, не принадлежащія къ цеху — такъ называемые бёнгазы и винкельмейстеры [1]). Изъ шрагъ кузнечнаго цеха 1382 г. видно, что первоначально ельтерманъ при досмотрахъ имѣлъ право наказывать только подчиненныхъ ему цеховыхъ ремесленниковъ, а на непринадлежавшихъ къ цеху долженъ былъ обращаться съ жалобою къ фохту; впослѣдствіи этотъ порядокъ измѣнился, и мы видимъ, что ельтерманъ во всѣхъ

устройство и порядокъ управленія цеховъ.

[1]) Шраги золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1542 г., кузнецовъ 1382 года, пекарей 1392 г., рѣщиковъ 1451 г.

случаяхъ приступалъ немедленно къ исполнительнымъ мѣрамъ, т. е. конфисковалъ инструменты и матеріалы, впрочемъ никакъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и въ присутствіи депутата отъ магистрата [1]). Въ нѣкоторыхъ цехахъ подвергались предварительному осмотру ельтермана издѣлія того ремесла, привозимыя изъ-за границы [2]).

Цехи, такъ же какъ и гильдіи, имѣли срочныя собранія, назначавшіяся для пріема учениковъ, подмастерьевъ, для задачи управныхъ уроковъ, для оцѣнки ихъ, для производства въ мастера, прекращенія ссоръ, обсужденія дѣлъ, касавшихся до всего цеха, для похоронъ, поминовенія усопшихъ, бражничества и проч. Обыкновенно на нихъ присутствовали амтсъ-геры. Въ шрагахъ портныхъ (безъ означенія года) положительно запрещается держать совѣщанія по дѣламъ цеховаго общества въ отсутствіи амтсъ-геровъ. Въ шрагахъ кузнецовъ 1582 г. сказано, что за нарушенія уставовъ цеха судитъ все общество вмѣстѣ съ засѣдателемъ отъ магистрата. Подобныя постановленія встрѣчаются въ шрагахъ портныхъ, башмачниковъ, стекольщиковъ, пекарей, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и проч. Въ цеховыхъ собраніяхъ, назначавшихся для бражничества, похоронъ, поминовенія усопшихъ, присутствовали мущины и женщины (братья и сестры), даже дѣти [3]). Нигдѣ не сказано, чтобы цехи имѣли совѣщанія о городскихъ дѣлахъ.

4) Порядокъ производства ремеслъ.

Въ статьяхъ цеховыхъ шрагъ, опредѣляющихъ порядокъ производства ремеслъ, замѣтно стремленіе доставить всевозможныя гарантіи мастерамъ противъ учениковъ и работниковъ, и мастерамъ другъ противъ друга, цеховымъ ремесленникамъ противъ подрыва со стороны нецеховыхъ, наконецъ соблюсти по возможности выгоды заказчиковъ и покупателей ремесленныхъ издѣлій [4]). Такъ въ шрагахъ опредѣлено: чтобы мастеръ получалъ вознагражденіе въ случаѣ, если

---

[1]) Шраги портныхъ 1492 г., кузнецовъ 1578 г. — [2]) Шраги золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1360 г., гражданскія слова, шраги башмачниковъ. — [3]) Шраги скорняковъ 1397 г., башмачниковъ, каменщиковъ 1390 г.

[4]) Кромѣ этого, во всѣхъ шрагахъ содержится множество правилъ, относящихся до технической стороны каждаго ремесла, о которыхъ мы не упоминаемъ.

ученикъ сбѣжитъ отъ него до окончанія срока ученія. Въ позднѣйшихъ шрагахъ прибавлено: если въ томъ не виноватъ ни самъ мастеръ, ни жена его [1]); чтобы работники дослуживали опредѣленные годы сполна и не сокращали ихъ произвольными отлучками; чтобы работники не нанимались у двухъ мастеровъ; чтобы подмастерья до полученія степени мастеровъ не смѣли принимать заказовъ и работать на свой собственный счетъ [2]), ни работать за городомъ, или гдѣ бы то ни было, внѣ дома своего хозяина. За каждый потерянный день или за ночь, проведенную внѣ дома хозяина, положенъ въ нѣкоторыхъ шрагахъ вычетъ изъ жалованья работника. Мастерамъ запрещалось: переманивать другъ у друга работниковъ внѣ сроковъ, установленныхъ для переходовъ, а именно: трехънедѣльнаго до Михайлова дня и трехънедѣльнаго передъ Пасхою; принимать учениковъ и работниковъ, произвольно покинувшихъ своихъ хозяевъ; перебивать другъ у друга работу, брать своихъ подмастерьевъ въ половину (um halv to arbeitende). Наконецъ, во многихъ цехахъ кругъ дѣятельности каждаго мастера былъ ограниченъ запрещеніемъ имѣть болѣе одной мастерской [3]) и опредѣленнаго числа работниковъ и учениковъ [4]).

Союзы подмастерьевъ.

Итакъ, выгоды мастеровъ были ограждены, но подмастерья не имѣли никакихъ гарантій противъ произвола первыхъ. Вѣроятно потребность обезпечить какъ нибудь свое положеніе внушила подмастерьямъ мысль составить между собою

---

[1]) Шраги портныхъ 1492 г., рѣщиковъ 1541 года.

[2]) Попадаются нѣкоторыя, впрочемъ, рѣдкія изъятія въ пользу работниковъ: въ шрагахъ скорняковъ 1397 г. работникъ, прослуживший годъ, въ теченіе слѣдующаго года имѣлъ право выдѣлать себѣ изъ собственнаго своего матеріала 4 вещи для продажи; при чемъ ближайшее на нихъ право предоставлено было хозяину; въ шрагахъ портныхъ 1492 г. подмастерьямъ позволялось зарабатывать себѣ на водку починкою стараго платья.—[3]) Шраги портныхъ 1492 года.

[4]) Въ шрагахъ портныхъ 1492 г. дозволялось имѣть въ мастерской не болѣе 4 стульевъ и 3 свѣчъ; въ шрагахъ скорняковъ 2 учениковъ и 2 подмастерьевъ; въ шрагахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 3 учениковъ и 2 подмастерьевъ; въ шрагахъ башмачниковъ 1 ученика и 4 работниковъ; въ шрагахъ бочаровъ 2 мальчиковъ; въ шрагахъ рѣщиковъ дозволяется мастеру держать неограниченное число учениковъ и работниковъ и заниматься, при главномъ своемъ ремеслѣ, еще другимъ, буде къ тому способенъ, но безъ всякой посторонней помощи.

общества или союзы для противодѣйствія союзамъ мастеровъ. Нельзя опредѣлить съ достовѣрностью времени ихъ происхожденія; но они едва ли древнѣе половины XV вѣка; въ первый разъ упоминается о союзѣ подмастерьевъ въ шрагахъ портныхъ 1492 года [1]), потомъ въ шрагахъ кожевниковъ и рѣзниковъ XVI вѣка. Въ послѣднихъ шрагахъ упоминается о продолжительныхъ распряхъ между мастерами и подмастерьями, для прекращенія коихъ они заключили между собою договоръ (Ordnung zwischen Meistern und Gesellen). Подобныя явленія по всей вѣроятности имѣли мѣсто и въ другихъ цехахъ. Само собою разумѣется, что, такъ какъ подмастерья не принадлежали къ числу гражданъ и въ цеховомъ устройствѣ подчинены были мастерамъ, то и общества ихъ должны были находиться, такъ сказать, при цехахъ и въ зависимости отъ цеховыхъ управленій. Такъ, напримѣръ, подмастерья обязаны были ежемѣсячно собираться на дому у ельтермана—отдавать ему отчетъ въ своихъ общественныхъ расходахъ. Казна ихъ хранилась у ельтермана, а ключи у старшихъ подмастерьевъ. Кромѣ этихъ собраній, происходившихъ на дому ельтермана, подмастерья собирались въ особенныхъ, имъ принадлежавшихъ харчевняхъ, которыя содержали хозяева изъ ихъ же класса (Krug-Väter).

Должность ельтермановъ исправляли у нихъ старшіе подмастерья (All-Gesellen) или мѣстные (Orts Gesellen), вѣроятно въ отличіе отъ приходившихъ изъ за границы, странство

---

[1]) Существуютъ древнѣйшія шраги работниковъ кузнечнаго цеха 1399 г.— Въ началѣ сказано: «мы, работники кузнечнаго цеха, составили между собою братство и общество съ разрѣшенія магистрата, во имя Честнаго Креста, въ помощь и утѣшеніе усопшимъ и впредь имѣющимъ умереть изъ нашего общества». Вступленіе въ это общество ни для кого не было обязательно: оно управлялось ельтерманомъ, выбраннымъ изъ числа подмастерьевъ, имѣло свои собранія, на которыя приглашались всегда двое мастеровъ. — Ключи отъ казны хранились у подмастерьевъ, казна у цеховаго ельтермана. – Назначеніе этого общества заключалось только въ поминовеніи усопшихъ, въ оказаніи помощи больнымъ и въ плѣну находящимся; по этой причинѣ мы не включаемъ его въ число тѣхъ подмастерскихъ обществъ, которыя имѣли цѣлью поддержать ничѣмъ не обезпеченные интересы класса работниковъ. Впрочемъ очень естественно, что благотворительныя общества могли впослѣдствіи принять тотъ самый характеръ, который отличаетъ подмастерскія общества XVI вѣка.

вавшихъ. Кругъ дѣятельности ихъ ограничивался, какъ кажется, производствомъ учениковъ въ подмастерья, пріемомъ странствовавшихъ подмастерьевъ и опредѣленіемъ всѣхъ вообще подмастерьевъ къ мастерамъ, разбирательствомъ ссоръ, происходившихъ между подмастерьями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не могли прекратить ихъ полюбовно, обращались къ цеховому сельтерману и просили созвать мастеровъ, при чемъ платили имъ за труды. Наконецъ, у подмастерьевъ были, для вспомоществованія членамъ общества, свои особыя казны, восполнявшіяся частью штрафными деньгами, частью же обязательными сборами.

Занятіе ремеслами не-цеховыми.

Запрещеніе нецеховымъ заниматься ремеслами встрѣчается въ шрагахъ не ранѣе конца XV столѣтія; въ XVI оно повторяется многократно и чѣмъ далѣе, тѣмъ строже. До этого времени, въ воспретительныхъ мѣрахъ не было надобности, потому что число ремесленниковъ было незначительно и самые цехи еще не доходили до той степени развитія, на которой обращеніе ремесла въ монополію становилось для нихъ главною цѣлью. Но, при значительныхъ расходахъ, съ которыми сопряжено было пріобрѣтеніе степени мастера, при ограниченномъ числѣ учениковъ и подмастерьевъ, которыхъ дозволялось держать каждому мастеру, долженъ былъ рано образоваться классъ работниковъ, для которыхъ въ тѣсныхъ предѣлахъ цеховаго устройства, не было ни мѣстъ, ни занятій; этотъ несчастный, безпощадно гонимый классъ людей принужденныхъ забиваться въ темные закоулки, чтобы снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, встрѣчается подъ названіемъ, доселѣ употребительнымъ, бёнгазовъ и винкельмейстеровъ, въ шрагахъ портныхъ 1492 г., золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1542 г., кузнецовъ 1578 г., рѣзниковъ 1541 г., и пр. Не только имъ самимъ запрещалось работать въ подрывъ цехамъ, но даже и тѣ, которые заказывали имъ работу, подвергались штрафамъ; подмастерьямъ запрещено было съ ними пить и ѣсть; на тѣхъ, которые имѣли съ ними сношенія, велѣно было доносить, и тотъ, кто, зная о томъ, не доносилъ, также подвергался штрафу. Не менѣе того, эти мѣры, какъ и всякое вообще стремленіе противное естественному ходу развитія, не достигали своей цѣли, къ великому неудо-

вольствію малой гильдіи, которая винила въ этомъ городское начальство, точно такъ, какъ большая гильдія не могла простить ему, что торговля вопреки полицейскимъ законамъ, ежегодно прочитываемымъ съ балкона ратуши, пролагала себѣ новые пути. Обвиненія малой гильдіи противъ магистрата были тѣмъ болѣе несправедливы, что исполнительная власть была у нея же въ рукахъ, а магистратъ обязанъ былъ заботиться не объ одпѣхъ ея выгодахъ, но и о большинствѣ заказчиковъ и покупателей, которые съ другой стороны приступали къ нему съ жалобами на цеховыхъ мастеровъ. Въ этомъ случаѣ магистратъ долженъ былъ своими распоряженіями ограничивать произволъ ремесленниковъ, и, по возможности, замѣнять отсутствіе свободнаго совмѣстничества. Статьи гражданскихъ словъ, опредѣляющія обязанности ремесленниковъ въ отношеніи къ покупателямъ, заключаютъ въ себѣ таксы для предметовъ и работъ наиболѣе необходимыхъ и безпрестанныя напоминанія цеховымъ мастерамъ, переходящія отъ увѣщательнаго тона къ угрозамъ, чтобы они исправно выполняли заказы, не забирали работы чрезъ силы, не запрашивали и не подавали повода къ жалобамъ [1]).

Обязанности ремесленниковъ.

При каждомъ удобномъ случаѣ, магистратъ изъяснялъ имъ, что онъ готовъ заботиться объ огражденіи ихъ правъ, но что они, съ своей стороны, обязаны удовлетворять потребностямъ городскихъ жителей [2]). Замѣчательна въ этомъ отношеніи продолжительная тяжба скорняжнаго цеха съ Русскими, продававшими въ городѣ шляпы собственнаго издѣлія, подбитыя дорогими мѣхами. Видно по всему, что работа ихъ была лучше и дешевле нѣмецкой. Скорняжный цехъ, не будучи въ состояніи выдержать ихъ соперничество, приступилъ къ магистрату съ требованіемъ выслать ихъ изъ Риги; магистратъ, снисходя на просьбу цеха, ограничилъ занятія

---

1) Civiloquium 1376 г.: Vort so we myd ammeten umme gan de then dat den Inden drecliken; is it dat dar claghe von komet, de Rad willet richten. Въ томъ же спискѣ опредѣлена плата каменьщикамъ и велѣно довольствоваться ею всѣмъ мастерамъ, подъ страхомъ изгнанія изъ города. Также Burspraehen 1412 г., ст. 17, 27, 30 и прочія Гражданскія Слова. Приговоръ архіепископа и магистра 1510 г., по поводу распрей въ городскомъ обществѣ.

2) Протоколъ 1502 года, статьи подъ заглавіемъ Schrau и многія шраги.

Русскихъ, запретивъ имъ обивать шапки дорогими мѣхами и вообще продавать въ розницу товары, составлявшіе предметъ производства скорняжнаго цеха; но въ заключеніи прибавилъ: что касается до совершеннаго удаленія иностранцевъ, то пусть сперва цехъ заслужитъ этой мѣры удовлетворительною выдѣлкою своихъ издѣлій за умѣренную цѣну. Этимъ дѣло не кончилось: цехъ снова требовалъ, чтобы у Русскихъ конфискованы были ихъ товары: но магистратъ назначилъ имъ отсрочку для распродажи ихъ, и въ то же время вторично обязалъ скорняковъ изготовлять въ достаточномъ количествѣ точно такія шапки, какія выдѣлывали Русскіе, дабы граждане не имѣли причины жаловаться. Итакъ, магистратъ старался помирить выгоды покупателей и заказчиковъ съ выгодами цеховъ; но вторыя были надежнѣе обезпечены, чѣмъ первыя; ибо, по требованію цеховъ, принимали строгія воспретительныя мѣры, а въ пользу покупателей ограничивались увѣщаніями.

Граждане, непринадлежащіе ни къ большой ни къ малой гильдіи.

Граждане, не принадлежащіе къ гильдіямъ.

Хотя большая и малая гильдія заключали въ себѣ не только большинство, но почти всю совокупность гражданъ, однако въ XVI столѣтіи еще существовали въ Ригѣ граждане, къ гильдіямъ непринадлежащіе. Иначе и не могло быть, ибо дарованіе права гражданства зависѣло отъ магистрата, а пріемъ въ братства отъ самихъ гильдій; по этому случалось, что иныя лица пріобрѣтали право мѣстнаго гражданства, а впослѣдствіи отвергаемы были гильдіями. Въ актахъ XVI вѣка и въ книгѣ ельтермановъ эти лица встрѣчаются подъ названіемъ гражданъ, къ братству непринадлежащихъ, или гражданъ, недостойныхъ пріема въ гильдію (de neue Broder sind, de der Gildstuben nicht würdig sind). Опредѣленіе чисто отрицательное и, этимъ самымъ, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ положенію въ составѣ городскаго общества. Можно сказать, чѣмъ они не были, трудно сказать, чѣмъ они были; они не составляли особаго класса, не имѣли ни сословнаго управленія, ни сословнаго представительства; ихъ терпѣли, но не признавали. По древнему коренному положенію рижскаго городскаго устройства, они, какъ граждане,

могли предъявлять совершенно законное притязаніе на всѣ права, исчисленныя выше, опредѣляющія юридическое понятіе гражданина; но въ XVI вѣкѣ, обѣ гильдіи уже успѣли разобрать между собою и присвоить себѣ исключительно многія изъ этихъ правъ, такъ что на долю гражданъ, къ братствамъ непринадлежавшихъ, не оставалось почти ничего. По протоколу 1502 г. и по приговору архіепископа и магистра 1510 г. они не могли варить пива, но удержали право кружечной продажи, какъ видно изъ книги ельтермановъ [1]). Въ той же книгѣ, подъ 1543 годомъ, мы читаемъ: „магистратъ обязанъ показывать тѣмъ гражданамъ, которые недостойны пріема въ братство, статьи, относящіяся до торговли и пивоваренія, также внушать имъ, чтобы они не покупали для перепродажи ни хлѣба, ни меда, ни хмѣля, ни соли, ни дегтя и вообще не торговали бы непосредственно съ приходящими въ городъ крестьянами, иностранцами и Русскими, подъ штрафомъ 50 рижск. марокъ". Ремеслами они также не могли заниматься, потому что ремесла составляли кормленіе цеховъ; въ низшія доходныя городскія должности можетъ быть магистратъ и сталъ бы ихъ опредѣлять, но большая гильдія также домогалась присвоить себѣ исключительное на нихъ право; наконецъ, къ совѣщаніямъ по дѣламъ общественнымъ, гильдіи допускали ихъ неохотно. Вообще положеніе ихъ было самое жалкое, ничѣмъ не обезпеченное; не менѣе того въ распряхъ магистрата съ обѣими гильдіями въ концѣ XVI вѣка, они играли довольно важную роль, не сами по себѣ, но потому что магистратъ иногда старался противополагать ихъ обоимъ братствамъ. Постепенное стѣсненіе правъ гражданъ, къ гильдіямъ не принадлежавшихъ, ясно показываетъ, къ чему стремились гильдіи въ концѣ XVI вѣка. Онѣ домогались исчерпать собою все городское общество, замѣнить юридическое понятіе гражданина — юридическимъ понятіемъ брата и вмѣсто древней формулы: „никто не долженъ пользоваться городскимъ кормленіемъ, кто не получилъ правъ мѣстнаго гражданства" ввести слѣдующую: „никто не долженъ пользоваться городскимъ кормленіемъ, кто не принятъ въ братство одной изъ двухъ гильдій".

[1]) Кн. Ельтер. 1547 г., стр. 42.

Пилигримы и иногородные купцы.

Пилигримы и купцы въ древнѣйшихъ привилегіяхъ и въ городскихъ статутахъ обыкновенно являются вмѣстѣ и рѣдко различаются одни отъ другихъ, хотя они пріѣзжали въ Ливонію съ различными цѣлями: первые — въ надеждѣ заслужить царство небесное, вторые — по торговымъ дѣламъ; но такъ какъ иногородные купцы, такъ же какъ и пилигримы, обязаны были воевать съ туземцами, такъ какъ городъ получалъ отъ нихъ одинаковую помощь, то и права, которыми они пользовались, были почти одинаковы. Тѣ и другіе, въ отношеніи къ гражданамъ, составляли одинъ классъ иногородныхъ, временно проживавшихъ въ Ригѣ союзниковъ. Пилигримы и иногородные купцы

Въ привилегіи епископа Альберта 1211 г. исчислены права, дарованныя готландскимъ (должно разумѣть вообще нѣмецкимъ) купцамъ и гражданамъ рижскимъ—такъ въ то время еще тѣсно было связано постоянное населеніе Риги съ заморскими пришельцами. Тѣ и другіе освобождаются отъ платежа пошлинъ, береговаго права, испытанія желѣзомъ и поля. Права ихъ.

Затѣмъ слѣдуютъ статьи, относящіяся собственно только до первыхъ: иногороднымъ гражданамъ предоставляется прекращать самимъ возникающіе между ними споры, если возмогутъ. Городской судья вмѣшивается въ нихъ въ томъ только случаѣ, если до него доведена будетъ жалоба [1]). Эта же самая привилегія, но въ болѣе опредѣлительной формѣ, встрѣчается въ городскихъ статутахъ по Ельрихову списку. Городъ распространилъ ее отъ себя на пилигримовъ. Въ от-

[1]) Excessus suos singulae civitates, si poterunt, componant; подъ словомъ civitates должно разумѣть не города, въ буквальномъ смыслѣ, а гражданъ тѣхъ городовъ, то самое, что выражено въ той же грамотѣ словами: qui ad civitatem habent respectum, т. е. тянутъ къ городу. Эта грамота служитъ яснымъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые слово cives толкуютъ въ смыслѣ городскихъ патриціевъ, а слово mercatores въ смыслѣ гражданъ-купцовъ. Въ ней положительно различаются не граждане-патриціи отъ гражданъ-купцовъ, а граждане рижскіе вообще безъ различія званія, отъ купцовъ иногородныхъ, т. е. не рижскихъ гражданъ; допустивши это, понятно становится почему купцы, какъ иногородные, изъяты были изъ вѣдомства городскаго судьи, который судилъ гражданъ между собою, и тѣхъ, которые не тянули ни къ какому городу: иначе слѣдовало бы признать, что у патриціевъ и у купцовъ были различные суды, и что послѣдніе пользовались важнымъ преимуществомъ передъ первыми.

дѣльной главѣ о томъ: какими правами должны пользоваться иностранные гости (wes frembde Geste gebruken sollen) мы читаемъ: Ст. 1. Пилигримы или иные гости, пріѣзжающіе въ городъ, пользуются первый годъ своего пребыванія въ Ригѣ всѣми правами, предоставленными гражданамъ; если же, по истеченіи этого срока, захотятъ заниматься торговлею или ремесломъ, то должны предварительно сдѣлаться гражданами; въ противномъ случаѣ платятъ штрафъ. Ст. 2. Пилигримы, по желанію, могутъ избирать себѣ своего судью, съ разрѣшенія магистрата; избраннаго приводятъ въ ратушу и тамъ наставляютъ его какимъ порядкомъ онъ долженъ судить пилигримовъ между собою и жалобы, приносимыя на нихъ другими лицами, по городскимъ законамъ. Ст. 3. Если пилигримъ принесетъ жалобу на кого бы то ни было, на гостя или гражданина, только не на пилигрима, то судитъ городской судья, а пошлина идетъ въ пользу города.

Обязанности ихъ относительно города.

Итакъ, пилигримы имѣли свой судъ, такъ же точно какъ и гости; ни тѣ ни другіе не имѣли права заниматься городскими промыслами долѣе года; слѣдовательно они не принадлежали къ составу городскаго общества. Не менѣе того, они служили городу: въ 1221 году епископъ Альбертъ велѣлъ имъ выстроить мостъ надъ Родеппойсомъ для пользы города [1]). Въ 1232 году, по поводу спора между гражданами купцами (разумѣется иностранными), епископъ Николай избранъ былъ посредникомъ и разсудилъ, чтобы всѣ земли, которыя будутъ завоеваны совокупными силами гражданъ и купцовъ, были между ними раздѣляемы пополамъ. При этомъ, купцы обязывались исправлять усердно службу, которую городъ имѣлъ право отъ нихъ требовать, выходить въ поле подъ городскимъ знаменемъ, а не подъ своимъ особеннымъ, и въ числѣ не менѣе 71 хорошо вооруженнаго воина. Земли, пріобрѣтенныя ими по праву завоеванія, не могли быть отчуждаемы безъ согласія гражданъ. Подъ этою грамотою подписались между прочими воины-пилигримы [2]). Въ спискѣ дарственной грамоты архіепископа Альберта 1272 года сказано, что гражданамъ уступленъ участокъ земли, съ

Права ихъ на пріобрѣтенныя ими земли.

---

[1]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 3. — [2]) Тамъ же, № 3.

тѣмъ, чтобы они, какъ попечители и владѣтели онаго, допускали купцовъ иностранцевъ (peregrinos) пользоваться имъ на равныхъ съ ними правахъ [1]). Разумѣется, что земли, которыя выслуживали себѣ гости и пилигримы въ Ливоніи, не могли быть собственностью частныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ на короткіе сроки и почти ежегодно смѣнявшихся новыми пришельцами изъ-за моря. Онѣ принадлежали иногородной дружинѣ вообще, и тѣ лица, которыя въ нее вступали, пользовались ими на время своего пребыванія въ Ригѣ. На такомъ же основаніи Ганзейцы владѣли дворами въ Новѣгородѣ и въ другихъ мѣстахъ. Важныя преимущества, которыми пользовались въ Ригѣ гости и пилигримы, объясняются тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Ливоніи, непрочностью Нѣмецкаго владычества, необходимостью посторонней и постоянной помощи. Но къ концу XIV вѣка туземцы были уже побѣждены и большею частью обращены въ рабство; съ этого времени о пилигримахъ уже не упоминается; Рижское городское общество сложилось и окрѣпло; городское устройство установилось на твердыхъ основаніяхъ, и тогда гости или иногородные купцы должны были утратить свою самостоятельность и подчиниться городскому начальству. Они образовали отдѣльную гильдію, вѣроятно древнѣйшую изъ всѣхъ существовавшихъ въ Ригѣ, извѣстную подъ названіемъ гильдіи черноголовыхъ (Schwarzhäupter). Происхожденіе этой гильдіи отъ дружины иногородныхъ купцовъ доказывается: во-первыхъ, тѣмъ что въ одной рукописи XV вѣка находится слѣдующее примѣчаніе: „черноголовые получили утвержденіе отъ епископа Николая“ [2]), указывающее вѣроятно на приговоръ его 1232 г., коего содержаніе изложено выше; во-вторыхъ, что̀ еще убѣдительнѣе, гильдія черноголовыхъ носила на себѣ всѣ отличительные признаки торговой дружины XIII вѣка; а именно: она состояла изъ иногородныхъ купцовъ, изъ людей холостыхъ, не имѣвшихъ въ Ригѣ осѣдлости и переѣзжавшихъ съ мѣста на мѣсто; наконецъ она участвовала въ военныхъ предпріятіяхъ города до XVI вѣка, какъ отдѣльный отрядъ. Въ статьѣ о большой

Образованіе изъ нихъ гильдіи черноголовыхъ.

[1]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 43. — [2]) Тамъ же, № 69, примѣчаніе.

гильдіи было сказано, что древнѣйшія ея шраги (1354 г.) изданы были съ общаго согласія гостей и гражданъ, слѣдовательно въ то время тѣ и другіе соединились въ одно общество; впрочемъ это вовсе не значитъ, чтобы гости получили всѣ права мѣстныхъ гражданъ; вѣроятно они соединялись только для выбора должностныхъ лицъ и для бражничествъ, ибо въ совѣщаніяхъ по городскимъ дѣламъ черноголовые не участвовали. Въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка черноголовые отошли отъ большой гильдіи, что, какъ сказано въ позднѣйшей редакціи ихъ шрагъ, противно было старинѣ. Древнѣйшія шраги гильдіи шварцгейптеровъ относятся къ 1416 г. [1]) и составлены съ согласія ельтермана и братства большой гильдіи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что собственно членами этого общества были люди холостые (Gesellen), какъ и доселѣ; но что свободный доступъ въ него имѣли: всѣ братья большой гильдіи, подмастерья цеха золотыхъ дѣлъ мастеровъ и корабельщики. Не допускались въ него: служившіе по найму и лица не-германскаго происхожденія. Собранія черноголовыхъ не имѣли никакого политическаго значенія и посвящались исключительно бражничеству, пляскамъ и фехтованію; такого же рода собранія большой гильдіи были для нихъ открыты.

Въ 1477 году черноголовые и большая гильдія послѣ продолжительныхъ споровъ обратились къ магистрату съ просьбою быть между ними посредникомъ и помирить ихъ. Изъ шрагъ, по этому случаю изданныхъ, ясно обнаруживается, что уже въ то время общество черноголовыхъ было ничѣмъ инымъ какъ клубомъ, что ихъ домъ (Artushof) содержали на общихъ расходахъ черноголовые и большая гильдія, и что въ него имѣли свободный входъ всѣ нѣмецкіе купцы и корабельщики [2]). Слѣдующія извѣстія изъ лѣтописи Мельхіора Фукса ясно опредѣляютъ значеніе черноголовыхъ въ составѣ городскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ

[1]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 85.

[2]) Послѣдующія ссоры между черноголовыми и большою гильдіею происходили отъ увольненія первыхъ отъ обязанности представлять ельтерманамъ большой гильдіи подробные отчеты своихъ доходовъ и расходовъ. Ссоры эти не представляютъ никакого интереса.

оправданіемъ вышеизложеннаго мнѣнія объ ихъ происхожденіи. Во время распрей города съ архіепископомъ Сильвестромъ въ 1476 г., послы архіепископа пріѣхали въ Ригу и потребовали, чтобы весь магистратъ, ельтерманы и старшины обѣихъ гильдій и общество черноголовыхъ явились на дворъ архіепископа. Магистратъ отвѣчалъ, что онъ не привыкъ принимать пословъ внѣ ратуши и еще менѣе допускать черноголовыхъ къ совѣщаніямъ по общественнымъ дѣламъ, ибо имъ до магистрата и до городскаго общества не было никакого дѣла; „они, говорилъ магистратъ, больше ничего какъ общество, въ которое можетъ идти каждый, кто бы онъ ни былъ, заплативъ 4 пфеннига за день. Нынче они у насъ, завтра могутъ изъ Риги выбраться". Въ той же лѣтописи, подъ 1481 г.; „всѣ сословія обязались взаимными присягами стоять заодно; въ этотъ разъ взяли также клятву съ черноголовыхъ, что они, какъ частные люди (Gesellen), будутъ защищать городъ, ибо такъ какъ они не жили постоянно въ Ригѣ, а безпрестанно уѣзжали и пріѣзжали вновь, то они обыкновенно не давали формальныхъ присягъ". Орденскій магистръ, съ своей стороны, хотѣлъ переманить ихъ на свою сторону и писалъ имъ, чтобы они выбрались изъ города со всѣмъ своимъ имуществомъ, обѣщая имъ конвой; но они не измѣнили и участвовали во всѣхъ походахъ Рижанъ, на сушѣ и на морѣ, въ городскомъ войскѣ, однакоже подъ начальствомъ своихъ собственныхъ предводителей.

Городскіе и форштатскіе обыватели.

Городское общество далеко не вмѣщало въ себѣ всего городскаго населенія; кромѣ гражданъ, въ Ригѣ имѣли постоянное пребываніе лица различныхъ званій, не принадлежавшія къ городскому обществу; изъ нихъ нѣкоторыя были подчинены городскому начальству и по званію своему стояли ниже гражданъ; другія были совершенно независимы отъ него и по званію своему состояли выше гражданъ. Обыватели.

Къ первому разряду принадлежали [1]): 1) Подчинен-

[1]) Исчисленіе классовъ простыхъ обывателей находится въ Книгѣ Ельтермановъ подъ 1559 годомъ, стр. 119, въ статьѣ о распредѣленіи подушной подати.

ные городскому начальству.

1. Неженатые торговые коммисіонеры (Kop-Gesellen).
2. Подмастерья (Gesellen) [1].

Тѣ и другіе находились внѣ общества гражданъ, не по происхожденію или по свойству занятій ихъ, а по возрасту и по степени, занимаемой ими въ торговомъ и ремесленномъ сословіи; удостоившись повышенія и вступивъ въ бракъ, они пріобрѣтали право гражданства; итакъ, сюда причислялись дѣти гражданъ и молодые люди, пріѣзжавшіе изъ-за границы съ намѣреніемъ водвориться въ Ригѣ; изъ этого класса восполнялось городское общество; онъ занималъ какъ бы середину между гражданами и тѣми обывателями, которые, по происхожденію и по роду занятій своихъ, были навсегда исключены изъ общества гражданъ.

3. Простые работники (Arbedes-lude); сюда причислялись ремесленники, какъ то: плотники, каменщики, ткачи и вѣроятно многіе другіе; этотъ классъ простыхъ работниковъ существовалъ не во всѣхъ родахъ ремеслъ, а только въ тѣхъ, вѣроятно, которыя требовали грубыхъ, тяжелыхъ работъ, и въ тѣхъ несомнѣнно, которыя не составляли исключительнаго занятія гражданъ и не входили въ цеховой распорядокъ. Даже въ ремеслахъ, получившихъ цеховое устройство, простые работники не имѣли мѣста въ цеховой іерархіи; они не составляли особой степени и разсматривались не какъ производители, а какъ орудія. Къ тому же классу причислялись работники другого рода, какъ то: носильщики (Salzträger, Losträger, Bieträger) лиггеры, вѣсовщики (Loete-Gilde, Pfeifer-Gilde) [2]. Нѣкоторые изъ нихъ весьма рано, въ XIV вѣкѣ, составляли уже особенныя гильдіи, какъ показываютъ приведенныя названія ихъ на древне-нѣмецкомъ языкѣ; впослѣдствіи, изъ нихъ составился совершенно отдѣльный разрядъ такъ называемыхъ рабочихъ цеховъ, но объ организаціи ихъ въ первомъ періодѣ мы знаемъ только: что въ нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ въ цехъ носильщиковъ, допускались наравнѣ Нѣмцы и мѣстные жители финскаго происхожденія [3]; что имъ запрещено было составлять самимъ для себя уставы

[1] Торговыя права первыхъ и ремесленныя права вторыхъ опредѣлены выше.

[2] Книга ельтермановъ, стр. 119. Завѣщаніе Бертольда Кокенгузена 1392 г. Nord. Mjsc. XX.—[3] Книга ельтермановъ 1559 г.

или соглашенія (Gesette, efte Endracht) безъ разрѣшенія магистрата; что для нихъ составлены были таксы, прибитыя къ вагнѣ; что имъ запрещено было принадлежать болѣе чѣмъ къ одной гильдіи (mer Gylde holden wen eyn) [1]). Подъ гильдіями въ этомъ случаѣ должно разумѣть цехи, на которые они дѣлились, а смыслъ всей статьи кажется тотъ, чтобы никто изъ нихъ не исправлялъ работъ по двумъ цехамъ, напримѣръ не былъ въ одно и то же время вѣсовщикомъ и носильщикомъ [2]).

4. Домашніе слуги (Hausknechte, Hausmägde или die um Lohn dienen) такъ же, какъ и работники, состояли изъ Нѣмцевъ и мѣстныхъ жителей финскаго происхожденія.

5. Наконецъ крестьяне: крѣпостные частныхъ лицъ и городскіе, жившіе на оброкѣ въ патримоніальномъ округѣ.

Всѣ эти классы отдѣльно и вмѣстѣ взятые не составляли сословій или одного сословія; они не имѣли правъ въ составѣ общества, не имѣли ни представителей, ни голоса въ дѣлахъ общественныхъ, ни участія въ управленіи. Они были подчинены городскому обществу, которое могло расширять и стѣснять ихъ права, налагать на нихъ подати и обязанности всякаго рода по своему усмотрѣнію.

---

[1]) Город. стат. 1798 г. Burspr. статьи 71, 73, 74.

[2]) Классъ работниковъ, какъ сказали мы, принадлежалъ къ разряду обывателей; въ томъ числѣ лиггеры и вѣсовщики. Такъ полагаемъ мы основываясь на указанномъ мѣстѣ изъ записокъ ельтермановъ, въ которомъ городскіе жители раздѣлены на классы. Во главѣ стоитъ: граждане, безъ различія, слѣдовательно всѣ граждане, потомъ Gesellen, далѣе работники, въ томъ числѣ носильщики, лиггеры и проч.; но есть другое мѣсто въ Книгѣ ельтермановъ (стр. 121 подъ 1559 г.), въ которомъ изложено требованіе большой гильдіи, чтобы магистратъ, по старинѣ, опредѣлялъ въ должности: привратниковъ, переводчиковъ и вообще въ доходныя должности, обѣдиѣвшихъ гражданъ большой гильдіи; тамъ же сказано, что вагня отдана на откупъ (въ ленъ) двумъ братьямъ. Изъ этого можно вывести противоположное заключеніе, что классъ, о которомъ идетъ дѣло, состоялъ изъ гражданъ. Для примиренія этого противорѣчія представляются двѣ гипотезы: можетъ быть, что въ рабочихъ цехахъ были высшія должности (напримѣръ, браковщиковъ, смотрителей, приставовъ, хозяевъ) и низшія—простыхъ работниковъ; можетъ быть, также, что обѣдиѣвшій гражданинъ, получившій для прокормленія такую должность, черезъ это самое терялъ право гражданства. Вспомнимъ, что обанкрутившіеся купцы исключались изъ большой гильдіи.

2) Независѣвшіе отъ городскаго начальства.

Ко второму разряду лицъ, независѣвшихъ отъ городскаго общества, принадлежали: католическое духовенство и члены ордена. Дворъ архіепископа со всѣми его принадлежностями, простиравшимися вплоть до Двины, орденскій замокъ съ его предмѣстьемъ [1]), монастыри, дома и земли, принадлежавшіе капитулу, составляли въ городѣ и чертѣ его какъ бы два отдѣльныхъ государства, изъ которыхъ одно управлялось представителемъ церкви, другое—главою рыцарства. Городское начальство не только не имѣло никакой власти надъ духовенствомъ и рыцарствомъ, но даже весь штатъ архіепископа и магистра, ихъ челядь, прислуга, мастеровые, служившіе имъ, по тогдашнему обычаю, были подчинены имъ непосредственно. Этотъ многочисленный классъ, состоявшій частью изъ рабовъ, частью же изъ вольныхъ, служилыхъ людей, размѣщался на земляхъ и въ домахъ, принадлежавшихъ духовенству и рыцарству, въ городѣ и въ форштатахъ. Съ домовъ, принадлежавшихъ ордену и архіепископу, городъ не бралъ никакихъ пошлинъ, или точнѣе не долженъ былъ брать; но тѣ, которые въ нихъ жили, по крайней мѣрѣ въ домахъ ордену принадлежавшихъ, обязаны были нести тѣ же повинности, какія и граждане [2]), что именно—не опредѣлено. Какъ бы то ни было, лица, жившія въ домахъ, принадлежавшихъ господамъ, пользовались выгоднымъ положеніемъ: во-первыхъ они находились подъ ихъ покровительствомъ и въ случаѣ нужды получали отъ нихъ помощь; во-вторыхъ—и это было всего важнѣе—мимо ихъ шли всѣ припасы, сельскіе продукты и часть товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ; они могли получать ихъ изъ первыхъ рукъ, перекупать ихъ на пути къ городскому рынку. Итакъ, положеніе ихъ благопріятствовало развитію запрещенной торговли и

[1]) Nord. Misc. 7—8, № 11. Грамота 1566 г.: dath Sloth to Rige mith syner Vorborch to dem ssulvigen Slothe hörende etc. О загородныхъ строеніяхъ, принадлежавшихъ архіепископу, упоминается въ грамотахъ 1209 г., 1226 г. и пр. Mon. Liv. ant., т. IV.

[2]) Въ мировой 1330 года (Арндтъ 11, стр. 88—89) alle de Armen und Würde, de dem Orden thogehort sallen, frey twesen von Schates wegen, und alse sind von Olders gewesen; doch de gennen, de darinnen wohnen, sollen glik thon den andern Börgern.

всякихъ промысловъ; отсюда неминуемый подрывъ для городскихъ жителей и непримиримая ихъ вражда къ жителямъ предмѣстій. Таково, кажется, было происхожденіе форштатовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ частей, которыя тянулись къ подворью архіепископа и къ замку. Впослѣдствіи, форштаты сдѣлались пріютомъ всѣхъ тѣхъ людей, которымъ строгія воспретительныя мѣры закрывали законныя средства снискивать себѣ пропитаніе, или которые предпочитали выгоды и опасности запрещенныхъ промысловъ честному труду. Это были: иностранные мелочные торговцы и разносчики, перекупщики, недоучившіеся бѣдные ученики и подмастерья, не находившіе себѣ мѣсть, бѣнгазы, виикельмейстеры, люди опороченные, преступники, преслѣдуемые закономъ и т. д. Ельтерманы никогда не называли ихъ иначе какъ бродягами или сволочью, а дома ихъ, амбары, бани, постоялые дворы — вредными или небывалыми строеніями—ungewöhnliche und schädliche Gebäude. Вражда города съ форштатомъ.

Нѣтъ почти ни одной страницы въ актахъ XVI вѣка и въ книгѣ ельтермановъ, гдѣ бы не встрѣчались жалобы ельтермановъ на подрывъ, происходящій для гражданъ отъ форштатовъ, и требованія самыхъ строгихъ мѣръ противъ нихъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры: въ 1502 г. магистратъ и большая гильдія приговорили: испросивъ разрѣшеніе господъ, въ 3 мѣсяца разломать всѣ загородныя небывалыя строенія, какъ то: амбары, бани, жилые дома и пр., въ которыхъ гнѣздился развратъ и отъ которыхъ происходилъ для гражданъ ущербъ; очистить берега Двины отъ выстроенныхъ на нихъ зданій (большею частью амбаровъ), изъ коихъ нѣкоторыя принадлежали ратсгерамъ и другимъ гражданамъ; просить архіепископа, чтобы онъ принялъ мѣры въ своихъ владѣніяхъ, прилегавшихъ къ городу, противъ молодыхъ парней (junge Knechte), которые стерегли обозы и препятствовали свободной торговлѣ съ сельскими жителями [1]).

Въ 1543 г. городское общество рѣшилось отправить депутатовъ къ магистру Герману фонъ Брюггенау напомнить ему данное имъ обѣщаніе: разломать всѣ вредныя загородныя

---

1) Mon. Liv. ant., т. IV, № 148.

строенія, въ которыхъ гнѣздились перекупщики и гдѣ зараждалась всякая сволочь; въ то же время просить его, чтобы онъ велѣлъ комендантамъ рижскаго замка и нейермиленскому, съ своей стороны, не терпѣть перекупщиковъ и не принимать бѣглыхъ преступниковъ; магистръ отвѣчалъ на это, что хорошо было бы, если бы никто не жилъ вокругъ города, и сообщилъ отъ себя приказаніе обоимъ комендантамъ. Разсказывая объ этомъ, ельтерманъ большой гильдіи восклицаетъ: теперь у магистрата отняты всѣ оправданія и отговорки и онъ, конечно, исполнитъ обѣщанія, намъ данныя; но ельтерманъ ошибался [1]). Не прежде какъ въ 1544 г. начали ломать строенія на Кубсбергѣ, по настоятельнымъ требованіямъ большой гильдіи и, кажется, на томъ и остановились [2]).

Въ 1548 г. ельтерманъ большой гильдіи вновь входилъ съ представленіемъ въ магистратъ объ ущербѣ, происходившемъ отъ вредныхъ строеній и отъ гостей, расположившихся вокругъ города; „много разъ жаловались на нихъ и предшественники мои, пишетъ ельтерманъ, но начальство ограничивалось одними обѣщаніями“ [3]).

Въ 1553 г. между двумя гражданами возгорѣлась тяжба по поводу пяти бочекъ дегтя, купленныхъ однимъ изъ нихъ у крестьянина; покупка произошла въ форштатѣ, въ вѣдомствѣ магистра; по этому одинъ изъ тяжущихся обратился къ коменданту, который горячо взялся за дѣло. По просьбѣ противной стороны, магистратъ отправилъ къ коменданту депутацію, прося его не вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ оно было торговое, и потому подлежало вѣдомству веттгерихта, изъ котораго магистратъ получалъ доходъ, т. е. часть штрафовъ. Но комендантъ возразилъ на это, что въ округѣ, принадлежащемъ его господину, онъ одинъ долженъ давать судъ, и магистратъ долженъ былъ уступить на этотъ разъ, хотя и не призналъ правъ коменданта; итакъ ясно, что даже въ половинѣ XVI вѣка часть форштата тянула судомъ къ магистру [4]). Въ томъ же году, граждане приступили къ капитулу съ требованіемъ, чтобы онъ разломалъ дома, вновь выстроенные на его поляхъ, въ противность договору, заключенному

[1]) Книга Ельтерм., стр. 12.—[2]) Тамъ же, стр. 19.—[3]) Книга Ельтерм., стр. 44, 45.—[4]) Тамъ же, стр. 68.

съ гражданами, и не имѣлъ бы на нихъ болѣе 5 домовъ. Капитулъ отказалъ, и магистратъ послалъ отъ себя разломать новые дворы, подтвердивъ при этомъ случаѣ всѣмъ гражданамъ, чтобы никто не нанималъ земель у духовенства, ибо черезъ это граждане укрѣпляются въ католическомъ идолопоклонствѣ [1]). Этотъ споръ съ капитуломъ послѣ того возобновлялся и тянулся долго: въ немъ замѣчательно, что капитулъ между прочимъ требовалъ, чтобы всѣ живущіе на подворьѣ архіепископа освобождены были отъ всякаго рода повинностей въ пользу города по старинѣ. Если дѣйствительно старина гласила въ пользу духовенства, то значитъ лица, подчиненныя архіепископу, въ этотъ отношеніи пользовались еще большими преимуществами, чѣмъ служилые люди магистра [2]). Въ 1555 г., граждане вторично разломали дома, построенные на поляхъ, капитулу принадлежавшихъ [3]). Наконецъ, по смерти послѣдняго архіепископа. въ 1562 г., магистратъ воспользовался этимъ случаемъ и велѣлъ разломать небывалыя строенія, принадлежавшія ему подъ Нейгофомъ и вдоль Двины [4]). Но, еще за годъ передъ этимъ, Готгартъ Кетлеръ, присягнувъ Польшѣ, передалъ ей между прочимъ рижскій замокъ и все, что принадлежало ему въ Ригѣ; такимъ образомъ часть предмѣстья спаслась отъ вѣроятнаго разоренія [5]).

Итакъ, форштаты держали городъ въ постоянной осадѣ; самое существованіе ихъ было какъ бы живымъ протестомъ противъ обращенія городскихъ промысловъ въ кормленія и вмѣстѣ обличеніемъ несостоятельности воспретительныхъ мѣръ.

[1]) Книга Ельтерм., стр. 69, 70.—[2]) Тамъ же, стр. 85.—[3]) Тамъ же, стр. 89.—[4]) Тамъ же, стр. 131.—[5]) Тамъ же, стр. 127, 128.

Взаимныя отношенія и совокупная дѣятельность городскихъ сословій съ XIII в. до 1582 г.

Разложивъ городское общество на составныя его части и разсмотрѣвъ каждую отдѣльно, мы теперь должны возсоздать изъ нихъ цѣлое, показать ихъ взаимное отношеніе и совокупную дѣятельность. Предметъ этотъ, по существу своему, не можетъ быть изложенъ иначе, какъ исторически.

XIII в. Значеніе магистрата.

Въ XIII и въ началѣ XIV вѣка магистратъ стоялъ во главѣ городскаго общества и былъ единственнымъ его представителемъ: онъ относился къ нему не какъ одно сословіе къ другому сословію, но какъ начальство къ подчиненнымъ, еще не имѣвшимъ никакихъ политическихъ правъ. Власть его ничѣмъ не была ограничена юридически въ отношеніи къ гражданамъ, не были опредѣлены тѣ случаи, въ которыхъ нужно было призывать ихъ на совѣщаніе; не менѣе того, весьма вѣроятно, что подобные случаи встрѣчались даже въ первомъ вѣкѣ существованія Риги, въ затруднительныхъ для города обстоятельствахъ и при изданіи новыхъ законовъ полицейскихъ, торговыхъ и вообще относившихся до внутренняго городскаго устройства и городскихъ промысловъ. Нѣкоторыя указанія, встрѣчающіяся въ документахъ позднѣйшихъ временъ и въ своемъ мѣстѣ нами уже приведенныя, оправдываютъ это предположеніе.

Участіе гражданъ въ изданіи законовъ.

Съ XIV в. участіе ихъ въ дѣлахъ внѣшней политики.

Первое до насъ дошедшее, положительное извѣстіе о самостоятельномъ участіи гражданъ въ дѣлахъ политики относится къ 1330 г. Магистръ Монгеймъ осаждалъ Ригу: городъ не былъ готовъ къ войнѣ, потому что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ трети острова Езеля, принадлежавшей Ригѣ, не было собрано никакихъ доходовъ. Граждане узнали объ этомъ, какъ кажется, въ самую минуту опасности и изъявили магистрату свое неудовольствіе за его небрежность [1]). Вскорѣ послѣ этого, городъ доведенъ былъ до крайности; тогда происходило совѣщаніе въ палатѣ Зестской (in stupa de Sosato), на

[1]) Хроника Мельхіора Фукса. Nord. Misc. 26.

которомъ участвовали всѣ граждане, богатые и бѣдные; они положили сдаться и уполномочили магистратъ заключить съ орденомъ миръ на возможно выгодныхъ условіяхъ [1]). — Въ 1426 году магистръ Рутенбергъ, преемникъ Моингейма, жалованною грамотою уступилъ городу половину контрибуціи, на него наложенной, по просьбѣ ельтермановъ и братьевъ обѣихъ гильдій: о магистратѣ въ этомъ документѣ вовсе не упоминается [2]). Въ 1451 году на Кирхгольмскій сеймъ отправились отъ города 12 человѣкъ пословъ, въ томъ числѣ члены магистрата и выборные отъ гражданъ [3]). Съ этого времени, т. е. съ половины XV вѣка, граждане, черезъ своихъ представителей, ельтермановъ и старшинъ обѣихъ гильдій, постоянно подавали голосъ въ дѣлахъ внѣшней политики, и хотя по прежнему магистратъ игралъ въ нихъ главную роль, но, безъ вѣдома и согласія гражданъ, онъ уже не отправлялъ и не принималъ пословъ, не объявлялъ войны, не заключалъ мира.

Съ половины XV в. начало самостоятельности гильдій.

Отношеніе Риги къ архіепископу и магистру во второй половинѣ XV вѣка чрезвычайно благопріятствовало развитію въ городскомъ обществѣ самостоятельныхъ интересовъ и политическихъ партій. Владыки Лифляндіи, немедленно по заключеніи Кирхгольмскаго договора, начали хлопотать объ его уничтоженіи; для этого необходимо было содѣйствіе самого города, и потому оба прилагали всевозможное стараніе, чтобы привлечь его на свою сторону; сперва, разумѣется, каждый изъ нихъ обращался къ магистрату, но, такъ какъ магистратъ не могъ въ одно и то же время угодить обоимъ, то недовольный заводилъ непосредственныя сношенія съ гильдіями, поджигалъ ихъ на магистратъ, распространялъ между ними взаимныя подозрѣнія и не жалѣлъ денегъ на подкупы. При этихъ обстоятельствахъ, участіе гражданъ въ политикѣ очень скоро приняло характеръ оппозиціи противъ магистрата; слѣды недовѣрчивости ихъ къ ратсгерамъ, справедливой или несправедливой, замѣтны на каждомъ шагу. Такъ въ 1454 г., въ то время какъ магистратъ еще колебался между орденомъ и

[1]) Актъ, составленный имп. нотаріусомъ по просьбѣ гражданъ. Inland, 1840 г., № 3.—[2]) Nord. Misc. 1—11, № 11 —[3]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 98.

архіепископомъ, наперерывъ подступавшими къ нему съ несбыточными обѣщаніями, граждане громко роптали на первоприсутствующаго бургомистра и говорили, что магистратъ измѣняетъ имъ и продаетъ ихъ ордену. Въ отмщеніе за это, магистратъ выключилъ изъ среды своей двухъ ратсгеровъ, которые держались противной партіи, но и самъ бургомистръ едва устоялъ на мѣстѣ. Граждане грозили раскроить ему голову. Вскорѣ послѣ этого, магистръ пригласилъ Ригань отправить пословъ на Валкскій ландтагъ для примиренія. Желаніе его было исполнено и магистратъ хотѣлъ уполномочить пословъ на заключеніе договора; но ельтерманъ большой гильдіи рѣшительно воспротивился этому и, по его требованію, посламъ велѣно было только выслушать предложенія и донести о нихъ обществу. Этотъ ельтерманъ, Германсъ, игралъ въ то время важную роль; онъ былъ подкупленъ архіепископомъ Сильвестромъ за 3500 таллеровъ и, располагая обѣими гильдіями, открыто дѣйствовалъ противъ магистрата, стоявшаго за орденъ, и долго парализировалъ всѣ его предпріятія. Но впослѣдствіи обстоятельства измѣнились; самъ Сильвестръ, раздражившій всю Лифляндію своимъ вѣроломствомъ, былъ причиною, что Рига отъ него отложилась. Онъ поразилъ ее отлученіемъ, т. е. всѣхъ гражданъ въ совокупности и въ особенности членовъ магистрата, ельтермановъ и старшинъ обѣихъ гильдій. Въ то время городскія сословія дѣйствовали заодно и архіепископу не удалось разлучить ихъ ни лестью, ни угрозами. Между тѣмъ папа снялъ интердиктъ черезъ своего нунція, и архіепископъ, видя, что крайнее средство, къ которому онъ прибѣгнулъ, не удалось, отправилъ въ Ригу пословъ. Объ этомъ посольствѣ лѣтописецъ сообщаетъ любопытныя извѣстія, изображающія въ живыхъ формахъ отношенія магистрата къ гражданамъ. Грамота, которую уполномоченные отъ Сильвестра вручили магистрату, имѣла слѣдующую надпись: „строптивымъ и дерзкимъ бургомистрамъ, ратсгерамъ, городскому обществу и всѣмъ обывателямъ нашего города.“ Магистратъ прочелъ эти слова, призвалъ пословъ и тогда первоприсутствующій бургомистръ сказалъ имъ: „Возьмите назадъ вашу грамоту и подобной въ другой разъ не привозите, иначе строго по-

платитесь. Знайте, что магистратъ требуетъ отъ архіепископа такого же уваженія, какое оказываютъ ему императоръ и папа. Счастье ваше, что при чтеніи не было никого изъ простыхъ гражданъ; иначе васъ бы выпроводили такъ, что вы бы подъ собою земли не почуяли. Двери отперты: вотъ вамъ и отвѣтъ вашему господину.“ Магистратъ боялся вспыльчивости гражданъ и сознавалъ свое безсиліе укрощать ихъ; граждане не довѣряли магистрату и боялись отъ него измѣны. Нѣсколько лѣтъ спустя, по смерти Сильвестра, городъ перешелъ на сторону нареченнаго папою архіепископа и отказалъ магистру содѣйствовать ему на войнѣ съ Русскими. Магистръ укрѣпилъ свой рижскій замокъ и обнаружилъ намѣреніе дѣйствовать силою; тогда, предчувствуя опасность, прибѣгли, для поддержанія въ городѣ согласія, къ новому средству. Всѣ городскія сословія, магистратъ, большая гильдія, малая со всѣми цехами и общество черноголовыхъ обязались взаимною присягою стоять заодно и не щадить жизни для спасенія города. Необходимость этой мѣры ясно показываетъ, что уже въ то время каждое сословіе имѣло свой голосъ и свою волю; это кажется первый, до насъ дошедшій договоръ между городскими сословіями. Но магистръ наученный примѣрами предшествовавшихъ годовъ, не терялъ надежды разорвать этотъ союзъ; онъ писалъ къ магистрату въ укорительномъ тонѣ, къ гражданамъ особо, чтобы они не давали дурачить себя магистрату, черноголовымъ особо, чтобы они выбрались заблаговременно изъ города. На этотъ разъ попытка его посѣять въ городѣ раздоръ не имѣла успѣха; началась война, въ которой рижское войско дѣйствовало подъ предводительствомъ ратсгеровъ и ельтермановъ обѣихъ гильдій — сословное начало проникло даже въ устройство войскъ.

Лѣтопись Мельхіора Фукса, изъ которой извлечены эти факты, прекращается на 1481 годѣ и въ источникахъ внутренней исторіи города Риги представляется перерывъ до 1540 года, съ котораго начинаются записки ельтермановъ большой гильдіи. Между тѣмъ, этотъ промежутокъ времени чрезвычайно важенъ, ибо въ немъ началась борьба малой гильдіи съ магистратомъ и большою гильдіею и споръ о рас-

предѣленіи городскихъ кормленій между гражданами. Все, что мы знаемъ объ этихъ внутреннихъ распряхъ, сохранилось въ нѣсколькихъ документахъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ.

XVI вѣкъ. Борьба малой гильдіи съ магистратомъ.

Въ 1500 г., архіепископъ Михаилъ и магистръ Плеттенбергъ вызвали въ Вендень нѣсколькихъ членовъ магистрата и ельтермановъ для того, чтобы положить конецъ давнишнимъ оскорбленіямъ, ссорамъ, язвительнымъ упрекамъ, обидамъ и жалобамъ между магистратомъ съ одной стороны и малою гильдіею съ другой; такъ сказано въ документѣ, по этому случаю изданномъ. Выслушавъ жалобы и оправданія обѣихъ сторонъ, господа приговорили: чтобы всѣ старыя вины, проступки и оскорбленія были покрыты забвеніемъ; чтобы впредь обѣ гильдіи воздавали магистрату должное уваженіе, а магистратъ, съ своей стороны, держалъ бы городское общество по старинѣ, по пошлинѣ, соблюдалъ бы похвальные обычаи и не налагалъ бы на граждань никакихъ новыхъ тягостей безъ вѣдома, согласія и разрѣшенія обоихъ господъ, по силѣ Кирхгольмскаго договора; чтобы магистратъ и общество жили въ согласіи и любви; чтобы всѣ пользующіеся городскими кормленіями и занимающіе должности вступали въ братство одной изъ двухъ гильдій, если только честь ихъ незапятнана; наконецъ, чтобы виновные въ нарушеніи этихъ статей впредь были подвергаемы суду [1]).

Рѣшеніе архіепископа и магистра 1500 г.

Этотъ документъ важенъ во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, изъ него мы узнаемъ, что распри между магистратомъ и малою гильдіею въ началѣ XVI вѣка дошли до того, что уже не было возможности избѣгнуть посредничества господской власти, которую городъ такъ неохотно допускалъ къ участію въ дѣлахъ внутренняго управленія; во-вторыхъ, онъ важенъ какъ зародышъ городской конституціи, какъ опредѣленіе, конечно еще весьма недостаточное, взаимныхъ отношеній городскихъ сословій, равно обязательное для магистрата и для гражданъ, ибо оно исходило отъ верховныхъ владыкъ Лифляндіи; наконецъ, въ немъ ясно и въ первый разъ высказано совершенно новое начало—обусловливавшее поль-

1) Книга Ельтерм., стр. 116—117. Rig. Stadtbl. 1823 г., стр. 111 и слѣд.

зованіе правами гражданства принадлежностью къ братству, иными словами: для всѣхъ гражданъ вступленіе въ гильдіи признано было обязательнымъ; такимъ образомъ, цѣль, къ которой стремились гильдіи, была опредѣлена и узаконена, но достиженіе ея онѣ должны были купить столѣтнею борьбою съ магистратомъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ: въ чемъ именно состояли взаимныя жалобы магистрата и малой гильдіи; вѣроятно, послѣдняя добивалась того же, чего и большая гильдія, т. е. чтобы лицамъ, непринадлежавшимъ къ братству, запрещено было заниматься ремеслами; достовѣрно только, что приговоръ архіепископа и магистра не прекратилъ внутреннихъ распрей. Два года спустя, въ 1502 году, по предложенію магистрата, долженъ былъ составиться родъ комитета изъ выборныхъ отъ магистрата, отъ большой и малой гильдіи, по четыре изъ каждаго сословія, для введенія лучшаго порядка въ производствѣ торговли, ремеслъ, промысловъ, для ограниченія роскоши въ частной жизни и для учрежденія правильнаго надзора по всѣмъ этимъ частямъ. Предполагалось: мѣры, которыя признаны будутъ нужными, разсмотрѣть предварительно въ магистратѣ и въ обѣихъ гильдіяхъ, а потомъ испросить утвержденіе обоихъ господъ. Изъ сохранившихся протоколовъ этого комитета видно, что выборные отъ большой гильдіи явились въ магистратъ, но представители малой, подъ разными предлогами, отказались присутствовать на совѣщаніяхъ; потомъ вся малая гильдія отдѣлилась отъ магистрата и большой гильдіи, такъ что два послѣднія сословія, безъ ея участія, разсмотрѣли все дѣло и приговорили между прочимъ слѣдующее: чтобы мясники, подъ страхомъ лишенія своего кормленія, четырежды въ годъ отдавали амтсъ-герамъ отчетъ въ соблюденіи всѣхъ статей гражданскихъ словъ, опредѣлявшихъ ихъ обязанности въ отношеніи къ гражданамъ и къ крестьянамъ; чтобы въ городѣ занимались мелочною торговлею не болѣе шести гражданъ; чтобы простой народъ, ремесленники и ихъ жены придерживались установленной для нихъ одежды, дабы при первомъ взглядѣ можно было отличить ихъ званіе; чтобы производящіе ремесла не смѣли въ то же время заниматься торговлею или пивовареніемъ. Всѣ эти статьи не нравились малой

гильдіи и объясняютъ ея сопротивленіе, впрочемъ не единодушное: ибо, когда стали собирать голоса поголовно, то нѣкоторые члены малой гильдіи согласились съ предположеніями комитета и записали свои имена въ магистратъ въ особыхъ спискахъ; другіе же, около 17 человѣкъ, объявили, что они намѣрены оставаться при прежнемъ гражданскомъ словѣ, Кирхгольмскомъ договорѣ и не хотятъ никакихъ нововведеній. Такой же точно отвѣтъ далъ отъ себя архіепископъ, когда новыя статьи были поднесены ему на утвержденіе; напротивъ того, магистръ изъявилъ свое одобреніе. Это обстоятельство наводитъ на предположеніе, что малая гильдія отдѣлилась отъ прочихъ двухъ сословій не безъ вѣдома и согласія духовнаго владыки. Не смотря на то, магистратъ и граждане большой гильдіи грозили поступить съ противниками предположеннаго порядка по всей строгости законовъ; но изъ протокола не видно, возъимѣла ли угроза какое нибудь послѣдствіе, а позднѣйшія происшествія показываютъ, что согласіе не было возстановлено. Магистратъ и большая гильдія настаивали на исполненіи своихъ рѣшеній, считая ихъ вошедшими въ законную силу: напротивъ малая гильдія отвергала ихъ какъ необязательныя для нея, такъ какъ она не изъявляла на нихъ своего согласія [1]).

Рѣшеніе архіепископа и магистрата. 1510 г.

Отсюда произошли новыя распри, вынудившія вторичное вмѣшательство архіепископа и магистра. Въ 1510 году они призвали въ Вендень депутатовъ обѣихъ партій, на которыя раздѣлилось городское общество для выслушанія ихъ требованій. Оказалось, что спорными пунктами были именно постановленія о правѣ пивоваренія и кружечной продажи и правила, изданныя для нѣкоторыхъ цеховъ: мясниковъ, башмачниковъ и пекарей. Господа рѣшили: чтобы правомъ варить пиво и медъ пользовались только братья и сестры большой и малой гильдіи и лица, занимающія должности (Besitzer eines Amts—что можетъ также значить мастера) по силѣ приговора 1500 года; (итакъ, право пивоваренія было возвращено малой гильдіи и въ этомъ отношеніи она одержала побѣду);

[1]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 148. Rig. Stadtbl. 1817 г., 122, 126.

чтобы пользующіеся правомъ пивоваренія отнюдь не занимались кружечною продажею; притомъ, чтобы варили только разъ въ недѣлю и опредѣленное количество. Право пивоваренія отнято было у магистратской прислуги. Далѣе, постановлены были правила для производства ремеслъ, замѣчательныя тѣмъ, что, при изданіи ихъ, имѣли въ виду не столько выгоды цеховъ, сколько выгоды покупателей и закащиковъ, многократно жаловавшихся на цеховыхъ, какъ сказано въ грамотѣ. Въ заключеніе архіепископъ и магистръ предоставляли себѣ часть штрафовъ, право прощать виновнымъ въ нарушеніи этихъ правилъ, измѣнять и отмѣнять ихъ по своему усмотрѣнію и по обстоятельствамъ времени [1]).

Распри по поводу правилъ о торговлѣ. 1539 г.

Но внутреннія распри этимъ не окончились. Подъ 1539 г. упоминается о какихъ то новыхъ правилахъ о порядкѣ производства торговли, до насъ не дошедшихъ, которыя были постановлены съ общаго согласія магистратомъ и большою гильдіею, безъ участія малой, ибо она торговлею не занималась,—какъ сказано въ книгѣ ельтермановъ. Когда же приступили къ вопросу о пивоваренiи, призвали и малую гильдію на совѣщаніе; но она отвергла всѣ предположенія и объявила, что намѣрена держаться во всей строгости привилегій, данныхъ ей обоими господами [2]). Кажется, что примѣръ малой гильдіи, умѣвшей поставить себя подъ непосредственное покровительство верховной власти, соблазнялъ и большую гильдію. Въ запискахъ ельтермана, въ то время управлявшаго ею, мы находимъ слѣдующія строки: „Большая гильдія неоднократно жаловалась, что она не имѣетъ никакихъ привилегій и намѣревалась даже испросить себѣ таковыхъ у своего господина, магистра ордена; но положеніе 1539 года (не дошедшее до насъ) заключаетъ въ себѣ достаточныя привилегіи и преимущества; дай Богъ только, чтобы ихъ соблюли, и тогда большая гильдія, безъ сомнѣнія, останется въ великой чести“ [3]). Изъ этого видно, что, не смотря на протестъ малой гильдіи, постановленія магистрата и большой гильдіи вошли въ силу. Но малая гильдія опять прибѣгла къ тому средству, которое уже

[1]) Rig. Stadtbl. 1832 г., №№ 48, 49, 51; 1823 г., №№ 15, 20. — [2]) Книга Ельтерм., стр. 41. — [3]) Mon. Liv. ant., т. IV, № 161.

удавалось ей не разъ: въ 1541 г. она обратилась къ магистру Герману фонъ-Брюггенау, по свидѣтельству ельтермана большой гильдіи, тайно, безъ вѣдома другихъ сословій [1]), и выпросила у него привилегію, въ которой переписана была прежняя грамота 1500 г. съ слѣдующимъ замѣчательнымъ прибавленіемъ: „Гильдія жалуется, что бургомистръ и магистратъ отнимаютъ у нея пивоваренie, кружечную продажу, торговлю (Handel und Wandel, Kauf und Verkauf) и другія кормленія; но такъ какъ чрезъ это члены ея лишаются средствъ снискивать себѣ и своимъ семействамъ пропитаніе, а между тѣмъ они должны нести всѣ повинности, платить всѣ подати, исправлять сторожевую службу, содѣйствовать въ постройкѣ городскихъ стѣнъ, то они просятъ, чтобы имъ разрѣшено было пользоваться городскими кормленіями, но чтобы иностранцамъ, къ братству непринадлежащимъ, было въ этомъ отказано. Магистръ исполнилъ ихъ просьбу, предоставилъ имъ всѣ промыслы: пивоваренie, кружечную продажу, торгъ, покупку и продажу и проч., наравнѣ съ большою гильдіею, обязалъ ихъ только не противиться законнымъ и справедливымъ требованіямъ магистрата и воздавать ему должную честь" [2]). Изъ всего этого видно, что до половины XVI вѣка городскіе промыслы не были строго распредѣлены между обѣими гильдіями; притязаніе большой гильдіи отнять у малой право пивоваренія рушилось; другое притязаніе ея присвоить себѣ исключительное право торговли также не возъимѣло на этотъ разъ успѣха; но въ этомъ случаѣ, право, основанное на древнемъ обычаѣ, соблюдавшемся во всѣхъ германскихъ городахъ, было на ея сторонѣ, и кажется, что малая гильдія получила отъ магистра болѣе, чѣмъ сама ожидала; по крайней мѣрѣ она не была въ состояніи, даже не пыталась впослѣдствіи воспользоваться предоставленными ей правами, во всемъ ихъ объемѣ.

Привилегія 1541 г., данная малой гильдіи.

Итакъ, въ промежуткѣ времени отъ половины XV до половины XVI вѣка, выработалась сословная организація обѣихъ гильдій; большая пріобрѣла самостоятельное поло-

[1]) Книга Ельтерм., стр. 41. — [2]) Эта привилегія въ сокращенномъ переводѣ напечатана въ Rig. Stadtbl 1823 г., № 15

женіе въ эпоху распрей, слѣдовавшихъ за Кирхгольмскимъ договоромъ, пользуясь готовностью архіепископа и магистра содѣйствовать образованію политическихъ партій въ средѣ городскаго общества; вскорѣ послѣ того малая гильдія, въ свою очередь, поднялась на равную степень независимости, подъ покровительствомъ тѣхъ же владыкъ Лифляндіи. Въ этомъ стремленіи, большая гильдія встрѣтила сопротивленіе со стороны магистрата: малая гильдія, поздиѣе начавшая думать объ огражденіи своихъ правъ, должна была выдержать борьбу съ магистратомъ и большою гильдіею соединившимися противъ нея. Та и другая взяла свое мѣсто съ бою.

Въ половинѣ XVI вѣка взаимное отношеніе сословій было слѣдующее: магистратъ, нѣкогда безъ раздѣла и безотвѣтственно властвовавшій, находился, если не въ прямой враждѣ, то въ соперничествѣ съ гильдіями, которымъ онъ долженъ былъ уступить постоянное участіе въ дѣлахъ внѣшней политики, въ законодательствѣ и право распоряженія кормленіями. Не имѣя возможности преодолѣть ихъ, когда онѣ стояли заодно, онъ старался, въ случаѣ сопротивленія одной изъ нихъ, противополагать ей другую, или призывалъ на помощь низшіе классы городскаго населенія, по своему положенію устраненные отъ всякаго участія въ дѣлахъ общественныхъ. Большая и малая гильдіи, порѣшивъ между собою вопросъ о распредѣленіи кормленія, не имѣли уже причинъ враждовать другъ къ другу и дѣйствовали заодно противъ магистрата и противъ городскихъ жителей, къ братствамъ непринадлежавшихъ. Это отношеніе городскихъ сословій обнаружилось въ дѣлахъ внѣшней политики, въ администраціи и въ финансовомъ управленіи.

Въ половинѣ XVI вѣка взаимное отношеніе сословій.

Въ 1546 г. архіепископъ, еще неотказавшійся отъ надежды удержать свое господство надъ городомъ, рѣшительно принявшимъ реформацію, отправилъ въ Ригу пословъ съ требованіемъ подданства и присяги, на прежнемъ основаніи. Требованіе это сообщено было обѣимъ гильдіямъ, которыя черезъ своихъ ельтермановъ передали магистрату, что онѣ намѣрены до будущаго ландтага не отступать отъ Лемзальскаго договора, по которому, впредь до разрѣшенія всѣхъ

1) Въ дѣлахъ внѣшней политики.

споровъ. господство надъ Ригою передано было ордену. Магистратъ не былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ и представилъ гражданамъ, что если архіепископъ не согласится на отсрочку, то можетъ произойти бѣда для всего города. Съ своей стороны, граждане отвѣтили совѣтомъ обождаться съ магистромъ и просить у него наставленія. Магистратъ, который благопріятствовалъ архіепископу, не одобрилъ и этого предложенія и, послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, объявилъ ельтерманамъ, что, хотя нѣтъ обычая, по которому бы ратгеры обязаны были открывать имъ свои совѣщанія, но на этотъ разъ они намѣрены сообщить имъ какую то вновь составленную записку, какъ видно по всему, оскорбительную для ордена. По прочтеніи ея, старшины имѣли между собою совѣщаніе, на которомъ рѣшили, что такъ какъ дѣло касалось не ихъ однихъ, но всего общества, то записка должна быть прочтена въ полныхъ гильдейскихъ собраніяхъ. Въ этомъ случаѣ ельтерманы очевидно метили магистрату, который передъ этимъ поступилъ съ ними нечестно, напримѣръ: утаивалъ отъ нихъ результаты переговоровъ съ владыками Лифляндіи; передавалъ гражданамъ ихъ требованія несполна, и проч. Угадывая дурное расположеніе ельтермановъ, магистратъ отвѣчалъ, что онъ намѣренъ созвать передъ ратушею всѣхъ гражданъ домохозяевъ (besittlike Borgere), присяжныхъ и неприсяжныхъ, Нѣмцевъ и простыхъ людей финскаго происхожденія, и прочесть имъ свою записку. Тогда ельтерманы прибѣгли къ хитрости и дали знать, что они готовы допустить такое униженіе съ тѣмъ, чтобы записка была предварительно сообщена старшинамъ; но едва послѣднее было исполнено, они объявили на отрѣзъ, что не станутъ совѣщаться со всякою сволочью и требовали, чтобы рукопись по старому обычаю была представлена на разсмотрѣніе обѣихъ гильдій. Обманутый магистратъ долженъ былъ уступить, и обѣ гильдіи, къ великой его досадѣ, поставили на своемъ: рукопись была отправлена къ магистру [1]). Впрочемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ подобныхъ размолвокъ, послѣдніе годы первой половины XVI вѣка прошли довольно

[1]) Книга Ельтерм. стр. 27 и 28.

мирно. Стремленіе рижской политики въ борьбѣ съ упадавшею церковью было такъ ясно опредѣлено самими обстоятельствами, что почти не могло быть о немъ и спора. Но когда земскія сословія, присягнувъ Польшѣ, оставили городъ съ полнымъ правомъ располагать собою, съ опасною независимостью и не менѣе опасною отвѣтственностью, которой никто уже не раздѣлялъ, положеніе его измѣнилось. Здѣсь уже нельзя было предаваться данному направленію, которое само собою увлекало къ неминуемой развязкѣ, ибо на каждомъ шагу возникали новыя, непредвидѣнныя трудности, для разрѣшенія коихъ требовалось всякій разъ быстрое и ясное соображеніе выгодъ и невыгодъ, опасностей и надеждъ, мѣры силъ и препятствій. До выдачи второй Радзивиловской грамоты, городскія сословія дѣйствовали согласно; но съ этого времени магистратъ и граждане начали мало-по-малу расходиться. Магистратъ, знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ и вовсе не чуждый дипломатическаго такта, кажется скоро понялъ, что Рига неминуемо должна была подчиниться Польшѣ и что ей лучше было добровольно рѣшиться на то, къ чему не мудрено было ее принудить. Напротивъ того, кругъ зрѣнія обѣихъ гильдій ограничивался городскими стѣнами, за которыми онѣ мало или ничего не видѣли. У нихъ была грамота Радзивиловская, изъ которой онѣ не хотѣли уступить ни буквы; построеніе бульверка и другія мѣры польскаго правительства, ближе и ближе подступавшаго къ Ригѣ, раздражали, но не пугали ихъ; онѣ были неустрашимы, потому что не понимали опасности и хотѣли трактовать съ Польшею, какъ двѣ равносильныя державы, въ твердой увѣренности что рижское купечество съ рижскими цехами можетъ потягаться съ соединенными силами Польши и Литвы. Магистратъ клонилъ къ уступчивости, гильдіи упирались и съ своей точки зрѣнія объясняли себѣ политическую роль высшаго сословія злыми умыслами, предательствомъ, подкупами польскаго правительства; кажется въ послѣднемъ отношеніи онѣ были не совсѣмъ не правы. Слѣдующія происшествія, взятыя изъ цѣлаго ряда подобныхъ, ежегодно повторявшихся случаевъ, послужатъ оправданіемъ выписка-

занному [1]). Въ 1568 году, польское правительство, черезъ посредство курляндскаго герцога, объявило требованіе, чтобы Рига отправила въ Польшу депутатовъ для окончательныхъ переговоровъ о подданствѣ. Гильдіи собрались и рѣшили, что прежнія условія, заключенныя съ Польшею, уже не имѣютъ силы, ибо самъ Хоткевичъ ихъ нарушилъ, и потому отказались отъ всякихъ переговоровъ, пока не разломаютъ блокгауза и форштата и не очистятъ путей. Магистратъ не рѣшился передать этого отвѣта и, уже извѣдавъ по опыту упрямство гильдій, упрашивалъ ельтермановъ и старшинъ не созывать собранія, а прямо отъ себя отправить въ Польшу депутатовъ; но ельтерманы, разумѣется, не согласились и гильдіи остались при своемъ мнѣніи. На другой годъ магистратъ созвалъ ельтермановъ и старшинъ и объявилъ имъ, что онъ вмѣстѣ съ пасторами (die Herrn Predicanten), отъ которыхъ магистратъ надѣялся помощи, постановилъ мнѣніе (ohne gude Meninge entsladen hedden), которое намѣренъ сообщить всему городскому обществу, и потому требовалъ, чтобы оно созвано было передъ ратушею. Ельтерманы спросили: намѣренъ ли магистратъ предварительно сообщить имъ свое мнѣніе, и когда магистратъ отказалъ имъ въ томъ, они молча ушли и не исполнили его требованія, „потому, какъ пишетъ ельтерманъ большой гильдіи, что имъ не оказали довѣрія“. На другой день, бургомистръ послалъ къ нему на домъ и вторично требовалъ, чтобы граждане были созваны: „пусть бургомистръ созоветъ ихъ самъ, отвѣчалъ ельтерманъ, а мнѣ не до того: день праздничный, нужно подумать о Богѣ“. Старшины поддерживали его и говорили, что магистратъ затѣваетъ новое, противное старинѣ, что общество приглашается въ ратушу только для присяги. Такъ прошло 13 дней. По истеченіи ихъ, магистратъ опять призвалъ представителей гильдій и повторилъ свое требованіе, подкрѣпляя его свидѣтельствомъ шести ратгеровъ, отправлявшихъ прежде должность ельтермановъ и будто бы помнившихъ, что подобные случаи имѣли мѣсто въ старину. При этомъ магистратъ жаловался, что ельтерманы хотятъ связать

[1]) Все нижеслѣдующее извлечено изъ Книги Ельтермановъ.

ему руки, какъ будто не довѣряютъ его заботливости о благѣ города, и наконецъ имѣлъ неосторожность обвинить ельтермана большой гильдіи въ неточномъ докладѣ мнѣнія его сословія: но ельтерманы были непреклонны. Наконецъ бургомистръ потерялъ терпѣніе и сказалъ: „если вы не хотите, то магистратъ отъ себя созоветъ гражданъ, вы же не имѣете права безъ его разрѣшенія назначать собраній". Ельтерманъ отвѣчалъ: „посмотримъ какъ-то мы не имѣемъ права", и въ то же время сговорился съ другимъ ельтерманомъ созвать обѣ гильдіи. На этомъ собраніи оскорбленный ельтерманъ успѣлъ затронуть самолюбіе гражданъ своими жалобами на магистратъ, выставилъ себя мученикомъ и просилъ защиты. Граждане горячо за него заступились и послали его въ магистратъ требовать отъ ихъ имени, чтобы бургомистръ назвалъ того, кто взвелъ на ельтермана обвиненіе въ неточной передачѣ порученій общества, объявляя заранѣе, что если не назовутъ доносчика, то граждане припишутъ эту клевету самому бургомистру. Въ то время, какъ происходило это собраніе, магистратъ прислалъ своего привратника съ вопросомъ: были ли приглашены на совѣщаніе гильдіи лица, къ братству не принадлежащія, ибо, въ противномъ случаѣ, магистратъ намѣренъ пригласить ихъ къ себѣ. Отвѣта не дали, и на другой день магистратъ дѣйствительно велѣлъ всему городскому обществу собраться передъ ратушею, угрожая непослушнымъ денежнымъ штрафомъ и изгнаніемъ изъ города; не пригласили только обоихъ ельтермановъ, которые нарочно прохаживались по рынку, чтобы отнять у магистрата возможность всякой отговорки. Нѣкоторые изъ приглашенныхъ явились, но чѣмъ это дѣло окончилось, остается неизвѣстнымъ, потому что ельтерманъ на этомъ мѣстѣ вычеркнулъ нѣсколько строкъ въ своихъ запискахъ. Извѣстно только, что магистратъ успокоилъ его.

Въ 1571 г. магистратъ сочинилъ отвѣтъ на предложеніе Хотковича о возобновленіи переговоровъ и, не желая подвергать его разсмотрѣнію ельтермановъ, которые просили съ него копію, попытался вторично созвать отъ себя гражданъ. Въ этотъ разъ явилось не болѣе 5 или 6 человѣкъ, вѣроятно къ братствамъ не принадлежавшихъ; братья же

отвѣчали магистратскимъ прислужникамъ, что они не обязаны исполнять требованій магистрата и что у нихъ есть свои ельтерманы, которымъ они готовы повиноваться. Магистратъ долженъ былъ уступить и отвѣтная грамота передана была ельтерманамъ. Въ собраніяхъ обѣихъ гильдій ее прочли, нашли, какъ кажется, слишкомъ мягкою и переправили по своему; оставалось вынудить согласіе магистрата. Для этого, обѣ гильдіи дали другъ другу обѣщаніе стоять заодно; малая хвалилась своею твердостью, но, въ минуту доклада, она измѣнила своему обѣщанію и пристала къ магистрату, который не хотѣлъ отсылать исправленной грамоты, какъ оскорбительной для польскаго короля. Въ негодованіи на измѣну малой гильдіи, ельтерманъ купеческаго сословія пророчилъ ей, что впредь ей вѣрить не будутъ и говорилъ магистрату: „понятно, что вы боитесь раздражать польскаго короля; вы получили отъ него земли и крѣпостныхъ людей: за то вы смотрѣли сквозь пальцы на построеніе больверка, вы даже подсобляли въ постройкѣ; еслибъ не помогъ самъ Богъ, вы бы давно лишили насъ всѣхъ нашихъ правъ и подвели бы насъ подъ иго Литвы“. Магистратъ ничего не отвѣтилъ на язвительные упреки ельтермана и только ссылался на большинство голосовъ: „чего хочетъ большинство, то должно войти въ силу“, говорилъ онъ. Здѣсь въ первый разъ мы находимъ приложеніе этого правила къ совѣщаніямъ городскихъ сословій, вмѣстѣ взятыхъ; но кажется, что оно еще не было въ то время обязательно: по крайней мѣрѣ ельтерманъ большой гильдіи, отъ имени своего сословія, протестовалъ противъ рѣшенія магистрата и малой гильдіи и, послѣ многихъ переговоровъ и обидныхъ рѣчей, большинство уступило требованію меньшинства; исправленная редакція была одобрена. Разсказъ объ этомъ происшествіи ельтерманъ заключаетъ слѣдующимъ размышленіемъ, въ которомъ проглядываетъ насмѣшка торжествующаго побѣдителя надъ побѣжденными: „Къ чему послужили магистрату его увѣренія, что онъ передъ Богомъ, передъ императоромъ и передъ королемъ готовъ отвѣчать за свою грамоту? Къ чему послужила цехамъ ихъ измѣна? Они хотѣли заслужить благодарность магистрата и сдѣлаться его любимцами!“

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ было нескладно политическое устройство Риги въ концѣ XVI вѣка. Состоя изъ трехъ сословій независимыхъ другъ отъ друга, городское общество не представляло ни внутренняго согласія, ни внѣшняго единства; только то получало силу закона, въ чемъ сходились всѣ три сословія, а такое счастливое сочетаніе ихъ стремленій, при разнородности ихъ интересовъ, не часто имѣло мѣсто; чтобы разрушить его, было достаточно неосторожной вспышки любаго ратсгера или прихоти ельтермана.

2) Въ администраціи

Въ XVI вѣкѣ граждане и въ особенности члены большой гильдіи мало-по-малу проникли въ сферу администраціи. Всѣ общественныя учрежденія и предпріятія, которыя получили свое начало въ эту эпоху, отданы были въ завѣдываніе членовъ магистрата, выборныхъ отъ большой гильдіи, а иногда и отъ малой; такъ въ 1537 г. всѣ три городскія сословія положили выстроить стѣну отъ Несочныхъ до Яковыхъ воротъ; надзоръ за постройкою и веденіе счетовъ приходамъ и расходамъ по этому предмету поручены были двумъ ратсгерамъ, ельтерманамъ и нѣсколькимъ членамъ обѣихъ гильдій [1]). Въ 1547 г. капиталъ, составившійся изъ добровольныхъ приношеній и назначенный для вспомоществованія протестантскому духовенству и для содержанія школъ (Kirchenordnung), отданъ былъ въ завѣдываніе попечителямъ, выбраннымъ изъ трехъ городскихъ сословій. Управленіе нѣкоторыми отраслями городскаго хозяйства, какъ-то городскимъ выгономъ и кирпичнымъ заводомъ, магистратъ долженъ былъ поручить гражданамъ. Когда готовились сдѣлать закупы хлѣба для пополненія городскихъ запасовъ, обыкновенно приводили сперва въ извѣстность количество наличнаго хлѣба у частныхъ лицъ, осмотръ амбаровъ поручался сперва городскимъ квартиргерамъ и квартиръ-мейстерамъ (т. е. ратгерамъ и ихъ помощникамъ), но въ 1570 г. граждане не захотѣли пускать ихъ къ себѣ и настояли на томъ, чтобы одинъ ратгеръ вмѣстѣ съ ельтерманомъ большой гильдіи потребовали отъ нихъ самихъ свѣдѣній о частныхъ

1) Книга Ельтермановъ стр. 52, примѣчаніе.

ихъ запасахъ. Покупка хлѣба на городскія суммы поручена была тѣмъ же двумъ лицамъ и нѣсколькимъ гражданамъ. Большая гильдія мало-по-малу присвоила себѣ право назначать отъ себя въ нѣкоторыя доходныя городскія должности, какъ то: рыночныхъ приставовъ (Markt-Vöchte), и требовала, чтобы въ другія должности: браковщиковъ, вѣсовщиковъ, переводчиковъ и прочія, коихъ замѣщеніе принадлежало магистрату, онъ назначалъ не кого вздумаетъ, а братьевъ большой гильдіи—будто бы по старинѣ.

Не смотря однакоже на допущеніе гражданъ къ прямому участію въ нѣкоторыхъ отрасляхъ городскаго хозяйства, администрація, въ общемъ ея ходѣ, все таки зависѣла отъ магистрата; но это самое ставило его въ самое затруднительное положеніе; ибо гильдіи мало по малу пріобрѣли себѣ право входить къ нему съ представленіями, доводить до него свои жалобы, безъ всякаго вызова съ его стороны; а для того, чтобы принудить его къ исполненію своихъ требованій, у нихъ было въ рукахъ вѣрное средство—онѣ могли отказать ему въ чрезвычайныхъ доходахъ (акцизѣ и налогѣ, большомъ и маломъ), безъ которыхъ магистратъ не могъ обойтись Такимъ образомъ, магистратъ былъ какъ бы вѣчно подсуди мымъ, а представители гражданъ, не раздѣляя съ нимъ отвѣтственности, не щадили его и осыпали упреками; правда, что за то магистратъ, если вѣрить сельтерманамъ, пользовался всякаго рода воспрещенными кормленіями. Въ запискахъ ихъ безпрестанно встрѣчаются колкіе намеки на то, что тѣ, которые должны бы охранять городскія привилегіи, безнаказанно ихъ нарушаютъ. „Они, говорили сельтерманы, занимаются запрещенною торговлею, издаютъ постановленія противъ вывоза хлѣба за море, а сами скупаютъ его и провозятъ тайкомъ мимо города, на новыя небывалыя пристани; они живутъ для своей корысти, отбиваютъ хлѣбъ у бѣдныхъ гражданъ, строятъ себѣ по нѣскольку кабаковъ одинъ подлѣ другаго и продаютъ въ нихъ кружками свое собственное пиво: они, завѣдуя монетнымъ дворомъ, стали выпускать монету низшаго достоинства и уронили ее; наконецъ на нихъ нѣтъ ни суда, ни расправы. Если ратсгеръ предъявляетъ искъ на простаго гражданина, то ему нѣтъ отказа

въ скоромъ удовлетвореніи; но если вздумаетъ гражданинъ просить на ратсгера, то дѣло затягивается; пусть его побѣгаетъ, говорятъ судьи...“ Кромѣ этихъ обвиненій, въ которыхъ не могло не быть и правды, предметомъ безпрестанно повторяющихся жалобъ гражданъ было размноженіе числа промышленниковъ, къ братствамъ не принадлежавшихъ, скупщиковъ, бѣнгазовъ, иногородныхъ мелочныхъ торговцевъ, вообще слабость надзора за исполненіемъ воспретительныхъ мѣръ. Все это противно древнему обычаю, противно городскимъ законамъ и старинѣ, безпрестанно твердили ельтерманы. Они конечно были въ этомъ правы; но дѣло въ томъ, что размноженіе народонаселенія было также нарушеніемъ старины, а городскіе законы были противны справедливости и здравому смыслу, и хотя магистрату и гильдіямъ не приходило въ голову, что безчеловѣчно лишать всякаго средства пропитанія людей, родившихся на мѣстѣ, платившихъ подати, служившихъ городу во время войны, хотя существованіе этого класса людей, этой сволочи, какъ называли ее ельтерманы, въ разсчетахъ привилегированныхъ сословій ровно ничего не вѣсило, однако была невозможность физическая осудить на бездѣйствіе значительную часть городскаго населенія и положить искусственный предѣлъ развитію торговли и ремеслъ. Можетъ быть магистратъ и сознавалъ эту невозможность, но онъ не смѣлъ въ томъ признаться и долженъ былъ молча выслушивать упреки ельтермановъ.

Чрезвычайные доходы не могли быть взимаемы безъ согласія гражданъ; но употребленіе доходовъ, какъ обыкновенныхъ такъ и чрезвычайныхъ, вообще финансовая часть, по прежнему оставалась въ исключительномъ вѣдомствѣ магистрата. Онъ никому не отдавалъ отчета въ употребленіи городскихъ суммъ. Это была самая важная и вмѣстѣ самая соблазнительная прерогатива его, которую онъ отстаивалъ до послѣдней крайности Между тѣмъ граждане начинали помышлять объ ограниченіи его произвола и сознавать необходимость постояннаго контроля; ибо, если вѣрить половинѣ того, что писали ельтерманы, и даже по однимъ признаніямъ самого магистрата, финансовая часть находилась въ XVI вѣкѣ въ самомъ жалкомъ разстройствѣ. Обыкновенные до-

3) Въ финансовомъ управленіи.

ходы, поступая въ распоряженіе ратгеровъ, мгновенно исчезали, не оставляя слѣдовъ, а чрезвычайныя суммы, предназначаемыя для опредѣленныхъ цѣлей, получали совершенно иныя назначенія. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ городъ былъ всегда безъ денегъ. Не имѣя возможности слѣдить за употребленіемъ городскихъ средствъ и обуздывать произволъ управленія постояннымъ надзоромъ, ельтерманы утѣшались безплодною местью. При всякомъ требованіи о назначеніи чрезвычайныхъ сборовъ, магистрату приходилось выслушивать самыя горькія истины, даже отказы; но подъ конецъ, онъ все-таки достигалъ своей цѣли, ибо нельзя же было оставлять общія городскія нужды безъ удовлетворенія, а когда магистратъ объявлялъ, что казна пуста, никто не имѣлъ права повѣрять его. Приведемъ нѣкоторые примѣры.

Еще въ первой половинѣ XVI вѣка, сборы съ вѣсовъ и ваги были увеличены для покрытія будущихъ издержекъ, въ которыя городъ долженъ былъ войти, вслѣдствіе принятія реформаціи и борьбы съ католическимъ духовенствомъ. Въ 1540 г. императоръ нѣмецкій потребовалъ отъ Риги отвѣта за участіе ея въ Смалькальденскомъ союзѣ; рѣшились отправитьословъ и снабдить ихъ деньгами, но денегъ не оказалось въ запасѣ. Магистратъ ходатайствовалъ о введеніи акциза и пошлины съ капиталовъ; но ельтерманы напомнили ему, что сборы съ вѣсовъ и ваги увеличены были именно для покрытія издержекъ, въ родѣ предстоявшей. Магистратъ оправдывался тѣмъ, что суммы, вырученныя отъ этого сбора, были имъ употреблены на перестройку города послѣ пожара. „На то были достаточны доходы съ городскихъ имѣній, отвѣчалъ ельтерманъ; а сборъ съ ваги и вѣсовъ предназначенъ былъ для поддержанія Смалькальденскаго союза; если магистратъ произвольно его растратилъ, то пусть онъ самъ открываетъ новые источники не обременяя общества“.

Въ 1551 г. пріѣхалъ въ Ригу выписанный изъ-за границы мастеръ для постройки городскихъ укрѣпленій. Прежде чѣмъ приставить его къ дѣлу, гильдіи захотѣли узнать: есть ли въ запасѣ какія либо суммы? Магистратъ отвѣчалъ, что онъ не припомнитъ, былъ ли когда либо ассигнованъ особый ка-

питалъ на этотъ предметъ, и что хотя въ кассѣ и былъ незначительный остатокъ отъ суммъ, назначенныхъ на построеніе старой стѣны, и можно было собрать еще нѣкоторыя недоимки, но всего этого недостаточно и, чтобы приступить къ дѣлу, необходимо назначить акцизъ. По этому предмету въ гильдіяхъ произошло разномысліе: большинство согласилось обложить пивоваровъ сборомъ по одной маркѣ съ каждаго завода, а шинкарей по 6 шиллинговъ съ бочки; но малая гильдія убавила послѣднюю пошлину на половину. Магистрату все это казалось недостаточнымъ, и къ началу работъ не приступали. Въ слѣдующемъ году, граждане опять разрѣшили сборъ акциза съ тѣмъ, чтобы магистратъ исполнилъ всѣ ихъ требованія по части торговли и ремеслъ и немедленно приступилъ бы къ постройкѣ. Прошло еще два года и магистратъ объявилъ, что акцизъ и малая подать (Vorschuss) все-таки недостаточны для продолженія работъ и что необходимо ввести большую подать съ капиталовъ (Schott), иначе онѣ останутся неоконченными. Въ отвѣтъ на это требованіе, ельтерманы отъ имени гильдій жаловались, что магистратъ облагаетъ ихъ всевозможными тягостями и думаетъ только о томъ, какъ бы выманить у нихъ побольше дѣнегъ, а давняшняго обѣщанія своего—смотрѣть за строгимъ соблюденіемъ законовъ о торговлѣ—не думаетъ исполнять; однако большая подать была допущена.

Въ 1556 г. Лифляндіи угрожала междоусобная война и Рига собиралась съ силами. Магистратъ объявилъ гражданамъ, что два дня вызывали въ городѣ барабаннымъ боемъ охотниковъ вступить въ городскую службу, но ихъ явилось немного, и потому предлагалъ сдѣлать осмотръ имѣнія всѣхъ гражданъ на ихъ квартирахъ, и, по состоянію каждаго, опредѣлить, сколько кто обязанъ представить вооруженныхъ солдатъ, а кто не въ состояніи выставить, того заверботать самого, ибо для найма войска рѣшительно не было денегъ. Гильдіи на это отвѣчали, чтобы магистратъ одумался: тогда безъ сомнѣнія еще найдутся у него запасныя суммы; пусть только онъ хорошенько припомнитъ. „Если же наличныя суммы окажутся недостаточными, то въ этомъ виноваты не мы, говорили граждане; тогда пускай магистратъ потребуетъ от-

чета отъ тѣхъ, которые занимаютъ городскія должности; этимъ средствомъ онъ столько сберетъ, что еще останутся запасныя суммы; не то стыдно будетъ городу сознаться передъ всѣми сосѣдями, что бѣдность не позволяетъ ему выставить въ поле роту солдатъ". Магистратъ отвѣчалъ, что требованіе гражданъ, хотя и обидное для него, будетъ уважено; что должностныя лица въ удобное время дадутъ отчетъ; что на первый случай есть надежда собрать мѣсячное жалованье для наемнаго войска, но что потомъ надобно будетъ подумать о средствахъ достать денегъ, ибо у него ихъ нѣтъ въ запасѣ.

Въ 1559 г. во время завоеванія Ливоніи царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, Рига, предвидя осаду, приняла мѣры для снабженія себя всѣми средствами къ сопротивленію. Съ этою цѣлью и по причинѣ истощенія городской казны, всѣ три сословія постановили: ввести акцизъ не только съ пива, но и со всѣхъ товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ, подушную подать съ гражданъ и обывателей и, наконецъ, вынужденный заемъ по 6% (контрибуцію) у гражданъ, въ соразмѣрности съ ихъ имуществомъ. Кромѣ того, признали нужнымъ сдѣлать заемъ въ Лифляндіи и за границею для неотлагательныхъ потребностей. Всѣ суммы, означенными средствами добытыя, должны были стекаться въ одну общую акцизную казну (Ziesse-Kisten), на этотъ предметъ учрежденную, отъ которой ключи переданы были членамъ магистрата и ельтерманамъ. Тѣ и другіе взаимно обязались не иначе вносить въ нее деньги и расходовать изъ нея, какъ съ общаго согласія. Наконецъ, всѣ эти налоги предполагалось уничтожить немедленно по уплатѣ сдѣланныхъ долговъ и по миновапіи опасности, съ тѣмъ, чтобы впредь уже никогда не обременять ими общества. По этому случаю, составленъ былъ протоколъ подъ заглавіемъ: Учрежденіе городской и акцизной кассы [1]). Итакъ, хотя это учрежденіе было временное, но въ немъ лежало начало позднѣйшаго учрежденія городской кассы. Но вѣствованіе ельтермана оканчивается слѣдующими словами: „у магистрата вовсе не было наличныхъ денегъ, ниже 50 та

[1]) Кромѣ Кн. Ельтермановъ, Mon. Liv. ant. № 174 и Rig. Stadtb. 1824 г. № 12.

леровъ, а мы думали, что у него нѣсколько тысячъ было въ запасѣ; пора бы ему наконецъ отдать отчетъ въ томъ: сколько собрано имъ городскихъ доходовъ въ продолженіе предшествовавшихъ шестидесяти лѣтъ безпрерывнаго мира". Но желаніе ельтермана не скоро осуществилось, и, по минованіи опасности, дѣла пошли прежнимъ порядкомъ.

Въ 1573 г. магистратъ захотѣлъ возвысить откупную сумму за городскую скотобойню, платимую мясниками, отъ 24 марокъ до 1000 марокъ, а за мясные ряды съ каждой лавки отъ 216 до 1200. Ельтерманъ, по порученію гражданъ, отвѣчалъ на это, чтобы магистратъ благоволилъ держаться старины, ибо возвышеніе откупной суммы пало бы неминуемо на всѣхъ потребителей, на гражданъ, и безъ того уже обѣднѣвшихъ; и къ тому же магистратъ, по силѣ статьи 12 Кирхгольмскаго договора, не имѣлъ права обременять ихъ новыми налогами. Магистратъ обидѣлся и далъ слѣдующій отвѣтъ: „мы сами знаемъ, что̀ для города полезно и нужно; мясники много задолжали городу, чему причиною была небрежность".—„Тѣмъ хуже для магистрата, возразилъ ельтерманъ, если, сознавая небрежность, онъ самъ допустилъ накопленіе долговъ; виноваты не мясники, а магистратъ; съ него и слѣдуетъ произвести взысканіе, и потому, если магистратъ не отступится отъ своего намѣренія, то мы подадимъ на него жалобу высшему начальству". — Но оказалось, что мясники, вѣроятно изъ опасенія угрожавшаго имъ взысканія, сами предложили уплачивать ежегодно 900 марокъ; магистратъ этимъ удовольствовался и малая гильдія, сперва дѣйствовавшая заодно съ большою, отпала отъ нея и одобрила предположеніе магистрата. Но ельтерманъ не уступилъ: „цехамъ нельзя вѣрить", замѣтилъ онъ въ своихъ запискахъ и, ссылаясь на Кирхгольмскій договоръ, подалъ протестъ высшему начальству—кому именно не сказано. Въ ратушѣ завязался горячій споръ: „куда дѣваются городскіе доходы, спрашивалъ ельтерманъ; магистратъ не искореняетъ злоупотребленій, ничего не строитъ, а между тѣмъ безпрестанно облагаетъ гражданъ новыми пошлинами?" Бургомистръ отвѣчалъ: „вѣроятно и вы кое-что забираете къ себѣ на домъ; куда же дѣваются ваши деньги?"— „Я ими кормлюсь, отвѣчалъ ельтерманъ, а остатокъ сберегаю:

еслибъ магистратъ слѣдовалъ моему примѣру, онъ бы не былъ безъ денегъ". Подобныя ссоры повторялись ежегодно, а иногда и чаще; почти ни одинъ докладъ ельтермановъ не обходился безъ нихъ; постоянная вражда съ магистратомъ сдѣлалась какъ бы принадлежностью и обязанностью ихъ званія; они хвастались своими дерзкими рѣчами, всегда находившими отголосокъ и одобреніе въ ихъ сословіяхъ.

По этому можно судить о тогдашнемъ отношеніи гражданъ къ магистрату; съ той и другой стороны накопилось много желчи, досады, негодованія и жажды мести; при первомъ удобномъ случаѣ всѣ эти побужденія должны были выступить наружу; этотъ случай представился при поступленіи города подъ владычество Польши, и тогда вспыхнуло страшное междоусобіе, которымъ ознаменованы послѣдніе года XVI вѣка, отъ 1585 до 1604 года. Такъ какъ этотъ промежутокъ времени составляетъ самъ по себѣ нѣчто цѣлое, впрочемъ тѣсно связанное съ пройденнымъ періодомъ, то, дабы не прерывать исторіи борьбы городскихъ сословій, мы посвятимъ ему отдѣльную главу.

Междоусобіе, извѣстное подъ названіемъ смутъ по поводу изданія новаго календаря [1]).

1585—1604.

Устраненіе гражданъ въ переговорахъ съ Польшею.

Подчиненіе Риги польскому правительству было дѣломъ магистрата, и потому естественно, что онъ получилъ отъ него болѣе выгодъ, чѣмъ прочія городскія сословія. Для разсмотрѣнія свода городскихъ привилегій и составленія акта о подданствѣ, отправлены были въ Гродно, а оттуда на Дроги-

[1]) Источниками и пособіями для этой главы служили: королевскія привилегіи, напечатанныя въ Codex diplomaticus Reg. Pol.; книга ельтермановъ, часть третья; обвинительный актъ польскихъ коммисаровъ противъ Гизе и его товарищей; рукописный сборникъ всякаго рода актовъ и документовъ подъ лит. A, хранящійся въ архивѣ большой гильдіи; Historia mutati regiminis etc. Мельх. Фукса; Die Kalenderunruhen in Riga von B. Bergmann, 2 Band.

чинскій сеймъ, въ качествѣ депутатовъ: бургомистръ Бергенъ, ратсгеръ Екк, секретарь Тастій, ельтерманы обѣихъ гильдій: Шрёдеръ и Бауеръ. Но послѣдній вовсе не участвовалъ въ переговорахъ, а товарищъ его Шрёдеръ игралъ въ нихъ самую ничтожную роль, такъ что можно сказать, что въ этомъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣла участь всего города, граждане не имѣли голоса. Въ инструкціи, данной депутатамъ, велѣно было въ особенности настаивать на обезпеченіи свободы аугсбургскаго вѣроисповѣданія и неприкосновенности всего, относившагося до предметовъ церковныхъ; на утвержденіи городскихъ привилегій, полученныхъ отъ гермейстеровъ; на предоставленіи въ пользу города половины портовой пошлины и сохраненіи стѣны, отдѣлявшей замокъ отъ города. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ депутаты подались на уступки, можетъ быть неизбѣжныя; можетъ быть также, польское правительство склонило ихъ въ свою пользу обѣщаніями, почестями и подкупами, въ чемъ ихъ впослѣдствіи обвиняли. Грамотою, извѣстною подъ названіемъ Свода привилегій Стефана Баторія, были утверждены и даже распространены всѣ права, которыми городъ, какъ юридическая личность, когда либо пользовался и которыми опредѣлялись отношенія городскаго начальства, т. е. магистрата, къ верховной власти, по части судопроизводства, законодательства и управленія. Слѣдовательно обезпеченъ былъ въ особенности магистратъ; объ отношеніяхъ же его къ гражданамъ не сказано было ни слова; права и привилегіи большой и малой гильдіи были утверждены въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Вмѣсто половины уступлены были королю двѣ трети портовой пошлины; о стѣнѣ, отдѣлявшей городъ отъ замка, и, что всего было важнѣе, о церковныхъ дѣлахъ—въ привилегіи Стефана Баторія не было упомянуто. Эти вопросы король предоставлялъ себѣ рѣшить по пріѣздѣ своемъ въ Ригу. Но депутаты отъ магистратскаго сословія и въ этомъ отношеніи переступили данную имъ инструкцію; по крайней мѣрѣ на нихъ пало сильное подозрѣніе въ томъ, что они дали тайное обѣщаніе уступить королю для католическаго богослуженія нѣсколько церквей. Объ этомъ обѣщаніи (если только оно дѣйствительно было дано) граждане узнали впослѣдствіи

и присягнули польскому королю, ничего не подозрѣвая. На другой годъ Стефанъ Баторій пріѣхалъ въ Ригу и потребовалъ уступки двухъ церквей: св. Якова и св. Магдалины: требованіе короля было поддержано бывшими депутатами: Бергеномъ, который получилъ отъ Стефана Баторія мѣсто бургграфа, Еккомъ, въ то время выбраннымъ въ бургомистры, Тастіусомъ, также занимавшимъ мѣсто въ магистратѣ въ должности городскаго фохта, и синдикомъ Веллингомъ; нѣсколько времени длились объ этомъ переговоры между членами магистрата, духовенствомъ и курляндскимъ герцогомъ; но ельтермановъ призвали на совѣщаніе тогда только, когда уже истощены были всѣ возраженія и король объявилъ свою рѣшительную волю.

Итакъ, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, магистратъ поступилъ въ этомъ случаѣ не по старинѣ и съ явнымъ намѣреніемъ устранить гражданъ, которыхъ онъ не надѣялся склонить къ уступкѣ.

Объ упомянутыя церкви были переданы католикамъ; Тастіусъ и Веллингъ получили отъ короля крѣпостныхъ людей и были возведены въ дворянское достоинство. Вскорѣ послѣ того, прибыли въ Ригу 12 человѣкъ іезуитовъ, немедленно обратили въ коллегію монастырь св. Магдалины и получено было отъ короля приказаніе ввести грегоріанскій календарь. На послѣднее нововведеніе не только въ Ригѣ, но во многихъ другихъ протестантскихъ земляхъ смотрѣли съ недовѣрчивостью, предполагая въ немъ, какъ выражались въ то время, папистическую лесть; подозрѣніе это извинялось присутствіемъ іезуитовъ и явно обнаруженнымъ намѣреніемъ короля поддержать католическую церковь и содѣйствовать ожидаемымъ имъ обращеніямъ изъ лютеранства въ католицизмъ. Половины этихъ причинъ было бы достаточно для того, чтобы расшевелить въ гражданахъ религіозный фанатизмъ и подвинуть ихъ къ сопротивленію. Первое приказаніе короля осталось неуваженнымъ; вторичное воспослѣдовало въ 1584 г., съ угрозою, въ случаѣ неповиновенія, взыскать съ города 10,000 червонцевъ. Магистратъ и высшее духовенство рѣшились исполнить волю короля и отпраздновали Рождество по новому календарю; но объ гильдіи и низшее духовенство

Введеніе грегоріанскаго календаря.

протестовали и продолжали собираться по старому стилю въ церквахъ, пѣть гимны и слушать поученія ректора школы Мёллера и товарища его Рашіуса. Перваго за ослушаніе, по настоятельному требованію бургграфа Екка, арестовали въ ратушѣ, и тогда вспыхнуло возстаніе. Раздраженные граждане ворвались въ ратушу и освободили Мёллера, изранили и бросили замертво на площади оберъ-пастора Нейнера, разграбили дома Веллинга и Екка и заперли городскія ворота, чтобы никто изъ членовъ магистрата не могъ выбѣжать изъ города. Все это было дѣломъ толпы, не признававшей надъ собою никакого начальства, ни магистрата, ни ельтермановъ; у нея явились свои предводители: адвокатъ Гизе, ректоръ Мёллеръ, товарищъ его Рашіусъ, докторъ Стоніусъ, Брикенъ и оловянничикъ Зенгейзенъ; имъ помогалъ подъ рукою ратсгеръ Фиккенъ. Гизе овладѣлъ городскою кассою, которую передалъ своему брату, городскими ключами и протоколами присутственныхъ мѣстъ. Напрасно герцогъ курляндскій предлагалъ свое посредничество, напрасно король вызывался принять отъ гражданъ ихъ жалобы и учинить по нимъ удовлетвореніе; они объявили, что сами надѣются устроить дѣла свои и выбрали представителей для переговоровъ съ магистратомъ, по 4 человѣка изъ каждаго квартала. Въ этихъ переговорахъ магистратъ игралъ роль подсудимаго, а граждане роль обвинителей и судей; они заставили его подписать договоръ или контрактъ, окончательно утвержденный 23 января 1585 г. Содержаніе его слѣдующее:

Возстаніе гражданъ.

Договоръ гражданъ съ магистратомъ 1585 г.

1. О духовенствѣ и дѣлахъ церковныхъ. Магистратъ обѣщалъ вступить въ сношеніе съ духовенствомъ лифляндскимъ и курляндскимъ для водворенія единства и порядка въ церковномъ устройствѣ всего края, пріискать надежныхъ суперъ-интенданта и оберъ-пастора, отмѣнить церковныя нововведенія Нейнера, обезпечить содержаніе проповѣдниковъ, охранять церковныя имѣнія, уступленныя городу, не терпѣть іезуитской коллегіи въ городѣ, запретить подъ штрафомъ гражданамъ, не исповѣдующимъ католической вѣры, и ихъ семействамъ посѣщать іезуитскую церковь, и проч. Духовенству вмѣнено въ обязанность сохранять вѣру отъ покушеній папистовъ, но не вмѣшиваться

въ свѣтскія дѣла и дѣлать представленія не иначе, какъ съ общаго совѣта и согласія. Положили отмѣнить новый календарь и упросить короля, чтобы онъ не настаивалъ на его введеніи.

2. О бургграфѣ (который занялъ мѣсто прежняго ерцфохта и былъ представителемъ короля по части судопроизводства) было постановлено, чтобы онъ отнюдь не присвоивалъ себѣ права суда надъ гражданами, иностранными купцами и корабельщиками, не распоряжался городскими ключами, не исправлялъ въ то же время должности первоприсутствующаго бургомистра, и проч.

3. О Судѣ. Магистратъ далъ слово пересмотрѣть и исправить, съ утвержденія верховной власти, городскія учрежденія, права, порядокъ судопроизводства, особенно законы объ опекахъ, во многомъ обветшалые, впрочемъ отнюдь не касаясь гильдейскихъ шрагъ и ничего не предпринимая безъ согласія общества. Условились впредь отсылать на обсужденіе въ который нибудь изъ заграничныхъ университетовъ дѣла, по которымъ одна изъ тяжущихся сторонъ останется недовольною рѣшеніемъ магистрата, впрочемъ не отнимая ни у кого права апелляціи; споры гражданъ между собою или между гражданами и магистратомъ о границахъ владѣній, на основаніи привилегіи легата Вильгельма, предоставлять рѣшенію посредниковъ. Граждане потребовали отъ магистрата, чтобы впредь не подвергали ихъ тюремному заключенію по однимъ подозрѣніямъ или за маловажные проступки; чтобы издали законы противъ клеветниковъ и доносителей; чтобы не требовали безъ нужды привода къ присягѣ; чтобы составили умѣренную таксу судебныхъ пошлинъ или акциденцій; чтобы отмѣнили вновь введенные подъ этимъ названіемъ сборы; чтобы приставили къ бѣднымъ сиротамъ и вдовамъ надежныхъ опекуновъ; чтобы производили даромъ дѣла по ихъ искамъ; наконецъ, чтобы приняли за правило взыскивать судебные расходы и проторы съ проигравшаго дѣло.

4. О кормленіяхъ постановили: чтобы впредь никто, непринятый или незъявившій желанія вступить въ братство большой или малой гильдіи, не занимался городскими промыслами. Чтобы прикащики (Gesellen) впредь не смѣли тор-

говать иначе, какъ вмѣстѣ съ своими хозяевами, за ихъ поручительствомъ, притомъ, если послѣдніе въ присутствіи ветттеровъ покажутъ, что первые служили имъ честно не менѣе шести лѣтъ. Чтобы отнынѣ каждый гражданинъ имѣлъ право торговать съ русскими на чистыя деньги или въ долгъ, но присягнувъ, что онъ не будетъ употреблять чужихъ капиталовъ. Чтобы запрещено было гражданамъ снабжать королевскихъ чиновниковъ и комендантовъ, живущихъ около города, значительнымъ количествомъ соли, сельдей и тому подобныхъ товаровъ или денегъ, дабы не запретили крестьянамъ пріѣзжать за ними въ городъ и не обратилась торговля съ ними въ промыселъ, выгодный лишь для двухъ или трехъ лицъ [1]). Чтобы магистратъ, при будущихъ переговорахъ о курляндскихъ дѣлахъ, позаботился о воспрещеніи дворянамъ производить небывалую дотолѣ торговлю и объ уничтоженіи пошлинъ, заведенныхъ на разстояніи 10 миль отъ города. Чтобы магистратъ принялъ рѣшительную мѣру противъ бѣнгазовъ, нарушителей цеховаго порядка, и противъ всякаго рода обмановъ въ продажѣ пива и хлѣба; въ то же время, имѣлъ бы наблюденіе, чтобы ремесленники не запрашивали неумѣренныхъ цѣнъ. Чтобы приставленные для управленія городскими крестьянами не обременяли ихъ черезъ силы, такъ какъ неоднократно крестьяне подавали о томъ жалобы. Чтобы бѣднѣйшимъ, живущимъ на дурной землѣ, разрѣшено было пивовареніе съ уплатою пошлины.

5. О совѣщаніяхъ по дѣламъ общественнымъ и порядкѣ управленія постановлено было нѣсколько важныхъ статей. Ельтерманы и старшины обѣихъ гильдій должны были избрать изъ городскаго общества опредѣленное число лицъ, которыя обязаны были вмѣстѣ съ ними вести переговоры съ магистратомъ о дѣлахъ общественныхъ и постановлять рѣшенія въ случаяхъ, не требовавшихъ совѣщанія цѣлаго общества. Это было какъ бы подкрѣпленіе

[1]) Статья эта не совсѣмъ ясна: Auch soll nach dieser Zeit keinem Bürger, der auf den umliegenden Häusern anwesenden Amt und Hauptleute mit Salz, Hoering und dergleichen Waaren in Samenkauf, wie denn auch mit keinem baaren Gelde zu entsetzen frey seyn, damit dem Landmanne zur Stadt zu kommen nicht gewehret etc.

постояннымъ представителямъ низшихъ сословій, для обузданія магистрата и для наблюденія за дѣйствіями самихъ ельтермановъ. Магистратъ призналъ право гражданъ (которымъ впрочемъ они уже давно пользовались) входить къ нему съ представленіями и жалобами, и далъ обѣщаніе не отправлять никогда посольствъ безъ ихъ вѣдома и участія и впредь заставлять городское наемное войско присягать не одному себѣ, но всему городскому обществу. Ельтерманы получили право созывать общество съ согласія старшинъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бургомистръ, по учиненномъ ему о томъ объявленіи, не давалъ своего согласія—что было также узаконеніемъ обычая послѣднихъ годовъ. Магистратъ согласился разрѣшить городскому обществу содержать ученаго, но смирнаго секретаря для своихъ дѣлъ и назначить ему жалованье изъ общей кассы. Для устраненія жалобъ всякаго рода и подозрѣній, условились поручить управленіе имѣніями, принадлежавшими городу и состоявшими въ вѣдомствѣ ландфохтейскаго управленія равно какъ и заложенными городу, городскими запасами, важнею, мельницами, бывшими церковными имѣніями и прочими частями городскаго имущества, нѣсколькимъ членамъ магистрата и выборнымъ отъ городскаго общества. Положено было, чтобы доходы, получаемые изъ означенныхъ источниковъ, и всѣ вообще городскіе доходы, откуда бы они ни шли, собирались въ одну общую городскую кассу: чтобы ею завѣдывали также представители трехъ городскихъ сословій и отдавали бы ежегодно отчетъ въ Михайловъ день. Той же обязанности подчинены были прочія должностныя лица по части управленія. Кромѣ того, магистратъ долженъ былъ обѣщать: безъ вѣдома гражданъ не сорить деньгами на угощеніе знатныхъ особъ и на фейерверки, представить обществу изъ кемерейнаго управленія отчетъ о доходахъ съ монетнаго двора, о расходахъ на устройство шпиля надъ соборною церковью и вракгауза, взыскать всѣ суммы, слѣдовавшія городу по займамъ, наймамъ и выданнымъ пособіямъ въ строевыхъ матеріалахъ, и т. д.

Всѣ эти статьи утверждены были представителями магистрата и городскихъ сословій, съ оговоркою, что ими ни-

сколько не нарушаются вѣрность, повиновеніе и прочія обязанности подданныхъ къ верховной власти; дано было торжественное, присяжное обѣщаніе забыть всѣ вражды, оскорбленія, безпорядки и свято хранить условія мира.

Результатъ борьбы.

Этимъ договоромъ окончился первый періодъ внутренней междоусобной борьбы XVI вѣка. Граждане одержали побѣду; они добились постояннаго участія въ управленіи городскимъ имуществомъ и въ распоряженіи городскими средствами, сосредоточенія городскихъ доходовъ въ одной общей кассѣ и введенія отчетности; то, чего они требовали въ продолженіе пятидесяти слишкомъ лѣтъ, наконецъ, съ общаго согласія, получило силу закона. Правда, что согласіе магистрата было вынуждено необходимостью, весьма похожею на насиліе; но требованіе гражданъ въ сущности было право и законно, и если оно не могло осуществиться иначе, какъ вслѣдствіе открытаго бунта, то виноватъ былъ въ этомъ магистратъ, который не хотѣлъ понять, что, потерявъ довѣріе гражданъ, онъ черезъ это самое потерялъ право управлять безотчетно. Лифляндскіе историки, писавшіе объ этомъ времени, вообще берутъ сторону высшаго сословія противъ гражданъ и хотятъ объяснить дѣйствія послѣднихъ слѣпою страстью, фанатизмомъ и завистью. Взглядъ этотъ очевидно односторонепъ; напротивъ, въ договорѣ 1585 г. обнаружилась со стороны низшихъ городскихъ сословій умѣренность, которой трудно было и ожидать. Одержавъ побѣду, имѣя полную возможность повелѣвать, они потребовали не болѣе того, чего домогались прежде и что согласно было съ общественною пользою. Но магистратъ не захотѣлъ уступить разумной потребности и естественному ходу развитія; у него отнимали кормленія его [1]), ограничивали права, на которыя онъ смотрѣлъ какъ на свою сословную принадлежность, и онъ употребилъ всѣ средства, чтобы пріобрѣсти ихъ вновь. Главные представители его въ этомъ дѣлѣ, Тастіусъ и Еккъ, скрылись въ рижскомъ замкѣ, подъ защитою коменданта, и оттуда посылали польскому прави-

[1]) Отъ словъ „Правда, что согласіе“ до „кормленія его“ въ изданіи 1852 г. опущено и замѣнено фразою: „Но согласіе магистрата было вынуждено и потому уже не законно-обязательно; сверхъ того оно ограничивало и т. д.“. *Прим. изд.*

тельству доносы на городское общество, стараясь придать безпорядкамъ 1585 г. характеръ возстанія противъ верховной власти и доказать, что они пострадали за свою къ ней приверженность. Граждане защищались неловко и слабо.

Уничтоженіе контракта польскимъ правительствомъ.

Процессъ начался въ Ригѣ въ присутствіи королевскаго намѣстника, кардинала Радзивила, и продолжался въ Гроднѣ. Тамъ, разумѣется, члены магистрата одержали верхъ, и Радзивилъ, исполнитель приговора верховной власти, разорвалъ въ клочки контрактъ, заключенный между городскими сословіями на вѣчныя времена, велѣлъ городу уплатить обиженнымъ значительную сумму денегъ и возвратить имъ всѣ прежнія ихъ должности. Тогда только одумались граждане и подали сперва Радзивилу, а потомъ королю записки, въ которыхъ оправдывались въ мнимомъ оскорбленіи представителей власти, отдѣляли буйство раздраженной черни отъ законныхъ требованій городскаго общества, жаловались: на поповъ, переступившихъ данную имъ инструкцію; на произволъ бургграфа Екка, который, присвоивая себѣ значительную часть штрафныхъ денегъ, назначенныхъ на содержаніе прислуги присутственныхъ мѣстъ, заставилъ тѣмъ учредить новые сборы; на ратсгеровъ, которые, по словамъ гражданъ, попирали ногами гильдейскіе уставы, позволяя себѣ рѣшать общественныя дѣла безъ участія другихъ сословій; наконецъ, на бургомистровъ, заботившихся менѣе о соблюденіи справедливости, чѣмъ о своихъ имѣніяхъ и загородныхъ дачахъ и т. д. Въ оправданіе составленнаго контракта, граждане приводили: что они отнюдь не имѣли мысли нарушить имъ права верховной власти, или произвести переворотъ въ городскомъ учрежденіи, ибо въ контрактѣ заключалось не болѣе семи новыхъ статей, изъ коихъ пять были уже приняты ихъ предками; что, хотя не испрошено было утвержденіе верховной власти, но король, конечно, не потребуетъ, чтобы правило это соблюдалось при всякомъ дѣлѣ, такъ такъ самъ онъ предоставилъ городу управлять, на основаніи привилегій, церквами и школами, а купечеству, безъ участія правительства, рѣшать дѣла торговыя; въ порядкѣ же судопроизводства, исключительно предоставленнаго магистрату, не было учинено никакихъ перемѣнъ.

Объясненіе гражданъ.

Свидѣтельство граждапъ въ дѣлѣ, въ которомъ они сами были подсудимыми, конечно не могло быть чуждо односторонности; но возраженія Тастіуса и товарищей его были еще пристрастнѣе и несравненно хитрѣе. Они писали между прочимъ о гильдейскихъ собраніяхъ, что съ каждымъ днемъ обнаруживалось въ нихъ болѣе и болѣе дерзости на выдумки всякаго рода и на подговоры къ бунтамъ со стороны злыхъ мальчишекъ, способныхъ только кричать и поджигать простой народъ къ возстаніямъ; что магистратъ всегда добросовѣстно заботился объ охраненіи общественнаго благосостоянія и прадѣдовскихъ учрежденій; что, хотя и были причины къ неудовольствію, но онѣ происходили не отъ его вины, а отъ двадцатилѣтней войны; что напрасно винятъ его въ полученіи подарковъ; что чиновникамъ назначены акциденціи для того, чтобы они не предъявляли обременительныхъ и противозаконныхъ требованій; наконецъ, что непонятно какимъ образомъ могли быть нарушены права гильдій, когда граждане изстари подчинены были безотвѣтственной власти магистрата (dem Gutachten des Rathes unterworfen); что только теперь они вздумали ниспровергнуть общественный порядокъ, присвоить себѣ всѣ права и законодательную власть, оставивъ магистрату одну исполнительную и обязавъ его повиноваться ихъ велѣніямъ. Возраженія магистрата.

Въ польскомъ сенатѣ дѣло рѣшено было въ пользу магистрата. Король велѣлъ привести городское устройство въ прежнее состояніе и возстановить значеніе и достоинство высшаго сословія; гражданамъ было предоставлено, буде признаютъ необходимымъ преобразованіе городскаго устройства, имѣть о томъ мирное совѣщаніе съ магистратомъ, и, если послѣдній одобритъ ихъ предположенія, то испросить утвержденія верховой власти; Глзе, Бринкенъ, Мёллеръ цитованы были къ королевскому трибуналу. На все это граждане отвѣчали между прочимъ слѣдующее: „что касается до нововведенія въ управленіи имѣніями и городскою кассою, то деньги, въ ней хранящіяся, суть большею частью нашъ потъ и наша кровь, и потому справедливость требуетъ, чтобы мы располагали ими вмѣстѣ съ магистратомъ; королю нѣтъ дѣла до нашего городскаго хозяйства и онъ конечно позволитъ намъ Рѣшеніе польскаго правительства. Возраженіе гражданъ.

постепенно уплачивать наши долги и богатѣть". Наконецъ, граждане объявили наотрѣзъ, что они не выдадутъ своихъ предводителей, оправдывая этотъ актъ неповиненія городскими привилегіями, по силѣ которыхъ граждане рижскіе подлежали одному лишь городскому суду. Итакъ, Гизе и Бринкенъ, на время спасенные заступничествомъ гражданъ отъ заслуженной казни и даже избранные въ ельтерманы обѣихъ гильдій, остались во главѣ возстанія; имъ уже нельзя было идти вспять, и наступательный образъ дѣйствія становился для нихъ необходимостью.

Снова возстаніе гражданъ.

Отъ имени гражданъ и вопреки королевскому рѣшенію, они стали принуждать магистратъ отдать подъ судъ за измѣну только что оправданныхъ Тастіуса и Веллинга: оба были подвержены пыткѣ и казнены; многіе ратсгеры, пораженные страхомъ, разбѣжались и обратились къ королю съ мольбою о помощи; магистрата въ Ригѣ какъ бы не стало. Все это вывело Стефана Баторія изъ терпѣнія; для укрощенія бунтовщиковъ, онъ велѣлъ строить блокгаузъ на шпильвѣ, двинулъ отрядъ войска, сдѣлалъ строгій выговоръ курляндскому герцогу, который вмѣшался въ это дѣло какъ посредникъ думая покончить его мировою между городскими сословіями, и потребовалъ отъ города депутатовъ къ отвѣту; но внезапная смерть короля удалила на время казнь виновныхъ. Гизе и его соумышленники сперва бѣжали въ Швецію и обратились къ тамошнему королю, будто бы отъ имени гражданъ, съ предложеніемъ выдать ему Ригу, потомъ, безъ вѣдома магистрата, отправили пословъ къ австрійскому принцу Максимиліану, учинили нападеніе на блокгаузъ и усмирили тамошній гарнизонъ, отняли у іезуитовъ церковь Св. Якова и принудили ихъ выйти изъ города. Вслѣдъ затѣмъ, Гизе избранъ былъ въ ельтерманы. Между тѣмъ, Сигизмундъ III, утвердившись на престолѣ, прислалъ коммиссаровъ для принятія отъ Риги присяги; но граждане объявили, что они дадутъ ее не прежде, какъ получивъ удовлетвореніе по всѣмъ своимъ жалобамъ и требованіямъ. Наконецъ настала минута расправы. Король отправилъ въ Ригу уполномоченныхъ коммиссаровъ: канцлера Сапегу и кастеляна Бонара; они заставили гражданъ присягнуть, ввели снова въ городъ Екка и

Усмиреніе бунта и судъ

Бергена, возвратили имъ прежнія должности и нарядили судъ надъ мятежниками, которые, какъ бы ослѣпленные прежнимъ своимъ счастіемъ, мужественно ожидали рѣшенія своей участи. Судъ этотъ состоялъ изъ двухъ ратсгеровъ, четырехъ гражданъ изъ обѣихъ гильдій и двухъ королевскихъ секретарей. Протоколы сообщаемы были магистрату и обѣимъ гильдіямъ, которыя, послѣ нѣсколькихъ ходатайствъ за прежнихъ своихъ предводителей, отступились отъ нихъ и молча присутствовали при ихъ осужденіи. Гизе, Бринкенъ и Зенгейзенъ были казнены; оба первые покаялись и до послѣдней минуты явили примѣръ необыкновенной твердости духа; другіе сообщники ихъ были наказаны тюремнымъ заточеніемъ, изгнаніемъ, денежными штрафами.

Все это было справедливо; но польскіе коммиссары, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій и наговоровъ членовъ магистрата, наиболѣе озлобленныхъ на гражданъ, забыли, что поводомъ къ дерзкому своеволію были законныя требованія, въ свое время неуваженныя; что возстановленіе порядка, кромѣ строгой казни, требовало изслѣдованія жалобъ гражданъ и коренныхъ причинъ ихъ вѣковой вражды съ магистратомъ. Этого они не поняли, или не хотѣли понять. Правда, что торжествующій магистратъ самъ вызывалъ своихъ обвинителей и обѣщалъ ихъ выслушать; но это было съ его стороны безопасное хвастовство; никто изъ гражданъ не дерзнулъ принять вызова; они знали напередъ, что на каждую ихъ жалобу отвѣтятъ цѣлыми томами объясненій, а отъ польскихъ коммиссаровъ, только что укротившихъ бунтъ, не могли ожидать безпристрастія. Доказательствомъ, что граждане въ томъ не ошибались, служитъ новый контрактъ, составленный, будто бы съ обоюднаго согласія, выборными отъ всѣхъ городскихъ сословій, утвержденный представителями верховной власти 1589 года, августа 26, въ день св. Северина и отъ того прозванный Севериновскимъ. Изложеніе содержанія его достаточно обличитъ его односторонность. Въ предисловіи сказано, что все общество гражданъ проситъ, чтобы магистратъ отпустилъ ему всѣ вины его, какъ отецъ прощаетъ неразумныхъ дѣтей своихъ, обѣщаясь съ своей стороны безусловно ему повино-

Севериновскій контрактъ. 1589 г.

ваться; что всѣ безпорядки и бѣдствія произошли единственно отъ того, что общество, по наущенію мятежниковъ, вообразило себѣ, что оно наравнѣ съ магистратомъ призвано участвовать въ управленіи и тѣмъ ниспровергло древнее начальство и долгъ повиновенія—эти два основанія всякаго общественнаго благоустройства; а потому, для водворенія мира и согласія, признано было необходимымъ возстановить прежній порядокъ впредь на всѣ времена. А такъ какъ несомнѣнно и всѣмъ извѣстно, что никакой городъ не можетъ существовать безъ начальства и подчиненныхъ, то на этомъ основаніи всѣ постановленія новаго договора раздѣлены на слѣдующія статьи: 1) о начальствѣ: 2) о простыхъ гражданахъ; 3) о совѣщаніяхъ по дѣламъ общественнымъ; 4) о городской кассѣ.

1. О начальствѣ положили, что, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Рига, верховное управленіе и право повелѣвать принадлежали магистрату исключительно, безъ раздѣла и безъ всякаго участія гражданъ, то послѣдніе должны дать присягу впредь повиноваться ему безусловно и ничего не замышлять ко вреду его. Судебная власть, по прежнему, предоставлена была магистрату; но гражданамъ дано было право: въ случаѣ если бы они сочли себя въ чемъ либо оскорбленными магистратомъ—жаловаться королю; въ случаѣ если бы все общество захотѣло подать жалобу на одного или нѣсколькихъ членовъ магистратскаго сословія—избрать на то благонадежныхъ гражданъ, числомъ не болѣе шести, и поручить имъ подвергнуть дѣло суду магистрата; въ случаѣ если бы все общество захотѣло принять на себя роль обвинителя въ дѣлѣ уголовномъ—обратиться прямо къ королю.

Магистрату предоставлено было право опредѣлять (jus vocandi) и удалять отъ должности церковно-служителей, школьныхъ учителей, городскихъ и магистратскихъ служителей, съ тѣмъ, чтобы первыхъ выбирать исключительно изъ лицъ, исповѣдующихъ аугсбургскую вѣру, и позволять обоимъ олдерманамъ присутствовать при опредѣленіи ихъ въ должность. Гильдіямъ строжайше запрещено было имѣть свою канцелярію и особую печать, какъ это заведено было своевольно.

Всѣмъ должностнымъ лицамъ магистратскаго сословія предоставлено было пользоваться акциденціями и доходами, изстари имъ принадлежавшими, до тѣхъ поръ, пока городъ оправится и откроется возможность назначить имъ жалованье, или освободить ихъ отъ всякихъ повинностей. Магистрату предоставлено было, по своему усмотрѣнію, раздавать частнымъ лицамъ въ пользованіе (Verlehnung) городскіе дома, имѣнія, земли, должности и прочія доходныя статьи; граждане не имѣли никакого права повелѣвать въ этомъ дѣлѣ, но могли ходатайствовать въ пользу тѣхъ или другихъ лицъ; ельтерманы призывались къ совѣщанію, когда предполагалось продать городское имѣніе. Наконецъ, всѣ преимущества (регаліи), которыми изстари пользовалось магистратское сословіе, были утверждены. Затѣмъ слѣдуютъ пункты объ отдѣльныхъ должностныхъ лицахъ магистратскаго сословія: бургграфѣ, первоприсутствующемъ бургомистрѣ, ландсъ-фохтѣ, герихтсъ-фохтахъ, казначеѣ, веттгерахъ, амтсгерахъ минстергерахъ (начальникахъ городской военной силы), аркелейгеровъ (завѣдывавшихъ артиллеріею), квартиргерахъ, ратсгерахъ, приставленныхъ къ мельницамъ и конюшнямъ, и т. д., составленные съ цѣлью устранить вмѣшательство гражданъ въ ихъ вѣдомства. О первоприсутствующемъ бургомистрѣ сказано между прочимъ, что письма, адресованныя на имя городскаго общества, должны быть распечатываемы представителями гражданъ въ его присутствіи; что письма, идущія отъ одной изъ двухъ гильдій или отъ обѣихъ вмѣстѣ, должны быть имъ предварительно прочитываемы и не иначе отправляемы, какъ съ его разрѣшенія; что ему и городскому фохту принадлежитъ право отпирать и затворять городскія ворота внѣ установленнаго времени.

Минстергерамъ предоставлено было, съ вѣдома магистрата, нанимать, отпускать и разсылать отдѣльныхъ солдатъ; но, при выдачѣ жалованья, должны были присутствовать оба ельтермана; безъ вѣдома ихъ, не могли располагать цѣлою ротою или нѣсколькими ротами.

За покушеніе взять изъ городскаго арсенала оружіе, овладѣть знаменами или барабанами безъ разрѣшенія начальства, равно какъ за всякое произвольное вмѣшательство въ дѣй-

ствія городскихъ чиновниковъ, положена смертная казнь. Вообще постановлено было, чтобы всѣ должностныя лица отдавали ежегодно отчетъ одному магистрату. Гражданамъ и ихъ представителямъ положительно было запрещено въ это дѣло вмѣшиваться, но магистратъ предоставлялъ себѣ показывать имъ счеты въ случаѣ просьбы о томъ съ ихъ стороны.

2. Къ званію подчиненныхъ, сказано въ статьѣ второй, принадлежатъ гильдейскія братства и граждане, ибо, гдѣ есть начальство, тамъ должны быть и подданные; но это не мѣшаетъ имъ, и въ особенности братьямъ, пользоваться предоставленными имъ сословными правами, совѣщаться о дѣлахъ, предлагаемыхъ на ихъ обсужденіе магистратомъ, и содѣйствовать въ распоряженіи городскими доходами. Но такъ какъ пятилѣтній, горькій для всего города опытъ доказалъ вредъ безсмысленныхъ гильдейскихъ собраній, то выборные, будучи уполномочены обществомъ гражданъ на принятіе мѣръ для введенія лучшаго порядка, постановили слѣдующее:

3. Чтобы совѣщанія по дѣламъ общественнымъ впредь происходили не въ гильдейскихъ залахъ, а въ магистратѣ и чтобы въ нихъ участвовало не все общество, а одни представители его или тѣснѣйшій кругъ избранныхъ (Asschuss), состоящій изъ 40 членовъ большой гильдіи и 30 малой, всего 70 человѣкъ. Эти представители въ книгѣ ельтермановъ вездѣ называются старшинами. Чтобы, для замѣщенія открывающихся между ними вакансій, они сами представляли магистрату кандидатовъ, по шести человѣкъ на каждую. Чтобы выборъ изъ числа сихъ кандидатовъ и утвержденіе ихъ предоставлены были магистрату. Чтобы всякое рѣшеніе, постановленное магистратомъ и старшинами, было для всѣхъ безъ изъятія безусловно обязательно. Чтобы мнѣнію магистрата и старшинъ одной изъ двухъ гильдій обязаны были покориться старшины другой; въ случаѣ же разногласія между магистратомъ и старшинами обѣихъ гильдій, во уваженіе высокаго достоинства перваго, предоставлять спорные пункты на окончательное разрѣшеніе избраннымъ на таковой случай шести членамъ ма-

гистрата и двѣнадцати членамъ обѣихъ гильдій, по шести на каждую, изъ коихъ трое должны быть взяты изъ числа сльтермановъ и старшинъ, а трое изъ гражданъ. Чтобы въ чрезвычайныхъ случаяхъ магистратъ и старшины могли созывать все братство, если признаютъ это за нужное; но чтобы братство во всякомъ случаѣ обязано было покоряться рѣшенію магистрата и старшинъ, а отнюдь бы не смѣло отмѣнять или измѣнять его. Чтобы гильдейскія собранія на сырной недѣлѣ и собранія трапезной гильдіи въ Михайловъ день оставались по прежнему. Чтобы сльтерманы не смѣли приглашать на совѣщанія ни братствъ, ни даже старшинъ безъ разрѣшенія первоприсутствующаго бургомистра, или всего магистрата. Чтобы ни цѣлое общество, ни старшины не смѣли,безъ приглашенія со стороны магистрата, являться въ ратушу по какимъ бы то ни было дѣламъ, общественнымъ или частнымъ, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія и утраты всѣхъ гильдейскихъ правъ. Чтобы вообще не было никакихъ тайныхъ или явныхъ совѣщаній, для предупрежденія коихъ магистратъ намѣренъ опредѣлить особыхъ полицейскихъ чиновниковъ.

4. О городской кассѣ было постановлено слѣдующее: акцизъ съ продажи вина и прочія пошлины, равно какъ и всѣ доходы, изстари собираемые въ городскую кассу (слѣдовательно не всѣ), должны по прежнему идти въ нее; завѣдываніе оною поручается двумъ членамъ магистрата: бухгалтеру и инспектору, который обязанъ, между прочимъ, взыскивать недоимки, при нихъ: писарю изъ почетнѣйшихъ гражданъ и, по надобности, помощнику его. Кромѣ этихъ четырехъ лицъ, постоянно исправляющихъ означенныя должности, при кассѣ должны находиться двое надежныхъ гражданъ, по одному изъ числа старшинъ каждой гильдіи, въ должности надзирателей. Они, по старому обычаю, еженедѣльно смѣняются другими. Выборъ всѣхъ шести лицъ, завѣдывающихъ кассою, предоставляется старшинамъ, а утвержденіе ихъ магистрату. Одинъ ключъ отъ кассы вручается двумъ ратсгерамъ, другой двумъ сльтерманамъ. Пріемъ и выдача суммъ, равно какъ и займы производятся по опредѣленію магистрата, объявленному первоприсутствующимъ

бургомистромъ, съ вѣдома и согласія обоихъ ельтермановъ (mit Wissen und Willen der beiden Elterleute). Старшины, по предложенію магистрата, опредѣляютъ налоги и всякіе сборы, и не должно оказывать въ этомъ сопротивленія, дабы городскіе заимодавцы не тревожили магистрата. Существующіе налоги и впредь имѣющіе быть введенными должны оставаться до уплаты всѣхъ городскихъ долговъ. Въ случаѣ нужды, магистратъ, съ согласія старшинъ, можетъ занимать деньги, подъ залогъ городскихъ крестьянъ. Попечители кассы ежегодно представляютъ отчеты свои въ день св. Мартина бургомистру, обоимъ казначеямъ (Kämmerer), обоимъ ельтерманамъ и секретарю (магистратскому). Никто не имѣетъ права оспаривать и критиковать отчетовъ, послѣ того какъ означенныя лица просмотрятъ и утвердятъ ихъ, а секретарь подпишетъ. Все остальное остается по старинѣ, и магистратъ соглашается дозволить гражданамъ входить къ нему чрезъ своихъ представителей съ жалобами и просьбами относительно городскихъ кормленій. Наконецъ, положено было ежегодно прочитывать этотъ контрактъ въ день св. Северина и праздновать его годовщину съ радостными сердцами и благодарственною мольбою.

Значеніе Северинскаго контракта.

Если въ контрактѣ 1585 г. обнаружился духъ партіи, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ того же самаго упрека контрактъ 1589 г. Первый былъ осуществленіемъ требованій городскаго общества, въ сущности справедливыхъ и естественно возникшихъ; они свидѣтельствовали о совершившемся развитіи, они доказывали успѣхъ, сдѣланный шагъ впередъ. Напротивъ того, второй представляетъ попытку отодвинуть городское учрежденіе на полтораста лѣтъ назадъ, попытку, рѣшительно ничѣмъ не оправданную и которая объясняется только своекорыстіемъ и упрямствомъ высшаго сословія [1]). Гдѣ есть

---

[1]) Въ изданіи 1852 г. отъ слова «Первый» до «сословія», напечатано въ слѣдующей измѣненной редакціи: «Первый былъ осуществленіемъ требованій городскаго общества, выраженныхъ противозаконно, но въ сущности справедливыхъ и основанныхъ на потребностяхъ того времени. Напротивъ второй, составленный въ интересѣ одного только сословія или правильнѣе нѣсколькихъ частныхъ лицъ, представляетъ попытку отодвинуть городское учрежденіе на полтораста лѣтъ назадъ, попытку, рѣшительно ничѣмъ не оправдан-

начальство, тамъ должны быть и подчиненные, сказано въ Севериновскомъ контрактѣ, и въ этихъ словахъ ясно выразилось отношеніе магистрата къ гражданамъ, какъ онъ его понималъ. Въ его глазахъ не начальство существовало для подчиненныхъ, но подчиненные нужны были для блага начальства. Отсюда вытекало само собою требованіе безусловнаго повиновенія и оправданіе всякаго произвола и безотчетности.

Итакъ, общественное устройство, основанное на совѣщательномъ началѣ, было, если не окончательно ниспровергнуто, то, по крайней мѣрѣ, потрясено, восколько у магистрата достало на то силъ; многоуважаемая старина XV и XVI вѣковъ была имъ попрана; гильдіи лишились права собираться и совѣщаться, потеряли право голоса и право инціативы въ дѣлахъ общественныхъ, были устранены отъ всякаго прямаго участія въ администраціи: у нихъ отняли возможность знать, на что и какимъ образомъ употреблялись городскія суммы; наконецъ, вновь введенная система выборовъ должна была со временемъ лишить ихъ надежнаго сословнаго представительства и привести ихъ въ совершенную зависимость отъ магистрата и преданныхъ ему людей.

Измѣненія въ Севериновскомъ контрактѣ.

Все это было до такой степени противно естественному порядку развитія, до такой степени насильственно, что не могло быть прочно. Тотчасъ же по изданіи Севериновскаго контракта, граждане начали хлопотать объ уничтоженіи, или, по крайней мѣрѣ, объ измѣненіи его. По поводу обнаруженныхъ злоупотребленій въ распоряженіи городскими доходами, какъ пишетъ ельтерманъ большой гильдіи [1]), магистратъ и старшины рѣшились преобразовать устройство управленія городскою кассою: положили, чтобы всѣ доходы, происходившіе отъ налоговъ (т. е. все, что собиралось съ гражданъ) и отъ портовой пошлины, шли въ одну общую запасную кассу, и чтобы изъ нея выдаваемы были потребныя на расходы суммы.

ную».—Далѣе отъ словъ: «Гдѣ есть» до словъ «и безотчетности» въ изданіи 1852 г. опущено. *Прим. изд.*

[1]) Книга ельтерм., стр. 244, 282 и 283.

Управленіе этою кассою поручено было бургомистру и двумъ ратсгерамъ [1]), ельтерманамъ обѣихъ гильдій и двумъ старшинамъ большой гильдіи, изъ коихъ одинъ исправлялъ должность нотаріуса. „Занимающій эту должность, пишетъ ельтерманъ большой гильдіи въ своихъ запискахъ, можетъ сдѣлать много добра, если только будетъ исправлять ее честно, безъ лицепріятія и не станетъ наровить гарніямъ, засѣдающимъ въ ратушѣ". Гильдіи настаивали, чтобы магистратъ предоставилъ имъ самимъ выбирать своихъ представителей въ управленіи городскою кассою; но этого онѣ не добились; вмѣсто того, магистратъ избралъ изъ числа старшинъ восемь кандидатовъ и представилъ ихъ гражданамъ; большая гильдія утвердила трехъ, а малая одного. Управленіе акцизною кассою осталось отдѣльнымъ, на прежнемъ основаніи; по веденіе счетовъ по городской и акцизной кассамъ поручено было (кажется только на первый случай) гражданину большой гильдіи, съ опредѣленнымъ жалованьемъ.

При этомъ же случаѣ, составлена была, съ общаго согласія магистрата и старшинъ, особая инструкція для руководства попечителей городской или запасной кассы (Vorraths-Kasten), по силѣ которой секретарь долженъ былъ записывать приходы и расходы; попечители отъ простыхъ гражданъ (Kastenherrn) могли собственною своею властью выдавать жалованье и суммы на содержаніе школъ; другіе расходы, какъ-то: на посольства, подарки и т. д., могли быть производимы не иначе, какъ съ разрѣшенія бургомистра и обоихъ старшинъ, или, смотря по важности расхода, съ разрѣшенія всего магистрата и 70 старшинъ. Количество запасныхъ суммъ и недочеты должно было держать въ тайнѣ (Vorrath und Mangel soll verschwiegen werden). Управленіе городской кассы обязано было ежегодно представлять отчетъ въ присутствіи четырехъ бургомистровъ, кемерира и ельтермановъ. Одинъ ключъ отъ кассы отданъ былъ бургомистру, два ключа обоимъ ельтерманамъ, одинъ секретарю. Это было первое измѣненіе въ Севериновскомъ контрактѣ, сдѣланное въ пользу гражданъ и по ихъ требованію.

[1]) Эти три мѣста заняли извѣстные расточители общественнаго имущества: Еккъ съ зятьями.

Отмѣна прежняго порядка выбора въ должность ельтермана также служила поводомъ къ неудовольствію и жалобамъ съ ихъ стороны.

Въ 1604 г., граждане большой гильдіи требовали, чтобы имъ позволено было избрать, кого захотятъ, изъ всего сословія; ельтерманъ, оканчивавшій свое служеніе, не хотѣлъ этого допускать, утверждая, что выборъ долженъ пасть непремѣнно на одного изъ 40 старшинъ, какъ то было установлено Северниовскимъ контрактомъ, и съ тѣхъ поръ постоянно соблюдалось. Граждане разгорячились и потребовали отъ него шрагъ; ельтерманъ объявилъ, что онъ отъ роду не видалъ ихъ и не слыхалъ про нихъ; ихъ дѣйствительно не нашли; однако, граждане поставили на своемъ и выбрали себѣ ельтермана изъ братства [1]).

Граждане не переставали требовать уничтоженія Северниовскаго контракта; магистратъ нѣсколько разъ обѣщалъ уважить ихъ просьбу, но не сдержалъ слова и заставилъ ихъ обратиться непосредственно къ высшему правительству съ жалобами и мольбою. Наконецъ, они достигли своей цѣли, при помощи Хоткевича, который на этотъ разъ принялъ ихъ сторону. Уничтоженіе Северниовскаго контракта.

Въ 1604 году „богопротивный, неслыханный, діавольскій Северниовскій контрактъ былъ уничтоженъ и миновалось Египетское иго", какъ выражается ельтерманъ большой гильдіи; гильдейскія шраги снова вошли въ силу и приступлено было къ составленію новаго контракта. Нѣкоторыя статьи были приняты съ общаго согласія, но другія, и въ томъ числѣ самыя важныя, касавшіяся до городскаго управленія финансовъ, подали поводъ къ спорамъ, которыхъ не могли окончить полюбовно. Наконецъ, обѣ стороны, т. е. магистратъ и гильдіи, отправили свои требованія и предположенія на разсмотрѣніе и утвержденіе короля Сигизмунда III, который рѣшилъ всѣ вопросы въ пользу гражданъ и 7 іюля того жъ года утвердилъ составленный ими проэктъ новаго положенія, которымъ оканчивается этотъ періодъ,

---

[1]) Книга ельтермановъ, стр. 253. Хроника Пейштета. Mon. Liv. ant. т. II. стр. 102 и слѣд.

кратковременный, но богатый внутренними потрясеніями и переворотами [1]).

Городовое положеніе Сигизмунда III.

Въ первыхъ строкахъ этого важнаго документа, король объявляетъ, что къ нему явились въ одно время депутаты отъ гражданъ съ просьбою утвердить новое городовое положеніе (Ordinatio civitatis) и послы отъ магистрата, ходатайствовавшіе объ утвержденіи прежняго положенія 1589 года; что хотя то и другое составлено для пресѣченія олигархіи и неравенства (ad praecludendam viam dominatus paucorum et inequalitatem vitandam), но въ предпочтеніи одного другому нельзя руководствоваться однимъ старшинствомъ, и потому, нисколько не нарушая этимъ права, даннаго городу его предмѣстниками, издавать для себя различныя уставы, король повелѣваетъ, чтобы новое положеніе, какъ наиболѣе сообразное съ тогдашними обстоятельствами, имѣло силу закона. Далѣе, принимая въ соображеніе, что пока существовать будетъ Северинovскій контрактъ, нельзя ожидать взаимнаго довѣрія между магистратомъ и гражданами, король запрещаетъ впредь читать его и присягать на соблюденіе его, дабы, по уничтоженіи всѣхъ поводовъ къ древнимъ распрямъ, возсіялъ для города какъ бы новый день и водвори-

[1]) Бергманъ, которому мы слѣдовали въ изложеніи происшествій этого времени, въ концѣ послѣдней главы говоритъ: «граждане старались уничтожить Северинovскій контрактъ, но бургомистръ Еккъ не допустилъ ихъ до этого и не прежде какъ по удаленіи его они одержали эту побѣду 24 іюля 1605 года». Далѣе, въ приложеніи третьемъ, тотъ же авторъ сообщаетъ контрактъ, замѣнившій Северинovскій, и относитъ его къ 29 апрѣля 1604 года. Слѣдовательно въ этомъ году, а не въ 1605, граждане одержали побѣду, если подъ побѣдою авторъ разумѣетъ отмѣну Северинovскаго контракта на бумагѣ; если же онъ разумѣетъ отмѣну его на дѣлѣ, то должно сознаться, что этой побѣды граждане до сихъ поръ еще вполнѣ не одержали. Далѣе, та редакція контракта 1604 года 29 апрѣля, которую Бергманъ приводитъ, не имѣетъ никакого оффиціальнаго значенія; это не болѣе какъ проэктъ, составленный подъ вліяніемъ магистрата, какъ кажется неудовлетворившій гражданъ и во всякомъ случаѣ не утвержденный высшимъ правительствомъ. Контрактъ, утвержденный Сигизмундомъ III, въ существенныхъ статьяхъ отступаетъ отъ него и очевидно выгоднѣе для гильдій; онъ подписанъ почти двумя мѣсяцами позднѣе, 17 іюля. Мы излагаемъ содержаніе его по списку на латинскомъ языкѣ, найденному нами въ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ къ архиву большой гильдіи, подъ лит. A, стр. 786—793.

лось спокойствіе и благоденствіе. Съ этою цѣлью, положено удержать порядокъ управленія, основанный на привилегіяхъ и древнемъ обычаѣ; въ обыкновенныхъ случаяхъ замѣнить многочисленныя гильдейскія собранія совѣщаніями магистрата съ старшинами обѣихъ гильдій, коихъ число не должно было превышать 63; полныя гильдейскія собранія созывать не иначе, какъ съ разрѣшенія бургомистра, притомъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, касавшихся интересовъ цѣлаго города или введенія новыхъ податей. Гильдіямъ оставлено было право подавать въ этихъ случаяхъ свое мнѣніе магистрату, по старинѣ; затѣмъ окончательное рѣшеніе дѣлъ принадлежало магистрату и собранію старшинъ. Права гильдій.

Итакъ, кругъ дѣятельности полныхъ гильдейскихъ собраній былъ все таки ограниченъ; но это признавали нужнымъ сами граждане, какъ видно изъ контракта 1585 года. Гражданамъ позволено было выбирать ельтермановъ по волѣ своей; а ваканціи, открывавшіяся въ кругу старшинъ, сами старшины и ельтерманы должны были замѣщать отъ себя, безъ участія гражданъ, также будто бы по старинѣ. Позволено было представителямъ городскихъ сословій составить уставъ (constitutiones, quas universa civitas sequatur) и, по утвержденіи онаго королемъ, напечатать. Гражданамъ дано было право участвовать, въ лицѣ ихъ представителей, въ управленіяхъ ландфохтейскомъ, другими частями городскаго хозяйства и въ приведеніи въ устройство казначейства (Camera aedilitia). Ельтерманамъ дано участіе въ завѣдываніи городскою казною, впрочемъ безъ предосужденія должностнымъ лицамъ магистратскаго сословія. Положено было, чтобы всѣ доходы, откуда бы они ни происходили и какое бы ни носили названіе, обыкновенные и чрезвычайные, какъ то: денежныя подати, акцизы, портовыя пошлины, штрафы и пр., складывались въ одну общую кассу. Завѣдываніе ею поручено: бургомистру, выбывшему изъ должности первоприсутствующаго, въ качествѣ предсѣдателя, обоимъ кемерирамъ или казначеямъ, обоимъ ельтерманамъ, одному старшинѣ большой гильдіи и при нихъ нотаріусу, который также избирался изъ купеческаго сословія. Бургомистръ смѣнялся ежегодно и на мѣсто его поступалъ бывшій преемникъ его въ должно-

сти первоприсутствующаго въ магистратѣ; казначеи и ельтерманы оставались при кассѣ, пока занимали свои должности; вмѣстѣ съ ельтерманами вступали и выходили изъ управленія кассы старшины; нотаріусъ оставался при своей должности, пока пользовался довѣренностью. Ему строго запрещалось выносить свои счетныя книги изъ присутствія. Всѣ члены должны были давать присягу, никому не открывать состоянія кассы, кромѣ городскаго начальства и лицъ, отъ него на то уполномоченныхъ. Изъ четырехъ ключей, одинъ находился у бургомистра, другой у казначеевъ, третій и четвертый у ельтермановъ. Въ случаѣ отъѣзда или болѣзни одного изъ членовъ, бургомистръ обязанъ былъ взять у него ключъ и передать другому. Положено было: не выдавать изъ казны значительныхъ суммъ иначе, какъ по рѣшенію магистрата, ельтермановъ и старшинъ; въ случаѣ же предъявленной казначеемъ, квартирером или другимъ лицомъ крайней надобности въ деньгахъ, первоприсутствующій бургомистръ могъ разрѣшить выдачу изъ кассы суммы отъ 100 до 200 флориновъ и затѣмъ представить немедленно подробный отчетъ о своемъ распоряженіи, дабы нотаріусъ вписалъ его въ книги. Около Михайлова дня, ежегодно, нотаріусъ обязанъ былъ представлять свои отчеты въ присутствіи четырехъ бургомистровъ, фохта, казначеевъ и ельтермановъ. По одобреніи ихъ, они подписывались секретаремъ.

Права и обязанности магистрата.

Магистрату вмѣнено въ обязанность: пересмотрѣть, привести въ порядокъ городскіе статуты и упростить ходъ судопроизводства, въ особенности же не перетолковывать городскихъ привилегій въ превратный смыслъ; раздавать городскіе лены, имѣнія и доходныя статьи не по протекціи или по родству, но достойнѣйшимъ лицамъ; соблюдать права и привилегіи обѣихъ гильдій; въ особенности охранять малую отъ всякаго рода подрывовъ и, въ случаѣ предъявленія достаточныхъ уликъ, не отказывать въ исполнительныхъ противъ бѣгазовъ мѣрахъ, съ тѣмъ, однакоже, чтобы цеховые въ свою очередь руководствовались шрагами, не употребляли правъ своихъ во зло, не запрашивали неумѣренныхъ цѣнъ и не заставляли слишкомъ долго ждать заказчиковъ;

представлять гражданамъ отчеты въ суммахъ, расходуемыхъ на посольства, инструкціи, выдаваемыя депутатамъ, и реляціи, ими представляемыя; впредь не уговаривать гражданъ по одиночкѣ въ ратушѣ по предмету выдачи денегъ на содержаніе наемнаго войска; вербовать его и заставлять его присягать всему городу; поручить управленіе войскомъ и артилеріею одному изъ бургомистровъ; потребовать отчета въ суммахъ, израсходованныхъ на очищеніе Двины, отъ тѣхъ, которые взяли это дѣло на себя, дабы городъ не былъ вовлеченъ въ отвѣтственность за упущенія частныхъ лицъ.— Для вознагражденія магистрата за его труды и заботы, предположено было, съ общаго согласія гражданъ, опредѣлить сумму, которая бы выдавалась ему ежегодно изъ городской кассы и распредѣлялась бы между членами онаго.

Резолюціи на отдѣльныя ходатайства гражданъ.

Затѣмъ, въ томъ-же контрактѣ слѣдуетъ рядъ статей, содержащихъ въ себѣ королевскія резолюціи на жалобы и требованія гражданъ, особымъ порядкомъ предъявленныя: по дѣламъ судебнымъ, не подходящимъ подъ категорію дѣлъ, по которымъ допускалась апелляція на магистратъ, позволено было лицамъ, оскорбленнымъ рѣшеніями магистрата, когда эти рѣшенія были явно противозаконны, обращаться съ жалобами къ королю и просить о наказаніи судей. Этотъ родъ апелляціи назывался Quaerela и давалъ необходимо дѣлу видъ уголовнаго процесса. На заботливость и безпристастіе магистрата возложено было устраненіе поводовъ къ жалобамъ такого рода. Право опредѣлять и увольнять чиновниковъ и служителей по гражданскому и церковному управленію (officiales et ministri, seculares et spirituales) предоставлено магистрату, ельтерманамъ и старшинамъ, съ тѣмъ, чтобы не содержать лишняго числа сверхъ надобности. Право затворять и отворять ворота—бургомистру, фохту и ельтерманамъ. Магистрату запрещено отправлять пословъ къ различнымъ государямъ и писать письма отъ имени города безъ согласія на то ельтермановъ. Подтверждено: инструкціи, выдаваемыя посламъ, читать въ присутствіи членовъ магистрата, ельтермановъ и старшинъ; депутатамъ строго держаться данныхъ предписаній и, по возвращеніи своемъ, отдавать отчеты. Строго запрещено магистрату употреблять городскія суммы

на производство дѣлъ частныхъ лицъ въ городѣ или внѣ его, кромѣ тѣхъ случаевъ, если кто заведетъ процессъ противъ городскихъ привилегій, но и тогда отпускать суммы не прежде, какъ по объявленіи и разъясненіи всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ: кѣмъ, во сколько и какія именно привилегіи нарушаются. Всѣ сіи статьи исполнять въ точности, подъ страхомъ наказанія, опредѣленнаго для нарушителей королевской воли.

Характеръ борьбы гражданъ съ магистратомъ.

Такимъ образомъ, борьба гражданъ съ магистратомъ окончилась побѣдою первыхъ, по крайней мѣрѣ побѣдою на бумагѣ; одержали-ли они ее на дѣлѣ, мы увидимъ ниже. Писавшіе объ этой борьбѣ нѣмецкіе историки видѣли въ ней столкновеніе двухъ началъ, аристократическаго и демократическаго. Хотя можно допустить, что демократическое начало, вызванное сектами, развившимися изъ реформаціи, играло нѣкоторую роль въ разсказанныхъ нами происшествіяхъ, однако нельзя принять безусловно этого взгляда. Вникая въ сущность борьбы сословій въ Ригѣ, мы не находимъ въ ней борьбы началъ; ибо гильдіи, эти мнимыя представительницы демократическаго начала, относились къ простымъ гражданамъ и къ обывателямъ, даже большая гильдія относилась къ малой, какъ привилегированныя сословія, имѣвшія всѣ свойства аристократій, въ родѣ магистратскаго сословія. Не должно забывать, что ельтерманы никогда не называли обывателей иначе, какъ презрѣнною сволочью, считали униженіемъ допускать ихъ къ совѣщаніямъ и что невольная пощада, которую оказывалъ имъ магистратъ, была одною изъ главныхъ причинъ ненависти, имъ на себя навлеченной. Въ Ригѣ враждовали не за начала, а за интересы. Все рижское муниципальное устройство основано было на рѣзкомъ разграниченіи сословій, а въ основаніи сословнаго разобщенія лежало понятіе о привилегіяхъ и кормленіяхъ. Дѣятельность судебная и правительственная, торговая и ремесленная, по существу своему долженствовавшія быть организированными въ видахъ общественной пользы, въ Ригѣ сознаваемы были какъ средства обезпеченія тѣхъ только лицъ, которыя посвящали имъ свое время и свои труды. Это подчиненіе общихъ цѣлей и выгодъ цѣлямъ и выгодамъ сословнымъ заключало въ

себѣ вопіющее противорѣчіе, объясняющее всѣ соперничества, борьбы и возстанія, потрясавшія рижское городское общество. Въ концѣ XVI вѣка начали сознавать, что управленіе и судопроизводство не должны быть кормленіемъ для правителей и судей, и это сознаніе породило борьбу между начальствомъ и подчиненными. Такова была коренная причина мятежей по поводу изданія новаго календаря; къ ней присоединились временныя: религіозный фанатизмъ, недовѣрчивость къ чужеземной и иновѣрческой власти, наконецъ, личныя ненависти. Въ борьбѣ съ угнетавшимъ ихъ магистратомъ угнетенные граждане были правы, и они одержали верхъ; но они же подвергали систематическому угнетенію беззащитныхъ обывателей, лишали ихъ средствъ пропитанія, безъ нужды выжигали форштаты, и, для обезпеченія своихъ промысловъ отъ подрыва, осуждали на нищету большую часть городскаго населенія. Въ этомъ сознавался Германъ Висманъ — ельтерманъ большой гильдіи [1]).

1) Кн. ельтер., стр. 249, 252 и слѣд.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Время польскаго и шведскаго владычества.

1582—1710.

Окончивъ изложеніе событій, извѣстныхъ подъ названіемъ смуты по поводу введенія новаго календаря, мы должны, по принятому плану, обратиться нѣсколькими годами назадъ и разсмотрѣть составъ, устройство и права каждаго сословія, отдѣльно взятаго, потомъ ихъ взаимныя отношенія въ продолженіе втораго періода, т. е. польскаго и шведскаго владычества.

Магистратъ.

Званіе, составъ, порядокъ выборовъ.

Магистратъ, какъ юридическая личность (in corpore), пользовался дворянскимъ достоинствомъ—съ какого именно времени, намъ неизвѣстно. Въ 1660 г. Гедвига Елеонора, во время малолѣтства Карла XI, сообщила то же преимущество каждому члену магистратскаго сословія отдѣльно взятому, такъ что съ этого времени гражданинъ, избираемый въ ратсгеры, черезъ это самое становился дворяниномъ, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи.

Въ составѣ магистрата не произошло никакихъ перемѣнъ. Мѣсто прежняго ерцфохта (представителя архіепископа и магистра) занялъ бургграфъ При польскомъ владычествѣ, онъ долженъ былъ судить дворянъ и иностранцевъ и ни въ какія другія дѣла не могъ вмѣшиваться. При шведскомъ правительствѣ, кромѣ этой обязанности, ему поручено было: присутствовать на всѣхъ совѣщаніяхъ магистрата, имѣть наблю-

деніе за скорымъ и правильнымъ производствомъ дѣлъ, предупреждать нарушенія законности, искоренять злоупотребленія, охранять права и преимущества верховной власти, и, въ случаѣ нужды, для достиженія этой цѣли испрашивать совѣтовъ и содѣйствія генералъ-губернатора. Бургграфъ, какъ членъ магистрата, избранный городскимъ начальствомъ, и какъ коронный чиновникъ, назначенный королемъ, во всѣхъ столкновеніяхъ генералъ-губернатора съ городскимъ начальствомъ долженъ былъ служить посредникомъ, мирить и соглашать. Онъ обязанъ былъ ежегодно представлять королю непосредственно отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и отсылать въ стокгольмскій гофгерихтъ часть штрафныхъ денегъ, которыя онъ взыскивалъ въ счетъ казны. Изъ этого видно, что должность его походила во многомъ на должность фискаловъ и оберъ-фискаловъ, учрежденныхъ въ Россіи Петромъ I-мъ.

Порядокъ замѣщенія открывавшихся въ магистратѣ вакансій также нисколько не измѣнился; но вредныя послѣдствія его начали обнаруживаться. Нѣсколько могущественныхъ родовъ захватили въ свои руки власть, предоставленную сословію, и свобода выборовъ уступила мѣсто родственнымъ связямъ. Такъ, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, мы встрѣчаемъ въ одно время въ числѣ бургомистровъ — Екка, а въ числѣ ратсгеровъ — двухъ тестей его: Гильхена и Нейштета. Они всѣ исправляли важныя должности, располагали остальными, распоряжались городскою кассою и вообще надѣлали городу много зла. Ихъ владычество въ самомъ магистратѣ ни для кого не было тайною, и граждане неоднократно умоляли ратсгеровъ тщательнѣе блюсти свою независимость и не допускать образованія тѣсныхъ союзовъ и партій. Жалобы гражданъ доходили до шведскаго правительства: въ 1662 г. король предписалъ магистрату замѣщать городскія должности людьми свѣдущими и надежными и избѣгать назначенія лицъ, состоящихъ въ близкомъ другъ къ другу родствѣ.

Содержаніе магистрата было съ избыткомъ обезпечено. При отмѣнѣ Северинovскаго контракта, граждане согласились назначить ему жалованье отъ 5 до 6 тысячъ флориновъ; эту сумму должны было вычитать изъ доходовъ ландфохтейскаго

Жалованье и доходы.

управленія, при ревизіи отчетовъ всѣхъ должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, а за тѣмъ все остальное вносить въ общую городскую кассу. Но магистратъ не исполнилъ ни одного изъ условій этого договора: онъ не требовалъ и не выдавалъ отчетовъ, удерживалъ доходы отъ всѣхъ источниковъ въ своемъ распоряженіи, почти ничего не вносилъ въ кассу, и, не смотря на это, требовалъ, чтобы жалованье уплачивалось ему изъ той же кассы, подъ предлогомъ, будто-бы доходы ландфохтейскаго управленія (т. е. отъ всѣхъ городскихъ имѣній) не достигали до назначенной ему суммы. Съ своей стороны, ельтерманы, безъ согласія коихъ нельзя было выдавать денегъ изъ кассы, на всѣ такого рода требованія отвѣчали отказами и упреками. Отсюда происходили распри, ежегодно возобновлявшіяся. Для прекращенія ихъ, въ 1616 г. избрали съ обѣихъ сторонъ посредниковъ, заключившихъ новый договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: выдать магистрату причитающееся ему жалованье съ 1604 по 1610 г.; начиная съ 1610 г. понизить это жалованье до 3 тысячъ талеровъ, оставляя при этомъ магистрату всѣ его акциденціи или доходы натурою, какъ-то: извѣстное количество муки, сѣна, вина, приношенія, повторявшіяся четырежды въ годъ (Quartal-Accidentien), вино, почетный хлѣбъ (Ehren-Brod) и какую-то грудную траву (Brust-Kraut), всего этого въ волю - à discrétion. Въ 1640 г. магистратъ потребовалъ, чтобы жалованье посылалось ратгерамъ на домъ кемерирами, или городскими казначеями, до обращенія остаточныхъ суммъ въ общую кассу; ибо, какъ сказано въ предложеніи его, выдача жалованья кастенбюргерами подавала поводъ къ оскорбленіямъ чести начальствующихъ, къ неумѣстнымъ упрекамъ и къ неприличной болтовнѣ. Дѣло въ томъ, что ельтерманы, имѣя деньги въ рукахъ, пользовались этимъ единственнымъ случаемъ заставлять ратгеровъ выслушивать изъявленіе ихъ неудовольствія. Магистратъ, какъ сказано въ той же бумагѣ, считалъ себя въ правѣ требовать довѣрія и уваженія за свое безкорыстіе и за свою заботливость. Три года спустя, подъ тѣмъ предлогомъ, что все вздорожало, что работы его увеличивались съ каждымъ днемъ, что ратгеры теряли на службѣ свое здоровье и свое состояніе, онъ выпросилъ себѣ еще

прибавку, а именно 3 тысячи рейхсталеровъ вмѣсто равнаго количества простыхъ талеровъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы не требовать ихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ во время войны, не вычитать ихъ ни изъ денегъ, поступившихъ въ кассу, ни изъ суммъ происходившихъ отъ прямыхъ налоговъ, но изъ доходовъ отъ имѣній, важни и проч.; наконецъ, не приглашать гражданъ къ добровольнымъ складчинамъ въ свою пользу (Collectae). Разумѣется и эту прибавку магистратъ купилъ обѣщаніями, которыхъ онъ не сдержалъ.

Нѣсколько спустя, жалованье его было удвоено, вмѣсто 3 тысячъ рейхсталеровъ, онъ сталъ получать 6 тысячъ, сохраняя при этомъ косвенные доходы. Послѣдніе (какъ будетъ показано ниже, въ статьѣ о городской кассѣ) были весьма значительны и неоднократно возбуждали ропотъ гражданъ. Наконецъ, съ общаго согласія магистрата и гражданъ, въ 1679 г. положили отмѣнить всѣ такъ называемыя акциденціи, кромѣ какого-то рыночнаго сбора и подати съ жидовъ, а взамѣнъ, магистратъ получилъ, сверхъ 6 тысячъ рейхсталеровъ, еще 4,200 ежегоднаго жалованья, всего 10.200 рейхсталеровъ Итакъ, по этой части замѣтно постоянное прогрессивное развитіе; въ этомъ отношеніи она составляетъ исключеніе изъ всѣхъ другихъ частей управленія и административныхъ задачъ, которыя пребывали въ неподвижности.

Ведомство магистрата.

Магистрату, какъ полному присутствію, по-прежнему были подчинены судебныя и административныя мѣста, состоявшія исключительно, или частью, изъ членовъ высшаго сословія. Въ XVI и XVII вѣкахъ упоминается о судѣ фохтейскомъ; о судахъ и вмѣстѣ управленіяхъ, ландфохтенскомъ, веттномъ или торговомъ и цеховомъ; объ управленіяхъ, чуждыхъ судебной власти: акцизномъ, кемерейномъ и городскою или общею кассою. Завѣдываніе городскими ключами, конюшнею, артиллеріею, постройками, полицейскій надзоръ по кварталамъ—распредѣлены были между должностными лицами изъ ратсгеровъ, а по нѣкоторымъ частямъ къ нимъ приданы были въ помощники ельтерманы и выборные отъ гражданъ.

Судебная власть.

Власть магистрата по части суда простиралась на городъ, его округъ, городскія имѣнія и теченіе Двины отъ города до

владенія ея въ море. Изъяты были изъ судебнаго вѣдомства магистрата: по званію лицъ—дворяне, а впослѣдствіи, при шведскомъ владычествѣ, также и коронные чиновники: по роду дѣлъ—по крайней мѣрѣ при польскомъ владычествѣ, важныя уголовныя преступленія, по которымъ магистратъ производилъ слѣдствіе, а король или его представитель произносилъ приговоръ и приводилъ его въ исполненіе. О судебной власти бургграфа, при шведскомъ владычествѣ, было много споровъ и издано было нѣсколько резолюцій. По силѣ реверса, истребованнаго Густавомъ-Адольфомъ отъ города при его сдачѣ, шведскихъ дворянъ по важнымъ дѣламъ, касавшимся до чести, живота и смерти (Ehre, Leib und Leben) судилъ бургграфъ вмѣстѣ съ губернаторомъ и нѣсколькими офицерами или дворянами. Лифляндскіе уроженцы дворянскаго происхожденія, всегда считавшіе подчиненность свою въ порядкѣ суда чиновнику изъ гражданъ оскорбленіемъ своего достоинства, нѣсколько разъ просили о распространеніи на нихъ преимущества, предоставленнаго въ этомъ отношеніи шведскимъ дворянамъ, и наконецъ, въ 1662 г., достигли своей цѣли. По маловажнымъ проступкамъ и по заключеннымъ обязательствамъ, всѣхъ дворянъ безъ различія судилъ тотъ-же бургграфъ съ двумя членами магистрата, которыхъ назначалъ король. Дѣла о недвижимомъ дворянскомъ имуществѣ въ городской чертѣ производились обыкновеннымъ порядкомъ, въ фохтейскомъ судѣ.

Апелляція на магистратъ допускалась въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно: нужно было, чтобы недовольный рѣшеніемъ его присягнулъ, что оно лишаетъ его половины имущества, или чести и добраго имени. Въ такомъ случаѣ магистратъ, по силѣ привилегіи Сигизмунда III (18 марта 1595 г.), отсылалъ въ Варшавскій Сенатъ не подлинное дѣло, а записку, составленную синдикомъ и подписанную тяжущимися сторонами. Кромѣ того, по силѣ привилегіи Стефана Баторія (извѣстной намъ лишь по ссылкамъ на нее магистрата), городскіе судьи ни въ какомъ случаѣ не были обязаны отвѣчать за постановленныя ими рѣшенія; даже когда дѣло переносилось по апелляціи, они оставались въ сторонѣ. Ограниченіе права апелляціи составляло одну изъ важнѣйшихъ привилегій ма-

гистрата (privilegium apellationis), для сохраненія коей онъ употреблялъ всевозможныя средства. Наоборотъ, граждане не только не считали ее благомъ, но напротивъ величайшимъ зломъ: они называли ее камнемъ, давившимъ ихъ, и, по поводу ея, не разъ говорили, что того нельзя называть привилегіею, что обращено въ орудіе угнетенія противъ тѣхъ, кому она дана. Изъ жалобъ ихъ, повторяющихся на каждой страницѣ записокъ ельтермана Фрёлиха, мы узнаемъ, что сохраненіе этой привилегіи стоило городу огромныхъ суммъ, ежегодно посылавшихся въ Варшаву; что магистратъ, обезпеченный ею въ судебныхъ рѣшеніяхъ своихъ, безнаказанно руководствовался родствомъ и пріязнью и ни во что не ставилъ права, если оно было на сторонѣ лицъ, которымъ онъ не благоволилъ; наконецъ, что, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда недовольные могли дать присягу, требуемую для перенесенія дѣла въ высшую инстанцію, магистратъ воздвигалъ всякаго рода препятствія. Тогда обиженнымъ оставалось одно средство: на основаніи права, дарованнаго гражданамъ въ 1604 г., непосредственно обратиться къ королю съ жалобою — per quaerelam. Если жалоба была уважена, то возникалъ процессъ, въ которомъ податель ея игралъ роль обвинителя, а магистратъ роль обвиненнаго; такого рода процессы, сопряженные съ огромными расходами на подкупы, на адвокатовъ и проч., магистратъ велъ на счетъ городскихъ суммъ, хотя въ большей части изъ нихъ городъ ни мало не былъ заинтересованъ. Вотъ что разумѣли ельтерманы, когда говорили, что деньги, съ гражданъ взятыя, употребляются на ихъ же угнетеніе. Для прекращенія этихъ злоупотребленій предлагаемы были разныя мѣры. Граждане хотѣли, чтобы, по примѣру Данцига, разрѣшили апелляцію по гражданскимъ дѣламъ на извѣстную сумму; предлагали также отсылать спорныя рѣшенія на ревизію въ одинъ изъ германскихъ университетовъ; магистратъ на все это соглашался, но ничего не исполнялъ. При шведскомъ владычествѣ существовалъ двойной порядокъ апелляціи на магистратъ: о р д и н а р н ы й, въ высшую инстанцію, смотря по роду дѣлъ: въ стокгольмскій гофгерихтъ, въ коммерцъ-коллегію, въ камеръ-коллегію, и даже въ дерптскій гофгерихтъ по дѣламъ, возникав-

шимъ въ городскихъ имѣніяхъ, находившихся внѣ городскаго округа; и экстраординарный, или по жалобѣ прямо къ королю. Апелляція втораго рода допускалась лишь съ вѣдома губернатора и по засвидѣтельствованіи имъ, что жалоба подана въ срокъ; она не допускалась по дѣламъ административнымъ, какъ-то: о постройкахъ, повинностяхъ и такъ далѣе. Отъ обязанности давать присягу при перенесеніи дѣлъ по ординарной апелляціи освобождены были дворяне. Апелляціонныя просьбы должно было писать на шведскомъ языкѣ (Корол. резолюціи 8 мая 1647 г., 26 ноября 1658 г. и 13 апрѣля 1663 г.).

Законодательная власть магистрата.

Власть законодательная предоставлена была магистрату польскимъ и шведскимъ правительствами, съ тѣмъ однакоже, чтобы на отмѣну или измѣненіе стараго закона и введеніе новаго испрашиваемо было утвержденіе верховной власти. Это ограниченіе выговорено въ привилегіяхъ Стефана Баторія, Густава Адольфа и во многихъ резолюціяхъ шведскихъ королей. Такъ, резолюціею 22 октября 1662 г., предписано магистрату составить уставъ полицейскій, ремесленный и торговый и, подвергнувъ его предварительному разсмотрѣнію генералъ-губернатора, прислать въ годовой срокъ на ревизію и утвержденіе верховной власти въ Стокгольмъ. Въ резолюціи 19 августа 1672 г., сказано: „Такъ какъ всѣ привилегіи и права, гражданамъ присвоенныя, происходятъ отъ королевской милости и основываются на королевскихъ резолюціяхъ, то магистратъ не имѣетъ права измѣнять ихъ; это право король предоставляетъ себѣ“. Замѣчательно, что и граждане въ жалобѣ, поданной городскому начальству, писали также: „Магистратъ не имѣетъ права толковать привилегій; оно принадлежитъ единственно тому, отъ кого привилегіи исходятъ (cum is solus, qui privilegium dedit, de eo cognoscere et judicare debet)“. Въ изданныхъ для большой гильдіи въ 1680 г. такъ называемыхъ тридцати двухъ пунктахъ, въ пунктѣ 32-мъ сказано: „Шраги могутъ быть измѣняемы и исправляемы не иначе какъ съ утвержденія королевскаго“. То же повторено въ резолюціи 13 апрѣля 1681 г. о распространеніи на Ригу шведскаго ремесленнаго устава. Съ другой стороны, шведское правительство обязывалось не

утверждать никакихъ шрагъ, не истребовавъ предварительно заключенія магистрата (Резолюція 28 октября 1662 г.).

Бездѣйствіе законодательной власти магистрата.

Впрочемъ законодательная дѣятельность магистрата въ эпоху польскаго и шведскаго владычества ослабѣла по его собственной винѣ. Нельзя сказать, чтобы она была отнята у него; онъ самъ отъ нея отказался, заботясь болѣе всего о соблюденіи до послѣдней возможности стараго порядка, съ которымъ неразрывно срослись его сословныя выгоды и привычки; онъ не только не выискивалъ, но напротивъ отклонялъ всѣ поводы къ изданію новыхъ законовъ, даже къ ревизіи или обнародыванію старыхъ, боясь, чтобы малѣйшее прикосновеніе къ старинѣ не наложило на него новыхъ обязанностей и большей отвѣтственности.

Сравнивая въ отношеніи къ законодательной дѣятельности магистрата, въ различныхъ ея видахъ, первый періодъ со вторымъ, мы получаемъ слѣдующіе результаты:

1. Городскихъ статутовъ, въ теченіе времени отъ XIII до конца XVI вѣка, составлено было четыре различныхъ редакціи. Въ началѣ XVII вѣка граждане многократно и настоятельно требовали, чтобы статуты были пересмотрѣны вновь, дополнены и переведены на новонѣмецкое нарѣчіе, дабы всѣ могли знать законы и имѣли судъ, одинаковый для всѣхъ (einerley Recht und nicht nach Gunst). Въ то время уже неопредѣленность ихъ была такъ ощутительна, что какъ граждане, такъ и польское правительство нѣсколько разъ спрашивали у городскаго начальства: какое именно въ Ригѣ дѣйствуетъ право—и не могли добиться положительнаго отвѣта. Магистратъ обѣщалъ приступить къ исправленію и переводу статутовъ, но во все продолженіе польскаго владычества онъ до нихъ не дотрогивался. Шведское правительство долго и безуспѣшно понуждало его къ тому же: наконецъ, въ 1674 году, отправленъ былъ проэктъ статутовъ, составленный членомъ магистрата Мейеромъ, въ Стокгольмъ на ревизію и утвержденіе; тамъ эта рукопись затерялась; затѣмъ послали изъ Риги другой списокъ того же проэкта. но коммиссія. назначенная для его разсмотрѣнія, не утвердила его; не менѣе того, онъ мало по малу вошелъ въ употребленіе и впослѣдствіи получилъ силу за-

кона. Къ нему были присовокуплены нѣкоторые законы, изданные шведскимъ правительствомъ, и съ тѣхъ поръ почти не исправляли и не дополняли его, не смотря на его недостаточность.

2. Полицейскихъ законовъ (Bursprachen, Civiloquia, willkührliche Gesetze) издано въ первомъ періодѣ четыре редакціи; при польскомъ владычествѣ ни одной; при шведскомъ одна, сокращенная, но безъ всякихъ дополненій, донынѣ ежегодно прочитываемая въ Михайловъ день съ балкона ратуши.

3. Общихъ положеній, обнимающихъ все городское устройство, въ первомъ періодѣ мы не находимъ, потому что на практикѣ юридическія отношенія городскихъ сословій только что вырабатывались. Во второмъ періодѣ магистрату принадлежитъ одинъ законодательный памятникъ въ этомъ родѣ; это Северинovскій контрактъ, внутреннее достоинство коего уже было оцѣнено; онъ дѣйствовалъ 8 лѣтъ. Въ составленіи же контракта 1604 года, который можетъ быть названъ основнымъ положеніемъ рижскаго муниципальнаго устройства, магистратъ участвовалъ развѣ только отрицательно, тѣмъ, что оспаривалъ важнѣйшія статьи его.

4. Уставовъ по отдѣльнымъ частямъ судопроизводства, управленія и промысловъ, въ первомъ періодѣ издано нѣсколько: строительный, пожарный, свадебный, о пивоваренiи и проч. При польскомъ владычествѣ издано ихъ гораздо болѣе, а именно: положеніе объ опекѣ 1591 г.; уставъ торговый, извѣстный подъ названіемъ стараго (неизвѣстно, когда составленный, но, судя по языку, относящійся къ концу XVI вѣка); уставъ о кормленіяхъ (начала XVI вѣка) до насъ недошедшій; полицейскій (по увѣренію магистрата оставшійся въ видѣ проэкта и никогда недѣйствовавшій, не смотря на то, что въ шрагахъ большой гильдіи на него встрѣчается ссылка); уставъ о свадьбахъ и нарядахъ (1583 года) и проч. При шведскомъ владычествѣ — торговый уставъ 1621 года (извѣстный подъ названіемъ новаго); уставъ о пивоваренiи 1671 г. и т. д.

Изъ этого перечня, повидимому, можно бы заключить, что законодательная дѣятельность магистрата по нѣкоторымъ частямъ ослабѣла, а по другимъ усилилась; но должно замѣ-

тить, что хотя всѣ законы, какого бы рода они ни были, издавались отъ его имени, не менѣе того сочинялись имъ, безъ участія гражданъ, собственно только гражданскіе и уголовные законы (статуты), т. е. именно тѣ, въ которыхъ наиболѣе терпѣли недостатка; въ составленіи же полицейскихъ законовъ, уставовъ о торговлѣ, промыслахъ и такъ далѣе, граждане принимали участіе самое дѣятельное, постоянно возраставшее въ продолженіе втораго періода Такъ напримѣръ, мы знаемъ, что уставъ о кормленіяхъ (Nahrungs-Ordnung) сочиненъ коммиссіею, въ которой засѣдали представители гильдій и, конечно, играли не послѣднюю роль; такъ, всѣ постановленія о торговлѣ взяты цѣликомъ изъ представленій, жалобъ и прошеній ельтермановъ, которые указывали магистрату на то, что̀ нужно отмѣнить, что̀ ввести вновь и что̀ исправить. Внѣшняя безсвязность, неполнота, отрывочность и совершенное отсутствіе ученой обработки, замѣтныя въ этихъ уставахъ, явно указываютъ на ихъ происхожденіе и на способъ ихъ составленія.

5. О шрагахъ большой и малой гильдіи, различныхъ обществъ и цеховъ, должно сказать точно то же. Въ первомъ періодѣ магистратъ, очевидно, по крайней мѣрѣ, принималъ участіе въ ихъ составленіи; во второмъ періодѣ большая часть гильдейскихъ законовъ составлены были или правительственными лицами, или самими гильдіями, часто безъ вѣдома и утвержденія магистрата; цеховые уставы также предлагались ему готовыми и почти всегда заимствовались цѣликомъ изъ другихъ городовъ. Все остальное, существенное по части законодательства, издано было самимъ правительствомъ шведскимъ, послѣ того, какъ оно опытомъ удостовѣрилось въ бездѣйствіи магистрата и въ постоянно враждебныхъ отношеніяхъ его съ гражданами. Такъ, уставъ о городской кассѣ изданъ въ 1675 г., но его требовали гильдіи съ того времени, какъ заведена была эта касса, т. е. съ половины XVI вѣка; въ цѣлое столѣтіе магистратъ не успѣлъ организировать ея управленія, а затѣмъ онъ не собрался сочинить для нея инструкціи. Цехи начали возникать въ XV вѣкѣ, можетъ быть и ранѣе; въ XVII ихъ уже было значительное число и каждый изъ нихъ имѣлъ свой особый

уставъ; въ этихъ уставахъ господствовало самое произвольное, ни на чемъ неосновавное разнообразіе; нѣкоторые были чрезвычайно неполны, другіе напротивъ исполнены мелочныхъ подробностей, иные до крайности строги, другіе снисходительны. Потребность согласить ихъ, составить общее ремесленное положеніе, не уничтожая особенностей, имѣющихъ разумное основаніе, не могла не обнаружиться очень рано; между тѣмъ магистратъ не думалъ взяться за это дѣло; шведское правительство не разъ его къ тому побуждало; наконецъ, вынужденное необходимостью, въ 1681 г., оно распространило на Ригу шведскій уставъ, предоставляя и тутъ магистрату право приспособлять его къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Казалось, необходимо и не трудно было изъ готовыхъ матеріаловъ составить мѣстный уставъ или согласить шраги рижскія съ шведскимъ положеніемъ; но ничего подобнаго магистратъ не предпринималъ. Прослѣдивъ его постепенно укоренявшееся бездѣйствіе и вспомнивъ при этомъ, какъ неохотно онъ подчинялся законамъ, издаваемымъ отъ правительства, съ какимъ упорствомъ онъ отвергалъ или обходилъ ихъ, нельзя не придти къ тому заключенію, что законодательная власть его, это право автономіи, которымъ онъ такъ дорожилъ, на самомъ дѣлѣ было не что иное, какъ право не издавать отъ себя законовъ и не исполнять изданныхъ другими.

Административная власть магистрата.

Административная власть магистрата была ограничена, по нѣкоторымъ частямъ, правительствомъ, особенно шведскимъ, по другимъ, самими гражданами. Первое ограниченіе касалось преимущественно важныхъ распоряженій по части торговли, въ направленіи и успѣхахъ которой шведское правительство было непосредственно заинтересовано: ибо почти всѣ казенные доходы происходили отъ прямыхъ и косвенныхъ на нее налоговъ. Въ королевскихъ резолюціяхъ по этому предмету часто высказывалась та мысль, что, хотя торговля обогащала городъ и частныя лица, ею занимающіяся, не менѣе того отнюдь не должна почитаться городскимъ или частнымъ промысломъ, но дѣломъ государственнымъ, и, слѣдовательно, должна быть направляема ко благу общественному и подчиняться верховному надзору правитель-

ства; но магистратъ этого не понималъ, или не хотѣлъ понять. Въ 1624 г. онъ учредилъ, не испросивъ на то королевскаго разрѣшенія, торговую компанію, основанную на заграничныхъ капиталахъ, и далъ ей исключительное право продавать иностранцамъ лѣсъ низшаго сорта. Вслѣдствіе этого, вывозъ за границу уменьшился, и правительство испытало въ таможенныхъ доходахъ значительную потерю — 40 тысячъ талеровъ. Узнавъ о томъ, король (резолюціею 7 сентября 1643 г.) сдѣлалъ магистрату строгій выговоръ и велѣлъ упразднить компанію; но магистратъ воспротивился, и генералъ-губернаторъ долженъ былъ отъ себя прибить къ церквамъ объявленіе о высочайшей волѣ. Тогда магистратъ отправилъ депутатовъ въ Стокгольмъ и даже выхлопоталъ себѣ благопріятную резолюцію; но граждане, столь же недовольные учрежденною имъ монополіею, какъ и само правительство, твердо противъ него стали, такъ что дѣло окончилось рѣшительнымъ уничтоженіемъ компаніи и штрафомъ въ пользу казны въ 30 тысячъ талеровъ, который долженъ былъ уплатить магистратъ. Въ 1661 г. (резолюція 30 сентября) онъ былъ обвиненъ и долженъ былъ оправдываться въ томъ, что, безъ вѣдома и разрѣшенія правительства, возвысилъ акцизъ съ привознаго пива. Подобные случаи повторялись нѣсколько разъ, но они не имѣли никакого общаго результата: ибо законные предѣлы распорядительной власти магистрата нигдѣ не были ясно обозначены, а частныя мѣры, какъ то выговоры и взысканія, были недостаточны для искорененія долговременнаго навыка.

Ограниченіе власти магистрата въ пользу гражданъ касалось распоряженія городскимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, и будетъ изложено въ статьѣ о совокупномъ участіи городскихъ сословій въ управленіи.

Исключительными и безспорными правами магистрата оставались: сообщеніе права гражданства и приписка къ городу обывателей, замѣщеніе городскихъ должностей и увольненіе отъ нихъ (кромѣ тѣхъ, которыя занимаемы были представителями гражданъ), выборъ и назначеніе пасторовъ, ректора училища и его товарища. Попечительство о церкви, патронатство надъ церквами, надзоръ за учебною частью

и вообще принадлежности сана епископскаго (Episcopale) магистратъ также присвоивалъ себѣ, при содѣйствіи духовенства, но безъ всякаго участія со стороны гражданъ. Въ этомъ отношеніи реформація, подчинившая церковь свѣтской власти, значительно увеличила кругъ дѣятельности магистрата и его вліяніе на городское общество.

Политическая власть магистрата.

Съ тѣхъ поръ какъ Рига вступила въ подданство польской державы, политическая дѣятельность, повидимому, должна бы была отойти отъ магистрата; но на самомъ дѣлѣ она только стѣснилась и приняла другой характеръ. Мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ, что магистратъ видѣлъ въ верховной государственной власти то же самое, что и въ господской, т. е. начало, если не всегда враждебное, то, по крайней мѣрѣ, по существу своему чуждое городу и вредное для процвѣтанія муниципальныхъ учрежденій. Противъ архіепископовъ и магистровъ онъ выдвигалъ открыто войско и заключалъ договоры; противъ Польши и Швеціи онъ велъ тайную, оборонительную войну. Всѣ усилія его обратились на то, чтобы держать себя отъ правительства на возможно далекомъ разстояніи, предупреждать всякое вмѣшательство съ его стороны въ городскія дѣла и пассивнымъ противодѣйствіемъ обезсиливать всѣ его мѣры. Для достиженія этихъ цѣлей, обманъ и подкупы служили ему средствами, и онъ не считалъ ихъ преступными, потому что смотрѣлъ на свои отношенія къ государству какъ на неизбѣжное зло. Но уже граждане начали смотрѣть на него иначе. Отношенія города къ земскимъ сословіямъ и сосѣднимъ областямъ сохранили вполнѣ прежній, дипломатическій характеръ. Лифляндскіе дворяне нѣсколько разъ посылали въ Ригу своихъ депутатовъ съ жалобами и требованіями различнаго рода отъ имени всего сословія; городъ, съ своей стороны, назначалъ уполномоченныхъ для переговоровъ; тѣ и другіе имѣли совѣщанія, вели протоколы, обмѣнивались нотами и, наконецъ, иногда заключали договоры безъ всякаго участія верховной власти, а большею частью разъѣзжались, ничего не порѣшивъ. Съ курляндскимъ владѣтельнымъ домомъ Рига въ 1615 г. заключила формальный договоръ о торговлѣ, судоходствѣ и т. п.

Духовенство.

Водвореніе протестантизма въ Ригѣ ввело въ составъ городскаго общества новое сословіе. Вмѣсто католическаго духовенства, которое было столь же независимо отъ городскаго общества и столь же чуждо ему какъ и дворянство, образовалось сословіе пасторовъ, проповѣдниковъ, учителей, которое, по своему происхожденію, по своей малочисленности, по своей зависимости отъ общества, и потому, наконецъ, что не имѣло, какъ католическое, церковной іерархіи, естественно подчинилось магистрату и заняло мѣсто между нимъ и гражданами. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, оно участвовало въ совѣщаніяхъ по городскимъ дѣламъ. Впослѣдствіи уже шведское правительство, связавъ городское духовенство съ земскимъ, дало имъ общую сословную организацію и бо́льшую самостоятельность [1]).

Граждане.

Сообщеніе правъ рижскаго гражданства.

Пріемъ новыхъ членовъ въ общество гражданъ, иными словами, сообщеніе правъ гражданства, по прежнему, зависѣло отъ магистрата. Польское правительство не издало по этому предмету никакихъ правилъ, но вліяніе его, хотя косвенное, обнаружилось въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ прежней строгой разборчивости. Мы уже приводили то мѣсто изъ книги ельтермановъ, подъ 1610 годомъ, въ которомъ сказано, что представители гильдій не разъ упрекали городское начальство въ томъ, что оно безъ разбора сообщало право мѣстнаго гражданства людямъ всякихъ націй и безъ различія вѣроисповѣданія, что́ было противно древнему порядку и могло послужить лазейкою для іезуитовъ. Другое мѣсто, изъ записокъ ельтермана Фрёдиха [2]) (составляющихъ продолженіе книги ельтермановъ) поясняетъ, что́ разумѣли въ то время подъ старымъ порядкомъ. Подъ 1614 годомъ (стр. 123) мы

[1]) Мы должны были упомянуть объ этомъ, но не будемъ входить въ разсмотрѣніе организаціи протестантскаго духовенства, такъ какъ предметъ этотъ совершенно удаленъ отъ цѣли, съ которою писано это изслѣдованіе.

[2]) Онъ хранится въ рукописи, нигдѣ не изданной, въ архивѣ большой гильдіи, въ книгѣ подъ заглавіемъ Protocolle und Notizen-Buch № 3, и обнимаетъ два года—1613 и 1614.

читаемъ въ нихъ слѣдующее: „Доселѣ сообщали право гражданства изъ иногородныхъ только уроженцамъ Ганзейскихъ городовъ и мѣстечекъ; съ этимъ обычаемъ Рига поступила подъ владычество Польши, и король Стефанъ Баторій подтвердилъ его вмѣстѣ съ другими; говорятъ даже, что онъ словесно настаивалъ на соблюденіи его, въ разговорѣ съ капитаномъ, провожавшимъ его изъ Риги до Пскова; но впослѣдствіи магистратъ нарушилъ этотъ обычай, особенно Нейштетъ въ пользу своихъ друзей". Существованіе этого обычая весьма вѣроятно, но отнюдь не вѣроятно, чтобы Стефанъ Баторій сознательно подтвердилъ и одобрилъ его, лишивъ такимъ образомъ своихъ коренныхъ подданныхъ всякой возможности пріобрѣтать право гражданства въ Ригѣ. Это было бы рѣзкимъ противорѣчіемъ всему образу дѣйствій польскаго правительства и Стефана Баторія въ особенности. Не забудемъ, что онъ роздалъ Литовцамъ и Полякамъ множество помѣстій въ Остзейскомъ краѣ, сообщилъ имъ всѣ права мѣстнаго дворянства, участіе въ сословномъ управленіи и, предпочтительно передъ Нѣмцами, назначалъ ихъ въ коронныя должности; что онъ же, узнавъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ не допускали католиковъ въ магистраты, заступился горячо за своихъ единовѣрцевъ и открылъ имъ доступъ ко всѣмъ должностямъ; наконецъ, что въ грамотѣ 1582 г., изданной собственно для Риги, онъ объявилъ торжественно, что всякій, кто пожелаетъ, можетъ безпрепятственно переходить изъ протестантской вѣры въ римскую церковь и строго запретилъ какъ частнымъ лицамъ, такъ и самому магистрату подвергать католиковъ какимъ либо преслѣдованіямъ, лишеніямъ или особеннымъ тягостямъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что Баторій въ статьѣ его привилегіи, въ которой сказано, что утверждаются всѣ уставы и шраги гильдій и цеховъ, а также договоры съ Ганзейскими городами, узаконилъ обычай, котораго не зналъ, и котораго городское начальство конечно бы не рѣшилось открыть ему. Но, вѣроятно, значеніе, придаваемое гражданами этой статьѣ, впослѣдствіи обнаружилось, ибо Густавъ-Адольфъ поступилъ осторожнѣе: въ своей привилегіи онъ также подтвердилъ договоры съ Ганзейскими горо

дами, но съ присовокупленіемъ словъ: „во сколько они до торговли касаются". Итакъ, обычай, устранявшій уроженцевъ городовъ, къ Ганзѣ не принадлежавшихъ, былъ отмѣненъ. Подданные шведской монархіи могли вступать въ городское общество и даже въ гильдіи, чему доказательства мы увидимъ ниже. Впрочемъ, вѣроятно, что Шведовъ допускали безъ всякаго сопротивленія: ибо въ то время боялись вліянія не столько иноплеменниковъ (каковыми даже не могли почитаться Шведы), сколько иновѣрцевъ и въ особенности католиковъ. Въ этомъ отношеніи шведское правительство дѣйствовало съ гражданами заодно. Резолюціею правительницы Гедвиги Елеоноры 30 сентября 1661 г. строго запрещено было сообщеніе католикамъ права мѣстнаго гражданства и даже отправленіе католическаго богослуженія; другою резолюціею 29 іюля 1670 г. то же запрещеніе, по просьбѣ магистрата, было распространено на кальвинистовъ и всѣхъ вообще отступниковъ отъ аугсбургскаго исповѣданія. Наконецъ, въ торговомъ уставѣ, изданномъ отъ шведскаго правительства въ 1673 г., городскимъ магистратамъ запрещается сообщать право гражданства лицамъ, не вступившимъ окончательно въ шведское подданство, лицамъ, пользующимся правомъ гражданства въ другомъ городѣ; повелѣно: обязывать вновь принимаемыхъ гражданъ вступать немедленно въ бракъ въ томъ самомъ городѣ и принимать въ ученіе по части торговли или ремеслъ шведскихъ подданныхъ; взыскивать съ гражданъ, оставляющихъ навсегда городъ и отъѣзжающихъ въ другое государство, шестой пфеннигъ съ цѣнности всего ихъ имущества и вычитать изъ этой суммы слѣдующее городу по силѣ его привилегій: Рига, какъ извѣстно, получала десятый пфеннигъ. Король предоставлялъ себѣ одному право дѣлать изъятія изъ этихъ правилъ въ пользу частныхъ лицъ. Условія, которыя требовались въ первомъ періодѣ, т. е. законное происхожденіе, доказанное актомъ или поруками, и добропорядочное поведеніе, сохранялись и въ продолженіе втораго періода, какъ видно изъ полицейскаго устава 1652 года.

Магистратъ записывалъ у себя имена пріобрѣтавшихъ мѣстное гражданство и наставлялъ ихъ, какъ имъ вести себя; въ

1571 г. еще не приводили ихъ къ присягѣ; этотъ обрядъ введенъ былъ позднѣе [1]), но при Сигизмундѣ уже присягали королю [2]).

Права гражданъ.

Права, коими граждане пользовались въ продолженіе втораго періода, сравнительно съ первымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были распространены, а въ другихъ стѣснены:

1. Право свободнаго отправленія аугсбургскаго вѣроисповѣданія, распоряженія церквами и проч. Право это имѣло при польскомъ правительствѣ важное значеніе, которое впослѣдствіи оно утратило, когда исчезъ духъ прозелитизма, а съ нимъ и опасенія гражданъ.

2. Право въ порядкѣ суда гражданскаго и уголовнаго подлежать исключительно городскому суду. Извѣстно, что граждане, на основаніи его, отказывались представить на судъ посланныхъ королемъ коммиссаровъ Гизе, Брикена и другихъ предводителей своихъ во время смутъ по поводу введенія новаго календаря. При шведскомъ владычествѣ, они видѣли нарушеніе его въ королевской резолюціи, которою повелѣно было губернатору вмѣстѣ съ магистратомъ рѣшить тяжебное дѣло, восходившее по апелляціи до Стокгольма.

3. Исключительное право на занятіе городскихъ должностей.

4. По части собственности: древнее и безспорное право гражданъ рижскихъ наравнѣ съ дворянами пріобрѣтать имѣнія во всей Лифляндіи, было признано польскимъ правительствомъ въ сводѣ привилегій Стефана Баторія, въ его же конституціяхъ, потомъ въ 1599 г., генеральною ревизіонною коммиссіею, которая отвергла домогательство дворянъ о воспрещеніи плебейцамъ покупки имѣній, и наконецъ также шведскимъ правительствомъ. Въ стѣнахъ города и въ патримоніальномъ округѣ, граждане присвоивали себѣ исключительное право пріобрѣтать недвижимую собственность. Въ отрицательной формѣ оно выражалось слѣдующимъ образомъ: родившіеся внѣ Риги и иногородные граждане не могутъ

---

[1]) Дневникъ Нейштета. Monum. Liv. ant. т. II, стр. 131.

[2]) Изъ архива большой гильдіи. Сборникъ подъ лит. A. Различныя формы присягъ, стр. 859.

жить въ Ригѣ иначе, какъ гостями, т. е. по найму, а не въ собственныхъ домахъ [1]).

Право это не имѣло никакого юридическаго основанія, но происхожденіе его можно прослѣдить. По силѣ привилегіи епископа Николая 1244 г., запрещено было отчуждать дома и дворы, въ стѣнахъ города находившіеся, въ пользу духовныхъ лицъ или церкви; магистрату было поручено смотрѣть за соблюденіемъ этого закона. Вслѣдствіе этого, онъ сталъ брать съ гражданъ, пріобрѣтавшихъ дома, присяги въ томъ, что они никогда не допустятъ перехода своего недвижимаго имущества въ руки духовныхъ лицъ или чужихъ людей; въ такомъ видѣ требовалась эта присяга въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Мельхіора Фукса [2]). Прибавка чужихъ людей была произвольнымъ распространеніемъ привилегіи епископа Николая; а такъ какъ подъ чужими разумѣли въ то время всѣхъ негражданъ, то граждане естественно присвоили себѣ исключительное право. Но оно не было утверждено ни польскимъ, ни шведскимъ правительствомъ; въ конституціяхъ Стефана Баторія даже положительно сказано, что граждане могутъ покупать имѣнія въ уѣздахъ, а дворяне недвижимую собственность въ городахъ, съ тѣмъ, чтобы первые несли всѣ земскія, а вторые всѣ городскія повинности. Дворяне, какъ кажется, воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, но неохотно подчинялись сопряженнымъ съ нимъ обязанностямъ; это видно изъ двухъ резолюцій короля Сигизмунда III-го 18 марта 1601 г. и 27 апрѣля 1617 г., коими онъ положительно запрещаетъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ въ городѣ недвижимую собственность, постоянное пребываніе и занимающимся промыслами, уклоняться подъ предлогомъ дворянскаго происхожденія или коронной службы, отъ исправленія городскихъ повинностей и подчиненности городскому начальству. При шведскомъ владычествѣ около половины XVII вѣка, начались между дворянами и гражданами рижскими продолжительные споры, въ которыхъ не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ

---

[1]) Der Stadt Riga willkührliche Gesetze und Rechte, изд. при швед. владыч., ст. VII, п 2.

[2]) Monum. Liv. ant., т. IV, стр. 316. Город. статуты, изд. 1798 г., кн. III, ст. XI.

о томъ: на какомъ правѣ первые должны были пріобрѣтать въ городѣ дома и сады. Какъ видно изъ переговоровъ, веденныхъ по этому поводу, Рижане утверждали, что дворяне издавна пользовались этимъ правомъ на томъ же основаніи, на какомъ и граждане, т. е. обязаны были пріобрѣсти право мѣстнаго гражданства, подчиниться юрисдикціи городскихъ судовъ, фохтейскаго и ландфохтейскаго, нести всѣ повинности вещественныя и личныя. Нанимавшіе дома подчинялись тѣмъ же условіямъ, съ тою только разницею, что отъ нихъ не требовали присяги и за то не позволяли имъ заниматься городскими промыслами. Такова, по увѣренію гражданъ, была старина; но, чтобъ доказать свое доброе расположеніе къ дворянамъ, они соглашались позволить имъ строить себѣ дома въ форштатахъ, въ пустопорожнихъ мѣстахъ, которыя долженъ былъ указать имъ ландфохтъ. При этомъ, каждый дворянинъ, купивъ на означенномъ мѣстѣ участокъ земли у города или у частнаго владѣльца, обязывался уплачивать съ него грунтовую пошлину, возводить постройки на немъ подъ руководствомъ городскаго инженера, и въ томъ случаѣ, если самъ не станетъ жить въ своемъ домѣ, отдать его въ наемъ нѣмецкому ремесленнику. Далѣе, проживавшій постоянно въ городѣ, въ своемъ домѣ, дворянинъ обязанъ былъ подчиняться ландфохтейскому суду, исправлять всѣ повинности, и, не смотря на это, не могъ заниматься городскими промыслами. Дворяне, весьма естественно, не приняли этихъ условій и въ 1662 г. подали отъ себя жалобу высшему правительству, въ которой между прочимъ просили: дозволить имъ покупать и наслѣдовать дома въ Ригѣ и въ другихъ городахъ, въ противномъ же случаѣ запретить гражданамъ пріобрѣтать дворянскія имѣнія. Въ томъ же году, 31 октября, воспослѣдовала резолюція Редвиги Елеоноры слѣдующаго содержанія: „Исключить дворянъ лифляндскихъ и шведскихъ изъ города или гражданъ изъ уѣздовъ было бы равно несправедливо; дворянъ отнюдь не должно почитать чужими: напротивъ того, имъ предоставляется право пріобрѣтать покупкою или по наслѣдству или въ приданое дома въ городѣ, жить въ нихъ и заниматься городскими промыслами, подчиняясь при этомъ городскому суду

и исправляя городскія повинности, вещественныя и личныя. Отъ личныхъ повинностей освобождаются тѣ изъ нихъ, которые, живя въ городѣ, не захотятъ заниматься городскими промыслами; при чемъ, въ дѣлахъ по контрактамъ о наймѣ помѣщеній (in contractibus ex domicilio) они подлежатъ городскому суду; по другаго рода обязательствамъ и въ проступкахъ ими учиненныхъ — суду бургграфа. Магистрату поручается учинить распоряженіе о томъ, чтобы граждане, владѣющіе имѣніями въ уѣздахъ, подчинялись въ сбытѣ сельскихъ продуктовъ въ Ригу тѣмъ же самымъ ограниченіямъ какъ и дворяне".

Итакъ, шведское правительство, вѣрное въ этомъ отношеніи системѣ польскаго, установило равенство правъ между дворянствомъ и гражданами и не допустило исключительнаго права, котораго домогались послѣдніе.

а) права гражданъ по производству торговли.

5. По части городскихъ промысловъ, т о р г о в л и: права, коими граждане пользовались въ первомъ періодѣ, были признаны польскимъ и шведскимъ правительствами; но въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, они уже казались недостаточными для огражденія выгодъ торговаго сословія. Въ первомъ періодѣ вся балтійская торговля была въ рукахъ Ганзейскаго союза; Рига участвовала въ ней какъ членъ этого союза, и потому ея торговая дѣятельность подчинялась обще-Ганзейскимъ постановленіямъ; но когда Ганза распалась, положеніе Риги естественно должно было измѣниться. Предоставленная себѣ самой и не будучи болѣе обязана соглашать свои интересы съ интересами цѣлаго союза, она стала независимѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительнѣе въ своихъ притязаніяхъ. Съ другой стороны, она подверглась опасностямъ, дотолѣ ей неизвѣстнымъ: ибо другіе города точно также сложили съ себя всякую заботливость объ ея благосостояніи. Новыя державы, позднѣе Ганзейскихъ городовъ выступившія на поприще торговли, Голландія и Англія, начали прокладывать себѣ новые пути и оттянули отъ Риги значительную часть ея торговли: такъ, льняная торговля перешла въ Архангельскъ, а продукты Литвы и Бѣлоруссіи купцы данцигскіе отвлекли въ Кенигсбергъ; наконецъ, въ самомъ Остзейскомъ краѣ, вслѣдствіе переворота, происшедшаго въ концѣ XVI вѣка, она

встрѣтила совмѣстничества, еще болѣе для нея опасныя, чѣмъ предпріимчивость Голландцевъ и Англичанъ. Курляндія, отдѣлившись отъ Лифляндіи, захотѣла принять самостоятельное участіе въ торговлѣ и открыла у себя двѣ новыя пристани: Виндавскую и Либавскую. Въ Дерптѣ былъ учрежденъ складъ русскихъ товаровъ. Дворяне—владѣльцы имѣній, разоренные войною XVI вѣка, обложенные новыми тяжелыми повинностями и поборами въ пользу казны, должны были измѣнить свой прежній беззаботный образъ жизни и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Но выгоды, отъ него ожидаемыя, зависѣли отъ выгоднаго сбыта произведеній, иными словами: отъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ заморскими купцами. Итакъ, дворянство и весь край естественно должны были возстать противъ торговой монополіи Рижанъ. Этому напору разнородныхъ, но въ одинаковой степени опасныхъ для нея соперничествъ, Рига ничего не могла противопоставить, кромѣ древнихъ хартій и покровительства верховной власти, которая, получая часть портовыхъ пошлинъ, была заинтересована въ поддержаніи ея заморской торговли. Сознавая, что время безспорнаго владычества миновалось и что наступало время борьбы, граждане рижскіе яснѣе, полнѣе и строже опредѣлили древнія свои права, дотолѣ неоспоренныя, развили и дополнили ихъ и пріобрѣли себѣ новыя. Права эти касались: a) отношенія города къ цѣлому краю; b) отношенія гражданъ рижскихъ къ негражданамъ: иногороднымъ и иностранцамъ, купцамъ, дворянамъ и крестьянамъ; c) отношеній гражданъ между собою, или распредѣленія торговыхъ преимуществъ между различными классами купцовъ.

Отношеніе города къ краю опредѣлялось стапельнымъ правомъ, коимъ Рига пользовалась издревле, но которое подробно опредѣлено было не прежде, какъ при поступленіи въ подданство Польши, въ сводѣ привилегій Стефана Баторія. Географическіе предѣлы, въ которыхъ оно дѣйствовало, никогда не могли быть опредѣлены съ точностью. Рижане готовы были распространить ихъ на цѣлое полушаріе; они видѣли нарушеніе его въ открытіи пристаней въ Курляндіи, въ учрежденіи склада русскихъ товаровъ въ Дер-

птѣ, и т. д.; но ихъ протесты не могли этому помѣшать; поэтому можно принять какъ фактъ, что стапельное право города Риги ограничивалось теченіемъ Двины, нѣкоторыхъ рѣкъ, въ нее впадающихъ въ Лифляндіи. рѣки Аа и юго-западною частью Лифляндіи.

Отношенія гражданъ къ негражданамъ въ дѣлѣ торговли были прямымъ послѣдствіемъ стапельнаго права и какъ бы перенесеніемъ на лица права, принадлежавшаго мѣстности. Негражданинъ, пріѣзжавшій въ Ригу съ товарами, кто бы онъ ни былъ, заморскій гость, русскій купецъ или нѣмецкій дворянинъ, и откуда бы онъ ни шелъ или ни плылъ, обязанъ былъ въ данный срокъ продать свои товары гуртомъ рижскому гражданину, а не кому-либо другому. или везти ихъ съ собою назадъ. Точно также онъ долженъ былъ покупать нужные для него товары отъ рижскихъ гражданъ исключительно; таковъ былъ смыслъ привилегій; но частыя и безнаказанныя нарушенія ихъ скоро повели къ формальнымъ уступкамъ. Такъ, напримѣръ, торговый уставъ, относящійся къ эпохѣ польскаго владычества (извѣстный подъ названіемъ стараго), признаетъ особый классъ иностранныхъ факторовъ, Голландцевъ, Англичанъ и вообще не Ганзейцевъ, имѣвшихъ въ Ригѣ постоянное пребываніе и которымъ предоставлено было право выписывать заграничные товары и продавать ихъ гражданамъ. Имъ запрещалось только давать у себя пристанище гостямъ, содержать корабли и торговать съ крестьянами. Въ 1615 г. Рига заключила съ курляндскимъ владѣтельнымъ домомъ договоръ, по которому, взамѣнъ уступленнаго ей теченія Двины съ исключительнымъ правомъ судоходства, она разрѣшила курляндскимъ герцогамъ продавать ежегодно иностраннымъ купцамъ 200 ластовъ ржи и столько же лѣса, равно какъ и покупать у послѣднихъ все нужное для ихъ домашняго обихода—то и другое безпошлинно; дворянамъ же курляндскимъ позволила складывать свой хлѣбъ у гражданъ и держать его до Троицына дня. При шведскомъ правительствѣ помѣщики шведскіе и лифляндскіе въ 1654 г. вступили въ переговоры съ гражданами и требовали для себя тѣхъ-же преимуществъ. но, получивъ отказъ, они обратились съ своими требова-

ніями къ высшему правительству, которое, резолюціею 31 октября 1662 г., рѣшило, что имъ нельзя дозволить продавать своего хлѣба иностранцамъ, но что они могутъ свободно складывать его въ городѣ и, во время ярмарки, покупать все, что имъ нужно, у пріѣзжихъ купцовъ. Самое учрежденіе ярмарокъ, открытыхъ по волѣ правительства (ихъ было двѣ: лѣтняя и осенняя), было важнымъ нарушеніемъ строгихъ мѣстныхъ законовъ. Нѣкоторыя уступки вытребованы были самими гражданами: такъ, они получили право торговать въ долгъ съ Русскими. Издавна также существовалъ законъ, воспрещавшій гражданамъ торговать на иностранные капиталы; въ торговыхъ уставахъ, старомъ и новомъ, 1621 г., подтверждено было строгое его исполненіе, въ особенности по части русской торговли; потомъ, спустя 23 года, по желанію самихъ Рижанъ и по недостатку у нихъ собственныхъ капиталовъ, разрѣшено было торговать на деньги, занятыя по умѣреннымъ процентамъ. Съ другой стороны, приняты были въ XVII вѣкѣ мѣры противоположнаго свойства, для обезпеченія монополіи мѣстныхъ купцовъ. Въ уставѣ 1621 г. мы находимъ слѣдующее постановленіе: „При открытіи весенней торговли, до прибытія струговъ изъ Россіи и заморскихъ купцовъ съ Запада, веттгеры и старшіе купцы рижскіе должны опредѣлить, съ общаго согласія, по какой цѣнѣ могутъ быть покупаемы товары, привозимые Русскими и продаваемы имъ товары заморскіе". Такія-же точно условія заключались и по другимъ отраслямъ торговли. Это называлось: das Markt über eine Waare machen; при этомъ строго запрещалось наддавать сверхъ установленныхъ цѣнъ и даже предлагать пріѣзжимъ купцамъ, въ особенности русскимъ, угощенія и подарки сверхъ опредѣленнаго количества рыбы, хлѣба и проч. Наконецъ, русскій купецъ, какъ и всякій гость, обязанъ былъ нанять помѣщеніе у одного изъ гражданъ рижскихъ и не съѣзжать съ его квартиры во все время своего пребыванія въ Ригѣ. Въ 1649 г. для Русскихъ и для жидовъ выстроили въ форштатѣ особый постоялый дворъ, въ которомъ ихъ держали подъ карауломъ, какъ-бы въ плѣну. Такимъ образомъ, граждане составляли между собою заговоръ противъ иностранцевъ; иностранцы же, напримѣръ Русскіе,

пріѣзжавшіе изъ Литвы, Бѣлоруссіи и Москвы, дворяне лифляндскіе и курляндскіе, наконецъ, купцы заморскіе, Голландцы, Англичане и проч., будучи между собою разъѣдинены, никакъ не могли противопоставить Рижанамъ такого-же союза. Для принужденія пріѣзжавшихъ въ Ригу крестьянъ литовскихъ, курляндскихъ и лифляндскихъ, къ невыгодному для нихъ сбыту сельскихъ продуктовъ, принята была другая мѣра: тѣмъ изъ нихъ, которые пріѣзжали со льномъ, запрещено было проводить въ городѣ болѣе одной ночи; а пріѣзжавшіе съ рожью должны были оставлять городъ до наступленія ночи. Это было постановлено въ 1621 г., а въ 1644, по требованію самихъ гражданъ, послѣдняя статья была отмѣнена. Таковы были законныя притѣсненія, коимъ подвергались всѣ имѣвшіе торговыя дѣла съ гражданами; къ этому должно прибавить всякаго рода злоупотребленія и обманы: крестьянъ зазывали въ корчмы, поили допьяна и почти насильно отнимали у нихъ возы; браковщики произвольно сортировали товары, вѣсовщики и мѣрильщики употребляли при пріемѣ и при выдачѣ различные мѣры и вѣсы, какъ свидѣтельствуютъ о томъ жалобы лифляндскихъ дворянъ въ 1662 г., и въ особенности митавскихъ купцовъ въ 1628 году.

Отношенія городскихъ жителей, занимавшихся торговлею между собою, въ продолженіе втораго періода, доведены были до мелочной опредѣлительности. По этой части мы находимъ въ торговыхъ уставахъ, старомъ и новомъ 1621 года и въ полицейскомъ 1652 года много новыхъ правилъ, клонившихся къ тому, чтобы по возможности разъединить и раздробить различныя отрасли и виды торговли такъ, чтобы каждая торговая компанія или каждый классъ городскихъ жителей имѣлъ свою спеціальную дѣятельность. Лица, занимавшіяся торговлею, раздѣлялись: на гражданъ-купцовъ, членовъ большой гильдіи, холостыхъ прикащиковъ, еще не получившихъ права гражданства, и торговыхъ учениковъ или слугъ. Эти три разряда соотвѣтствовали разрядамъ ремесленной іерархіи: мастерамъ, подмастерьямъ и ученикамъ. Купецъ, принимавшій ученика, обязанъ былъ записать въ веттгерихтѣ имя его и заключенное съ нимъ условіе, срокомъ не мѣнѣе какъ

на 6 лѣтъ. Ученикъ самъ по себѣ не могъ торговать; онъ долженъ былъ исполнять порученія своего хозяина по городской и форштатской торговлѣ; его посылали для закупки товаровъ у крестьянъ на Двину или къ городскимъ воротамъ. Каждый гражданинъ могъ держать одного ученика, не болѣе; прикащикъ пріобрѣталъ это право не прежде, какъ проживши три года самъ по себѣ, т. е. въ самостоятельномъ производствѣ торговли, на свой капиталъ.

Ученикъ, выслуживши 6 лѣтъ, становился прикащикомъ (Gesell) и въ то же время получалъ право производить на свой собственный счетъ нѣкоторые роды торговли; а именно: онъ могъ открыть мелочную лавку и продавать въ ней соль и сельдей въ розницу; но онъ не могъ пріобрѣтать этихъ товаровъ отъ иностранныхъ купцовъ, прямо съ кораблей, а долженъ былъ покупать ихъ у гражданъ-купцовъ, которые складывали ихъ въ свои погреба и въ свою очередь не могли продавать ихъ въ розницу изъ лавокъ. Прикащику вообще запрещено было торговать хлѣбомъ и медомъ, состоять въ компаніи съ крестьянами, занимать деньги у иногородныхъ, покупать товары всякаго рода у Русскихъ, Литовцевъ и крестьянъ, болѣе чѣмъ на опредѣленную сумму. Въ этомъ отношеніи, сыновья гражданъ пользовались нѣкоторыми преимуществами; а тѣ изъ нихъ, которые торговали на имя своихъ отцовъ, кажется, всѣми правами гражданъ.

Въ уставѣ 1621 г. право торговать съ Русскими, Поляками и заморскими купцами предоставлено исключительно братьямъ.

Купецъ-гражданинъ могъ содержать двѣ лавки или производить оптовую торговлю; содержатели лавокъ (Krämer) продавали всякаго рода товары въ розницу и подраздѣлялись на разныя категоріи (Seiden-Kr., Tuch-Kr., Gewürtz-Kr., Eisen-Krämer и такъ далѣе). Оптовые торговцы (Kaufhändler), которые закупали товары мѣстные или внутренняго привоза изъ Россіи, Литвы, Курляндіи, не имѣли права продавать ихъ непосредственно заморскимъ купцамъ: они должны были сбывать ихъ своимъ согражданамъ, которые уже перепродавали ихъ гостямъ, для вывоза за море.

Въ 1648 г. коммиссія, состоявшая изъ купцовъ, предста-

вителей разныхъ отраслей торговли, постановила, чтобы тотъ, кто торгуетъ съ Русскими, другой торговли не производилъ; то же самое правило издано было для торговавшихъ съ Литовцами и крестьянами. Но эти ограниченія скоро приняли характеръ, противоположный ихъ назначенію: они подали поводъ къ учрежденію монополій въ пользу торговыхъ компаній, которымъ покровительствовалъ магистратъ, вопреки жалобамъ гражданъ и строгимъ запрещеніямъ правительства. Такимъ образомъ, рижская торговля распалась на строго разграниченные между собою виды: оптовую и мелочную; оптовая на внутреннюю и внѣшнюю. Право торговли вообще принадлежало большой гильдіи; но и малая имѣла на него притязанія, которыхъ старый уставъ не отвергалъ безусловно, ограничиваясь требованіемъ, чтобы ремесленники, занимающіеся торговлею, подчинялись веттгерихту и исполняли всѣ его требованія. Въ полицейскомъ уставѣ 1652 г. имъ это положительно запрещается, равно какъ и содержать лавки (offener Kram): они должны были нести свои издѣлія на рынокъ и могли везти ихъ, куда хотѣли, равно какъ и выписывать себѣ нужные матеріалы изъ-за границы. Малая гильдія этимъ не удовольствовалась и между торговымъ и ремесленнымъ сословіемъ началась продолжительная тяжба, возобновленіе спора XVI вѣка о распредѣленіи кормленій. Далѣе этихъ началъ мѣстное законодательство не развивалось; оно постоянно кружилось около нихъ, то стѣсняя, то расширяя кругъ изъятій и допущенныхъ исключеній, такъ что все различіе между древнѣйшими и позднѣйшими уставами заключается только въ большей или меньшей строгости. Въ 1673 г. распространенъ былъ на Ригу общій торговый уставъ, изданный шведскимъ правительствомъ, по поводу всеобщихъ жалобъ на вторженіе иностранцевъ и претерпѣваемые отъ этого коренными подданными убытки. Этимъ ясно опредѣляется какъ цѣль его такъ и содержаніе: онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько воспретительныхъ мѣръ для ограниченія торговыхъ оборотовъ иностранныхъ гостей и гражданъ, ихъ коммиссіонеровъ. Первымъ запрещается оставаться въ городахъ долѣе положеннаго двухмѣсячнаго срока, складывать привозимые ими

товары на своихъ квартирахъ, а не въ амбарахъ, указанныхъ магистратомъ, открывать лавки и продавать въ розницу; вторымъ велѣно торговать на тѣхъ же самыхъ правахъ, какими пользовались иностранцы; но дворянамъ разрѣшено было вести оптовую торговлю отдѣльно или въ компаніи съ гражданами, учреждать мануфактуры и горные заводы, выписывать всякаго рода товары, не пріобрѣтая права гражданства въ городахъ и не исправляя личныхъ городскихъ повинностей, но одинъ вещественныя. Въ уставѣ объяснено, что польза всего государства и успѣхъ самой торговли требовали этого отступленія отъ буквы старыхъ законовъ. Впрочемъ, не долго этотъ уставъ имѣлъ силу закона. Въ 1675 г. правительство, по просьбѣ гражданъ, замѣнило его другимъ, и наконецъ въ 1690 г., по такой же просьбѣ, третьимъ, почти во всемъ сходнымъ съ изложенными выше мѣстными законами по части торговли.

б) Права гражданъ по производству пивоваренія.

Пивовареніе почиталось однимъ изъ выгоднѣйшихъ промысловъ и предоставлялось преимущественно обѣднѣвшимъ гражданамъ (Noth-Nahrung). Въ XVI вѣкѣ малая гильдія, противъ воли другихъ сословій, получила отъ магистровъ привилегіи, спеціально подтвержденныя Стефаномъ Баторіемъ и обезпечившія на время право ея участвовать въ пивоваренін наравнѣ съ большою гильдіею; но въ полицейскомъ уставѣ 1652 г. магистратъ отнялъ у нея это право, какъ несовмѣстное съ производствомъ ремеслъ, оставивъ ей только кружечную продажу, или содержаніе кабаковъ, и объявилъ намѣреніе учредить особый цехъ пивоваровъ; по этому поводу вновь возгорѣлся прежній окончательно рѣшенный споръ. Большая гильдія, съ точки зрѣнія юридической, по старинѣ, повидимому ничего не могла возразить противъ привилегій, на которыя ссылалась малая; не менѣе того, первая, въ запискѣ, поданной магистрату въ 1662 г., придралась къ нимъ и доказала если не право свое, то умѣнье подкапываться подъ чужія права и пренебреженіе къ старинѣ, когда свидѣтельства ея были противны ея выгодамъ. Ельтермапы разсуждали слѣдующимъ образомъ: „Въ привилегіи 1545 г., на которой ремесленники основываютъ свое притязаніе, встрѣчается ссылка на Кирхгольмскій договоръ; но Кирхгольмскій

договоръ отмѣненъ; слѣдовательно и привилегія 1545 г. силы не имѣетъ". Этотъ выводъ, послѣдовательно проведенный, уничтожилъ бы всѣ городскія привилегіи. „Вовторыхъ, привилегія 1545 г. выдана малой гильдіи потому, что будто бы ей нечѣмъ было кормиться; но это несправедливо, ибо она можетъ добывать выгоды ремеслами; слѣдовательно и эта привилегія, какъ основанная на ложномъ показаніи, ничтожна. Въ третьихъ: подлинность привилегіи 1545 г., сохранившейся въ копіи, сомнительна; магистры, безъ вѣдома архіепископа, не имѣли права утверждать привилегій, а малая гильдія, безъ вѣдома большой, не могла даже и просить о томъ. Въ четвертыхъ, обязательность привилегій архіепископовъ и магистровъ упразднена Радзивиловскою грамотою 1561 г., во сколько онѣ съ благосостояніемъ города несовмѣстны. Въ пятыхъ, привилегія Стефана Баторія также основана на лживомъ показаніи малой гильдіи: будто бы она изстари пользовалась правами, которыхъ добивалась; но какъ она ими не пользовалась, то и привилегія силы не имѣетъ. Къ тому же, въ ней сказано, что права, предоставленныя малой гильдіи, не должны противорѣчить общепринятымъ понятіямъ о правѣ (dem allgemeinen Rechte), но предоставленіе одному сословію двухъ промысловъ: ремеслъ и пивоваренія, было бы таковымъ противорѣчіемъ. Наконецъ, въ той же привилегіи сказано, что малая гильдія должна представить ее магистрату, конечно для того, чтобы магистратъ разсудилъ, можетъ-ли она быть допущена" и т. д. Споръ этотъ, съ такою добросовѣстностью веденный большою гильдіею, доходилъ до высшаго правительства, а между тѣмъ магистратъ, сознававшій себя не въ силахъ разрѣшить его въ пользу той или другой стороны, съ цѣлью заглушить дѣло, прибѣгнулъ къ прежнему своему намѣренію и учредилъ, въ 1671 г., особое общество или цехъ пивоваровъ, въ который могли вступать всѣ лица, занимавшія мѣста по городской службѣ, свѣтскія и духовныя, ихъ вдовы, братья и сестры гильдій. На первый случай ни у кого изъ лицъ, пользовавшихся до того времени правомъ пивоваренія, оно отнято не было; но лицамъ, не получившимъ правъ мѣстнаго гражданства, арендаторамъ имѣній и городскимъ слугамъ и проч., было въ немъ строго отказано.

Право продавать пиво кружками также предоставлено было обществу. Король 19 августа 1672 г. утвердилъ уставъ, данный магистратомъ компаніи пивоваровъ, съ нѣкоторыми впрочемъ видоизмѣненіями, изъ коихъ важнѣйшее заключалось въ томъ, что король предоставлялъ одному себѣ право расширять и стѣснять (augendi et minuendi) означенныя правила, которое, по своему обыкновенію, магистратъ хотѣлъ присвоить себѣ. Но большая гильдія не переставала протестовать, а малая ходатайствовать о предоставленіи ей не только права варить пиво, но и торговать съ гостями (Kauf, Brauen, freier Gast-Handel). Король, на первый случай, не велѣлъ тревожить ремесленниковъ, но объявилъ намѣреніе послать въ Ригу особую коммиссію съ порученіемъ разъяснить этотъ вопросъ, подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора. Эта резолюція состоялась 30 сентября 1672 г., а въ 1673 г. процессъ между обѣими гильдіями еще продолжался; неизвѣстно, чѣмъ онъ кончился. По тому же предмету тянулись споры во время польскаго владычества между городомъ и іезуитами, занимавшимися пивовареніемъ внѣ города; при шведскомъ, между городомъ—съ одной стороны, дворянами и шведскимъ гарнизономъ, квартировавшимъ въ Ригѣ,—съ другой. Граждане никакъ не хотѣли допустить, чтобы комендантъ замка, полковые командиры и нижніе воинскіе чины варили пиво даже для домашняго своего употребленія, не смотря на то, что продаваемое въ городѣ было не по ихъ состоянію. Точно также не позволяли дворянамъ, временно проживавшимъ въ городѣ, выписывать себѣ пиво изъ своихъ имѣній. Болѣе двадцати разъ депутаты ѣздили въ Стокгольмъ съ жалобами и просьбами по этимъ дѣламъ; нѣсколько разъ, особенно при Густавѣ Адольфѣ и королевѣ Христинѣ, они привозили оттуда выгодныя для себя резолюціи; но впослѣдствіи однако почти всѣ эти вопросы были рѣшены въ пользу гарнизона и дворянства, въ 1641 году, 31 октября 1662 года и 16 февраля 1681 года.

в) Права гражданъ по занятію ремеслами.

Ремесла составляли кормленіе гражданъ малой гильдіи, ей исключительно предоставленное; все городское общество, признавая право ея, обязывалось охранять его отъ всякихъ нарушеній; а малая гильдія, въ свою очередь, обязана была

снабжать городскихъ жителей всякаго рода издѣліями за умѣренную цѣну. Но ни то ни другое условіе не исполнялось. Въ жалобахъ (gravamina), которыя ежегодно приносили ельтерманы магистрату, въ прошеніяхъ на имя короля, неизмѣнно повторяются такого рода статьи: „Малая гильдія недовольна тѣмъ, что лица, непринадлежащія ни къ братствамъ, ни къ городскому обществу, заводятъ мастерскія и ставятъ вывѣски; что въ форштатахъ размножается число ремесленниковъ [1]); что магистратъ произвольно отъ себя вводитъ мастеровъ въ цехи; что бѣнгазы безнаказанно попираютъ ногами шраги и тѣмъ лишаютъ мастеровъ средствъ выписывать изъ-за границы подмастерьевъ; что дворяне и кастеляны держатъ при себѣ ремесленниковъ; что въ городѣ сбываютъ работу мастеровъ, внѣ города поселившихся“, и т. д. Большая гильдія съ своей стороны твердила, что нѣтъ возможности имѣть дѣло съ ремесленниками; что плотники, каменьщики и другіе цеховые запрашиваютъ непомѣрныя цѣны; что они кромѣ ремеслъ своихъ занимаются торговлею и господствуютъ на рынкѣ; что пекари произвольно уменьшаютъ вѣсъ и размѣръ хлѣбовъ; что портные продаютъ шелковыя матеріи, и т. д. Тѣ же самыя жалобы предъявляли и дворяне въ переговорахъ своихъ съ городскими депутатами; наконецъ, правительство шведское не разъ требовало отъ городскаго начальства, чтобы оно составило для всѣхъ важнѣйшихъ ремеслъ таксы для облегченія бѣдныхъ классовъ и отнятія поводовъ къ размноженію не цеховыхъ ремесленниковъ. Таковыя таксы для необходимѣйшихъ издѣлій, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ ремесламъ (сапожному, портному и кузнечному), дѣйствительно были составлены магистратомъ, признавшимъ наконецъ, что цехи употребляли свои шраги во зло, и были помѣщены въ полицейскомъ уставѣ; но ихъ не исполняли.

Въ предшествующей статьѣ упомянуто было объ уступкѣ права пивоваренія квартировавшему въ Ригѣ гарнизону; въ его же пользу и послѣ не менѣе продолжительныхъ споровъ,

---

[1]) Въ книгѣ ельтермана Фрёлиха сказано, что, по силѣ королевскихъ резолюцій 1599 и 1600 г., въ замковскомъ форштатѣ позволено было жить: двумъ лодочникамъ, плотникамъ, польскому сапожнику, колеснику, каменьщикамъ.

правительство шведское допустило изъятіе по части производства ремеслъ; въ 1657 г. коменданту разрѣшено было содержать въ замкѣ ткачей, пекарей, кузнецовъ, слесарей, каретниковъ, но не свыше опредѣленнаго числа; въ 1662 году подтверждено было генералъ-губернатору не допускать размноженія въ замкѣ маркитантовъ и ремесленниковъ, но въ то же время дано право офицерамъ держать при себѣ работниковъ, для домашней надобности, не употребляя этого права во зло; наконецъ, въ 1696 г., рѣшеніемъ магистрата позволено было солдатамъ и полицейскимъ чинамъ, въ числѣ пятнадцати, шить платье, двѣнадцати человѣкамъ шить сапоги, четыремъ заниматься столярною работою, всѣмъ безъ изъятія починкою подошвъ; все это они должны были дѣлать своими руками, безъ всякой посторонней помощи; но и это право досталось имъ не легко.

г) Права гражданъ по содержанію гостинницъ.

Содержаніе гостинницъ для пріѣзжихъ и постоялыхъ дворовъ (Gastgeberey) составляло также промыселъ, предоставленный исключительно гражданамъ, притомъ въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые изъ города перешли въ форштаты, и чрезъ это лишились права заниматься внѣшнею торговлею.

б) По части продовольствія: граждане пользовались разными, въ изложеніи перваго періода подробно исчисленными преимуществами въ покупкѣ для собственнаго своего потребленія съѣстныхъ припасовъ отъ сельскихъ жителей, какъ-то: мяса, рыбы, овощей; въ XVII вѣкѣ обѣ гильдіи присвоили себѣ исключительное право снабжать себя дровами изъ городскаго лѣса и особенныя преимущества въ пользованіи городскимъ выгономъ. Члены магистрата и братья могли даромъ содержать на немъ неограниченное количество скота [1]);

[1]) Предоставленіе одинаковаго права ратсгерамъ и братьямъ доказываетъ уже, что, вопреки вышеприведеннымъ показаніямъ обѣихъ гильдій, выгонъ, какъ лѣсъ, какъ рыбная ловля, какъ кирпичный заводъ, почитался собственностью цѣлаго города, а не гильдій. Но еще важнѣе въ этомъ дѣлѣ слѣдующая приписка, найденная на полѣ полицейскаго устава, сочиненнаго въ 1652 году, противъ статьи 16 (стр. 332 рукописнаго сборника, подъ литер. A, принадлежащаго къ архиву большой гильдіи). Приписка эта очевидно новѣе устава и, вѣроятно, сдѣлана рукою одного изъ ельтермановъ: „общій выгонъ и прилегающая къ ней рыбная ловля принадлежатъ городу, и, слѣдовательно, право

не братья, каждый не болѣе одной коровы и одной лошади; крестьяне и окрестные жители, не иначе какъ съ опредѣленною платою.

Большая гильдія.

Юридическія основанія ея устройства.

Въ продолженіе втораго періода она окончательно организировалась такъ, что уже съ тѣхъ поръ до 1841 года не произошло никакихъ перемѣнъ въ ея устройствѣ. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ его изложенію, считаемъ необходимымъ разсмотрѣть происхожденіе и рѣшить вопросъ объ обязательной силѣ законодательныхъ документовъ, на которыхъ оно основывалось и которые послужили источниками при составленіи Свода Мѣстныхъ Узаконеній Остз. губ. части II, книги III, разд. I.

Первое мѣсто между ними, въ порядкѣ времени, занимаютъ древнія шраги большой гильдіи, въ 1610 г. переведенныя ельтерманомъ Фрёлихомъ съ древняго на новонѣмецкое нарѣчіе, очищенныя отъ всего, напоминавшаго обряды католической церкви, и потомъ, около 1613 г., тѣмъ же ельтерманомъ дополненныя двумя главами, изъ коихъ первая содержитъ 47, а вторая 10 статей [1]). Древнія шраги утверждены были польскимъ правительствомъ въ общихъ выраженіяхъ, вмѣстѣ съ статутами и городскими привилегіями; дополненія къ нимъ также были подтверждены Густавомъ-Адольфомъ при сдачѣ Риги.

При шведскомъ владычествѣ возникли въ большой гильдіи между старшинами и братьями споры, для прекращенія коихъ высшее правительство поручило лифляндскому губернатору согласить объ стороны посредствомъ обоюдныхъ уступокъ. По этому случаю составлены были 13 марта 1680 г. дополнительныя статьи, извѣстныя подъ названіемъ тридцати двухъ королевско-шведскихъ конфирмованныхъ пунктовъ. Подъ этимъ названіемъ онѣ цитуются въ Мѣстномъ Сводѣ, и большая гильдія до сихъ поръ на нихъ ссылается, хотя это

распоряженія ими (die Disposition darüber) принадлежитъ магистрату, который 14 марта 1629 г. поручилъ ельтерманамъ большой гильдіи только управленіе выгономъ (nur die Administration) въ видѣ милостя (als ein Beneficium).

1) Изданы въ Monum. Liv. ant. т. IV.

не болѣе какъ проэктъ, предложенный губернаторомъ и который не только не былъ конфирмованъ шведскимъ правительствомъ, но даже не былъ принятъ большою гильдіею [1]). Но и этимъ споръ не окончился. Главные вопросы о выборѣ ельтермана и старшинъ доведены были до свѣдѣнія короля и рѣшены имъ 16 февраля 1681 г. Въ концѣ этой резолюціи сказано: „Е. К. В. устраняетъ рѣшеніе остальныхъ вопросовъ, состоящихъ въ тѣсной связи съ двумя упомянутыми, до тѣхъ поръ, пока генералъ-губернаторъ выслушаетъ объ стороны и употребитъ свое посредничество". Итакъ, только два пункта были утверждены, а прочія предположенія 13 марта и 20 апрѣля 1680 г. были отмѣнены.

Наконецъ, въ концѣ XVII вѣка, составлена была новая редакція гильдейскихъ законовъ, извлеченная изъ шрагъ Фрёлиха, изъ обоихъ проэктовъ 1680 г. и изъ резолюціи 1681 г., подъ заглавіемъ Екстракта. Она также никѣмъ не утверждена, годъ составленія ея не означенъ, пунктъ 60-й объ утвержденіи ельтермана во всѣхъ спискахъ оставленъ въ пробѣлѣ: явное доказательство, что и этотъ документъ есть только проэктъ. Замѣчательно, между прочимъ, что въ немъ упоминается о 32 пунктахъ какъ объ утвержденныхъ законахъ, а между тѣмъ, въ немъ пропущена послѣдняя статья этихъ пунктовъ слѣдующаго содержанія: „шраги. въ случаѣ нужды, могутъ быть измѣняемы и исправляемы съ согласія

---

[1]) Послѣднее доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ревизующая коммиссія потребовала списокъ всѣхъ шрагъ и законовъ, коими руководствовалась большая гильдія, въ одно время отъ магистрата и отъ ельтермана большой гильдіи. Первый представилъ вмѣстѣ съ 32 пунктами, составленными 13 марта 1680 г., еще другія предположенія (anderweitige Vorschläge) въ отличіе отъ первыхъ, составленныя 20 апрѣля того же года. Въ предисловіи къ нимъ сказано: что хотя предполагали, что первый проэктъ будетъ принятъ обѣими сторонами, но вышло противное; что оказанное ими упорство мѣстное начальство предоставляло себѣ довести до свѣдѣнія верховной власти; но при этомъ, дабы, по мѣрѣ возможности, исполнить возложенное на него порученіе, оно предлагало новый проэктъ, видоизмѣненный на основаніи отзывовъ обѣихъ сторонъ. За этимъ слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ расположенныя статьи, также никѣмъ не утвержденныя. Этого втораго проэкта ельтерманъ большой гильдіи не представилъ и притворился вовсе не знающимъ ничего объ его существованіи.

магистрата и по учиненіи совѣщанія съ старшинами и братьями, но не иначе, какъ съ утвержденія верховной власти".

Итакъ, изъ всѣхъ памятниковъ, служившихъ источниками при составленіи Мѣстнаго Свода, только два: шраги по изданію Фрёлиха и резолюція 1681 года имѣли силу законовъ. На это обыкновенно отвѣчаютъ, что остальные получили силу отъ долговременнаго употребленія, отъ утвердившагося обычая; но обычай не сглаживалъ противорѣчій, которыя въ нихъ встрѣчаются и не отнималъ возможности ссылаться то на одинъ источникъ, то на другой. Обычай не устранялъ столкновеній и споровъ, которые обыкновенно оканчивались примиреніемъ, т. е. въ законодательномъ смыслѣ ничѣмъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство: до изданія Мѣстнаго Свода, ни магистрату, ни самой гильдіи не приходило на умъ напечатать ея уставъ; если изъ этого нельзя вывести, что находили выгоду въ неопредѣленности законовъ, то, по крайней мѣрѣ, это служитъ доказательствомъ непростительнаго нерадѣнія о многоуважаемой старинѣ и привилегіяхъ.

Избѣгая повтореній, мы извлечемъ изъ всѣхъ упомянутыхъ источниковъ только тѣ статьи, коими дополняется или измѣняется устройство гильдіи, какъ опредѣляли его древнѣйшія шраги и договоръ 1604 года.

Составъ большой гильдіи.

Съ половины XVII вѣка, большая гильдія состояла: изъ купцовъ, мелочныхъ торговцевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, аптекарей, живописцовъ и пивоваровъ. Лица послѣднихъ четырехъ разрядовъ составляли особенные цехи, но не записѣвшіе отъ малой гильдіи; прочіе цеховые ремесленники принадлежали къ малой гильдіи, но они могли перейти въ большую, даже прямо въ братство ея, отказавшись отъ прежняго своего занятія и отъ званія братьевъ малой гильдіи и представивъ въ томъ удостовѣреніе отъ своего ельтермана. (Полицейскій уставъ 1652 года, Екстрактъ).

Объ условіяхъ и порядкѣ вступленія въ большую гильдію вовсе не упоминается въ законахъ XVII вѣка, но говорится объ этихъ предметахъ въ статьѣ о вступленіи въ братство; поэтому, весьма вѣроятно, что въ то время магистратъ, не

спрашивая гильдіи, приписывалъ къ ней отъ себя тѣхъ вновь принятыхъ гражданъ, которые, по роду своихъ занятій, должны были къ ней примкнуть.

Кюхенбрюдеры.

Граждане, причисленные къ большой гильдіи, но еще не успѣвшіе вступить въ братство, изрѣдка встрѣчающіеся въ XVI вѣкѣ подъ отрицательнымъ опредѣленіемъ не-братьевъ (de neue Broder sind) или молодыхъ гражданъ, въ спискахъ XVII вѣка являются уже какъ составная часть большой гильдіи, какъ низшая, вновь образовавшаяся степень подъ названіемъ Küchen или Hof-Brüder, надворныхъ братьевъ. Они пользовались всѣми личными правами, предоставленными членамъ гильдіи, кромѣ тѣхъ (исчисленныхъ выше, по части торговли и другихъ промысловъ), которыя братство предоставляло исключительно себѣ; но участіе ихъ въ дѣлахъ общественныхъ было ограничено. Они приглашались на всѣ гильдейскія собранія; при выборахъ ельтермановъ, кандидатовъ на степень старшинъ, докмановъ, засѣдателей въ управленіи городскою кассою, выгономъ и т. д. они имѣли избирательные голоса, совершенно равные голосамъ братьевъ; но сами ни въ какія должности не могли быть выбираемы. Какъ особенная степень, они не имѣли ни представителей, ни уполномоченныхъ. Въ совѣщаніяхъ по городскимъ дѣламъ (Gemeine Stadt-Rathschläge), по окончаніи доклада, когда старшины уходили въ камеру, а братья собирались подъ изваяннымъ изображеніемъ Божьей Матери въ самой залѣ, небратья удалялись на дворъ или въ кухню (отсюда ихъ названіе) и разсуждали отдѣльно. Въ случаѣ разномыслія, когда прибѣгали къ счету голосовъ, всѣ кюхенбрюдеры, вмѣстѣ взятые, подавали одинъ общій голосъ, который почитался равносильнымъ голосу одного брата [1]). При выборахъ въ братство они вовсе не участвовали. Кюхенбрюдеры обязаны были представляться для пріема въ братство.

---

1) Эта статья помѣщена въ дополненіяхъ Фрёлиха ст. 7, и мы передали ее въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали при составленіи 32 пунктовъ и впослѣдствіи; но она очень неясна и весьма можетъ значить слѣдующее: когда собираютъ мнѣнія по степенямъ, то кюхенбрюдеры, также какъ и братья и старшины, подаютъ одинъ голосъ; когда собираютъ голоса поголовно, голосъ кюхенбрюдера равносиленъ голосу брата.

Порядокъ вступленія въ братство.

Въ дополнительныхъ статьяхъ Фрёлиха сказано: „По приговору братьевъ и старшинъ, кто отнынѣ, прожившъ два года въ званіи гражданина, не предъявитъ просьбы о пріемѣ его въ братство, тому будетъ объявлено приказаніе вступить въ него въ ближайшее собраніе всей гильдіи, на сырной недѣлѣ, подъ штрафомъ, по старому обычаю разсчитаннымъ на воскъ; кто упуститъ этотъ срокъ обязанъ будетъ представиться для пріема въ братство въ слѣдующее затѣмъ собраніе; кто вторично не явится заплатитъ двойной штрафъ; при этомъ, ему будетъ объявлено въ третій разъ, чтобы онъ непремѣнно вступилъ въ братство, подъ страхомъ лишенія права торговли и всѣхъ прочихъ правъ и кормленій, гражданамъ предоставленныхъ, на основаніи закона по которому никто, къ братству одной изъ двухъ гильдій непринадлежащій, не можетъ пользоваться городскимъ кормленіемъ (Bürgernahrung, то же, что промысломъ)". Итакъ, по истеченіи двухъ, какъ-бы льготныхъ или пробныхъ годовъ, предъявленіе просьбы о пріемѣ въ братство было обязательно для всѣхъ членовъ гильдіи. Степень надворныхъ братьевъ была временнымъ, переходнымъ состояніемъ; а братство, какъ явствуетъ изъ всего этого, вовсе не имѣло значенія тѣснаго союза, какое оно присвоило себѣ впослѣдствіи, вопреки уставамъ общества.

Условія и порядокъ пріема кюхенбрюдеровъ въ братство въ шрагахъ Фрёлиха 1610 года не опредѣлены, и это заставляетъ думать, что, такъ какъ въ то время выборы съ правомъ отказа имѣли мѣсто при вступленіи въ гильдію, то лица, принятыя въ гильдію, по истеченіи двухъ лѣтъ, не подвергаясь новому выбору, прямо вступали въ братство; но, при жизни самого Фрёлиха, этотъ порядокъ измѣнился, ибо въ дополнительныхъ статьяхъ его и въ позднѣйшемъ Екстрактѣ, наоборотъ, не говорится о порядкѣ вступленія въ гильдію, а излагается подробно порядокъ выбора въ братство.

Въ ежегодномъ собраніи всей гильдіи на сырной недѣлѣ, ельтерманъ предлагалъ желавшимъ вступить въ братство представиться докману, а братьямъ рѣшить: достойны ли они пріема. Достойными почитались лица неопороченныя и добраго поведенія; другихъ условій не требовали, но подъ этими

выраженіями разумѣли также законность рожденія. Замѣтимъ, что всѣ эти условія были по закону необходимы для пріобрѣтенія права гражданства; но гильдія не довѣряла магистрату. Отъ иностранцевъ, послѣ одобрительнаго о нихъ приговора всего общества, требовали предъявленія письменнаго свидѣтельства о законности происхожденія. Старшины просматривали его въ камерѣ и, если соглашались на пріемъ новыхъ членовъ, то ельтерманъ выходилъ въ залу и объявлялъ имъ о томъ. Если число наличныхъ въ собраніи братьевъ было незначительно и если возникали какія-либо сомнѣнія на счетъ кандидатовъ, то таковые, выдержавъ испытаніе въ старшинской камерѣ, обязаны были въ слѣдующемъ гильдейскомъ собраніи вновь подвергнуться выбору всего братства; отъ этой обязанности освобождались лица, всѣмъ извѣстныя съ хорошей стороны.

Итакъ, вслѣдствіе недовѣрчивости гражданъ къ магистрату, слишкомъ неразборчиво сообщавшему право гражданства и причислявшему къ гильдіи людей по тогдашнимъ понятіямъ недостойныхъ, большая гильдія учредила у себя особенные выборы въ братство, или лучше: она переставила всю процедуру выборовъ, издревле ей принадлежавшую. Что касается до порядка выборовъ, то изъ вышеприведенныхъ статей видна его неопредѣленность; кажется, что къ счету голосовъ никогда не прибѣгали и что нужно было единодушное изъявленіе согласія, или провозглашеніе, выборъ per acclamationem, доселѣ сохранившійся.

Принятые въ братство обязывались пожертвовать сообразную съ ихъ состояніемъ сумму денегъ въ пользу трапезной гильдіи (Tafel-Gilde) и капитала, извѣстнаго подъ названіемъ добровольнаго приношенія (Milde-Gift). Необходимостью поддержать эти учрежденія объяснено въ гильдіи понужденіе къ вступленію въ братство. Братья и сестры (подъ сестрами должно разумѣть не всѣхъ женъ братьевъ, а только тѣхъ, которыя при жизни мужей своихъ изъявили желаніе вступить въ братство и сдѣлали отъ себя пожертвованіе) одни имѣли право, въ случаѣ обѣднѣнія, получать денежныя пособія изъ поименованныхъ капиталовъ. При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: что̀ дѣлалось съ тѣми, которыхъ

Права кюхенбрюде-

не удостоивали пріема въ братство: оставались-ли они членами гильдіи въ званіи кюхенбрюдеровъ или исключались изъ нея? На этотъ вопросъ мы не находимъ ни положительнаго отвѣта въ ыратахъ, ни указаній въ книгѣ ельтерма новъ, по которымъ бы могли разрѣшить его, и потому должны обратиться къ закону, изъ котораго выведена для кюхенбрюдеровъ обязанность вступать въ братство. Въ немъ сказано, что одни только братья обѣихъ гильдій могутъ заниматься промыслами, предоставленными гражданамъ; но здѣсь опять мы встрѣчаемъ затрудненіе: въ то время, когда былъ изданъ этотъ законъ (около половины XVI вѣка), слово братство значило то же, что слово гильдія или компанія; одно употреблялось безъ различія вмѣсто другаго; въ XVII вѣкѣ, когда образовалась степень кюхенбрюдеровъ, когда старшины рѣзче выдѣлились изъ общества и когда выборы были передвинуты, братство получило тѣснѣйшее значеніе средней степени. Однако, не смотря на то, что смыслъ употребленнаго въ законѣ выраженія измѣнился, на него продолжали ссылаться въ XVII и даже въ позднѣйшихъ вѣкахъ, присвоивая такимъ образомъ одной степени то, что по праву принадлежало всей гильдіи. Итакъ, по буквальному, но неточному смыслу этого закона, кюхенбрюдеры, непринятые въ братство, должны бы были лишиться права торговать, заниматься ремеслами, пивовареніемъ и т. д., однимъ словомъ самыхъ существенныхъ принадлежностей права гражданства. Черезъ это гильдіи пріобрѣли бы себѣ право разжалованія лицъ, пожалованныхъ магистратомъ; но этого онъ бы не допустилъ. Легко было исказить смыслъ закона; труднѣе выдержать превратное толкованіе въ приложеніи, а потому мы думаемъ, что на немъ не настаивали и что отвергнутые кюхенбрюдеры оставались въ гильдіи на прежней степени и съ прежними правами. Полицейскій уставъ 1652 года предоставлялъ гильдіямъ право исключать изъ среды своей членовъ братства, опорочившихъ свое имя, но въ ыратахъ объ этомъ не упоминается.

ровъ, не принятыхъ въ братство.

Старшины, въ числѣ 40, по городовому положенію 1604 года, получили значеніе представителей своего сословія съ правомъ дѣйствовать отъ его имени, но самостоятельно, безъ

Усиливающееся значеніе старшинъ.

участія всѣхъ лицъ къ нему принадлежащихъ. Обще гильдейскія совѣщанія по городскимъ дѣламъ, кромѣ рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаевъ, были замѣнены совѣщаніями старшинъ съ магистратомъ. Такимъ образомъ они захватили почти всю власть, принадлежавшую въ прежнихъ вѣкахъ торговому обществу какъ цѣлому. Черезъ это конечно устранились безпорядки и мятежи, сопряженные съ участіемъ большинства въ дѣлахъ политики, упростился порядокъ внутренняго городскаго управленія и сношеній города съ высшимъ правительствомъ. Очевидно, вся перемѣна произошла въ пользу власти вообще, какъ верховной, такъ и магистрата. Старшины, находясь съ нимъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, раздѣляя съ нимъ отвѣтственность и разнаго рода выгоды, скоро съ нимъ сблизились и далеко отошли отъ гильдій. По этому естественно, что и на нихъ распространились подозрѣнія и враждебныя чувства, которыя магистратъ издавна навлекъ на себя со стороны гражданъ. Въ отрывочныхъ замѣткахъ одного ельтермана, подъ 1643 годомъ, мы находимъ слѣдующія строки, выражающія неудовольствіе общества: „Простые братья теперь уже не имѣютъ свободнаго голоса; они все отдали въ руки ельтерманамъ и старшинамъ въ 1604 году. Подавшись на то, что въ нѣкоромъ смыслѣ можетъ быть названо измѣною, старшины, въ эпоху шведскаго владычества, захотѣли вполнѣ оградить и обезопасить свою власть, присвоивъ себѣ право замѣщать отъ себя открывавшіяся на ихъ скамьѣ вакансіи. Имъ хотѣлось въ своемъ сословіи повторить въ свою пользу то, что въ прежнихъ вѣкахъ совершилъ магистратъ въ составѣ всего городскаго общества: но домогательство ихъ подало поводъ къ сильному сопротивленію и горячимъ спорамъ въ средѣ самой гильдіи — чего прежде не бывало“. Въ 1676 г. они предлагали предоставить рѣшеніе ихъ магистрату; но, разумѣется, братья на то не согласились, зная напередъ, каково будетъ его рѣшеніе. Дѣло не обошлось безъ вмѣшательства правительства, и по поводу этихъ-то споровъ изданы обѣ редакціи 32 пунктовъ и резолюція 1681 года.

Порядокъ выбора старшинъ.

Въ первомъ проэктѣ губернскаго начальства сказано было: чтобы кюхенбрюдеры и братья представляли изъ числа по-

слѣдпихъ трехъ кандидатовъ на каждую изъ вакансій, открывавшихся въ старшинской скамьѣ, а старшины избирали бы изъ нихъ одного по большинству голосовъ, но не требуя отъ него никакой особенной присяги. Въ другомъ проэктѣ напротивъ мы читаемъ: дабы граждане могли быть увѣрены въ томъ, что старшинскую скамью будутъ занимать лица не только способныя, но и пользующіяся ихъ довѣренностью, предоставляется имъ, т. е. гражданамъ, назначать ихъ по своему усмотрѣнію, безъ всякаго участія самихъ старшинъ, тѣмъ болѣе, что по справедливости нельзя допустить, чтобы представители гражданъ сами себя избирали, не испрашивая согласія тѣхъ, которыхъ они должны представлять. Но старшинамъ удалось отклонить высшее правительство отъ этихъ здравыхъ началъ, и королевскою резолюціею 16 февраля 1681 года утверждено было первое предположеніе, съ тою лишь разницею, что вмѣсто трехъ, положено 4 кандидата. Къ этому въ Екстрактѣ совершенно произвольно прибавлено было, что изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ на первую вакансію и отвергнутыхъ старшинскою скамьею, ни одинъ въ тотъ же разъ не могъ быть представленъ въ числѣ четырехъ кандидатовъ, имѣвшихъ быть предложенными на вторую вакансію, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, если напримѣръ открывались три вакансіи, граждане должны были представить 12 человѣкъ, но не вдругъ, а по четыре; при этомъ естественно, что первые четыре, получившіе наиболѣе голосовъ были достойнѣйшія лица, пользующіяся наибольшею довѣренностью своего сословія; но изъ нихъ старшины утверждали только одного, а остальные три устранялись до будущихъ выборовъ, т. е. на цѣлый годъ, по крайней мѣрѣ.

Порядокъ выбора ельтермановъ.

Долго спорили также о томъ: могутъ ли члены гильдіи выбирать въ ельтерманы кого захотятъ, изъ числа братьевъ и старшинъ безъ различія, или должны ограничиваться старшинскою скамьею? Этого вопроса будто бы не могли рѣшить на основаніи законовъ, потому что списокъ древнихъ шрагъ былъ затерянъ — очень кстати для старшинъ, ибо древній обычай явно свидѣтельствовалъ въ пользу свободнаго вы-

бора [1]). Губернское начальство, руководствуясь однимъ здравымъ смысломъ, въ первомъ своемъ прэктѣ предлагало то же самое, такъ какъ ельтерманъ, по званію своему, „былъ какъ бы воплощеннымъ голосомъ всей гильдіи“; но во второмъ проэктѣ оно отступилось отъ своего мнѣнія въ пользу старшинъ. Въ Королевской Резолюціи сказано: что въ ельтерманы можетъ быть избранъ одинъ изъ старшинъ или изъ лицъ, представленныхъ въ числѣ кандидатовъ на старшинскую скамью, хотя и отвергнутыхъ. Въ Екстрактѣ же просто сказано: при выборѣ ельтермана каждый обязанъ подать голосъ въ пользу одного изъ бывшихъ ельтермановъ или изъ старшинъ, а отнюдь не изъ простыхъ братьевъ; слѣдовательно и въ этой статьѣ совершенно произвольно исключена цѣлая категорія лицъ.

Порядокъ собиранія голосовъ, извѣстный подъ названіемъ Mantelwahl, подававшій поводъ къ злоупотребленіямъ, на которыя граждане многократно жаловались, былъ замѣненъ другимъ. Установлено было, чтобы избранный въ должность ельтермана представляемъ былъ на утвержденіе магистрата, который только въ томъ случаѣ могъ не признать его, если возникало сомнѣніе на счетъ его чести и добраго имени. Граждане требовали, чтобы отмѣнили вовсе присягу, которую давалъ ельтерманъ магистрату; но этого они не достигли, хотя положено было исправить форму присяги и особенно ограничить такъ называемое juramentum silentii или обѣщаніе держать извѣстныя дѣла въ тайнѣ. Всѣ предосторожности противъ публичности и гласности дѣлопроизводства по городскому управленію, которыми окружалъ себя магистратъ, возбуждали въ гражданахъ подозрѣнія, оправданныя худымъ состояніемъ финансовъ города и признанныя основательными губернскимъ начальствомъ. Развратительное вліяніе высшаго сословія, съ которымъ ельтерманъ также долженъ былъ сблизиться, уклонило и его отъ исполненія его общественнаго назначенія и отъ сословія, ввѣрявшаго ему

---

[1]) Выбраны были въ ельтерманы изъ братьевъ: Шрёдеръ въ 1580 г., Висманъ въ 1602 г., Ёттингъ въ 1604 г., Фрёлихъ въ 1609 году—самые замѣчательные изъ ельтермановъ.

свои интересы. Граждане большой гильдіи требовали также, чтобы избранный въ должность ельтермана обязанъ былъ навсегда отказаться подъ присягою отъ вступленія въ магистратъ; но губернское начальство не допустило этого, дабы не стѣснять выборовъ, предоставивъ ельтерману принять предложенное мѣсто въ ратушѣ или отказаться отъ него, въ твердой увѣренности—какъ сказано въ редакціи этой статьи—что преступное честолюбіе и поданныя надежды никогда не заставятъ его поступить вопреки его присяги и званію. Но этой то надежды граждане и не раздѣляли. Вмѣсто обычая, вошедшаго вѣроятно въ началѣ XVII вѣка, смѣнять ельтермана ежегодно, возстановленъ былъ прежній двухъ-годичный срокъ; ельтерману опредѣлено было жалованье изъ городской кассы; наконецъ ему было вмѣнено въ непремѣнную обязанность, передъ оставленіемъ должности, сдавать по описи, въ присутствіи старшинъ и братства, вещи и книги, бывшія у него на рукахъ, представлять отчетъ въ приходахъ и расходахъ, и требовать таковые же отъ всѣхъ должностныхъ лицъ, управлявшихъ выгономъ и гильдейскими благотворительными учрежденіями.

Докманъ.

Въ началѣ XVII вѣка впервые упоминается о Докманѣ. Онъ былъ тѣмъ же самымъ въ отношеніи къ братьямъ и кюхенбрюдерамъ, чѣмъ ельтерманъ въ отношеніи къ старшинамъ, т. е. главою, докладчикомъ и посредникомъ.

Порядокъ выбора въ эту должность также подавалъ поводъ къ распрямъ между старшинами и братьями: наконецъ было положено, чтобы братья и кюхенбрюдеры передъ Михайловымъ днемъ представляли изъ среды своей кандидатовъ, по первому проэкту 6, по второму, вошедшему въ Екстрактъ, 3, изъ коихъ весь магистратъ, приходившій для этого in corpore въ гильдію, и старшины, по большинству голосовъ, избирали одного. Докманъ первоначально оставался въ должности до тѣхъ поръ, пока открывалась вакансія въ старшинской скамьѣ, и тогда онъ поступалъ на нее прямо, по праву и не подвергаясь выбору; впослѣдствіи установили для него годъ службы, по истеченіи котораго онъ переходилъ на степень старшины.

Другія должностныя лица.

Въ XVII вѣкѣ появились еще другія должностныя лица, которыя избирались братьями и должны были служить пред-

ставителями второй гильдейской степени и оберегать ея интересы въ различныхъ отрасляхъ управленія. Первоначально всѣ текущія дѣла и гильдейское имущество находились въ завѣдываніи старшинъ, но недовѣрчивость, которую они навлекли на себя дурнымъ управленіемъ и потворствомъ магистрату, заставила братьевъ придать имъ отъ себя помощниковъ, или засѣдателей, по названію, а на самомъ дѣлѣ: надсмотрщиковъ. Въ управленіи капитала, извѣстнаго подъ названіемъ добровольнаго приношенія (Milde Gift), это было уже введено прежде; поэтому оно осталось неизмѣненнымъ: оно состояло изъ двухъ старшинъ, двухъ членовъ отъ братства и наконецъ къ нимъ присоединили двухъ ратсгеровъ, оправдывая это необходимостью ускорить ходъ исполнительныхъ мѣръ по этой части. По второму проэкту 32 пунктовъ засѣдатели отъ магистрата не должны были имѣть права голоса; но это условіе также не вошло въ Екстрактъ.

Двумъ старшинамъ, управлявшимъ выгономъ, приданы два помощника изъ братства, которые должны были блюсти интересы своихъ избирателей и не допускать по прежнему безполезной расточительности. Засѣдателямъ отъ братьевъ по этимъ двумъ управленіямъ старшины уступили право имѣть у себя ключи отъ кассъ. Положено было, чтобы всѣ управленія ежегодно отдавали отчеты всей гильдіи.

Въ управленіи общею городскою кассою участвовали также вмѣстѣ съ членами магистрата представители старшинъ и братьевъ отъ обѣихъ гильдій.

Наконецъ, братья выговорили себѣ право, въ тѣхъ случаяхъ, когда ельтерманы и старшины отправлялись съ докладомъ въ магистратъ отъ гильдіи, посылать съ ними вмѣстѣ нѣсколько свидѣтелей изъ числа братьевъ, дабы прекратить единожды навсегда всякое сомнѣніе въ точной передачѣ порученій общества. Когда отправляли пословъ къ королю, братья могли также выбирать изъ среды своей нѣсколькихъ представителей, снабжать ихъ особыми инструкціями и посылать вмѣстѣ съ выборными отъ старшинъ. Ельтерманамъ было строго запрещено въ чемъ бы то ни было измѣнять или исправлять инструкціи, данныя братьями. Это двойное представительство ясно доказываетъ, что прежнія отношенія ме-

жду братьями и старшинами исчезли, и что первые уже неохотно ввѣряли вторымъ свои интересы.

О гильдейскихъ собраніяхъ.

Общія гильдейскія собранія, безпрерывно слѣдовавшія одно за другимъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, пріобрѣли худую славу у высшаго правительства, какъ польскаго такъ и шведскаго, и возбуждали опасенія магистрата. Дѣйствительно, они обыкновенно сопровождались шумомъ, буйствомъ и нерѣдко служили поводомъ къ важнымъ безпорядкамъ: за то, безспорно и то, что въ нихъ же обнаруживались преимущественно жизнь муниципальная, чувство правоты, сословной чести и стремленіе къ улучшеніямъ. Эти собранія заключали въ себѣ двигательное начало, со времени ихъ упраздненія постепенно замиравшее. Какъ бы то ни было, все законодательство середины и конца XVII вѣка имѣло цѣлью, по возможности, замѣнить ихъ другаго рода совѣщаніями и ограничить ихъ дѣятельность. Съ этой цѣлью, установленъ былъ слѣдующій порядокъ.

Жалобы отдѣльныхъ лицъ по ихъ частнымъ дѣламъ или даже требованія всего сословія по общественнымъ дѣламъ (publica gravamina), не допускавшія медленнаго дѣлопроизводства, докманъ во всякое время долженъ былъ передавать ельтерману, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ старшинъ, а иногда, какъ сказано выше, и свидѣтелей со стороны братьевъ, докладывалъ о нихъ магистрату въ полномъ его присутствіи; доклады докмана, ельтермана и резолюціи магистрата, по востребованію гражданъ, должны были быть записываемы. Ельтерманъ и старшины могли также отъ себя входить съ такого рода представленіями въ чрезвычайныхъ случаяхъ (emergentia).

Общія собранія всей гильдіи для обсужденія чрезвычайныхъ дѣлъ общественныхъ (publicae consultationes), или даже для выборовъ, ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть мѣста безъ особеннаго разрѣшенія магистрата, которое испрашивали ельтерманъ и старшины. Получивъ его, они обязаны были приглашать всѣхъ членовъ гильдіи безъ изъятія; статья эта внесена вѣроятно въ пользу кюхенбрюдеровъ, или небратьевъ, и, безъ сомнѣнія, по волѣ магистрата, который, какъ мы видѣли въ первомъ періодѣ, не разъ находилъ въ нихъ союз-

никовъ противъ братства. Въ общихъ собраніяхъ строжайше запрещено было шумѣть и заводить безпорядки; съ своей стороны магистратъ обязался не нарушать права, изстари принадлежавшаго гражданамъ, выводить наружу безпорядки и злоупотребленія, но строго запрещалось гильдіямъ вмѣшиваться въ дѣла судебныя. Порядокъ доклада, совѣщаній по степенямъ, сообщенія мнѣній, счета голосовъ въ случаѣ разномыслія, остался неизмѣннымъ. Должно замѣтить только, что къ счету голосовъ прибѣгали въ томъ случаѣ, если братья и старшины были разныхъ мнѣній; кюхенбрюдеры же, кажется, не могли произвести разногласія. Въ первой четверти XVI вѣка магистратъ неоднократно требовалъ, чтобы ельтерманъ всегда, накануиѣ доклада, сообщалъ первому бургомистру жалобы гражданъ, которыя онъ намѣренъ былъ предложить на другой день въ полномъ присутствіи; но гильдіи рѣшительно этому воспротивились; имъ было гораздо выгоднѣе нападать врасплохъ.

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ магистратомъ о дѣлахъ, по которымъ происходило собраніе, вся гильдія уже не участвовала, какъ бывало въ концѣ XVI вѣка; тогда старшины ничего не могли дѣлать отъ себя и каждое слово магистрата передавали гильдіи; напротивъ въ Екстрактѣ сказано, что 70 избранныхъ (т. е. 40 старшинъ большой гильдіи и 30 малой), какъ представители всѣхъ гражданъ, одни совѣщаются съ магистратомъ и постановляютъ для всѣхъ обязательныя рѣшенія. Такого рода совѣщанія, безъ всякаго сомнѣнія, часто слѣдовали за общими гильдейскими собраніями, еще чаще замѣняли ихъ и всегда могли парализировать ихъ. Когда магистратъ и старшины одной изъ двухъ гильдій были одного мнѣнія, то оно становилось обязательнымъ для старшинъ другой и получало силу закона. Когда же магистратъ оставался при одномъ мнѣніи, а старшины обѣихъ гильдій при другомъ, то обѣ стороны избирали по шести посредниковъ, которые пытались рѣшить между собою спорные пункты; если же это не удавалось, то обращались къ верховной власти или за совѣтомъ къ одному изъ германскихъ университетовъ.

Обыкновенныя, срочныя собранія гильдіи происходили по прежнему и посвящались выборамъ, пріему братьевъ, слушанію отчетовъ, подачѣ жалобъ и такъ далѣе.

Малая гильдія.

Древнія шраги малой гильдіи были переведены на новонѣмецкое нарѣчіе, исправлены и дополнены ельтерманами, старшинами и всѣмъ братствомъ, въ какое именно время—неизвѣстно, но, судя по языку, не ранѣе начала XVII вѣка. До насъ дошелъ списокъ съ этихъ исправленныхъ шрагъ, составленный въ 1656 году. Шраги малой гильдіи.

Малая гильдія состояла изъ гражданъ, получившихъ званіе цеховыхъ мастеровъ. Въ полицейскомъ уставѣ 1652 г., въ исчисленіи цеховъ, принадлежавшихъ къ малой гильдіи, встрѣчаются между прочими: носильщики всякаго рода (Bier- und Salz-Träger, Hanf-Schwinger), лигеры, рыболовы, могильщики, слѣдовательно не одни только ремесленные цехи, но и рабочіе. Составъ ея.

Вступленіе въ малую гильдію слѣдовало за пріобрѣтеніемъ званія мастера. Подмастерье, желавшій водвориться въ Ригѣ, долженъ былъ сдѣлаться мастеромъ въ самой Ригѣ, если по его ремеслу существовалъ въ городѣ особый цехъ; въ противномъ случаѣ, предъявить полученное въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ свидѣтельство на степень мастера; затѣмъ, жениться на честной женщинѣ (т. е. законнорожденной и не опороченной), потомъ пріобрѣсти право гражданства и наконецъ, до открытія мастерской, вступить въ гильдейское братство. При этомъ пріѣзжавшіе изъ-за границы обязаны были предъявить старшинамъ свидѣтельство о законности рожденія; признанные достойными вступленія въ братство, немедленно вносили въ пользу онаго $^1/_2$ марки сер.; въ ближайшемъ затѣмъ собраніи всей гильдіи, на сырной недѣлѣ, ихъ представляли братьямъ и окончательно принимали въ общество. Изъ этой статьи, слово въ слово переведенной, хотя и нельзя вывести положительно, чтобы гильдія не имѣла права отказа, но можно заключить, что братство рѣдко имъ пользовалось, такъ какъ выбору предшествовалъ уже рядъ испытаній. Къ вступленію въ братство, точно также, какъ и въ Вступленіе въ нее.

большой гильдіи приглашали и понуждали. Кто отказывался, тому воспрещалось заниматься ремесломъ.

Исключеніе изъ нея.

Исключались изъ гильдіи: вступившій по смерти первой жены въ бракъ съ женщиною опороченною, незаконнорожденною или низкаго происхожденія (т. е. вѣроятно несвободнаго, что равносильно было выраженію: не германскаго); лишившійся добраго имени и запятнавшій свою честь; умышленно оскорбившій все общество.

Права и обязанности членовъ.

Всѣ члены гильдіи или братья обязывались нести общественныя тягости, исправлять возлагаемыя на нихъ должности и никогда не заказывать никакихъ работъ бёнгазамъ; въ случаѣ пожара, обѣдненія, болѣзни, они имѣли право на вспомоществованіе изъ общественной кассы или изъ добровольной складчины.

Гильдейскія степени и должностныя лица.

Въ гильдіи были двѣ степени: братья и старшины. Братьями назывались всѣ члены гильдіи, и ни въ одной статьѣ не упоминается о членахъ, въ братство не принятыхъ, — чѣмъ вполнѣ подтверждается сказанное выше о вступленіи въ гильдію. Вакансіи, открывавшіяся на старшинской скамьѣ, замѣщались по выборамъ въ обратномъ противъ большой гильдіи порядкѣ. Ельтерманы и старшины на каждое мѣсто представляли двойное число кандидатовъ, изъ коихъ братья выбирали сколько нужно было, по большинству голосовъ. Избранный ни подъ какимъ предлогомъ не могъ отказаться; въ противномъ случаѣ, его исключали изъ братства. Ельтермана по большинству голосовъ выбирали черезъ каждые два года братья и старшины; не сказано въ шрагахъ, чтобы въ эту должность могъ быть избранъ только старшина. Отказывавшійся принять ее также исключался изъ гильдіи. Выборъ докмана совершался тѣмъ самымъ порядкомъ какъ и выборъ старшинъ.

Собранія общественныя.

Собранія бывали двухъ родовъ: обыкновенныя и чрезвычайныя. Первыя, на сырной недѣлѣ, посвящались выборамъ въ братство, въ старшины и въ разныя должности, слушанію отчетовъ, предложеній отъ ельтермана и жалобъ гражданъ, наконецъ: разбирательству тѣхъ ссоръ между братьями, которыя не могли быть улажены въ цехахъ. Нарушителей гильдейскихъ уставовъ наказывали денежными штрафами и

временнымъ лишеніемъ права производить ремесло. Чрезвычайныя собранія бывали также двухъ родовъ: старшинскія и гильдейскія. Тѣ и другія посвящались обсужденію дѣлъ общественныхъ и городскихъ. Докладъ, совѣщаніе по степенямъ, подача мнѣній и проч. происходили совершенно такъ-же, какъ и въ большой гильдіи.

Цехи.

Упадокъ ремеслъ подъ польскимъ владычествомъ.

Въ эпоху польскаго владычества, внутреннія смуты послѣднихъ годовъ XVI вѣка и война съ Швеціею, начавшаяся вскорѣ по ихъ усмиреніи, на время пріостановили развитіе промысловъ, въ которомъ участвовали не столько коренные рижскіе уроженцы, сколько пріѣзжіе изъ-за границы подмастерья. Первые имѣли капиталы и право на заведенія, вторые привозили съ собою умѣнье и усовершенствованные способы производства работъ. Изъ всѣхъ цеховыхъ шрагъ, намъ извѣстныхъ, только шраги золотыхъ дѣлъ мастеровъ, т. е. самаго богатаго и почетнаго цеха были утверждены польскимъ правительствомъ, притомъ два раза: въ первый разъ — Сигизмундомъ Августомъ въ 1561 г., слѣдовательно, когда Рига не была еще въ подданствѣ у Польши; потомъ — Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 г. съ нѣкоторыми измѣненіями, во сколько оныя не противны общимъ началамъ права (in quantum juri communi non derogent). Онъ же, а затѣмъ его преемникъ Сигизмундъ III, въ 1593 г., подтвердилъ законъ, будто-бы изданный еще гермейстерами, о томъ, чтобы въ форштатахъ не жило ремесленниковъ болѣе опредѣленнаго числа, разъ навсегда установленнаго. Въ томъ-же 1593 г. король разрѣшилъ магистрату по прежнему издавать отъ себя шраги и уставы для ремесленниковъ. Самое благопріятное время для развитія ремеслъ и цеховыхъ учрежденій въ Ригѣ было безспорно время шведскаго владычества. Война прекратилась, опасенія, возбужденныя прозелитизмомъ Польши, миновались; протестантская вѣра и нѣмецкая національность снова сдѣлались господствующими. Тогда возобновились сношенія Риги съ Германіею, временно прерванныя, и оживилась ремесленная дѣятельность подъ сѣнью шведскаго правительства, оказывавшаго ей особенное покровительство. Въ

Шраги.

Развитіе ремеслъ подъ шведскимъ владычествомъ.

Шраги. этомъ періодѣ издано было очень много шрагъ: для фурмановъ латышскаго цеха 1605 г., для портныхъ латышскаго цеха 1635 г., для башмачниковъ 1615 г., цырюльниковъ и хирурговъ 1626 г., переплетчиковъ 1630 г., маляровъ 1638 г., каретниковъ 1635 г., токарей 1637 г., слесарей, оружейниковъ, часовщиковъ 1641 г., шляпочниковъ 1636 г., живописцевъ 1638 г., горшечниковъ 1641 г., оловянничниковъ 1645 г., парусниковъ 1665 г., перчаточниковъ 1667 г., мѣдяньщиковъ и ножевщиковъ 1668 г., кровельщиковъ 1682 г., пуговщиковъ 1685 г., плотниковъ 1685 г., пекарей того же года, снуровщиковъ 1688 г., лигеровъ 1696 г. и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ шрагъ заимствованы цѣликомъ изъ ремесленныхъ постановленій тѣхъ городовъ, изъ которыхъ пріѣхали въ Ригу первые мастера, основатели цеха. Такъ, цехъ переплетчиковъ сперва тянулъ къ стокгольмскому цеху и, отдѣлившись отъ него съ его согласія, удержалъ его шраги; шраги токарей заимствованы изъ шрагъ, употребительныхъ въ прусскихъ городахъ, шраги шляпочниковъ изъ Любека, мѣдяньщиковъ изъ Кенигсберга; другія составлены въ Ригѣ, вслѣдствіе мѣстныхъ потребностей, какъ-то: жалобъ городскихъ жителей на малое число мастеровъ (по этому поводу магистратъ разрѣшилъ учрежденіе цеха латышскихъ портныхъ), распрей между амтсъ-герихтомъ и цехами, или между мастерами и подмастерьями. Цехи учреждались, шраги издавались и исправлялись магистратомъ безъ чьего либо утвержденія, по старому обычаю, признанному польскимъ правительствомъ, но вопреки шведскимъ законамъ; ибо королевская резолюція 13 апрѣля 1651 г. предоставила магистрату право дополнять и сокращать шраги (augendi et minuendi) не иначе, какъ съ утвержденіе верховной власти. Въ этомъ отношеніи, исключеніе составляютъ только: договоръ нѣмецкихъ сапожниковъ съ латышскими 1675 года и шраги цырюльниковъ, утвержденные королемъ, и цехъ плотниковъ, учрежденный генералъ-губернаторомъ Горномъ.

Особенности шрагъ втораго періода. Обращаясь къ содержанію шрагъ, мы не станемъ повторять общихъ правилъ, уже изложенныхъ въ обозрѣніи перваго періода, а укажемъ только на особенности отличающія цеховыя постановленія втораго періода.

1. Число замкнутыхъ цеховъ, съ ограниченнымъ числомъ мастеровъ, умножилось. Въ первомъ періодѣ мы нашли только одинъ таковой цехъ—золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Во второмъ появляется нѣсколько: цехъ латышскихъ портныхъ и сапожниковъ, ткачей, цырюльниковъ, переплетчиковъ, живописцевъ, и т. д. Для учрежденія цеха, признано было необходимымъ присутствіе въ городѣ не менѣе 4 мастеровъ.

2. Почти во всѣхъ шрагахъ ясно сказано, что вступающіе въ цехъ должны принадлежать къ аугсбургскому вѣроисповѣданію и къ нѣмецкому или иному благородному племени (ehrliche Nation). Латышей принимали въ весьма немногіе цехи, кромѣ особыхъ, для нихъ учрежденныхъ; Шведовъ, вѣроятно, во всѣ, хотя собственно упоминается о нихъ въ двухъ или трехъ шрагахъ: плотниковъ, мѣдянщиковъ и проч. Въ шрагахъ ткачей въ особенности воспрещается принимать Эстовъ и Литовцевъ.

3. Отъ подмастерьевъ стали требовать безусловно, почти во всѣхъ цехахъ, чтобы они нѣсколько лѣтъ, отъ трехъ до пяти, проводили въ странствованіяхъ, и чтобы извѣстное время—годъ, два или три, пробыли въ работѣ, на испытаніи (Muthen) у одного изъ рижскихъ мастеровъ Это относилось въ особенности къ приходившимъ изъ за границы подмастерьямъ.

4. Допущена была возможность откупаться, по установленной таксѣ, какъ отъ этой послѣдней обязанности, такъ и отъ угощеній, и даже выкупать денежными взносами недостатки управнаго урока.

5. Издано было магистратомъ много общихъ и частныхъ постановленій по поводу жалобъ подмастерьевъ объ ограниченіи неумѣренныхъ требованій угощеній; съ этою цѣлью, магистратъ назначилъ почти во всѣхъ цехахъ крайнюю сумму расходовъ, которой не дозволялось превышать, а въ полицейскомъ уставѣ безусловно запретилъ угощенія и замѣнилъ ихъ денежнымъ взносомъ на покупку хлѣба въ городской магазинъ. Но жалобы не прекращались, и старый обычай, разорительный для подмастерьевъ, держался вопреки всѣмъ предписаніямъ. Съ другой стороны, значительно увеличился денежный взносъ при полученіи степени мастера, такъ

называемыя Einkaufs-Gelder: латышскіе фурманы платили 10 рейхсъ—талеровъ, цырюльники—40, каретники — 20, оловянничники - 20 и т. д. Независимо отъ этого, подмастерье платилъ по нѣскольку талеровъ каждый разъ при троекратной просьбѣ, предшествовавшей управному уроку, вносилъ извѣстную сумму въ пользу церкви и духовенства (Kirchen-Ordnung); наконецъ, если въ цехѣ находилась сирота или вдова, на которой онъ не былъ намѣренъ жениться, то долженъ былъ купить у нея право на занимаемое ею въ цехѣ мѣсто. Всѣ эти расходы были узаконены шрагами; но, какъ видно изъ протоколовъ амтсъ-герихта, цеховыя управы и этимъ не ограничивались. Такъ, въ 1683 г., по поводу спора, возникшаго въ цехѣ портныхъ, обнаружилось, что мастера, безъ всякаго основанія, требовали отъ подмастерья болѣе 72 талеровъ, независимо отъ угощенія. Въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, самъ магистратъ находилъ, что подмастерье не могъ удовлетворить этимъ требованіямъ, не разорившись въ конецъ, и убавилъ эти расходы въ силу такъ называемаго Moderations-Recht, ему предоставленаго.

6. Магистратъ присвоилъ себѣ половину всѣхъ денежныхъ доходовъ цеховъ, какъ-то: штрафныхъ денегъ, выкуповъ, Einkauf, срочныхъ взносовъ и т. д. Другая половина предоставлялась самимъ цехамъ для покрытія ихъ нуждъ и, въ особенности, для составленія хлѣбныхъ запасовъ, каковые въ XVII вѣкѣ завелись почти при всѣхъ цехахъ. Ельтерманы обязаны были ежегодно отдавать амтсъ-герамъ отчеты во всѣхъ своихъ доходахъ и расходахъ.

Изъ этого видно, что неудобства и притѣсненія, сопряженныя съ цеховымъ устройствомъ, не прекратились, но постепенно увеличились; по этому естественно, продолжались и распри мастеровъ съ подмастерьями, цеховыхъ управъ съ покупавшими право мастера, наконецъ, жалобы гражданъ, заказчиковъ и покупателей на цеховыхъ вообще.

Введеніе шведскаго ремесленнаго устава.

Все это подавало поводъ къ безконечнымъ процессамъ, которые, пройдя сквозь всѣ мѣстныя инстанціи, иногда помимо ихъ, доходили до высшаго правительства. Наконецъ, король шведскій, обремененный ими, резолюціею 13 апрѣля 1681 г.

предписалъ магистрату руководствоваться въ изданіи правилъ для цеховъ общимъ ремесленнымъ уставомъ, изданнымъ въ Стокгольмѣ для всего королевства въ 1669 г., соображаться съ нимъ (reflectiren) при рѣшеніи частныхъ споровъ, сколько позволитъ справедливость, и пользоваться правомъ дополнять и отмѣнять (augendi et minuendi), не выходя изъ этого устава и подъ условіемъ der fernеren Ratification von der hohen Obrigkeit. Жалобы на рѣшенія магистрата по цеховымъ дѣламъ должны были восходить на ревизію къ генералъ-губернатору, а оттуда къ королю.

Шведскій уставъ въ сущности основанъ былъ на общихъ началахъ германскаго устройства ремеслъ и разнился отъ цеховыхъ шрагъ, употреблявшихся въ Ригѣ, въ слѣдующихъ лишь пунктахъ:

1. Онъ признавалъ въ каждомъ цехѣ неограниченное число мастеровъ (однако не менѣе трехъ), подмастерьевъ и учениковъ въ каждой мастерской; слѣдовательно, не допускалъ замкнутыхъ цеховъ.

2. Онъ разрѣшалъ пріемъ учениковъ подъ однимъ только условіемъ законнаго происхожденія, вмѣняя при этомъ магистрату въ обязанность опредѣлять отъ себя въ ученіе тѣхъ, которые не могли представить порукъ. Мастеръ, продержавшій ученика 2 мѣсяца, лишался права удалять его за неспособность. Мастера обязаны были принимать для обученія преимущественно дѣтей мѣстныхъ жителей. Срокъ ученія полагался отъ 3 до 5 лѣтъ.

3. Шведскій уставъ освобождалъ подмастерьевъ отъ обязательнаго странствованія, отъ годичнаго испытанія (Jahr-Arbeit), отъ денежнаго взноса за неисправность урока. Преимущества сыновей мастеровъ по предмету расходовъ на угощеніе были оставлены въ силѣ, съ тѣмъ, однако же, чтобы они не обращались во вредъ искуснымъ, посторонимъ подмастерьямъ.

4. Каждому мастеру позволялось продавать свои издѣлія по вольной цѣнѣ и запрещалось имъ заключать между собою договоры для возвышенія цѣнъ. Вмѣнялось въ обязанность: непремѣнно держать въ мастерскихъ подмастерьевъ и не производить работъ помощью однихъ учениковъ; ино-

городныхъ мастеровъ признавать, не требуя отъ нихъ управ ныхъ уроковъ.

5. Всѣ штрафы и денежные взносы должны были идти въ пользу самого цеха и бѣдныхъ, безъ участія магистрата.

6. Цеховыхъ ельтермановъ и ихъ товарищей магистратъ долженъ былъ утверждать на всю жизнь, изъ двойнаго числа представляемыхъ ему кандидатовъ. Во всѣхъ цеховыхъ собраніяхъ должны были присутствовать члены магистрата и, безъ ихъ разрѣшенія, цеховыя управы не могли рѣшать дѣлъ, касавшихся до всего цеха, и ссоръ, возникавшихъ въ немъ, а также распоряжаться цеховыми суммами. Въ подмастерскихъ собраніяхъ должны были присутствовать мастера.

По всѣмъ этимъ статьямъ, вмѣнено было въ обязанность магистрату исправить дотолѣ существовавшія шраги; но послѣднее не было исполнено: не только старыя шраги остались въ силѣ, но даже шраги, изданныя послѣ распространенія на Ригу общаго ремесленнаго устава, напр., шраги кровельщиковъ 1682 г., пуговщиковъ 1685 г., плотниковъ 1685 г., пекарей того же года, тесемщиковъ 1688 г. и т. д. содержатъ многія статьи, находящіяся съ нимъ въ прямомъ противорѣчіи. Впрочемъ, нельзя также сказать, чтобы шведскій ремесленный уставъ вовсе примѣняемъ не былъ. Изъ протоколовъ амтсъ-герихта видно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подмастерья ссылались на него для огражденія себя отъ требованій мастеровъ, и что, на основаніи королевской резолюціи 1681 г., магистратъ ограничивалъ неумѣренныя денежныя требованія цеховыхъ управъ.

Граждане, къ гильдіямъ не принадлежащіе.

О нихъ упомянается еще въ книгѣ ельтермановъ подъ 1592 годомъ [1]); но изложенный выше, въ статьѣ о большой гильдіи, законъ о кюхенбрюдерахъ долженъ былъ положить, если не конецъ существованію этого класса, то, по крайней мѣрѣ, предѣлъ его умноженію. Классъ этотъ постепенно падалъ, по мѣрѣ того какъ братства обѣихъ гильдій усиливались и

---

[1]) Книга ельтерм., стр. 247.

сосредоточивали въ себѣ все значеніе и права городскихъ сословій, и наконецъ слился съ обывателями.

Обыватели

Обыватели встрѣчаются въ автономическихъ законахъ и другихъ памятникахъ подъ названіями: Beywohner (прихвостниковъ) Nebenwohner, и рядомъ съ ними упоминаются недостойные пріема въ братство. Положеніе этого класса въ продолженіе втораго періода едва-ли улучшилось; онъ не нашелъ заступничества ни въ польскомъ, ни въ шведскомъ правительствахъ.

Граждане преслѣдовали простыхъ обывателей, а магистратъ не признавалъ на себѣ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ. По праву, они ничего требовать не могли, и все, чѣмъ имъ позволено было пользоваться, дано было изъ снисхожденія, какъ милостыня, которой ихъ можно было лишить ежедневно. Въ торговомъ уставѣ сказано, что они могутъ заниматься какимъ-то родомъ, вѣроятно низшимъ, мелочной торговли (ihr Kram). Въ полицейскомъ уставѣ встрѣчается важное постановленіе, приспособленное къ Ригѣ изъ устава, изданнаго для римской имперіи въ 1548 г., по которому дѣти честныхъ фориштатскихъ обывателей финскаго происхожденія (Undeutschen) въ нѣкоторыхъ цехахъ могли быть принимаемы на обученіе ремесламъ, и потомъ, выслужившіи положенные года и окончивъ странствованіе, могли, по требованію амтеъ-геровъ, пріобрѣтать званія мастеровъ; прочимъ мастерамъ запрещалось отъ себя, безъ разрѣшенія амтеъ-геровъ, лишать ихъ права работать.

Въ томъ же уставѣ, магистратъ причислялъ къ малой гильдіи цехъ посыльщиковъ (Bier-Träger, Salz-Träger), въ который помѣщались преимущественно домашніе слуги хорошаго поведенія; наконецъ, въ шведскомъ цеховомъ уставѣ позволялось каждому снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Все это безспорно могло бы улучшить положеніе обывателей, если-бы слова переходили въ дѣло; но послѣднее очень сомнительно, ибо цеховыя шраги этому противились, а цехи естественно ревниво оберегали свои права, чѣмъ магистратъ участь обывателей. Послѣдніе, не имѣя ни со-

словной организаціи, ни представителей, осуждены были на безмолвіе, такъ что отсутствіе всякой возможности защитить данныя имъ права дѣлало самыя права эти тщетными. Форштатскимъ, Задвинскимъ и жившимъ на Двинскихъ островахъ обывателямъ запрещено было давать у себя пристанище проѣзжимъ: они должны были указывать имъ дорогу къ нѣмецкимъ гостинницамъ, потому что право содержанія гостинницы почиталось также кормленіемъ или привилегированнымъ промысломъ; строже всего запрещался имъ перекупъ съѣстныхъ припасовъ; но могли-ли они не обращаться къ воспрещеннымъ занятіямъ, не имѣя достаточныхъ, законныхъ средствъ снискивать себѣ насущное проптаніе?

Взаимныя отношенія и совокупная дѣятельность городскихъ сословій во II-мъ періодѣ.

Уклоненія магистрата отъ исполненія городоваго положенія Сигизмунда III.

Взаимныя отношенія городскихъ сословій, форма правленія, участіе представителей гражданъ въ политикѣ, администраціи, въ хозяйственномъ управленіи, были опредѣлены контрактомъ 1604 года. Но то, что было соглашено и уложено на словахъ, не перешло въ дѣло. Усилія со стороны магистрата для отклоненія новаго порядка, жалобы со стороны гильдій на неисполненіе подписанныхъ условій вотъ что представляетъ внутренняя исторія Риги въ продолженіе послѣднихъ годовъ польскаго и первыхъ пятидесяти годовъ шведскаго владычества.

а) по созыву гильдейскихъ собраній.

Было постановлено: созывать полныя гильдейскія собранія въ чрезвычайныхъ случаяхъ, а обыкновенныя дѣла рѣшать магистрату вмѣстѣ со старшинами Вмѣсто того, магистратъ завелъ келейныя, камеральныя совѣщанія, въ которыхъ участвовали не всѣ ратгеры, иногда допускались ельтермапы, а старшины никогда. Въ нихъ то обсуждались всѣ важнѣйшія дѣла, какъ-то: сношенія съ правительствомъ, подкупы, утайки документовъ, неблагопріятныхъ для города, и т. д. Ельтермапы отзывались объ этихъ совѣщаніяхъ съ неудовольствіемъ и повторяли много разъ, что ихъ должно осте-

регаться, потому что въ нихъ замышлялось все гибельное для города. Такимъ образомъ, олигархія, которую Сигизмундъ III хотѣлъ искоренить, уцѣлѣла, и даже на время усилилась.

б) по представленіямъ гильдій въ магистратъ.

Гильдіи сохранили одно только право вступать въ магистратъ съ представленіями и жалобами (gravamina) и, хотя магистратъ изъявлялъ намѣреніе отнять его и обратить гильдейскія залы въ конюшни, хотя ельтерманы въ своихъ запискахъ негодовали на то, что рѣчи ихъ уважались какъ собачій лай, или что ратсгеры обходились съ ними какъ курляндскіе дворяне съ своими крестьянами, не менѣе того право это очевидно получило бо́льшую важность въ эпоху польскаго и шведскаго владычествъ, чѣмъ въ первомъ періодѣ.

Во-первыхъ: жалобы представлялись рѣже, обыкновенно разъ въ годъ, и потому стали гораздо подробнѣе и полнѣе; онѣ обнимали всѣ отрасли дѣятельности магистрата: управленіе, обезпеченіе торговли, ремеслъ, промысловъ, финансы, судопроизводство, законодательство, отношеніе города къ верховной власти и сосѣдямъ; вслѣдъ за жалобами, часто встрѣчаются предположенія новыхъ мѣръ.

Во-вторыхъ: вошло въ обычай представлять магистрату все это на бумагѣ; противъ каждаго пункта онъ долженъ былъ отмѣчать свои резолюціи. Въ протоколахъ, такимъ образомъ составлявшихся, мы узнаемъ, какъ-бы вчернѣ, всѣ важнѣйшія положенія, уставы и законы того времени.

Вообще инціатива въ дѣлѣ законодательства и администраціи перешла къ гильдіямъ; магистратъ силенъ былъ только въ пассивномъ противодѣйствіи.

в) по отправленію депутатовъ.

Было обѣщано: сообщать гражданамъ, при отправленіи депутатовъ, выдаваемыя имъ инструкціи, а по возвращеніи ихъ, отчеты въ израсходованныхъ ими суммахъ и реляціи о веденныхъ ими переговорахъ. Вмѣсто того обыкновенно они получали изъ различныхъ управленій значительныя суммы, безъ вѣдома гражданъ, и употребляли ихъ безотчетно; реляцій ихъ часто не сообщали, а иногда даже магистратъ давалъ имъ тайныя порученія дѣйствовать противъ гражданъ. Такъ, въ 1676 и 1678 годахъ, магистратъ отправлялъ въ Швецію своего секретаря, и оба раза граждане, предугадывая

дурныя намѣренія высшаго сословія, требовали письменныхъ удостовѣреній, что противъ нихъ ничего предпринято не будетъ; но, не получивъ ихъ, принуждены были отправлять отъ себя другихъ депутатовъ. Даже въ отношеніи къ верховной власти, городъ уже не представлялъ единодушія. Магистратъ постоянно льстилъ и вмѣстѣ противодѣйствовалъ ей; граждане только отъ нея и ожидали и получали удовлетвореніе своихъ требованій.

г) по участію гильдій въ городскомъ управленіи.

Магистратъ обязался: допустить представителей гражданъ къ участію въ управленіи городскими имѣніями, запасами, къ надзору за постройками, и т. д.; но степень и форма этого участія не были опредѣлены и потому оно долго существовало только на бумагѣ; каждая попытка осуществить его подавала поводъ къ горячимъ спорамъ. Магистратъ ссылался на старину и доказывалъ, что ему принадлежитъ право распоряжаться городскими доходными статьями, домами, лавками, отдавать ихъ въ наемъ, на откупъ или продавать; ибо кому дана власть наказывать, тотъ долженъ имѣть власть и награждать. Ельтерманы, съ своей стороны, ссылались также на старину и возражали, что магистратъ награждаетъ не достойнѣйшихъ, а друзей своихъ, что общее имущество должно быть въ общемъ завѣдываніи, и т. д. Однако, право раздачи мелкихъ доходныхъ статей осталось за магистратомъ: но, по другимъ отраслямъ управленія, ельтерманы получили дѣятельное участіе, напр., въ завѣдываніи городскимъ хлѣбнымъ магазиномъ, въ надзорѣ за постройками, или же совѣщательное, напр., при отдачѣ имѣній въ арендное содержаніе (въ силу условій, заключенныхъ въ 1616 г. и подтвержденныхъ въ 1655 г.). Магистратъ обѣщалъ оберегать права гражданъ, между тѣмъ, какъ повторяли ельтерманы, онъ допустилъ нашествіе иностранцевъ, роздалъ имъ лигерскія и другія должности, открылъ для всѣхъ городскіе промыслы— die Stadt gemein gemacht, alles frey gegeben.

д) по завѣдыванію городскими финансами.

Наконецъ, по части финансовой, было постановлено: чтобы всѣ лица, занимавшія должности, ежегодно, въ присутствіи ельтермановъ, представляли счета своихъ доходовъ и расходовъ: чтобы всѣ остатки складывались въ одну общую кассу, изъ которой должны были отпускаться суммы на разныя

потребности. Вмѣсто этого, съ 1604 по 1612 годъ, ни отъ кого не было ни получено, ни требовано счетовъ; администрація городскихъ имѣній, ландфохтейское управленіе, вовсе ихъ не вели. Отъ монетнаго двора, имѣній, мельницъ, рыбныхъ ловель, аптекъ, городскихъ помѣщеній, браковки, отъ различныхъ сборовъ: съ привозимаго пива, свадебнаго, десятаго пфеннига, штрафныхъ денегъ изъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: фохтейскаго суда, веттнаго, цеховаго и прочихъ,—до 1613 года и послѣ того, не поступало ни гроша въ городскую кассу. Всѣ эти доходы оставались въ распоряженіи различныхъ управленій, въ особенности кемерейнаго и, слѣдовательно, въ рукахъ ратсгеровъ. Расходы же кемерейнаго управленія, какъ-то: на содержаніе наемнаго войска, магистратской прислуги, на процессы, постройки и проч., равно какъ и долговыя облигаціи, выданныя изъ того же управленія за печатью магистрата, переведены были на городскую кассу подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы доходы кемерейнаго управленія перешли въ нее; но такъ какъ послѣднее обстоятельство не было соблюдено, то, для покрытія всѣхъ сихъ расходовъ, оставались прямые налоги, сборы обыкновенные и прибавочные (bürgerliche Steuer, Zulage, Unpflichten), таможенный сборъ (portorium) и акцизъ, который былъ введенъ въ 1605 г., будто бы на короткій срокъ, а между тѣмъ взимался до 1652 года. Такимъ образомъ, говорилъ ельтерманъ Фрёлихъ, вмѣсто ожидаемаго облегченія, граждане сдѣлались батраками и оброчниками. При этомъ, съ каждымъ днемъ накоплялись недоимки и возрасталъ городской долгъ, происходившій большею частію отъ займовъ, сдѣланныхъ у самихъ гражданъ на содержаніе войска (Knechtengelder) и такъ называемыхъ контрибуцій, или добровольныхъ ссудъ. Чтобы дать понятіе о томъ, на что истрачивались городскіе доходы, достаточно привести слѣдующіе факты:

Расхищеніе магистратомъ городской казны.

Бургомистръ Еккъ, засѣдавшій въ магистратѣ съ двумя своими зятьями, занималъ деньги изъ разныхъ кассъ подъ свои росписки и отъ себя раздавалъ ихъ въ займы по 10 и 12 процентовъ; такимъ образомъ онъ нажилъ себѣ огромное состояніе и пріобрѣлъ въ городѣ 12 домовъ; когда же съ него

захотѣли взыскать накопившійся на немъ долгъ, по его собственнымъ росписямъ, онъ предложилъ уплатить его городу по 5 процентовъ. Предложеніе это было отвергнуто; Екка удалили отъ должности и конфисковали его имѣніе. Тогда Еккъ съ своими зятьями обратился къ королю польскому съ жалобою и, вѣроятно не безъ пособія награбленныхъ имъ денегъ, добился назначенія особой коммиссіи, которая рѣшила дѣло въ его пользу, возвратила ему прежнюю должность и удалила ельтермана, обличившаго его; кромѣ того Екку присудили отъ города въ вознагражденіе 35,000 флориновъ; 70,000 онъ остался долженъ городу, которому процессъ обошелся въ 100,000 флориновъ. Подъ конецъ своей жизни, Еккъ основалъ богоугодное заведеніе. Все это разсказываетъ не ельтерманъ, а бургомистръ Нейштетъ въ своей хроникѣ. Конечно, это частный случай, но возможный только при долгомъ потворствѣ и совершенномъ безпорядкѣ; къ тому же онъ не единственный. Ельтерманы разсказываютъ, какъ дѣло обыкновенное, что ратсгеры занимали изъ казны по 5 процентовъ, а граждане по 8 и по 10.

Въ 1613 г. какой-то помѣщикъ, у котораго магистратъ противозаконно отнялъ имѣніе, жаловался королю и выхлопоталъ резолюцію о возвращеніи ему имѣнія съ уплатою въ видѣ вознагражденія 19,000 флориновъ. Магистратъ объявилъ ельтерману, что дѣйствительно имѣніе отнято было противозаконно и требовалъ, чтобы назначенное вознагражденіе было уплачено изъ городской кассы, подъ предлогомъ, что будто бы въ нее шли доходы изъ упомянутаго имѣнія; но ельтерманъ доказалъ, что послѣднее обстоятельство было ложно и воспротивился уплатѣ изъ кассы.

Въ 1644 г. королева Христина отняла у города право бить монету и послала отъ себя мастера монетнаго дѣла, который, побывавъ на мѣстѣ, объявилъ, что монетный дворъ могъ дать доходу съ 1621 по 1644 болѣе 24 бочекъ золота. Городская же касса отъ него ничего не получала; по свидѣтельству ельтермана, деньги шли anderswo, weil es des Raths Regalien.

Наконецъ, ратсгеры распоряжались городскимъ имуществомъ какъ своимъ: безъ вѣдома ельтермановъ продавали

городскіе дома и земли, за денежныя приношенія разрѣшали лицамъ, не имѣвшимъ на то права, рубить городской лѣсъ, употребляли значительныя суммы на содержаніе городской конюшни. „а городу, какъ пишетъ ельтерманъ Фрёлихъ, проку отъ этого не было: вмѣсто того, чтобы употреблять лошадей на общественныя надобности, ратгеры, ихъ жены и дѣти катались на четверкахъ и шестеркахъ". Ко всему этому должно присоединить огромные расходы на посольства, подкупы и процессы, отъ которыхъ городъ также не получалъ прибыли. Въ 1613 г. финансовыя дѣла города были въ такомъ жалкомъ положеніи, что Фрёлихъ вошелъ въ магистратъ съ предложеніемъ принять мѣры для спасенія города отъ неминуемаго разоренія, а именно: назначить коммиссію изъ представителей всѣхъ трехъ сословій и поручить имъ привести въ извѣстность, сколько на городѣ числилось долговъ, сколько должны были городу частныя лица, сколько получалъ городъ доходовъ, и для того потребовать отчетовъ отъ всѣхъ лицъ, занимавшихъ должности. Магистратъ на все это согласился, но не исполнилъ обѣщанія; а ельтерманы, безъ согласія коихъ нельзя было выдавать суммъ изъ городской кассы, задерживали нѣсколько лѣтъ сряду жалованье, назначенное ратгерамъ.

Контрактъ 1616 года.

Въ 1616 г. заключили новый контрактъ или, точнѣе, возобновили положеніе 1604 г. съ нѣкоторыми дополненіями. Гильдіи обѣщали выдать магистрату причитающееся ему жалованье, а магистратъ обязался: требовать ежегодныхъ отчетовъ отъ кемериpовъ и другихъ лицъ; повѣрять ихъ съ помощью ельтермановъ; производить всѣ постройки на счетъ городской кассы, подъ надзоромъ баугеровъ и ельтермановъ; не выдавать городскихъ облигацій иначе какъ съ вѣдома послѣднихъ и за городскою печатью, и т. д.

Протестъ гражданъ противъ устава о кассѣ.

Въ 1623 г. статьи контрактовъ 1604 и 1616 годовъ, относившіяся до финансоваго управленія, были вновь изданы магистратомъ подъ заглавіемъ Устава о Кассѣ (Kasten Ordnung); но граждане протестовали противъ этого изданія, находя въ немъ: новыя статьи, внесенныя безъ ихъ согласія; искаженіе настоящаго смысла нѣкоторыхъ статей положенія 1604 г., заключавшіяся въ томъ, что магистратъ, пользуясь неопредѣлен-

постью выраженій, умышленно относилъ къ кемерейному управленію то, что сказано было о городской кассѣ; наконецъ неточное обозначеніе времени изданія его; вѣроятно магистратъ ссылался на проэктъ 29 апрѣля, а не на утвержденное положеніе 17 іюня. При этомъ, граждане повторили всѣ прежнія свои жалобы на несоблюденіе подписанныхъ условій, съ присовокупленіемъ слѣдующихъ: приставили къ кассѣ нотаріуса не изъ гражданъ и, безъ вѣдома гильдій, назначили ему жалованье; когда приносятъ изъ кемерейнаго управленія денежныя суммы, вмѣсто того, чтобы запирать ихъ въ ящикъ, кладутъ въ шкафъ, отъ котораго только два лица имѣютъ ключи; кромѣ опредѣленнаго жалованья, ратсгеры присвоиваютъ себѣ акциденціи всякаго рода; доходы съ мельницъ и перевозовъ въ кассу не поступаютъ; многимъ, по особенной протекціи, уплачены ссуды на содержаніе войска, тогда какъ бѣднѣйшимъ гражданамъ ничего не уплачено. Наконецъ, требовали: чтобы въ ревизіи счетовъ принималъ участіе, кромѣ ельтермана, еще одинъ изъ старшинъ большой гильдіи; чтобы сократили расходы на канцелярію и отмѣнили выдачу денегъ ратсгерамъ на грудную траву. Въ случаѣ отказа, граждане объявили свое намѣреніе обратиться къ королю.

Городской бюджетъ на 1628 г.

Справедливость всѣхъ этихъ жалобъ лучше всего доказывается сохранившимся въ архивѣ большой гильдіи городскимъ бюджетомъ, или примѣрнымъ исчисленіемъ расходовъ и доходовъ на 1628 года подъ заглавіемъ: aerarii publici status. Изъ него видно, что на городѣ лежало стараго долга 543.787 марокъ; проценты за 1628 г. съ недоплаченными за прошлые годы составляли 40,698 м. Кромѣ того, занято было въ 1627 г. у гражданъ 60,000 м. Расходы на жалованье духовенству, городскимъ чиновникамъ и городской прислугѣ 22,037 м., не считая суммъ, которыя уплачивались имъ (вопреки всѣмъ заключеннымъ контрактамъ) изъ кемерейнаго управленія. Оберъ-секретарь магистрата получалъ: 3,000 м. жалованья и 400 м. квартирныхъ; старшій секретарь 2,000 м. жалованья и 400 м. квартирныхъ; младшій 1.000 м. жалованья и 300 м. квартирныхъ; городской часовщикъ 480 м. жалованья и 250 м. квартирныхъ; при-

вратникъ (Hausschliesser) 600 м. жалованья 300 м. квартирныхъ: писаря, приставленные къ важнѣ: первый 1,000 м., второй 500; шесть вѣсовщиковъ 1.200 м., и всѣ эти лица по 60 м. квартирныхъ; агентъ при дворѣ 1,500 м.; на постройку домовъ для городской прислуги 4,000 м.; кромѣ всего этого, ратгеры, ельтерманы, духовенство, школьные учители получали изъ городскихъ имѣній, черезъ ландфохтейское управленіе: муку, сѣно, овецъ, поросятъ и разныя хозяйственные припасы подъ названіемъ акциденцій и Umbsendungen (обходовъ), о значительности коихъ можно судить по списку, составленному въ 1659 г., когда эта статья приведена была въ порядокъ (in gute Ordnung gebracht). Въ то время одной лососины отпускалось 132 штуки. Независимо отъ этого, ратгерамъ отпускалось: на вино, грудную траву (Brust-Kraut) 6,500 м.; на подносимое почетнымъ лицамъ вино 5,580 м.; на приношенія королю, сенаторамъ и другимъ лицамъ не показано суммы; на посольства 8,000 м.; на бумагу, сургучъ и спурки 2.000 м.; на свѣчи, дрова, угощенія и проч. 3,000 м.; на содержаніе войска 39.000 м.; на постройку стѣнъ 8,000 м.; на конюшню 6,000 м., и т. далѣе.

Таковы были главныя статьи до послѣдней возможности сокращенныхъ, по увѣренію магистрата, расходовъ; они составляли, за исключеніемъ тѣхъ статей, противъ которыхъ не выставлено суммъ, но со включеніемъ процентовъ стараго долга и всей суммы новаго (такъ какъ его слѣдовало уплатить немедленно)—235,670 м. Исчисленіе доходовъ очень неполно: получали съ важни 1,062 м.; отъ городскихъ фонтановъ (Krangeld) 450 м.; отъ лавокъ, пивоваренныхъ заводовъ и проч. 8.227 м.; браковка приносила въ хорошіе годы отъ 150,000 до 200,000 м., но этотъ доходъ значительно понизился, на сколько — не сказано; отъ портовой пошлины 82,000 м.; отъ мельницъ 10,500 м.; городскія имѣнія, по причинѣ войны, ничего не приносили, и т. д. Магистратъ сознавался, что доходы не покрывали необходимыхъ расходовъ, но сколько именно, также не показано, и потому предлагалъ: пустить въ продажу городскіе дома и незастроенные участки; возвысить сборъ съ важни, фонтановъ, лавокъ, пивоварень, акцизъ съ пива, меда, вина и употребительнѣй-

шихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ заключеніе онъ хвастался, что не прибѣгалъ къ прямымъ налогамъ на частное имущество, какъ въ старину; доказывалъ, что нѣтъ никакой возможности сократить расходы; наконецъ, что граждане должны изъявлять ему свою признательность за отличное управленіе. Такъ шли дѣла еще около пятидесяти безъ малаго лѣтъ.

Уставъ городской кассы 1675 г.

Наконецъ, въ 1675 г. большая гильдія уполномочила своего ельтермана подать въ коммиссію, учрежденную въ Ригѣ отъ правительства для разрѣшенія вопроса о правѣ пивоваренія, жалобу, состоявшую изъ 59 пунктовъ, изъ коихъ важнѣйшіе касались городской кассы. Послѣ горячихъ споровъ, требованія ихъ признаны были справедливыми и въ томъ же году, 9 апрѣля, состоялась королевская резолюція о томъ, чтобы управленіе городскою кассою въ Ригѣ учреждено было по образцу Гамбурга и Любека. Оно, какъ кажется, должно было состоять изъ однихъ ратгеровъ и старшинъ; ибо вслѣдъ затѣмъ, простые граждане, или братья, обратились отъ себя къ королю съ просьбою, чтобы имъ позволено было, для отклоненія всякаго рода подозрѣній и для бо́льшаго ихъ обезпеченія, назначать въ то же управленіе нѣсколькихъ депутатовъ изъ среды своей. Въ отвѣтъ на эту просьбу издана резолюція 11 августа 1675 г., содержащая въ себѣ уставъ городской кассы, дѣйствовавшій до изданія Свода Мѣстныхъ Узаконеній. Не смотря на всѣ усилія магистрата, копія съ него выдана была гражданамъ, которые, наученные долголѣтнимъ опытомъ, потребовали, чтобы сама королевская коммиссія ввела его въ дѣйствіе. Первые выборы произведены были въ присутствіи коммисаровъ. Затѣмъ, магистратъ, въ 1676 и 1678 годахъ, посылалъ отъ себя депутатовъ въ Стокгольмъ интриговать противъ новаго порядка управленія; но граждане, съ своей стороны, противодѣйствовали ему и происки его остались безуспѣшными.

Учрежденіе касса-коллегіи.

Уставъ 11 августа 1675 г. положилъ основаніе Ординарной Касса Коллегіи для завѣдыванія обыкновенными, текущими дѣлами, и Экстраординарной для обсужденія и принятія чрезвычайныхъ мѣръ. Въ той и другой должны были засѣдать представители магистрата и обѣихъ гильдій; а именно, въ

первой: отъ магистрата: бургомистръ, въ качествѣ предсѣдателя, и ратегеръ; отъ каждой гильдіи: ельтерманъ, старшина и три гражданина; во второй: двое ратегеровъ и отъ каждой гильдіи двое старшинъ и трое гражданъ. Выборы засѣдателей отъ гильдій должны были возобновляться черезъ каждые три года, но могли быть вибраны вновь тѣ же лица. Въ должность письмоводителя граждане представляли трехъ кандидатовъ, изъ коихъ магистратъ назначалъ одного. Пять ключей отъ кассы должны были находиться: одинъ у бургомистра, два у обоихъ ельтермановъ, два у засѣдателей отъ обѣихъ гильдій. Всѣ означенныя лица, въ совѣщаніяхъ, пользовались равными голосами; дѣла рѣшались по большинству голосовъ, а въ случаѣ равенства ихъ, жребіемъ. Кругъ дѣйствія касса-коллегіи опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: завѣдываніе городскими доходами и расходами, управленіе городскими имѣніями или отдача ихъ въ арендное содержаніе. Итакъ, должно полагать, что послѣдняя часть отошла отъ ландфохтескаго управленія, которое, вѣроятно съ этого времени, удержало одну судебную часть. Право верховнаго распоряженія и надзора (Disposition und Direction) за дѣйствіями касса-коллегіи оставлено было по прежнему магистрату.

Борьба касса-коллегіи съ магистратомъ.

По поводу этихъ словъ, на слѣдующій же годъ по учрежденіи касса-коллегіи, началась война между нею и магистратомъ [1]). Послѣдній, ссылаясь на предоставленное ему право, стѣснялъ распоряженія новаго управленія, воздвигалъ ему препоны на каждомъ шагу и хотѣлъ довести его до совершенной ничтожности. Засѣдатели отъ гражданъ послали депутата съ жалобою къ королю, который, въ указѣ на имя генералъ-губернатора отъ 30 марта 1676 г., объявилъ, что право распоряженія и надзора давало магистрату въ отношеніи къ касса-коллегіи не болѣе той власти, какою пользовались всѣ вообще предсѣдатели въ коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстахъ, а именно власти: созывать, пред-

[1]) Большая гильдія поддерживала Касса-Коллегію, и главную роль въ этомъ спорѣ, выведшемъ наружу множество злоупотребленій магистрата, играли ельтерманы Плённисъ и Глюкманъ. Весь этотъ процессъ прозывается по ихъ именамъ Plönnies-Glückmannische Handela. Магистратъ впослѣдствіи очень неохотно упоминалъ объ этомъ времени.

лагать, совѣтовать и дѣлать замѣчанія, но отнюдь ничего не рѣшать, иначе какъ по большинству голосовъ, и не дѣлать отъ себя самовластныхъ распоряженій. Въ той же резолюціи король писалъ, что онъ не мало призадумался, видя, что нѣтъ такого нелѣпаго предлога, которымъ бы не воспользовались въ Ригѣ для обезсиленія его повелѣній, приказывалъ своему намѣстнику поставить магистрату на видъ дерзость и наглость, съ которою сей послѣдній изворачивалъ и искажалъ смыслъ его учрежденій, и поручалъ имѣть непосредственное наблюденіе за немедленнымъ и точнымъ введеніемъ ихъ въ силу, объявивъ заранѣе, что на противниковъ высочайшей волѣ падетъ гнѣвъ короля.

Торжествующая касса-коллегія простерла далѣе свои требованія. При содѣйствіи мѣстнаго начальства, она заставила магистратскихъ членовъ доставить ей полный инвентарь всѣхъ городскихъ доходовъ, большихъ и малыхъ, старые счеты и разсчеты монетнаго двора въ подлинникѣ, равно какъ и описи хлѣбнымъ запасамъ [1]). Ни одна часть городскихъ доходовъ не была оставлена въ рукахъ магистрата; всѣ члены его, канцелярія, духовенство и войско получали жалованье изъ городской кассы; она, по предложеніямъ магистрата, рѣшала окончательно дѣла о продажѣ или отдачѣ въ наемъ городскаго имущества, движимаго и недвижимаго; она, безъ участія магистрата, управляла городскими имѣніями, предлагала надзирателей, а магистратъ только приводилъ ихъ къ присягѣ; безъ ея особеннаго разрѣшенія, не могла быть выдана никакая выписка изъ ея протоколовъ.

Превышеніе власти со стороны касса-коллегіи.

Но касса-коллегія скоро начала употреблять свою власть во зло. Она не упускала ни одного случая оскорбить магистратъ и дать ему почувствовать свою независимость. На денежныя требованія его она отвѣчала отказами, на предложенія его—колкими возраженіями, и, такимъ образомъ, подъ предлогомъ соблюденія экономіи, она парализировала всю мѣстную администрацію. Такъ, напр., она остановила выдачу суммъ на уплату казеннаго долга, на построеніе гаупт-

1) Man sieht wie weit die Anmassungen des Uebermuthes gingen! восклицаетъ авторъ статьи объ этомъ предметѣ, помѣщенной въ Rig. Stadtbl. 1824 года, № 14.

вахтъ, на прокормленіе бѣдныхъ, починку погорѣвшихъ церквей; наконецъ, она стала затруднять работы по городскимъ укрѣпленіямъ, которыя производились по распоряженіямъ верховной власти, и требовать, чтобы всѣ предположенія по этой части были представляемы ей на предварительное разсмотрѣніе.

Мѣры правительства для обузданія касса-коллегіи и магистрата.

Все это стѣсняло дѣйствіе не только магистрата, но и высшаго начальства, а потому генералъ-губернаторъ нѣсколько разъ дѣлалъ замѣчанія касса-каллегіи и уговаривалъ ее не употреблять во зло предоставленной ей власти. Въ рескриптѣ, отъ 20 апрѣля 1686 г., онъ, уже по повелѣнію короля, объявилъ ей, что управленіе городскими дѣлами, попеченіе о безопасности и благѣ общественномъ (das Regiment der Stadt, die publique Wohlfahrt) поручены магистрату и до нея не касаются; что она должна выдавать всѣ нужныя средства для осуществленія мѣръ, принятыхъ магистратомъ и одобренныхъ высшимъ начальствомъ, и отнюдь не позволять себѣ подвергать ихъ обсужденію (unter die Votation zu ziehen) и противорѣчить имъ. То же самое внушеніе, въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, было повторено въ рескриптѣ 26 августа; но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, 17 числа, увидавъ невыгоду своего распоряженія, или внявъ просьбамъ противной партіи, Карлъ XI издалъ другое повелѣніе, по которому разрѣшилъ городской кассѣ имѣть право голоса по чрезвычайнымъ расходамъ. Въ концѣ XVII вѣка, новое, правительствомъ усмотрѣнное расхищеніе городскихъ суммъ заставляетъ предполагать, что магистратъ опять вошелъ въ силу; въ королевской резолюціи 18 марта 1691 г. (извѣстной намъ въ неоффиціальномъ переводѣ) сказано, что „король съ чрезвычайнымъ неудовольствіемъ усмотрѣлъ, что городамъ для публичныхъ пользъ предоставленные доходы частью отъ магистратскихъ персонъ неправильно и не по надлежащему управляются, а наипаче, что бургомистры и ратегеры имѣютъ обыкновеніе для производства собственныхъ ихъ дѣлъ посылать своихъ приватныхъ агентовъ въ резиденцію и, подъ предлогомъ яко бы городскихъ дѣлъ, таковымъ, изъ городскихъ средствъ и доходовъ, для дороги и содержанія, потребныя траты выплачивать, и потому постано-

влено: чтобы бургомистръ или магистратъ не имѣли ни малѣйшей власти до городскихъ средствъ и доходовъ касаться и на иные случаи издерживать кромѣ какъ съ вѣдома генералъ-губернатора, для предохраненія и поддержанія городскаго и общественнаго существованія; поелику чрезъ таковыя отправленія къ его величеству и непосредственно въ его коллегіи не только что доходы городовъ безъ пользы проживаются, но и оныя мѣста ненужными просьбами отягощаются".

Причина вражды касса-коллегіи съ магистратомъ.

Но всѣ эти убѣжденія, замѣчанія и выговоры ни къ чему не вели, ибо правительство, стараясь безпристрастною строгостью прекратить нарушенія власти какъ со стороны магистрата, такъ и со стороны касса-коллегіи, не устраняло самаго повода къ неизбѣжнымъ между ними столкновеніямъ. Этотъ поводъ заключался въ раздвоеніи административной власти между двумя, одно другому не подчиненными мѣстами. Магистратъ долженъ былъ управлять городскими дѣлами, а необходимыя средства для управленія находились въ распоряженіи городской кассы. Послѣдняя, неминуемо, должна была: или сдѣлаться его казначействомъ и утратить право голоса, или же низвести его на степень подчиненнаго полицейскаго учрежденія. При этомъ, не должно забывать, что магистратъ, какъ сословіе, былъ въ давнишней и постоянной враждѣ съ гражданами обѣихъ гильдій, изъ коихъ выбирались двѣ трети засѣдателей касса-коллегіи, такъ что къ несовмѣстимости вѣдомствъ обоихъ учрежденій присоединялась еще противоположность сословныхъ интересовъ. При этихъ условіяхъ, естественно не могло быть единства въ управленіи; но измѣнить ихъ нельзя было иначе, какъ уничтоживъ сословное значеніе магистрата и отдѣливъ отъ него всю административную часть. Нѣкоторые изъ засѣдателей касса-коллегіи намекали на это частнымъ образомъ, но генералъ-губернаторъ выговорилъ имъ за столь дерзкія слова (excessive Worte) и нелѣпую мысль, а правительство шведское не рѣшилось на коренное преобразованіе, котораго необходимость болѣе и болѣе доказывалась неудачными усиліями его принести помощь, не выходя изъ стараго порядка.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Время русскаго владычества.

1710 — 1845.

Исторія сословій и муниципальнаго устройства города Риги при русскомъ владычествѣ естественно распадается на три отдѣла: первый простирается отъ сдачи города до введенія въ немъ Городоваго Положенія при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1784 году; второй обнимаетъ двѣнадцать лѣтъ, въ продолженіи коихъ Городовое Положеніе дѣйствовало, до 1796 года; третій начинается съ возстановленія прежняго, на привилегіяхъ основаннаго порядка, и доведенъ нами до изданія Свода Мѣстныхъ Узаконеній для губерній Остзейскихъ въ 1845 г. Дѣленіе на 3 отдѣла.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ сдачи города Риги до введенія Городоваго Положенія.

1710—1784

Магистратъ.

Составъ магистрата, какъ присутственнаго мѣста, испыталъ двѣ перемѣны. Должность бургграфа, сохраненіе коей было обѣщано въ аккордныхъ пунктахъ, была упразднена Составъ.

по просьбѣ дворянства, вскорѣ послѣ 1710 г. и, несмотря на неоднократныя представленія магистрата, правительство не согласилось возстановить ее [1]). Вмѣсто того, учреждена была должность президента и оберъ-инспектора рижскаго магистрата, о которой упоминается въ указѣ 31 іюля 1729 г. [2]). Первый исправлявшій ее былъ Русскій Илья Исаевъ, бывшій передъ тѣмъ товарищемъ президента главнаго магистрата, учрежденнаго въ Петербургѣ. Какъ президентъ рижскаго магистрата, этотъ Исаевъ по всѣмъ дѣламъ купеческаго сословія былъ посредникомъ между городскимъ начальствомъ и генералъ-губернаторомъ [3]). Въ качествѣ оберъ-инспектора, онъ завѣдывалъ всѣми казенными доходами и получалъ указы прямо изъ сената и коллегій. Наконецъ, ему были подчинены непосредственно Русскіе, жившіе въ Ригѣ [4]). Изъ этого видно, что кругъ дѣятельности его былъ чрезвычайно разнообразенъ: онъ, въ одно и то же время, замѣнялъ прежняго бургграфа и вмѣстѣ съ тѣмъ, при магистратѣ, игралъ роль прокурора по административнымъ дѣламъ. Впрочемъ, такъ какъ до насъ не дошелъ указъ объ учрежденіи этой должности, то мы не можемъ сказать о ней ничего болѣе; не знаемъ также, долго ли она существовала.

Порядокъ выбора членовъ.

Порядокъ замѣщенія открывавшихся въ магистратѣ вакансій нѣсколько разъ обращалъ на себя вниманіе правительства, почти всегда по поводу доходившихъ до него жалобъ. Въ 1720 г. 23 февраля Петръ I писалъ магистрату: „Узнавъ изъ многихъ доносовъ, что у васъ въ выборѣ членовъ магистрата и другихъ должностныхъ лицъ, равно и въ судопроизводствѣ, происходятъ неправильности, мы признали за нужное предписать нашему генералъ губернатору (Князю Репнину) дабы онъ, по силѣ вновь изданныхъ въ государствѣ нашемъ регламентовъ, имѣлъ наблюденіе, чтобы у васъ какъ опредѣленіе въ должности, такъ и отправленіе судопроизводства шли по справедливости, по праву и безъ замедленія, дабы подданнымъ нашимъ вреда не было. Впрочемъ, онъ имѣетъ оставить васъ при прежнихъ нашихъ правахъ и вами

[1]) Указъ 22 декабря 1725 г. (4817).—[2]) Указъ 31 іюля 1729 г. (5453) — [3]) Указъ 14 октября 1713 г. (2723).—[4]) Указъ 31 іюля 1729 г. (5453).

данныхъ привилегіяхъ“ [1]). Этотъ указъ былъ подтвержденъ въ 1725 г. 22 декабря. Въ 1728 г. 12 сентября, изданъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ слѣдующаго содержанія: „Магистрату въ выборѣ магистратскихъ чиновъ и другихъ чиновъ служителей поступать какъ было при послѣднемъ свейскомъ владѣніи; о выбранныхъ объявлять генералъ-губернатору, а ежели съ умыслу опредѣлять будутъ недостойныхъ людей, то лишатся этого права, понеже сами противу оныхъ поступятъ“ [2]). Изъ протоколовъ большой гильдіи извѣстенъ намъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые могли подать поводъ къ послѣднимъ словамъ, а именно: въ 1719 г. магистратъ избралъ въ ратсгеры какого-то Циммермана, который не былъ старшиною и даже не пріобрѣлъ права мѣстнаго гражданства, не смотря на частыя понужденія; но онъ былъ богатъ и къ тому родной братъ тогдашняго ландфохта [3]). Гильдіи протестовали противъ этого выбора, но голосъ ихъ не былъ уваженъ, и тогда онѣ подали жалобу высшему правительству. Завязался процессъ, тянувшійся четыре года. Наконецъ, въ 1723 г., магистратъ призвалъ въ ратушу обоихъ ельтермановъ и нѣсколькихъ старшинъ и далъ имъ обѣщаніе впредь выбирать ратсгеровъ купеческаго сословія изъ числа однихъ старшинъ большой гильдіи, со включеніемъ докмана. Это постановленіе тогда же записано было въ книгу тайныхъ протоколовъ (das geheime Buch), но, не смотря на просьбы ельтермана, ему было отказано въ выдачѣ копіи съ него, такъ что онъ былъ принужденъ составить о томъ вмѣстѣ съ бывшими при немъ двумя старшинами особый протоколъ, на память [4]). Можно полагать, что съ этого времени отношеніе магистратскихъ членовъ купеческаго сословія къ членамъ ученаго званія

---

[1]) Подлиннаго указа въ Полномъ Собраніи Законовъ не оказывается; мы привели переводъ съ нѣмецкаго текста, представленнаго магистратомъ по требованію Ревизіонной Коммиссіи, послѣ нѣсколькихъ отговорокъ.

[2]) Указъ 12 сентября 1728 г. (5331).—[3]) Rig. Stadtblätter, 1824 г., № 39.

[4]) Этотъ протоколъ найденъ нами въ подлинникѣ въ книгѣ, хранящейся въ архивѣ большой гильдіи (Protocolle, 1720 — 1745, № 20), а на запросъ Коммиссіи магистратъ отвѣчалъ, что въ его архивѣ такого протокола не оказалось.

(литератамъ) начало измѣняться въ пользу первыхъ. До тѣхъ поръ число ихъ не превышало шести, а въ половинѣ XVIII столѣтія, оно равнялось съ числомъ ученыхъ [1]).

Въ изданномъ при императрицѣ Екатеринѣ II Уставѣ о Рижской Коммерціи, гл. II, § 55 значится: „Хотя магистратъ въ силу конфирмованныхъ привилегій и оставленъ при вольномъ выборѣ магистратскихъ судей, однако долженъ оный всегда представлять о томъ на апробацію генералъ-губернатору, которому разсматривать способность каждаго, и, по усмотрѣніи уже должнаго въ томъ достоинства, опредѣленіе въ такую публичную должность апробовать“ [2]). Изъ этого ясно видно, что законодательная власть требовала исполненія не пустаго обряда, а строгой оцѣнки; но магистратъ видѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ привилегій и старался уклониться отъ возложенной на него обязанности. Вотъ, что мы читаемъ въ запискахъ бывшаго члена высочайше учрежденной законодательной коммиссіи, Нейендаля: „Дабы по возможности ослабить дѣйствіе этого умышленнаго оскорбленія, никогда не испрашивали ни письменно, ни даже словесно, утвержденія генералъ-губернатора; а только сообщали ему къ свѣдѣнію имена избранныхъ, при томъ за день до провозглашенія ихъ“. Тогдашній генералъ - губернаторъ, Графъ Браунъ, молчаніемъ своимъ одобрялъ этотъ порядокъ.

Судебная власть магистрата.

Кругъ дѣятельности магистрата по части суда былъ ограниченъ указами 14 октября 1713 г. и 22 декабря 1725 г., въ силу коихъ дворяне были безусловно изъяты изъ его вѣдомства. Это былъ результатъ упраздненія должности бургграфа. Апелляціи на судебныя рѣшенія магистрата шли первоначально въ Главный Магистратъ, учрежденный Петромъ I-мъ; позднѣе въ Юстицъ-Коллегію лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а оттуда въ Сенатъ. Привилегіи, коими, въ ущербъ гражданъ и въ пользу одного магистрата, ограничено было право апелляціи въ прошедшемъ періодѣ, если не были формально отмѣнены при русскомъ владычествѣ, то, по крайней мѣрѣ, утратили силу; ибо изъ многихъ сенатскихъ указовъ

[1]) Изъ рукописи подъ заглавіемъ Materialien zur Chronik von Riga Нейендаля, бывшаго члена высочайше учрежденной законодательной коммиссіи.

[2]) Уставъ о рижской коммерціи (12518).

видно, что принимались жалобы всякаго рода на городской судъ.

Административная власть магистрата.

По части администраціи, власть магистрата была значительно ограничена Уставомъ о Рижской Коммерціи, отнявшимъ у него право верховнаго надзора за торговлею. Такъ §§ 6, 36 и 62-мъ постановлено: „Да не дерзаетъ магистратъ впредь запрещать или разрѣшать привозъ и отпускъ товаровъ за море, ибо сіе состоитъ единственно въ разсмотрѣніи Ея Императорскаго Величества".—§ 39. „Всѣ, по силѣ высочайшихъ указовъ учрежденныя въ вѣсѣ, мѣрѣ и бракѣ распоряженія непремѣнно наблюдать, и магистратъ ни мало да не дерзаетъ въ томъ дѣлать отмѣны".—§ 77-мъ подтверждено магистрату, дабы онъ впредь въ пошлинныя дѣла и въ государственные пошлинные доходы не вступался.—§ 39-мъ постановлено: чтобы браковщиковъ, важниковъ и прочихъ торговыхъ служителей, равно какъ и маклеровъ, магистратъ опредѣлялъ изъ числа предоставляемыхъ ему купечествомъ лицъ, признанныхъ способными, притомъ не иначе, какъ съ утвержденія генералъ-губернатора; чтобы такимъ же порядкомъ поступаемо было при изданіи инструкцій для означенныхъ лицъ и всякаго рода таксъ, подъ опасеніемъ штрафа. Вообще, по части административной и исполнительной, магистратъ былъ подчиненъ начальнику губерніи и различнымъ коллегіямъ, смотря по роду дѣлъ.

Законодательная власть магистрата.

Предѣлы законодательной власти магистрата не были ясно очерчены, и по всему видно, что правительство не знало даже, какъ далеко простирались притязанія магистрата по этому предмету. Въ 1760 г., по дѣлу объ ограниченіи числа мачтовыхъ браковщиковъ шестью, магистратъ въ рапортѣ сенату изъяснялъ, что будто бы всѣ рижскіе цехи и художники получили свои шраги не непосредственно отъ верховной власти, но отъ магистрата. „яко изъ ввѣренной отъ Высочайшаго Государя власти" и что, по силѣ конфирмованныхъ привилегій, городское начальство во всякое время, по усмотрѣнію своему, умножало и убавляло ихъ, и въ пользу купечества, цеховъ, членовъ и мастеровъ всегда назначало и опредѣляло [1]). Это одностороннее показаніе было принято

[1]) Указъ 18 іюля 1760 года (11084).

сенатомъ, и дѣло рѣшено согласно съ мнѣніемъ магистрата. Въ Уставѣ о Рижской Коммерціи магистрату настрожайше подтверждается о точнѣйшемъ соблюденіи государственныхъ узаконеній, при отправленіи порученной ему должности; но, такъ какъ рядомъ съ этими узаконеніями существовали мѣстные законы и обычаи, которые между собою не были ни соглашены, ни разграничены, то это подавало поводъ къ частымъ спорамъ, въ разрѣшеніи коихъ незамѣтно никакой послѣдовательности.

Граждане.

Пріобрѣтеніе права мѣстнаго гражданства подало поводъ къ двумъ замѣчательнымъ процессамъ, обнаружившимъ въ глазахъ правительства упорную исключительность привилегированныхъ сословій и недобросовѣстность городскаго начальства.

Процессъ Стейнгауера.

Въ 1752 г. магистратъ отказалъ рижскому обывателю, мачтовому браковщику Стейнгауеру въ пріемѣ его въ общество гражданъ, на томъ основаніи, что онъ былъ латышскаго происхожденія; проситель подалъ жалобу генералъ губернатору, потомъ въ Юстицъ-Коллегію, наконецъ въ Сенатъ, ссылаясь на статью полицейскаго устава 1652 г. (приведенную въ изложеніи правъ обывателей во второмъ періодѣ), свидѣтельствовавшую дѣйствительно въ его пользу. Не имѣя возможности перетолковать ее, магистратъ въ истребованныхъ отъ него объясненіяхъ вздумалъ объявить, что будто бы весь полицейскій уставъ, изъ котораго она была заимствована, никогда не имѣлъ силы закона и былъ не болѣе какъ проэктъ. Въ доказательство онъ приводилъ: 1) что уставъ этотъ очень не полонъ; 2) что подлиннаго списка его въ магистратскомъ архивѣ не находится; 3) что онъ не былъ утвержденъ ни городскими сословіями, ни верховною властью; 4) что его недавно лишь отыскали въ частномъ домѣ. Въ этихъ доводахъ, что слово, то явная ложь или недобросовѣстная увертка. Изъ всѣхъ городскихъ уставовъ, полицейскій есть полнѣйшій; въ архивѣ большой гильдіи находится доселѣ списокъ его безъ пропусковъ и съ означеніемъ года его составленія; изъ договора гражданъ

съ магистратомъ 2 сентября 1679 г. видно, что этотъ уставъ отосланъ былъ на высочайшее утвержденіе и слѣдовательно былъ предварительно одобренъ городскими сословіями; рижскіе городскіе статуты, автономическіе законы, екстрактъ или шраги большой гильдіи, составленныя около 1700 г., также никѣмъ утверждены не были; не менѣе того, магистратъ признавалъ ихъ законами; наконецъ магистратъ, въ рапортахъ генералъ-губернаторамъ при шведскомъ владычествѣ и при русскомъ, также большая гильдія въ своихъ протоколахъ, часто ссылались на полицейскій уставъ. Почти всѣ эти обстоятельства подробно изложены были въ рапортахъ генералъ-губернатора и Юстицъ-Коллегіи, единогласно полагавшихъ принять Стейнгауера въ общество гражданъ; не менѣе того, Сенатъ повѣрилъ на слово магистрату, призналъ ссылку на полицейскій уставъ недѣйствительною и отказалъ просителю [1]). Итакъ, магистратъ выигралъ дѣло, но этотъ обманъ не прошелъ ему даромъ.

Процессъ Эфлейна.

Въ 1767 г. возникло совершенно однородное дѣло. Нѣкто Эфлейнъ, бухгалтеръ, пріѣхавшій изъ-за границы и женившійся на племянницѣ того же Стейнгауера, изъявивъ желаніе вступить въ большую гильдію и получивъ отказъ какъ отъ гильдіи, такъ и отъ кемерейнаго суда и отъ магистрата, подалъ жалобу въ Сенатъ. Городскія присутственныя мѣста и большая гильдія оправдывали свой отказъ: во-первыхъ, тѣмъ, что Эфлейнъ не доказалъ, что онъ обучался бухгалтерству и что званіе бухгалтера еще не составляетъ искуснаго купца; во-вторыхъ, что онъ былъ женатъ на латышкѣ, а въ шрагахъ рижскаго мясничьяго цеха 1731 г. мясникамъ запрещено жениться на латышкахъ равно какъ и родному дядѣ ея Стейнгауеру сенатскимъ указомъ 1752 г. отказано было въ мѣщанскомъ правѣ, и потому, изъясняла гильдія, „несчастны будутъ его, Эфлейна, изъ сего брака прижитыя дѣти, потому что не можно будетъ объ нихъ свидѣтельствовать, что рождены отъ нѣмецкихъ вольныхъ родителей, а въ противномъ случаѣ большая гильдія имѣетъ претерпѣть сильную обиду и неугасимое безчестіе

[1]) Отрывокъ изъ сенатскаго указа доставленъ магистратомъ въ нѣмецкомъ переводѣ.

..... слава и обращеніе съ иностранными торговыми мѣстами по малу могутъ приходить въ упадокъ, если городъ принужденъ будетъ принимать въ мѣщанство и Латышей". Къ этому присовокуплялъ магистратъ, что торговымъ уставомъ 1690 г. предписано для рижскихъ уроженцевъ, до поступленія въ купеческое сословіе, проходить степени учениковъ и гезеллей, и потому было бы несправедливо освобождать иностранцевъ отъ этихъ обязанностей; наконецъ, что Эфлейнъ, вступивъ въ гильдію, вѣроятно, станетъ заниматься воспрещенною торговлею. Сенатъ подробно опровергнулъ всѣ сіи несправедливыя разсужденія и доказалъ: 1) что никакимъ закономъ опредѣлено не было требовать отъ вступавшихъ въ большую гильдію свидѣтельства объ изученіи торговли; 2) что жена вступаетъ въ мужнее достоинство, а не наоборотъ, и потому Сенатъ находилъ, что прописанное разсужденіе о Эфлейновой женѣ, не въ рабствѣ рожденной, коронаго мачтоваго браковщика Стейнгауера дочери, „для благоправнаго большой гильдіи мѣщанства весьма порочно, а еще порочнѣе ихъ ссылка на сочиненный мясничьимъ цехомъ въ 1737 г. шрагъ, который оными цехомъ написанъ для самихъ себя, а не въ законъ большой гильдіи; 3) что самый этотъ шрагъ ни съ какою справедливостью не сходствуетъ, чтобы неповинныхъ, закономъ рожденныхъ латышекъ ставить наряду съ незаконорожденными и въ порокахъ извѣстными женщинами; 4) что весьма не подлежало по примѣрнымъ дѣламъ имѣть разныхъ и противурѣчащихъ ссылокъ, какъ то по дѣлу о Стейнгаурѣ, въ 1752 г., рижскій магистратъ и мѣщанство сами отторгнули дѣйствіе полицейскаго устава 1548 г. затѣмъ, что монаршей конфирмаціи на оный уставъ нѣтъ, а по Эфлейнову дѣлу, большой гильдіи мѣщанство и безъ высочайшей конфирмаціи, дѣйствительнымъ закономъ принимаетъ мясничій шрагъ..... что само по себѣ для благоправнаго общества весьма странно". По всѣмъ симъ соображеніямъ, Сенатъ рѣшилъ: Эфлейна, немедленно по предъявленіи свидѣтельства о рожденіи и по заплатѣ имъ за записаніе въ мѣщанство подлежащихъ по законамъ денегъ, привести къ присягѣ и безъ дальнихъ отговорокъ записать въ мѣщанство большой гильдіи; а какъ черезъ это жена его

должна была сдѣлаться женою рижскаго мѣщанина, то ни ей, ни дѣтямъ ея не отказывать въ нужномъ случаѣ въ подлежащемъ свидѣтельствѣ объ ихъ происхожденіи отъ вольныхъ родителей. Относительно же общаго вопроса, Сенатъ находилъ, „что принятіе и умноженіе всякаго вѣрноподданнаго города способныхъ и достойныхъ мѣщанъ не состоитъ въ волѣ самого мѣщанства и ниже рижскаго магистрата, но неоспоримо есть право монаршее, коего на основаніи конфирмованныхъ правъ и привилегій соблюденіе возложено на начальство“, и потому повелѣлъ впредь въ Ригѣ при принятіи въ мѣщанство, поступать на основаніи высочайшаго манифеста 22 іюля 1763 г. и тамошнихъ (т. е рижскихъ) законовъ [1]).

Условія принятія въ общество гражданъ.

И такъ: 1) право безотчетнаго отказа въ принятіи въ общество гражданъ и въ гильдіи было отнято; 2) условіе предъявленія свидѣтельства объ изученіи торговли не было признано; 3) отмѣнены были оскорбительныя ограниченія, коимъ подвергались лица, вступавшія въ бракъ съ Латышками, и 4) велѣно было руководствоваться манифестомъ 22 іюля 1763 г., коимъ дано право всѣмъ иностранцамъ селиться во всѣхъ губерніяхъ, избирать города для своего мѣстопребыванія, записываться въ купечество, цехи и мѣщанство, по учиненіи присяги на вѣрность подданства. При этомъ, позволено было всѣмъ таковымъ, безъ изъятія, имѣть свободное отправленіе своей вѣры, строить церкви, пользоваться временною льготою въ платежѣ всякихъ податей и исправленіи службъ, изъятіемъ навсегда отъ рекрутства и разными выгодами [2]). Въ этомъ манифестѣ, столь противномъ всѣмъ рижскимъ учрежденіямъ, спеціально были поименованы Лифляндія и Эстляндія.

Въ первое двадцатилѣтіе XVIII столѣтія начали, въ противность закону, изданному при шведскомъ владычествѣ, принимать въ общество гражданъ пріѣзжихъ реформатскаго вѣроисповѣданія; въ 1719 г. двое изъ нихъ получили даже степень старшинъ [3]), слѣдовательно, передъ тѣмъ были приняты безпрепятственно въ братство, чего до сихъ поръ

[1]) Указъ 22 августа 1767 г (12967).—[2]) Манифестъ 22 іюля 1763 г. (11880).—[3]) Rigische Stadtblätter. 1824 г., № 39.

еще не удостоился ни одинъ гражданинъ православнаго вѣроисповѣданія.

Права гражданъ.

Права гражданъ испытали слѣдующія измѣненія:

1) По части собственности: въ аккордныхъ пунктахъ, заключенныхъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ съ лифляндскимъ дворянствомъ, было постановлено: „шляхетскія мастности впредь никому, кромѣ лифляндскихъ шляхтичей, покупать не вольно будетъ, и которыя противно сему проданы, шляхтичамъ же выкупать". Едва оправившись отъ шведской редукціи, дворянство, такъ громко проклинавшее ее, воспользовалось первою благопріятною минутою для того, чтобы похитить у гражданъ историческое право и, придавъ новому закону обратное дѣйствіе, подвергнуть ихъ имѣнія конфискаціи, не опредѣляя даже срока [1]). Но въ аккордныхъ пунктахъ, заключенныхъ съ городомъ, въ то же самое время было обѣщано оставленіе всѣхъ гражданъ и жителей, шляхетныхъ и не шляхетныхъ, какъ истари водилось, при ихъ мастностяхъ, привилегіяхъ, правахъ, владѣніи, какъ въ городѣ, такъ и внѣ онаго и въ уѣздахъ (п. 7). Слѣдовательно, и граждане получили положительное обезпеченіе своего права отъ правительства. Не довольствуясь исключительнымъ правомъ покупать и выкупать имѣнія, дворянство кромѣ того просило предоставленія шляхетству къ пользованію и арендами коронныхъ мастностей предпочтенія, а наипаче предъ гражданами рижскими; но въ резолюціи на этотъ пунктъ сказано просто: „аренды государственныхъ мастностей шляхетству предоставляются"; въ отвѣтѣ на меморіалъ 1712 г.: „шляхта имѣетъ всегда прежде гражданъ къ арендамъ до публичныхъ мастностей допущена быть, однакожъ Его Царское Величество и оныхъ гражданъ обидѣть не хочетъ, которымъ отъ короны шведской публичныя мастности подъ закладъ отданы". Впослѣдствіи однако же, несмотря на всѣ усилія гражданъ и вопреки яснымъ, неопровержимымъ доказательствамъ, изложеннымъ въ представленіяхъ ихъ высшему правительству, указомъ правительницы Анны Леопольдовны 18 января 1741 года не только

[1]) Отъ слова „Едва" до „срока" въ изданіи 1852 г. опущено. *Прим. изд.*

признано было исключительное право дворянъ на арендное владѣніе, но даже велѣно было немедленно отобрать у гражданъ всѣ казенныя имѣнія, отданныя имъ по указамъ. Впрочемъ, практика долго смягчала строгость этихъ законовъ, и граждане до учрежденія намѣстничествъ продолжали по прежнему покупать имѣнія, хотя и подвергались выкупу ихъ дворянами за продажную цѣну, въ теченіе года шести недѣль и трехъ дней.

Исключительнымъ правомъ имѣть недвижимую собственность въ стѣнахъ города (кромѣ дворянъ, которые также получили его при шведскомъ владычествѣ) граждане пользовались до временъ императрицы Екатерины II.

2. По части промысловъ, торговли: много было подано жалобъ въ началѣ русскаго владычества какъ дворянами, такъ и купцами, русскими и иностранными, въ особенности же Англичанами, противъ рижскихъ мѣстныхъ законовъ и обычаевъ, и было издано много указовъ, одинъ другому противорѣчащихъ. Наконецъ, обнародованнымъ въ 1765 г. уставомъ о рижской коммерціи, всѣ спорные пункты были подробно разрѣшены.

Основныя права рижскихъ гражданъ по части торговли (изложенныя во второмъ періодѣ) были сохранены, съ слѣдующимъ однако же изъятіемъ: иностраннымъ купцамъ позволено было перепродавать, съ разрѣшенія веттгерихта, купленные ими на мѣстѣ товары, если, за неприбытіемъ кораблей, или по другимъ причинамъ они не въ состояніи будутъ ихъ отправить; вывозить обратно нераспроданные товары; впредь до исполненія возложенной на городъ обязанности выстроить для склада иностранныхъ товаровъ пакгаузъ, позволено гостямъ нанять удобный амбаръ въ городѣ, гдѣ сами захотятъ; имѣть свободный входъ въ складочныя мѣста, для осмотра своихъ товаровъ; оставаться въ Ригѣ неограниченное время и, въ наемныхъ квартирахъ, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Запрещено было таможеннымъ служителямъ производить валовой торгъ; всѣмъ вообще браковщикамъ, важникамъ и прочимъ торговымъ служителямъ—торговать предметами, подлежавшими ихъ осмотру; все то, что сіи служители каждый въ свою пользу само-

вольно присвояли, было отмѣнено, такъ же какъ и магистратское учрежденіе о конфискованіи въ госпиталь неочищенныхъ сельдей. Для защиты крестьянъ издано было нѣсколько законовъ, по которымъ можно судить о томъ, какъ обращалось съ ними рижское купечество, напримѣръ: не принуждать крестьянина къ уплатѣ долговъ, числившихся на прежнихъ, живш'ихъ въ занимаемомъ имъ дворѣ поселянахъ, если онъ не наслѣдникъ ихъ; ликвидацію крестьянскихъ долговъ чинить магистрату безъ замедленія и взятокъ; мѣщанамъ, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа, не принуждать пріѣзжающихъ въ Ригу крестьянъ съ товарами къ уплатѣ долговъ, подъ побоями и наглостью; мѣщанамъ, скупающимъ у крестьянъ товары, ни мало не принуждать послѣднихъ брать обратно товары только у нихъ самихъ.

Постановленія, относящіяся до Русскихъ, изложены будутъ въ особой статьѣ. Вообще автономическіе законы города Риги во всемъ, касавшемся до торговли, были признаны за недѣйствительные (между тѣмъ, они были перепечатаны при послѣднемъ изданіи рижскихъ статутовъ и доселѣ прочитываются въ Михайловъ день съ балкона ратуши); шведскій же веттный уставъ 1690 г., во сколько онъ касался до иностранныхъ купцовъ, оставленъ былъ въ силѣ, „пока Ея Императорское Величество по временамъ и обстоятельствамъ за благо усмотрѣть соизволитъ что-либо въ ономъ отмѣнить, дополнить и убавить.“ Впрочемъ, магистратъ, въ дѣлѣ торговли, какъ и въ другихъ частяхъ, не скоро отказался отъ притязанія измѣнять отъ себя установленный закономъ порядокъ. Такъ, въ 1769 г., въ противность указу Коммерцъ-Коллегіи, онъ обложилъ портовою пошлиною русскіе товары, отправляемые изъ Петербурга черезъ Ригу за границу, и генералъ-губернаторъ Браунъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, явился защитникомъ произвольнаго распоряженія, за что и получилъ отъ Сената замѣчаніе [1]).

Въ 1783 г., вслѣдъ за указомъ объ устройствѣ рижской губерніи, введены были гильдейскія пошлины съ капиталовъ.

[1]) Указъ 9 іюля 1769 года (13312).

Пивоваренiе, по силѣ торговаго устава, отнято было у купцовъ и ремесленниковъ и оставлено какъ спецiальное преимущество оскудѣвшихъ гражданъ, ихъ вдовъ и сиротъ; т. е. пивоваренная компанiя получила привилегiю на свое кормленiе, но была обязана съ 1710 г. и на будущее время представлять генералъ губернатору счетъ ежегодныхъ доходовъ отъ пошлины съ каждой пуры переваренаго солода. Дворянамъ оставлено было право привозить изъ имѣнiй своихъ въ Ригу пиво и простое вино, не хуже полугарнаго, при томъ съ уплатою пошлинъ.

Во всѣхъ прочихъ частяхъ, прежнiя права гражданъ не испытали никакихъ перемѣнъ; нѣкоторыя новыя преимущества, напримѣръ по службѣ гражданской и военной, были имъ дарованы вслѣдствiе совершеннаго уравненiя ихъ въ правахъ съ коренными подданными имперiи.

Большая Гильдiя.

Конецъ борьбы съ старшинами.

Вражда членовъ гильдiи съ старшинами, доходившая до послѣдней крайности въ концѣ XVII вѣка, почти потухла, не потому, чтобы обѣ партiи остались довольны своимъ положенiемъ, а вслѣдствiе какого-то утомленiя и сознанiя простыхъ братьевъ, что ихъ усилiя безполезны. Впрочемъ, они еще нѣсколько разъ предъявляли требованiя, напримѣръ: въ 1715 г. хотѣли, чтобы имъ позволено было при выборахъ въ степень старшинъ, представлять нѣсколько разъ сряду однихъ и тѣхъ же кандидатовъ; въ 1742 г., чтобы срокъ службы эльтермана былъ увеличенъ до 10 лѣтъ, и чтобы ему сдѣлана была прибавка въ жалованьѣ. Ни одно изъ этихъ предположенiй не было принято старшинами, а гильдiя не настаивала.

Условiя прiема.

Нѣсколько разъ возбуждался вопросъ о томъ: можно ли принимать въ братство католиковъ и реформатовъ. Въ 1725 г. приняли католика, но только потому, что жена его и дѣти были лютеране; вообще закона на это не было, и все зависѣло отъ доброй воли братьевъ. Хозяйственныя дѣла большой гильдiи, судя по протоколамъ, находились въ страшномъ безпорядкѣ: довѣренныя лица, управлявшiя выгономъ и различными капиталами, не представляли счетовъ, или же пред-

Положенiе дѣлъ хозяйственныхъ.

ставляли неудовлетворительные; архивъ былъ въ жалкомъ положеніи: сами члены гильдіи не знали какими шрагами они должны руководствоваться, ссылались то на старыя изданія, то на новыя. Вообще участіе гражданъ къ дѣламъ сословія видимо хладѣло.

Охлажденіе гражданъ къ дѣламъ.

Въ 1735 г. на собраніи мясопустной недѣли граждане объявили чрезъ своего докмана, что они не намѣрены подавать жалобъ (Fastnachts-Klagen) какъ требовалъ того обычай, зная по долголѣтнему опыту, что это ни къ чему не ведетъ; такъ прошло нѣсколько лѣтъ; случалось также, что старшины, для того только, чтобы поддержать обычай, сочиняли жалобы отъ себя и предлагали ихъ магистрату: въ нихъ обыкновенно повторялось одно и то же, и даже форма изложенія почти не измѣнялась.

О совѣщаніяхъ по общественнымъ дѣламъ остается повторить то, что объявилъ во всеуслышаніе гильдіи ельтерманъ ея 26 февраля 1739 г. Онъ произнесъ привѣтственную рѣчь на ту тему, что гильдейскія собранія весьма близко подходятъ къ польскимъ сеймамъ, на которыхъ члены, мертвецки пьяные, долго толковали, а одного не позволяемъ, достаточно было, чтобы лишить силы ихъ приговоръ; „однако, говоритъ ельтерманъ въ заключеніе, наши собранія все таки нѣсколько лучше“ [1]).

О малой гильдіи и о цехахъ — разсматриваемый нами отдѣлъ времени не представляетъ никакихъ любопытныхъ извѣстій.

Обыватели.

Притѣсненія со стороны гражданъ.

При заключеніи аккордныхъ пунктовъ, фельдмаршалъ Шереметевъ вписалъ отъ себя: „по сдачѣ и занятіи города, каждому позволено будетъ, по желанію, обезпечить свое пропитаніе и заняться промысломъ“. Въ этихъ словахъ заключался для простыхъ обывателей залогъ лучшей будущности; но они не скоро ея достигли; напротивъ, въ первыхъ годахъ русскаго владычества, имѣвъ неосторожность проявить свои надежды на ожидаемое ими заступничество со стороны вер-

[1]) Все это заимствовано изъ протоколовъ большой гильдіи, № 19 и 20.

ховной власти, они этимъ самымъ удвоили противъ себя ожесточеніе гражданъ. Всѣ старые воспретительные законы, въ разныя времена противъ нихъ изданные и уже давно смягченные практикою, были обновлены и введены въ силу, такъ что они подверглись гоненію въ полномъ смыслѣ этого слова.

Въ 1735 г. всѣмъ форштатскимъ обывателямъ, въ томъ числѣ и гражданамъ, жившимъ за городскими стѣнами, строго запрещено было заниматься торгомъ, какимъ бы то ни было.

Въ 1736 г. у цеховыхъ латышскаго происхожденія: носильщиковъ, лигеровъ, фурмановъ и проч., отнято было право кружечной продажи. Они подали жалобу губернскому начальству, которое предписало магистрату и обѣимъ гильдіямъ дать на нее объясненіе, и въ то же время воздержаться отъ оскорбленій, ругательствъ и угрозъ, которымъ подвергались просители. Городское начальство изъясняло, что послѣдніе безъ всякаго основанія, по одной своей злобѣ и надменности, вопреки утвержденнымъ привилегіямъ, осмѣливались затѣвать преступное и дерзкое возстаніе, даже осмѣливались равнять себя съ гражданами, что по этому они заслуживали наказанія; наконецъ, что оскорбленія, будто бы имъ наносимыя, выдуманы ими по враждебной ихъ страсти къ жалобамъ, а въ доказательство этого магистратъ приводилъ, что ни одинъ изъ нихъ не приносилъ ему на то жалобъ. Губернское начальство этимъ удовольствовалось, и магистратъ началъ дѣйствовать еще смѣлѣе.

Запрещеніе обывателямъ владѣть землею.

Въ 1738 г., по требованію гильдій, онъ издалъ предписаніе, по которому всѣ обыватели финскаго происхожденія обязаны были въ годъ и день срока продать гражданамъ всѣ свои наслѣдственные или купленные ими участки земли (Erbgründe). Прошелъ годъ, и началась конфискація. Латыши вошли съ представленіемъ въ магистратъ, но получили отказъ. Генералъ-губернаторъ заступился за нихъ, и тогда магистратъ представилъ ему, 4 мая 1739 г., объясненіе, въ которомъ онъ безъ оговорокъ изъяснялъ, что городъ, *со времени основанія своего*, имѣлъ въ виду двѣ цѣли: развитіе сословія гражданъ и стѣсненіе обывателей финскаго

происхожденія и иностранцевъ, и что право пріобрѣтенія недвижимой собственности въ городскихъ владѣніяхъ (in der Stadt-Juridiction — слѣдовательно не только въ городѣ, но въ предмѣстьѣ и въ округѣ) разсматривалось всегда какъ исключительное преимущество гражданъ; что обывателямъ финскаго происхожденія, въ силу неоднократно повторенныхъ предписаній, были воспрещены всѣ безъ изъятія городскіе промыслы и кормленія, какъ-то: торгъ, ремесла, даже кружечная продажа, а магистратскимъ протоколомъ 4 іюня 1684 г. пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ форштатахъ, „слѣдовательно, какъ разсуждалъ магистратъ, и вообще въ городскихъ владѣніяхъ“. Замѣчательно, что въ то самое время какъ магистратъ такъ безстыдно нарушалъ право собственности, онъ же протестовалъ противъ права выкупа имѣній у гражданъ, которое присвоивало себѣ дворянство.

Въ 1742 г. цеховые латышскаго происхожденія, русскіе обыватели и нижніе военные чины просили, чтобы имъ позволили пользоваться городскимъ выгономъ за деньги, — магистратъ имъ въ этомъ отказалъ.

Объясненіе магистрата.

Между тѣмъ, обыватели, по поводу продолжавшейся конфискаціи ихъ недвижимой собственности, подали жалобу на высочайшее имя; она, какъ видно, препровождена была къ генералъ-губернатору, который потребовалъ отъ магистрата подробнаго объясненія. Оно находится въ приложеніяхъ къ протоколамъ большой гильдіи; годъ не означенъ, но содержаніе и тонъ его такъ замѣчательны, что мы не считаемъ излишнимъ привести изъ него нѣсколько отрывковъ. Магистратъ изъяснялъ, что онъ отнюдь не удостоилъ бы опроверженія доводовъ, приводимыхъ Латышами, если бы не имѣлъ въ виду разъяснить дѣло генералъ-губернатору; что показаніе просителей: будто распоряженіе магистрата лишаетъ ихъ собственности и приводитъ ихъ въ состояніе крѣпостныхъ, есть дерзкая клевета, ибо городское начальство въ этомъ случаѣ поступило на основаніи привилегій и сообразно съ справедливостью; что просителямъ оставлено свободное владѣніе ихъ домами и садами на участкахъ, принадлежащихъ городу или частнымъ лицамъ, по тѣхъ поръ,

пока они будутъ платить исправно грунтовую пошлину. Вообще магистратъ не отрицалъ у нихъ права владѣнія недвижимою собственностью quoad superficiem, но не позволялъ имъ пріобрѣтать въ собственность земли, на которой дома ихъ были выстроены, а грунтовую пошлину (т. е. налогъ на землю) называлъ платою за наемъ земли. Далѣе, магистратъ удивлялся, почему просители напрасно брали на себя трудъ доказывать, что они не крѣпостные, а вслѣдъ за тѣмъ сознавалъ, что хотя всѣ крѣпостные люди пользовались правомъ на своихъ свадьбахъ и крестинахъ варить пиво для домашняго употребленія, и хотя шведскій генералъ-губернаторъ даровалъ рижскимъ обывателямъ то же преимущество, за оказанныя ими во время войны услуги; но магистратъ имъ въ томъ отказалъ, потому что это было противно городскимъ привилегіямъ; слѣдовательно, положеніе ихъ было хуже положенія крѣпостныхъ. Далѣе: обыватели, какъ недостойные по своему происхожденію званія гражданъ, не могутъ пользоваться правами, предоставленными послѣднимъ, ибо, хотя предки Латышей и другихъ крестьянъ, пришедшихъ въ городъ, и были изъяты изъ крѣпостнаго состоянія, съ цѣлью удержать ихъ въ городѣ, какъ людей необходимыхъ для успѣховъ торговли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще въ древнія времена изданы были спасительныя предписанія, доселѣ исполняющіяся, по которымъ они, какъ люди, привыкшіе къ рабскимъ занятіямъ, обязаны были навсегда чистить мосты, городскіе валы, ворота, возить пушки, разводить и наводить плавучій мостъ, и т. д., притомъ безвозмездно; и это, по словамъ магистрата, сдѣлано было именно съ тою цѣлью, дабы они (подобно просителямъ) не забывали своего происхожденія, не добивались преимуществъ, гражданамъ предоставленныхъ, но помнили бы вѣчно, что они рабы. Въ доказательство своихъ правъ на пріобрѣтенные ими участки земли, Латыши приложили нѣсколько купчихъ крѣпостей, заключенныхъ ими въ городскихъ судахъ; магистратъ не отрицалъ ихъ подлинности, но утверждалъ, что эти акты вовсе для него не обязательны, ибо во-первыхъ: заключены нижними судами, безъ предварительныхъ публикацій, не были никѣмъ оспорены, не были извѣстны магистрату, ни

утверждены имъ; во-вторыхъ, рѣшеніе засѣдателей нижнихъ судовъ, у которыхъ древніе законы не всегда бываютъ подъ рукою, изданное по стачкѣ съ просителями, можетъ быть обязательно только до тѣхъ поръ, пока заинтересованныя лица не предъявятъ спора, и недостаточно для отмѣны привилегіи цѣлаго общества; въ третьихъ, еслибы, какъ утверждали Латыши, оказалось, что дѣйствительно нѣкоторыя лица нѣмецкаго происхожденія, но неприписанныя къ обществу гражданъ, владѣли купленными участками земли, то магистратъ не откажется лишить и ихъ этого права. Далѣе мы читаемъ: вмѣсто того, чтобы упрекать другихъ, просители должны бы сами были довольствоваться богатыми, предоставленными имъ средствами содержать себя (an ihrem reichlichen Auskommen) и не посягать на привилегіи гражданъ, тѣмъ болѣе, что первые живутъ на счетъ послѣднихъ, вѣрными средствами выманивая у нихъ деньги, тогда какъ послѣдніе, въ торговыхъ дѣлахъ, безпрестанно рискуютъ потерею всего своего имущества. Къ тому же нельзя позволить Латышамъ покупать участки земли потому уже, что тогда должно было бы навсегда отказаться отъ надежды видѣть когда либо форштаты населенными гражданами, какъ то было въ старину; ибо, при ежедневномъ возрастаніи благосостоянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ дерзости и гордости Латышей, они присвоили бы себѣ всѣ пустыя мѣста и лишили бы бѣдныхъ гражданъ всякой возможности пріобрѣтать себѣ дома и снискивать себѣ и семействамъ своимъ пропитаніе. Повторивъ еще разъ, что онъ изъ одного уваженія къ генералъ-губернатору вдался въ эти объясненія, магистратъ оканчивалъ изъявленіемъ надежды, что какъ просители, такъ и написавшій имъ просьбу будутъ наказаны за оскорбленіе, которое не устыдились нанести своему начальству. Наконецъ, вотъ что пишетъ въ своихъ запискахъ Нейдаль, заклятой врагъ всякихъ улучшеній и слѣпой защитникъ всего древняго муниципальнаго устройства: „Нельзя отрицать, что искони чрезвычайно затрудняли свободнымъ Латышамъ повышеніе въ ихъ состояніи. Всеобщее предубѣжденіе противъ этого племени тяготѣло на немъ[4]. Послѣ этихъ свидѣтельствъ, всякаго рода комментаріи кажутся излишними.

Въ одно время съ гильдейскими пошлинами, введена была въ Ригѣ и подушная подать.

Взаимныя отношенія и совокупная дѣятельность городскихъ сословій.

Замираніе общественнаго духа.

Въ ходѣ дѣлъ общественныхъ и въ отношеніяхъ городскихъ сословій другъ къ другу замѣтно было такое же безучастіе, такое же замираніе духа общественнаго, какъ и въ большой гильдіи. Вмѣсто прежнихъ жаркихъ споровъ, среди которыхъ вырабатывались административныя улучшенія, мы находимъ цѣлый рядъ скучныхъ совѣщаній безъ результатовъ, пустыя придирки, мелочныя распри о томъ напримѣръ: должны ли ельтерманы брать шагъ передъ магистратскими секретарями или наоборотъ; можетъ ли малая гильдія посылать депутатовъ въ Петербургъ на коронаціи; должны ли ельтерманы присутствовать при ежегодномъ поднесеніи подарка генералъ-губернатору, и т. п. Живое участіе пробуждалось только, когда дѣло доходило до обывателей — мы видѣли, къ чему оно вело.

Плохое состояніе финансовъ.

Само собою разумѣется, что при этомъ городское финансовое управленіе не могло процвѣтать. Истощеніе городской кассы сдѣлалось общимъ мѣстомъ, повторявшимся во всѣхъ совѣщаніяхъ, и граждане находили даже удобнымъ пользоваться имъ для отклоненія требованій правительства о содержаніи гарнизона, чисткѣ улицъ, учрежденіи хлѣбнаго магазина, и т. д.; но мало заботились о поправленіи своихъ средствъ. Въ 1714 г. обнаружилось, что въ продолженіе двухъ лѣтъ не было ни одного засѣданія въ экстраординарной или нижней Касса-Коллегіи; въ 1737 г., что съ помощника нотаріуса отъ гражданъ при этой кассѣ брали не ту присягу, которой требовалъ законъ: старшины изумились, магистратъ сознался въ подлогѣ, и дѣло тѣмъ кончилось.

Безпрестанные отказы гражданъ на самыя неотлагательныя требованія правительства и худое исправленіе государственныхъ повинностей обратили его вниманіе на городское финансовое управленіе, вскорѣ послѣ завоеванія Риги.

Вмѣшательство правительства.

Въ 1720 г. 23 февраля, Петръ I писалъ въ Ригу бургомистрамъ и ратсгерамъ: „Паслышавшись досыта о безпорядкахъ въ предоставленномъ вамъ управленіи по дѣламъ, касающимся до нашего интереса, и въ особенности о небрежности, неосмотрительности и вялости вашей въ починкѣ и постройкѣ укрѣпленій, въ содержаніи гарнизона, артиллеріи, аммуниціи, военной прислуги и т. д., чего, при угрожающемъ продолженіи войны съ Швеціею, нашъ интересъ терпѣть не можетъ, мы объявляемъ вамъ симъ повелѣніемъ, чтобы вы исполняли распоряженія нашего генералъ-губернатора князя Репнина, которому отъ насъ управленіе всѣми означенными предметами поручено“ [1]). Въ 1721 г. 18 мая, состоялся указъ по тому же предмету: „Узнавъ, что денежные доходы, вами получаемые, не всегда употребляются на тѣ предметы, на которые они ассигнованы, и что вы, въ содержаніи городскихъ укрѣпленій и по другимъ важнымъ повелѣніямъ, оказываете небрежность, мы, хотя и дозволяемъ вамъ сохранять у себя денежные городскіе доходы, однако при этомъ повелѣваемъ вамъ, безъ предварительнаго увѣдомленія генералъ-губернатора, не распоряжаться ими и не употреблять ихъ на что бы то ни было; кромѣ того, представлять ему ежемѣсячно отчеты за вашею подписью о таковыхъ денежныхъ расходахъ и доходахъ“. Этотъ указъ подтвержденъ 22 декабря 1725 г. [2]).

Въ 1728 г. указомъ 12 сентября повелѣно: „Казну содержать магистрату въ доброй диспозиціи, и изъ оной городовое строеніе и фортификаціи и прочія всѣ починки и потребности исправлять съ вѣдома и требованія генералъ-губернатора и о тѣхъ приходахъ и расходахъ, по окончаніи года, генералъ-губернатору рапортовать“ [3]). Въ 1731 г. 3 марта, подтверждено представлять подробные отчеты [4]): видно, что въ Ригѣ, подобно какъ въ Ревелѣ, хотѣли отдѣлаться сообщеніемъ общихъ итоговъ.

Передъ этимъ еще, въ 1727 г., князь Меншиковъ обнаружилъ намѣреніе преобразовать управленіе городской кассы; магистратъ и гильдіи испугались этого, послали въ Петербургъ депутата, который истратилъ болѣе 36,731 рейхсъ-

[1]) Этотъ указъ, равно какъ и слѣдующій, переведены почти слово въ слово съ нѣмецкаго текста, ибо русскаго подлинника въ Полномъ Собраніи Законовъ не оказывается.—[2]) № 4817.—[3]) № 5331.—[4]) № 5708.

талеровъ. „По этому случаю, сказано въ гильдейскихъ протоколахъ. что городское начальство, не имѣя болѣе права свободнаго распоряженія доходами, должно было обратиться къ президенту Исаеву съ просьбою позволить уплачивать расходы депутата изъ городской кассы“; но Исаевъ не только отказалъ на этотъ разъ и впредь на всѣ подобные случаи, но даже велѣлъ вызвать депутатовъ изъ Петербурга и изъ Стокгольма; не менѣе того, депутаты оставались въ этихъ городахъ еще долго, а расходы ихъ были выплачены изъ кассы.

Уставомъ о рижской коммерціи подтверждено было ежегодное представленіе отчетовъ начальнику губерніи. Итакъ. два лица. генералъ-губернаторъ и президентъ магистрата, имѣли надъ Касса-Коллегіею прокурорскую власть; но ихъ просто не слушались. Къ тому же, должность президента не долго существовала, а графъ Браунъ конечно не слишкомъ строго наблюдалъ за дѣйствіями городскаго начальства.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что древнія средневѣковыя начала рижскаго муниципальнаго устройства, къ половинѣ XVIII вѣка, окончили полный кругъ своего развитія; что отъ магистрата, большой и малой гильдій, нельзя было ожидать никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ, потребности коихъ они даже не выражали. Между тѣмъ, недостаточность существовавшаго устройства ясно обнаружилась: во-первыхъ, въ употребленіи во зло магистратомъ права самопзбранія и власти, принадлежавшей ему какъ сословію; во-вторыхъ, въ систематическомъ угнетеніи обывателей; въ-третьихъ, въ дурномъ управленіи.

Итакъ, коренное преобразованіе было необходимо и его никто не могъ совершить, кромѣ самого правительства.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Введеніе Городоваго Положенія.

1784—1796.

Древнее муниципальное устройство города Риги отмѣнено было не вдругъ, а постепенно. Императрица Екатерина II,

Учрежденіе Рижской губерніи.

кажется, имѣла цѣлью убѣдить самихъ Рижанъ и вообще всѣхъ Остзейцевъ въ превосходствѣ ея учрежденій передъ старымъ порядкомъ. Въ 1783 г. учреждена была на общемъ основаніи Рижская губернія, при чемъ рижскій магистратъ оставленъ былъ при прежнемъ его устройствѣ, но подчиненъ вновь учрежденному губернскому магистрату, „чѣмъ, какъ сказано въ именномъ указѣ, еще вящше распространены преимущества тѣхъ городовъ (т. е. Риги и Ревеля), поколику на основаніи учрежденій выборомъ засѣдателей и изъ нихъ толь знатное мѣсто составлено будетъ". Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ велѣно было руководствоваться мѣстными законами и привилегіями [1]). Но несовмѣстность городской конституціи съ новыми учрежденіями не могла укрыться. Въ журналѣ, издававшемся въ то время въ Ригѣ, выражены были опасенія на счетъ сохраненія высокаго жалованья бургомистровъ и ратгеровъ, равно какъ и притязаній магистрата на право смертной казни и недопущенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ аппелляціи на его рѣшенія. Однако дворянство и города отправили въ Петербургъ депутатовъ съ изъявленіемъ всеподданнѣйшей благодарности. Императрица приняла ихъ благосклонно, изъяснялась съ ними по-русски, а такъ какъ они отозвались непониманіемъ, то повелѣно было перевести для нихъ высочайшій отвѣтъ на нѣмецкій языкъ [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ, указомъ 14 ноября, повелѣно было: „Дабы ни городской магистратъ, ниже другое какое либо мѣсто не дѣлало затрудненій прокурорамъ или стряпчему входить въ оное, когда пристойно, и освѣдомляться о томъ, что для пользы службы имъ знать нужно, въ чемъ и не можетъ почитаема быть ни малѣйшая отмѣна или нарушеніе привилегій или законовъ тамошнихъ" [3]). Указами 5 апрѣля и 4 сентября 1784 г. и 4 сентября 1785 г. отмѣнены были всѣ акциденціи, получаемыя судьями и канцелярскими чиновниками, введено было въ училищахъ преподаваніе русскаго языка, безъ котораго знанія и употребленіе въ должности весьма неудобно, и велѣно выборы въ

[1]) № 15,775, 15,776.—[2]) Nordische Misc. 1784 года. № 8.—[3]) № 15,873.

магистраты ревельскій и рижскій производить на основаніи Городоваго Положенія [1]). Въ то же время, спрошено было общество гражданъ, желаетъ ли оно введенія этого положенія во всѣхъ его частяхъ. Объ этомъ совѣщаніи Нейендаль разсказываетъ, что будто бы согласіе большой гильдіи было вынуждено силою и доказываетъ это тѣмъ, что докманъ объявилъ данное ему графомъ Брауномъ приказаніе записать и представить ему имена гражданъ, которые изъявятъ противное мнѣніе: это можетъ быть справедливо, но вовсе не заключало въ себѣ угрозы. Малая же гильдія громко изъявила свое согласіе. Изъ всего этого видно, что уже въ то время существовала въ самомъ обществѣ гражданъ партія, желавшая Городоваго Положенія. Вслѣдъ за этимъ, воспослѣдовалъ первый, до насъ не дошедшій, указъ о введеніи онаго и другой указъ 5 іюня 1786 г., коимъ повелѣно: „Въ запискѣ желающихъ въ мѣщане и купечество поступать сходственно Городовому Положенію и другимъ узаконеніямъ и указамъ, въ чемъ и не можетъ общество городское отказать, если желающій, при добромъ и безпорочномъ поведеніи, имѣетъ и прочія качества, мѣщанину и купцу принадлежащія; въ случаѣ же затрудненія о томъ отъ общества городскаго, приноситъ жалобу генералъ-губернатору и губернскому правленію, дабы они могли то приказаніемъ своимъ исправить по законамъ. Полицію учредить въ Ригѣ на основаніи Устава о благочиніи“ [2]). Введеніе Городоваго Положенія.

Но противная партія, во главѣ которой стоялъ магистратъ, въ прошеніи на Высочайшее имя, ходатайствовала о дозволеніи приспособить новое учрежденіе къ старымъ привилегіямъ — т. е. вовсе не исполнять перваго. На это воспослѣдовало отъ правительства требованіе точнѣйшаго обозначенія тѣхъ измѣненій въ общемъ законѣ, которыхъ граждане требовали на основаніи своихъ привилегій. Итакъ, защитникамъ старины дана была полная возможность принять самостоятельное участіе въ преобразованіи. Казалось бы лучшимъ къ тому средствомъ было представить отъ себя проэктъ новаго муниципальнаго устройства, соглашенный по

[1]) №№ 15,979, 16,055, 16,056, 16,256. [2]) № 16,404

возможности съ древними учрежденіями, пожертвовать тѣми изъ нихъ, которыя были признаны вредными, и за тѣмъ уже ходатайствовать объ оставленіи того, что еще можно было надѣяться удержать. Но слѣпое пристрастіе къ старинѣ не допустило до этого. Магистратъ и его партія отправили въ Петербургъ меморіалъ на высочайшее имя, въ которомъ, благодаря государыню за дарованіе городу Ригѣ тѣхъ самыхъ правъ и милостей, которыя ея величество соизволила излить на прочихъ своихъ подданныхъ, они испрашивали, по причинѣ особыхъ торговыхъ связей Риги со всѣми европейскими портами, нѣкоторыхъ перемѣнъ въ Городовомъ Положеніи, а именно слѣдующихъ пунктовъ: 1) Сохранить прежнее раздѣленіе городскаго общества на магистратъ, большую и малую гильдіи, и прежній порядокъ въ городскихъ собраніяхъ. 2) Членовъ магистрата избирать не на три года, а на всю жизнь, городскаго же головы вовсе не избирать, такъ какъ всѣ возложенныя на него обязанности будто бы лежали на первоприсутствующемъ бургомистрѣ. 3) Въ большую гильдію принимать не всякаго, кто капиталъ объявитъ, а только гражданъ, представившихъ установленное свидѣтельство объ изученіи торговли; всѣмъ членамъ большой гильдіи предоставить равныя права по торговлѣ, безъ различія торговыхъ гильдій. 4) Сохранить прежній порядокъ управленія городскимъ имуществомъ и цеховое устройство; не дозволять рижскимъ гражданамъ заниматься въ одно время ремеслами и торговлею. 5) Не учреждать въ Ригѣ ни общей, ни шестигласной думы. 6) Освободить городъ отъ рекрутской повинности, денежной и натуральной. Съ своей стороны, магистратъ, „желая доказать (по словамъ Нейендаля) свое безкорыстіе и отсутствіе всякихъ личныхъ побужденій", изъявлялъ готовность пожертвовать правомъ самоизбранія, которое было уже у него отнято, и правомъ рѣшать дѣла безъ апелляціи, котораго онъ не имѣлъ со времени шведскаго владычества, иными словами: въ то время какъ правительство намѣревалось измѣнить все, магистратъ ничего лучшаго не придумалъ, какъ просить о томъ, чтобы не измѣняли ничего. Это новое, разительное доказательство его неспособности или

упорнаго нежеланія произвести преобразованіе [1]), убѣдило правительство въ необходимости ввести его отъ себя, и потому просьба Рижанъ оставлена была безъ отвѣта, вмѣсто котораго воспослѣдовалъ сенатскій указъ 7 августа 1786 г. намѣстническому правленію (не помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ, но поименованный въ указѣ [2]) Сената 12 октября 1787 г.), „дабы сіи Высочайшія положенія (т. е. Дворянская Грамота и Городовое Положеніе) въ самоскорѣйшемъ времени выполнены и приведены были въ настоящее свое дѣйствіе, и чтобъ во всякомъ случаѣ безъ самомалѣйшаго изъятія поступали по точнымъ словамъ тѣхъ высочайшихъ узаконеній". Граждане хотѣли было войти съ новымъ представленіемъ, „но тонъ этого указа показался имъ слишкомъ грознымъ (пишетъ Нейендаль), и они одумались"; въ томъ же году намѣстническое правленіе донесло Сенату объ исполненіи воли высшаго правительства.

Измѣненія въ рижскомъ городскомъ устройствѣ.

Считая излишнимъ излагать въ подробности Городовое Положеніе императрицы Екатерины, какъ всѣмъ извѣстное, мы укажемъ только на существенныя измѣненія, имъ произведенныя, какъ въ сословномъ устройствѣ, такъ и въ управленіи, въ томъ видѣ, въ какомъ то и другое примѣнено было въ Ригѣ [3]). Первое и самое важное заключалось въ упраздненіи рѣзкаго раздѣленія между привилегированнымъ обществомъ гражданъ и классомъ терпимыхъ обывателей. То и другое слито было въ одно городское общество, или общество обывателей, т. е. лицъ, принадлежащихъ къ среднему сословію и записанныхъ въ городской обывательской книгѣ. Право гражданства, по древнимъ рижскимъ законамъ, было личное и не передавалось отъ отца къ сыну; напротивъ, по Городовому Положенію, званіе мѣщанина или члена городскаго общества признано было наслѣдственнымъ.

Магистратъ утратилъ значеніе сословія, и вмѣсто прежняго дѣленія городскаго общества, введено новое, на: 1) городскихъ настоящихъ обывателей, владѣющихъ въ городѣ домами и землею; 2) вписавшихся въ одну изъ трехъ гильдій; 3) це-

[1]) Въ изданіи 1852 г. отъ словъ „иными словами" до „преобразованіе" опущено и вмѣсто того напечатано: „это". *Прим. изд.*

[2]) № 16,584. — [3]) № 16,584.

ховыхъ мастеровъ, учениковъ и подмастерьевъ; 4) иногородныхъ и иностранныхъ гостей; 5) именитыхъ гражданъ (въ томъ числѣ находились по мѣстному обычаю именуемые литератами, банкиры и оптовые торговцы); 6) посадскихъ, или мѣщанъ въ тѣсномъ значеніи слова. Именитые граждане и записанные въ одну изъ первыхъ двухъ гильдій были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія; всѣ записанные въ гильдіи, вмѣсто натуральной рекрутской повинности, были обложены денежнымъ сборомъ. Каждому обывателю позволено было, не записываясь въ цехъ, имѣть станокъ и заниматься ремесломъ: посадскому, независимо отъ этого — содержать лавку: цеховому, записавшемуся въ гильдію, заниматься двумя промыслами: торговымъ и ремесленнымъ. Вмѣсто прежнихъ правилъ, обусловливавшихъ пользованіе правами въ составѣ обществъ, право участія въ управленіи, сословномъ и общественномъ, посредствомъ выборовъ и исправленія должностей, присвоено было всѣмъ обывателямъ, достигнувшимъ 25 лѣтняго возраста и имѣющимъ капиталъ, съ котораго проценты не ниже 50 рублей. Раздѣленіе ремесленнаго сословія на цехи было оставлено въ силѣ, равно какъ и цеховое устройство въ главныхъ его основаніяхъ; но оно было очищено отъ всѣхъ воспретительныхъ, исключительныхъ постановленій и разорительныхъ обычаевъ. Вообще, существовавшія въ Ригѣ преимущества Нѣмцевъ передъ Латышами и Русскими, протестантовъ передъ католиками и православными, законнорожденныхъ передъ незаконнорожденными, женатыхъ передъ холостыми, и т. д., были упразднены.

Вмѣсто прежнихъ гильдейскихъ собраній, введены во-первыхъ: общія собранія всѣхъ городскихъ сословій черезъ каждые три года, по приказанію начальника губерніи, для выслушанія его предложеній, для дѣланія ему представленій и для производства выборовъ городскаго головы, бургомистровъ и ратмановъ, засѣдателей губернскаго магистрата и совѣстнаго суда, и ежегодныя: для выбора старостъ и судей словеснаго суда; во-вторыхъ: собранія по сословіямъ, черезъ каждые три года, для выбора гласныхъ. Вообще право самоизбранія и пожизненнаго отправленія долж-

постей были замѣнены выборами отъ общества и опредѣленными сроками службы, не болѣе 3-хъ лѣтъ.

Административная власть совершенно отдѣлена была отъ судебной. Первая сосредоточена въ общей и шестигласной думахъ, подчиненныхъ губернскому магистрату. Дѣятельность городскихъ думъ обнимала вѣдомства нынѣшнихъ касса коллегіи, квартирнаго и податнаго правленій. Источники городскихъ доходовъ и статьи расходовъ означены были вкратцѣ: о составленіи смѣты тѣмъ и другимъ въ Городовомъ Положеніи не упомянается; сказано однако, что „сверхъ положенныхъ точно расходовъ, городовыя общества не могутъ сами собою издерживать денегъ городскихъ и дѣлать новыхъ издержекъ, но буде что усмотрятъ къ пользѣ общей, къ выгодѣ и къ украшенію города нужное, да представятъ губернатору и ожидаютъ соизволенія". Дума должна была представлять ежегодно вѣдомости о приходахъ и расходахъ губернатору, а казенной палатѣ счеты.

Полицейская часть была организирована отдѣльно отъ думы и сосредоточена въ управѣ благочинія.

Высшее городское судебное мѣсто удержало названіе магистрата: но такъ какъ полицейская и хозяйственная часть отошли отъ него и, несмотря на всѣ старанія рижскаго намѣстническаго правленія, Сенатъ воспретилъ ему принимать участіе въ администраціи, кромѣ надзора за торговлею, то число членовъ магистрата было ограничено двумя бургомистрами и двѣнадцатью ратманами, включая сюда засѣдателей управы благочинія и сиротскаго суда. Изъ прежнихъ департаментовъ магистратскихъ остались: фохтейскій, ландфохтейскій, торговый и кемерейный; апелляція отъ нижняго суда въ полное присутствіе магистрата была отмѣнена. Сиротскій судъ былъ отдѣленъ отъ магистрата и подчиненъ непосредственно губернскому магистрату. Учреждены были словесные суды, подчиненные магистрату, по одному въ каждой изъ пяти частей, на которыя городъ былъ раздѣленъ.

Впечатлѣніе произведенное преобраніемъ на мѣстное общество.

Изъ этого краткаго обзора видно, что Городовое Положеніе, не смотря на всѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы какъ противъ основныхъ его началъ, такъ и противъ ихъ примѣняемости въ Ригѣ, удовлетворяло указаннымъ выше

потребностямъ того времени, и потому, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, было огромнымъ успѣхомъ, а для большинства рижскихъ обывателей актомъ емансипаціи; но по этому самому и по другимъ причинамъ преобразованіе возбудило во многихъ не только неудовольствіе, но даже слѣпое ожесточеніе. Со стороны магистрата и другихъ должностныхъ лицъ, это объясняется утратою сословныхъ правъ его, устраненіемъ отъ администраціи, ограниченіемъ его доходовъ; но независимо отъ этого разсчета, и болѣе всего, раздражало его то обстоятельство, что преобразованіе исходило отъ правительства, что Русскіе осмѣлились найти недостатки въ нѣмецкихъ учрежденіяхъ, дерзнули признать себя способными улучшить ихъ и, какъ казалось, рѣшались мыслить и дѣйствовать самостоятельно, не требуя наставленій отъ бывшихъ своихъ учителей. Слѣпымъ пристрастіемъ императрицы Екатерины II къ собственному ея изобрѣтенію и низкою завистью къ преимуществамъ и умственному превосходству Нѣмцевъ со стороны приближенныхъ къ ней Русскихъ — вотъ чѣмъ объясняли въ Ригѣ введеніе новаго порядка. Чтобы дать понятіе объ этомъ расположеніи умовъ, конечно, не всеобщемъ, но свойственномъ партіи, стоявшей во главѣ прежняго муниципальнаго устройства, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выписокъ изъ записокъ Нейендаля, уже цитованнаго нами. Вотъ его слова: „Брошюра о муниципальномъ устройствѣ города Риги, писанная оберъ-веттгеромъ Берепсомъ, поданная императору австрійскому при его проѣздѣ черезъ Ригу и прочтенная Екатериною II, равно какъ и другія, подъ рукою употребленныя усилія для удержанія существовавшаго порядка, остались безплодными. Въ продолженіе 1781—1783 г. генералъ губернаторъ, съ своей стороны, также старался внушить императрицѣ мысли, которыя, повидимому, должны были отклонить ее отъ ея намѣренія, но также безуспѣшно. Ея самолюбію льстила мысль увидать въ нѣмецкихъ ея областяхъ осуществленіе ея изобрѣтенія (Ihr Kunstwerk); къ тому же, можетъ быть она посовѣстилась передъ своимъ народомъ допустить оскорбительное для него изъятіе въ пользу Лифляндіи. Льстецы называли ея произведеніе мастерскимъ, а тогдашній генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, къ несча

Свидѣтельство Нейендаля.

стію въ то время много значившій, при этомъ врагъ всѣхъ Нѣмцевъ и въ особенности Лифляндцевъ, употребилъ всѣ усилія для того, чтобы ускорить введеніе общаго учрежденія и поставить на одну ногу съ нами своихъ Русскихъ (seine Russen). Головы послѣднихъ были въ то время такъ темны, что они даже не могли понять, что имъ слѣдовало не завидовать превосходству Лифляндцевъ, но всячески стараться уподобиться имъ... Однако, многіе въ Ригѣ возмечтали о возможности согласить старое съ новымъ и сдѣлать изъ этого что нибудь сносное; охотники до ранговъ и чиновъ и ихъ жены предались ребяческой радости о предстоявшихъ выборахъ; случайное благосостояніе, возвышенный образъ мыслей, отличныя духовныя способности, а можетъ быть и надменность нѣсколькихъ членовъ магистрата, возбудили въ Русскихъ зависть и жажду мести, а въ Нѣмцахъ страсть къ должностямъ. Но достойнѣйшіе изъ числа послѣднихъ желали сохраненія нашего древняго устройства. Нѣкоторые совѣтовали подкупить названнаго выше врага города Риги — онъ былъ доступенъ къ подкупамъ — и черезъ него отклонить введеніе Городоваго Положенія; но въ то время истощеніе городской кассы не позволило бы употребить это средство, если бы даже и не постыдились къ нему прибѣгнуть [1]). Изъ Петербурга подъ рукою дѣлали попытки склонить земство и города къ тому, чтобы они отъ себя просили о введеніи Учрежденія о губерніяхъ; но вмѣсто того (говоря объ одной Ригѣ), отправлена была къ Государынѣ просьба отъ имени трехъ городскихъ сословій, въ которой ходатайствовали объ избавленіи отъ этой милости". О содержаніи и послѣдствіяхъ

[1]) Какъ мало стыдились Рижане прибѣгать къ нему, обнаруживаетъ безпрерывный рядъ документально доказанныхъ подкуповъ отъ 1604 до 1840-хъ годовъ. Истощеніе городской казны свидѣтельствуетъ о худомъ управленіи и о необходимости преобразовать его, а низкая клевета, распущенная противъ князя Виземскаго, котораго помнятъ и чтятъ доселѣ Русскіе, живущіе въ Ригѣ, безсильна повредить памяти достойнаго человѣка и обращается въ позоръ изобрѣтателямъ ея. Князь Виземскій не только не былъ врагомъ Лифляндіи, но, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ рижскаго генералъ-губернатора, предостерегалъ графа Брауна и рижскій магистратъ отъ разныхъ промаховъ по службѣ, за которые они впослѣдствіи получали выговоры отъ Сената.

этой просьбы было говорено выше Изъ этихъ словъ можно видѣть тонъ и главное побужденіе, лежавшее въ основаніи нападеній на Городовое Положеніе Мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ

Нападки на Городовое Положеніе.

Во первыхъ, авторъ жалуется на умноженіе всякой сволочи, праздношатающихся, въ особенности русскихъ, которыхъ онъ обыкновенно называетъ sans-culottes. Это было послѣдствіемъ предоставленной каждому свободы приписаться къ городскому обществу, ограниченной одними денежными условіями Представители городскихъ сословій требовали кромѣ этого, будто бы на основаніи законовъ, доказательствъ происхожденія отъ свободныхъ родителей; но тогдашній губернаторъ, Беклешовъ, желавшій, какъ выражается авторъ, поднять русскихъ, положилъ этому конецъ. Вредныя послѣдствія облегченнаго вступленія въ общество обывателей могли бы быть устранены правомъ, предоставленнымъ мѣщанскому обществу по Городовому Положенію, исключать изъ среды своей людей завѣдомо порочныхъ; но, по словамъ автора, имъ не могли воспользоваться, потому что негодяи обыкновенно находили защиту у представителей высшей правительственной власти; въ примѣръ приведены разумѣется двое Русскихъ, которыхъ общество, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могло исключить. Если эти факты достовѣрны, то они свидѣтельствуютъ не противъ закона, а противъ тѣхъ, которые своимъ произволомъ препятствовали правильному его примѣненію.

Во вторыхъ, авторъ утверждаетъ, что отправленіе судопроизводства потерпѣло отъ умноженія судебныхъ инстанцій, въ особенности же отъ учрежденія главнаго магистрата, отъ столкновенія законовъ мѣстныхъ съ общими, отъ допущенія въ судейскія должности лицъ, не имѣвшихъ юридическаго образованія, отъ краткости служебныхъ сроковъ по выборамъ, и наконецъ также отъ произвольнаго вмѣшательства правительственныхъ лицъ. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса: до какой степени предшествовавшій порядокъ выборовъ магистратскихъ членовъ, несомнѣнная медленность прежняго дѣлопроизводства и страшный произволъ, происходившій отъ невѣдѣнія законовъ и невозможности узнать ихъ, были лучше

новаго порядка, нельзя однакоже отрицать основательности нѣкоторыхъ изъ исчисленныхъ замѣчаній.

Въ третьихъ, порицая новый порядокъ управленія, авторъ однако же сознается, что хозяйственная и счетная части, при древнемъ управленіи, были въ страшномъ запущеніи и нуждались въ ревизіи; но онъ объясняетъ это другаго рода заботами, лежавшими на магистратѣ: явное доказательство, что отдѣленіе судебной власти отъ административной, которое онъ называетъ вздорною прихотью, было необходимо. Онъ сознается, что всѣ благотворительныя учрежденія пришли въ упадокъ, что кассы ихъ были обременены долгами и недоимками, и, не смотря на то, возстаетъ противъ гражданскаго губернатора, учредившаго для нихъ особое управленіе, подчиненное приказу общественнаго призрѣнія, видя въ этомъ произвольное вмѣшательство власти въ распоряженіе частною собственностью. Такому же упреку подвергаются мѣры, принятыя для введенія единства въ преподаваніи въ городскихъ школахъ, и въ особенности, для введенія преподаванія русскаго языка, чего, по словамъ автора, знатоки дѣла не одобряли, такъ какъ это отнимало время отъ занятій существенными предметами. Далѣе, авторъ находитъ крайне вреднымъ и почти оскорбительнымъ для города, что изъ форштатовъ образовали части и кварталы и разрѣшили заводить въ нихъ лавки; утверждаетъ, что вслѣдствіе введенія торговаго устава, иностранные капиталы подавили мѣстные — противъ чего съ XV вѣка безпрерывно протестовали граждане, находитъ несправедливымъ, что, отдѣливъ крѣпость въ непосредственное распоряженіе правительства, въ то же время не освободили города отъ обязанности употреблять часть его доходовъ на ея содержаніе; жалуется на то, что древній обычай дѣлать ежегодно денежные подарки генералъ губернатору и другимъ чиновникамъ не былъ отмѣненъ. Послѣдняя жалоба конечно очень основательна, но виновато ли Городовое Положеніе, что въ Ригѣ изстари каждая должность разсматривалась какъ кормленіе?

Въ четвертыхъ, о полиціи авторъ замѣчаетъ, что прежде не было въ Ригѣ отдѣльнаго полицейскаго управленія; но, по мнѣнію его, это было гораздо лучше, потому что поли-

цейская власть распредѣлялась между судебными мѣстами, которыя вовсе не считали себя обязанными исполнять безусловно требованія генералъ-губернатора; что новое полицейское учрежденіе стоило дорого, было безполезно и даже вредно, ибо ему указано было обходиться снисходительно съ Русскими.

Въ пятыхъ, автору крайне не нравится назначеніе русскихъ чиновниковъ въ должности губернаторовъ и прокуроровъ. Онъ называетъ ихъ обыкновенно сатрапами; между тѣмъ, почти всѣ обвиненія его падаютъ на Ирландца Брауна, а дѣятельности губернатора Веклешова, его необыкновеннымъ способностямъ, безкорыстію, примѣрной ревности, онъ не можетъ не отдать справедливости.

Наконецъ, автору вообще кажется нелѣпостью раздѣленіе различныхъ властей, уничтоженіе центральнаго и полновластнаго городскаго начальства, введеніе письменныхъ сношеній между присутственными мѣстами, вмѣсто словесныхъ и приватныхъ объясненій, и т. д. Все это разумѣется не заслуживаетъ опроверженія; но, оставляя въ сторонѣ нападки, внушенныя оскорбленнымъ чувствомъ провинціализма и нѣмецкой спѣси, мы извлекаемъ изъ его же записокъ слѣдующіе факты. По введеніи устава о рижской коммерціи, торговля значительно поднялась. При вступленіи въ должность Веклешова, произведена была ревизія, изъ которой обнаружилось, что на городской кассѣ числилось долга частнымъ лицамъ и кассамъ благотворительныхъ учрежденій всего 439,150 рейхсъ-талеровъ; кромѣ того, разныхъ претензій, судебнымъ порядкомъ еще непризнанныхъ, 86,860 рейхсъ-талеровъ. Эти суммы, стараніями Веклешова значительно сокращенныя вслѣдствіе добровольныхъ сдѣлокъ, къ которымъ онъ успѣлъ склонить заимодавцевъ, были уплачены въ 1789 г. Итакъ, въ четыре года достигнутъ былъ результатъ, къ которому тщетно стремились въ продолженіе вѣковъ. Благодѣтельные результаты дѣйствій городской думы для городскихъ финансовъ изложены въ историческомъ вступленіи въ разборѣ рижскаго бюджета [1]). Существовавшія въ Ригѣ школы приве-

[1]) Въ изданіи 1852 г. вмѣсто предшествующихъ строкъ, начиная отъ словъ «Эти суммы» до словъ «рижскаго бюджета» напечатано: «Изъ этой суммы,

дены были въ лучшій порядокъ; вновь основаны были: Екатерининская школа для Русскихъ, школа для моряковъ; благотворительныя заведенія были поставлены на лучшую ногу; вновь учреждены: рабочій домъ и заведеніе для спасенія погибающихъ. Для облегченія торговли основана была дисконтная касса, а для зимующихъ судовъ устроена была зимняя гавань. Вообще благосостояніе и зажиточность умножились, число учащихся въ школахъ значительно увеличилось; жестокое обращеніе съ крѣпостными и слугами, благодаря строгому надзору Беклешова, прекратилось; наконецъ обнаружилось явленіе, дотолѣ невиданное въ Лифляндіи: дворянство и граждане жили въ ладу и дружбѣ. Все это подлинныя выраженія разбираемаго нами автора; разумѣется онъ при этомъ дастъ чувствовать, что все доброе произошло не вслѣдствіе учрежденій, а вопреки имъ, и оканчиваетъ свои записки слѣдующею, замѣчательною во многихъ отношеніяхъ статьею: „Какъ ни прискорбно было для лучшей части рижскихъ жителей видѣть наше древнее устройство опрокинутымъ безъ всякой основательной причины, даже безъ всякаго къ тому предлога, городское общество въ прежней его формѣ упраздненнымъ и вслѣдствіе новаго порядка принужденнымъ принимать въ свой составъ всякую сволочь, однакоже Рига не забыла, что долгъ обязывалъ ее оставаться вѣрною верховной надъ нею поставленной власти и что почти сто лѣтъ протекло въ мирѣ подъ могущественнымъ скипетромъ Россіи. Скоро представился случай доказать императрицѣ Екатеринѣ II-ой,

---

какъ изъяснено въ отчетѣ, представленномъ остзейскому генералъ-губернатору 22 февраля 1805 г. бургомистромъ Яннау и ельтерманами Дорндорфомъ и Вигертомъ, было уплачено въ 10 лѣтъ городскою думою 70,890 талер. 18 ф.; сверхъ того та же дума погасила 13,549 т. 40 ф. долговъ квартирной кассы и пріобрѣла въ пользу города недвижимости на 35,913 тал., всего улучшила городскіе финансы на 150,430 руб. 72 коп. Напротивъ того возстановленная въ 1796 г. касса-коллегія, въ теченіе первыхъ 7 лѣтъ, уплатила долговъ лишь 5,053 руб. 47 к., а пріобрѣла недвижимости на 44 036 р. 25 к., т. е. принесла пользы городской казнѣ только на 49,089 р. 72 к. За тѣмъ городскіе долги снова стали возрастать, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1786 году сумма городскаго долга составляла 549,000 р., дума низвела его до 444,000 р. но въ 1810 году долги опять равнялись 499,000 р., а въ 1812 году—648,000 руб. сер.“. *Прим. изд.*

что были въ Ригѣ люди, сознававшіе все это, и имъ не преминули воспользоваться. Когда король шведскій Густавъ III началъ войну съ Россіею, нѣсколько Рижанъ, движимыхъ любовью къ родинѣ, сговорились доказать императрицѣ, что мы не питали расположенія къ Шведамъ, какъ ошибочно думали нѣкоторые, и, открывъ подписку, собрали въ непродолжительное время около 30 тысячъ рублей, которые были поднесены императрицѣ какъ don gratuit и приняты ею охотно въ знакъ уваженія къ доброму намѣренію". Все это значитъ просто: верховная власть свободнымъ законодательнымъ актомъ нарушила договоръ, по которому мы были обязаны быть ей вѣрными, но мы съ своей стороны его не нарушили; это выставляется какъ заслуга, но за этимъ слѣдуетъ непосредственно: въ числѣ лицъ участвовавшихъ въ подпискѣ, находились нѣкоторые, помнившіе изъ дѣтства, что ихъ родители разсказывали имъ, что Шведы во время владычества ихъ надъ Лифляндіею обнаружили намѣреніе отобрать у Рижанъ всю серебряную ихъ посуду; что въ 1705 г. контрибуція ими положенная была такъ тяжела, что вынуждены были, для составленія 7577 рейхсъ-талеровъ и для покупки требованныхъ 300 ластовъ ржи, принимать въ уплату отъ частныхъ лицъ клинки, сѣдла, табакъ, башмаки, пуговицы и тому подобное [1]).

Свидѣтельство Ганау.

Мы подробно разобрали рукопись Нейендаля, пользующуюся въ Ригѣ большимъ уваженіемъ, какъ памятникъ тогдашняго образа мыслей городскихъ жителей. Впрочемъ не всѣ были заражены его слѣпымъ пристрастіемъ и племенною враждою къ Русскимъ и всему исходившему отъ правительства. Въ числѣ людей, умѣвшихъ цѣнить намѣреніе законодательной власти и превосходство новыхъ учрежденій передъ старымъ порядкомъ, мы можемъ назвать даровитаго Ганау, безспорно замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ историковъ Остзейскаго края. Вотъ слова, которыми оканчивается его книга: „Преобразованіями 1782 и 1783 годовъ существенныя привилегіи и права не только не были отмѣнены,

[1]) Въ изданіи 1852 г. отъ словъ «и оканчиваетъ свои записки слѣдующею замѣчательною статьею» (стр. 495) до словъ «пуговицы и тому подобное» опущено. *Прим. изд.*

но даже значительно расширены. Государыня измѣнила только то, что подавало поводъ къ ошибочнымъ толкованіямъ, вслѣдствіе вкравшихся злоупотребленій. Земское устройство было организировано вновь, а городское управленіе получило совершеннѣйшую форму... Учреждены были новыя судебныя мѣста, и между прочими давно желанная палата гражданскихъ дѣлъ. Всѣ чиновники получили содержаніе отъ казны. Положеніе о губерніяхъ, Дворянская грамота, Городовое Положеніе содержатъ въ себѣ основанія нынѣшнихъ нашихъ учрежденій". [1])

Изъ этого видно, что даже въ высшемъ, привилегированномъ и пишущемъ сословіи, котораго голосъ дошелъ до насъ въ книгахъ и журналахъ, не всѣ осуждали преобразованіе; во всякомъ случаѣ, классъ недовольныхъ составлялъ меньшинство, и потому порицанія его не могутъ перевѣшивать въ сужденіи потомства выгодъ большинства, котораго матеріальное и юридическое существованіе было обезпечено не прежде, какъ по введеніи Городоваго Положенія.

Итакъ, оно немедленно принесло важную пользу, и потому, вѣроятно, впослѣдствіи, по укорененіи новаго порядка, выгоды его для города стали бы еще ощутительнѣе а недостатки его или тѣ части, которыя не прилагались къ Ригѣ, могли бы быть устранены новыми законами; но развитіе, начавшееся такъ успѣшно подъ вліяніемъ новыхъ началъ, было пресѣчено въ 1795 г. указомъ 28 ноября.

---

[1]) Въ изданіи 1852 г. вслѣдъ за выпискою изъ книги Янау помѣщена слѣдующая вставка: „Еще сильнѣе и менѣе подозрительно въ пристрастіи свидѣтельство по сему же предмету Мартенса. Въ запискахъ своихъ (Denkwürdigkeiten aus dem kriegerischen und politischen Leben eines alten Officiers. Dresden. 1848. стр. 5) онъ сообщаетъ объ отмѣнѣ учрежденій императрицы Екатерины II слѣдующее: „Екатерининскія учрежденія были упразднены, и старое, пережившее городское устройство возстановлено со всѣми прежними его злоупотребленіями. Остатокъ бывшихъ чиновъ этого управленія собрался, и они съ своими нахлѣбниками образовали городскія присутствія. Отецъ мой, исправлявшій нѣкогда должность бургомистра въ Ригѣ, былъ приглашенъ занять мѣсто въ возстановленныхъ инстанціяхъ, но онъ положительно отказалъ въ этомъ, и когда наступилъ день торжественной передачи его званія преемнику, то отецъ мой въ прощальной рѣчи, произнесенной въ собраніи магистрата, рѣзко выставилъ всѣ благодѣтельныя послѣдствія для края отъ введенія въ немъ общихъ губернскихъ учрежденій". *Прим. изд.*

Отмѣна Городового Положенія.

Если справедливо, что преобразованіе Екатерины II совершено было безъ участія городскихъ жителей, то тѣмъ съ большимъ правомъ можно сказать это объ отмѣнѣ его. Означенный указъ 1796 г. былъ неожиданнымъ явленіемъ для самихъ Рижанъ; но еще неожиданнѣе было его произвольное примѣненіе для тѣхъ, которые не могли желать его.

Въ указѣ постановлено: „Въ Лифляндіи и Эстляндіи, за оставленіемъ губернскаго правленія для гражданской части, и казенной палаты съ казначействомъ для сбора доходовъ, ревизіи счетовъ и вообще казенныхъ дѣлъ, возстановить всѣ тѣ присутственныя мѣста, которыя, по тамошнимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ, существовали какъ въ губерніи, такъ и по уѣздамъ до 1783 г., и въ коихъ присутствующихъ выбирать по точной силѣ помянутыхъ привилегій". Все это и слѣдующія за тѣмъ строки относятся только до губерній и уѣздовъ: о городахъ же сказано только: „Магистратамъ по городамъ остаться на прежнемъ и правамъ ихъ сообразномъ основаніи, а губернскимъ магистратамъ, такожъ верхнимъ и нижнимъ расправамъ не быть. Что касается до сбора податей, въ томъ поступать по указамъ; а какъ оборона государственная требуетъ, дабы всѣ вѣрноподданныя намъ области оной соразмѣрно способствовали, то и помянутыя двѣ губерніи, въ случающихся по нуждамъ государственнымъ рекрутскихъ наборахъ долженствуютъ участвовать по нарядамъ, на основаніи воли нашей чинимымъ" [1]). Руководствуясь точнымъ смысломъ прописанныхъ словъ, слѣдовало возстановить древній магистратъ, но это не давало еще права возстановлять всѣ городскія учрежденія, административныя и сословныя, всѣ законы и обычаи, однимъ словомъ всю городскую старину Еще произвольнѣе было введеніе прежнихъ постановленій, затруднявшихъ вступленіе въ городское общество, въ гильдіи и цехи; исключеніе изъ гражданства не цеховыхъ ремесленниковъ и мѣщанъ: лишеніе простыхъ обывателей права добывать себѣ трудомъ насущный хлѣбъ, сословнаго представительства, выборовъ и доступа къ должностямъ; ибо, возвращая магистрату то, что

[1]) № 17,584.

было у него отнято Городовымъ Положеніемъ, законодательная власть не могла имѣть цѣлью въ то же время отнять у другихъ классовъ то, что было ими пріобрѣтено Не смотря на это, древнее устройство было возстановлено во всей его полнотѣ, во всѣхъ мелочахъ; но это самое послужило только къ яснѣйшему обличенію его негодности и вызвало противъ него сильную оппозицію. [1])

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Отъ отмѣны Городоваго Положенія до изданія Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ.

1796—1845.

Болѣе всѣхъ потерпѣли по отмѣнѣ Городоваго Положенія Русскіе, жившіе въ Ригѣ, и потому естественно, что въ борьбѣ партій, образовавшихся за него и противъ него, они играли главную роль. Чтобы удостовѣриться въ основательности ихъ требованій, необходимо разсмотрѣть положеніе Русскихъ въ Ригѣ съ 1710 года.

Положеніе Русскихъ въ Ригѣ.

Оно трижды измѣнялось. Отъ начала русскаго владычества до введенія Городоваго Положенія, Русскіе находились внѣ городскаго общества, но пользовались особеннымъ покровительствомъ правительства; по введеніи Городоваго Положенія, они вступили въ составъ городскаго общества, и такъ какъ чрезъ это они были совершенно уравнены правами съ Нѣмцами, то правительство перестало заботиться объ ихъ участи; но, при возстановленіи стараго порядка, Русскіе утратили всѣ пріобрѣтенныя ими права въ составѣ общества и, не пользуясь какъ прежде особеннымъ покровительствомъ высшаго начальства, приведены были Нѣмцами

[1]) Въ изложеніи этого періода мы должны были ограничиться выписками изъ разныхъ сочиненій, потому что, по увѣренію ельтермана большой гильдіи, не сохранилось никакихъ протоколовъ за все это время.

въ положеніе безъ всякаго сравненія худшее, чѣмъ то, въ которомъ находились до императрицы Екатерины II-ой.

1710—1784 г. Въ аккордныхъ пунктахъ было сказано: по занятіи города, каждому позволено будетъ по желанію обезпечить свое пропитаніе и заняться промысломъ; а въ Ништатскомъ трактатѣ: въ Остзейскихъ областяхъ вѣра греческаго исповѣданія впредь такожъ свободна и безъ всякаго помѣшательства отправляема быть можетъ и имѣетъ. Этими двумя статьями, въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ, обезпечено было положеніе коренныхъ подданныхъ государства. При Екатеринѣ I православное духовенство въ Ригѣ получало опредѣленное жалованье изъ городскихъ доходовъ, а когда впослѣдствіи генералъ губернаторъ Лесси вздумалъ ограничить его, Сенатъ, съ утвержденія Императрицы Анны Іоанновны, тому воспротивился. [1]) Въ именномъ указѣ, состоявшемся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 12 сентября 1728 г., сказано между прочимъ: „Въ лавкахъ россійскимъ людямъ всякими товары торговать, объявляя и записывая въ порторіи съ платежемъ пошлинъ, такожде съ мѣстъ, на которыхъ домы [2]) и лавки имѣютъ, платить имъ поземельныя деньги и прочія деньги платить съ рижскими мѣщанами въ равенствѣ; точію съ тѣхъ россійскихъ торговыхъ людей, противу тамошнихъ рижскихъ жителей, никакихъ излишнихъ податей не брать и отягощенія имъ не чинить“ [3]). Поводъ къ изданію этого указа неизвѣстенъ, но по тону его можно, кажется, заключить о дошедшихъ до правительства жалобахъ со стороны Русскихъ. Для совершеннаго огражденія ихъ отъ всякихъ притѣсненій, правительство въ слѣдующемъ 1729 г. издало другой указъ, по которому велѣно было „Россійскимъ купецкимъ и прочимъ торговымъ людямъ, какъ въ пошлинномъ платежѣ, такъ судомъ и расправою въ купецкихъ дѣлахъ, быть по прежнему въ

---

[1]) Въ изданіи 1852 г. отъ словъ „При Екатеринѣ I“ до слова воспротивился“ опущено. *Прим. изд.*

[2]) Вѣроятно въ форштатахъ, но не въ городѣ. — [3]) Указъ 12 сентября 1728 г. (5331).

вѣдомствѣ оберъ-инспектора Ильи Исаева, и когда кто изъ нихъ въ такихъ дѣлахъ взяты или приведены будутъ на гауптвахту, тѣхъ отсылать къ немужъ, а въ Губернской Канцеляріи ни по какимъ истцовымъ дѣламъ не вѣдать"; ему же поручено было выдавать отъ себя паспорты Русскимъ, отъѣзжавшимъ внутрь государства [1]). Изъ словъ по прежнему, видно, что этотъ порядокъ существовалъ издавна, вѣроятно со времени назначенія Исаева Петромъ I-мъ. Такимъ образомъ, Русскіе, подъ защитою лица облеченнаго значительною властью и своего соотечественника, завися непосредственно отъ него, составили въ Ригѣ какъ бы отдѣльное общество. Такое положеніе, разумѣется, разъединяло ихъ съ Нѣмцами и чрезъ это самое придавало послѣднимъ значеніе самостоятельной, противоположной первымъ партіи; въ этомъ была его невыгода; но съ другой стороны, необходимо было, для соблюденія равенства, особенное попеченіе со стороны правительства объ участи слабѣйшихъ, составлявшихъ меньшинство и притомъ преслѣдуемыхъ многочисленными недоброжелателями; и эта цѣль была достигнута. Расположеніе Нѣмцевъ къ Русскимъ уже въ то время обозначилось. Изъ гильдейскихъ протоколовъ мы узнаемъ, что въ 1739 г. генералъ-губернаторъ тщетно ходатайствовалъ о разрѣшеніи Русскимъ покупать въ городѣ дома и пустыя мѣста; въ 1742 г. большая гильдія требовала, чтобы Русскимъ запрещено было торговать у городскихъ воротъ (dass die Russen mit ihrer Kaufmannschaft von denen Pforten weggetrieben werden möchten), а въ указѣ 8 декабря 1761 г. мы читаемъ: „Торгующіе въ новозавоеванныхъ (остзейскихъ) городахъ россійскіе купцы пользуются только тѣмъ правомъ, которое въ новозавоеванныхъ городахъ имъ отъ шведскихъ королей дано.... и то съ великою противу тамошнихъ мѣщанъ отмѣною; а какъ всѣ оные едино есть Е. И. В. вѣрноподданные, потому Коммиссія (которая занималась составленіемъ новаго уложенія) разсуждаетъ, что и россійскимъ купцамъ, временно въ новозавоеванныхъ городахъ торгующимъ, особыя предъ прежними вольности,

[1]) Указъ 31 іюля 1729 г. (5453).

а паче кто въ купечество тамошнее записаться пожелаетъ, тѣмъ совсѣмъ равное съ мѣщанами [1]) преимущество дать слѣдуетъ“ [2]). Впрочемъ, такъ какъ здѣсь не поименованы города, о которыхъ идетъ рѣчь, то и нельзя рѣшить: относилось ли это до Риги. При Екатеринѣ II, русскіе купцы, притомъ не одни только рижскіе, но вообще имѣвшіе дѣла въ этомъ городѣ, допускались къ участію въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, выборахъ и совѣщаніяхъ, какъ отдѣльное общество. Такъ, въ сенатскомъ указѣ 11 іюля 1762 г. велѣно было „магистрату съ оберъ-инспекторомъ, такожъ россійскимъ и рижскимъ купечествамъ изъ опредѣленныхъ въ Ригѣ нотаріусовъ или изъ другихъ выборъ учинить“ [3]). Въ 1763 г., по докладу генералъ-губернатора Брауна о худомъ состояніи торговли, повелѣно: „назначить коммиссію подъ его дирекціею изъ тамошнихъ дворянъ, купцовъ и изъ россійскихъ купцовъ, живущихъ тамо и торгующихъ туда“, по два человѣка. Но здѣсь, въ первый разъ, мѣстное начальство обнаружило оффиціально намѣреніе устранить Русскихъ. Помянутый генералъ-губернаторъ, въ томъ же году, вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ, въ которомъ изъяснялъ, что ни дворянамъ, ни Русскимъ, не слѣдовало участвовать въ той коммиссіи, потому что послѣдніе, будто бы, „о важности рижскаго торга съ иностранными вовсе не имѣютъ понятія, почему де если ихъ и опредѣлить въ присутствіе, то не иное что произойдетъ, какъ излишнее затрудненіе и въ настоящемъ дѣлѣ медленіе, а могутъ де опредѣлены быть къ той коммиссіи яко депутаты, которымъ, не присутствуя въ оной, дѣлать свои примѣчанія на чинимыя коммиссіею распоряженія, что къ пользѣ своей усмотрятъ, и представленія“. Неосновательность устраненія Русскихъ подъ предлогомъ мнимаго ихъ невѣжества, сама по себѣ очевидна, тѣмъ болѣе, что дѣло шло не объ одной заграничной, но вообще о Рижской торговлѣ; а доказательствомъ, какъ хорошо понимали русскіе купцы важность этого дѣла, служитъ тотъ

При Екатеринѣ II.

[1]) Въ то время мѣщанинъ значило то же что гражданинъ; нынѣшнему тѣсному значенію этого слова соотвѣтствовало тогдашнее: посадской.— [2]) № 11,387.—[3]) № 11,604.

же самый указъ, изъ котораго видно, что едва дошелъ до нихъ слухъ о назначеніи коммиссіи, они прислали въ Сенатъ, по почтѣ, изъ разныхъ городовъ просьбы о допущеніи въ нее назначенныхъ ими депутатовъ [1]). Изъ самаго содержанія торговаго устава, составленнаго этою коммиссіею и утвержденнаго верховною властію 7 декабря 1765 г., видно, что между русскими и нѣмецкими купцами происходили споры, которые были рѣшены въ слѣдующихъ статьяхъ: Торговый уставъ 1765 г.

1. Россійскихъ купцовъ, отправляющихъ въ Ригѣ свой торгъ и живущихъ около оной, по гражданскимъ и коммерческимъ дѣламъ, въ силу законовъ города Риги, изъ юрисдикціи магистрата не выключать. Слѣдовательно, въ этихъ двухъ отношеніяхъ они были подведены подъ общее правило и изъяты изъ вѣдомства оберъ-инспектора.

2. Россійскимъ лавочникамъ, ни самимъ, ни работникамъ ихъ, россійскихъ крамныхъ товаровъ по улицамъ не носить и по дворамъ не продавать, подъ опасеніемъ штрафа; а торговать оными единственно въ своихъ лавкахъ, какъ точно въ томъ и рижскіе мѣщане и крамники поступаютъ. Изъ этой статьи видно, что крамный или мелочной торгъ, составлявшій промыселъ гражданъ, былъ равно доступенъ и Русскимъ.

3. Привозимые россійскими купцами товары, по примѣру Лифляндцевъ и Курляндцевъ, складывать внутри города (а не въ форштатахъ), въ шпейхерахъ рижскихъ мѣщанъ; а словесный судъ (веттный) долженъ безпрекословно россійскимъ купцамъ, для безопасной поклажи товаровъ и для безпрепятственнаго полученія оныхъ обратно отъ рижскихъ мѣщанъ, давать по желанію ихъ о количествѣ и добротѣ положенныхъ товаровъ аттестаты.

4. Установленные за вѣсъ, мѣру и бракъ расходы брать съ россійскихъ купцовъ безъ всякаго различія, ни больше ни меньше, какъ съ Поляковъ или иностранныхъ и Лифляндцевъ.

5. Какъ россійскимъ, такъ и прочимъ, частью для про-

[1]) Указъ 30 сентября 1763 г. (11,940).

странства, частью и для избѣжанія опасности отъ пожара, не дозволяется построеніе домовъ на рижскихъ пристаняхъ, гдѣ товары нагружаемы и выгружаемы бываютъ; а для стереженія товаровъ, лежащихъ въ ярусахъ, имѣть имъ потребныхъ работниковъ и сторожей Генералу же губернатору, имѣющему подъ своимъ вѣдѣніемъ полицейскія дѣла, отвесть для продажи привозимаго изъ Россіи въ Ригу на стругахъ харча мѣсто, гдѣ бъ оная продажа удобно производима быть могла и каждый отягощеній отъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ и отъ прочихъ не имѣлъ; почему и приносимыя россійскими купцами жалобы препоручаются на разсмотрѣніе егожъ генералъ-губернатора.

6. Въ силу шведскаго торговаго устава и прочихъ резолюцій, по коимъ позволено покупку и продажу привезенныхъ въ Ригу для распродажи всякихъ товаровъ производить единственно мѣщанству, т. е. гражданамъ, чего ради и россійскимъ купцамъ отпускать отъ себя за море привезенные ими въ Ригу товары не дозволяется, но паче, въ силу точнѣйшаго предписанія законовъ, должны, по примѣру прочихъ, товары свои продавать мѣщанамъ, а нераспроданные могутъ внутри города складывать въ мѣщанскихъ анбарахъ. Это ограниченіе касается русскихъ купцовъ, торговавшихъ на правахъ иногородныхъ; но могли ли они безпрепятственно вступать въ общество гражданъ, пріобрѣтать мѣщанское право—объ этомъ не говорится, и, по всей вѣроятности, вопросъ этотъ въ то время еще возбужденъ не былъ, такъ какъ, до этого времени, Русскіе составляли отдѣльное общество; а вскорѣ послѣ того, онъ былъ разрѣшенъ, безъ всякаго даже съ ихъ стороны требованія, введеніемъ въ Ригѣ общаго Городоваго Положенія.

Умноженіе промысловъ между Русскими въ Ригѣ.

Между тѣмъ, число торговавшихъ въ Ригѣ Русскихъ постепенно увеличивалось и городъ естественно отъ этого выигрывалъ; они выстроили 65 анбаровъ для склада товаровъ и новый гостиный дворъ. Между ними и русскими же крестьянами, также занимавшимися торговлею, но незаписанными въ купечество, обнаружилось даже соперничество. Первые, готовясь перевести свой торгъ изъ старыхъ лавокъ въ новыя, въ 1772 году вошли къ мѣст-

ному начальству съ представленіемъ, въ коемъ изъясняли, что они крайнее имѣютъ притѣсненіе отъ торгующихъ тамъ россійскихъ крестьянъ, и просили, чтобъ онымъ крестьянамъ, по силѣ высочайшихъ указовъ, торговать тамъ принадлежащими купечеству товарами (т. е. за исключеніемъ сельскихъ продуктовъ) запретить; ибо они (т. е. купцы) всѣми потребными россійскими товарами тамошнихъ покупщиковъ всегда продовольствовать могутъ. Съ своей стороны, десять человѣкъ торговавшихъ въ Ригѣ русскихъ экономическихъ и помѣщичьихъ крестьянъ подали также прошеніе, въ которомъ писали, что они тамъ живутъ по паспортамъ и торгъ производятъ изъ давнихъ лѣтъ въ собственныхъ своихъ лавкахъ, гдѣ и россійскіе купцы торгуютъ, а къ хлѣбопашеству не привыкли и другихъ никакихъ промысловъ и художествъ не имѣютъ, но пропитаніе свое получаютъ и подати платятъ отъ помянутаго тамошняго торга; и какъ въ старомъ ряду ихъ лавки состоящія обще съ купеческими назначено сломать, то дабы они, за нераспродажею имѣющагося у нихъ товара, не могли прійти въ крайнее разореніе, просили, чтобы ихъ допустить по прежнему для свободнаго торга въ новопостроенный россійскій купеческій дворъ, обѣщая притомъ, если потребно будетъ, записаться въ купечество. Подъ этимъ послѣднимъ условіемъ, сенатъ и разрѣшилъ имъ пользоваться всѣми тѣми преимуществами, каковыми тамошніе россійскіе купцы пользуются [1]). Другой сенатскій указъ, изданный 3 сентября 1778 г. [2]) по спорному дѣлу Русскихъ съ рижскимъ цехомъ мясниковъ, доказываетъ также умноженіе промысловъ между Русскими и заботы правительства объ огражденіи ихъ выгодъ: „Хотя рижскій мясной амтъ и магистратъ требуютъ, чтобъ, по силѣ состоявшихся для нихъ въ польское и шведское владѣніе учрежденій, мясная въ городѣ Ригѣ со всею окружностью продажа производима была ихъ мяснымъ амтомъ; но какъ изъ прописанныхъ въ рапортѣ (генералъ-губернатора) узаконеній явствуетъ, что живущее въ Ригѣ россійское купечество во всѣхъ торговыхъ россійскихъ промыслахъ равное имѣетъ право, какъ и рижское нѣмецкое мѣщанство: то, на основаніи сихъ законовъ,

[1]) Указъ 15 октября 1772 г. (13,883).—[2]) № 14,780.

мясной на форштатѣ и внѣ онаго продажѣ для пользы тамошнихъ жителей, особливо же неимущихъ, быть вольной, и ту продажу находящимся тамъ россійскимъ мясникамъ производить въ казенныхъ лавкахъ, уменьшительными противъ нѣмецкихъ мясниковъ цѣнами, по прежнему, безпрепятственно; но только не изъ однѣхъ рукъ, какъ донынѣ было, а каждому кто пожелаетъ. Чего ради къ построеннымъ донынѣ шести лавкамъ построить еще шесть, и всю ту сумму, во что оныя станутъ, расположа на всѣ лавки по ровному числу, отдать оныя тѣмъ мясникамъ на оброкъ, на 4 года, кто больше оброку дастъ, однакожъ больше двухъ лавокъ въ однѣхъ рукахъ не оставлять; привозимое къ туда на стругахъ соленое мясо дозволять пріѣзжающимъ съ оныхъ продавать кому захотятъ, но не менѣе пяти пудъ, дабы мелочною продажею не сдѣлать подрыва нѣмецкимъ мясникамъ, которые оставляются при прежнихъ своихъ учрежденіяхъ безъ всякой отмѣны". Наконецъ, при Екатеринѣ II, благодаря ходатайству генералъ-прокурора князя Вяземскаго, разрѣшено было Русскимъ покупать дома въ городскихъ стѣнахъ [1]).

1784 – 1796 г. Со введеніемъ общаго городоваго устройства въ Ригѣ, положеніе Русскихъ, какъ сказано выше, измѣнилось. Дотолѣ участіе ихъ въ городской жизни ограничивалось производствомъ промысловъ; съ этого же времени, они вошли въ составъ городскаго общества и стали принимать участіе въ управленіи общественными дѣлами. Доступъ къ должностямъ былъ имъ открытъ, и правительство, при Екатеринѣ II всегда оказывавшее предпочтеніе кандидатамъ, знавшимъ русскій языкъ, передъ не знавшими его, благопріятствовало назначеніямъ ихъ. Особенно важно было учрежденіе русской школы [2]).

1796 1803 г. Но вражда Нѣмцевъ къ Русскимъ, засвидѣтельствованная записками Нейендаля, безсильная во время существованія

[1]) Указа объ этомъ мы не нашли, но такъ свидѣтельствуютъ рижскіе старожилы.

[2]) На этотъ предметъ Екатерина II отдала городу 7,000 рублей, собранныхъ по случаю перваго бракосочетанія Павла Петровича. Указъ 4 сентября 1784 г. (16,056).

Городоваго Положенія, вспыхнула при возстановленіи стараго порядка. Не имѣя подробныхъ свѣдѣній объ этомъ времени, мы должны ограничиться указаніями на одни результаты. Достовѣрно то, что Русскимъ всячески стали затруднять вступленіе въ большую гильдію, въ братства же обѣихъ гильдій и въ цехи ихъ вовсе не принимали, подъ предлогомъ, что одни Нѣмцы и лютеране могутъ имѣть въ нихъ доступъ; черезъ это Русскіе были устранены отъ всякаго участія въ сословномъ и городскомъ управленіи, въ производствѣ промысловъ, предоставленномъ исключительно братствамъ и цехамъ, и, наконецъ, лишились права на пособіе изъ благотворительныхъ кассъ. Независимо отъ этихъ притѣсненій, находившихъ по крайней мѣрѣ предлогъ въ средневѣковыхъ постановленіяхъ, русскіе члены большой гильдіи подвергались разнаго рода обидамъ, совершенно вопреки этимъ постановленіямъ. Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1802 г., всѣ члены гильдіи были приглашены въ собраніе для выбора ельтермана и представленія кандидатовъ на степень старшинъ; Русскіе явились по праву, но докманъ объявилъ имъ, что они, не будучи братьями, не могутъ участвовать въ выборахъ, а гражданскій губернаторъ Рихтеръ, явившійся для того, чтобы склонять выборы въ пользу кандидатовъ, угодныхъ магистрату, прогналъ Русскихъ изъ залы [1]).

Русское Екатерининское училище сгорѣло, и съ тѣхъ поръ возобновлено не было; православное духовенство не получаетъ ничего отъ города [2]). Страшная бѣдность и сопряженный съ нею развратъ сдѣлались почти неизбѣжною долею Русскихъ; наконецъ къ этому присоединился соблазнъ, которому подвергались православные, при видѣ лучшей участи и особеннаго покровительства, которыми пользовались раскольники со стороны мѣстнаго начальства.

Но не для однихъ Русскихъ было гибельно возстановленіе стараго порядка: всѣ вообще обыватели приведены были въ то жалкое состояніе, въ которомъ они находились до

[1]) Изъ жалобы, поданной въ то время Русскими.

[2]) Въ изданіи 1852 г.: „православное духовенство не получало ничего отъ города, тогда какъ протестантскому производилось щедрое содержаніе“. *Прим. изд.*

1786 г.; даже значительная часть купеческаго сословія, извѣдавъ выгоды свободы въ производствѣ торговли, находила нестерпимыми возобновленныя прежнія ограниченія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ положительные факты.

Борьба противъ возстановленія Город. Положенія.

Въ 1801 г., по поводу изданія манифеста 2 апрѣля [1]), о возстановленіи Городоваго Положенія во всей силѣ его и пространствѣ, о признаваніи его однимъ изъ главныхъ, неприложныхъ и неприкосновенныхъ государственныхъ постановленій, и объ отмѣнѣ всего, что было допущено или установлено противнаго оному или несообразнаго силѣ его, магистратъ ходатайствовалъ объ утвержденіи стараго порядка, будто бы отъ имени всѣхъ обывателей, и не смотря на то, что онъ не имѣлъ отъ нихъ никакого полномочія. Въ слѣдующемъ 1802 г. происходили два собранія гражданъ для рѣшенія вопроса о томъ: просить ли объ оставленіи древняго муниципальнаго устройства, или о введеніи Городоваго Положенія; 17 февраля, изъ членовъ большой гильдіи оказалось 185 голосовъ въ пользу послѣдняго и 78 (въ томъ числѣ 40 старшинъ) въ пользу перваго [2]), а 15 декабря, изъ 153 членовъ большой гильдіи только два подали голосъ въ пользу древняго учрежденія. Но высшее правительство признало это изъявленіе общественнаго мнѣнія недостаточнымъ и въ 1803 г. повелѣно вновь созвать гражданъ и потребовать отъ нихъ рѣшительнаго мнѣнія, въ присутствіи и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ландрата Сиверса. Между вторымъ и третьимъ собраніемъ прошло два года, въ продолженіе которыхъ партія, преданная старому порядку и сильная какъ богатствомъ своимъ, такъ въ особенности исключительнымъ преобладаніемъ ея въ судопроизводствѣ и управленіи, могла свободно интриговать и вербовать союзниковъ между подчиненными ей сословіями. Но этимъ она не удовольствовалась, и самымъ безстыднымъ образомъ нарушила свободу подачи голосовъ. Ландратъ Сиверсъ, котораго конечно не упрекнутъ въ пристрастіи къ противной сторонѣ, самъ доносилъ, что при баллотированіи вкрались разныя

[1]) № 19,811. [2]) Объ этомъ собраніи упомянуто въ просьбѣ Русскихъ генералъ-губернатору князю Голицыну 20 мая 1802 года. Канцеляр. Остзейск. генер.-губер., дѣло за № 94.

злоупотребленія, и въ доказательство приводилъ, что мѣщане изъ Русскихъ и частью изъ Нѣмцевъ не были допущены въ собраніе, хотя они имѣли полное на то право. Этимъ вполнѣ подтверждается достовѣрность фактовъ, изложенныхъ въ просьбѣ, поданной въ то время Русскими. Они писали между прочимъ, что русскіе купцы и мѣщане (въ числѣ коихъ въ Ригѣ однихъ платившихъ подать съ капитала состояло около 400 чел.) не были допущены; что они приносили на сіе жалобу ландрату Сиверсу, которая впрочемъ уважена имъ не была; а между тѣмъ, противная сторона употребила даже насиліе, чрезъ умышленное задержаніе подъ стражею тѣхъ изъ Русскихъ, которые домогались участія въ собраніи, чему примѣръ былъ съ купцомъ Абросимовымъ и К°, который, наканунѣ собранія, въ полночь, былъ арестованъ въ домѣ своемъ квартальными коммиссарами, именемъ гражданскаго губернатора Рихтера, по одному только подозрѣнію, яко бы у него въ конторѣ хранились изготовленныя Русскими просьбы. По учиненіи баллотированія, 23 февраля 1803 г., оказалось голосовъ въ пользу стараго учрежденія: отъ магистратскаго сословія 18, отъ купеческаго, съ причисленіемъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ленбюргеровъ (т. е. обѣднѣвшихъ гражданъ, получавшихъ пособія изъ разныхъ кассъ или занимавшихъ доходныя городскія должности) 196, отъ ремесленниковъ 444, итого 658; за Городовое Положеніе: отъ купеческаго сословія 266, отъ ремесленниковъ 70, итого 336. Итакъ, несмотря на интриги, угрозы и прямое насиліе первая сторона перевѣсила вторую не болѣе, какъ 322 голосами. Донося объ этомъ, 24 февраля 1803 г., тогдашній генералъ губернаторъ князь Голицынъ присовокупилъ: что члены магистрата подали свои голоса въ пользу стараго учрежденія единственно потому, что, со введеніемъ Городоваго Положенія, они потеряли бы всѣ свои личныя выгоды; что цеховые ремесленники движимы были желаніемъ сохранить свои шраги, на основаніи коихъ они присвоивали себѣ исключительное право производить ремесла въ Ригѣ и не допускать другихъ ремесленниковъ заниматься ими; что, пользуясь таковою монополіею, они заставляли платить себѣ за работы непомѣрную

Мнѣніе генералъ-губернатора.

цѣну, работая притомъ весьма медленно, по причинѣ ограниченнаго числа работниковъ, котораго они по шрагамъ превышать не могли; но что, если Городовое Положеніе будетъ введено, то ихъ монополія прекратится, число ремесленниковъ и работниковъ увеличится, цѣны упадутъ, и отъ того частная выгода гильдій хотя уменьшится, но общественная польза значительно увеличится; что лейбюргеры зависятъ отъ магистрата, потому и подали голоса въ его пользу; наконецъ, что, какъ для общественной пользы города, такъ и для спокойствія и тишины, введеніе Городоваго Положенія необходимо [1]).

Комитетъ 1803 г.

Изъ всѣхъ прописанныхъ обстоятельствъ, высшее правительство убѣдилось въ необходимости преобразованій, но дабы они могли быть сообразны съ истинными пользами города, 21 марта 1803 года высочайше повелѣно было, согласно съ просьбою о томъ магистрата [2]), составить въ Ригѣ Комитетъ, коему поручено было разсмотрѣть въ подробности существовавшее постановленіе города Риги, и замѣтивъ все, что въ немъ съ пользами города несогласно, или по измѣнившимся обстоятельствамъ въ исполненіи неудобно, назначить нужныя перемѣны и исправленія и представить ихъ на высочайшее усмотрѣніе. Донося о полученіи сего указа, тогдашній генералъ губернаторъ, въ отношеніи своемъ къ графу Кочубею отъ 31 марта 1803 года, счелъ долгомъ объявить: что онъ не ручается за то, выполнитъ ли комитетъ благодѣтельную цѣль монарха и въ состояніи ли рижскіе купцы и ремесленники составить что либо подобное общему Губернскому Учрежденію и Городовому Положенію; что члены комитета, состоя подъ вліяніемъ магистрата, хотя бы и очистили свое старое учрежденіе, но не упустятъ притомъ оставить свое самодержавіе и будутъ душить своихъ сограждан по прежнему; что неустройства и безпорядки въ Ригѣ, по его убѣжденію, продолжаться будутъ до

Заявленіе генералъ-губернатора.

---

[1]) Всѣ эти обстоятельства заимствованы изъ записки II Отдѣленія Собственной Его И. В. Канцеляріи, внесенной въ 1841 г. въ Государственный Совѣтъ, и изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ остзейскаго генералъ-губернатора за № 94.

[2]) Какъ видно изъ доклада Рижскаго Комитета 1803 года.

того времени, пока тамъ не будетъ введено Городовое Положеніе, ибо вообще владычество ландратовъ и магистратовъ слишкомъ тягостно для всѣхъ жителей края.

Просьба русскаго купечества.

При самомъ учрежденіи комитета, представлены были на высочайшее имя отъ русскаго въ Ригѣ купечества и мѣщанства всеподданѣйшія просьбы, о дозволеніи имъ избрать въ оный изъ среды своей членовъ, и хотя это признано было неудобнымъ къ исполненію, но въ отношеніи графа Кочубея къ генералъ-губернатору 28 мая 1803 года объявлено было отъ высочайшаго имени, что русскіе купцы и мѣщане должны быть совершенно спокойны въ разсужденіи выгодъ и правъ своихъ, кои, при разсмотрѣніи въ С.-Петербургѣ трудовъ комитета, не останутся безъ надлежащаго уваженія и конечно охранены будутъ во всемъ ихъ пространствѣ.

Составъ комитета.

Въ члены комитета избраны были городскими сословіями отъ магистрата: бургомистръ Янау и ратсгеръ Штрезовъ; отъ большой гильдіи: ельтерманъ Рааве и надворный совѣтникъ Винеманъ; отъ малой: старшина Мауеръ, впослѣдствіи Лангеръ, и Штраусъ. Винеманъ избранъ былъ предсѣдателемъ съ правомъ двойнаго голоса въ случаѣ равенства. Не смотря на составъ этого комитета, явно благопріятный для партіи, державшейся безусловно старины, въ первыхъ же засѣданіяхъ обнаружилась рѣзкая противоположность воззрѣній.

Противоположность воззрѣній въ комитетѣ.

Предсѣдатель, съ согласія членовъ отъ магистрата, предложилъ признать дѣленіе на три сословія и вообще главныя начала древняго городского устройства за основныя законоположенія и, предпославъ краткое ихъ изложеніе, приступить къ сличенію правъ каждаго сословія съ привилегіями и къ разбору ихъ по одиночкѣ, а затѣмъ взаимныхъ отношеній городскихъ сословій; этою системою занятій защитники старины надѣялись устранить всѣ существенные вопросы, возбужденные сравненіемъ древней рижской конституціи съ Городовымъ Положеніемъ, и ограничить дѣятельность комитета одними мелочами. Но требованія и понятія, развитыя въ городскомъ обществѣ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, нашли достойнаго представителя въ лицѣ ельтермана Рааве, человѣка, одареннаго свѣтлою головою и безпримѣрнымъ въ рижскомъ обществѣ

безпристрастіемъ. Онъ объявилъ, что, какъ представитель сословія, торжественно подавшаго голосъ въ пользу Городоваго Положенія, онъ считаетъ необходимымъ принять его за основаніе дальнѣйшихъ соображеній и всѣми силами защищать это положеніе, какъ самую драгоцѣнную изъ всѣхъ дарованныхъ городу привилегій, какъ законодательный актъ, по его выраженію, водворившій порядокъ на мѣсто безпорядка, разсѣявшій прежнюю тьму и внесшій въ нее свѣтъ. Далѣе, онъ изъяснялъ: что сличеніе отдѣльныхъ статей древняго законоположенія съ источниками было бы затруднительно и сопряжено съ безполезною потерею времени, такъ какъ правительство требовало отнюдь не юридическаго оправданія существовавшаго порядка, а разъясненія его недостатковъ и несообразностей съ настоящими потребностями; что не могло быть и рѣчи о безусловномъ сохраненіи порядка, будто бы на привилегіяхъ основаннаго; но что напротивъ дѣло шло о коренномъ его преобразованіи, при чемъ непозволительно было связывать себя старпною. Противъ этого возстали всѣ прочіе члены комитета и, согласно съ ихъ мнѣніемъ, бургомистръ Янау сообщилъ изготовленное имъ изложеніе правъ и преимуществъ трехъ сословій, при чемъ магистрату посвящено было 4 засѣданія, а обѣимъ гильдіямъ одно. Затѣмъ уже, всѣ дальнѣйшія совѣщанія ограничивались разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ статей этого изложенія; но прежде, чѣмъ къ тому приступили, ельтерманъ Рааве подалъ особое мнѣніе, въ которомъ изъяснялъ: что въ изложеніи правъ магистрата помѣщены такія, которыя не имѣли основанія даже въ привилегіяхъ, напримѣръ, право верховнаго распоряженія и надзора надъ Касса-Коллегіею; что если, вопреки королевскому уставу 1676 года, магистратъ произвольно назначалъ пенсіи изъ городскихъ суммъ, безъ предварительныхъ о томъ совѣщаній, заключалъ арендные контракты, выдавалъ инструкціи чиновникамъ, выбираемымъ и опредѣляемымъ городскою кассою, запрещалъ имъ избирать себѣ самимъ подчиненныхъ служителей, и т. д.; то все это дѣлалось имъ не по праву, а вслѣдствіе постепеннаго превышенія власти, ему предоставленной, и постояннаго

Особое мнѣніе Рааве.

стремленія его къ исключительному распространенію своей власти и своихъ преимуществъ, и къ стѣсненію правъ прочихъ сословій; что въ послѣднихъ годахъ, магистратъ не обращалъ никакого вниманія на голосъ ельтермана, безъ согласія котораго, въ прежнія времена, онъ ничего не могъ предпринять. Въ числѣ недостатковъ старыхъ учрежденій ельтерманъ выставлялъ слѣдующія, какъ главнѣйшія:

1. Совмѣщеніе въ магистратѣ судебной власти съ административною, совершенно противное общепринятымъ началамъ, и въ особенности вредное въ Ригѣ; ибо, при неопредѣленности юридическихъ отношеній и отсутствіи законныхъ преградъ, всевластіе магистрата дошло до такого деспотизма, что онъ сдѣлался какъ бы единственнымъ сословіемъ.

2. Право самоизбранія, ему предоставленное, служащее только препятствіемъ къ распространенію ясныхъ понятій и защищаемое однимъ лишь слѣпымъ пристрастіемъ.

3. Негодность полицейскаго управленія, давно признанную общественнымъ мнѣніемъ.

4. Медленность и чрезвычайную дороговизну судопроизводства, доходившую до того, что если искъ не превышалъ 100 или 200 рублей, то онъ весь поглащался канцелярскими расходами, воспрещенными закономъ.

5. Отсутствіе высшей инстанціи, къ которой бы можно было на мѣстѣ апеллировать на рѣшенія магистрата.

6. Безконечный вредъ, понесенный городскою кассою отъ его распоряженій, доказанный тѣмъ, что всѣ капиталы, накопленные думою съ 1799 по 1801 годъ, были растрачены, и даже сдѣланы новые долги, равно какъ и квартирнымъ правленіемъ, находившимся въ отчаянномъ положеніи.

7. Наконецъ, несправедливое устраненіе многочисленнаго класса простыхъ обывателей отъ всякаго участія въ управленіи.

Возраженіе бургомистра Янау.

Бургомистръ Янау, оскорбленный этими замѣчаніями, старался выставить ихъ какъ противодѣйствіе высочайшей волѣ о сохраненіи старыхъ учрежденій, будто бы изъясненной въ инструкціи, данной Комитету; ссылался на примѣры нѣмецкихъ городовъ: Любека, Бремена, Кенигсберга; утверждалъ,

что Городовое Положеніе ничего не принесло кромѣ вреда, развратило Рижанъ и породило даже уголовныя преступленія, чего прежде въ Ригѣ никогда не бывало; а требованіе допущенія обывателей казалось ему такимъ оскорбленіемъ основнаго начала городской конституціи, что онъ даже не считалъ нужнымъ опровергать его.

Удаленіе Рааве изъ комитета.

Большинство подавило голосъ ельтермана Рааве и, послѣ многихъ безплодныхъ протестовъ съ его стороны и всякаго рода придирокъ со стороны предсѣдателя и членовъ отъ магистрата (напримѣръ, отказа въ выдачѣ ему актовъ, въ помѣщеніи его мнѣній въ протоколы), онъ былъ вынужденъ просить увольненія. Мѣсто его заступилъ человѣкъ ничтожный, ельтерманъ Вигертъ. Такимъ образомъ, партія, желавшая коренного преобразованія, лишилась представителя въ Комитетѣ и съ этого времени можно было предвидѣть заранѣе результатъ совѣщаній.

Требованія, предъявленныя комитету и имъ отвергнутыя.

По удаленіи Рааве, завязался споръ между ельтерманомъ малой гильдіи и представителями другихъ сословій; онъ требовалъ назначенія нѣсколькихъ ратгеровъ изъ числа цеховыхъ мастеровъ, допущенія представителей отъ послѣднихъ въ цеховой судъ и въ нѣкоторыя должности, предоставленныя дотолѣ исключительно членамъ большой гильдіи. Но, не умѣвъ во-время поддержать своего товарища, онъ не былъ въ состояніи провести своихъ требованій, которыя почти безъ изъятія были отвергнуты; мнѣній его, несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства, не помѣстили въ отчетѣ Комитета, вслѣдствіе чего онъ и не подписалъ его.

Затѣмъ, представлены были на обсужденіе Комитета требованія лицъ и цѣлыхъ сословій, не имѣвшихъ представителей, а именно Задвинскихъ обывателей и Латышскихъ цеховъ. Первые просили разрѣшенія учредить за Двиною особый рынокъ, пивоваренный заводъ и содержать неограниченное число лавокъ: все это Комитетъ призналъ несовмѣстнымъ съ привилегіями и вреднымъ. Латыши жаловались, что магистратъ въ 1784 г., не спросивъ ихъ, ходатайствовалъ объ освобожденіи ихъ отъ подушной подати для того только, чтобы имѣть возможность обременять ихъ повинностями въ пользу города, и просили, чтобы ихъ приняли въ общество

гражданъ; но ихъ нескладная просьба (въ которой они, слѣдуя общему обычаю, ссылались на какія-то привилегіи) была также отвергнута.

Итакъ, предположенія Комитета не удовлетворяли ни купечества, многократно подававшаго голосъ въ пользу Городоваго Положенія, ни цеховыхъ ремесленниковъ, ни Задвинскихъ обывателей, ни цеховыхъ Латышей; одинъ магистратъ, съ самаго начала сообщившій занятіямъ превратное направленіе, остался доволенъ, ибо ему удалось сохранить всю старину, во сколько съ нею были связаны его сословные интересы [1]).

Такая же борьба въ комитетѣ 1802 г.

Между тѣмъ, въ другомъ Комитетѣ, учрежденномъ въ Ригѣ по высочайшему повелѣнію 21 марта 1802 г., для приведенія въ извѣстность городскихъ доходовъ и расходовъ и уравненія повинностей, происходило совершенно подобное явленіе. Купецъ Сажинъ, засѣдавшій въ немъ какъ представитель русскаго купечества и слабо поддерживаемый ельтерманомъ малой гильдіи Лангеромъ и ельтерманомъ латышскихъ цеховъ, неутомимо обличалъ недостатки прежняго управленія, злоупотребленія магистрата и настаивалъ на необходимости кореннаго преобразованія. Однимъ словомъ, онъ игралъ совершенно одинаковую роль съ ельтерманомъ Рааве и подвергся одинаковой съ нимъ участи, т. е. придиркамъ и непріятностямъ со стороны членовъ магистрата, и въ особенности бургомистра Янау, который въ частномъ письмѣ къ генералъ-губернатору всячески старался очернить его [2]).

Отзывы генералъ-губернатора о трудахъ комитета.

Тогдашній генералъ губернаторъ, графъ Буксгевденъ, коротко знакомый съ мѣстными обстоятельствами и предчувствовавшій неминуемое торжество интригъ магистрата, отношеніемъ 29 октября 1804 г. къ министру внутреннихъ дѣлъ,

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты изъ подлинныхъ протоколовъ Комитета. Магистратъ, на запросъ Коммиссіи, отвѣтилъ, что они пропали, но Коммиссіи удалось достать ихъ частнымъ образомъ. (Въ изд. 1852 г. въ примѣчаніи отъ слова «Магистратъ» до «образомъ» опущено. *Прим. изд.*).

[2]) Исторія этого Комитета и всѣхъ другихъ мѣръ, принятыхъ мѣстнымъ начальствомъ и высшимъ правительствомъ для улучшенія городскихъ финансовъ, изложена въ особомъ историческомъ обозрѣніи общественнаго хозяйства города Риги.

графу Кочубею, настоятельно ходатайствовалъ о томъ, чтобы предположенія комитета, занимавшагося городскою конституціею, прежде разсмотрѣнія ихъ въ Петербургѣ, присланы были къ нему на предварительное заключеніе. Въ отвѣтъ на это, графъ Кочубей сообщилъ ему, что Государь Императоръ, находя желаніе сіе весьма основательнымъ, высочайше повелѣть соизволилъ удовлетворить оному, не отмѣняя впрочемъ прежняго постановленія, т. е. обратить къ графу Буксгевдену заключеніе Комитета, когда оно уже представлено будетъ Его Величеству.

Тогда генералъ-губернаторъ обратился къ бывшему въ то время министромъ юстиціи Лопухину и въ конфиденціальномъ отношеніи 9 мая 1805 г. писалъ ему между прочимъ слѣдующее: „Члены магистрата, зная тягость ихъ всему гражданству, привыкли видѣть, что, не смотря на всѣ ихъ разсчеты, оглашенное въ присутствіяхъ магистрата не остается безъ замѣчаній моихъ. Мое правило — пещись о благѣ всего гражданства, а не о частныхъ выгодахъ членовъ магистрата, противу деспотизма ихъ защищать безсильныхъ, и, сколько можно, ограничить хищническую ихъ власть. Не сомнѣваются они и въ томъ, что понынѣ мѣстныя свѣдѣнія, мною собранныя, достаточны изобличить ихъ въ пристрастіи и потому Комитетъ тщательно скрывалъ отъ меня сужденія свои и депутаты отправились съ работою, отнюдь не упоминая со мною о качествѣ оной, въ твердой надеждѣ выиграть дѣло магистрату и братству большой гильдіи угодное, по предразсудку, что въ Петербургѣ нѣтъ мѣстныхъ о Ригѣ свѣдѣній“, и т. д.

Труды и предположенія комитета 1803 года.

Для поднесенія трудовъ Комитета на высочайшее благоусмотрѣніе отправились въ Петербургъ бургомистръ Янау, ратсгеръ Шварцъ и Бпнеманъ; оба послѣдніе, какъ видно изъ протоколовъ Комитета, были безусловно преданы магистрату.

Эти труды заключали въ себѣ: Во-первыхъ: краткое историческое обозрѣніе развитія рижскаго муниципальнаго устройства, въ которомъ не обращено вниманія на самое существенное, т. е. на постоянную борьбу магистрата съ гильдіями, обѣихъ гильдій между собою, на жалобы обыва-

вателей и на цѣлый рядъ преобразованій, произведенныхъ верховною властью вопреки магистрату: далѣе, о собраніяхъ, происходившихъ въ 1801 и 1803 годахъ, сказано, что незначительная только часть членовъ большой гильдіи, притомъ введенная въ заблужденіе нѣкоторыми лицами, ходатайствовала о возстановленіи Городоваго Положенія.

Во вторыхъ: изложеніе древняго муниципальнаго устройства и оцѣнку его, выраженную слѣдующими словами: „Комитетъ считаетъ себя обязаннымъ изъяснить, что, по его убѣжденію, всѣ основныя положенія и главныя черты древняго учрежденія города Риги благодѣтельны и вполнѣ достигаютъ своихъ цѣлей; что имъ городъ обязанъ цвѣтущимъ состояніемъ своимъ и доброю славою въ Россіи и за границею; что они столь же превосходны для настоящаго времени, сколь были сообразны съ потребностями прошедшаго; что примѣненіе ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій; что содержащіяся въ нихъ постановленія ограждаютъ сіи учрежденія не только отъ злоупотребленій, но и отъ самовольнаго нарушенія ихъ, какъ со стороны начальства, такъ и отъ управленій городскаго общества; а потому комитетъ не признаетъ надобности допускать какія либо въ сихъ учрежденіяхъ перемѣны". О требованіяхъ ельтермановъ Рааве и Лангера упомянуто было слегка, въ особомъ приложеніи.

Въ-третьихъ, наконецъ: предположенныя измѣненія, изъ коихъ главнѣйшія были слѣдующія:

1. Сосредоточить полицейскую власть, судебную и распорядительную въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, составленномъ изъ трехъ ратсгеровъ и подчиненномъ непосредственно магистрату.

2. Возстановить словесные суды въ городскихъ частяхъ и увеличить ихъ власть и кругъ дѣятельности.

3. Назначить комитетъ для разсмотрѣнія торговыхъ уставовъ и улучшенія ихъ.

4. Учредить постоянный торговый комитетъ для наблюденія

за ходомъ торговли и составленія предположеній по этой части.

5. Въ порядкѣ апелляціи подчинить магистратъ непосредственно сенату.

6. Упразднить инспекціи: строительную, экономическую, министерейную, конюшенную.

7. Признавая устройство касса-коллегіи (переименованной въ экономическое правленіе) крайне недостаточнымъ, Комитетъ предлагалъ: a) придать ей бо́льшую самостоятельность въ отношеніи къ магистрату, разрѣшивъ ей изготовлять самой документы разнаго рода, опредѣлять чиновниковъ, сноситься непосредственно со всѣми лицами, но оставивъ магистрату право принимать жалобы, на нее приносимыя; b) раздѣлить ее на 4 экспедиціи: казначейскую, экономическую, податную, строительную, и распредѣлить между ними занятія, поручивъ каждой изъ нихъ вносить производимыя ею дѣла въ общее присутствіе съ своими заключеніями, и возложивъ на каждую экспедицію отвѣтственность передъ цѣлымъ присутствіемъ за точное и скорое исполненіе его рѣшеній; c) представлять ежегодно счеты экономическаго правленія на ревизію выборныхъ отъ трехъ городскихъ сословій, съ тѣмъ однакоже ограниченіемъ, чтобы ревизія эта была оканчиваема въ мѣсячный срокъ; затѣмъ, сдѣланныя замѣчанія отсылать на разсмотрѣніе и законное постановленіе въ магистратъ; d) назначить жалованье засѣдателямъ экономическаго правленія.

8. На тѣхъ же основаніяхъ устроить квартирное правленіе.

9. Увеличить число ратгеровъ до 20; въ выборѣ ученыхъ не ограничиваться одними канцелярскими чиновниками; право назначать ежегодно первоприсутствующаго бургомистра передать всему магистрату по большинству голосовъ.

10. Относительно вступленія въ большую гильдію оставить въ силѣ тогдашній обычай, по которому требовалось, кромѣ законнаго происхожденія отъ родителей свободнаго состоянія, свидѣтельство изученія торговли въ Ригѣ, въ другомъ городѣ имперіи, или за границею.

11. О вступленіи въ братство обѣихъ гильдій: такъ какъ, по введеніи Городоваго Положенія, въ гильдію были приняты

многія лица не германскаго происхожденія и не протестантскаго вѣроисповѣданія, которыя одни могутъ вступать въ братство, то отмѣнить вышедшій уже изъ употребленія законъ, по которому каждый членъ гильдіи былъ обязанъ, черезъ два года по вступленіи въ оную, предъявить просьбу о пріемѣ въ братство; предоставить это на волю каждаго члена гильдіи, но требовать какъ непремѣнныхъ условій: протестантскаго вѣроисповѣданія, основательнаго знанія нѣмецкаго языка и согласія всѣхъ членовъ братства.

12. Увеличить число старшинъ и власть имъ предоставленную.

13. По оказавшейся необходимости устранить отъ участія въ сословномъ управленіи членовъ гильдій, неимѣвшихъ достаточнаго образованія и вѣса въ обществѣ, предоставить право выбора въ должности и подачи голоса въ совѣщаніяхъ исключительно лицамъ, имѣющимъ недвижимую собственность въ стѣнахъ города.

14. Распространить на членовъ гильдій, къ братствамъ не принадлежащихъ, обязанность занимать по выборамъ должности засѣдателей въ экономическомъ и квартирномъ правленіяхъ и опекуновъ, предоставивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ право на полученіе доходныхъ гильдейскихъ должностей.

15. Старшинамъ представлять отъ себя кандидатовъ на замѣщеніе открывающихся въ ихъ скамьѣ вакацій.

16. Для искорененія вреда, происходившаго отъ исключительности цеховаго устройства, разрѣшить пріемъ учениковъ свободнаго состоянія, безъ различія племени и вѣроисповѣданія; понизить расходы, сопряженные съ пріобрѣтеніемъ званія мастера; разрѣшить всякому трудами рукъ своихъ снискивать себѣ пропитаніе, но безъ посторонней помощи и не распространяя этого правила на цеховыхъ учениковъ, подмастерьевъ, солдатъ и крѣпостныхъ людей; упразднить всѣ подмастерскія товарищества, сходы, кассы и т. д.

17. Воспретить жидамъ имѣть постоянное пребываніе въ Ригѣ.

18. Отмѣнить уставы о касса-коллегіи, квартирномъ правленіи, праги обѣихъ гильдій и всѣхъ цеховъ; замѣнить ихъ составленными комитетомъ уставами [1]).

[1]) Все это заимствовано изъ отчета комитета.

Замѣчанія на предположенія комитета 1803 г.

Не считая нужнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ предположеній, мы ограничимся немногими замѣчаніями.

1. Очевидно, что три существенныя потребности: отдѣленіе судебной власти отъ административной, ограниченіе права самоизбранія и произвола высшаго сословія и наконецъ дарованіе юридическаго устройства обывателямъ, не только не были удовлетворены, но даже не были признаны комитетомъ.

2 Сосредоточеніе полицейской власти въ рукахъ магистрата, лишало высшее мѣстное начальство исполнительныхъ орудій.

3. Предположенія объ устройствѣ касса-коллегіи и квартирнаго правленія заключали въ себѣ много дѣльнаго и полезнаго, заимствованнаго изъ мнѣній ельтермана Рааве.

4. Предложенныя измѣненія въ устройствѣ гильдій были прямо противоположны цѣлямъ правительства, ибо клонились очевидно къ устраненію Русскихъ изъ братства и изъ общественныхъ собраній всей гильдіи, такъ какъ большая часть изъ нихъ населяла форштаты.

5. Предположенія объ искорененіи стѣснительныхъ цеховыхъ постановленій не достигали своей цѣли, ибо оставленіе управнаго урока давало полную возможность мастерамъ подъ разными предлогами обходить законъ.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что, несмотря на явное пристрастіе членовъ комитета къ своей старинѣ, нѣкоторыя здравыя начала проникли въ ихъ невосприимчивые умы путемъ двѣнадцатилѣтняго опыта: слѣдовательно введеніе Городоваго Положенія и для нихъ было не безполезно.

Высочайшее повелѣніе 1805 г.

По всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало 1 апрѣля 1805 г. высочайшее повелѣніе: „для разсмотрѣнія постановленія города Риги, составить комитетъ изъ министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, товарищей ихъ и сенатора Казадавлева". Заключеніе этого комитета, удостоенное высочайшаго утвержденія 8 іюля того же года, состояло въ томъ, что дѣло сіе (преобразованіе рижскаго муниципальнаго устройства) должно быть разсмотрѣно совокупно съ тѣмъ, когда коммиссія законовъ при-

ступить къ составленію общаго положенія о городахъ[1]) и что посему присланныхъ отъ города депутатовъ должно отпустить, обнадеживъ ихъ, что желанія и нужды города Риги приняты будутъ въ уваженіе; до окончательнаго разсмотрѣнія оныхъ, древнія городскія установленія сохраняемы будутъ безъ всякой отмѣны, согласно съ высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ по сему предмету въ 1803 г. на имя бывшаго рижскаго военнаго губернатора князя Голицына. Такимъ образомъ, обѣщаніе, данное Русскимъ въ 1803 г., что труды и жалобы ихъ не останутся безъ удовлетворенія, не было исполнено, и древнія учрежденія города Риги, которыхъ недостатки давно уже были замѣчены и которыхъ исправленіе было признано необходимымъ во многихъ частяхъ самимъ магистратомъ, оставлены были во всей силѣ и безъ перемѣны хотя впрочемъ только на время.

Просьбы 1826 г. города Риги и русскихъ обывателей Риги

Въ началѣ 1826 г представлена была отъ имени города всеподданнѣйшая просьба о подтвержденіи всѣхъ вообще правъ и преимуществъ ему дарованныхъ, и въ то же время отъ повѣренныхъ отъ обществъ русскихъ купцовъ, мѣщанъ

[1]) Послѣ словъ „къ составленію общаго положенія о городахъ“, и до словъ: „Говоря о братствѣ, онъ опредѣлилъ“ (стр. 522) въ изданіи 1852 г. изложено подробнѣе въ слѣдующей редакціи:

„Вслѣдствіе сего графъ Кочубей, объявивъ по высочайшему повелѣнію рижскимъ депутатамъ, что они могутъ возвратиться въ свой городъ, присовокупилъ: „При семъ Е. В—ву благоугодно было повелѣть: 1) обнадежить васъ, что содержащіяся въ поднесенномъ вами меморіалѣ и проэктѣ конституціи, желанія и нужды города Риги всемилостивѣйше приняты будутъ во уваженіе и 2) что до окончательнаго разсмотрѣнія и Высочайшаго утвержденія положенія для города Риги, древнія установленія, сему городу присвоенныя, сохраняемы будутъ безъ всякой отмѣны, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ по сему предмету въ 1803 г. на имя бывшаго рижскаго военнаго губернатора князя Голицына“.

Вслѣдъ затѣмъ графъ Кочубей, отъ 12 іюля, за № 627, сообщилъ остзейскому генералъ-губернатору, что рижскіе депутаты отправлены были въ Петербургъ, какъ извѣстно, съ значительными суммами, и пытались подкупить тамъ различныхъ чиновниковъ; вслѣдствіе чего Е. И. В. высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы графъ Букгевденъ, призвавъ къ себѣ означенныхъ депутатовъ, изъявилъ имъ возможно болѣе гласно особенное монаршее неудовольствіе и присовокупилъ, что Государь Императоръ не могъ ожидать, чтобы рижское городское общество рѣшилось прибѣгать къ подобнымъ средствамъ.

и ремесленниковъ принесена всеподданнѣйшая просьба о томъ, чтобы предварительно разсмотрѣны были ихъ жалобы на претерпѣваемыя ими стѣсненія.

Находя въ запискѣ II-го Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи объ устройствѣ городскаго общества въ Ригѣ, о пріобрѣтеніи правъ гражданства и о вступленіи въ гильдіи и братства пространное изложеніе какъ требованій Русскихъ, такъ и объясненій магистрата, мы считаемъ излишнимъ повторять его, тѣмъ болѣе, что всѣ эти вопросы уже исчерпаны и разрѣшены закономъ, но сдѣлаемъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній на противорѣчія, ошибки и историческія невѣрности, коими исполнены объясненія магистрата.

Замѣчанія на объясненія магистрата.

Говоря о братствѣ, онъ опредѣлилъ его союзомъ благомыслящихъ людей, обязавшихся нести различныя тягости и исправлять должности для пользы общественной безвозмездно, давая черезъ это разумѣть, что званіе брата болѣе обременительно, чѣмъ выгодно и слегка только упоминая о томъ, что всѣ доходныя должности и важныя мѣста по упра-

---

Такимъ образомъ, высочайшимъ повелѣніемъ 8 іюля 1805 г. (какъ изъяснено въ докладѣ II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи Государственному Совѣту въ 1841 г.) „древнія учрежденія города Риги, которыхъ недостатки давно уже были замѣчены и обратили на себя высочайшее вниманіе, только на время оставлены въ своей силѣ и безъ перемѣны".

Но отсрочкѣ этой суждено было продлиться долго и, пользуясь ею, безусловные приверженцы въ Ригѣ стараго порядка начали пытаться исходатайствовать совершенную отмѣну вышеприведенной высочайшей воли.

Въ 1826 г. по поводу вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, представлена была отъ магистрата и общества города Риги всеподданнѣйшая просьба о подтвержденіи всѣхъ вообще правъ и преимуществъ, дарованныхъ сему городу, на основаніи капитуляціи и жалованной отъ императора Петра I грамоты 30 сентября 1710 г., и въ особенности о подтвержденіи грамоты Густава — Адольфа 1630 г. на владѣніе мызами Икскуль и Кирхгольмъ.

Поводомъ къ этой просьбѣ выставлялась обязанность испрашивать подтвержденіе на владѣніе означенными мызами, какъ предоставленными Ригѣ на ленномъ правѣ.

Но, во-первыхъ, подобная обязанность не могла существовать послѣ уничтоженія леновъ 3 мая 1783 г., во-вторыхъ, сущность ходатайства заключалась въ безусловномъ подтвержденіи привилегій, т. е. въ косвенной отмѣнѣ высочайшаго повелѣнія 8 іюля 1805 года.

вленію вовсе не безвозмездныя, предоставлены были неключительно братьямъ, которые на самомъ дѣлѣ одни только пользовались полными правами въ составѣ общества. Такимъ образомъ, существенное значеніе братства отодвигалось на задній планъ и самое учрежденіе выказывалось не въ настоящемъ его видѣ. Настаивая на необходимости знанія нѣмецкаго языка, магистратъ подразумѣвалъ, что Русскимъ, живущимъ въ Ригѣ, оно чуждо (что было совершенно ложно и опровергается многими примѣрами) и ни во что не ставилъ знаніе русскаго языка, какъ безполезное. Говоря о благотворительныхъ учрежденіяхъ, онъ утверждалъ, что они основаны протестантами и для протестантовъ, что̀ противно всѣмъ документамъ, ибо Tafelgilde основана до введенія протестантизма. Онъ утверждалъ, что при существующемъ доселѣ порядкѣ Русскіе не могутъ пріобрѣсти достаточнаго знанія мѣстныхъ законовъ и потому безполезны для об-

---

Извѣстіе объ этой просьбѣ побудило русскихъ членовъ рижской градской общины всеподданнѣйше просить, чтобы предварительно разсмотрѣны были ихъ жалобы на претерпѣваемыя ими стѣсненія и чтобы древнее учрежденіе города Риги или было отмѣнено, или чтобы они, граждане россійскаго вѣроисповѣданія, уравнены въ правахъ съ протестантами. Ходатайства эти изложены въ прошеніяхъ, представленныхъ: 1) отъ рижскаго россійскаго купечества, купцомъ 2 гильдіи Антиповымъ въ маѣ 1826 года; 2) имъ же 4 декабря того же года; 3) купцомъ Грачевымъ, отъ имени купеческаго общества, 14 мая 1829 года; 4) отъ русскихъ ремесленниковъ и мѣщанъ въ Ригѣ, уполномоченными ихъ: Щеголевымъ, Вороновымъ и Простяковымъ 6 апрѣля 1826 года; 5) отъ тѣхъ же, Кузнецовымъ 7 іюня 1827 года и 6) Филипповымъ 2 сентября 1827 года *).

Просьбы эти были своевременно препровождаемы къ Остзейскому генералъ-губернатору, который передавалъ ихъ на заключеніе рижскаго магистрата и его опроверженія представлялъ высшему правительству.

Опроверженія эти заключаютъ въ себѣ воззрѣнія на Рижское градское устройство, неоднократно обнаруженныя магистратомъ и уже прежде того изложенныя въ настоящей исторіи; а потому, не входя въ подробный разборъ ихъ, мы ограничимся только указаніемъ на противурѣчія, ошибки и историческія невѣрности, коими исполнены объясненія магистрата". Вслѣдъ за этимъ текстъ по изданію 1852 года идетъ согласно съ рукописью, начиная со словъ „Говоря о братствѣ". *Прим. изд.*

*) Содержаніе этихъ просьбъ и объясненія, данныя по этимъ просьбамъ рижскимъ магистратомъ, изложеныя въ изданіи 1852 г. въ подстрочномъ примѣчаніи, помѣщены нами далѣе въ приложеніяхъ къ Исторіи Риги. *Прим. изд.*

щества, и въ то же время ставилъ имъ незнаніе ихъ въ вину. Пересчитывая условія вступленія въ братство, онъ умышленно не упомянулъ о томъ, что безотчетный отказъ со стороны братьевъ достаточенъ былъ для устраненія лицъ, соединявшихъ въ себѣ всѣ законныя условія. Точно также, разбирая условія пріема учениковъ въ цехахъ и пріобрѣтенія званія мастеровъ, онъ какъ будто забывалъ, что никакой законъ не могъ принудить мастера взять къ себѣ ученика ему неугоднаго и что, при оцѣнкѣ управнаго урока, мастера могли предписывать отъ себя всякаго рода условія съ подмастерьями и что поэтому всѣ законы объ ограниченіи ихъ произвола были и должны были оставаться безплодными.

Въ самый докладъ II-го отдѣленія вошла та мысль, что устройство города Риги образовалось въ теченіе вѣковъ и существовало непрерывно съ XIII столѣтія понынѣ съ нѣкоторыми лишь перемѣнами, допущенными по измѣнившимся обстоятельствамъ времени и формамъ государственнаго управленія—мысль, которая достаточно опровергается всѣмъ предшествовавшимъ изложеніемъ. Наконецъ, въ разборѣ жалобъ Русскихъ вовсе было упущено изъ виду, что до введенія преобразованія Екатерины II, они пользовались въ Ригѣ лучшимъ положеніемъ, чѣмъ по возстановленіи древнихъ учрежденій.

Частныя преобразованія въ рижскомъ городскомъ устройствѣ.

Между тѣмъ какъ разрѣшеніе вопроса о коренномъ преобразованіи рижскаго муниципальнаго устройства отлагалось съ году на годъ, въ немъ произошли нѣкоторыя перемѣны болѣе или менѣе значительныя, исходившія частью отъ верховной законодательной власти, частью же отъ мѣстныхъ начальствъ и самихъ сословій, изъ коихъ главнѣйшія должны быть вкратцѣ означены.

Въ 1800 г. указомъ 29 декабря предписано было магистрату приговоры по уголовнымъ дѣламъ представлять на утвержденіе начальника губерніи.

Въ 1816 г. учрежденъ былъ биржевой комитетъ.

Въ 1818 г. изданъ былъ цеховой уставъ, утвержденный тогдашнимъ генералъ губернаторомъ, но никогда не исполнявшійся.

Въ 1832 г. магистратъ въ порядкѣ апелляціи подчиненъ былъ непосредственно Сенату.

Въ 1840 г. іюня 30 высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта устранены притязанія рижскихъ купцовъ, живущихъ внутри города, на ограниченіе торговыхъ правъ форштатскихъ купцовъ.

Въ 1841 г 20 іюня отмѣнено стапельное право города Риги.

Въ томъ же году 19 іюня состоялось высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта касательно устройства городскаго общества въ Ригѣ, въ которомъ опредѣлены условія вступленія въ гражданство, гильдіи, братства и цехи.

Всѣ означенные указы имѣли цѣлью удовлетвореніе неотлагательныхъ потребностей; но, независимо отъ этого, правительство не теряло изъ виду временно лишь отсроченнаго кореннаго преобразованія рижскаго муниципальнаго устройства. Предшествовавшія попытки осуществить его доказывали неопровержимо крайнюю неопредѣлительность многихъ основныхъ его положеній и неспособность самого городскаго общества выйти изъ тѣснаго круга обычныхъ понятій и придумать лучшее устройство. Изъ этого возникала двойная потребность: в о п е р в ы х ъ, опредѣлить существующій порядокъ и облечь безпрестанно видоизмѣнявшійся обычай въ форму закона, что и было достигнуто изданіемъ Свода Мѣстныхъ Узаконеній губерній Остзейскихъ; в о - в т о р ы х ъ: изучить на мѣстѣ недостатки устройства въ Сводѣ формулированнаго и пріискать средства къ его улучшенію. Для достиженія этой цѣли назначена была коммиссія.

Этимъ заканчивается рукопись Ю. Ѳ. Самарина; но въ изданіи 1852 года конецъ ея, начиная со словъ „Въ самый докладъ II отдѣленія вошла мысль...“ (стр. 524) замѣненъ слѣдующимъ болѣе подробнымъ изложеніемъ какъ дальнѣйшаго послѣ 1826 г. хода дѣла о коренномъ, общемъ преобразованіи рижскаго городскаго устройства, такъ и тѣхъ частныхъ перемѣнъ, которыя въ немъ произошли до 1845 года.

Причины, по которымъ отсрочивалось коренное преобразованіе.

Между тѣмъ какъ длилась эта переписка, само высшее правительство рѣзко выразило сознаніе необходимости преобразовать рижское городское устройство. Въ 1833 году графъ Блудовъ, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, во исполненіе Высочайше утвержденнаго журнала Комитета Министровъ 19 марта 1829 года, внося въ Государственный Совѣтъ соображенія свои объ улучшеніи городскаго хозяйства въ Ригѣ, въ этомъ представленіи между прочимъ изъяснилъ, „что городское управленіе въ Ригѣ слишкомъ многочисленно, состоя изъ 13 мѣстъ, и что конечно было бы проще образовать его по правиламъ городоваго положенія, чего и прежде почти половина гражданъ желала, что дѣйствительно было бы для нихъ облегчительнѣе, по уменьшенію служебныхъ должностей, а въ завѣдываніи сборами и общественными дѣлами учредилось бы болѣе порядка и единства". Но вмѣстѣ съ этимъ графъ Блудовъ считалъ удобнѣйшимъ отсрочить коренное преобразованіе до окончанія дѣла объ Остзейскихъ привилегіяхъ.

Согласно съ симъ Государственный Совѣтъ находилъ: „что руководствуясь разумомъ Высочайшей грамоты въ Возѣ почивающаго Императора Александра I, (въ коей предоставлено г. Ригѣ и магистрату пользоваться прежними ихъ правами и преимуществами, елико онѣ сообразны съ общими государственными постановленіями и законами) и имѣя въ виду помянутые выше безпорядки и признаваемую министромъ внутреннихъ дѣлъ многосложность существующаго въ Ригѣ городоваго управленія, а равно то обстоятельство, что, вскорѣ по дарованіи городу означенной грамоты, магистратскіе чины сами находили необходимымъ сдѣлать въ образѣ городскаго управленія нужныя исправленія и перемѣны, сообразно съ пользою города и измѣнившимися обстоятельствами, слѣдовало бы нынѣ же приступить къ преобразованію городскаго управленія въ Ригѣ". Но, какъ предметъ сей, будучи тѣсно связанъ съ привилегіями сего города, не прежде могъ быть приведенъ въ исполненіе, какъ по разсмотрѣніи находившагося въ Государственномъ Совѣтѣ общаго дѣла о привилегіяхъ Остзейскихъ губерній, то Государственный Совѣтъ опредѣлилъ: „по окончаніи дѣла о привилегіяхъ Остзейскихъ губерній войти въ соображеніе на счетъ преобразованія городоваго управленія въ Ригѣ сообразно съ прямою надобностію". Мнѣніе это 19 октября 1833 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Между тѣмъ, еще прежде окончанія означеннаго дѣла о привилегіяхъ, возбужденъ былъ снова вопросъ о коренномъ преобразованіи рижскаго градскаго управленія.

Въ докладѣ, представленномъ въ 1841 г. II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Государственному Совѣту, по поводу вышеименованныхъ жалобъ и просьбъ русскихъ обывателей Риги, между прочимъ изъяснено было, что въ настоящемъ случаѣ необходимо рѣшить два вопроса:

1. „Отмѣнить-ли нынѣ же настоящее общественное устройство г. Риги, распространеніемъ на сей городъ нашего общаго городоваго положенія, или же сохранить оное съ нѣкоторыми лишь необходимыми по обстоятельствамъ времени исправленіями?“

2. „Допустить-ли русскихъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ въ Ригѣ къ участію во всѣхъ общественныхъ правахъ, и на какомъ именно основаніи?“

Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго изъ сихъ вопросовъ, II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи излагало съ одной стороны уваженія, противурѣчащія коренной отмѣнѣ древняго Рижскаго устройства, съ другой указывало на многократно выраженную необходимость улучшенія его сообразно съ коренными государственными законами; въ заключеніе же присовокуплено было: „Нынѣ, какъ сіе частнымъ, но достовѣрнымъ образомъ извѣстно II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, министерство внутреннихъ дѣлъ занимается пересмотромъ настоящаго и начертаніемъ новаго положенія для столичныхъ городовъ съ тѣмъ, чтобы потомъ распространить оное и на прочіе города Имперіи.

„За симъ, до окончанія сего труда, кажется было бы безполезно, даже и неудобно существующее нынѣ общее городское положеніе, какъ подлежащее исправленію и измѣненію во многихъ важныхъ частяхъ, вѣроятно и въ нѣкоторыхъ основныхъ онаго постановленіяхъ, распространить на тѣ города, въ которыхъ оно не имѣетъ силы и дѣйствія; а потому II Отдѣленіе не считаетъ себя въ правѣ входить нынѣ въ разсмотрѣніе вопроса о коренной отмѣнѣ существующаго въ Ригѣ общественнаго устройства, и представляетъ Государственному Совѣту соображенія свои о тѣхъ только въ семъ устройствѣ недостаткахъ, которые могутъ съ удобностью и пользою быть исправлены, и съ давнихъ уже временъ возбуждаютъ справедливыя жалобы русскихъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, въ Ригѣ поселившихся“.

Заключеніе это было одобрено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 19 іюня 1841 года.

Такимъ образомъ и въ 1840 годахъ, какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, коренное преобразованіе рижскаго городскаго устройства было отсрочено, но, въ то же время, высшее правительство:

1. Положительно повторило сознаніе необходимости этого преобразованія.

2. Признало возможнымъ и нужнымъ, произвести это преобразованіе согласно съ общимъ устройствомъ городовъ въ Имперіи, не стѣсняясь прежними мѣстными привилегіями.

3. Опредѣлило даже срокъ, послѣ коего слѣдуетъ приступить къ сему, а именно по окончаніи дѣла объ Остзейскихъ привилегіяхъ и по изготовленіи проэкта новаго учрежденія для С.-Петербургскаго градскаго общества.

Частныя преобразованія.

Если однакоже возможно было отлагать о б щ е е измѣненіе рижскаго градскаго устройства, то въ нѣкоторыхъ ч а с т н ы х ъ случаяхъ прежній порядокъ находился въ столь явномъ противорѣчіи съ современными потребностями, что необходимость нововведенія становилась неизбѣжною и они производились въ видѣ отдѣльныхъ мѣръ либо распоряженіями самого правительства, вопреки явному желанію его повременить преобразованіями, либо рижскими мѣстными властями, несмотря на пристрастіе ихъ къ старинѣ: такъ въ 1818 году изданъ былъ лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ новый цеховой уставъ для устраненія по крайней мѣрѣ тягчайшихъ стѣсненій по пріему въ цехи и достиженію званія мастера. Въ 1840 году Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 30 іюля устранены притязанія рижскихъ купцовъ, живущихъ внутри города на ограниченія торговыхъ правъ форштатскихъ торговцевъ. Въ 1841 году, 20 іюня, отмѣнено стапельное право города Риги.

Но важнѣйшими изъ этихъ частныхъ мѣръ были двѣ: возниканіе и возрастаніе Биржеваго Общества и Комитета и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 19 іюня 1841 года.

Учрежденіе биржеваго комитета съ 1818 и 1831 г.

Потребность образованія Биржеваго Комитета проистекла изъ несообразности нынѣшняго рижскаго городскаго устройства съ современными нуждами и дѣйствительнымъ составомъ городскаго общества: съ одной стороны оптовые иногородные купцы и иностранные гости, постоянно промышляющіе въ Ригѣ и которыхъ благосостояніе во многомъ зависѣло отъ хода общественнаго управленія, лишены были всякаго голоса и участія въ немъ, съ другой даже мѣстное купеческое сословіе не могло безпрепят-

ственно совѣщаться о дѣлахъ, до него исключительно относящихся, по нахожденію въ большой гильдіи многихъ лицъ, торговлею незанимающихся. Вслѣдствіе сего уже съ 1803 г. начались попытки пособить изъясненному недостатку. Рижскій магистратъ, по обыкновенію, противодѣйствовалъ этимъ усиліямъ ввести улучшеніе; но наконецъ въ 1816 г., оптовымъ торговцамъ удалось 3 іюля исходатайствовать у бывшаго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи утвержденіе устава, коимъ образовано было особое для нихъ представительство. Уставъ этотъ пересмотрѣнъ и дополненъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора 12 марта 1818 и 1 апрѣля 1831 года: послѣдняя редакція сохраняетъ свою силу донынѣ.

На основаніи сего устава всѣ купцы, постоянно производящіе въ Ригѣ торговлю заморскую, или оптовый торгъ со внутреннею Россіею товарами, отпускаемыми за границу, могутъ вступать по собственному желанію въ биржевое общество, которому предоставлено выбрать изъ среды своей пятнадцать членовъ, каждаго на 5 лѣтъ, для образованія биржеваго комитета. Послѣдніе назначаютъ ежегодно между собою предсѣдателя, его помощника, производителя дѣлъ, казначея и архиваріуса, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ исполнительное присутствіе биржеваго комитета. Членами биржеваго комитета не могутъ быть магистратскіе чины, даже принадлежащіе къ биржевому обществу, равномѣрно въ одно время не допускается въ комитетъ болѣе одного соучастника въ одномъ торговомъ домѣ и болѣе двухъ иностранныхъ гостей, изъ коихъ лишь одинъ можетъ быть назначенъ въ исполнительное отдѣленіе. Предметъ учрежденія биржеваго общества состоялъ въ открытіи ему способовъ:

1) Дѣлать представленія объ устраненіи злоупотребленій и объ улучшеніяхъ по части торговли и мореплаванія.

2) Давать мнѣніе по вопросамъ относительно изъясненныхъ предметовъ, когда они будутъ предложены ему правительствомъ или начальствомъ.

3) Покровительствовать и надсматривать за частными торговыми учрежденіями, неподлежащими правительственному надзору.

Биржевому собранію, которое обыкновенно бываетъ въ началѣ каждаго года, въ чрезвычайныхъ же случаяхъ созывается предсѣдателемъ съ разрѣшенія магистрата, предоставлены выборы въ члены биржеваго комитета, разсмотрѣніе годоваго отчета о распоряженіяхъ его и о состояніи кассы, наконецъ обсужденіе

предметовъ, предлагаемыхъ предсѣдателемъ. Главная распорядительная власть сосредоточена въ биржевомъ комитетѣ, дѣйствія коего обязательны для биржеваго собранія. Онъ распоряжается суммами, надзираетъ за подвѣдомственными учрежденіями, представляетъ на разрѣшеніе кому слѣдуетъ просьбы и ходатайства. Исполнительное отдѣленіе комитета наблюдаетъ за осуществленіемъ его опредѣленій и за своевременнымъ созывомъ его въ нужныхъ случаяхъ.

Биржевой комитетъ не въ правѣ въ представленіяхъ своихъ по части торговли миновать ветгерихта и магистрата, но если они не уважатъ ходатайства комитета, то онъ можетъ обращаться къ высшимъ инстанціямъ.

Такимъ образомъ безъ вѣдома законодательной власти:

1) Изъ сословія большой гильдіи выдѣлились почти всѣ богатѣйшіе рижскіе купцы и съ присоединеніемъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей образовали самостоятельное общество (число членовъ биржеваго общества простиралось въ 1845 году до 107 человѣкъ).

2) Общество это получило свое представительство, оффиціальное значеніе и положительное участіе въ дѣлахъ торговаго управленія.

Если бы этимъ ограничивались послѣдствія образованія биржеваго комитета, то, хотя и нельзя было бы признать ихъ совершенно законными, слѣдовало бы однакоже согласиться съ пользою ихъ; но:

Во 1-хъ, биржевой комитетъ вышелъ изъ первоначально опредѣленнаго ему наблюдательнаго и совѣщательнаго круга дѣятельности, а сдѣлался уже, въ противность своего назначенія и въ ущербъ общимъ городскимъ интересамъ, распорядителемъ, завѣдуя различными учрежденіями, и въ особенности владѣя значительными суммами, происходящими изъ слѣдующихъ доходовъ:

а) сбора по $1\frac{1}{2}$ р. сер. съ каждаго, вступающаго въ общество;

б) сбора по 4 к. сер. съ ласта всѣхъ приходящихъ въ рижскій портъ кораблей;

в) сбора по $\frac{1}{2}\%$ со всѣхъ проходящихъ черезъ рижскій портъ товаровъ;

г) третьей доли $\frac{1}{8}\%$ съ товаровъ, собираемыхъ для бѣдныхъ;

д) 15 к. сер. съ ласта, назначенныхъ временно для издержекъ по улучшенію двинскаго фарватера.

Во 2-хъ, обладаніе столь огромными средствами и торговыя

связи доставили биржевому обществу и комитету чрезвычайно большой вѣсъ въ общественныхъ дѣлахъ; а это обстоятельство, вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякой отвѣтственности и правительственной зависимости, повело къ тому, что богатѣйшіе купцы стали предпочитать званіе членовъ биржеваго комитета должности ратсгера или другимъ обязанностямъ по городскому управленію, вслѣдствіе чего значеніе послѣдняго начало падать.

Въ 3-хъ, въ то же время, возможность для членовъ биржеваго общества обсуждать всѣ дѣла, до оптовой торговли относящіяся, въ гильдейскихъ собраніи, возбудила въ означенныхъ лицахъ пренебреженіе и безучастіе къ симъ собраніямъ, т. е. къ исполненію своихъ обязанностей какъ гражданъ.

Закономъ 19 іюня 1841 г. о пріемѣ Русскихъ въ братства гильдейскія.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 19 іюня 1841 года вызвано было, какъ и образованіе биржеваго комитета, несообразностью рижскаго городскаго устройства съ современными потребностями; только устранить несообразность, нашло нужнымъ не само городское общество, а правительство. Уже выше объяснено было, что II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, внося въ Государственный Совѣтъ соображенія свои по поводу просьбъ, поданныхъ Русскими обывателями г. Риги, признало несвоевременнымъ немедленно приступить къ коренному преобразованію всего рижскаго городскаго устройства, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашло необходимымъ устранить неотлагательно одинъ недостатокъ этого устройства, а именно: затрудненіе, встрѣчаемое православными въ Ригѣ къ пріобрѣтенію полныхъ правъ гражданства.

Соображая ближайшія средства къ достиженію сей цѣли, II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи остановилось на слѣдующихъ заключеніяхъ:

1) „Что порядокъ пріобрѣтенія права гражданства въ Ригѣ можетъ быть оставленъ прежній, на основаніи мѣстныхъ узаконеній, съ тѣмъ только, чтобы впредь всѣ вообще россійскіе подданные христіанскаго вѣроисповѣданія могли быть допускаемы къ пріобрѣтенію сего права.

2) „Что порядокъ принятія въ большую и малую гильдіи тоже можетъ быть оставленъ на прежнемъ основаніи, съ дополненіемъ лишь въ отношеніи къ малой гильдіи дѣйствующихъ нынѣ правилъ; что притомъ устройство ремесленныхъ цеховъ должно быть измѣнено сообразно съ обстоятельствами времени и нынѣшними понятіями о промышленности и ремеслахъ.

3) „Что для вступленія въ братство большой гильдіи, въ осо-

бенности необходимо: а) пріобрѣтеніе права гражданства вообще; б) принятіе въ большую гильдію; в) въ случаѣ выбора въ должности достаточное знаніе нѣмецкаго языка, на которомъ, по даннымъ городу привилегіямъ, производятся всѣ дѣла какъ судебныя, такъ городскія и общественныя.

4) „Что, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, желающій быть принятымъ въ братство большой гильдіи долженъ представить старшинской думѣ свидѣтельство мѣстнаго магистрата: а) о россійскомъ подданствѣ, б) о пріобрѣтеніи права гражданства и вступленіи въ большую гильдію.

5) „Что всѣ принятыя въ братство лица имѣютъ пользоваться всѣми присвоенными братству правами, исключая изъ сего опредѣленіе въ должности по управленію евангелическо-лютеранскихъ церквей и церковныхъ сего исповѣданія заведеній, потому что сіи мѣста должны быть предоставляемы исключительно лютеранамъ; но что, взамѣнъ сего, должности по дѣламъ церковнымъ другихъ исповѣданій будутъ предоставляемы также исключительно завѣдыванію лицъ, принадлежащихъ къ симъ исповѣданіямъ.

6) „Что при вступленіи въ братство малой гильдіи должны быть наблюдаемы всѣ правила, для принятія въ братство большой гильдіи постановляемыя.

7) „Что касательно производства работъ и промысловъ жительствующими въ Ригѣ русскими ремесленниками надлежитъ подтвердить, съ нужными исправленіями и дополненіями, правила, постановленныя о семъ въ 1818 году лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ".

Заключенія эти очевидно измѣнили только порядокъ пріема въ братство, ибо къ поступленію просто въ рижскіе граждане православные уже съ конца XVIII столѣтія не встрѣчали препятствія; существенныхъ же измѣненій въ цеховомъ устройствѣ сдѣлано не было и они даже отлагались безсрочно.

Но, какъ ни ограниченно было, повидимому, нововведеніе, предположенное II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, оно имѣло большую важность для Риги, ибо только открытіемъ Русскимъ доступа въ братство предоставлялись имъ полныя права мѣстнаго гражданства, такъ какъ одни братья могутъ быть избираемы въ должности по городскому управленію и пользуются правомъ, въ случаѣ дряхлости или несчастія, на пособіе и полученіе доходныхъ обязанностей.

Между тѣмъ до 1841 г. Русскіе были явно и сознательно устраняемы изъ гильдейскихъ братствъ, какъ потому, что необходи-

мымъ условіемъ пріема была принадлежность къ лютеранскому исповѣданію, такъ потому, что самый пріемъ зависѣлъ отъ единодушнаго согласія братьевъ, а они считали допущеніе въ составъ свой Русскихъ гибельнымъ.

Мнѣніе это было формально поддерживаемо и рижскимъ магистратомъ.

II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, разсматривая отзывъ магистрата, обратило вниманіе исключительно на устраненіе перваго препятствія, т. е. на отмѣну требованія, при поступленіи въ братство, лютеранскаго исповѣданія и нѣмецкаго происхожденія. По сему предмету въ докладѣ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи изъяснено было, что „въ разсужденіи перваго вопроса, т. е. евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, II Отдѣленіе находитъ всѣ изложенные имъ доводы о необходимости и пользѣ допущенія въ гражданство не однихъ лютеранъ, а лицъ всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданій, прилагаемыми и къ братствамъ, а потому не видитъ ни основанія, ни повода къ устраненію лицъ православнаго исповѣданія отъ принятія въ братство, тѣмъ болѣе, что рижскіе католики и кальвинисты въ оное безпрепятственно допускаются".

Относительно втораго условія, т. е. нѣмецкаго происхожденія, II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи замѣчало, что „въ Высочайше утвержденныхъ привилегіяхъ г. Риги подтверждено употребленіе нѣмецкаго языка въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, но 1) нигдѣ не постановлено, чтобы, за исключеніемъ всѣхъ другихъ націй, одни Нѣмцы избирались въ общественныя должности; 2) въ самомъ договорѣ подданства 25 ноября 1561 г. опредѣлено, чтобы въ магистраты опредѣлялись туземцы нѣмецкаго и ливонскаго языка и происхожденія; 3) Русскіе не могутъ считаться иностранцами въ русскомъ городѣ; 4) многіе изъ нихъ издревле поселились въ Ригѣ, имѣютъ свѣдѣнія въ нѣмецкомъ языкѣ, между тѣмъ, какъ Англичане, Голландцы и другіе иностранцы часто допускаются въ братство безъ удовлетворительнаго знанія языка нѣмецкаго; 5) въ нѣкоторыхъ городскихъ должностяхъ, какъ-то: маклеровъ и браковщиковъ русскихъ товаровъ, необходимо и знаніе русскаго языка".

По сему II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи полагало, „что Русскіе, исполнившіе всѣ прочія условія, требуемыя для принятія въ братство большой гильдіи, не должны быть устраняемы подъ предлогомъ незнанія нѣ-

мецкаго языка и, что они, по принятіи въ братство, могутъ быть избираемы, наравнѣ съ прочими онаго членами, во всѣ общественныя должности".

Согласно съ симъ, въ § 15 проэкта новаго закона изъяснено было, что „получившіе право мѣстнаго въ Ригѣ гражданства, могутъ просить о принятіи ихъ въ братство той гильдіи, въ которой они записаны".

Но Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи сего проэкта, нашелъ необходимымъ устранить и второе препятствіе для русскихъ къ поступленію въ гильдейское братство, а именно зависимость этого поступленія отъ произвольнаго согласія братства. Вслѣдствіе замѣчанія одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта, „что возбѣжаніе ошибочной мысли будто принятіе или непринятіе въ братство зависитъ отъ сочленовъ онаго, даже и тогда, когда вступающій исполнилъ всѣ требуемыя условія, надлежитъ прямо сказать, что, въ семъ послѣднемъ случаѣ желающій въ братство принимается", въ журналѣ Государственнаго Совѣта 26 мая 1841 г. въ пунктѣ 7, постановлено: „для ближайшаго понятія, что вступленіе въ братство не можетъ быть воспрещено тому, кто пріобрѣтаетъ законное на сіе право, оказывается нужнымъ, согласно съ сдѣланнымъ замѣчаніемъ, § 15 правилъ изложить такимъ образомъ: получившіе право мѣстнаго въ Ригѣ гражданства могутъ, по изъявленному ими желанію, вступать въ братство той гильдіи, въ которой они записаны, если только всѣ требуемыя для того условія исполнятъ".

Въ этомъ самомъ видѣ означенное постановленіе удостоено Высочайшаго утвержденія.

Итакъ, уничтоженіе закономъ 1841 г. права безотчетнаго выбора при пріемѣ въ братство не могло подлежать никакому сомнѣнію.

Отношеніе братства къ закону 19 іюня 1841 г.

Эта Высочайшая воля объявлена была лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ городскому начальству 21 сентября 1841 года; вслѣдствіе чего 25 февраля 1842 г. назначена отъ братства особая коммиссія для начертанія проэкта правилъ о порядкѣ пріема въ означенный союзъ. Проэктъ этотъ разсмотрѣнъ въ собраніи старшинской скамьи 26 января 1843 г. и, въ явную противность закона 1841 г., уничтожившаго выборы въ братство, опредѣлено только ввести, вмѣсто прежней словесной подачи голосовъ, баллотированіе, а для дѣйствительности выбора требовать, не единогласія всѣхъ присутствующихъ, но лишь согласія двухъ третей.

Сверхъ того, въ протоколѣ прописано, что, послѣ многихъ со-

вѣщаніи о Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 19 іюня 1841 г., осталось нерѣшеннымъ: могутъ ли быть допускаемы въ братство лица, не принадлежащія къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію.

Постановленіе старшинской скамьи было обсуждено на собраніи братьевъ 27 января 1843 г. и не только не исправлено согласно съ закономъ 1841 г., но отвергнуто, какъ слишкомъ стѣснительное; взамѣнъ же опредѣлено, вопреки закона 19 іюня 1841 г., оставить прежній порядокъ пріема въ братство по единогласному выбору, съ чѣмъ согласилась и старшинская скамья; сверхъ того, протоколомъ той же скамьи 17 февраля 1843 г. воспрещено допускать просьбы о пріемѣ въ братство отъ тѣхъ, коимъ было уже два раза въ томъ отказано.

Такимъ образомъ, съ одной стороны учрежденіе, возникшее безъ вѣдома законодательной власти и угрожавшее разстроиствомъ рижскому городскому порядку, развивалось и усиливалось, съ другой улучшеніе сего порядка, предписанное закономъ, было сознательно отвергнуто и не приведено въ исполненіе.

Все это усиливало необходимость коренаго преобразованія; между тѣмъ наступилъ и срокъ, опредѣленный для него высшимъ правительствомъ: въ 1845 г. дѣло объ остзейскихъ привилегіяхъ было окончено утвержденіемъ и обнародованіемъ первыхъ двухъ частей Мѣстнаго Свода, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ окончательно изготовленъ проэктъ новаго учрежденія для С.-Петербурга.

ОПИСЬ *)

приложеніямъ къ опыту исторіи городскихъ сословій.

1. Декретъ королевскихъ коммиссаровъ по случаю споровъ форштатовъ съ городомъ и комендантомъ, 12 января 1597 г.

2. Королевскій рескриптъ о томъ, чтобы никто, подъ предлогомъ коронной службы, не уклонялся отъ городскихъ повинностей, 13 марта 1601 г.

3. Привилегія Сигизмунда III о томъ, чтобы апеляція на магистратъ шла непосредственно къ королю, 6 марта 1601 г.

4. Привилегія того же объ уступкѣ городу половины портовой пошлины, 1 марта 1603 г.

5. Квартиръ-привилегія Густава-Адольфа или аккордные пункты о сдачѣ города, 15 сентября 1621 г.

6. Привилегія того же объ уступкѣ городу мѣста извѣстнаго подъ названіемъ Kellers-Acker.

7. Сводъ привилегій того же, 25 сентября 1621 г.

8. Реверсъ, городомъ выданный тому же, содержащій актъ подданства и обязанности города, 26 сентября 1621 г.

9. Инструкція Густавомъ-Адольфомъ выданная оставленному имъ въ Ригѣ губернатору, 18 ноября 1621 г.

10. Положеніе объ исправленіи квартирной повинности въ Ригѣ, 25 сентября 1628 г.

11. Условія, заключенныя между городомъ и губернаторомъ о судебной власти послѣдняго и о производствѣ ремеслъ и пивоваренія въ форштатѣ, 2 мая 1637 г.

12. Подтвердительная грамота на всѣ городскія привилегіи королевы Христины, 8 мая 1647 г. (въ шведскомъ подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ).

13. Такая же Карла-Густава, 13 марта 1658 г. (въ подлинникѣ и переводѣ.)

14. Полицейскій уставъ, относящійся къ половинѣ XVII

*) Эта опись не напечатана въ изданіи 1852 г. *Прим. изд.*

вѣка и содержащій изложеніе правъ состоянія, порядка производства торговли, промысловъ и т. д.

15. Дипломъ, выданный членамъ магистрата на дворянское достоинство королевы Гедвиги-Елеоноры, 23 ноября 1660 г.

16. Ея же резолюція на прошеніе городскихъ депутатовъ о содержаніи гарнизона, лицентной, таможенной и другихъ пошлинахъ и королевскихъ доходахъ, 23 ноября 1660 г.

17. Ея же резолюція о неправильномъ возвышеніи пошлины съ привозимаго пива, о правѣ бить монету, торговлѣ дровами и другихъ предметахъ, 30 сентября 1661 г.

18. Высочайшее повелѣніе Карла X о присылкѣ въ Стокгольмъ городскихъ привилегій, о судѣ бургграфа, о введеніи гербовой пошлины, 22 октября 1662 г.

19. Королевская резолюція по спорнымъ пунктамъ между городомъ и дворянствомъ о судѣ, торговлѣ, покупкѣ домовъ и пр., 31 октября 1662 г.

20. Положеніе о судоходствѣ, 12 іюня 1667 г.

21. Королевская резолюція о непріемѣ въ городское общество кальвинистовъ и пр., 29 іюля 1670 г.

22. Торговый уставъ 21 марта 1673 г.

23. Королевская резолюція, содержащая учрежденіе касса-коллегіи, 11 августа 1675 г.

24. Подтвердительная грамота на городскія привилегіи Карла X-го, 13 сентября 1675 г.

25. Торговый или Веттный уставъ 16 октября 1675 г.

26. Королевскій указъ по поводу распрей касса-коллегіи съ магистратомъ, 30 марта 1676 г.

27. Такъ называемые 32 конфирмованные пункта, изданные по поводу спора братьевъ большой гильдіи съ старшинами. (Двѣ редакціи 13 марта 1680 г. и 20 апрѣля того же года).

28. Тѣхъ же пунктовъ первая редакція.

29. Королевская резолюція на прошеніе городскихъ депутатовъ о казенныхъ доходахъ, привозѣ пива и пр., 16 февр. 1681 г.

30. Королевская резолюція о порядкѣ выборовъ ельтермановъ и старшинъ, 16 февраля 1681 г.

31. Королевская резолюція о порядкѣ поступленія судебныхъ рѣшеній на ревизію, 31 августа 1682 г.

32. Рескриптъ губернатора Горна по поводу распрей касса-коллегіи съ магистратомъ, 20 апрѣля 1686 г.

33. Его же о томъ же 26 августа 1686 г.

34. Торговый уставъ 10 октября 1690 г.

35. Королевскій рескриптъ о порядкѣ взиманія акциза съ пива, 16 іюля 1691 г.

36. Екстрактъ или сводъ шрагъ большой гильдіи безъ означенія года.

37. Извлеченіе изъ сенатскаго указа о необязательности полицейскаго устава по дѣлу объ отказѣ Штейнгауеру въ пріемѣ въ общество гражданъ. 23 ноября 1752 г.

38. Уставъ объ опекѣ, изданный магистратомъ въ 1798 г.

39. Шраги малой гильдіи 1656 г. съ дополненіями 1822 г.

40. Указъ 1720 г. февраля 23 о выборѣ магистратскихъ членовъ и объ отчетности городской кассы.

41. Указъ 1721 г. мая 18 о томъ же.

42. Отрывокъ изъ списка членовъ магистрата съ 1318—1400 г.

43 Отрывокъ объ отношеніяхъ магистрата къ гражданамъ изъ рукописнаго сборника большой гильдіи подъ буквою Д.

44. Выписки изъ протоколовъ Комитета 1803—1805 г. въ Ригѣ.

45. Предположенія того же Комитета (конца недостаетъ).

46. Мнѣніе, неподписанное, о жалобахъ русскихъ членовъ рижскаго городскаго общества (конца недостаетъ).

47. Записка II-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи объ устройствѣ городскаго общества въ Ригѣ, о пріобрѣтеніи правъ гражданства, вступленіи въ гильдіи и братства.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ИСТОРІИ РИГИ.

*

* *

Въ оффиціальномъ изданіи сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина „Исторія Риги“ озаглавлено: „Общественное устройство города Риги.—Изслѣдованіе коммиссіи, назначенной министромъ внутреннихъ дѣлъ. 1845—1848. Томъ первый“. На оборотѣ заглавнаго листа значится: „Печатано по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ. С. Петербургъ. Въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ. 1852“.

* *

*

I.

Предисловіе къ первому тому книги „Общественное устройство г. Риги“.

(по изданію 1852 г.).

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 19 октября 1833 года повелѣно было: „по окончаніи дѣла о привилегіяхъ Остзейскихъ губерній, войти въ соображеніе на счетъ преобразованія городоваго управленія въ Ригѣ, сообразно съ прямою надобностію“.

Послѣ того, въ 1842 году, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, состоялось Высочайшее повелѣніе о принятіи общихъ мѣръ къ устройству общественнаго управленія и улучшенію хозяйства во всѣхъ городахъ имперіи. Съ этою цѣлію, при хозяйственномъ департаментѣ учреждено временное отдѣленіе, съ потребнымъ числомъ чиновниковъ особыхъ порученій, для необходимыхъ изслѣдованій въ городахъ, и гражданскихъ топографовъ — для хозяйственной съемки городскихъ земель. Первымъ дѣломъ сего новаго управленія было открытіе мѣстныхъ работъ по нѣсколькимъ губерніямъ, и въ томъ числѣ по Лифляндской, какъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ по историческому развитію и положенію городскаго устройства. Къ работамъ этимъ приступлено было на первый разъ въ одинхъ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ Лифляндской губерніи, которые и были окончательно изслѣдованы и описаны чиновникомъ особыхъ порученій коллежскимъ совѣтникомъ Штакельбергомъ и командированнымъ ему въ помощь титулярнымъ совѣтникомъ Беклемишевымъ.

Между тѣмъ, въ 1845 году изданы окончательно первыя двѣ части Мѣстнаго Свода Остзейскихъ губерній; посему министръ

внутреннихъ дѣлъ, по исполненіе Высочайшей воли, послѣдовавшей въ 1833 и впослѣдствіи подтвержденной въ 1842 г., учредилъ въ Ригѣ особую коммиссію для предварительныхъ изслѣдованій и соображеній.

Старшимъ членомъ коммиссіи назначенъ былъ чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ, коллежскій совѣтникъ Ханыковъ, членами: коллежскіе совѣтники Штакельбергъ и Кангеръ и надворный совѣтникъ Вульфъ, дѣлопроизводителемъ — титулярный совѣтникъ Веклемишевъ. Сверхъ того при коммиссіи состояли титулярные совѣтники Самаринъ, Головинъ и Рудницкій, а для производства съемокъ назначены были въ распоряженіе старшаго члена, подъ надзоромъ губернскаго землемѣра, семь гражданскихъ топографовъ.

Коммиссія 9 іюня 1845 года открыла засѣданія свои, упразднена же въ іюлѣ мѣсяцѣ 1848 года.

Коммиссіи вмѣнено было въ обязанность:

1. Собрать документальныя свѣдѣнія: объ историческомъ развитіи и современномъ состояніи рижскаго городскаго управленія и сословнаго устройства, о городской собственности и общественномъ хозяйствѣ вообще.

2. Представить по каждой части систематическіе отчеты на основаніи собранныхъ свѣдѣній.

3. Руководствуясь означенными данными, изготовить соображенія о необходимыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ.

Для исполненія сего требовались обширныя и многосложныя работы.

I. Собраніе историческихъ свѣдѣній.

1. Въ Ригѣ, въ различное время, издаваемы были городскими властями и губернскимъ начальствомъ по всѣмъ отраслямъ администраціи, разные уставы, правила и инструкціи. Хотя большая часть изъ нихъ не была утверждена законодательною властію, однакоже городскіе чины нерѣдко руководствовались ими. Между тѣмъ многія изъ этихъ постановленій не только не были обнародованы, но сохранялись лишь въ рѣдкихъ копіяхъ въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Посему прежде всего предстояла необходимость собрать эти документы и расположить ихъ по содержанію въ историческомъ порядкѣ. Для исполненія сего учрежденъ былъ генералъ-губернаторомъ, подъ предсѣдательствомъ старшаго члена ревизующей коммиссіи, комитетъ изъ 28 городскихъ чиновъ.

2. Независимо отъ этихъ документовъ, историческія свѣдѣнія о постепенномъ развитіи рижской городской общины должно было почерпать изъ мѣстныхъ лѣтописей, записокъ и протоколовъ двухъ городскихъ гильдій. Лишь немногіе изъ этихъ источниковъ были изданы, большинство же заключалось въ рукописяхъ, нерѣдко на трудно понятномъ древне-нѣмецкомъ языкѣ. Изученіе этихъ памятниковъ, равно какъ всего обнародованнаго объ исторіи Риги, возложено было на титулярнаго совѣтника Самарина.

3. Наконецъ, важное пособіе для пополненія исторіи городскаго управленія въ послѣднія 100 лѣтъ представлялъ архивъ главнаго мѣстнаго начальства, т. е. генералъ-губернаторской канцеляріи. По разрѣшенію генерала Головина, извлеченіе нужныхъ выписокъ изъ этого архива поручено было титулярному совѣтнику Рудницкому.

II. Собраніе статистическихъ свѣдѣній.

Кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій о современномъ состояніи различныхъ частей городскаго управленія и хозяйства, коммиссіи необходимо было собрать общія статистическія свѣдѣнія, какъ о народонаселеніи, такъ и о промышленности города. Съ этою цѣлью предложено было городскому начальству предварительно 400, а потомъ 120 дополнительныхъ вопросовъ; сверхъ того приступлено къ собиранію подробныхъ данныхъ о наличномъ народонаселеніи чрезъ городскую полицію, о движеніи народонаселенія—при пособіи духовнаго начальства, о заграничномъ торгѣ—черезъ таможенное вѣдомство, о ремесленной промышленности—по допросамъ всѣхъ городскихъ ремесленниковъ чрезъ титулярнаго совѣтника Беклемишева.

III. Собраніе свѣдѣній относительно городскаго имущества и хозяйства.

1. Важнѣйшимъ дѣломъ въ этомъ отношеніи было приведеніе въ извѣстность городскаго бюджета. Исполненіе сего затруднялось съ одной стороны тѣмъ, что до 1845 года смѣты составлялись произвольно и заключали только валовые итоги, съ другой, что разныя отрасли городскаго хозяйства раздѣлены были между независимыми другъ отъ друга присутствіями, имѣвшими каждое особую смѣту. По распоряженію генералъ-губернатора, въ 1847 году, поручено было городскому начальству составить по коммиссіи городской кассы, квартирному правленію, кассамъ городскаго освѣщенія и по управленію городскаго призрѣнія, подробныя систематическія смѣты, со всѣми нужными для оцѣнки валовыхъ

цифръ разсчетами и приложеніями. Руководствовать городскихъ чиновъ въ этотъ дѣлѣ поручено было титулярному совѣтнику Рудницкому.

2. Рижскому городскому обществу принадлежатъ обширныя поземельныя дачи, какъ въ городской чертѣ расположенныя, такъ и приписанныя къ поземельнымъ городскимъ имѣніямъ. Послѣднимъ еще имѣлись довольно удовлетворительные планы, но относительно первыхъ межевые документы почти не существовали вовсе. Для устраненія сего приступлено было къ подробной систематической съемкѣ всего городскаго округа, посредствомъ состоявшихъ при старшемъ членѣ ревизующей коммиссіи топографовъ.

3. Имѣвшіяся у городскаго начальства хозяйственныя описанія одиннадцати населенныхъ городскихъ имѣній были крайне неполны и неудовлетворительны. Изготовленіе подробныхъ, на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ основанныхъ описей этихъ имѣній поручено было коллежскому совѣтнику Кангеру и титулярному совѣтнику Головину.

4. Свѣдѣній о положеніи городскихъ лѣсовъ не было вовсе; по распоряженію коммиссіи, приведеніе въ извѣстность дѣйствительнаго состоянія ихъ и способовъ къ сбереженію возложено на особаго ученаго лѣсничаго.

5. Сборъ съ домовладѣльцевъ составлялъ одну изъ важныхъ статей городскихъ доходовъ, но производился въ Ригѣ на основаніи страховой оцѣнки домовъ, нерѣдко не соотвѣтствующей доходности недвижимаго имущества. Для производства оцѣнки по доходу, назначена была генералъ-губернаторомъ особая коммиссія изъ депутатовъ отъ городскихъ сословій, которой дана была подробная инструкція. Содѣйствовать разрѣшенію возникавшихъ въ коммиссіи недоумѣній поручено было титулярному совѣтнику Рудницкому.

6. Изготовленіе описи принадлежащихъ городу зданій и движимаго имущества поручено было коллежскому совѣтнику Кангеру.

IV. Приведеніе въ извѣстность современнаго состоянія городскаго управленія.

Главнымъ средствомъ для приведенія въ извѣстность современнаго состоянія городскаго управленія были ревизіи различныхъ присутственныхъ мѣстъ. Таковымъ ревизіямъ подвергнуты: а) протоколы камеральныхъ или тайныхъ совѣщаній городскаго начальства; б) административное дѣлопроизводство магистрата; в) ком-

миссія городской кассы; г) квартирное правленіе; д) податное правленіе; е) кемерейный судъ; ж) цеховой судъ; з) веттгерихтъ по части торговой полиціи; и) питейное и акцизное управленіе; і) хозяйственная часть городской полиціи; к) кемерейная касса; л) касса веттгерихта; м) капиталъ погашенія городскаго долга; н) хозяйственная инспекція; о) контора добровольныхъ складовъ и городской важни; п) шинкарная касса и управленіе городскими трактирами; р) капиталъ для увеличенія содержанія магистратскихъ чиновъ; с) пенсіонный магистратскій капиталъ; т) вейдеколлегія; у) цеховыя кассы.

Всѣ эти ревизіи возложены были на коллежскаго совѣтника Штакельберга, за исключеніемъ ревизіи квартирнаго правленія, произведенной надворнымъ совѣтникомъ Вульфомъ, и цеховаго суда, обревизованнаго титулярнымъ совѣтникомъ Беклемишевымъ.

Въ пособіе коллежскому совѣтнику Штакельбергу, назначены были временно титулярные совѣтники: Беклемишевъ, Рудницкій и Головинъ.

V. Изготовленіе предположеній по улучшенію общественнаго хозяйства, сословнаго устройства и городскаго управленія въ Ригѣ.

Критическій разборъ общественнаго хозяйства, сословнаго устройства и городскаго управленія въ Ригѣ, равно какъ изготовленіе проэкта нужныхъ преобразованій по этимъ частямъ возложенъ былъ на старшаго члена ревизующей коммиссіи коллежскаго совѣтника Ханыкова.

Въ первой половинѣ 1848 года, почти всѣ означенныя работы были довершены: копіи съ уставовъ и инструкцій по городской администраціи собраны; изготовлено подробное историческое изслѣдованіе о постепенномъ развитіи рижской городской общины отъ XIII вѣка до настоящаго времени; составлены: поименные списки членовъ градскаго общества, равно какъ городскихъ обывателей принадлежащихъ къ расколу; подробныя табели всего городскаго народонаселенія, по сословіямъ, промысламъ и мѣсту жительства; систематическій обзоръ движенія народонаселенія въ Ригѣ; особыя изслѣдованія о мѣстныхъ раскольникахъ и о положеніи ремесленной части въ городѣ; почти довершена съемка городскаго округа; изготовлены подробные инвентари городскихъ имѣній и принадлежащихъ городу зданій и движимости, равно какъ описаніе городскихъ лѣсовъ; окончена оцѣнка частныхъ домовъ въ старомъ городѣ; въ первый разъ напечатана подробная систематическая

смѣта по всѣмъ отраслямъ городскаго хозяйства; представлены отдѣльные отчеты о ревизіяхъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и кассъ, равно какъ указанія недостатковъ настоящаго положенія торговаго управленія и ремесленнаго устройства въ Ригѣ; наконецъ составленъ подробный разборъ всѣхъ видовъ городскаго хозяйства, равно какъ сословнаго устройства и городскаго управленія и предположены мѣры къ устраненію замѣченныхъ по этимъ частямъ недостатковъ.

Чтобы облегчить пользованіе этими работами при окончательномъ обсужденіи высшимъ правительствомъ предположеній по преобразованію рижскаго городскаго устройства, министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился о напечатаніи—собственно для лицъ высшаго управленія — главнѣйшихъ трудовъ ревизіонной коммиссіи, въ видѣ 3 особыхъ частей.

Часть I. Историческая, заключающая въ двухъ отдѣлахъ исторію развитія рижскаго городскаго общества отъ 1200 до 1849 года.

Часть II. Ревизіонная, содержащая отчеты о ревизіяхъ и проэкты коммиссіи.

Часть III. Статистическая, заключающая въ себѣ собранныя данныя о народонаселеніи Риги, принадлежащихъ городу имѣніяхъ, о ремесленной промышленности, и проч.

II.

Продолженіе исторіи Риги съ 1845 по 1849 годъ [1]).

(по изданію 1852 г.).

Имѣя это [2]) въ виду, министръ внутреннихъ дѣлъ озаботился исполненіемъ высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта 19 октября 1833 г. и 19 іюня 1841 г.

Учрежденіе въ 1845 г. коммиссіи для ревизіи городского устройства.

Уже въ 1842 г., вслѣдствіе высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ о мѣрахъ къ приведенію въ порядокъ городскаго хозяйства въ имперіи, командированы и въ Лифляндію два чиновника отъ министерства, коимъ предписано было, между прочимъ, собрать предварительныя свѣдѣнія о Ригѣ; 9 же іюня 1845 г. открыта въ означенномъ городѣ особая коммиссія по городскимъ дѣламъ.

Коммиссіи этой вмѣнено было въ обязанность:

а) Привести въ извѣстность настоящія нужды и потребности Риги, равно какъ составъ рижской городской общины и ея управленія, уставы и правила, которыми они руководствуются, и хозяйственныя средства, въ распоряженіи города состоящія.

б) Сообразить существующій порядокъ съ дѣйствительными мѣстными нуждами и съ общими государственными учрежденіями.

в) Представить проэктъ необходимыхъ преобразованій и улучшеній.

---

[1]) Продолженіе это въ изданіи 1852 г. слѣдуетъ непосредственно за словами: «а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ окончательно изготовленъ проэктъ новаго учрежденія для С.-Петербурга» (см. стр. 535 этой книги). *Прим. изд.*

[2]) Т. е. что въ 1845 г. наступилъ срокъ, опредѣленный правительствомъ для возбужденія вопроса о коренномъ преобразованіи городскаго управленія въ Ригѣ. *Прим. изд.*

Для исполненія сего коммиссіи надлежало:

а) Собрать многосложныя свѣдѣнія какъ чрезъ посредство своихъ чиновниковъ, такъ и мѣстныхъ властей.

б) Изучить подлинные документы, въ мѣстныхъ архивахъ находящіеся, и составить собраніе важнѣйшихъ изъ нихъ.

в) Изслѣдовать, въ какой степени исполняется предписанный разными мѣстными уставами по городскому управленію порядокъ, и, въ случаѣ несообразныхъ уклоненій отъ него, обратить къ исполненію закона, а при неудобствѣ самаго порядка сообразить способы къ преобразованію его.

г) Наконецъ, на основаніи собранныхъ данныхъ и при содѣйствіи мѣстныхъ властей, начертать полный проэктъ предполагаемыхъ измѣненій.

Противодѣйствіе коммиссіи со стороны городскихъ властей.

По всѣмъ этимъ статьямъ, вмѣсто пособія со стороны городскихъ властей, коммиссія встрѣтила постоянное противудѣйствіе.

а) По собранію свѣдѣній: Уже при открытіи коммиссіи оказалось, что рижскій магистратъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, несмотря на частыя напоминанія двухъ бывшихъ въ Лифляндіи чиновниковъ и шестикратныя подтвержденія тамошняго гражданскаго губернатора, не представилъ затребованныхъ отъ него предварительныхъ свѣдѣній; сверхъ того, городское начальство, съ половины 1844 г. до весны 1845 г., препятствовало съемкѣ городскихъ дачъ командированными въ Ригу топографами, прося объ отмѣнѣ этого распоряженія, не выдавая топографамъ положеннаго имъ содержанія и не отводя чертежной. А когда въ помощь означеннымъ топографамъ разрѣшено было нанять вольныхъ съемщиковъ, согласно съ первоначальнымъ ходатайствомъ самой касса коллегіи, то, за разными промедленіями со стороны ея, пропущена безъ работы лучшая лѣтняя пора. Наконецъ, коммиссія, учрежденная для оцѣнки частныхъ домовъ въ Ригѣ по доходности ихъ, съ апрѣля мѣсяца 1845 г. до августа того же года ничего не дѣлала, а въ означенномъ мѣсяцѣ вошла съ представленіемъ къ генералъ-губернатору, что находитъ предписанную оцѣнку неудобною и неисполнимою.

Благодаря неослабному содѣйствію главнаго мѣстнаго начальника, затрудненія эти были устранены въ теченіе 1846 года: къ съемкѣ было приступлено, оцѣночной коммиссіи внушено, что она учреждена для производства оцѣнки, а не для разсужденій о полезности ея, и что мнимая несправедливость таксаціи происходитъ отъ неточнаго пониманія коммиссіею порядка, коимъ должна быть совершена оцѣнка, почему предписано неотлагательно

приступить къ ней. Наконецъ, магистрату подтверждено о скорѣйшемъ доставленіи требованныхъ отъ него свѣдѣній и, когда онъ, въ донесеніи отъ 24 января 1846 года, за № 425, повторилъ генералъ губернатору прежнія затрудненія, присовокупляя, „что данную городскому начальству задачу удобнѣе предложить, чѣмъ рѣшить“, то генералъ отъ инфантеріи Головинъ отъ 9 февраля 1846 года, за № 809, внушилъ рижскому магистрату неприличіе его отвѣтовъ и строжайше подтвердилъ о неотлагательномъ доставленіи нужныхъ свѣдѣній.

б) По собранію и изученію документовъ въ мѣстныхъ архивахъ: Въ 3 статьѣ введенія въ Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній губерній Остзейскихъ изъяснено было, что „дѣйствующія въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и въ городѣ Нарвѣ мѣстныя узаконенія, составляющія предметъ сего Свода, относятся:

а) къ особенному учрежденію нѣкоторыхъ властей и мѣстъ губернскаго управленія;

б) къ правамъ состояній;

в) къ законамъ гражданскимъ;

г) къ порядку судопроизводства гражданскаго;

д) къ порядку судопроизводства уголовнаго.

Допускаемыя же въ губерніяхъ Остзейскихъ и г. Нарвѣ изъятія изъ законовъ общихъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, о земскихъ повинностяхъ и разныхъ частяхъ казеннаго управленія, государственнаго благоустройства и благочинія означены по принадлежности въ общемъ Сводѣ Законовъ Имперіи“.

Между тѣмъ этихъ означеній въ 1845 г. въ общемъ Сводѣ дѣйствительно сдѣлано не было, почему городскія власти, руководствуясь 3 пунктомъ манифеста 1 іюля 1841 г., продолжали дѣйствовать на основаніи разновременныхъ частныхъ уставовъ; тогда какъ уставы эти, большею частію изданные мѣстнымъ губернскимъ и городскимъ начальствомъ, безъ вѣдома законодательной власти, даже въ самой Ригѣ не были собраны и для каждаго доступны, а находились въ копіяхъ по различнымъ архивамъ присутственныхъ мѣстъ.

Посему прежде всего необходимо было озаботиться собраніемъ означенныхъ документовъ. Съ этою цѣлью генералъ отъ инфантеріи Головинъ предложилъ рижскому магистрату учредить, подъ предсѣдательствомъ старшаго члена ревизовавшей коммиссіи, особый комитетъ изъ городскихъ чиновъ. При обсужденіи этого предложенія въ магистратѣ, предписано было присутствовать тамъ

помянутому старшему члену. Предложеніе встрѣчено было недовѣрчиво и даже нѣкоторые изъ присутствовавшихъ требовали, чтобы, при окончательныхъ сужденіяхъ, старшій членъ удалился изъ собранія; наконецъ, комитетъ былъ назначенъ; но отысканіе и доставленіе копій съ уставовъ продолжалось медленно и требовало неоднократныхъ подтвержденій.

Независимо отъ сбора сказанныхъ постановленій нужно было еще изучить подлинные протоколы, какъ совѣщаній представителей трехъ городскихъ сословій въ тайныхъ собраніяхъ, называемыхъ da camera, такъ и гильдейскихъ засѣданій; ибо въ нихъ часто опредѣлялись изъятія изъ уставовъ и дополненія къ нимъ.

Первые изъ этихъ документовъ хранились въ магистратѣ и, благодаря вліянію и убѣжденіямъ первоприсутствующаго бургомистра Тима, были выданы безъ затрудненій; но это крайне раздражило противу Тима членовъ обѣихъ гильдій, кои уже рѣшились не сообщать своихъ протоколовъ.

Узнавъ объ этомъ, генералъ-губернаторъ потребовалъ къ себѣ представителей гильдій и словесно объяснилъ имъ незаконность ихъ намѣреній. Вслѣдствіе сего малая гильдія доставила требуемые протоколы; но большая, на собраніи 5 октября 1845 года (куда не были приглашены русскіе члены гильдіи), положила остаться при прежнемъ своемъ рѣшеніи, т. е. сообщить ревизорамъ только перечень предметовъ совѣщаній и окончательныя постановленія большинства, а не выдавать протоколовъ преній. Это опредѣленіе представлено было генералъ-губернатору ельтерманомъ гильдіи, вмѣстѣ съ просьбою отъ нея, защитить право означеннаго сословія свободно совѣщаться на своихъ собраніяхъ.

Въ то же время три вновь избранныхъ въ ратсгеры члена большой гильдіи (отъ коихъ зависитъ, какъ отъ младшихъ, ежегодное назначеніе первоприсутствующаго бургомистра), лишили его послѣ 45 лѣтней службы по городскому вѣдомству и одиннадцати-лѣтняго предсѣдательства въ магистратѣ, званія первоприсутствующаго бургомистра.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ министра внутреннихъ дѣлъ, Тимъ удостоенъ былъ ордена Св. Владиміра 3 степени, а генералъ-губернаторъ 7 октября поручилъ магистрату объявить большой гильдіи, что она обязана, по примѣру двухъ прочихъ городскихъ сословій, представить на ревизію акты своихъ собраній.

Предложеніе генералъ-губернатора было безусловно и требовало такого же исполненія; но магистратъ, вмѣсто того, чтобы побу-

дить къ сему ельтермана, разрѣшилъ ему предварительно вновь созвать гильдію, подъ предлогомъ, что § 27 гильдейскихъ праг воспрещено ельтерманамъ измѣнять сословныя опредѣленія.

Это собраніе, куда приглашены были уже и русскіе члены гильдіи, послѣдовало 10 октября.

Предметомъ совѣщанія объявлено было рѣшеніе вопроса: слѣдуетъ ли по послѣднему предложенію генералъ губернатора выдать протоколы гильдейскихъ преній, или нѣтъ? Присутствовавшіе на собраніи русскіе члены гильдіи, въ числѣ сорока человѣкъ, находя самый вопросъ противозаконнымъ, отказались отъ участія въ подачѣ голосовъ; но, будучи вынуждаемы къ тому ельтерманомъ, на основаніи гильдейскихъ праг просили по крайней мѣрѣ записать въ протоколъ, что участвуютъ въ баллотировкѣ противъ воли и на слѣдующій день подали о семъ особое объясненіе генералъ-губернатору. Напротивъ большинство гильдіи опредѣлило испросить отъ генералъ-губернатора объясненія: слѣдуетъ ли предложеніе его отъ 7 октября считать только мнѣніемъ генерала отъ инфантеріи Головина о настоящихъ обязанностяхъ гильдіи, или безусловнымъ приказаніемъ.

Генералъ-губернаторъ предложилъ лифляндскому губернскому правленію поставить на видъ рижскому магистрату и ельтерману большой гильдіи незаконность ихъ образа дѣйствія, подтвердивъ въ третій разъ требованіе о выдачѣ протоколовъ, а русскимъ членамъ гильдіи изъявилъ особую признательность за ихъ поступокъ на собраніи 10 октября.

Наконецъ, послѣ четвертаго подтвержденія генералъ-губернатора чрезъ губернское правленіе, протоколы большой гильдіи были доставлены ревизующей коммиссіи 18 ноября 1845 г.

в) По производству ревизіи: Еще въ 1842 г. коммиссія городской кассы, узнавъ о предполагаемой министромъ внутреннихъ дѣлъ ревизіи городскаго хозяйства, протоколомъ 9 іюня протестовала противъ права на это правительства. Магистратъ не далъ хода этому протесту, но, когда ревизія дѣйствительно началась, сталъ дѣйствовать совершенно согласно съ нимъ, а именно: на замѣчаніе ревизующихъ чиновниковъ о противузаконности нѣкоторыхъ издержекъ изъ городскихъ суммъ и необходимости обратить этотъ расходъ на счетъ лицъ, допустившихъ его, магистратъ отвѣчалъ лифляндскому гражданскому губернатору, что ратсгеры готовы бы уплатить взводимое на нихъ взысканіе, если бы съ этимъ не сопряжено было признаніе начала, несогласнаго съ городскими привилегіями, по силѣ которыхъ городское имущество

есть частное достояніе городской общины, состоящее исключительно въ ея распоряженіи; а потому городское начальство обязано подробнымъ отчетомъ предъ одними гражданами, и за одобренныя ими издержки изъ городскихъ суммъ, на какой бы предметъ они употреблены ни были, отвѣту подлежать не можетъ.

Съ мнѣніемъ этимъ согласился лифляндскій гражданскій губернаторъ.

Но при подобномъ условіи, производство ревизіи, а слѣдовательно и составленіе какихъ либо предположеній становилось невозможно.

Сверхъ того домогательство магистрата было совершенно незаконно, какъ повтореніе притязаній, неоднократно отвергнутыхъ правительствомъ, именно: уже пунктомъ 3 Высочайшаго указа 12 сентября 1728 г. повелѣно касса-коллегіи ежегодно представлять отчеты о городскихъ доходахъ и издержкахъ генералъ-губернатору; то же повторено въ § 10 Торговаго Уст. 1765 г. Но по инструкціи, данной остзейскимъ генералъ губернаторомъ графомъ Брауномъ 14 апрѣля 1774 г. камерпру генералъ-губернамента, коему поручена была ревизія городскихъ счетовъ, власть его ограничена лишь повѣркою числоваго тождества отчетовъ съ подлинными документами. Указомъ 28 октября 1778 г. снова повелѣно магистратамъ въ остзейскихъ городахъ представлять свои отчеты въ казенную палату на общихъ основаніяхъ; только исполненіе этого, послѣ 1796 г., повидимому прекратилось, такъ что въ 1811 г., государственный контролеръ вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о подтвержденіи означенной обязанности, что и было сдѣлано указомъ 30 октября того же года. Рижскій магистратъ, донося генералъ-губернатору 14 ноября, что онъ принялъ мѣры къ исполненію указа Сената, счелъ нужнымъ присовокупить къ сему, что находитъ въ этомъ указѣ нарушеніе городскихъ привилегій.

Въ отвѣтъ на это князь Лобановъ, отъ 21 ноября, за № 4015, подтвердилъ магистрату, дабы онъ немедленно доставилъ въ лифляндскую казенную палату отчеты съ 1801 г., и присовокупилъ „что мудрено повѣрить, что благомыслящее общество, изъ коваго составляется рижскій магистратъ, могло бы принять за оскорбленіе или умаленіе своихъ правъ то, къ чему, по собственной обязанности и убѣжденію чести, каждаго зоветъ долгъ его“.

Тѣмъ не менѣе и указъ Сената 30 октября 1811 г., не приведенъ, повидимому, въ надлежащее исполненіе, а въ новой инструкціи для коммиссіи городской кассы, составленной городскимъ на-

чальствомъ 3 февраля 1825 года и утвержденной остзейскимъ генералъ губернаторомъ безъ вѣдома законодательной власти, въ декабрѣ того же года, не было включено правилъ о контролѣ городскаго хозяйства со стороны правительства. Посему, когда въ 1829 г., лифляндскій гражданскій губернаторъ баронъ Ганъ приступилъ къ ревизіи рижскихъ градскихъ присутственныхъ мѣстъ, то магистратъ на сдѣланный ему начальникомъ губерніи запросъ отвѣчалъ, что городскіе доходы и издержки, находящіеся въ вѣдомствѣ касса-коллегіи, не могутъ подлежать ревизіи начальства, ибо это нарушало бы права самаго градскаго общества и сверхъ того не представляетъ никакой пользы, такъ какъ повѣрка ежегодно производится представителями отъ гражданъ. Но генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи, предложеніемъ магистрату отъ 7 февраля 1829 года, предписалъ: управленія городской кассы, квартирное и акцизное подчинить безпрекословно ревизіи гражданскаго губернатора. Между тѣмъ, по Высочайше утвержденному журналу Комитета Министровъ 19 марта 1829 г., поступокъ магистрата поручено было министру внутреннихъ дѣлъ сообразить съ мѣстными привилегіями, и затѣмъ заключеніе свое представить высшему правительству. Это исполнено было графомъ Блудовымъ въ 1833 г.; вслѣдствіе чего, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 19 октября того же года, опредѣлено было:

„а) Что, по общему порядку, установленному для всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, городовыя управленія, относительно дѣлопроизводства, подлежатъ наблюденію мѣстнаго гражданскаго начальства, а по приходу и расходу денежныхъ суммъ и другаго городскаго имущества—ревизіи казенныхъ палатъ.

„б) Что уклоненіе отъ сего порядка рижскаго магистрата не могло быть допущено, сколько по неосновательности такого домогательства, столько и потому: во 1-хъ, что, по удостовѣренію мѣстнаго начальства, накопленіе городами Лифляндской губерніи долговъ, количество коихъ по одной Ригѣ простиралось до 361,000 руб. сер., происходило именно отъ безпорядка въ управленіи городскими доходами и расходами, отъ назначенія излишнихъ и даже вовсе ненужныхъ издержекъ, отъ произвольнаго распоряженія со стороны магистратовъ оброчными статьями и вообще отъ неустановленія законной отчетности, и во 2-хъ, что въ самыхъ привилегіяхъ (въ представленіи министру изложенныхъ) не содержалось никакого постановленія, по коему бы магистратъ и прочіе городовыя въ Ригѣ управленія были изъяты отъ ревизіи правительства; напротивъ, Высочайшею грамотою въ

Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра I предоставлено городу Ригѣ и магистрату пользоваться прежними ихъ правами и преимуществами, елико они сообразны съ общими государственными постановленіями и законами". Но это положительное рѣшеніе правительства не кончило дѣло.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1833 года, лифляндскій вице-губернаторъ Кубе донесъ генералъ-губернатору, что казенная палата, признавъ необходимымъ, для ревизіи отчетовъ городскихъ кассъ, имѣть въ виду ежегодно составляемые бюджеты, вытребовала ихъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, отъ всѣхъ лифляндскихъ магистратовъ; при чемъ обнаружилось, что хотя указомъ Сената 16 мая 1827 г. повелѣно было всѣмъ городовымъ магистратамъ представлять ежегодно составляемые ими бюджеты на разсмотрѣніе и утвержденіе губернскаго правленія, но это постановленіе было сообщено лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ всѣмъ подчиненнымъ ему магистратамъ за исключеніемъ рижскаго, который, ссылаясь на уставъ, данный маркизомъ Паулуччи городской кассѣ, признавалъ свои смѣты подлежащими утвержденію и ревизіи одного городскаго общества.

Вслѣдствіе сего донесенія, генералъ-губернаторъ подтвердилъ гражданскому губернатору и рижскому магистрату о точномъ исполненіи указа 16 мая 1827 г. То же самое повторено было циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ 17 декабря 1840 г., за № 322; но распоряженія эти остались безъ послѣдствій, ибо въ 1841 г. казенная палата обратилась снова съ жалобою къ генералъ губернатору, что магистратъ доставляетъ ей бюджеты никѣмъ не утвержденные, подъ прежнимъ предлогомъ, будто это согласно съ данною касса-коллегіи инструкціею и оправдывается указомъ Правительствующаго Сената 3 ноября 1829 г., о сохраненіи въ силѣ, до изданія мѣстнаго свода, всѣхъ дѣйствующихъ въ Лифляндіи обычаевъ.

Генералъ-губернаторъ снова предписалъ начальнику губерніи разсматривать и утверждать рижскіе городскіе бюджеты. Тогда тайный совѣтникъ Фелькерзамъ, согласно съ § 10 положенія о губернскомъ правленіи, 3 іюня 1837 г., передалъ смѣту въ губернское правленіе; но рижскій магистратъ 9 августа 1841 г. протестовалъ противу сего, и лифляндскій гражданскій губернаторъ счелъ себя въ правѣ уважить сей протестъ. Это подало поводъ къ новой жалобѣ казенной палаты и къ новому предписанію генералъ-губернатора, отъ 13 апрѣля 1842 г., вслѣдствіе котораго гражданскій губернаторъ сталъ утверждать рижскіе городскіе

бюджеты, не передавая ихъ однакожъ на разсмотрѣніе въ губернское правленіе.

Такимъ образомъ, рижскому городскому начальству, вопреки неоднократныхъ и положительныхъ предписаній правительства въ теченіе 100 лѣтъ, удалось однакоже избѣгнуть одинаковаго контроля съ прочими городскими управленіями и, протестуя противъ ревизіи, предположенной министромъ внутреннихъ дѣлъ, магистратъ не только надѣялся упрочить, но еще расширить свои произволъ въ отношеніи къ городскому хозяйству.

Но министръ внутреннихъ дѣлъ, отношеніемъ отъ 24 февраля 1846 г., за № 644, просилъ остзейскаго генералъ-губернатора: а) внушить рижскому магистрату, что онъ подлежитъ безусловной отвѣтственности передъ правительствомъ за незаконное и безпорядочное употребленіе городскихъ доходовъ; б) подтвердить городскому начальству, подъ страхомъ строгаго взысканія, не уклоняться отъ ревизіи.

Это было исполнено генераломъ отъ инфантеріи Головинымъ и сверхъ того предписано: съ 1847 г. рижскія смѣты, на общемъ основаніи, непремѣнно разсматривать въ лифляндскомъ губернскомъ правленіи.

г) По возстановленію законнаго порядка. Уже выше объяснено было, что, одновременно съ учрежденіемъ ревизіонной коммиссіи въ Ригѣ, обнародованы были двѣ части Свода Мѣстныхъ Узаконеній губерній Остзейскихъ, которыя и повелѣно привести въ дѣйствіе съ 1 января 1846 года.

Очевидно, что коммиссія должна была принимать этотъ Сводъ, какъ единственное законное выраженіе дарованныхъ Ригѣ учрежденій и, во всѣхъ случаяхъ, когда обнаруживались уклоненія отъ Свода, обязана была требовать строгаго соблюденія его; съ другой стороны, казалось, что это соблюденіе Свода не могло быть тягостно для городскихъ присутственныхъ мѣстъ; ибо Мѣстный Сводъ составляемъ былъ по указаніямъ депутатовъ отъ Остзейскихъ городовъ и дворянства: притомъ же, какъ положительно выражено было въ манифестѣ 1 іюля, имѣлъ цѣлію „ни въ чемъ не измѣнять силу и дѣйствіе существующихъ постановленій“.

Но ожиданія эти не оправдались на дѣлѣ рижскія привилегированныя сословія, упорно отвергая всякое преобразованіе со стороны законодательной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошо понимали невозможность обречь себя навсегда средневѣковому порядку, только желали измѣнять этотъ порядокъ самопроизвольно, исключительно въ свою пользу; — посему точное исполненіе Свода

было для нихъ столь же непріятно, какъ и преобразованіе, исходящее отъ правительства.

Справедливость сего не замедлила подтвердиться оффиціальными сношеніями.

Въ Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній относительно Риги включено было только одно существенное измѣненіе стараго порядка, а именно Высочайше утвержденныя 19 іюня 1841 года правила о порядкѣ пріема въ гильдейское братство. Законъ этотъ, какъ объяснено было выше, умышленно не исполнялся въ Ригѣ въ продолженіи 4 лѣтъ послѣ обнародованія его. Равномѣрно не принято было никакихъ мѣръ ко введенію вновь предписаннаго порядка и по изданіи Свода. Усмотрѣвъ это, ревизующая коммиссія донесла о томъ министру внутреннихъ дѣлъ, который, въ декабрѣ 1845 года, вошелъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о подтвержденіи рижскому городскому обществу:

а) Что по закону 1841 года на вступленіе въ братство имѣютъ право всѣ граждане, соединяющіе условія, въ статьяхъ 947 и 965 ч. II Свода Мѣстн. Узак. означенныя.

б) Что, при отказѣ въ пріемѣ члену, братство обязано объяснять, въ чемъ кандидатъ не удовлетворяетъ законнымъ требованіямъ.

в) Что отвергнутому гражданину предоставляется жаловаться на рѣшеніе братства магистрату, а на послѣдній Правительствующему Сенату.

Но Комитетъ Министровъ призналъ это не подтвержденіемъ, а поясненіемъ закона, почему и передалъ дѣло въ Государственный Совѣтъ.

Департаментъ законовъ въ журналахъ 28 января и 5 февраля 1846 года полагалъ утвердить представленіе министра внутреннихъ дѣлъ, какъ согласное съ цѣлію закона 1841 г., но, по Высочайше утвержденному мнѣнію общаго собранія Государственнаго Совѣта, дозволено было разрѣшить настоящее дѣло, не стѣсняясь бывшими по сему предмету сужденіями Государственнаго Совѣта 1841 г. Почему представленіе министра внутреннихъ дѣлъ возвращено снова въ департаментъ законовъ.

Послѣдній, при вторичномъ соображеніи, призналъ полезнѣйшимъ измѣнить законъ 1841 г. и, для возстановленія прежняго порядка пріема въ братство, включить въ Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній, что принятіе въ члены братства должно совершаться по правиламъ, въ трагахъ большой и малой гильдіи постановленнымъ.

Однакоже общее собраніе Государственнаго Совѣта не допу-

стило этого измѣненія закона 1841 г., напротивъ, сохранило его въ полной силѣ; только, принимая въ соображеніе что, „по недавнему изданію сего закона, онъ не успѣлъ, можетъ статься, получить полное дѣйствіе, такъ какъ практическое примѣненіе порядка новаго всегда соединено съ бо́льшими или меньшими затрудненіями и съ медленнымъ обыкновенно въ началѣ его развитіемъ, Государственный Совѣтъ не нашелъ умѣстнымъ дѣлать тогда же какія либо поясненія означеннаго закона, но предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ, если будущія событія подтвердятъ и докажутъ, что рижскіе граждане русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія не поступятъ въ братство по дѣйствительному и неосновательному отклоненію отъ того членовъ означеннаго союза, вошли о семъ предметѣ съ новымъ представленіемъ; причемъ Государственный Совѣтъ надѣялся, что будущіе факты укажутъ съ точностью тѣ мѣры, кои въ предлежащемъ случаѣ вѣрнѣе могутъ привести къ желаемой правительствомъ цѣли, т. е. къ возстановленію въ порядкѣ поступленія въ братство или же въ порядкѣ выбора въ городскія должности такихъ правилъ, которыя, обезпечивая благосостояніе города, благопріятствовали бы совершенно въ равной степени всѣмъ пользующимся этимъ правомъ гражданства подданнымъ имперіи“.

Но эта снисходительность высшаго правительства не повела къ ожидаемымъ послѣдствіямъ; напротивъ, она ободрила рижскія городскія власти на противодѣйствіе возстановленію законнаго порядка. Пріемъ въ братство по безотчетному выбору, равно какъ безусловное устраненіе изъ этого выбора Русскихъ, продолжались, а магистратъ сверхъ того сталъ явно отвергать вообще обязательность Свода Мѣстныхъ Узаконеній въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предписанный имъ порядокъ не согласовался съ учрежденіями, произвольно установленными мѣстными властями.

Поводомъ къ сему были нѣкоторыя указанія, сдѣланныя городскому начальству ревизующею коммиссіею, что въ составѣ нѣсколькихъ присутственныхъ мѣстъ, въ предметахъ ихъ вѣдомства и особливо въ назначеніи содержанія городскихъ чиновниковъ допускаются существенныя и важныя отступленія отъ Свода. Въ отвѣтѣ на это магистратъ, ссылаясь на 5 пунктъ манифеста 1 іюля 1845 года, гдѣ изъяснено, что „Мѣстнымъ Сводомъ, какъ и общимъ Сводомъ Законовъ Имперіи не измѣняется ничѣмъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій“, утверждалъ, что Мѣстный Сводъ не можетъ быть во всѣхъ случаяхъ обязателенъ, что тѣ статьи Свода, которыя несогласны съ заведеннымъ прежде

порядкомъ, не должны быть примѣняемы въ г. Ригѣ, и что вмѣсто такихъ статей надлежитъ руководствоваться прежними постановленіями, обычаями и даже протоколами магистрата, хотя бы они были противны Высочайше утвержденному Своду. Посему, магистратъ не нашелъ нужнымъ исправлять поставленныхъ ему на видъ отступленій отъ Свода.

Обстоятельства эти доведены были генералъ-губернаторомъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената и сверхъ того, по Высочайшему повелѣнію, разсмотрѣны предварительно въ особомъ комитетѣ по устройству духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Лифляндіи, журналъ котораго 17 ноября 1847 года внесенъ въ Комитетъ Министровъ.

Правительствующій Сенатъ, 27 января 1848 года, нашелъ: „а) что правительственныя судебныя мѣста и частныя лица Остзейскихъ губерній должны въ отношеніи указанія и примѣненія законовъ руководствоваться первымъ, вторымъ и третьимъ пунктами манифеста 1 іюля 1845 года, а именно: во всѣхъ случаяхъ, относящихся къ особому учрежденію нѣкоторыхъ властей и мѣстъ губернскаго управленія по правамъ состоянія, приводить и примѣнять статьи обнародованныхъ въ 1845 г. двухъ первыхъ частей Свода Мѣстныхъ Узаконеній, воспріявшихъ полную силу и дѣйствіе закона съ 1 января 1846 г., а въ отношеніи законовъ гражданскихъ въ порядкѣ ихъ производства гражданскаго и уголовнаго впредь до обнародованія слѣдующихъ частей сего Свода, продолжать руководствоваться дѣйствующими постановленіями и ссылаться на отдѣльныя положенія, указы и другія узаконенія; б) что, при введеніи и примѣненіи статей двухъ первыхъ частей Свода Мѣстныхъ Узаконеній, всѣ правительственныя мѣста и частныя лица въ Остзейскихъ губерніяхъ должны руководствоваться, по силѣ втораго пункта именнаго указа 1 іюля 1845 г., правилами, приложенными къ ст. 102 т. I Св. Учрежд. Прав. Сен., въ которыхъ положительно опредѣлены случаи, когда допускается ссылка на прежнія, не вошедшія въ Сводъ постановленія, и что, наконецъ, в) всѣ присутственныя мѣста Остзейскихъ губерній, въ случаѣ неясности самыхъ законовъ въ существѣ ихъ или же недостатка или неполноты въ ихъ изложеніи, должны, при ходатайствѣ о дополненіи или поясненіи оныхъ, исполнять въ точности порядокъ, установленный 5 пунктомъ именнаго указа 1 іюля 1845 г.

„Основываясь на сихъ соображеніяхъ и имѣя въ виду, что, по словамъ помянутаго именнаго указа, въ первыхъ двухъ частяхъ

Свода Мѣстныхъ Узаконеній изложены всѣ относящіяся до особенныхъ учрежденій, правъ и состояній постановленія, сохранившія доселѣ въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курлянской силу и дѣйствіе, Правительствующій Сенатъ призналъ, что присутственныя мѣста Остзейскихъ губерній не имѣютъ права руководствоваться постановленіями, относящимися до учрежденій и правъ состояній, не вошедшими въ двѣ первыя части Свода Мѣстныхъ Узаконеній, и что сіи двѣ части замѣняютъ съ 1 января 1846 года всѣ касающіяся учрежденій и правъ состояній постановленія; а потому Сенатъ опредѣлилъ: а) поручить исправляющему должность остзейскаго генералъ-губернатора предложить объясненіе рижскаго магистрата относительно примѣненія частныхъ узаконеній разсмотрѣнію и законному постановленію лифляндскаго губернскаго правленія, вмѣнивъ въ обязанность сему правленію принять мѣры къ точному и буквальному исполненію магистратомъ статей Свода Мѣстныхъ Законовъ; б) предоставить наблюденію исправляющаго должность генералъ-губернатора, чтобы всѣ правительственныя и судебныя мѣста Остзейскихъ губерній не отступали отъ установленнаго именнымъ указомъ 7 іюля 1845 г. порядка приведенія и примѣненія закона и, въ случаѣ нарушенія ими сего порядка, поручить генералъ-губернатору, на основаніи Высочайше ввѣренной ему власти, принимать мѣры къ возстановленію онаго и къ поступленію съ виновными по точной силѣ законовъ".

Въ то же время Высочайше утвержденнымъ 2 декабря 1847 г. журналомъ Комитета Министровъ опредѣлено было: „касательно изъясненія бывшаго генералъ-губернатора Головина объ образѣ дѣйствій присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, Комитетъ, имѣя въ виду примѣры неисполненія тамошними мѣстами и лицами постановленій Остзейскаго Свода, подъ тѣмъ предлогомъ, что Сводъ сей составляя лишь собраніе дѣйствующихъ уставовъ, не измѣняетъ силы и обязательности существующаго устройства, признавалъ необходимымъ принять мѣры къ обузданію въ семъ отношеніи присутственныхъ мѣстъ и лицъ, а потому и находя, что лучшимъ къ тому средствомъ можетъ служить сколь возможно скорѣйшее разрѣшеніе дѣлъ объ отступленіяхъ остзейскихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ отъ означеннаго Свода, полагалъ всѣ дѣла о сихъ отступленіяхъ какъ въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, такъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ раз-

сматривать и разрѣшать безъ очереди въ кратчайшій срокъ, и виновныхъ въ томъ подвергать взысканію по уложенію о наказаніяхъ".

Такимъ образомъ, благодаря распоряженіямъ высшаго правительства и усиліямъ главнаго мѣстнаго начальства, противудѣйствіе рижскихъ градскихъ властей ревизующей коммиссіи было обезсилено, а вслѣдствіе того къ началу 1848 года нужные свѣдѣнія и документы собраны, ревизіи произведены, отчеты по нимъ изготовлены, отступленія отъ законнаго порядка поставлены на видъ и важнѣйшіе недостатки городскаго устройства обнаружены: оставалось принять мѣры къ возстановленію законности и къ устраненію существенныхъ недостатковъ преобразованіями.

Предположенія, выработанныя коммиссіею.

Исполненіе первой обязанности не могло подлежать ревизующей коммиссіи, такъ какъ относилось непосредственно къ вѣдомству мѣстныхъ губернскихъ властей; что касается до второй, то результаты работъ коммиссіи состояли въ слѣдующемъ:

Всѣ предположенія раздѣлены были на четыре главныя категоріи: 1) относительно преобразованія устройства городскаго общества и управленія; 2) относительно улучшенія городскаго хозяйства; 3) касательно торговыхъ учрежденій въ городѣ Ригѣ; 4) касательно ремесленной части въ томъ же городѣ.

По первому предмету представлены были основныя начала предполагаемыхъ измѣненій; по второму—подробное изложеніе мѣръ и нововведеній, признанныхъ полезными; по третьему—перечень неустройствъ и стѣсненій по торговой части, которыя уже обратили на себя вниманіе правительства; по четвертому—тщательное указаніе настоящаго положенія ремесленной части въ Ригѣ и всѣхъ неудобствъ современнаго порядка.

Вслѣдствіе сего, для окончательнаго изготовленія предположеній къ лучшему устроенству частей торговой и ремесленной, Высочайше утвержденными журналами Комитета гг. Министровъ 19 апрѣля 1849 года и 21 февраля 1850 года повелѣно было образовать въ Ригѣ два комитета изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и мѣстнаго губернскаго управленія; что же касается до предположеній двухъ первыхъ родовъ, то сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

а) относительно преобразованія городскаго устройства.

А. Коммиссія, принимая во вниманіе своеобразность развитія рижскаго городскаго устройства, въ существенныхъ отношеніяхъ не сходнаго съ Городовымъ Положеніемъ 1785 г., признала удобнѣйшимъ не вводить безусловно въ Ригѣ означеннаго Положенія, но, сохранивъ по возможности основныя начала

мѣстныхъ городскихъ учрежденій, исправить недостатки, происшедшіе отъ двухвѣковаго застоя въ развитіи сихъ учрежденій, согласуя однакоже исправленія какъ съ существеннымъ характеромъ мѣстныхъ учрежденій, такъ съ современными потребностями рижскихъ обывателей и съ значеніемъ Риги, какъ губернскаго города Русской имперіи.

Для достиженія сей цѣли коммиссія предполагала:

1) Причислить къ городскому обществу въ Ригѣ на общемъ основаніи всѣхъ имѣющихъ тамъ недвижимую собственность, или записанныхъ по одному изъ промышленныхъ окладовъ; къ обывателямъ же, не пользующимся полными городскими правами, отнести: купеческихъ прикащиковъ, цеховыхъ подмастерьевъ и учениковъ, нецеховыхъ ремесленниковъ, лицъ, промышляющихъ личнымъ услуженіемъ, Евреевъ и всѣхъ иногородныхъ.

2) Условія пріема въ городское общество установить общія во всей имперіи.

3) Подраздѣлить городское общество на слѣдующія сословія: а) домовладѣльцевъ изъ дворянъ, б) мѣстныхъ биржевыхъ купцовъ, в) прочихъ мѣстныхъ торговцевъ г) литератовъ, д) мѣщанъ, е) ремесленныхъ мастеровъ большихъ цеховъ, ж) ремесленныхъ мастеровъ малыхъ цеховъ.

4) Въ каждомъ сословіи образовать особый союзъ подъ названіемъ братства, члены коего исключительно могли бы быть назначаемы въ городскія должности. Представленіе кандидатовъ въ братья предоставить самому братству, окончательное же утвержденіе пріема—большинству всего сословія.

5) Каждому сословію предоставить право собираться ежегодно, независимо отъ чрезвычайныхъ случаевъ, два раза и имѣть свое сословное начальство.

6) Сословное начальство образовать: для дворянскихъ домовладѣльцевъ и литератовъ изъ предсѣдателя собранія ихъ, избираемаго по большинству голосовъ на два года; для мѣстныхъ и иногородныхъ биржевыхъ торговцевъ изъ биржеваго комитета; въ четырехъ прочихъ городскихъ сословіяхъ изъ сословнаго головы или ельтермана и помощника его или докмана, избираемыхъ каждые два года изъ сословнаго братства по большинству голосовъ общественнаго собранія.

7) На обыкновенныхъ сословныхъ собраніяхъ производить только: а) выборъ членовъ въ сословное братство, въ старшины и въ разныя должности по городскому управленію; б) обсужденіе дѣлъ, собственно до каждаго сословія относящихся; в) разсмотрѣніе

тѣхъ изъ общихъ городскихъ дѣлъ, кои будутъ внесены въ собраніе по распоряженію губернскаго начальства.

8) Сословнымъ собраніямъ и ихъ начальствамъ (не исключая биржеваго комитета) воспретить въ представленіяхъ и жалобахъ своихъ миновать высшую инстанцію по городскому управленію и рѣшеніе ея признать для городскихъ сословій обязательнымъ безъ апелляціи.

9) Въ городскомъ управленіи безусловно отдѣлить административную часть отъ судебной.

10) Административное городское управленіе раздѣлить на три степени: совѣщательную, распорядительную и исполнительную.

11) Совѣщательную инстанцію, подъ названіемъ старшинскаго собранія, образовать изъ уполномоченныхъ, выбираемыхъ на 5 лѣтъ каждымъ сословіемъ, разрѣшивъ предлагать это званіе лицамъ, даже не принадлежащимъ къ избирающему сословію. Каждому сословію предоставить слѣдующее число представителей:

а) домовладѣльцамъ изъ дворянъ	1
б) биржевымъ торговцамъ	6
в) остальнымъ торговцамъ	13
г) литератамъ	5
д) цеховымъ мастерамъ большихъ цеховъ . . .	9
е) „ „ малыхъ „ . . .	3
ж) мѣщанамъ	13

Изъ всѣхъ этихъ представителей образовать одно общее нераздѣльное присутствіе, которое должно собираться четыре раза въ году и, назначивъ изъ среды своей по большинству голосовъ на два года предсѣдателя подъ названіемъ городскаго ельтермана и вице-предсѣдателя подъ именемъ городскаго докмана, рѣшать всѣ дѣла балотировкою.

Къ вѣдомству старшинскаго собранія отнести не только разсмотрѣніе и утвержденіе городскаго бюджета, равно какъ сверхсмѣтныхъ издержекъ и счетовъ по расходамъ истекшихъ годовъ, но также исполненіе или представленіе высшему начальству жалобъ, просьбъ и предположеній, поступающихъ изъ сословныхъ собраній; представленіе губернскому начальству всѣхъ предположеній къ измѣненію и улучшенію городскаго общественнаго устройства и городской администраціи; разсмотрѣніе предложеній начальства по дѣламъ городскаго общества; разсмотрѣніе и утвержденіе предположеній о пріобрѣтеніи или отчужденіи городской

собственности: утвержденіе раскладки казенныхъ податей и повинностей, освобожденіе отъ платежа ихъ и сложеніе недоимокъ; утвержденіе списковъ, представляемыхъ отъ сословныхъ начальствъ, вновь вступившимъ въ подвѣдомственное имъ сословіе, или выбывшимъ изъ него членамъ, и веденіе городской обывательской книги; выдачу похвальныхъ листовъ въ знакъ одобренія отъ общества и утвержденіе наградъ городскимъ чиновникамъ. По всѣмъ этимъ предметамъ предположенія старшинскаго собранія представлять на утвержденіе высшему губернскому начальству, постановленія же, требующія только исполненія—распорядительной инстанціи, т. е. городской думѣ.

12) Городскую думу составить изъ девяти членовъ, съ тѣмъ чтобы два изъ нихъ принадлежали къ братьямъ какого бы то ни было городскаго сословія, три къ братству одного изъ купеческихъ сословій, четыре къ состоянію литераторовъ, изучившихъ юриспруденцію или курсъ камеральныхъ наукъ, либо строительную часть или агрономію. Вмѣнить думѣ въ обязанность собираться три раза въ недѣлю, рѣшать дѣла по большинству голосовъ и ежегодно избирать, такимъ же порядкомъ, предсѣдателя своего. Вѣдомству думы предоставить распорядительную власть по городскому управленію, равно какъ замѣщеніе всѣхъ исполнительныхъ должностей, съ правомъ даже утверждать кандидатовъ, выбираемыхъ на эти мѣста сословіями, и производить всѣ сношенія по городскимъ дѣламъ съ начальствомъ и посторонними вѣдомствами.

13) Дума отнюдь не въ правѣ измѣнять постановленій старшинскаго собранія; напротивъ, послѣднее можетъ требовать отъ думы всякихъ объясненій и, если найдетъ ихъ неудовлетворительными, то ему предоставляется: а) выразить свое неодобреніе въ протоколѣ, б) просить негласнымъ образомъ городскую думу о замѣщеніи обвиняемаго лица, в) формально требовать отъ думы увольненія его, г) просить губернское начальство о преданіи виновнаго суду. Въ третьемъ случаѣ (п. в.) дума въ правѣ, не удовлетворяя требованія старшинъ, перепести дѣло въ губернское правленіе.

Всѣ члены городской думы могутъ присутствовать въ старшинскомъ собраніи и давать нужныя объясненія, но не участвуютъ въ подачѣ голосовъ.

Журналы думы, прежде исполненія, просматриваются городскимъ ельтерманомъ, который находится къ думѣ въ отношеніяхъ прокурора (не стѣсняя тѣмъ правъ короннаго прокурорскаго над-

зора); въ случаѣ несогласія ельтермана, дѣло переносится въ губернское правленіе.

14) Для исправленія низшихъ исполнительныхъ дѣлъ по городскому вѣдомству, каждый изъ членовъ думы, за изъятіемъ предсѣдателя, завѣдуетъ особенною частію городской администраціи, которая раздѣляется на слѣдующія главныя вѣтви:

а) городское казначейство;

б) надзоръ за взысканіемъ городскихъ доходовъ, недоимокъ и завѣдываніе финансовою полиціею;

в) управленіе населенными и ненаселенными городскими недвижимыми имѣніями;

г) торговая полиція;

д) надзоръ за уплатою податей, исправленіемъ рекрутской и другихъ казенныхъ повинностей и выдачею паспортовъ;

е) надзоръ за отбываніемъ квартирной повинности;

ж) питейное управленіе;

з) надзоръ за городскимъ освѣщеніемъ, мощеніемъ, правильнымъ исполненіемъ подрядчиками заключенныхъ съ городомъ контрактовъ, цѣлостію городской движимой собственности и разныхъ запасовъ.

Сверхъ сего, всѣ члены раздѣляютъ между собою участіе въ разныхъ управленіяхъ, какъ-то: банковыхъ, церковныхъ, благотворительныхъ заведеній, городскаго застрахованія, запаснаго хлѣбнаго магазина, городскихъ училищъ; два лица, избранныя для сего думою, принимаютъ участіе на ландтагахъ и одинъ предсѣдательствуетъ въ консисторіи, въ которую два свѣтскихъ засѣдателя должны быть назначены отъ сословія оптовыхъ торговцевъ и литераторовъ.

Всѣ исчисленныя управленія сохраняютъ свое нынѣшнее устройство съ тѣмъ только, что впослѣдствіи подробнымъ росписаніемъ опредѣлено будетъ: изъ какихъ сословій должны быть выбираемы въ нихъ члены взамѣнъ нынѣшнихъ ельтермановъ и засѣдателей отъ старшинскихъ скамей и простыхъ гражданъ большой и малой гильдій; вмѣсто же существующихъ нынѣ кассаколлегіи, квартирной коммиссіи, управленія фортштатскимъ освѣщеніемъ, податнаго правленія, веттгерихта - по части торговой полиціи, кемерейгерихта, конторы справочныхъ дѣлъ, строительной инспекціи и всѣхъ прочихъ инспекцій, комитета фортштатскихъ насажденій и вендеколлегіи,—будутъ, подъ начальствомъ отдѣльныхъ членовъ думы, образованы по вышеисчисленнымъ главнымъ раздѣламъ особыя правительственныя учрежденія, со-

стоящія частію изъ секретаря и другихъ чиновниковъ, назначаемыхъ думою, частію изъ чиновъ, избираемыхъ разными сословіями, частію же изъ исполнительныхъ приставовъ и служителей.

Б. Финансовыя соображенія и предположенія ревизующей комиссіи состояли въ слѣдующемъ:

б) Относительно улучшенія городскаго хозяйства.

Рижское городское общество болѣе всякаго другаго въ имперіи снабжено средствами къ полученію значительныхъ общественныхъ доходовъ безъ обремененія обывателей, какъ потому, что владѣетъ большими населенными имѣніями и обширными поземельными угодьями, такъ по дарованному въ нѣкоторыхъ случаяхъ рижской общинѣ праву облагать разными сборами въ пользу города торговлю, сосредоточивающуюся при устьѣ Двины, равно какъ взимать сборы за причалъ къ берегу, за проѣздъ черезъ мость, за обязательное взвѣшиваніе или перемѣръ товаровъ, наконецъ, просто взыскивать таможенные налоги въ видѣ такъ-называемыхъ добровольныхъ взносовъ купечества, составляющихъ собственно пошлину на всѣ проходящіе черезъ рижскій портъ продукты и издѣлія.

Несмотря на эти обширные способы, рижское городское хозяйство, со времени упраздненія общей думы въ Ригѣ и замѣны ея касса-коллегіею въ 1796 г., находилось въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что правительство почти постоянно вынуждено было принимать чрезвычайныя мѣры для приведенія этого хозяйства въ порядокъ; съ этою цѣлью учрежденъ былъ въ 1802 г., по Высочайшему повелѣнію, особый комитетъ, а въ 1804 г. еще другая коммиссія. Въ 1806 г. остзейскій генералъ-губернаторъ графъ Буксгевденъ ходатайствовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи новой коммиссіи. Эта просьба повторена была графомъ Тормасовымъ въ 1807 г. и графомъ Буксгевденомъ въ 1808 году. Въ 1811 г. князь Лобановъ-Ростовскій снова доводилъ до свѣдѣнія министра финансовъ о необходимости чрезвычайныхъ мѣръ для улучшенія рижскаго городскаго хозяйства и то же повторено было маркизомъ Паулуччи въ 1813 году.

Въ 1814 г. министръ финансовъ сообщилъ остзейскому генералъ-губернатору заключеніе Комитета Министровъ, что рижское городское начальство въ управленіи общественными доходами не соблюдаетъ должной экономіи, почему необходимо произвести подробную ревизію городскихъ кассъ, вслѣдствіе чего въ томъ же году учреждена была генералъ-губернаторомъ особая коммиссія; тѣмъ не менѣе въ 1823 г. городскіе доходы оказались опять въ столь неудовлетворительномъ положеніи, что генералъ-губер-

наторъ вынужденъ былъ учредить новую коммиссію. Въ 1829 г., лифляндскій гражданскій губернаторъ баронъ Ганъ открылъ при ревизіи городскаго хозяйства большіе безпорядки, почему Комитетъ Министровъ поручилъ министерству внутреннихъ дѣлъ обратить на этотъ предметъ особое вниманіе, и генералъ-губернаторъ, для отклоненія неустройствъ, учредилъ въ Ригѣ снова особую коммиссію.

Въ 1833 г. министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Блудовъ внесъ въ Государственный Совѣтъ предположенія свои объ улучшеніи рижскаго городскаго хозяйства; для исполненія ихъ, между прочимъ, повелѣно было открыть въ Ригѣ новый комитетъ, но онъ дѣйствовалъ очень медленно, и графъ Д. Н. Блудовъ, въ представленіи Комитету Министровъ въ 1835 г., вынужденъ былъ повторить, „что жалкое состояніе рижской городской кассы есть неизбѣжное послѣдствіе безпорядковъ тамошняго городскаго управленія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ остзейскому генералъ-губернатору о принятіи строжайшихъ мѣръ къ ускоренію занятій коммиссіи.

Несмотря однакожъ на это, она представила предположенія свои лишь въ 1838 г. По разсмотрѣніи ихъ, они оказались крайне недостаточными и несоотвѣтствующими Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 19 октября 1833 г.; посему въ 1842 г. отправлены были отъ министерства въ Лифляндію два чиновника для изслѣдованія городскаго хозяйства, а въ 1845 г. учреждена была въ Ригѣ особенная ревизующая коммиссія.

Что эта заботливость правительства оправдывалась дѣйствительною необходимостію, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1786 г., при учрежденіи городской думы въ Ригѣ, считалось на городѣ долга 549,000 рублей сер. Въ теченіе десятилѣтняго управленія думы уплачено ею изъ этого долга 105,000 руб. сер., такъ что къ 1796 г. оставалось его 444,000 р. сер. Послѣ возстановленія касса-коллегіи открылся дефицитъ, средній годовой итогъ котораго съ 1798 по 1803 г. составлялъ около 7,000 р. сер., и городской долгъ къ 1810 г. возросъ до 499,000 р. сер. Въ 1812 г., дефицитъ простирался до 140,000 рублей сер. и долгъ возросъ до 645,000 р. сер.; чрезвычайными усиліями маркиза Паулуччи эта сумма къ 1823 г. понижена до 475,000 р. сер., а въ 1829 г. до 361,000 р. сер. Наконецъ, къ систематическому погашенію долга приступлено лишь вслѣдствіе настоящій и распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ графа Блудова и по журналу Комитета гг. Министровъ 10 іюля 1835 года. Но и въ 1848 г. на городѣ лежало

еще около 350,000 р. долга, который, даже при строгомъ соблюденіи распоряженій правительства, былъ бы уплаченъ только въ 1873 г.; между тѣмъ, по текущимъ оборотамъ городскаго хозяйства предусматривался дефицитъ и хотя въ счетахъ городскаго начальства значилось, что въ городской кассѣ, за покрытіемъ годовыхъ расходовъ, было остатковъ:

въ 1837 году.	82,492	рубля.
„ 1838 „	81,013	„
„ 1839 „	102,766	„
„ 1840 „	87,039	„
„ 1841 „	69,605	„
„ 1842 „	55,015	„
„ 1843 „	57,401	„
„ 1844 „	31,906	„
„ 1845 „	3,185	„
„ 1846 „	27,137	„

а потому, при точномъ исполненіи ст. 21 Уст. о Город. Хозяйствѣ, Рига должна бы имѣть по крайней мѣрѣ 600,000 руб. сер. запаснаго капитала, но въ дѣйствительности итогъ этого капитала съ 1847 г. не достигалъ 25,000 р. сер.

По распоряженію генералъ-губернатора вмѣнено въ обязанность городскому начальству составить смѣту на 1848 годъ, подъ руководствомъ чиновниковъ ревизующей коммиссіи. Вслѣдствіе сего смѣта эта, изготовленная въ ноябрѣ 1847 года, была первая въ Ригѣ съ подробнымъ означеніемъ всѣхъ данныхъ, на которыхъ основаны предположенія о доходахъ и расходахъ; тѣмъ не менѣе по окончательнымъ выводамъ изъ означенной смѣты, рижское городское хозяйство находилось въ слѣдующемъ положеніи:

Долговъ казнѣ.	29,970	р.	
„ частнымъ заимодавцамъ.	320,987	„ 29	к.
Капиталовъ.	24,678	„ 83	„
Недоимокъ по 1 января 1847 г.	54,744	„ 37	„
Расходовъ:			
Текущихъ окладныхъ.	158,557	„ 60	„
„ неокладныхъ.	128,332	„ 92	„
Единовременныхъ	6,939	„	
Невыполненныхъ въ прежнее время. . . .	47,836	„	
Итого расходовъ	341,665	р. 52	к.

Доходовъ:	
Текущихъ окладныхъ	115,992 р. 09 к.
„ неокладныхъ.	113,380 „
Единовременныхъ.	26,000 „
Неиздержанныхъ ассигновокъ прежнихъ лѣтъ .	42,000 „
Итого доходовъ . . .	297,372 р. 09 к
Дефицита	44,293 „ 43 „

Предписавъ о напечатаніи этой смѣты для свѣдѣнія всѣхъ членовъ городскаго общества, главный начальникъ края вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ее въ ревизующую коммиссію для разсмотрѣнія уже не съ одной формальной стороны, а по существу дѣла.

Причины разстройства городского хозяйства.

Коммиссія нашла, что разстроиство городскаго хозяйства происходитъ:

1. Отъ неизвлеченія городскимъ начальствомъ должнаго дохода изъ нѣкоторыхъ источниковъ, предоставленныхъ городу.

2. Отъ утраты важныхъ источниковъ дохода.

3. Отъ усиленія неравномѣрныхъ и тягостныхъ налоговъ и противудѣйствія введенію болѣе правильныхъ и легкихъ сборовъ.

4. Отъ неумѣренныхъ и безполезныхъ расходовъ по разнымъ статьямъ.

Въ подтвержденіе этихъ выводовъ представлено было коммиссіею обширное изслѣдованіе по всѣмъ отдѣламъ городской смѣты, существенные факты котораго состояли въ слѣдующемъ:

1. **Доказательства неизвлеченія городскимъ начальствомъ должныхъ доходовъ изъ предоставленныхъ ему способовъ.**

а) Въ числѣ своей недвижимой собственности Рига владѣетъ 54,280 десятинами лѣса, изъ котораго прямаго дохода для города почти вовсе не извлекается. изслѣдованія же, произведенныя по распоряженію ревизовавшей коммиссіи ученымъ лѣсничимъ въ 1845 г., обнаружили, что со введеніемъ правильнаго хозяйства излишняя пропорція вырубки можетъ быть удвоена и притомъ съ лучшимъ, чѣмъ теперь, сбереженіемъ лѣса.

б) Рига получаетъ всего до 80 р. годоваго дохода съ выгоновъ: между тѣмъ въ самой городской чертѣ находится 377 десятинъ прекрасной выгонной земли, съ которыхъ ничего не поступаетъ въ пользу городской кассы, потому что городское начальство допустило два городскихъ сословія присвоить прибыль отъ этой статьи въ свою пользу, вопреки положительныхъ свидѣтельствъ,

что еще въ XVII вѣкѣ выгонъ составлялъ общегородскую собственность.

в) Право рыболовства въ городскихъ дачахъ не только не приносило городу дохода, но даже стоило ему 5 руб. ежегоднаго убытка, такъ какъ весь годовой доходъ отъ этой статьи равняется 145 р., городъ же платитъ рижскому епископу за уступку права рыболовства въ Бабицкомъ озерѣ 150 руб. Это тѣмъ страннѣе, что черезъ рижскія городскія дачи проходитъ весьма рыболовная р. Двина; но все дѣло объясняется безпечностію городскаго начальства, которое, не смотря на ясное, документальное свидѣтельство о принадлежности права рыболовства всей городской общинѣ, допустило обратить его въ монополію немногочисленнаго цеха за отбываніе ничтожныхъ повинностей, между которыми существенная заключается въ безденежномъ поднесеніи рыбы мѣстнымъ властямъ.

г) Сборъ за производство охоты въ городскихъ лѣсахъ до послѣднихъ лѣтъ не поступалъ въ городскую казну, ибо магистратъ присвоилъ его себѣ по праву преимущественнаго вотчинника городскихъ дачъ; изъ этого сбора получалъ одну треть инспекторъ городскихъ имѣній и двѣ трети канцелярист хозяйственной инспекціи.

д) Съ принадлежащихъ городу строеній, поземельныхъ участковъ и оброчныхъ статей не извлекался весь должный доходъ, какъ потому что въ большей части случаевъ не приведено было въ извѣстность пространство угодьевъ, такъ по отдачѣ ихъ нерѣдко безъ торговъ, а если и съ публичнаго торга, то не въ опредѣленные сроки и безъ соблюденія всѣхъ установленныхъ для сего правилъ.

е) Несмотря на ежегодно показываемые остатки отъ городскихъ доходовъ, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, излишки сіи вовсе не способствовали къ образованію запаснаго капитала, потому: во 1-хъ, что остатки, показываемые рижскимъ городскимъ начальствомъ, большею частію лишь мнимые, т. е. происходятъ не отъ дѣйствительныхъ излишковъ дохода, а суть зачисленія въ остатокъ суммъ, невыданныхъ на невыполненные расходы; во 2-хъ, что если и бываютъ дѣйствительные излишки, то они, вопреки 21 ст. Уст. о Город. Хозяйствѣ, не обращаются городскимъ начальствомъ въ капиталъ, а назначаются на покрытіе расходовъ слѣдующаго года. Небрежность городскаго начальства въ этомъ случаѣ такъ велика, что даже лифляндская казенная палата, въ 1845 г., поставила рижскому магистрату на видъ необходимость

обращать въ процентъ остаточныя суммы: на это городское начальство возразило, что дѣйствительно суммы его хранятся въ неприносящихъ процентовъ реверсахъ рижскаго торговаго банка, но такъ какъ въ данной городской кассѣ въ 1825 г. инструкціи не предписано заботиться о приращеніи городскихъ суммъ процентами, то означенная касса и не можетъ за неисполненіе сего подлежать отвѣтственности.

ж) Значительному уменьшенію рижскихъ городскихъ доходовъ способствуетъ допущеніе большихъ безнадежныхъ недоимокъ: въ 1848 году ихъ считалось 34,744 р., по сверхъ того въ предшествующіе годы сложено было 75,564 р., что составляетъ вмѣстѣ 110,308 р. Причина возвышенія этихъ недоимокъ и обращенія ихъ въ безнадежныя заключается въ неуравнительной системѣ городскихъ сборовъ, въ неопредѣленности сроковъ взноса, въ несвоевременномъ зачисленіи просроченныхъ сборовъ недоимкою, наконецъ, въ способѣ взысканія недоимокъ судебнымъ, а не полицейскимъ порядкомъ, и въ правѣ, произвольно присвоенномъ городскимъ начальствомъ, слагать ихъ на всякую сумму.

з) Несмотря на многочисленные и значительные сборы, которыми обложены въ пользу города привозимые въ Ригу горячіе напитки, статья эта не доставляетъ всего дохода, который должна бы доставлять, вслѣдствіе огромныхъ издержекъ на содержаніе корчемной полиціи и безсиліи ея прекратить корчемство.

и) Трактирныя заведенія также приносили городу лишь весьма малый доходъ вслѣдствіе несоблюденія въ Ригѣ правилъ, изложенныхъ въ приложеніи въ ст. 31 Уст. о Гор. и Сел. Хоз. Св. Зак. т. XII.

і) Несмотря на значительный и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тягостный платежъ въ пользу города за проѣздъ чрезъ Двинскій мостъ, сборъ этотъ не доставляетъ всего должнаго дохода городской казнѣ, по недостатку должнаго надзора за производствомъ его. Между тѣмъ городское начальство, вопреки возникавшимъ въ 1805 и 1809 годахъ предположеніямъ объ отдачѣ мостоваго сбора въ оброчное содержаніе, противится исполненію сего въ явный ущербъ городскимъ доходамъ.

к) Сборъ за перевѣсъ товаровъ на городской вагѣ также не приноситъ городу всего слѣдующаго чистаго дохода, по значительнымъ издержкамъ, производимымъ на содержаніе вагена и разныхъ чиновъ при немъ, что могло бы быть устранено отдачею этой статьи въ оброчное содержаніе.

2. Доказательства, что въ рижскую городскую казну не поступаютъ многіе доходы, которые должны бы поступать туда.

а) Несмотря на то что въ Ригѣ. въ противность ст. 24 Уст. о Гор. и Сел. Хоз., Св. Зак. т. XII, взыскивается за записку въ обывательскую книгу весьма значительный сборъ, именно:

съ купцовъ 1 гильдіи	80	р. сер.
„ „ 2 „	60	„ „
„ „ 3 „	40	„ „
„ цеховыхъ мастеровъ	22	„ „

и хотя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 19 іюня 1841 г. именно предписано обращать этотъ сборъ въ кассу города, однакоже только незначительная часть сказанныхъ денегъ поступала по закону, именно: 3 р. сер. отдавались въ пользу лютеранскаго духовенства, хотя бы вступающій въ гражданство былъ православный или католикъ, 11 р. распредѣлялись между оберъ секретаремъ магистрата. секретаремъ, нотаріусомъ и сторожемъ кемерейнаго суда, а остальныя поступали подъ слѣдующими наименованіями въ такъ называемую кемерейную кассу, которую магистратъ присвоилъ себѣ въ безотчетное распоряженіе:

1. Сборъ за приписку въ гражданство:

съ купцовъ 1 гильдіи	55	р. сер.
„ „ 2 „	35	„ „
„ „ 3 „	15	„ „
„ цеховыхъ мастеровъ.	6	„ -

2. Панцырный сборъ:

съ купцовъ	5	р. сер.
„ цеховыхъ мастеровъ.	2	„ „

3. Сборъ на пожарныя трубы и ведра:

съ купцовъ	5	р. 50 к. сер.

Сверхъ того, въ ту же кассу противузаконно обращены были:

1. Единовременный сборъ съ иногородныхъ купцовъ, иностранныхъ гостей и торгующихъ дворянъ;

2. Сборъ за переходъ изъ одной купеческой гильдіи въ другую:

3. Сборъ за пріобрѣтеніе права мастера цеха каменьщиковъ и плотниковъ;

4. Сборъ за судебныя публикаціи объ укрѣпленіи недвижимыхъ имуществъ;

5. Сборъ съ духовныхъ завѣщаній;

6. Аппеляціонныя и штрафныя деньги.

Между тѣмъ всѣ эти доходы очевидно должны были поступать въ городскую кассу.

б) При веттгерихтѣ или торговомъ судѣ существовала также особая, въ распоряженіи его состоявшая касса, въ пользу которой поступали штрафныя, конфискованныя и аппеляціонныя деньги, равно какъ сборъ за записку въ торговые ученики, т. е. доходы, слѣдовавшіе городу.

в) По особому Высочайшему разрѣшенію городамъ остзейскаго края предоставлено за взносъ опредѣленной суммы право свободной торговли виномъ, со взиманіемъ, кромѣ городскаго акциза, еще особаго сбора для покрытія слѣдующей въ казну откупной суммы. Размѣръ этого сбора въ Ригѣ зависитъ отъ произвола городскаго начальства и столь значителенъ, что, несмотря на удвоеніе откупной суммы въ послѣднія 30 лѣтъ (а именно въ 1818 г. она равнялась 102,460 р., а въ 1849 г.—215,259 р.), изъ остатковъ этого сбора образовался значительный запасный капиталъ. Уже одно отягощеніе обывателей излишнимъ налогомъ не долженствовало быть допущено, но было бы понятно, еслибъ излишки сбора обращались въ пользу города: напротивъ того, они составляютъ совершенно особую казну, изъ которой, по произволу городскаго начальства, производятся нерѣдко самые противузаконные расходы, хотя, въ случаѣ недоплаты казнѣ откупной суммы, отвѣчаетъ за это все городское общество.

г) Независимо отъ значительнаго содержанія изъ городскихъ суммъ, чиновники городскаго вѣдомства пользуются еще въ Ригѣ огромными канцелярскими пошлинами, весьма обременительными для обывателей. По судебному дѣлопроизводству, если не размѣръ пошлинъ, то по крайней мѣрѣ право взыскивать ихъ, основано на законѣ; но городское начальство распространило это право и на нѣкоторые административные акты: такъ напримѣръ, въ магистратѣ, въ кемереймомъ судѣ и въ податной экспедиціи взыскивались податныя пошлины въ пользу чиновниковъ за выдачу паспортовъ купцамъ, цеховымъ и мѣщанамъ, а при полиціи—въ пользу ея чиновъ за прописку паспортовъ лицъ, прибывающихъ въ Ригу. Сборы эти, или, какъ незаконные, не долженствовали быть допущены, или, соотвѣтствуя адресному сбору въ столицахъ, слѣдовали въ городскую казну.

д) Оптовая торговля въ Ригѣ обременена значительными налогами сверхъ таможеннаго, а именно:

Годовой итогъ ихъ по среднему выводу въ 1844—1846 годахъ, составлялъ:

таможенныхъ и другихъ сборовъ:			
въ пользу казны	2.521,694	р.	82 к.
„ „ города	103,139	„	76 „
„ распоряженіе биржеваго комитета .	68,369	„	46 „
„ пользу остзейскаго генералъ-губер-			
„ „ натора и его канцеляріи. .	6,907	„	33 „
„ „ таможенныхъ чиновниковъ.	39,157	„	74 „
„ „ капитана надъ портомъ . .	1,991	„	69 „
„ „ бѣдныхъ мореходцевъ. . .	319	„	20 „
„ „ рижскаго сиротскаго дома .	371	„	58 „
Итого	2.741,951	р.	58 к.

Къ сему присоединяются сборы на наемъ помѣщеній для бракованныхъ товаровъ въ пользу городскихъ торговыхъ чиновъ, что, по самой умѣренной оцѣнкѣ, составитъ:

на наемъ помѣщеній для бракованныхъ			
товаровъ.	4,054	р.	93 к
„ лоцманскія учрежденія.	18,952	„	56 „
корабельнымъ маклерамъ	36,000	„	— „
браковщикамъ льна и пеньки	26,257	„	59 „
„ мачтоваго лѣса. . . .	13,098	„	12 „
„ дубоваго „ . . .	4,305	„	02 „
„ сельдей.	2,590	„	17 „
„ „ льна, масла и табака .	3,335	„	39 „
сѣменному писцу и его помощнику . .	8,375	„	15 „
вѣсовщикамъ	14,515	„	71 „
мѣрильщикамъ.	29,473	„	79 „
лигерамъ.	102,887	„	69 „
вящикамъ	2,875	„	— „
винокосцамъ	3,677	„	18 „
Итого	270,398	р.	30 к.

Сверхъ того, послѣ 1846 г., учреждены и предоставлены въ распоряженіе биржеваго комитета: сборъ по 15 коп. сер. съ ласта каждаго приходящаго судна и по $^1/_4$% со всѣхъ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ, для покрытія расходовъ по расчи-

щенію Двинскаго фарватера и по гидравлическимъ построеніямъ при устьѣ Двины.

Итогъ перваго сбора нельзя оцѣнивать въ годъ менѣе 15,000, втораго менѣе 45,000 р., всего . . . . . 60,000 р. — к.

А всего . . . . . 3.072,349 р. 88 к.

Принимая въ соображеніе, что обороты рижской заграничной торговли, по среднему выводу изъ 1844—1846 годовъ, равнялись ежегодно 19,426,477 р. 70 к., сборы съ нея составляютъ почти 16%.

Это косвенно вредно для городской казны, какъ стѣсненіе торговли, и сверхъ того весьма невыгодно потому, что изъ числа означенныхъ 16% въ пользу города поступаютъ съ небольшимъ ½%, которые легко бы могли быть увеличены ограниченіемъ доходовъ, предоставленныхъ разнымъ торговымъ чинамъ.

Наконецъ, въ послѣднее время одинъ значительный торговый сборъ отсужденъ Правительствующимъ Сенатомъ въ пользу биржеваго комитета, потому что не всѣ обстоятельства дѣла имѣлись въ виду при рѣшеніи. Обстоятельства эти заключаются въ слѣдующемъ: представленіемъ отъ 7 апрѣля 1811 г. за № 1686, магистратъ, по согласію городскаго общества, просилъ генералъ-губернатора объ исходатайствованіи ему Высочайшаго разрѣшенія удвоить, для усиленія истощенныхъ городскихъ способовъ, существовавшій издревле и узаконенный Высочайшимъ повелѣніемъ 8 августа 1807 г. сборъ съ проходящихъ чрезъ рижскій портъ товаровъ. Ходатайство это внесено было графомъ Гурьевымъ въ Комитетъ гг. Министровъ 24 октября 1812 г.; но такъ какъ, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, рѣшеніе замедлилось, то новый генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, отъ 20 января 1813 г., повторилъ то же домогательство и объявилъ на него словесное Высочайшее соизволеніе. Въ повелѣніи семъ срокъ, на который установлялся налогъ, опредѣленъ не былъ, но рижская большая гильдія сочла себя въ правѣ сама ограничить дѣйствіе означенной Высочайшей воли тремя годами. 6 марта 1814 года послѣдовало по журналу Комитета гг. Министровъ письменное Высочайшее подтвержденіе словеснаго разрѣшенія, объявленнаго маркизомъ Паулуччи, причемъ ½% сборъ Высочайше установленъ снова безъ опредѣленія срока, и именно въ пользу городской и квартирной казны. Съ тѣхъ поръ онъ и поступалъ въ нихъ до 1840 г., когда, въ іюнѣ мѣсяцѣ, биржевой комитетъ, по желанію торгующаго съ заграницею купечества, просилъ магистратъ впредь

выдавать этотъ сборъ въ распоряженіе комитета для удовлетворенія торговыхъ потребностей, въ чемъ было отказано магистратомъ съ утвержденія генералъ-губернатора; но комитетъ обратился съ просьбою въ Правительствующій Сенатъ, который рѣшилъ дѣло въ его пользу, и такимъ образомъ, съ 1841 г., городскіе доходы уменьшились по крайней мѣрѣ на 45,000 р. сер ежегодно.

Основанія, побудившія Правительствующій Сенатъ утвердить домогательство биржеваго комитета, состояли въ слѣдующемъ:

1) что второй $^1/_4\%$ сборъ есть **добровольная складка** торгующаго съ заграницею купечества,

2) что онъ падаетъ исключительно на купечество,

3) что сборъ этотъ назначенъ въ пользу городскихъ доходовъ лишь на 3 года, и

4) Высочайшее утвержденіе, объявленное маркизомъ Паулуччи, какъ словесное, не можетъ имѣть законной силы, на основаніи 66 ст. Свода Основн. Госуд. Законовъ.

Между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается:

1) что Высочайшимъ указомъ 21 марта 1802 г. и мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 20 апрѣля 1808 г. подобнаго рода сборы признаны не добровольными складками, а **налогами государственными**;

2) что сборъ этотъ, какъ и всякая таможенная пошлина, падаетъ окончательно не на купцовъ, а на потребителей;

3) что Высочайшее утвержденіе сего сбора заключается не въ словесномъ объявленіи маркиза Паулуччи, а въ журналѣ Комитета гг. Министровъ 6 марта 1841 г. и

4) что въ этомъ журналѣ установленъ сборъ въ пользу городскихъ доходовъ на неограниченное время.

3. **Доказательства, что рижское городское начальство поддерживало и усиливало обременительные налоги и противудѣйствовало введенію выгоднѣйшихъ сборовъ.**

а) Руководствуясь примѣчаніемъ къ **Высочайше** утвержденному 11 января 1812 г. штату рижской полиціи, остзейскій генералъ-губернаторъ разрѣшилъ, 13 мая 1829 г., учредить особый сборъ съ обывателей для покрытія расходовъ на содержаніе городской полиціи. Главнымъ основаніемъ раскладки сбора на домовладѣльцевъ должна была служить, по предложенію генералъ-губернатора, въ старомъ городѣ—страховая оцѣнка домовъ, а въ предмѣстьяхъ—площадь застроеннаго пространства, согласно съ чѣмъ уже распредѣлена была тамъ квартирная повинность.

Приближеніе Французовъ воспрепятствовало коммиссіи въ томъ же году приступить къ исполненію возложенной на нее обязанности и засѣданія открыты лишь 24 февраля 1813 года.

Къ опредѣленнымъ генералъ-губернаторомъ основаніямъ, коммиссія присовокупила только, что, при раскладкѣ сборовъ въ предмѣстьяхъ, должно цѣнить застроенную кв. саж. отъ 34 до 36 р., и, сверхъ того, принимать въ соображеніе выгодность мѣстоположенія дома.

Согласно съ этимъ, опредѣлено было взимать: въ старомъ городѣ съ 100 р. цѣны дома 55 к. асс., т. е. $15^{3}/_{7}$ к. сер.
въ 6 кварталахъ Петербургскаго и Московскаго предмѣстьевъ и на островѣ Кливерсгольмѣ, съ каждой застроенной кв. саж. . . . . 14 к. асс., т. е. 4 »
въ 1 кварталѣ Петербургскаго предмѣстья и въ Задвинскомъ предмѣстьи, съ кв. саж. 12 к. асс., т. е. $3^{3}/_{7}$ » »

Въ годы, благопріятные для городскихъ доходовъ, сборъ этотъ значительно понижался и, наконецъ, съ 1835 г. взимаемъ былъ въ слѣдующихъ размѣрахъ:
въ старомъ городѣ. . . . . $15^{1}/_{7}$ » »
въ 6 кварталахъ Петербургскаго и Московскаго предмѣстьевъ и на островѣ Кливерсгольмѣ. . . . . $5^{1}/_{3}$ » »
въ 1 кварталѣ Петербургскаго предмѣстья и въ Задвинскомъ форштатѣ. . . . . $4^{4}/_{7}$ » »

Въ 1841 г., чрезвычайная касса-коллегія, усматривая значительные остатки отъ городскихъ доходовъ, представила генералъ-губернатору, чрезъ магистратъ, о возможности на время вовсе отмѣнить сборъ, что и было утверждено барономъ Паленомъ 15 декабря того же года.

Но 27 января 1845 года магистратъ вошелъ съ просьбою о возобновленіи сбора въ размѣрѣ 1840 года, на что и дано разрѣшеніе губернскимъ правленіемъ 5 марта 1845 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ магистратъ ходатайствовалъ объ открытіи снова коммиссіи для раскладки сбора и улучшенія основаній его, но полагалъ составить ее *только изъ представителей трехъ городскихъ сословій*, съ устраненіемъ прочихъ домовладѣльцевъ.

Генералъ-губернаторъ не изъявилъ однакожъ согласія на послѣднее обстоятельство, а предложилъ, 12 апрѣля 1846 года, образовать коммиссію въ томъ же составѣ, какъ въ 1813 году.

За неназначеніемъ членовъ отъ дворянства и литераторовъ, ком-

миссія до 1848 года еще не была открыта. Между тѣмъ, 21 марта 1846 года, магистратъ вошелъ къ губернскому начальству съ просьбою дозволить въ означенномъ году взимать:

въ старомъ городѣ съ 100 р. оцѣночной стоимости дома уже	25 к.
въ 6 кварталахъ Петербургскаго и Московскаго предмѣстьевъ и на островѣ Кливерсгольмѣ, съ каждой застроенной кв. саж.	$8^3/_4$ »
въ 1 кварталѣ Петербургскаго предмѣстья и въ Задвинскомъ предмѣстьи, съ кв. саж.	$7^1/_2$ »

Ходатайство это разрѣшено было губернскимъ начальствомъ какъ на 1846, такъ и на слѣдующій 1847 годъ.

Такимъ образомъ, безъ всякаго участія домовладѣльцевъ, непринадлежащихъ къ городскимъ сословіямъ, сборъ съ домовъ почти удвоенъ противу взноса, существовавшаго въ 1812 году, т. е. въ періодъ совершеннаго разстройства городскаго хозяйства.

Сверхъ того, самыя условія раскладки очевидно неправильны, такъ какъ страховая оцѣнка, принимающая въ соображеніе лишь количество и качество строительныхъ матеріаловъ въ зданіи, не даетъ отнюдь понятія объ его доходности, почему нерѣдко дома, менѣе доходные, болѣе отягощены сборомъ, чѣмъ зданія, гораздо прибыльнѣйшія.

Что же касается до раскладки сбора по пространству участка, то она вовсе не можетъ служить годнымъ началомъ для установленія налога.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ, въ 1813 году, сбора съ частныхъ домовъ на покрытіе неокладныхъ полицейскихъ расходовъ, та же коммиссія установила на означенный предметъ сборъ съ лицъ, не имѣющихъ недвижимой собственности.

При раскладкѣ опредѣлено было руководствоваться правилами, изложенными въ квартирномъ положеніи г. Риги, начертанномъ согласно съ Высочайше утвержденнымъ докладомъ по сему предмету 8 августа 1807 г., причемъ вовсе избавлены отъ подати: дворяне, чиновники коронной и городской службы, лица духовнаго званія, учители общественныхъ школъ, люди, приписанные къ рабочему окладу, и, наконецъ, всѣ лица, владѣющія домами въ городѣ.

Налогъ сей былъ совершенно противенъ основнымъ, финансовымъ началамъ:

1. Онъ составляетъ промысловую подать, между тѣмъ отъ него

избавлены всѣ владѣльцы недвижимой собственности въ городѣ, подъ предлогомъ, что они уже платятъ съ этой собственности, хотя послѣдній взносъ обусловливается особымъ доходомъ, который отнюдь не долженъ избавлять означенныхъ лицъ отъ равныхъ тягостей съ своими сопромышленниками.

2. Промысловое дѣленіе лицъ весьма неполно и далеко не соотвѣтствуетъ настоящему дроблению промысловъ

3. Нѣкоторые раздѣлы подраздѣлены на виды, другіе же, какъ напримѣръ капиталисты и литераты, платятъ всѣ равную подать, хотя очевидно, что между ними должно быть такое же разнообразіе въ доходахъ, какъ между купцами, ремесленниками и посадскими.

4. Самое раздѣленіе лицъ трехъ послѣднихъ разрядовъ на классы дѣлается совершенно произвольно, ибо присяжнымъ не дано въ руководство даже опредѣленія, съ какимъ доходомъ предполагаются лица въ каждомъ классѣ, а потому, напримѣръ, въ одной части города присяжные относятъ къ 1 классу купцовъ, у которыхъ предполагаютъ не менѣе 10,000 дохода, въ другой— лицъ, получающихъ, по мнѣнію цѣновщиковъ, только 6,000 или 7,000 дохода.

5. Наконецъ, присяжные избираются членами малой и большой гильдій, между тѣмъ какъ оцѣнкѣ ихъ подлежатъ лица, вовсе къ означеннымъ гильдіямъ не относящіяся, каковы, напримѣръ, ремесленники малыхъ цеховъ.

Тѣмъ не менѣе налогъ сей возросъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Въ 1814 году.		Съ 1837 по 1842.		Съ 1846 года.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
съ купцовъ 1 разряда	14	$28^{4}/_{7}$	20	—	35	—
» » 2 »	7	$14^{2}/_{7}$	10	—	17	50
» » 3 »	3	$42^{3}/_{7}$	4	57	8	—
» капиталистовъ	7	$14^{2}/_{7}$	10	—	17	50
» ученыхъ и литераторовъ	4	$28^{2}/_{7}$	5	71	10	—
» купеческихъ коммиссіонеровъ: 1 разряда.	2	$85^{5}/_{7}$	4	29	7	50
» » » 2 »	1	$42^{2}/_{7}$	2	—	3	50
» ремесленниковъ 1 разряда	2	—	2	86	5	—
» » 2 »	1	$14^{2}/_{7}$	1	71	3	—
» посадскихъ мѣщанскаго оклада	—	$85^{5}/_{7}$	1	14	2	—

Слѣдовательно, сборъ этотъ увеличился гораздо значительнѣе чѣмъ налогъ съ домовъ, тоже безъ участія самихъ домовладѣльцевъ и другихъ обывателей, не принадлежащихъ къ гильдіямъ.

б) Мостовой сборъ, который городское начальство никакъ не хотѣло отдать на откупъ, несмотря на явную выгоду для города, подъ предлогомъ, что это можетъ быть обременительно для обывателей, былъ между тѣмъ въ настоящемъ своемъ видѣ крайне отяготителенъ. Главнѣйшій недостатокъ его состоялъ въ томъ, что экипажи богатыхъ людей сравнительно менѣе обложены, чѣмъ скотъ и фуры, какъ употребляемыя для промысловъ, такъ и принадлежащія крестьянамъ: граждане, ѣдущіе верхомъ для прогулки, платятъ тоже $3^1/_4$ к., какъ и крестьяне, проѣзжающіе въ пустой телѣжкѣ, или коровы и лошадь, прогоняемыя по надобности и на продажу; если же крестьянинъ ѣдетъ въ большой русской телѣгѣ, то съ него взыскивается $8^1/_2$ к., т. е. $1^3/_4$ к. болѣе, чѣмъ съ дрожекъ и всякаго одноконнаго городскаго экипажа. Большая телѣга съ сѣномъ или съ товарами, равно какъ маленькая крестьянская телѣжка съ пенькою и льномъ, платитъ 17 к. сер., т. е. то же, что парная коляска, и 5 к. болѣе, чѣмъ парныя дрожки: съ телѣжки съ кожами, водкою и масломъ взыскивается $20^1/_4$ к. сер.; большая телѣга съ пенькою, льномъ и дровами платитъ $28^1/_2$ к., и т. д.

Сверхъ того, сборъ съ возовъ распредѣленъ по роду клади, между тѣмъ въ таксѣ исчислены далеко не всѣ виды ея, что даетъ нерѣдко поводъ сборщикамъ къ произволу.

Невыгодное вліяніе дурнаго составленія таксы усиливается еще самоуправнымъ измѣненіемъ ея въ пользу нѣкоторыхъ лицъ, или совершеннымъ изъятіемъ ихъ отъ платежа. Во-первыхъ, городская касса позволяетъ откупаться отъ постоянной платы мостовой пошлины за единовременный взносъ 10 р. сер. (а иногда и менѣе) съ лошади, что даетъ откупившемуся право не только безденежно ѣздить чрезъ мостъ даже въ извозщичьихъ экипажахъ, но и безплатно перевозить нагруженныя фуры. Во-вторыхъ, касса-коллегія дозволяетъ откупаться фурамъ съ кладью рижскихъ фабрикантовъ, руководствуясь въ назначеніи цѣны единственно своимъ произволомъ, какъ, напримѣръ, сукопный фабрикантъ и вмѣстѣ ратсгеръ Танкъ пріобрѣлъ разрѣшеніе для своихъ фуръ за взносъ 30 р. сер. въ годъ, а содержатель сахарнаго завода Брандебургъ вноситъ за то же разрѣшеніе 300 р. сер. въ годъ. Въ-третьихъ, съ двухъ митавскихъ дилижансовыхъ заведеній взыскивается съ каждаго по 40 р. сер. въ годъ, между тѣмъ какъ одно отправляетъ ежедневно 4 экипажа въ 16 лошадей, другое же лишь 2 экипажа въ 8 лошадей. Въ-четвертыхъ, нѣкоторыя лица вовсе освобождены отъ платежа, безъ всякаго законнаго основанія,

какъ, напримѣръ: нѣсколько владѣльцевъ за-Двинскихъ дачъ, арендаторовъ городскихъ имѣній, фуры съ нечистотою, вывозимою городскимъ палачемъ, отъ которыхъ онъ и безъ того имѣетъ огромный доходъ, фуры съ принадлежащимъ ему сѣномъ, и т. д. Въ-пятыхъ, при самомъ предоставленіи льготы, на основаніи 2 п. ст. 751 Устава Путей Сообщенія Св. Зак. т. XII, допускаются значительные безпорядки, а именно: не только избавлены отъ платежа всѣ занимающіе какую бы то ни было должность по городскому управленію, даже браковщики и мѣрильщики, и безъ всякаго разбора, проѣзжаютъ ли они по службѣ, или по своимъ надобностямъ, но даже, по выданнымъ имъ билетамъ, пропускаются безплатно ихъ семейства, прислуга и экипажи, и всѣ, кому они передадутъ билетъ, равно какъ извощичьи экипажи, возвращающіеся пустыми послѣ перевоза означенныхъ лицъ; вслѣдствіе чего, зажиточнѣйшая часть городскаго населенія Риги почти не участвуетъ въ мостовомъ платежѣ.

Кромѣ ущерба въ сборахъ, неизбѣжно проистекающаго отъ вышеисчисленныхъ безпорядковъ, потеря еще увеличивается самымъ способомъ взиманія подати, а именно, непосредственно чрезъ самихъ сборщиковъ безъ всякой выдачи квитанціи, почему, отъ нерадѣнія означенныхъ лицъ, экипажи, въ особенности ночью, пропускаются нерѣдко безъ взысканія, и, сверхъ того, нѣтъ возможности повѣрять самый сборъ.

в) Въ противность положительныхъ предписаній правительства, городское начальство въ продолженіе 20 лѣтъ противилось уничтоженію сборовъ съ торгующихъ на рынкѣ.

Правительствующій Сенатъ, указомъ 21 августа 1828 г. отмѣнивъ учрежденные въ г. Владимірѣ рыночные сборы, подтвердилъ всѣмъ губернскимъ начальствамъ, чтобы они наблюдали за недопущеніемъ подобныхъ налоговъ.

Лифляндское губернское правленіе, не приводя сего указа въ исполненіе, безъ донесенія о томъ Правительствующему Сенату, потребовало отъ разныхъ городовъ свѣдѣнія, на какомъ основаніи взимаются тамъ рыночныя пошлины и наконецъ, уже 27 января 1830 года, представило остзейскому генералъ-губернатору, что находитъ вышеприведенный указъ Сената непримѣняемымъ въ Лифляндіи. Получивъ, 12 февраля того же года, согласіе генералъ-губернатора, губернское правленіе не вошло объ этомъ съ представленіемъ въ Сенатъ и 11 марта 1850 г. предложило рижскому магистрату не исполнять сенатскаго указа 21 августа 1828 г.

Но въ 1842 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, принимая въ сооб-

раженіе, что 322 ст. Св. Зак. т. XI Устава Торговаго предоставлена свобода отъ всякихъ сборовъ по промышленности, свойственной крестьянскому быту, и воспрещено въ этомъ отношеніи какое либо стѣсненіе, циркулярнымъ предписаніемъ, отъ 9 октября, предложилъ наблюдать за симъ и начальнику, лифляндской губерніи.

Получивъ копію означеннаго циркуляра, остзейскій генералъ-губернаторъ потребовалъ, 19 октября, отъ гражданскаго губернатора свѣдѣнія, гдѣ именно въ Лифляндіи, въ какомъ размѣрѣ и на какомъ основаніи взимаются рыночные сборы.

На это лифляндское губернское правленіе 12 февраля 1845 г. представило, что подобнаго рода налогъ существуетъ въ Ригѣ, Дерптѣ, Перновѣ и Аренсбургѣ и, утверждая, что право взиманія сихъ пошлинъ основывается на древнемъ обычаѣ, просило передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе собранія палатъ, на что генералъ-губернаторъ изъявилъ согласіе.

Затѣмъ, по прошествіи еще 2 лѣтъ, т. е. 11 февраля 1847 г., лифляндское губернское правленіе представило генералъ-губернатору протоколъ совѣщанія палатъ, съ заключеніемъ исправляющаго должность губернскаго прокурора.

Въ означенномъ протоколѣ рыночные сборы въ Лифляндіи единогласно признаны были законными и полезными, по слѣдующимъ уваженіямъ:

1. Они взимаются на основаніи издревле существующаго обычая, который слѣдовательно, вмѣстѣ съ прочими привилегіями Остзейскаго края, подтвержденъ капитуляціею г. Риги и трактатами Нейштатскимъ и Абовскимъ; сверхъ того, самымъ Мѣстнымъ Сводомъ обычаи признаны источникомъ законодательства въ Остзейскомъ краѣ.

2. Таксы сборовъ утверждены губернскимъ начальствомъ и нисколько не отяготительны, между тѣмъ какъ самые сборы нужны для усиленія городскихъ доходовъ и содержанія рынковъ въ чистотѣ.

3. Въ статьяхъ 71 и 79 Основн. Госуд. Законовъ т. I Св. Зак. сказано, что мѣстныя привилегіи не отмѣняются общимъ закономъ, если это именно не оговорено въ немъ.

Остзейскій генералъ-губернаторъ, по разсмотрѣніи сего, нашелъ:

1. Что ни въ одной изъ привилегій именно не предоставлено городамъ право взимать сборы съ съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ; обычаи же, стѣснительные для торговли въ Остзейскомъ краѣ и противные общимъ государственнымъ законамъ, признаны Государственнымъ Совѣтомъ, при разсмотрѣніи стапельнаго права въ Ригѣ, недѣйствительными.

2. Что въ п. 9 ст. 57 Коммерческ. Устава 1765 г., ничего относительно сборовъ на рынкѣ не сказано, а въ п. 7 ст. 59 того же устава упомянуто, что крестьянскіе продукты избавляются отъ городскихъ пошлинъ.

3. Что въ ст. 71 Осн. Госуд. Зак. т. I Св. Зак. изъяснено: „привилегіи, дарованныя Верховною Самодержавною Властію частнымъ лицамъ или обществамъ, изъемлютъ ихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ, но тѣмъ предметамъ, на которые въ тѣхъ привилегіяхъ содержатся точныя постановленія". А о правѣ рыночнаго сбора никакихъ положительныхъ привилегій не существуетъ и въ Св. Мѣст. Узакон. ничего о семъ не сказано.

4. Что, наконецъ, какъ ни малъ сборъ, но онъ не менѣе того чувствителенъ для крестьянъ, да и, по несогласію сего налога съ общими государственными законами, о пользѣ и неотяготительности его разсуждаемо даже быть не можетъ.

По всѣмъ симъ основаніямъ генералъ отъ инфантеріи Головинъ, 21 октября 1847 г., предложилъ лифляндскому губернскому правленію воспретить рыночные сборы. Тѣмъ не менѣе, городское начальство еще въ 1848 г. входило съ представленіемъ о сохраненіи въ силѣ рыночныхъ сборовъ.

г) Въ то же время рижское городское начальство упорствовало въ противодѣйствіи открытію источниковъ дохода, гораздо выгоднѣйшихъ и болѣе правильныхъ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 2 февраля 1838 г. повелѣно было взыскивать въ пользу городскихъ доходовъ съ векселей и протеста ихъ по $1/2\%$; съ заемныхъ писемъ, облиговъ, облигацій и какихъ бы то ни было долговыхъ обязательствъ по $1/4\%$, при предъявленіи къ засвидѣтельствованію и при явкѣ по истеченіи срока.

Повелѣніе сіе, гдѣ именно поименованы были, между прочимъ, присутственныя мѣста Остзейскаго края, объявлено было въ указѣ Правительствующаго Сената 4 марта 1828 г., но въ Лифляндіи распубликовано губернскимъ правленіемъ только 21 мая 1841 г., и то лишь вслѣдствіе напоминанія о семъ генералъ-губернатора.

Вслѣдъ затѣмъ, губернское правленіе вошло къ генералъ-губернатору съ представленіемъ о сомнѣніяхъ лифляндскаго гофгерихта относительно примѣняемости вышеприведеннаго закона къ Лифляндіи и просило созванія по сему предмету общаго собранія палатъ, на что генералъ-губернаторъ 13 октября 1841 г. и изъявилъ разрѣшеніе.

Протоколы совѣщаній, представленные губернскимъ правленіемъ

главному начальнику края лишь чрезъ $4^1/_2$ года, возвращены, 28 ноября 1846 г., губернскому правленію, для дополненія и соображенія съ новыми, послѣдовавшими по сему предмету указами.

Окончательный журналъ совѣщаній доставленъ наконецъ 28 апрѣля 1847 г. и потомъ оставался безъ представленія Правительствующему Сенату, по неполученію журнала совѣщанія палатъ по тому же предмету въ эстляндской губерніи.

д) По существовавшему въ Ригѣ обычаю, трактирныя заведенія раздѣлялись здѣсь на гостинницы, трактиры, кондитерскія, мелочныя винныя продажи, шинки и постоялые дворы.

Въ первыхъ—дозволялось имѣть комнаты для прислуги и пріѣзжающихъ, готовый столъ, билліардъ и продавать виноградное вино; во вторыхъ—продавать кушанье, вино для потребленія на мѣстѣ и содержать билліардъ; въ третьихъ—торговать разными сластями и виноградными винами; въ четвертыхъ—производить торгъ хлѣбнымъ виномъ по мелочи не только для потребленія на мѣстѣ, но и для разноса; въ пятыхъ—содержать пиво и водку, лишь для немедленнаго употребленія покупающихъ; въ шестыхъ—помѣщать и продовольствовать пріѣзжихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, какъ подраздѣленіе трактирныхъ заведеній, такъ и права, каждому отдѣлу присвоенныя, были совершенно несогласны съ правилами, изложенными въ Св. Зак. т. XII Уст. о Гор. и Сельск. Хоз., прилож. къ ст. 31. Сверхъ того, даже приведенное разграниченіе правъ не соблюдалось въ точности, а всякій хозяинъ заведенія дѣйствовалъ по произволу.

Въ противность ст. 286 Уст. Торг. Св. Зак. т. XI, лишь отъ содержателей гостинницъ, кондитерскихъ и мелочныхъ винныхъ продажъ требовался платежъ пошлинъ по третьей гильдіи; остальныя же заведенія предоставлялись также лицамъ низшихъ окладовъ.

Наконецъ, въ противность ст. 30 и 31 Уст. о Город. Хоз. Св. Зак. т. XII, трактирныя заведенія не составляли источника дохода для городской казны.

Число ихъ (кромѣ кондитерскихъ въ старомъ городѣ, коихъ, по предписанію маркиза Паулуччи 23 мая 1818 и 1 іюля 1829 года, не должно быть болѣе шести), не было опредѣлено и зависѣло отъ произвола кемерейнаго суда, который дозволенія на содержаніе трактировъ, шинковъ и постоялыхъ домовъ долженъ былъ раздавать въ видѣ пособія обѣдпѣвшимъ обывателямъ, но иногда, по злоупотребленію, предоставлялъ лицамъ, къ означенному классу не принадлежащимъ.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ 8 мая 1807 года правилъ о квартирной части въ Ригѣ, взыскивалось въ пользу квартирнаго правленія: съ гостинницъ—въ старомъ городѣ $18^3/_4$ р., въ предмѣстіяхъ $12^1/_2$ р.; съ трактировъ, погребовъ и кофейныхъ домовъ—въ старомъ городѣ $12^1/_2$ р., въ предмѣстіяхъ $7^1/_2$ р., и съ кондитерскихъ $18^3/_4$ р.

Со 145 заведеній означеннаго рода получалось ежегодно, по среднему выводу 1841—1845 годовъ, 2,362 р. 58 к.

По Высочайшему указу 16 ноября 1802 года, сборъ съ мелочной винной продажи и шинковъ поступалъ въ попечительство о неимущихъ. Размѣръ сбора опредѣлялся мѣстоположеніемъ и значительностью заведенія и составлялъ: съ погребовъ отъ 6 до 12 р., съ шинковъ отъ $6^1/_2$ до $42^1/_2$ р., всего же въ годъ, по среднему разсчету 1839—1843 годовъ, 5,120 р. 25 к., изъ которыхъ 692 р. 19 к. употреблялись на издержки по взиманію сбора.

Несогласіе существующаго въ Ригѣ порядка съ общими законами обратило на себя вниманіе высшаго правительства еще въ 1830 годахъ, но, вслѣдствіе ходатайства мѣстнаго начальства, министръ финансовъ, 4 февраля 1835 года, согласился оставить трактирныя заведенія въ Ригѣ на прежнихъ основаніяхъ, до окончанія дѣла объ остзейскихъ привилегіяхъ.

Въ ст. 1497 ч. II Св. Мѣст. Узакон., вступившаго въ силу съ 1 января 1846 г., повелѣно руководствоваться относительно производства промысловъ въ Прибалтійскомъ краѣ общимъ торговымъ уставомъ, почему министерство финансовъ и требовало точнаго исполненія ст. 286 Уст. Торг. Св. Зак. т. XI, т. е. взысканія съ содержателей гостинницъ, ресторацій, кофейныхъ домовъ и трактировъ—пошлинъ по 3 гильдіи. Это неизбѣжно влекло за собою примѣненіе къ Ригѣ и всѣхъ правилъ, изъясненныхъ въ приложеніи къ ст. 31 Уст. о Город. Хоз. Св. Зак. т. XII, что, хотя и встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ губернскихъ и городскихъ властей, однакожъ было предложено къ исполненію генералъ-губернаторомъ губернскому правленію 6 іюля 1847 г., за № 2406.

4. Доказательства неумѣренныхъ и безполезныхъ расходовъ рижскаго городскаго начальства.

а) Рижскому городскому обществу принадлежатъ 11 населенныхъ имѣній, заключающихъ $115^3/_4$ гаконовъ земли съ 659 крестьянскими хозяйствами, въ 5,480 душъ мужескаго пола.

Валовой доходъ города отъ имѣній и оброчныхъ статей состав-

лѣтъ 48,000 р. въ годъ, но чистый доходъ не болѣе 6,000 р. сер. въ годъ, вслѣдствіе расходовъ, производимыхъ по имѣніямъ; именно, по предъявленнымъ счетамъ значится:

На содержаніе лютеранскаго духовенства . .	1,539	р — к.
„ „ школъ	136	„ 80 „
„ лѣчебныя пособія.	1,960	„ — „
„ содержаніе лѣсничихъ	1,343	„ 48 „
„ улучшеніе лѣсоводства	1,000	„ — „
„ пособіе крестьянамъ.	550	„ — „
Епископу за рыболовство въ Бабитскомъ озерѣ.	150	„ — „
Арендаторамъ вознагражденія за неполный отпускъ лѣса.	300	„ — „
На содержаніе части шоссе, проходящей чрезъ патримоніальный округъ, принимая лишь $^3/_4$ всего итога этой статьи.	15,000	„ — „
Процентовъ на долгъ казнѣ, сдѣланный для устройства шоссе, относя на патримоніальный округъ лишь $^3/_4$ всего займа	1,500	„ — „
На содержаніе Олайской почтовой станціи. .	4,500	„ — „
„ „ земской полиціи патримоніальнаго округа	2,800	„ — „
Приходскому судьѣ патримоніальнаго округа .	600	„ — „
Члену крестьянской коммиссіи.	400	„ — „
Двумъ засѣдателямъ отъ крестьянъ въ ландфохтейскомъ судѣ.	60	„ — „
Ученому лѣсничему	800	„ — „
Землемѣру	400	„ — „
Единовременно на постройку сарая въ Гольмгофѣ.	2,749	„ — „
Бревенъ, отпущенныхъ арендаторами по среднему выводу изъ 5 послѣднихъ лѣтъ, полагая толстое бревно въ 75 к., тонкое въ 5 к. . .	5,888	„ — „
Итого. . .	41,676	р. 28 к.

Одна изъ главныхъ причинъ огромности сего расхода происходитъ отъ неоправдываемаго ничѣмъ отдѣленія городскихъ имѣній отъ прочихъ помѣстій Лифляндіи въ отношеніи къ шоссейной и почтовой повинности, равно какъ по содержанію суда и полиціи, издержки на которыя отягощаютъ означенныя имѣнія гораздо болѣе, чѣмъ прочее земство; исключивъ сказанныя статьи, равно

какъ предполагаемую издержку на лѣсничаго и улучшеніе лѣсоводства, весь расходъ немедленно уменьшится болѣе чѣмъ на половину, т. е. на 26,200 р. и остающіяся издержки составятъ лишь около 35% годоваго дохода.

Но даже и въ случаѣ подобнаго сокращенія издержекъ, сумма дохода отъ городскихъ имѣній не соотвѣтствовала бы стоимости ихъ; чистый доходъ отъ имѣній, въ показаніяхъ, представленныхъ самими арендаторами ревизовавшей коммиссіи, оцѣненъ въ 41,985 р. 20 к. сер., что очевидно уменьшено, ибо означенный итогъ на 1,370 р. 80 к. ниже суммы, платимой арендаторами городу. Принимая однакожъ хотя этотъ итогъ за 5% со стоимости городскихъ имѣній, она выразится 840,000 р. сер.; если же принять показанный доходъ за 4%, что будетъ правильнѣе, то стоимость возрастетъ до 1,000,000 р. сер., а слѣдовательно, получаемый чистый доходъ составляетъ на капиталъ съ небольшимъ полпроцента ($^3/_5$%).

б) На штатное содержаніе чиновниковъ канцелярій городскаго управленія расходуется ежегодно изъ одной городской казны слишкомъ до 20,000 р. сер., не полагая въ эту сумму издержекъ ни на сторожей, ни на канцелярскіе матеріалы, ни на отдѣльныхъ чиновниковъ, какъ-то: фискала, землемѣра, ни на сборщиковъ податей, торговыхъ служителей, ни на цѣлыя отдѣльныя управленія, содержимыя не изъ городской кассы и между которыми канцелярія одного квартирнаго правленія стоитъ до 5,500 р.

Изъ приведенной выше суммы содержатся чиновники оберъканцеляріи магистрата, судовъ: сиротскаго, фохтейскаго, ландфохтейскаго, коммерческаго, кемерейнаго, цеховаго, уголовной депутаціи, земско-полицейскаго отдѣленія ландфохтейскаго суда, экспедиціи справочныхъ цѣнъ, акцизнаго управленія, касса-коллегіи и городской консисторіи.

Разсматривая отдѣльно содержаніе каждаго изъ чиновниковъ, окажется, что оберъ-секретарь магистрата получаетъ $666^2/_3$ р., секретарь касса-коллегіи 800 р., старшіе секретари другихъ инстанцій $533^1/_3$ р., младшіе 400 р., помощники $266^2/_3$ р., бухгалтеры и контролеры отъ 300 до 986 р., одинъ писецъ 366 р., одинъ 350 р., двое 316 р., пятеро по 250 р., всѣ же 11 переписчиковъ 2,760 р., т. е. по 250 р. на каждаго среднимъ числомъ.

Посему, съ перваго взгляда, нельзя не признать окладовъ, за исключеніемъ производимыхъ писцамъ, умѣренными; въ особенности принимая въ соображеніе, что нѣкоторые изъ чиновниковъ должны представлять значительные залоги, а именно: бухгалтеръ

поземельныхъ сборовъ 2,000 руб., сиротскаго суда и конкурса 1,300 р., контролеръ городской кассы 1,000 р., помощникъ писца оберъ-канцеляріи 500 р.

Но исчисленные выше оклады даютъ лишь превратное понятіе о дѣйствительномъ содержаніи чиновниковъ городскаго управленія, ибо:

Во 1-хъ, многіе изъ означенныхъ лицъ, вопреки Свода Зак. т. III, ст. 963, получаютъ штатные оклады по двумъ должностямъ а именно:

Оберъ-нотаріусъ магистрата за веденіе грунтовой книги	150 р.	
Секретарь уголовной депутаціи за исправленіе должности секретаря въ крестьянскомъ отдѣленіи ландфохтейскаго суда.	200 „	
Второй нотаріусъ ландфохтейскаго суда за исправленіе должности нотаріуса въ питейной коммиссіи	250 „	
Нотаріусъ уголовной депутаціи за веденіе арестантскихъ списковъ.	50 „	
Нотаріусъ приходскаго суда за исправленіе должности архиваріуса уголовной депутаціи. . .	226 „	66 к.
Нотаріусъ отдѣленія справочныхъ цѣнъ за исправленіе должности бухгалтера сборовъ на содержаніе полиціи	200 „	
Бухгалтеръ поземельныхъ сборовъ за исправленіе должности втораго бухгалтера сборовъ на содержаніе полиціи	200 „	
Контролеръ поземельныхъ сборовъ за исправленіе должности контролера сборовъ на содержаніе полиціи.	200 „	

Во 2-хъ, почти всѣ означенныя лица получаютъ, сверхъ штатнаго жалованья, значительно превосходящее оное доходы отъ канцелярскихъ пошлинъ, такъ напримѣръ:

	Жалованья.	Пошлинъ.
Оберъ-секретарь магистрата . . .	666 р. 66 к.	3,169 р.
Второй русскій переводчикъ . . .	400 „ — „	2,280 „
Секретарь сиротскаго суда. . . .	533 „ 33 „	2,250 „
Первый русскій переводчикъ. . .	666 „ 66 „	1,050 „

	Жалованья.	Пошлинъ
Архиваріусъ.	400 р. — к.	1,900 р.
Секретарь ландфохтейскаго суда..	400 „ — „	1,700 „
„ кемерейнаго „ ..	533 „ 33 „	1,900 „
Оберъ-нотаріусъ.	400 „ — „	1,350 „
Секретарь фохтейскаго суда.. . .	533 „ 33 „	1,100 „
Нотаріусъ сиротскаго „ . . .	266 „ 66 „	950 „
„ кемерейнаго „ . . .	266 „ 66 „	900 „
Секретарь веттнаго „ . . .	533 „ 32 „	625 „

и т. д.

Годовой итогъ этихъ пошлинъ, по показанію самого магистрата, слѣдовательно въ самомъ уменьшенномъ размѣрѣ, простирается для разсматриваемыхъ въ настоящее время канцелярскихъ чиновъ городскаго управленія, получающихъ штатное содержаніе изъ городской кассы, до 20,000 р. сер., а потому составляетъ съ означеннымъ содержаніемъ слишкомъ 40,000 р. сер. на 38 штатныхъ мѣстъ.

Въ 3-хъ, кромѣ исчисленныхъ выше 40,000 р. сер. на содержаніе чиновниковъ, положенныхъ по штату уплачиваемому городскою казною, отпускаются изъ другихъ кассъ городскаго общества значительныя суммы на жалованье разныхъ чиновъ городскаго управленія, которые сверхъ того пользуются огромными акциденціями.

По доставленному городскимъ начальствомъ списку, эти лица получаютъ:

Штатнаго содержанія	51,683 р. 63 к.
Канцелярскихъ и другихъ пошлинъ . .	85,316 „ 37 „
Итого	137,000 р.

Кромѣ того расходуется:

На содержаніе членовъ магистрата и ельтермановъ.	37,787 р.
На оберъ-канцелярію и чиновниковъ подчиненныхъ магистрату судовъ. . . .	40,000 „
На пенсіоны	6,025 „
За сборъ податей	3,700 „
На содержаніе управы благочинія . . .	10,042 „
„ „ управленія частей. . . .	11,096 „

На жалованье, обмундированіе, провіантъ, лѣченіе и помѣщеніе:

Полицейской команды	16,400 р.
Пожарной команды, не считая лошадей и обоза.	5,814 „
Итого	130,864 р.
Вообще же содержаніе городскаго управленія обходится обывателямъ. . .	267,864 р.

т. е. по $4^1/_2$ руб. сер. на душу, тогда какъ, при подобномъ же расчисленіи въ Петербургѣ приходится, несмотря на значительныя статьи расходовъ, совершенно чуждыя Ригѣ, лишь по $2^1/_4$ р. на душу.

в) Наконецъ, независимо отъ дурнаго устройства системы городскихъ доходовъ и безполезности значительныхъ издержекъ, неудовлетворительное состояніе городскаго хозяйства въ Ригѣ зависитъ еще отъ двухъ обстоятельствъ: отъ чрезмѣрнаго стѣсненія промышленной дѣятельности и отъ дурнаго способа взиманія казенныхъ податей. Многія изъ выгоднѣйшихъ промышленныхъ занятій въ Ригѣ обращены въ монополію цеховъ ограниченнаго состава, т. е. доступны лишь для небольшаго числа обывателей, какъ напримѣръ: промыслы вящиковъ, мѣрильщиковъ, браковщиковъ, виноносцевъ, вѣсовщиковъ и т. д.; относительно другихъ занятій хотя подобнаго стѣсненія, повидимому, не существуетъ, ибо число мастеровъ въ цехахъ не ограничено, но за то достиженіе означеннаго званія сопряжено съ такими трудностями и пожертвованіями, что возможно для весьма немногихъ лицъ, производство же промысла безъ записки въ цехъ преслѣдуется весьма строго. Если, напримѣръ, иногородный желаетъ съ двумя сыновьями приписаться въ Ригѣ къ мѣщанскому окладу, то долженъ внести за себя и за дѣтей залога по 70 р. сер. за каждаго, да подушныхъ податей за одинъ годъ впередъ по 9 р., и канцелярскихъ сборовъ по 4 р. 10 к., слѣдовательно за всѣхъ трехъ, не считая расходовъ на гербовую бумагу, 249 р. 30 к. Напротивъ въ С.-Петербургѣ подобная прописка стоитъ лишь 28 р., а къ цеховому окладу всего 16 руб. 66 к.; слѣдовательно, одно вступленіе въ рижское городское общество обходится въ мѣщанскомъ окладѣ почти втрое, а въ цеховомъ въ пять разъ дороже чѣмъ въ С.-Петербургѣ, не говоря уже о томъ, что эти расходы избавляютъ внесшаго отъ платежа податей въ столицѣ на три года, а въ Ригѣ

лишь на одинъ годъ, и что здѣсь записавшійся пріобрѣтаетъ полныя права гражданства, а въ Ригѣ вовсе еще имп не пользуется. Для достиженія ихъ тамъ, ему нужно сдѣлаться цеховымъ мастеромъ. Это, какъ обнаружено положительными фактами, обходится въ Ригѣ, смотря по цеху, отъ 100 и даже до 600 р., въ С.-Петербургѣ же стоитъ 6 р.; слѣдовательно, принимая средній расходъ на пріобрѣтеніе званія мастера въ Ригѣ въ самомъ меньшемъ размѣрѣ, т. е. въ 150 руб , издержка эта будетъ превосходить соотвѣтствующую ей сумму въ С.-Петербургѣ въ 25 разъ.

Дурная раскладка казенныхъ податей также не мало способствуетъ обремененію жителей. Раскладка эта производится въ Ригѣ одними лицами привилегированныхъ сословій, безъ всякаго участія представителей главной массы плательщиковъ, т. е. мѣщанъ и цеховыхъ, непричисленныхъ къ нѣмецкимъ цехамъ; а потому естественно, что раскладчики не имѣютъ повода заботиться о большой экономіи. Дѣйствительно, не говоря уже о противузаконныхъ сборахъ на покрытіе воспрещенныхъ генералъ-губернаторомъ расходовъ по податному управленію, одно огромное число несостоятельныхъ свидѣтельствуетъ о худомъ положеніи этой части въ Ригѣ; недобираемая съ нихъ сумма разлагается поровну на всѣхъ исправныхъ плательщиковъ; взносы послѣднихъ съ души равнялись:

ГОДА	Въ цеховомъ окладѣ.		Въ мѣщанскомъ окладѣ.		Въ окладѣ вольныхъ людей.		Въ окладѣ слугъ.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К	Руб.	К.
въ 1841 году. . .	9	—	9	—	6	—	3	50
„ 1842 „ . . .	7	75	7	75	5	—	3	—
„ 1843 „ . . .	7	75	7	75	5	—	3	—
„ 1844 „ . . .	7	50	7	50	4	75	2	75
„ 1845 „ . . .	7	—	7	—	4	30	2	30
„ 1846 „ . . .	6	50	6	50	4	—	2	—
„ 1847 „ . . .	7	50	7	50	5	—	2	50
„ 1848 „ . . .	8	—	8	—	4	50	3	35

Установленный законами подушный окладъ равняется: для цеховыхъ и мѣщанъ 2 р. 38 к., для вольныхъ людей 2 р. 9 к., для слугъ 95 к. Сверхъ того мѣщане и цеховые, въ случаѣ рекрутскаго набора, вносятъ деньгами взамѣнъ слѣдующихъ съ нихъ рекрутъ. Сборъ этотъ долженъ былъ составить въ 1845—1846 г. по 75 к. съ души ежегодно Такимъ образомъ, въ означенные годы состоятельные податные плательщики внесли съ души болѣе чѣмъ бы слѣдовало:

	Въ 1845 г.	
Въ окладѣ	цеховыхъ и мѣщанъ . .	4 р. 47 к.
„ „	вольныхъ людей.	2 „ 21 „
„ „	слугъ.	1 „ 35 „
	Въ 1846 г.	
Въ окладѣ	цеховыхъ и мѣщанъ . . .	3 р. 37 к.
„ „	вольныхъ людей.	1 „ 91 „
„ „	слугъ.	1 „ 05 „

Напротивъ, въ С.-Петербургѣ раскладка недоимки на несостоятельныхъ мѣщанъ производится неравными долями, сообразно съ способами каждаго, и самые богатѣйшіе между ними не взносятъ болѣе 10 р. сер., прочіе же гораздо менѣе, а цеховые обложены лишь узаконеннымъ нормальнымъ сборомъ, т. е. (исключая взносовъ на земскія повинности и на запасный вспомогательный капиталъ, которые не существуютъ въ Ригѣ), всего 3 р. 6 к. сер., или въ три раза менѣе чѣмъ въ иные года въ Ригѣ.

Для отвращенія всѣхъ этихъ неудобствъ, коммиссіею предположены были слѣдующія мѣры.

Мѣры, предложенныя коммиссіею для улучшенія городского хозяйства

I. О городскихъ долгахъ.

1. Подтвердить, чтобы займы производились не иначе, какъ по совѣщанію всѣхъ трехъ городскихъ сословій и съ утвержденія высшаго правительства.

2. Воспретить вовсе займы на покрытіе издержекъ непроизводительныхъ, какъ напримѣръ на увеличеніе жалованья городскимъ чиновникамъ, и т. д.

3. Займы на предпріятія производительныя разрѣшать съ точнымъ соблюденіемъ установленнаго для сего закономъ порядка и съ непремѣннымъ опредѣленіемъ всякій разъ источника для уплаты процентовъ и постепеннаго погашенія капитальной суммы.

4. Строжайше воспретить расходованіе на городскія надобности залоговъ, фундушей и другихъ неприкосновенныхъ вкладовъ, равно какъ суммъ, предназначенныхъ на погашеніе городскаго долга.

5. Подтвердить точное исполненіе ст. 139, 147 и 258—260 Св. Зак. т. XIII Учрежд. о Кред. Уст., касательно пріема въ залогъ кредитныхъ бумагъ не иначе, какъ съ надлежащею передаточною надписью.

II. О содержаніи членовъ городскаго управленія.

6. Сохраняя въ нынѣшнемъ размѣрѣ содержаніе членовъ городскаго управленія, впредь до преобразованія его, присоединить

пока къ городской казнѣ лишь тѣ суммы и капиталы, изъ коихъ производятся добавочные оклады, удовлетворяя впредь уже изъ нея дѣланные доселѣ изъ сказанныхъ капиталовъ расходы.

III. О содержаніи ельтермановъ большой и малой гильдій.

7. Въ исправленіе ст. 1091 ч. II Св. Мѣстн. Узак. губ. Остз., въ коей, въ противность издавна существующаго порядка, ельтерманамъ не опредѣлено содержанія, не только сохранить означеннымъ лицамъ нынѣшнее жалованье ихъ, но, во вниманіе къ многочисленнымъ обязанностямъ этихъ чиновъ, возвысить содержаніе ельтермана большой гильдіи отъ 1,500 р. до 1,700 р., малой гильдіи отъ 937 р. до 1,200 р.

IV. По содержанію городскихъ чиновниковъ.

8. Отмѣнить преувеличенныя и безполезныя издержки, а именно: расходъ на писцовъ понизить отъ 2,760 до 2,000 р. сер. и упразднить отдѣленіе справочныхъ цѣнъ, возложивъ собираніе ихъ на веттгерихтъ, гдѣ сосредоточена торговая полиція.

9. Поручить генералъ-губернатору въ теченіе года представить чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ на Высочайшее утвержденіе таксу канцелярскихъ пошлинъ, возможно необременительную для истцовъ и отвѣтчиковъ.

10. Вмѣнить ему же въ обязанность составить проэктъ справедливаго раздѣленія суммъ, происходящихъ отъ канцелярскихъ пошлинъ, между всѣми городскими чиновниками и внести на утвержденіе вышеозначеннымъ порядкомъ.

V. По расходамъ на канцелярскіе матеріалы.

11. Вслѣдствіе окончанія ревизіи городскаго управленія, уменьшить сумму на канцелярскіе расходы до обычнаго ея итога 2,290 р.

12. Поставить въ непремѣнную обязанность точное исполненіе ст. 598 ч. I Св. Мѣстн. Узак. губ. Остзейск., относительно надзора инспекторовъ за покупкою и расходомъ канцелярскихъ матеріаловъ.

VI. О содержаніи техническихъ чиновъ городскаго управленія.

13. Не дозволять просимаго городскимъ начальствомъ опредѣленія помощника старшему городскому землемѣру.

14. Упразднить безполезную должность городскаго плотника.

15. Упразднить должность городскаго часовщика, надзоръ же за часами въ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ отдавать съ торговъ.

VII. О содержаніи сторожей городскихъ присутственныхъ мѣстъ.

16. Нынѣшній расходъ въ 3,378 р. на 27 городскихъ сторожей сократить, въ ожиданіи окончательнаго преобразованія, до 1,680 р.

VIII. О расходѣ на пенсіи.

17. Подтвердить, чтобы городское начальство относительно порядка назначенія пенсій въ точности руководствовалось сенатскимъ указомъ 12 апрѣля 1845 года.

18. Касательно срока выслуги и размѣровъ пенсіонныхъ окладовъ примѣнить къ Ригѣ правила, кои будутъ постановлены для городской службы въ С.-Петербургѣ.

IX. Относительно найма помѣщенія для городскихъ управленій.

19. Плату за помѣщеніе пробирной палатки, возросшую безъ всякой достаточной причины, съ 1844 года, отъ 250 до 600 р. сер., понизить до 400 р.

X. По расходамъ на отопленіе, освѣщеніе городскихъ зданій и очистку въ нихъ трубъ и отхожихъ мѣстъ.

20. Предписать городскому начальству составить точное и нормальное исчисленіе нужной для каждаго городскаго зданія пропорціи дровъ, масла и свѣчъ.

21. Воспретить сборъ въ пользу рижскаго плацъ-маіора за очищеніе отхожихъ мѣстъ въ городѣ, предоставивъ это вольнымъ промышленникамъ, взамѣнъ нынѣшней монополіи городскаго палача.

XI. О расходахъ по водоподъемнымъ учрежденіямъ.

22. Поставить городскому начальству въ обязанность уменьшить содержаніе мастера, завѣдывающаго водоподъемною машиною.

23. Равнымъ образомъ ускорить изготовленіемъ проэкта и пріисканіемъ нужныхъ средствъ для замѣны лошадей на машинѣ — паровою силою, а водопроводныхъ деревянныхъ трубъ — металлическими.

XII. О расходахъ по очисткѣ улицъ и каналa для стока нечистоты.

24. Привести немедленно въ извѣстность, посредствомъ измѣренія и строгаго разбора, какъ велики тѣ городскіе участки, которые должны быть очищаемы на городской счетъ.

25. Сдѣлать соображеніе: не представится ли возможность, взамѣнъ чрезвычайно дорого стоющей нынѣ очистки посредствомъ

подряда, производить ее за 1,500 р. сер. посредствомъ пожарной команды, которая остается большею частію безъ дѣла.

XIII. По содержанію городскихъ садовъ и аллей.

26. Суммы, принадлежащія учрежденію форштатскихъ насажденій, подвергать одинаковымъ правиламъ расходованія и отчетности со всѣми городскими суммами.

27. Соединить управленія бывшимъ Императорскимъ садомъ и форштатскими насажденіями, для ограниченія расходовъ.

XIV. По расходамъ изъ общей городской казны на воинскія потребности.

28. Привести неотлагательно въ точный, законный размѣръ отпускъ суммъ на содержаніе гауптвахтъ въ Ригѣ.

29. Отмѣнить расходъ, производимый, въ противность точнаго смысла указа 25 апрѣля 1811 года, на наемъ помѣщенія для гауптвахты при пороховомъ магазинѣ.

30. Привести въ законную норму расходы на жандармскую команду.

31. Воспретить издержки на лагерныя потребности, не означенныя въ ст. 1552, 1553, 1557 и 1558 кн. III ч. IV Св. Воен. Пост.

32. Уменьшить до 60 к. въ день суточныя деньги маршъ-коммисару, т. е. городскому сторожу, провожающему проходящія войска.

XV. По расходамъ на содержаніе городскихъ школъ.

33. Подтвердить о непремѣнномъ ежегодномъ взносѣ въ кредитныя установленія суммы, назначенной на учрежденіе русской элементарной школы, впредь до открытія ея.

34. Съ 1849 года ассигновать, сверхъ-того, ежегодно на содержаніе русской школы 1,000 р. сер. изъ городскихъ доходовъ, въ образованіи которыхъ Русскіе участвуютъ наравнѣ со всѣми прочими обывателями.

35. Согласно съ просьбою рижскихъ гражданъ русскаго происхожденія, соединить въ означенной школѣ элементарное обученіе съ ремесленнымъ.

36. Обязать мѣстное начальство открыть школу непремѣнно въ теченіе 1849 года.

XVI. По расходамъ на содержаніе городской публичной библіотеки.

37. Ассигновать 200 р. сер. въ годъ на покупку новыхъ сочиненій, для чего теперь никакой суммы не отпускается, и поставить въ обязанность пріобрѣтать между прочимъ и лучшія произведенія русской литературы.

XVII. По расходу на благотворительныя учрежденія.

38. Обратить сборъ, взимаемый на основаніи 123 § рижскаго коммерческаго устава 1765 года, къ опредѣленному закономъ назначенію, т. е. не въ пользу сиротскаго дома, куда онъ поступаетъ допынѣ, а въ распоряженіе попечительства о неимущихъ.

39. Поставить губернскому начальству въ обязанность начертать въ возможно скоромъ времени соображенія: на какой источникъ должны быть относимы издержки по лѣченію неимущихъ иногородныхъ, заболѣвающихъ въ Ригѣ.

40. По несуществованію доселѣ въ Ригѣ городскаго госпиталя, нынѣшнюю больницу для бѣдныхъ тамъ увеличить 140 кроватями и обратить въ общую городскую больницу, съ отдѣленіемъ для неимущихъ.

41. Предположенія о нужныхъ для сего способахъ и проэктъ новаго устава для означеннаго учрежденія поручить мѣстному начальству изготовить и представить въ теченіе 1849 года.

XVIII. О расходахъ на содержаніе духовенства.

42. Воспретить всякіе сборы въ пользу евангелическаго духовенства и капитала, назначеннаго на содержаніе его (подъ именемъ Kirchen-Ordnung), съ лицъ, не исповѣдывающихъ протестантскаго ученія.

43. Назначить изъ городской кассы, въ дополненіе къ суммамъ отпускаемымъ на лютеранское духовенство, 300 р. въ годъ въ пользу католической церкви и 700 р. сер. въ пользу рижскаго архіерейскаго дома.

XIX. О расходѣ на содержаніе городскихъ музыкантовъ.

44. Издержку сію, простирающуюся до 600 р. сер. въ годъ, вовсе отмѣнить, какъ совершенно безполезную.

XX. Расходы на содержаніе учрежденій по торговой полиціи.

45. Во уваженіе значительности пошлинъ, получаемыхъ городскими вѣсовщиками и браковщиками со взвѣшиваемыхъ и бракуемыхъ ими товаровъ, отмѣнить получаемое сверхъ того сими лицами жалованье изъ городской казны.

46. Отнести на ихъ же счетъ заготовленіе орудій и матеріаловъ, нужныхъ для браковки.

XXI. О расходахъ по содержанію городскаго конюшеннаго двора.

47. Городской комношенный дворъ, содержимый для разъѣздовъ членовъ городскаго управленія, уничтожить какъ излишнюю роскошь.

48. Лошадей, экипажи, сбрую и прочее продать съ публичнаго торга въ пользу городской казны.

49. Съ рижскимъ почтъ содержателемъ войти въ соглашеніе объ исключеніи изъ общаго итога производимой ему платы той суммы, которая соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости прокорма сказанныхъ лошадей.

XXII. О расходѣ по содержанію станцій.

50. Согласно съ предположеніемъ графа Д. Н. Блудова въ 1833 году и съ общимъ правиломъ для городскихъ почтовыхъ станцій въ Лифляндіи, отнести расходы по содержанію рижской и Олайской станцій на земство.

XXIII. О расходѣ на содержаніе таможенной лодки.

51. Расходъ сей вовсе отмѣнить

XXIV. О расходѣ по содержанію губернской тюрьмы.

52. Издержку сію, составляющую 1,417 р. 60 к. въ годъ, отнести, согласно съ точнымъ смысломъ Св. Зак. т. XII Уст. о Город. Хоз., ст. 74, на земство.

XXV. О расходѣ на добавочное жалованье чиновникамъ при остзейскомъ генералъ-губернаторѣ.

53. Взамѣнъ 3,700 р., которые, по Высочайшему повелѣнію 14 декабря 1845 года, назначены были на сію издержку изъ городскихъ суммъ и нынѣ отнесены на государственное казначейство, производить, согласно съ хадатайствомъ генералъ-губернатора, 1,000 р. сер. чиновнику при генералъ-губернаторѣ, занимающемуся городскимъ хозяйствомъ, и 650 р. чиновнику по медицинской части.

XXVI. О расходѣ на экстраординарныя издержки

54. Изъ этой суммы слишкомъ 5,000 руб., употребляемые ежегодно на подарки губернскимъ чиновникамъ вовсе отмѣнить и

55. Вообще, согласно съ Св. Зак. т. XII Уст. о Город Хоз. ст. 18, воспретить городскому начальству дѣлать кому бы то ни было приношенія изъ городскихъ кассъ.

XXVII. О годовыхъ остаткахъ городскихъ доходовъ.

56. Воспретить городскому начальству обращать суммы отъ невыполненныхъ расходовъ на другое назначеніе и подтвердить,

чтобы эти суммы сохраняемы были неприкосновенно, впредь до исполненія расхода или отмѣны его.

57. Дѣйствительные годовые остатки разрѣшить обращать лишь въ началѣ слѣдующаго года, заимообразно, на покрытіе тѣхъ неизбѣжныхъ издержекъ, на кои не достанетъ денегъ изъ поступившихъ уже суммъ того года.

58. По полученіи же нужныхъ денегъ, обращать весь итогъ остатковъ немедленно въ кредитныя установленія и расходовать не иначе, какъ по правиламъ, въ Св. Зак. т. XII Уст. о Гор. Хоз. ст. 21 установленнымъ.

XXVIII. О запасныхъ городскихъ капиталахъ.

59. Подтвердить городскому начальству, чтобы расходъ означенныхъ капиталовъ производился въ порядкѣ, предписанномъ въ ст. 21 Уст. о Гор. Хоз. Св. Зак. т. XII.

60. Поручить губернскому начальству принять мѣры ко взысканію судебнымъ порядкомъ хранящейся въ городской кассѣ, вмѣсто денегъ, недѣйствительной Курмиповской облигаціи, со всѣми слѣдующими на нее процентами.

XXIX. О доходахъ съ населенныхъ городскихъ имѣній.

61. Подтвердить городскому начальству о точномъ соблюденіи, при отдачѣ городскихъ имѣній въ аренду, общихъ правилъ о публичныхъ торгахъ, въ Сводѣ Законовъ изложенныхъ.

62. Разрѣшить отдачу всѣхъ имѣній вообще на 12-лѣтній срокъ, а въ случаѣ особенно выгодныхъ условій, и на болѣе продолжительное время, съ устверженія генералъ-губернатора.

63. Поручить главному мѣстному начальству въ теченіи года представить соображенія объ отнесеніи на общія земскія повинности расходовъ на содержаніе станцій въ Ригѣ и Олаѣ, шоссе въ патримоніальномъ округѣ, земской полиціи и приходскаго суда тамъ же, вмѣстѣ съ подчиненіемъ означеннаго округа общему земскому учрежденію.

XXX. О доходѣ съ городскихъ зданій.

64. Предписать городскому начальству опредѣлить одинъ или нѣсколько постоянныхъ сроковъ въ году, для отдачи въ наемъ всѣхъ торговыхъ помѣщеній, съ тѣмъ, что не взятыя при семъ лавки должны быть отдаваемы впослѣдствіи помѣсячно лишь впредь до наступленія ближайшаго общаго срока торговъ.

XXXI. О доходахъ съ оброчныхъ статей.

65. Предписать привести немедленно въ точную извѣстность

пространство Двинскихъ острововъ, городскихъ складочныхъ мѣстъ и сѣнокосовъ.

66. Подтвердить строгое соблюденіе всѣхъ правилъ о торгахъ при отдачѣ въ наемъ сказанныхъ угодій

67. Назначить для сего одинъ общій срокъ въ году.

68. Разрѣшить отдачу въ наемъ каждаго Двинскаго острова порознь.

69. Отмѣнить въ контрактахъ безполезно стѣснительныя для съемщиковъ условія.

70. Всѣ поступающіе въ хозяйственную инспекцію сборы доставлять сполна въ городскую казну, внося нужные по инспекціи расходы въ общую смѣту.

XXXII. О поземельныхъ деньгахъ.

71. Разбить немедленно пустопорожнія мѣста въ городской чертѣ на правильные квадраты съ улицами, для застройки впослѣдствіи по установленному заранѣе порядку.

72. Немедленно привести въ извѣстность и обложить поземельною податью всѣ застроенные безъ вѣдома городскаго начальства участки.

73. Назначить коммиссію изъ городскихъ чиновниковъ для приведенія въ извѣстность вотчинныхъ правъ лицъ, владѣющихъ въ городской чертѣ дачами, которыя не платятъ поземельной пошлины.

74. Поручить губернскому начальству въ теченіе года принять мѣры къ узаконенію границъ городскихъ вотчинъ, согласно съ ст. 580 Зак. Меж. Св. Зак. т. X.

XXXIII. О сборѣ съ домовладѣльцевъ на полицейскія надобности.

75. Предписать раскладку всѣхъ сборовъ съ домовладѣльцевъ по оцѣнкѣ доходовъ ихъ, и въ старомъ городѣ, гдѣ означенная оцѣнка уже кончена, произвести сію раскладку немедленно.

76. Подтвердить, чтобы означенная раскладка измѣнялась не иначе, какъ по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 10 Уст. о Гор. Хоз. Св. Зак. т. XII.

77. Вмѣнить въ обязанность мѣстному начальству ускорить, по возможности, оцѣнку доходовъ домовладѣльцевъ въ предмѣстіяхъ.

78. Обязать домовладѣльцевъ каждой части города избирать на три года двухъ оцѣнщиковъ, дабы они въ случаѣ нужды, могли производить переоцѣнку зданій до общаго для сего срока.

79. Дозволить городскому начальству уменьшать сборъ съ дома,

вслѣдствіе переоцѣнки, лишь съ разрѣшенія генералъ-губернатора.

80. Общую переоцѣнку доходовъ домовладѣльцевъ и новую раскладку сборовъ съ нихъ производить каждыя 25 лѣтъ.

XXXIV. О сборѣ на содержаніе полиціи съ неимѣющихъ недвижимой собственности.

81. Налогъ сей уничтожить, замѣнивъ его другими, лучше распредѣленными сборами.

XXXV. О сборѣ за записку въ обывательскую книгу.

82. Подтвердить городскому начальству, чтобы, согласно съ статьею 958 ч. II Св. Мѣстн. Узак. губ. Остз., непремѣнно обращаемъ былъ сполна въ городскую казну весь сборъ со вновь вносимыхъ въ обывательскую книгу лицъ, а именно: съ купцовъ: 1-й гильдіи 80 р. сер., 2-й гильдіи 60 р. сер., 3-й гильдіи 40 р. сер., съ цеховыхъ мастеровъ 22 р. сер.

XXXVI. О налогахъ съ потребленія.

83. Поставить въ обязанность мѣстному начальству, чтобы оно изготовило въ теченіе 1849 года предположенія о мѣрахъ къ дѣйствительнѣйшему пресѣченію корчемства.

84. Взамѣнъ уничтоженныхъ сенатскимъ указомъ 21 августа 1848 года сборовъ съ торгующихъ на рынкѣ, обложить, по примѣру столицъ, продающихъ съ ларей и лавокъ взносомъ годовой поземельной платы.

XXXVII. О сборахъ въ пользу городской казны съ оптовой торговли.

85. Подтвердить, что, на основаніи Св. Зак. т. X зак. гражд. пункта 3, ст. 476, такъ-называемый набережный и разгрузочный сборъ не составляетъ послѣдствій права береговаго владѣнія и потому можетъ быть взыскиваемъ только въ пользу городской казны, а не частныхъ владѣльцевъ, и лишь одинъ разъ въ лѣто съ барки, а не при каждой перемѣнѣ ею мѣста.

86. Второй четвертьпроцентный сборъ съ проходящихъ чрезъ рижскій портъ товаровъ, предоставленный въ 1842 году въ распоряженіе биржеваго комитета, обратить снова въ пользу городской кассы и воспретить измѣнять сей налогъ иначе, какъ по Высочайшему разрѣшенію.

87. Званіе сѣменнаго писца уничтожить и присвоенный ему доходъ обратить въ городскую казну.

88. Общественныя городскія вѣсы отдавать съ торговъ, подчинивъ ихъ присмотру торговой полиціи.

XXXVIII. О доходѣ съ двинскаго иловучаго моста *).

89. Предписать мѣстному начальству въ теченіе года изготовить новую таксу сбора за проѣздъ чрезъ мостъ, принявъ основаніемъ, что сборъ долженъ быть по возможности соразмѣренъ съ состояніемъ платящихъ.

90. Кромѣ лицъ, ѣдущихъ съ подорожной по казенной надобности, освободить отъ мостовой пошлины, только лично, чиновниковъ государственной, земской и городской службы.

91. Между низшими чинами городоваго управленія особо опредѣлить: кто долженъ быть именно освобожденъ отъ мостовой пошлины?

92. Установить опредѣленную плату съ экипажа и лошади для желающихъ на цѣлый годъ откупиться отъ взноса мостовой пошлины и воспретить касса-коллегіи измѣнять сію плату для кого бы то ни было.

93. Сборъ за проѣздъ чрезъ мостъ (т. е. не включая денегъ, взимаемыхъ съ судовъ за причалъ къ мосту и пропускъ чрезъ клапанъ его) отдать съ торговъ, срокомъ на 6 лѣтъ.

XXXIX. О недоимкахъ по городскимъ сборамъ.

94. Подтвердить, чтобы всѣ взысканія недоборовъ производились не судебнымъ порядкомъ, а посредствомъ полиціи.

95. Поручить городскому начальству представить въ возможной скорости соображенія объ улучшеніи ипотечной системы въ Ригѣ.

96. Вмѣнить сему же начальству въ обязанность, чтобы переходъ недвижимостей непремѣнно совершался въ Ригѣ съ соблюденіемъ узаконенныхъ формальностей.

XL. О нѣкоторыхъ суммахъ, хранящихся въ сиротскомъ судѣ.

97. Такъ какъ изъ суммъ, хранящихся въ сиротскомъ судѣ, нерѣдко до 68,000 р. сер. остаются цѣлые годы въ наличныхъ деньгахъ, не принося процентовъ подъ предлогомъ невозможности производить разсчетъ сихъ послѣднихъ отъ чрезмѣрной дробности самихъ капиталовъ, то предполагается, по крайней мѣрѣ, 30,000 р. сер. изъ нихъ держать въ кредитныхъ бумагахъ, съ обращеніемъ процентовъ въ пользу городской кассы.

---

*) Изложенныя предположенія о пловучемъ мостѣ, какъ само собою разумѣется, могутъ быть приведены въ дѣйствіе въ такомъ только случаѣ, когда, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, признано будетъ возможнымъ сдѣлать въ пользу г. Риги изъятіе изъ общаго закона, по коему всѣ мосты этого рода должны поступить въ вѣдѣніе земства.

XLI. О кассѣ кемерейнаго суда.

98. Кемерейную кассу, какъ противузаконную, уничтожить вовсе и остающіеся въ силѣ прежніе источники доходовъ ея обратить въ городскую казну.

XLII. О кассѣ веттгерихта.

99. Всѣ, взыскиваемые веттгерихтомъ сборы, обратить въ городскую казну, покрывая уже изъ нея смѣтныя издержки по сему суду.

XLIII. О запасномъ капиталѣ питейнаго управленія.

100. Питейный запасный капиталъ передать въ вѣдѣніе кассаколлегіи, подчинивъ его одинаковымъ правиламъ расходованія и общей отчетности со всѣми прочими городскими капиталами.

101. Проценты съ питейнаго капитала и остатки отъ питейныхъ доходовъ обратить на увеличеніе перваго, пока онъ не составитъ суммы, равной количеству полугодовой питейной подати, платимой Ригою въ казну.

102. По достиженіи сего, означенные источники дохода обратить въ пользу городской кассы.

XLIV. О сборѣ за выдачу паспортовъ.

103. Сборы за выдачу свидѣтельства на право полученія паспорта, противузаконно взимаемые въ кемерейномъ судѣ и въ податномъ управленіи, воспретить вовсе.

104. Взысканія при магистратской паспортной экспедиціи, за выдачу плакатныхъ паспортовъ и билетовъ съ почетныхъ гражданъ, цеховыхъ, мѣщанъ и лицъ рабочаго оклада, также прекратить.

105. Съ купеческихъ паспортовъ сохранить въ пользу чиновника, завѣдующаго выдачею ихъ, сборъ:

		съ паспортовъ.	съ билетовъ.
съ купцовъ	1-й гильдіи	3 р. — к.	1 р. 50 к.
„ „	2-й „	1 „ 50 „	1 „ — „
„ „	3-й „	— „ 75 „	— „ 50 „

XLV. Объ излишкахъ отъ штатныхъ суммъ, ассигнуемыхъ городомъ на содержаніе полиціи.

106. Весь итогъ этихъ излишковъ, хранящихся при полиціи въ кредитныхъ билетахъ, слѣдуетъ обратить въ городскую казну.

XLVI. О сборѣ съ иностранныхъ гостей.

107. Примѣнить къ Ригѣ Высочайше утвержденное положеніе для С.-Петербурга, т. е. взыскивать въ пользу городской казны

съ каждаго иностраннаго гостя 150 р. сер., а при выходѣ изъ сего званія—трехгодичную подать.

XLVII. О сборѣ съ прикащиковъ и сидѣльцевъ.

108. Взамѣнъ уничтожаемаго сбора съ лицъ, не имѣющихъ движимой собственности, взимать ежегодно, примѣняясь къ Высочайше утвержденному 21 октября 1831 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, съ прикащиковъ и сидѣльцевъ:

изъ иногородныхъ купцовъ 3-й гильдіи .	7	р.	14	к.
„ купеческихъ дѣтей.	5	„	71	„
„ мѣщанъ	4	„	29	„
„ крестьянъ	4	„	29	„

XLVIII. О сборѣ съ разныхъ промышленныхъ служителей.

109. Взамѣнъ того же уничтожаемаго сбора и примѣняясь къ Высочайше утвержденнымъ 13 ноября 1835 года и 2 февраля 1838 года мнѣніямъ Государственнаго Совѣта, взимать съ биржевыхъ и корабельныхъ маклеровъ, биржевыхъ нотаріусовъ и диспашеровъ по 57 р. 14 к. въ годъ, согласно съ особою раскладкою, ими самими между собою производимою.

XLIX. О сборѣ съ служителей торговой полиціи.

110. Взамѣнъ того же уничтожаемаго сбора и примѣняясь къ Высочайше утвержденнымъ 2 февраля 1832 года и 13 ноября 1835 года мнѣніямъ Государственнаго Совѣта, обложить въ пользу городской казны всѣхъ браковщиковъ (за исключеніемъ бракующихъ льняное сѣмя), мѣрильщиковъ, вѣсовщиковъ, лигеровъ—по 5 к. съ рубля дохода, получаемаго ими отъ должностныхъ занятій.

L. О сборѣ съ низшихъ торговыхъ служителей.

111. Взамѣнъ того же уничтожаемаго сбора и на основаніи вышеприведенныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, взимать въ пользу городскихъ доходовъ: съ виноносцевъ и съ сѣменныхъ браковщиковъ по 7 р. сер. въ годъ, съ переносчиковъ льняного сѣмени и вящиковъ—по 2 р. 85 к.

LI. О сборѣ съ цеховыхъ ремесленниковъ.

112. Взамѣнъ того же уничтожаемаго сбора обложить въ пользу городской казны каждый ремесленный цехъ постоянною суммою

113. Итогъ ея долженъ быть всякія пять лѣтъ опредѣляемъ экстраординарною касса-коллегіею и утверждаемъ губернскимъ начальствомъ.

114. Внутренняя раскладка назначенной суммы между членами цеха производится по общему опредѣленію его.

LII. О сборѣ съ промышляющихъ извозомъ.

115 Уничтожить требованіе доказательствъ свободнаго происхожденія при поступленіи въ цехъ.

116. Обязать ко внесенію единовременно 52 руб. сер. и ежегодно 4 р. сер. въ цеховую кассу лишь тѣхъ хозяевъ, которые пожелаютъ пріобрѣсти права на пособіе изъ нея.

117. Сохранить цеху исключительное право перевозки штучныхъ тяжестей, требующихъ таможеннаго досмотра.

118. Затѣмъ извозъ всякаго другаго рода клади и сѣдоковъ, какъ непосредственно, такъ и чрезъ работниковъ, предоставить всѣмъ обывателямъ, которые захотятъ заняться симъ промысломъ.

119. Обязать тѣхъ, кои возьмутся возить сѣдоковъ, брать ежегодно билеты въ цеховомъ судѣ и подчиняться всѣмъ установленнымъ въ Ригѣ правиламъ относительно извоза.

120. Послѣдній поручить губернскому начальству пересмотрѣть и представить въ министерство внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе.

121. Взыскивать съ цеховыхъ хозяевъ за каждую лошадь по 1 р. 50 к. сер., а съ нецеховыхъ извощиковъ, при выдачѣ билетовъ, по 1 р. сер. ежегодно въ пользу городской кассы.

LIII. О сборѣ съ лодочниковъ и перевощиковъ.

122. Каждое разгрузочное судно обложить въ пользу городской казны, смотря по величинѣ, отъ 1 до 3 р. сер. въ годъ.

LIV. Сборъ за право рыболовства.

123. Въ отмѣну существующаго нынѣ порядка, впредь отдавать всѣ городскія рыболовныя тони на откупъ.

LV. Сборъ съ трактирныхъ заведеній.

124. Подтвердить о строгомъ и точномъ исполненіи порядка, установленнаго въ приложеніи къ статьѣ 31 Уст. о Гор. Хоз. Св. Зак., т. XII.

125 Обложить всѣ трактирныя заведенія безъ изъятія въ пользу городской казны сборомъ, размѣръ коего предоставить опредѣлить генералъ-губернатору на точномъ основаніи § 82 прил. къ ст. 31 Уст. о Гор. Хоз.

126. Затѣмъ прежніе сборы въ пользу квартирной кассы и попечительства о бѣдныхъ уничтожить, взамѣнъ же ихъ выдавать изъ городской казны ежегодно: квартирному управленію 2,300 и попечительству о бѣдныхъ 5,000 р.

LVI. О сборѣ съ торговыхъ помѣщеній.

127. Взамѣнъ уничтожаемаго сбора съ неимѣющихъ недвижимой

собственности и примѣняясь къ Высочайше утвержденнымъ 13 ноября 1835 года, 2 февраля и 8 іюня 1838 года мнѣніямъ Государственнаго Совѣта, взыскивать съ торговыхъ и банкирскихъ конторъ, равно какъ съ репсковыхъ погребковъ и магазиновъ съ правомъ погреба, 15 к. съ рубля наемной суммы помѣщенія.

128. Съ помѣщаемыхъ въ теплыхъ покояхъ магазиновъ, лавокъ и мастерскихъ взимать по 5% съ годовой наемной суммы помѣщенія и только по 2½% если промышленникъ самъ живетъ въ немъ.

LVII. О сборѣ съ права пивоваренія.

129. Сборы, установленные съ пивоварной компаніи пунктомъ 1 ст. 92 уст. о рижской коммерціи 1765 г. и Высочайше утвержденнымъ 8 августа 1806 г. докладомъ объ устройствѣ квартирной части въ Ригѣ, противузаконно присвоенные нынѣ кассою компаніи, удвоить и, согласно съ первобытнымъ назначеніемъ, обратить одинъ въ городскую кассу, а другой въ пользу попечительства о неимущихъ.

LVIII. О сборѣ съ скотобоенъ

130. Обязать городъ немедленно устроить по крайней мѣрѣ двѣ бойни съ скотопригоннымъ дворомъ.

131. Назначить при нихъ ветеринарнаго врача съ постояннымъ жалованьемъ.

132. Взамѣнъ существующаго сбора со скота въ пользу города за стояніе на рынкѣ и въ пользу врача при осмотрѣ у городскихъ воротъ, ввести, примѣняясь къ Высочайше утвержденному 21 февраля 1841 г. и 17 января 1844 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, особый взносъ въ городскую казну съ приходящаго на скотопригонный дворъ и убиваемаго на бойняхъ рогатаго скота.

LIX. Сборъ съ векселей и протеста ихъ и со всякаго рода долговыхъ обязательствъ.

133. Подтвердить, что по точному смыслу 718 ст. Св. Зак. Граж. т. X, установленная въ пользу городовъ пошлина съ долговыхъ обязательствъ должна быть взыскиваема со всѣхъ сдѣлокъ безъ различія, какого бы состоянія лицами онѣ ни заключались.

134. Обязать губернское начальство, представить немедленно соображеніе, какъ долженъ быть взимаемъ означенный сборъ въ Лифляндіи.

LX. О сборѣ съ билетовъ на проживаніе въ Ригѣ.

135. Взамѣнъ произвольно введеннаго въ Ригѣ сбора въ пользу полицейскихъ чиновниковъ за прописку паспортовъ при по-

лиціи, ввести, примѣняясь къ Высочайше утвержденному 21 декабря 1838 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, правильный адресный сборъ за билеты: перваго разряда 7 р. 15 к. съ мужчины и 4 р. 29 к. съ женщины; втораго разряда 4 руб. 25 к. съ мужчины и 2 р. 15 к. съ женщины; третьяго разряда 2 р. 85 к. съ мужчины и 1 р 43 к. съ женщины; четвертаго разряда 1 руб съ мужчины и 50 к. съ женщины; пятаго разряда 70 к. съ мужчины и 20 к. съ женщины. Сверхъ того, съ двухъ послѣднихъ разрядовъ, равно какъ съ приходящихъ въ Ригу изъ другихъ губерній работниковъ, ноденьщиковъ, лодочниковъ и бурлаковъ по 60 к. на больницу чернорабочихъ.

LXI. Сборъ съ нумерныхъ билетовъ на дома.

136. Предписать каждому домовладѣльцу брать изъ городской кассы доску съ изображеніемъ назначеннаго дому его нумера, взнося въ пользу города $^1/_{100}{}^0/_0$ съ оцѣнки дома по доходности его, или, если мѣсто еще не застроено, платя соразмѣрно съ поземельною пошлиною участка.

LXII. О порядкѣ составленія, просмотра и утвержденія городскихъ смѣтъ, равно какъ о заключеніи годовыхъ счетовъ.

137. Постановить въ обязанность экстраординарной касса-коллегіи представлять бюджеты на наступающій годъ, по вновь предписанной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ формѣ, со всѣми подробными расчетами, пояснительными приложеніями, росписями долговъ, невыполненныхъ расходовъ, недоимокъ и капиталовъ— въ лифляндское губернское правленіе, не позже 1 октября текущаго года.

138. Подтвердить губернскому правленію, чтобы оно тщательно повѣряло всѣ вновь предполагаемыя измѣненія въ издержкахъ и доходахъ, составляя по каждому изъ нихъ особое заключеніе, которое вмѣстѣ со смѣтою и должно быть представлено Остзейскому генералъ-губернатору къ 15 ноября.

139. Генералъ-губернаторъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ, предварительно окончательнаго заключенія, созвать, для обсужденія разныхъ статей смѣты, комитетъ изъ гражданскаго губернатора, резидующаго ландрата, предсѣдателя казенной палаты, полиціймейстера и членовъ городскаго общества по выбору главнаго начальника края.

140. По предполагаемымъ противу смѣтъ прежнихъ годовъ измѣненіямъ, комитетъ излагаетъ подробное заключеніе, присовокупляя къ тому и свои соображенія свои о лучшемъ устройствѣ и рас-

предѣленіи городскихъ финансовъ въ теченіе года. Затѣмъ, городская смѣта со всѣми приложеніями и окончательнымъ заключеніемъ генералъ-губернатора поступаетъ на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

141. Сверхсмѣтные расходы, которые не могутъ быть удовлетворены изъ суммы на непредвидѣнныя издержки, допускаются не иначе, какъ въ случаѣ крайней надобности и по предварительномъ сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

142. Срокомъ для прекращенія обязательной силы росписи назначается 1 іюля слѣдующаго за изданіемъ оной года.

143. Съ наступленіемъ этого срока, касса-коллегія составляетъ счетъ дѣйствительныхъ расходовъ и приходовъ за предшествовавшій годъ, по формѣ, данной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и финансовый счетъ сей препровождаетъ затѣмъ на дальнѣйшее утвержденіе вмѣстѣ съ росписью будущаго года.

144. По воспослѣдованіи сего утвержденія тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ для самыхъ росписей, выведенный по финансовому счету дѣйствительный остатокъ причисляется къ общему запасному капиталу; невыполненные же расходы и недоборы того года, не требующіе удовлетворенія или взысканія, слагаются безъ всякаго особаго разрѣшенія.

145. Прочіе невыполненные расходы могутъ быть удовлетворяемы не иначе, какъ по внесеніи въ новыя росписи, а недоимки, по мѣрѣ поступленія, причисляются не къ текущимъ доходамъ, а къ запасному капиталу.

Дальнѣйшій ходъ дѣла о мѣрахъ для улучшенія городскаго хозяйства.

Предположенія эти представлены были ревизующею коммиссіею остзейскому генералъ-губернатору, который 13 декабря 1847 г. созвалъ особый комитетъ изъ лифляндскаго гражданскаго губернатора, лифляндскаго вице-губернатора, исправляющаго должность рижскаго полицеймейстера, трехъ членовъ ревизующей коммиссіи, рижскаго нервоприсутствующаго бургомистра Шварца, бургомистра Тимма, ельтермана большой гильдіи Лемке, члена большой гильдіи Антипова и ельтермана малой гильдіи Меннгардта и предложилъ имъ на обсужденіе важнѣйшую часть предположеній, въ видѣ 33 вопросовъ.

Всѣ эти вопросы, либо единогласно, либо по значительному большинству голосовъ, были рѣшены сходно съ заключеніемъ ревизующей коммиссіи.

Руководствуясь симъ, генералъ Головинъ, въ отношеніи отъ 6 января 1848 г., за № 53, при которомъ препроводилъ проэктъ коммиссіи къ министру внутреннихъ дѣлъ, изъяснилъ: „я, съ

своей стороны, не могу не признать предполагаемыя ею мѣры и измѣненія полезными, равно какъ скорое осуществленіе ихъ необходимымъ, для введенія въ рижскомъ городскомъ хозяйствѣ того порядка, потребность котораго уже 48 лѣтъ тому назадъ усмотрѣна высшимъ правительствомъ, но, вопреки постояннымъ стараніямъ его, не удовлетворена доселѣ, вслѣдствіе постояннаго противодѣйствія городскаго начальства всякимъ усовершенствованіямъ".

Министръ внутреннихъ дѣлъ, по разсмотрѣніи сообщенныхъ ему предположеній, внесъ ихъ 5 сентября 1848 года въ Комитетъ Министровъ при слѣдующемъ заключеніи: „Если всѣ исчисленныя предположенія удостоены будутъ утвержденія, то не смотря на уничтоженіе 32,155 руб. прежнихъ доходовъ и введеніе новыхъ издержекъ на 21,484 руб., всего городскихъ доходовъ будетъ 349,600 руб. 66½ к., расходовъ же 303,340 р. 97 к., слѣдовательно по бюджету представится взамѣнъ нынѣшняго дефицита въ 44,293 р. 43 к., остатокъ до 46,259 р. 69½ к.

„Такимъ образомъ, еще до коренаго преобразованія рижскаго городскаго управленія, а слѣдовательно еще прежде начертанія нормальнаго бюджета для г. Риги, одними административными улучшеніями положенъ будетъ предѣлъ постоянному разстройству тамошняго городскаго хозяйства и откроется возможность упрочить правильное развитіе его въ будущемъ.

„Мѣры, для сего предлагаемыя, составляютъ большею частію или простое введеніе законнаго порядка, нарушеннаго произволомъ мѣстныхъ властей, или распоряженія и перемѣны, польза и выгодность которыхъ нерѣдко признаваемы были самимъ городскимъ обществомъ и высшимъ правительствомъ, въ особенности же подробно и очевидно изложены въ представленіи Государственному Совѣту бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Блудова, послужившемъ основою Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 19 октября 1833 года.

„Внесеніе въ Комитетъ Министровъ проэкта подобныхъ мѣръ предписано уже Высочайше утвержденнымъ журналомъ его 6 марта 1814 г., но доселѣ оставалось безъ исполненія. Нынѣ къ подобному представленію побуждаютъ меня, сверхъ обязанности исполнить вышеприведенное Высочайшее повелѣніе, еще слѣдующія обстоятельства: съ одной стороны невозможность отсрочивать улучшеніе рижскаго городскаго хозяйства до утвержденія нормальнаго бюджета для него Государственнымъ Совѣтомъ, ибо сему должно предшествовать коренное преобразованіе городскаго управленія

Риги, на что потребуется довольно значительное время, въ продолженіе котораго тамошнее хозяйство можетъ окончательно разстроиться, съ другой стороны—необходимость улучшить экономическіе способы рижскаго городскаго общества еще до означеннаго коренаго преобразованія, дабы сдѣлать его возможнымъ, т. е. не только погасить нынѣшній постоянный дефицитъ, но и создать значительные годовые остатки, для покрытія вновь предполагаемыхъ при преобразованіи штатныхъ издержекъ".

Комитетъ Министровъ высочайше утвержденнымъ журналомъ 28 сентября 1848 г., опредѣлилъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ сообщить внесенныя имъ въ Комитетъ Министровъ предположенія новому остзейскому генералъ-губернатору, съ тѣмъ: „во-первыхъ, чтобы онъ тѣ изъ нихъ, введеніе коихъ не представитъ затрудненій, предписалъ немедленно въ руководство городскому начальству при составленіи смѣты на 1849 годъ; во-вторыхъ принялъ зависящія отъ него мѣры къ возстановленію законнаго порядка въ управленіи г. Риги, въ случаяхъ гдѣ замѣчено нарушеніе онаго, а равно къ изготовленію по нѣкоторымъ статьямъ предположенныхъ подробныхъ предначертаній, и наконецъ въ-третьихъ, въ случаѣ неудобства исполнить нѣкоторыя изъ указываемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ мѣръ, представилъ о томъ неотлагательно съ своимъ заключеніемъ, ему министру, который и обязанъ будетъ по симъ предметамъ войти съ представленіемъ особо, куда по правиламъ слѣдовать будетъ".

Сообщая означенную Высочайшую волю остзейскому генералъ-губернатору, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отношеніи отъ 18 октября 1848 г., присовокупилъ слѣдующее:

1) „Предначертанія, кои слѣдуетъ принять въ руководство при изготовленіи рижскаго бюджета на 1849 г., изложены подъ статьями: 7, 8, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 28, 30, 31, 32, 34, 37, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 53, 70, 75, 81, 84, 86, 87, 97, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 132, 135 и 136. Для изготовленія смѣты, согласно съ тѣми изъ приведенныхъ статей, которыя будутъ одобрены Вашею Свѣтлостью, необходимо, по мнѣнію моему, созвать немедленно экстраординарную касса-коллегію. А такъ какъ изготовленіе бюджета, согласно съ новыми предначертаніями, можетъ потребовать времени и не поспѣть къ 1 числу будущаго января, то, въ подобномъ случаѣ, я полагалъ бы продлить дѣйствіе нынѣшней смѣты до 1 мая слѣдующаго года, новый же бюджетъ привести въ исполненіе со второй трети означеннаго года.

2) „Правила, касающіяся введенія должнаго порядка въ рижскомъ хозяйственномъ управленіи, взложены подъ статьями: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 12, 21, 24, 26, 27, 33, 38, 42, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 85, 88, 94, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 115, 116, 117, 118, 119, 124, 133, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144 и 145. Относительно мѣръ, которыя вамъ удобно будетъ принять для приведенія въ дѣйствіе этихъ статей, я буду имѣть честь ожидать увѣдомленія вашей свѣтлости.

3) „Предположенія, которыя должны быть составлены вслѣдствіе статей: 9, 10, 25, 29, 35, 36, 39, 40, 41, 50, 52, 63, 74, 83, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 120, 130, 131 и 134, я покорнѣйше прошу вашу свѣтлость сообщать мнѣ своевременно.

4) „Касательно тѣхъ предначертаній, которыя ваша свѣтлость изволите признать неудобоисполнимыми, я буду имѣть честь ожидать неотлагательнаго отзыва вашего“.

Г. генералъ-адъютантъ князь Суворовъ, не отвергая настоятельной надобности улучшенія рижскаго городскаго хозяйства, въ первомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ, отъ 3 декабря 1848 г., изъяснилъ по сему предмету: „я безусловно признаю общую необходимость преобразованій въ рижскомъ городскомъ хозяйствѣ, и уже имѣлъ случай лично убѣдиться во многихъ недостаткахъ его настоящаго устройства и въ справедливости многихъ замѣчаній ревизующей коммиссіи“; тѣмъ не менѣе журналъ Комитета Министровъ 28 сентября 1848 г., по встрѣтившимся затрудненіямъ, не былъ приведенъ въ дѣйствіе.

Самъ генералъ-губернаторъ, 17 ноября 1848 г., вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ, „дабы, по скорому наступленію 1849 г. и по невозможности ввести съ 1 мая того года, какъ полагаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, новый бюджетъ, дозволено было и на 1849 г. руководствоваться смѣтою 1847 г., во всей ея силѣ и безъ всякихъ измѣненій, а дѣйствіе новаго бюджета ввести съ 1850 года“.

Ходатайство это, по Высочайшему повелѣнію, внесено было въ Остзейскій Комитетъ, при чемъ доведено было до свѣдѣнія комитета, что изъ числа 55 статей, предложенныхъ касса-коллегіи для руководства при составленіи новаго бюджета, 30 статей еще до 1 января уже окончательно разсмотрѣны.

Вслѣдствіе сего Остзейскій Комитетъ, какъ изъяснено въ Высочайше утвержденномъ журналѣ его 27 января 1849 г., „усмотрѣвъ съ одной стороны успѣшность работы касса-коллегіи, а

съ другой, принимая во вниманіе объясненія генералъ-губернатора, что онъ не можетъ, по встрѣчаемымъ имъ затрудненіямъ, ввести въ дѣйствіе новую смѣту въ предложенный министромъ внутреннихъ дѣлъ срокъ, и соображаясь съ точнымъ разумомъ Высочайше утвержденнаго 12 октября 1848 г. положенія Комитета гг. Министровъ, по коему вмѣнялось въ обязанность генералъ-губернатору принять къ руководству, при составленіи бюджета, тѣ предположенія, немедленное исполненіе которыхъ не представитъ препятствій,—полагаетъ: по уваженію встрѣченныхъ генералъ-губернаторомъ препятствій, предоставить ему введеніе новой смѣты со второй половины текущаго года, т. е. съ 1 іюля: если же и за симъ приведеніе сего въ исполненіе представитъ уважительныя препятствія, то отдалить оное, согласно съ ходатайствомъ генералъ-адъютанта князя Суворова, до 1 января будущаго 1850 года".

Улучшенная смѣта дѣйствительно не была введена въ 1849 году и даже проэктъ исправленной смѣты на 1850 годъ поступилъ въ министерство уже 15 декабря 1849 г.

Дальнѣйшій ходъ дѣла о преобразованіи городового управленія.

Что касается до преобразованія рижскаго городоваго управленія, то предположенія о семъ представлены были старшимъ членомъ ревизующей коммиссіи министру внутреннихъ дѣлъ 11 іюня 1848 года.

По предварительномъ разсмотрѣніи сего труда, министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ его 16 августа, за № 3774, на заключеніе къ князю Суворову и, всеподданнѣйше донося объ этомъ Государю Императору, испрашивалъ разрѣшенія:

1) „По полученіи замѣчаній князя Суворова, разсмотрѣть ихъ, вмѣстѣ съ предположеніями коммиссіи, въ особомъ Комитетѣ по Остзейскимъ дѣламъ.

2) „Назначить въ комитетъ, съ совѣщательнымъ правомъ голоса, трехъ депутатовъ отъ рижскаго городскаго общества, по выбору магистрата, большой и малой гильдій.

3) „Одобренныя въ комитетѣ основныя начала представить, по установленному порядку, на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе и затѣмъ, по изготовленіи, на семъ основаніи, полнаго проэкта о рижскомъ городскомъ управленіи, внести оный въ Государственный Совѣтъ, для окончательнаго разсмотрѣнія".

Предположенія эти удостоены были Высочайшаго утвержденія.

Г. генералъ-адъютантъ князь Суворовъ доставилъ, 13 ноября 1848 года, требованныя отъ него соображенія, сущность коихъ заключалась въ слѣдующемъ:

1. Генералъ-губернаторъ признаетъ справедливость почти всѣхъ сдѣланныхъ ревизовавшею коммиссіею указаній на неустройства и безпорядки нынѣшняго городскаго управленія.

2. Онъ находитъ необходимымъ преобразовать сіе управленіе.

3. Тѣмъ не менѣе, проэктъ, начертанный коммиссіею, по мнѣнію генералъ-губернатора, не удобенъ въ исполненіи.

Послѣднее заключеніе г. генералъ-адъютантъ князь Суворовъ основываетъ на слѣдующемъ:

а) Предположенія ревизовавшей коммиссіи должны быть односторонни и пристрастны, ибо въ изложеніи дѣла она выставляетъ лишь одни недостатки рижскаго городскаго управленія, не говоря о достоинствахъ его; между тѣмъ невозможно, чтобы ихъ не было, такъ какъ въ подобномъ случаѣ Рига пришла бы въ разстройство и обѣднѣніе, чего однакоже нѣтъ въ дѣйствительности.

б) Ревизовавшая коммиссія сама признаетъ необходимость не прилагать къ Ригѣ общаго городскаго устройства въ имперіи, а произвести тамъ преобразованіе, примѣняясь къ мѣстному характеру историческаго развитія городской общины; но это признаніе коммиссія употребляетъ лишь для устраненія новаго Положенія о с.-петербургскомъ городскомъ обществѣ; въ собственномъ же проэктѣ своемъ предлагаетъ устройство, совершенно противоположное означенному мѣстному историческому характеру, ибо уничтожаетъ главную отличительную черту его,—замѣняя сословное управленіе представительнымъ.

в) Сверхъ того, предположенія коммиссіи имѣютъ направленіе, несогласное съ общими государственными началами, ибо распространяютъ право участія въ городскомъ управленіи на низшіе классы и предоставляютъ имъ въ старшинскомъ собраніи безусловное большинство голосовъ.

г) Наконецъ, предположенія коммиссіи не суть труды цѣлыхъ сословій, а только нѣсколькихъ коронныхъ чиновниковъ, не выдержавшіе опыта возраженій, и, хотя коммиссія усиливается доказать, съ одной стороны, неспособность городскихъ властей къ начертанію самостоятельныхъ улучшеній, съ другой—даже постоянное противодѣйствіе этихъ властей всякимъ усовершенствованіямъ, почему полагаетъ необходимымъ, чтобы правительство единственно своею властію и безъ вмѣшательства горожанъ установило новое устройство, но это положительно отвергнуто Высочайшимъ повелѣніемъ 23 августа, коимъ не дозволено разрѣшить вопросъ о преобразованіи рижскаго городскаго устройства безъ предварительнаго обсужденія проэкта о томъ городскими депутатами.

д) Посему князь Суворовъ полагаетъ нужнымъ не допускать проэктъ, начертанный ревизовавшею коммиссіею, даже до разсмотрѣнія въ Остзейскомъ Комитетѣ въ присутствіи городскихъ депутатовъ.

е) Но взамѣнъ сего, учредить въ Ригѣ, для изготовленія другаго проэкта, новую коммиссію, изъ 5 членовъ городскаго общества и 4 чиновниковъ, между которыми 3 по выбору генералъ-губернатора и одинъ изъ бывшихъ членовъ ревизовавшей коммиссіи.

Въ объясненіи, вытребованномъ по сему поводу отъ старшаго члена ревизовавшей коммиссіи, статскій совѣтникъ Ханыковъ донесъ слѣдующее:

1. Коммиссія, ревизовавшая рижское городское управленіе, при начертаніи проэкта новаго устройства его, имѣла въ виду: сохраняя неприкосновенными начала и учрежденія полезныя, замѣнять вредныя или обветшалыя—новыми. Очевидно, что при этомъ—оправданія и подкрѣпленія требовали преимущественно предполагаемыя нововведенія и что доказательство пользы и необходимости ихъ должно было заключаться въ разборѣ и указаніи недостатковъ того, что предполагалось замѣнить; хвалить же оставляемыя въ силѣ прежнія учрежденія, безъ всякаго оспариванія съ чьей-либо стороны, значило бы безполезно увеличивать и такъ уже обширное изложеніе дѣла, служащее вступленіемъ въ проэктъ коммиссіи. Тѣмъ не менѣе, въ двухъ мѣстахъ проэкта, коммиссія положительно указываетъ и защищаетъ преимущество двухъ основныхъ началъ рижскаго городскаго управленія, составляющихъ главное отличіе его отъ общаго городскаго устройства въ Россіи, а именно: право самоизбранія своихъ членовъ въ высшей административной инстанціи въ городѣ и пожизненность званія этихъ членовъ. Другія мѣстныя учрежденія, оспариваніе которыхъ не предусматривалось коммиссіею, сохранены въ проэктѣ безъ всякихъ объясненій, какъ, напримѣръ: существованіе обязательныхъ кандидатовъ на городскія мѣста въ формѣ братства, необходимость ученыхъ членовъ въ городской администраціи, и т. д.

Что касается до благосостоянія Риги, то оно зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ городскаго управленія, а отъ выгоднаго положенія города, замыкающаго устье водяной системы, которая объемлетъ 220,000 квадрат. верстъ [1]). При подобномъ условіи,

[1]) Мнѣніе это выражено впослѣдствіи самимъ генералъ-губернаторомъ въ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 28 февраля 1851 г., за № 609, гдѣ г. генералъ-адъютантъ князь Суворовъ, между прочимъ, говоритъ, «что

какъ бы ни было недостаточно мѣстное управленіе, въ Ригѣ всегда будетъ обширная торговля и зажиточные купцы. Посему, оцѣнку управленія слѣдуетъ производить, руководствуясь не этими соображеніями, а изучая положеніе учрежденій, непосредственно отъ администраціи зависящихъ; подобныя же учрежденія находятся большею частію въ неустройствѣ.

2. Замѣчаніе, что проэктъ ревизовавшей коммиссіи ниспровергаетъ всѣ исторически-развившіяся начала рижскаго городскаго устройства, основывается вѣроятно на недоразумѣніи.

Коммиссія въ проэктѣ своемъ объяснила, въ чемъ считаетъ существенный отличительный характеръ рижскаго городскаго управленія слѣдующими словами: „въ общемъ законодательствѣ имперіи высшая распорядительная власть въ городѣ образуетъ какъ бы уполномоченныхъ и повѣренныхъ отъ всего общества; въ Ригѣ, напротивъ, какъ и въ ганзейскихъ городахъ, считаютъ необходимымъ, чтобы власть эта составляла нѣчто отдѣльное, самостоятельное, но лишь подчиненное постоянному надзору и контролю общины“. Слова эти приведены остзейскимъ генералъ-губернаторомъ въ его замѣчаніяхъ и признаны совершенно справедливыми, а потому очевидно, что если въ проэктѣ коммиссіи сохранена непарушимо вышеизложенная особенность рижскаго управленія, то сей проэктъ нельзя считать ниспровергающимъ главныя историческія начала древняго городскаго устройства. Между тѣмъ, въ означенномъ проэктѣ отдѣленіе нынѣшняго магистрата, которому ввѣряется вся исполнительная часть, дѣйствительно остается на прежнемъ основаніи, т. е. члены его не избираются гражданами, а назначаются самимъ присутствіемъ, званіе ихъ пожизненно и степень власти не только не ограничивается, но даже усиливается.

Главнымъ доводомъ въ пользу своего отзыва генералъ-губернаторъ приводитъ, что коммиссія замѣняетъ сословное устройство управленія въ Ригѣ представительнымъ; но для оцѣнки этого довода необходимо разсмотрѣть: составлялъ-ли сословный порядокъ

мѣстныя понятія о преуспѣяніи г. Риги и его торговлѣ часто основаны на несоразмѣрной оцѣнкѣ вліянія его учредительныхъ особенностей и на систематическомъ уклоненіи отъ оцѣнки прямыхъ послѣдствій его географическаго положенія; между тѣмъ, едва-ли подлежитъ спору, что рѣка Двина, несмотря на ея пороги и отмели, а Рижскій заливъ, несмотря на неудобство образуемаго имъ порта, болѣе способствовали къ развитію благосостоянія г. Риги и его торговой дѣятельности, чѣмъ всѣ, когда-либо въ немъ дѣйствовавшія законоположенія, отъ временъ Ливонскаго Ордена до нашего времени».

подачи голосовъ въ общественныхъ дѣлахъ существенную, основную особенность рижскаго городскаго устройства?

Сущность сихъ особенностей заключается въ слѣдующемъ: высшая исполнительная власть, по городскому управленію въ Ригѣ, какъ уже сказано, сосредоточивается въ присутствіи, которое само назначаетъ пожизненныхъ членовъ своихъ. Но присутствіе это не вправѣ, безъ участія представителей общества, даже приводить въ исполненіе городскую смѣту; для начертанія же ея, равно какъ для утвержденія всякихъ новыхъ предположеній, требуется соглашеніе магистрата съ общиною. Соглашеніе это производится въ разныхъ видахъ: иногда большая и малая гильдіи установляютъ отдѣльно, по большинству голосовъ, требуемое отъ нихъ мнѣніе, и то изъ двухъ, съ которымъ согласится магистратъ, считается окончательнымъ. Но неудобство этого порядка издавна было ощущено въ Ригѣ, ибо: во 1-хъ, возникали случаи, въ которыхъ, какъ магистратъ, такъ каждая изъ гильдій были разнаго мнѣнія и слѣдовательно ни одно не могло получить законной силы; для устраненія сего, уже въ то время, подача голосовъ по сословіямъ замѣнена была порядкомъ, который генералъ-губернаторъ называетъ представительнымъ, т. е. какъ отъ магистрата, такъ отъ каждой гильдіи назначалось по 6-ти уполномоченныхъ для рѣшенія дѣлъ по простому большинству голосовъ; этотъ порядокъ введенъ и въ Сводъ Мѣстн. Узак. губ. остзейск., части II, ст. 204; во 2-хъ, при самостоятельномъ почти существованіи Риги подъ польскимъ и шведскимъ владычествомъ, часто возникали дѣла, кои признаваемо было неудобнымъ передавать на обсужденіе собраній большой и малой гильдій, а потому для рѣшенія этихъ случаевъ учреждены были камеральныя совѣщанія, гдѣ опять подача голосовъ по сословіямъ замѣнялась порядкомъ, который князь Суворовъ называетъ представительнымъ, т. е. какъ участвующіе въ собраніи члены магистрата, такъ и представители гильдій, именно ельтерманы, подавали мнѣніе поголовно и рѣшеніе опредѣлялось большинствомъ балловъ; совѣщанія эти продолжались до 1846 года, а въ Сводѣ Мѣстн. Узак. ч. I, ст. 458, пунктомъ 7 сохранены нынѣ для разрѣшенія построекъ; въ 3-хъ, наконецъ, даже для начертанія смѣты, разрѣшенія въ теченіе года сверхсмѣтныхъ издержекъ и отступленія отъ установленныхъ хозяйственныхъ правилъ, подача голосовъ по сословіямъ замѣнена была такъ-называемымъ представительнымъ порядкомъ, т. е. экстраординарною касса-коллегіею, въ коей уполномоченные магистрата, большой и малой гильдій рѣшали дѣла по простому боль-

ншинству голосовъ, что и утверждено Св. Мѣсти. Узак. губ. остз. ч. I, ст. 610.

Такимъ образомъ, уже во многихъ, и даже во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ подача голосовъ по сословіямъ замѣнена въ рижскомъ городскомъ управленіи порядкомъ, который князь Суворовъ именуетъ представительнымъ; только особенность этого представительства состоитъ въ томъ, что степень участія въ немъ разныхъ сословій опредѣляется не числомъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ (т. е. чѣмъ болѣе членовъ, тѣмъ болѣе и представителей), а, напротивъ, каждому сословію присвоивается въ общемъ собраніи представителей опредѣленное число голосовъ, независящее отъ многочисленности сословія.

Соображая съ вышеизложеннымъ предположенія коммиссіи, откроется, что присутствіе, завѣдующее распорядительною дѣятельностію въ городѣ, сохраняетъ совершенно нынѣшній характеръ свой и что даже власть его усиливается предоставленіемъ ему приводить въ исполненіе городскую смѣту безъ участія депутатовъ отъ городскихъ сословій. Начертаніе новой смѣты, разрѣшеніе сверхсмѣтныхъ издержекъ, и т. д., производится какъ нынѣ порядкомъ подачи голосовъ не по сословіямъ, а поголовно между представителями сихъ сословій. Представительство это устраивается такъ, что каждому сословію присвоивается опредѣленное число голосовъ, безъ соображенія съ многочисленностью сословія. Затѣмъ, единственная коренная перемѣна состоитъ въ распространеніи порядка рѣшенія дѣлъ не по сословіямъ, а въ общемъ собраніи уполномоченныхъ ими, на многіе случаи, которые нынѣ предоставлены обсужденію каждаго сословія отдѣльно и въ ограниченіи послѣдняго способа подачи голосовъ нѣкоторыми важнѣйшими дѣлами, когда это будетъ признано нужнымъ; таковое обобщеніе порядка, уже существующаго въ рижскомъ городскомъ управленіи, и преимущества котораго сознаны тамъ, едвали можно считать ниспроверженіемъ всѣхъ историческихъ началъ городскаго устройства Риги.

3. Относительно замѣчанія, что проэктъ коммиссіи противорѣчитъ какъ основнымъ началамъ рижскаго городскаго устройства, такъ духу нашего управленія вообще, потому что допускаетъ къ участію въ городскихъ дѣлахъ сословія, прежде того симъ не пользовавшіяся, и даже даетъ большинство голосовъ представителямъ низшихъ классовъ,—необходимо принять въ соображеніе слѣдующее: изъ историческаго обзора развитія рижской общины обнаруживается, что первоначально принимали участіе въ рѣшеніи

городскихъ дѣлъ только магистратъ и оптовое купечество, какъ мѣстное, такъ и иногородное. Съ теченіемъ времени, иногородные утратили свое право, а взамѣнъ ихъ пріобрѣли его сперва мелочные торговцы или кремеры, а потомъ и ремесленники. Но это однакоже отнюдь не составило ниспроверженія основныхъ началъ городскаго устройства Риги, а, напротивъ, было развитіемъ и усовершенствованіемъ ихъ; посему и нынѣ допущеніе къ участію въ городскихъ дѣлахъ новыхъ сословій можетъ быть признано лишь за улучшеніе общественнаго управленія.

Что распространеніе этого права на мѣщанъ и посадскихъ не противорѣчитъ духу нашихъ государственныхъ законовъ, очевидно изъ того, что означенные классы допущены къ участію въ городскихъ дѣлахъ во всемъ московскомъ государствѣ еще Іоанномъ IV, а по городовой грамотѣ 1785 г., вездѣ въ Россіи получили право избирать уполномоченныхъ, наравнѣ съ другими сословіями.

Наконецъ, замѣчаніе генералъ-губернатора, что проэктомъ ревизовавшей коммиссіи большинство голосовъ въ городскомъ управленіи усвоивается уполномоченнымъ отъ низшихъ сословій, проистекаетъ очевидно изъ недоразумѣнія.

Генералъ-адъютантъ князь Суворовъ причисляетъ къ представителямъ высшихъ сословій лишь избираемыхъ домовладѣльцами, литератами и биржевыми купцами — всего 12 человѣкъ, прочихъ же 38 старшинъ, выборъ которыхъ предоставленъ остальному купечеству, цеховымъ мастерамъ и ремесленникамъ, равно какъ мѣщанамъ, относитъ къ низшимъ классамъ.

Но въ объясненіе сего слѣдуетъ замѣтить: во 1) что между купцами, непринадлежащими къ биржѣ, находятся всѣ оптовые торговцы, занимающіеся торгомъ съ внутренними губерніями, или подрядами и поставками; въ числѣ этихъ лицъ есть милліонеры 1-й гильдіи и потомственные почетные граждане, а тѣмъ паче купцы 2-й гильдіи, и если они не въ большинствѣ, то, по нравственному вліянію своему, конечно будутъ всегда назначаемы въ представители торговцевъ, непринадлежащихъ къ биржѣ; во 2) что нѣмецкіе цеховые мастера будутъ несомнѣнно подавать голоса не заодно съ русскими ремесленниками, а напротивъ согласно съ биржевыми купцами. При таковомъ же разборѣ вѣроятной пропорціи голосовъ въ старшинскомъ собраніи въ пользу высшихъ городскихъ сословій окажется 34, въ пользу низшихъ же 16 человѣкъ.

По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, замѣчанія князя Суворова повелѣно было въ его присутствіи разсмотрѣть въ Остзейскомъ Комитетѣ, вызовъ же рижскихъ депу-

натовъ въ С.-Петербургъ отсрочить до рѣшенія вопроса о томъ, нужно ли учреждать въ Ригѣ новую коммиссію.

По исполненіе сего состоялся слѣдующій журналъ Остзейскаго Комитета,

„Комитетъ, въ двухъ засѣданіяхъ, бывшихъ 22 и 27 января сего года, разсмотрѣвъ, во исполненіе Высочайшей воли, переписку министра внутреннихъ дѣлъ съ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній относительно составленныхъ ревизовавшею рижскія городскія учрежденія коммиссіею предположеній объ устройствѣ тамошняго городскаго управленія, приступилъ къ разрѣшенію слѣдующихъ главныхъ вопросовъ.

„1. Какое, по общимъ нашимъ законамъ, представительство или участіе въ ономъ слѣдуетъ допустить для обывателей Риги, разумѣя сихъ послѣднихъ въ составѣ, указанномъ ст. 459 т. IX Св. Зак. о состояніяхъ?

„2. Какое, соотвѣтственно общимъ выгодамъ всѣхъ городскихъ жителей, дать устройство городовому управленію?

„3. Не должно ли выборы въ члены городоваго управленія и сроки служенія ихъ подчинить общимъ законамъ, оставя существующія въ Ригѣ братства при ихъ исключительныхъ правахъ, поколику они не касаются общаго гражданскаго и городскаго устройства и правъ, предоставляемыхъ всѣмъ другимъ жителямъ?“

Комитетъ, для разрѣшенія этихъ вопросовъ, полагаетъ:

По первому вопросу:

„Такъ какъ главнѣйшій недостатокъ нынѣ существующаго городскаго устройства заключается въ лишеніи значительнаго числа обывателей, признаваемыхъ во всей имперіи городскими сословіями, не только правъ представительства въ городскомъ управленіи, но даже участія въ раскладкѣ между собою податей и повинностей, то принять въ основаніе, чтобы права ихъ были во всѣхъ отношеніяхъ уравнены съ другими городскими жителями, поколику они въ правѣ будутъ пользоваться правами этими по занятіямъ ихъ, по имуществу, по личнымъ достоинствамъ, и вообще по тѣмъ условіямъ, кои требуются отъ прочихъ городскихъ жителей“.

По второму вопросу:

„Существеннѣйшая часть этого вопроса заключается въ настоящемъ устройствѣ рижскаго магистрата, который, при пожизненности и самопзбраніи своихъ членовъ, не только соединяетъ въ себѣ судебную и административную власть, но представляетъ въ составѣ общества отдѣльное сословіе. Кромѣ очевидно истекаю-

щихъ изъ сего важныхъ неудобствъ, гг. министры государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ находили, что настоящее учрежденіе магистрата, противорѣча съ общимъ городовымъ устройствомъ имперіи, Всемилостивѣйше дарованнымъ Верховною властію городскимъ обществамъ и составляющимъ по манифесту императора Александра I, изданному 2 апрѣля 1801 г., одинъ изъ коренныхъ и непреложныхъ законовъ государства, представляетъ совершенно другое начало и требуетъ необходимаго преобразованія

„Г. генералъ-губернаторъ, признавая съ своей стороны всю важность этого вопроса, объявилъ, что въ настоящее время не можетъ дать на это положительнаго отвѣта и, не желая отдѣлять его отъ той части труда, которая на него возлагается, просилъ о предоставленіи ему разрѣшить оный при подробномъ развитіи его предположеній.

„Комитетъ, находя, что вопросъ этотъ положительно составляетъ сущность самаго дѣла, полагаетъ предоставить развитіе его г. генералъ-губернатору, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ его въ должное соображеніе“.

„Наконецъ, по третьему вопросу, о братствахъ, комитетъ, разрѣшая оный утвердительно, полагаетъ оставить существующія нынѣ братства при ихъ исключительныхъ правахъ и неприкосновенности принадлежащихъ имъ теперь кассъ, только безъ сословныхъ преимуществъ въ составѣ городскаго общества, распространивъ, согласно съ отношеніемъ г. генералъ-губернатора къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 29 октября 1848 года, № 5846, права выборовъ въ общественныя должности на всѣхъ лицъ, которыя по закону могутъ имѣть на то права и принявъ въ соображеніе, что вмѣстѣ съ тѣмъ и городскія бенефиціи, которыя, какъ награды за общественныя службы, въ этомъ смыслѣ предоставляются нынѣ однимъ братьямъ (единственно имѣющимъ доступъ къ сему служенію), должны быть распространены на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ избраны въ общественныя должности“.

Засимъ комитетъ заключаетъ:

„1. Журналъ сей принять въ руководство къ начертанію основныхъ началъ проэкта будущаго устройства городскаго управленія и общины въ Ригѣ.

„2. Дальнѣйшее развитіе и начертаніе означеннаго проэкта въ 6-тимѣсячный срокъ возложить, подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ губернатора, на особую коммиссію, которую составить на мѣстѣ подъ предсѣдательствомъ и съ 2 членами изъ

коронныхъ чиновниковъ, по назначенію князя Суворова, изъ 2 членовъ отъ коммиссіи, ревизовавшей рижское городское управленіе, 1 депутата отъ магистрата, 2 отъ большой, 2 отъ малой гильдіи, и 2 отъ обывателей, къ гильдіямъ непринадлежащихъ, по назначенію же генералъ-губернатора".

Журналъ этотъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія 5 февраля 1849 г.

Такимъ образомъ, въ означенномъ году учреждены были въ Ригѣ, для улучшенія всѣхъ важнѣйшихъ частей городскаго устройства, четыре особыя коммиссіи, а именно: одна—для составленія проэкта новаго устройства городскаго управленія, другая—для начертанія новаго торговаго устава, третья—для преобразованія ремесленныхъ учрежденій, наконецъ экстраординарная касса-коллегія для опредѣленія мѣръ къ улучшенію городскаго хозяйства.

III *).

Просьбы, поданныя въ 1826 – 1829 годахъ русскими членами рижской городской общины, и объясненія, представленныя по этимъ просьбамъ рижскимъ магистратомъ.

Главное содержаніе этихъ просьбъ заключается въ слѣдующемъ:

Антиповъ объяснялъ, что, съ самаго покоренія Риги россійской державѣ, Русскіе начали селиться въ городѣ и тѣмъ умножили благосостояніе онаго. По введеніи же въ Лифляндіи учрежденія для управленія губерній въ 1783 г. велѣно принимать Русскихъ въ рижское купечество, а въ 1786 г. повелѣно руководствоваться въ Ригѣ Городовымъ Положеніемъ. Симъ постановленіемъ всѣ городскія сословія получили опредѣлительное и прочное устройство и управленіе, безъ различія вѣроисповѣданій. По прошествіи 16 лѣтъ со введенія въ Ригѣ сего Положенія, небольшое число гражданъ, составлявшихъ особое общество или братство, лишаясь чрезъ Городское Положеніе исключительной власти, симъ обществомъ себѣ присвоенной, управлять городомъ и всѣми доходами онаго, испросило, при восшествіи на престолъ Государя Императора Павла I, возстановленіе прежнихъ правъ и привилегій. Когда же, по восшествіи на престолъ Императора Александра I, городъ Рига испрашивалъ подтвержденіе прежнихъ правъ и привилегій, то Императоръ подтвердилъ оныя только, „елико онѣ сообразны съ общими государственными постановленіями и законами“. Братство отступило однакоже отъ таковой Высочайшей воли; ибо Городовое Положеніе, составляющее государственное постановленіе, не принято въ

*) См. стр. 523 этой книги.

руководство, и вся власть по всѣмъ частямъ городскаго управленія осталась исключительно въ рукахъ многочисленнаго общества и братства, къ явной обидѣ и притѣсненію всѣхъ прочихъ гражданъ особенно же грекороссійскаго исповѣданія. Неправильное присвоеніе братствомъ исключительной власти и происшедшій отъ того запутанности и затрудненія по управленію городскими доходами, а также неопредѣлительность правъ, были поводомъ къ учрежденію для разсмотрѣнія оныхъ комитета, коего дѣйствія кончились однако же объявленіемъ, 8 іюня 1805 года, Высочайшаго повелѣнія, что права города Риги имѣютъ остаться на прежнемъ основаніи, впредь до Высочайшаго объ нихъ постановленія.

Между тѣмъ братство, образованное на основаніи положенія о гильдейскихъ шрагахъ, завладѣло всѣми должностями городскаго управленія, не смотря на то, что оно составляетъ только пятидесятую или даже сотую часть всего числа русскихъ обывателей.

Изъ русскаго купечества никто не принимается въ братство: изъ онаго не избираются ни къ какимъ должностямъ, и, при важныхъ случаяхъ, все россійское купечество составляетъ одинъ только голосъ, равняющійся голосу одного гражданина, состоящаго въ братствѣ. Мѣщане же и ремесленники грекороссійскаго исповѣданія не причисляются даже къ малой гильдіи и не принимаются въ цехи.

Такимъ образомъ происходитъ, что, не смотря на равенство всѣхъ гражданъ, а въ томъ числѣ и русскихъ обывателей, въ платежѣ податей и исправленіи городскихъ повинностей, распоряженіе доходами городскими присвоено исключительно братствамъ, коихъ члены составляютъ самомалѣйшую часть всѣхъ гражданъ города.

Обѣднѣвшіе члены братства опредѣляются для поправленія своего состоянія къ городскимъ бенефиціямъ, или доходнымъ мѣстамъ, какъ-то: въ биржевые маклеры, браковщики и т. п., къ каковымъ несостоящіе въ братствѣ, а тѣмъ менѣе жители грекороссійскаго исповѣданія, никогда не допускаются. Тяжбы Русскихъ не только съ Нѣмцами, но и съ Русскими производятся по принятымъ въ Ригѣ иностраннымъ законамъ и на нѣмецкомъ языкѣ, что сопряжено съ множествомъ излишнихъ издержекъ.

Далѣе приводятся слѣдующія обстоятельства въ доказательство причиняемаго гражданамъ грекороссійскаго исповѣданія притѣсненія, прикрываемаго будто бы братствомъ.

1) Въ 1820 году, граждане грекороссійскаго исповѣданія про-

сили рижскаго военнаго губернатора о предписаніи магистрату помѣстить на открывшуюся вакансію биржеваго маклера одного изъ бѣднѣйшихъ гражданъ грекороссійскаго исповѣданія, но въ семъ отказано, на основаніи объявленія магистрата, что замѣщеніе сихъ мѣстъ предоставляется исключительно гражданамъ, состоящимъ въ братствѣ, и что сверхъ того Русскій не можетъ быть опредѣленъ въ такую должность по незнанію нѣмецкаго языка и внѣшней торговли. Несправедливость сего своекорыстнаго отзыва опровергается явно русскими маклерами, опредѣленными къ С.-Петербургскому порту.

2 Когда, въ 1825 году, магистратъ объявилъ, дабы граждане лютеранскаго исповѣданія, не вступившіе до 1822 г. въ братство, явились для принятія, то и Русскіе просили о принятіи ихъ въ братство, имѣя въ предметѣ, чтобы могли участвовать въ выборахъ къ должностямъ и чрезъ то находить въ судебныхъ мѣстахъ своихъ единовѣрцевъ, ограждающихъ ихъ справедливость. Дѣло сіе разсматривалось въ лифляндскомъ губернскомъ правленіи, которое, принимая въ основаніе изъясненія магистрата, отказало гражданамъ грекороссійскаго исповѣданія въ ихъ просьбѣ. Въ ономъ объясненіи магистратъ приводитъ въ оправданіе своего отказа: а) что братство есть соединеніе благомыслящихъ гражданъ для исполненія гражданскихъ обязанностей и должностей, что оно существуетъ съ давнихъ лѣтъ и присвоено привилегіями гражданамъ лютеранскаго исподѣданія; б) что братство исполняетъ многія должности, какъ-то: управленіе многочисленными общественными заведеніями, церквами и ихъ имѣніемъ, чего лица другаго исповѣданія учинить не могутъ; в) что братству предоставлены всѣ городскія должности, и дѣла производятся на нѣмецкомъ языкѣ; г) что россійское купечество не разумѣетъ нѣмецкаго языка и не можетъ доставить себѣ свѣдѣнія о постановленіяхъ, порядкѣ судопроизводства, существующихъ законахъ и предписаніяхъ, а потому и исправлять дѣлъ; д) что принятіе Русскихъ въ братство по онымъ причинамъ было бы для общества вредно; е) что Русскимъ ничто не препятствуетъ производить торговые промыслы, и они, въ семъ отношеніи будучи равны прочимъ гражданамъ, не несутъ обязанностей братства, которыя въ сравненіи съ выгодами весьма тяжки; и ж) что отзывъ, сдѣланный военнымъ губернаторомъ на просьбу Русскихъ о помѣщеніи изъ нихъ въ маклера, долженъ рѣшить и сіе дѣло.

Противу сихъ доводовъ магистрата Русскіе возражаютъ: а) если бы права и привилегіи города были утверждены и безъ всякаго

ограниченія, то и въ такомъ случаѣ оныя должны распространяться на всѣхъ водворенныхъ въ городѣ обывателей, а не на одно братство, коего члены составляютъ только 50-ю или 100 ю часть всего городскаго общества; б) права сіи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть преимущественнымъ достояніемъ Нѣмцевъ, къ униженію Русскихъ, которые живутъ въ Ригѣ болѣе 100 лѣтъ и суть природные граждане и коренные жители города; в) въ другихъ россійскихъ городахъ граждане безъ различія вѣроисповѣданія допускаются къ исправленію гражданскихъ должностей, не исключая даже Евреевъ; почему же въ Ригѣ не допускаются къ должностямъ Христіане господствующаго исповѣданія, коихъ число простирается до 12,000, тогда какъ число лютеранъ составляетъ въ ономъ около 23,000? г) если обязанности братства весьма тягостны, то почему члены онаго удаляютъ Русскихъ отъ участвованія въ оныхъ? д) незнаніе нѣмецкаго языка не можетъ быть причиною къ исключенію Русскихъ отъ общественныхъ должностей, ибо, во-первыхъ, многіе Русскіе знаютъ оный языкъ; во-вторыхъ, русской языкъ не долженъ быть чуждъ для жителей Риги, и наконецъ въ третьихъ, производство дѣлъ въ губернскомъ правленіи есть лучшее доказательство, что дѣла могутъ быть производимы и на русскомъ языкѣ: е) братство тщетно старается оправдать исключительно присвоенное имъ управленіе городскихъ доходовъ, состоящихъ изъ сборовъ, въ коихъ участвуютъ всѣ вообще граждане, тѣмъ обстоятельствомъ, что церкви и церковное имущество должны быть завѣдываемы протестантами: ибо управленіе церковныхъ дѣлъ вездѣ отдѣлено отъ дѣлъ гражданскихъ въ вѣдомство консисторіи: ж) братство напрасно вмѣняетъ Русскимъ въ особенное преимущество и выгоду предоставленную имъ свободу въ отправленіи торговыхъ промысловъ, ибо симъ же преимуществомъ пользуются и Нѣмцы; къ тому же, промыслы Русскихъ, умножая обращающійся въ городѣ капиталъ, доставляютъ городу не меньшую пользу, чѣмъ и самымъ промышленникамъ: 3) что же касается до показанія магистрата, что Русскимъ не могутъ быть извѣстны городскія постановленія и судопроизводство, то сіе доказываетъ единственно необходимость производства оныхъ на русскомъ языкѣ, а также того, чтобы въ судахъ были члены и изъ Русскихъ, дабы несвѣдущіе въ законахъ единовѣрцы ихъ могли найти въ нихъ охранителей ихъ правъ.

Оставляя дальнѣйшія возраженія, продолжаютъ просители, видимыхъ несправедливыхъ объясненій магистрата, стоитъ только обратить вниманіе на сдѣланное въ 1801 году подтвержденіе правъ

и привилегій: оныя дарованы не исключительно братству, но общему города Риги гражданству, безъ различія вѣроисповѣданій, слѣдовательно и гражданамъ грекороссійскаго исповѣданія; къ тому же нынѣ существующее братство весьма различествуетъ отъ братства въ томъ видѣ, какъ оно установлено городскими узаконеніями; ибо, по точному разуму сихъ узаконеній, подъ именемъ братства разумѣются всѣ вообще граждане, болѣе двухъ лѣтъ въ гражданствѣ состоящіе, такъ какъ по установленію, всякій обязанъ, по прошествіи двухъ лѣтъ съ принятія въ гражданство, вступать въ братство. Напротивъ сего, изъ числящихся въ Ригѣ 23,000 обывателей лютеранскаго исповѣданія, уроженцевъ сего города въ братствѣ не состоитъ и 1,000 чел., слѣдовательно остальное число не поступило въ братство или потому, что они по порочному поведенію недостойны того, или же потому, что братство не исполняетъ правилъ, постановленныхъ о пріемѣ въ оное; сіе послѣднее вѣроятно, потому, что въ семъ братствѣ состоятъ приписавшіеся въ гражданство иностранцы.

По таковомъ возраженіи противу доводовъ противной стороны, русскіе просители прописываютъ, что Городовое Положеніе, составляющее коренное узаконеніе для всѣхъ россійскихъ городовъ, силы въ Ригѣ единственно потому не имѣетъ, что оно противно интересу братства, тогда какъ положеніе сіе безпрекословно введено въ другихъ привилегированныхъ областяхъ, какъ-то въ Малороссіи; что въ самомъ постановленіи о вступленіи въ братство не сказано, чтобы въ ономъ находились только граждане лютеранскаго исповѣданія, почему съ недавняго времени стали принимать въ оное и католиковъ, и что переселяющіеся въ Ригу иностранцы принимаются въ цехи, лица же грекороссійскаго исповѣданія изъ сего исключаются и тѣмъ претерпѣваютъ сильное стѣсненіе въ производствѣ своихъ ремеслъ и промысовъ.

Основываясь на всемъ вышеписанномъ, означенные просители всеподданнѣйше просили.

1) „Чтобы права и привилегіи, дарованныя всѣмъ безъ исключенія гражданамъ города Риги, были въ той же степени распространены и на Русскихъ, съ тѣмъ чтобы, подъ предлогомъ оныхъ, они не были отдаляемы отъ городскихъ должностей“.

2) „Чтобы Городовое Положеніе 1785 г. было введено въ Ригѣ, тѣмъ болѣе, что въ царствованіе Государыни Императрицы Екатерины II, оное уже было въ полномъ дѣйствіи, впослѣдствіи же отклонено только по домогательству братства, изъ частныхъ онаго выгодъ“.

3) „Чтобы всѣ дѣла были производимы въ рижскихъ судебныхъ мѣстахъ на россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“.

Дополнительное прошеніе, поданное Антиповымъ 4 декабря 1826 г. и другимъ повѣреннымъ рижскаго общества купцомъ Грачевымъ 14 мая 1829 г., не содержитъ никакихъ новыхъ существенныхъ обстоятельствъ.

Въ прошеніи мѣщанина Филиппова изложено, что всѣ торгующіе въ Ригѣ русскіе мѣщане просили, 3 декабря 1826 г., о предоставленіи имъ, на основаніи дополнительнаго постановленія о гильдіяхъ отъ 14 ноября 1824 года, свободы въ отправленіи въ Ригѣ торговыхъ промысловъ, но, вмѣсто удовлетворенія ихъ просьбы, рижскій торговый судъ (веттгерихтъ) 31 января 1827 г. велѣлъ запереть ихъ лавки; на сіе принесена ими жалоба лифляндскому губернскому правленію, по распоряженію коего лавки ихъ и отперты, но только на два мѣсяца, дабы они въ теченіе сего срока могли распродать запасенный ими товаръ; все сіе учинено вслѣдствіе предписанія министерства финансовъ лифляндской казенной палатѣ, отъ 24 марта 1825 года, коимъ относительно къ городу Ригѣ, оставлено дѣйствіе 8 главы дополнительнаго постановленія 1824 года.—Просители утверждаютъ, что предписаніе сіе имъ вовсе неизвѣстно, и что оно не можетъ имѣть никакой силы, поелику: 1) рижскія привилегіи утверждены въ 1801 году только условно; 2) Высочайшее постановленіе 1824 года есть законъ общій для всѣхъ губерній, слѣдовательно и для Риги; 3) постановленіе сіе до 1827 г. было во всей Лифляндіи въ полномъ дѣйствіи, и 4) означенное предписаніе министра финансовъ, отъ 24 марта 1825 г., имъ, торгующимъ мѣщанамъ, не объявлено.— По симъ уваженіямъ просили они объ уравненіи ихъ въ торговыхъ правахъ съ прочими гражданами.

Въ прошеніи Щеголева, Воронова и Простакова, отъ имени русскихъ печниковъ, каменьщиковъ и кузнецовъ, изъяснено:

„Въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, около 80 семействъ русскихъ каменьщиковъ и печниковъ поселились въ городѣ Ригѣ и предмѣстьяхъ онаго и, ко всеобщему удовольствію гражданъ, занимались своимъ ремесломъ, что подтверждаютъ данныя имъ одобрительныя свидѣтельства; но въ 1822 году, магистратъ, по просьбѣ мастеровъ нѣмецкаго цеха, запретилъ Русскимъ дальнѣйшее отправленіе ремесла. На таковое дѣйствіе принесли они жалобу Правительствующему Сенату, который, указомъ отъ 31 іюля 1824 г., повелѣлъ рижскому военному губернатору разсмотрѣть сіе дѣло. Военный губернаторъ немедленно предписалъ учредить

для сего при магистратѣ особенную коммиссію. Сія коммиссія, состоявшая изъ однихъ Нѣмцевъ, постановила въ августѣ 1824 г., чтобы какъ въ каменьщичьемъ, такъ и въ печномъ цехахъ находились въ каждомъ не болѣе двѣнадцати русскихъ мастеровъ; чтобы сіи мастера имѣли каждый не болѣе двухъ работниковъ, состояли подъ надзоромъ одного нѣмецкаго цеховаго мастера и платили нѣмецкимъ мастерамъ изъ получаемой ими платы по 5 к. съ рубля. Отъ сего рѣшенія, тѣмъ болѣе тягостнаго для Русскихъ, что они платятъ равныя подати, искали они защиты въ манифестѣ 14 ноября 1824 г., коимъ значительно понижены повинности мѣщанъ; но и въ сей надеждѣ они обманулись, послику Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 31 декабря 1825 года, основываясь на предположеніяхъ рижскаго военнаго губернатора, подтвердилъ мнимыя привилегіи города Риги; вслѣдствіе чего запрещена имъ всякая работа, доколѣ они не дадутъ подписки въ выполненіи вышеписаннаго распоряженія коммиссіи. Они по сему просятъ: о снятіи съ нихъ побора въ пользу нѣмецкихъ мастеровъ и о дозволеніи имъ учредить особый россійскій цехъ, подъ надзоромъ: по казеннымъ постройкамъ — рижской инженерной команды, а по гражданскимъ — губернскаго архитектора“.

Въ прошеніи Алексѣя Кузнецова отъ 7 іюня 1827 г., поданномъ по довѣренности всѣхъ рижскихъ ремесленниковъ грекороссійскаго исповѣданія, изложено слѣдующее:

„Число рижскихъ гражданъ грекороссійскаго исповѣданія простирается до 12 т. душъ, несущихъ съ нѣмецкими гражданами равныя государственныя и городскія повинности. Сихъ гражданъ, не взирая на 22 пункт капитуляціи города Риги, не принимаютъ по причинѣ исповѣдуемой ими вѣры въ рижскіе ремесленные цехи, въ которые однакожъ предоставляютъ безъ разбора вступать иностранцамъ. Равнымъ образомъ магистратъ даже оставляетъ безъ исполненія ордеръ генералъ-прокурора отъ 29 сентября 1798 г., въ которомъ предписано распорядиться такимъ образомъ, чтобы не возбраняемо было русскимъ мастерамъ записываться въ цехи и, по запискѣ, работать, хотя бы они не учились въ цехахъ по Цунортовымъ правиламъ. Сверхъ того, по условному утвержденію блаженной памяти Императоромъ Александромъ I рижскихъ правъ и привилегій, Городовое Положеніе долженствовало бы оставаться въ Ригѣ въ полной силѣ; при всемъ томъ продолжаютъ признавать Русскихъ за чужихъ и, по причинѣ исповѣдуемой ими вѣры, лишаютъ ихъ правъ, которыя безпрепятственно предоставляются иностранцамъ. Указъ Правительствующаго Сената, отъ 31 декабря

1825 г. (о которомъ упомянуто выше въ изложеніи жалобы каменьщиковъ и печниковъ), довершаетъ сію несправедливость, ибо совершенно подчинитъ русскихъ игу нѣмецкихъ мастеровъ, не смотря на то, что въ постановленіи рижскаго губернскаго начальства, отъ 10 іюня 1818 года, именно сказано, что ко всѣмъ рижскимъ цехамъ надлежитъ допускать въ ученики, подмастерья и мастера всѣхъ вольныхъ и непорочныхъ христіанской религіи людей. Таковыя притѣсненія и претерпѣваемая нужда невольно заставляютъ Русскихъ иногда заниматься запрещеннымъ имъ промысломъ; привоенная же Нѣмцами монополія можетъ имѣть вредныя послѣдствія для самого города и для интереса казны при производствѣ торговъ на казенныя работы".

По всѣмъ симъ уваженіямъ россійскіе мастера разныхъ ремеслъ просятъ: 1) чтобы они безпрепятственно допускаемы были къ производству работъ по всѣмъ ремесламъ, безъ ограниченія числа работниковъ, и 2) чтобы они не были подвергаемы надзору нѣмецкихъ мастеровъ и установленному за мнимый ихъ надзоръ платежу.

Объясненія и доводы рижскаго магистрата заключались въ слѣдующемъ:

I. Противъ прошенія, поданныхъ купцами Антиповымъ и Грачевымъ отъ имени россійскаго рижскаго купечества: древнее учрежденіе города Риги, подтвержденное Высочайшими грамотами, существуетъ въ теченіе многихъ столѣтій съ промежуткомъ нѣсколькихъ токмо лѣтъ, въ продолженіе коихъ дѣйствовало въ Ригѣ Городовое Положеніе 1785 года. По сему учрежденію признается за дѣйствительнаго рижскаго гражданина только тотъ, кто, имѣя требуемыя закономъ качества, сдѣлался членомъ большой или малой гильдіи, не различая, впрочемъ, уроженцевъ города отъ поселившихся въ оном иностранцевъ, къ какому бы они народу ни принадлежали; тѣ же, кои, будучи только приписаны къ городу для платежа подушнаго оклада или къ мѣщанству, не вступили ни въ ту, ни въ другую гильдію, не могутъ пользоваться торговыми правами, принадлежащими исключительно дѣйствительнымъ рижскимъ гражданамъ. Таковыхъ, приписанныхъ только къ податному окладу, имѣется по ревизскимъ сказкамъ едва 10,000 душъ, т. е. гораздо менѣе противу числа, показываемаго противною стороною; ихъ число значительно уменьшится, если вычесть изъ онаго ремесленниковъ, которые, по мнѣнію магистрата, не могутъ быть сравниваемы въ правахъ съ православными.

2) Правда, городъ принималъ и Русскихъ въ число гражданъ, но не по всѣмъ отношеніямъ предоставлялъ имъ равныя съ дѣйствительными гражданами права; впрочемъ, пространство предоставленныхъ имъ правъ не могло оставаться для нихъ тайною, когда они, присягая на гражданство, обѣщались хранить городскіе уставы и обыкновеніе.

3) Что касается до того, умножилось ли благосостояніе города Риги чрезъ водвореніе въ немъ русскихъ обывателей, то это подлежитъ еще сомнѣнію и напротивъ того можно утвердительно сказать, что общее благосостояніе города отъ соперничества въ промыслахъ нынѣ значительно уменьшилось; доказательствомъ тому приводитъ магистратъ обѣдпѣніе многихъ гражданъ, принесенныя на нихъ по неплатежу долговъ жалобы, уменьшеніе цѣны домовъ, умножившееся число соискателей къ доходнымъ должностямъ и къ благотворительнымъ заведеніямъ.

4) Со времени введенія учрежденія для управленія губерніи, поселилось въ городѣ много Русскихъ и сіе подало поводъ къ измѣненію нѣкоторыхъ городскихъ учрежденій, но и тогда дѣла какъ въ Ригѣ, такъ и во всей губерніи производились на нѣмецкомъ языкѣ; въ судебныя мѣста опредѣлялись только знавшіе основательно сей языкъ, а въ разныя общественныя заведенія допускались только лица, для коихъ оныя первоначально учреждены.

5) Въ 1796 г., возвращено городу Ригѣ прежнее его учрежденіе, по тому уваженію, что оно существовало тамъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и служило къ основанію благосостоянія города и къ водворенію между жителями онаго добрыхъ правовъ и гражданскихъ добродѣтелей. Напрасно также думаютъ, что дѣйствіе Городоваго Положенія подтверждено грамотою, данною въ 1801 году. Если бы верховное правительство дѣйствительно положило возстановить въ Ригѣ Городовое Положеніе, то оно ясно объявило бы таковую волю, и мѣстныя начальства не дозволили бы городу отъ того уклониться.

6) Столь же несправедливо показаніе противной стороны, будто все управленіе города находится въ исключительномъ завѣдываніи братства. Напротивъ, въ немъ участвуютъ лица по выбору изъ всѣхъ трехъ сословій городскаго общества (отъ магистрата, большой и малой гильдій). Лица сіи даютъ ежегодно въ дѣйствіяхъ своихъ отчетъ магистрату, который также составленъ не изъ однихъ членовъ братства. Въ особенности городовая кассовая коллегія, коей члены избраны изъ всѣхъ трехъ сословій, подле-

житъ не только ежегодной ревизіи, производимой контролерами, избранными изъ всѣхъ 3 сословій, но и особенной повѣркѣ со стороны магистрата; сверхъ того, она состоитъ подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора и обязана отчетностію всему городскому обществу. То же наблюдается относительно квартирной коллегіи, въ которой, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія отъ 8 августа 1807 г., засѣдаютъ депутаты изъ разныхъ сословій, а въ числѣ ихъ и граждане грекороссійскаго исповѣданія. Коллегія сія состоитъ также подъ контролемъ всѣхъ трехъ сословій, т. е. магистрата, большой и малой гильдій.

7) Несправедливо показаніе, будто братство составляетъ малѣйшую часть, или даже не болѣе пятидесятой или сотой доли прочихъ гражданъ; показаніе сіе основано на ошибочномъ понятіи, будто всѣ мѣщане должны быть и дѣйствительными гражданами.

8) Что касается до права голоса гражданъ, не состоящихъ въ братствѣ, то и по сему предмету показаніе россійскихъ просителей несогласно съ истиною: ибо несправедливо, будто въ общественныхъ собраніяхъ все россійское купечество имѣетъ не болѣе одного голоса, равняющагося голосу одного дѣйствительнаго рижскаго гражданина; напротивъ, во всѣхъ совѣщаніяхъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся всего городскаго общества, несмотря на степень ихъ важности, всѣ вообще граждане, не исключая Русскихъ, принятыхъ въ гражданство, имѣютъ равные голоса. Такимъ образомъ и Русскіе, наравнѣ съ прочими, подаютъ голоса при выборѣ гильдейскихъ ельтермановъ, докмановъ и старшинъ, маклеровъ, браковщиковъ, важниковъ и другихъ должностныхъ лицъ; разница только въ томъ, что одни члены братства могутъ быть избраны въ сіи должности. Русскіе участвуютъ также въ избраніи директоровъ учетной конторы, которые должны быть избираемы изъ купцовъ 1 или 2 торговой гильдіи, хотя бы они не были членами братства; наконецъ, участвуютъ они и въ совѣщаніяхъ объ общественныхъ складахъ и о дѣлахъ, касающихся всего города, торговли и т. д.

9) Что касается до жалобы Русскихъ объ употребленіи въ производствѣ дѣлъ какъ въ магистратѣ, такъ и въ нижнихъ судебныхъ мѣстахъ нѣмецкаго языка, то не должно упускать изъ виду, что городъ Рига основанъ Нѣмцами и на германскихъ законахъ, и что верховное правительство онаго въ древности было германское. При принятіи польскаго подданства, городъ не только оставленъ при древнемъ учрежденіи и правахъ своихъ, но всѣ данныя оному отъ польскаго правительства повелѣнія и грамоты были

писаны на латинскомъ языкѣ, который въ старину былъ въ равномъ употребленіи съ нѣмецкимъ. Шведское же правительство употребляло въ сношеніяхъ своихъ съ Ригою нѣмецкій языкъ. Во время присоединенія Риги къ Россіи предоставлено ему употребленіе нѣмецкаго языка и начальство изъ лицъ нѣмецкой націи. Такимъ образомъ нѣмецкій языкъ во всѣ времена признанъ за главный въ городѣ Ригѣ языкъ, положенъ въ основаніе при обученіи юношества и составляетъ отечественный языкъ большаго числа жителей города Риги, такъ какъ и всѣхъ остзейскихъ областей. Къ тому же свойственнѣе, чтобы пришельцы навыкали языку коренныхъ жителей, между коими они для выгодъ своихъ поселяются, нежели чтобы сіи коренные жители въ угодность пришельцамъ отказались отъ собственнаго своего языка. Жалобы Русскихъ, будто они не могутъ ожидать справедливаго суда и расправы въ своихъ тяжбахъ и будто они подвергаются при семъ разнымъ притѣсненіямъ, неосновательны: они предъ судомъ совершенно равны съ прочими жителями, даже опредѣлены особенные присяжные переводчики для перевода судныхъ рѣчей Русскихъ при словесно производимыхъ тяжбахъ; по дѣламъ же, производимымъ формально на письмѣ, какъ Русскіе, такъ и Нѣмцы должны имѣть присяжныхъ адвокатовъ, изъ коихъ большая часть свѣдущи въ русскомъ языкѣ. Въ невѣдѣніи мѣстныхъ законовъ Русскіе должны винить самихъ себя, ибо они имѣютъ равную со всѣми прочими гражданами обязанность и возможность узнать ихъ.

10. Обществу русскихъ купцовъ конечно отказано было въ прошеніи объ опредѣленіи одного русскаго купца въ должность биржеваго маклера; но къ тому имѣлись особыя причины, а именно: въ старину не было почти никакого различія между гражданами и братствомъ, ибо всякій гражданинъ долженствовалъ вступить въ братство и обязаться чрезъ то къ несенію городскихъ службъ. Существенное различіе между братьями и гражданами возникло лишь съ раздѣленія купечества на три гильдіи и со введенія подати съ купеческихъ капиталовъ; ибо, для соглашенія сего распорядка съ мѣстными постановленіями о большой гильдіи, стали принимать въ купцы многихъ людей не лютеранскаго исповѣданія, желавшихъ производить въ городѣ купеческіе промыслы, требуя отъ нихъ только доказательства о законномъ рожденіи отъ родителей свободнаго состоянія, о записке въ городское общество и о надлежащемъ обученіи торговлѣ. Сіи лица не имѣютъ лежащей на гражданахъ лютеранскаго исповѣданія обязанности вступить въ братство. Правда, что католики нашли случай войти въ брат-

ство, но это потому, что не различіе вѣры препятствуетъ къ принятію въ опое, а то обстоятельство, что лица, не знающія нѣмецкаго языка и мѣстныхъ законовъ и учрежденій, при всевозможномъ усердіи, не могутъ быть полезными членами общественнаго управленія, а еще менѣе приносить пользы по завѣдыванію дѣлами протестантскихъ церквей и богоугодныхъ заведеній; по сей только причинѣ Русскіе, пользующіеся, впрочемъ, всѣми правами гражданства, не могли досель быть приняты въ братство и получать предоставленныхъ однимъ братьямъ доходныхъ мѣстъ и бенефиціи. Если они желаютъ пользоваться наравнѣ съ протестантами выгодами, проистекающими отъ заведеній, основанныхъ протестантскими ихъ предками, то невозбранно имъ учредить отъ себя таковыя же заведенія; подобно сему въ дирекціи призрѣнія бѣдныхъ, учрежденной въ 1802 г., Русскіе имѣютъ равное съ прочими гражданами участіе.

Магистратъ въ заключеніи объясняетъ, что, поелику главная цѣль братства есть обязать гражданъ къ общему, безвозмездному участвованію въ дѣлахъ, касающихся блага всего общества, для чего необходимо знаніе нѣмецкаго языка и мѣстныхъ учрежденій и законовъ, то въ принятіи въ опое православныхъ Русскихъ не будетъ никакого препятствія, если они предварительно пріобрѣтутъ права гражданства, выполнятъ все то, что требуется отъ члена братства и окажутъ равную способность служить съ пользою городскому обществу.

Не подвержено также сомнѣнію, что и русскіе ремесленники на такомъ же основаніи, какъ и нѣмецкіе, могутъ быть приняты въ цехи, въ члены малой гильдіи, и, буде окажутся достойными, то даже и въ члены малогильдейскаго братства.

Такимъ образомъ, присовокупляетъ магистратъ, исчезла бы причина, для коей граждане грекороссійскаго исповѣданія, въ противность существующему городскому устройству и желаемому ими равенству въ правахъ, нынѣ ходатайствуютъ о дозволеніи имъ производить отдѣльно выборы въ должности и составлять, ко вреду всего городскаго общества, отдѣльное сословіе.

II. Противъ прошеній, поданныхъ отъ имени русскихъ ремесленниковъ и мѣщанъ, рижскій магистратъ объясняетъ, что въ упомянутомъ распоряженіи коммиссіи, утвержденномъ указомъ Правительствующаго Сената, отъ 31 декабря 1825 г., между прочимъ постановлено, чтобы, для отвращенія опасности отъ огня, работы русскихъ печниковъ и каменьщиковъ были осматриваемы нѣмецкими цеховыми мастерами, съ тѣмъ, чтобы за таковой трудъ они

взимали съ каждаго рубля полученной за работу платы по 5 коп. Всѣмъ прочимъ русскимъ мастеровымъ дозволено производить свое ремесло и имѣть для сего помощниковъ съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ, несмотря на то, что имъ, яко не цеховымъ, по ремесленнымъ уставамъ, сего предоставлять не слѣдовало; впрочемъ, сборъ по 5 коп. съ заработаннаго рубля взимается только съ каменьщиковъ и печниковъ, а не съ прочихъ ремесленниковъ, какъ надлежало бы заключать изъ прошенія Кузнецова.

Обстоятельство, что русскіе ремесленники, записанные въ рижское мѣщанство, получили отказъ въ принятіи ихъ въ малую гильдію и цехи, основано отчасти на устройствѣ сей гильдіи, а отчасти на томъ, что ремесленники сіи не могутъ доказать, что они учились ремеслу порядкомъ, установленнымъ въ цеховыхъ законахъ, какъ сіе вмѣняется имъ въ обязанность и въ ремесленномъ положеніи 1785 года.

Для лучшаго усмотрѣнія правъ рижскихъ промышленниковъ и ихъ цеховыхъ отношеній, предлагается за симъ выписка изъ изданнаго 10 іюля 1818 г. лифляндскимъ губернскимъ правленіемъ, по выслушаніи мнѣнія магистрата, постановленія о рижскихъ цехахъ. Въ постановленіи семъ заключаются существенно слѣдующія распоряженія.

1) Постановляется, чтобы впредь въ цехахъ могло быть неограниченное число мастеровъ. Изъ сего изъяты: цехъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, въ коихъ не можетъ быть мастеровъ болѣе того числа, какое существовало въ 1818 году, и цехъ трубочистовъ, въ коемъ число мастеровъ не должно превышать 7.

2) Въ облегченіе желающихъ получить званіе мастеровъ дѣлаются слѣдующія распоряженія: а) отмѣняется такъ-называемый искусъ (Muthen), т. е. обязанность подмастерьевъ, просящихъ о производствѣ въ мастера, находиться, до сдѣланія пробной работы, извѣстное время у одного цеховаго мастера для испытанія искусства его; изъ сего, по важности ремесла, изъемлются печники, плотники, каменьщики и слесаря, которые обязаны находиться въ искусѣ одинъ годъ, каковой срокъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не долженъ быть ни продолжаемъ, ни сокращаемъ; б) для пробной работы велѣно задавать дѣлать простыя вещи и такого рода, чтобы можно было найти онымъ покупщиковъ; в) уменьшены разные сборы, сопряженные съ полученіемъ званія мастера.

3) Всѣ свободные, неопороченные люди христіанской вѣры должны быть допускаемы по всѣмъ ремесламъ въ ученики, подмастерья и мастера.

4) Холостые подмастерья не должны имѣть преимущества предъ женатыми.

5) Всѣ впредь принимаемые ученики должны выслужить въ семъ званіи узаконенные годы, а потомъ вступить въ званіе подмастерьевъ, если они не хотятъ оставить ремесла и избрать другой родъ жизни.

6) Дабы не вывелась полезная для ремесла обязанность выученныхъ подмастерьевъ дѣлать для усовершенствованія въ ремеслѣ путешествія, то запрещается, чтобы выученные подмастерья, какъ холостые, такъ и женатые, начинали произвольно заниматься своимъ ремесломъ, не совершивъ предварительно требуемаго путешествія.

7) Запрещается подмастерьямъ, особенно въ каменьщичьемъ и плотничьемъ цехахъ, самимъ заключать договоры о работѣ; въ каждомъ контрактѣ надлежитъ поименовать мастера, которому поручается надзирать за оною.

8) Согласно ремесленному положенію 1785 г., разрѣшается и нецеховому снискивать себѣ работою пропитаніе, независимо отъ цеха; но таковой ремесленникъ не можетъ держать работниковъ и помощниковъ; отъ сего разрѣшенія изъемлются однакожъ слесаря.

9) Такъ-называемые малые цехи, башмачниковъ, портныхъ и кузнецовъ, должны отличаться отъ большихъ цеховъ только тѣмъ, что отъ вступающихъ въ оные не требуется, чтобы они были рижскими гражданами и выучились мастерству по всей строгости цеховыхъ правилъ, а только, чтобы они представили надлежащимъ образомъ сдѣланную работу; признанные въ сихъ цехахъ за подмастерьевъ не прежде признаются за подмастерьевъ въ большихъ цехахъ, какъ по нахожденіи въ оныхъ у надлежащихъ мастеровъ въ продолженіе извѣстнаго времени, и именно, смотря по ихъ способности, отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ.

10) Впрочемъ, малые цехи обязаны принимать въ ученики, подмастерья и мастера всякихъ свободныхъ и неопороченныхъ людей, къ какому бы христіанскому исповѣданію они ни принадлежали.

ЗАПИСКИ

ПО ОСТЗЕЙСКОМУ ВОПРОСУ.

1846—1849 г.

О значеніи и степени обязательности привилегій въ Остзейскомъ краѣ.

Прослѣдивъ историческое развитіе рижскаго муниципальнаго устройства до настоящаго времени, мы должны теперь извлечь практическій результатъ изъ всего предыдущаго и рѣшить вопросъ о томъ: до какой степени оно обязательно для высшаго правительства и можетъ ли послѣднее, не нарушая признанныхъ имъ правъ, предпринять какое либо въ немъ преобразованіе.

Вопросъ этотъ долженъ быть разсмотрѣнъ съ двухъ точекъ зрѣнія: исторической и юридической, и потому, становясь на первую, мы считаемъ не излишнимъ повторить вкратцѣ рядъ важнѣйшихъ фактовъ, заключающихъ въ себѣ свидѣтельство прошедшихъ вѣковъ.

Отношенія Риги къ верховнымъ владыкамъ Лифляндіи видоизмѣнялись сообразно съ характеромъ и степенью ихъ власти. Основанная епископомъ, владѣвшимъ завоеванною имъ частью Остзейскаго края въ качествѣ ленника папы, Рига признавала въ немъ и въ преемникахъ его своихъ господъ, была имъ непосредственно подчинена и пользовалась правами, отъ нихъ же полученными. Права эти, изложенныя въ привилегіяхъ XIII и XIV вѣковъ, впослѣдствіи значительно распространялись, частью съ согласія и утвержденія господъ, частью безъ вѣдома ихъ, вслѣдствіе естественнаго возрастанія города и при благопріятныхъ для упроченія его самостоятельности

распрях между представителями церковной и свѣтской власти, въ XV и XVI вѣкахъ. Въ продолженіе всего этого времени городъ предоставленъ былъ самому себѣ; архіепископы и гермейстеры, воевавшіе за Ригу и противъ нея, требовали отъ гражданъ изъявленія подчиненности, содѣйствія во время войны и денегъ, но они вовсе не управляли ими и въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла. Весьма естественно, что при такихъ отношеніяхъ къ верховнымъ владыкамъ края, городъ пріобрѣлъ почти государственное значеніе. Онъ имѣлъ свой судъ, на который въ рѣдкихъ только случаяхъ допускалась аппелляція, право законодательное, право принимать кого хотѣлъ въ граждане на условіяхъ имъ предписанныхъ, право безотчетнаго управленія своимъ имуществомъ, право опредѣлять порядокъ производства торговли внутренней и внѣшней, право стапельное, право содержать войско, бить монету, заключать съ сосѣдними областями и городами союзы и договоры. При поступленіи Риги подъ владычество Польши, всѣ эти права были признаны, поколику они были сообразны съ господствовавшими юридическими понятіями (jure publico) и общественными пользами, но они неминуемо должны были придти въ столкновеніе съ правами верховной власти. Войдя въ составъ государства, городъ долженъ былъ отказаться отъ притязаній на государственную самостоятельность и лишиться тѣхъ преимуществъ своихъ, которыя обусловливались средневѣковымъ разъединеніемъ сословій и отсутствіемъ всякаго единства. Съ этого времени начался рядъ ограниченій. Порядокъ аппелляціи на городской судъ былъ опредѣленъ точнѣе и строже; для введенія въ дѣйствіе новыхъ законовъ предписано было испрашивать разрѣшеніе верховной власти и т. д. Шведское владычество началось съ того же самаго, съ чего и Польское, то есть оно утвердило съ такимъ же ограниченіемъ существовавшія въ Ригѣ права и учрежденія; но исторически необходимое расширеніе государственнаго начала и стѣсненіе сословныхъ и мѣстныхъ привилегій должно было идти своимъ чередомъ. Введены были новые налоги и повинности для защиты и обезпеченія всего края, изъяты были изъ вѣдомства городскаго суда нѣкогда подлежавшіе ему коронные

чиновники, дворянамъ позволено было покупать въ городѣ дома; все это было противно древнимъ привилегіямъ или притязаніямъ города; издано было въ отмѣну старыхъ постановленій множество новыхъ законовъ; вообще законодательная власть перешла отъ города къ правительству, а дипломатическія сношенія его съ сосѣдними областями сами собою прекратились. При поступленіи Риги подъ владычество Россіи, Петръ I сдѣлалъ то же, что Стефанъ Баторій и Густавъ-Адольфъ: онъ призналъ и утвердилъ существовавшій въ городѣ порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его засталъ; за тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ этого требовали интересы самого города, выгоды другихъ сословій или польза государственная, неразрывно связанная съ первыми, но превышающая ихъ, слѣдовалъ цѣлый рядъ нововведеній и отмѣнъ прежнихъ городскихъ правъ и преимуществъ. Такъ вскорѣ послѣ завоеванія Остзейскаго края, упразднена была должность бургграфа, и городъ утратилъ право суда надъ дворянами; у гражданъ отнято было право покупать имѣнія въ уѣздахъ, у города—право, по истеченіи двухъ лѣтъ, удерживать бѣглыхъ крѣпостныхъ людей и бить монету; при Екатеринѣ II возложена была на городское начальство обязанность ежегодно представлять генералъ-губернатору отчеты въ употребленіи городскихъ доходовъ; почти вся полицейская власть перешла въ руки коронныхъ чиновниковъ; при изданіи торговаго устава, запрещено было городу измѣнять отъ себя тарифъ, налагать пошлины и увеличивать торговые сборы—все это признано было дѣломъ государственнымъ; вскорѣ послѣ того, правительство предписало условія для вступленія въ городское общество и ограничило право безотчетнаго отказа; эти законы остались въ силѣ и по отмѣнѣ общаго городоваго положенія, введеннаго Екатериною; въ нынѣшнее царствованіе уничтожено было стапельное право города Риги; отмѣнены были многія съ духомъ времени несообразныя ограниченія въ пріемѣ въ гильдіи, братства и цехи, наконецъ отмѣнена привилегія, по которой жидамъ запрещено было жить въ городѣ, и нѣкоторые изъ нихъ приписаны были къ Ригѣ. Изъ этого видно, что почти всѣ привилегіи, которыми городъ пользовался въ XV и XVI вѣкѣ, въ продолженіе трехъ послѣдующихъ вѣковъ

частью сами собою уничтожились, частью были отмѣнены правительствомъ, частью отошли отъ города къ верховной власти и коронным чиновникамъ; напротивъ того, нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, изъятіе гражданъ отъ берегового права, отъ испытанія желѣзомъ и отъ поля, право подлежать исключительно установленнымъ для нихъ судебнымъ инстанціямъ, утратили свойство привилегій и сдѣлались достояніемъ всѣхъ лицъ и сословій въ государствѣ; наконецъ, взамѣнъ утраченныхъ преимуществъ, граждане получили отъ верховной власти новыя, которыхъ прежде не имѣли, напримѣръ, изъятіе отъ рекрутской повинности натуральной, всѣ права по службѣ коронной, возможность пріобрѣтать дворянское достоинство личное и потомственное.

Внутреннее муниципальное устройство города Риги также видоизмѣнялось, но подъ вліяніемъ другихъ началъ. Въ XIII вѣкѣ городское общество состояло изъ магистрата и гражданъ. Магистратъ въ то время не составлялъ еще сословія, но коллегіальное присутственное мѣсто судебное и административное, коего составъ ежегодно возобновлялся. Граждане, пользуясь общими правами, дарованными городу какъ нераздѣльной юридической личности, отличались этимъ отъ простыхъ обывателей, не имѣвшихъ права мѣстнаго гражданства и въ то время весьма не многочисленныхъ; но сами граждане, въ составѣ городскаго общества, также не имѣли еще сословной организаціи и были безусловно подчинены магистрату, какъ высшему городскому начальству. На ряду съ ними существовала въ городскомъ обществѣ компанія или дружина иногородныхъ купцовъ и пилигримовъ (позднѣе принявшая названіе шварцъ-гейптеровъ), временно проживавшихъ въ Ригѣ, но принимавшихъ участіе въ походахъ гражданъ и участвовавшихъ наравнѣ съ ними въ раздѣлѣ завоеванныхъ земель.

Въ XIV вѣкѣ составныя начала городскаго общества рѣзче обозначились и стали подраздѣляться. Члены магистрата вмѣсто того, чтобы ежегодно сдавать свои должности другимъ ими же избраннымъ лицамъ, какъ это было въ XIII вѣкѣ, присвоили себѣ право на пожизненное ихъ отправленіе, и въ томъ только случаѣ стали приступать къ выборамъ, когда

между ними, по смерти одного или нѣсколькихъ членовъ, открывались ваканціи. Затруднивъ для простыхъ гражданъ вступленіе въ среду свою, магистратъ черезъ это самое разобщился съ ними и придалъ себѣ въ составѣ городскаго общества значеніе независимой и полновластной олигархіи. Съ своей стороны граждане раздѣлились на два общества или двѣ гильдіи, торговую и ремесленную, и каждая изъ нихъ получила сословную организацію; но кругъ ихъ дѣятельности ограничивался дѣлами внутренняго ихъ управленія и судебною частью, а общегородскими дѣлами по прежнему завѣдывалъ магистратъ, никому не отдавая отчетовъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ XV вѣкѣ, въ эпоху почти безпрерывныхъ распрей и войнъ между архіепископами и гермейстерами, въ которыхъ городъ принималъ постоянное участіе въ качествѣ союзника той или другой стороны, ельтерманамъ обѣихъ гильдій естественно представлялись случаи подавать отъ себя голосъ въ качествѣ представителей гражданъ, не менѣе магистрата заинтересованныхъ въ предохраненіи города отъ угрожавшихъ ему опасностей. Такимъ образомъ гильдіи пріобрѣли совѣщательное участіе въ дѣлахъ внѣшней политики и уже въ то время не разъ и не безъ успѣха противодѣйствовали магистрату. Въ концѣ этого столѣтія, ельтерманы, а иногда и старшины вмѣстѣ съ депутатами отъ магистрата участвовали въ посольствахъ, въ переговорахъ съ архіепископами и гермейстерами и подписывали трактаты отъ имени города. Между тѣмъ, общество иногородныхъ купцовъ утратило прежнее свое значеніе и было совершенно устранено отъ всякаго участія въ дѣлахъ городскаго управленія.

Въ XVI вѣкѣ кругъ дѣятельности обѣихъ гильдій значительно расширился. Руководствуясь въ употребленіи городскихъ доходовъ не столько общественными пользами, сколько своими сословными выгодами, магистратъ истощилъ городскую казну и приведенъ былъ къ необходимости въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился городъ, прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ, а именно къ налогамъ на торговлю, на пивовареніе и на частное имущество городскихъ жителей; но граждане успѣли уже въ то время

поставить себя въ такія отношенія къ своему начальству, что безъ ихъ согласія не было для магистрата никакой возможности осуществить свои финансовыя предположенія. Онъ долженъ былъ обращаться къ гильдіямъ съ просьбами и черезъ это дѣлать ихъ какъ бы судьями въ вопросахъ общественнаго управленія. Граждане не упустили воспользоваться этими случаями; изъявляя свое согласіе на принятіе мѣръ, предлагаемыхъ магистратомъ, они въ то же время стали доводить до него всякаго рода жалобы на слабость надзора за производствомъ торговли и всякихъ промысловъ, на безпорядочное управленіе различными отраслями городскаго хозяйства, наконецъ, стали заключать съ нимъ формальныя условія, обязывать его къ изданію законовъ и къ принятію мѣръ ими предлагаемыхъ. Такимъ образомъ граждане пріобрѣли совѣщательное участіе въ управленіи и въ законодательствѣ и возможность принуждать магистратъ къ принятію ихъ требованій, но все это ограничивалось тѣми случаями, въ которыхъ самъ магистратъ призывалъ ихъ себѣ на помощь. Такое отношеніе городскаго начальства къ подчиненному обществу не могло удовлетворить ни того, ни другаго. Магистрату, не терявшему надежды воротить все уступленное имъ, оно было ненавистно, какъ ограниченіе его произвола; граждане, принужденные довольствоваться обѣщаніями магистрата, съ негодованіемъ обличали его въ неисполненіи ихъ, но не имѣли средствъ постоянно наблюдать за его дѣйствіями. При этихъ обстоятельствахъ городское общество естественно раздѣлилось на двѣ партіи, почти равносильныя, такъ что каждая изъ нихъ была въ состояніи парализировать другую, но не побѣдить ее; въ то же самое время начались распри между большою и малою гильдіею о распредѣленіи между ними городскихъ промысловъ, и магистратъ не только не былъ въ состояніи прекратить ихъ, но, напротивъ, пользовался ими для обезсиленія своихъ противниковъ. Взаимное ожесточеніе всѣхъ этихъ партій дошло до того, что для водворенія тишины въ городѣ, владыки края, несмотря на равнодушіе и пренебреженіе ихъ къ внутреннимъ дѣламъ городскаго общества, вынуждены были въ нихъ вмѣшаться. Въ 1500 г. архіепископъ Михаилъ и магистръ Плеттенбергъ издали отъ себя согла-

шеніе, въ которомъ предписывали гражданамъ воздавать должную честь магистрату, а ему не налагать на нихъ новыхъ тягостей безъ разрѣшенія верховныхъ владыкъ края. Въ 1510, 1541 г. архіепископъ и магистръ издали также грамоты для примиренія обѣихъ гильдій, согласно съ требованіями малой и въ противность домогательствамъ большой.

Въ послѣднихъ годахъ XVI и въ самомъ началѣ XVII вѣка, по поводу изданія Грегоріанскаго календаря, давнишнія распри между гражданами и магистратомъ перешли въ открытое возстаніе и произвели страшный мятежъ. Обѣ гильдіи принудили магистратъ отречься въ ихъ пользу отъ большей части его власти и подписать такъ называемый контрактъ 1585 г.; но польское правительство, укротивъ возстаніе, приняло сторону побѣжденнаго магистрата призвавшаго его на помощь и, вопреки желанію гражданъ, установило порядокъ для перваго благопріятный. Спустя нѣсколько лѣтъ, граждане въ свою очередь, послѣ долгихъ, но безплодныхъ усилій уговорить магистратъ къ добровольнымъ уступкамъ, нашли случай склонить правительство въ свою пользу, и Сигизмундъ III, отмѣнивъ контрактъ 1598 г., въ противность домогательствамъ магистрата, но къ великой радости гражданъ, издалъ въ 1604 г. полнѣйшее въ сравненіи съ предыдущими Городовое Положеніе, по которому текущія дѣла общественнаго управленія поручены были магистрату въ совокупности съ старшинами обѣихъ гильдій, а для рѣшенія дѣлъ чрезвычайныхъ и для введенія податей, положено было созывать полныя гильдейскія собранія; представители гражданъ допущены были къ постоянному и дѣятельному участію въ различныхъ отрасляхъ управленія; учреждена была общая городская касса, въ которую должны были стекаться всѣ городскіе доходы, въ совокупномъ засѣданіи представителей всѣхъ трехъ сословій. Такимъ образомъ правительство признало и узаконило всѣ требованія гражданъ и результаты двухъ послѣднихъ вѣковъ, но этимъ ограничились его попеченія объ устройствѣ города; оно не настояло на приведеніе въ исполненіе изданнаго имъ закона, и этимъ дало возможность магистрату подъ разными предлогами уклоняться отъ возложенныхъ на него обязанностей. Упорство его поддерживало враждебное расположеніе

къ нему гражданъ, которые во все продолженіе польскаго владычества и въ первое пятидесятилѣтіе шведскаго не переставали жаловаться и много разъ обращались къ правительству, изъясняя ему, что одно рѣшительное вмѣшательство съ его стороны могло избавить ихъ отъ произвола высшаго сословія. Наконецъ, въ 1675 г., Карлъ XI поручилъ особой коммиссіи разсмотрѣть ихъ требованія и, убѣдившись въ справедливости ихъ, несмотря на усилія магистрата, употреблявшаго всевозможныя средства для того, чтобы затмить истину, издалъ положеніе о городской кассѣ нынѣ дѣйствующее и, по просьбѣ гражданъ, наученныхъ долголѣтнимъ опытомъ, поручилъ той же самой коммиссіи ввести его въ силу. Положивъ конецъ спору между магистратомъ и обществомъ гражданъ, тянувшемуся не менѣе двухъ вѣковъ, правительство шведское, вскорѣ послѣ этого вынуждено было употребить свое посредничество для прекращенія междоусобныхъ распрей въ средѣ большой гильдіи.

По контракту, изданному Сигизмундомъ III въ 1604 году, значительная часть дѣятельности общихъ собраній купеческаго и ремесленнаго сословій передана была старшинамъ, призваннымъ дѣйствовать за нихъ въ качествѣ ихъ представителей; но въ то же время этимъ старшинамъ предоставлено было право замѣщать отъ себя открывавшіяся между ними ваканціи, безъ всякаго участія со стороны самихъ обществъ. Вслѣдствіе этого старшины большой гильдіи выдѣлились изъ нея и образовали въ ней какъ бы отдѣльныя замкнутыя сословія, подобно тому какъ выдѣлилось въ XIV вѣкѣ магистратское сословіе изъ общества гражданъ. Одинаковыя явленія имѣли одинаковыя послѣдствія, то есть произволъ съ одной стороны, съ другой—подозрительность и негодованіе; наконецъ, когда изданіемъ устава о городской кассѣ положенъ былъ конецъ спору гражданъ съ магистратомъ, члены большой гильдіи потребовали, чтобы старшины предоставили всему обществу право замѣщать открывавшіяся между ними ваканціи и выбирать своего ельтермана по своему усмотрѣнію, а не изъ числа однихъ старшинъ, какъ домогались этого послѣдніе. Долго длились объ этомъ споры, нѣсколько разъ пытался магистратъ положить имъ конецъ, но безъ успѣха,

и объ стороны должны были обратиться съ своими требованіями къ высшему правительству, которое въ 1681 г. рѣшило, чтобы ельтермана выбирали всегда изъ числа старшинъ, и чтобы послѣдніе замѣщали открывавшіяся между ними ваканціи изъ числа кандидатовъ, которыхъ предлагало ему все общество по большинству голосовъ. Въ томъ же году, по поводу многократныхъ доходившихъ до него жалобъ на ремесленное сословіе и въ особенности на мастеровъ, повелѣно руководствоваться изданнымъ для Швеціи ремесленнымъ уставомъ.

Такимъ образомъ опредѣлены были главныя основанія рижскаго муниципальнаго устройства; но оно заключало въ себѣ два существенныхъ недостатка, которые замѣтны были и въ предшествовавшихъ вѣкахъ, но еще ярче обнаружились въ XVIII вѣкѣ, при русскомъ владычествѣ. Это, во-первыхъ, сочетаніе судебной власти съ административной; во-вторыхъ, необезпеченность простыхъ обывателей.

Еще въ XVII вѣкѣ граждане нѣсколько разъ обнаруживали свое задушевное, но по тогдашнимъ понятіямъ почти неосуществимое желаніе ограничить дѣятельность магистрата судебною частью, а все управленіе передать другому присутственному мѣсту, составленному изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій; при учрежденіи касса-коллегіи, это желаніе исполнилось, но не вполнѣ; ибо, хотя ей передано было все хозяйственное управленіе, но другія отрасли администраціи остались въ вѣдомствѣ магистрата и, наконецъ, сама касса-коллегія поставлена была въ зависимости отъ него, хотя и слабой. Отсюда произошли неизбѣжныя между ними столкновенія, ясно обнаружившія неудобство раздвоенія административной власти.

Рижское муниципальное устройство, въ томъ видѣ въ какомъ оно установилось при шведскомъ правительствѣ, было создано совокупными усиліями трехъ сословій, магистрата, большой и малой гильдіи, или городскаго общества въ тѣсномъ смыслѣ, и приспособлено къ ихъ потребностямъ и выгодамъ; но городское общество далеко не вмѣщало въ себѣ всѣхъ городскихъ жителей: внѣ его находился классъ простыхъ обывателей, жившихъ въ предмѣстьяхъ, и которые,

будучи большею частью финскаго происхожденія, по этому самому не могли надѣяться когда либо получить право мѣстнаго гражданства, сопряженное съ непремѣннымъ условіемъ германскаго происхожденія. Безусловно подчиненные городскому начальству, исправлявшіе различныя повинности въ пользу города, они при всемъ томъ лишены были всякихъ правъ въ составѣ общества, всякаго сословнаго устройства и даже средствъ снискивать себѣ пропитаніе, ибо всѣ городскіе промыслы, въ силу привилегій, составляли кормленіе гильдій исключительно. Наконецъ, граждане, признавая самое существованіе обывателей зломъ и дѣйствуя послѣдовательно въ этомъ духѣ, принимали отъ времени до времени чрезвычайныя мѣры для воспрепятствованія ихъ размноженію, а именно разламывали вновь построенные ими дома, даже иногда выжигали форштаты; но этотъ образъ дѣйствія очевидно не могъ быть терпимъ въ XVIII вѣкѣ, особенно, когда классъ обывателей умножился Русскими, поселившимися въ Ригѣ по завоеваніи Остзейскаго края и которымъ Петръ I, при заключеніи аккордныхъ пунктовъ, обѣщалъ вольное производство городскихъ промысловъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II, многія жалобы на дурное управленіе и на препятствія воздвигаемыя городскимъ начальствомъ лицамъ, желавшимъ пріобрѣсти право мѣстнаго гражданства, побудили ее въ 1785 году отмѣнить древнее муниципальное устройство Риги и ввести общее Городовое Положеніе безъ всякихъ изъятій. Судебная власть была отдѣлена отъ административной, всѣ городскія сословія получили участіе въ управленіи, право гражданства было расширено, производство промысловъ было облегчено. Итакъ, этимъ преобразованіемъ были устранены существенные недостатки прежняго устройства и удовлетворены справедливыя требованія многочисленнаго класса городскихъ жителей; но оно не успѣло войти въ жизнь, ибо, спустя 11 лѣтъ, императоръ Павелъ въ 1796 году отмѣнилъ Городовое Положеніе и возстановилъ рижское муниципальное устройство XVII вѣка. Тогда, подобно какъ при всѣхъ предшествовавшихъ нововведеніяхъ, образовались въ городѣ двѣ партіи, изъ коихъ одна, заключавшая въ себѣ купеческое и мѣщанское сословіе,

въ 1802 году ходатайствовала о вторичномъ введеніи общаго Городоваго Положенія; а вторая, состоявшая изъ членовъ магистрата и цеховыхъ мастеровъ, изъявила желаніе сохранить старый, будто-бы, на привилегіяхъ основанный порядокъ, и одержала верхъ. Съ тѣхъ поръ, хотя правительство и не предпринимало коренныхъ преобразованій, но законы, изданные имъ для Риги, въ особенности Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта 30 іюня 1840 года и 19 іюня 1841 года объ отмѣнѣ ограниченія торговыхъ правъ купцовъ живущихъ въ форштатахъ, о допущеніи всѣхъ россійскихъ подданныхъ христіанскаго вѣроисповѣданія въ гильдіи, братства и цехи, объ устраненіи многихъ стѣснительныхъ цеховыхъ постановленій, по цѣли и духу согласовались болѣе съ Городовымъ Положеніемъ, чѣмъ съ древнимъ муниципальнымъ устройствомъ Риги, и постепенно вводили въ него новыя начала.

Изъ всего этого естественно вытекаетъ: 1-ое, что отношенія города къ верховной власти, политическія права его измѣнялись, расширялись и стѣснялись по волѣ представителей этой власти и сообразно съ ихъ понятіями о благѣ общественномъ.

2) Что внутреннее устройство городскаго общества испытало также нѣсколько существенныхъ преобразованій, обусловленныхъ постепеннымъ возникновеніемъ городскихъ сословій и предъявленіемъ съ ихъ стороны требованій на участіе въ городскомъ управленіи и городскихъ промыслахъ.

3) Что всѣмъ этимъ преобразованіямъ предшествовали продолжительныя распри между защитниками старины и неподвижности и представителями новыхъ потребностей; что ни одно изъ нихъ не было добровольно допущено первыми и единодушно принято всѣми городскими сословіями, и, наконецъ, что безъ вмѣшательства правительства, ни одно изъ нихъ не могло бы осуществиться.

Итакъ, свободное, ничѣмъ извнѣ не связанное дѣйствіе правительственной власти въ развитіи политическихъ правъ и муниципальнаго устройства города Риги оправдывается примѣромъ предшествовавшихъ вѣковъ и очевидною исторической необходимостью.

Этотъ выводъ казался бы вполнѣ достаточнымъ для устраненія всѣхъ возраженій и противоположныхъ толковъ; но представители мѣстныхъ и сословныхъ интересовъ города Риги, особенно съ того времени, какъ имъ удалось исходатайствовать отмѣну общаго Городоваго Положенія и возстановленіе стараго на привилегіяхъ основаннаго порядка, старались, и не безъ успѣха, увѣрить, что привилегіи переходили въ неприкосновенности отъ епископовъ и гермейстеровъ до королей польскихъ, шведскихъ и императоровъ россійскихъ, что нынѣ существующій порядокъ на нихъ основанъ и что городское устройство развивалось самостоятельно, безъ содѣйствія верховной власти; вообще они затемняли и устраняли ясное свидѣтельство старины, стараясь обратить историческій вопросъ въ юридическій. По этому, дабы не оставить и этой стороны вопроса не изслѣдованною, должно рѣшить: имѣло-ли и въ нынѣшнее время имѣетъ ли правительство право дѣйствовать такъ, какъ оно всегда дѣйствовало.

Это право вытекаетъ во-первыхъ изъ юридическаго значенія городскихъ привилегій; во-вторыхъ, изъ неоднократно выраженныхъ признаній самого городскаго общества; въ третьихъ изъ существа верховной государственной власти.

1) Древнѣйшія права и привилегіи Риги получены ею отъ основателя ея епископа Альберта. По самому существу ихъ они принадлежали ему какъ господину всего края; даровавъ ихъ городу, онъ заключилъ не договоръ, но актъ свободной милости. Таково точно было значеніе послѣдующихъ привилегій; всѣ онѣ исходили отъ представителей верховной власти или ея намѣстниковъ и болѣе ни откуда исходить не могли. Итакъ, это были права государственною властью данныя, заимствовавшія свою силу отъ ея соизволенія, и потому обязательныя для всѣхъ лицъ ей подчиненныхъ, но не для государственной власти. Съ поступленіемъ Риги подъ владычество Польши, а за тѣмъ Швеціи, значеніе городскихъ привилегій нисколько не измѣнилось. Стефанъ-Баторій грамотою 1582 г. утвердилъ ихъ поколику онѣ были сообразны съ господствовавшими юридическими понятіями и съ государственною пользою; съ тою же оговоркою подтвердилъ ихъ Густавъ-

Адольфъ въ грамотѣ 1621 года; итакъ тотъ и другой, а за ними и всѣ ихъ наслѣдники признали за собою право видоизмѣнять и отмѣнять ихъ. Наконецъ, въ ст. 2 аккордныхъ пунктовъ, заключенныхъ въ 1710 г. фельдмаршаломъ Шереметевымъ и за тѣмъ утвержденныхъ Петромъ Великимъ, сказано: „городу сохранить принадлежащія ему земли, доходы, преимущества, привилегіи, судебную расправу, обычаи, вольности, на водѣ и на сухомъ пути, какъ оные издревле отъ магистровъ, епископовъ, королей польскихъ и шведскихъ переходили какъ вообще, такъ и въ частности“; слѣдовательно они перешли къ русскому правительству, сохраняя прежнее ихъ свойство привилегій дарованныхъ верховною властью, и правительство, признавая и узаконяя въ нихъ акты предшествовавшихъ властей, вступало во всѣ ихъ права, въ томъ числѣ въ право сообразно съ юридическими началами имъ признаваемыми и съ государственною пользою измѣнять и отмѣнять привилегіи.

2) Выше было показано, что всѣ преобразованія, осуществленныя правительствами въ городскомъ устройствѣ, имѣли поводомъ жалобы гражданъ на ихъ согражданъ и ходатайства одной партіи о принужденіи другой къ уступкамъ. Призваніе правительства, какъ заступника, посредника и вершителя споровъ, равносильно признанію его на то права. Отречься отъ него значило бы со стороны правительства узаконить вражду и междоусобія; а ограничиться утвержденіемъ всѣми и съ общаго согласія принятыхъ началъ значило бы воздержаться отъ произнесенія приговора по тяжебному дѣлу дотолѣ, пока тяжущіяся стороны не войдутъ въ полюбовную сдѣлку.

3) Наконецъ, первое условіе существованія государственнаго союза есть подчиненіе всѣхъ правъ и интересовъ частныхъ—какъ мѣстныхъ, такъ и сословныхъ—пользамъ общественнымъ, и право верховной власти, въ какой бы впрочемъ формѣ она ни проявлялась, рѣшать безъ апелляціи всѣ вопросы до послѣднихъ относящіеся и приводить рѣшенія свои въ исполненіе. Съ уступкою или съ раздѣломъ этого права было бы неминуемо сопряжено уничтоженіе или раздвоеніе государства.

Итакъ, съ какой бы стороны ни разсматривался вопросъ, съ точки зрѣнія исторической или юридической, право высшаго правительства осуществить въ рижскомъ муниципальномъ устройствѣ преобразованіе, признанное первымъ за полезное, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Объ упраздненіи сословнаго значенія рижскаго магистрата и о преобразованіи настоящаго состава рижскаго городскаго общества.

I.

Значеніе рижскаго магистрата видоизмѣнялось нѣсколько разъ, всегда сообразно съ историческимъ развитіемъ отношеній города къ верховной власти и взаимныхъ отношеній городскихъ сословій между собою.

Въ XIII вѣкѣ, когда городъ находился въ тѣсной зависимости отъ епископовъ и архіепископовъ ливонскихъ, магистратъ не составлялъ еще сословія, а только коллегіальное присутственное мѣсто, коего члены исправляли свои должности не долѣе года [1]).

Въ XIV и XV вѣкѣ, при благопріятныхъ для города распряхъ между духовенствомъ и ливонскимъ орденомъ, кругъ дѣятельности магистрата значительно расширился, а съ тѣмъ вмѣстѣ возросло его могущество. Чѣмъ слабѣе и ненадежнѣе становилось господство архіепископовъ и магистровъ надъ городомъ, чѣмъ успѣшнѣе онъ стремился къ политической независимости, тѣмъ ощутительнѣе становилась въ самой рижской общинѣ потребность верховной власти, самостоятельной и сильно организованной. Эту власть, ускользавшую изъ

1) Это видно изъ статьи о выборѣ ратсгеровъ одного изъ древнѣйшихъ списковъ рижскихъ статутовъ. Schwartz, Versuche in der Livländischen Geschichtskunde etc. — и изъ другаго списка изданнаго Пуффендорфомъ Bunge, Archiv etc. IV, ст. XIII.

рукъ духовныхъ и свѣтскихъ владыкъ Ливоніи, захватилъ магистратъ и сосредоточилъ въ себѣ. Привыкнувъ издавна, въ отношеніи къ земскимъ чинамъ, играть роль представителя всей городской общины, онъ сдѣлался въ ней самой полновластнымъ господиномъ. Пожизненное отправленіе должностей, вмѣсто ежегоднаго возобновленія выборовъ, вошло въ обычай вѣроятно также въ XIV вѣкѣ [1]) (ибо источники умалчиваютъ о времени этого важнаго преобразованія), которымъ вполнѣ опредѣлился характеръ магистрата, какъ сословія властвующаго безъ раздѣла и безъ отвѣтственности передъ подчиненными гражданами.

Но съ подчиненіемъ Риги верховному владычеству Польши, а за тѣмъ Швеціи, значеніе магистрата должно было измѣниться. Съ одной стороны, политическая дѣятельность его, не совмѣстная съ государственною властью, упразднилась; съ другой, низшія городскія сословія, большая и малая гильдіи вступили съ нимъ въ борьбу, начавшуюся еще въ концѣ XV вѣка и длившуюся во все продолженіе XVI и XVII. Эта борьба была не что иное какъ протестація противъ сословнаго значенія магистрата и смыслъ ея можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: городское имущество есть собственность не магистратскаго сословія, а всѣхъ городскихъ сословій; дѣла, касающіяся до интересовъ цѣлаго города (какъ напримѣръ, сношенія съ верховною властью, составленіе новыхъ законовъ, замѣщеніе должностей, сборъ и употребленіе городскихъ доходовъ) не должны быть въ рукахъ одного магистрата, ибо общественный интересъ черезъ это подчиняется сословному, но въ завѣдываніи уполномоченныхъ отъ всѣхъ сословій. Такимъ образомъ постепенно ограничивалось полновластіе магистрата: соглашеніемъ 1500 года, положеніемъ 1604 и наконецъ учрежденіемъ Касса-Коллегіи въ 1675 году. Онъ удержалъ въ исключительномъ завѣдываніи своемъ одно судопроизводство, а въ управленіи сталъ участвовать какъ

---

1) Къ этому предположенію приводятъ два обстоятельства: 1) въ Елерховомъ спискѣ городскихъ статутовъ конца XIII вѣка въ статьѣ о выборахъ въ ратгеры, уже не сказано, чтобы эти выборы возобновлялись ежегодно; 2) въ источникахъ XIV вѣка часто встрѣчаются за цѣлый рядъ годовъ одни и тѣже лица въ должности ратгеровъ.

одно изъ городскихъ сословій, совокупно съ представителями обѣихъ гильдій, сохраняя впрочемъ надъ ними первенство.

Въ настоящее время магистратъ, какъ сословіе, совѣщается съ большою и малою гильдіею въ дѣлахъ, касающихся всего городскаго общества [1]). Въ случаѣ несогласія въ заключеніяхъ гильдій, окончательнымъ признается заключеніе той гильдіи, съ которою согласился магистратъ [2]).

Если магистратъ не согласится ни съ большою, ни съ малою гильдіею, то какъ магистратъ изъ среды своей, такъ и каждая гильдія избираютъ для совокупнаго совѣщанія по шести членовъ. Постановленіе, большинствомъ голосовъ сихъ восемнадцати членовъ принятое, почитается окончательнымъ [3]).

Наконецъ, во всѣхъ городскихъ управленіяхъ засѣдаютъ выборные отъ магистрата, и одинъ изъ нихъ исправляетъ должность предсѣдателя [4]).

Разсматривая эти права въ связи съ общимъ устройствомъ рижскаго городскаго общества, нельзя не убѣдиться, что это не болѣе какъ остатки прежняго полновластія, обломки давно сокрушившагося зданія, уцѣлѣвшіе случайно, вмѣстѣ съ присягою, которой до сихъ поръ требуетъ магистратъ отъ всѣхъ вступающихъ въ общество гражданъ. Но эти права находятся въ прямомъ противорѣчіи съ началомъ сословнаго представительства, лежащимъ въ основаніи нынѣшняго устройства рижской общины и ничѣмъ разумно оправданы быть не могутъ.

Самостоятельное существованіе отдѣльнаго сословія предполагаетъ непремѣнно одно изъ двухъ: особенныя преимущества, переходящія по наслѣдству отъ отца къ сыну, какъ, напр., въ дворянствѣ, или извѣстный промыселъ, по праву присвоенный нѣкоторымъ лицамъ, а не всѣмъ, какъ, напр., въ купечествѣ. Въ рижскомъ городскомъ обществѣ не существуетъ наслѣдственныхъ преимуществъ; а въ отношеніи къ промысламъ, всѣ члены магистрата принадлежатъ къ купечеству, составляющему отдѣльное сословіе подъ названіемъ

---

[1]) Ов. Мѣстн. Узак. I, ст. 458, п. 1.

[2]) Тамъ же. II, ст. 1.203.

[3]) Тамъ же. II, ст. 1.205.

[4]) Тамъ же. I, ст. 604, 609, 618 и т. д.

большой гильдіи, или къ званію литератовъ, нынѣ причисленныхъ къ той же гильдіи, но изъ которыхъ въ проектѣ новаго законоположенія, составленномъ коммисіею, предполагается образовать отдѣльное сословіе. Итакъ, ни того, ни другаго условія нельзя предъявить для оправданія сословной самостоятельности магистрата. Единственная принадлежность его членовъ, отличающая ихъ отъ гражданъ большой гильдіи, заключается въ отправленіи высшихъ должностей судебныхъ и административныхъ; но находить въ этомъ достаточный поводъ къ утвержденію ихъ сословныхъ притязаній было бы такъ же противно всѣмъ административнымъ началамъ, какъ допустить въ прочихъ городахъ имперіи членовъ палатъ, городскихъ думъ и магистратовъ къ выборамъ и совѣщаніямъ, въ качествѣ самостоятельныхъ обществъ.

Къ этимъ соображеніямъ, вытекающимъ изъ сущности дѣла, присоединяется свидѣтельство вѣковаго опыта, доказавшаго, что при нынѣшнемъ устройствѣ магистрата, судебноадминистративная дѣятельность его естественно обращалась въ служеніе сословнымъ его интересамъ, часто противоположнымъ общественной пользѣ; что сословная связь между членами различныхъ судовъ и управленій служила надежнымъ покровомъ для всякаго рода злоупотребленій, препятствіемъ къ ихъ обнаруженію, защитою противъ взысканій, наконецъ, что подъ предлогомъ поддержанія приличнаго высшему сословію достоинства, допускались разорительныя для городской казны издержки на прибавку жалованья, на прислугу, конюшню и тому подобное.

Итакъ, нельзя не признать, по крайней мѣрѣ, того, что при составленіи предположеній о преобразованіи рижской городской общины, долженъ быть непремѣнно возбужденъ вопросъ: перевѣшиваютъ ли какія нибудь выгоды доказанный и ощутительный вредъ, происходящій отъ сословнаго устройства магистрата.

II.

Составъ городскаго общества опредѣлился въ началѣ XVI вѣка; въ то время дѣленіе на три сословія: магистратъ, большую гильдію и малую, исчерпывало почти всю совокупность

городскихъ жителей. Исключены были обыватели, жившіе въ предмѣстьяхъ, но, во первыхъ, число ихъ было незначительно, и граждане принимали мѣры противъ ихъ размноженія, запрещая имъ обстраиваться и по временамъ разламывая новыя строенія, появлявшіяся за городскими стѣнами; во-вторыхъ, составляя классъ только что терпимый изъ милости, но ничѣмъ не обезпеченный, лишенный всякихъ правъ даже личныхъ, не только сословныхъ, устраненный отъ участія въ городскихъ промыслахъ и относившійся къ обществу гражданъ точно такъ, какъ крѣпостные къ своему господину, обыватели не могли имѣть никакого значенія въ городскомъ обществѣ. Все это было противно началамъ справедливости, отзывалось средневѣковою исключительностью, но, по крайней мѣрѣ было вполнѣ согласно съ понятіями господствовавшими въ XVI и XVII вѣкахъ и отъ которыхъ даже въ XVIII вѣкѣ не отсталъ магистратъ, оффиціально объявившій въ 1739 году въ объясненіи, поданномъ имъ на жалобу обывателей, „что со времени основанія города Риги имѣлись въ виду двѣ цѣли: преуспѣяніе гражданъ и стѣсненіе обывателей не нѣмцевъ (Undeutschen, т. е. Латышей) и иностранцевъ“. [1]) Несмотря однакоже на противодѣйствіе магистрата, число обывателей значительно увеличилось въ эпоху русскаго владычества, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ правительствомъ для успленія городскаго населенія во всей имперіи, а со введеніемъ Городоваго Положенія, самое отношеніе обывателей къ обществу гражданъ измѣнилось. Правительство, обложивъ ихъ двумя повинностями, подушною и рекрутскою, тѣмъ самымъ даровало имъ правомѣрное сословное существованіе, ибо съ обязанностью исправлять государственныя повинности сопряжены были всѣ права личныя и сословныя,

---

1) Этотъ документъ находится въ концѣ рукописи, содержащей въ себѣ протоколы большой гильдіи и хранящейся въ ея архивѣ. Въ другомъ актѣ, въ отвѣтъ на жалобу обывателей, которымъ городское начальство запретило заниматься кружечною продажею, магистратъ писалъ, что «обыватели осмѣлились равнять себя съ гражданами и потому уже заслужили наказаніе». Изъ всей этой переписки видно, что обывателямъ запрещено было заниматься торговлею какою-бы то ни было, ремеслами, вообще городскими промыслами и пріобрѣтать недвижимую собственность въ чертѣ городскихъ владѣній.

присвоенныя въ Городовомъ Положеніи мѣщанамъ и ремесленникамъ. Они дѣйствительно пользовались ими въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, но, по возстановленіи древняго муниципальнаго учрежденія, эти вновь пріобрѣтенныя ими права были у нихъ отняты, а вновь наложенныя на нихъ тягости были оставлены. Столь очевидная въ отношеніи къ нимъ несправедливость отнюдь не была въ намѣреніи верховной законодательной власти и произошла отъ превратнаго исполненія указа 28 ноября 1796 года (№ 17584), коимъ повелѣно было: „магистратамъ по городамъ остаться на прежнемъ и правамъ ихъ сообразномъ основаніи, а губернскимъ магистратамъ, такожъ верхнимъ и нижнимъ расправамъ не быть", но ни слова не упомянуто о возвращеніи обывателей въ прежнее ихъ жалкое положеніе.

Въ настоящее время, рижскіе мѣщане и ремесленники въ малую гильдію непринятые платятъ подушную подать, исправляютъ рекрутскую повинность, частью натурою, частью денежнымъ платежемъ, отвѣчаютъ круговою порукою за взносъ причитающихся съ нихъ суммъ, но въ раскладкѣ ихъ не принимаютъ никакого участія и лишены права выбирать добросовѣстныхъ для отдачи въ рекруты порочныхъ членовъ своего общества; они пользуются сословными правами по части производства промысловъ, но не имѣютъ ни сословныхъ собраній, ни представителей для охраненія интересовъ и пользъ общественныхъ; они вносятъ въ городскую казну, кромѣ косвенныхъ налоговъ, грунтовую пошлину съ недвижимаго имущества и налогъ съ промысловъ на содержаніе полиціи, но чужды всякаго участія, прямаго и косвеннаго, въ городскомъ управленіи.

Итакъ, цѣлый многочисленный классъ, при настоящемъ устройствѣ городскаго общества, лишенъ самыхъ существенныхъ правъ, естественно вытекающихъ изъ обязанностей и тягостей на немъ лежащихъ, и несправедливо было бы отказывать ему въ удовлетвореніи подъ тѣмъ предлогомъ, что это устройство естественно образовалось и почиталось превосходнымъ за нѣсколько вѣковъ и въ такую эпоху, когда классъ нынѣ отъ него страждущій вовсе не существовалъ.

Независимо отъ этого, дѣленіе общества гражданъ на три

сословія не соотвѣтствуетъ даже дѣйствительному составу самого этого общества въ настоящее время.

Вслѣдствіе усиленія заграничной торговли и размноженія иногородныхъ купцовъ и иностранныхъ гостей, которыхъ въ XVII вѣкѣ въ Ригѣ не терпѣли, образовался подъ названіемъ биржеваго общества особый классъ, получившій чрезъ учрежденіе въ 1818 году биржеваго комитета постоянное сословное представительство, и съ тѣхъ поръ, болѣе и болѣе выдѣлявшійся изъ общаго состава купеческаго сословія или большой гильдіи. Нельзя не признать въ этомъ явленіи, основанномъ на различіи оптовой и заграничной торговли отъ мелочной и мѣстной, естественной потребности лицъ, занимающихся однимъ промысломъ, сблизиться между собою и общими силами поддерживать свои интересы. Таково происхожденіе всѣхъ сословій. Въ настоящее время, биржевое общество имѣетъ свои срочныя собранія, свое самостоятельное управленіе, располагаетъ значительными денежными средствами, происходящими отъ налоговъ на торговлю, и никому не отдаетъ въ нихъ отчета, входитъ съ представленіями и ходатайствами къ высшему правительству по дѣламъ торговли, мимо большой гильдіи, пользуется огромнымъ вѣсомъ въ дѣлахъ городскаго управленія, однимъ словомъ дѣйствуетъ на правахъ самостоятельнаго сословія, но сословія не признаннаго за таковое и которому не опредѣлено мѣста въ нынѣшнемъ составѣ городскаго общества.

Подобное явленіе представляетъ классъ такъ называемыхъ литератовъ или екземптовъ, т. е. лицъ не платящихъ подушной подати, какъ то: ученыхъ, художниковъ, адвокатовъ. Этотъ классъ образовался позднѣе трехъ древнѣйшихъ сословій и былъ причисленъ къ большой гильдіи, состоявшей первоначально изъ однихъ купцевъ. Но это произвольное сочетаніе двухъ разнородныхъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ званій, не осуществилось на дѣлѣ. Литераты не состоятъ въ гильдіи и потому не посѣщаютъ ея собраній, не принимаютъ участія въ дѣлахъ купеческаго сословія и даже питаютъ къ нему пренебреженіе. Они остаются въ сторонѣ и какъ бы внѣ общества гражданъ.

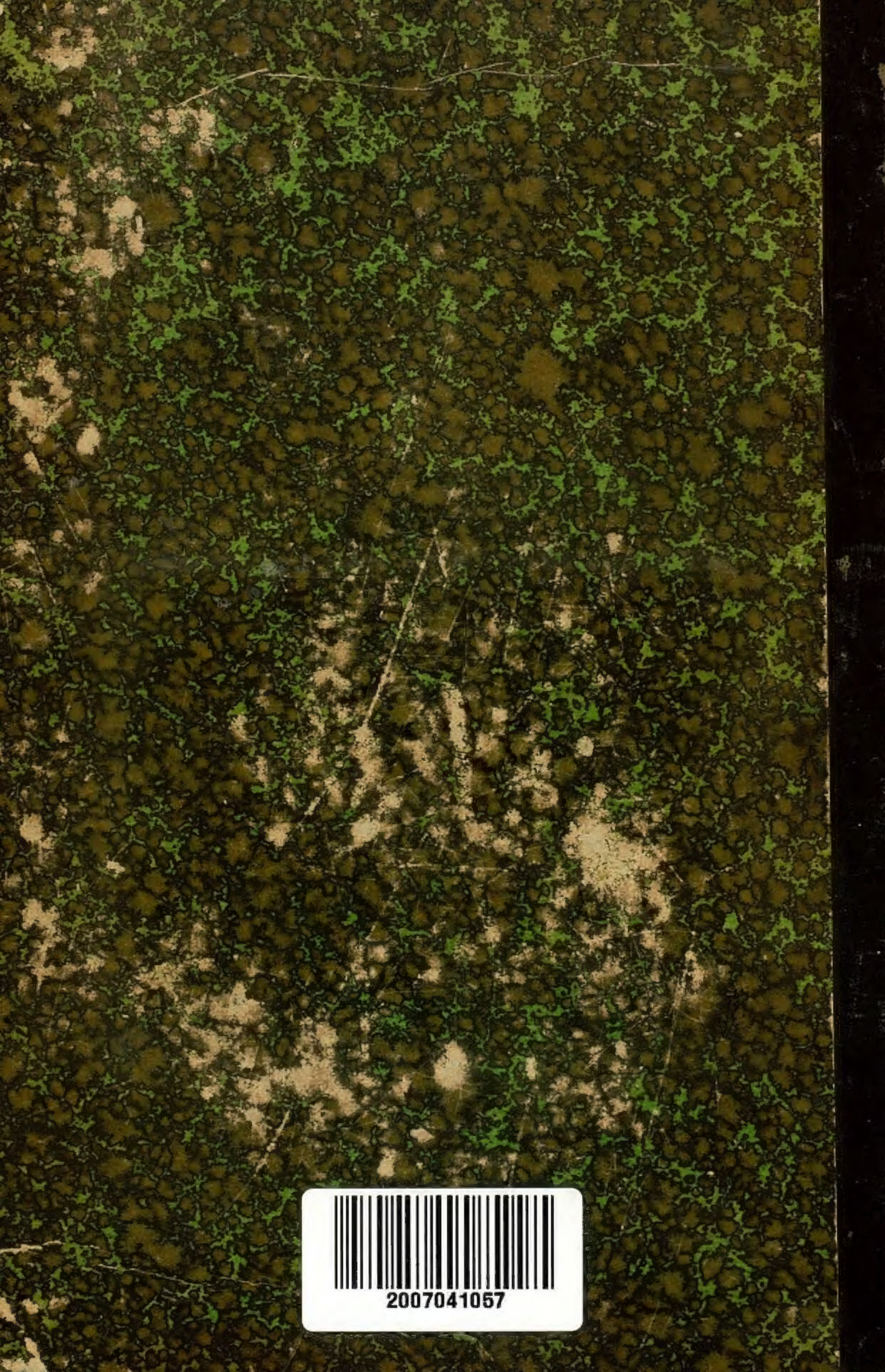
Изъ всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ явствуетъ, что

современное дѣленіе городскаго общества по сословіямъ не только не удовлетворяетъ потребностямъ всѣхъ городскихъ жителей, но даже не выражаетъ существующаго на самомъ дѣлѣ порядка. Причина этого очевидна: городское общество въ продолженіи двухъ послѣднихъ вѣковъ развивалось, умножалось и подраздѣлялось, а городское сословное учрежденіе съ 1604 года оставалось неподвижнымъ.

И потому, допустивъ современную необходимость преобразованія, нельзя миновать вопросовъ объ упраздненіи сословнаго значенія магистрата, объ улучшеніи положенія обывателей, о новомъ распредѣленіи гражданъ по сословіямъ и наоборотъ: признаніе существующаго порядка въ этихъ трехъ отношеніяхъ неприкосновеннымъ равносильно отрицанію всякаго существеннаго преобразованія.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
CXXIII	3 снизу	свойсттомъ	свойствомъ
7	15	первобрибывшихъ	первоприбывшихъ
11	8	Эстляндіи	Эстляндія
16	6	puclica	publica
16	28	вос—поленія	вос—полненія
26	3	предиратыя	придираться
41	2	1880	1800
41	5	Лифляндіи.	Лифляндіи).
51	4	хадатайствовало	ходатайствовало
93	26	Душы	Думы
126	19	безуловнаго	безусловнаго
152	24	училеля	учителя
171	16	получили	получали
171	3 снизу	nt. т. VI	ant. т. IV
179	16	omnimadam	omnimodam
191	1 снизу	произ—волью	произ—вольно
192	21	орынскаго	орденскаго
197	12	Пленттенбергъ	Плеттенбергъ
200	8	простанной	пространной
214	6 снизу	обыаи	обычаи
240	19	аугсбурскаго	аугсбургскаго
265	14	провосудіе	правосудіе
267	7 снизу	Это	«Это
272	5 снизу	«муниципальнаго учрежденія»	«муниципальныхъ учрежденій»
273	6 снизу	Bauersprachen	Bursprachen
296	24	назади	назадъ
309	11	7. Таковы	Таковы
345	4	тянулись	тянули
353	5	по	но
354	сбоку	магистрата	магистра
386	сбоку	Се—веринскаго	Се—вериновскаго
419	3	разъѣдинены	разъединены
444	30	утвержденіе	утвержденія
528	сбоку	съ 1818	въ 1818
557	36	минифеста	манифеста
580	18	бозпорядковъ	безпорядковъ
597	26	устверженія	утвержденія


20070410 57